ISSN 2713-2021
Научный журнал

Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья

Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region

2026
№ 22

Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья

№ 22

Нес-Циона
2026

Редакция

М.М. Чореф — кандидат исторических наук, Издательство «Киммерия», главный редактор, учредитель журнала
А. Онгарулы — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана, главный редактор
М.М. Казанский — Dr. habil. (History), Director of research work in the CNRS (UMR 8167 “The East and the Mediterranean Sea”), заместитель главного редактора
В.М. Лурье — доктор философских наук, Институт философии и права СО РАН, заместитель главного редактора
Д. Браунд — Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
А.И. Груша — доктор исторических наук, НАН Беларуси
М.Ю. Трейстер — Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь, Бонн, Германия
А.А. Тюрк — Dr. habil. (History), Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University
С.А. Яценко — доктор исторических наук, профессор, РГГУ, МосГУ, Member of European Association of Archaeologists
Н.П. Тельнов — кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
К.С. Чореф — Издательство «Киммерия», ответственный секретарь.

Редакционный совет

А.И. Иванчик — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН, научный руководитель Отдела изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, руководитель Центра античной и восточной археологии Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres), Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, Institut Ausonius, Bordeaux, председатель постоянного редакционного совета
Ш. Альбрехт — Dr. habil. (History), Leibniz-Zentrum für Archäologie
Г.Г. Атанасов — доктор исторических наук, профессор, Региональный исторический музей —Силистра
Ю.А. Виноградов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН
П.Б. Голден — Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
В.А. Дергачев — Dr. habil. (History), Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы
В.А. Дмитриев — доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории, Российский этнографический музей
Л. Йованович — Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
Ф. де Каллатай — Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, professor at the Université libre de Bruxelles, directeur d'études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
С.Ю. Монахов — доктор исторических наук, профессор, СГУ им Н.Г. Чернышевского
И.С. Прокопов — доктор исторических наук, профессор, Юго-западный университет «Неофит Рильский», председатель Ассоциации музейных экспертов
С.Б. Сорочан — доктор исторических наук, профессор, ХНУ им. В.Н. Каразина
Р.А. Рабинович — доктор истории, Университет «Высшая антропологическая школа»
С.С. Филипова — доктор археологии, Региональный исторический музей «Академик Йордан Иванов»
Г.А. Базарбаева — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Г.С. Джумабекова — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана
П.Н. Петров — кандидат исторических наук, профессор РАЕ, Центральный государственный музей Республики Казахстан
Л. Пуббличи — PhD (History), Professor, Università degli Studi di Firenze
К. Ерк — PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
Д.Я. Ильясов — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Институт искусствознания АН РУз
М.А. Заразир — PhD (Archaeology), Sohag University
Э. Минева — PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
М.И. Носоновский — PhD, University of Wisconsin-Milwaukee

Адрес: ул. А-Авода, д. 3, г. Нес-Циона, Израиль 7403128
Тел./факс: +972 (53) 545-22-58, **E-mail:** maiaskjournal2008@gmail.com, **Site:** maiask.ru

ISSN 2713-2021

© Издательство «Киммерия»

Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region

No. 22

Ness Ziona
2026

Editorials Board

M.M. Choref — PhD (History), Cimmeria Publishing, Editor-in-Chief, Founder
Akhan Onggaruly — PhD (History), Associate Professor, Director General of the Margulan Institute of Archaeology, Editor-in-Chief
Michel Kazanski — Dr. habil. (History), Director of Research Work in the CNRS (UMR 8167 "The East and the Mediterranean Sea"), Deputy Chief Editor
Basil Lourié — Dr. habil. (Philology), Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chief Editor
David Braund — Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
A.I. Grusha — Dr. habil. (History), National Academy of Sciences of Belarus
Mikhail Treister — Dr. phil. habil. (RUS), Independent Researcher, Bonn, Germany
Attila Antal Türk — Dr. habil. (History), Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University
S.A. Yatsenko — Dr. habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow University for the Humanities, Member of European Association of Archaeologists
N.P. Telnov — PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University
K.S. Choref — Cimmeria Publishing, Responsible Secretary

Editorial Advisory Board

A.I. Ivantchik — Dr. habil. (History), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for Comparative Studies of Ancient Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, Chairman of the Editorial Advisory Board
Stefan Albrecht — Dr. habil. (History), Leibniz-Zentrum für Archäologie
G.G. Atanasov — Dr. habil. (History), Professor, Regional Museum of History — Silistra
Yu.A. Vinogradov — Dr. habil. (History), Leading researcher of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
Peter Benjamin Golden — Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
V.A. Dmitriev — Dr. habil. (History), Principal researcher, The Russian Museum of Ethnography
V.A. Dergaciov — Dr. habil. (History), Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova
Ljubica Jovanovic — Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
François de Callataÿ — Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, Professor at the Université libre de Bruxelles, Directeur d'études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
S.Yu. Monakhov — Dr. habil. (History), Professor, Saratov Chernyshevsky State University
I.S. Prokopov — Dr. habil. (History), Professor, South-West University, Chairman of the Association of Museum Experts
S.B. Sorochan — Dr. habil. (History), Professor, Kharazin Kharkiv National University
S.S. Filipova — Doctor of Archaeology, Regional Historical Museum "Academician Yordan Ivanov", Kyustendil
G. Bazarbayeva — PhD (History), Chief Research Fellow, Margulan Institute of Archaeology
G. Jumabekova — PhD (History), Chief Research Fellow, Margulan Institute of Archaeology
R.A. Rabinovich — Doctor of History, High Anthropological School University
P.N. Petrov — PhD (History), Professor of Russian Academy of Natural Sciences, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan
Lorenzo Pubblici — PhD (History), Professor, Università degli Studi di Firenze
Kutluay Erk — PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
J.Ya. Ilyasov — PhD (Cultural Studies), Leading researcher, Institute of Art Studies of Academy of Sciences of Republic Uzbekistan
Mahmoud Ahmad Zarazir — PhD (Archaeology), Sohag University
Evelina Mineva — PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
Michael Nosonovsky — PhD, University of Wisconsin-Milwaukee

Address: 3 Ha-Avoda St., Ness Ziona, Israel 7403128
Tel./fax: +972 (53) 545-22-58, **E-mail:** maiaskjournal2008@gmail.com, **Site:** maiask.ru

ISSN 2713-2021

© Cimmeria Publishing

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

N.I. Shishlina (*Moscow, Russia*), M.I. Kondrashkina (*Moscow, Russia*), E.P. Zazovskaya (*Athens, USA*), O.V. Kuznetsova (*Moscow, Russia*). Old museum collections and stories they can tell — new AMS-data and stable isotopes ($\delta^{13}C$ and $\delta^{15}N$) of *Triticum aestivum* from the Trypillia sites 11

С.Б. Вальчак (*Москва, Россия*), С.А. Фидельский (*Тирасполь, Молдова*), С.Н. Разумов (*Тирасполь, Молдова*), П.А. Косинцев (*Екатеринбург, Россия*), В.С. Синика (*Тирасполь, Молдова*). Новые погребения предскифского времени на левобережье Днестра. Ч. 3 30

Е.В. Кузнецова (*Саратов, Россия*), С.Ю. Монахов (*Саратов, Россия*). Опыт подготовки определителя профильных частей греческих амфор на примере керамической тары Хиоса 73

Е.А. Купцов (*Оренбург, Россия*), Л.В. Купцова (*Челябинск, Россия*), К.Г. Маргарян (*Челябинск, Россия*), А.М. Юминов (*Миасс, Россия*). Каменные столики-алтарики Самородовского курганного могильника 108

М.Ю. Трейстер (*Бонн, Германия*). Золотые серьги IV в. до н.э. в форме крючков с напаянной на лицевой стороне розеттой и припаянными или подвешенными фигурными декоративными элементами 136

Д.А. Кириченко (*Баку, Азербайджан*), А.С. Абдуллаев (*Баку, Азербайджан*), А.К. Кесеменли (*Ханкенди, Азербайджан*). О травме черепа в эпоху Раннего Эллинизма (Азербайджанская Республика) 168

С.Н. Разумов (*Тирасполь, Молдова*), О.А. Закордонец (*Тирасполь, Молдова*), Д.Ф. Паткевич (*Тирасполь, Молдова*), Н.П. Тельнов (*Тирасполь, Молдова*), П.А. Косинцев (*Екатеринбург, Россия*), А.В. Кочнев (*Екатеринбург, Россия*), Д.О. Гимранов (*Екатеринбург, Россия*), В.С. Синика (*Тирасполь, Молдова*). Новый скифский могильник III—II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. Ч. IV (Курган 7) 185

М.Ю. Трейстер (*Бонн, Германия*), А.М. Сеитов (*Алматы, Казахстан*). Пара позднеэллинистических фаларов из Степного Приишимья (Северный Казахстан) 210

Е.Е. Антонов (*Москва, Россия*). Египетский царский фут в планировке позднескифского поселения Чайка 233

С.А. Яценко (*Москва, Россия*). Образы и элементы иконографии греческих божеств у сарматов Северного Причерноморья II—I вв. до н.э. 247

Elif İlcan (*Erzurum, Turkey*). The cult of Aphrodite in the Black Sea Region: the Case of Aphrodite Figurines from the Samsun Archaeology and Ethnography Museum ... 274

В.В. Вахонеев (*Санкт-Петербург, Россия*). Гробница Аннион римского времени из некрополя Херсонеса Таврического 293

Р.Т. Дарменов (*Астана, Казахстан*), Б.М. Хасенова (*Астана, Казахстан*). Тумары в системе мусульманских магических практик 338

Tolga Köroğlu (*Ankara, Turkey*), Burak Atik (*Sivas, Turkey*), Fadime Suata (*Beyazıt, Turkey*), Frank Rühli (*Zürich, Switzerland*), Sercan Acar (*Beyazıt, Turkey*), Onur Alpaslan (*Batumi, Georgia*), Gülfirde Akgül (*Zürich, Switzerland*), Ayşe Yeşim Demir (*Beyazıt, Turkey*). Diagnostic Uncertainty in Palaeopathology: An Epistemological Analysis of the Zeytinli Ada Cranial Lesions 353

Ю.А. Прокопенко (*Ставрополь, Россия*), И.М. Харитонов (*Ставрополь, Россия*). О повседневной культуре жителей крепостей и редутов Азово-Моздокской линии (по материалам археологических исследований) 373

ИСТОРИЯ

Л.Ф. Абзалов (*Казань, Россия*), М.С. Гатин (*Казань, Россия*), И.А. Мустакимов (*Астана, Казахстан*), Р.Ю. Почекаев (*Санкт-Петербург, Россия*). Церемониймейстер, счетовод или тайный агент? Институт мушрифа и его эволюция в странах Ближнего и Среднего Востока 395

НУМИЗМАТИКА

Sadık Tuğrul (*Samsun, Turkey*), Vedat Keleş (*Samsun, Turkey*). Beyond Charon's Obol: Coin and Coin-Like Depositions in Funerary Assemblages at Parion from the Classical to the Roman Period 409

Cihangir Aldemir (*Konya, Turkey*), Kasım Oyarçin (*Samsun, Turkey*). The coins of Central Building A at Anemurium 440

М.М. Чореф (*Нес-Циона, Израиль*). К вопросу об атрибуции эмиссионных обозначений на драхмах Рескупорида II с изображениями царя на коне и Афродиты на троне на реверсе 473

ЭПИГРАФИКА

Н.Б. Чурекова (*Саратов, Россия*). Метки на амфорах: типы, проблемы интерпретации и перспективы исследования 489

Т.И. Брага (*София, Болгария*). К истории позднесредневековой болгарской книжности в Причерноморском регионе: новые палеографические наблюдения над рукописью XVIII в. из Одесского собрания В.И. Григоровича 508

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

М.М. Чореф (*Нес-Циона, Израиль*). К вопросу об атрибуции бюста правителя из Μουσείο Ακρόπολης 535

Список сокращений 553

Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья» 556

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

N.I. Shishlina (*Moscow, Russia*), M.I. Kondrashkina (*Moscow, Russia*), E.P. Zazovskaya (*Athens, USA*), O.V. Kuznetsova (*Moscow, Russia*). Old museum collections and stories they can tell — new AMS-data and stable isotopes ($\delta^{13}C$ and $\delta^{15}N$) of *Triticum aestivum* from the Trypillia sites 11

S.B. Valchak (*Moscow, Russia*), S.A. Fidelski (*Tiraspol, Moldova*), S.N. Razumov (*Tiraspol, Moldova*), P.A. Kosintsev (*Ekaterinburg, Russia*), V.S. Sinika (*Tiraspol, Moldova*). New graves of the Pre-Scythian time on the left bank of the Dniester. Pt. 3 30

Elena Kuznetsova (*Saratov, Russia*), Sergey Monakhov (*Saratov, Russia*). Toward a Guide to the Profile Parts of Greek Amphorae: the Case Study of Chian Ceramic Containers 73

Evgeniy Kuptsov (*Orenburg, Russia*), Lidiya Kuptsova (*Chelyabinsk, Russia*), Kseniia Margarian (*Chelyabinsk, Russia*), Anatoliy Yuminov (*Miass, Russia*). Stone altars tables (vessels) of the Samorodovsky burial ground 108

Mikhail Treister (*Bonn, Germany*). Gold earrings of the 4th Century BCE in the form of hooks with a rosette soldered on the front side and soldered or suspended figural decorative elements 136

D.A. Kirichenko (*Baku, Azerbaijan*), A.S. Abdullayev (*Baku, Azerbaijan*), A.K. Kesemenli (*Khankendi, Azerbaijan*). On the Cranial trauma in the Early Hellenistic Period (Republic of Azerbaijan) 168

S.N. Razumov (*Tiraspol, Moldova*), O.A. Zakordonets (*Tiraspol, Moldova*), D.F. Patkevich (*Tiraspol, Moldova*), N.P. Telnov (*Tiraspol, Moldova*), P.A. Kosintsev (*Ekaterinburg, Russia*), A.V. Kochnev (*Ekaterinburg, Russia*), D.O. Gimranov (*Ekaterinburg, Russia*), V.S. Sinika (*Tiraspol, Moldova*). New Scythian cemetery of the 3rd — 2nd centuries BCE on the left bank of the Lower Dniester. Pt. IV (Barrow 7) 185

Mikhail Treister (*Bonn, Germany*), Abay Seitov (*Almaty, Kazakhstan*). A Pair of Late Hellenistic phalerae from the Steppes of Ishim basin (Northern Kazakhstan) 210

Egor Antonov (*Moscow, Russia*). The Egyptian Royal foot in the layout of the Late Scythian settlement of Chaika 233

S.A. Yatsenko (*Moscow, Russia*). Images and elements of iconography of Greek Deities among the Sarmatians of the Northern Black Sea region in the 1st — 2nd Centuries BCE 247

Elif İlcan (*Erzurum, Turkey*). The cult of Aphrodite in the Black Sea region: the case of Aphrodite figurines from the Samsun Archaeology and Ethnography Museum ... 274

Viktor Vakhoneev (*Saint Petersburg, Russia*). The Roman-Period tomb of Annion from the Necropolis of Tauric Chersonesos 293

Rustem Darmenov (*Astana, Kazakhstan*), Bakyt Khassenova (*Astana, Kazakhstan*). Tumars in the system of Muslim Magical practices 338

Tolga Köroğlu (*Ankara, Turkey*), Burak Atik (*Sivas, Turkey*), Fadime Suata (*Beyazıt, Turkey*), Frank Rühli (*Zürich, Switzerland*), Sercan Acar (*Beyazıt, Turkey*), Onur Alpaslan (*Batumi, Georgia*), Gülfirde Akgül (*Zürich, Switzerland*), Ayşe Yeşim Demir (*Beyazıt, Turkey*). Diagnostic Uncertainty in Palaeopathology: An Epistemological Analysis of the Zeytinli Ada Cranial Lesions 353

Yu.A. Prokopenko (*Stavropol, Russia*), I.M. Kharitonov (*Stavropol, Russia*). About Everyday culture of residents of fortresses and Redoubts of the Azov-Mozdok line (based on archaeological research) 373

HISTORY

L.F. Abzalov (*Kazan, Russia*), M.S. Gatin (*Kazan, Russia*), I.A. Mustakimov (*Astana, Kazakhstan*), R.Yu. Pochekaev (*Saint Petersburg, Russia*). Master of Ceremonies, accountant or secret agent? The institution of Mushrif and its evolution in the states of Near and Middle East 395

NUMISMATICS

Sadık Tuğrul (*Samsun, Turkey*), Vedat Keleş (*Samsun, Turkey*). Beyond Charon's Obol: Coin and Coin-Like Depositions in Funerary Assemblages at Parion from the Classical to the Roman Period 409

Cihangir Aldemir (*Konya, Turkey*), Kasım Oyarçin (*Samsun, Turkey*). The coins of Central Building A at Anemurium 440

Michael Choref (*Ness Ziona, Israel*). On the issue of attribution of emission symbols on the drachms of Rhescuporis II with images of the king on horseback and Aphrodite on the throne on the reverse 473

EPIGRAPHY

Nataliya Churekova (*Saratov, Russia*). Marks on amphorae: types, interpretation problems, and research perspectives 489

T.I. Braga (*Sofia, Bulgaria*). On the history of Late Medieval Bulgarian Manuscript culture in the Black Sea region: new palaeographical observations on an eighteenth-century manuscript from V.I. Grigorovich's Odesa Collection 508

ART HISTORY

Michael Choref (*Ness Ziona, Israel*). The attribution of the Bust of a ruler from Μουσείο Ακρόπολης revisted..... 535

Abbreviations 553

Submissions 556

Археология

Archaeology

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.30.13.001

N.I. Shishlina, M.I. Kondrashkina, E.P. Zazovskaya, O.V. Kuznetsova

OLD MUSEUM COLLECTIONS AND STORIES THEY CAN TELL — NEW AMS-DATA AND STABLE ISOTOPES ($\delta^{13}C$ AND $\delta^{15}N$) OF *TRITICUM AESTIVUM* FROM THE TRYPILLIA SITES*

The archaeobotanical, nitrogen and carbon stable isotope analyses and direct ^{14}C AMS-dating were used to return the lost context to two cereal grain assemblages kept in the State Historical Museum. The archaeobotanical analysis of the selected grains defined their morphological character and assigned them to wheat species: *Tr. aestivum* subsp. *Aestivum* and *Tr. turgidum* L. subsp. *dicoccum* (Schrank ex Schübl.) Thell. The data on the direct radiocarbon dating of five specimens are consistent with the chronology of Trypillia sites C1—C2, i.e. 4600—3600 calBC. We think that one of the assemblages can be linked to the lost collection of grains from the Khalepye village found during the excavations carried out by V.V. Khvoyka in 1895. The second assemblage comes from the Chernovtsy Museum, probably, originating in one of the Trypillia sites in the micro-region around the town of Chernovtsy. The analysis of the nitrogen and carbon isotopic composition of 15 wheat grains from Khalepye and Chernovtsy and wheat grains from other Trypillia sites as well as the southern Caucasus and northern Kazakhstan confirms this conclusion. Agricultural strategies that probably included use of organic fertilizers (animal manure) were known to the population that cultivated wheat found at Khalepye.

Key words: Trypillia culture, wheat grains, ^{14}C AMS-dating, stable nitrogen and carbon isotopes.

About the authors: Shishlina Natalia Ivanovna[1], Dr. habil. (History), State Historical Museum, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera); Kondrashkina Marina Iosifovna[2], PhD (Biology), M.V. Lomonosov Moscow State University; Zazovskaya Elya Pavlovna[3], PhD (Geography), Center for Applied Isotope Studies, University of Georgia; Kuznetsova Olga Vitalievna[4], PhD (Chemistry), Vernadsky Institute of Geochemistry and Analytical Chemistry.

Contact information: [1]109012, Russia, Moscow, 1 Red Square, State Historical Museum; 199034, Russia, Saint Petersburg, 3 University Embankment, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera); [2]119991, Russia, Moscow, 1 Ulitsa Kolmogorova, M.V. Lomonosov Moscow State University; [3]GA 30602, USA, Athens, 120 Riverbend Rd, Center for Applied Isotope Studies, University of Georgia; [4]119334, Russia, Moscow, 19 Ulitsa Kosygina, Vernadsky Institute of Geochemistry and Analytical Chemistry.

Н.И. Шишлина, М.И. Кондрашкина, Е.П. Зазовская, О.В. Кузнецова

СТАРЫЕ МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ И ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ ОНИ МОГУТ РАССКАЗАТЬ — НОВЫЕ ^{14}C УМС ДАННЫЕ И ИЗОТОПНЫЙ СОСТАВ ($\delta^{13}C$ И $\delta^{15}N$) TRITICUM AESTIVUM ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Археоботанический анализ, анализ изотопного состава азота и углерода и прямое радиоуглеродное датирование методом ускорительной масс-спектрометрии образцов семян были использованы для восстановления утраченного контекста двух коллекций семян, хранящихся в Государственном историческом музее. Археоботанический анализ выбранных зерен определил их морфологические характеристики и отнес их к видам пшеницы: Tr. aestivum subsp. Aestivum и Tr. turgidum L. subsp. dicoccum (Schrank ex Schübl.) Thell. Данные прямого радиоуглеродного

* This project was supported by RSF grant № 25-18-00028.

Статья поступила в номер 4 августа 2026 г.
Принята к печати 18 августа 2026 г.

© N.I. Shishlina, M.I. Kondrashkina, E.P. Zazovskaya, O.V. Kuznetsova, 2026.

датирования пяти образцов согласуются с хронологией стоянок Триполья С1—С2, т.е. 4600–3600 лет до н.э. Мы считаем, что один из комплексов может быть связан с утраченной коллекцией зерен из села Халепье, найденной во время раскопок, проведенных В.В. Хвойка в 1895 г. Вторая коллекция происходит из Черновицкого музея, вероятно, с одного из трипольских памятников в микрорегионе вокруг города Черновцы. Анализ изотопного состава азота и углерода пятнадцати зерен пшеницы из Халепье и Черновцов и зерен пшеницы с других трипольских памятников, а также с Южного Кавказа и Северного Казахстана подтверждает этот вывод. Населению, выращивавшему найденную в Халепье пшеницу, были известны сельскохозяйственные стратегии, которые, вероятно, включали использование органических удобрений (животного навоза).

Ключевые слова: трипольская культура, зерна пшеницы, ^{14}C УМС-датирование, стабильные изотопы азота и углерода.

Сведения об авторах: Шишлина Наталья Ивановна[1], доктор исторических наук, Государственный исторический музей, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); Кондрашкина Марина Иосифовна[2], кандидат биологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Зазовская Элья Павловна[3], кандидат географических наук, Центр прикладных изотопных исследований, Университет Джорджии; Кузнецова Ольга Виталиевна[4], кандидат химических наук, Институт геохимии и аналитической химии им. Вернадского.

Контактная информация: [1]109012, Россия, Москва, Красная площадь, 1, Государственный исторический музей; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 3, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [2]119991, Россия, Москва, улица Колмогорова, 1, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; [3]GA 30602, США, Афины, Ривербенд-роуд, 120, Центр прикладных изотопных исследований, Университет Джоржии; [4]119334, Россия, Москва, ул. Косыгина, 19, Институт геохимии и аналитической химии им. Вернадского.

Introduction

Archaeobotanical remains recovered from prehistoric sites provide unique evidence for spread of cultivated cereals in various regions. The Dniester-Dnieper interfluve inhabited by the Trypillia population since the 5th millennium BCE is one of the early farming centers in southeastern Europe. The first macroremains of cultivated cereal from the Trypillia archaeological context came from the excavations conducted by V.V. Khvoyka at the end of the 19th century (Khvoyka 1901; 1904); the total archaeobotanical collection of cereals recovered from all known Trypillia sites was rather small. The analysis of the assemblages of cultivated crops found at the Trypillia sites identified einkorn, emmer, bread wheat, naked and hulled barley, pea, vetch and lentil (Spengler 2015). Flotation of the occupation deposits was not carried out; for this reason, the cereal assemblages included separate charred grains and many researchers identified various cereal species analyzing imprints of grains on clay pots and plastering on the walls of houses (Yanushevich 1976; Pashkevich 2000; 2003). Today, the data on the role of cereals in the Trypillia subsistence economy are usually complemented with the results of occupation deposit flotation (Hofmann et al. 2019; Kirleis et al. 2024), phytolith analysis of the samples from the occupation deposits, the pottery organic residue in the houses at the Maidanetske mega-site in central Ukraine (Dal Corso et al. 2018) as well as pollen diagrams compiled from excavation trench sections at Trypillia sites such as Floreşti, Maidanetske, Ruseştii, and Druţa (Kremenetsky 1991: 74—95). Substantial increase in data on the macroremains of cultivated cereal grains from different Trypillia sites (Filopovic et al. 2024; Kirleis et al. 2024) in recent years has enabled our team to perform comparative analysis.

It should be noted that direct radiocarbon dating of grains from numerous European archaeological sites is an important methodological approach employed to study crop farming in prehistory. However, the radiocarbon results have revealed an issue relating to the archaeological context of such finds; absence of the clear context requires verification because of the intrusion of grains, seeds, and fruits from the upper layers into the occupation deposits of prehistoric settlements, resulting in errors in dating (Stevens, Fuller 2012; Pelling et al., 2015; Kirleis et al. 2024). For example,

based on the dating of grains, the historical and geographical contexts of broomcorn millet appearance in Europe have been revised and this crop has been removed from the list of Trypillia cultivated cereals (Motuzaite Matuzeviciute et al. 2013; Trifonov et al. 2017).

Besides, some recent papers have focused on the nitrogen and carbon isotopic composition of cultivated cereals, starting discussions of economic strategies implemented to increase the yield of the crops during the Trypillia mega-site period (Schlutz et al. 2023).

Stable isotope analyses of cultivated grains can be used to identify cultivation practices such as irrigation or its absence as well as manuring and crop rotation (Bogaard et al. 2007; Fraser et al. 2011; Kirleis et al. 2024). The study of the isotopic composition of the cultivated grains and the bones of domesticated animals from the Trypillia mega-sites (such as Maidanetske and Talianki) shows that during the Trypillia agglomeration period the people living at these sites raised animals in fenced intensive pastures, they collected animal manure and used it as fertilizer in the fields. This factor had an impact on the isotopic composition of the cereal grains found at these sites. The cereal seeds show very high values of nitrogen isotopes compared with the grains from other sites that preceded and succeeded the Trypillia agglomeration period (Schlütz et al. 2023). In our view, the comparative analysis of the isotopic data on the cereal grains from the State Historical Museum collection in Moscow could produce additional data for cultural attribution of the assemblages under study. Such aspects expand the possibilities of comparative analysis of assemblages from various sites.

The purpose of this study is to analyze the archaeobotanical collection of the State Historical Museum in Moscow, which, presumably, includes cereal grains from the Trypillia sites, conduct direct ^{14}C AMS-dating of the cereal grains, and identify stable carbon and nitrogen isotope ratios in order to verify the cultural contexts of these grains.

Therefore, the expanded dataset of cultivated cereal crops from prehistoric European sites, direct radiocarbon dating of charred grains from these sites as well as isotope values of macroremains greatly add to our understanding of when farming appeared in Europe and how it spread.

Background information on the cereal assemblages

The archaeological collection from '*the Kiev province, Kiev uyezd, area near v. Trypillia*' was officially acquired by the State Historical Museum (SHM) (then known as the Russian Historical Museum or RHM) on December 18, 1908 (SHM acquisition number 45427, Archaeological Department collection A86); it was registered in the Museum Records Department in 1939. This collection, consisting of pottery fragments and objects of plastic arts, was purchased from Khvoyka together with the collections of objects from other Trypillia sites and sites attributed to other archaeological cultures (e.g. the sites near Stratovka, Chernyakhovo, etc.) for 300 rubles (the Department of Collection Records in the State Historical Museum in Moscow). The museum documents do not make references to any archaeobotanical remains from Trypillia, which were, probably, included into the archaeobotanical collection of the State Historical Museum much later.

However, the Archaeological Department of the State Historical Museum still keeps paper-based catalog cards which specifically reference two archaeobotanical assemblages of cereal grains, one assemblage coming from '*the Kiev province, Trypillia village, from Khvoyka's excavations*', subsequently acquired by the Kiev Historical Museum, and the other assemblage which was transferred from the Chernovtsy Museum in '*the Bessarabia province (Chernovtsy region, Zastavna district, Doroshiltsy village'* [presently Doroshovtsy]. These archaeobotanical assemblages were not registered as part of the core Trypillia collections; instead, they were documented as museum auxiliary scientific collections. Later, the archaeological cereal grains (with 'wheat' and 'barley' labels) were included in the State Historical Museum permanent exhibition and put on display in Room 4 dedicated to the Bronze Age (Fig.1: 1); they were displayed in cabinets 6 and 17 that contained other exhibits associated with producing forms of economy. After the change of the exposition and reconstruction of the museum in the 1980—1990s, these archaeobotanical remains turned out to be stripped of their context.

To restore the significance and original contexts of the Trypillia archaeobotanical assemblages which had entered the collection of the State Historical Museum many years ago, we initiated a scientific study and, as a first step, examined the paper catalog cards to understand when and how these cereal grains ended up in the State Historical Museum. The results of our research are provided further in the text.

In 1895 V.V. Khvoyka, a famous archaeologist of Ukrainian Prehistory and one of the founders of the Kiev Museum of Antiquities and Art, now the National Historical Museum, conducted excavations on a hilly area of the Dnieper right bank between Kiev and the Ros river (in Zhukovtsy, Khalepye, Stayki, Veremye, Dolzhok, Scherbanevka, Trypillia and other villages) (Khvoyka 1901). During the excavations of one of the hills near the Khalepye village that encircled the area near Trypillia between Kiev and the Kanev *uyezd* (canton) (presently known as the Khalepye village located 5 km east-south-east of the Trypillia village, Obukhov district, Kiev region, Ukraine) a *'thick layer of ash, with roasted wheat grains lying in piles in some places'* was discovered on the floor of a room uncovered in an excavation trench (Khvoyka 1901: 773, Fig. 76). Understanding the importance of the find of charred grains at the Trypillia sites, Khvoyka presented his discovery to the 13th Archaeological Congress held in Ekaterinoslav in 1905 focusing specifically on these grains because, in his view, agricultural practices were important for subsistence economy of the local Trypillia population (Khvoyka 1907; Passek 1949).

According to Z.V. Yanushevich, along with the main collection of archaeological artifacts, the charred cereal macroremains found by Khvoyka at Khalepye were acquired by the National Historical Museum in Kiev (Yanushevich 1976: 103). Based on the information from the SHM paper catalog cards, the second archaeobotanical assemblage was kept at the Chernovtsy Museum in Moldavia. Subsequently, it was transferred to the State Historical Museum in Moscow.

The archaeobotanical assemblage in the National Historical Museum in Kiev was not investigated by K.A. Flyaksberg until 1930, she referred most caryopses to common wheat (*Triticum vulgare*), and some caryopses to hard wheat (*Triticum durum*). The subsequent re-examination of this archaeobotanical assemblage by D. Persidsky and O. Lypa revealed that it included various grains; on the whole, however, these archaeobotanists confirmed Flyaksberg's conclusion that the collection included grains of varying species (Yanushevich 1976). Yanushevich herself did not examine the collection because it had been lost during World War II when the building of the National Historical Museum in Kiev, including the room dedicated to the Trypillia culture, was destroyed and the collection of cereal grains that included grains from Khalepye was lost (possibly, moved away from the country) (Passek 1949: 21).

However, we think that the Trypillia archaeobotanical assemblage, presumably, from Khalepye, entered the collection of the State Historical Museum in Moscow before World War II. In the 1920s the exchange of archaeological collections among museums was a common practice in the Soviet Republics, its purpose was to demonstrate various aspects of ancient and medieval history across Russia by putting various items on permanent display at major museums in the country. We assume that the archaeobotanical assemblage labeled 'cereal grains from Trypillia' was a part of the lost cereal grain assemblage earlier kept in the collection of the National Historical Museum in Kiev and that the storage boxes of the State Historical Museum in Moscow also contained the cereal grains recovered by Khvoyka from the excavation trenches in Khalepye at the end of the 19th century. In addition to the grains, the boxes also contained small fragments of charred clay pots of the Trypillia type (Fig. 1: 3).

The box labeled '*cereal grains from Trypillia'* also contained a special package with an inscription '*for museum exhibits, library books, drugstores, etc.'* Such labels were made in 25,000 copies by a small print-shop in Odessa, Ukraine, which is indirect evidence that the Trypillia archaeological assemblage was transferred from Kiev to Moscow. Books, booklets and other printed materials dated from 1920s and labeled similarly are kept in many Russian libraries, for example, the Russian State Library.

However, we were not able to determine precisely what site the assemblage from the Chernovtsy Museum in Moldova had come from because there was no information in the published scientific literature.

The distribution map of the sites attributed to the Trypillia culture in the Dniester area in the Chernovtsy region shows several sites, e.g. Kadievtsy, Kudrintsy, Shipenitsy, etc. (Passek 1949: Fig. 1). The overview chapter entitled 'The Eneolithic of the Ukraine Right Bank and Moldavia' in the USSR Eneolithic Archaeological Book (Masson, Merpert 1982: 165—251) mentions Chernovtsy I (earlier period) and Chernovtsy II (later period) (Masson, Merpert 1982: Table 9). The distribution map of the Early Trypillia sites published in Volume 1 of The Ukrainian Soviet Socialist Republic Archaeology shows the Chernovtsy site (Bibikov, Zbenovich 1985: 192—193). It is likely that the second assemblage of the charred grains contained remains from the Chernovtsy site or a site ascribed to a similar tradition (Fig. 1: 2).

Fig. 2 contains the map showing the region where Khvoyka conducted his excavations in 1895 (according to Khvoyka 1901: Fig. 65), as well as the Doroshovtsy village and the Chernovtsy town from where, presumably, the second cereal assemblage derives.

These two archaeobotanical assemblages became the subject of this study. Its aim was to verify or reject the attribution of these two assemblages to the Trypillia culture.

Samples, approaches and methods

The archaeobotanical samples from the State Historical Museum were divided into two groups: (1) the samples (#1 and #2) from the *Context 1* Group that originated in the area around the Trypillia village not far from Kiev (presumably, Khalepye); and (2) the samples (#3) from the *Context 2* Group coming from the Chernovtsy Museum (the site has not been determined precisely).

The *Context 1* Group included 100 whole grains and thousands of tiny, charred grain fragments; the *Context 2* Group consisted of 30 grains.

The study was conducted in three stages: (1) we performed the archaeobotanical examination of two cereal collections; (2) to check our hypothesis based on the catalogue cards and the analysis of earlier publications that both cereal grain assemblages kept in the museum were from the Tripyllia culture, we conducted direct AMS-dating of the cereal grain samples; and (3) to verify the hypothetical archaeological context, we determined the nitrogen and carbon isotopic composition of the grains and compared these data with similar data obtained for archaeobotanical samples from other Trypillia sites as well as from an Eneolithic southern Caucasus site and an Early Iron Age/18th — 19th centuries site in the Kazakhstan.

To determine genus and species of the studied grains, we used a comparative and morphological method to examine the macrostructure of organisms without sophisticated equipment. Using a laboratory preparation needle, undamaged or slightly damaged grains that could be identified were selected (n=50). To identify the archaeological grains to genus and species, we used a reference dataset, which included grains from the plant botanical collection of the Department of Agriculture and Agroecology, Soil Studies Faculty, Lomonosov Moscow State University. This collection comprising grains and inflorescences of main cereal varieties, was created in 1953 and since then the Department of Agriculture and Agroecology has continued to add more grains to this collection. In addition to the examination of their morphological characters, the whole grains and slightly damaged grains were measured using dividers. Besides, the analysis also built on the work of N.A. Maysuryan (1954) and V.F. Dorofeev et al. (1979).

The photographs of the individual cereal grains were taken using a Zeiss AxioCam Erc 5s microscope camera and an Olympus BX51 optical microscope fitted with a Leica DFC420C digital microscope camera with magnification 50 and 100.

After describing the cereal grain assemblages, five grain specimens were selected for AMS-dating, namely, two samples, presumably, from Khalepye (*Context 1*) and three samples from Chernovtsy (*Context 2*). Two specimens were dated in the Institute of Geography, RAS (Russia), together with the University of Georgia (USA); two specimens were dated in the Isotoptech Zrt., Debrecen (Hungary), and one specimen was dated in the Poznan Radiocarbon Laboratory (Poland). Radiocarbon data obtained were calibrated with the OxCal software v4.4 (Bronk Ramsey 2017) and the IntCal20 calibration curve (Reimer et al. 2020).

To estimate the period interval for the two assemblages/contexts, two chronological models based on the sequence of the dates were produced. To this end, placing the data into the phase (using the Phase command in OxCal 4.3.2), we used two Bayesian models, one for each of the two contexts. The Start and End boundaries were determined using the values of the boundary medians (Boundary command) (Bronk Ramsey 2017).

The ^{14}C AMS dates were then compared with the new radiocarbon data microremains obtained from the Trypillia sites (Schlütz et al. 2023).

When analyzing the nitrogen and carbon isotopic composition, we assumed that the Trypillia agriculturalists developed at the very least two systems of agricultural practices, i.e. slash-and-burn agriculture (known as shifting cultivation in the steppe belt), and highly productive agriculture with the use of organic fertilizers (manuring). Different crop-growing systems had an impact on the nitrogen and carbon composition of the microremains (Schlütz et al. 2023; Kirleis et al. 2024; Larsson et al. 2024). Fifteen grains from *Context 1* and *2* were selected for the test isotope analysis.

The comparative analysis used published data on wheat samples from four Trypillia sites, i.e. Chechelnyk, Kosenivka, Maidanetske and Stolniceni 1 (Schlütz et al. 2023), the isotopic composition of wheat from Chobareti, which is a site dating to the Eneolithic—Early Bronze Age located in the southern Caucasus (Messager et al. 2015), and the Alekseyevskoye site located in the arid steppe in northern Kazakhstan (SHM collection) dating to the early Iron Age and the 18th —19th centuries CE.

The measurements of the nitrogen and carbon stable isotope ratios for the cereal grains were made at the Vernadsky Institute of Geochemistry and Analytical Chemistry (GEOKHI) of the Russian Academy of Sciences using a DELTA Plus XP isotope mass-spectrometer (ThermoFinnigan) linked to a Flash EA 1112 elemental analyzer. The temperature of the oxidation reactor is 1020 °C, the chemical agents used include granulated chromium oxide, and silver-plated granulated copper. The temperature of the reducer is 650 °C, and the chemical agent used is granulated copper. The isotope ratios are reported in permille notation relative to VPDB and AIR for δ^{13}C and δ^{15}N, respectively. Each sample was measured in triplicate and the standard deviation of repeated measurements was 0.2‰ and 0.2 to 0.3‰ for δ^{13}C and δ^{15}N, respectively. The δ^{15}N values were corrected (–0.5‰) for charring range as suggested in (Kirleis et al. 2024).

Results

Archaeobotanical analysis of the cereal grains

The examined samples are charred wheat grains; their state of preservation varies. The testa (seed coat) and the pericarp are gone completely or partially, which still makes it possible to identify the grains, in some cases, to the species (Fig. 3—4). Many of the grains burned rather quickly, as confirmed by the preservation of the grain form and fragile testa and pericarp. By contrast, some grains were subjected to relatively low temperature for a long time (they smoldered). At the same time, their form changed slightly, instead of being straight, the grains are ‘wavy’, with their pericarps preserved.

All examined grains were assigned to genus *Triticum* L. The genus identification is confirmed by a visible crease or a longitudinal furrow on the ventral side of the grain, a systematic characteristic of cereal grains, including wheat. The form of the grains is oval (barrel-shaped) and elongated with rounded or slightly acute apexes. The dorsal side is convex, tapering towards the base (embryo end), the embryo is identified in most cases. The W/H, L/H and L/W ratios of the grains correspond to those of modern samples.

The whole grains were identified to the species. Some grains are represented by longitudinal and crosswise grain fragments. Longitudinal fragments are usually halves of the grains that split along the furrow on the ventral side of the grain; longitudinal furrows are visible on some fragments. The crosswise fragments have preserved a rounded shape, a visible furrow, and their size is from ½ to ¾ of the grain size. The crosswise fragments have a varying form, i.e. a rounded form or a fairly pointed form.

Context 1 Group. The greater part of the samples examined can be identified as genus *Tr. aestivum* subsp. *aestivum* (Fig. 3: 1, 1.1, 2.2, 2.3, 2.4)**.** The measurements of the most grains vary from 0.25—0.4 cm (width) to 0.5—0.7 cm (length), which means that the length/width ratio is less than 2.0. The form of the grains is oval (barrel-shaped). There is a visible longitudinal furrow on the ventral side of the grain which is a systematic characteristic of the grains from the *Context 1* Group. The width of the furrow is approximately 1 mm. The dorsal side is strongly curved (convex), rounded, sometimes, laterally compressed in the middle. A rounded embryo which is more or less concave is visible at the grain base, with the grain tapering towards the base (Fig. 3: 1.1). The varying size of the grains may be explained by the fact that they developed in different parts of the spikelet and ear (spike). Usually, smaller size grains are produced either by upper florets of the spikelet or in the upper spikelet of the ear (spike).

Sample 2.4 is a grain with a slightly acute apex; a slightly acute base may be defined as a systematic characteristic of barley grains (Fig. 3: 2.4). However, barley grains have a pronounced elliptical, elongated form, the dorsal side is not convex. The grain tapers towards the apex and the base. These characteristics were not identified in sample 2.4.

The grains from the *Context 2* Group differ from the grains from *Context 1* (Fig. 4). Most are larger than the grains of *Context 1*, with slightly different morphological characters. The grains with up to ½ of their length gone measure 0.5—0.6 cm by 0.3 cm, which means that the whole grain can be more than 1 cm long. These grains have a distinctive form. They are longer, the grain base is split along the furrow (probably, because of high temperatures). The dorsal side is convex, the dorsal outline is sometimes hump-backed (Fig. 4: 3.3, 3.5, 3.7, 3.8).

Sample 3.1 is a grain different from the rest of the examined grains (Fig. 4: 3.1). It measures 0.8 cm in length, 0.4 cm in width and 0.35 cm in thickness, it means that its size is larger than that of other wheat grains. A vertical furrow is clearly visible on the flat ventral side. Compared with the other wheat grains, it is a bit narrower and laterally compressed. The embryo is located on the convex dorsal side of the grain. The form of the grain is elongated, the apex is rounded, the base is acute. The dorsal side is rounded, it is not convex, it does not have any pronounced ridges. The dorsal side of the grain was burnt to the endosperm, the seed coats (testa) are represented by fragments.

Based on these characteristics, the grain can be assigned to genus *Triticum*. Identification of species is somewhat difficult because the actual size and the color of the grain is not known; besides, we do not know if the grain was in the whole spikelet. However, relying on indirect traits (size, form, laterally compressed), we think that the grain should be assigned to *Triticum turgidum L.* subsp. *dicoccum (Schrank ex Schübl.) Thell,* known as emmer wheat and two-grained spelt.

The examined grains were identified as *Triticum* L., though their morphological characters are not uniform. The grains (Fig. 4: 3.5) can be identified as *T. turgidum* subsp. *durum (*Desf.). However, a strongly convex dorsal side of the grain is characteristic of both hard wheat and another grain species, which is *T. turgidum* subsp. *turgidum* (branchy).

The sample (Fig. 4: 3.7) has several large grains that exceed the hard wheat grains in size. Their size is 0.7—1.2 × 0.3 cm. The acute apex of the caryopsis and the convex dorsal side are characteristic of *T. turgidum* subsp. *turanicum* (Jakubz.) Á. & D. Löve, commonly known as Khorasan wheat.

Results of direct AMS-dating

Radiocarbon dates were obtained for all five grains. We used two Bayesian models, one for the *Context 1* Group (Fig. 5: 2) and the other for the *Context 2* Group (Fig. 5: 1), placing data into the phase (using the Phase command in OxCal 4.3.2). The Start and End boundaries were determined using the values of the boundary medians (Boundary command) (Bronk Ramsey 2017) (Tables 1 & 2).

Stable carbon and nitrogen isotope ratios for the wheat grains

The measurements of the nitrogen and carbon isotopic compositions of fifteen wheat grains are provided in Table 3. The $\delta^{15}N$ values were corrected (–0.5‰) for charring range as suggested in (Kirleis et al., 2024). For Khalepye grains the carbon isotopic values ($\delta^{13}C$) varied from -24.08 to -22.37‰; the nitrogen isotopic values ($\delta^{15}N$) varied from 4.38 to 7.54‰. For Chernovtsy Museum grains the carbon isotopic values ($\delta^{13}C$) varied from -24.28 to -23.38‰; the nitrogen isotopic values ($\delta^{15}N$) varied from 5.52 to 9.31‰.

Discussion

It was difficult to assign the studied cereal collection to the Trypillia culture in the absence of secure cultural contexts, and it was not clear how the collection had ended up in the State Historical Museum in Moscow. The study of the earlier published data on the cereal grain finds at the Trypillia sites and the preserved archival documents provided an opportunity to correlate the grains from *Context 1* with the archaeobotanical assemblage collected by Khvoyka during his excavation at Khalepye in 1895.

Back in the early 20th century, analyzing the subsistence system of the Trypillia population, Khvoyka came to the conclusion that charred grains of wheat, umbellate plants such as anise or dill, millet, barley, hemp and 'impressions of millet and wheat chaff' on clay plastering of the walls as well as milling stones and pestles could be used as evidence of farming by the Trypillia population (Khvoyka 1901: 812; 1904: 24). He noted that the finds of charred wheat grains at some sites such as the Khalepye village suggest development of agriculture (Khvoyka 1901: 774, Fig. 76). The archaeobotanical analysis of the cereal grains from *Context 1* revealed that this assemblage contained only wheat grains. These results coincide with the results of the grain examination in the 1930s published by Yanushevich (1976). Wheat grains were identified in the second assemblage from the Chernovtsy Museum as well (*Context 2*).

Under this study, based on the archaeobotanical analysis of all wheat grains from the collection of the State Historical Museum, all wheat grains have been assigned to *Tr. aestivum* subsp. *aestivum* and *Tr. turgidum* L. subsp. *dicoccum* (Schrank ex Schübl.) Thell. According to the GRIN-Global Taxonomy based on Van Slageren's classification (1994), the identified wheat species are included in the group of naked tetraploids (2n = 28). The homeland of these wheat species is the Fertile Crescent.

The species T. turgidum subsp. *durum (*Desf.) and *T. turgidum* subsp. *turgidum* grow in similar environments. Both species have steppe ecotypes as well as ecotypes common in humid mountainous areas in the south of Asia Minor. *T. turgidum* subsp. *turanicum* (Jakubz.) Á. & D. Löve is a crop of oasis farming in the areas with dry and hot climate. The grains of this group of wheats could reach the studied area via trade or some other routes. Presumably, when wheat was grown as a grain crop, the purity of crop seeds was not maintained and seeds could be mixed during farming and storage. To give a definitive answer to the question on specific species the studied cereal grains belong to, modern analogies to the grains of these wheat species need to be subjected to high temperatures in similar conditions. In this case, comparison of the samples to identify specific species of grains will produce more correct results.

It can be inferred from our analysis that, based on the GRIN-Global Taxonomy, the grains of sample 1 (Fig. 3: 1, 1.1) belong to the domesticated free-threshing hexaploid wheat group (6x), i.e. *Tr. aestivum* subsp. *aestivum;* samples 3.3, 3.5 and 3.7 (Fig. 4: 3.3, 3.5, 3.7) belong to the domesticated free-threshing tetraploid group (4x); and sample 3.1 (Fig. 4: 3.1) belongs to the domesticated hulled tetraploid group (4x), i.e. *Tr. turgidum* L. subsp. *dicoccum* (Schrank ex Schübl.) Thell. Gene flow between wild wheat *Triticum L.* and other grains such as *Aegilops sp. L.* produced one cultivated species and subsequently led to the emergence of modern high-yielding free-threshing wheat species with non-brittle rachis and grains. Further development and selection resulted in emergence of two wheat species groups: (1) tetraploid wheats (2n = 4x = 28), which includes *Tr. turgidum* L. as defined by Linnaeus and hexaploid wheats (2n = 6x = 42), and (2) *Triticum aestivum*

L. (2n = 6x = 42) as defined by Linnaeus; the second group includes both domesticated wheats with a brittle rachis such as *Tr. aestivum* L. subsp. *spelta* (L.) Thell. and wheat types with a non-brittle rachis, and naked grains, for example, *Tr. aestivum* L. subsp. *aestivum*.

The comparative analysis with the new archaeobotanical data from the Trypillia sites in Moldova and Ukraine confirms that wheat was one of staple crops of the Trypillia culture in this region during all stages of agriculture development. The identified wheat grains, presumably, from Khalepye and the Chernovtsy Museum are consistent with the Trypillia cereal assemblages from other sites that include emmer as a dominant crop, as well as *Tricicum monococcum* (einkorn) and *T. timopheevii* from Stolniceni (Kirleis et al. 2024).

In the earliest research of the Trypillia culture the remains of domesticated plants from 80 Trypillia sites in Moldova and Ukraine were examined, though, as has been mentioned earlier in the text, researchers mostly focused on the imprints of grains on pottery fragments and clay plastering, in many cases ignoring charred grains (Pashkevich 2000). Presently, because of the water-sieving programs conducted by many expeditions, the number of the archaeobotanical remains from the Trypillia sites has increased substantially (Kirleis et al. 2024). In recent years chaffed emmer wheat (*Tr. turgidum* L. subsp. *dicoccoides* (Korn. ex Asch. & Graebn.) Thell.), einkorn wheat (*Tr. monococcum* L. subsp. *monococcum*) and spelt (*Tr. aestivum* L. subsp. *spelta* (L.) Thell.), common naked barley (*Hordeum vulgare* L. convar. *coeleste* (L.) A. Trof.) and husked barley (*H. vulgare* L. subsp. *vulgare*) (Pashkevich 2000: 410) have been added to the Trypillia domesticated grain assemblages (Kirleis et al. 2024). The charred seeds of green peas (*Pisum* sp. L.) have been found at the Maidanetske site, whereas bitter vetch (*Vicia ervilia* (L.) Willd.) has been discovered at the Karbuna site in Moldova (Yanushevich 1976: 74; Pashkevich 1989: 137—138).

Several international projects focusing on the Trypillia mega-sites have used the water-sieving of occupation deposits as an obligatory procedure. Because of the taxonomic determination of the botanical carbonized remains from the Maidanetske mega-site located in the Southern Bug-Dnieper interfluve, cereal grains (*Triticum* sp., *Hordeum* sp.), pulses (Fabaceae) and awns of feather-grass (*Stipa* sp.) (Hofmann et al. 2019: 12—13) as well as *Triticum dicoccum (emmer), T. monociccum (einkorn), T. timopheevii (Timopheev's wheat) and others* have been added to *the Trypillia domesticated grain assemblages* (Kirleis et al. 2024); a single small grain of *Triticum* sp. has been uncovered at the Nebelivka mega-site (Chapman et al. 2020: 409).

The radiocarbon dates enabled us to verify the cultural attribution of the cereal grains from the State Historical Museum.

The radiocarbon data obtained for the two cereal grain assemblages (the Khalepye assemblage and, presumably, the Chernovtsy Museum assemblage) are consistent with the new AMS-dated grain of *Triticum* sp. from the Nebelivka mega-site (Chapman et al. 2020: 409), whereas using the chronological models, the Chernovtsy assemblage (*Context 2*) can be dated to an earlier interval, i.e. 4249/4050—4038/3889 BC (1σ) or 4023/3998—4145/3205 BC (2σ) and the Khalepye assemblage (*Context 1*) can be dated to a later period 3969/3676—3741/3491 BC (1σ) or 4449/3660—3760/3049 BC (2 σ).

These chronological intervals are correlated with the modern chronology of the Trypillia stages based on a rather large AMS-data dataset (Hofmann et al. 2019: 43) including new ^{14}C AMS dates of grains considered to be contemporaneous with Trypillia sites (Kirleis et al. 2024, Fig. 2). The analysis performed has verified the cultural attribution of the cereal grain assemblages kept in the State Historical Museum in Moscow and ascribed them to the Trypillia culture.

Analyzing the nitrogen and carbon isotopic composition of the wheat grains from *Context 1 and 2*, i.e. Khalepye and Chernovtsy, we suggested that this composition would reflect agriculture strategies employed by the Trypillia agriculturalists. The experimental growing of wheat, millet and other cereals as well as legumes and other crops in various conditions with the use of organic and nonorganic fertilizers shows that δ^{15}N in the grains reflects δ^{15}N in the soil on which crops are cultivated; the δ^{15}N values for agricultural crops can vary depending on the use of various technologies, such as irrigation, application of fertilizers and crop rotation (Bogaard et al. 2007; Larsson et al. 2024). When grown in the same conditions, various crops tend to demonstrate similar δ^{15}N values, despite minor differences among varieties; possible differences

between the carbon isotopic composition of the modern samples and that of archaeological samples can be caused by the Suess effect or more carbon in the atmosphere owing to anthropogenic activities as well as water conditions (Larsson et al. 2024; Kirleis et al. 2024).

The precise locations of the two assemblages of the microremains from the State Historical Museum are not known. However, we believe that both assemblages are attributed to the Trypillia culture. In our case, the nitrogen and carbon isotopic composition of several wheat seeds from two sites (Khalepye in case of *Context 1* and Chernovtsy in case of *Context 2*) could be similar to that of the wheat grains from other Trypillia sites, which reflects similar growth conditions and, at the same time could be different from the nitrogen and carbon isotopic composition determined for wheat grown in other natural and climatic as well as economic conditions.

The new data on the nitrogen and carbon isotopic composition of fifteen wheat grains, presumably, from Khalepye and Chernovtsy, were compared with those obtained for wheat grains from other Trypillia archaeological sites, i.e. Chechelnyk, Kosenivka, Maidanetske and Stolniceni 1 (Schlütz et al. 2023), the Chobareti site from the Eneolithic—Early Bronze Age in the southern Caucasus (Messager et al. 2015), and the Alekseyevskoye site located in the arid steppe in northern Kazakhstan (Fig. 6).

The comparative analysis relies on the natural $\delta^{15}N$ baseline for cereals grains at 6.1‰ (Schlutz et al. 2023). Figure 6 shows that the nitrogen and carbon isotopic data of the wheat grains from the State Historical Museum collection are plotted in the middle and above. Their isotopic composition is similar to that of several wheat specimens from the Trypillia Kosenivka, Chechelnyk and Maidanetske sites, with $\delta^{15}N$=9.31‰ (Chernovtsy). These data are consistent with most wheat samples from the Trypillia sites of the mega-site period which are characterized by very high $\delta^{15}N$ values ($\delta^{15}N$ above 9‰; the maximum value of $\delta^{15}N$=11.37‰ has been determined for one wheat grain from Maidanetske). According to these data, the residents of the Trypillia mega-sites applied a special agriculture strategy which included manure management. Animals grazed near the fields that could be surrounded by fences, dung was collected to be used as organic fertilizer and a new system of animal management was put in place. Such agricultural strategies aimed to increase crop yield, including wheat yield, resulted in elevated $\delta^{15}N$ values (Schlütz et al. 2023; Kirleis et al. 2024). The maximum threshold $\delta^{15}N$ value for several Khalepye ($\delta^{15}N$ from 6.58 to 7.44‰) and two Chernovtsy grains ($\delta^{15}N$=7.48 and 9.31‰) suggests occasional manuring in the fields where this wheat was grown. All values below the set baseline for cereals grains at 6.1‰ (Schlutz et al. 2023) for Khalepye ($\delta^{15}N$ from 4.38 to 6.2‰) and Chernovtsy ($\delta^{15}N$ from 5.39 to 6.09‰) clearly show that this agriculture strategy was not used.

Hence, the crop growth conditions in the fields improved by fertilizer application from which some wheat from Khalepye was collected were, probably, similar to those in the fields of other Trypillia settlements where agriculturalists improved crop yields using manuring strategy. More elevated nitrogen isotopic values in the fields of the Tripyllia mega-sites is an indication of long-term manuring practices, which, probably, were not applied systematically during the final stage of the Tripyllia culture when settlements became smaller and their residents engaged in agriculture on a smaller scale.

The Khalepye and Chernovtsy wheat isotopic data differ from the isotopic data on the wheat from the Eneolithic Chobareti site in the southern Caucasus (Messager et al. 2015) and the wheat from the Alekseyevskoye site in northern Kazakhstan dating to the early Iron Age and to the 18th —19th centuries CE, where other agricultural strategies were, most likely, used. A low threshold value of $\delta^{15}N$ in the Chobareti and Alekseyevskoye wheat grains means that the local population did not use manure to fertilize crop areas and that the natural and ecological conditions of the piedmont fields in the southern Caucasus and arable lands in northern Kazakhstan differed from those in the Trypillia area. Hence, the comparison with the Trypillia agriculturalists reveals that the Eneolithic population of the southern Caucasus and the population which inhabited northern Kazakhstan in the Early Iron Age and in the subsequent periods practiced agricultural strategies different from those used by the Trypillia population.

Therefore, the comparative analysis of the nitrogen and carbon isotopic composition of wheat, presumably, from Khalepye and Chernovtsy, confirms that this assemblage is best linked to the tradition of Trypillia crop management when a system using organic fertilizers (animal manure) aimed to intensify farming was put in place (Schlutz et al. 2023).

Conclusion

The archaeobotanical analysis of the selected grains from the old cereal grain assemblages kept in the State Historical Museum defined the morphological character of the grains and assigned them to wheat species: *Tr. aestivum* subsp. *Aestivum* and *Tr. turgidum* L. subsp. *dicoccum* (Schrank ex Schübl.) Thell (Fig. 3: 1, 1.1, 2.2, 2.3, 2.4). The analysis found that other grains belonged to the group of tetraploid (4x), domesticated, free-threshing *Tr. turgidum* L. (Fig. 4: 3.3, 3.5, 3.7).

These data are consistent with the results of the earlier investigation of the cereal grain collection from Khalepye (excavated by Khvoyka in 1895), a site located not far from the Trypillia village which was ascribed to the culture identified in the Russian publications as the Trypillia culture. This investigation was conducted by K.A. Flyaksberg in the 1930s (Yanushevich 1976). While the Khalepye cereal grain assemblage was lost during World War II, we think that a part of this assemblage was acquired by the State Historical Museum in Moscow before the war; it was registered not later than 1939, and then included in the museum axillary scientific collections of the Archaeological Department, and subsequently put on permanent display. The catalog cards that mention the Trypillia assemblage from the excavations conducted by V.V. Khvoyka and the cereal grain assemblage from the Chernovtsy Museum are still kept in the museum. The data on the direct radiocarbon dating of five specimens from, presumably, Chernovtsy and Khalepye, are consistent with the chronology of Trypillia sites C1—C2, i.e. 4600—3600 calBC (Hofmann et al. 2019: 43; Palaguta, Starkova 2018: 97; Kirleis et al. 2024) and, therefore, both the Chernovtsy cereal assemblage and the Khalepye assemblage can be attributed to the Trypillia culture.

The analysis of the nitrogen and carbon isotopic composition of fifteen wheat grains from Khalepye and Chernovtsy and wheat grains from other Trypillia sites as well as the southern Caucasus and northern Kazakhstan confirms this conclusion. Agricultural strategies that probably included use of organic fertilizers (animal manure) were known to the population that cultivated wheat found at Khalepye and Chernovtsy.

References

Bibikov, S.N., Zbenovich, V.G. 1985. Early stage of the Trypillia culture. In: *Archaeology of USSR*. Vol. 1. Kiev: Naukova Dumka, 189—206.

Bogaard et al. 2007: Bogaard, A., Heaton, N.H.E., Poulton, P., Merbach, I. 2007. The impact of manuring on nitrogen isotope ratios in cereals: archaeological implications for reconstruction of diet and crop management practices. *Journal of Archaeological Science* 34, 335—343.

Bronk Ramsey, C. 2017. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. *Radiocarbon* 59 (2), 1809—1833.

Chapman, J., Pashkevych, G., Miller, D. 2020. Plant remains. In: Gaydarska, B. (ed.). *Early Urbanism in Europe. The Trypillia Megasites of the Ukrainian Forest-Steppe*. Warsaw; Berlin: De Gruyter.

Dal Corso et al. 2018: Dal Corso, M., Out, W.A., Ohlrau, R., Hofmann, R., Dreibrodt, S., Videiko, M., Müller, J., Kirleis, W. 2018. Where are the cereals? Contribution of phytolith analysis to the study of subsistence economy at the Trypillia site Maidanetske (ca. 3900–3650 BCE), central Ukraine. *Journal of Arid Environments* 157, 137—148.

Dorofeev et al. 1979: Dorofeev, V.F., Filatenko, A.A., Migusheva, E.F., Udachin, R.F., Yakuvitsiner, M.M. 1979. Wheats. In: Brezhnev, D.D. (ed.). *Cultural Flora of the USSR*. Vol. 1. Leningrad: Nauka.

Filopović et al. 2024: Filopović, D., Jones, G., Kirleis, W., Bogaard, A., et al. 2024. Triticum tomopheevii s.I. ('new glume wheat') finds in regions of southern and eastern Europe across space and time. *Vegetation History and Archaeobotany* 33, 195—208.

Fraser et al. 2011: Fraser, R.A., Bogaard, A., Heaton, T., Jones, G., et al. 2011. Manuring and stable nitrogen isotope ratios in cereals and pulses: towards a new archaeobotanical approach to the inference of land use and dietary practices. *Journal of Archaeological Science* 38 (10), 2790—2804. DOI: 10.1016/j.jas.2011.06.024.

Hofmann et al. 2019: Hofmann, R., Müller, J., Shatilo, L., Videiko, M., Ohlrau, R., Rud, V., et al. 2019. Governing Trypillia: Integrative architecture in Trypillia settlements. *PLoS ONE* 14 (9). doi.org/10.1371/journal.pone.0222243.

Khvoyka, V.V. 1901. Stone Age in the Middle Dnieper region. In: Uvarova, P., Slutsky, S.S. (eds.). *Proceedings of the 11th Archaeological Congress in Kiev*. Vol. 1. Moscow: Printing House of G. Lissner and A. Geshel, 736—838.

Khvoyka, V.V. 1904. *The 1901 excavations of the Trypillia culture*. Saint Petersburg: Printing House of N. Skorokhodov, 1—25.

Khvoyka, V.V. 1907. Early Agriculture and the Bronze Age in the Dnieper region. In: Uvarova, P. (ed.). *Proceedings of the 13th Archaeological Congress in Ekaterinoslav in 1905*. Vol. 1. Moscow: Printing House of G. Lissner and D. Sobko, 1—8.

Kirleis, W., Corso, M.D., Pashkevych, G., et al. 2024. A complex subsistence regime revealed for Cucuteni–Trypillia sites in Chalcolithic eastern Europe based on new and old macrobotanical data. Veget Hist Archaeobot 33, 75–90. DOI:10.1007/s00334-023-00936-y.

Kremenetsky, K.V., 1991. *Paleoecology of the earliest farmers and herders of the Russian Plain*. Moscow: IGAN.

Larsson, M., Bergman, J., Olsson, P.A. 2024. Soils, fertilizer and plant density: exploring the influence of environmental factors to stable nitrogen and carbon isotope composition in cereal gran. *Journal of Archaeological Science* 163, 105935. DOI:10.1016/j.jas.2024.

Maysuryan, N.A. 1954. *Crop production: Laboratory classes*. Moscow: Selkhozgiz.

Masson, V.M., Merpert, N.Ya. (eds.). 1982. *The Eneolithic of the USSR*. Moscow: Nauka.

Motuzaite Matuzeviciute et al. 2013: Motuzaite Matuzeviciute, G., Staff, R.A., Hunt, H.V., Liu, X., Jones, M.K. 2013. The early chronology of broomcorn millet (*Panicum miliaceum*) in Europe. *Antiquity* 87, 1073—1085.

Messager, E., Herrscher, E., Martin, L., Kvavadze, E., Martkoplishvili, I. et al., 2015. Archaeobotanical and isotopic evidence of Early Bronze Age farming activities and diet in the mountainous environment of the South Caucasus: a pilot study of Chobareti site (Samtskhe-Javakheti region). *Journal of archaeological Science* 53 (5), 214—226. DOI: 10.1016/j.jas.2014.10.014.

Palaguta, I.V., Starkova, E.G. 2018. Problems of the relative chronology of the Trypillia-Cucuteni and neighboring cultures in the Balkan-Carpathian area: 14C dates and archaeological materials. In: Kashuba, M.T., Kaiser, E. (eds.). *Principles and methods of dating in Archaeology (Neolithic—Middle Ages)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 97—123.

Pashkevich, G. 1989. Paleobotanical research of Trypillia materials from the Dnieper and South Bug interfluve. In: Berezanskaya, S.S. (ed.). *Prehistoric Archaeology*. Kiev: Naukova Dumka, 132—141.

Pashkevich, G.A. 2000. Agriculture in the Steppe and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Neolithic and Bronze Age (Palaeo-Ethnic and Botanic Evidence). *Stratum plus* 2, 404—418.

Pashkevich, G. 2003. Paleoethnobotanical evidence of agriculture in the steppe and forest-steppe of East Europe in the Late Neolithic and Bronze Age. In: Levine, M., Renfrew, C., Boyle, K. (eds.). P*rehistoric steppe adaptation and the horse*. Cambridge: McDonald Institute, 287—297.

Passek, T.S., 1949. Periodization of the Trypillia Sites (3000—2000 BC). In: *Materials and Investigations on USSR archaeology*. Vol. 10. Moscow; Leningrad: Soviet Academy of Sciences Publishing House.

Pelling et al. 2015: Pelling, R., Campbell, G., Carruthers, W., Hunter, K., Marshall, P. 2015. Exploring contamination (intrusion and residuality) in the archaeobotanical record: case studies from central and southern England. *Vegetation History and Archaeobotany* 24, 85—99.

Reimer et al. 2020: Reimer, P.J. et al. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0-55 kcal BP). *Radiocarbon* 62, 725—757.

Schlütz et al. 2023: Schlütz, F., Hofmann, R., Dal Corso, M., Pashkevych, G., Dreibrodt, S., et al. 2023. Isotopes prove advanced, integral crop production, and stockbreeding strategies nourished Trypillia mega-populations. *Proc Natl Acad Sci USA. Dec* 26; 120 (52) :e2312962120. DOI: 10.1073/pnas.2312962120. Epub 2023 Dec 18. Erratum in: Proc Natl Acad Sci USA. 2024 Apr 23;121(17):e2406120121. DOI: 10.1073/pnas.2406120121. PMID: 38109547; PMCID: PMC10756257.

Spengler, R.N. III. 2015. Agriculture in the Central Asian Bronze Age. *Journal of World Prehistory* 28 (3), 215—253.

Stevens, C.J., Fuller, D.Q. 2012. Did Neolithic farming fail? The case for a Bronze Age agricultural revolution in the British Isles. *Antiquity* 86, 707—722.

Trifonov et al. 2017: Trifonov, V.A., Shishlina, N.I., Lebedeva, E.Y., van der Plicht, J., Rishko, S.A. 2017. Directly dated broomcorn millet from the northwestern Caucasus: Tracing the Late Bronze Age route into the Russian steppe. *Journal of Archaeological Science: Reports* 12, 288—294. https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2017.02.004.

Yanushevich, Z.V. 1976. *Domesticated plants in the southwestern part of the USSR based on paleobotanical studies*. Kishinev: Ştiinţa.

Van Slageren, M. 1994. Wild wheats: a monograph of Aegilops L. and Amblyopyrum (Jaub. & Spach) Eig (Poaceae). *ICARDA / Wageningen Agricultural University Papers* 94 (7), 512.

Table 1. **Results of AMS-dating of the wheat samples from *Contexts 1&2* (unmodeled data).**

Lab No.	Sample	Date (BP)	From	To	%	From	To	%
Calibrated range (unmodeled) BCE								
Chernovtsy Museum (*Context 2*)								
DeA-38151	Wheat grain	5316±26	4133	4047	68.3	4233	3998	95.4
Poz-136462	Wheat grain	5215±35	4048	3987	68.3	4215	3960	95.4
IGANams-10094	Wheat grain	5210±25	4046	3985	68.3	4156	3967	95.4
Calibrated range (unmodeled) BCE								
Khalepye (*Context 1*)								
Lab No.	**Sample**	**Date BP**	**From**	**To**	**%**	**From**	**To**	**%**
DeA-38150	Wheat grain	4999±27	3789	3663	68.3	3913	3653	95.4
IGANams-10095	Wheat grain	4910±25	3708	3646	68.3	3766	3641	95.4

Table 2. **Calibrated *Date* intervals for the wheat samples from *Contexts 1&2* (modeled data).**

Lab No.	Sample	Date BP	From	To	%	From	To	%
Calibrated range (modeled) BCE								
Chernovtsy Museum (*Context 2*)								
Start boundary			4249	4050	68.3	4923	3998	95.4
DeA-38151	Wheat grain	5316±26	4133	4047	68.3	4233	3998	95.4
Poz-136462	Wheat grain	5215±35	4048	3987	68.3	4215	3960	95.4
IGANams-10094	Wheat grain	5210±25	4046	3985	68.3	4156	3967	95.4
End boundary			4038	3889	68.3	4152	3205	95.4
Calibrated range (modelled) BCE								
Khalepye (*Context 1*)								
Lab No.	**Sample**	**Date BP**	**From**	**To**	**%**	**From**	**To**	**%**
Start boundary			3969	3676	68.3	3913	3653	95.4
DeA-38150	Wheat grain	4999±27	3789	3663	68.3	3913	3653	95.4
IGANams-10095	Wheat grain	4910±25	3708	3646	68.3	3766	3641	95.4
End boundary			3708	3646	68.3	3766	3641	95.4

Table 3. **Stable isotope data ($\delta^{13}C$ and $\delta^{15}N$) of wheat grains from *Context 1* (Khalepye) and *Context 2* (Chernovtsy).**

№	Sample	$\delta^{13}C$, ‰ VPDB	$\delta^{15}N$, ‰ AIR	C/N
Context 1 (Khalepye)				
1	Wheat grain	-22.58±0.21	6.58±0.24	43.57±0.51
2	Wheat grain	-22.43±0.18	5.86±0.31	49.62±0.66
3	Wheat grain	-22.64±0.22	7.16±0.28	53.39±0.37
4	Wheat grain	-22.71±0.20	7.44±0.24	55.16±0.28
5	Wheat grain	-22.66±0.08	6.1±0.22	48.37±0.3
6	Wheat grain	-24.08±0.11	7.37±0.21	54.89±0.36
7	Wheat grain	-22.96±0.06	6.20±0.31	55.27±0.29
8	Wheat grain	-22.37±0.21	4.38±0.27	48.36±0.25
9	Wheat grain	-23.49±0.24	7.05±0.21	50.08±0.21
10	Wheat grain	-22.84±0.17	7.54±0.22	46.31±0.3
Context 2 (Chernovtsy Museum)				
11	Wheat grain	-24.24±0.21	5.52±0.22	19.55±0.32
12	Wheat grain	-24.12±0.13	6.09±0.17	22.39±0.24
13	Wheat grain	-24.28±0.2	7.48±0.24	47.32±0.2
14	Wheat grain	-23.38±0.22	9.31±0.26	54.47±0.37
15	Wheat grain	-23.75±0.18	5.39±0.18	44.03±0.34

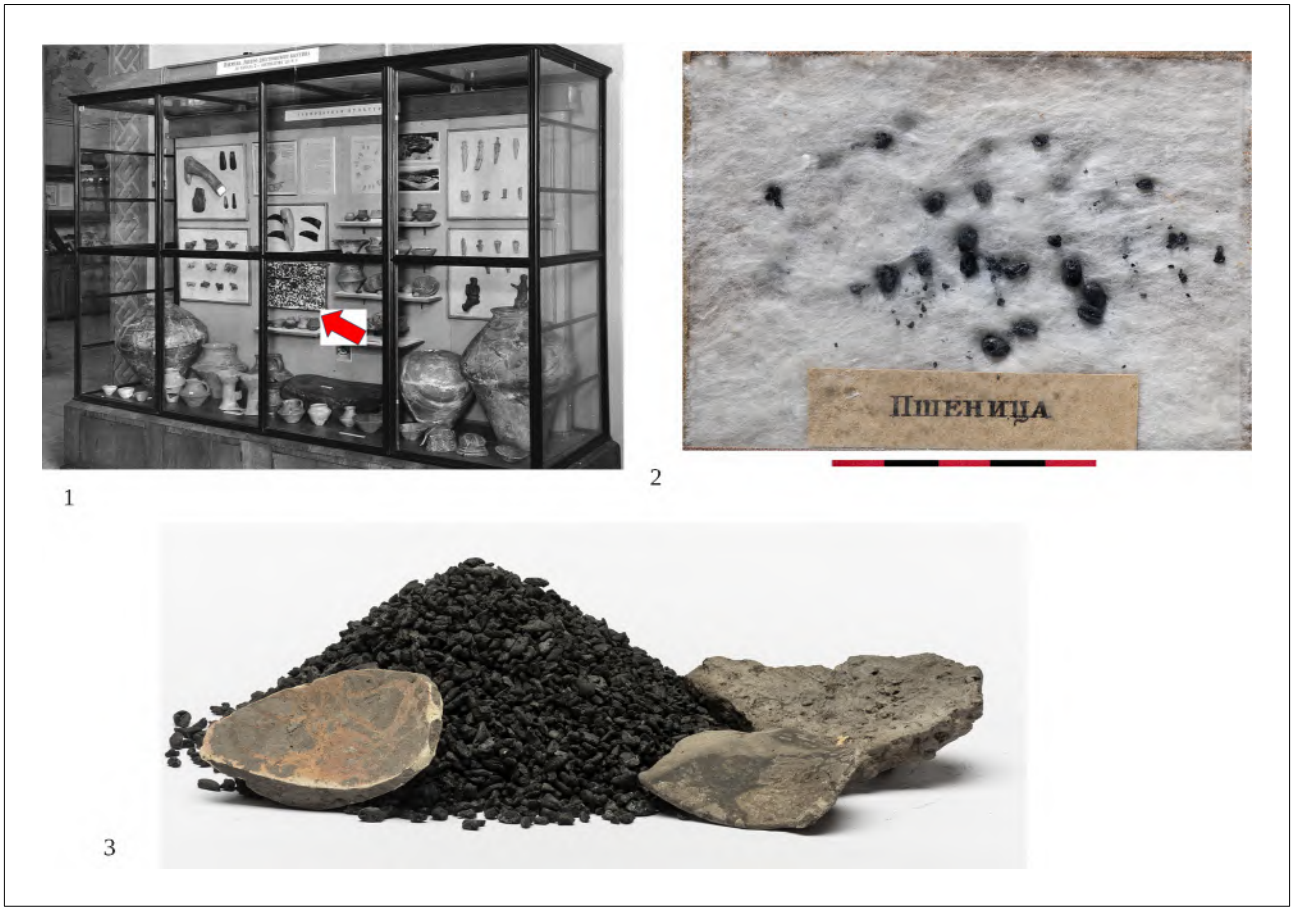


Fig. 1. *1* — Permanent display of the State Historical Museum. Bronze Age Period Room, the cabinet with the Trypillia artifacts; a – the wheat grains on display in the frame under glass; *2* — fragment of the exposition frame with the charred wheat grains, presumably, from the Chernovtsy Museum, with the ‘wheat’[*pshenitsa*] (in Russian); *3* — charred grains and fragments of clay pots, presumably, from the Khalepye village located not far from the Trypillia village, excavations by V.V. Khvoyka in 1895.

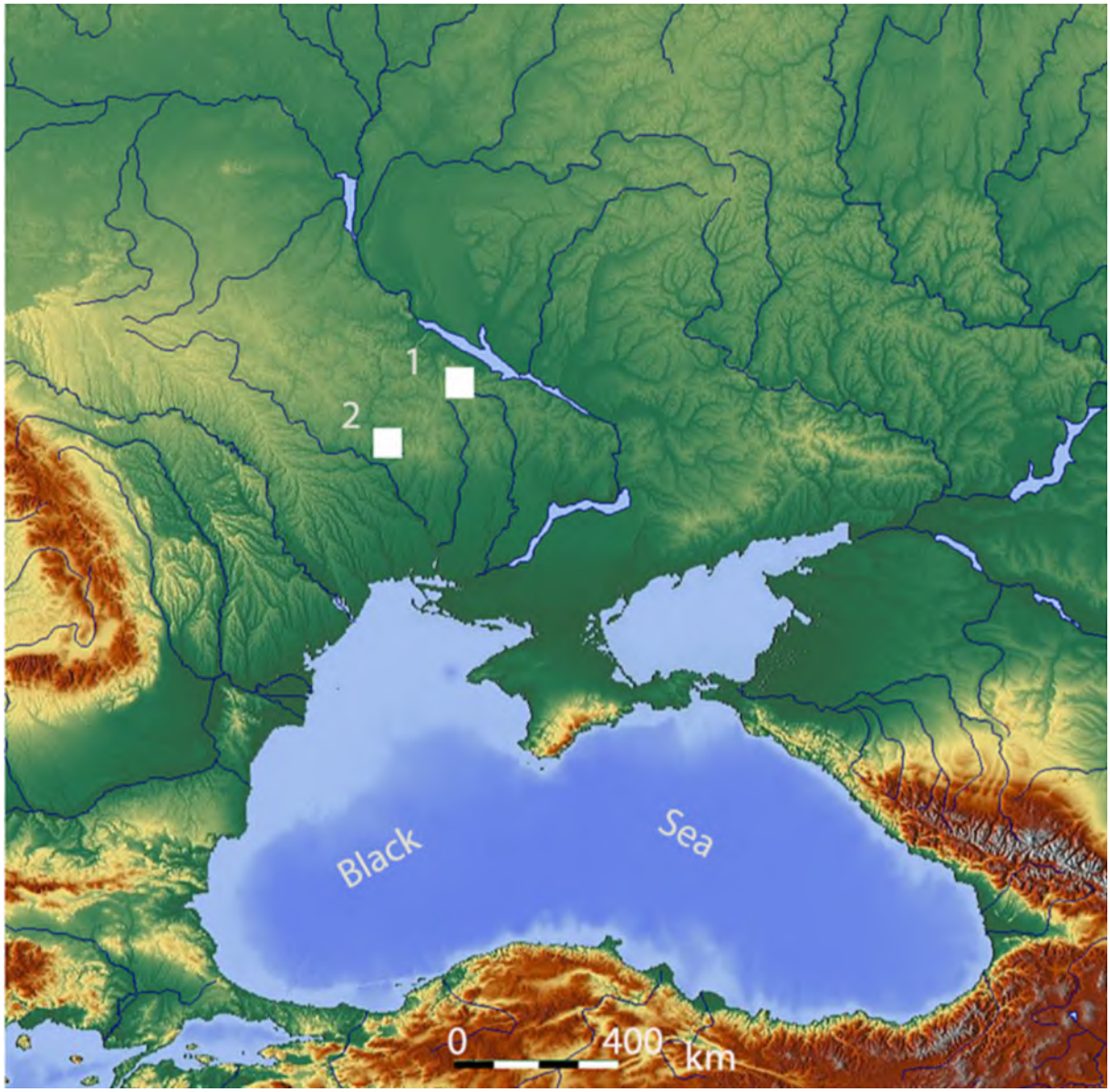


Fig. 2. Location of cereal assemblages from State Historical museum: *1* — Khalepye; *2* — Chernovtsy

Fig. 3. ***Context 1*** **Group: wheat grains.**

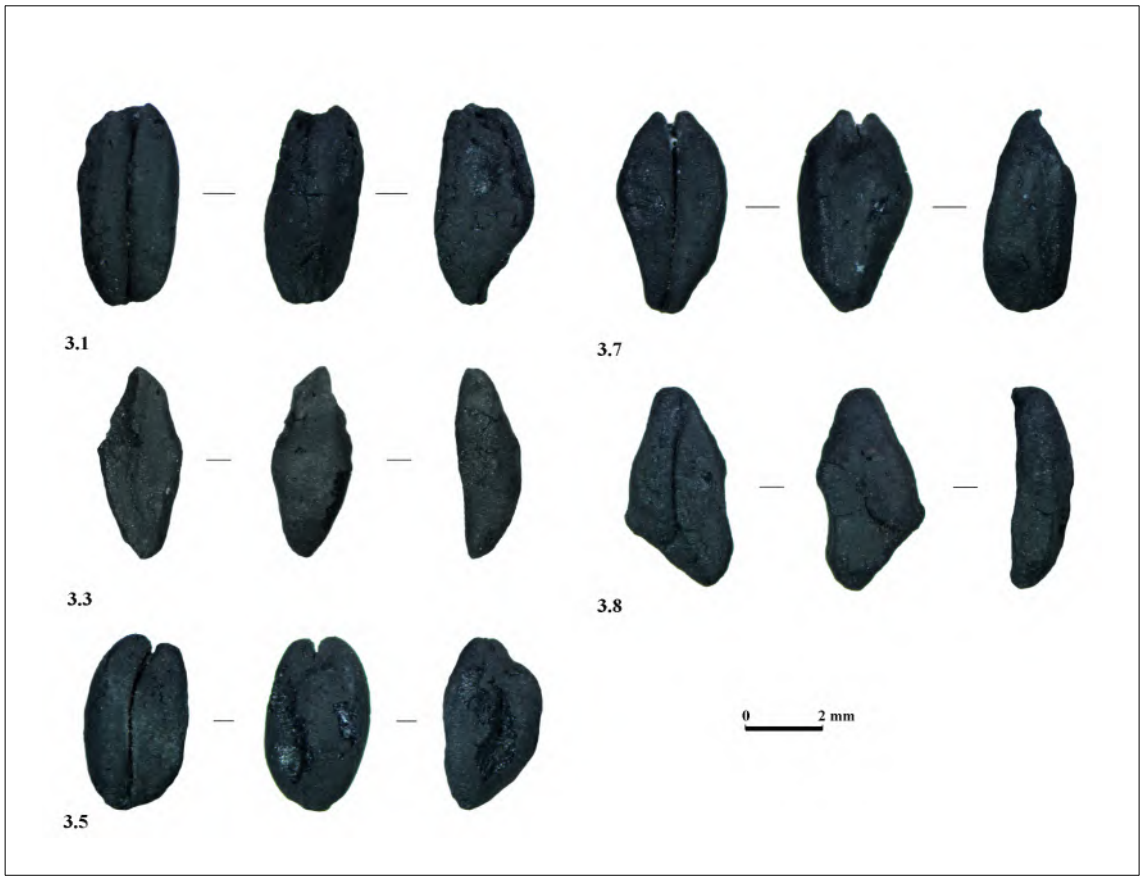


Fig. 4. ***Context 2*** **Group: wheat grains.**

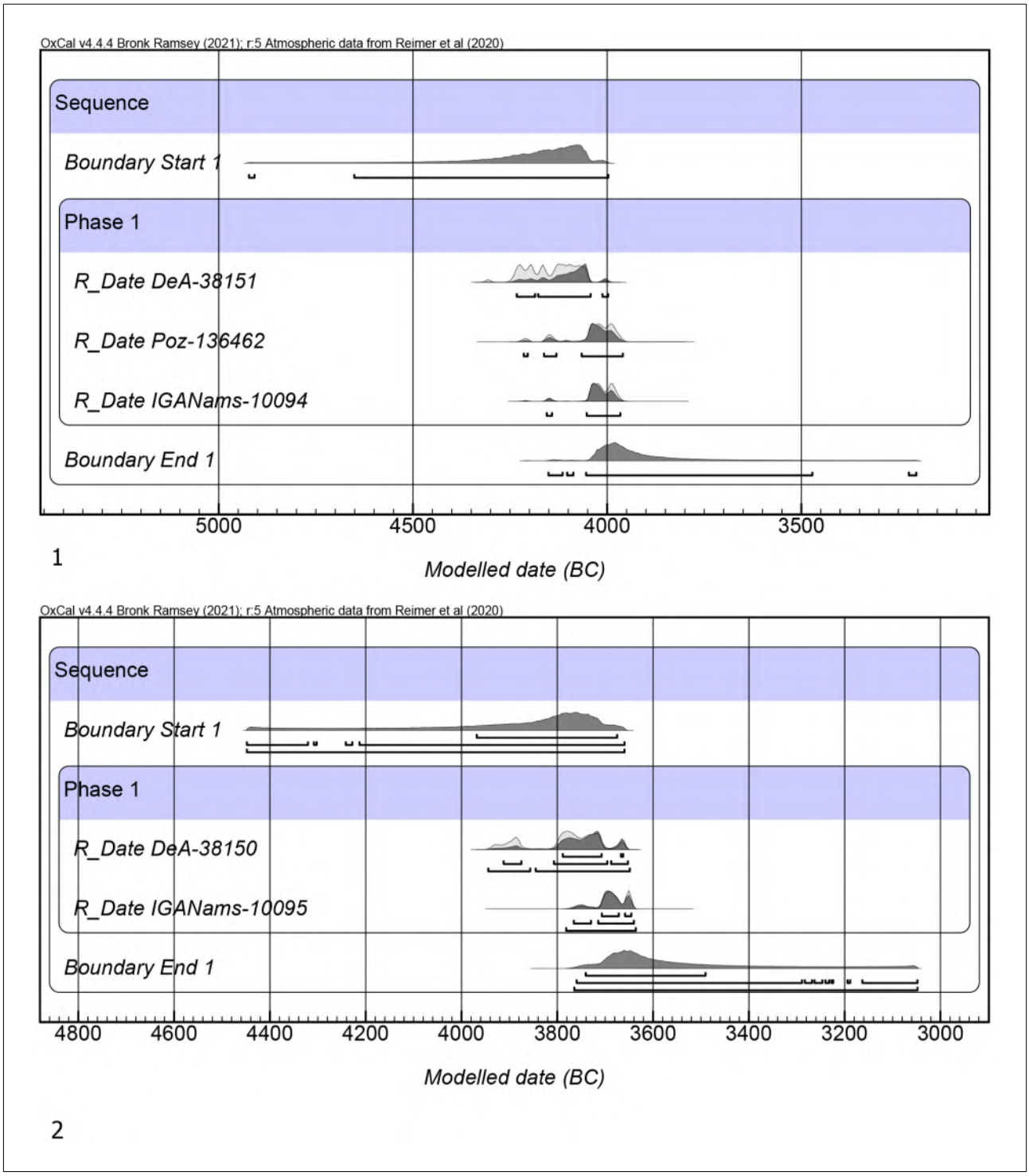


Fig. 5. Summary of the modeled radiocarbon dates of the wheat grains: 1 — *Context 2*; *2* — *Context 1*.

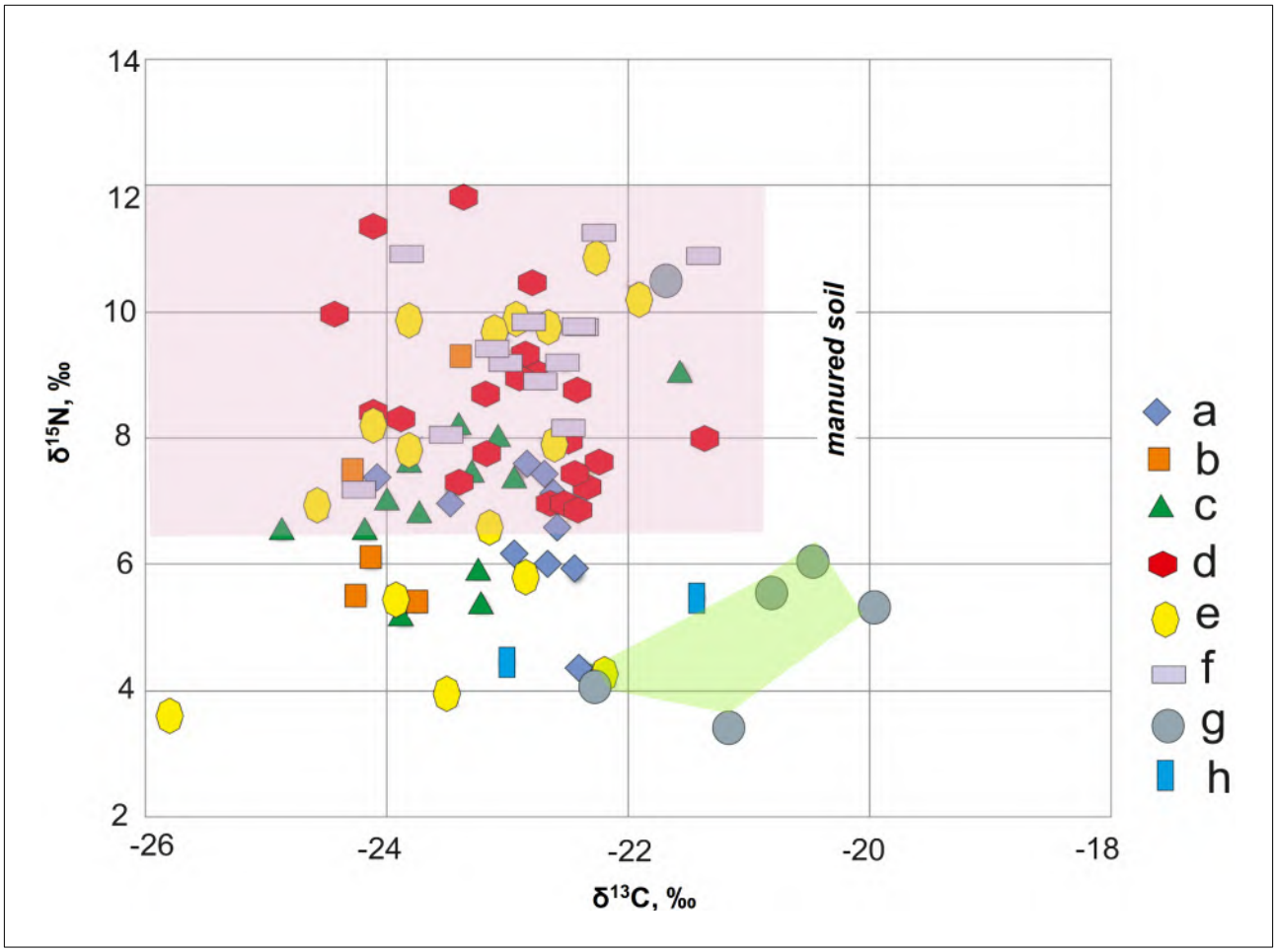


Fig. 6. $\delta^{15}N$ and $\delta^{13}C$ values for wheat grains: *a* — Khalepye; *b* — Chernovtsy; *c* — Kosenivka; *d* — Maidanetske; *e* — Stolniceni 1; *f* — Chechelnyk (*c*—*f*: after Schlütz et al. 2023); *g* — Chobareti (after Messager et al. 2015); *h* — Alekseyevskoye.

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.32.42.002

**С.Б. Вальчак, С.А. Фидельский, С.Н. Разумов,
П.А. Косинцев, В.С. Синика**

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ДНЕСТРА. Ч. 3*

В статье публикуются и анализируются 15 погребений черногоровской культуры, изученных на левобережье Нижнего Днестра. Только две могилы содержали предметы, позволяющие относить их к предскифскому времени. В одной был найден лепной горшок, в другой — кресальный кремень и бронзовый наконечник стрелы. Остальные погребения были безынвентарными. Все захоронения датированы радиоуглеродным методом. Полученные даты показали, что захоронения были совершены в хронологическом диапазоне предскифского периода, располагающегося на хронологической шкале между памятниками позднего бронзового века и раннескифской культуры. Наиболее важным итогом работы стало значительное увеличение количества погребальных памятников предскифского времени в Северо-Западном Причерноморье.

Ключевые слова: левобережье Днестра, предскифские погребения, радиоуглеродное датирование, вторая половина IX — первая половина VII в. до н.э.

Сведения об авторах: Вальчак Сергей Борисович[1], кандидат исторических наук, научный сотрудник скифо-сарматского отдела Института археологии РАН; Фидельский Сергей Анатольевич[2], кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Разумов Сергей Николаевич[3], кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Косинцев Павел Андреевич[4], старший научный сотрудник лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН; Синика Виталий Степанович[5], доктор исторических наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Контактная информация: [1]117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19, e-mail: valchaks@yandex.ru; [2,3,5]3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Покровская, 107, e-mail: [2]fidel1975@mail.ru, [3]razum_22@mail.ru, [5]sinica80@mail.ru; [4] Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 202, e-mail: kpa@ipae.uran.ru.

**S.B. Valchak, S.A. Fidelski, S.N. Razumov,
P.A. Kosintsev, V.S. Sinika**

NEW GRAVES OF THE PRE-SCYTHIAN TIME ON THE LEFT BANK OF THE DNIESTER. Pt. 3

The article publishes and analyzes 15 burials of the Chernogovka culture, studied on the left bank of the Dniester. Only two graves contained objects that could be dated to the pre-Scythian period. One of them contained a two-tiered jug, and the other one contained fire flint and bronze arrowhead. Other burials had no grave goods. All graves were dated using the radiocarbon method. The dates obtained showed that the graves were made in the chronological range of the pre-Scythian period, located on the chronological scale between the

* Выражаем искреннюю признательность доктору истории Д.А. Топалу за качественные фото и прорисовки сосуда из погребения Владимировка 1/2 из фондов Национального музея истории Молдовы (г. Кишинёв), а также К.А. Фроловой — за рисунок наконечника стрелы из захоронения Кременная Балка 4/3 из фондов Музея археологии Поднестровья Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь).

Статья поступила в номер 15 января 2026 г.
Принята к печати 12 февраля 2026 г.

© С.Б. Вальчак, С.А. Фидельский, С.Н. Разумов, П.А. Косинцев, В.С. Синика, 2026.

sites of the Late Bronze Age and the Early Scythian culture. The most important result of the work is a significant increase in the number of graves of the pre-Scythian period in the North-West Black Sea region.

Key words: Left bank on the Dniester Region, Pre-Scythian graves, radiocarbon dating, the second half of the 9th — the first half of the 7th century BCE.

About the authors: Valchak Sergey Borisovich[1], Candidate of Historical Sciences, researcher of the Scythian-Sarmatian Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Fidelski Sergey Anatolyevich[2], Candidate of Historical Sciences, Leading researcher of the Laboratory "Archaeology" of Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Razumov Sergey Nikolaevich[3], Candidate of Historical Sciences, Leading researcher of the Laboratory "Archaeology" of Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Kosintsev Pavel Andreevich[4], Senior Researcher of Laboratory of Paleoecology of the Institute of Plant and Animal, Ural Branch of Russian Academy of Sciences; Sinika Vitaly Stepanovich[5], Doctor of Historical Sciences, Head of the Laboratory "Archaeology" of Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko.

Contact information: [1]117292, Russian Federation, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; e-mail: valchaks@yandex.ru; [2,3,5]3300, Moldova, Tiraspol, Pokrovskaya St., 107, e-mail: [2]fidel1975@mail.ru, [3]razum_22@mail.ru, [5]sinica80@mail.ru; [4]620144, Russian Federation, Ekaterinburg, 8 Marta St., 202, e-mail: kpa@ipae.uran.ru.

Введение

С 1992 г. по настоящее время Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета (ПГУ) им. Т.Г. Шевченко проводятся масштабные раскопки курганов на левобережье Нижнего Днестра. Только в окрестностях с. Глиное Слободзейского р-на с 1995 г. по 2025 г. были исследованы 187 насыпей: 116 — на могильнике Глиное, 21 — на могильнике Глиное/Водовод, 14 — на могильнике Глиное/Сад, 10 — на могильнике Глиное/ДОТ, 10 — на могильнике Глиное/Север, 5 — на могильнике Глиное/Сухая Балка, 3 — на могильнике Глиное/Рыбхоз, 4 — на могильнике Кременная Балка, по 2 — на могильнике Глиное/Клини Глиное/Плавни. Кроме того, были проведены раскопки ещё 43 курганов: 4 — у с. Дойбаны-2 в Дубоссарском районе; 10 — у с. Бычок, 3 — на могильнике Буторы—II, 1 — у с. Малаешты, 3 —у с. Токмазея Григориопольского района; 10 — у г. Слободзея, 2 — на могильнике «Источник» у с. Чобручи, 2 — на могильнике «Пруд» у с. Чобручи, 1 — на могильнике «Озеро» у с. Коротное, 8 — на могильнике «Кулак» у с. Коротное Слободзейского района. Всего было изучено более тысячи погребений, которые были совершены в интервале IV тыс. до н.э. — XVIII в.

Многие десятки комплексов не содержали инвентаря, поэтому в силу различных причин (невозможность зафиксировать вид погребального сооружения; универсальность поз и ориентировок погребённых) отнесение этих захоронений не только к конкретной археологической культуре, но даже и к одной из эпох (энеолиту, бронзовому веку, раннему железному веку или к средневековью) являлось предположительным либо невозможным. В этой связи было принято решение датировать радиоуглеродным методом все такие погребения. С 2020 г. эта работа проводится в радиоуглеродных лабораториях Атенса (UGAMS), Дебрецена (DeA), Киева (Ki), Москвы (IGAN), Познани (Poz), Санкт-Петербурга (SPb) и Новосибирска (GV)[1]. К настоящему времени получены сотни радиоуглеродных дат по костям человека, животных, дереву и древесному углю.

Одним из результатов этой работы стало датирование образцов из немногих погребений черногоровской культуры, содержавших инвентарь. Кроме того, были датированы захоронения без инвентаря или с невыразительными находками, культурно-хронологическая атрибуция которых была спорной либо невозможной. В результате среди

[1] Здесь и далее все радиоуглеродные даты, в лабораторном коде которых содержится аббревиатура GV, были получены в ЦКП «Ускорительная масс-спектроскопия НГУ—ННЦ».

последних были выявлены могилы предскифского времени. Было отмечено, что подобные погребения исследователями в лучшем случае в отчётах и публикациях записываются в неопределённые, а в худшем — атрибутируются без достаточных оснований, в том числе и для необоснованного увеличения источниковой базы памятников какого-то периода в различных регионах (Синика, Симоненко 2022; Вальчак и др. 2024; Вальчак и др. 2025).

В настоящей работе публикуются и анализируются 15 погребений черногоровской культуры. Все они были датированы радиоуглеродным методом.

Описание комплексов

1. Катериновка 1/4

Курган 1 у с. Катериновка Каменского района высотой 0,45 м от современной дневной поверхности и диаметром до 19 м располагался в 0,95 км к юго-западу (229,46º) от юго-западной окраины села. Абсолютные географические координаты центра кургана 47°55'0.82"СШ, 28°51'31.51"ВД. Изучен Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2010 г.

Курган исследовался параллельными траншеями с использованием бульдозера. Были разбита бровка шириной 1 м по линии северо-запад — юго-восток (рис. 1: 4).

В кургане выявлены пять захоронений: два — ямной культурно-исторической общности (№ 1), одно — днепро-прутской бабинской культуры (№ 3 и 5), одно — черногоровской культуры (№ 4), одно — средневековое (№ 2).

Погребение 4 (черногоровской культуры, впускное) находилось в верхних слоях северного сектора насыпи. Погребальное сооружение не прослежено (рис. 1: 4).

Фрагменты черепа, фаланги, рёбра и другие кости мужчины (?) возрастом 20 лет и более (Łukasik 2016b: 3) были разбросаны на расстоянии до четырёх метров в общем направлении с севера на юг, ближе к северной поле насыпи (Разумов, Четвериков 2020: 123, рис. 2)[2].

Находок в могиле не обнаружено.[3]

2. Владимировка 1/2

Курган 1 у с. Владимировка Рыбницкого района высотой 0,9 м от современной дневной поверхности и диаметром до 23 м располагался в 2,175 км к юго-западу (227,12º) от юго-западной окраины села. Абсолютные географические координаты центра кургана 47°36'18.08"СШ, 29° 4'0.94"ВД. Изучен Рыбницкой новостроечной экспедицией Отдела этнографии и искусствоведения Академии наук Молдавской ССР во главе с Т.И. Демченко в 1986 г. (Демченко, Левицкий 1999).

Курган исследовался параллельными траншеями с использованием бульдозера. Были разбиты семь бровок шириной 1 м по линии север — юг (рис. 2).

В кургане выявлены 13 захоронений: четыре — ямной культурно-исторической общности (№ 3, 5, 8, 12), семь — эпохи бронзы (№ 1, 6, 7, 9, 10, 11, 13), одно — черногоровской культуры (№ 2), одно — средневековое (№ 4).

Погребение 2 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в центральной части кургана на глубине 0,54 м от R_0. Погребальное сооружение не прослежено (рис. 3: 1).

[2] В публикации погребение 3 интерпретировано как захоронение ямной культурной исторической общности, погребение 4 — как могила днепро-прутской бабинской культуры (Разумов, Четвериков 2020). Как показало радиоуглеродное датирование, эта атрибуция ошибочна. Кроме того, при датировании костей человека, найденных в грабительской воронке в погребении 1, оказалось, что они принадлежат захоронению днепро-прутской бабинской культуры, которое мы в настоящей работе обозначили № 5.

[3] Разрушенное погребение 4 опубликовано как могила днепро-прутской бабинской культуры на основании фрагмента лепного сосуда (Разумов, Четвериков 2020: 123—124, рис. 5: 6), который, как в настоящее время очевидно, попал в захоронение случайно.

Костяк мужчины 50—55 лет[4] лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток. Правая рука вытянута и слегка отставлена от тела. Левая рука, вероятно, была согнута в локте, фаланги левой кисти зафиксированы поверх крестца и правого крыла таза. У правого плеча зафиксированы ***три кости животного*** (Демченко, Левицкий 1999: 133) ***от напутственной пищи***.

У правого локтя зафиксирован ***лепной горшок*** с отогнутой наружу горловиной и туловом с максимальным расширением в верхней трети на плоском, слегка вогнутом дне. Цвет внешней поверхности жёлтый, серый, с чёрными пятнами. Высота горшка 152—155 мм. Диаметр венчика 108 мм, шейки — 85 мм, тулова — до 136 мм, дна — 70 мм. Толщина стенок 5—7,5 мм, дна в центре — 9 мм. Дно в центре вогнуто на 2 мм (рис. 3: 3).

3. Дойбаны—2 2/1

Курган 2 у с. Дойбаны-2 Дубоссарского района располагался в 3,2 км к северо-западу (314,60º) от северной окраины села. Абсолютные географические координаты центра кургана 47°25'44.17"СШ, 29°10'45.51"ВД. Представлял собой полностью распаханную насыпь, выделявшуюся на поверхности поля пятном желтого цвета диаметром 17 м (рис. 4: 1). Изучен Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2007 г. (Тельнов, Четвериков, Синика 2018: 86, рис. 4: 1, 2; Кетрару и др. 2014: 140, рис. 123)[5].

В кургане зафиксировано единственное захоронение предскифского времени.

Погребение 1 (черногоровской культуры, основное) находилось в центре курганного пятна. Совершено в яме (рис. 4: 2, 3).

Яма вытянутой прямоугольной формы с округлёнными углами длиной 2 м, шириной 0,8 м и глубиной 0,15 м была ориентирована по линии северо-запад — юго-восток.

Погребение взрослого человек возрастом 20 лет и более (Łukasik 2016a: 2) было ограблено в древности, о чём свидетельствует слой затёчного чернозёма на дне ямы и нарушенность костяка. От него *in situ* сохранились кости предплечья правой руки и ноги, а также кости левой голени. Остальные кости находились в разрозненном состоянии в южной части ямы. По всей видимости, костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток.

Подстилка и погребальный инвентарь не обнаружены.

4. Кременная Балка 1/1 (костяк 1)

Курган 1 могильника «Кременная Балка» располагался в 2,15 км к северо-востоку (50,68º) от пересечения дороги Глиное — Первомайск с Кременной Балкой. Географические координаты центра кургана 46°43'20.31"СШ, 29°55'44.72"ВД. Исследован Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2022 г.

Курган копался параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты три бровки по линии север—юг. Центральная бровка имела ширину 0,6 м и длину 32 м. Западная и Восточная бровки имели ширину по 0,6 м и длину по 28 м. Высота кургана от современной поверхности составляла 0,4 м. Насыпь и погребённая почва были полностью уничтожены распашкой. В кургане обнаружено десять погребений: четыре захоронения раннего бронзового века (ямной культурно-исторической общности), три — позднего бронзового века, три — черногоровской культуры (рис. 5).

Погребение 1 (костяк 1) (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 3 м к югу — юго-западу от R_0 на глубине 0,3 м от R_0. Погребальное сооружение не прослежено (рис. 6: 1).

Костяк человека возрастом 15—20 лет (Łukasik 2024b: 1—2) лежал сильно скорчено на левом боку головой на восток, с небольшим отклонением к северо-востоку (на глубине 29 см

[4] Определения пола и возраста канд. биол. наук А.М. Варзаря (г. Кишинёв).

[5] В первой публикации захоронение интерпретировано как «предположительно, сарматское» (Тельнов, Четвериков, Синика 2018: 86), во второй — как сарматское с осторожностью (Кетрару и др. 2014: 140, 219).

от R_0). Руки были сильно согнуты в локтях, запястье правой лежало на плечевой кости левой, кисти находились у подбородка. Ноги пятками подтянуты к тазу.

Погребение безынвентарное.

5. Кременная Балка 1/1 (костяк 2).

Погребение 1 (костяк 2) (черногоровской культуры, впускное) находилось непосредственно под могилой Кременная Балка 1/1 (костяк 1) (рис. 6: 1).

Костяк женщины (?) 35—50 лет (Łukasik 2024b: 2) лежал слабо скорченно на левом боку с разворотом на спину головой на запад — юго-запад (на глубине 0,32—0,44 м от R_0). Руки были вытянуты вдоль тела, ноги слабо согнуты под тупым углом в тазобедренных суставах и в коленях.

Погребение безынвентарное.

6. Кременная Балка 1/4б.

Погребение 4б (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 1 м к юго-западу от R_0 на глубине 0,4 м. Совершено в подбое (рис. 7: 1).

Входная яма подпрямоугольной формы сохранилась частично: она имела размеры около 2 × 0,5 м и глубину 0,52 м от R_0, длинной осью была ориентирована по линии запад — восток.

Камера подпрямоугольной формы размерами 1,75 × 0,5 м и глубиной 0,6 м располагалась севернее входной ямы.

Костяк подростка 13—14 лет (Łukasik 2024b: 2) лежал вытянуто на спине головой на восток (на глубине 0,6 м от R_0). Руки были согнуты в локтях под острым углом, кисти сложены поверх грудной клетки у подбородка.

Погребение безынвентарное.[6]

7. Кременная Балка 2/1.

Курган 2 могильника «Кременная Балка» находился в 0,602 км к западу—северо-западу (297,07º) от кургана 1. Географические координаты центра кургана 46°43'29.16" СШ, 29°55'19.43" ВД. Исследован Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2023 г.

Курган копался параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты пять бровок по линии запад — восток. Центральная, I Северная и I Южная бровки имели ширину по 0,6 м и длину по 32 м. II Северная и II Южная бровки имели ширину по 0,6 м и длину по 28 м. Высота кургана от современной поверхности составляла до 0,55 м, от древнего горизонта — 0,6 м (рис. 8). Насыпь сильно повреждена распашкой.

В кургане обнаружены 29 погребений: десять — ямной культурно-исторической общности раннего бронзового века, два — ингульской катакомбной культуры среднего бронзового века, восемь — позднего бронзового века, три — черногоровской культуры, одно — средневековое, пять — Нового Времени.

Погребение 1 (впускное, черногоровской культуры) обнаружено в 1,65 м к северо-востоку от R_0 на глубине 0,35 м от R_0. Погребальное сооружение не прослежено (рис. 9: 1).

Костяк взрослого человека возрастом 20 лет и более (Łukasik 2024b: 3) лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Руки были вытянуты вдоль тела. Правая рука была вытянута вдоль тела, левая — не сохранилась. Ноги прямые.

Погребение безынвентарное.

[6] Захоронение практически полностью разрушило могилу днепро-прутской бабинской культуры (погребение Кременная Балка 1/4а). Последняя была датирована радиоуглеродным методом.

8. Кременная Балка 2/10

Погребение 10 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 2,45 м к северо-востоку от R_0 на глубине 0,48 м от R_0. Погребальное сооружение не прослежено (рис. 10: 1).

Костяк мужчины (?) 30—40 лет (Łukasik 2024b: 4) лежал вытянуто на спине, головой на запад — юго-запад. Руки были вытянуты вдоль тела, правая отставлена от него в сторону. Ноги прямые.

Погребение безынвентарное.

9. Кременная Балка 2/20

Погребение 20 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 3,7 м к востоку от R_0 на глубине 0,6 м от R_0. Погребальное сооружение не прослежено (рис. 10: 3).

Костяк мужчины (?) 20—35 лет (Łukasik 2024b: 5) лежал слабо скорченно на левом боку, головой на юг. Левая рука была вытянута вдоль тела, правая согнута в локте под тупым углом, её кисть перекрывала левую кисть. Ноги в тазобедренных суставах были согнуты под тупым углом, сохранились частично. Поверх левого локтя лежали ***кости правой задней ноги мелкого рогатого скота от напутственной пищи*** — берцовая, бедренная. Правая таранная кость той же ноги МРС[7] найдена у нижней челюсти погребённого.

Погребение безынвентарное.

10. Кременная Балка 4/3

Курган 4 могильника «Кременная Балка» находился в 3,222 км к западу — северо-западу (295,42º) от кургана № 1. Географические координаты центра кургана 46°44'4.98" СШ, 29°53'27.66" ВД. Исследован Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2023 г.

Курган копался параллельными траншеями с использованием техники. Была разбита одна бровка по линии запад — восток, шириной 0,6 м и длиной 20 м. Насыпь и древняя поверхность полностью уничтожены распашкой (рис. 11: 1).

В кургане обнаружено девять погребений: три захоронения ямной культурно-исторической общности, одно — ингульской катакомбной культуры, три — днепро-прутской бабинской культуры, одно — черногоровской культуры, одно — сарматское.

Погребение 3 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 2,4 м к востоку—юго-востоку от R_0 на глубине 0,8 м от R_0. Погребальное сооружение представляло собой подбой (рис. 11: 4, 5).

Входная яма подовальной формы размерами 2,05 × 0,55 м была ориентирована длинной осью по линии северо-запад — юго-восток. Дно наклонно спускалось к камере, его отмеченная глубина 0,96 м от R_0.

В восточной стенке была устроена погребальная камера подовальной формы размерами 2,1 × 0,5 м и глубиной 1,14 м от R_0. Её длинная ось была ориентирована параллельно входной яме.

Костяк мужчины возрастом 50 лет и более (Łukasik 2024b: 6) лежал вытянуто на правом боку с разворотом на спину, головой на северо-запад. Правая рука была вытянута вдоль тела, левая — слегка согнута в локте и кистью уложена на левый тазобедренный сустав. Ноги прямые, правая ступня лежала поверх левой.

Состав и расположение инвентаря. Во входной яме у юго-западной стенки зафиксирован ***кресальный кремень*** (1). На левом крыле таза лежал ***бронзовый наконечник стрелы*** (2).

Описание находок.

1. Кресальный кремень на отщепе гальки размерами 37 × 15 × 9 мм. По периметру интенсивная забитость (рис. 11: 2)

[7] Определение одного из авторов настоящей работы — канд. биол. наук П.А. Косинцева.

2. Четырёхлопастный бронзовый наконечник стрелы с выделенной втулкой. Две лопасти выступают больше и образуют абрис «башневидной» головки с опущенными вниз заостренными концами. Другие две лопасти выделены слабо. Длина наконечника 38 мм. Длина конической втулки не менее 20 мм, диаметр — от 5,5 мм до 7 мм. На втулке есть два отверстия, образовавшиеся в результате дефекта литья (рис. 11: 3).

11. Глиное/Плавни 1/2а

Курган 1 могильника «Плавни» у с. Глиное Слободзейского района располагался в 2,12 км к востоку — юго-востоку от пересечения шоссе Тирасполь — Днестровск с ул. Ленина с. Глиное Слободзейского района, в 1,16 км к северо-востоку от северной оконечности ул. Зои Космодемьянской пос. Красное Слободзейского района, на правом берегу оз. Красное. Географические координаты центра кургана 46°39'19.81" СШ, 29°50'14.97" ВД. Исследован Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2019 г.[8]

Курган копался параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты три бровки по линии запад — восток. Все бровки имели ширину по 0,6 м. Центральная бровка была длиной 32 м, Северная и Южная бровки — по 28 м. Насыпь была повреждена глубокой распашкой (до 0,4 м). Высота кургана от современной поверхности составляла 0,5 м. Высота насыпи над древней поверхностью на момент начала исследований составляла 0,6 м (рис. 12).

В кургане обнаружены две древние ямы, каменные конструкции и 32 погребения: одно усатовской культуры, пять — ямной культурно-исторической общности, четыре — ингульской катакомбной культуры, девять — позднего бронзового века, три — черногоровской культуры, десять — средневековых.

Погребение 2а (черногоровской культуры)[9] обнаружено в 1,5 м к северу от R_0 на глубине 0,75 м от R_0. Погребальное сооружение не зафиксировано (рис. 13: 1).

В придонном заполнении грабительского хода, который вёл к основному захоронению в кургане, найдены разбросанные в беспорядке кости двух взрослых людей.

Первый костяк принадлежал мужчине 20—55 лет (фрагменты лобной кости, фрагменты нижней челюсти, фрагменты обеих лопаток, грудины, фрагмент правой подвздошной кости и целая левая, фрагменты правой седалищной кости, фрагменты левой лобковой кости, фрагменты крестца, фрагменты позвонков, фрагменты ребер, правая плечевая кость, правая лучевая кость, фрагменты большеберцовых костей, фрагменты левой малоберцовой кости, кости кистей рук (запястные и фаланги), кости стоп (предплюсневые и плюсневые) и зубы (постоянные).

Второй костяк принадлежал женщине (?) 35—50 лет (фрагменты нижней челюсти, фрагменты грудины, фрагменты левой подвздошной кости, фрагменты левой лобковой кости, фрагменты крестца, фрагменты ребер, фрагменты правой лучевой кости, фрагменты большеберцовой кости) (Łukasik 2025: 1—3).

[8] Ранее опубликованные предскифские захоронения 10 и 17 кургана 1 могильника «Плавни» у с. Глиное (Вальчак и др. 2020), как показало радиоуглеродное датирование, таковыми не являются. Погребение 10 было совершено носителями ингульской катакомбной культуры в третьей четверти III тыс. до н.э., а погребение 17 — в раннем средневековье (во второй половине VI — первой половине VII в.).

[9] Ранее опубликовано погребение 2 кургана 1 могильника «Плавни» у с. Глиное Слободзейского района. Оно было атрибутировано как захоронение сабатиновской культуры позднего бронзового века на основании двух лепных сосудов, принадлежность которых указанной культуре сомнений не вызывает (Лысенко и др. 2023: 15, 22, рис. 4: 3—5). В настоящее время, после проведения радиоуглеродного датирования, выяснилось, что кости людей не имеют отношения к сабатиновскому погребению. По этой причине черногоровское захоронение мы обозначили номером 2а. Очевидно, что черногоровская могила разрушила более раннее погребение сабатиновской культуры, после чего кости людей и инвентарь обоих захоронений были перемешаны в процессе грабительского перекопа.

Среди человеческих костей был обнаружен ***грудной позвонок мелкого рогатого скота***[10] и проксимальный ***фрагмент правой локтевой кости птицы семейства Утиные*** (Anatidae).[11]

12. Глиное/Плавни 1/4

Погребение 4 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 12 м к юго-востоку от R_0 на глубине 0,67 м от R_0. Погребальное сооружение не зафиксировано (рис. 13: 5).

Костяк ребёнка 7—8 лет (Łukasik 2022: 4) лежал вытянуто на спине головой на восток — северо-восток. Левая рука была вытянута вдоль тела, правая не сохранилась. Ноги вытянуты и сомкнуты у стоп.

Следов подстилки и инвентаря не обнаружено.

13. Глиное/Плавни 1/11

Погребение 11 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 5 м к северо-востоку от R_0 на глубине 0,6 м от R_0. Погребальное сооружение не зафиксировано (рис. 14: 1).[12]

Костяк мужчины 20—35 лет (Łukasik 2024a: 1—2) лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп лежал на правом виске. Руки были вытянуты вдоль тела. Ноги были слегка согнуты в коленях и развалились во внешние стороны. Следов подстилки не обнаружено.

Погребение безынвентарное.

14. Глиное/Плавни 2/6

Курган 2 могильника «Плавни» у с. Глиное Слободзейского района располагался в 0,595 км к западу — юго-западу (245,18º) от кургана 1. Географические координаты центра кургана 46°39'11.79" СШ, 29°49'49.57" ВД. Исследован Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко в 2020 г.

Курган копался параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты три бровки по линии запад — восток. Все бровки имели ширину по 0,6 м и длину по 28 м. Высота кургана от современной поверхности составляла 0,35 м. Древняя поверхность на момент начала исследований была полностью уничтожена плантажной распашкой (рис. 15).

В кургане обнаружено 14 погребений: одно — усатовской культуры, одно — ямной культурно-исторической общности, одно — ингульской катакомбной культуры, шесть — позднего бронзового века, два — черногоровской культуры, три — скифских.

Погребение 6 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 1,5 м к востоку от R_0 на глубине 0,4 м. Погребальное сооружение прослежено частично. Вероятно, оно представляло собой яму (рис. 16: 1, 2).

Подпрямоугольная с закруглёнными углами яма размерами не менее 1,7 × 0,55 м и глубиной 0,41 м от R_0 была ориентирована длинной осью по линии северо-восток — юго-запад.

Костяк ребёнка 11—13 лет (Łukasik 2024a: 5) лежал вытянуто на спине с разворотом на правый бок, головой на восток—северо-восток. Руки были вытянуты вдоль тела. Ноги, вероятно, были перекрещены в голенях, левая поверх правой.

Погребение безынвентарное.

[10] Определение одного из авторов настоящей работы — канд. биол. наук П.А. Косинцева.

[11] Определение докт. биол. наук Н.В. Зеленкова (г. Москва).

[12] Ранее опубликовано ошибочно как скифское на основании единственной радиоуглеродной даты (Синика и др. 2021: 223, 229—230, рис. 3: 1, 2).

15. Глиное/Плавни 2/11

Погребение 11 (черногоровской культуры, впускное) обнаружено в 3 м к юго-востоку от R_0 на глубине 0,97 м от R_0. Совершено в яме (рис. 16: 4, 5).[13]

Яма подпрямоугольной формы размерами 1,05 × 0,65 м и глубиной 1,11 м от R_0 была ориентирована длинной осью по линии юго-запад — северо-восток.

Костяк ребёнка 5—6 лет (Łukasik 2022: 1) был разрушен при ограблении. Вероятно, первоначально он лежал в скорченном положении на левом боку, головой на юго-запад.

Погребение ограблено, следов подстилки и инвентаря не зафиксировано.

Топография курганов в могильниках

Как видно из приведенных выше данных, впускные погребения предскифского периода часто, но не во всех случаях, располагаются в курганах того или иного могильника не поодиночке, а составляют группу из нескольких погребальных комплексов в различных курганах. В могильнике Кременная Балка они обнаружены в трёх из четырёх раскопанных курганов, а в могильнике Плавни — в обоих раскопанных курганах. Подобная ситуация стала уже обычным явлением при раскопках могильников на левобережье Днестра. Предскифские погребения были открыты: в одном из 14 курганов группы Глиное/Сад (Вальчак и др. 2019: 159—162); в трёх из 16 курганов могильника Буторы I (Синика и др. 2013: 21, 39—42, 60, 61, 81—84, 95—100); в одном из 116 могильника у с. Глиное, в двух из 21 кургана могильника Глиное/Водовод; в трёх из 10 курганов могильника Глиное/ДОТ; в двух из трёх курганов могильника Глиное/Рыбхоз (Вальчак и др. 2024: 43—51); в четырёх из 5 курганов могильника Глиное/Сухая Балка; в трёх из 10 курганов у г. Слободзея, а также в двух курганах могильника Буторы/Долы (Вальчак и др.: 2025: 2—13). У сс. Катериновка и Владимировка было изучено по одному предскифскому захоронению, при этом общее количество курганов в соответствующих могильниках в настоящее время определить невозможно. Ясно только, что это были не одиночные курганы. У с. Дойбаны-2 предскифское погребение встречено только в одном из четырёх раскопанных курганов, хотя насыпей в составе могильника зафиксировано не менее 20. Обособленных локальных групп курганы с предскифскими погребениями в том или ином могильнике, как правило, не составляют. При этом большинство курганных могильников из перечисленных не было раскопано полностью, что указывает на вероятность увеличения количества погребений рассматриваемого времени при дальнейшем исследовании этих памятников. Очевидно, что подобные ситуации следует считать если не обычными, то достаточно частыми для процесса формирования родовых или семейных могильников предскифского периода, поскольку они подтверждаются результатами изучения метаструктуры более 300 курганных могильников в различных регионах степей юга Восточной Европы (Вальчак 2024: 87—91).

Количество предскифских погребений в курганах

В кургане 1 могильника Кременная Балка было выявлено два предскифских погребения: 1 и 4б, но одно из них (п. 1) содержало два последовательных захоронения, в кургане 2 — три погребения, и в кургане 4 — одно. В могильнике Плавни: в кургане 1 было три погребения предскифского времени, а в кургане 2 — два захоронения. По одному предскифскому погребению содержали курган Кременная Балка 4 (п. 3), курган Катериновка 1 (п. 4) и курган Владимировки 1 (п. 2.). Все погребения были впускными в насыпи курганов эпохи бронзы.

Подобные ситуации, с нахождением нескольких предскифских погребений (от двух до пяти) в одном кургане, были зафиксированы в восьми могильниках левобережья Днестра: в курганах 3 и 14 могильника Буторы I (Синика, Разумов, Тельнов 2013: 39—42, 60, 61, 81—84,

[13] Ранее опубликовано как захоронение предположительно белозёрской культуры (Лысенко и др. 2023: 19—20, 23) на основании ошибочной радиоуглеродной даты.

95); в кургане 4 могильника Глиное/Сад (Вальчак и др. 2019: 160—162); в кургане 21«А» могильника Глиное/Водовод; в курганах 7, 9 и 10 могильника Глиное/ДОТ; в курганах 1 и 3 могильника Глиное/Рыбхоз (Вальчак и др. 2024: 51, 52); в кургане 2 могильника Буторы/Долы; в курганах 6, 7 и 9 могильника Глиное/Сухая Балка; в кургане 3 у г. Слободзея (Яровой, Кашуба, Махортых 2002: 290—293; Вальчак и др. 2025: 13—15). В курганных могильниках других регионов Восточной Европы подобные случаи были отмечены неоднократно, что может считаться такой же характерной особенностью формирования впускных предскифских могильников, как и размещение погребений в различных курганах одного могильника (Вальчак и др. 2019: 165—169; Вальчак 2024: 87, 91—108).

Локализация погребений в курганах

Как правило, впускные погребения предскифского времени (одно или несколько) были расположены достаточно компактно в центре курганной насыпи или же тяготели к условно определённому при раскопках центру кургана, но иногда встречаются и на периферии насыпи. Рассматриваемые погребения в курганах Владимировка 1, Кременная Балка 1, 2 и 4, Плавни 1 и 2 были расположены либо в центре насыпи, либо не далее 5—6 м от него. Периферийная локализация погребений в насыпи кургана была отмечена в комплексах Катериновка 1/4 — 10 м к северу от центра, и Плавни 1/4 — 12 м к юго-востоку, что подтверждает отмеченные ранее топографические ситуации. Например, локальный могильник из трёх погребений предскифского периода был зафиксирован в кургане Глиное/Рыбхоз 1 на левобережье Нижнего Днестра (Вальчак 2024: 87; Вальчак и др. 2024: 48—52, рис. 13—16; 2025: 14, 15).

Взаиморасположение погребений в курганах

В тех случаях, когда в насыпях курганов рассматриваемых могильников встречалось несколько погребений предскифского периода, они чаще были расположены в условно-горизонтальной плоскости, не перекрывая друг друга. Такое расположение наблюдалось у погребений Кременная Балка 1/1, 1/4б, 2/1, 2/10 и 2/20; захоронений Глиное/Плавни 1/2а, 1/4 и 1/11, 2/6 и 2/11. В курганах левобережья Днестра подобные случаи размещения предскифских погребений наблюдались и ранее — в насыпях Глиное/ДОТ 10, Глиное/Рыбхоз 1 и 3, Буторы/Долы 2, Глиное/Сухая Балка 6 (Вальчак и др. 2024: 51, 52, рис. 11; 13; 17; 2025: 14, 15, рис. 1; 8). Аналогичные ситуации неоднократно фиксировались и в других курганных могильниках Восточной Европы (Вальчак 2024: 87, 94, 97, 99, 106, 108, рис. 5—7; 14; 15).

Погребение Кременная Балка 1/1 представляло собой наложение двух отдельных предскифских погребений друг на друга, разделённых между собой некоторым временным интервалом. Слабо скорченный, почти вытянутый костяк 2 с юго-западной ориентировкой был перекрыт сильно скорченным и ориентированным на восток костяком 1. Ярусное расположение погребений предскифского времени в этом комплексе подтверждает отмеченные ранее случаи распространения такой особенности погребального обряда на всём протяжении предскифского периода. Иногда, как в рассматриваемом случае, дно более поздней могилы находилось несколько выше уровня залегания предыдущего погребённого, не затрагивая и не нарушая анатомический порядок нижележащего скелета, что позволяет предполагать преднамеренность таких действий в процессе захоронения (Вальчак 2024: 108).

Факты подобной вертикальной стратиграфии — ярусные погребения, были отмечены в степных курганах Приднестровья — Глиное/Сад 4, Глиное/Водовод 21 «А», Глиное/ДОТ 7 и 9, Глиное/Сухая Балка 6, 7 и 9 (Вальчак и др. 2019: 160—162, рис. 1; 2; 8—10; 2024: 44—47, рис. 3; 7; 9; 2025: 6—10, 13—15, рис. 8; 10, 11, 14—16) — и в других курганных могильниках юга Восточной Европы (Вальчак и др. 2019: 165—169, рис. 8—10; Вальчак 2024: 91—106, рис. 4; 5; 7; 8—11; 13). Были зафиксированы случаи, когда вытянутые на спине или боку

погребённые были перекрыты скорченными. Такие ситуации были прослежены в курганах: Глиное/Сад 4 — погребения 13 и 16 (Вальчак и др. 2019: 161, 167, рис. 1; 2), Глиное/Водовод 21«А» — погребения 8 и 17 (Вальчак и др. 2024: 44, 45, 62, рис. 3) и Сухая Балка 6 — погребения 3 и 3а (Вальчак и др. 2025: 14, рис. 8: 1; 9: 5), что может свидетельствовать о сосуществовании двух способов положения умерших в определённом интервале времени.

Основные погребения в курганах

Курган 2 Дойбаны-2, один из четырёх раскопанных в этом могильнике, содержал основное и единственное предскифское захоронение в прямоугольной яме с закруглёнными углами. Насыпь диаметром 17 м была полностью распахана. Это третий по счёту курган с зафиксированным основным предскифским погребением на левобережье Днестра и седьмой на территории степей Восточной Европы (Вальчак и др. 2025: 15, 16). Конструкции погребальных сооружений, положение и ориентировки погребённых в этих курганах различны, а инвентарь, исключая комплекс из Слободзеи 3/3 (1992 г.), очень скромен или вовсе отсутствует. Вполне вероятно, что основных захоронений предскифского времени было больше, но частое отсутствие в них инвентаря и радиоуглеродных датировок не позволяет их уверенно атрибутировать.

Погребальные сооружения

Конструкции десяти из 14 представленных в этой статье впускных погребений проследить не удалось: Катериновка 1/4; Владимировка 1/2; Кременная Балка 1/1 (два разновременных захоронения), 2/1, 2/10 и 2/20; Глиное/Плавни 1/2а, 1/4, 1/11.

Погребения в ямах вытянуто-овальной формы и подпрямоугольной формы отмечены для комплексов Глиное/Плавни 2/6 и 2/11. Впускные погребения предскифского времени в ямах подобных форм распространены на всей территории степей Восточной Европы. В памятниках левобережья Днестра они широко известны: Глиное/Сад 4/13 (Вальчак и др. 2019: 161, 163, рис. 2; 2); Глиное/Водовод 21/8, Глиное/ДОТ 9/1, 10/1, 10/2, Глиное/Рыбхоз 3/19 (Вальчак и др. 2024: 52, рис. 4; 11; 18); Коротное/Кулак 1/17 (Вальчак и др. 2025: 17, рис. 21). Кроме того, прямоугольная яма с закруглёнными углами была обнаружена в основном погребении Дойбаны-2 2/1, что характерно и для других курганов с основными предскифскими захоронениями (Вальчак и др. 2025: 15).

Погребения в подбоях были совершены в Кременной Балке 1/4б и 4/3. Входные ямы и погребальные камеры имели удлинённо-овальную форму, а камеры были расположены севернее входных ям. В Кременной Балке 1/4б подбойная конструкция была расположена по оси восток — запад, с небольшим отклонением, а в Кременной Балке 4/3 — по оси северо-запад — юго-восток. Характерность подбоев для впускных погребений предскифского периода на юге Восточной Европы отмечалась исследователями неоднократно. В Приднестровье погребения в подбоях с расположенной к северу от входной ямы камерой представлены следующими захоронениями: Глиное/Сад 4/16, 4/17 (Вальчак и др. 2019: 161—164, рис. 2; 3); Глиное/Водовод 21«Б»/12а, 12«А»/ 17, Глиное/ДОТ 9/5, Глиное/Рыбхоз 1/8, 1/14 (Вальчак и др. 2024: 53, рис. 5; 6; 10; 15; 16); Глиное/Сухая Балка 6/2, 6/3, 7/2, 9/2 (Вальчак и др. 2025: 17, рис. 9; 11; 15).

Позы и ориентировки погребённых

Позы и ориентировки погребённых были прослежены в 13 случаях из 15, при этом большинство из них было положено вытянуто на спине. В восточный сектор, иногда с заметными отклонениями к северу или югу, были ориентированы четыре погребения: Владимировка 1/2, Кременная балка 1/4б, Плавни 1/4 и основное погребение в Дойбанах-2 2/1. В западный сектор были ориентированы три погребения: Плавни 1/11, с отклонениями — Кременная Балка 2/1 и 2/10.

Положение вытянуто на боку было отмечено в двух случаях: Плавни 2/6 — на спине с разворотом вправо с ориентировкой на восток — северо-восток, а также Кременная Балка 4/3 — на правом боку с разворотом на спину и северо-западной ориентировкой. Вытянутые погребения на спине или на боку с западной, реже с восточной ориентировкой встречаются в позднейших памятниках предскифского периода как на левобережье Днестра, так и в других регионах юга Восточной Европы. Из территориально близких погребений можно упомянуть комплексы Глиное 110/1, Глиное/ДОТ 7/11, Буторы/Долы 2/3, 2/4 3/3, Глиное/Клин 1/11 и многие др., опубликованные ранее (Вальчак и др. 2019: 161—165, 168; 2024: 53—55; 2025: 18).

Промежуточное между вытянутым и скорченным положение зафиксировано у слабо скорченного на левом боку с разворотом на спину костяка 2 Кременной Балки 1/1, ориентированного на юго-запад.

Скорченные погребения были найдены в Кременной Балке 1/1, костяк 1 — на правом боку с восточной ориентировкой; на левом боку были расположены погребённые в Плавни 2/11 — с юго-западной, и Кременной Балке 2/20 — с южной ориентировкой. Скорченное положение погребённых и их восточная ориентировка наиболее распространены на всём протяжении предскифского периода, западная же встречается реже (Махортых 2005: 61, 62, 257, 258, 262, 263, 265, табл. 6; 18; 31; Вальчак и др. 2025: 18). Южная ориентировка скорченных погребений предскифского времени в Северном Причерноморье сравнительно редка. Отмечалось, что она характерна более для Дунайско-Днестровской группы, и является наследием белозёрских погребений периода поздней бронзы, которые и были ошибочно включены С.В. Махортыхом в статистическую выборку (Махортых 2005: 61, табл. 18; Отрощенко 2019: 150, 151; Вальчак 2024: 86, 87).

Одним из важнейших элементов обряда является ***помещение напутственной пищи*** в захоронения предскифского периода. Её остатки были найдены в двух публикуемых комплексах.

В погребении Владимировка 1/2 у правого плеча мужчины были обнаружены три кости животного. Судя по рисунку в публикации, это были кости мелкого рогатого скота (Демченко, Левицкий 1999: 133: рис. 3: 2).[14]

В захоронении Кременная Балка 2/20 поверх левого локтя мужчины (?) 20—35 лет зафиксированы правые берцовая и бедренная кости, а также таранная кость (астрагал) мелкого рогатого скота[15]. В данном случае можно констатировать, что в качестве напутственной пищи была положена правая задняя нога овцы (?). Правые большая берцовая и бедренная кости овцы (особи старше 3,5 лет) были зафиксированы справа возле верхней части скорченного на левом боку костяка в подбое Глиное/Сухая Балка 9/2.[16] Также необходимо отметить, что аналогичные кости овцы (но от левой задней ноги) от напутственной пищи были достоверно зафиксированы в семи предскифских могилах Северо-Западного Причерноморья при скорченных на левом боку костяках в подбоях: на левобережье Нижнего Дуная – в изученном в 1990 г. захоронении Плавни II 5/3 обнаружены правые тазовая, бедренная и берцовая кости овцы возрастом старше 3,5 лет (Фокеев 1991: 10, рис. 15: 1)[17] в Прутско-Днестровском междуречье — в исследованном в 2019 г. погребении Чимишлия 5/11 найдены левый астрагал овцы, лежавший возле левой большеберцовой кости человека, а также левые тазовая, бедренная, берцовая и пяточная кости (Popovici, Ciobanu 2021: 26, fig. 13: 1, 2; 14: 3) овцы возрастом старше 3,5 лет и высотой в холке

[14] Уточнить видовую и таксономическую принадлежность костей животного, с учётом отсутствия археозоологических определений в отчёте о раскопках и в публикации, в настоящее время не представляется возможным.

[15] Кости были крайне неудовлетворительной сохранности, что не позволило определить вид животного.

[16] Определение одного из авторов настоящей работы — канд. биол. наук П.А. Косинцева, а также канд. ист. наук А.В. Кочнева (г. Екатеринбург). В первой публикации приведено ошибочное определение костей животных из погребения Глиное/Сухая Балка 9/2 (Вальчак и др. 2025: 22, прим. 8).

[17] В отчёте о раскопках погребение Плавни II 5/3 описано как могила «эпохи бронзы», совершённая в прямоугольной яме (Фокеев 1991: 10), однако фотография сооружения (Фокеев 1991: рис. 15: 1) не оставляет сомнений, что оно представляло собой камеру подбоя. Таксономические определения костей выполнены по архивному фото одним из авторов настоящей работы П.А. Косинцевым.

около 75 см[18]; на левобережье Нижнего Днестра — в захоронениях Красное 5/3 (левые тазовая, бедренная и берцовая кости от особи старше 1,5 лет: Серова, Яровой 1987: 33, рис. 14: 5)[19], Глиное/Сухая Балка 7/2, Глиное/Рыбхоз 1/8, Малаешты 1/16, Малаешты 1/17. При этом было указано, что можно «осторожно предполагать существование подобной погребальной традиции — помещение задней левой ноги овцы в качестве напутственный пищи в погребальные камеры подбоев/катакомб при скорченных на левом боку костяках» (Вальчак и др. 2025: 31). В настоящее время очевидно, что это предположение может быть скорректировано. Как показывают уточнённое определение костей овцы из погребения Глиное/Сухая Балка 9/2, а также определения костей животных из захоронений Плавни II 5/3 и Кременная Балка 2/20, носители черногоровской культуры в качестве напутственной пищи использовали заднюю правую или левую ногу мелкого рогатого скота (овцы).

Кроме того, в разрушенном погребении Глиное/Плавни 1/2а был обнаружен грудной позвонок мелкого рогатого скота. В данном случае, можно утверждать (на основании радиоуглеродной даты), что он имел отношение к предскифскому погребальному обряду, однако считать его остатком напутственной пищи оснований нет. Как свидетельствует находка ребра КРС в заполнении непотревоженной могилы Глиное/Клин 1/11 (Вальчак и др. 2025: 18), в каких-то случаях кости животных, найденные в предскифских погребениях, могут указывать на проведение тризны.

Кость птицы из захоронения Глиное/Плавни1/2а, найденная среди костей мужчины и женщины, в настоящее время можно достоверно интерпретировать как элемент обряда.

Ранее подобный обычай был зафиксирован в четырёх черногоровских погребениях на левобережье Нижнего Днестра.

В 2020 г. было изучено захоронение Глиное/Сухая Балка 7/1, где среди костей грудной клетки ребёнка 5—7 лет была обнаружена кость птицы. Последняя была датирована радиоуглеродным методом, и её дата соответствует интервалу предскифского периода (Вальчак и др. 2025: 19, 32—33, рис. 10).

Также в 2020 г. была исследована могила Глиное/Сухая Балка 7/2, где кость птицы была зафиксирована среди костей грудной клетки костяка 2 (ребёнка/подростка 14—17 лет). При этом в публикации комплекса было отмечено, что «крайне маловероятно, что кость птицы … могла попасть в погребальную камеру этой катакомбы случайно». Кроме того, было указано, что планируется проведение радиоуглеродного датирования кости птицы (Вальчак и др. 2025: 20, 32—33, прим. 20, рис. 11; 12). В 2026 г. из Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата по кости птицы из погребения Глиное/Сухая Балка 7/2 (Poz—202854; 2700±35 BP)[20], которая, как и в случае с захоронением Глиное/Сухая Балка 7/1, совпадает с интервалом предскифского времени.

В 2022 г. было изучено захоронение Глиное/Дот 10/1, где среди костей скелета ребёнка 9—10 лет была обнаружена правая плечевая кость болотной утки — пеганки или кряквы. Радиоуглеродная дата, полученная по этой кости, оказалась старше на 640 радиоуглеродных лет, чем радиоуглеродные даты по кости человека. Однако и в этом случае случайное (позднейшее) попадание кости птицы в захоронение исключается (Вальчак и др. 2024: 47, 63—64, рис. 12: 1, 2).

---

[18] В публикации (Popovici, Ciobanu 2021: 26) определения костей животного нет. Они выполнены одним из авторов настоящей работы (П.А. Косинцевым) на основании фотографий, любезно предоставленных автором раскопок —доктором истории С. Поповичем (г. Кишинёв).

[19] В указанной публикации упоминаются только «три кости мелкого рогатого скоты (козы)» (Серова, Яровой 1987: 33). Таксономические определения костей выполнены по архивному фото одним из авторов настоящей работы П.А. Косинцевым.

[20] This radiocarbon date was obtained in the framework of the grant “Rulers of the Steppes: Biological and Cultural Aspects of the Nomadic Lifestyle of Ancient Eurasian Human Populations” (UMO-2024/55/B/HS3/01720), funded by the National Science Centre, Poland // Радиоуглеродная дата получена в рамках гранта «Правители степей: биологические и культурные аспекты номадизма населения Древней Евразии» (UMO-2024/55/B/HS3/01720), финансируемого Национальным Научным Центром Польши.

В 2023 г. четвёртым черногоровским погребением на левобережье Днестра, где были обнаружены правая плечевая кость домового сыча (*Athene noctua*) и правая локтевая кость сизоворонки (*Coracias garrulus*) поверх правой голени мужчины 20—30 лет, стала могила Коротное/Кулак 1/17. В публикации комплекса было отмечено, что датирование кости сизоворонки планируется (Вальчак и др. 2025: 24—25, 32—33, прим. 21, рис. 21). Однако до настоящего времени радиоуглеродная дата по кости этой птицы не получена.

Наконец, в 2025 г. проксимальная фаланга большого пальца крыла кряквы (*Anas platyrhynchos*)[21] была обнаружена в разрушенном грабителями предскифском погребении 1а кургана 3, раскопанном у г. Слободзея на левобережье Нижнего Днестра[22].

Таким образом, на данный момент в шести могилах предскифского времени на левобережье Нижнего Днестра достоверно зафиксировано семь находок костей птиц. В двух случаях их принадлежность не установлена (Глиное/Сухая Балка 7/1 и 7/2 — фрагменты костей), в четырёх других определена (Глиное/ДОТ 10/1 — болотная утка: кряква или пеганка; Глиное/Плавни 1/2а — семейство утиные; Коротное/Кулак 1/17 — домовый сыч и сизоворонка; Слободзея 3/1а — кряква). Судя по таксономической принадлежности четырёх определённых костей (по одной правой плечевой кости в погребениях Глиное/ДОТ 10/1 и Коротное/Кулак 1/17; по одной правой локтевой кости — в могилах Глиное/Плавни 1/2а и Коротное/Кулак 1/17; фаланга большого пальца — Слободзея 3/1а), существовала норма обряда, регламентировавшая помещение в захоронения крыла птицы или его части.

При этом в двух случаях кости птиц были найдены в детских погребениях: Глиное/ДОТ 10/1 (среди костей ребёнка 9—10 лет) и Глиное/Сухая Балка 7/1 (среди костей грудной клетки ребёнка 5—7 лет). С большой долей осторожности к детским можно отнести костяк 2 (ребёнок/подросток 14—17 лет) из катакомбы Глиное/Сухая Балка 7/2 (кость птицы среди костей грудной клетки), поскольку человек в таком возрасте в традиционных обществах был / считался взрослым.

Иная ситуация отмечена в захоронениях взрослых людей: Коротное/Кулак 1/17 — кости двух птиц были зафиксированы на правой голени мужчины 20—30 лет (Вальчак и др. 2025: 33); Глиное/Плавни 1/2а — кость птицы найдена среди костей мужчины 20—55 лет и женщины (?) 35—50 лет в разрушенном погребении; Слободзея 3/1а — кость птицы обнаружена в разрушенном погребении взрослого человека.

Эти находки в захоронениях детей и взрослых можно интерпретировать как помещение части крыла птицы поверх тела погребённого.

Погребальный инвентарь

Глиняный сосуд из могилы Владимировка 1/2 относится к лепным горшкам кухонного назначения, подобные которому изредка встречаются в погребениях предскифского периода. Они отличаются пропорциями, способом обработки поверхности, деталями формы венчика, наличием или отсутствием орнамента и закраины у дна. Точными хроноиндикаторами такие сосуды не являются и встречаются преимущественно со скорченными погребёнными. Близкие по форме, но не аналогичные изделия известны в упоминавшемся комплексе Глиное/Сад 4/16 (Вальчак и др. 2019: 161, 162, рис. 2: 4), Глиное/Водовод 21«А»/8 на левобережье Днестра (Вальчак и др. 2024: 54, рис. 4: 3), Гура-Быкулуй 5/1 и Саицы 5/9 на правобережье Нижнего Днестра (Дергачёв 1984: 15, рис. 6: 2; Махортых 2005: 356, рис. 135: 8). Восточнее подобные сосуды известны в комплексе Новая Одесса II 10/13 на правом берегу Южного Буга, Пришиб 41/2 на левобережье Ингульца и Благовещенка 1/4 на левобережье Днепра (Махортых 2005: 316, 346, 353, рис. 55: 5; 118: 2; 129: 8).

---

[21] Определение докт. биол. наук Н.В. Зеленкова (г. Москва).

[22] Раскопки Днестровской археологической экспедиции Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко под руководством одного из авторов настоящей работы — С.Н. Разумова. Радиоуглеродное датирование кости кряквы планируется.

Наконечник стрелы из Кременной Балки 4/3 пополняет сравнительно небольшую коллекцию подобных предметов предскифского вооружения, известных по находкам в степных комплексах юга Восточной Европы, со скорченными на левом боку и ориентированными на восток погребёнными. Подобные наконечники были найдены в погребении «А» кургана Малая Цимбалка (1 экз. из 10 в колчанном наборе) (Rau 1929: 28—33, Taf. XIV: 2, A) и в погребении 5 кургана Высокая Могила (12 экз. из 38 в колчане) (Бидзиля, Яковенко 1974: 154, 155, рис. 9) на левобережье Днепра. Находки из этих памятников были отнесены к 3-му типу бронзовых втульчатых наконечников предскифского времени (Мелюкова 1964: 11, табл. 1: В, 2), или ко 2-му типу черногоровских — с «килевидной головкой» (Тереножкин 1976: 133, рис. 7: 13—24; 24: 6). Кроме того, они были охарактеризованы как «башневидные» с острыми концами лопастей и выступающей втулкой (Клочко 1979: 41, 42, рис. 1: 9). Позднее была опубликована находка подобного наконечника из грабительского хода в погребении 2 (белозёрской культуры) кургана 6 у с. Александровка в Орельско-Самарском междуречье (Ковалёва, Мухопад 1982: 91, рис. 1: 3).

Упомянутые наконечники стрел были отнесены исследователями к двухлопастным. Заточка их треугольной ударной головки обычно была доведена до верхней трети пера, реже до середины его лопастей, в зависимости от их размеров и деталей формы. Многие наконечники несколько отличаются друг от друга конфигурацией лопастей, иногда они имеют параллельные продольные грани, но чаще несколько расширяющихся или сужающихся к низу под разным углом от заточенной ударной головки к заострённым окончаниям, что можно считать вариантными признаками. Некоторые отличия наблюдаются и в форме заострённых нижних концов лопастей. Всё это связано не только с отливкой полуфабрикатов в разных литейных формах, но и с последующей их ручной доработкой.

Интересной для нашего исследования является также находка одного подобного наконечника в колчанном наборе из впускного погребения 2 кургана 1 могильника Первомайский в степной зоне Северо-Западного Кавказа. Здесь погребённый был обнаружен в центре насыпи, в прямоугольной яме со скруглёнными углами, бревенчатым перекрытием, наложенным на него толстым слоем камыша и деревянным настилом с камышовым покрытием на дне. В ногах скелета были отмечены «полоски красной краски». Скелет лежал «на спине, наклонившись вправо, головой на восток, бедренные кости смещены вправо. В 45 см справа от черепа расчищено скопление бронзовых наконечников стрел (21 шт.), обращённых остриями к стопам» (Нехаев 1979: 49, рис. 5; 6; Дубовская 1997: 193, рис. 7: 16). Судя по всему, погребённый был положен вытянуто на правом боку или на спине с завалом на правый бок. Интересующий нас наконечник стрелы имеет угловой скос лопастей к основанию пера от заточенной части ударной головки. Другие наконечники из колчанного набора в этом погребении очень близки иным формам наконечников стрел из Высокой Могилы и Малой Цимбалки (Вальчак 2006: 268, рис. 2: 1—21).

Обычным признаком у наконечников стрел предскифского периода является и рельефная нервюра (ребро жесткости) — выступающая над плоскостью пера часть втулки, которая проходит от округлой или гранёной втулки через перо к острию наконечника. Эта деталь изделия, включающая в себя полость для древка стрелы, является продолжением выступающей втулки, была смоделирована ещё при создании формы для отливки наконечника. Далеко не всегда, как это представляется некоторым исследователям (Клочко 1979: 41, 42; Дараган 2015: 156), нервюра наконечников предскифского времени имеет ромбическую форму. Наконечник из Кременной Балки имеет сильно выступающую нервюру треугольного сечения на каждой из сторон, фактически образовывающую ещё две дополнительные, но не заточенные лопасти. Такая «четырёхлопастная» конфигурация пера позволяет считать его отдельным вариантом достаточно разнообразного в деталях типа «килевидно-башневидных» наконечников стрел предскифского периода. Ещё один практически аналогичный наконечник на левобережье Нижнего Днестра был найден на территории поселения Незавертайловка-V, в 13,5 км от могильника Кременная Балка.

Детальное визуальное изучение достаточно большого количества наконечников стрел предскифского периода, в частности, предметов из Малой Цимбалки, показало частое наличие поверх нервюры полуовального в сечении продольного валика, проходящего от острия наконечника к основанию двухлопастного пера. В таких случаях на каждой из сторон подобных наконечников нервюра в сечении имеет близкую к пятиугольнику форму (Вальчак 2006: 264—267, рис. 1: 1—5). Именно эти особенности, помимо характерных форм пера, рельефного пояска у его основания и специфических литых рельефных знаков на пере, принципиально отличают разные типы предскифских наконечников стрел от раннескифских.

Все наконечники из упомянутых выше предскифских памятников имели короткие втулки, не превышающие половины длины всего пера (Вальчак 2006: 266, 267, рис. 1: 4; Дараган 2015: 129, ил. 1: 12—23). Изделие из Кременной Балки 4/3 имело втулку средней длины (более половины, но менее целой длины пера). По этому признаку наиболее близким к нему может считаться один из наконечников «с шиповидными лопастями» и средней по длине втулкой, найденный вместе с коротковтульчатым с аналогичным по форме пером из погребения 34 могильника № 1 Кисловодской мебельной фабрики в Центральном Предкавказье. Сечение нервюры у них разное: полуовальное на одном, трапециевидное — на другом (Виноградов, Дударев, Рунич 1980: 188—191, рис. 4: 6; Козенкова 1995: 10, табл. II: 3). В качестве близкой аналогии может рассматриваться и наконечник из погребального комплекса Пески 1/1 в бассейне Среднего Дона, имеющий длинную втулку, превышающую длину пера (Медведев 1999: 20, 23, рис. 5: 4).

Наконечники стрел из Высокой Могилы и Малой Цимбалки 50 лет назад датировались серединой VIII (Тереножкин 1976: 205) или на протяжении всего VIII в. до н.э. (Клочко 1979: 41, рис. 2: 10—15, 33—36). Комплекс из погребения 34 Мебельной фабрики в Предкавказье исследователи датировали началом VII в. до н. э. (Виноградов, Дударев, Рунич 1980: 198). Сходный абрис пера и длинная втулка позволили аналогичным образом определить и время бытования наконечника с длинной втулкой из кургана Пески 1/1 (Медведев 1999: 23).

Выстраивая хронологические соотношения с наконечниками стрел из Высокой Могилы и Малой Цимбалки, В.И. Козенкова датировала наконечники из погребения 34 Мебельной фабрики IX — серединой VIII в. до н. э. Исследовательница считала их переходными «от черногоровско-камышевахского периода к новочеркасскому», что аргументировалось, в том числе, наличием у них длинной втулки (Козенкова 1995: 10, 11). Позднее, исходя из уздечного комплекта 1-й хронологической группы в этом погребении, с учётом находки в комплексе железного топора, оно было датировано концом IX — серединой VIII в. до н.э., с возможным продлением даты до рубежа VIII—VII в. до н.э. (Вальчак 2009: 69, 70, 84, 93, рис. 74: 2). Погребение из Малой Цимбалки на основании деталей уздечного комплекта (1—2 хронологические группы), как и комплексы из Высокой Могилы и Первомайского, на основании сходства форм наконечников стрел из колчанных наборов были датированы «в рамках середины — конца VIII в. до н.э.». Основанием для подобной корректировки послужила неоднократная встречаемость финальных эволюционных форм псалиев 1 и 2 групп в закрытых комплексах и уздечных комплектах с характерными деталями узды 3-й хронологической группы (Вальчак 2006: 269, 270; 2009: 82, 83,93, рис. 60: 1—3, табл. 27; 28), что нашло и дальнейшие подтверждения (Вальчак, Зайцев 2018: 36—38, рис. 1).

Полученные радиоуглеродные даты для погребений 2 и 5 Высокой Могилы позволили исследователям заключить, что они «могут относиться ко времени X—IX вв. до н.э., во всяком случае — не позднее рубежа IX—VIII вв. до н.э.», а также установить факт «одновременного или очень близкого по времени существования» двух этих захоронений (Алексеев и др. 2005: 123—126). Это дало возможность утверждать, что колчанный набор из Высокой Могилы «может датироваться ещё IX в. до н.э.» (Дараган 2015: 128, прим. 4).

Как ни странно, сторонниками ранних датировок этих комплексов игнорируется цельнолитой уздечный комплект из Высокой Могилы 5 (Тереножкин 1976: 32, рис. 6: 8; Вальчак 2009: рис. 35: 4), способ соединения удил и псалиев в котором считается

заимствованным из Передней Азии, что касается и некоторых категорий предскифского вооружения (Эрлих 1991: 39; Вальчак 1993: 23—28). В хронологически близком комплексе Высокой Могилы 2 также примечательны богато орнаментированная золотая бляха и золотая обоймица устья ножен (Бидзиля, Яковенко 1974: 150, рис. 4: 1, 2). Входящие в круг немногочисленных уникальных изделий, они, «как это давно установлено, являются продукцией переднеазиатских мастерских», изготовление которых «в подобной технике где-нибудь к северу от Кавказского хребта — вещь невероятная» (Бруяко 2025: 147—149, рис. 1). Гипотеза об исключительной возможности появления подобных вещей в Восточной Европе не ранее «двух последних десятилетий VIII в. до н.э.» принята многими исследователями достаточно давно (см. напр.: Эрлих 1994: 168—175; 2007: 178—187; Дударев 2011: 134—142; Вальчак 2016: 28—39), поскольку базируется на последовательности военно-политических событий в переднеазиатском регионе с участием киммерийцев. Эти события впервые были отражены в ассирийских письменных источниках, датируемых временем, когда Синаххериб был наследником ассирийского престола и находился в должности начальника разведки у Саргона II (722—705 гг. до н.э.) (Дьяконов 2004: 412—418; Якобсон 2004: 358—363). Следовательно, отсутствует возможность более раннего попадания упомянутых переднеазиатских изделий из золота и цельнолитых бронзовых уздечных комплектов в погребальные комплексы Восточной Европы, включая и оба погребения Высокой Могилы. Сами же наконечники стрел, подобные найденному в Кременной Балке 4/3, могли существовать в восточноевропейском регионе и ранее указанного выше периода времени, с конца IX по конец VIII в. до н.э., но углубление их датировки на столетие и более выглядит крайне сомнительным.

Таким образом, приводимая нами радиоуглеродная датировка комплекса Кременная Балка 4/3, относительно близкая радиоуглеродным датам Высокой Могилы 5, лишь частично согласуется с археологической датировкой периода бытования подобных наконечников стрел. Не в пользу ранней археологической датировки Кременной Балки 4/3 свидетельствует и вытянутое на боку при северо-западной ориентировке положение погребённого.

Кресальный кремень со следами забитости по периметру из Кременной Балки 4/3 — находка не редкая в погребениях предскифского периода. Подобные изделия характеризуются различным образом: «кремень», «кусок кремня», «осколок кремня», «отщеп», «отщеп без обработки» и т.п. Часто они описываются и как орудия («отщеп с ретушью», «орудие на отщепе», «пластина», «скребок», «остриё», «сверло», «нуклеус»), даются и более точные определения из номенклатуры каменных орудий предшествующих эпох. Изредка в погребениях встречается более одного кремня или изделия из него. Следовательно, в погребальном обряде предскифского периода использовались как необработанные куски кремня природного происхождения, так и изготовленные из него орудия, вероятно найденные на местах более древних стоянок, поселений или при ограблении погребений эпохи бронзы. Иногда находки с беспорядочными сколами интерпретируются как «кресало», хотя в этих случаях, очевидно, путают разные предметы — кресала и кресальные кремни.

Нами учтено 26 пунктов таких находок в степных предскифских захоронениях Северного Причерноморья к востоку от Днестра (см. напр.: Махортых 2005: 65, 66, 103) и не менее 20 в погребальных памятниках Волго-Донского бассейна. Практически все они, исключая комплекс из грунтового погребения 4 Балки Башмачки (Махортых 2005: 315, рис. 54: 1, 2), были впускными в курганы эпохи бронзы. Из них в положении различной степени скорченности, преимущественно на левом боку с ориентировкой в восточный сектор, отмечено 34 погребения; скорченные на север — северо-восток — одно погребение; скорченные в западный сектор — три могилы. Среди вытянутых и ориентированных в западный сектор погребений в положении на спине отмечено семь, и одно — на левом боку, с ориентировкой запад — северо-запад. На правобережье Днестра в скорченных и ориентированных на восток погребениях известны находки кремнёвого сверла в

Гура-Быкулуй 5/1 (Дергачёв 1984: 3, 15, рис. 5: 5—13), отщепа в Семёновке 2/1 на западном берегу Днестровского лимана (Субботин, Разумов, Синика 2017: 30, 137—140, рис. 9: 1, 4—7), впущенных в центральные части курганов. Кроме того, кремнёвая ножевидная пластина вместе с костяным предскифским наконечником стрелы была найдена в грунтовом погребении на городище Новосельское II, расположенном севернее оз. Сасык к юго-западу от Днестровского лимана, при вытянутом на спине и ориентированном на север —северо-восток погребённом (Бруяко, Гизер, Дзиговский 1997: 44, рис. 1: 3—5).

Кремни и кремнёвые изделия располагались в этих погребениях различным образом: в районе поясницы и таза — 16 случаев; в районе головы и шеи — 8; в районе грудной клетки — 7; у правой руки — 3; у левой руки — 4; за спиной — 2; в ногах — 2. Расположение кремней на расстоянии от скелета в разных частях погребения (как в Кременной Балке 4/3) и не известные локализации — 8 случаев.

Комплекс Кременная Балка 4/3, таким образом, пополняет немногочисленную выборку вытянутых на спине или боку предскифских погребений с находками кремней в составе инвентаря.

Радиоуглеродные и археологические датировки

Погребение Катериновка 1/4 было впущено в насыпь бронзового века. Захоронение разрушено. Оснований для археологической датировки нет.

В 2022 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории были получены две даты погребения Катериновка 1/4. Первая дата: Ki—20484; 2810±50 BP (рис. 1: 1), калиброванные интервалы — 1σ —1045—901 гг. до н.э., 2σ — 1111—833 гг. до н.э., 3σ — 1203—810 гг. до н.э.[23] Вторая дата: Ki—20496; 2810±40 BP (рис. 1: 2), калиброванные интервалы — 1σ — 1011—910 гг. до н.э., 2σ — 1107—835 гг. до н.э., 3σ — 1190—817 гг. до н.э. Эти даты, являясь идентичными, позволяли надеяться на уточнение (омоложение?) при проведение радиоуглеродного датирования методом ускорительной масс-спектроскопии.

В 2026 г. по кости человека в Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Катериновка 1/4: Poz—202851; 2905±35 BP (рис. 1: 3)*[24], калиброванные интервалы — 1σ — 1188—1017 гг. до н.э., 2σ — 1218—998 гг. до н.э., 3σ — 1260—928 гг. до н.э.

Стало очевидным, что все три даты отражают эффект резервуара, ибо наиболее вероятный их интервал (даже более молодых дат из Киевской лаборатории) практически не включает даже последнюю треть IX в. до н.э.

Погребение Владимировка 1/2 было впущено в насыпь бронзового века. В захоронении найден лепной горшок, на основании которого комплекс был отнесён к эпохе раннего железа — к «киммерийско-раннескифским древностям» (Демченко, Левицкий 1999: 140).

В 2024 г. по кости человека в Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Владимировка 1/2: Poz—185108; 2715±35 BP (рис. 3: 2), калиброванные интервалы — 1σ — 898—821 гг. до н.э., 2σ — 925—806 гг. до н.э., 3σ — 996—796 гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения захоронения является последняя четверть X — конец IX в. до н.э.

[23] Здесь и далее калибрование радиоуглеродных дат было произведено с использованием программы OxCal v4.4.4 и калибровочной кривой IntCal20 (Reimer et al. 2020).

[24] Hereinafter radiocarbon dates marked with symbol * were obtained in the framework of the grant “Rulers of the Steppes: Biological and Cultural Aspects of the Nomadic Lifestyle of Ancient Eurasian Human Populations” (UMO-2024/55/B/HS3/01720), funded by the National Science Centre, Poland // Здесь и далее радиоуглеродные даты, отмеченные символом «*», получены в рамках гранта «Правители степей: биологические и культурные аспекты номадизма населения Древней Евразии» (UMO-2024/55/B/HS3/01720), финансируемого Национальным Научным Центром Польши.

Погребение Дойбаны-2 2/1 было основным для насыпи. Погребение разрушено, оснований для археологической датировки нет.

В 2022 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Дойбаны-2 2/1: Ki—20477; 2790±50 BP (рис. 4: 4), калиброванные интервалы — 1σ — 1008—847 гг. до н.э., 2σ — 1106—817 гг. до н.э., 3σ — 1193—804 гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения захоронения является вторая половина XI — конец IX в. до н.э.

Было принято решение провести датирование в двух радиоуглеродных лабораториях методом ускорительной масс-спектроскопии.

В 2024 г. по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Дойбаны-2 2/1: GV—5128; 2897±43 BP (рис. 4: 5), калиброванные интервалы — 1σ — 1188—1011 гг. до н.э., 2σ — 1219—933 гг. до н.э., 3σ — 1274—905 гг. до н.э. В 2026 г. по кости человека в Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Дойбаны-2 2/1: Poz—202852; 2890±35 BP (рис. 4: 6)*, калиброванные интервалы — 1σ — 1122—1012 гг. до н.э., 2σ — 1209—936 гг. до н.э., 3σ — 1257—917 гг. до н.э. Обе эти даты, являясь по сути идентичными, с одной стороны, практически исключают датировку захоронения ранее последней трети X в. до н.э., а с другой, как и в случае с могилой Катериновка 1/4, оказались старше даты, полученной методом жидкостно-сцинтилляционной спектрометрии.

Стало очевидным, что все три даты отражают эффект резервуара, в том числе и младшая дата из Киевской радиоуглеродной лаборатории.

Погребения Кременная Балка 1/1 (костяк 1), 1/1 (костяк 2), 1/4 были впущены в насыпь раннего бронзового века. Оснований для археологической датировки нет.

В 2023 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Кременная Балка 1/1 (костяк 1)*: Ki-20676; 2540±50 BP (рис. 6: 2), калиброванные интервалы — 1σ — 794—564 гг. до н.э., 2σ — 808—515 гг. до н.э., 3σ — 816—412 гг. до н.э.

В 2024 г. по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Кременная Балка 1/1 (костяк 1): GV-5131; 2615±31 BP (рис. 6: 3), калиброванные интервалы — 1σ — 809—785 гг. до н.э., 2σ — 826—771 гг. до н.э., 3σ — 901—588 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (808—771 гг. до н.э.), и по третьей (816—588 гг. до н.э.). Судя по калибровочному графику даты, полученной методом ускорительной масс-спектроскопии (GV-5131), наиболее вероятным временем совершения погребения Кременная Балка 1/1 (костяк 1) является последняя четверть IX — первая четверть VIII в. до н.э.

В 2023 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Кременная Балка 1/1 (костяк 2)*: Ki-20674; 2600±50 BP (рис. 6: 4), калиброванные интервалы — 1σ — 823—596 гг. до н.э., 2σ — 898—546 гг. до н.э., 3σ — 921—481 гг. до н.э.

В 2024 г. по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Кременная Балка 1/1 (костяк 2): GV-5132; 2652±43 BP (рис. 6: 5), калиброванные интервалы — 1σ — 891—791 гг. до н.э., 2σ — 902—777 гг. до н.э., 3σ — 979—589 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (898—777 гг. до н.э.), и по третьей (921—589 гг. до н.э.). Судя по калибровочному графику даты, полученной методом ускорительной масс-спектроскопии (GV-5132), наиболее вероятным временем совершения погребения Кременная Балка 1/1 (костяк 2) является последняя треть IX — начало VIII в. до н.э.

В 2024 г. по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Кременная Балка 1/4б: GV-5133; 2689±43 BP (рис. 7: 3), калиброванные интервалы —1σ — 898—806 гг. до н.э., 2σ — 920—794 гг. до н.э., 3σ — 996—776 гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику даты, наиболее вероятным временем совершения погребения Кременная Балка 1/4б является вторая половина IX — начало VIII в. до н.э.

Здесь мы должны обратить внимание на следующие важные моменты. Во-первых, даты из Киевской и Новосибирской лаборатории для погребений Кременная Балка 1/1 (костяк 1) и Кременная Балка 1/1 (костяк 2) соответствуют их стратиграфической позиции: более ранние даты для нижнего захоронения Кременная Балка 1/1 (костяк 2), и более поздние — для лежавшей выше могилы Кременная Балка 1/1 (костяк 1). Во-вторых, используя даты, полученные методом ускорительной масс-спектроскопии, последовательность совершения предскифских захоронений в кургане Кременная Балка 1 представляется следующей: первое захоронение — Кременная Балка 1/1 (костяк 2), слабо скорченный на левом боку погребённый, головой в западном направлении; второе — Кременная Балка 1/1 (костяк 1), сильно скорченный на левом боку погребённый, головой в восточном направлении; третье — Кременная Балка 1/4б, вытянутый на спине погребённый, головой в западном направлении.

Погребения Кременная Балка 2/1, 2/10 и 2/20 были впущены в насыпь раннего бронзового века. Захоронение Кременная Балка 2/20 содержало кости овцы от напутственной пищи, характерной для могил черногоровской культуры. Оснований для археологической датировки нет.

В 2023 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Кременная Балка 2/1*: Ki-20779; 2760±60 BP (рис. 9: 2), калиброванные интервалы — 1σ — 978—829 гг. до н.э., 2σ — 1049—805 гг. до н.э., 3σ — 1196—787 гг. до н.э.

В 2024 г. по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Кременная Балка 2/1: GV-5134; 2711±42 BP (рис. 9: 3), калиброванные интервалы — 1σ — 898—816 гг. до н.э., 2σ — 969—801 гг. до н.э., 3σ — 1007—791 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (969—805 гг. до н.э.), и по третьей (1007—791 гг. до н.э.). Судя по калибровочному графику даты, полученной методом ускорительной масс-спектроскопии (GV-5134), наиболее вероятным временем совершения погребения Кременная Балка 2/1 является вторая половина IX в. до н.э.

В 2024 г. по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории была получена дата *погребения Кременная Балка 2/10*: GV-5135; 2731±43 BP (рис. 10: 2), калиброванные интервалы — 1σ — 908—824 гг. до н.э., 2σ — 982—806 гг. до н.э., 3σ — 1044—793 гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику даты, наиболее вероятным временем совершения погребения Кременная Балка 2/1 является вторая половина X — IX в. до н.э.

В 2023 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Кременная Балка 2/20*: Ki-20829; 2520±40 BP (рис. 9: 4), калиброванные интервалы — 1σ — 777—551 гг. до н.э., 2σ — 796—516 гг. до н.э., 3σ — 804—416 гг. до н.э.

В 2024 г. по кости человека в Новосибирской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Кременная Балка 2/20: GV-5138; 2526±42 BP (рис. 9: 3), калиброванные интервалы — 1σ — 781—551 гг. до н.э., 2σ — 800—517 гг. до н.э., 3σ — 806—416 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными (и фактически идентичными), поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (796—517 гг. до н.э.), и по третьей (804—416 гг. до н.э.). Судя по калибровочному графику даты, полученной методом ускорительной масс-спектроскопии (GV-5138), наиболее вероятным временем совершения погребения Кременная Балка 2/20 является вторая половинаVII — первая половина VI в. до н.э.

Используя даты, полученные методом ускорительной масс-спектроскопии, последовательность совершения предскифских захоронений в кургане Кременная Балка 2 представляется следующей: первое захоронение — Кременная Балка 2/10, вытянутый погребённый, головой на юго-запад; второе — Кременная Балка 2/1, вытянутый погребённый, головой на северо-запад; третье — Кременная Балка 2/20, скорченный на левом боку погребённый, головой на юг.

Погребение Кременная Балка 4/3 было впущено в насыпь раннего бронзового века. Захоронение содержало кресальный кремень и бронзовый наконечник стрелы.

В 2026 г. по кости человека в Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Кременная Балка 4/3: Poz-202849; 2660±35 BP (рис. 11: 6)*, калиброванные интервалы — 1σ — 890—795 гг. до н.э., 2σ — 900—789 гг. до н.э., 3σ — 921—773 гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику даты, наиболее вероятным временем совершения погребения Кременная Балка 4/3 является последняя треть IX —начало VIII в. до н.э.

Погребения Глиное/Плавни 1/2а, 1/4 и 1/11 были впущены в насыпь раннего бронзового века. Оснований для археологической датировки нет.

В 2026 г. по кости человека в Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Плавни 1/2а (костяк 1)*: Poz-202781; 2780±30 BP (рис. 13:2)*, калиброванные интервалы — 1σ — 983—854 гг. до н.э., 2σ — 1007—835 гг. до н.э., 3σ — 1048—819 гг. до н.э.

Также в 2026 г. по кости человека в Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Плавни 1/2а (костяк 2)*: Poz-202782; 2785±30 BP (рис. 13:3)*, калиброванные интервалы — 1σ — 988—900 гг. до н.э., 2σ — 1010—835 гг. до н.э., 3σ — 1052—818 гг. до н.э.

Кроме того, в 2026 г. по кости мелкого рогатого скота в Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Плавни1/2а*: Poz-202848; 2795±35 BP (рис. 13:4)*, калиброванные интервалы — 1σ — 998—906 гг. до н.э., 2σ — 1045—834 гг. до н.э., 3σ — 1110—821 гг. до н.э.

Все три даты являются корректными (и фактически идентичными), поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (1007—835 гг. до н.э.), и по третьей (1048—821гг. до н.э.). Судя по калибровочным графикам даты, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Плавни 1/2а является IX в. до н.э.

Установить на основании радиоуглеродных дат последовательность совершения захоронений, если таковая была, не представляется возможным. В тоже время нельзя утверждать, что костяки представляли собой одновременное (парное) захоронение.

В 2022 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Плавни1/4*: Ki-20571; 2630±50 BP (рис. 13: 6), калиброванные интервалы — 1σ — 890—773 гг. до н.э., 2σ — 911—590 гг. до н.э., 3σ — 978—542 гг. до н.э.

В 2023 г. по кости человека в Дебреценской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Плавни1/4*: DeA-43011; 2672±19 BP (рис. 13: 7), калиброванные интервалы — 1σ — 828—806гг. до н.э., 2σ — 897—799 гг. до н.э., 3σ — 901—795гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику даты, полученной методом ускорительной масс-спектроскопии (DeA-43011), наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Плавни 1/4 является последняя треть IX в. до н.э.

В 2021 г. по кости человека в Киевской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Плавни 1/11*: Ki-20184; 2520±40 BP (рис. 14: 2), калиброванные интервалы —1σ — 777—551гг. до н.э., 2σ — 796—516 гг. до н.э., 3σ — 804—416 гг. до н.э.

В 2024 г. по кости человека в Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Глиное/Плавни 1/11: Poz-184949; 2590±30 BP (рис. 14: 3), калиброванные интервалы — 1σ — 802—777 гг. до н.э., 2σ — 815—593 гг. до н.э., 3σ — 829—549 гг. до н.э.

Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы совпадают на отрезках и по второй сигме (796—593 гг. до н.э.), и по третьей (804—549 гг. до н.э.).[25] Судя по калибровочному графику даты, полученной методом ускорительной масс-спектроскопии (Poz-184949), наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Плавни 1/11 является первая четверть VIII в. до н.э.

Используя даты, полученные методом ускорительной масс-спектроскопии, последовательность совершения предскифских захоронений в кургане Глиное/Плавни 1

[25] Однако именно дата из Киевской радиоуглеродной лаборатории, полученная методом жидкостно-сцинтилляционной спектрометрии, как отмечено выше, стала основанием для ошибочной атрибуции погребения Глиное/Плавни 1/11 в качестве скифского (Синика и др. 2021: 223, 229—230, рис. 3: 1, 2).

представляется следующей: первое захоронение — Глиное/Плавни 1/2а, два разрушенных костяка в центре насыпи; второе — Глиное/Плавни 1/4, вытянутый погребённый, головой на восток — северо-восток; третье — Глиное/Плавни 1/11, вытянутый погребённый, головой на запад.

Погребения Глиное/Плавни 2/6 и 2/11 были впущены в насыпь раннего бронзового века. Погребение Глиное/Плавни 2/11 разрушено при ограблении. Оснований для археологической датировки нет.

В 2024 г. по кости человека в Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения *Глиное/Плавни 2/6*: Poz-184953; 2585±30 BP (рис. 16: 3), калиброванные интервалы —1σ — 801—775 гг. до н.э., 2σ — 811—592 гг. до н.э., 3σ — 825—548 гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Плавни 2/6 является первая четверть VIII в. до н.э.

В 2026 г. по кости человека в Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата погребения Глиное/Плавни 2/11: Poz-202786; 2585±30 BP (рис. 16: 6)*, калиброванные интервалы — 1σ — 822—793 гг. до н.э., 2σ — 896—778 гг. до н.э., 3σ — 903—773 гг. до н.э.

Судя по калибровочному графику, наиболее вероятным временем совершения погребения Глиное/Плавни 2/11 является первая четверть VIII в. до н.э.

Последовательность совершения предскифских захоронений в кургане Глиное/Плавни 2 представляется следующей: первое захоронение — Глиное/Плавни 2/11, разрушенный костяк; второе — Глиное/Плавни 2/6, вытянутый погребённый, головой на восток — северо-восток.

Заключительные положения

В настоящей работе публикуются и анализируются 15 погребений черногоровской культуры начала раннего железного века с левобережья Нижнего Днестра.

Все захоронения датированы радиоуглеродным методом в различных лабораториях (Дебрецена, Киева, Новосибирска, Познани). В подавляющем большинстве случаев для датирования были использованы кости человека, в одном — кость мелкого рогатого скота. Радиоуглеродные даты показали, что анализируемые захоронения были совершены в хронологическом диапазоне предскифского периода, располагающегося на хронологической шкале между памятниками позднего бронзового века и раннескифской культуры.

В связи с тем, что в 13 могилах инвентаря вообще не было, а в одном был найден маловыразительный в культурно-хронологическом отношении предмет, самым важным результатом датирования погребений стало их вычленение из массы таких же безынвентарных (неопределённых) захоронений, которые были совершены в более раннее или в более позднее время. Только одно захоронение содержало выразительный инвентарь: Кременная Балка 4/3 — бронзовый наконечник стрелы.

Не менее значимым результатом радиоуглеродного датирования является констатация «эффекта резервуара» для дат, полученных по костям взрослых людей в двух комплексах (Катериновка 1/4, Дойбаны-2 2/1).

В завершении необходимо отметить, что наиболее важным итогом данной работы стала констатация значительного увеличения количества погребальных памятников предскифского времени в Северо-Западном Причерноморье. За последние годы на левобережье Нижнего Днестра изучено более 50 новых захоронений черногоровской культуры. 35 из них были недавно опубликованы (Вальчак и др. 2024; 2025), ещё 15 — вводятся в научный оборот в данной работе, остальные готовятся к публикации. И их количество, по мере получения радиоуглеродных дат, будет только увеличиваться. Значительная часть погребений (три четверти или более) были безынвентарными либо содержали невыразительные в культурном отношении находки. Достоверная атрибуция этих могил в качестве предскифских стала возможной после проведения радиоуглеродного датирования. В результате общее число синхронных памятников региона резко выросло. Таким образом, в настоящее время есть все

основания констатировать значительно бóльшую (чем считалось ранее) плотность населения Северного Причерноморья в предскифское время.

Литература

Алексеев и др. 2005: Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачёв В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., Плихт ван дер Й., Посснерт Г., Семенцов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. *Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология*. Санкт-Петербург: Теза.

Бидзиля В.И., Яковенко Э.В. 1974. Киммерийские погребения Высокой Могилы. *СА* 1, 148—159.

Бруяко И.В. 2025. О клинках и ножнах парадных мечей и кинжалов предскифско—раннескифского времени (VIII—VII вв. до н.э.). В: Клещенко А.А., Кашуба М.Т. (отв. ред.). *Кавказ и Циркумпонтийский регион в древности: материалы, исследования, гипотезы.* Москва: ИА РАН, 147—155.

Бруяко И.В., Гизер С.Н., Дзиговский А.Н. 1997. Новые памятники предскифской эпохи из Северо—Западного Причерноморья. В: Яровой Е.В. (отв. ред.). *Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н.э. —IV в. н.э.).* Материалы полевого семинара. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 43—48.

Вальчак С.Б. 1993. О некоторых цельнолитых уздечных комплектах предскифского времени на юге Восточной Европы. В: Щапова Ю.Л., Яценко И.В. (отв. ред.). *Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989—1990 гг*. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии. Москва: МГУ, 23—29.

Вальчак С.Б. 2006. Комплекс впускного погребения «А», колчанный набор из кургана Малая Цимбалка и их место в хронологии предскифского периода. В: Петренко В.Г., Яблонский Л.Т. (отв. ред.). *Древности скифской эпохи*. Москва: ИА РАН, 262—276.

Вальчак С.Б. 2009. *Конское снаряжение в первой трети I—го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы*. Москва: Таус.

Вальчак С.Б. 2016. Предскифская археология Восточной Европы и некоторые памятники Закавказья. В: Балахванцев А.С., Кулланда С.В. (отв. ред.). *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа*. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти М.Н. Погребовой. Москва: Институт востоковедения, 28—41.

Вальчак С.Б. 2024. Погребения начала раннего железного века в курганах юга Восточной Европы (метаструктура памятников). *Stratum plus* 3, 83—114.

Вальчак С.Б., Зайцев Ю.П. 2018. Уздечный комплект предскифского периода из Крыма. *Древности Кубани* 23, 36—38.

Вальчак и др. 2019: Вальчак С.Б., Синика В.С., Лукасик С., Поспешны Л., Горболь Н.Ю. Предскифские погребения группы «Сад» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Journal of Archeology, Anthropology and Interdisciplinary Studies* 1, 159—182.

Вальчак и др. 2020: Вальчак С.Б., Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Горболь Н.Ю., Разумов С.Н., Синика В.С. 2020. Погребения предскифского времени в кургане группы «Плавни» на Нижнем Днестре. *МАИАСП* 12, 77—97.

Вальчак и др. 2024: Вальчак С.Б., Разумов С.Н., Фролова К.А., Синика В.С. 2024. Новые погребения предскифского времени на левобережье Днестра. Ч. 1. *МАИАСП* 16, 42—92.

Вальчак и др. 2025: Вальчак С.Б., Фидельский С.А., Тельнов Н.П., Разумов С.Н., Паткевич Д.Ф., Синика В.С. Новые погребения предскифского времени на левобережье Днестра. Ч. 2. *МАИАСП* 19, 13—75.

Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. 1980. Киммерийско-кавказские связи. *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, 184—199.

Дараган М.Н. 2015. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка. *ТГЭ* 77, 127—170.

Демченко Т.И., Левицкий О.Г. 1999. Курган эпохи бронзы у с. Владимировка. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму* VII, 133—140.

Дергачёв В.А. 1984. Курганы у с. Гура—Быкулуй. В: Артёменко И.И. (отв. ред.). *Курганы в зонах новостроек Молдавии*. Кишинёв: Штиинца, 3—36.

Дубовская О.Р. 1997. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья. *АА* 6, 181—218.

Дударев С.Л. 2011. К вопросу о хронологии ассирийских шлемов с остроконечной тульей и их кавказских подражаний. В: Виноградов В.Б. (отв. ред.). *Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения*. Москва: Илекса, 134—145.

Дьяконов И.М. 2004. Малая Азия, Армянское нагорье и Закавказье в первой половине I тысячелетия до н.э. (Урарту, Фригия, Лидия). В: Седов А.В. (ред.) *История древнего Востока: от ранних государственных образований до древних империй*. Москва: Восточная литература, 395—420.

Кетрару и др. 2014: Кетрару Н.А., Разумов С.Н., Синика В.С., Тельнов Н.П. 2014. *Дубоссарские курганы*. Тирасполь: Stratum plus (Археологические памятники Приднестровья II).

Клочко В.И. 1979. Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII—VII вв. до н.э. В: Баран В.Д. (отв. ред.). *Памятники древних культур Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 40—46.

Ковалёва И.Ф., Мухопад С.Е. 1982. Скифское погребение конца VI—V вв. до н.э. у с. Александровка. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.). *Древности степной Скифии*. Киев: Наукова думка, 91—102.

Козенкова В.И. 1995. *Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант*. Москва: ИИЦ «ТИМР» (САИ В2-5. Вып. 4).

Лысенко и др. 2023: Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С., Тельнов Н.П. 2023. Погребения эпохи поздней бронзы из курганов группы «Плавни» у с. Глиное на левом берегу Нижнего Днестра. *МАИАСП* 15, 13—41.

Махортых С.В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья*. Киев: Шлях.

Медведев А.П. 1999. *Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э*. Москва: Наука.

Мелюкова А.И. 1964. *Вооружение скифов*. Москва: Наука (САИ Д1-4).

Архив ИА РАН, Р-1. №№ 7551, 7571а. Нехаев А.А. 1979. Отчёт о раскопках в Кореновском и Выселковском районах Краснодарского края в 1979 году.

Отрощенко В.В. 2019. До проблеми розпізнавання поховань чорногорівської групи. *АДІУ* 2 (31), 149—155.

Разумов С.Н., Четвериков И.А. 2020. Новые материалы к дискуссии о миграциях степного населения на Верхний Днестр в раннем бронзовом веке. *Stratum plus* 2, 117—134.

Серова Н.Л., Яровой Е.В. 1987. *Григориопольские курганы*. Кишинёв: Штиинца.

Синика и др. 2021. Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2021.Скифские погребения в курганах группы «Плавни» на Нижнем Днестре. *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* 3, 221—242.

Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2013. *Курганы у села Буторы*. Тирасполь: ПГУ им. Т.Г. Шевченко (Археологические памятники Приднестровья I).

Синика В.С., Симоненко С.О. 2022. Радиоуглеродное датирование памятников предскифского времени на левобережье Днестра. В: Кашуба М.Т. и др. (отв. ред.) *Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий)*. Материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902—1984). Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 157—161.

Субботин Л.В., Разумов С.Н., Синика В.С. 2017. *Семёновские курганы*. Тирасполь: Stratum plus (Археологические памятники Приднестровья IV).

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2008. Полевые исследования у с. Дойбань-2 Дубоссарского района в 2007 г. *Revista arheologică*. S.n. Vol. IV. Nr. 1, 80—92.

Тереножкин А.И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.

Фокеев 1991: Научный архив ИА НАНУ. № 1990/61. Фокеев М.М. 1991. Отчёт о раскопках 1990 г.

Эрлих В.Р. 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья. В: Абрамов А.П. (отв. ред.) и др. *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. Москва: Государственный музей искусства народов Востока, 31—47.

Эрлих В.Р. 1994. В защиту традиции о причерноморском происхождении киммерийцев. *ВДИ* 3, 168—176.

Якобсон В.А. 2004. Ассирийская держава. Новоассирийский период. В: Седов А.В. (ред.) *История древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй*. Москва: Восточная литература, 343—394.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В. 2002. Киммерийский курган у пгт. Слободзея. В: Кетрару Н.А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье: от энеолита к античности*. Тирасполь: Типар, 279—343.

Łukasik S. 2016a. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Dojbany-2 site, Moldova*. Poznań, 15 April 2016. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2016b. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Katerinovka site, Moldova*. Poznań, 30 April 2016. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2022. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe PLAVNI site, Moldova: part 1*. Poznań, 17 January 2022. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2024a. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe PLAVNI site, Moldova: part 2 (K1B11, K1B17, K2B2 and K2B6)*. Poznań, 17 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2024b. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Kremennaya Balka site, Moldova: part 1 (K1B1S1, K1B1S2, K1B4S1, K2B1, K2B10, K2B17, K2B20, K4B3, K4B4, K4B7)*. Poznań, 30 December 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik S. 2025. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe PLAVNI site, Moldova: part 3 (K1B2A, K1B2B, K1B28, K2B1, and K2B9)*. Poznań, 3 December 2025. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Popovici S., Ciobanu I. 2021. *Cercetări arheologice la Cimişlia: (1969, 2015, 2019)*. Chişinău: Agenţia Naţională Arheologică, Rezervaţia cultural-naturală «Orheiul Vechi».

Rau P. 1929. *Die Graber der Frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebeit*. Pokrowsk: Volkskomm. für Bildungswesen der Wolgadt. Republik.

Reimer et al. 2020: Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwel P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plich J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0-55 calkBP), *Radiocarbon*. Iss. 4. IntCal20. Calibration Issue, August 2020, 725—757. DOI: https://doi.org/10.1017/RDC.2020.41.

References

Alekseev et al. 2005: Alekseev, A.Yu., Bokovenko, N.A., Vasil'ev, S.S., Dergachyov, V.A., Zayceva, G.I., Kovaljuh, N.N., Kuk, G., Pliht van der, J., Possnert, G., Semencov, A.A., Skott, E.M., Chugunov, K.V. 2005. *Evraziya v skifskuyu epohu. Radiouglerodnaya i arheologicheskaya khronologiya (Eurasia in the Scythian epoch. Radiocarbon and archaeological chronology)*. Saint Petersburg: TEZA (in Russian).

Bidzilja, V.I., Jakovenko, E.V. 1974. In *Sovetskaja arheologija (Soviet archeology)* 1, 148—159 (in Russian).

Brujako, I.V. 2025. In: Kleshhenko, A.A., Kashuba, M.T. (eds.). *Kavkaz i Cirkumpontijskij region v drevnosti: materialy, issledovanija, gipotezy (The Caucasus and the Circumpontic Region in Antiquity: Materials, Research, and Hypotheses)*. Moscow: Institute of Archeology of the Academy of Sciences of Russian Federation, 147—155 (in Russian).

Brujako, I.V., Gizer, S.N., Dzigovskij, A.N. 1997. In: Jarovoj E.V. (ed.). *Chobruchskij arheologicheskij kompleks i voprosy vzaimovlijanija antichnoj i varvarskih kul'tur (IV v. do n.je. — IV v. n.e.). Materialy polevogo seminara (Chobruchi archaeological complex and issues of mutual influence of ancient and barbarian cultures (4th century BCE — 4th century CE). Materials of the field seminar)*. Tiraspol: Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, 43—48 (in Russian).

Valchak, S.B. 1993. In: Shchapova, Yu.L., Yatsenko, I.V. (eds.). *Grakovskie chtenija na kafedre arheologii MGU 1989—1990 gg. Materialy seminara po skifo-sarmatskoj arheologii (Grakov Readings at the Department of Archaeology of Moscow State University 1989—1990. Proceedings of the Seminar on Scythian-Sarmatian Archaeology)*. Moscow: Moscow State University, 23—29 (in Russian).

Valchak, S.B. 2006. In: Petrenko, V.G., Yablonsky, L.T. (eds.). *Drevnosti skifskoj epohi (Antiquities of the Scythian epoch)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 262—276 (in Russian).

Valchak, S.B. 2016. In: Balakhvantsev, A.S., Kullanda, S.V. (eds.). *Kavkaz i step' na rubezhe epohi pozdnej bronzy i rannego zheleza. Materialy mezhdunarodnij nauchnoj konferencii, posvyzshennoj pamjati M.N. Pogrebovoj (The Caucasus and the Steppe at the Turn of the Late Bronze and Early Iron Ages. Proceedings of the International Scientific Conference, dedicated to the memory of M.N. Pogrebova)*. Moscow: Institute of Oriental Studies, 28—41 (in Russian).

Valchak, S.B. 2024. In *Stratum plus* 3, 83—114 (in Russian).

Valchak, S.B., Zaitsev, Yu.P. 2018. In *Drevnosti Kubani (Antiquities of Kuban)* 23, 36—38 (in Russian).

Valchak et al. 2019: Valchak, S.B., Sinika, V.S., Lukasik, S., Pospeshny, L., Gorbol', N.Yu. 2019. In *Journal of Archeology, Anthropology and Interdisciplinary Studies* 1, 159—182 (in Russian).

Valchak et al. 2020: Valchak, S.B., Lysenko, S.D., Lysenko, S.S., Gorbol', N.Ju., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 77—97 (in Russian).

Valchak et al. 2024: Valchak, S.B., Razumov, S.N., Frolova, K.A., Sinika, V.S. 2024. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 42—92 (in Russian).

Valchak et al. 2025: Valchak, S.B., Fidelski S.A., Telnov N.P., Razumov S.N., Patkevich D.F., Sinika V.S. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 19, 13—75 (in Russian).

Vinogradov, V.B., Dudarev, S.L., Runich, A.P. 1980. *Kimmerijsko-kavkazskiesvjazi (Cimmerian-Caucasian Relations. Scythia and the Caucasus)*. Kyiv: Naukova Dumka, 184—199 (in Russian).

Daragan, M.N. 2015. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Works of the State Hermitage Museum)* 77, 127—170 (in Russian).

Demchenko, T.I., Levitsky, O.G. 1999. In *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ja i Krimu VII (Antiquities of the Black Sea Steppe and Crimea)* VII, 133—140 (in Russian).

Dergachyov, V.A. 1984. In: Artyomenko, I.I. (ed.). *Kurgany v zonah novostroek Moldavii (Barrows in the areas of newbuildings in Moldavia)*. Kishinev: Shtiinca, 3—36 (in Russian).

Dubovskaya, O.R. 1997. In *Arheologicheskiy al'manah (Archaeological almanac)* 6, 181—218 (in Russian).

Dudarev, S.L. 2011. In: Vinogradov, V.B. (ed.). *Sbornik nauchnyh rabot Sergeja Leonidovicha Dudareva: stat'i, materialy, recenzii. K 60-letiju so dnja rozhdenija (Collection of Scientific Works by Sergei Leonidovich Dudarev: Articles, Materials, Reviews. On the 60th Anniversary of His Birth)*. Moscow: Ileksa, 134—145(in Russian).

Dyakonov, I.M. 2004. In: Sedov, A.V. (ed.) *Istorija drevnego Vostoka: ot rannih gosudarstvennyh obrazovanij do drevnih imperij (History of the Ancient East: From Early State Formations to Ancient Empires)*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 395—420 (in Russian).

Ketraru et al. 2014: Ketraru, N.A., Razumov, S.N., Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2014. *Dubossarskie kurgany (Dubossary barrows)*. Tiraspol: Stratum plus (Archaeological sites of Pridnestrovie II) (in Russian).

Klochko, V.I. 1979. In: Baran, V.D. (ed.). *Pamjatniki drevnih kul'tur Severnogo Prichernomor'ya (Sites of ancient cultures of the Northern Black Sea region)*. Kiev: Naukova Dumka, 40—46 (in Russian).

Kovaleva, I.F., Mukhopad, S.E. 1982. In: Terenozhkin, A.I. (ed.). *Drevnosti stepnoj Skifii (Antiquities of steppe Scythia)*. Kiev: Naukova Dumka, 91—102 (in Russian).

Kozenkova, V.I. 1995.*Oruzhie, voinskoe i konskoe snarjazhenie plemjon kobanskoj kul'tury (sistematizacija i hronologija). Zapadnyj variant (Weapons, military and horse equipment of the Koban culture tribes (systematization and chronology). Western version)*. Moscow: IITc "TIMP" (Collection of archaeological sources. B2-5. Iss. 4) (in Russian).

Lysenko et al. 2023: Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Sinika, V.S., Telnov, N. P. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 13—41 (in Russian).

Mahortyh, S.V. 2005. *Kimmeriycy Severnogo Prichernomor'ya (Cimmerians of the Black Sea region)*. Kiev: Shlyah (in Russian).

Medvedev, A. P. 1999. *Rannij zheleznyj vek lesostepnogo Podon'ja. Arheologija i etnokul'turnaja istorija I tysjacheletija do n.je (The Early Iron Age of the Forest—Steppe Don Region. Archaeology and Ethnocultural History of the 1st Millennium BC)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Melyukova, A.I. 1964. *Vooruzhenie skifov (Scythian Weaponry)*. Moscow: Nauka (Collection of Archaeological Sources D1-4) (in Russian).

Arkhiv IA RAN, R-1. No. 7551, 7571a. Nekhayv A.A. 1979. Otchot o raskopkakh v Korenovskom i Vyselkovskom rayonakh Krasnodarskogo kraya v 1979 godu.

Otroshhenko, V.V. 2019. In *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Early history of Ukraine)* 2 (31), 149—155 (in Ukrainian).

Razumov, S.N., Chetverikov, I.A. 2020. In *Stratum plus* 2, 117—134 (in Russian).

Serova, N.L., Jarovoj, E.V. 1987. *Grigoriopol'skie kurgany (Grigoriopol barrows)*. Kishinev: Shtiinca (in Russian).

Sinika et al. 2021: Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2021. In *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* 3, 221—242 (in Russian).

Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2013. *Kurgany u sela Butory (Barrows near Butory village)*. Tiraspol: Poligrafist (Archaeological sites of Pridnestrovie I) (in Russian).

Sinika, V.S., Simonenko, S.O. 2022. In: Kashuba, M.T., Smirnov, N.Ju., Stoyanov, E.O., Trubnikova, V.B. (eds.) *Evraziya v eneolite — rannem srednevekov'e (innovacii, kontakty, translyaciiidey i tehnologiy). (Eurasia in the Neolithic — early Middle Ages (innovations, contacts, transmission of ideas and technologies))*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 157—161 (in Russian).

Subbotin, L.V., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2017. *Semjonovskie kurgany (Semovka barrows)*. Arheologicheskie pamjatniki Pridnestrov'ja . Tiraspol: Stratum plus (Archaeological sites of Pridnestrovie IV) (in Russian).

Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2008. In *Revista arheologica* Vol. IV. Nr. 1, 80—92 (in Russian).

Terenozhkin, A.I. 1976. *Kimmeriycy (Cimerians)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Fokeev 1991: Nauchnyi arkhiv IA NANU. No. 1990/61. Fokeev M.M. 1991. Otchet o raskopkakh 1990 g.

Erlich, V.R. 1991. In: Abramov, A.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ja (Antiquities of the Northern Caucasus and Black Sea region)*. Moscow: State Museum of Oriental Art, 31—47 (in Russian).

Erlih, V.R. 1994. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 168—176 (in Russian).

Yakobson, V.A. 2004. In: Sedov, A.V. (ed.) *Istorija drevnego Vostoka. Ot rannih gosudarstvennyh obrazovanij do drevnih imperij (History of the Ancient East. from early state formations to ancient empires)*. Moscow: Eastern literature, 343—394 (in Russian).

Yarovoy, E.V., Kashuba, M.T., Mahortyh, S.V. 2002. *Kimmerijskiy kurgan u pgt. Slobodzeya (Cimmerian barrow near Slobodzeya)*. In: Ketraru, N.A. (ed.). *Severnoe Prichernomor'ye: ot eneolita k antichnosti (Northern Black Sea region: from the Eneolithic to antiquity)*. Tiraspol: Tipar, 279—343 (in Russian).

Łukasik, S. 2016a. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Dojbany—2 site, Moldova*. Poznań, 15 April 2016. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2016b. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Katerinovka site, Moldova*. Poznań, 30 April 2016. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2022. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe PLAVNI site, Moldova: part 1*. Poznań, 17 January 2022. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2024a. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe PLAVNI site, Moldova: part 2 (K1B11, K1B17, K2B2 and K2B6)*. Poznań, 17 January 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2024b. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Kremennaya Balka site, Moldova: part 1 (K1B1S1, K1B1S2, K1B4S1, K2B1, K2B10, K2B17, K2B20, K4B3, K4B4, K4B7)*. Poznań, 30 December 2024. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Łukasik, S. 2025. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe PLAVNI site, Moldova: part 3 (K1B2A, K1B2B, K1B28, K2B1, and K2B9)*. Poznań, 3 December 2025. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Popovici, S., Ciobanu, I. 2021. *Cercetări arheologice la Cimişlia: (1969, 2015, 2019)*. Chişinău: Agenţia Naţională Arheologică, Rezervaţia cultural—naturală «Orheiul Vechi».

Rau, P. 1929. *Die Graber der Frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebeit*. Pokrowsk: Volkskomm. für Bildungswesen der Wolgadt. Republik.

Reimer et al. 2020: Reimer, P., Austin, W., Bard, E., Bayliss, A., Blackwel, P., Bronk Ramsey, C., Butzin, M., Cheng, H., Edwards, R., Friedrich, M., Grootes, P., Guilderson, T., Hajdas, I., Heaton, T., Hogg, A., Hughen, K., Kromer, B., Manning, S., Muscheler, R., Palmer, J., Pearson, C., van der Plich, J., Reimer, R., Richards, D., Scott, E., Southon, J., Turney, C., Wacker, L., Adolphi, F., Büntgen, U., Capano, M., Fahrni, S., Fogtmann-Schulz, A., Friedrich, R., Köhler, P., Kudsk, S., Miyake, F., Olsen, J., Reinig, F., Sakamoto, M., Sookdeo, A., Talamo, S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0-55 calkBP), *Radiocarbon*. Iss. 4. IntCal20. Calibration Issue, August 2020, 725—757. DOI: https://doi.org/10.1017/RDC.2020.41.

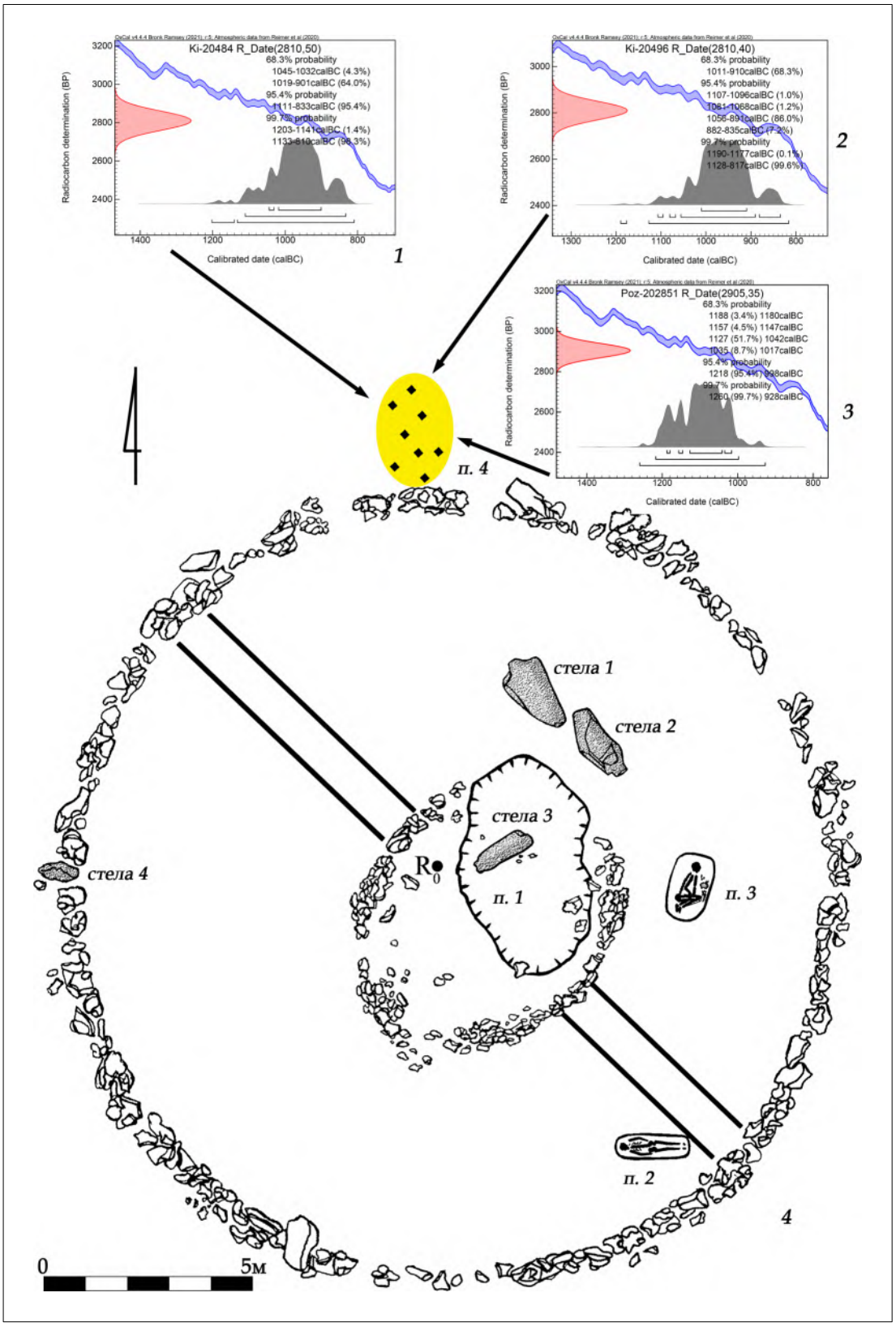


Рис. 1. План кургана Катериновка 1 на левобережье Среднего Днестра (*4*) **и калиброванные радиоуглеродные даты разрушенного погребения 4** (*1—3*).

Fig. 1. Plan of barrow Katerinovka 1 on the left bank of the Middle Dniester (*4*) **and calibrated radiocarbon dates of the grave 4** (*1—3*).

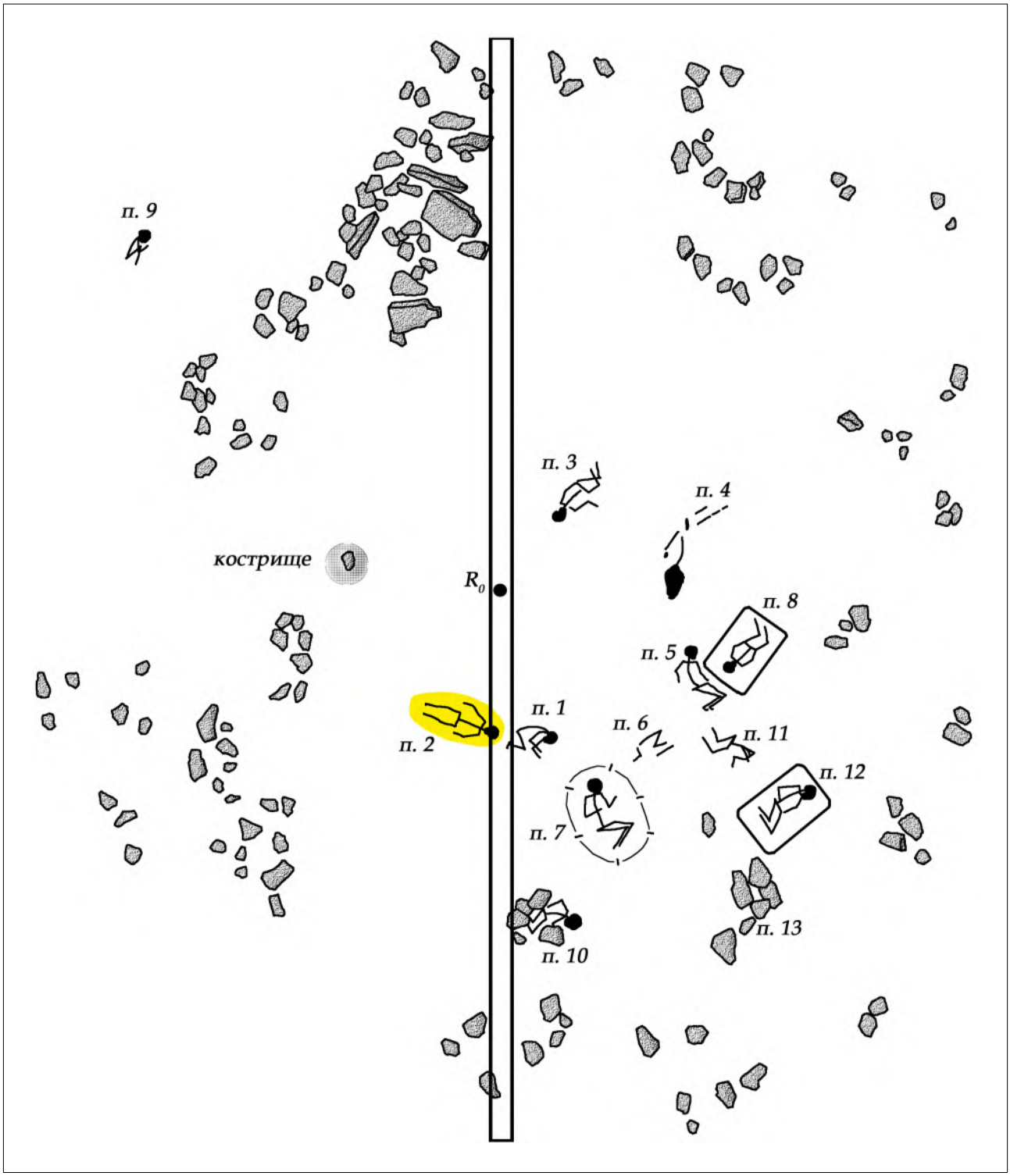


Рис. 2. План кургана Владимировка 1.

Fig. 2. Plan of barrow Vladimirovka 1.

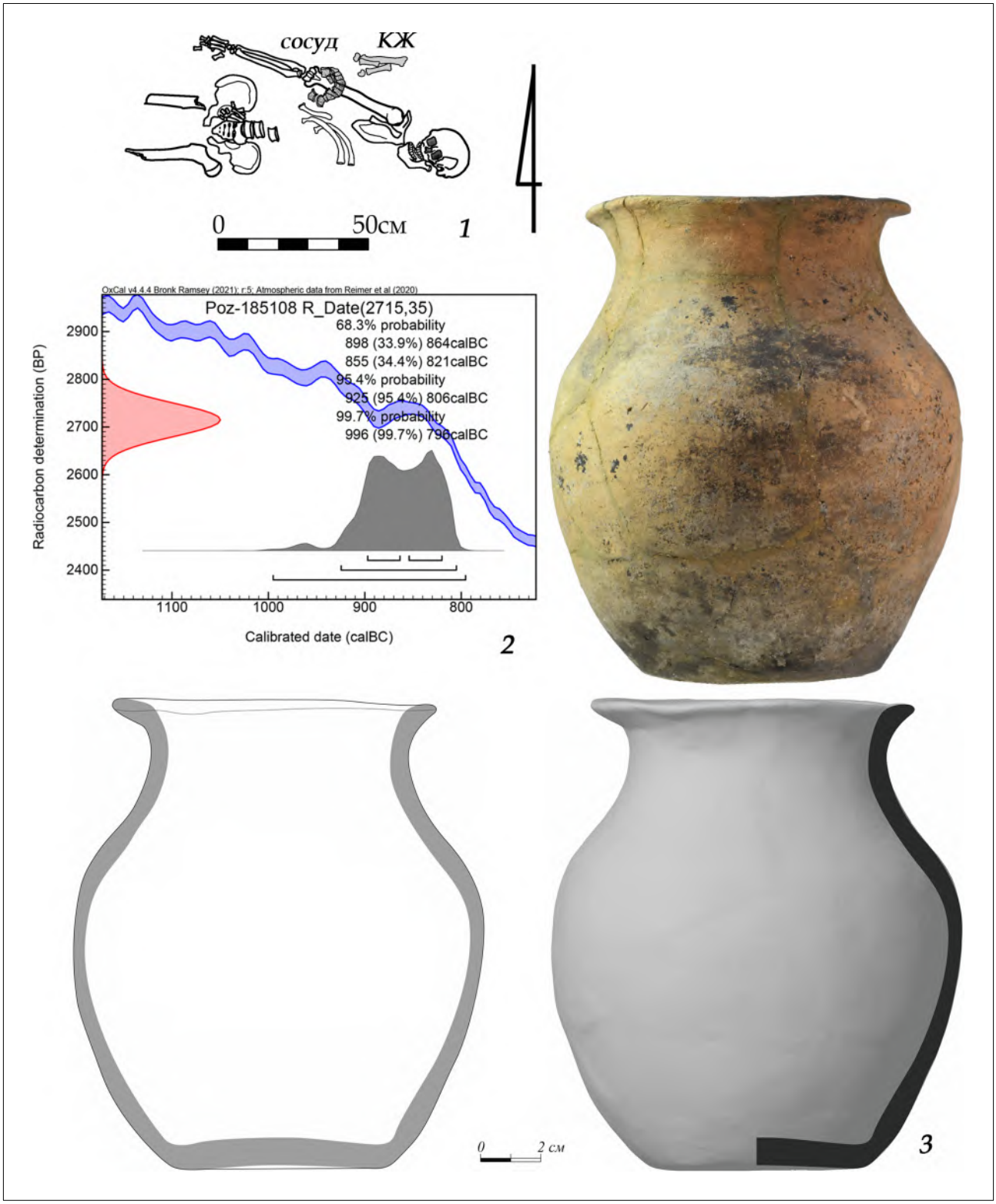


Рис. 3. Погребение Владимировка 1/2 (*1, 3*) **и его калиброванная радиоуглеродная дата** (*2*).

Fig. 3. Burial Vladimirovka 1/2 (*1, 3*) **and its calibrated radiocarbon date** (*2*).

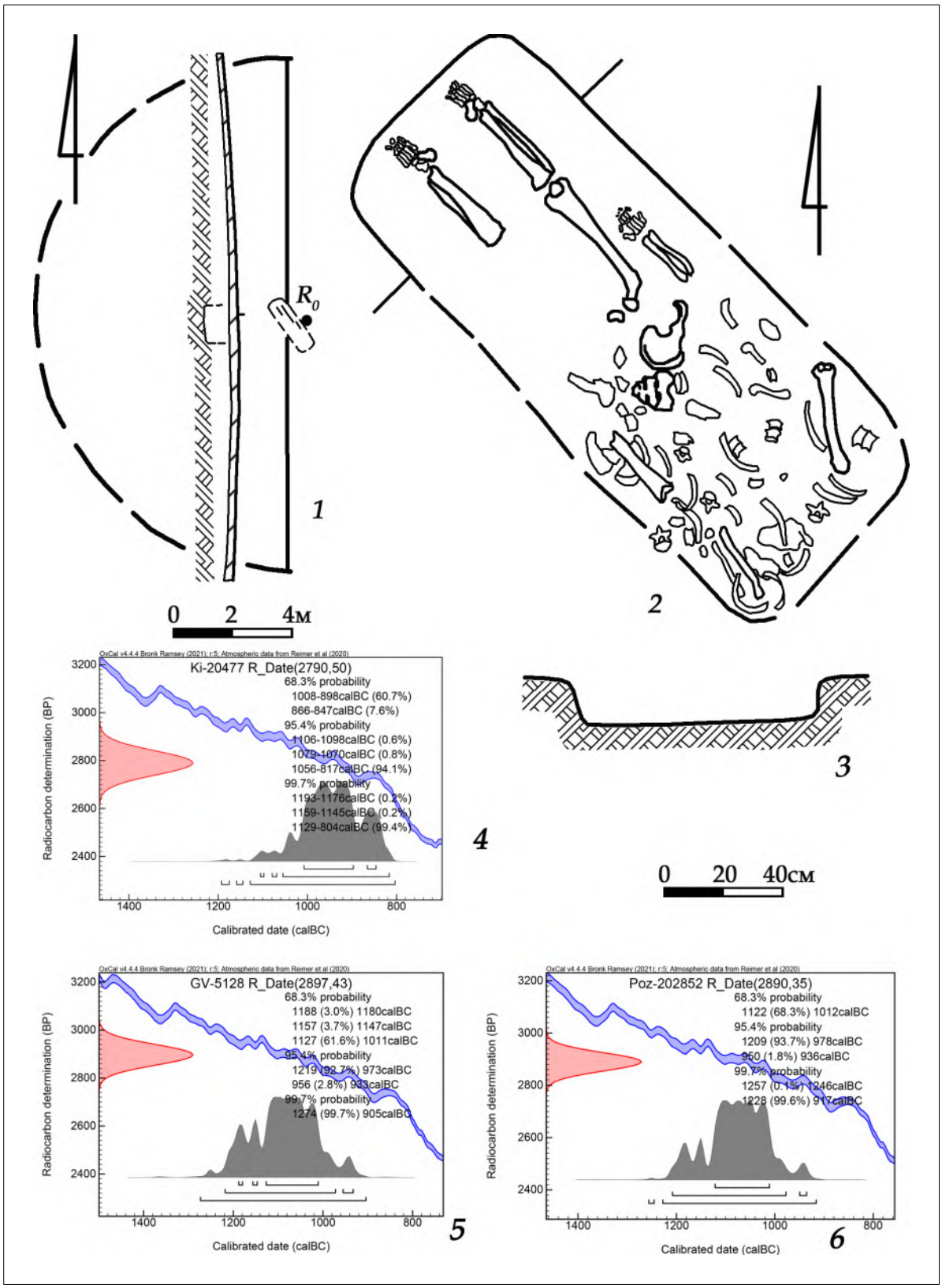


Рис. 4. План кургана Дойбаны-2 2 (*1*)**, погребение Дойбаны-2 2/1** (*2, 3*) **и его калиброванные радиоуглеродные даты** (*4—6*).

Fig. 4. Plan of barrow Doibany-2 2 (*1*)**, burial Doibany-2 2/1** (*2, 3*) **and its calibrated radiocarbon dates** (*4—6*).

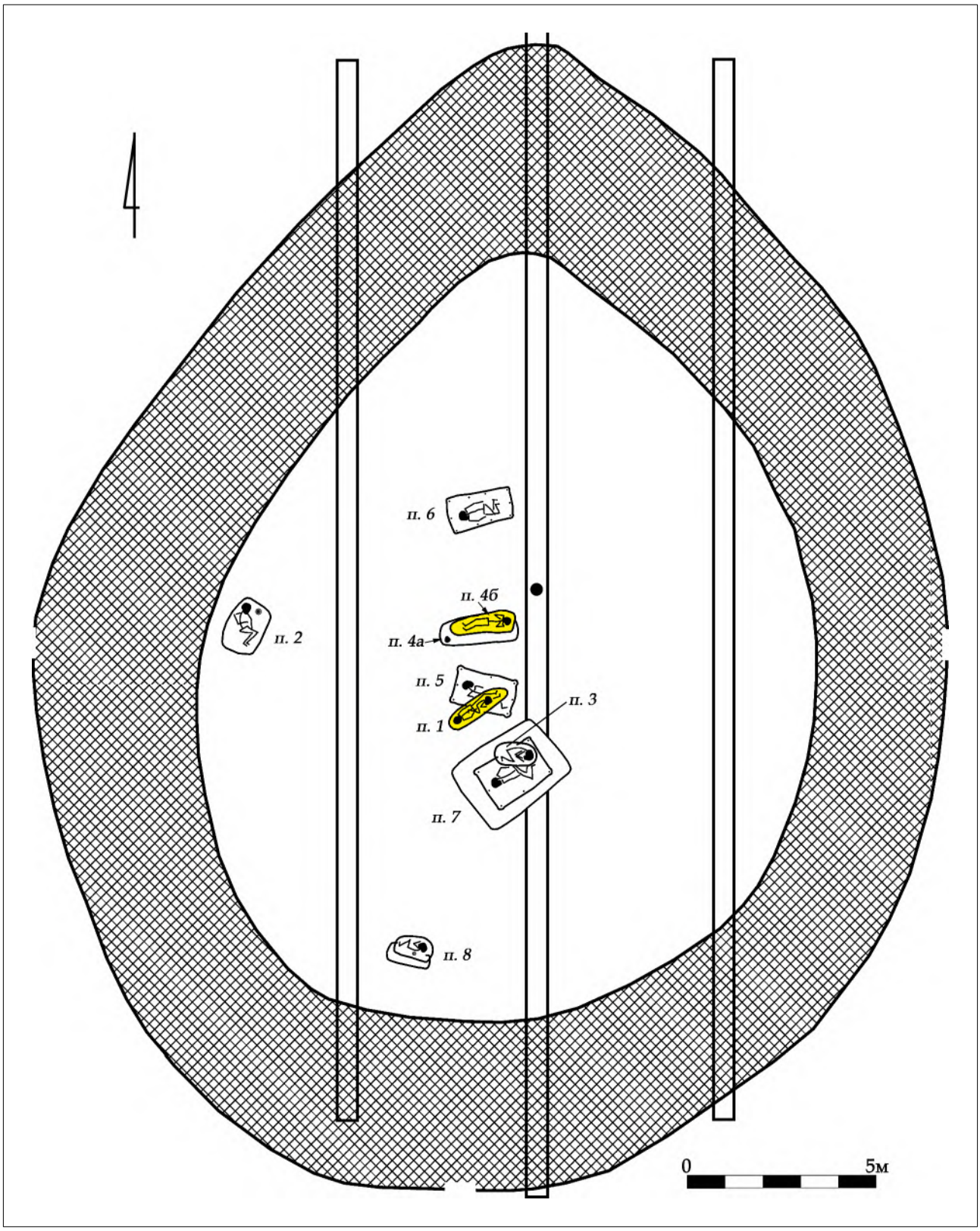


Рис. 5. План кургана Кременная Балка 1.

Fig. 5. Plan of barrow Kremennaya Balka 1.

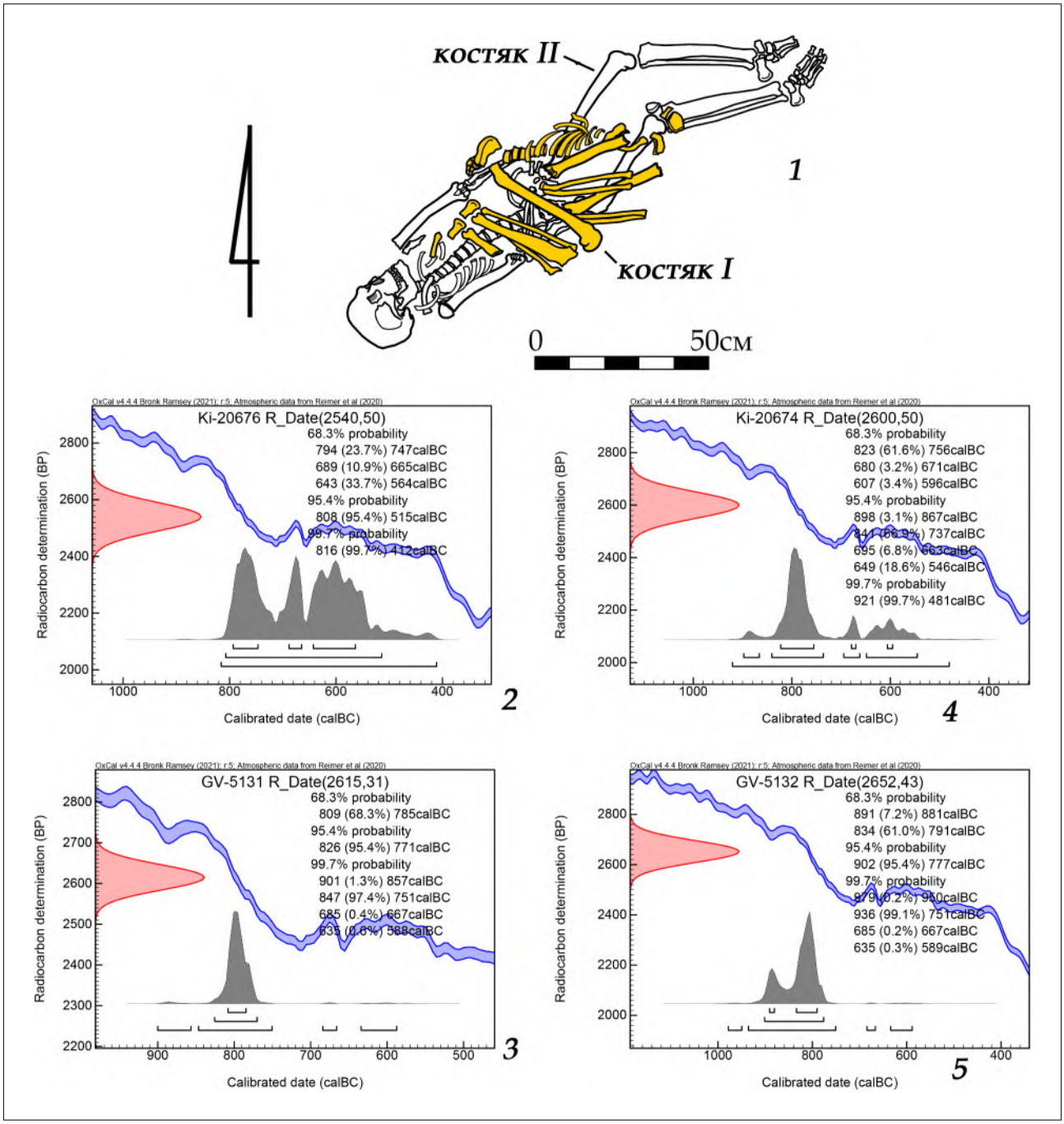


Рис. 6. Погребение Кременная Балка 1/1 (*1*) **и его калиброванные радиоуглеродные даты** (*2—5*).

Fig. 6. Burial Kremennaya Balka 1/1 (*1*) **and its calibrated radiocarbon dates** (*2—5*).

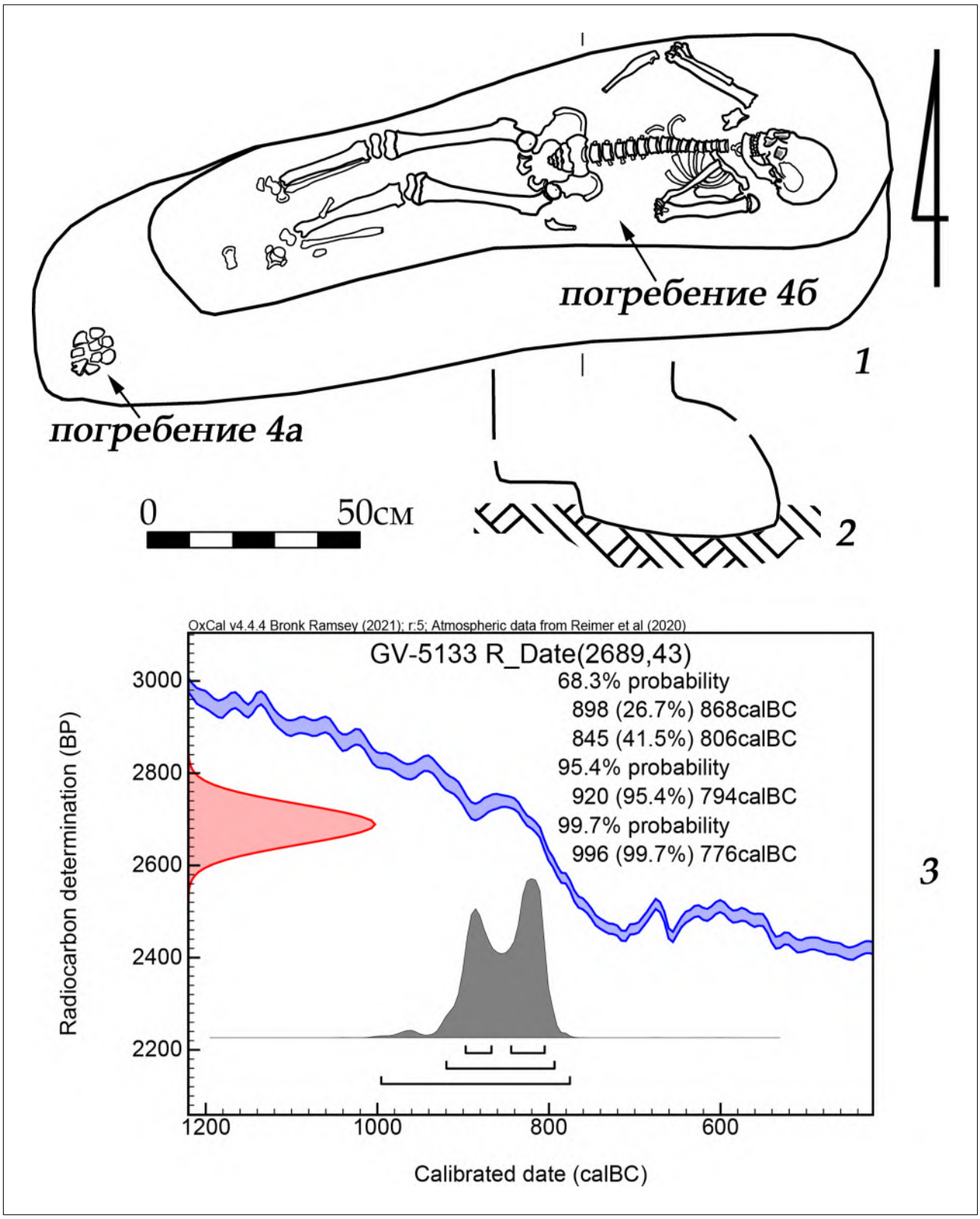


Рис. 7. Погребение Кременная Балка 1/4а (*1*) **и его калиброванная радиоуглеродная дата** (*2, 3*).

Fig. 7. Burial Kremennaya Balka 1/4a (*1*) **and its calibrated radiocarbon date** (2, *3*).

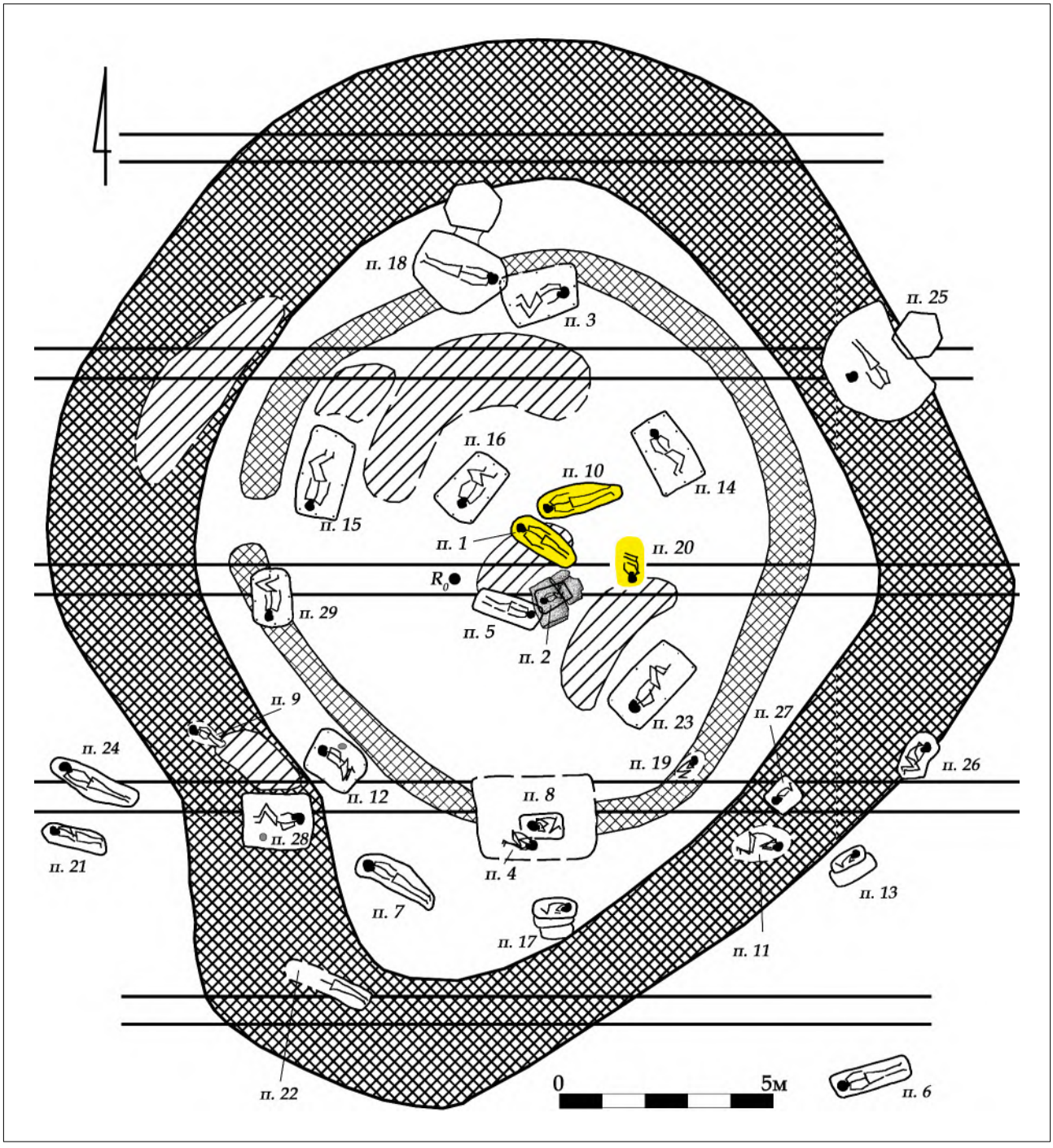


Рис. 8. План кургана Кременная Балка 2.

Fig. 8. Plan of barrow Kremennaya Balka 2.

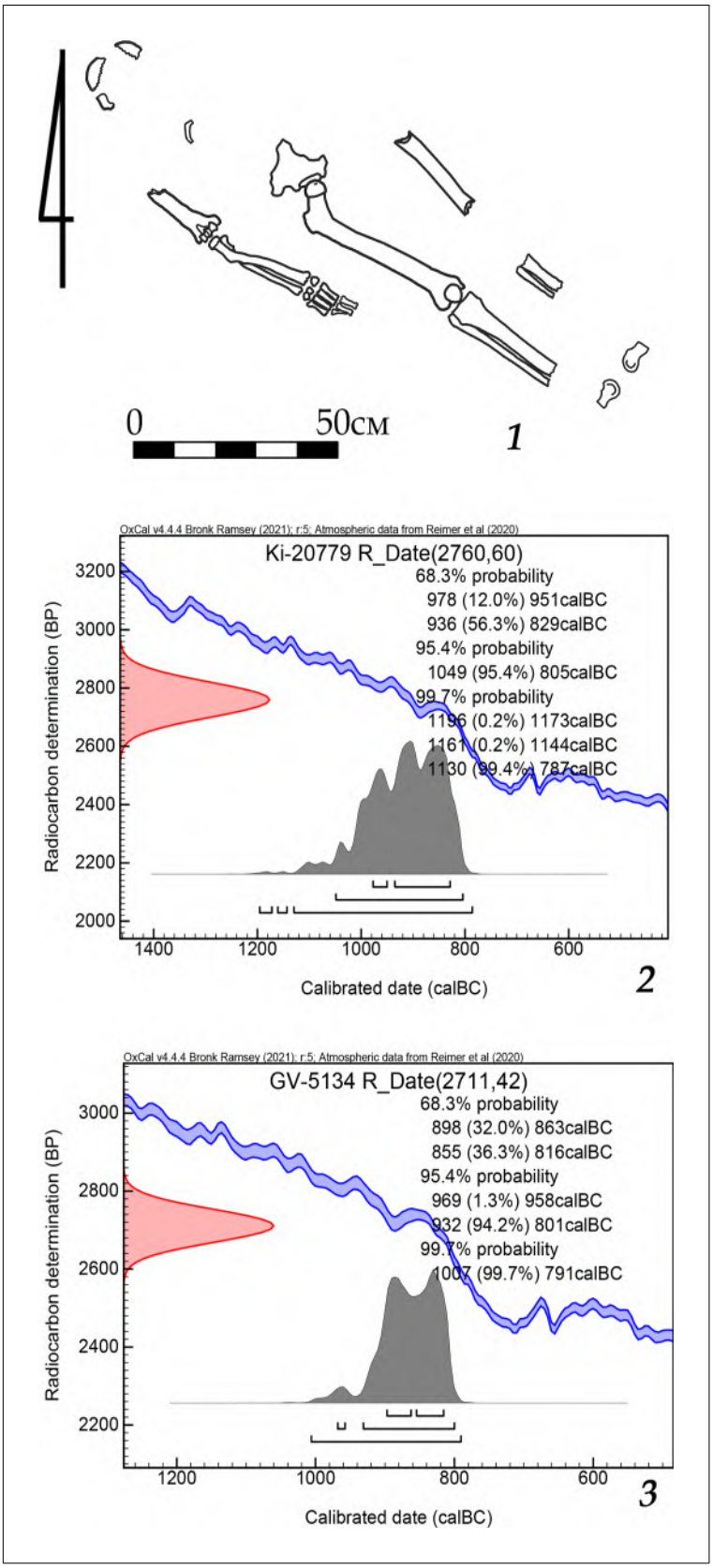


Рис. 9. Погребение Кременная Балка 2/1 (*1*) **и его калиброванные радиоуглеродные даты** (*2, 3*).

Fig. 9. Burial Kremennaya Balka 2/1 (*1*) **and its calibrated radiocarbon dates** (*2, 3*).

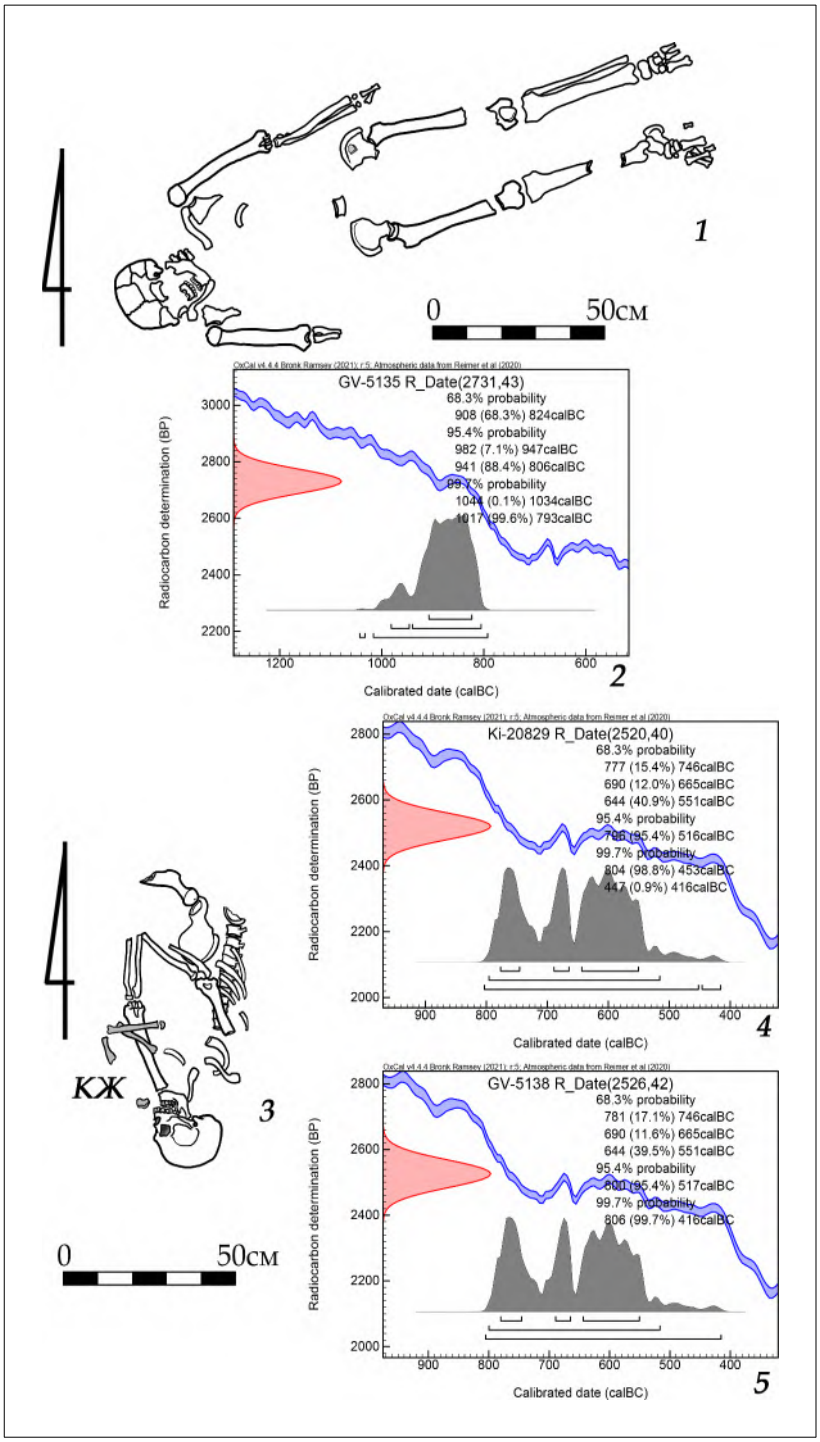


Рис. 10. Погребение Кременная Балка 2/10 (*1*) **и его калиброванная радиоуглеродная дата** (*2*)**; погребение Кременная Балка 2/20** (*3*) **и его калиброванные радиоуглеродные даты** (*4, 5*).

Fig. 10. Burial Kremennaya Balka 2/1 (*1*) **and its calibrated radiocarbon date** (*2*)**; burial Kremennaya Balka 2/1** (*3*) **and its calibrated radiocarbon dates** (*4, 5*).

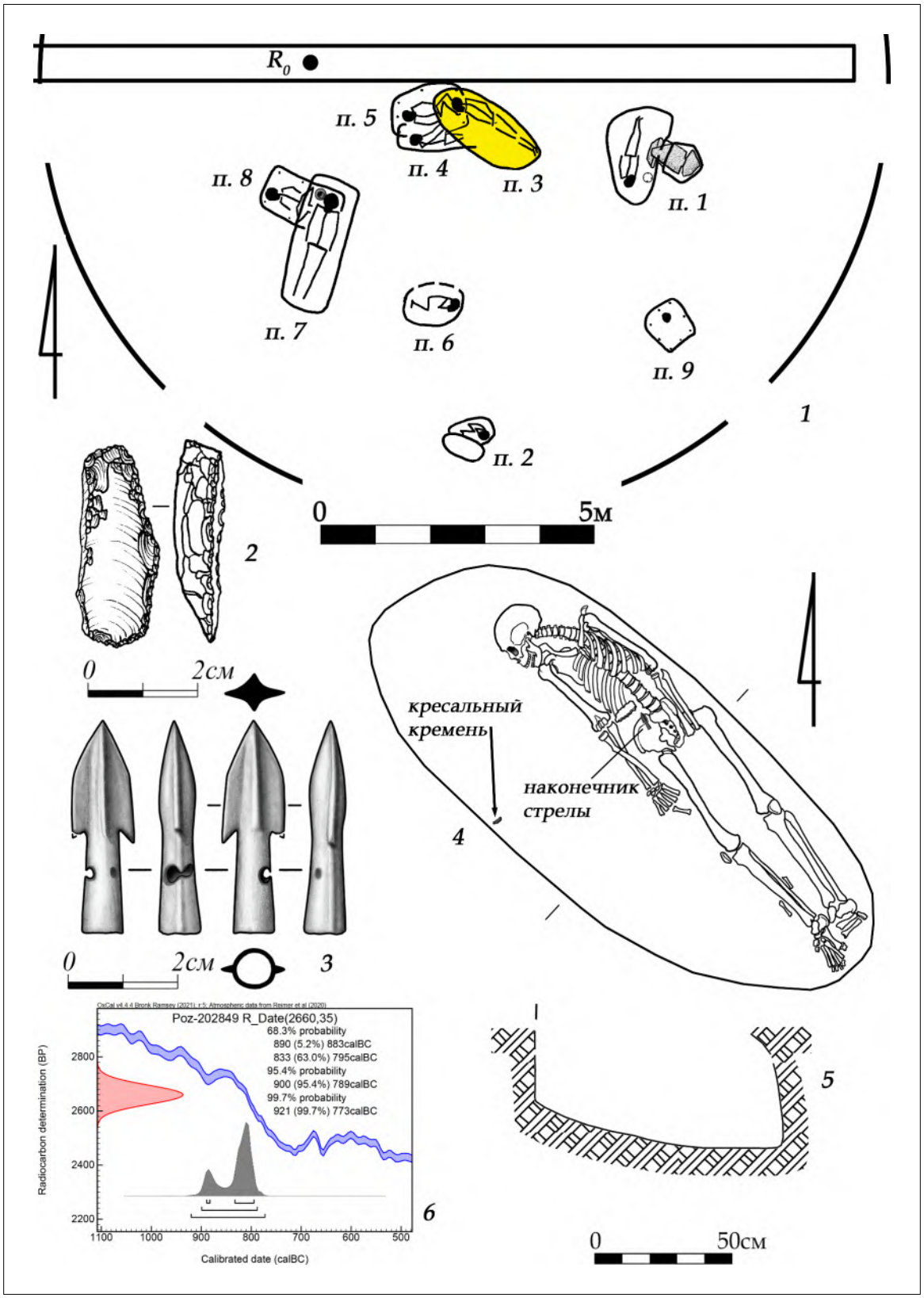


Рис. 11. План кургана Кременная Балка 4 (*1*)**, погребение Кременная Балка 4/3** (*2—5*) **и его калиброванная радиоуглеродная дата** (*6*).

Fig. 11. Plan of barrow Kremennaya Balka 4 (1)**, burial Kremennaya Balka 4/3** (*2—5*) **and its calibrated radiocarbon date** (*6*).

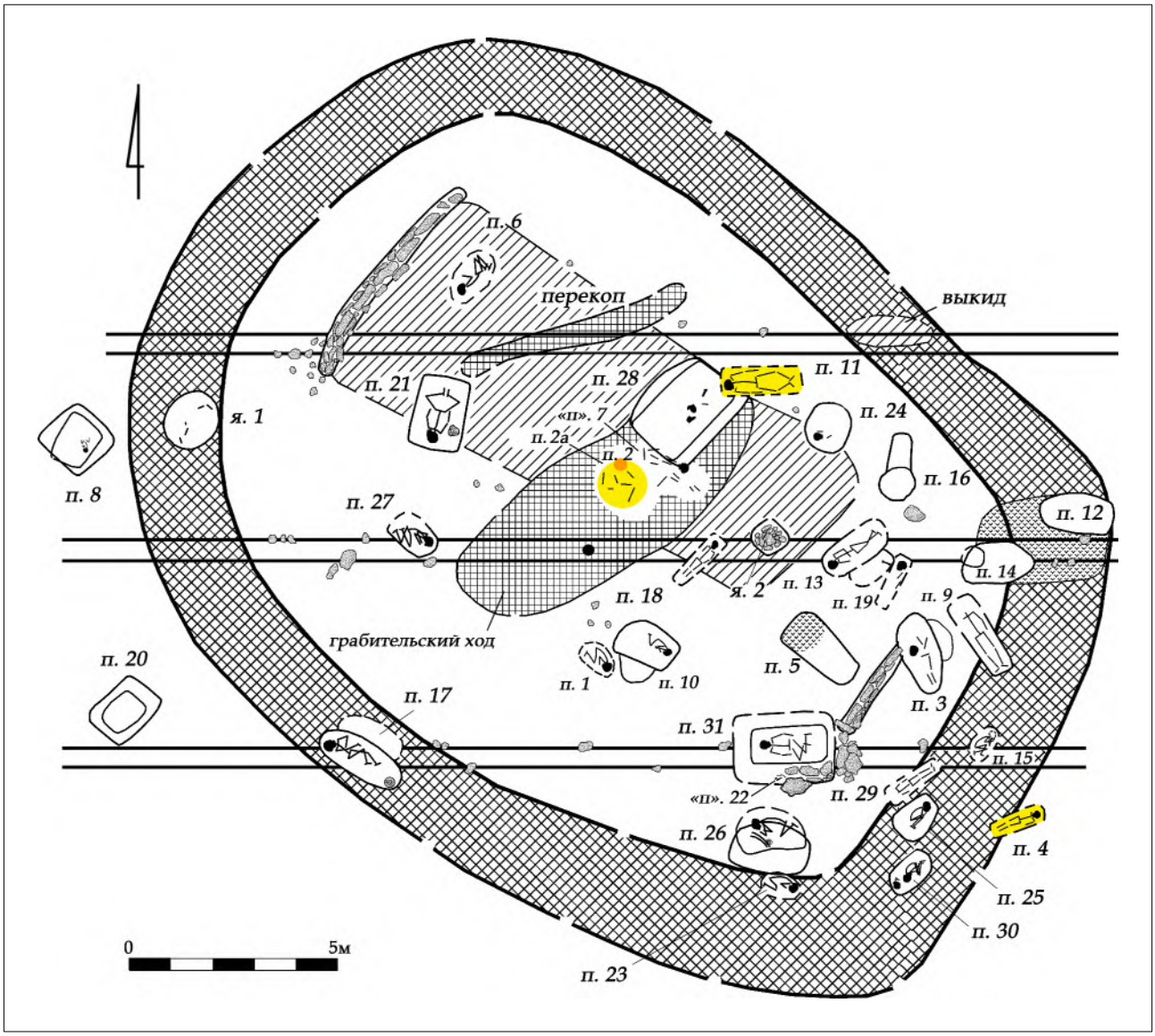


Рис. 12. План кургана Глиное/Плавни 1.

Fig. 12. Plan of barrow Glinoe/Plavni 1.

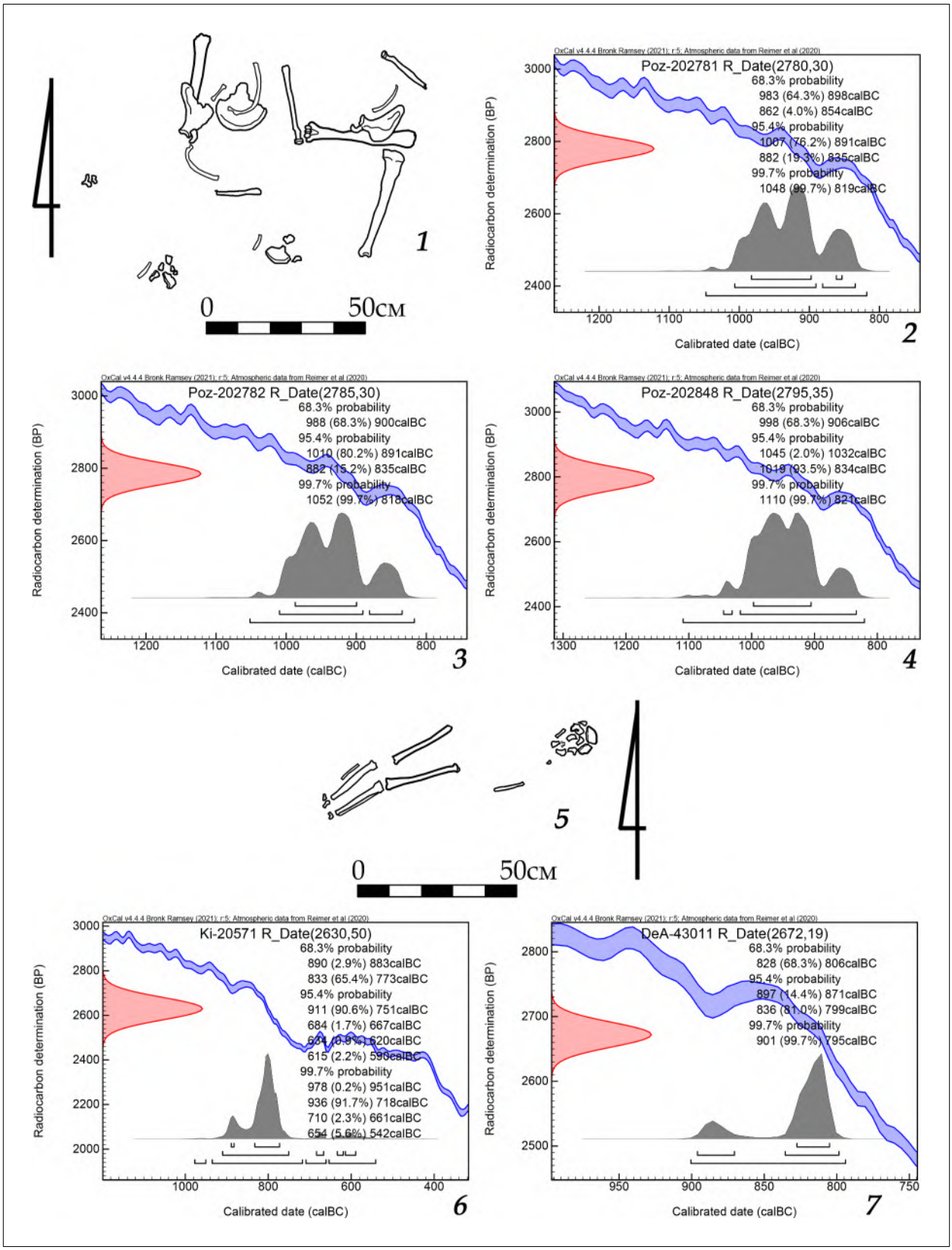


Рис. 13. Погребение Глиное/Плавни 1/2 (*1*) **и его калиброванные радиоуглеродные даты** (*2—4*)**; погребение Кременная Балка 1/4** (*5*) **и его калиброванные радиоуглеродные даты** (*6, 7*).

Fig. 13. Burial Glinoe/Plavni 1/2 (*1*) **and its calibrated radiocarbon dates** (*2—4*)**; burial Glinoe/Plavni 1/4** (*5*) **and its calibrated radiocarbon dates** (*6, 7*).

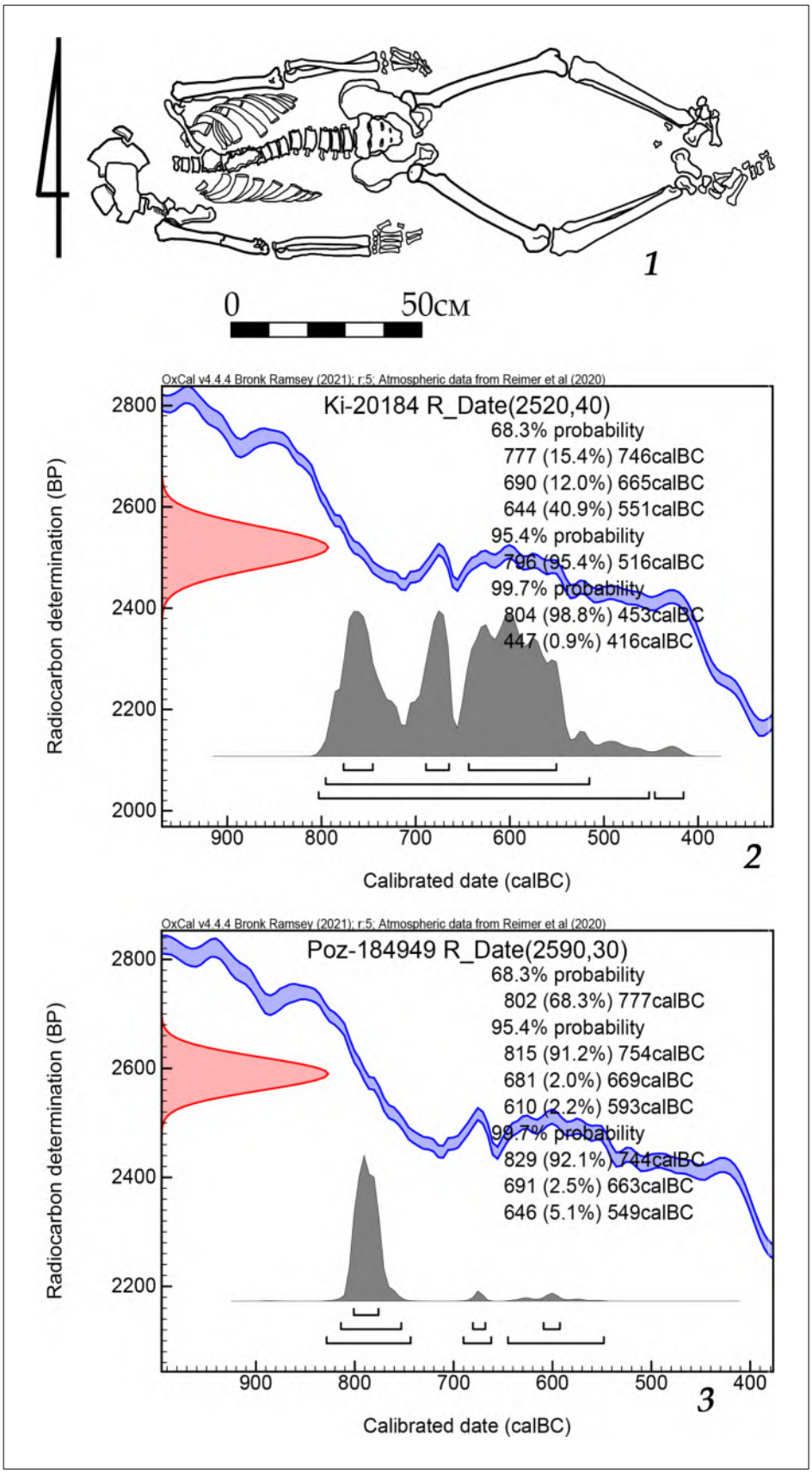


Рис. 14. Погребение Глиное/Плавни 1/11 (*1*) **и его калиброванные радиоуглеродные даты** (*2, 3*).

Fig. 14. Burial Glinoe/Plavni 1/11 (*1*) **and its calibrated radiocarbon dates** (*2, 3*).

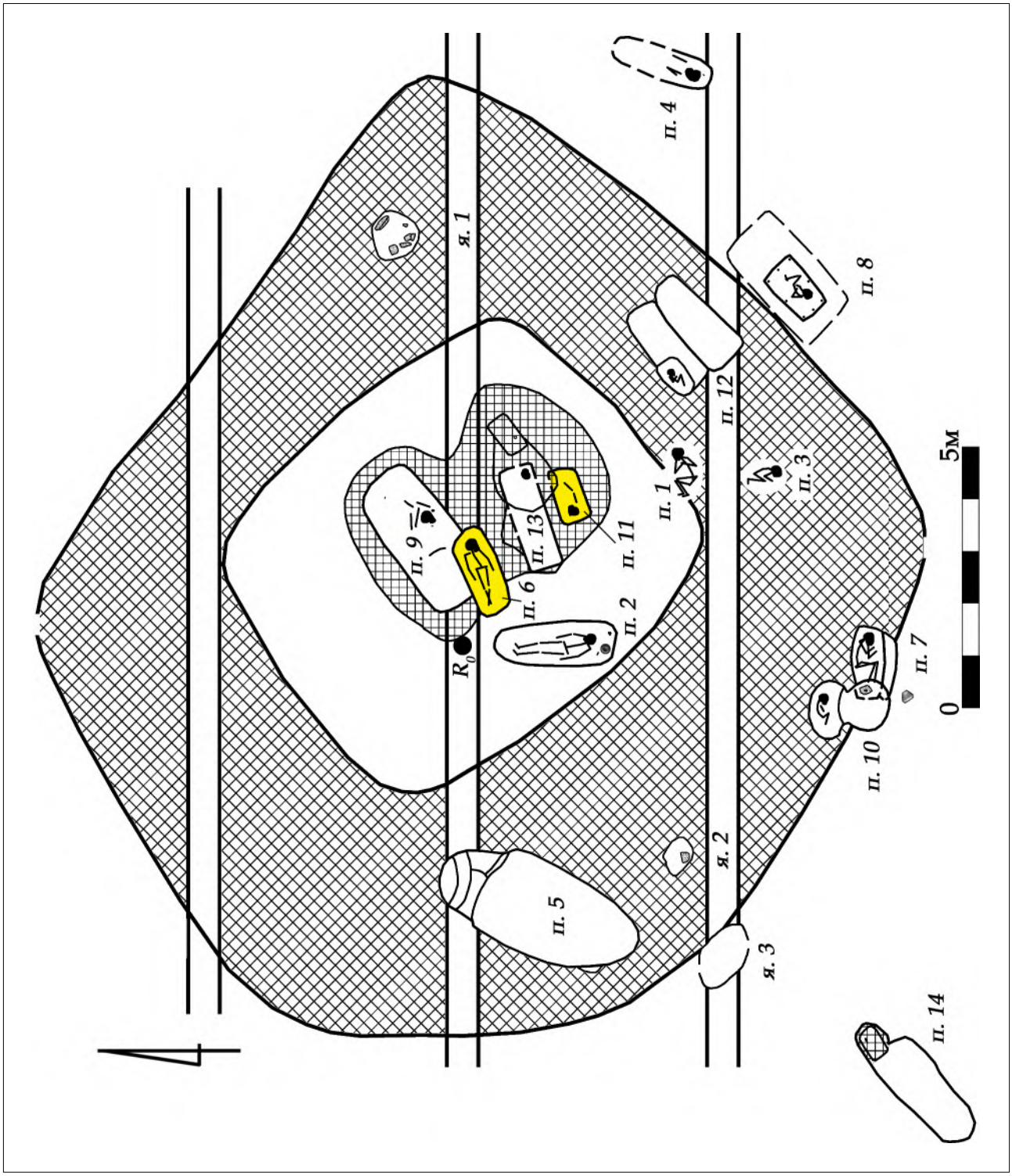


Рис. 15. План кургана Глиное/Плавни 2.

Fig. 15. Plan of barrow Glinoe/Plavni 2.

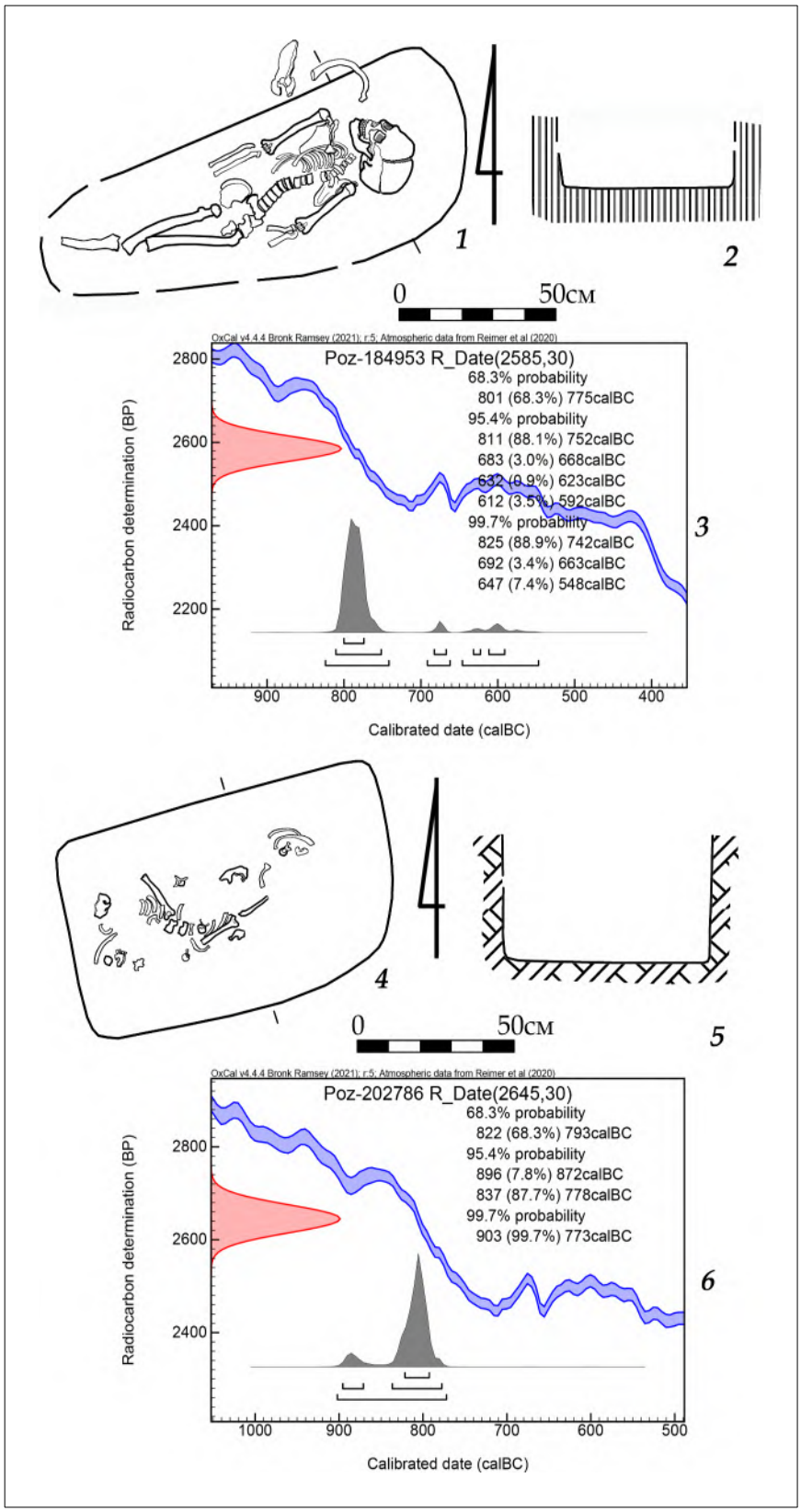


Рис. 16. Погребение Глиное/Плавни 2/6 (*1, 2*) **и его калиброванная радиоуглеродная дата** (*3*)**; погребение Глиное/Плавни 2/11** (*4, 5*) **и его калиброванная радиоуглеродная дата** (*6*).

Fig. 16. Burial Glinoe/Plavni 2/6 (*1, 2*) **and its calibrated radiocarbon date** (*3*)**; burial Glinoe/Plavni 2/11** (*4, 5*) **and its calibrated radiocarbon date** (*6*).

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.97.69.003

Е.В. Кузнецова, С.Ю. Монахов

ОПЫТ ПОДГОТОВКИ ОПРЕДЕЛИТЕЛЯ ПРОФИЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ ГРЕЧЕСКИХ АМФОР НА ПРИМЕРЕ КЕРАМИЧЕСКОЙ ТАРЫ ХИОСА*

В статье обосновывается эволюция морфологических и метрических характеристик профильных фрагментов хиосских амфор с начала VII по начало I в. до н.э. В основе исследования лежит комплексный анализ целых сосудов этого производственного центра, обнаруженных при раскопках различных памятников Северного Причерноморья за последние десятилетия. Привлечение новых данных наряду с повторным обращением к ранее опубликованным работам, позволило уточнить хронологические рамки отдельных вариантов и типов сосудов. Благодаря достаточно частой смене морфологических типов сосудов удалось проследить изменения профильных фрагментов в рамках сравнительно узких хронологических периодов. Установлено, что размерные характеристики венцов и ножек не могут служить надежными хронологическими маркерами, кроме того, они не коррелируются с емкостью сосудов и подвержены индивидуальным вариациям.

Ключевые слова: Амфоры Хиоса, профильные фрагменты, типологизация, хронология, периоды архаики, классики и эллинизма.

Сведения об авторах: Кузнецова Елена Владимировна[1], кандидат исторических наук, хранитель фондов Института археологии и культурного наследия, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»; Монахов Сергей Юрьевич[2], доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира, руководитель Института археологии и культурного наследия СГУ, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Контактная информация: [1,2]410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, e-mail: [1]ev_kuznetsova@list.ru, [2]monachsj@mail.ru.

Elena Kuznetsova, Sergey Monakhov

TOWARD A GUIDE TO THE PROFILE PARTS OF GREEK AMPHORAE: THE CASE STUDY OF CHIAN CERAMIC CONTAINERS

This article substantiates the evolution of morphological and metric characteristics of profile fragments of Chian amphorae from the early 7th century to the early 1st century BCE. The study is based on a comprehensive analysis of complete vessels from this production center, discovered during excavations at various sites in the Northern Black Sea region over recent decades. The incorporation of new data, along with a re-examination of previously published studies, has made it possible to refine the chronological frameworks of individual variants and types of these vessels. Owing to the relatively frequent changes in the morphological types of the vessels, it has been possible to trace the transformations of profile fragments within comparatively narrow chronological periods. It has been established that the dimensional characteristics of rims and toes cannot serve as reliable chronological markers; moreover, they do not correlate with vessel capacity and are subject to individual variations.

Key words: Amphorae of Chios, profile fragments, typology, chronology, archaic, classical and Hellenistic periods.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00446, https://rscf.ru/project/24-18-00446.

Статья поступила в номер 22 апреля 2026 г.
Принята к печати 19 мая 2026 г.

© Е.В. Кузнецова, С.Ю. Монахов, 2026.

About the authors: Kuznetsova Elena[1], PhD (History), custodian of the funds of the Institute of Archaeology and Cultural Heritage, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky; Monakhov Sergey[2], Dr. habil. (History), Professor, Head of the Department of Ancient History, Head of the Institute of Archaeology and Cultural Heritage, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky.

Contact information: [1,2]410012, Russia, Saratov, 83 Astrachanskaya Str., Saratov State University, e-mail: [1]ev_kuznetsova@list.ru, [2]monachsj@mail.ru.

Масштабные археологические исследования в регионах Средиземного и Черного морей привели к появлению новых данных по ранее неизвестным центрам производства керамической тары, типологическому развитию сосудов и уточнению их хронологии. За последнее десятилетие были локализованы серии амфор неизвестных ранее производственных центров, открыты новые комплексы, позволяющие понизить дату начала массового амфорного производства крупнейших производителей до конца VIII в. до н.э. Продолжают активно разрабатываться и такие традиционные для амфорологии проблемы, как цели и назначение клеймения, хронология отдельных серий клейм, предпринимаются попытки оценить роль амфорного производства в целом в социально-экономической жизни греческих полисов и др. Возникают и новые задачи, связанные, в частности, с выяснением причин появления так называемых «региональных типов» амфор. Подробный анализ направлений исследований в области изучения амфор с соответствующими ссылками см.: Монахов и др. 2016: 19—36; Lawall, Tzochev 2020.

Детализация типологических схем и установление узких датировок конкретных серий сосудов способствуют получению более точных данных по распределению продукции и выявлению пиков роста и спада импорта для характеристики экономического развития как отдельных центров потребления, так и целых регионов (Lawall, Tzochev 2020: 127). В качестве источника могут привлекаться материалы керамической эпиграфики (Кац 2007: 351—378; 2015: 44—52, 67—73; Монахов, Кузнецова 2016), целые амфоры или их профильные фрагменты (Монахов 2016; Monakhov, Kuznetsova 2017; Чистов 2018; Монахов 2025; Кузнецова 2026).

В связи с тем, что фрагменты тарной керамики являются самой массовой категорией находок, очевидно, что давно назрела нужда в создании **каталогов-определителей для профильных амфорных фрагментов**, которые призваны ускорить процесс камеральной обработки массового материала во время полевых работ и повысить точность идентификации отдельных находок. В принципе эта задача не столь уж новая, можно вспомнить работу А.П. Абрамова 1993 г., где он, опираясь на данные небольшого числа закрытых археологических комплексов, предложил свою периодизацию и хронологию античных амфор второй половины VII в. до н.э. — первой половины V в. н.э. Основной задачей, которую перед собой ставил исследователь, как раз и являлось создание каталога-определителя профильных фрагментов «*… для их соотнесения с определенным центром производства или типом амфор*» (Абрамов 1993: 4; 2020: 105 сл.), совершенно справедливо отмечая, что археологи гораздо чаще имеют дело с фрагментами сосудов. К сожалению, в первой работе автор не останавливается детально на характеристике самих комплексов, отсылая читателей к имеющейся литературе. Самое же главное заключалось в том, что самих комплексов было использовано небольшое число, а предлагаемые автором датировки не всегда были аргументированы, что вызвало критическую оценку его работы (Монахов 1999: 12—13, прим. 17).

В дальнейшем введение в научный оборот огромного массива материала из раскопок различных памятников Причерноморья, а также Средиземноморья, его систематизация и детальный анализ, позволили уточнить датировки конкретных сосудов, синхронизировать серии амфор различных центров производства, локализовать некоторые новые группы амфор, обосновать надежные датировки для ключевых памятников и, наконец, охарактеризовать динамику торговых отношений Причерноморья (Монахов 1999).

Полученные по этим материалам из закрытых комплексов результаты позволили автору проследить эволюцию изменения формы и стандартов амфор для большинства известных на тот момент производителей; выделить типы сосудов (а в рамках типов отдельные варианты и серии); обосновать предлагаемые датировки и т.п. Другими словами, была создана типология амфорной тары основных центров производства VII—II вв. до н.э. (Монахов 2003). Разумеется, с появлением новых источников в предложенную классификацию постоянно вносятся определенные коррективы, как в типологию, так и в датировки.

В свою очередь в ходе реализации проекта по изданию амфорных коллекций музеев России нами был собран огромный массив данных по целым и археологически целым тарным сосудам, который на сегодняшний день включает более двух тысяч образцов амфор многих десятков центров производства (Монахов и др. 2016; 2017; 2019; 2020; 2021; 2022; 2023; 2024; 2025a; 2025b). Весь этот материал выставлен в свободном доступе и в электронной базе данных APE (ape.sgu.ru: 1). Это позволяет детально анализировать целые формы амфор, поскольку давно стало очевидным, что для многих центров производства были характерны свои морфологические особенности.

Несомненным преимуществом всех этих работ является тот факт, что практически весь материал был обработан лично и по единой методике. Чертежи сосудов даны в едином масштабе (1:10) и содержат чертежи профильных частей (1:2), что позволяет использовать их для идентификации массового амфорного материала на этапе его камеральной обработки. Очевидно, что благодаря этому появляется возможность приступить к подготовке каталога-определителя профильных амфорных фрагментов, который призван ускорить процесс камеральной обработки массового материала во время полевых работ и повысить точность идентификации отдельных находок.

Авторы совершенно убеждены, что создание подобного каталога-определителя должно базироваться на анализе целых или археологически целых сосудов, а не отдельных венцов и ножек, даже происходящих из надежно датируемых комплексов. В качестве типологического признака необходимо крайне осторожно использовать как морфологические, так и размерные характеристики фрагментов. На примере амфор Менды было установлено, что высота венца или диаметр ножки нельзя использовать в качестве хронологического маркера. Тем более, по этим параметрам далеко не всегда уверенно можно говорить о емкости сосуда, которому принадлежали фрагменты (Кузнецова 2026: 132—136).

В настоящей статье речь пойдет об **амфорах Хиоса**, который был одним из первых центров, который начал выпускать керамическую тару еще с VIII в.[1], причем ее производство продолжалось по меньшей мере до конца эпохи эллинизма. За прошедшие десятилетия с момента выхода монографии по типологии амфор накопился огромный массив новых материалов, в связи с чем мы в некоторых случаях довольно подробно останавливаемся на вопросах датировки тех или иных типов. За основу данного исследования взяты чертежи сосудов, собранные за десятилетия работы в полевых условиях и в музейных собраниях. Помимо амфор, введенных в научный оборот за последнее десятилетие и доступных в базе данных APE, в выборку были добавлены чертежи экземпляров (в первую очередь из керамических комплексов) из раскопок различных памятников Северного Причерноморья, собранных в картотеке С.Ю. Монахова. Прежде чем перейти к основному содержанию, не будет лишним дать краткий очерк по истории локализации амфор этого центра.

В начале 1930-х гг., используя нумизматический метод, В. Грейс отнесла к производству Хиоса сосуды с прямым горлом, найденные в колодце на афинской агоре, и датировала их третьей четвертью V в. (Grace 1934: 296, 303, No. 1, fig. I: 1). Практически одновременно, сопоставив морфологию известных сосудов с изображениями на хиосских монетах, Б.Н. Граков выделил еще один тип хиосских амфор — с *«...раздутой шарообразно шейкой и массивным яйцевидным корпусом...»*, отнесенный им ко второй половине VI — началу V в. (Граков 1935:

[1] Здесь и далее все даты даны до н.э.

177—178). В дальнейшем раскопки на острове представили убедительные доказательства верности предложенных исследователями локализаций (Anderson 1954: 168—170, fig. 8: 51, 51a, 51b; 19: b). Кроме того, на основании находок был выделен тип амфор, бытовавший в IV—III вв. (Anderson 1954: 168—170, fig. 19: a). Начало амфорного производства на острове было определено с конца VII в. И, хотя целые сосуды этого времени обнаружены не были и в публикации не представлены, но присутствует описание обнаруженных фрагментов, позволившее в дальнейшем произвести идентификацию раннего типа: овоидное тулово, покатые плечи и довольно короткое прямое горло с массивным венцом. Особое значение имеет упоминание белого ангоба на внешней поверхности, на котором присутствуют красные и черные полосы (Anderson 1954: 169).

К тому времени уже были известны целые амфоры «с белой облицовкой» или «с белым ангобом», украшенные полосами лакообразной краски из раскопок Навкратиса (Naukratis I 1886: 21, pl. XVI: 4), Таниса (Tanis II: 64, pl. XXXIII: 2; XXXVI: 5) и Феры (Thera 1903: 228, 229, Abb. 425c). Сосуды были датированы с середины VII по середину VI в. Фрагменты таких амфор фиксировались в ходе раскопок большого числа памятников Средиземноморья и Причерноморья, включая Истрию (Lambrino 1938: 100—106). Для них предполагалось восточно-греческое происхождение, а М. Ламбрино высказал версию об их производстве в Милете (Lambrino 1938: 106). После раскопок на Хиосе место их изготовления было надежно установлено.

Отличительной особенностью сосудов, помимо наличия белого ангоба, является богатая орнаментация красной, коричневой или черной лакообразной краской. Окрашен венец, кругами обведены нижние и верхние прилепы ручек, горизонтальные полосы нанесены в нижней части горла, под нижними прилепами ручек (две или три полосы), под линией максимального диаметра и, иногда, в нижней части тулова, вертикальная полоса лака по внешней стороне ручки и вниз по тулову до нижней горизонтальной полосы; на плече нарисована перевернутая «S» или «лежащая» восьмерка. Благодаря столь характерным признакам количество идентифицированных целых экземпляров из раскопок разных мест постоянно увеличивалось (Зеест 1960: 70, табл. I: 2а, б; Metzger 1972: pl. 25; Gjerstad 1977: 37, No. 183—187, pl. XXII: 1—3). Наконец, в начале 1980-х гг., благодаря серии химических анализов, было окончательно подтверждено происхождение сосудов «с белым ангобом» в мастерских о. Хиос (Dupont 1982: 198).

Немного позднее к этому типу амфор были отнесены сосуды из раскопок кургана № 1 у пос. Коломак в Харьковской области и кургана № 14 группы «Красногоровка III» в Ростовской области (Cook, Dupont 1998: 146; Монахов 1999: 33—37, табл. 1, 2: 2). Основанием для этого послужила характерная роспись сосудов, ассоциировавшаяся с уже установленными хиосскими амфорами «с белым ангобом». Амфоры из северопричерноморских курганов вместе с сосудами из этрусских гробниц, имеющими близкую роспись, были выделены в отдельный, самый ранний вариант хиосской тары (I-A), получивший название «**коломакский**», по месту первой находки таких сосудов в Северном Причерноморье (Монахов 2003: 12—13, табл. 1). Хронология варианта была определена С.Ю. Монаховым в пределах третьей четверти VII — первой трети VI в. Известные ранее более стройные хиосские амфоры «с белым ангобом» объединены в вариант I-B «**созопольский**», датировка которого укладывается в период с третьей четверти VII по середину VI в. (Монахов 2003: 13—14).

Однако, принадлежность сосудов «коломакского» варианта к продукции хиосских мастерских подверглась сомнению практически сразу. Основанием для этого послужили раскопки некрополя Абдер, оставленного первыми поселенцами, прибывшими из Клазомен в 654 г. (Skarlatidou 2004: 249—259). Погребения содержали значительное количество тарных амфор с середины VII по конец первой трети VI в., среди которых большую группу составляли сосуды с характерным декором, но без белого ангоба. Е. Скарлатиду отнесла их к производству мастерских северо-ионийского региона (Skarlatidou 2004: 255).

Несколько ранее в ходе раскопок некрополя Клазомен было обнаружено несколько сосудов, имеющих горизонтальные полосы по тулову, окрашенные венцы и круги вокруг верхних и

нижних прилепов ручек. Массовость таких находок позволила предположить их местное изготовление начиная с конца VII в. (Doger 1990: 704, res. 5). Позднее новые находки аналогичных амфор из раскопок этого некрополя побудили Ю. Сезгина включить такие амфоры в общую типологию *клазоменской* тары с середины VII в. до 480 г. (Sezgin 2004: 169—183; 2012: 21—82). В выделенный автором тип Kla2, с датировкой 650—620-е гг., были отнесены и сосуды из красногоровского и коломакского курганов, о которых речь шла выше. Проведенные анализы теста некоторых амфор из некрополя Абдер показали наличие двух групп керамики, меньшая из которых относится к производству Хиоса, бóльшая — к производству центров Северной Ионии (Dupont, Skarlatidou 2005: 79—80[2]).

Таким образом, на сегодняшний день понятно, что амфоры, обнаруженные в причерноморских курганах в Ростовской и Харьковской областях не имеют отношения к продукции Хиоса, а были изготовлены в Северной Ионии, скорее всего, в Клазоменах (Sezgin 2012: Kla2.02, Kla2.08). Исследователи едины во мнении, что хиосские амфоры VII — первой половины VI в. покрывались белым ангобом, который может отличаться по своей плотности, но всегда присутствует. При этом роспись хиосских и клазоменских сосудов VII в. очень близка. Однако на клазоменских амфорах часто имеются характерные детали: перекрещенные линии на горлах и полосы, диагонально (а не вертикально) спускающихся по тулову от нижних прилепов ручек. Начало амфорного производства на Хиосе Ю. Сезгин определяет серединой VII в.

Целый хиосский сосуд «с белым ангобом» происходит из гробницы № 1 некрополя Бандитаччи (Rizzo 1990: 55—60, fig. 55, 347; Sezgin 2012: 115, Khi.02). У сосуда глина орехового цвета, беловатый ангоб нанесен большими мазками, лак красно-коричневый, переходящий в черный. М.А. Риццо определяет датировку амфоры в пределах 630 г., отталкиваясь в своих умозаключениях от хронологии материалов из гробницы № 4 некрополя Монте Абатоне (Rizzo 1990: 12, 51, tav. IV: *2*). При этом Ю. Сезгин, ссылаясь на М.А. Риццо, указывает более раннюю дату — 650 г., будучи убежденным в синхронности изготовления обоих сосудов (Sezgin 2012: 92).

Самый поздний целый экземпляр раннего варианта хиосской тары происходит из раскопок на о. Фасос и по стратиграфическим наблюдениям датируется около 625 г. (Daux 1961: 935, fig. 34; Bernard 1964: 87, 137—140, fig. 10, 50).

На сегодняшний день можно говорить о том, что начало амфорного производства на Хиосе начинается еще в VIII в., о чем свидетельствуют находки из Питекуссы и особенно Метоны (Pithekoussai I 1993: 429, tav. 211 -397; Methone Pierias et al. 2012: 368—369, 461—464, Nos. 21, 127—131). Ранние сосуды, выделенные в тип I («с белым ангобом») отличаются наличием светлого (бежевого, желтоватого, белого) ангоба разной степени плотности и богатой орнаментацией. О морфологии сосудов конца VIII — первой половины VII в. известно крайне мало. Собственно, кроме сосуда из Питекуссы имеются лишь единичные фрагменты из Метоны. У сосудов, по всей видимости, было короткое цилиндрическое горло, достаточно массивный подпрямоугольный венец, приземистое шаровидное тулово на широком кольцевом поддоне (диаметром до 150 мм, рис. 8: 1, 2). Орнаментом лакообразной краской от красного до черного оттенка покрывались венец и поддон, горизонтальные полосы присутствуют под венцом, в нижней части горла, под нижними прилепами ручек (две или три полосы), в нижней части тулова (две или три полосы), верхние и нижние прилепы ручек обведены кругами лака, причем верхний «круг» соприкасается с горизонтальной полосой в нижней части горла; вертикальная полоса (достаточно широкая) спускается по ручке. На амфоре из Питекуссы полос на ручке две, и они пересекаются между собой в нескольких местах. На плече присутствует орнамент — на питекусском экземпляре это полукруг (рис. 1: 1), на фрагменте из Метоны можно предположить наличие лежащей восьмерки (Methone Pierias I: 464, No. 131).

[2] Из текста статьи, правда, не совсем понятно, какие именно образцы анализировались. Были ли среди них фрагменты, покрытые белым ангобом или все они принадлежали амфорам с так называемым «бесцветным покрытием». Более подробно о других исследованиях глин хиосских амфор см.: Sezgin 2012: 85—87.

Бóльшим числом экземпляров представлены сосуды с середины VII в. (Sezgin 2012: 129), о чем уже было сказано выше. Все их также отличает короткое горло, массивный венец, шаровидное тулово на невысоком поддоне, ручки близкие к вертикальным. Богатая орнаментация сохраняется, появляются дополнительные полосы в средней и в нижней частях тулова, в нижней части горла полоса остается одна; широкие вертикальные полосы спускаются по ручкам вниз по тулову до предпоследней горизонтальной полосы; на плече лежащая восьмерка постепенно трансформируется в лежащую «S» (рис. 1: 2).

На наш взгляд все ранние сосуды (конца VIII—VII вв.) «**с белым ангобом**» можно объединить в *вариант I-A*, благодаря близким морфологическим признакам. От предложенного ранее названия варианта — «коломакский» — следует отказаться.

Дальнейшее развитие тары происходит в рамках варианта I-B («*созопольского*»). Из-за недостаточного количества находок в настоящее время невозможно установить изготавливались ли эти сосуды параллельно с амфорами варианта I-A с конца VII в. или стали результатом его трансформации (мы склоняемся к последней версии). Количество известных целых амфор значительно больше, благодаря чему можно достаточно уверенно проследить характер происходивших с ними изменений (рис. 1: 3, 4). В конце VII — начале VI в. они имели короткое горло, высокий массивный венец, яйцевидное тулово на широкой цилиндрической ножке (Lambrino 1938: 98—100, fig. 63, 64; Calvet, Yon 1977: 18, pl. X, No. 100; Sezgin 2012: 130, Khi2.04—Khi2.05; Sezgin et al. 2022: 49, No. 034). На протяжении первой половины VI столетия наблюдается явная тенденция к вытягиванию сосудов — увеличению высоты горла и, соответственно, ручек; уменьшению максимального диаметра тулова, уменьшению диаметра ножки. В орнаментации, при сохранении прежних элементов, очевиден переход на более тонкие линии (Sezgin 2012: 131, Khi2.15—Khi3.13).

Относительно нижней даты бытования варианта I-B у нас нет точных данных. По всей видимости, такие сосуды начали изготавливаться еще в последней четверти VII в., о чем говорят отдельные находки в Истрии и на Березани. Прекращение изготовления сосудов «с белым ангобом» следует ограничить серединой VI в., скорее всего самым началом 540-х гг. (Завойкин 2013: 133). Ю. Сезгин связывает смену типов и системы орнаментации в амфорном производстве Хиоса и Клазомен с персидской оккупацией 547/546 г. (Sezgin 2012: 315), что хорошо согласуется с материалами северопричерноморских памятников[3]. На березанском поселении фрагменты таких сосудов присутствуют в комплексах I строительного периода, датирующихся концом VII — серединой VI в. (Чистов и др. 2012: 23; 2020: 30, 91). При этом они отсутствуют в комплексах позднее середины VI в. из Истрии (Bîrzescu 2012: 53), Ольвии (Лейпунская 2001; Монахов 2003: 15; Буйских 2013: 94) и Фанагории (Завойкин 2013: 133).

Профильные **фрагменты амфор I типа** очень узнаваемы. *Венцы* массивные, валикообразные, иногда вытянутые, выделены горизонтальной площадкой или неглубокой подрезкой снизу, сам венец и небольшой промежуток под ним окрашен лакообразной краской от красного до черного цвета. Внешняя поверхность черепка покрывалась желтоватым или белым ангобом различной плотности (рис. 2: 1—5). Высота известных венцов составляет от 17 до 22 мм, толщина — от 14 до 20 мм; внешний d венца колеблется от 130 до 140 мм (табл. 1).

Ручки массивные, овальные в сечении, по ручке спускается вертикальная полоса, ширина которой уменьшается к середине VI в. Толщина известных экземпляров составляет от 23 до 31 мм, ширина — от 36 до 42 мм (табл. 1, рис. 5: 4—8).

На протяжении конца VII — первой четверти/трети VI в. *ножки* имели форму, близкую к цилиндрической с неглубокой широкой выемкой. Со второй четверти VI в. ножки все чаще имеют коническую форму, являясь простым завершением тулова без какого-либо

[3] Нам ничего неизвестно об оккупации персами Хиоса. По мнению исследователей, Кир не ухудшил условий, в которых островные ионяне, добровольно подчинившиеся Киру (Hdt., I, 169), находились при Крезе. Здесь скорее следует говорить об изменениях в торговых связях региона, вызванных действиями Мазареса и Гарпага, захватившими ионийские прибрежные города.

выделения. Диаметр известных экземпляров составляет от 49 до 67 мм, высота — от 21 до 43 мм (табл. 1, рис. 8: 3—5).

В самом конце второй четверти или начале третьей четверти VI столетия происходят изменения в типе хиосской тары, затронувшие как морфологические характеристики, так и систему орнаментации. Достаточно высокое горло становится воронковидным и приобретает четкий переход к покатым плечам; тулово яйцевидное; ножки из конических становятся острореберными. С этого времени у хиосской тары исчезает белый ангоб, но некоторая орнаментация все же сохраняется. Как правило, окрашен венец и присутствуют горизонтальные полосы под нижними прилепами ручек (одна или две) и иногда в нижней части тулова; узкая полоса лака спускается вертикально по ручкам до нижней горизонтальной полосы на тулове (рис. 1: 5).

Период изготовления сосудов подобной профилировки был непродолжительным и, по всей видимости, укладывается в пределы третьей четверти VI в. По крайней мере, по материалам из раскопок памятников Северного Причерноморья нам неизвестны комплексы последней четверти столетия, содержавшие амфоры «**с воронковидным горлом»** раннего варианта II-A (Чистов и др. 2012; 2020; Асташова, Ломтадзе 2017: 55).

Профильные части заметно отличаются от предыдущего типа не только по отсутствию ангоба, но и по морфологическим особенностям. *Венцы* небольшие валикообразные, выделены горизонтальной площадкой или неглубокой подрезкой снизу. Стенка от венца вниз имеет уклон внутрь, подчеркивающий воронковидную форму горла. Венцы, как правило, окрашены лакообразной краской красно-коричневого цвета (рис. 2: 6—13). Можно лишь предположить, что окраска венцов изначально присутствовала, но сохранялась не во всех случаях. Высота известных экземпляров составляет от 11 до 15 мм, толщина — от 14 до 16 мм; внешний d венца колеблется от 123 до 150 мм (табл. 1).

Ручки несколько уменьшаются в размерах, но сохраняют овальную в сечении форму, на внешней поверхности ручек имеется тонкая полоса лакообразной краски (рис. 5: 9—13). Толщина известных экземпляров составляет от 26 до 29 мм, ширина — от 40 до 44 мм.

Ножки расширяются, зачастую появляется ребро на месте максимального диаметра, переход к тулову обозначен сужением; выемка становится глубокой и приобретает коническую или грибовидную форму (рис. 8: 6—10). Диаметр известных экземпляров — от 62 до 66 мм, высота — от 18 до 28 мм (табл. 1).

По всей видимости, уже в конце третьей четверти VI в. появляются амфоры так называемого «позднего» варианта (II-B) типа «*с воронковидным горлом*» (рис. 1: 6). По крайней мере, об этом можно судить по материалам погребения № 29/1909 г. из некрополя Ольвии (Монахов 2003: 16, табл. 3: 4), расписная керамика из которого датируется не позднее третьей четверти столетия (Скуднова 1988: 47; Буйских, Монахов 2009: 127). Сосуды, объединяемые в этот вариант, по сути, представляют переходную версию от тары «с воронковидным горлом» к таре «с раздутым горлом». По сути, уже по материалам комплекса углубления № 1174 юго-восточной части цитадели Ольвии, можно наблюдать начало морфологических изменений сосудов. Они все еще имеют высокое горло (что и относит их к раннему варианту II-A), явно сужающееся книзу, образуя форму воронки, но уже имеющее незначительную припухлость (Буйских, Монахов 2009: рис. 1, 2). Это отчетливо заметно и по профильным частям (рис. 2: 11—13).

Помимо уменьшения высоты горла, сопровождаемое появлением едва заметной «раздутости», происходит изменение формы *ножки* — она становится меньше (48—53 мм), сокращается глубина выемки, которая все чаще имеет коническую или близкую к грибовидной форму (рис. 8: 11—13); *ручки* становятся короче и меньше в диаметре (табл. 1, рис. 5: 14—18).

Венцы небольшие, валикообразные, в редких случаях выделены неглубокой подрезкой, переход от венца к стенке чаще всего плавный. Стенка от венца слабо отгибается наружу, маркируя небольшую припухлость горла (рис. 2: 14—18). Высота известных экземпляров составляет от 14 до 17 мм, толщина — от 15 до 18 мм; внешний d венца колеблется от 112 до 134 мм (табл. 1).

Система орнаментации сохраняется прежняя, только линии становятся еще тоньше. Количество целых экземпляров этого варианта невелико и все они укладываются в непродолжительный период последней трети VI в. (Чистов и др. 2012: 79, табл. 85: 1; 2020: 98, табл. 38; Завойкин 2013: 134, рис. 2: 1, 2; Монахов и др. 2019: 73—74, Ch.7, Ch. 8; 2020: 87—88, Ch.3, Ch.4).

Одновременно с этим переходным вариантом начинается изготовление тары следующего III «**пухлогорлого**» типа (Sezgin 2012: 107, note 570, 111). Самые ранние экземпляры (*вариант III-A, «ранний»*) имеют короткое раздутое горло, пифоидное тулово, короткие ручки небольшого диаметра, и небольшую ножку со слабым расширением (рис. 1: 7). У сосудов сохраняется богатая орнаментация, часто присутствуют дипинти в виде колечек, крестов или букв «А», «Е», «О», «Θ» (Τσαραβολουλος 1986: 138, πίν. 30). Их появление еще в третьей четверти VI в. маркируется материалами из Березани (Монахов 1999: 40—54; Чистов и др. 2020: 92, табл. 38: 4—6).

Венцы небольшие, валикообразные, как правило выделены неглубокой подрезкой. Стенка от венца вниз заметно отклоняется наружу, маркируя раздутость горла. Венцы окрашены лакообразной краской (рис. 2: 19—26). Высота известных экземпляров составляет от 10 до 18 мм, толщина — от 14 до 18 мм; внешний d венца колеблется от 108 до 140 мм (табл. 1). На основании имеющейся выборки целых сосудов можно сделать осторожное предположение, что к началу V в. размер венцов уменьшается.

Ручки небольшого размера, практически неотличимы от ручек предыдущего варианта и по внешнему виду, и по орнаментации (рис. 5: 19—29). Толщина известных экземпляров составляет от 20 до 28 мм, ширина — от 30 до 35 мм (табл. 1).

Ножки небольших размеров с расширением, ребро на месте максимального диаметра чаще всего не намечено. Выемка постепенно становится глубже и из трапециевидной становится грибовидной (рис. 8: 14—24). Диаметр известных экземпляров составляет от 48 до 58 мм, высота — от 17 до 30 мм (табл. 1).

По имеющимся в нашем распоряжении находкам можно предположить, что переход от «раннего» к «*развитому*» варианту хиосской тары произошел на рубеже 480—470-х гг. Большинство исследователей, опираясь на материалы комплексов, в которых одновременно встречены амфоры вариантов III-A и III-B, склоняются к мнению, что их смена произошла достаточно быстро около 480 г. (Lawall 1995: 97—98; Cook, Dupont 1998: 149; Монахов 1999: 69 сл.; Завойкин 2013: 136; Sezgin 2012: 107—114; Чистов и др. 2020: 153, табл. 92). Можно предположить, что изменения в амфорном производстве были связаны с ионийским восстанием и последовавшими за ним событиями, приведшими если не к уничтожению, то к сокращению винодельческого производства на Хиосе. По крайней мере, раскопками на острове зафиксированы следы запустения и разрушений, датирующиеся началом V столетия, хотя автор лишь предположительно связывает их с возможными карательными операциями персов (Boardman 1967: 62, 252).

Для сосудов «развитого» варианта не характерна богатая орнаментация (рис. 1: 8), хотя практика нанесения дипинти в виде колечек и крестов пока сохраняется. Примерно в 470—460-е гг. мелкие дипинти практически исчезают (рис. 1: 9), но еще достаточно часто встречаются крупные буквы или отдельные символы, нанесенные на горла или тулова. К концу второй четверти V в. амфоры «развитого» варианта (III-B) становятся более стройными (рис. 1: 10), на отдельных экземплярах намечается перехват под раздутой частью горла. Из орнаментации иногда встречаются красные полосы под венцом, отдельные вертикальные полосы, преимущественно на горле, в редких случаях крупные дипинти.

Венцы как правило валикообразные, выделены неглубокой подрезкой снизу. Встречаются вытянутые экземпляры, а также образцы с плавным переходом от венца к стенке. Стенка от венца отклоняется наружу, маркируя заметную раздутость горла. Окраска на венцах и ангоб отсутствуют (рис. 2: 27—50). Высота венцов известных экземпляров составляет от 10 до 20 мм, толщина — от 13 до 21 мм; внешний d венца колеблется от 100 до 148 мм (табл. 1). Имеющаяся выборка позволяет говорить о том, что размер венцов не

является хронологическим признаком, не очевидна зависимость параметров венца от даты сосуда. Кроме того, размер самого венца и его диаметр не являются основанием для выделения фракционных или полностандартных сосудов. К примеру, полностандартный сосуд емкостью 23,4 л (Монахов и др. 2023: 40, Ch.1) имеет один из самых маленьких венцов в выборке: его высота составляет 12 мм, а толщина 16 мм (рис. 2: 37). И наоборот, у фракционного сосуда (Монахов и др. 2016: 65, Ch.9) размер венца — 17 × 18 мм.

Ручки отличаются большим разнообразием размерных характеристик (рис. 5: 30—54). Намечается тенденция к незначительному увеличению размеров ручек к середине V в., но проследить какую-либо закономерность не удается. Орнаментация отсутствует. Толщина известных экземпляров составляет от 21 до 31 мм, ширина — от 31 до 45 мм (табл. 1).

Ножки несколько увеличиваются в размерах, на линии максимального диаметра в большинстве случаев присутствует ребро (рис. 9: 1—19). Выемки различной глубины и формы — конические, трапециевидные, грибовидные (с преобладанием последних). Диаметр известных экземпляров составляет от 51 до 65 мм (с преобладанием диаметров от 54 до 60 мм), высота — от 19 до 38 мм (с преобладанием высот от 25 до 30 мм, табл. 1).

В середине V в. появляются сосуды, у которых перехват под раздутым горлом становится более выраженным (рис. 1: 11). Они объединены в вариант *III-C* «*позднепухлогорлый*». По всей видимости трансформация сосудов происходила постепенно, о чем свидетельствуют экземпляры, демонстрирующие плавные изменения формы (Lawall 1995: 100—101; Завойкин 2013: 138—139; Монахов и др. 2020: 59—62, рис. 16—21). Верхняя раздутая часть горла отделяется перехватом, со временем высота верхней части сокращается при одновременном удлинении нижней части. Тулово удлиняется, плечи становятся более угловатыми; ручки более массивными; ножка всегда острореберная с трапециевидной или грибовидной выемкой. Сосуды подобной профилировки выпускались до конца третьей четверти пятого столетия.

Венцы массивные двух разновидностей — валикообразной и подтреугольный формы, примерно в половине случаев выделены неглубокой подрезкой снизу, в остальном с плавным переходом к стенке (рис. 3: 1—21). Стенка сильно выгнута наружу, маркируя значительную раздутость горла. Окраска венцов отсутствует. Высота известных экземпляров составляет от 16 до 21 мм (лишь у одного экземпляра она равняется 13 мм), толщина — от 18 до 22 мм; внешний d венца колеблется от 98 до 150 мм (табл. 1). Имеющаяся выборка позволяет говорить о том, что размер венцов не является хронологическим признаком, не очевидна зависимость параметров венца от хронологии. Кроме того, размер самого венца и его диаметр не являются основанием для выделения фракционных или полностандартных сосудов.

Ручки становятся более массивные, длина увеличивается. Преобладают экземпляры с толщиной более 27 мм и шириной более 37 мм (рис. 6: 1—19). К концу третьей четверти они приобретают округлые очертания. Толщина известных экземпляров составляет от 25 до 33 мм, ширина — от 35 до 44 мм (табл. 1).

Увеличивается размер *ножек*, изменяется их профиль. Они имеют сильное расширение, на месте максимального диаметра всегда присутствует ребро, уменьшается глубина выемки, которая чаще имеет коническую (иногда с выступом) или трапециевидную форму (рис. 9: 20—32). Диаметр известных экземпляров составляет от 52 до 71 мм (с преобладанием диаметров от 60 до 70 мм), высота — от 23 до 44 мм (с преобладанием высот от 30 до 35 мм) (табл. 1).

Параллельно им в третьей четверти века начали изготавливаться амфоры совершенно иной морфологии, объединенные в **тип IV — «с прямым горлом»** (Монахов 2003: 19). Наличие некоторого периода сосуществования амфор двух разных типов маркируется несколькими керамическими комплексами: колодец R 13:4 на афинской Агоре (Talcott 1935: 496, 514—516, fig. 17); комплекс № 2/1990 года из Патрея (Абрамов, Сазонов 1992: 151—156, табл. IV—VIII; Абрамов 2020: 144—149, рис. 171—175); дом 47.8 в Фанагории (Завойкин 2004: 55—57, табл. LII); яма № 15/2024 года на поселении 3 у ст. Тамань (Чурекова 2026: рис. 4). Небольшое число известных комплексов, в которых обнаружены сосуды двух разных типов, говорит о непродолжительности периода одновременного их производства. М. Лаваль предполагает, что он не превышает 5—10 лет (Lawall 1995: 103).

Время появления прямогорлых сосудов большинством исследователей определяется около 430 г. (Grace 1934: 296; Lawall 1995: 104; Завойкин 2013: 139 (с некоторыми оговорками); Абрамов 2020: 37). Опираясь на причерноморские материалы С.Ю. Монахов определил начало производства прямогорлых амфор 430-ми годами (Монахов 1999: 133), а позднее понизил датировку до 440-х годов (Монахов 2003: 19). От «низкой» датировки прямогорлых сосудов в настоящее время следует отказаться. По всей видимости, они появляются не ранее 430-х годов. В тоже время, сложно согласиться с мнением исследователей о появлении этих сосудов только около 430 г. В основе этой даты лежит комплекс «Дома пунийских амфор» в Коринфе. Концом 430-х годов определил время разрушения этого здания Г. Маттингли (Mattingly 1981: 78), хотя в публикациях Ч. Вильямса сказано лишь, что оно было заброшено не ранее 440-х гг., а в последней четверти столетия на этом месте пролегла дорога (Williams 1979: 113). Позднее, более детальный анализ результатов археологических исследований, позволил выделить две фазы существования этого объекта. Первая фаза, начавшаяся во второй четверти V в. (может быть после 470 г., Zimmerman Munn 2003: 198), характеризуется преобладанием находок не тарной керамики, что позволяет предполагать существование здесь дома, хозяин которого занимался небольшой коммерческой деятельностью. Вторая фаза, представленная двумя уровнями засыпок двора, свидетельствует о существовании здесь торговой точки, занимавшейся продажей рыбы. Наличие одного уровня глиняного пола в помещениях позволило автору говорить о коротком периоде существования здания с 460-х по 430-е гг. При этом к 430-м гг. относятся единичные фрагменты расписной керамики с уровня пола помещения 4 (Zimmerman Munn 2003: 199, note 34). Интересно при этом, что нижний уровень второй фазы засыпки двора содержал хиосские амфоры «развитого пухлогорлого» варианта, а верхний — «позднего пухлогорлого» варианта. Кроме того, автор отмечает, что верхний ярус засыпки содержал меньший объем керамического материала, чем нижний (Zimmerman Munn 2003: 199, notes 31, 32). Данное наблюдение может говорить как о сокращении объемов торговли в целом, так и о разной продолжительности функционирования здания в рамках выделяемых автором фаз засыпки двора.

На наш взгляд амфоры с прямым горлом начинают изготавливаться на Хиосе в 30-х гг. V столетия. Самые ранние экземпляры, отнесенные к «*нимфейскому*» варианту, отличаются от «позднепухлогорлых» сосудов лишь отсутствием раздутой части в верхней части горла (рис. 1: 12). У них короткое расширяющееся книзу горло, овоидное тулово с резким изломом в плечах; массивные ручки; острореберная ножка с грибовидной или трапециевидной выемкой. Орнаментация на сосудах как правило отсутствует. Известен лишь один уникальный экземпляр из никонийского склада, на котором сохранились следы красных горизонтальных и вертикальных полос, напоминающих схему росписи начала пятого столетия (Монахов 2003: 238, табл. 8: 4).

Венцы небольшие, валикообразные, в редких случаях выделены небольшой подрезкой снизу; чаще присутствует горизонтальная подрезка. Окраска венцов и ангоб отсутствуют (рис. 3: 22—29). Высота известных экземпляров от 9 до 19 мм, толщина — от 11 до 16 мм; внешний d венца колеблется от 101 до 128 мм (табл. 1).

Ручки этого варианта тары крайне сложно отличить от «позднепухлогорлых». Встречаются как маленькие, так и большие размеры (рис. 6: 20—26). Зависимость от объема или хронологии амфоры не прослеживается. Толщина известных экземпляров составляет от 21 до 26 мм, ширина — от 33 до 42 мм (табл. 1).

Ножки заметно уменьшаются в размерах, сохраняя прежнюю профилировку. Выемки небольшой глубины, преимущественно трапециевидной формы (рис. 9: 33—38). Диаметр известных экземпляров составляет от 54 до 60 мм, высота — от 20 до 34 мм (табл. 1).

Немногочисленность известных целых экземпляров амфор «нимфейского» варианта подчеркивает непродолжительный период их изготовления. По сути, они представляют собой некий переходный вариант, который, вероятно, производился лишь с середины третьей четверти V столетия. Уже к концу этой четверти или в самом начале последней на

смену сосудам «нимфейского» варианта приходят амфоры бóльшей высоты (рис. 1: 13) с высоким цилиндрическим горлом и коническим туловом (вариант IV-B, «*ботрос*»).

О появлении этой разновидности хиосской тары еще в конце третьей четверти V столетия свидетельствуют материалы ямы № 15/2024 года на поселении 3 у ст. Тамань, где прямогорлые сосуды представлены в двух вариантах — «нимфейском» и «ботрос» (Чурекова 2026: рис. 4). Сочетание прямогорлых амфор варианта «ботрос» с «позднепухлогорлыми» зафиксировано в комплексе № 2/1990 года (= комплекс № 61: Абрамов 2020: 144—149) и в тризне кургана № 4 группы Дедовой Могилы (Полин 2014: 217—218, рис. 136: 1—7).

Еще одним косвенным свидетельством краткости переходного периода от «пухлогорлых» к «прямогорлым» сосудам могут являться энглифические клейма в виде буквы «А» (рис. 12), которые встречаются на поздних разновидностях амфор варианта III-C (Буйских 2013: 94, рис. 5: 1, 2; Монахов и др. 2019: 84, Ch.28; Абрамов 2020: рис. 171: 5), IV-A (Монахов 2003: табл. 8: 5) и IV-B (Монахов и др. 2022: 76, Ch.5, Ch.9). Еще одно такое клеймо обнаружено в Горгиппии, В.И. Кац отмечает, что оно оттиснуто на амфоре «прямогорлого» типа (Кац 2015: № 2006).

Форма *венцов* варианта IV-B становится более разнообразной. Наряду с валикообразными, выделенными неглубокой подрезкой, встречаются высокие, уплощенные, вытянутые по вертикали венцы с неглубокой подрезкой снизу (рис. 3: 30—41). Высота известных экземпляров составляет от 9 до 21 мм, толщина — от 9 до 16 мм; внешний d венца колеблется от 88 до 127 мм (табл. 1).

Ручки ни формой, ни размером не отличаются от предыдущих (рис. 6: 27—38). Толщина известных экземпляров составляет от 21 до 32 мм, ширина — от 29 до 43 мм (табл. 1).

Наблюдается большое разнообразие в размерах и формах *ножек*. Некоторые экземпляры повторяют форму ножек предыдущего варианта, на некоторых присутствует подрезка, формируя своеобразный «протоколпачок». Отдельные экземпляры имеют простое расширение с острым ребром на линии максимального диаметра и неглубокую коническую выемку (рис. 10: 1—12). Диаметр известных экземпляров составляет от 46 до 71 мм, высота — от 24 до 38 мм (табл. 1).

В конце V столетия вновь происходят изменения в форме сосудов, объединяемых в рамках **типа V «с коническим туловом и колпачковой ножкой»**. Ранний вариант, охватывающий конец V и самое начало IV в. характеризуется уменьшением общих размеров сосудов. У них высокое цилиндрическое горло; коническое тулово; ножка оформляется в виде невысокого «колпачка» с неглубокой конической или цилиндрической выемкой (рис. 1: 14). Эти, как правило, небольшие сосуды объединены в вариант V-A «*с протоколпачковой ножкой*».

Венцы как правило уплощенные, вытянутые, встречаются образцы как с неглубокой подрезкой снизу, так и без нее. Окраска венцов и ангоб отсутствуют (рис. 3: 42—48). Высота известных экземпляров составляет от 12 до 18 мм, толщина — от 10 до 13 мм; внешний d венца колеблется от 86 до 117 мм (табл. 1).

Несмотря на то, что сосуды этого варианта преимущественно небольшого размера и малой емкости, *ручки* у них довольно массивные (рис. 6: 39—45). Например, у одной из самых маленьких амфор «с протоколпачковой» ножкой из Пантикапея, объем которой 7,9 л (Монахов и др. 2020: Ch.25), ручка имеет сечение 28×37 мм (рис. 6: 44). Толщина известных экземпляров составляет от 22 до 30 мм, ширина — от 34 до 42 мм (табл. 1).

Форма *ножки* модифицируется, приобретая очертания небольшого «колпачка» с неглубокой конической или трапециевидной выемкой (рис. 10: 13—19). Диаметр известных экземпляров составляет от 50 до 70 мм, высота (от подошвы до минимального диаметра на переходе к тулову) — от 28 до 49 мм, высота «колпачка» составляет от 22 до 35 мм (табл. 1).

Уже с 390-х гг. фиксируется появление в комплексах более крупных экземпляров, составляющих *вариант V-B* «*с колпачковой ножкой*» (Монахов и др. 2016: 71, Ch.21). Морфологические характеристики аналогичны предыдущим: высокое цилиндрическое горло; коническое тулово; высокие массивные ручки; ножка в виде колпачка с конической или цилиндрической выемкой разной глубины. Этот тип хиосской тары наиболее консервативен — изменения морфологических признаков выражены крайне слабо (рис. 1: 15—18).

С уверенностью можно говорить лишь о том, что со временем верхний прилеп ручек опускается все ниже по горлу, а, кроме того, на протяжении первых трех четвертей IV в. происходит увеличение высоты «колпачка». У сосудов после середины столетия переход от ножки к тулову все менее выражен.

Сосуды этого варианта изготавливались как минимум до середины III в., о чем свидетельствуют материалы кургана № 2 на горе «Горелая» (Кац и др. 2005: 107—118, рис. 1: 1). К сожалению, по имеющимся материалам пока невозможно установить в какое время разновидность ножки в виде «колпачка» исчезает, модифицируясь в простое коническое завершение тулова.

Венцы как правило уплощенные, хотя встречаются и валикообразные. Часто выделены неглубокой подрезкой снизу (рис. 4: 1—27). В силу большой консервативности формы, хронологическое разделение по внешним признакам затруднительно. Можно лишь отметить, что к концу столетия они становятся все более уплощенными и менее выделенными. Окраска венцов и ангоб отсутствуют. Высота известных экземпляров составляет от 13 до 18 мм, толщина — от 9 до 15 мм; внешний d венца колеблется от 98 до 121 мм (табл. 1).

Ручки амфор этого варианта массивные, чаще округлой формы (рис. 7: 1—23). С середины IV в. сечение ручек все больше приближается к кругу (рис. 7: 16—21). Пожалуй, это единственный вариант хиосской тары, где у фракционных сосудов размер ручки заметно меньше, чем у полностандартных. Небольшие амфоры, как правило, имеют ручки толщиной до 30 мм и шириной до 35 мм. Толщина известных полностандартных экземпляров ручек составляет от 24 до 39 мм, ширина — от 34 до 43 мм (табл. 1).

Ножки приобретают легко узнаваемую форму «колпачка». Подтверждается замеченная всеми исследователями тенденция к увеличению высоты «колпачка» на протяжении первых трех четвертей столетия, достигшая в 100—115 мм (рис. 10: 20—32). Из-за небольшого числа экземпляров, происходящих из узко датируемых комплексов, невозможно выявить точные размеры ножек в разбивку по хронологическим периодам. Можно лишь отметить, что для первой трети IV в. высота «колпачка» не превышает 70 мм. «Колпачки» первой половины столетия выделяются неглубокой подрезкой сверху (рис. 10: 21—28), в дальнейшем подрезка заменяется плавной дугой, без резкого перехода. При этом, анализ целых форм не выявил закономерности в наличии/отсутствии выемки на ножке в зависимости от времени изготовления сосуда. На протяжении всего периода встречаются ножки с выемками различной глубины, фиксируются и сосуды с практически полным ее отсутствием. При анализе ножек хиосских амфор высок риск неверной датировки ножек фракционных сосудов, так как морфологически они практически не отличаются от сосудов первой трети столетия с невысоким «колпачком». Диаметр известных экземпляров составляет от 47 до 82 мм, высота (от подошвы до минимального диаметра на переходе к тулову) — от 47 до 116 мм, высота «колпачка» составляет от 36 до 115 мм (табл. 1).

Наконец, сосуды самого позднего варианта хиосской тары (*V-C, «с острым дном без выделенной ножки»*) довольно редко встречаются в материалах Северного Причерноморья (рис. 1: 19, 20). А.К. Шенол отмечает, что изменения в форме начинаются во второй половине III в. (Şenol 2007: 106). Большим количеством экземпляров представлены сосуды II в., что позволяет охарактеризовать их морфологические особенности. По наблюдениям А.К. Шенол, в начале II в. наблюдается тенденция к округлению венцов и уменьшению диаметра устья, увеличивается высота ручек, которые в сечении становятся круглыми. К середине второго столетия ручки крепятся намного ниже венца и, соответственно, становятся короче; тулово приобретает заметно овоидные очертания; ножка как таковая исчезает, превращаясь в коническое продолжение тулова (Şenol 2007: 107). В Северном Причерноморье известны несколько таких сосудов и все они происходят из некрополя Ольвии (Монахов 2003: табл. 13: 4, 5; Ивченко, Карнаух 2010: 82, рис. 1; Івченко 2015: 15—22). Все ольвийские находки датируются А.В. Ивченко II в., в некоторых случаях датировка сужена до последней трети столетия.

По всей видимости самым ранним является экземпляр из ольвийского погребения № 4/2008 года, у которого на обеих ручках стоят одинаковые клейма с именем Ἡγησίας, которые датируются ок. 200 г. (Tsaravopoulos et al. 2013: 113). При этом в погребении были обнаружены две ольвийские монеты 140—130 гг. (Ивченко, Карнаух: 84), а само захоронение было отнесено автором к последней трети II в. (Івченко 2015: 16—17). Мы не будем подробно останавливаться на вопросах корреляции хронологии, отметим лишь, что по замечаниям некоторых авторов, клейма с одним именем появляются на о. Хиос не ранее начала II в. (Lawall 2005: 35, note 11; Şenol 2007: 106), а ольвийские монеты этого типа сейчас датируются с рубежа III—II вв. (Abramzon et al. 2019: 134, No. 1771, Taf. LXVII). Сохранилась только верхняя часть сосуда, у которого высокое горло, сопоставимое с сосудом середины III в. из кургана № 2 на горе «Горелая», но верхний прилеп ручек расположен значительно ниже, соответственно ручки становятся короче (рис. 1: 18, 19).

В дальнейшем длина ручек еще более уменьшается за счет сокращения высоты горла (рис. 1: 19, 20). Детальный анализ инвентаря погребения № 25/1902 г., содержавшего и хиосский сосуд, позволил установить его датировку в пределах конца II — первой четверти I в. (Журавлев, Ломтадзе 2007: 82), что дает нам верхнюю дату для известных в Причерноморье хиосских экземпляров. При этом, анализ хиосских монет позволил К. Лагосу предположить, что производство амфор «конического» типа прекратилось в самом начала I в. в связи с разрушениями во время Первой Митридатовой войны (Lagos 1998: 591—592), хотя позднее амфорное производство возобновилось. Ольвийские амфоры позволяют подтвердить правильность зафиксированных А.К. Шенолом наблюдений за эволюцией формы сосудов на протяжении II столетия.

Венцы высокие, уплощенные, выделены неглубокой подрезкой снизу (рис. 4: 28—30). Высота известных экземпляров венцов от 14 до 16 мм, толщина — от 9 до 10 мм; внешний d венца колеблется от 100 до 108 мм (табл. 1).

Для сосудов варианта V-C характерна круглая форма сечения *ручек,* диаметр которых составляет 29—30 мм (рис. 7: 24—26).

Ножки приобретают простую коническую форму, являясь не самостоятельным элементом, а продолжением тулова (рис. 11: 12, 13). На некоторых экземплярах заметны технологические следы формовки ножки. Диаметр ножек двух известных экземпляров II в. времени составляет 32 мм (табл. 1).

Помимо этих, хорошо известных типов хиосской тары, недавно был выделен совершенно новый «**шаровидный**» морфологический тип (**тип VI**), отнесенный к производству о. Хиос на основании имеющихся на сосудах клейм (Opait, Tsaravopoulos 2011: 275—323; Tsaravopoulos et al. 2013). Появление этой разновидности авторы авторы датировали серединой III в., ссылаясь на находку сосуда с клеймом Ἐπικράτου в захоронении на Хиосе (Tsaravopoulos et al. 2013: 108). В доступных нам публикациях контекст находки подробно не рассматривается, о спорности появления на Хиосе клейм с именем в родительном падеже в III в. мы уже упоминали выше. Отметим также, что имя Эпиката отсутствует в списке имен, встречающихся на амфорах и лагиносах с Хиоса (Tsaravopoulos et al. 2013: 108), нет его и в списках хиосских магистратов, чьи имена встречаются на монетах (Mavrogordato 1918: 325—327; Lagos 1998: app.) Кроме того, о неоднозначности предложенных авторами датировок хиосских клейм эллинистического периода свидетельствуют материалы из раскопок усадьбы Масляная гора на хоре Херсонеса. Здесь в горизонте гибели укрепления конца II в. были обнаружены два практически целых экземпляра с разными клеймами (Тюрин и др. 2025: 176—177, рис. 1—2), которые А. Царавопулос с соавторами датировали в широком диапазоне III—II вв. (Tsaravopoulos et al. 2013: 124). В связи с этим, появление этого нового типа хиосских амфор еще в III в. требует дополнительных аргументов. В настоящее время уверенно можно говорить лишь о конце II столетия по материалам укрепления Масляная гора. Заметим лишь, что вызывает удивление отсутствие изображений сосудов нового типа на хиосских монетах, хотя размещение профиля амфоры на монете характерно для этого винодельческого центра на протяжении очень долгого периода. При

этом, по наблюдениям К. Лагоса форма сосудов на монетах были скопированы с реальной тары, изготавливавшейся в конкретный период на острове (Lagos 1998: 593).

У этих амфор (рис. 1: 21[4]) валикообразный отогнутый наружу *венец*, отделен от цилиндрического горла горизонтальным уступом или желобком, диаметр *венца* от 150 до 162 мм (рис. 4: 31, 32); *ручки* массивные, овальные в сечении, толщиной от 23 до 32 мм, шириной от 35 до 42 мм (рис. 7: 27—32); тулово овоидное; *ножка* короткая, коническая (рис. 11: 14, 15), у одного экземпляра отделена от тулова желобком (Тюрин и др. 2025: 176).

Такова основная схема эволюции хиосской тары с конца VIII в. по конец II в. К этому следует добавить, что сравнительно недавно в Фокее была обнаружена керамическая мастерская, в которой во II в. изготавливались амфоры, повторяющие форму хиосской тары этого периода (Okan et al. 2015: 259—276).

Благодаря сравнительно частой смене типо-стандартов у тары этого центра, морфологические изменения, наблюдаемые и у профильных фрагментов, дают возможность достаточно узкого датирования последних. При этом отличия заметны как по венцам и ножкам, так и по ручкам. Хотя ручки сами по себе обладают весьма слабыми характеристиками, не позволяющими установить не только сравнительно узкую датировку, но и зачастую место изготовления сосудов. В этом отношении ручки хиосских амфор заметно превосходят по своим информативным возможностям ручки тары других центров производства. Они достаточно легко выделяются среди общего массива материала. Помимо визуальных особенностей глины, важной отличительной чертой ручек хиосских амфор является уменьшение их размеров сверху вниз, т.е. к нижнему прилепу они заметно тоньше, чем в верхней части (см., например, рис. 7: 22, 23). Подобная тенденция характерна для хиосских сосудов на всем протяжении их изготовления. К примеру, у целой амфоры второй четверти V в. сечение ручки в верхней части составляет 26 × 37 мм, в нижней — 24 × 34 мм, а у амфоры второй четверти следующего столетия — 40 × 52 и 34 × 35 соответственно. Только для амфор раннего варианта первого типа мы не можем говорить об этой особенности уверенно, так как не располагаем достаточными данными. Наличие полос по внешней поверхности ручки является маркером сосудов архаического периода. Данный элемент исчезает к 480—470-м гг.

Относительно морфологических особенностей венцов и ножек различных типов следует подчеркнуть значимое на наш взгляд наблюдение — размеры этих профильных элементов не коррелируются с емкостью сосудов. Точно также в качестве типологического признака невозможно использовать внешний диаметр венцов хиосских амфор, так как они очень часто сильно сжаты со стороны крепления ручек. Этот факт в целом затрудняет измерение диаметра сохранившегося фрагмента — у отдельного целого экземпляра разница в диаметре может достигать 3 см. Точно также не постоянной является и высота венца. Измерение этого параметра венца на целом сосуде «развитого пухлогорлого» варианта показало колебания от 15 до 18 мм, а на амфоре «конического типа с колпачковой ножкой» второй четверти IV в. — от 16 до 19 мм. Очевидно, что использовать параметр высоты венца в качестве хронологического признака затруднительно.

Полученные в ходе анализа хиосских амфор наблюдения в очередной раз показывают, что для разработки хронологической классификации профильных фрагментов тарной керамики необходимо использовать целые или археологически целые сосуды. Изучение отдельных фрагментов, даже найденных в узких хронологических комплексах или контекстах, может привести к ошибочным результатам.

Таким образом, анализ хиосской тары позволил проследить характер изменений морфологических и метрических параметров профильных частей сосудов. В свою очередь это будет способствовать повышению точности атрибутирования отдельных фрагментов хиосских амфор, встречающихся при раскопках античных памятников широкого географического диапазона. Усовершенствование методов фиксации массового

[4] Мы искренне благодарим М.И. Тюрина за предоставленные чертежи сосудов.

археологического материала в дальнейшем даст нам возможность получить достаточно показательную и репрезентативную картину поступления хиосского импорта в конкретный греческий полис или регион. Как представляется, разработка подобных схем по всем категориям керамической тары позволит получить аналогичные результаты, что откроет широкие возможности для палеоэкономических реконструкций.

Литература

Абрамов А.П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология. *Боспорский сборник* 3.

Абрамов А.П. 2020. *Греческие амфоры 6—5 вв. до н.э. в Северном Причерноморье*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского.

Абрамов А.П., Сазонов Ю.С. 1992. Керамика трех подводных комплексов Патрея. *Боспорский сборник* 1, 147—172.

Асташова Н.С., Ломтадзе Г.А. 2017. Керамическая тара конца 7 — первой половины 5 века до н.э. из раскопок центральной части Пантикапея. В: Толстиков В.П., Асташова Н.С., Ломтадзе Г.А., Самар О.Ю., Тугушева О.В. *Древнейший Пантикапей. От апойкии — к городу*. Москва: ООО «Изд-во Перо», 55—59.

Буйских А.В. 2013. Амфоры конца VII — первой половины V в. до н.э. из Борисфена. *Археологія і давня історія України* 2 (11), 91—103.

Буйских А.В., Монахов С.Ю. 2009. Керамический комплекс третьей четверти VI в. до н.э. из Ольвии. *Норция* VI, 125—145.

Граков Б.Н. 1935. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI—V вв. до н.э. *ИГАИМК* 108, 147—183.

Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. 2007. Керамические комплексы эллинистического времени из некрополя Ольвии. *Археологія* 1, 78—91.

Завойкин А.А. 2004. Фанагория во второй половине V — начале IV вв. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города»). *ДБ* Suppl. I.

Завойкин А.А. 2013. Амфоры Хиоса в контексте истории Фанагории. *ДБ* 17, 133—152.

Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора*. Москва: Наука.

Івченко А.В. 2015. Рідкісні типи елліністичних амфор з некрополя Ольвії. *Археологія* 3, 15—22.

Ивченко А.В., Карнаух Е.Г. 2010. Погребение II в. до н.э. с колчанным крючком из Ольвийского некрополя. В: Мунчаев Р.М. (предс. ред. совета). *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия*. Вып. 1. Москва; Киев: Институт археологии РАН; НАНУ, 82—87.

Кац В.И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). *БИ* XVIII.

Кац В.И. 2015. *Керамические клейма Азиатского Боспора*. Ч. I. *Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище*. Саратов: Саратовский университет.

Кац и др. 2005: Кац В.И., Кузнецова Е.В., Монахов С.Ю. 2005. Новый керамический комплекс раннеэллинистического времени с Фанталовского полуострова. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Четвертая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар: КубанГУ, 107—118.

Кузнецова Е.В. 2026. Создание каталога-определителя профильных амфорных фрагментов: основные задачи. *Археологические вести* 4, 127—144.

Лейпунская Н.А. 2001. Амфоры Хиоса и ольвийско-хиосские торговые отношения. В: Гладких И.И. и др. (ред.). *Морська торгівля в Північному Причорномор*ьі. Киев: Товариство Археології та Антропології, 6—18.

Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII—II вв. до н.э*. Саратов: Саратовский университет.

Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва: Киммерида; Саратов: Саратовский университет.

Монахов С.Ю. 2016. Комплекс транспортных амфор из поселка У7 поселения Панское I. *Stratum plus* 3, 309—339.

Монахов С.Ю. 2025. Вкусовые предпочтения на Азиатском Боспоре, в Синдике и в мире меотов в IV веке до н.э. В: Савостина Е.А., Фокеева Е.В. (ред.-сост.). *XXVI Боспорские чтения. Северное Причерноморье*

в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки—варвары: контакты и конфликты. Материалы научной конференции. Москва: Индрик, 167—175.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2016. Внешняя торговля Боспора в IV—II вв. до н.э. по данным керамических клейм. *ВЭ* 9, 199—216.

Монахов и др. 2016: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Федосеев Н.Ф., Чурекова Н.Б. 2016. *Амфоры VI—II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог*. Керчь; Саратов: Типография «Новый проект».

Монахов и др. 2017: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2017. *Амфоры V—II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог*. Саратов: Типография «Новый проект».

Монахов и др. 2019: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б. 2019. *Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI—II вв. до н.э. Каталог*. Саратов: Типография «Амирит».

Монахов и др. 2020: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Толстиков В.П., Чурекова Н.Б. 2020. *Амфоры VI—I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. Саратов: Типография «Амирит».

Монахов и др. 2021: Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2021. *Амфоры Прикубанского некрополя IV — начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына)*. Саратов: ООО «Волга».

Монахов и др. 2022: Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. 2022. *Амфоры VII—I вв. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына*. Саратов: Типография «Амирит».

Монахов и др. 2023: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Новиченкова Н.Г., Чурекова Н.Б. 2023. *Амфоры VI—II вв. до н.э. из собрания Ялтинского историко-литературного музея*. Саратов: Типография «Амирит».

Монахов и др. 2024: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Ланцов С.Б., Чурекова Н.Б. 2024. *Амфоры VI—II вв. до н.э. из собраний музеев г. Евпатория и пос. Черноморское*. Саратов: Типография «Амирит».

Монахов и др. 2025a: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Ланцов С.Б., Чурекова Н.Б. 2025. *Амфоры VI—III вв. до н.э. из собраний Центрального музея Тавриды и Феодосийского музея древностей*. Саратов; Москва: ООО «Изд-во Перо».

Монахов и др. 2025b: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Коваленко А.Н., Чурекова Н.Б., Язовских А.Г. 2025. *Амфоры VI—III вв. до н.э. из собраний музеев Ростова-на-Дону*. Саратов: Типография «Амирит».

Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV в. до н.э. на Херсонщине*. Киев: Издатель Олег Филюк.

Скуднова В.М. 1988. *Архаический некрополь Ольвии*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.

Тюрин и др. 2025: Тюрин М.И., Макаев И.И., Филиппенко А.А. 2025. Хиосские клейменые амфоры эллинистического времени на памятниках округи Херсонеса и на Херсонесском городище. В: Пронина Ю.А. (отв. ред.). *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы IX Международной научной конференции (Севастополь, 2—7 июня 2025 г.)*. Т. 2. Москва: Институт востоковедения РАН, 167—172.

Чистов Д.Е. 2018. Импорт товаров в амфорной таре на Березанское поселение в VI—V вв. до н.э. (по материалам раскопок участка «О-Западный» в 2004—2016 гг.). *БИ* XXXVI, 19—36.

Чистов и др. 2012: Чистов Д.Е., Зуев В.Ю., Ильина Ю.И., Каспаров А.К., Новоселова Н.Ю. 2012. *Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции*. Т. 2. *Исследования на острове Березань в 2005—2009 гг*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Чистов и др. 2020: Чистов Д.Е., Ильина Ю.И., Еремеева А.А., Щербакова О.Е. 2020. *Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции*. Т. 3. *Березанское поселение в исследованиях 2010—2014 годов*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Чурекова Н.Б. 2026. Комплекс амфор с поселения 3 у станицы Тамань. *КСИА* 282, 93—104.

Abramzon et al. 2019: Abramzon M.G., Frolova N.A., U. Peter 2019. *Sylloge Nummorum Graecorum Russland. Staatliches Historisches Museum Moskau. Münzen des nördlichen Schwarzmeergebietes*. Berlin; Boston: de Gruyter.

Anderson J.K. 1954. Excavations on the Ridge of Kofina in Chios. *BSA* 49, 128—182, fig. 5—23, Pl. 6—15.

Bernard P. 1964. Céramiques de la Premiére Moitié du VII Siècle a Thasos. *BCH* 88, 77—145.

Boardman J. 1967. *Excavations in Chios 1952—1955. Greek Emporio*. Oxford: The British School of Archaeology at Athens.
Bîrzescu, I. 2012. Die archaischen und frühklassischen transport amphoren. *Histria* XV.
Calvet Y., Yon M. 1977. Céramique trouvée à Salamine (foulles de la ville). In: Gjerstad E. (ed.). *Greek Geometric and Archaic Pottery found in Cyprus*. Stockholm: Svenska Institutet i Athen, 9—20.
Cook R.M., Dupont P. 1998. *East Greek Pottery*. London; New York: Routledge.
Daux G. 1961. Chronique des Fouilles 1960. *BCH* 85, 919—940.
Doger E. 1990. Klazomenai'de antik kaynaklara dayali tarimsal ihraç ürünleri ve ticari amphora üretimleri üzerine gözlemler. *X. Türk Tarih Kongresi'nden ayribasim*, 331—337, 699—710.
Dupont P. 1982. Amphores commerciales archaïques de la Grèce de l'Est. *La parola del Passato. Revista di studi antichi* XXXVII. Fasc. CCIV—CCVII, 193—209.
Dupont P., Skarlatidou E. 2005. Les débuts de la colonisation grecque en mer Noire: éléments de chronologie amphorique. In: Lordkipanidze O., Leveque P. (ed.). *Pont-Euxin et Commerce, Actes du Xe Symposium de Vani 2002*. Paris: Presses universitaires franc-comtoises, 77—82.
Gjerstad E. 1977. Pottery from Various Parts of Cyprus. In: Gjerstad E. (ed.). *Greek Geometric and Archaic Pottery Found in Cyprus*. Stockholm: Svenska Institutet i Athen, 23—60.
Grace V. 1934. Stamped Amphora Handles Found in 1931—1932. *Hesperia* III, 197—310.
Lambrino M.F. 1938. *Les vases archaiques d'Histria*. Bucureşti: Fundaţia Regele Carol I.
Lagos C. 1998. A study of the coinage of Chios in the Hellenistic and Roman periods. Doctoral thesis. Durham University.
Lawall M. 1995. Transport Amphoras and trademarks: imports to Athens and economic diversity in the Fifth Century B.C. Diss. University of Michigan.
Lawall M. 2005. Negotiating Chronologies: Aegean Amphora Research, Thasian Chronology, and Pnyx III. In: Stolba V., Hannestard L. (eds.). *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400—100 BC*. Aarhus: Aarhus University Press, 31—76.
Lawall M., Tzochev C. 2020. New research on Aegean & Pontic transport amphorae of the ninth to first century BC, 2010—2020. *Archaeological Reports* 66, 117—144.
Mattingly H.B. 1981. Coins and Amphoras-Chios, Samos and Thasos in the Fifth Century B.C. *JHS* 101, 78—86.
Mavrogordato J. 1918. *A Chronological Arrangement of the Coins of Chios*. Oxford: Hall.
Methone Pierias I: Μπέσιος Μ., Τζιφόπουλος Γ., Κοτσώνας Α. 2012. Μεθώνη Πιερίας Ι: Επιγραφές, χαράγματα και εμπορικά σύμβολα στη γεωμετρική και αρχαϊκή κεραμική από το 'Υπόγειο' της Μεθώνης Πιερίας στη Μακεδονία. Thessaloniki: Κέντρο Ελληνικής Γλώσσας.
Metzger H. 1972. *Fouilles de Xanthos IV. Les Céramiques Archaïques et Classiques de l'Acropole Lyciennes*. Paris: Librairie C. Klincksieck.
Monakhov S.Ju., Kuznetsova E.V. 2017. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic period. In: Kozlovskaya V. (ed.). *The Northern Black Sea in Antiquity*. Cambrige (Mass.): Cambridge University Press, 59—99, 294—298, 318—360.
Naukratis I: Flinders Petrie W.M. 1886. *Naukratis*. Pt. I. 1884-5. *The Egypt Exploration Fund*. London: Trübner.
Okan et al. 2015: Okan E., Atila C., Akyol A. 2015. The Production of Chios-Style Amphorae at a Ceramic Workshop in Phocaea (Foça). *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 15-3, 259—276.
Opait A., Tsaravopoulos A. 2011. Amphorae of Dressel 24 Similis Type in the Central Aegean area (Chios—Erythrai—Kyme). *The Annual of the British School at Athens* 106 (I), 275—323.
Pithekoussai I 1993: Buchner G., Ridgway D. 1993. *Pithekoussai 1. La necropoli: tombe 1-723 scavate dal 1952 al 1961, Monumenti antichi pubblicati per cura della Accademia Nazionale dei Lincei.* Serie monográfica 4.
Rizzo M. 1990. *Le anfore da trasporto e il commercio Etrusco arcaico. I. Complessi tombali dell 'Etruria Meridionale*. Roma: De Luca.
Sezgin Y. 2004. Clazomenian Trade Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries. In: Moustaka A., Skarlatidou E. et al. (eds.). *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera, 20—21 October 2001*. Thessaloniki: University Studio Pres, 169—183.
Sezgin Y. 2012. *Arkaik Dönem Ionia Uretimi Tigari Amphoralar*. İstanbul: Ege Yayinlari.
Sezgin et al. 2022: Sezgin Yu., Kaan Şenol A., Cankardeş-Şenol G. 2022. *İzmir Arkeoloji Müzesi Ticari Amphoraları*. İstanbul: Ege Yayinlari.

Skarlatidou E. 2004. The Archaic Cemetery of the Clazomenian Colony at Abdera. In: Moustaka A., Skarlatidou E. et al. (ed.). *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera, 20—21 October 2001*. Thessaloniki: University Studio Pres, 249—259.

Şenol A.K. 2007. The Exploration of Khian and Lesbian Wine to Egypt during the Hellenistic Period. *Arkeoloji Dergisi* IX (2007/1), 103—128.

Talcott L. 1935. Attic Black-Glazed Stamped Ware and Other Pottery from a Fifth Century Well. *Hesperia* 4-3, 476—523.

Tanis II: Flinders Petrie W.M. 1888. *Tanis* II. *The Egypt Exploration Fund*. London: Trübner.

Thera 1903: Dragendorff H., Hiller von Gaertringen F. 1903. *Thera: Untersuchungen, Vermessungen und Ausgrabungen in den Jahren 1895—1902* Bd. 2. Berlin: G. Reimer.

Τσαραβοπουλος A.N. 1986. Η αρχαία πόλη της Χίου: Στοιχεία για την τοπογραφία της από σωστικές ανασκαφές. *ΗΟΡΟΣ* 4, 124—144, πίν. 27—38.

Tsaravopoulos et al. 2013: Tsaravopoulos A.N., Opait A., Fragou G. 2013. Stamps on Amphorae and LagynoI Handles from the Island of Chios. In: Buzoianu L., Dupont P., Lungu V. (ed.). *PATABS III. Production and Trade of amphorae in the Black Sea*. Constanta: Natural History and Archaeology Museum, 105—143.

Williams C.K. 1979. Corinth, 1978: Forum Southwest. *Hesperia* 48-2, 105—144, Pl. 41—52.

Zimmerman Munn M.L. 2003. Corinthian Trade with the Punic West in the Classical Period. *Corinth* 20, 195—217.

References

Abramov, A.P. 1993. In *Bosporskiy sbornik (Bosporan Collection)* 3 (in Russian).

Abramov, A.P. 2020. *Grecheskie amfory 6—5 vv. do n.e. v Severnom Prichernomor'ye (Greek Amphoras of the 6th — 5th Centuries BCE in the Northern Black Sea Region)*. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo (in Russian).

Abramov, A.P., Sazonov, Yu.S. 1992. In *Bosporskiy sbornik (Bosporan Collection)* 1, 147—172 (in Russian).

Astashova, N.S., Lomtadze, G.A. 2017. In: Tolstikov, V.P., Astashova, N.S., Lomtadze, G.A., Samar, O.Yu., Tugusheva, O.V. *Drevneyshiy Pantikapey. Ot apoykii — k gorodu (Ancient Panticapaeum. From Apoikia to the City)*. Moscow: OOO “Izd-vo Pero”, 55—59 (in Russian).

Buyskikh, A.V. 2013. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2 (11), 91—103 (in Russian).

Buyskikh, A.V., Monakhov, S.Yu. 2009. In *Nortsiya (Norcia)* VI, 125—145 (in Russian).

Grakov, B.N. 1935. In *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury (Bulletin of the State Academy of the History of Material Culture)* 108, 147—183 (in Russian).

Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2007. In *Arkheologiya (Archaeology)* 1, 78—91 (in Russian).

Zavoykin, A.A. 2004. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* Suppl. I (in Russian).

Zavoykin, A.A. 2013. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 17, 133—152 (in Russian).

Zeyest, I.B. 1960. *Keramicheskaya tara Bospora (Ceramic containers of the Bosporus)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Ivchenko A.V. 2015. In *Arkheologiya (Archaeology)* 3, 15—22 (in Ukrainian).

Ivchenko, A.V., Karnaukh, Ye.G. 2010.In: Munchaev, R.M. (ed.). *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshiye nakhodki i otkrytiya (ΣΥΜΒΟΛΑ. The Ancient World of the Northern Black Sea Region. The Latest Finds and Discoveries)*. Iss. 1. Moscow; Kiyev: Institut arkheologii RAN; NANU, 82—87 (in Russian).

Kats, V.I. 2007. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)*XVIII (in Russian).

Kats, V.I. 2015. *Keramicheskie kleyma Aziatskogo Bospora (Ceramic stamps of the Asian Bosporus)*. Pt. I. *Gorgippiya i ee khora, Semibratnee gorodishche (Gorgippia and its chora, Semibratneye settlement)*. Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).

Kats et al. 2005: Kats, V.I., Kuznetsova, E.V., Monakhov, S.Yu. 2005. In: Marchenko, I.I. (ed.). *Chetvertaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya (*The Fourth Kuban Archaeological Conference*)*. Krasnodar: KubanGU, 107—118 (in Russian).

Kuznetsova, E.V. 2026. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 4, 127—144 (in Russian).

Leypunskaya, N.A. 2001. In: Gladkikh, I.I.et al. (ed.). *Mors'ka torgivlya v Pivnichnomu Prichernomor'i (Maritime trade in the Black Sea region)*. Kiev: Tovaristvo Arkheologii ta Antropologii, 6—18 (in Russian).

Monakhov, S.Yu. 1999. *Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye: kompleksy keramicheskoy tary VII—II vv. do n.e. (Greek Amphorae in the Black Sea Region: Ceramic Container Complexes of the 7th — 2nd Centuries BCE)*. Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian)

Monakhov, S.Yu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'ye. Tipologiya amfor vedushchikh tsentroveksportorov v keramicheskoy tare. Katalog-opredelitel' (Greek Amphorae in the Black Sea Region. Typology of Amphorae from Leading Ceramic Exporting Centers. A Guide Catalog)*. Moscow; Saratov: Kimmerida, Saratovskiy universitet (in Russian).

Monakhov, S.Yu. 2016. In *Stratum plus* 3, 309—339 (in Russian).

Monakhov, S.Yu. 2025. In: Savostina, E.A., Fokeeva, E.V. (eds.). *XXVI Bosporskie chteniya. Severnoe Prichernomor'ye v epokhu antichnosti i srednevekov'ya. Arkheologiya. Istoriya. Iskusstvo. Greki—varvary: kontakty i konflikty. Materialy nauchnoy konferentsii (26th Bosporan Readings. The Northern Black Sea Region in Antiquity and the Middle Ages. Archaeology. History. Art. Greeks—Barbarians: Contacts and Conflicts. Proceedings of a Scientific Conference)*. Moskva: Indrik, 167—175 (in Russian).

Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V. 2016. In *Voprosy epigrafiki (Problems of Epigraphy)* 9, 199—216 (in Russian).

Monakhov et al. 2016: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Fedoseyev, N.F., Churekova, N.B. 2016. *Amfory VI—II vv. do n.e. iz sobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika. Katalog (Amphoras of the 6th — 2nd Centuries BCE from the collection of the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. Catalogue)*. Kerch; Saratov: Tipografiya "Novyy proyekt" (in Russian).

Monakhov et al. 2017: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2017. *Amfory V—II vv. do n.e. iz sobraniya gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika "Khersones Tavricheskiy". Katalog (Amphoras of the 5th — 2nd Centuries BCE from the collection of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Tauric Chersonesos". Catalogue)*. Saratov: Tipografiya "Novyy proyekt" (in Russian).

Monakhov et al. 2019: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, Ee.V., Chistov, D.E., Churekova, N.B. 2019. *Antichnaya amfornaya kollektsiya Gosudarstvennogo Ermitazha VI—II vv. do n.e. Katalog (The Antique Amphora Collection of the State Hermitage Museum, 6th — 2nd Centuries BCE. Catalogue)*. Saratov Tipografiya "Amirit" (in Russian).

Monakhov et al. 2020: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Tolstikov, V.P., Churekova, N.B. 2020. *Amfory VI—I vv. do n.e. iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina (Amphoras of the 6th — 1st Centuries BCE from the Collection of the A. S. Pushkin State Museum of Fine Arts)*. Saratov: Tipografiya "Amirit" (in Russian).

Monakhov et al. 2021: Monakhov, S.Yu., Marchenko, I.I., Limberis, N.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova N.B. 2021. *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV — nachala III v. do n.e. (iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna) (Amphoras of the Prikuban Necropolis, 4th — early 3rd Centuries BCE (from the collection of the E.D. Felitsyn Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve))*. Saratov: OOO "Volga" (in Russian.

Monakhov et al. 2022: Monakhov, S.Yu., Marchenko, I.I., Limberis, N.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2022. *Amfory VII—I vv. do n.e. iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E.D. Felitsyna (Amphoras of the 7th — 1st Centuries BCE from the collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn)*. Saratov: Tipografiya "Amirit" (in Russian).

Monakhov et al. 2023: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Novichenkova, N.G. Churekova, N.B. 2023. *Amfory VI—II v. do n.e. iz sobraniya Yaltinskogo istoriko-literaturnogo muzeya (Amphoras of the 6th — 2nd Centuries BCE from the collection of the Yalta Historical and Literary Museum)*. Saratov: Tipografiya "Amirit" (in Russian).

Monakhov et al. 2024: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Lancov, S.B., Churekova, N.B. 2024. *Amphoras of the 6th — 2nd Centuries BCE from the collections of museums in the city of Evpatoria and the village of Chernomorskoye (Amphoras of the 6th — 2nd centuries BCE from the collections of Evpatoria Museums and pos. Chernomorskoe)*. Saratov: Tipografiya "Amirit" (in Russian).

Monakhov et al. 2025a: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Lancov, S.B., Churekova, N.B. 2025. *Amfory VI —III vv. do n.e. iz sobraniy Central'nogo muzeya Tavridy i Feodosiyskogo muzeya drevnostey (Amphoras from the 6th — 3rd Centuries BCE from the collections of the Central Museum of Taurida and the Feodosia Museum of Antiquities)*. Saratov; Moscow: OOO "Izd-vo Pero" (in Russian).

Monakhov et al. 2025b: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Kovalenko, A.N., Churekova, N.B. Azovskih, A.G. 2025. *Amfory VI—III vv. do n.e. iz sobraniy muzeev Rostova-na-Donu (Amphoras of the 6th — 3rd Centuries BCE from the collections of museums in Rostov-on-Don)*. Saratov: Tipografiya "Amirit" (in Russian).

Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogil'nik V—IV v. do n.e. na Khersonshchine (The Scythian Zolotobalkovsky burial mound of the 5th —4th centuries BCE in the Kherson region)*. Kiev: Izdatel' Oleg Filyuk (in Russian).

Skudnova, V.M. 1988. *Arkhaicheskiy nekropol' Ol'vii (Archaic necropolis of Olbia)*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).

Tiurin et al. 2025: Tiurin, M.I., Makaev, I.I., Filippenko, A.A. 2025. In: Pronina, Yu.A. (ed.). *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sevastopol', 2—7 iyunya 2025 g.) (Historical, cultural, interethnic, religious and political relations of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East: Proceedings of the IX International Scientific Conference (Sevastopol, June 2–7, 2025)*. Vol. 2. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 167—172 (in Russian).

Chistov, D.E. 2018. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* XXXVI, 19—36 (in Russian).

Chistov et al. 2012: Chistov, D.E., Zuev, V.Yu., Il'ina, Yu.I., Kasparov, A.K., Novoselova, N.Yu. 2012. *Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Berezan (Nizhny Bug) Classical Archaeological Expedition)*. Vol. 2. *Issledovaniya na ostrove Berezan' v 2005—2009 gg. (Research on Berezan Island in 2005–2009)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).

Chistov et al. 2020: Chistov, D.E., Il'ina, Yu.I., Eremeyeva, A.A., Shcherbakova, O.E. 2020. *Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Berezan (Nizhny Bug) Classical Archaeological Expedition)*. Vol. 3. *Berezanskoye poselenie v issledovaniyakh 2010—2014 godov (The Berezan settlement in research from 2010 to 2014)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).

Churekova, N.B. 2026. In *Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii (Brief reports from the Institute of Archaeology)* 282, 93—104 (in Russian).

Abramzon et al. 2019: Abramzon, M.G., Frolova, N.A., U. Peter 2019. *Sylloge Nummorum Graecorum Russland. Staatliches Historisches Museum Moskau. Münzen des nördlichen Schwarzmeergebietes*. Berlin; Boston: de Gruyter.

Anderson, J.K. 1954. Excavations on the Ridge of Kofina in Chios. *BSA* 49, 128—182, fig. 5—23, Pl. 6—15.

Bernard, P. 1964. Céramiques de la Premiére Moitié du VII Siècle a Thasos. *BCH* 88, 77—145.

Boardman, J. 1967. *Excavations in Chios 1952—1955. Greek Emporio*. Oxford: The British School of Archaeology at Athens.

Bîrzescu, I. 2012. Die archaischen und frühklassischen transport amphoren. *Histria* XV.

Calvet, Y., Yon, M. 1977. Céramique trouvée à Salamine (foulles de la ville). In: Gjerstad, E. (ed.). *Greek Geometric and Archaic Pottery found in Cyprus*. Stockholm: Svenska Institutet i Athen, 9—20.

Cook, R.M., Dupont, P. 1998. *East Greek Pottery*. London; New York: Routledge.

Daux, G. 1961. Chronique des Fouilles 1960. *BCH* 85, 919—940.

Doger, E. 1990. Klazomenai'de antik kaynaklara dayali tarimsal ihraç ürünleri ve ticari amphora üretimleri üzerine gözlemler. *X. Türk Tarih Kongresi'nden ayribasim*, 331—337, 699—710.

Dupont, P. 1982. Amphores commerciales archaïques de la Grèce de l'Est. *La parola del Passato. Revista di studi antichi* XXXVII. Fasc. CCIV—CCVII, 193—209.

Dupont, P., Skarlatidou, E. 2005. Les débuts de la colonisation grecque en mer Noire: éléments de chronologie amphorique. In: Lordkipanidze, O., Leveque, P. (ed.). *Pont-Euxin et Commerce, Actes du Xe Symposium de Vani 2002*. Paris: Presses universitaires franc-comtoises, 77—82.

Gjerstad, E. 1977. Pottery from Various Parts of Cyprus. In: Gjerstad, E. (ed.). *Greek Geometric and Archaic Pottery Found in Cyprus*. Stockholm: Svenska Institutet i Athen, 23—60.

Grace, V. 1934. Stamped Amphora Handles Found in 1931—1932. *Hesperia* III, 197—310.

Lambrino, M.F. 1938. *Les vases archaiques d'Histria*. Bucureşti: Fundaţia Regele Carol I.

Lagos, C. 1998. A study of the coinage of Chios in the Hellenistic and Roman periods. Doctoral thesis. Durham University.

Lawall, M. 1995. Transport Amphoras and trademarks: imports to Athens and economic diversity in the Fifth Century B.C. Diss. University of Michigan.

Lawall, M. 2005. Negotiating Chronologies: Aegean Amphora Research, Thasian Chronology, and Pnyx III. In: Stolba, V., Hannestard, L. (eds.). *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400—100 BC*. Aarhus: Aarhus University Press, 31—76.

Lawall, M., Tzochev, C. 2020. New research on Aegean & Pontic transport amphorae of the ninth to first century BC, 2010—2020. *Archaeological Reports* 66, 117—144.

Mattingly, H.B. 1981. Coins and Amphoras-Chios, Samos and Thasos in the Fifth Century B.C. *JHS* 101, 78—86.
Mavrogordato, J. 1918. *A Chronological Arrangement of the Coins of Chios*. Oxford: Hall.
Methone Pierias I: Μπέσιος, Μ., Τζιφόπουλος, Γ., Κοτσώνας, Α. 2012. Μεθώνη Πιερίας Ι: Επιγραφές, χαράγματα και εμπορικά σύμβολα στη γεωμετρική και αρχαϊκή κεραμική από το 'Υπόγειο' της Μεθώνης Πιερίας στη Μακεδονία. Thessaloniki: Κέντρο Ελληνικής Γλώσσας.
Metzger, H. 1972. *Fouilles de Xanthos IV. Les Céramiques Archaïques et Classiques de l'Acropole Lyciennes*. Paris: Librairie C. Klincksieck.
Monakhov, S.Ju., Kuznetsova, E.V. 2017. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic period. In: Kozlovskaya V. (ed.). *The Northern Black Sea in Antiquity*. Cambrige (Mass.): Cambridge University Press, 59—99, 294—298, 318—360.
Naukratis I: Flinders Petrie, W.M. 1886. *Naukratis*. Pt. I. 1884-5. *The Egypt Exploration Fund*. London: Trübner.
Okan et al. 2015: Okan, E., Atila, C., Akyol, A. 2015. The Production of Chios-Style Amphorae at a Ceramic Workshop in Phocaea (Foça). *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 15-3, 259—276.
Opait, A., Tsaravopoulos, A. 2011. Amphorae of Dressel 24 Similis Type in the Central Aegean area (Chios—Erythrai—Kyme). *The Annual of the British School at Athens* 106 (I), 275—323.
Pithekoussai I 1993: Buchner, G., Ridgway, D. 1993. *Pithekoussai 1. La necropoli: tombe 1-723 scavate dal 1952 al 1961, Monumenti antichi pubblicati per cura della Accademia Nazionale dei Lincei.* Serie monográfica 4.
Rizzo, M. 1990. *Le anfore da trasporto e il commercio Etrusco arcaico. I. Complessi tombali dell 'Etruria Meridionale*. Roma: De Luca.
Sezgin, Y. 2004. Clazomenian Trade Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries. In: Moustaka, A., Skarlatidou, E. et al. (eds.). *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera, 20—21 October 2001*. Thessaloniki: University Studio Pres, 169—183.
Sezgin, Y. 2012. *Arkaik Dönem Ionia Uretimi Tigari Amphoralar*. İstanbul: Ege Yayinlari.
Sezgin et al. 2022: Sezgin, Yu., Kaan Şenol, A., Cankardeş-Şenol, G. 2022. *İzmir Arkeoloji Müzesi Ticari Amphoraları*. İstanbul: Ege Yayinlari.
Skarlatidou, E. 2004. The Archaic Cemetery of the Clazomenian Colony at Abdera. In: Moustaka, A., Skarlatidou, E. et al. (ed.). *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera, 20—21 October 2001*. Thessaloniki: University Studio Pres, 249—259.
Şenol, A.K. 2007. The Exploration of Khian and Lesbian Wine to Egypt during the Hellenistic Period. *Arkeoloji Dergisi* IX (2007/1), 103—128.
Talcott, L. 1935. Attic Black-Glazed Stamped Ware and Other Pottery from a Fifth Century Well. *Hesperia* 4-3, 476—523.
Tanis II: Flinders Petrie, W.M. 1888. *Tanis* II. *The Egypt Exploration Fund*. London: Trübner.
Thera 1903: Dragendorff, H., Hiller von Gaertringen, F. 1903. *Thera: Untersuchungen, Vermessungen und Ausgrabungen in den Jahren 1895—1902* Bd. 2. Berlin: G. Reimer.
Τσαραβοπουλος, Α.Ν. 1986. Η αρχαία πόλη της Χίου: Στοιχεία για την τοπογραφία της από σωστικές ανασκαφές. *ΗΟΡΟΣ* 4, 124—144, πίν. 27—38.
Tsaravopoulos et al. 2013: Tsaravopoulos, A.N., Opait, A., Fragou, G. 2013. Stamps on Amphorae and LagynoI Handles from the Island of Chios. In: Buzoianu, L., Dupont, P., Lungu, V. (ed.). *PATABS III. Production and Trade of amphorae in the Black Sea*. Constanta: Natural History and Archaeology Museum, 105—143.
Williams, C.K. 1979. Corinth, 1978: Forum Southwest. *Hesperia* 48-2, 105—144, Pl. 41—52.
Zimmerman Munn, M.L. 2003. Corinthian Trade with the Punic West in the Classical Period. *Corinth* 20, 195—217.

Таблица 1. **Диапазон размеров профильных частей хиосских амфор**

Тип	Вариант	Дата	Венцы				Ручки		Рис.	Ножки			Рис.
			h	толщ.	d_1	рис.	толщ.	шир.		d	h	$h_{колп.}$	
I «с белым ангобом»	I-A, «ранний»	Кон. VIII – кон. VII в.			123–152				5: 1–3				8: 1, 2
	I-B, «созопольский»	Кон. VII – сер. VI в.	17–22	14–20	130–140	2: 1–5	23–31	36–42	5: 4–8	49–67	21–43*		8: 3–5
II «с воронковидным горлом»	II-A, «ранний»	3/4 VI в.	11–15	14–16	123–150	2: 6–13	26–29	40–44	5: 9–13	62–66	18–28**		8: 6–10
	II-B, «поздний»	3/3 VI в.	14–17	15–18	112–134	2: 14–18	24–26	34–38	5: 14–18	50–53	20–22**		8: 11–13
III «пухлогорлый»	III-A, «ранний»	3/3 VI в. – 480-е гг.	10–18	14–18	108–140	2: 19–26	20–28	30–35	5: 19–29	48–58	17–30**		8: 14–24
	III-B, «развитый»	480/470-е – 440-е гг.	10–20	13–21	100–148	2: 27–50	21–31	31–45	5: 30–54	51–65	19–38**		9: 1–19
	III-C, «поздний»	450–440-е – 425 г.	16–21	18–22	98–150	3: 1–21	25–33	35–44	6: 1–19	52–71	23–44**		9: 20–32
IV «прямогорлый»	IV-A, «нимфейский»	430-е – 425 г.	9–19	11–16	101–128	3: 22–29	21–26	33–42	6: 20–26	54–60	20–34**		9: 33–38
	IV-B, «ботрос»	425–410 гг.	9–21	9–16	88–127	3: 30–41	21–32	29–43	6: 27–38	46–71	24–38**		10: 1–12
V «конический»	V-A, «с протоколпачковой ножкой»	410–390 гг.	12–18	10–13	86–117	3: 42–48	22–30	37–42	6: 39–45	50–70	28–49**	22–35	10: 13–19
	V-B, «с колпачковой ножкой»	390 – сер. III в.	13–18	9–15	98–121	4: 1–27	24–39	34–43	7: 1–23	47–82	47–116**	36–115	10: 20–32; 11: 1–11
	V-C, «с острым дном без выделенной ножки»	сер. III – нач. I в.	14–17	9–11	100–109	4: 28–30	29–30	30–39	7: 24–26	55		105	11: 12, 13
VI «шаровидный»		II–I вв.	40–48	13–17	150–162	4: 31–32	23–32	35–45	7: 27–32	56–62	78***		11: 14, 15

* Высота от подошвы до дна сосуда.
** Высота от подошвы до минимального диаметра на переходе к тулову.
*** Единственное измерение

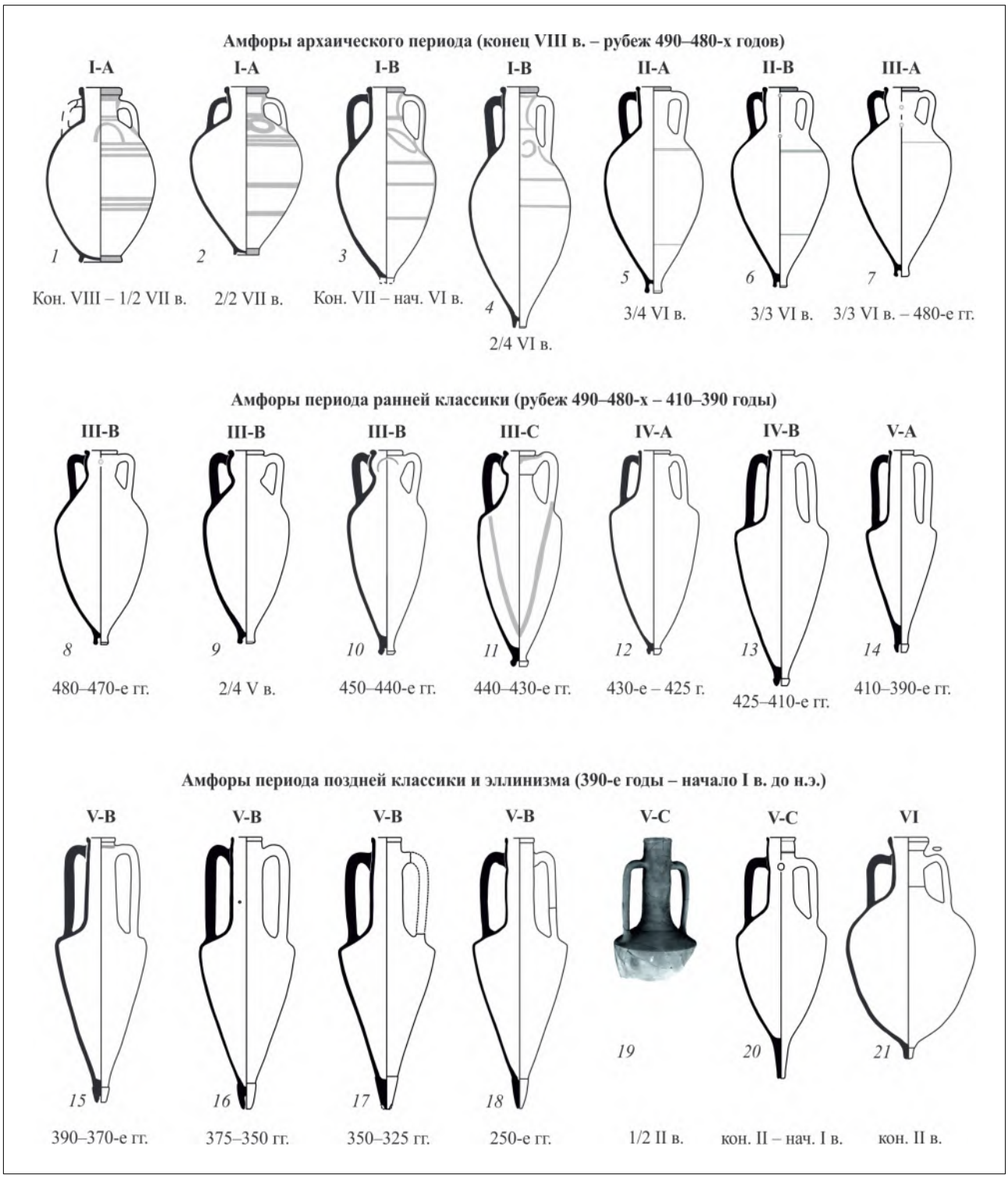

Амфоры архаического периода (конец VIII в. – рубеж 490–480-х годов)
I-A
I-A
I-B
I-B
II-A
II-B
III-A
1
2
3
4
5
6
7
Кон. VIII – 1/2 VII в.
2/2 VII в.
Кон. VII – нач. VI в.
2/4 VI в.
3/4 VI в.
3/3 VI в.
3/3 VI в. – 480-е гг.
Амфоры периода ранней классики (рубеж 490–480-х – 410–390 годы)
III-B
III-B
III-B
III-C
IV-A
IV-B
V-A
8
9
10
11
12
13
14
480–470-е гг.
2/4 V в.
450–440-е гг.
440–430-е гг.
430-е – 425 г.
425–410-е гг.
410–390-е гг.
Амфоры периода поздней классики и эллинизма (390-е годы – начало I в. до н.э.)
V-B
V-B
V-B
V-B
V-C
V-C
VI
15
16
17
18
19
20
21
390–370-е гг.
375–350 гг.
350–325 гг.
250-е гг.
1/2 II в.
кон. II – нач. I в.
кон. II в.

Рис. 1. Эволюция амфор Хиоса с конца VIII по начало I в. до н.э.: *1* — по Pithekoussai I 1993: tav. 211: 397; *2* — по Rizzo 1990: fig. 347; *3* — по Sezgin 2012: 130, Khi2.04; *4, 7, 13, 16* — по Монахов и др. 2019: 72, 77, 91, 95, Ch.3, Ch.14, Ch.49 (соответственно); *5, 6, 11* — по Монахов и др. 2020: 85, 87, 106, Ch.1, Ch.3, Ch.22 (соответственно); *8, 10, 15* — по Монахов и др. 2016: 62, 64, 68, Ch.4, Ch.7, Ch.21 (соответственно); *9* — по Монахов и др. 2025b: 116, POMK.Ch.1; *12* — по Монахов 2003: табл. 8: 3; *14* — по Монахов и др. 2022: 78, Ch.10; *17* — по Монахов и др. 2017: 72, Ch.9; *18* — по Кац и др. 2005: рис. 1: 1; *19* — по Ивченко, Карнаух 2010: рис. 1; *20* — Ольвия, погр. № 25/1896 г. (чертеж С.Ю. Монахова); *21* — по Тюрин и др. 2025: рис. 1.

Fig. 1. The evolution of Chios amphorae from the end of the 8th to the beginning of the 1st century BCE: *1* — after Pithekoussai I 1993: tav. 211: 397; *2* — after Rizzo 1990: fig. 347; *3* — after Sezgin 2012: 130, Khi2.04; *4, 7, 13, 16* — after Monakhov et al. 2019: 72, 77, 91, 95, Ch.3, Ch.14, Ch.49 (respectively); *5, 6, 11* — after Monakhov et al. 2020: 85, 87, 106, Ch.1, Ch.3, Ch.22 (respectively); *8, 10, 15* — after Monakhov et al. 2016: 62, 64, 68, Ch.4, Ch.7, Ch.21 (respectively); *9* — after Monakhov et al. 2025b: 116, POMK.Ch.1; *12* — after Monakhov 2003: pl. 8: 3; *14* — after Monakhov et al. 2022: 78, Ch.10; *17* — after Monakhov et al. 2017: 72, Ch.9; *18* — after Kats et al. 2005: fig. 1: 1; *19* — after Ivchenko, Karnaukh 2010: fig. 1; *20* — Olbia, burial No. 25/1896 (drawing by S.Yu. Monakhov); *21* — after Tiurin et al. 2025: fig. 1.

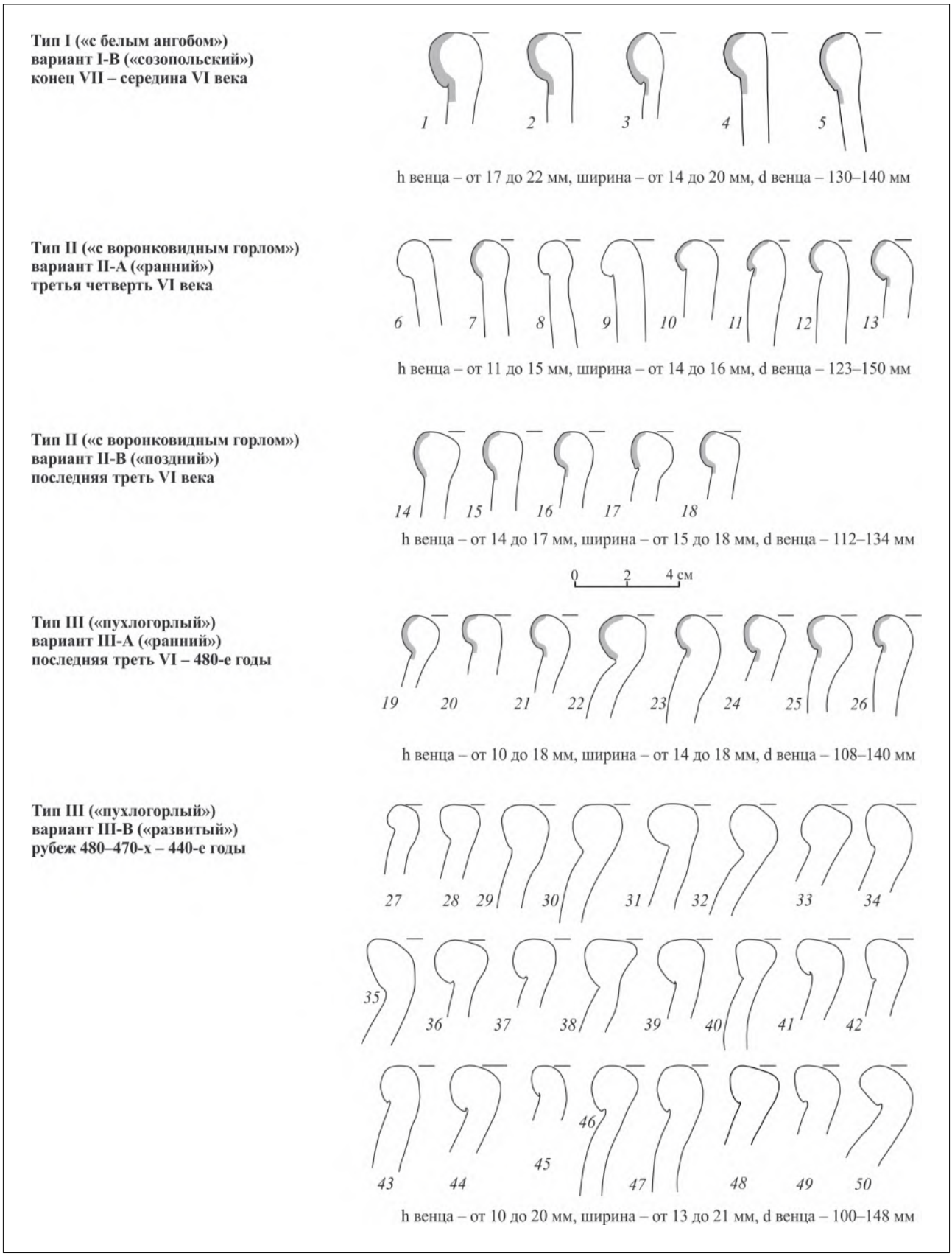


Рис. 2. Разновидности венцов хиосских амфор конца VII — середины V в.

Fig. 2. Varieties of Chian amphoras' rims from the end of the 7th — middle of the 5th c. BCE.

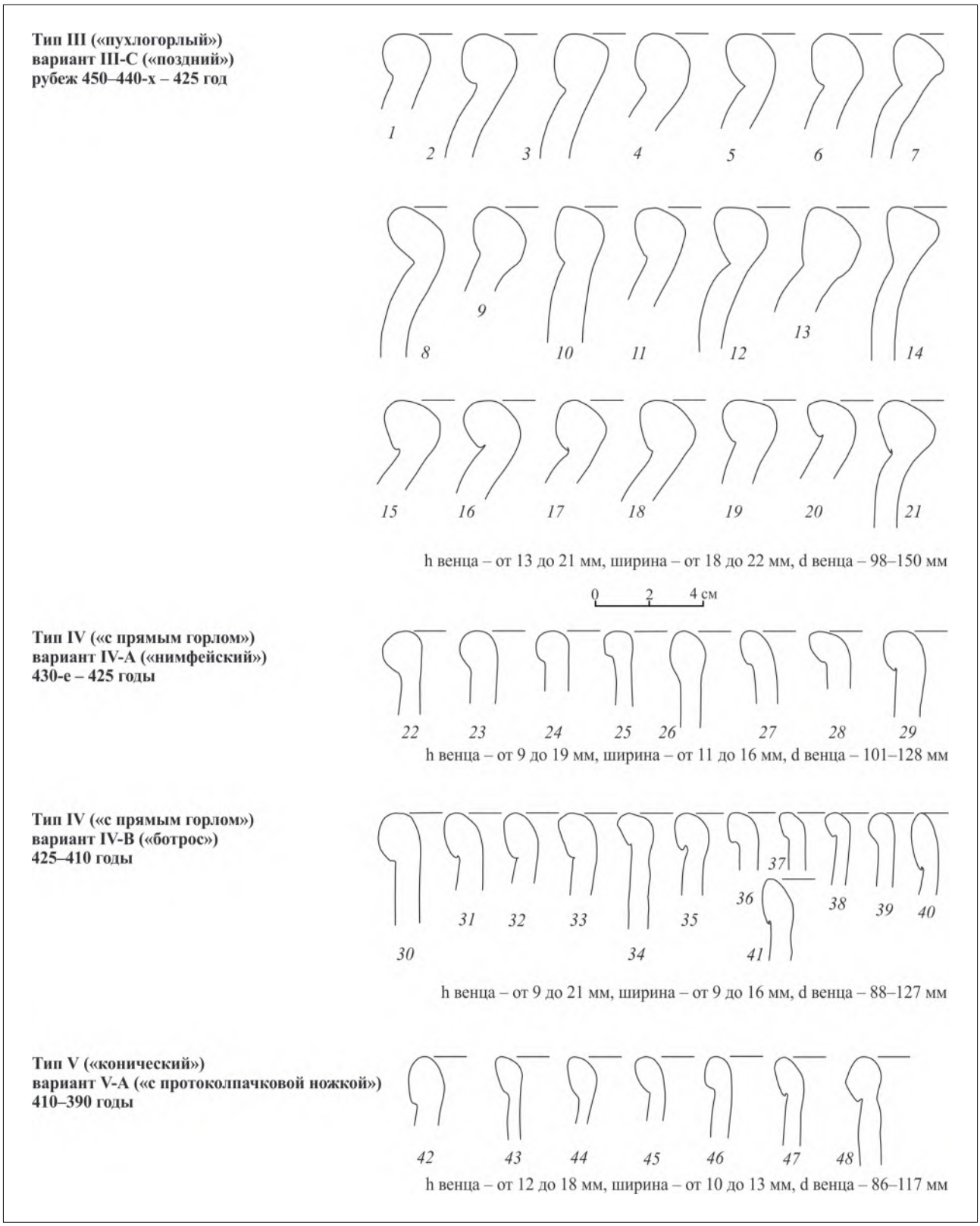


Рис. 3. Разновидности венцов хиосских амфор середины V — начала IV в.

Fig. 3. Varieties of Chian amphoras' rims from the middle of the 5th — the beginning of the 4th c. BCE.

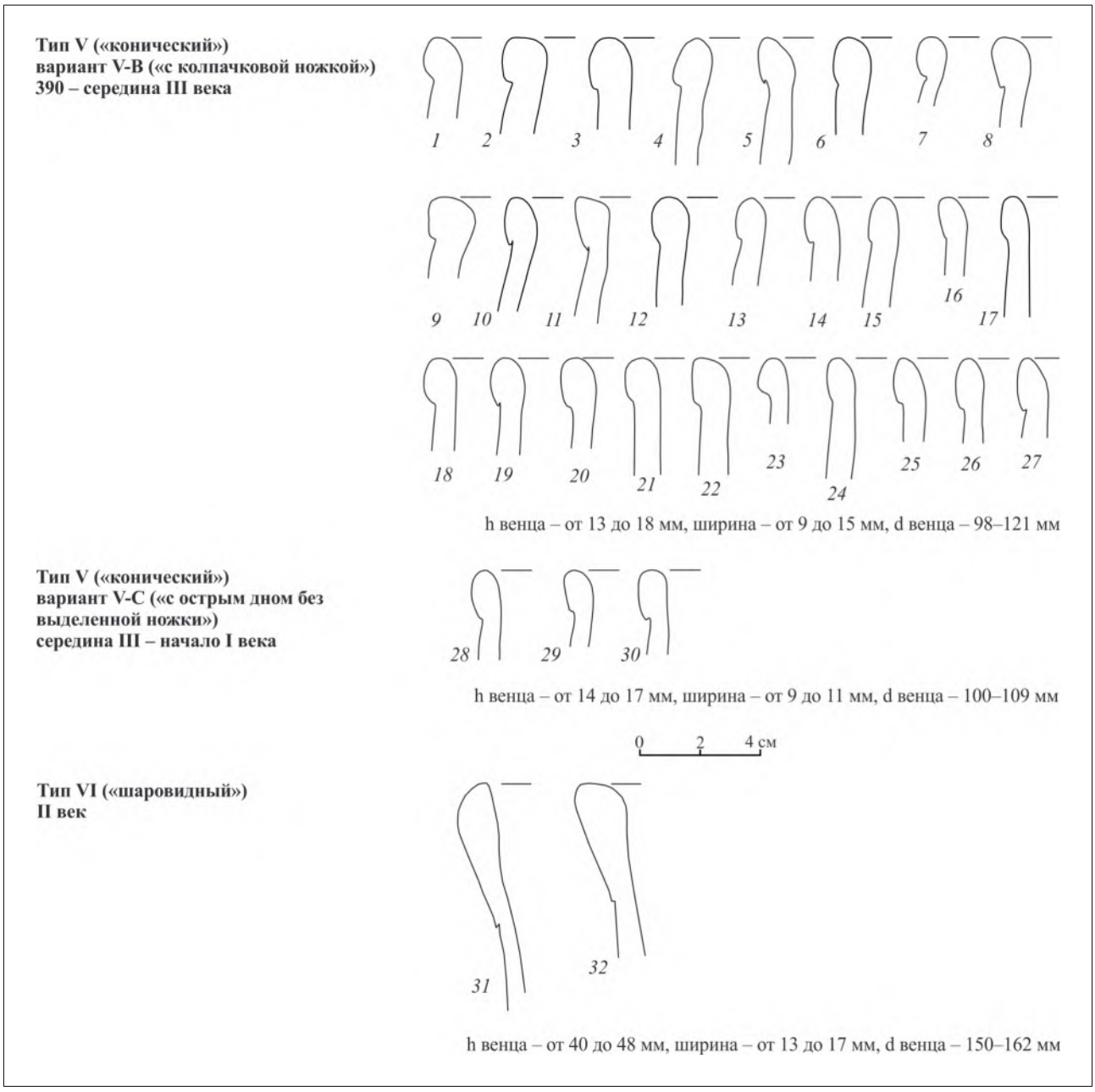


Рис. 4. Разновидности венцов хиосских амфор начала IV — начала I вв.

Fig. 4. Varieties of Chian amphoras' rims from the beginning of the 4th — the beginning of the 1st cc. BCE.

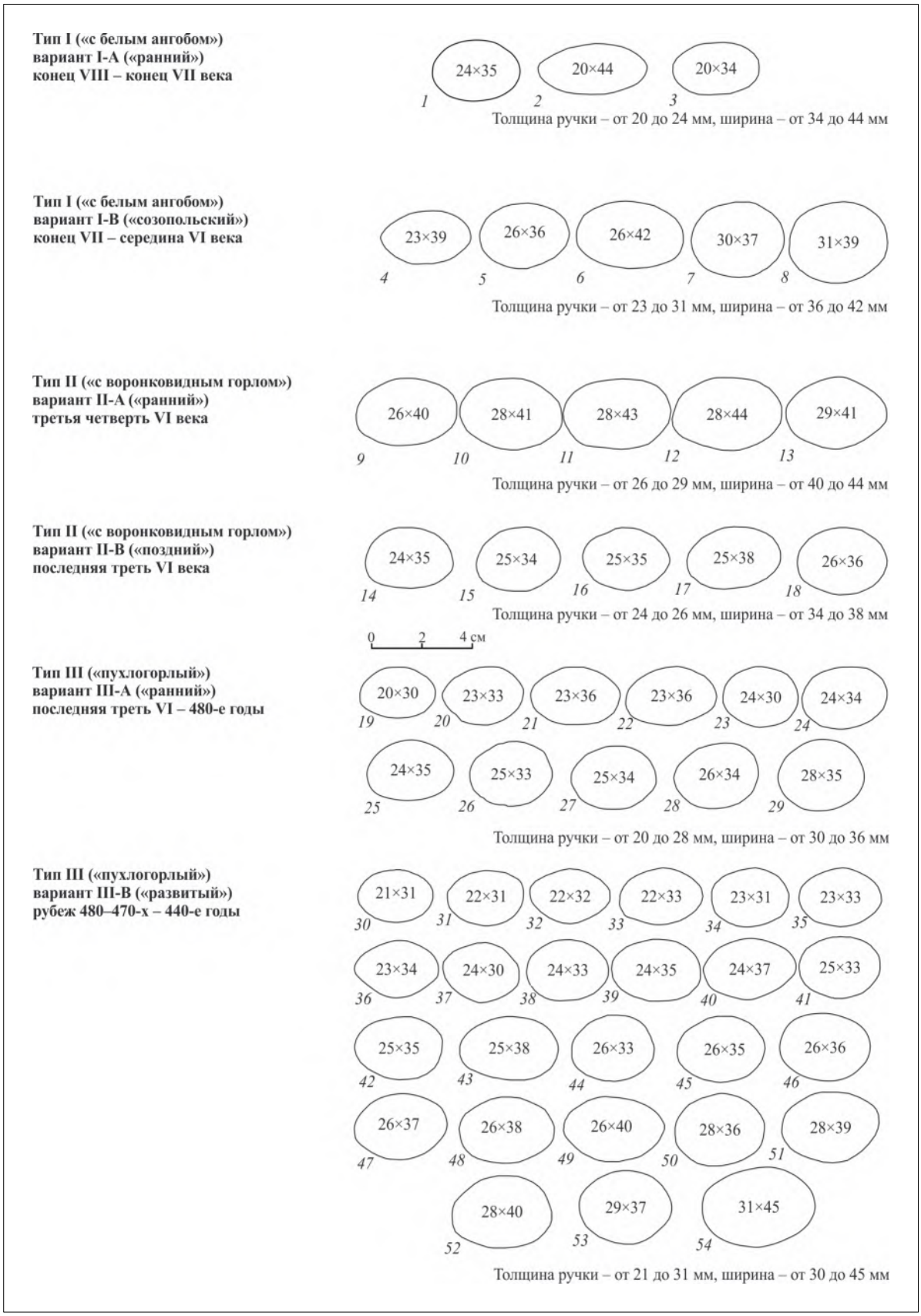


Рис. 5. Разновидности ручек хиосских амфор начала VII — середины V вв.

Fig. 5. Varieties of Chian amphoras' handles from the beginning of the 7th — middle of the 5th cc. BCE.

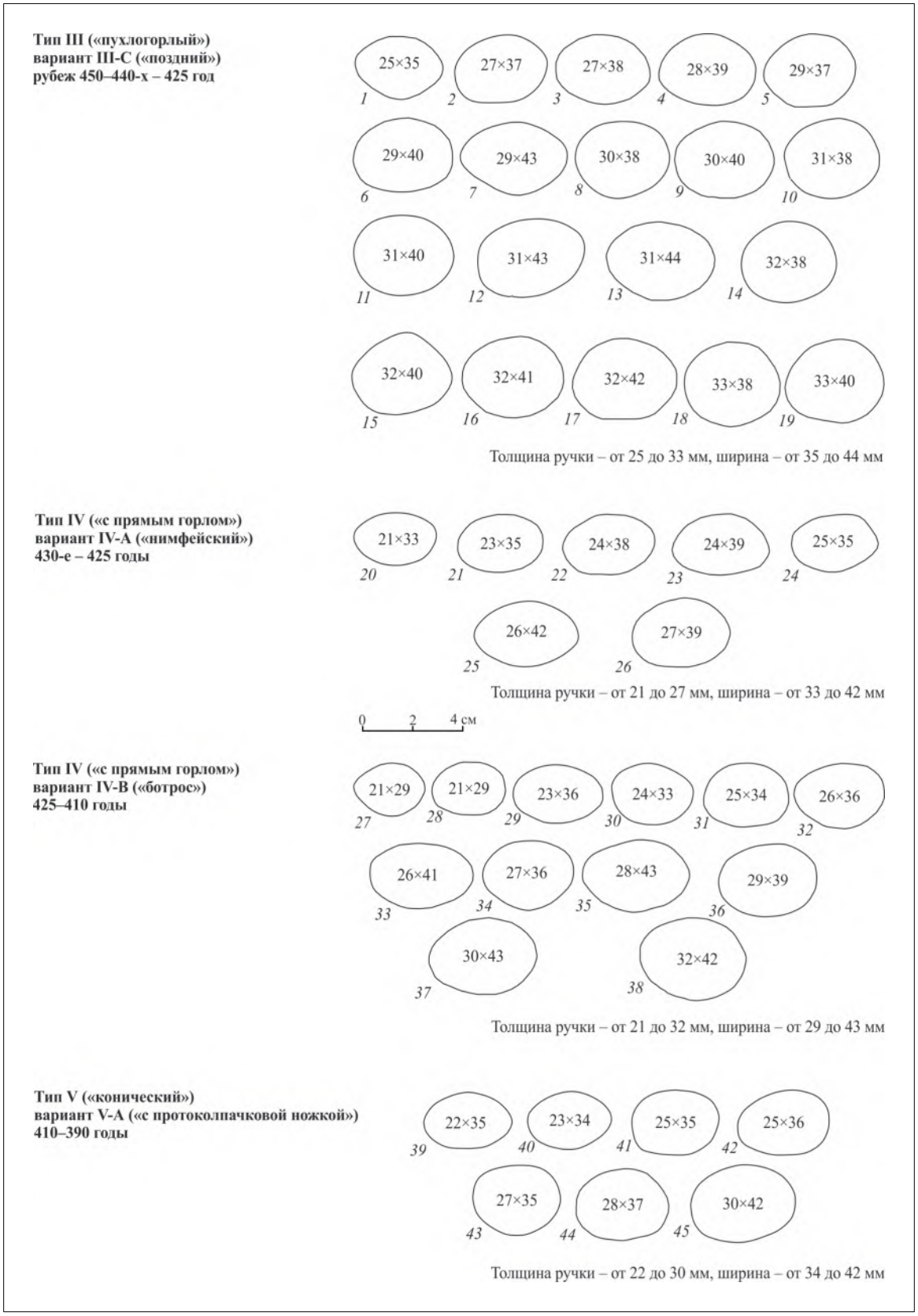


Рис. 6. Разновидности ручек хиосских амфор середины V — начала IV в.

Fig. 6. Varieties of Chian amphoras' handles from the middle of the 5th — the beginning of the 4th century BCE.

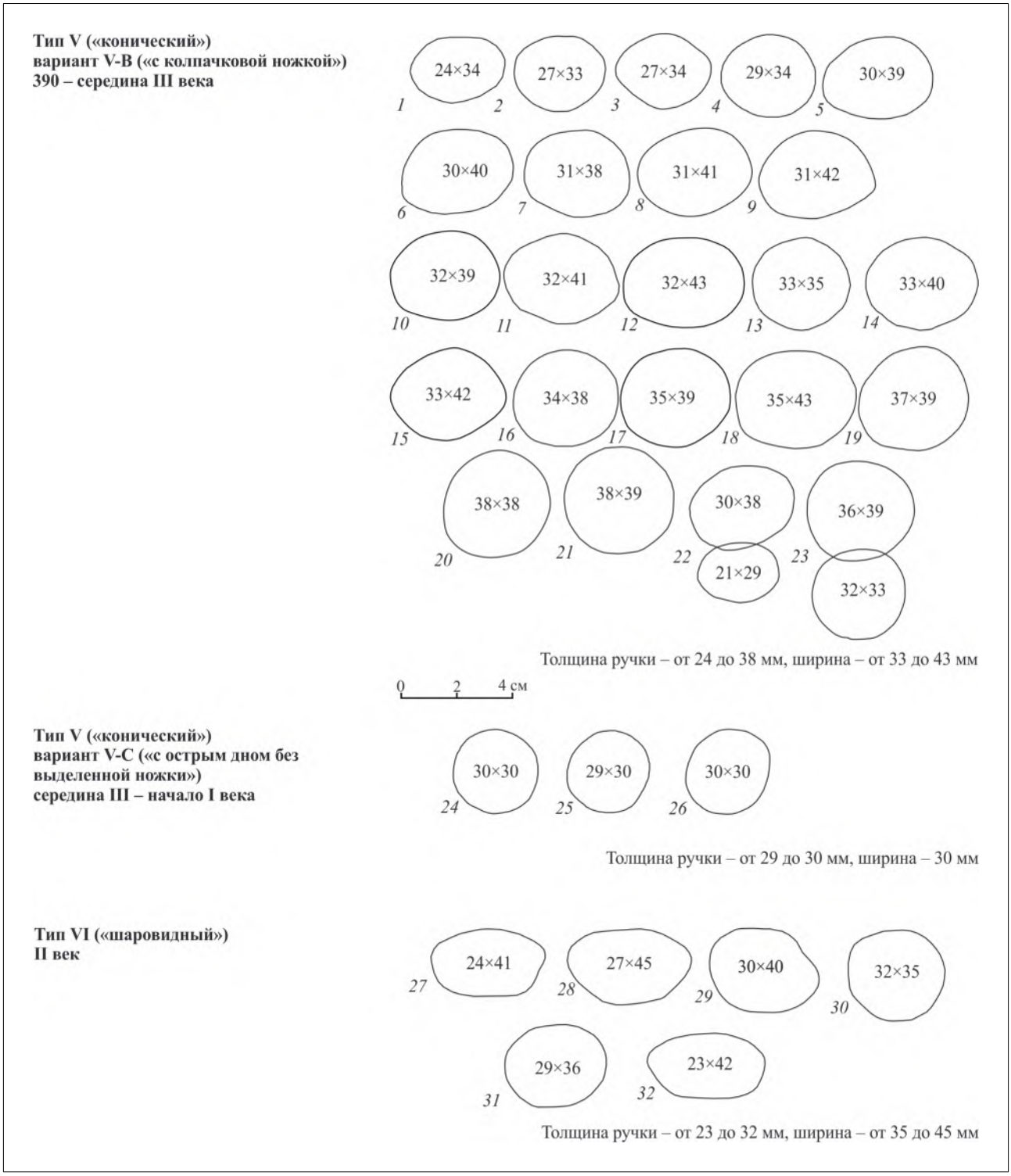


Рис. 7. Разновидности ручек хиосских амфор начала IV — начала I вв.

Fig. 7. Varieties of Chian amphoras' handles from the beginning of the 4th — the beginning of the 1st cc. BCE.

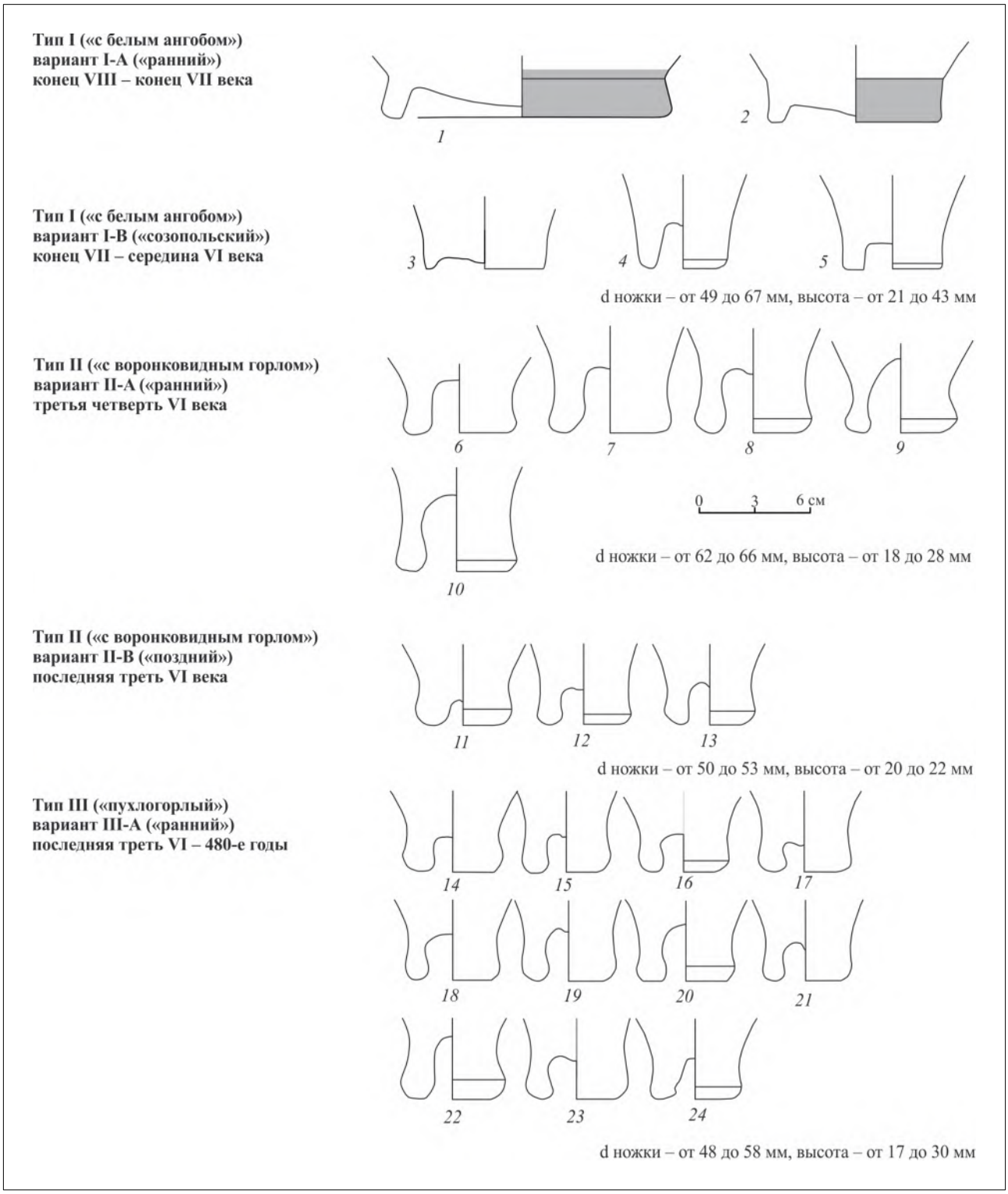


Рис. 8. Разновидности ножек хиосских амфор VII — начала V вв.

Fig. 8. Varieties of Chian amphoras' toes from the 7th — the beginning of the 5th cc. BCE.

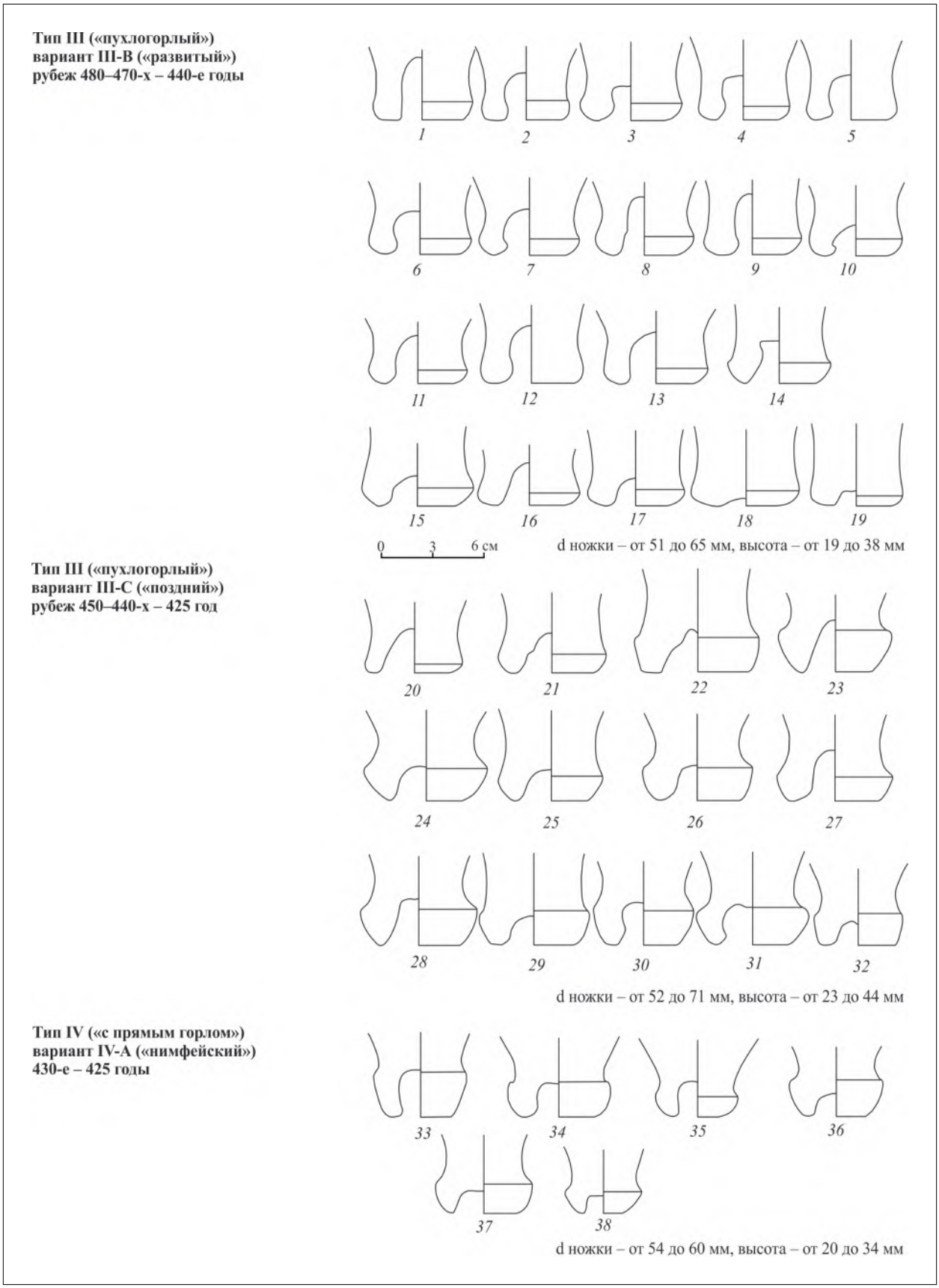


Рис. 9. Разновидности ножек хиосских амфор первых трех четвертей V в.

Fig. 9. Varieties of the Chian amphoras' toes of the first three quarters of the 5th century BCE.

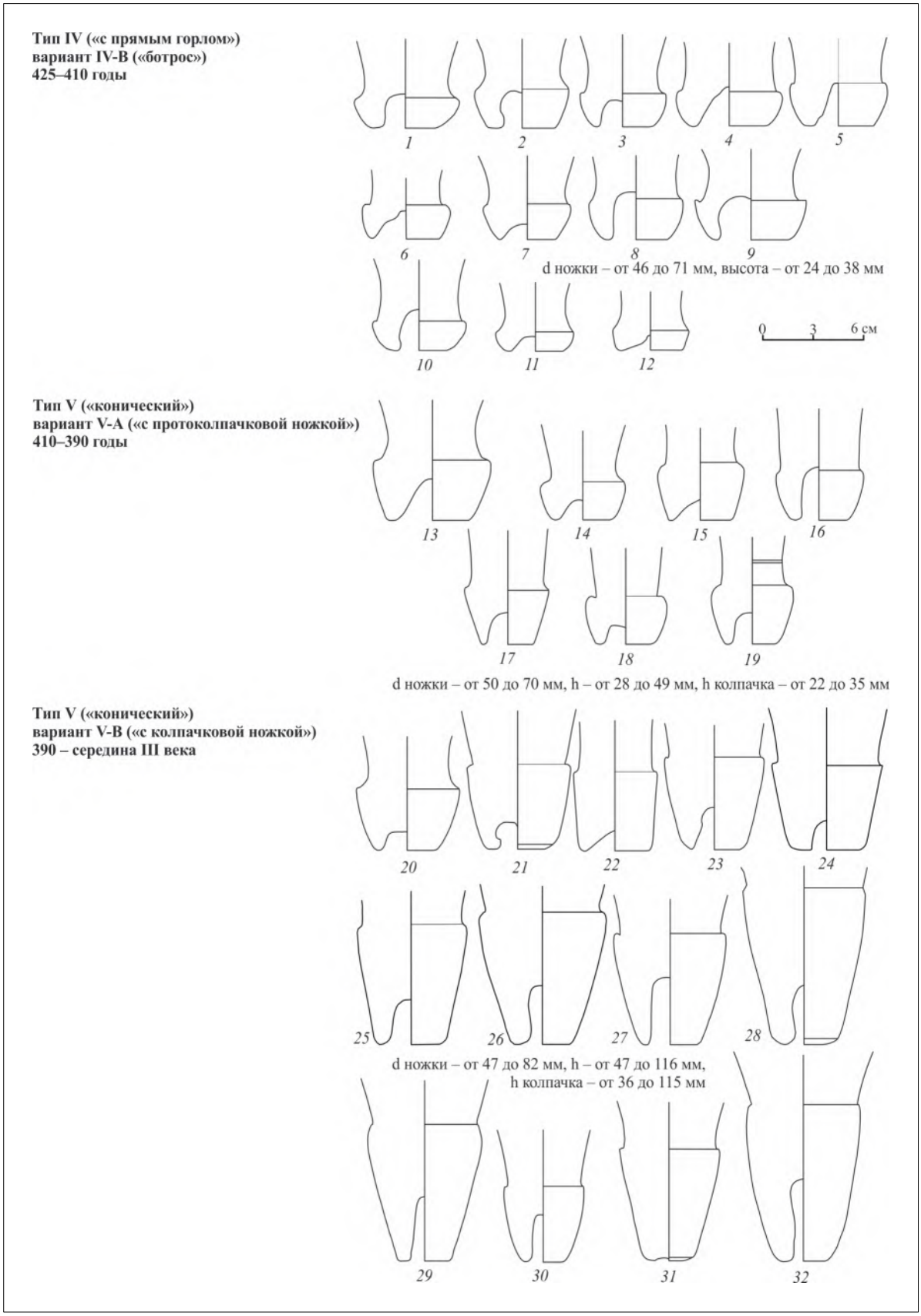


Рис. 10. Разновидности ножек хиосских амфор 425—350-х гг.

Fig. 10. Varieties of the Chian amphoras' toes of the 425—350s BCE.

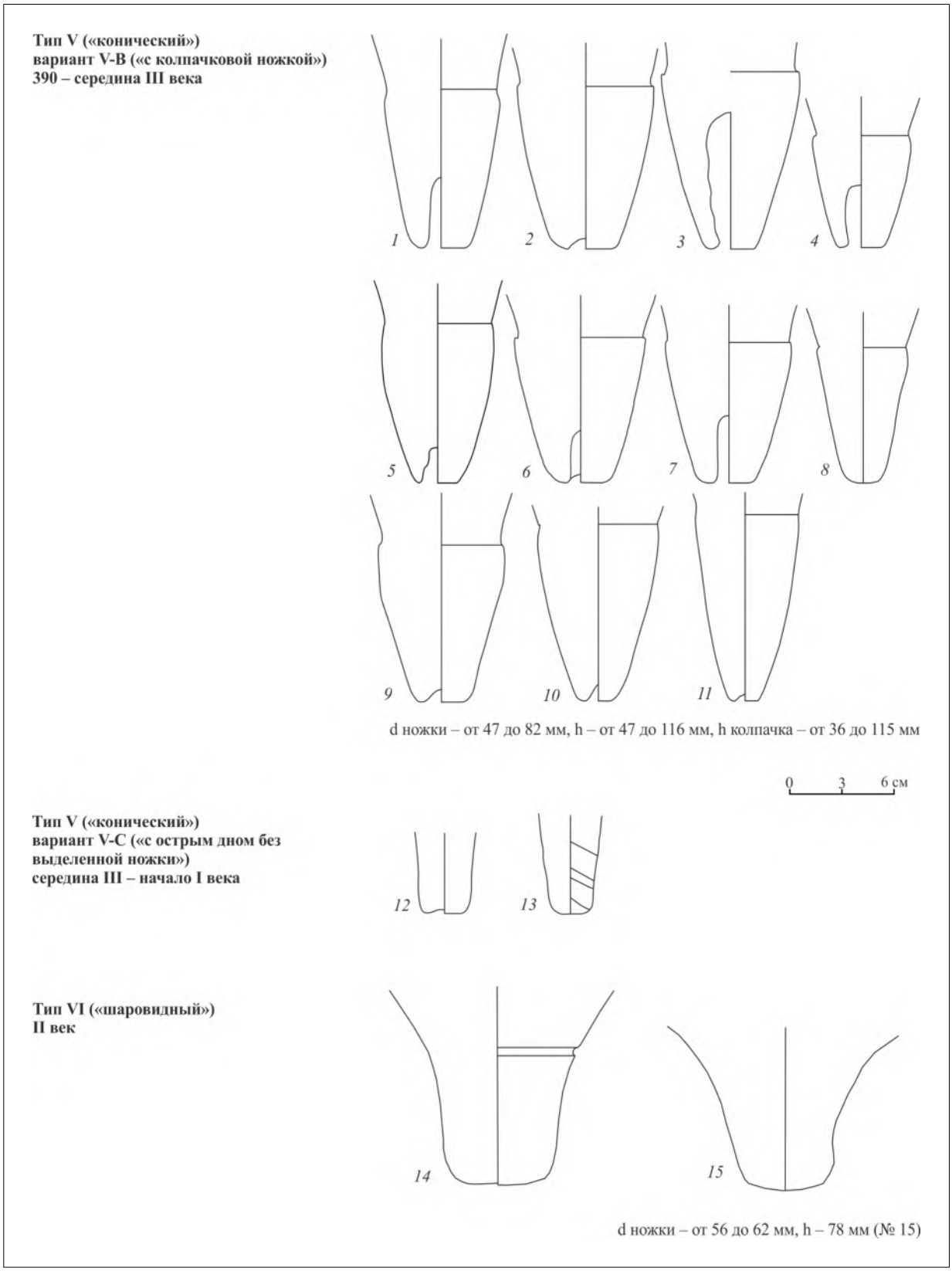


Рис. 11. Разновидности ножек хиосских амфор середины IV — начала I вв. (*14, 15* — по Турин и др. 2025: рис. 1—3).

Fig. 11. Varieties of the Chian amphoras' toes of the middle of the 4th — the beginning of the 1st cc. BCE (*14, 15* — after Tiurin et al. 2025: fig. 1—3).

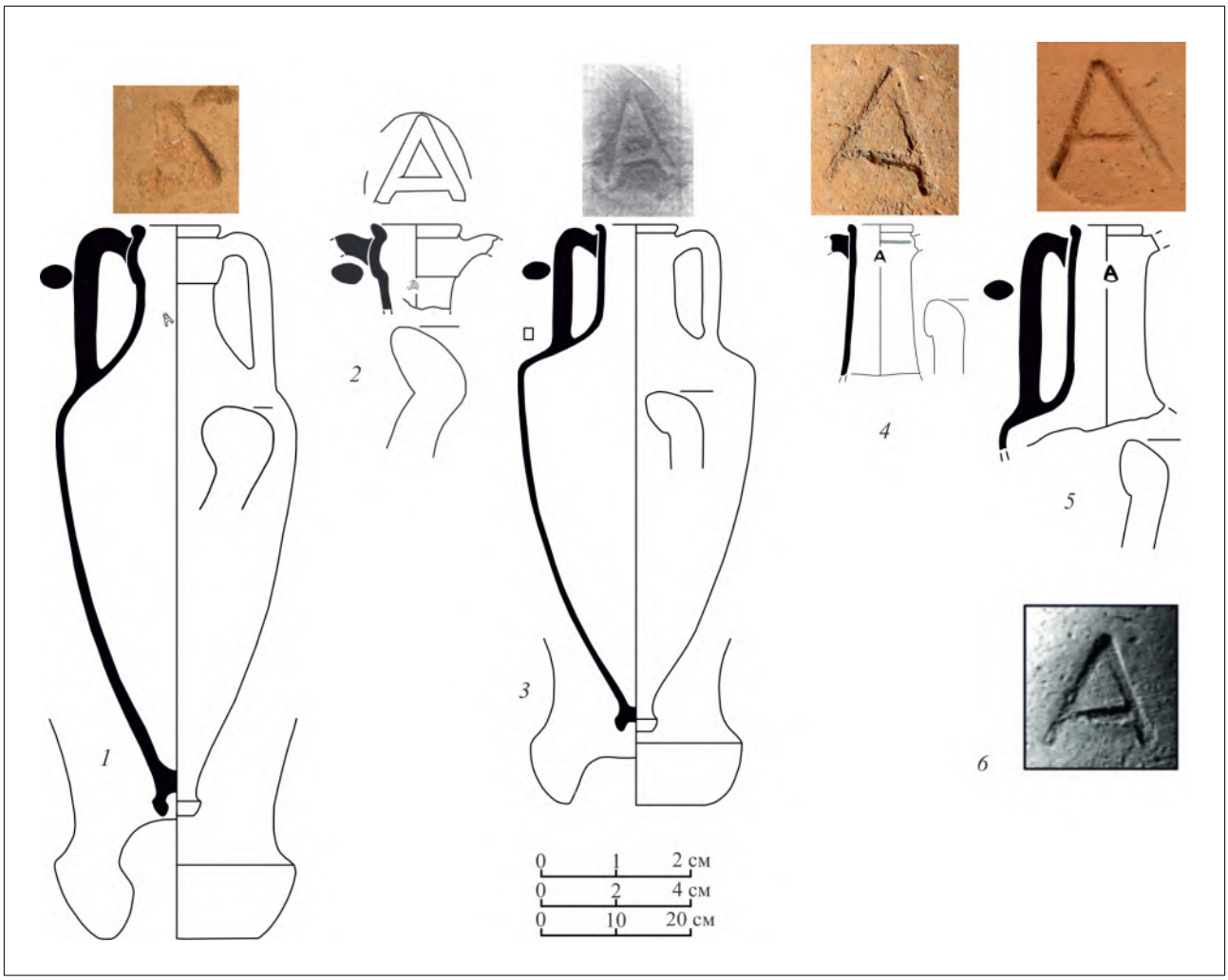


Рис. 12. Энглифические клейма на горлах хиосских амфор разных типов последней трети V в.: *1* — по Монахов и др. 2019: 84, Ch.28; *2* — по Абрамов 2020: рис. 171: 5; *3* — по Монахов 2003: табл. 8: 5; *4, 5* — по Монахов и др. 2022: 76, 78, Ch.5, Ch.9; *6* — по Кац 2015: № 2006 (*6* — без масштаба).

Fig. 12. Englyphic stamps on the necks of Chian amphoras of different types from the last third of the 5th century BCE: *1* — after Monakhov et al. 2019: 84, Ch. 28; *2* — after Abramov 2020: fig. 171: 5; *3* — after Monakhov 2003: pl. 8: 5; *4, 5* — after Monakhov et al. 2022: 76, 78, Ch. 5, Ch. 9; *6* — after Kats 2015: No. 2006 (*6* — not to scale).

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.38.48.004

Е.А. Купцов, Л.В. Купцова, К.Г. Маргарян, А.М. Юминов

КАМЕННЫЕ СТОЛИКИ-АЛТАРИКИ САМОРОДОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА*

В статье вводятся в научный оборот четыре экземпляра каменных столиков-алтариков (жертвенников), найденных на территории Оренбургского района Оренбургской области при исследовании Самородовского могильника раннего железного века. Детально рассматривается обряд и инвентарь захоронений, в которых обнаружены анализируемые предметы, также приводится исчерпывающий ряд аналогий с указанием хронологической позиции однотипных изделий. Рассмотренные предметы датируются концом VI—V вв. до н.э. В статье подробно рассматривается декор, украшающий алтарики, приводятся результаты технико-технологического анализа изделий и подробные данные изучения строения и состава красящих веществ, использованных при эксплуатации артефактов.

Ключевые слова: каменные столики-алтарики, погребальный обряд, хронология, ранние кочевники Южного Приуралья, ранний железный век.

Сведения об авторах: Купцов Евгений Александрович[1], инженер археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета; Купцова Лидия Владимировна[2], кандидат исторических наук, научный сотрудник Управления научной и инновационной деятельности Южно-Уральского государственного университета; Ксения Геннадьевна Маргарян[3], кандидат исторических наук, научный сотрудник Управления научной и инновационной деятельности Южно-Уральского государственного университета; Анатолий Михайлович Юминов[4], кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского федерального научного центра минералогии и геоэкологии Уральского отделения РАН.

Контактная информация: [1]460014, Россия, Оренбург, ул. Советская 19, Оренбургский государственный педагогический университет, e-mail: e-kuptsov@mail.ru; [2,3]454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина 76, Южно-Уральский государственный университет, e-mail: [2]orelin.84@mail.ru; [3]konoplyova-ksenya@mail.ru; [4]456317, Россия, Миасс, Территория Ильменского заповедника 1, Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии Уральского отделения РАН, e-mail: umin@mineralogy.ru.

Evgeniy Kuptsov, Lidiya Kuptsova, Kseniia Margarian, Anatoliy Yuminov

STONE ALTARS TABLES (VESSELS) OF THE SAMORODOVSKY BURIAL GROUND

The research deals with four stone vessels (altars) found on the territory of the Southern Urals (the central part of the Orenburg region) during the study of the burial ground of the Early Iron Age near the village of Samorodovo. Based on the analysis of the burial rite and inventory, as well as similar finds from the monuments of early nomads of the Southern Urals and Western Kazakhstan, the altar tables examined in the article are dated to the end of the 6th — 5th centuries BCE. This dating does not contradict the radiocarbon data obtained. Technological analysis of the artifacts allowed us to determine that they were all made of sandstone of local origin, quite carefully, using metal tools. There are traces of the pigments inside the bowls and on the outside of the tables. The coloring pigment of the black paint was soot. The red-colored one consists of two minerals: quartz and

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 25-28-20201, https://rscf.ru/project/25-28-20201/.

Статья поступила в номер 11 декабря 2025 г.
Принята к печати 11 января 2026 г.

© Е.А. Купцов, Л.В. Купцова, К.Г. Маргарян, А.М. Юминов, 2026.

hematite. The hematite content in the paint does not exceed 10%. Quartz was used as a filler and to create the desired shade, which indicates that the nomads had quite developed and complex ideas about obtaining the right color scheme for the paint used. The sources of coloring substances were most likely local, as there are large numbers of hematite and quartz mineralization points in the region.

Key words: stone altars, funeral rite, chronology, Early nomads of the Southern Urals, Early Iron Age.

About the authors: Kuptsov Evgeniy[1], engineer of the archaeological laboratory of Orenburg State Pedagogical University; Kuptsova Lidiya[2], PhD, researcher of the Research & Innovation Services of the South Ural State University; Margarian Kseniia[3], PhD, researcher of the Research & Innovation Services of the South Ural State University; Yuminov Anatoliy[4], PhD, senior researcher, South Ural Federal Scientific Center of Mineralogy and Geoecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: [1]460014, Russia, Orenburg, 19 Sovetskaya Str., Orenburg State Pedagogical University, e-mail: e-kuptsov@mail.ru; [2,3]454080, Russia, Chelyabinsk, 76 Lenin prospect, South Ural State University, e-mail: [2]orelin.84@mail.ru; [3]konoplyova-ksenya@mail.ru; [4]456317, Russia, Miass, 1 The territory of the Ilmen Reserve, South Ural Federal Scientific Center of Mineralogy and Geoecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: umin@mineralogy.ru.

Введение

Каменные жертвенники, столики или алтарики достаточно часто встречаются в погребальных комплексах кочевников раннего железного века на огромной территории — от Тувы на востоке до Пруто-Днестровского междуречья на западе, от устья реки Белой, Приисетья и низовий Иртыша на севере до южного берега залива Кара-Богаз-Гол на Каспийском море, до Хорезма и озера Иссык-Куль на юге. Расцвет производства каменных алтариков приходится на середину-конец VI—V вв. до н.э. В этот период центром их производства становится Южный Урал. Простые формы без ножек, господствующие в VIII—VII вв. до н.э., сменяются тщательно сделанными каменными столиками на трех или четырех ножках. Только в этот период и только на рассматриваемой территории алтарики начинают украшаться орнаментом и изображениями в зверином стиле. К категории таких находок относятся и столики-алтарики Самородовского курганного могильника.

Объекты исследования

Курганный могильник у с. Самородово, состоящий из трех земляных насыпей, находился на водоразделе рек Урал и Илек, в 8,5 км к югу от с. Самородово Оренбургского района Оренбургской области (рис. 1: 1). В 2018 г. памятник полностью исследован отрядом Оренбургской археологической экспедиции под руководством Л.В. Купцовой.

Всего в некрополе обнаружено 13 погребений кочевников раннего железного века. Следует отметить, что ни одно из них, очевидно, не было ограблено, но практически все были в той или иной степени повреждены деятельностью землеройных животных.

В основе всех трех курганов выявлены захоронения на уровне погребенной почвы, перекрытые сверху настилами из бревен. Судя по погребальному обряду центральных захоронений и многочисленному погребальному инвентарю, сооружение всех курганных насыпей Самородовского могильника происходило не позднее V в. до н.э.

В ряде погребальных и жертвенных комплексов отмечены типологически близкие категории инвентаря (детали конской упряжи, клинковое оружие, наконечники стрел, сферические полые бусы из желтого металла, импортная круговая керамика и т.д.). Каменные столики-алтарики встречены во всех трех курганах Самородовского могильника.

Описание комплексов с жертвенниками

Курган 1 находился в центральной части могильника, высота — 19 м, диаметр — 52 м. каменный столик-алтарик был найден в погребении 3, представлявшем собой основное центральное коллективное захоронение. Сверху погребение было перекрыто бревенчатым настилом подпрямоугольно-радиальной в плане формы, общей площадью около 72 кв. м. Здесь расчищены останки девяти человек, расположенные четырьмя группами и несколько скоплений инвентаря (жертвенные комплексы 1 и 2 (далее — ЖК)). Кроме того, к югу от человеческих скелетов зафиксировано ритуальное захоронение двух особей лошади[1] (ЖК-3). Каменный алтарик был выявлен вблизи группы костяков № 3.

Группа костяков № 3 (костяки 6—8 и 10) (рис. 1: 2) располагалась в восточной части погребения 3. Потревоженные землероями останки принадлежали предположительно женщинам 18—25 лет (костяки 6 и 10), ребенку 1—1,5 лет (костяк 7) и женщине 45—55 лет (костяк 8)[2] (Григорьев, Купцова 2020: 207—208). Все покойные располагались вытянуто на спине, головой на юг-юго-запад, кроме костяка 10, который был уложен головой на юг-юго-восток. Судя по хорошо фиксируемому светло-коричневому тлену, все покойные были уложены на органическую (возможно древесную или из коры) подстилку и сверху обильно посыпаны мелом.

Вблизи костей правой ноги женского костяка 6 располагалось скопление предметов, включавшее в себя: каменный жертвенник на трех ножках (рис. 1: 2; 2: 1—1а; 6: 1), металлическое (бронзовое) блюдо и спил древесного ствола на котором находилось несколько наборов украшений, представленных, преимущественно, разнообразными бусами.

У детского костяка 7 инвентарь не зафиксирован.

В ногах женского костяка 8 находилась группа предметов, состоящая из развала импортного кругового сосуда типа «хум» (рис.2: 5) и точильного камня. У левого плеча костяка 8 обнаружены: пятно красного цвета (охра?), костяная ложечка (рис. 2: 2), кожаный мешочек, под которым лежала окаменевшая раковина ископаемого моллюска и фрагмент еще одной окаменевшей раковины.

Костяк 10, предположительно женский, очень плохой сохранности. Инвентарь представлен бронзовой гривной с нанизанными на нее фаянсовыми бусинами и бронзовым зеркалом в футляре (рис. 2: 3).

С большой долей вероятности можно предположить, что именно к костяку 10 относилась, по крайней мере, часть предметов, расположенная в ногах костяка 8, а именно: металлическое (бронзовое?) блюдо, спил древесного ствола с набором украшений, а также каменный столик-алтарик на трех ножках (рис. 2: 1—1а; 6: 1).

Курган 2 представлял собой земляную насыпь подовальной в плане формы, высотой 0,7 м и диаметром 45 м. В кургане выявлено четыре погребения.

Каменный жертвенник был обнаружен во впускном погребении 4 (рис. 3: 1). Оно располагалось в 8 м к северо-востоку от условного центра, выявлено на глубине -90 см от 0. При разборе бровки, в норе над погребением, на глубине -86 см от 0 найдено бронзовое зеркало (рис. 3: 4). Могила имела подпрямоугольную с закругленными углами форму, ориентирована с запада на восток. В заполнении ямы на разных глубинах зафиксированы только мелкие фрагменты дерева, отдельные кости человека и животных. На участке сохранившегося дна ямы (частично в норе) обнаружена кость ноги человека (предположительно — зрелого мужчины)[3] (Григорьев,

[1] Все остеологические определения костей животных из коллекции Самородовского курганного могильника выполнены канд. ист. наук Н.В. Росляковой (Археологическая лаборатория СГСПУ, г. Самара).

[2] Антропологические определения выполнены канд. ист. наук А.А. Хохловым и А.П. Григорьевым (Волго-Уральский центр палеоантропологических исследований СГСПУ, г. Самара).

[3] В данном погребении полностью отсутствуют предметы характерные для мужских захоронений кочевников Южного Урала. Выводы антропологов о возможной принадлежности отдельных человеческих костей из погребения 4 кургана № 2 Самородовского курганного могильника зрелому мужчине, являются предварительными. В дальнейшем полученные результаты планируется проверить методом генетического анализа.

Купцова 2020: 207). Погребальный инвентарь представлен костяной «проколкой» из грифельной кости лошади и каменным столиком-алтариком на четырех ножках (рис. 3: 2—3; 6: 2).

Курган 3 находился в восточной части могильника, его диаметр составлял 50 м при высоте 0,8 м. В кургане исследовано восемь погребений и два жертвенных комплекса (ЖК). Каменные алтарики найдены в ЖК № 1 и в погребении 3.

ЖК № 1 выявлен в ходе зачистки восточной полы кургана. Каменный жертвенник (рис. 4) был закопан на глубине -110 см от 0, в небольшой яме, границы которой зафиксировать не удалось. Другие находки в ЖК отсутствовали.

Погребение 4 зафиксировано в центральной части кургана на глубине -68 см от 0. Контуры ямы не прослеживались. В процессе исследования выявлено два сильно потревоженных землероями человеческих костяка. Кроме того, здесь же найдено большое количество отдельных костей человека и животных, а также разнообразный инвентарь, располагавшийся как скоплениями, так и бессистемно (рис. 5: 1).

Скорее всего, погребение 4 представляло собой не одно, а минимум два разновременных захоронения. Антропологический анализ костных останков показал, что кроме скелетов 1 и 2, принадлежавших молодым женщинам (на костяке 1 отмечены следы термического воздействия), в разных частях погребения 4 присутствуют также сильно обожженные кости зрелого мужчины. Представляется, что две впускные разновременные могилы молодых женщин полностью разрушили несколько более раннее мужское погребение 8, совершенное по обряду кремации. При этом очевидно, что погребение 8 являлось центральным захоронением кургана 3. Процесс разрушения был усугублен деятельностью землероев, значительно переместивших и перемешавших инвентарь этих захоронений (вероятнее всего, сюда также были перемещены и отдельные предметы из погребения 7), что, в целом, значительно затрудняет датировку захоронений из погребения 4. Каменный алтарик был обнаружен среди скопления предметов, располагавшегося к востоку от костей ног костяка 1.

Костяк 1 — разрушен, предположительно, принадлежал молодой женщине. Кости скелета были подвергнуты сильному термическому воздействию (обожжены). В анатомическом порядке сохранились кости таза, позвоночник, ребра и, отчасти, кости плечевого пояса. Судя по сохранившимся in situ костям, погребенная лежала вытянуто на спине, головой на юг. Среди костей ее скелета были встречены детали конской упряжи и фрагмент клинка, попавшие сюда, вероятно, из погребений 7 и 8, а также несколько полых бусин из желтого металла, вероятней всего, принадлежавших костяку 1.

Справа от погребенной лежало бронзовое зеркало (рис. 5: 6). В 15 см к югу от зеркала расчищен фрагментированный железный черешковый нож. В 20 см к востоку от зеркала поставлен каменный алтарик (рис. 5: 2; 6: 4), рядом с которым на боку лежали плоскодонный круговой импортный кувшин (рис. 5: 5) и горшковидный лепной плоскодонный сосуд, снабженный носиком — сливом (рис. 5: 3). В 10 см к югу от сосуда 1 зафиксировано круглое керамическое пряслице.

К юго-востоку от костяка 1 выявлены крупный фрагмент железного кинжала и каменный пест (рис. 5: 4). После снятия костей скелета 1, в районе его правой ключицы зафиксированы крупная каменная бусина и две обоймы для перекрестных ремней конской упряжи.

Таким образом, два столика-алтарика самородовского некрополя (курган 1, погребение 3 и курган 3, погреюение 4) найдены в женских захоронениях, половая принадлежность индивида из к. 2, п. 4 находится под вопросом. Принадлежность жертвенника, найденного в поле кургана 3 (ЖК 1) к какому-либо из захоронений не установлена.

Хронологическая интерпретация погребений со столиками-алтариками

Все погребения с каменными жертвенниками из курганов Самородовского могильника оставлены южноуральскими кочевниками раннего железного века.

По целому ряду признаков погребального обряда (коллективное захоронение на слое древней почвы, круговое расположение погребенных, наличие псевдошатровой деревянной конструкции, ахеменидский импорт), наиболее близкими аналогиями погребения 3 кургана 1 Самородовского могильника являются комплексы из курганных могильников Филлиповка 1 и III у с. Тоцкое (с обрядом кремации). Погребение 1 кургана 15 могильника Филипповка 1 датируется концом V — серединой IV вв. до н.э. (Балахванцев, Яблонский 2007: 143—149; Трейстер и др. 2012: 134—139). Погребение 1 кургана 1 могильника III у с. Тоцкое датировано рубежом V—IV— первой половиной IV в. до н.э. (Купцова и др. 2023: 208—222).

Анализ инвентаря из погребения 3 кургана 1 Самородовского могильника (конская упряжь, предметы вооружения, бусы и т.д.) позволяет датировать время его сооружения в рамках V в. до н.э. Эта датировка подтверждается и калиброванным значением AMS даты, полученной в лаборатории ИГАН по образцу кости человека из данного погребения (костяк №4) (2410±20 BP; 486-410 (1σ), 542-404 (2σ) BC) (Купцов, Купцова 2022: 192—195; Балахванцев и др. 2022: 353—356).

При расчистке погребения 3 кургана 1 также встречены две красноглиняные красноангобированные хумчи (рис. 2: 4, 5). Ближайшие аналогии наиболее сохранившейся из них (рис. 2: 4), происходят из комплекса усадьбы Дингильдже в Хорезме, датируемой серединой V в. до н.э. По мнению С.Б. Болелова, хумча из рассматриваемого погребения изготовлена несколько позднее (не ранее второй половины V в. до н.э.). Таким образом, сочетание погребального обряда и инвентаря, указывает на середину — вторую половину V в. до н.э. как на наиболее вероятную дату сооружения погребения 3 кургана 1 (Балахванцев и др. 2022: 354).

Датировка алтарика из погребения 4 кургана 2 затруднена в связи с малочисленностью инвентаря, представленного костяной проколкой из грифельной кости лошади и бронзовым зеркалом из норы над могильной ямой. Все погребения кургана 2 по сочетанию элементов погребального обряда и инвентаря датируются в рамках V—IV вв. до н.э. Впускное погребение 4, совершенное в широкой подпрямоугольной могильной яме, ориентированной с запада на восток, занимает в кургане относительно раннюю хронологическую позицию. Широкие могильные ямы с широтной ориентировкой характерны для погребений конца VI—V вв. до н.э. (Железчиков и др. 2006: 37).

Найденное в норе над погребением бронзовое зеркало округлой формы с закраиной без ручки соотносится с аналогичными изделиями типа V (по классификации К.Ф. Смирнова). Такие зеркала датируются в рамках V — начала IV вв. до н.э. (Смирнов 1964: 156). На основании имеющихся данных наиболее вероятной датой появления погребения 4 кургана 2 является V в. до н.э.

В погребении 4 кургана 3 Самородовского могильника алтарик помещен в комплексе с двумя керамическими сосудами: импортным плоскодонным красноглиняным кувшином с петлевидной ручкой и лепным плоскодонным сосудом с носиком — сливом. Недалеко от них найдено бронзовое, округлой формы зеркало с плоской отломанной в древности ручкой и каменный пест из кварцита[4] (рис. 5: 1—6). Дату алтарика из погребения 4 позволяет уточнить находка импортного красноглиняного кувшина (рис. 5: 5). Такие кувшины являются одной из характерных форм столовой керамики архаического Дахистана и датируются они не позднее конца VI в. до н.э. Соответственно, алтарик из погребения 4 кургана 3 Самородовского могильника может быть датирован концом VI — первой

[4] Предварительные определения породы камня столиков—алтариков из погребений с каменными жертвенниками Самородовского курганного могильника, а также каменного песта из погребения 4 кургана 3 выполнены старшим преподавателем кафедры географии и методики преподавания географических дисциплин ОГПУ (г. Оренбург) М.Б. Катковым.

половиной V вв. до н.э. Правомерность датировки подтверждается калиброванным значением AMS даты, полученной в лаборатории ИГАН по образцу кости человека из погребения 4 кургана 3 (костяк №2) (2430±20 BP; 541—458 (1σ), 548—408 (2σ) BC) (Балахванцев и др. 2022: 354—356).

Датировка алтарика из ЖК № 1 кургана 3 затруднена отсутствием сопроводительного инвентаря. Жертвенный комплекс может быть связан с любым из восьми захоронений, выявленных в кургане 3. Все погребения кургана 3 по сочетанию элементов погребальному обряду и инвентарю датируются в рамках конца VI—IV вв. до н.э.

Типология каменных жертвенников и хронологическая позиция аналогий

Четыре каменных жертвенника самородовского некрополя представлены тремя типами.

Алтарики из погребения 3 кургана 1 и погребения 4 кургана 3 Самородовского могильника — *с опорой, округлой формы, на трех высоких ножках, с бортиком* (по классификации К.Г. Маргарян) (Маргарян 2025: 43—50).

В целом К.Ф. Смирнов относил рассматриваемый тип каменных триподов к группе 1 (на ножках), отделу Б (на трех ножках), в котором было выделено три типа: I — блюда на высоких ножках в виде голов животных; II — обычно орнаментированные блюда на круглых ножках; III — на высоких прямоугольных в сечении ножках. Всего в его выборку включено 14 предметов. Описанные каменные триподы, по мнению исследователя, относятся к VI в. и главным образом к V в. до н.э. Исключением является столик из кургана у с. Ак-Булак, который продатирован им началом IV в. до н.э. (Смирнов 1964: 162—164). В классификации В.Н. Васильева рассматриваемая форма жертвенников отнесена к группе II (с ножками), типу III (с круглым столиком), подтипу 3 (с круглым столиком на трех ножках). В этот тип он включил 22 каменных трипода, которые, по его мнению, датируются концом VI—V в. до н.э. (Васильев 1998: 28). В настоящее время известно 69 триподов такой формы. В целом весь этот тип с опорой округлой формы, на трех высоких ножках, с бортиком датирован достаточно широко — серединой-концом VI—IV в. до н.э. В этой группе выделено два подтипа: 1 — без изображений (8 экз.) и 2 — с изображениями (61 экз.). В подтипе 2 выделено 10 вариантов и подвариантов (Маргарян 2025: 133—151).

Каменный жертвенник из погребения 3 кургана 1 Самородовского КМ изготовлен из песчаника. Диаметр чаши — 36,2—37,3 см, внутренняя высота бортика — 1—1,5 см, толщина бортика — 1,5 см. Общая высота изделия составляет 21,6 см. Ножки прямоугольной в плане формы, более узкие внизу и расширяющиеся в верхней части. В связи с тем, что рабочая поверхность выполнена в виде чаши с округлым дном, внутренняя высота ножек достигает 15—15,5 см, внешняя 17,5—18 см (рис. 2: 1—1а; 6: 1).

Типологически относится к варианту изделий «с наличием изображений в зверином стиле», и подварианту — «в виде неглубокого рельефа» (Маргарян 2025: 141—148).

Бортик с внешней стороны украшен изображениями 12 голов хищной птицы с выделенным глазом и клювом (три группы по четыре изображения, разделенные изображениями архаров), головы птиц ориентированы влево. На всех трех ножках присутствуют типологически и стилистически очень близкие между собой, но незначительно различающиеся в деталях, изображения стоящих баранов-архаров, ориентированных вправо. Между ног каждого архара вписана смотрящая вниз голова хищной птицы (рис. 2: 1—1а; 6: 1). Помимо самородовского алтарика известен жертвенник с таким же сюжетом из кургана 3 могильника Уркач I (Гуцалов, Мамедов 2021: 48, 52, рис. 2: 3). Случайная находка фрагмента аналогичного алтарика происходит с территории садов у г. Алга (Родионов, Гуцалов 2000: 134).

Близкий по художественной композиции поврежденный экземпляр, вероятно, с изображением антилопы или косули, выявлен в могильнике Янтышево-2 в Республике Башкортостан (Южное Зауралье) (Исмагил, Сунгатов 2013: 57, 192, рис. 29: 2). Во всех случаях,

за исключением янтышевского алтарика, создается впечатление, что изображение дуалистичное: с одной стороны — это архар с загибающимся рогом, с другой — голова грифона с загибающимся клювом. Архары изображены на ножках изделий в полный рост, между их ногами в одном случае изображена голова грифона (курган 1 могогильника Самородово), в трех остальных — полуовальной формы выступ. Вся эта группа жертвенников с рельефным изображением архаров укладывается в один культурно-хронологический горизонт середины — конца V в. — начала IV в. до н.э. (Маргарян 2023a: 48).

Алтарик из грабительских раскопок кургана 0 могильника Янтышево-2 с территории Башкирского Зауралья сделан, видимо, под влиянием приуральских алтариков с аналогичным сюжетом. Но вместо архара на ножке изображена косуля (на что указывает прямой короткий рог), а по бортику добавлен дополнительный элемент — арочный орнамент. Трипод из Янтышево-2 датирован авторами публикации концом V—IV в. до н.э., что не противоречит предложенной выше датировке (Исмагил, Сунгатов 2013: 58).

В группе этих находок, археологически целый самородовский алтарик из погребения 3 кургана 1 является самым крупным и, очевидно, самым ранним. Масса проработанных деталей изображений, делает его, в своем роде, эталоном этой группы. Алтарики с изображением архаров из других комплексов представлены фрагментами, и изображения на них даны несколько иначе. В композиции украшающей алтарик из Самородово явно присутствует некое противопоставление героев сюжета. Можно предположить, что таким образом показано противоборство двух сил, ипостасью которых являются архары и численно превосходящие их грифоны.

Каменный столик из погребения 4 кургана 3 с опорой, округлой формы, на трех высоких ножках, с бортиком, изготовлен из известнякового песчаника. Диаметр чаши — 25,0 см, внутренняя высота бортика составляет 1—1,2 см, толщина 1,2—1,4 см. Высота изделия — 9,5—10,0 см. Сечение ножек — округлое, диаметром около 4,5 см в нижней и около 5,5 см в верхней части. Высота ножек составляет 5,8—6 см

Относится к варианту изделий *типа 45* — «с наличием геометрических изображений», и подварианту — «в виде «дельфинообразного» («пламевидного») орнамента» (по классификации К.Г. Маргарян) (Маргарян 2023b: 44).

Внешние боковые поверхности столика украшены «дельфинообразным» рельефным орнаментом в виде девяти фигур «дельфинов — рыб» ориентированных «головой» в левую сторону и тремя разделяющими их «арками» (три группы по три изображения, разделенные полукруглыми «арками» в районе ножек). На всех трех ножках какие-либо изображения отсутствуют (рис. 5: 2; 6: 4).

Каменные триподы с «дельфинообразным» орнаментом известны только на территории Южного Урала. Аналогии рассматриваемому предмету происходят из кургана 8 Альмухаметовского могильника (Пшеничнюк 1983: 44, табл. XXXIII: 19; Трейстер 2012: 8—10, цв. табл. 1: 4), погребения 5/1 некрополя Илекшар I (Гуцалов 2007: 86, 89, рис. 16: III, 1), у западной полы и в южной бровке кургана 7 могильника Филипповка 2 (два фрагмента от двух разных каменных алтариков) (Маргарян 2023b: 45), кургана у хут. Веселый I близ села Ак-Булак, случайная находка с территории бывшей Тургайской области, два фрагмента встречены в насыпи кургана 1 I Аландской группы (в музее хранится в настоящее время только один фрагмент) (Смирнов 1964: 56, 58, 164, рис. 38: 16; 74: 12, 17, 18; 75: 10). К этой же категории относится и случайная находка в районе группы небольших холмов «Лисьи горы» (Маргарян 2023b: 43—44, рис. 1: 1).

Орнамент у этих алтариков чаще всего нанесен горизонтально по бортику изделия, но есть случаи, когда он дублируется на ножках, но только уже вертикально. Нижней границей окончания композиции является вырезанная линия. «Дельфинообразный» орнамент алтарика представляется перевернутой вариацией изображения стилизованных голов хищных птиц (грифонов) (Маргарян 2023b: 47).

Жертвенники, отнесенные к этому подварианту, в большинстве своем датированы концом V—IV вв. до н.э. (особенно фрагментированные или разбитые образцы). Самым ранним

комплексом, в котором выявлен алтарик этой группы, является погребение 5 кургана 1 некрополя Илекшар I, датируемое первой половиной V в. до н.э. (Гуцалов 2007: 86—89).

Жертвенник из погребения 4 кургана 2 Самородовского могильника относится к *типу 41 — с опорой, прямоугольной формы (в том числе квадратной), на четырех высоких, или равных высоте блюда, ножках, округлой в сечении формы, с бортиком* (по классификации К.Г. Маргарян) (Маргарян 2025: 126—129).

Общая высота изделия составляет 10 см. Песчаник, из которого он вырезан, отличается по цвету и по качеству от материала изготовления остальных самородовских жертвенников. Ножки алтарика округло-овальные в сечении, высотой 6—6,5 см. В результате этой разницы на ровной твердой поверхности жертвенник неустойчив. Диаметр ножек колеблется в диапазоне 6—6,5 × 5—5,5 см. Размеры верхней части — 18 × 25 см, рабочая поверхность сильно «вогнута» внутрь: в ее центре разница с верхней кромкой бортика достигает 2,5 см. Высота бортиков составляет 0,9 — 1,2 см. Толщина — 1,5—2 см (рис. 3: 2; 6: 2).

Алтарики рассматриваемой формы (пять экземпляров) К.Ф. Смирнов отнес к типу IA, I — прямоугольной формы с прямыми бортиками, на круглых или четырехугольных ножках (Смирнов 1964: 162—163). В.Н. Васильев в классификации использовал уже 12 таких каменных алтариков, отнеся их к типу «прямоугольной и подпрямоугольной формы на четырех ножках». Распространены они, по мнению исследователя, были в конце VI—V вв. до н.э. (Васильев 1998: 28).

В настоящее время насчитывается 44 алтарика прямоугольной формы на четырех ножках (Маргарян 2025: 122—133). Они отличаются друг от друга формой ножек в сечении и наличием или отсутствием изображений в зверином стиле и орнаментов. Самые близкие по форме внутри этого типа алтарики встречены в следующих могильниках с территории Южного Урала: Тара-Бутак, к. 2, п. 3; Покровка 10, к. 2, п. 1; Озерное-I, к. 5, п. 12; Шпаки II, курган 4, погребение 2; Бесоба, курган 4; Лебедевка V, курган 46; Шар, у подножия кургана 4; Яковлевский КМ, на пашне близ кургана 1; из кургана у села Березовка (Смирнов 1964: 162, 311, рис. 18; Смирнов 1975: 40—42; Яблонский и др. 1996: 44—45; Яблонский, Малашев 2005: 149—150, рис. 2: 1; Кадырбаев 1984: 85—86, 89, рис. 2: 3; Золото властелинов 2018: 123, рис. 24; Железчиков и др. 2006: 20, 95, рис. 44: 1; Дуйсенгали и др. 2017: 40—42; Бисембаев и др. 2018: 118, рис. 2: 3; Трегубов 2000: 64—65; Федоров, Васильев 1998: 62, 79, рис. 3: 4; Хабдулина, Малютина 1982: 73—80).

Самые близкие по форме самородовскому столику экземпляры происходят из кургана 46 могильника Лебедевка, погребения 2 кургана 4 могильника Шпаки II и погребения 1 кургана 2 могильника Покровка10 (Железчиков и др. 2006: 20, 95, рис. 44: 1; Бисембаев и др. 2018: 118, рис. 2: 3; Яблонский, Малашев 2005: 149—150, рис. 2: 1).

В погребении 1 кургана 2 могильника Покровка 10 и в рассматриваемом погребении могильника Самородово встречен один тип бронзовых зеркал (Яблонский, Малашев 2005: 149—150). Каменные жертвенники такой же формы помимо самородовского стоят в углу квадратной могильной ямы еще в двух случаях: в погребении 3 кургана 2 могильника Тара-Бутак и в кургане 46 могильника Лебедевка V. Ориентировка ям в трех случаях по сторонам света или с незначительным отклонением (Смирнов 1975: 40—42; Железчиков и др. 2006: 20).

Рассматриваемая форма каменных жертвенников может быть датирована достаточно широко — второй половиной VI—IV вв. до н.э. Во второй половине VI — середине V вв. до н.э. жертвенники сделаны очень тщательно, к концу V в. до н.э. начинают встречаться грубо сделанные предметы, в могилу начинают класть фрагменты от каменных алтариков.

Каменный столик из ЖК № 1 кургана 3 округлой формы, с бортиком, на четырех ножках изготовлен из песчаника. Рабочая поверхность плоская, слабо углубленная в центре, по форме представляет собой оконтуренную бортиком окружность размером 33,8 × 33,4 см. Внутренняя высота бортика составляет 1,5—1,7 см, при толщине 1,5—1,8 см. Общая высота изделия — 13,2—13,5 см. Ножки высотой 8 см, выполнены в виде объемных, хорошо проработанных оскаленных голов волка. Фриз не орнаментирован (рис.4: 1—3; 6: 3).

Алтарик соотносится *с изделиями типа 47. Подтип 2. Вариант 3. Подвариант 3.1 (*по классификации К.Г. Маргарян) — *«с опорой, округлой формы, на четырех высоких, или равных высоте блюда, ножках, с совмещением геометрических и изображений в зверином стиле, ножки в виде голов животных и «дельфинообразным» орнаментом»*) (Маргарян 2025: 152—153).

На то, что ножки алтарика выполнены в виде именно волчьих голов, указывают следующие особенности изображения: миндалевидные глаза, вытянутые морды животных, а также заостренность ушей, хорошо заметная в анфас и характерное изображение зубов. На ножках в форме голов медведей все эти особенности даются несколько иначе (Молчанова, Коноплева 2015: 222). В настоящее время типологически близких предметов известно всего восемь. Столик из курганов в урочище Курайли и еще одна находка, место которой неизвестно, не орнаментированы (Кадырбаев 1977: 208, рис. 6; Археологические коллекции 2009: 168). Алтарик из кургана у хутора Крыловский, погребения 9 кургана 9 Нагорненского могильника и случайная находка в Учалинском районе Республики Башкортостан украшены арочным орнаментом по фризу. На находках из Нагорненского могильника и Учалинского района, изображения арки присутствуют также и на ножках. При этом, у последнего, внутри каждой арки имеется углубление в форме ямки (Смирнов 1964: 163, 308, рис. 15: 1ж; Граков 1947: 647; Stöllner, Samašev 2013: 757; Матвеева 1972: 260—261; Рафикова, Федоров 2017: 32—33, рис. 24: 5, 40—43, рис. 30, рис. 61).

Еще один алтарик этого же типа, у которого по бортику сверху и на основании ножек прочерчена целая система знаков, происходит из погребения 3 кургана 4 Чкаловского курганного могильника (Воронова, Порохова 1992: 231—232, 249, рис. 7: 6; Трегубов 2000: 60—61). Самой близкой копией самородовскому алтарику является жертвенник из курганной группы Кумис-Сай. Его ножки также выполнены в форме голов волков, а по фризу добавлен «дельфинообразный» орнамент (Кадырбаев 1977: 206, рис. 3; Золото властелинов 2018: 576, рис. 7).

Каменные алтарики на четырех ножках типа 47 являются развитием типа 45 («с опорой, округлой формы, с бортиком, на трех ножках»). Они появляются, вероятнее всего, несколько позднее, чем тип 45, вероятно, около середины V в. до н.э.

Соотнесение данных по датировке погребений Самородовского могильника и приведенных аналогий для столиков-алтариков показывает следующее. Хронологическая позиция самородовских столиков должна определяться исходя из общей датировки погребений, полученной по данным анализа обряда и инвентаря. Таким образом, дата алтарика из погребения 3 кургана 1 — середина-вторая половина V в до н.э. Его аналогии имеют немного более позднюю хронологическую позицию (середина V — начало IV вв. до н.э), что подтверждает вывод о том, что в ряду аналогичных изделий столик из Самородово будет занимать наиболее раннюю позицию. Комплекс с каменным жертвенником из погребения 4 кургана 2 продатирован VI—V вв. до н.э., что не противоречит датировке, установленной для однотипных каменных алтариков. Погребение 4 кургана 3 создано в конце VI — первой половине V до н.э., следовательно, жертвенник, происходящий из него, будет, как и экземпляр из Илекшара, относится к группе ранних и датироваться должен не позднее захоронения, в котором он был обнаружен. Установление хронологической позиции столика из ЖК № 1 кургана 3 ввиду того, что он происходит не из погребального комплекса, должно опираться на аналогии, которые относятся к сер. V в до н.э. В целом, эта датировка не противоречит периоду функционирования кургана как кладбища (VI — IV вв. до н.э.).

Технико-технологический анализ каменных жертвенников

В 2015 году был проведен трасологический анализ каменных жертвенников из могильника Кичигино I (Коноплева 2015). Были выделены семь стадий изготовления каменных алтариков: 1) обивка с помощью отбойника и снятие лишнего сырья для придания грубой формы изделию; 2) разметка размеров; 3) пикетаж; 4) частичная шлифовка и 7) частичная полировка. С помощью каких орудий происходила обивка каменного изделия, до настоящего времени не совсем ясно. Это можно определить только экспериментальным путем. Пикетаж производился, скорее всего, металлическим орудием с закругленным усеченным окончанием. Шлифовка могла производиться абразивным камнем в разные стороны.

Песчаник, из которого изготовлены алтарики Самородовского могильника является местным по своему происхождению. Всего его разновидности, использованные для изготовления этих изделий в изобилии, встречаются на территории Оренбургской области[5].

На самом крупном алтарике из погребения 3 кургана 1 в центре чаши и сбоку у одного края присутствуют следы черного цвета (рис. 7: 1—2). В породе присутствуют естественные включения оранжевых зерен. В чаше алтарика следы пикетажа не фиксируются, зато на обратной стороне между ножек сохранились удлиненные полосы от инструмента, поверх зафиксированы следы пигмента красного цвета (рис. 7: 3), в том числе ближе к краю изделия присутствует полоса черного цвета (рис. 7: 4*)*.

Алтарик из ЖК № 1 кургана 3 неустойчив, между ножек на обратной стороне присутствуют частицы красного и черного пигмента (рис. 7: 5), рабочая же поверхность (чаша внутри) напротив, без каких-либо следов красок. Сделан очень тщательно, после обработки пикетажом отшлифован. Ножки алтарика и его дно покрыты раствором солей. От алтарика преднамеренно отбили два фрагмента еще в древности, об этом свидетельствует известковая корка, встречающаяся как на основании изделия, так и на его фрагментах.

У жертвенника из погребения 4 кургана 3 по бортику сверху фиксируются следы сажи, а на обратной стороне между ножек присутствуют следы пигментов черного и красного цветов (рис. 7: 6). Основание ножек также покрыто сажей (рис. 8: 2). В чаше отсутствуют следы красок, поверхность ровная залощённая (рис. 8: 1*)*.

Если на трех описанных выше алтариках в чаше отсутствуют явные следы растирания красок, то в центральной части чаши алтарика из погребения 4 кургана 2 отчетливо читаются следы растирания в большей степени черного вещества (черный пигмент (сажа?), но также видны и остатки красного пигмента (рис. 8: 3*)*. От растирания глубина чаши по краям составляет около 1,4 см, а в центре — 2,7 см. Пикетаж на завершающей стадии обработки алтарика проводился двумя инструментами с разным диаметром окончаний. Обратная сторона предмета, ножки и бортик обработаны изделием диаметром около 1 мм, а в самой чаше пикетаж проводился изделием диаметром около 6—7 мм. В центре чаши следы пикетажа от крупного металлического изделия убраны интенсивным растиранием красок и веществ (рис. 8: 3). Между ножек также читаются следы красителей красного и черного цветов (рис. 8: 5*)*. Граница следов пикетажа и сработанного участка между ножек отчетливо фиксируется на фотографии (рис. 8: 4*)*. На обратной стороне присутствует заполированность в центре от растирания мягкого волокнистого вещества (рис. 8: 6*)*, следы пикетажа стерты, но сохранились в области основания ножек и ближе к краю изделия.

На всех четырех жертвенниках из могильника Самородово присутствует следы пигментов розово-красного и черного цветов. Они расположены на обратной стороне между ножек, только на одном алтарике следы пигментов фиксируются и внутри чаши. Из 596 учтенных по литературным данным и осмотренных в музеях РФ и Республики Казахстан алтариков, у 85 блюд были зафиксированы следы краски на внутренней (рабочей) или внешней поверхностях. В 50 случаях следы краски встречены на рабочей поверхности чаши, в 19 — на основании (жертвенники без

[5] По данным старшего преподавателя Кафедры географии и методики преподавания географических дисциплин ОГПУ (г. Оренбург) М.Б. Каткова.

опоры), в 27 — на обратной стороне между ножек (Margaryan, Yuminov 2023: 137). Разные следы на каменных алтариках, вероятно, указывают на их полифункциональное назначение.

Состав и строение краски

Для определения состава красящих пигментов с поверхности столиков-алтариков были произведены соскобы вещества. Общий вес соскобов не превышал 10 мг. Полученный материал, после выделения из него монофракций, был направлен на ренгенофазовый и микрозондовый анализы и электронную микроскопию.

В первом случае определялся минеральный состав краски (условия съемки: прибор — дифрактометр SHIMADZUXRP-6000, Cu — анод, графитовый монохроматор, аналитик — Е.Д. Зенович). Во втором — (микрозондовые исследования) подтверждалась диагностиками микровключений и выявлялся их химический состав. Условия съемки: энергодисперсионная приставка OXFORD INSTRUMENTITAT, золотое напыление, аналитик — И.А. Блинов. С помощью электронной микроскопии устанавливались морфологические особенности минеральных агрегатов и их размеры. Условия съемки: прибор — сканирующий электронный микроскоп TescanVega 3 sbu, напряжение на катоде 20 kV, аналитик — И.А. Блинов.

Результаты исследования черного пигмента. Как показали исследования, в черной краске в качестве красящего пигмента использовалась сажа — скопление тонких частиц углерода, образовавшихся при неполном сгорании топлива. Сажа рентгеноаморфна. Она не образует хорошо выраженных пиков на дифрактограммах (рис. 9: 1), но уверенно определяется на энерго-дисперсионных спектрах.

Сажистые агрегаты имеют округлую, близкую к шаровидной форму. Диаметр отдельных индивидов составляет 1—2 мкм. Они образуют скопления, равномерно распределенные по всему объему и сцементированые органическим веществом (рис. 10). Средняя толщина черного покрытия варьирует в пределах 50—100 мкм.

Сажа стабильна: она дешева в производстве, не выцветает на свету, устойчива к нагреванию, кислото- и щелочеупорна. Это идеальный черный краситель, широко используемый с каменного века до настоящего времени (Никитин 2016).

Результаты исследования красноцветного пигмента. Толщина красящего покрытия варьирует в пределах 50—100 мкм (рис. 11: а). Рентгенофазовый анализ краски выявил (в порядке уменьшения количества): кварц, плагиоклаз (анортит), иллит-, кальцит, каолинит и гематит (см. рис. 9: б; 9: в). Гематит при растирании дает устойчивую буровато-красную окраску (рис. 11: а). Остальные минералы в порошке имеют белый или светло-серый цвет.

Гематит (Fe_2O_3) представлен пылевидными зернами размером 5—10 мкм, угловатой, реже изометричной формы с острыми краями (рис. 11: б). Судя по низкой интенсивности пиков на дифрактогаммах, содержание гематита в краске не превышает 5—10% (предел обнаружения минерала данным методом — 3%). Наличие гематита в краске подтверждается микрозондовыми исследованиями (рис. 11: а). Судя по морфологии, гематит предварительно растирался до состояния пудры и в дозированном количестве добавлялся в краску.

Кварц (SiO_2) в красящей смеси является одним из наиболее распространенных минералов. Он представлен двумя разновидностями Qz-I и Qz-II (см. рис. 11: б).

Qz-I образует мелкие не окатанные зерна размером 5—10 мкм, реже обломками таблитчатой или досчатой формы до 20—30 мкм в поперечнике. Морфология зерен Qz-I характерна для раздробленного и растертого материала, который добавлялся в состав краски в качестве наполнителя. Сознательные добавки кварца, помимо экономии дорогостоящего пигмента, применяются для повышения её прозрачности и придания более «звонкого и холодного оттенка» (Никитин 2016).

Зерна кварца Qz-II отличаются ранее описанных более крупными размерами (20—50 мкм) и большей степенью окатаности. Они входят в состав горной породы, используемой в качестве материала для изготовления алтарика.

Плагиоклаз образует скопления мелких (10—20 мкм) хорошо окатанных зерен уплощенно-округлой формы (см. рис. 11: б). По химическому составу минерал относится к анортиту — крайнему члену изоморфного ряда, с формулой: $CaAl_2Si_2O_8$ (рис. 12: 2). Особенности морфологии (сглаженная поверхность) и относительно крупные размеры обломков позволяет предположить, что данный минерал не подвергался помолу, и, следовательно, не мог входить в состав краски. Вероятней всего, он оказался в пробе при механическом соскобе материала со стенки жертвенника.

Кальцит ($CaCO_3$) образует тонкие корки на поверхности изделия и представлен сростками мелкозернистых агрегатов размером 5—10 мкм (см. рис. 11: б). Значительно реже он формирует листоватые выделения поперечником до 20 мкм. В химическом составе минерала фиксируется небольшая примесь магния, указывающая на наличие доломитовой фазы. Морфология и размеры кальцита характерны для разновидностей имеющих гипергенное происхождение, т.е. этот минерал образовался на поверхности артефакта во время нахождении его в грунте и также не входил в состав краски.

Глинистые минералы (иллит-смектит и каолинит) являются загрязняющим элементами грунта и, вероятно, из-за малого количества не имеют отношения к краске.

Заключение

На основании анализа погребального обряда и инвентаря, а также аналогичных находок из памятников ранних кочевников Южного Урала (в т.ч. Западного Казахстана) рассмотренные в статье столики-алтарики датируются в пределах конца VI—V вв. до н.э. Указанная датировка не противоречит полученным радиоуглеродным данным. Два столика из погребения 3 кургана 1 и погребения 4 кургана 3 обнаружены в женских захоронениях, половая принадлежность захороненного из погребения 4 кургана 2 находится под вопросом, жертвенник, найденный в поле кургана 3, не сопровождался человеческими останками. Три столика-алтарика (курган 1, погребение 3, курган 3, погребение 4 и курган 3, ЖК № 1) декорированы в зверином стиле. На ножках столика из погребения 3 кургана 1 детальной прорисовкой изображены грифоны и архары, данный экземпляр является наиболее ранним и своего рода эталоном среди жертвенников с изображениями архаров. Жертвенник из погребения 4 кургана 3, украшенный «дельфинообразным» орнаментом, который, по сути, представляет собой стилизованное изображение перевернутых птичьих голов, также занимает раннюю хронологическую позицию среди аналогичных изделий. Ножки столика из ЖК № 1 кургана 3 украшены головами волка, что четко прослеживается по иконографике. Образ волка является довольно редким в украшении алтариков и самородовский жертвенник дополняет немногочисленную коллекцию орнаментированных таким образом предметов.

Технологический анализ изготовления артефактов позволил определить, что все они сделаны из песчаника местного происхождения, довольно тщательно, с применением, в том числе, металлических инструментов. В чашах и на внешней стороне столиков присутствуют следы красящего вещества. Красящим пигментом черного цвета являлась сажа. В состав красноцветного пигмента входят кварц и гематит. Содержание гематита в краске не превышает 10%. Кварц использовался как в качестве наполнителя, так и для придания нужного оттенка, что свидетельствует о довольно развитых и сложных представлениях кочевников о получении нужной цветовой гаммы. Источники красящих веществ, скорее всего, были местными — в регионе известно большое количеств точек минерализации гематита и кварца. Сырье предварительно дробилось и растиралось до пылеватой фракции. Различие в тонкости помола минералов, свидетельствует, что измельчение материла происходило раздельно.

Литература

Археологические коллекции 2009: Акишев А., Алимбай Н. 2009. *Культура ранних кочевников Казахстана: археологические коллекции*. Т. 1. *Из каталогов «Археологические коллекции Центрального Государственного музея Республики Казахстан»*. Алматы: Өнер.

Балахванцев А.С., Купцов Е.А., Купцова Л.В. 2022. Новые находки ахеменидских и среднеазиатских импортов у села Самородово. В: Кашуба М.Т., Смирнов Н.Ю., Стоянов Е.О., Трубникова В.Б. (ред.). *Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий):* Материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902—1984). Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 353—356.

Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. 2007. Ахеменидская эмаль из Филипповки (проблема хронологии памятника). *РА* 1, 143—149.

Бисембаев и др. 2018: Бисембаев А.А., Мамедов А.А., Дуйсенгали М.Н., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б. 2018. Новые памятники ранних кочевников Илекского локального микрорайона. *Мир большого Алтая* 4 (1), 103—123.

Васильев В.Н. 1998. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала. *Уфимский археологический вестник* 1, 25—43.

Воронова С.А., Порохова О.И. 1992. Чкаловский курганный могильник. В: Синюк А.Т. (отв. ред.) *Древняя история населения Волго-Уральских степей*. Оренбург: Оренбургский пединститут им. В. Чкалова, 228—255.

Граков Б.Н. 1947. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов). *ВДИ* 3, 100—121.

Григорьев А.П., Купцова Л.В. 2020. Антропологические материалы раннего железного века из курганного могильника у с. Самородово в Оренбуржье. В: Байтанаев Б.А. (гл. ред.) *Маргулановские чтения — 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17—18 сентября 2020 г.)*. Т. 1. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 204—210.

Гуцалов С.Ю. 2007. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2 (30), 75—92.

Гуцалов С.Ю., Мамедов А.М. 2021. Погребальные комплексы могильника Уркач-I. Часть 1. В: Онгар А. (гл. ред.) *Маргулановские чтения-2021: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26—27 октября 2021 г.)*. Ч. 1. Т. 2. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 45—72.

Дуйсенгали М.Н., Бисембаев А.А., Мамедов А.М. 2017. Новые памятники ранних кочевников Илекского локального микрорайона (предварительное сообщение). В: Таиров А.Д. (отв. ред.) *Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции*. Челябинск: Государственный исторический музей Южного Урала, 38—43.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. 2006. *Древности Лебедевки (VI—II вв. до н.э.)*. Москва: Восточная литература.

Золото властелинов 2018: Кан И., Онгарулы А. и др. 2018. *Золото властелинов казахских степей. Совместный каталог Республики Корея и Республики Казахстан*. Тэджон: Национальный научно-исследовательский Институт культурного наследия Республики Корея.

Исмагил Р.Б., Сунгатов Ф.А. 2013. П*амятники Яицкой культуры последней четверти V—IV вв. до н.э. на Южном Урале*. Уфа: «Белая река».

Кадырбаев М.К. 1977. Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана. *СА* 3, 204—211.

Кадырбаев М.К. 1984. Курганные некрополи верховьев р. Илек. В: Мелюкова А.И., Мошкова М.Г., Петренко В.Г. (ред.). *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 84—93.

Коноплева К.Г. 2015. Предварительные итоги изучения каменных жертвенников из могильника Кичигино I. В: Ситдиков А.Г. (отв. ред.). *Международная полевая школа в Болгаре. Сборник материалов итоговой конференции*. Казань; Болгар: Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан; Казанский (Приволжский) федеральный университет, 169—171.

Купцов Е.А., Купцова Л.В. 2022. Коллективное погребение кочевников раннего железного века из центрального Оренбуржья с предметами ахеменидского импорта (предварительные результаты исследований). В: Маслюженко Д.Н. (отв. ред.). *XXII Уральское археологическое совещание:*

материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной (Курган, 21—25 ноября 2022 г.). Курган: Курганский государственный университет, 192—195.

Купцова и др. 2023: Купцова Л.В., Клещенко Е.А., Купцов Е.А., Свиркина Н.Г., Добровольская М.В., Крюкова Е.А., Куприянов Д.А. 2023. Коллективное захоронение ранних кочевников Южного Урала со следами сожжения: культурно-хронологическая интерпретация и новые подходы к изучению погребального обряда. *КСИА* 272, 208—236. DOI: 10.25681/IA5A6.0130-2620.272.208-236.

Маргарян К.Г. 2023a. Рельефные изображения в зверином стиле на каменных жертвенниках кочевников раннего железного века как маркеры культурно-хронологических горизонтов. В: Кривошеев М.В. (отв. ред.). *Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур: материалы XI всероссийской научной конференции с международным участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной памяти А.С. Скрипкина, г. Волгоград, 15—19 мая 2023 г.* Волгоград: ВолГУ, 44—54.

Маргарян К.Г. 2023b. Новые случайные находки каменных жертвенников с территории Южного Зауралья. *Уфимский археологический вестник* 23 (1), 42—50. DOI: 10.31833/uav/2023.23.1.004.

Маргарян К.Г. 2025. Каменные жертвенники ранних кочевников Евразии. В 4 т.: дисс. ... канд. ист. наук. Т. 1. Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Матвеева Г.И. 1972. Новые савроматские памятники в Башкирии. СА *1*, 259—261.

Молчанова В.В., Коноплева К.Г. 2015. Каменные жертвенники из кургана у с. Обручевка. В: Таиров А.Д. (отв. ред.). *Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской научной конференции*. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 222—224.

Никитин А.М. 2016. *Художественные краски и материалы. Справочник.* Москва: Инфра-Инженерия.

Пшеничнюк А.Х. 1983. *Культура ранних кочевников Южного Урала*. Москва: Наука.

Рафикова Я.В., Федоров В.К. 2017. *Курганы Южного Зауралья*. Кн. 1. *Учалинский и Абзелиловские районы Республики Башкортостан*. Уфа: Китап.

Родионов В.В., Гуцалов С.Ю. 2000. Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея. *Уфимский археологический вестник* 2, 129—144.

Смирнов К.Ф. 1964. *Савроматы. Ранняя история и культура сарматов*. Москва: Наука.

Смирнов К.Ф. 1975. *Сарматы на Илеке*. Москва: Наука.

Трегубов В.Е. 2000. Сарматские жертвенные алтари из музейных собраний Приуралья. В: Чибилёв А.А. (ред.). К*ультурное наследие степей Северной Евразии*. Вып. 1. Оренбург: Институт Степи УрО РАН, 57—72.

Трейстер М.Ю. 2012. Комплексы с египетским зеркалом могильника Альмухаметовский. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (под ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.)*. Т. 2. Москва: ТАУС, 8—10.

Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. 2012. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-I. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (под ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V-III вв. до н.э.)*. Т. 2. Москва: ТАУС, 84—156.

Федоров В.К., Васильев В.Н. 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье. *Уфимский археологический вестник* 1, 62—96.

Хабдулина М.К., Малютина Т.С. 1982. Погребальный комплекс V—IV вв. до н. э. из Челябинской области. *КСИА* 170, 73—80.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., Малашев В.Ю. 1996. Раскопки могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 году. В: Яблонский Л.Т. (отв. ред.). *Курганы левобережного Илека*. Вып. 4. Москва: Институт археологии РАН, 7—48.

Яблонский Л.Т., Малашев В.Ю. 2005. Погребения савроматского и раннесарматского времени могильника Покровка 10. *НАВ* 7, 149—213.

Margaryan K.G., Yuminov A.M. 2023. The Mineral Composition of Pigments from the Archaeological Sites of the Early Iron Age Nomads of the Southern Urals. In: Ankusheva N.N., Chechushkov I.V., Epimakhov A.V., Ankushev M.N., Ankusheva P.S. (eds.). *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy 2021. Proceedings of the 8th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia,* 20—23 September 2021. Berlin: Springer, 127—142 (Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences). DOI: 10.1007/978-3-031-16544-3_13.

Stöllner T., Samašev Z. 2013. *Unbekanntes Kasachstan. Archäologieim Herzen Eurasiens II*. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum.

References

Arkheologicheskiye kollektsii 2009: Akishev, A., Alimbay, N. 2009. K*ul'tura rannikh kochevnikov Kazakhstana: arkheologicheskiye kollektsii (Culture of the Early Nomads of Kazakhstan: Archaeological Collections)*. Vol. 1. *Iz katalogov "Arkheologicheskiye kollektsii Tsentral'nogo Gosudarstvennogo muzeya Respubliki Kazakhstan" (From the catalogues "Archaeological Collections of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan")*. Almaty: Öner (in English, Kazakh, Russian).

Balakhvantsev, A.S., Kuptsov, E.A., Kuptsova, L.V. 2022. In: Kashuba, M.T., Smirnov, N.Yu., Stoyanov, E.O., Trubnikova, V.B. (ed.). *Evraziya v eneolite — rannem srednevekovye (innovatsii. kontakty. translyatsii idey i tekhnologiy): Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. posvyashchennoy 120-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya issledovatelya drevnostey Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii Mikhaila Petrovicha Gryaznova (1902—1984) (Eurasia from the Aeneolithic (Chalcolithic) Era to the Early Middle Ages (innovations, contacts, transmission of ideas and technologies). Proceedings of the International conference dedicated to the 120th anniversary of the outstanding researcher of Southern Siberian and Central Asian antiquities Mikhail Petrovich Gryaznov (1902—1984)*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 353—356 (in Russian).

Balakhvantsev, A.S., Yablonsky, L.T. 2007. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)*1, 143—149 (in Russian).

Bisembaev et al. 2018: Bisembaev, A.A., Mamedov, A.M., Duisengali, M.N., Bairov, N.M., Amelin, V.A., Bidagulov, N.T., Urazova, A.B. 2018. *Mir bolshogo Altaya (World of the Great Altai)* 4, 103—123 (in Russian).

Vasiliev, V.N. 1998. In *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa archaeological herald)* 1, 25—43 (in Russian).

Voronova, S.A., Porokhova, O.I. 1992. In: Sinyuk, A.T. (ed.). *Drevnyaya istoriya naseleniya Volgo-Uralskikh stepey (Ancient history of the population of the Volga-Ural steppes)*. Orenburg: Orenburgskiy pedinstitut im. V. Chkalova, 228—255 (in Russian).

Grakov, B.N. 1947. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 100—121 (in Russian).

Grigoriev, A.P., Kuptsova, L.V. 2020. In: Baytanayev, A.A. (ed.) *Margulanovskiye chteniya — 2020: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Velikaya Step v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy" (g. Almaty. 17—18 sentyabrya 2020 g.) (Margulan Readings 2020: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "The Great Steppe in the Light of Archaeological and Interdisciplinary Research" (Almaty, September 17–18, 2020))*. Vol. 1. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 204—210 (in Russian).

Gutsalov, S. Yu. 2007. In *Arkheologiya. etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)* 2, 75—92 (in Russian).

Gutsalov, S.Yu., Mamedov, A.M. 2021. In: Ongar, A. (ed.). *Margulanovskiye chteniya-2021: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Velikaya step v kontekste etnokulturnykh issledovaniy", posvyashchennoy 30-letiyu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 30-letiyu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana (g. Almaty. 26—27 oktyabrya 2021 g.) (Margulan Readings 2021: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "The Great Steppe in the Context of Ethnocultural Studies", dedicated to the 30th anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan and the 30th anniversary of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, October 26–27, 2021))*. Vol. 2, 45—72 (in Russian).

Duysengali, M.N., Bisembaev, A.A., Mamedov, A.M. 2017. In: Tairov, A.D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ikh okruzheniye: materialy VII Vserossiyskoy (s mezhdunarodnim uchastiyem) nauchnoy konferencii (Ethnic interactions in the Southern Urals. Sarmatians and their ambience: proceedings of the 7th All-Russian (with international participation) scientific conference)*. Chelyabinsk: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey Yuzhnogo Urala, 38—43 (in Russian).

Zhelezchikov et al. 2006: Zhelezchikov, B.F., Klepikov, V.M., Sergatskov, I.V. 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI—II vv. do n.eh.) (Antiquities of Lebedevka (6th — 2nd centuries BCE))*. Moscow: Vostochnaya literature (in Russian).

Zoloto vlastelinov 2018: Kan, I., Ongaruly, A. et al. 2018. *Zoloto vlastelinov kazakhskikh stepey. Sovmestnyy katalog Respubliki Koreya i Respubliki Kazakhstan (Gold of the Rulers of the Kazakh Steppes. Joint catalogue of the Republic of Korea and the Republic of Kazakhstan)*. Daejeon: Natsional'nyy nauchno-issledovatel'skiy Institut kul'turnogo naslediya Respubliki Koreya (in Russian).

Ismagil, R.B., Sungatov, F.A. 2013. *Pamyatniki Yaickoy kultury posledney chetverti V—IV vv. do n.e. (Monuments of the Yaik culture of the last quarter of the 5th — 4th centuries BCE in the Southern Urals)*. Ufa: «Belaya reka» (in Russian).

Kadyrbaev, M.K. 1977. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 204—211 (in Russian).

Kadyrbaev, M.K. 1984. In: Melyukova, A.I., Moshkova, M.G., Petrenko, V.G. (eds.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoye vremya (Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian period)*. Moscow: Nauka, 84—93 (in Russian).

Konopleva, K.G. 2015. In: Sitdikov, A.G. (ed.). *Mezhdunarodnaya polevaya shkola v Bolgare. Sbornik materialov itogovoy konferentsii. (International Field School in Bolgar)*. Kazan; Bolgar: Institut arkheologii im. A.Kh. Khalikova Akademii nauk Respubliki Tatarstan; Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet, 169—171 (in Russian).

Kuptsov, E.A., Kuptsova, L.V. 2022. In: Maslyuzhenko, D.N. (ed.). *XXII Uralskoye arkheologicheskoye soveshchaniye: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. posvyashchennoy 300-letiyu pervykh arkheologicheskikh raskopok v Sibiri i 85-letiyu so dnya rozhdeniya Tamily Mikhaylovny Potemkinoy (Kurgan. 21—25 noyabrya 2022 g.) (XXII Ural Archaeological Conference: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 300th anniversary of the first archaeological excavations in Siberia and the 85th anniversary of the birth of Tamila Mikhailovna Potemkina (Kurgan, November 21—25, 2022)*. Kurgan: Kurganskiy gosudarstvennyy universitet, 192—195 (in Russian).

Kuptsova et al. 2023: Kuptsova, L.V., Kleshchenko, E.A., Kuptsov, E.A., Svirkina, N.G., Dobrovolskaya, M.V., Kryukova, E.A., Kupriyanov, D.A. 2023. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 272, 208—236. DOI: 10.25681/IA5A6.0130-2620.272.208-236 (in Russian).

Margaryan, K.G. 2023a. In: Krivosheev, M.V. *Regionalnyye osobennosti khronologii i periodizatsii savromatskoy i sarmatskikh kultur: materialy XI vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii", posvyashchennoy pamyati A.S. Skripkina. g. Volgograd. 15—19 maya 2023 g.* (Regional Features of the Chronology and Periodization of the Sauromatian and Sarmatian Cultures: *Proceedings of the XI All-Russian Scientific Conference with International Participation "Problems of Sarmatian Archaeology and History", dedicated to the memory of A.S. Skripkin)*. Volgograd: VolGU, 44—54 (in Russian).

Margaryan, K.G. 2023b. In *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa archaeological herald)* 1, 42—50 (in Russian) DOI: 10.31833/uav/2023.23.1.004.

Margaryan, K.G. 2025. Stone vessels-altars of the Early nomads of Eurasia). In 4 volumes. PhD thesis. Volume 1. Moscow: Lomonosov Moscow State University.

Matveeva, G.I. 1972. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 259—261 (in Russian).

Molchanova, V.V., Konopleva, K.G. 2015. In: Tairov, A.D. *Etnicheskiye vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Ethnic interactions in the Southern Urals. Sarmatians and their ambience: proceedings of the 6th All-Russian scientific conference)*. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy krayevedcheskiy muzey, 222—224 (in Russian).

Nikitin, A.M. 2016. *Hudozhestvennye kraski i materialy. Spravochnik (Artistic paints and materials. Handbook)*. Moscow: Infra-Inzheneriya (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. *Kul'tura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala (The Culture of the Early Nomads of the Southern Urals)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Rafikova, Y.V., Fedorov, V.K. 2017. *Kurgany Yuzhnogo Zaural'ya (Mounds of the Southern Trans-Urals)*. Bk. 1. *Uchalinskij i Abzelilovskie rajony Respubliki Bashkortostan (Uchalinsky and Abzelilovsky districts of the Republic of Bashkortostan)*. Ufa: Kitap (in Russian).

Rodionov, V.V., Gutsalov, S.Yu. 2000. In *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa archaeological herald)* 2, 129—144 (in Russian).

Smirnov, K.F. 1964. *Savromaty. Rannyaya istoriya i kul'tura sarmatov (Sauromatians. Early history and culture of the Sarmatians)*. Mosscow: Nauka (in Russian).

Smirnov, K.F. 1975. *Sarmaty na Ileke (Sarmatians on Ilek)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Tregubov, V.E. 2000. In: Chibilev, A.A. (ed.). *Kulturnoye naslediye stepey Severnoy Evrazii (Cultural heritage of the steppes of Northern Eurasia)*. Orenburg: Institut Stepi UrO RAN 1, 57—72 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2012. In: Treister, M.Yu., Yablonsky, L.T. *Vliyaniya akheimenidskoy kultury v Yuzhnom Priuralye (V—III vv. do n.e.) (The influence of the Achaemenid culture in the Southern Urals (5th — 3rd centuries BCE)*. Vol. 2. Moscow: TAUS, 8—10 (in Russian).

Treister et al. 2012: Treister, M.Yu., Shemakhanskaya, M.S., Yablonsky, L.T. 2012. In: Treister, M.Yu., Yablonsky, L.T. *Vliyaniya akheimenidskoy kultury v Yuzhnom Priuralye (V—III vv. do n.e.) (The influence of the Achaemenid culture in the Southern Urals (5th — 3rd centuries BCE)*. Vol. 2. Moscow: TAUS, 84—156 (in Russian).

Fedorov, V.K., Vasiliev, V.N. 1998. In *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 1, 62—96 (in Russian).

Khabdulina, M.K., Malyutina, T.S. 1982. In. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 170, 73—80 (in Russian).

Yablonsky et al. 1996: Yablonsky L.T., Davis-Kimball, J., Demidenko, Yu.V., Malashev, V.Yu. 1996. In: Yablonsky, L.T. *Kurgany levoberezhnogo Ileka (Burial mounds of the left-bank Ilek)* 4. Moscow: Institut arkheologii RAN, 7—48 (in Russian).

Yablonsky, L.T., Malashev, V.Yu. 2005. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 7, 149—213 (in Russian).

Margaryan K.G., Yuminov A.M. 2023. The Mineral Composition of Pigments from the Archaeological Sites of the Early Iron Age Nomads of the Southern Urals. In: Ankusheva N.N., Chechushkov I.V., Epimakhov A.V., Ankushev M.N., Ankusheva P.S. (eds.). *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy 2021. Proceedings of the 8th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia,* 20—23 September 2021. Berlin: Springer, 127—142 (Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences). DOI: 10.1007/978-3-031-16544-3_13.

Stöllner T., Samašev Z. 2013. *Unbekanntes Kasachstan. Archäologieim Herzen Eurasiens II*. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum.

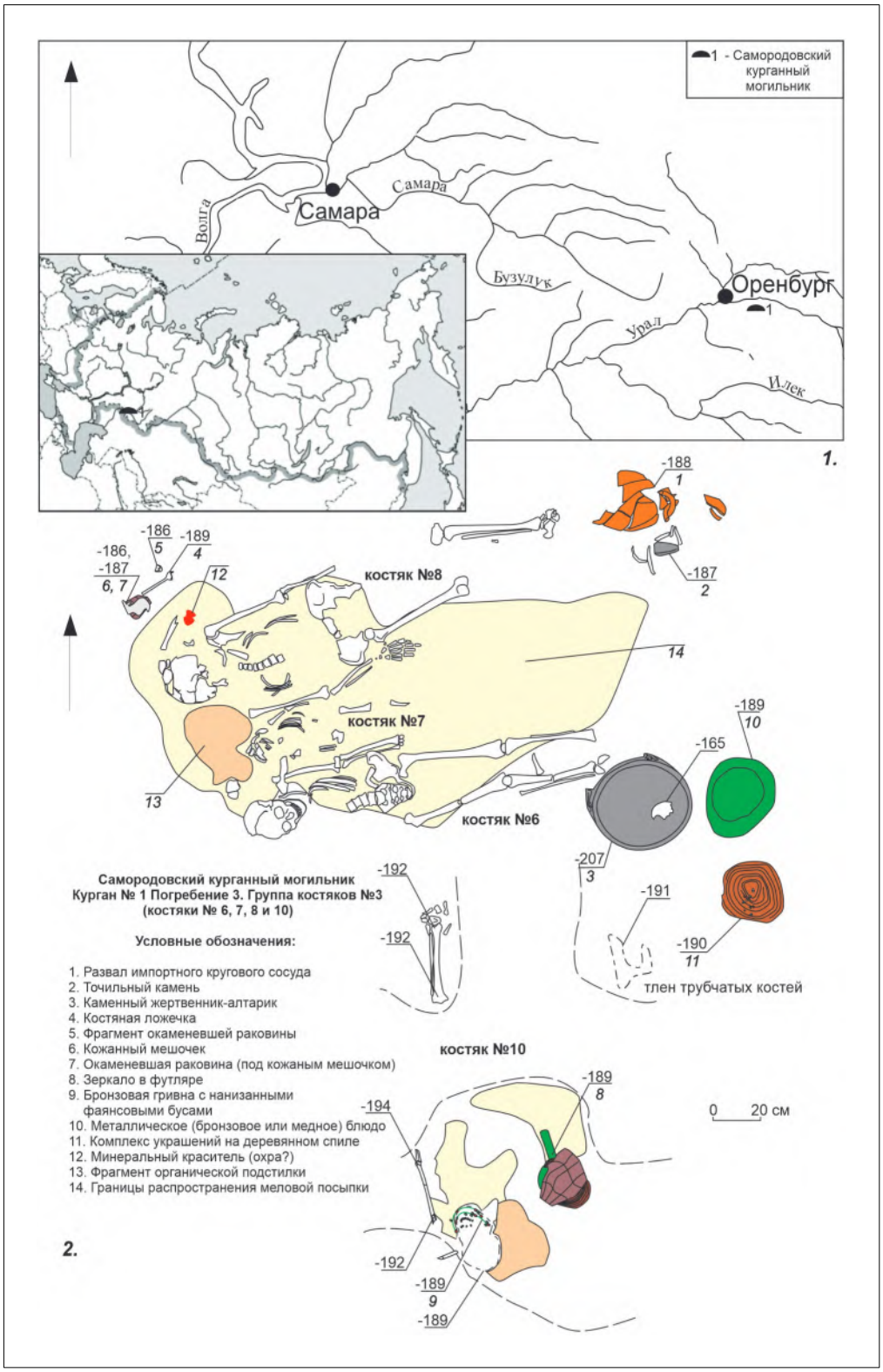


Рис. 1. Самородовский курганный могильник. *1* — карта расположения памятника, *2* — курган 1 погребение 3: ситуационный план размещения скелетов 6, 7, 8, 10 (группа костяков № 3) и сопровождающего их инвентаря.

Fig. 1. Samorodovsky kurgan burial ground. *1* — a map of the site's location, *2* — burial 3 of the kurgan 1: a situational plan for the placement of skeletons 6, 7, 8, 10 (group of skeletons No. 3) and their accompanying inventory.

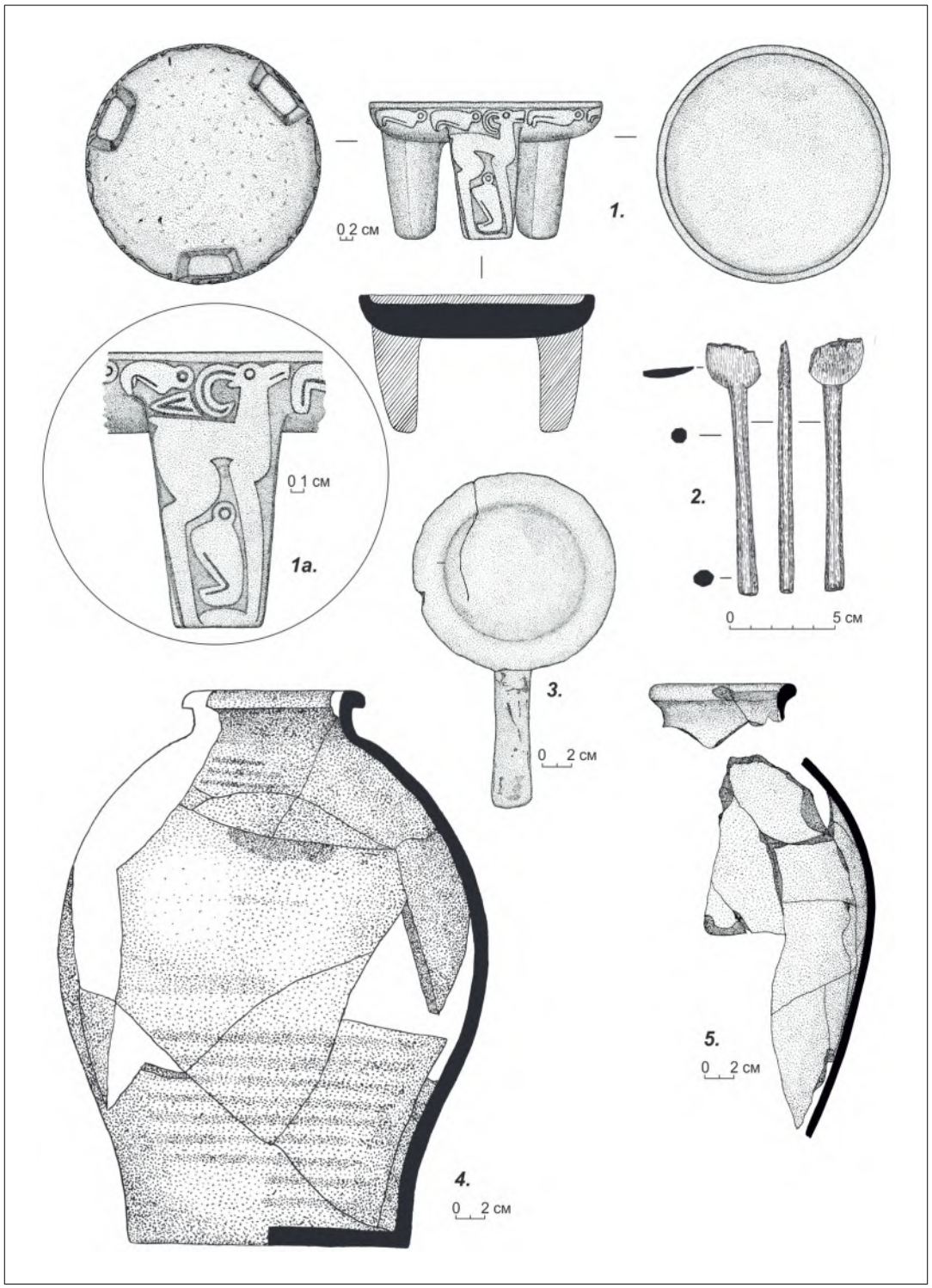


Рис. 2. Самородовский курганный могильник. Инвентарь из погребения 3 кургана 1 (группа костяков № 3): *1* — каменный столик-алтарик, *1а* — столик-алтарик (детализация), *2* — костяная ложечка (скелет 8), *3* — бронзовое зеркало (скелет 10), *4* — круговой керамический сосуд типа «хум» (ЖК2), *5* — круговой керамический сосуд типа «хум» (скелет 8).

Fig. 2. Samorodovsky burial mound. Inventory from the burial 3 of kurgan 1 (group of skeletons No. 3): *1* — stone vessel-altar, *1a* — stone vessel-altar (in details), *2* — bone spoon (skeleton 8), *3* — bronze mirror (skeleton 10), *4* — circular ceramic vessel of the “hum” type (Sacrificial complex 2), *5* — circular ceramic vessel of the “hum” type (skeleton 8).

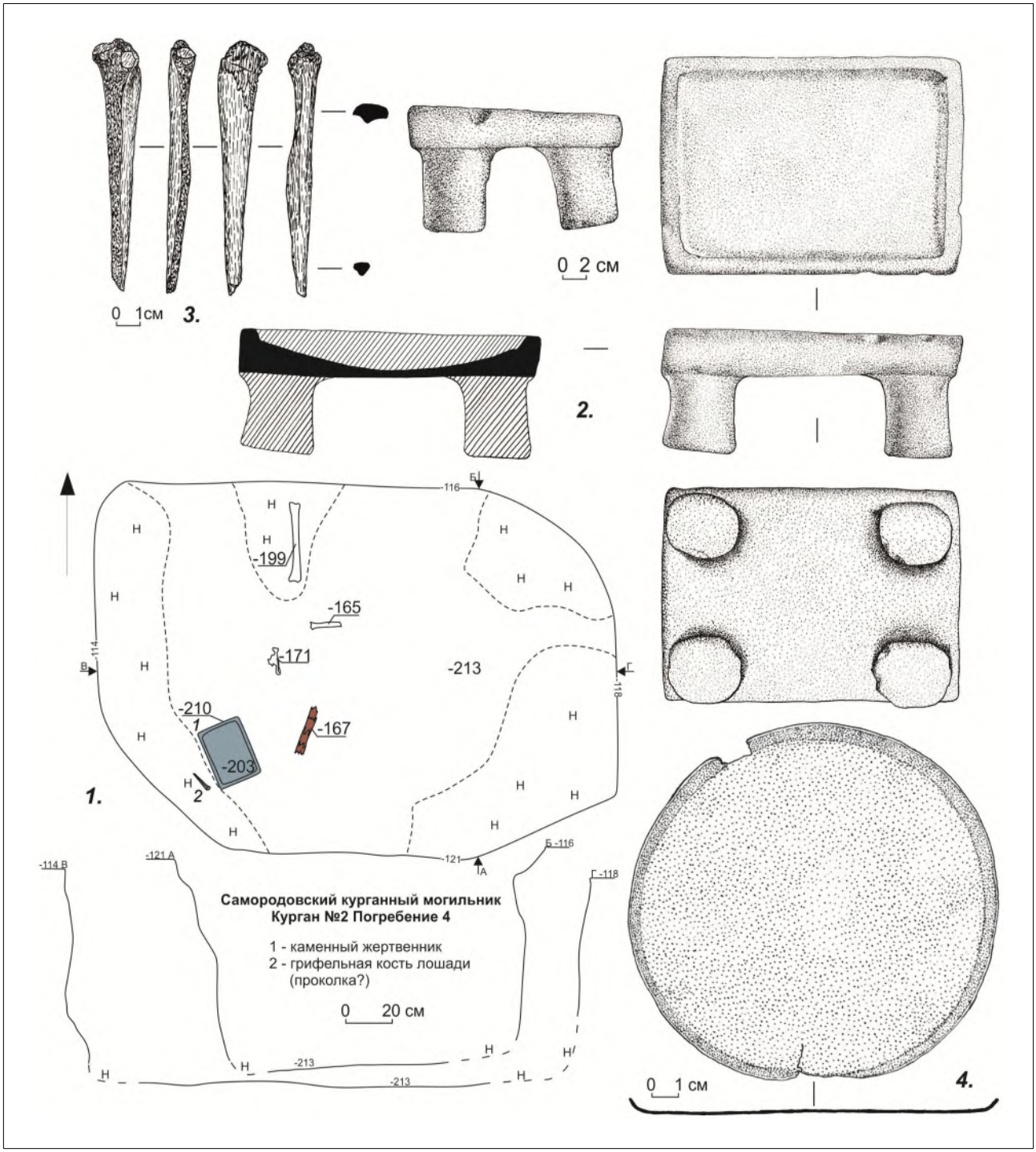


Рис. 3. Самородовский курганный могильник. Курган 2, погребение 4. *1* — план погребения 2, *2* — каменный столик-алтарик, *3* — грифельная кость лошади (проколка?), *4* — бронзовое зеркало (из норы над погребением).

Fig. 3. Samorodovsky burial mound. The burial 4 of the kurgan 2. *1* — plan, *2* — stone vessel-altar, *3* — horse bone slate (piercer?), *4* — bronze mirror (from the hole above the burial).

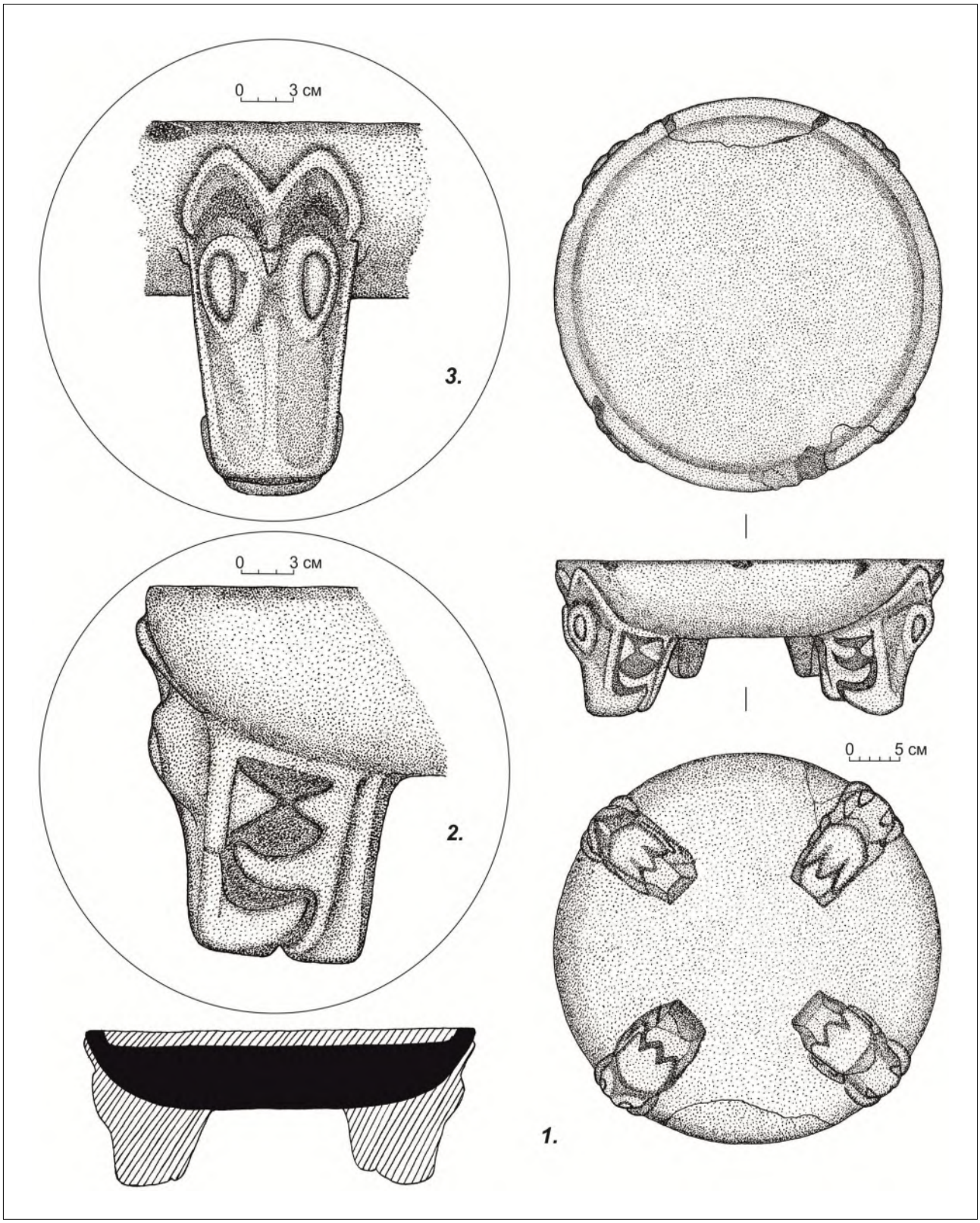


Рис. 4. Самородовский курганный могильник. Курган 3, жертвенный комплекс 1. Каменный столик-алтарик. *1* — общий вид предмета, *2—3* — детализация.

Fig. 4. Samorodovsky burial mound. Kurgan 3, sacrificial complex No. 1. Stone vessel-altar. *1* — general view of the item, *2—3* — in details.

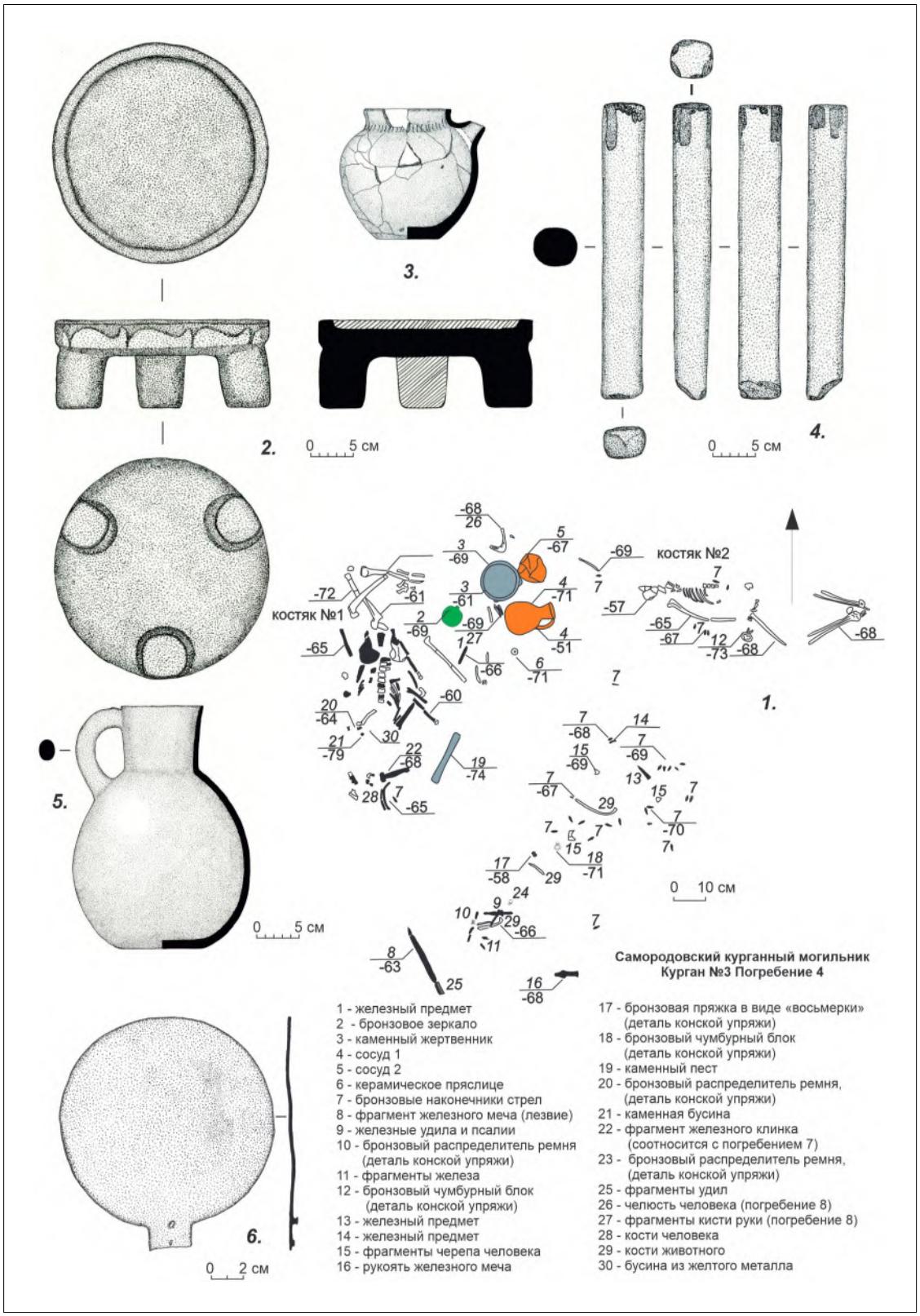


Рис. 5. Самородовский курганный могильник. Курган 3, погребение 4. *1* — план погребения, *2* — каменный столик-алтарик, *3* — лепной керамический сосуд, *4* — каменный пест, *5* — круговой керамический сосуд, *6* — бронзовое зеркало.

Fig. 5. Samorodovsky burial mound. The burial 4 of the mound 3. *1* — burial plan, *2* — stone vessel-altar, *3* — molded ceramic vessel, *4* — stone pestle, *5* — circular ceramic vessel, *6* — bronze mirror.

Рис. 6. Самородовский курганный могильник. Каменные столики-алтарики. *1* — курган 1, погребение 3, *2* — курган 2, погребение 4, *3* — курган 3, жертвенный комплекс 1, *4* — курган 3, погребение 4.

Fig. 6. Samorodovsky burial mound. Stone vessels-altars. *1* — mound 1, burial 3, *2* — mound 2, burial 4, *3* — mound 3, sacrificial complex 1, *4* — mound 3, burial 4.

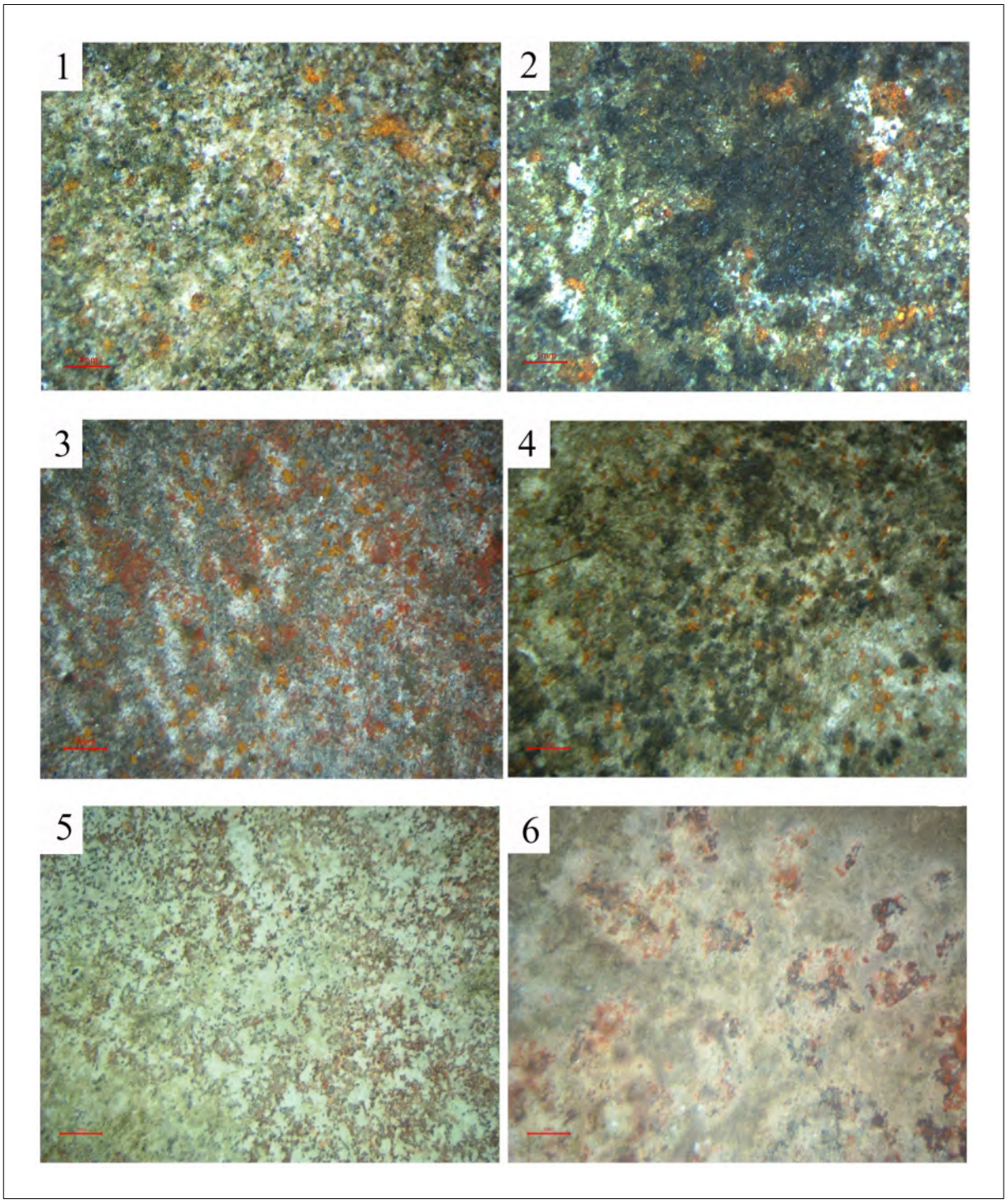


Рис. 7. Самородовский курганный могильник. Следы пигментов и сажи на каменных алтариках. *1—4* — курган 1, погребение 3 (*1—2* — центральная часть чаши, следы пикетажа отсутствуют, следы черного вещества (сажи), *3—4* — обратная сторона изделия, следы краски и сажи), *5* — курган 3, жертвенный комплекс 1, следы краски между ножек, *6* — курган 3, погребение 4, известковая корка, развивающаяся по реликтам черного и красного пигментов на поверхности алтарика.

Fig. 7. Samorodovsky burial mound. Traces of pigments and soot on the stone vessels-altars. *1 —4* — kurgan 1, burial 3 (*1—2* — central part of the bowl, no traces of pecking technique, traces of black substance (soot), *3—4* — reverse side of the item, traces of paint and soot), *5* — burial mound 3, sacrificial complex 1, traces of paint between the feets, *6* — burial mound 3, burial 4, limestone crust developing over relics of black and red pigments on the surface of the altar.

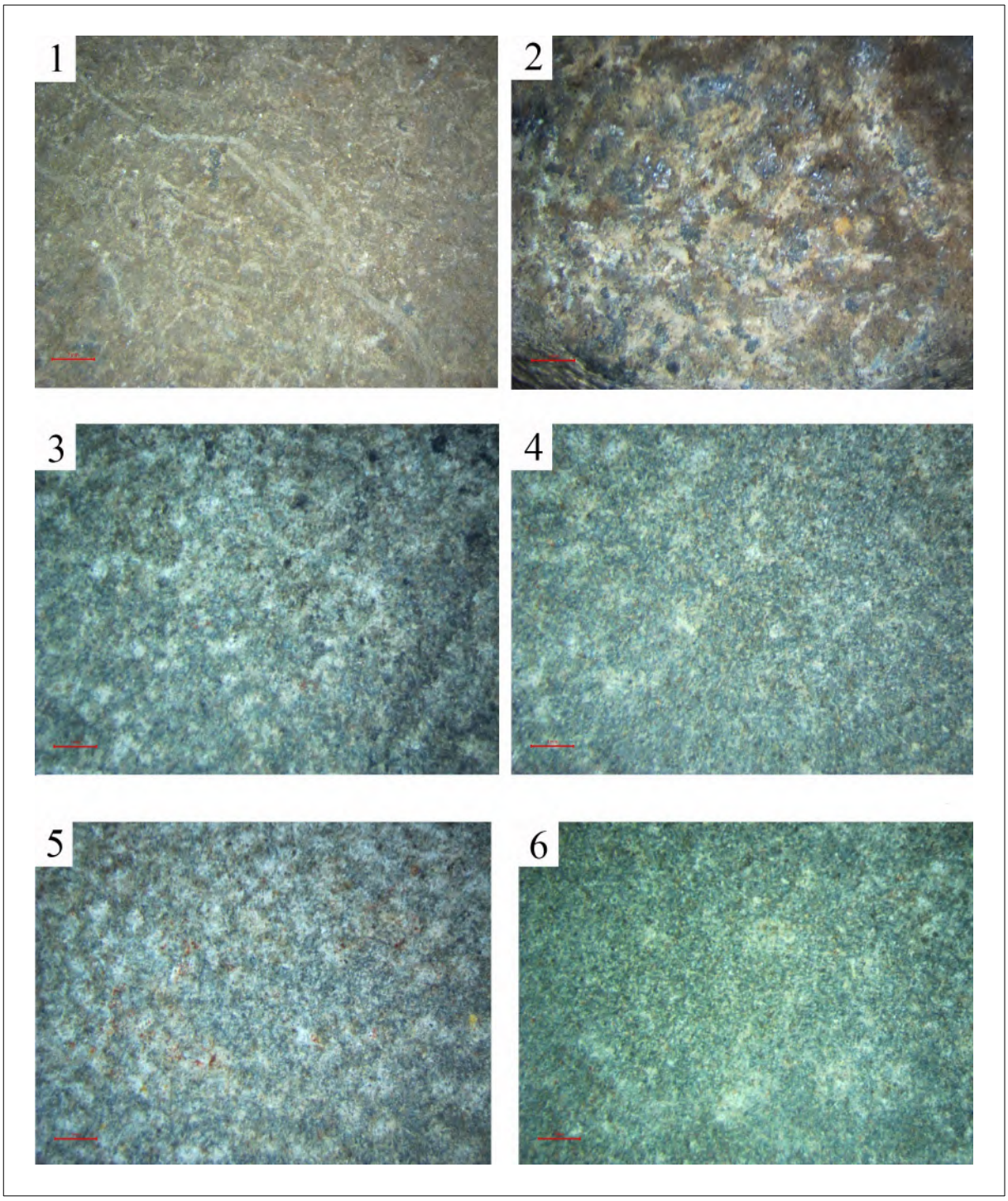


Рис. 8. Самородовский курганный могильник. Следы пигментов и сажи на каменных алтариках. *1—2* — курган 3, погребение1; *1* — залощенная поверхность чаши в центре; *2* — основание ножек, покрытых сажей; *3—6* — курган 4, погребение 2; *3* —центр чаши с черным веществом, *4* — граница следов пикетажа и сработанного участка между ножек, *5* — следы пигментов черного и красного цветов между ножек, *6* — заполированность в центре от растирания мягкого волокнистого вещества.

Fig. 8. Samorodovsky burial mound. Traces of pigments and soot on stone altars. *1—2* — mound 3, burial 1, *1* — polished surface of the bowl in the center, *2* — base of the legs covered with soot, *3—6* — mound 4, burial 2, *3* — center of the bowl with a black substance, *4* — border of traces of picketing and worked area between the legs, *5* — traces of black and red pigments between the legs, *6* — polished area in the center from rubbing of soft fibrous substance.

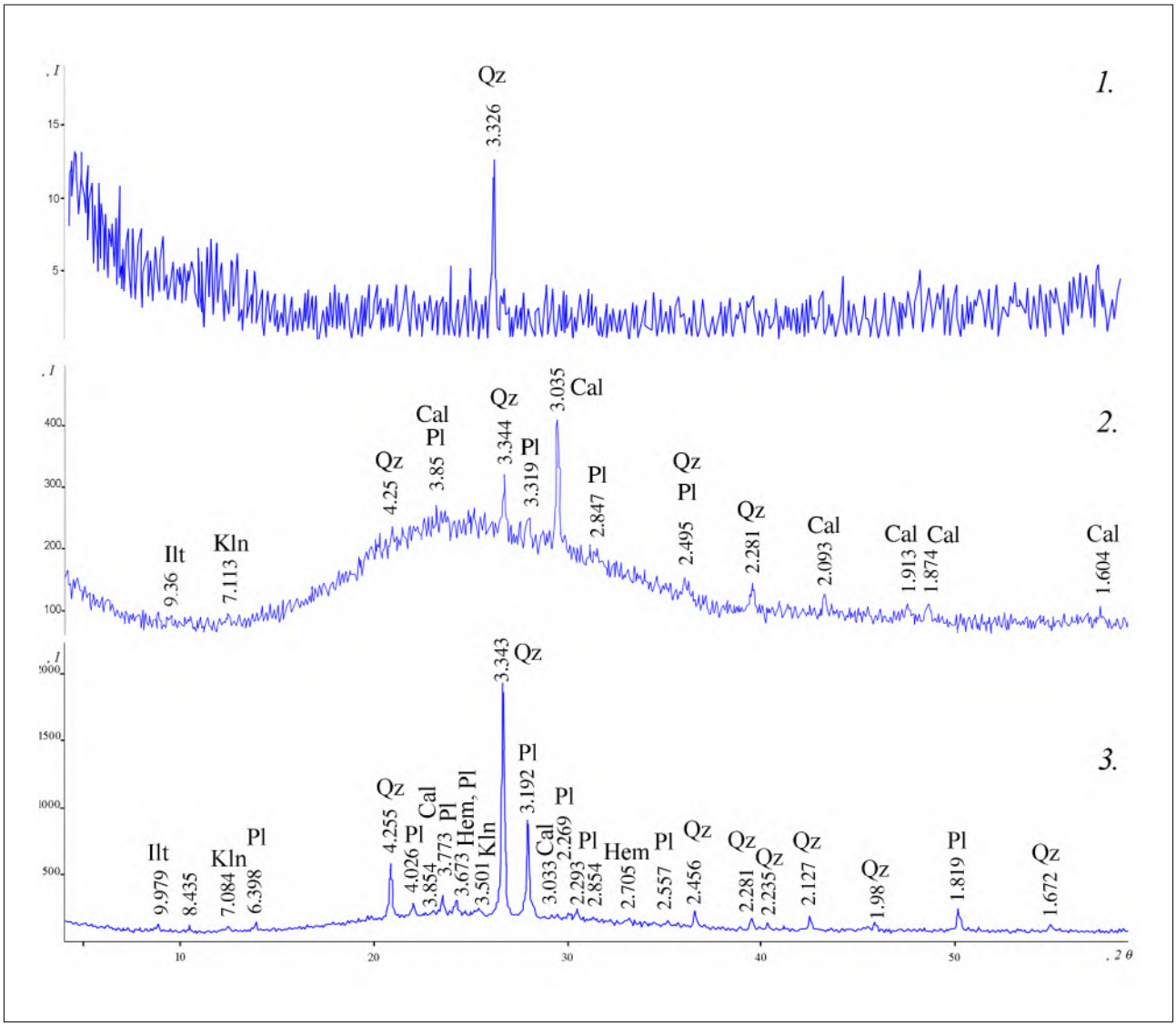


Рис. 9. Фрагменты дифрактограмм соскобов краски с каменных алтариков из курганного могильника Самородовский. *1* — черный пигмент (образец из кургана 3, погребение 1), *2—3* — красный пигмент: *2* — (образец из кургана 3, погребение 4, *3* — образец из кургана 3, погребение 1. Буквами на рисунке обозначены пики минералов: Cal — кальцита, Qz — кварца, Pl — плагиоклаза, Ilt — иллит-смектита, Kln — каолинита, Hem — гематита.

Fig. 9. Fragments of diffraction patterns of paint scrapings from stone altars from the Samorodovsky burial mound. *1* — black pigment (sample from the burial 1 of the mound 3), *2—3* — red pigment: *2* — (sample mound from the burial 4 of the kurgan 3, *3* — sample from the burial 1 of the kurgan 3. The letters in the figure indicate mineral peaks: Cal — calcite, Qz — quartz, Pl — plagioclase, Ilt — illite-smectite, Kln — kaolinite, Hem — hematite.

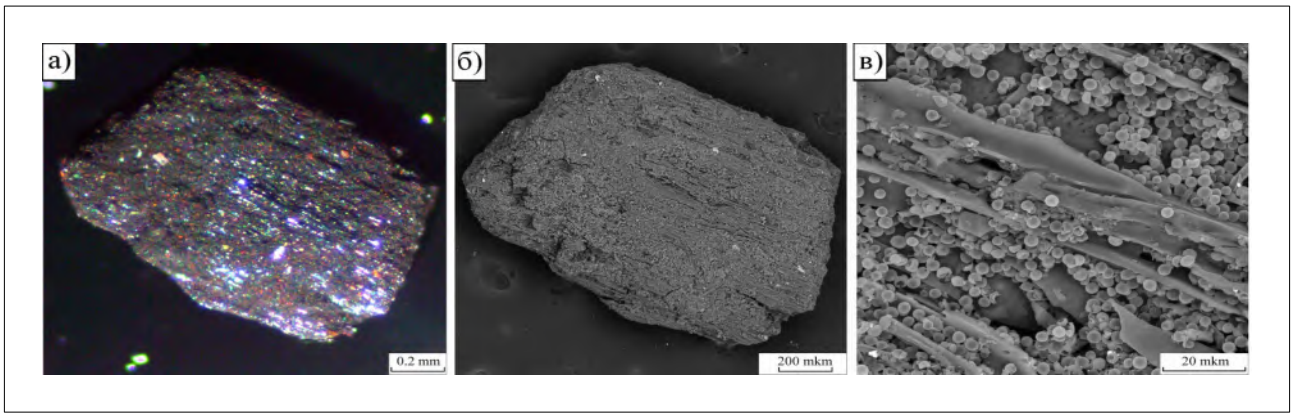


Рис. 10. Внешний вид и строение соскобов черной краски с поверхности каменного алтарика: *а* — микрофото под оптическим микроскопом, *б—в* — фотографии с электронного микроскопа (изображение в обратных электронах образец из кургана 3, погребение 1): *б* — общее строение, *в* — фрагмент фото б, скопление тонких сферолитовых агрегатов сажи в органической массе.

Fig. 10. External appearance and structure of scrapings of black pigment from the surface of the stone altar: *a* — microphoto under an optical stereomicroscope, *б—в* — photographs from an electron microscope (image in back-scan electrons, sample from the burial 1 of the kurgan 3): *б* — general structure, *в* — fragment of photo b, accumulation of thin spherulitic aggregates of soot in organic matter.

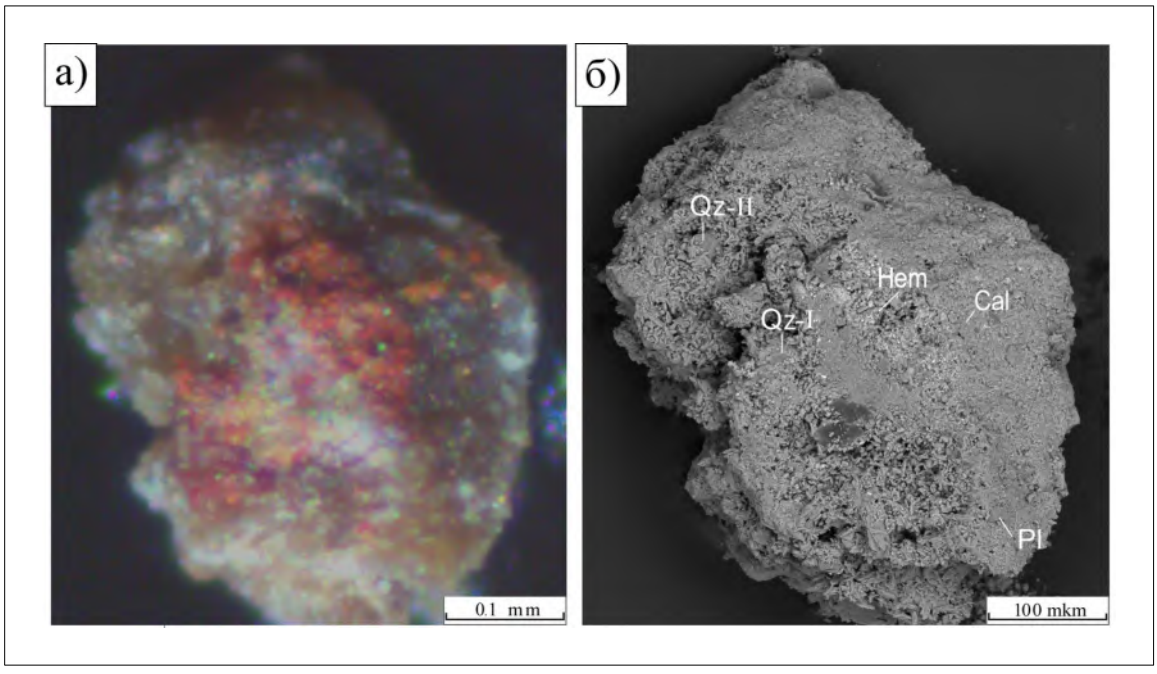


Рис. 11. Соскобы корки красноцветного пигмента с поверхности каменного столика-алтарика (образец из кургана 3, погребение 1): *а* — микрофото под оптическим стереомикроскопом, *б* — фото СЭМ в обратных электронах. Буквами на рисунке обозначены микровключения: Hem — гематита, Qz — кварца (Qz-Iиз краски, Qz-II— из песчаника, Cal — кальцита, Pl — плагиоклаза.

Fig. 11. Scraping of a red pigment crust from the surface of a stone altarpiece (sample from the burial 1 of the mound 3): *a* — microphoto under an optical stereomicroscope, *б* — SEM photo in back-scattered electrons. The letters in the figure indicate microinclusions: Hem — hematite, Qz — quartz (Qz-I from paint, Qz-II — from sandstone, Cal — calcite, Pl — plagioclase.

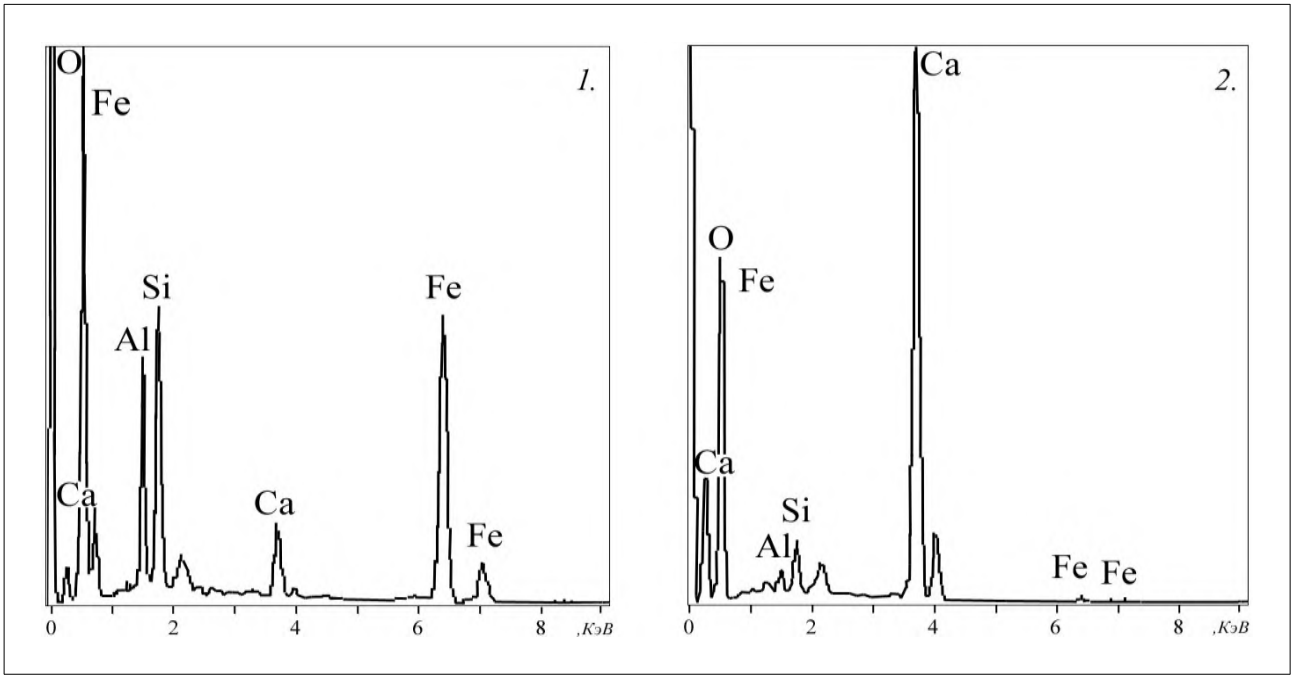


Рис. 12. Фрагменты энерго-дисперсионных спектров минералов из красноцветного пигмента: *1* — гематит (Fe_2O_3) + анортит ($CaAl_2Si_2O_8$), *2* — кальцит ($CaCO_3$) + анортит ($CaAl_2Si_2O_8$) + гематит (Fe_2O_3).

Fig. 12. Fragments of energy-dispersive spectra of minerals from the red pigment: *1* — hematite (Fe2O3) + anorthite (CaAl2Si2O8), *2* — calcite (CaCO3) + anorthite (CaAl2Si2O8) + hematite (Fe2O3).

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.11.83.005

М.Ю. Трейстер

ЗОЛОТЫЕ СЕРЬГИ IV В. ДО Н.Э. В ФОРМЕ КРЮЧКОВ С НАПАЯННОЙ НА ЛИЦЕВОЙ СТОРОНЕ РОЗЕТТОЙ И ПРИПАЯННЫМИ ИЛИ ПОДВЕШЕННЫМИ ФИГУРНЫМИ ДЕКОРАТИВНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ*

Данная статья посвящена одной довольно редкой группе греческих золотых украшений. Среди греческих серег, получивших распространение в IV в. до н.э., выделяется группа украшений в форме крючков с напаянной на лицевой стороне розеттой, одно-или многослойной (мы не рассматриваем здесь серьги с т.н. *Zierscheiben*) и припаянными или подвешенными фигурными элементами. Последние представляют собой отдельные миниатюрные фигурки или фигурные группы. За редчайшим исключением серьги этой группы были найдены на территории Боспора Киммерийского. В тех случаях, когда имеются сведения об их происхождении, это также редкие находки из Македонии, Малой Азии и, предположительно, Кипра. В этой связи рассматривается в целом использование многослойных розетт в ювелирном деле IV в. до н.э.

К рассмотренной группе примыкают серьги, также с подвесками в виде фигурок, но со щитками в форме ажурных пальметт, к оборотной стороне которых припаян крючок, конец которого оформлен в виде головки змеи. Некоторые исследователи высказывали предположении об изготовлении этих серег в одной из мастерских Македонии или Северной Греции. Впрочем, в большинстве случаев происхождение серег неизвестно и на Боспоре находки серег с такими щитками не зафиксированы.

Серьги в форме крючков с напаянной на лицевой стороне розеттой и с декоративными элементами в форме сидящих на постаментах, украшенных филигранным декором, в том числе с эмалью, сфинксов известны только по находкам на территории Европейского Боспора и в Скифии и представляют собой относительно многочисленную и компактную группу. Есть все основания относить их изготовление к сравнительно узкому диапазону в пределах третьей четверти IV в. до н.э. и предполагать их производство в боспорской ювелирной мастерской.

Ключевые слова: Боспорское царство, Греция, Македония, Малая Азия, золотые серьги с подвесками IV в. до н.э., подвески в форме сидящих сфинксов, боспорская ювелирная мастерская.

Сведения об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич, Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь.

Контактная информация: 53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштрассе 59, e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Mikhail Treister

GOLD EARRINGS OF THE 4th CENTURY BCE IN THE FORM OF HOOKS WITH A ROSETTE SOLDERED ON THE FRONT SIDE AND SOLDERED OR SUSPENDED FIGURAL DECORATIVE ELEMENTS

This article is devoted to a rather rare group of Greek gold jewellery. Among Greek earrings of the 4th century BCE, a group of hook-shaped earrings with a single- or multi-layered rosette soldered onto the front (we do not consider earrings with so-called *Zierscheiben*) and soldered or suspended figural decorative elements may be singled out. The figural elements are in the form of miniature single figurines or groups. With very few exceptions, earrings of this group have been found in the Cimmerian Bosporus. Outside of the Bosporus, such earrings are quite rare. When information about their origin is available, these finds come

* Статья поступила в номер 11 января 2026 г.
Принята к печати 27 января 2026 г.

© М.Ю. Трейстер, 2026.

from Macedonia, Asia Minor, and, presumably, Cyprus. In this regard, the use of multi-layered rosettes in the 4th century BCE jewellery is considered in general.

Alongside this group of earrings are earrings also with figurine-shaped pendants, but with bezels in the shape of openwork palmettes, with a hook soldered to the back, the end of which is shaped like a snake's head. Some researchers have suggested that these earrings were made in a workshop in Macedonia or Northern Greece. However, in most cases, the origin of the earrings is unknown, and finds of earrings with such bezels have not been recorded in the Bosporus.

Hook-shaped earrings with a rosette soldered onto the front and decorative elements in the form of seated sphinxes on pedestals adorned with filigree decoration, including enamel, are known only after the finds in the European Bosporus and Scythia and represent a relatively numerous and compact group. There is every reason to attribute the production of earrings with pendants in the form of a seated sphinx on a pedestal to a relatively narrow range, within the third quarter of the 4th century BCE, and to assume their manufacture in a Bosporan jewellery workshop.

Key words: Bosporan Kingdom, Greece, Macedonia, Asia Minor, 4th century BCE gold earrings with pendants, pendants in the form of a seated sphinx, Bosporan jewellery workshop.

About the author: Treister Mikhail, Dr. phil. habil. (RUS), Independent researcher.

Contact information: 53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr. 59, e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Введение

Среди греческих серег, получивших распространение в IV в. до н.э., выделяется группа украшений в форме крючков с напаянной на лицевой стороне розеттой, одно-или многослойной (мы не рассматриваем здесь серьги с так наз. *Zierscheiben*), которым посвящена наша отдельная работа (Трейстер 2026: 5—41), и припаянными или подвешенными фигурными декоративными элементами. Фигурные элементы представляют собой отдельные миниатюрные фигурки или фигурные группы. Они могут быть цельнолитыми, или спаянными из двух тисненных в матрице половинок, с дополнительными припаянными элементами. Эти фигурки, кроме того, как правило, проработаны чеканкой, гравировкой, напаянной зернью, филигрань, реже украшены эмалью в проволочных кастах.

За редчайшим исключением, серьги этой группы были найдены на территории Боспора Киммерийского. В целом серьги этой группы, которая была выделена еще Хадачеком (Hadaczek 1903: 37—42), не привлекали особого внимания и тщательного анализа (ср. Higgins 1980: 128, b; Deppert-Lippitz 1985: 226—229; Despini 1996: 35).

Розетты этих серег могли быть однослойными, двух-или трехслойными, а украшения были выполнены в форме объемных фигурок:

- пегаса (рис. 1: 1) (Пантикапей, черепичная гробница, раскопки Д.В. Карейши 1840 г.: (ДБК 1854: т. 1, 50, № 14; т. 3, табл. VII: 2; Hadaczek 1903: 39, 40, fig. 72; Williams, Ogden 1994: 161, no. 101; Уильямс, Огден 1995: 161, № 101: 400—350 гг. до н.э.; Трейстер 2009: 71, № 1, рис. 2: 1; Калашник 2014: 90—91: первая половина IV в. до н.э.; подвеска на колечке);
- Ники (рис. 1: 2) (Павловский курган: Hadaczek 1903: 38, fig. 66; Hoffmann, Davidson 1965: 83, fig. 12h; Segall 1966: 26, Taf. 44; Deppert-Lippitz 1985: 226, 227, Abb. 162; Pfrommer 1990: 251, Anm. 2063; Williams, Ogden 1994: 170, no. 107; Уильямс, Огден 1995: 170, № 107: ок. 350 г. до н.э.; Despini 1996: 121, fig. 100; 235: ок. 330 г. до н.э.; Kat. Bonn 1997: 178, Nr. 81; Кат. Ст. Петербург 2007: 89, № 25; Cat. Los Angeles 2007: 266, no. 159; Трейстер 2009: 71, № 2, рис. 2: 2; Виноградов и др. 2012: 30, рис. 10: 2; Калашник 2014: 90—91; Виноградов 2020: 156—157, № 3, рис. 2: 2; Кат. Казань 2023: 74, № 16: середина IV в. до н.э.; двуслойная розетта);
- Артемиды, сидящей на лани (рис. 1: 5) (Нимфей, некрополь, находка 1866 г.: Hadaczek 1903: 40, fig. 74; Силантьева 1959: 7, рис. 2: 2; Hoffmann, Davidson 1965: 83, fig. 12f; Williams, Ogden 1994: 173, no. 110; Уильямс, Огден 1995: 173, № 110: 325—300 гг. до н.э., Kat. Bonn 1997: 136, Nr. 48; Cat. Los Angeles 2007: 232, no. 132; Трейстер 2009: 71, № 5, рис. 2: 5; Калашник 2014: 68—71: двуслойная розетта, подвеска на колечке);

• Менады с пантерой или ланью на плечах (рис. 1: 4) (Юз-Оба, курган Ш/1859, склеп № 50: Hadaczek 1903: 39, 40, fig. 73; Кат. Ст. Петербург 2005: 177, № 141; Cat. London 2006: 131, no. 11; Кат. Ст. Петербург 2007: 87, № 23; Cat. Los Angeles 2007: 258, no. 153; Трейстер 2009: 71, № 3, рис. 2, 3; Виноградов и др. 2012: 46, 49, рис. 27: 4; Калашник 2014: 98—99: середина — вторая половина IV в. до н.э.; Кат. Казань 2023: 73, № 13: трехслойная розетта, подвеска на колечке);

• Эрота (рис. 1: 3) (Гайманова могила, погребение № 4 второй четверти IV в. до н.э.), двухслойная розетта, подвеска на петле, припаянной к спине фигурки (Петренко 1978: 32, тип 14 (как фигурка Ники), табл. 20: 6; Трейстер 2009: 70—80, рис. 1; Бидзиля, Полин 2012: 165, 497—498, № 309, цв. вклейка 60, рис. 753; Клочко и др. 2021: 82—83, № 105).

В других случаях можно предполагать, что мы имеем дело с фрагментами подобных серег или серег со щитками в форме пальметт (см. ниже), от которых сохранились только фигурные декоративные элементы:

• в виде фигурки танцовщицы — из гробницы с трупосожжением кургана Большая Близница (рис. 4: 3) (Kalashnik 2004: 52, 106, fig. 26; Кат. Ст. Петербург 2005: 174, № 134; Власова 2010: 234, рис. 85; Калашник 2014: 154—155: вторая половина IV в. до н.э.; Новичихин 2019: 274, рис. 399);

• в виде фигурки Сирены: из кургана на Зеленской горе (рис. 4: 4) (Pharmakowsky 1913: 184, Abb. 9; Шкорпил 1916: 29, рис. 14; Hoffmann, Davidson 1965: 90, fig. 15c; Hofstetter 1990: 290, Nr. V 27; Pfrommer 1990: 286, FK 163, Anm. 2677; Taf. VI: 5; Williams, Ogden 1994: 179, no. 114; Уильямс, Огден 1995: 179, № 114; Kalashnik 2004: 52, fig. 27; Кат. Ст. Петербург 2005: 175, № 137; Калашник 2014: 200—201; Новичихин 2019: 303, рис. 441), из Ольвии (ДБК 1854, т. 1, 54, № 14; т. 3, табл. VII: 14) и из коллекции Б. Берри в музее Университета Индианы в Блумингтоне (Hofstetter 1990: 290, Nr. V 24; Cat. Bloomington 1995: 196—198, no. 48).

За пределами Боспора серьги со щитками в виде розетты с припаянным крючком и подвесками в форме фигурных элементов довольно редки и зачастую сведения об их происхождении отсутствуют. В тех случаях, когда такие сведения имеются, это находки из Македонии, Малой Азии и, предположительно, Кипра.

К ним относятся прежде всего серьги со щитками, украшенными многослойными розеттами (от двух до пяти) и подвесками в форме перевернутых конусов или пирамидок:

• пара серег со щитками в виде двухслойных розетт из Месембрии-Зони в Македонии (рис. 2: 1) (Ηλιοπούλου 2015: 122, εικ. 206);

• пара серег со щитками в виде трехслойных розетт из Тарента (Cat. Milan 1984: 173—174, no. 91).

Трехслойные и четырехслойные розетты украшали диски серег с подвесками в виде конусов и боковыми подвесками в виде фигурок эротов, также из Ким (рис. 2: 2, 4)[1]:

• пара серег со щитками в виде четырехслойных розетт, центральными коническими подвесками и боковыми в форме буковых орешков из погребения второй половины IV в. до н.э. некрополя Пидны (рис. 2: 6) (Μπέσιος, Παππά 1995: 113; Tsigarida, Ignatiadou 2000: 24, fig. 10;

[1] Берлин, Античное собрание, Гос. Музеи Берлина — Прусское культурное наследство, инв. GI. 165.166 (Misc. 7035): Hoffmann, Davidson 1965: 95—96, no. 19; Greifenhagen 1974: 36—37; 1975, 49, Taf. 40, 1; Deppert-Lippitz 1985, 185, Farbtaf. XX; Williams, Ogden 1994: 97, no. 50; Уильямс, Огден 1995: 97, № 50; Despini 1996: 99, fig. 72; 226 (последняя четверть IV в. до н.э.); Jackson 2006: 137, pl. 9, 5 (конец IV в.до н.э.). — Лондон, Британский Музей, инв. № GR 1877.9-10. 16-17 (рис. 2: 2): Marshall 1911: 181—182, nos. 1672—1673, pl. XXX; Segall 1966: 23—24, Taf. 21a; Deppert-Lippitz 1985: 186, Abb. 131; Williams, Ogden 1994: 96—97, no. 49; Уильямс, Огден 1995: 96—97, № 49; Cat. Athens 1999: 182, fig. 125; Jackson 2006: 136, pl. 9, 2.— Лондон, Британский Музей, инв. GR 1877.9-10.18-19 (рис. 2: 4): Marshall 1911: 181, nos. 1670—1671; Williams, Ogden 1994: 97, no. 50; Уильямс, Огден 1995: 97, № 50; Jackson, 2006: 136 f., pl. 9: 3.— Лондон, Британский Музей, инв. GR 1876.6-17.5-6: Marshall 1911: 180, nos. 1662—1665, pl. XXX; Williams 1996: 119, fig. 2; Jackson 2006: 137, pl. 9: 4. Эроты — подвески, украшавшие серьги ранее были ошибочно присоединены к ожерелью с подвесками в виде буковых орешков из той же гробницы: Лондон, Британский Музей, инв. № GR 1876.6-17.1-2: Marshall 1911: 212—213, no. 1946, pl. XXXIV. О его реставрации см. Williams, Ogden 1994: 97, no. 50; см. также Jackson: 2006: 137.

Tsigarida 2006: 144, 150, fig. 9; 2009: 549, εικ. 1; 2018: 425, fig. 5; Cat. Thessaloniki 2007: 122, no. 3.a; Besios 2010: 202; Трейстер 2009: 72, № 6, рис. 3: 1; Chatzi 2019: 38, fig. 36);

• пара серег со щитками в виде пятислойных розетт и центральными коническими подвесками из Смирны (Marshall 1911: 181, nos. 1668—1669, pl. XXX; Трейстер 2009: 72, № 11), из Менемем, в районе Самурлу в западной Анатолии (Измир, Арх. Музей, инв. № 3563: Dedeoğlu 1993: 37: *вверху*; Трейстер 2009: 72, № 9, рис. 3: 3);

• пара серег со щитками в виде пятислойных розетт, центральными подвесками в форме птицы и коническими подвесками неизвестного происхождения, предположительно с Кипра, в Британском музее (рис. 2: 3) (Marshall 1911: 181, nos. 1666—1667, pl. XXX; Williams, Ogden 1994: 241, no. 176; Уильямс, Огден 1995: 241, № 176; Трейстер 2009: 72, № 10, рис. 3: 4);

• пара серег с четырехслойными розеттами, центральными подвесками в форме амфор с филигранным декором и боковыми — розеттами на цепочках из погребения последней четверти IV в. до н.э. некрополя Лете в районе Салоник (рис. 2: 5) (Kat. Hannover 1994: 246, Nr. 307—308; Cat. Thessaloniki 2007: 293, no. 2; Трейстер 2009: 72, № 7, рис. 3: 2; Cat. Paris 2011: 472—473, no. 297/1—2);

• отдельная серьга с двуслойной розеттой с подвеской в виде фигурки Ники из Кампанари, в Античном собрании в Берлине (Greifenhagen 1975: 51, Taf. 41: 6);

• пара серег с четырехслойной розеттой и подвесками в виде фигурки Эрота, играющего на кифаре, предположительно из Македонии, ранее в собрании Дж. Тернбах, в настоящее время в Античном собрании Мюнхена (Мюнхен, Античное собрание, инв. № 11.101 a/b: Hoffmann, Davidson 1965: 86—87, fig. 14; Vierneisel 1989: 245—246, Abb. 22; Pfrommer 1990: 248, FK 94, Anm. 2008; Jackson 2006: 139, pl. 10A; Трейстер 2009: 72, № 8; Wünsche, Steinhart 2010: 47, Nr. 18).

Возможно, утраченная розетта (?) украшала серьгу с дужкой в виде крючка, к которой была припаяна фигурка Ники из Музея в Самсуне (Mericboyu 2001: 164).

Многослойные розетты в ювелирном деле IV в. до н.э.

Помимо приведенных выше примеров двуслойные розетты, с лепестками, оконтуренными тонкой рубчатой проволочкой, украшали серьги со щитками и подвесками других типов (Трейстер 2009: 71—73). В частности, такие двуслойные розетты украшают центральную часть щитков с филигранным декором, пирамидальными и зерновидными подвесками из кургана Большая Близница (рис. 3: 1) (Williams, Ogden 1994: 181, no. 116; Уильямс, Огден 1995: 181, № 116; Кат. Ст. Петербург 2005: 176, № 138; Власова 2010: 241, рис. 45; Калашник 2014: 148—149; Древности Тамани 2019: 272, рис. 394), подвески серег первой половины IV в. до н.э. с круглым щитком, ладьевидной и зерновидными подвесками из гробницы II Могиланской Могилы во Фракии (рис. 3: 2) (Венедиков 1966: 9, рис. 2; 12, 14; Venedikov, Gerassimov 1973: 78, 346, Abb. 196; Kat. Köln 1979: 150, 152, Nr. 296; Higgins 1980: 126; Deppert-Lippitz 1985: 181—182; Cat. Montreal 1987: 208, no. 345; Pfrommer 1990: 197—199, Taf. 31: 6; Despini 1996: 106, fig. 80; 228; Schwarzmaier 1996, 116—117; Kull 1997: 250, Abb. 27b: 1; 255; Archibald 1998: 242; Саверкина 2000: 9, 11—12; Kat. Bonn 2004: 149—150, Nr. 206g; Торбов 2005: 48, 99, № 32, табл. XIX; 2015: 19—20, 63, № 32, табл. VI, XXIV; Kat. Basel 2007: 172, Nr. 121f; Manetta, Pisani 2012: 960, 970, fig. 5; Cat. Paris 2015: 275, no. 235; Кат. София 2016: 94, 95, № 46; Трейстер 2026: 7; 26, № I.4, рис. 1: 4; Treister 2026), Куль-Обы (рис. 3: 3, 4) (инв. № КО.7: Reinach 1892: Taf. XIX: 4; Artamonow 1970: Taf. 304; Galanina, Grach 1986: fig. 130; Kat. Zürich 1993: 106, Nr. 52; Williams, Ogden 1994: 148—149, no. 89; Уильямс, Огден 1995: 148—149, № 89; Schwarzmaier 1996: 117, 119, Abb. 5; Despini 1996: 109, fig. 84; 230; Саверкина 2000: 12, рис. 2; Kalashnik 2004: 38, fig. 14; Jackson 2006: 131, pl. 7: 2; Калашник 2014: 144—145; Кат. Ст. Петербург 2024: т. 1, 293, № 101. — инв. № КО.6: Reinach 1892: Taf. XIX: 5; Segall 1966: 20, Taf. 21b; Artamonow 1970: Taf. 221—223; Мозолевський 1983: 53, рис. 39; Ильинская, Тереножкин 1983: цв. табл.; Galanina, Grach 1986:

fig. 133; Pfrommer 1990: 201—202, 283, FK 153, Taf. 27: 1; Kat. Zürich 1993: 107, Nr. 53; Williams, Ogden 1994: 146—147, no. 88; Уильямс, Огден 1995: 146—147, № 88; Schwarzmaier 1996: 117, 119, Abb. 6; Despini 1996: 108, pl. 83; 229—230; Саверкина 2000: 10—11, рис. 1; Калашник 2014: 140—143; Кат. Ст. Петербург 2024: т. 1, 292, № 100), щитки золотых серег из погребения некрополя Фазоса (рис. 3: 5) (Sgorou, Agelarakis 2001: 336, 337, fig. 15). Фрагмент украшения с такой напаянной розеттой происходит из раскопок святилища Афины в Стимфалос в Аркадии (Young 2006: 133, 136, fig. 1).

Подобные же двуслойные розетты встречаются и на терракотовых позолоченных серьгах — имитациях золотых, происходящих из Тарента (Cat. Milan 1984: 158, no. 70; 172, no. 89; 177—178, no. 101 с лит.; Cat. Triest 2002: 240, no. 65; 241, no. 69) и некрополя Лете в Македонии (Cat. Thessaloniki 2007: 298, no. 14).

Кроме того, такие розетты использовались в качестве элементов ожерелья, предположительно происходящего из Тарента и датируемого третьей четвертью IV в. до н.э. (Лондон, Британский Музей, инв. № GR 1872.6-4.667: Marshall 1911: 214, no. 1952, pl. XXXV; Miller 1979: 11, pl. 5B; Higgins 1980: 129, pl. 28; Deppert-Lippitz 1985: 166, Taf. 11; Williams, Ogden 1994: 204—205, no. 135; Уильямс, Огден 1995: 204—205, № 135). Их использовали также в качестве элементов ожерелий, в частности, с зерновидными подвесками из кургана Большая Близница (ГЭ, инв. № ББ 34: ОАК за 1865: 48, № 4, табл. II: 4; Прушевская 1955: 344, рис. 26; Segall 1966: 19—22, Taf. 5a; Artamonow 1970: Taf. 305; Galanina, Grach 1986: fig. 230; Williams, Ogden 1994: 188—189, no. 121; Уильямс, Огден 1995: 188—189, № 121; Schwarzmaier 1996: 122, Abb. 9; Kat. Bonn 1997: 191—193, Nr. 88; Kalashnik 2004: 54—55, fig. 28.— ГЭ, инв. № ББ 193: Artamonow 1970: Taf. 309 внизу; ОАК за 1869: табл. I: 14; Williams, Ogden 1994: 182, no. 117; Уильямс, Огден 1995: 182, № 117; Cat. Los Angeles 2007: 273—274, no. 163; Калашник 2014: 170—171); с зерновидными подвесками и подвесками в виде масок Ахелоя из каменной гробницы, открытой на некрополе Пантикапея в 1854 г. (ГЭ, инв. № П.1854.22: Miller 1979: 11, pl. 5: c; Williams, Ogden 1994: 152—153, no. 94; Уильямс, Огден 1995: 152—153, no. 94; Kalashnik 2004: 86, fig. 16; Cat. Los Angeles 2007: 150—151, no. 57; Калашник 2014: 78—79), подвесок с медальонами с изображением Нереиды на гиппокампе, из Большой Близницы (ГЭ, инв. № ББ 31: ОАК 1865: табл. II: 1; Artamonow 1970, Taf. 296, 300; Galanina, Grach 1986: fig. 251; Williams, Ogden 1994: 186—187, no. 120; Уильямс, Огден 1995: 186—187, № 120; 267, № 202; Schwarzmaier 1996: 128—130, Abb. 16; Kalashnik 2004: 105, fig. 64; Cat. Los Angeles 2007: 271, no. 161; Калашник 2014: 164—165). Подобные трехслойные розетты украшали серьги последней трети IV в. до н.э. в форме дисков со штифтами, предположительно, происходящие из Ким в Эолии (Лондон, Британский Музей, инв. № GR 1877.9-10.21, 1878.10-15.1: Marshall 1911: 231, nos. 2060—2061, pl. XXXIX; Deppert-Lippitz 1985: 187, Abb. 134 справа; Williams, Ogden 1994: 98, no. 52; Уильямс, Огден 1995: 98, № 52; Williams 1996: 120, fig. 3), а трехслойные и четырехслойные розетты украшали диски серег с подвесками в виде из Тарента с подвесками в виде женских головок (Тарент, Арх. Музей, инв. № 54.115: Cat. Milan 1984: 160—162, no. 73; Despini 1996: 116—116, figs. 95—96; 233—234).

Серьги в форме крючков с напаянной на лицевой стороне пальметтой и припаянными или подвешенными фигурными декоративными элементами

К рассмотренной группе серег примыкают серьги, также с подвесками в виде фигурок, но со щитками в форме ажурных пальметт, к оборотной стороне которых припаян крючок, конец которого оформлен в виде головки змеи (Higgins 1980, 128—129, c). Некоторые исследователи высказывали предположении об изготовлении этих серег в одной из мастерских Македонии или Северной Греции (Zahn 1921, 27, Nr. 91, Taf. 22b, 23b; Hoffmann, Davidson 1965: 80—81; Jackson 2017: 37). Впрочем, в большинстве случаев происхождение серег неизвестно, лишь в одном случае, есть основание предполагать находку в комплексе из окрестностей Салоник. Так или иначе, на Боспоре находки серег с такими щитками не зафиксированы. К ним относятся:

• предположительно найденная на Пелопоннесе серьга с подвеской в виде фигурки Ники, управляющей колесницей с парой коней, в Музее Бостона, третьей четверти IV в. до н.э. (рис. 4: 1) (Segall 1942: 50—54; Hoffmann, Davidson 1965: 76—83, no. 12, fig. 12: a—e; Deppert-Lippitz 1985: 226, 228, Abb. 164; Cat. Athens 1999: 185, fig. 127; By 1892: Count Michel Tyszkiewicz Collection (collections.mfa.org: 1: according to W. Fröhner, La Collection Tyszkiewicz, 1897, pl. 1, no. 2: found in the Peloponnesos));

• серьга неизвестного происхождения в коллекции Музея Метрополитен с фигуркой, изображающей стоящую сирену, играющую на кифаре (рис. 4: 5) (Segall 1942: 50—52, figs. 4, 6; Hoffmann, Davidson 1965: 82, fig. 12e; Hofstetter 1990: 290, Nr. V 26; Уильямс, Огден 1995: 66, № 19: 330—300 гг. до н.э.; Despini 1996: 121, fig. 99; 235: последняя четверть IV в. до н.э.; Cat. Athens 1999: 187, fig. 131; Ogden 2023: 153, fig. 9: 21), фигурка сирены сопоставима с находкой из кургана на Зеленской горе;

• пара серег, предположительно из окрестностей Салоник с подвесками в виде фигурки Ганимеда с орлом в коллекции Музея Метрополитен (рис. 4: 2) (Segall 1942: 50—52, figs. 5, 7; Hoffmann, Davidson 1965: 83, fig. 12g; Segall 1966: 27, Taf. 45; Higgins 1980: 129, 164, F, pl. 48a; Deppert-Lippitz 1985: 226, Abb. 163; Уильямс, Огден 1995, 76, № 31: 335—300 гг. до н.э.; Despini 1996: 118, fig. 97; 234: ок. 330 г. до н.э.; Cat. Athens 1999: 185, fig. 128; Cat. New York 2004: 124, no. 5b);

• еще две пары подобных серег с изображением Эротов, но с фиалой и факелом, хранящаяся в Музее Бенаки, — неизвестного происхождения, на одной паре серег поверх пальметты напаяна однослойная 8-лепестковая розетта (Segall 1938: 64, Nr. 57, Taf. 21; Cat. Athens 1999: 180—185, nos. 58—59, figs. 124, 126; Jackson 2006: 162, nos. 1—2, pl. 14A, 1—2; 2017: 37—38, figs. 5—6; 133—134, nos. 60—61).

Серьги в форме крючков с напаянной на лицевой стороне розеттой и с декоративными элементами в форме сидящих на постаментах сфинксов

Серьги в форме крючков с напаянной на лицевой стороне розеттой и с декоративными элементами в форме сидящих на постаментах, украшенных филигранным декором, в том числе с эмалью, сфинксов в середине — второй половине IV в. до н.э. известны только по находкам на территории Европейского Боспора и в Скифии и представляют собой относительно многочисленную и компактную группу.

Сфинксы выполнены в близкой иконографии — они представлены сидящими с вертикально поставленными передними конечностями и поджатыми — задними, при этом сама фигурка может быть цельной, как у серег из погребения в Старшем Трехбратнем кургане (рис. 5: 3) (Galanina, Grach 1986: fig. 245; Kat. Wien 1993: 182—185, Nr. 52; Jacobson 1995: 95.I.D.1, fig. 2, 3; Cat. San Antonio 1999: 214—215, no. 96; Lorenz, Treister 2008: 23, Nr. 14 с библиографией, Taf. 57; 106; 109: в центре; Treister 2008: 112—113, Nr. 2; Kat. Leoben 2009: 174—175, Nr. 49; Клочко 2018: 120, рис. 1; Клочко et al. 2021: 83—84, no. 106; Клочко, Васіна 2023: 80, рис. 5; Болтрик, Фіалко 2024: 217, рис. 142: 2) или иметь отдельно выполненные передние конечности, как у серег из Северной гробницы кургана Огуз (рис. 5: 4) (Boltrik, Fialko 1991, 128, Taf. 15; 2007, 272, Abb. 4; Cat. Rimini 1995: 91—92, no. 77; Трейстер 2009: 71, № 4, рис. 2: 4; Клочко 2018: 120; Клочко et al. 2021: 104; Болтрик, Фіалко 2024: 217, рис. 142: 1; 394—395, № 223) и курганов на Тепе-Оба в окрестностях Феодосии, в 1853 г. Феодосии (раскопки И.К. Айвазовского) (рис. 5: 1) (ДБК 1854: т. 1, 78, т. 3, табл. XIIa: 2; Deppert-Lippitz 1985: 171, Abb. 120: справа вверху; Pfrommer 1990: 288 FK 169, Taf. 5: 4; Петрова 2000: 164, рис. 142; 2002: 605; Тункина 2011: 208—209, рис. 243; Кат. Ст. Петербург 2024б: 128, № 87) и в 1978 г. (раскопки Е.А. Катюшина кургана на северном южном склоне Тепе-Оба, погребение № 2, грабительская мина, шурф № 2)[2] (рис. 5: 2; 6)

[2] Автор выражает искреннюю признательность главному хранителю Феодосийского музея древностей А.Ю. Елизаровой и научному сотруднику Музея В.В. Маркову за предоставление фотографий и размеров серьги.

(Катюшин 1980: 274, илл.; Болтрик, Фіалко 2024: 217, рис. 142: 3). Размеры этих серег невелики, и их высота составляет от 3.3 см (Огуз) (рис. 5: 4) до 4,3 см (Тепе-Оба, погребение № 2) (рис. 5: 2), 4.57 см (Трехбратние курганы) (рис. 4: 3) и 6,4 см (Феодосия) (рис. 5: 1), при этом наиболее крупные фигурки сфинксов (на серьгах из Трехбратних курганов и Тепе-Обы) имеют высоту 3.2—3.4 см, а высота фигурки серьги из Огуза — 1,75 см (рис. 5: 4). Значительная высота украшения из Феодосии, хранящегося в Эрмитаже, объясняется тем, что учтены и размеры подвесок к постаменту, сама же фигурка сфинкса составляет около половины общей высоты серьги. Подвески серег из коллекции А. Мерля де Массоно, хранящиеся в Берлине, спаяны из двух оттиснутых в матрицах половинок — петля для подвешивания одной — украшена напаянной розеттой с обведенной филигранью лепестками. Подвески крепятся к серьге из круглой в сечении проволоки с замком в виде петли и крючочка, вероятнее всего, — вторичному элементу (Greifenhagen 1970: 44, Taf. 21: 7).

Реально подвеской является только украшение из Огуза, у которого к обороту розетты припаяно кольцо, в которое вставлено колечко, которым заканчивается прямой отрезок рубчатой проволоки, другим концом припаянный к верхней части спины сфинкса (рис. 5: 4). Подобный же вид имеют стержни с петлями для подвешивания амулетов, в частности, из некрополя Пантикапея и кургана Огуз. У серег из Трехбратнего кургана крючки припаяны к задней части головы. Вероятнее всего такой же способ крепления — и у серег из раскопок И.К. Айвазовского и Е.А. Катюшина в окрестностях Феодосии (рис. 5: 2) крючки припаяны к задней части головы. Вероятно, подобным же образом крепилась и золотая подвеска в виде фигурки Сирены из кургана на Зеленской горе — отмечаются следы крепления подвески к серьге на оборотной стороне каждого крыла (рис. 4: 4) (Pharmakowsky 1913: 184, Abb. 9; Шкорпил 1916: 29, рис. 14; Hoffmann, Davidson 1965: 90, fig. 15c; Hofstetter 1990: 290, Nr. V 27; Pfrommer 1990: 286, FK 163, Anm. 2677; Taf. VI: 5; Уильямс, Огден 1995: 179, № 114; Kalashnik 2004: 52, fig. 27; Кат. Ст. Петербург 2005: 175, № 137; Калашник 2014: 200—201).

Серьги, рассмотренные выше, вероятно послужили прототипами для подвесок серег из Деева кургана с высокими постаментами, украшенными филигранным декором. Подвески в виде сфинксов из Деева кургана дополнительно снабжены цепочками и подвесками в виде птиц и широкой профилированной петлей для подвешивания (рис. 7: 2) (Спицын 1906: 170, № 5, табл. XIII: 8; Ростовцев, Степанов 1917: 79, табл. VII; IX; 1; Онайко 1970: 103, № 447е, табл. XXXIV; Петренко 1978: 32, тип 15, табл. 20: 8; Artamonow 1970: 64, Abb. 122; Leskov 1974: 91, Abb. 137; Galanina, Grach 1986: figs. 131—132). Подобные украшения происходят и из Рыжановского кургана — здесь с дополнительными подвесками в виде шариков и дисков (рис. 7: 3) (Hadaczek 1903: 40, 41, fig. 76; Ростовцев, Степанов 1917: 77, табл. VI; 8; Онайко 1970: 64, 116, № 787е, табл. XXXVII; Петренко 1978: 32, тип 12, табл. 20: 4; Скорый, Хохоровски 2018: 94, № 18; 282, рис. 182). Еще более примитивно выполненные фигурки сфинксов из Чертомлыка — височные подвески к головному убору (рис. 7: 1) (Онайко 1970: 103—104, № 449н, табл. XXXVI; Петренко 1978: 32, тип 15, табл. 20: 7; Artamonow 1970: 56, Abb. 108; Galanina, Grach 1986: fig. 253; Алексеев и др. 1991: 197, № 116; Rolle et alii 1998: 21—22, Nr. 116, Taf. 39; Болтрик, Фіалко 2024: 217, рис. 142: 6).

Нет никаких оснований, как это делают Ю.В. Болтрик и О.Э. Фиалко относить к рассматриваемой серии серег со сфинксом серьгу из Музея Анатолийских цивилизаций другого типа (щиток отсутствует, проволочный крюк серьги припаян непосредственно к спине между крыльев сфинкса, фигурка сфинкса дополнительно украшена вставками в кастах, в том числе сохранившейся гранатовой вставкой каплевидной формы) (Bingöl 1999: 63, no. 31; Болтрик, Фіалко 2024: 217, рис. 142: 4). Совершенно очевидно (в частности, по наличию вставок), что эта серьга не может датироваться ранее II в. до н.э., хотя авторы каталога и датируют ее IV в. до н.э. Серебряные серьги в виде дужки из крученой проволоки, заканчивающиеся скульптурными фигурками сидящих на постаментах сфинксов с головками, увенчанными высокими уборами с гранатовыми вставками, обнаруженные в погребении № 49/1979 II — первой половины I в. до н.э. некрополя на ул. Астраханской

в Анапе (Алексеева 1982: 70, рис. 40: 2; 72; Treister 2007, 111; Mordvinceva, Treister 2007: Bd. 2, 24—25, Nr. A55.1), находят ближайшие параллели в погребении № 289 некрополя Амфиполя (Daux 1959: 710, fig. 2; Deppert-Lippitz 1985: 263) и в погребении эллинистического времени в Ахиносе (Πάντος 1989: 174, πίν. 74β)[3]. Происходящие из Малой Азии (Зонгулдак: Meriçboyu 2001, 156, res. 1), Кипра (район Никосии: Pierides 1971, 31, pl. XX, 10; Tonkova 2015, 706, fig. 11) и Фракии (Анхиало) (Oppermann 2007: 94—95; Tonkova 2015: 701, fig. 1a; 702, fig. 4a; 705—706) золотые серьги с фигурками сфинкса на низких постаментах и подобной конструкцией проволочного крюка дополнительно увенчаны, в первом и втором случае, круглым щитком со вставкой граната, или — в третьем — круглым щитком со вставкой граната, завершающимся ажурной пальметтой[4] также датируются в рамках II в. до н.э. — I в. до н.э. / I в. н.э. Значительно реже встречаются серьги подобной конструкции с фигурками сфинксов без цветных вставок — известные мне находки происходят из Македонии (из коллекции Е. Стататос: Amandry 1953: 141—142, nos. 293—294, pl. LII; Tonkova 2015: 706, fig. 10) и некрополя Месембрии-Зони (Ηλιοπούλου 2015: 123, εικ. 207).

Образ изображенного в профиль сидящего сфинкса с серповидным крылом в античном искусстве архаического и классического времени

В греческой скульптуре такие изображения сфинкса появляются не позднее первой половины VI в. до н.э. — примером служит фигура, которая венчала ионийскую колонну, поставленную Наксосом в Дельфах (LIMC VIII: 1153, no. 31, s.v. Sphinx (N. Kourou). Полихромный сосуд с изображением сидящего в такой позе сфинкса был найден в 1869 г. при раскопках В.Г. Тизенгаузена в Фанагории в женском погребении в гробнице из сырцового кирпича (Гос. Эрмитаж, отдел античного мира. Инв. № ФА.1869.7: Фармаковский 1921: 29—40, табл. I—II, IV—V; Trump 1969: 58—59, Nr. 160, Taf. 22; Соколов 1973: 60, № 47; Кобылина 1974: 24—25, № 34 с литературой, табл. 25; LIMC VIII: 1154, no. 59, s.v. Sphinx (N. Kourou); Власова 2010: 202, рис. 5; 203, 257, прим. 36 с литературой; Meyer 2013: 350, no. PPo.1; Новичихин 2019, 294, рис. 432; Кат. Ст. Петербург 2024а: т. 2, 333, ил. 1; 2024б: 120—121, № 79).

Изображения сидящего в профиль сфинкса с серповидным крылом известны в чеканке Ионии (Кат. Ст. Петербург 2024б: 134, № 97—99). Сидящий в профиль влево сфинкс, перед которым стоит амфора с гроздью винограда на ней, появляется в качестве эмблемы на монетах Хиоса уже в 540-е гг. до н.э. (Baldwin 1914: 4—5) и остается надолго монетной эмблемой Хиоса (Baldwin 1914: 4—5; Mattingly 1981: 81—86, pl. 1; Kraay 1976: 242—243, pl. 52, figs. 886—891; Lacroix 1982: 79; Hardwick 1993: 211—222; 2010: 217—245; Lagos 1998: 556; LIMC Supplementum 2009. 2: 459, no. 2, add. 1, s.v. Sphinx (N. Kourou)). Помимо монет изображение сфинкса с амфорой перед ним воспроизводится на клеймах амфор Хиоса и на весовых гирьках (Lacroix 1982: 75, note 8; LIMC VIII: 1154, no. 43, s.v. Sphinx (N. Kourou). Lagos 1998: 559)[5].

В глиптике подобные изображения также известны уже в архаическое время (AGD I.1: 46—47, no. 201, pl. 22: скарабеоид из стеатита). Близкое изображение сидящего сфинкса в профиль влево вырезано на скарабее из горного хрусталя, хранящемся в Париже, которое Д. Бордман сопоставлял с образами на монетах Хиоса середины V в. до н.э., а П. Цацофф датировал ок. 420 гг. до н.э. (Boardman 2001: 194, 287, pl. 454; Zazoff 1983: 141, Anm. 78:

[3] См. также подобные серьги на рынке антиквариата в Гамбурге (Deppert-Lippitz 1985: 265, Abb. 198; Tonkova 2015: 706, fig. 12).

[4] Щитком со вставкой и «короной Исиды» украшена серьга, выставлявшаяся на аукционе в Базеле (Münzen und Medaillen 1970: Nr. 25); пара серег из Галереи Уолтерса в Балтиморе (Cat. Baltimore 1979: 79—80, no. 245; 1984: no. 43; Reeder 1988: 228, no. 126) и пара серег из коллекции К. Парвина: Berge, Alexander 1985: 29, no. 68, pl. VII.

[5] См. например, клейма со сфинксом и стоящим перед ним пухлогорлой амфорой из Афин: Grace 1934: 296, 297, pl. I, 1; 1979: figs. 48—49 и Гермонассы: Зеест 1960: 77, рис. 3.

Taf. 33: 8), а также на буллах из храмового архива Карфагена, датированных Д. Бергесом концом V — началом IV в. до н.э. (Berges 1997: 83, Nr. 10—12, Taf. 8; 28).

Изображения сидящего сфинкса в профиль в аналогичной позе представлено и в торевтике (начиная со второй половины VII в. до н.э.): на зеркале из Келермесского кургана № 4 (Galanina, Grach 1986: fig. 49; Schiltz 1994: 113, fig. 84; Galanina 1997: 140—142, 230, Nr. 52, Taf. 1), на золотых бляшках: из храма Артемиды в Эфесе (Kat. Istanbul 2008: 153, Nr. 89), контурных — из Семибратнего кургана № 2 (ОАК за 1876 г.: 122, № 28; 145, табл. 3: 16; Artamonow 1970: Taf. 108; Galanina, Grach 1986: figs. 76—77; Kat. Bonn 1997: 88, Nr. 15; Кат. Ст. Петербург 2024б: 128, № 88) и кургана № 17 некрополя Нимфея (ОАК за 1877 г.: 235, № 11, табл. 3: 23; Силантьева 1959: 75, рис. 38: 16), и прямоугольных — из Семибратнего кургана № 6 (ОАК за 1876 г.: 128, № 7; 145, табл. 3: 27), которые можно датировать около середины V в. до н.э.

Особого внимания заслуживают объемные, спаянные из двух половинок фигурки сфинксов, впаянные с внутренней стороны на лунницы серег IV в. до н.э. В тех случаях, когда известно их происхождение, они, в основном были найдены на территории Македонии и Фессалии (см. подробно Трейстер 2026: 11—13, рис. 2: 4; 3).

Розетты на дужке

На дужках серег напаяны одинарные (обе серьги из Феодосии) (рис. 5: 1—2; 6), двойные (серьги из Старшего Трехбратнего кургана) (рис. 5: 3) или тройная розетта (серьга из Северной гробницы кургана Огуз) (рис. 5: 4), с впаянным в центр шариком зерни. У серег из Трехбратних курганов верхняя розетта отличается тем, что лепестки заполнены эмалью в филигранных кастах (рис. 5: *3*), что находит близкую параллель на одной из пары золотых серег в форме скульптурных фигурок Ники, найденных в Павловском кургане (Deppert-Lippitz 1985: 226, 227, Abb. 162; Pfrommer 1990: 251, Anm. 2063; Уильямс, Огден 1995: 170, № 107: ок. 350 г. до н.э.; Despini 1996: 121, fig. 100; 235: ок. 330 г. до н.э.; Kat. Bonn 1997: 178, Nr. 81; Cat. Los Angeles 2007: 266, no. 159; Трейстер 2009: 71, № 2, рис. 2, *2*; Виноградов и др. 2012: 30, рис. 10: 2; Калашник 2014: 90—91).

Интересно, что двойные розетты, верхние из которых украшены эмалью (рис. 5: 3), помещенные на дужках серег, находят параллели среди розетт-пронизей ожерелья из того же погребения Старшего Трехбратнего кургана (Treister 2008: 113—115, Nr. 3 с лит., Taf. 58—60; 107), на серьгах из Феодосии на дужке напаяна одинарная розетта (рис. 54: 1—2; 6). Розетта серьги из Северной гробницы кургана Огуз (рис. 5: 4) — тройная и находит ближайшую параллель на серьгах с подвесками в виде менад из Юз-Обы (рис. 1: 4) (Hadaczek 1903: 39, 40, fig. 73; Кат. Ст. Петербург 2005: 177, № 141; Cat. London 2006: 131, no. 11; Кат. Ст. Петербург 2007: 87, № 23; Cat. Los Angeles 2007: 258, no. 153; Трейстер 2009: 71, № 3, рис. 2, 3; Виноградов и др. 2012: 46, 49, рис. 27: 4; Калашник 2014: 98—99; Кат. Казань 2023: 73, № 13).

Постаменты серег

Серьги из кургана, раскопанного в 1853 г. у Феодосии (рис. 5: 1), и из Северной гробницы кургана Огуз (рис. 5: 4) отличаются тем, что на постаменте представлен выполненный филигранью растительный орнамент в форме спиральных завитков лозы, более подробной проработанной на первой из них, у которой имеются дополнительные подвески к постаменту. Серьга из раскопок 1978 г. в окрестностях Феодосии (рис. 5: 2; 6) и серьги из Трехбратних курганов (рис. 5: 3) украшены на постаментах рядом ионийского киматия в кастах из крученой проволоки с чередующимся заполнением из синей и зеленой эмали (утрачено на серьге из Феодосии).

Украшения сфинксов

Сфинкс украшен диадемой с филигранной пальметтой в центре и побегами из листьев плюща по краям на серьгах из кургана, раскопанного в 1853 г. у Феодосии (рис. 5: 1) и из Трехбратних курганов (рис. 5: 3). У последних — с заполнением из синей и зеленой эмали. В ушах — округлые серьги их крученой проволоки (на серьгах из Трехбратних курганов — с заполнением из эмали), на шее — гривна из крученой (Феодосия, 1853 г.) или рубчатой проволоки (на серьгах из Трехбратних курганов) проволоки. Отличается от них налобное украшение серьги из раскопок 1978 г. в окрестностях Феодосии, на груди ожерелье из округлых бусин, а серьги отсутствуюта ее гривна выполнена из рубчатой проволоки (рис. 5: 2; 6). У сфинкса серьги из Огуза диадема, серьги и гривна отсутствуют (рис. 5: 4).

Стефана сфинксов на серьгах из Трехбратних курганов украшена в центре пальметтой с побегами из листьев плюща по краям, заполненными эмалью (рис. 5: 3). Украшение стефан сфинксов на серьгах из Старшего Трехбратнего кургана филигранным декором в виде пальметт с побегами из листьев плюща по краям, заполненными эмалью, находит формальные параллели на серьгах с подвесками в виде скульптурных женских головок из Северного Причерноморья, в том числе происходящих из Ольвии[6], Феодосии (филигранный декор в виде пальметт) (ГЭ, Инв. Ф.19: Kat. Bonn 1997: 150), и некрополя Пантикапея (плитовая гробница, раскопки Д.В. Карейши, 1840 г.: Williams, Ogden 1994: 163, no. 103; Русяева 1994: 104—106, рис. 1: 3; Уильямс, Огден 1995, 163, № 103; Kat. Bonn 1997: 149—151, Nr. 61; Kalashnik 2004: 84, fig. 51) (при этом мотивы орнаментации стефан различаются. Так, на пантикапейских серьгах — это пальметты и цветы лотоса со вставками эмали в филигранных кастах), особенно в свете предположений об их производстве в Ольвии или на Боспоре (Higgins 1980: 130; I. Saverkina, in Kat. Bonn 1997: 150)[7]. Подобными же филигранными мотивами (но без эмалевого заполнения) украшена диадема односторонней подвески в виде женской головки из кургана у Великой Белозерки (Kat. Schleswig 1991: 321, Nr. 130; Kat. Wien 1993: 159—161, Nr. 40; Русяева 1994: 104—106, рис. 1: 4—5; Cat. San Antonio 1999: 212—213, no. 95; Болтрик, Шелехань 2020: 95—96, рис. 12; Болтрик, Фіалко 2024: 454, рис. 4.4: 2). Впрочем, побеги плюща с эмалевым заполнением украшают золотую подвеску в виде головки быка из «деревянной гробницы» второй четверти IV в. до н.э., открытой А.Б. Ашиком в некрополе Пантикапея в 1841 г. (Williams, Ogden 1994: 160, no. 100; Уильямс, Огден 1995: 160, № 100; Калашник 2014: 92—93).

Серьга из раскопок 1978 г. в окрестностях Феодосии имеет стефану, оформленную в виде ряда каплевидных кастов из рубчатой проволоки с утраченными вставками (рис. 5: 2; 6).

Трактовка крыльев, изготовленных отдельно и припаянных к туловам сфинксов, находит ближайшие параллели в оформлении крыльев пегаса — подвески серьги со щитком в виде двойной розетты из черепичной гробницы некрополя Пантикапея, раскопанной Д.В. Карейшей в 1840 г. и датирующейся первой половиной IV в. до н.э. (рис. 1: *1*) (ДБК 1854: т. 1, 50, № 14; т. 3, табл. VII: *2*; Hadaczek 1903: 39, 40, fig. 72; Williams, Ogden 1994: 161, no. 101; Уильямс, Огден 1995: 161, № 101: 400—350 гг. до н.э.; Трейстер 2009: 71, № 1, рис. 2: *1*; Калашник 2014: 90—91: первая половина IV в. до н.э.).

---

[6] ГЭ, Инв. Ол.17551. Имеется еще серебряная головка с петлей и крючком и филигранным декором на стефане: ГЭ, Инв. Ол. 17646 (Kat. Bonn 1997: 150). Кроме того, еще одна золотая головка из Ольвии была опубликована А. С. Уваровым (1851: 120; 1853: табл. XIV: 8; Русяева 1994: 104—105, рис. 1: 2).

[7] Ср. точку зрения об их изготовлении афинскими торевтами специально для Северного Причерноморья: Русяева 1994: 108; Скржинская 2000: 174. О разнообразии декора таких подвесок свидетельствует и находка из кургана, раскопанного В. Г. Тизенгаузеном в 1868 г. на Таманском полуострове по дороге к Тузле (круглая головка в стефане, украшенной филигранным декором в виде спиралей и с серьгами в ушах): ГЭ, Инв. Т.1868.18 (Об археологических розысканиях на Таманском полуострове членом Комиссии г. Тизенгаузеном в 1868. — Архив ИИМК РАН, д. № 40/1868, 5. 10 № 10; ОАК за 1868 г.: XII): не опубликована. Из той же каменной гробницы происходят золотые бляшки (Т.1868.16—17), чернолаковая керамика (Т.1868.15) и краснофигурная пелика (Т.1868.14), бронзовое зеркало с фигурой сидящего Эрота, золотые перстни, алебастровые алабастры (ОАК за 1868 г.: X—XII).

Хронология и место изготовления серег с изображением сфинксов

Серьги из Старшего Трехбратнего кургана были частью гарнитура, который я датирую временем около 350—340 гг. до н.э. (Treister 2008: 120—122).

Комплекс из раскопок И.К. Айвазовского курганного некрополя Феодосии 1853 г. специально не исследовался — М. Пфроммер относил его без какой-либо подробной аргументации к началу III в. до н.э. Найденные в нем браслеты, кстати, находящие близкие параллели именно в погребении Старшего Трехбратнего кургана, датируют в широких рамках второй половины IV в. до н.э. (Калашник 2014: 100—101).

Северная могила кургана Огуз, которая изначально датировалась ок. 330—310 гг. до н.э. (Boltrik, Fialko 1991, 129), в настоящее время относится к еще более раннему периоду, ок. 350—340 гг. до н.э. (Полин 2014: 484) или 330—320 гг. до н.э. (Болтрик, Фіалко 2024a: 292—293; 2024b: 54) на основании подробного исследования амфорного материала.

Серьгу из окрестностей Феодосии, хранящуюся в Феодосийском музее, относят к концу IV в. до н.э. на основании сопутствующих находок, в частности, ручки клейменной амфоры (Катюшин 1978: 78; Болтрик, Фіалко 2024: 218). Эта серьга из раскопок Е.А. Катюшина происходит из грабительской мины погребения № 2, где был заложен шурф № 2 в 1978 г. Из погребения, к которому он относит золотую серьгу, помимо нее, происходят обломки железных гвоздей и мелкие бронзовые предметы — кружочки и шарики. Основания для датировки этого погребения — фрагменты краснофигурной керченской пелики (Катюшин 1978: рис. 93—95), которая датируется третьей четвертью IV в. до н.э. (Вдовиченко 2003: 93—94, № 59). Очевидно, что авторы монографии о кургане Огуз ошибочно связывают с этим погребением ручки клейменой амфоры конца IV в. до н.э. (Болтрик, Фіалко 2024: 218).

Таким образом, есть все основания относить изготовление серег с подвесками в виде сидящего на постаменте сфинкса к сравнительно узкому диапазону в пределах третьей четверти IV в. до н.э. Учитывая то обстоятельство, что находки либо происходят с территории европейской части Боспорского царства, либо (в одном случае) были найдены в комплексе с очевидными боспорскими коннотациями, предположительно боспорской принцессы (Болтрик, Фіалко 1995: 10—11; 2024: 298, 455; Boltrik, Fialko 2007: 275), есть основание предполагать их изготовление в боспорской ювелирной мастерской.

Выводы

Среди греческих серег, получивших распространение в IV в. до н.э., выделяется группа украшений в форме крючков с напаянной на лицевой стороне розеттой, одно-или многослойной (мы не рассматриваем здесь серьги с так наз. *Zierscheiben*) и припаянными или подвешенными фигурными элементами. Последние представляют собой отдельные миниатюрные фигурки или фигурные группы. За редчайшим исключением серьги этой группы были найдены на территории Боспора Киммерийского. В тех случаях, когда имеются сведения об их происхождении, это также редкие находки из Македонии, Малой Азии и, предположительно, Кипра. В этой связи рассматривается в целом использование многослойных розетт в ювелирном деле IV в. до н.э.

К рассмотренной группе примыкают серьги, также с подвесками в виде фигурок, но со щитками в форме ажурных пальметт, к оборотной стороне которых припаян крючок, конец которого оформлен в виде головки змеи. Некоторые исследователи высказывали предположении об изготовлении этих серег в одной из мастерских Македонии или Северной Греции. Впрочем, в большинстве случаев происхождение серег неизвестно и на Боспоре находки серег с такими щитками не зафиксированы.

Серьги в форме крючков с напаянной на лицевой стороне розеттой и с декоративными элементами в форме сидящих на постаментах, украшенных филигранным декором, в том числе с эмалью, сфинксов известны только по находкам на территории Европейского Боспора и в Скифии и представляют собой относительно многочисленную и компактную группу. Есть все основания относить их изготовление к сравнительно узкому диапазону в пределах третьей четверти IV в. до н.э. и предполагать их производство в боспорской ювелирной мастерской.

Литература

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. 1991. *Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э.* Киев: Наукова думка.

Алексеева Е.М. 1982. Юго-восточная часть некрополя Горгипиии. В: Кругликова И.Т. (ред.). *Горгиппия. Материалы анапской археологической экспедиции*. Т. 2. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 5—116.

Бидзиля, В.И., Полин, С.В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Скиф.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. 1995. Могили скіфських царів другої половини IV ст. до н.е. *Археологія* 2, 3—13.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. 2024а. *Курган Огуз. Могила одного з останніх царів Скіфії*. Київ: ІА НАН України.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. 2024б. Чи могли поховати царя Атея в кургані Чортомлик?). *АДІУ* 2 (51), 43—59.

Болтрик Ю.В., Шелехань О.В. 2020. Скіфські кургани між Чмиревою та Гаймановою Могилами (степова північна периферія Великої Білозерки). *АДІУ* 1 (34), 80—113.

Вдовиченко И.И. 2003. *Античные расписные вазы из крымских музеев*. Симферополь: Сонат.

Виноградов Ю.А. 2020. Павловский курган под Керчью. *Новый Гермес* 12/2, 149—187.

Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. 2012. *Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора*. Т. 1. Симферополь; Керчь: Мастер книг (БИ. Supplementum 9).

Власова Е.В. 2010. Государственный Эрмитаж. Древности эллинские и местные. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.). *Античное наследие Кубани*. Т. III. Москва: Наука, 198—262.

Зеест И.Б. 1960. *Керамическая тара Боспора*. Москва: АН СССР (МИА 83).

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н.э*. Киев: Наукова думка.

Калашник Ю.П. 2014. *Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Кат. Казань 2023: Трофимова А.А. (ред.). 2023. *Александр Великий. Путь на Восток. Каталог выставки из собрания Государственного Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Славия.

Кат. София 2016: Иванова Н., Андреева П., Рехо М. (ред.). 2016. *Огледало на времето. Женската красота през вековете / The Mirror of Time: Female Beauty through the Ages*. София: Национален археологически институт с музей — БАН.

Кат. Ст. Петербург 2005: Трофимова А.А., Ходза Е.Н. (ред.). 2005. *Музы и маски. Театр и музыка в античности. Античный мир на петербургской сцене. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Кат. Ст. Петербург 2007: Трофимова А.А. (ред.). 2007. *Александр Великий. Путь на Восток*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Кат. Ст. Петербург 2024а: Жижина Н.К. (ред.). 2024. *В поисках античного Боспора. К 150-летию со дня рождения М.И. Ростовцева*. Т. 1. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж; «Чистый лист».

Кат. Ст. Петербург 2024б: Бутягин А.М. (ред.). 2024. *«...Посмотри в глаза чудовищ...». Мифические олицетворения ужаса в Античности и их победители*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Катюшин Е.А. 1978. *Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии отрядом Феодосийского краеведческого музея в 1978 г*. Науковий архів ІА НАН України. Ф. 64, 1978/57.

Катюшин Е.А. 1980. Раскопки в окрестностях Феодосии. *Археологические открытия 1979 г.* Москва: Наука, 273—274.

Клочко и др. 2021: Клочко Л.С., Білан Ю.О., Березова С.А., Величко Є.О. 2021. *Сережки у костюмах мешканців Скіфії (з колекції Музею історичних коштовносте України)*. Київ: ТОВ «Фенікс».

Клочко Л.С. 2018. Образ сфінкса в декорі скіфського вбрання. *АДІУ* 2 (27), 119—130.

Клочко Л.С., Васіна З.О. 2023. Реконструкція вбрання боспорянки. *АДІУ* 2 (47), 76—86.

Кобылина М.М. 1974. Терракотовые статуэтки Фанагории. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракотовые статуэтки*. Ч. IV. *Придонье и Таманский полуостров*. Москва: Наука, 20—30.
Мозолевський Б.М. 1983. *Скіфський степ*. Київ: Наукова думка.
Новичихин А.М. 2019: *Древности Тамани*. Тамань: Платонов.
ОАК за 1865 г.: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1865 г.* 1866. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
ОАК за 1868 г.: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1868 г.* 1869. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
ОАК за 1869 г.: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1869 г.* 1870. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
ОАК за 1876 г.: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1876 г.* 1879. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
ОАК за 1877 г.: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1877 г.* 1880. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
Об археологических розысканиях 1868. *Об археологических розысканиях на Таманском полуострове членом Комиссии г. Тизенгаузеном в 1868 г.* Архив ИИМК РАН. Д. № 40/1868.
Онайко Н.А. 1970. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—III вв. до н.э*. Москва: Наука (САИ Д1-27).
Петренко В.Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н.э*. Москва: Наука (САИ Д4-5).
Петрова Э.Б. 2000. *Античная Феодосия. История и культура*. Симферополь: Сонат.
Петрова Э.Б. 2002. О начальном периоде археологических исследований в Феодосии: Вильнев, Сибирский, Айвазовский. *ПИФК* 12, 598—607.
Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев: Издатель Олег Филюк (Курганы Украины 3).
Прушевская Е.О. 1955. Художественная обработка металла (торевтика). В: Гайдукевич В.Ф., Максимова М.И. (ред.). *Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории культуры*. Т. 1. Москва, Ленинград: АН СССР, 325—355.
Ростовцев М.И., Степанов П.К. 1917. Эллино-скифский головной убор. *ИАК* 63, 69—101.
Русяева М.В. 1994. Золоті прикраси у вигляді голови Гери. *Археологія* 1, 104—109.
Силантьева П.Ф. 1959. Некрополь Нимфея. В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Некрополи боспорских городов*. Москва; Ленинград: АН СССР, 5—107 (МИА 69).
Скорый С,А., Хохоровски Я. 2018. *Большой Рыжановский курган*. Киев: Издатель Олег Филюк.
Скржинская М.В. 2000. *Будни и праздники Ольвии в VI—I вв. до н.э*. Санкт-Петербург: Алетейя.
Соколов Г.И. 1973. *Античное Причерноморье*. Ленинград: Аврора.
Спицын А.А. 1906 Серогозские курганы. *ИАК* 19, 157—174.
Торбов Н. 2005. *Могиланската могила във Враца*. Враца: Майобо.
Торбов Н. 2015. *Могиланската могила във Враца. Каталог.* Враца: Микротест ООД (Известия на музеите в Северозападна България 38).
Трейстер М.Ю. 2009. Серьга с подвеской в виде скульптурной фигурки Эрота из Гайманової Могилы. В: Строкова Л.В., Клочко Л.С., Березова С.А. (ред.). *Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — пошдяд крізь віки», 10-12 листопала 2008 р.* Київ: Музей історичних коштовностей України, 70—80.
Трейстер М.Ю. 2026. Серьги «роскошного стиля» и их генезис. *ПИФК* 2, 5—41.
Тункина И.В. 2011. *Открытие Феодосии. 1771—1871*. Киев: Болеро.
Уваров А.С. 1851—1856. *Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря*. Санкт-Петербург: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг.
Уильямс Д., Огден Д. 1995. *Греческое* золото. *Ювелирное искусство классической эпохи. V—IV века до н.э*. Санкт-Петербург: АО Славия.
Фармаковский Б.В. 1921. *Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории*. Петроград: Государственное издательство (Записки Российской Академии Истории Материальной Культуры. Вып. 1).
Шкорпил В.В. 1916. Отчет о раскопках в Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. *ИАК* 60, 7—35.
Amandry P. 1953. *Collection Hélène Stathatos. Les bijoux antiques*. Strasbourg: Institut d'Archéologie, Université de Strasbourg.
Artamonow M.I. 1970. *Goldschatz der Skythen*. Prag: Artia; Leningrad: Sovetskij Khudoshnik.

Baldwin A. 1914. The Electrum and Silver Coins of Chios. *American Journal of Numismatics* 48, 1—60.
Berge L., Alexander K. 1985. Ancient Gold Work and Jewelry from Chicago Collections. *Ancient World* XI.1—2, 3—32.
Berges D. 1997. Die Tonsiegel aus dem karthagischen Tempelarchiv. In: Berges D., Ehrhardt W., Laidlaw A., Rakob F. *Karthago II. Die deutschen Ausgrabungen in Karthago*. Mainz: von Zabern, 10—214.
Boardman J. 2001. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical*. London: Thames and Hudson.
Boltrik Ju.V., Fialko E.E. 1991. Der Oguz-Kurgan. Die Grabanlage eines Skythenkönigs der Zeit nach Ateas. *Hamburger Beiträge zur Archäologie* 18, 107—129.
Boltrik Ju.V., Fialko E.E. 2007. Der Fürstenkurgan von Oguz. In: Parzinger H. (Hrsg.). *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. München; Berlin; London; New York: Prestel, 268—275.
Cat. Athens 1999: Γεωργούλα Η. (επ.). 1999. *Ελληνικα κοσμηματα. Από τις Συλλογές του Μουσείου Μπενάκη*. Αθήνα: Adam editions.
Cat. Baltimore 1979: *Jewelry. Ancient to Modern. A Studio Book*. 1979. Baltimore: Viking Press.
Cat. Baltimore 1984: *Objects of Adornment. Five Thousand Years of Jewelry from the Walters Art Gallery, Baltimore*. 1984. Baltimore: American Federation of Arts.
Cat. Bloomington 1995: Rudolph W. 1995. *A Golden Legacy. Ancient Jewelry from the Burton Y. Berry Collection at the Indiana University Art Museum*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.
Cat. London 2006: Althaus F., Sutcliffe M. (eds.). 2006. *The Road to Byzantium. Luxury Arts of Antiquity*. London: Fontanka.
Cat. Los Angeles 2007: Trofimova A.A. (ed.). 2007. *Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum.
Cat. Milan 1984: De Juliis E.M. (ed.). 1984. *Gli ori di Taranto in età ellenistico*. Milano: Mondadori.
Cat. Montreal 1987: *Gold of the Thracian Horsemen. Treasures from Bulgaria*. 1987. Montreal: Editions de l'Homme.
Cat. New York 2004: Pandermalis D. (ed.). 2004. Alexander the Great: *Treasures from an Epic* Era of Hellenism. New York: Alexander S. Onassis Public Benefit Foundation.
Cat. Paris 2011: Descamps-Lequime S. (ed.). 2011. *Au royaume d'Alexandre le Grand. La Macédoine antique*. Paris.
Cat. Paris 2015: Martinez J.-L. (ed.). 2015. L'épopée des rois thraces — Des guerres médiques aux invasions celtes, 479—278 av. J.-C. Paris: Somogy édition d'art.
Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo — 25 giugno 1995*. 1995. Milano: Electa.
Cat. San Antonio 1999: Reeder E.D. (ed.). 1999. *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine*. New York: Abrams.
Cat. Thessaloniki 1997: *Greek Jewellery. 6000 Years of Tradition*. 1997. Athens: Archaeological Receipts Fund.
Cat. Thessaloniki 2007: Grammenos D. (ed.). 2007. *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki: Zetros.
Cat. Trieste 2002: Giumlia-Mair A., Rubinich M. (eds.). 2002. *Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia*. Trieste: Silvana.
Chatzi I. 2019. *Types of earrings in the cemeteries of Macedonia (Archaic through Hellenistic periods)*. Thesis. Thessaloniki.
Christie's London. Fine Antiquities, Wednesday, 8 June 1988.
Daux G. 1959. Amphipolis. *Bulletin de correspondance hellénique* 83.2, 710—714.
Dedeoğlu J. 1993. *Izmir Archaeological Museum*. Istanbul: A Turizm Yayınları.
Deppert-Lippitz B. 1985. *Griechischer Goldschmuck*. Mainz: von Zabern.
Despini Ai. 1996. *Greek Art. Ancient Gold Jewellery*. Athens: Ekdotike Athenon.
Galanina L., Grach N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora Art Publishers.
Galanina L.K. 1997. *Die Kurgane von Kelermes*. Moscow: Palaeograph.
Grace V. 1934. Stamped Amphora Handles found in 1931—1932. *Hesperia* 3, 197—310.
Grace V. 1979. *Amphoras and the Ancient Wine Trade* (Agora Picture Books 6). Princeton: American School of Classical Studies at Athens.
Greifenhagen A. 1970—1975. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. I— II. Berlin: Gebr. Mann.
Greifenhagen A. 1974. *Schmuck der alten Welt*. Berlin: Gebr. Mann.
Guzzo P.G. 1993. *Oreficerie dalla Magna Grecia*. Taranto: Scorpione Editore.

Hadaczek K. 1903. *Der Ohrschmuck der Griechen und der Etrusker*. Wien: A. Hölder (Abhandlungen des archäologisch-epigraphischen Seminars der Universität Wien 14/1).

Hardwick N. 1993. The Coinage of Chios from the VIth to the IVth Century B.C. In: Hackens T., Moucharte G. (eds.). *Proceedings of the XI International Numismatic Conference*. Vol. 1. Louvain-la-Neuve: Association Professeur Marcel Hoc, 211—222.

Hardwick N. 2010. The Coinage of Chios 600—300 BC: New Research Developments 1991—2008. In: Tselekas P. (ed.). *Το νόμισμα στα νησιά του Αιγαίου: νομισματοκοπεία, κυκλοφορία, εικονογραφία, ιστορία: πρακτικά συνεδρίου της Ε' Επιστημονικής Συνάντησης, Μυτιλήνη, 16-19 Σεπτεμβρίου 2006 = Coins in the Aegean Islands: mints, circulation, iconography, history: proceedings of the Fifth Scientific Meeting, Mytilene, 16-19 September 2006*. Vol. 1. Athens: Έκδοση των Φίλων του Νομισματικού Μουσείου, 217—245.

Higgins R.A. 1980. *Greek and Roman Jewellery*. 2nd ed. London: Methuen.

Hoffmann H., Davidson P.F. 1965. *Greek Gold: Jewelry from the Age of Alexander*. Mainz: von Zabern.

Hofstetter E. 1990. *Sirenen im archaischen und klassischen Griechenland*. Würzburg: K. Triltsch (Archäologie 19).

Jackson M. 2017. *Hellenistic Gold Jewellery in the Benaki Museum, Athens*. Athens: Benaki Museum; Australian Archaeological Institute at Athens (Mouseio Benaki 10th Suppl.).

Jackson M.M. 2006. *Hellenistic Gold Eros Jewellery: Technique, Style and Chronology*. Oxford: Archaeopress (BAR International Ser. 1510).

Jacobson E. 1995. *The Art of the Scythians. The Interpretation of Cultures at the Edge of the Hellenic World*. Leiden; New York; Köln: R.J. Brill (Handbuch der Orientalistik 8.2).

Kalashnik Yu. 2004. *Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage*. Zwolle: Waanders.

Kat. Basel 2007: Zanoni I. 2007. (Hrsg.). *Die alten Zivilisationen Bulgariens. Das Gold der Thraker*. Basel: Antikenmuseum Basel und Sammlung Ludwig.

Kat. Bonn 1997:Barkova L., Kalašnik Ju. 1997. (Hrsg.). *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland.

Kat. Bonn 2004: Echt R. (Hrsg.). 2004. *Die Thraker. Das goldene Reich des Orpheus*. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland GmbH.

Kat. Hannover 1994: Vokotopoulou I.-K. 1994. (Hrsg.). *Makedonen die Griechen des Nordens*. Sonderausstellung 11.3.1994—19.6.1994. Forum des Landesmuseum Hannover. Athen: Editionen Kapon.

Kat. Istanbul 2008: Seipel W. (Hrsg.). 2008. *Das Artemision von Ephesos. Heiliger Platz einer Göttin*. Wien: Phoibos.

Kat. Köln 1979: *Gold der Thraker. Archäologische Schätze aus Bulgarien*. 1979. Mainz: von Zabern.

Kat. Leoben 2009: Seipel W. (Hrsg.). 2009. *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Wien: Kunsthistorisches Museum.

Kat. Schleswig 1991: Rolle R., Müller-Wille M., Schietzel K. 1991. (Hrsg.). *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig: Archäologisches Landesmuseum der Christian-Albrecht-Universität.

Kat. Wien 1993: Seipel W. (Hrsg.). 1993. *Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien*. Wien: Kunsthistorisches Museum.

Kat. Zürich 1993: Karabelnik M. (Hrsg.). 1993. *Aus den Schatzkammern Eurasiens*. Zürich: Kunsthaus Zürich.

Kraay C.M. 1976. *Archaic and Classical Greek Coins*. London: Methuen.

Lacroix L. 1982. A propos du sphinx des monnaies de Chios. *Revue archéologique* 1, 75—80.

Lagos C. 1998. A study of the coinage of Chios in the Hellenistic and Roman periods. Doctoral thesis. Durham: Durham University.

Leskov A.M. 1974. *Die skythische Kurgane*. Zürich: Raggi-Verlag (Antike Welt. Sondernummer 5).

Lorenz A., Treister M. 2008. Die Drei-Brüder-Kurgane. Katalog der Befunde und Funde. In: Treister M. (Hrsg.). *Die Drei-Brüder Kurgane. Katalog und Analyse der Befunde und Funde einer Grabhügelgruppe auf der östlichen Krim aus der Zeit des 4. bis 3. Jhs. v. Chr*. Bonn: Universum, 15—64.

Manetta C., Pisani M. 2012. Gioielli e ornamenti personali in terracotta dorata: riproduzioni o imitazioni? In: Mazarakis Ainian A. (ed.). *Πρακτικά επιστημονικής συνάντησης Βόλος 12.3 — 15.3.2009. Τόμος ΙΙ: Στερεά Ελλάδα (Το Αρχαιολογικό Έργο Θεσσαλίας και Στερεάς Ελλάδας 3 (2009) / Proceeding of the 3rd Archaeological Meeting of Thessaly and Central Greece (2006-2008). From Prehistory to the Contemporary Period (Volos, 12—15 March 2009)*. Volos: University of Thessaly; Department of Archaeology, 955—971.

Marshall F.H. 1911. *Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum*. London: British Museum.

Mattingly H.B. 1981. Coins and amphoras. Chios, Samos and Thasos in the 5th century BC. *Journal of Hellenic Studies* 101, 78—86.

Meriçboyu Y.A. 2001. *Antikçağ' de Anadolu takilari*. Istanbul: Akbank.

Meyer C. 2013. *Greco-Scythian Art & the Birth of Eurasia. From Classical Antiquity to Russian Modernity*. Oxford: Oxford University Press.

Miller S. 1979. *Two Groups of Thessalian Gold*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press (University of California publications Classical studies 18).

Mordvinceva V.I., Treister M. 2007. *Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet des 2. Jhs. v. Chr.—2. Jhs. n. Chr*. Bd. 2. Simferopol; Bonn: Tarpan.

Münzen und Medaillen 1970. *Werke antiker Goldschmiedekunst*. Münzen und Medaillen AG Basel. Sonderliste M. September 1970.

Ogden J. 2023. *Jewellery Technology in the Ancient & Medieval World*. Harpswell: Brynmorgen Press.

Oppermann M. 2007. *Thraker, Griechen und Römer an der Westküste des Schwarzen Meeres*. Mainz: von Zabern (Zaberns Bildbände zur Archäologie).

Pfrommer M. 1990. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks*. Tübingen: E. Wasmuth (Istanbuler Forschungen 37).

Pharmakowsky B. 1913. Archäologische Funde im Jahre 1912. Rußland. *Archäologischer Anzeiger*, 178—234.

Pierides A. 1971. *Jewellery in the Cyprus Museum*. Nicosia: Department of Antiquities.

Reeder E. 1988. *Hellenistic Art in the Walters Art Gallery*. Baltimore: Trustees of the Walters Art Gallery.

Rolle R., Murzin V.Ju, Alekseev A.Ju. 1998. *Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts*. Mainz: von Zabern (Hamburger Forschungen zur Archäologie 1.1997).

Schiltz V. 1994. Die Skythen und andere Steppenvölker. München: C.H. Beck.

Schwarzmaier A. 1996. Die Gräber in der Großen Blizniza und ihre Datierung. *Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts* 111, 105—137.

Segall B. 1938. Katalog der Goldschmiede-Arbeiten. Museum Benaki. Athen: Pyrsos.

Segall B. 1942. The Earring with Winged Charioteer in the Classical Department: An Interpretation. *Bulletin of the Museum of Fine Arts* 40 (239), 50—54.

Segall B. 1966. *Zur griechischen Goldschmiedekunst des 4. Jahrhunderts v. Chr*. Wiesbaden: Steiner.

Sgourou M., Agelarakis A.P. 2001. Jewellery from Thasian Graves. *Annual of the British School at Athens* 96, 327—364.

Tonkova M. 2015. The Jewellery of a Wealthy Thracian Woman from Anchialos and the Fashion in Middle and Late Hellenistic Jewellery. In: Raux S., Bertrand I., Feugère M. (eds.). *Actualité de la recherche sur les mobiliers non céramiques de l'Antiquité et du haut Moyen Âge. Actes de la table ronde européenne instrumentum, Lyon (F, Rhône), 18—20 octobre 2012*. Montagnac: Editions Monique Mérgoil, 699—716 (Monographie *Instrumentum* 51.2).

Treister M.Yu. 2007. Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet des 2. Jhs. v. Chr.—2. Jhs. n. Chr. (hellenistische Tradition). In: Mordvinceva V.I., Treister M. *Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet des 2. Jhs. v. Chr.—2. Jhs. n. Chr*. Bd. 1. Simferopol; Bonn: Tarpan, 14—184.

Treister M.Yu. 2008. Die Gegenstände aus Bronze und Knochen sowie der Schmuck. In: Treister M. (Hrsg.). *Die Drei-Brüder Kurgane. Katalog und Analyse der Befunde und Funde einer Grabhügelgruppe auf der östlichen Krim aus der Zeit des 4. bis 3. Jhs. v. Chr*. Bonn: Universum, 105—122.

Treister M. 2026. Gold Earrings from the Mogilan Tumulus (on the group of earrings with boat-shaped pendants and die-formed figures set in the hollows). *Thracia* (in print).

Trumpf-Lyritzaki M. 1969. *Griechische Figurenvasen des Reichen Stils und der Späten Klassik*. Bonn: Bouvier.

Tsigarida B. 2006. Couronnes, diadèmes, colliers et boucles d'oreille de Macédoine centrale à l'époque de Philippe II et d'Alexandre le Grand. In: Nicolini G. (ed.). *Les Ors des Mondes grec et "barbare"*. Paris: Picard, 139—152.

Tsigarida B. 2018. The Significance of Gold in the Late Classical and Hellenistic Burials of Macedon. In: Kalaitzi M., Paschidis P., Antonetti C., Guimier-Sorbets A.-M. (eds.). *Βορειοελλαδικά: Tales from the Lands of the Ethne: Essays in Honour of Miltiades B. Hatzopoulos: Proceedings of the International Conference held in Athens (February 2015) = Histoires du monde des ethné: Études en l'honneur de Miltiade B. Hatzopoulos: Actes du colloque international tenu à Athènes (février 2015)*. Athens: National Hellenic Research Foundation; Institute of Historical Research, 421—437 (Μελετήματα 78).

Tsigarida B., Ignatiadou D. 2000. *The Gold of Macedon. Archaeological Museum of Thessaloniki*. Athens: Archaeological Receipts Fund Publications Department.

Venedikov I., Gerassimov T. 1973. *Thrakische Kunst*. Wien; Münich: A. Schroll.

Vierneisel K. 1989. Neuerwerbungen: Staatliche Sammlung Ägyptischer Kunst, Glyptothek und Antikensammlungen, Prähistorische Staatssammlung Museum für Vor- und Frühgeschichte, Bayerisches Nationalmuseum in Glyptothek und Antikensammlung. *Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst* 40, 225—280.

Williams D. 1996. The Kyme Treasure. In: Calinescu A. (ed.). *Ancient Jewelry and Archaeology*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 117—130.

Williams D., Ogden J. 1994. *Greek Gold. Jewellery of the Classical Period*. London: British Museum Press.

Wünsche R., Steinhart M. 2010. *Schmuck der Antike. Ausgewählte Werke der Staatlichen Antikensammlungen München*. München: Kunstverlag Josef Fink (Forschungen der Staatlichen Antikensammlungen und Glyptothek 3).

Young A. 2006. Gold and Gilded Jewelry from the "Athena" Sanctuary, Stymphalos. In: Nicolini G. (ed.), *Les Ors des Mondes grec et "barbare"*. Paris: Picard, 129—138.

Zahn R. 1921. *Die Sammlung der Galerie Bachstitz*. s-Gravenhage 2 Antike, byzantinische, islamische Arbeiten der Kleinkunst und des Kunstgewerbes, antike Skulpturen. Berlin: Albert Frisch.

Zazoff P. 1983. *Die antiken Gemmen*. München: C.H. Beck.

Ηλιοπούλου Σ. 2015. *Αρχαία Ζώνη ΙΙΙα. Το Νεκροταφείο. Ταφικά έθιμα και πρακτικές*. Κομοτηνή: Υπουργείο Πολιτισμού και Αθλητισμού — Εφορεία Αρχαιοτήτων Έβρου Περιφέρεια Ανατολικής Μακεδονίας-Θράκης.

Μπέσιος Μ., Παππά Μ. 1995. *Πύδνα*. Κατερίνη*:* Πιερική Αναπτυξιακή.

Πάντος Π. 1989. Αχινός. Οικόπεδο Γ.Λ. Χάδου. *Αρχαιολογικόν Δελτίον* 38 Β1 (1983), 174.

Τζιφόπουλος Ι, Μπέσιος Μ. 2010. *Πιερίδων στέφανος. Πύδνα, Μεθώνη και οι αρχαιότητες της βόρειας Πιερίας*. Κατερίνη: Εταιρεία Ανθρώπων και Φύσεως Έργα.

Τσιγαρίδα Ε.Μ. 2009. Τύποι χρυσών ενωτίων της όψιμης Κλασικής και της Ελληνιστικής εποχής από τη Βόρεια Πιερία. In: Δρούγου Σ., Ευγενίδου Δ., Κριτζάς Χ., Καλτσάς Ν., Πέννα Β., Τσούρτη Η., Γαλάνη-Κρίκου Μ., Ράλλη Ε. (eds.). *Κερμάτια Φιλίας: τιμητικός τόμος για τον Ιωάννη Τουράτσογλου*. Αθήνα: Νομισματικό Μουσείο Αθηνών, 547—559.

References

Alekseev, A.Yu., Murzin, V.Yu, Rolle, R. 1991. *Chertomlyk, Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n.e. (Chertomlyk. A Scythian Royal Kurgan of the 4th Century BCE)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1982. In: Kruglikova, I.T. (ed.). *Gorgippiya. Materialy anapskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Gorgippia. Materials of the Anapa archaeological expedition)*. Vol. 2. Krasnodar: Krasnodar Publ. House, 5—116 (in Russian).

Bidzilya, V.I., Polin, S.V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila (Scythian Royal Burial Mound Gaymanova Mogila)*. Kiev: Skif (in Russian).

Boltrik, Yu. V., Fialko, O.E. 1995. In *Arkheologiya (Archaeology)* 2, 3—13 (in Ukrainian).

Boltrik, Yu. V., Shelekhan', O.V. 2020. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of the Ukraine* 1 (34), 80—113 (in Ukrainian).

Boltrik, Yu. V., Fialko, O.E. 2024a. *Kurhan Ohuz. Mohyla odnoho z ostannikh tsariv Skifiyi (Oguz Burial Mound. The Tomb of one of the Last Kings of Scythia)*. Kiev: Institute of Archaeology; Academy of Sciences of the Ukraine (in Ukrainian).

Boltrik, Yu. V., Fialko, O.E. 2024b. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of the Ukraine* 2 (51), 43—59 (in Ukrainian).

Vdovichenko, I.I. 2003. *Antichnye raspisnye vazy iz krymskikh muzeev (Antique Painted Vases from the Crimean Museums)*. Simferopol: Sonat(in Russian).

Vinogradov, Yu.A. 2020. In *Novyy Germes (New Hermes)* 12/2, 149—187 (in Russian).

Vinogradov, Yu.A., Zin'ko, V.N., Smekalova, T.N. 2012. *Yuz-Oba. Kurgannyy nekropol' aristokratii Bospora (Yuz-Oba. The Kurgan Necropolis of the Aristocracy of the Bosporus)*. Vol. 1. Simferopol; Kerch: Master knig (Bosporan Studies Supplementum 9) (in Russian).

Vlasova, E.V. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*. Vol. 3. Moscow: Nauka, 198—262 (in Russian).

Zeest, I.B. 1960. *Keramicheskaya tara Bospora (Ceramic containers of the Bosporus)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (Materials and Studies on the Archaeology of the USSR 83) (in Russian).

Il'inskaya, V.A., Terenozhkin, A.I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n.e. (Scythia of the 7th—4th Centuries BCE)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Kalashnik, Yu.P. 2014. *Grecheskoe zoloto v sobranii Ermitazha. Pamytniki antichnogo yuvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomor'ya* (*Greek Gold in the Collection of the Hermitage. Objects of Ancient Jewellery Art from the North Pontic Region*). Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).

Cat. Kazan 2023: Trofimova, A.A. (ed.). 2023. *Aleksandr Velikiy. Put' na Vostok. Katalog vystavki iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha (Alexander the Great. The Way to the East. Exhibition Catalogue from the State Hermitage Collection)*. Saint Petersburg: Slavia (in Russian).

Cat. Sofia 2016: Ivanova, N., Andreeva, P., Reho, M. (eds.). 2016. *Ogledalo na vremeto. Zhenskata krasota prez vekovete / The Mirror of Time: Female Beauty through the Ages*. Sofia: National Archaeological Institte with Museum — Bulgarian Academy of Sciences.

Cat. St. Petersburg 2005: Trofimova, A.A., Khodza, E.N. (eds.). 2005. *Muzy i maski. Teatr i muzyka v antichnosti. Antichnyy mir na peterburgskoy stsene. Katalog vystavki. Gosudarstvennyy Ermitazh (Muses and Masks. Theater and Music in Antiquity. The Ancient World on the St. Petersburg Stage. Exhibition Catalogue. The State Hermitage*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ. (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2007: Trofimova, A.A. (ed.). 2007. *Aleksandr Velikiy. Put' na Vostok (Alexander the Great. The Way to the East)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ. (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2024a: Zhizhina, N.K. (ed.). 2024a. *V poiskakh antichnogo Bospora. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya M.I. Rostovtseva (In Search of the Antique Bosporus. On the 150th Anniversary of Mikhail Rostovzeff)*. Vol 1. Saint Petersburg: The State Hermitage Publ. "Tabula Rasa" Publ. (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2024b: Butyagin, A.M. (ed.). 2024b. *"...Posmotri v glaza chudovishch...". Mificheskie olitsetvoreniya uzhasa v Antichnosti i ikh pobediteli* ("...Look into the Monsters' Eyes..." Mythical Personifications of Horror in Antiquity and their Slayers). Saint Petersburg: State Hermitage Publ. (in Russian).

Katyushin, E.A. 1978. Otchet o raskopkakh v okrestnostyakh Feodosii otryadom Feodosiyskogo krayevedcheskogo muzeya v 1978 g. Naukoviy arkiv IA NAN Ukraini. F. 64, 1978/57.

Katyushin, E.A.1980. In *Archaeologicheskie otkrytiya 1979 g. (Archaeological Discoveries of 1979)* Moscow: Nauka, 273—274 (in Russian).

Klochko, L.S. 2018. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of the Ukraine* 2 (27), 119—130 (in Ukrainian).

Klochko et al. 2021: Klochko, L.S., Bilan, Yu.O., Berezova, S.A., Velichko, E.O. 2021. *Serezhky u kostyumakh meshkantsiv Skifiyi (z kolektsiyi Muzeyu istorychnykh koshtovnoste Ukrainy (Earrings in the Costumes of the Inhabitants of Scythia (from the Collection of the Museum of Historical Treasures of Ukraine)*. Kiev: TOV "Phoenix" (in Ukrainian).

Klochko, L.S., Vasina, Z.O. 2023. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of the Ukraine* 2 (47), 76—86 (in Ukrainian).

Kobylina, M.M. 1974. In: Kobylina, M.M. (ed.). *Terrakotovyye statuetki (Terracotta Figurines)*. Pt. IV. *Pridon'e i Tamanskiy poluostrov (The Don Region and the Taman Peninsula)*. Moscow: Nauka, 20—30 (in Russian).

Mozolevs'kiy, B.M. 1983. *Skifs'kiy step (Scythian Steppe)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).

Novichikhin, A.M. 2019. *Drevnosti Tamani (Antiquities of Taman)*. Taman: Platonov (in Russian).

CR St. Petersburg for 1865: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1865 god* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1860*). 1866. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

CR St. Petersburg for 1868: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1868 god* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1860*). 1869. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

CR St. Petersburg for 1869: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1869 god* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1860*). 1870. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

CR St. Petersburg for 1876: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1876 god* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1860*). 1879. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

CR St. Petersburg for 1877: *Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1860 god* (*Report of the Imperial Archaeological Commission for 1860*). 1880. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Ob arkheologicheskikh rozyskaniyakh 1868. Ob arkheologicheskikh rozyskaniyakh na Tamanskom poluostrove chlenom Komissii g. Tizengauzenom v 1868 g. Arkhiv IIMK RAN. D. № 40/1868.

Onayko, N.A. 1970. *Antichnyy import v Predneprov'e i Pobuzh'e v IV—III vv. do n.e. (Antique Import in the Dnieper and Bug Basins in the 4th —3rd Centuries BC)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).

Petrenko, V.G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n.e.* (*Finery of Scythia of the 7th — 3rd Centuries BCE*). Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D4-5) (in Russian).

Petrova, E.B. 2000. *Antichnaya Feodosiya. Istoriya i kul'tura (Ancient Theodosia. History and Culture)*. Simferopol: Sonat (in Russian).

Petrova, E.B. 2002. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 12, 598—607 (in Russian).

Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonshchine* (*A Scythian Zolotaya Balka Kurgan Cemetery of the 5th—4th Centuries BCE in the Kherson Region*). Kiev: Oleg Filyuk Publisher (Burial Mounds of the Ukraine. Vol. 3) (in Russian).

Prushevskaya, E.O. 1955. In: Gaydukevich, V.F., Maksimova, M.I. (eds.). *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya. Ocherki istorii kul'tury (Ancient Cities of the Northern Black Sea Region. Essays on the History of Culture)*. Vol. 1. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 325—355 (in Russian).

Rostovtzeff, M.I., Stepanov, P.K. 1917. In *Izvestiya arkheologicheskoy kommissii (Proceedings of the Archaeological Commission)* 63, 69—101 (in Russian).

Rusyaeva, M.V. 1994. In *Arkheologiya (Archaeology)* 1, 104—109 (in Ukrainian).

Silant'eva, L.F. 1959. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Nekropoli nekotorykh bosporskikh gorodov* (*Necropoleis of Certain Bosporan Cities*). Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 5—107 (Materials and Studies on the Archaeology of the USSR 69) (in Russian).

Skoryy, S.A., Khokhorovsky, Ya. 2018. *Bol'shoy Ryzhanovskiy kurgan (The Great Ryzhanovka Burial-mound)*. Kiev: Oleg Filyuk.

Skrzhinskaya, M.V. 2000. *Budni i prazdniki Ol'vii v VI—I vv. do n.e. (Weekdays and holidays of Olbia in the 6th—1st Centuries BCE)*. Saint Petersburg: Aleteya (in Russian).

Sokolov, G.I. 1973. *Antichnoye Prichernomor'e (The Ancient Black Sea Region)*. Leningrad: Aurora (in Russian).

Spitsyn, A.A. 1906. In *Izvestiya arkheologicheskoy kommissii (Proceedings of the Archaeological Commission)* 19, 157—174 (in Russian).

Torbov, N. 2005. *Mogilanskata mogila vŭv Vratsa (The Mogilan Burial Mound in Vratsa)*. Vratsa (in Bulgarian).

Torbov, N. 2015. *Mogilanskata mogila vŭv Vratsa. Katalog (The Mogilan Burial Mound in Vratsa. The Catalogue)*. Vratsa: Microtest OOD (Proceedings of Museums in North-Western Bulgaria 38) (in Bulgarian).

Treister, M.Yu. 2009. In: Strokova L.V., Klochko L.S., Berezova S.A. (eds.). *Muzeyni chytannya. Materialy naukovoï konferentsiï "Yuvelirne mystetstvo — pohlyad kriz' viky", 10—12 lystopala 2008 (Museum Readings. Proceedings of the Scientific Conference "Jewelry Art - A View Through the Ages", November 10—12, 2008)*. Kiev: Museum of Historical Treasures of Ukraine, 70—80 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2026. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 2, 5—41 (in Russian).

Tunkina, I.V. 2011. *Otkryatie Feodosii. 1771—1871 (Discovery of Theodosia. 1771—1871)*. Kiev: Bolero (in Russian).

Uvarov, A.S. 1851—1856. *Issledovaniya o drevnostyakh Yuzhnoy Rossii i beregov Chernogo morya (Research on the Antiquities of Southern Russia and the Black Sea Coast)*. Saint Petersburg: Printing House of the Expedition for the Procurement of State Papers (in Russian).

Williams, D., Ogden, J. 1995. *Grecheskoe zoloto. Yuvelirnoe iskusstvo klassicheskoy epokhi. V—IV veka do n.e. (Greek Gold. The Jewellery Art of the Classical Period. 5th—4th Centuries BCE)*. Saint Petersburg: AO Slavia (in Russian).

Farmakovskiy, B.V. 1921. *Tri polikhromnyye vazy v forme statuetok, naydennyye v Fanagorii (Three Polychrome Vases in the Form of Figurines found in Phanagoria)*. Petrograd: State Publ. House (Notes of t he Russian Academy of History of Material Culture 1) (in Russian).

Shkorpil, V.V. 1916. In *Izvestiya arkheologicheskoy kommissii (Proceedings of the Archaeological Commission* 60, 7—35 (in Russian).

Amandry, P. 1953. *Collection Hélène Stathatos. Les bijoux antiques*. Strasbourg: Institut d'Archéologie, Université de Strasbourg.

Artamonow, M.I. 1970. *Goldschatz der Skythen*. Prag: Artia; Leningrad: Sovetskij Khudoshnik.

Baldwin, A. 1914. The Electrum and Silver Coins of Chios. *American Journal of Numismatics* 48, 1—60.

Berge, L., Alexander, K. 1985. Ancient Gold Work and Jewelry from Chicago Collections. *Ancient World* XI.1—2, 3—32.
Berges, D. 1997. Die Tonsiegel aus dem karthagischen Tempelarchiv. In: Berges, D., Ehrhardt, W., Laidlaw, A., Rakob, F. *Karthago II. Die deutschen Ausgrabungen in Karthago*. Mainz: von Zabern, 10—214.
Boardman, J. 2001. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical.* London: Thames and Hudson.
Boltrik, Ju.V., Fialko, E.E. 1991. Der Oguz-Kurgan. Die Grabanlage eines Skythenkönigs der Zeit nach Ateas. *Hamburger Beiträge zur Archäologie* 18, 107—129.
Boltrik, Ju.V., Fialko, E.E. 2007. Der Fürstenkurgan von Oguz. In: Parzinger, H. (Hrsg.). *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. München; Berlin; London; New York: Prestel, 268—275.
Cat. Athens 1999: Γεωργούλα, Η. (επ.). 1999. *Ελληνικα κοσμηματα. Από τις Συλλογές του Μουσείου Μπενάκη*. Αθήνα: Adam editions.
Cat. Baltimore 1979: *Jewelry. Ancient to Modern. A Studio Book*. 1979. Baltimore: Viking Press.
Cat. Baltimore 1984: *Objects of Adornment. Five Thousand Years of Jewelry from the Walters Art Gallery, Baltimore*. 1984. Baltimore: American Federation of Arts.
Cat. Bloomington 1995: Rudolph, W. 1995. *A Golden Legacy. Ancient Jewelry from the Burton Y. Berry Collection at the Indiana University Art Museum*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.
Cat. London 2006: Althaus, F., Sutcliffe, M. (eds.). 2006. *The Road to Byzantium. Luxury Arts of Antiquity*. London: Fontanka.
Cat. Los Angeles 2007: Trofimova, A.A. (ed.). 2007. *Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum.
Cat. Milan 1984: De Juliis, E.M. (ed.). 1984. *Gli ori di Taranto in età ellenistico*. Milano: Mondadori.
Cat. Montreal 1987: *Gold of the Thracian Horsemen. Treasures from Bulgaria*. 1987. Montreal: Editions de l'Homme.
Cat. New York 2004: Pandermalis, D. (ed.). 2004. Alexander the Great: *Treasures from an Epic* Era of Hellenism. New York: Alexander S. Onassis Public Benefit Foundation.
Cat. Paris 2011: Descamps-Lequime, S. (ed.). 2011. *Au royaume d'Alexandre le Grand. La Macédoine antique*. Paris.
Cat. Paris 2015: Martinez, J.-L. (ed.). 2015. L'épopée des rois thraces — Des guerres médiques aux invasions celtes, 479—278 av. J.-C. Paris: Somogy édition d'art**.**
Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo — 25 giugno 1995*. 1995. Milano: Electa.
Cat. San Antonio 1999: Reeder, E.D. (ed.). 1999. *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine.* New York: Abrams.
Cat. Thessaloniki 1997: *Greek Jewellery. 6000 Years of Tradition.* 1997. Athens: Archaeological Receipts Fund.
Cat. Thessaloniki 2007: Grammenos, D. (ed.). 2007. *Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης*. Thessaloniki: Zetros.
Cat. Trieste 2002: Giumlia-Mair, A., Rubinich, M. (eds.). 2002. *Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia*. Trieste: Silvana.
Chatzi, I. 2019. *Types of earrings in the cemeteries of Macedonia (Archaic through Hellenistic periods)*. Thesis. Thessaloniki.
Christie's London. Fine Antiquities, Wednesday, 8 June 1988.
Daux, G. 1959. Amphipolis. *Bulletin de correspondance hellénique* 83.2, 710—714.
Dedeoğlu, J. 1993. *Izmir Archaeological Museum*. Istanbul: A Turizm Yayınları.
Deppert-Lippitz, B. 1985. *Griechischer Goldschmuck*. Mainz: von Zabern.
Despini, Ai. 1996. *Greek Art. Ancient Gold Jewellery*. Athens: Ekdotike Athenon.
Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art*. Leningrad: Aurora Art Publishers.
Galanina, L.K. 1997. *Die Kurgane von Kelermes*. Moscow: Palaeograph.
Grace, V. 1934. Stamped Amphora Handles found in 1931—1932. *Hesperia* 3, 197—310.
Grace, V. 1979. *Amphoras and the Ancient Wine Trade* (Agora Picture Books 6). Princeton: American School of Classical Studies at Athens.
Greifenhagen, A. 1970—1975. *Schmuckarbeiten in Edelmetall.* I—II. Berlin: Gebr. Mann.
Greifenhagen, A. 1974. *Schmuck der alten Welt*. Berlin: Gebr. Mann.
Guzzo, P.G. 1993. *Oreficerie dalla Magna Grecia*. Taranto: Scorpione Editore.
Hadaczek, K. 1903. *Der Ohrschmuck der Griechen und der Etrusker*. Wien: A. Hölder (Abhandlungen des archäologisch-epigraphischen Seminars der Universität Wien 14/1).

Hardwick, N. 1993. The Coinage of Chios from the VIth to the IVth Century B.C. In: Hackens, T., Moucharte, G. (eds.). *Proceedings of the XI International Numismatic Conference*. Vol. 1. Louvain-la-Neuve: Association Professeur Marcel Hoc, 211—222.

Hardwick, N. 2010. The Coinage of Chios 600—300 BC: New Research Developments 1991—2008. In: Tselekas, P. (ed.). *Το νόμισμα στα νησιά του Αιγαίου: νομισματοκοπεία, κυκλοφορία, εικονογραφία, ιστορία: πρακτικά συνεδρίου της Ε' Επιστημονικής Συνάντησης, Μυτιλήνη, 16-19 Σεπτεμβρίου 2006 = Coins in the Aegean Islands: mints, circulation, iconography, history: proceedings of the Fifth Scientific Meeting, Mytilene, 16-19 September 2006*. Vol. 1. Athens: Έκδοση των Φίλων του Νομισματικού Μουσείου, 217—245.

Higgins, R.A. 1980. *Greek and Roman Jewellery*. 2nd ed. London: Methuen.

Hoffmann, H., Davidson, P.F. 1965. *Greek Gold: Jewelry from the Age of Alexander*. Mainz: von Zabern.

Hofstetter, E. 1990. *Sirenen im archaischen und klassischen Griechenland*. Würzburg: K. Triltsch (Archäologie 19).

Jackson, M. 2017. *Hellenistic Gold Jewellery in the Benaki Museum, Athens*. Athens: Benaki Museum; Australian Archaeological Institute at Athens (Mouseio Benaki 10th Suppl.).

Jackson, M.M. 2006. *Hellenistic Gold Eros Jewellery: Technique, Style and Chronology*. Oxford: Archaeopress (BAR International Ser. 1510).

Jacobson, E. 1995. *The Art of the Scythians. The Interpretation of Cultures at the Edge of the Hellenic World*. Leiden; New York; Köln: R.J. Brill (Handbuch der Orientalistik 8.2).

Kalashnik, Yu. 2004. *Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage*. Zwolle: Waanders.

Kat. Basel 2007: Zanoni, I. 2007. (Hrsg.). *Die alten Zivilisationen Bulgariens. Das Gold der Thraker*. Basel: Antikenmuseum Basel und Sammlung Ludwig.

Kat. Bonn 1997: Barkova, L., Kalašnik, Ju. 1997. (Hrsg.). *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland.

Kat. Bonn 2004: Echt, R. (Hrsg.). 2004. *Die Thraker. Das goldene Reich des Orpheus*. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland GmbH.

Kat. Hannover 1994: Vokotopoulou, I.-K. 1994. (Hrsg.). *Makedonen die Griechen des Nordens*. Sonderausstellung 11.3.1994—19.6.1994. Forum des Landesmuseum Hannover. Athen: Editionen Kapon.

Kat. Istanbul 2008: Seipel, W. (Hrsg.). 2008. *Das Artemision von Ephesos. Heiliger Platz einer Göttin*. Wien: Phoibos.

Kat. Köln 1979: *Gold der Thraker. Archäologische Schätze aus Bulgarien*. 1979. Mainz: von Zabern.

Kat. Leoben 2009: Seipel, W. (Hrsg.). 2009. *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Wien: Kunsthistorisches Museum.

Kat. Schleswig 1991: Rolle, R., Müller-Wille, M., Schietzel, K. 1991. (Hrsg.). *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig: Archäologisches Landesmuseum der Christian-Albrecht-Universität.

Kat. Wien 1993: Seipel, W. (Hrsg.). 1993. *Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien*. Wien: Kunsthistorisches Museum.

Kat. Zürich 1993: Karabelnik, M. (Hrsg.). 1993. *Aus den Schatzkammern Eurasiens*. Zürich: Kunsthaus Zürich.

Kraay, C.M. 1976. *Archaic and Classical Greek Coins*. London: Methuen.

Lacroix, L. 1982. A propos du sphinx des monnaies de Chios. *Revue archéologique* 1, 75—80.

Lagos, C. 1998. A study of the coinage of Chios in the Hellenistic and Roman periods. Doctoral thesis. Durham: Durham University.

Leskov, A.M. 1974. *Die skythische Kurgane*. Zürich: Raggi-Verlag (Antike Welt. Sondernummer 5).

Lorenz, A., Treister, M. 2008. Die Drei-Brüder-Kurgane. Katalog der Befunde und Funde. In: Treister, M. (Hrsg.). *Die Drei-Brüder Kurgane. Katalog und Analyse der Befunde und Funde einer Grabhügelgruppe auf der östlichen Krim aus der Zeit des 4. bis 3. Jhs. v. Chr*. Bonn: Universum, 15—64.

Manetta, C., Pisani, M. 2012. Gioielli e ornamenti personali in terracotta dorata: riproduzioni o imitazioni? In: Mazarakis Ainian, A. (ed.). *Πρακτικά επιστημονικής συνάντησης Βόλος 12.3 — 15.3.2009. Τόμος ΙΙ: Στερεά Ελλάδα (Το Αρχαιολογικό Έργο Θεσσαλίας και Στερεάς Ελλάδας 3 (2009) / Proceeding of the 3rd Archaeological Meeting of Thessaly and Central Greece (2006-2008). From Prehistory to the Contemporary Period (Volos, 12—15 March 2009)*. Volos: University of Thessaly; Department of Archaeology, 955—971.

Marshall, F.H. 1911. *Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum*. London: British Museum.

Mattingly, H.B. 1981. Coins and amphoras. Chios, Samos and Thasos in the 5th century BC. *Journal of Hellenic Studies* 101, 78—86.

Meriçboyu, Y.A. 2001. *Antikçağ' de Anadolu takilari*. Istanbul: Akbank..
Meyer, C. 2013. *Greco-Scythian Art & the Birth of Eurasia. From Classical Antiquity to Russian Modernity*. Oxford: Oxford University Press.
Miller, S. 1979. *Two Groups of Thessalian Gold*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press (University of California publications Classical studies 18).
Mordvinceva, V.I., Treister, M. 2007. *Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet des 2. Jhs. v. Chr.—2. Jhs. n. Chr*. Bd. 2. Simferopol; Bonn: Tarpan.
Münzen und Medaillen 1970. *Werke antiker Goldschmiedekunst*. Münzen und Medaillen AG Basel. Sonderliste M. September 1970.
Ogden, J. 2023. *Jewellery Technology in the Ancient & Medieval World*. Harpswell: Brynmorgen Press.
Oppermann, M. 2007. *Thraker, Griechen und Römer an der Westküste des Schwarzen Meeres*. Mainz: von Zabern (Zaberns Bildbände zur Archäologie).
Pfrommer, M. 1990. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks*. Tübingen: E. Wasmuth (Istanbuler Forschungen 37).
Pharmakowsky, B. 1913. Archäologische Funde im Jahre 1912. Rußland. *Archäologischer Anzeiger*, 178—234.
Pierides, A. 1971. *Jewellery in the Cyprus Museum*. Nicosia: Department of Antiquities.
Reeder, E. 1988. *Hellenistic Art in the Walters Art Gallery*. Baltimore: Trustees of the Walters Art Gallery.
Rolle, R., Murzin, V.Ju, Alekseev, A.Ju. 1998. *Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts*. Mainz: von Zabern (Hamburger Forschungen zur Archäologie 1.1997).
Schiltz, V. 1994. Die Skythen und andere Steppenvölker. München: C.H. Beck.
Schwarzmaier, A. 1996. Die Gräber in der Großen Blizniza und ihre Datierung. *Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts* 111, 105—137.
Segall, B. 1938. Katalog der Goldschmiede-Arbeiten. Museum Benaki. Athen: Pyrsos.
Segall, B. 1942. The Earring with Winged Charioteer in the Classical Department: An Interpretation. *Bulletin of the Museum of Fine Arts* 40 (239), 50—54.
Segall, B. 1966. *Zur griechischen Goldschmiedekunst des 4. Jahrhunderts v. Chr*. Wiesbaden: Steiner.
Sgourou, M., Agelarakis, A.P. 2001. Jewellery from Thasian Graves. *Annual of the British School at Athens* 96, 327—364.
Tonkova, M. 2015. The Jewellery of a Wealthy Thracian Woman from Anchialos and the Fashion in Middle and Late Hellenistic Jewellery. In: Raux, S., Bertrand, I., Feugère, M. (eds.). *Actualité de la recherche sur les mobiliers non céramiques de l'Antiquité et du haut Moyen Âge. Actes de la table ronde européenne instrumentum, Lyon (F, Rhône), 18—20 octobre 2012*. Montagnac: Editions Monique Mérgoil, 699—716 (Monographie *Instrumentum* 51.2).
Treister, M.Yu. 2007. Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet des 2. Jhs. v. Chr.—2. Jhs. n. Chr. (hellenistische Tradition). In: Mordvinceva, V.I., Treister, M. *Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet des 2. Jhs. v. Chr.—2. Jhs. n. Chr*. Bd. 1. Simferopol; Bonn: Tarpan, 14—184.
Treister, M.Yu. 2008. Die Gegenstände aus Bronze und Knochen sowie der Schmuck. In: Treister, M. (Hrsg.). *Die Drei-Brüder Kurgane. Katalog und Analyse der Befunde und Funde einer Grabhügelgruppe auf der östlichen Krim aus der Zeit des 4. bis 3. Jhs. v. Chr*. Bonn: Universum, 105—122.
Treister, M. 2026. Gold Earrings from the Mogilan Tumulus (on the group of earrings with boat-shaped pendants and die-formed figures set in the hollows). *Thracia* (in print).
Trumpf-Lyritzaki, M. 1969. *Griechische Figurenvasen des Reichen Stils und der Späten Klassik*. Bonn: Bouvier.
Tsigarida, B. 2006. Couronnes, diadèmes, colliers et boucles d'oreille de Macédoine centrale à l'époque de Philippe II et d'Alexandre le Grand. In: Nicolini, G. (ed.). *Les Ors des Mondes grec et "barbare"*. Paris: Picard, 139—152.
Tsigarida, B. 2018. The Significance of Gold in the Late Classical and Hellenistic Burials of Macedon. In: Kalaitzi, M., Paschidis, P., Antonetti, C., Guimier-Sorbets, A.-M. (eds.). *Βορειοελλαδικά: Tales from the Lands of the Ethne: Essays in Honour of Miltiades B. Hatzopoulos: Proceedings of the International Conference held in Athens (February 2015) = Histoires du monde des ethné: Études en l'honneur de Miltiade B. Hatzopoulos: Actes du colloque international tenu à Athènes (février 2015)*. Athens: National Hellenic Research Foundation; Institute of Historical Research, 421—437 (Μελετήματα 78).
Tsigarida, B., Ignatiadou, D. 2000. *The Gold of Macedon. Archaeological Museum of Thessaloniki*. Athens: Archaeological Receipts Fund Publications Department.
Venedikov, I., Gerassimov, T. 1973. *Thrakische Kunst*. Wien; Münich: A. Schroll.

Vierneisel, K. 1989. Neuerwerbungen: Staatliche Sammlung Ägyptischer Kunst, Glyptothek und Antikensammlungen, Prähistorische Staatssammlung Museum für Vor- und Frühgeschichte, Bayerisches Nationalmuseum in Glyptothek und Antikensammlung. *Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst* 40, 225—280.

Williams, D. 1996. The Kyme Treasure. In: Calinescu, A. (ed.). *Ancient Jewelry and Archaeology*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 117—130.

Williams, D., Ogden, J. 1994. *Greek Gold. Jewellery of the Classical Period*. London: British Museum Press.

Wünsche, R., Steinhart, M. 2010. *Schmuck der Antike. Ausgewählte Werke der Staatlichen Antikensammlungen München*. München: Kunstverlag Josef Fink (Forschungen der Staatlichen Antikensammlungen und Glyptothek 3).

Young, A. 2006. Gold and Gilded Jewelry from the “Athena” Sanctuary, Stymphalos. In: Nicolini, G. (ed.), *Les Ors des Mondes grec et “barbare”*. Paris: Picard, 129—138.

Zahn, R. 1921. *Die Sammlung der Galerie Bachstitz*. s-Gravenhage 2 Antike, byzantinische, islamische Arbeiten der Kleinkunst und des Kunstgewerbes, antike Skulpturen. Berlin: Albert Frisch.

Zazoff, P. 1983. *Die antiken Gemmen*. München: C.H. Beck.

Ηλιοπούλου, Σ. 2015. *Αρχαία Ζώνη ΙΙΙα. Το Νεκροταφείο. Ταφικά έθιμα και πρακτικές*. Κομοτηνή: Υπουργείο Πολιτισμού και Αθλητισμού — Εφορεία Αρχαιοτήτων Έβρου Περιφέρεια Ανατολικής Μακεδονίας-Θράκης.

Μπέσιος, Μ., Παππά, Μ. 1995. *Πύδνα*. Κατερίνη: Πιερική Αναπτυξιακή.

Πάντος, Π. 1989. Αχινός. Οικόπεδο Γ.Λ. Χάδου. *Αρχαιολογικόν Δελτίον* 38 Β1 (1983), 174.

Τζιφόπουλος, Ι, Μπέσιος, Μ. 2010. *Πιερίδων στέφανος. Πύδνα, Μεθώνη και οι αρχαιότητες της βόρειας Πιερίας*. Κατερίνη: Εταιρεία Ανθρώπων και Φύσεως Έργα.

Τσιγαρίδα, Ε.Μ. 2009. Τύποι χρυσών ενωτίων της όψιμης Κλασικής και της Ελληνιστικής εποχής από τη Βόρεια Πιερία. In: Δρούγου, Σ., Ευγενίδου, Δ., Κριτζάς, Χ., Καλτσάς, Ν., Πέννα, Β., Τσούρτη, Η., Γαλάνη-Κρίκου, Μ., Ράλλη, Ε. (eds.). *Κερμάτια Φιλίας: τιμητικός τόμος για τον Ιωάννη Τουράτσογλου*. Αθήνα: Νομισματικό Μουσείο Αθηνών, 547—559.

1

2

3

4

5

Рис. 1. Серьги в форме крючков с напаянной на лицевой стороне розеттой и подвешенными или припаянными фигурными элементами. *1* — Пантикапей, черепичная гробница, раскопки Д.В. Карейши 1840 г., *2* — Павловский курган, *3* — Гайманова могила, погребение № 4, *4* — Юз-Оба, курган Ш/1859, склеп № 50, *5* — Нимфей, некрополь, находка 1866 г. 1—2, 4—5 — Гос. Эрмитаж. *1* — инв. № П.1840.2; *2* — инв. № Пав.3, *4* — инв. № ЮО.4, *5* — инв. № ГК/Н.2. 3 — Киев, Музей исторических драгоценностей Украины, инв. № АЗС-2644. Изображения без масштаба.

Fig. 1. Hook-shaped earrings with a rosette soldered onto the front and with soldered or suspended figural elements. *1* — Pantikapaion, tile cist, D.V. Kareisha's excavations, 1840, *2* — Pavlov Burial mound, *3* — Gaymanova Burial mound, burial no. 4, *4* — Yuz-Oba, Burial mound Ш/1859, crypt no. 50, *5* — Nymphaion, necropolis, find of 1866. 1—2, 4—5 — Saint Petersburg, State Hermitage. *1* — inv.-no. П.1840.2; *2* — inv.-no. Пав.3, *4* — inv.-no. ЮО.4, *5* — inv.-no. ГК/Н.2. 3 — Kiev, Museum of Historical Treasures of the Ukraine, inv.-no. АЗС-2644. Images without scale.

Рис. 2. Серьги со щитками, украшенными многослойными розеттами, и подвесками в форме перевернутых конусов или пирамидок. *1* — Месембрия-Зони, *2, 4* — Кимы, *3* — Кипр, *5* — Лете, *6* — Пидна. 1 — Комотини, Археологический музей, инв. № МК/АГК 3620 α, β; 2—4 — Лондон, Британский музей, 2 — инв. №1877,0910.16, 3 — инв. № 1906,0411.2, 4 — инв. № 1877,0910.18, 5—6 — Салоники, Археологический музей. 5 — инв. № 5140, 6 — инв. № Πυ 766. Изображения без масштаба.

Fig. 2. Earrings with bezels decorated with multi-layered rosettes and with pendants in the form of inverted cones or pyramids. *1* — Mesembria-Zoni, *2, 4* — Kyme, *3* — Cyprus, *5* — Lete, *6* — Pydna. 1 — Komotini, Archaeological Museum, inv.-no. МК/АГК 3620 α, β; 2—4 — London, British Museum, 2 — inv.-no. 1877,0910.16, 3 — inv.-no. 1906,0411.2, 4 — inv.-no. 1877,0910.18, 5—6 — Thessaloniki, Archaeological Museum 5 — inv.-no. 5140, 6 — inv.-no. Πυ 766. Images without scale.

Рис. 3. Серьги в форме крючков со щитками, украшенными многослойными розеттами, и подвесками. *1* — Большая Близница, *2* — Могиланский курган, гробница II, 1965, *3—4* —Куль-Оба, *5* — Фазос, погребение ЕК-VIII. 1, 3, 4 — Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж, 1 — инв. № ББ.192; 3 — инв. № КО.6, 4 — инв. № КО.7, 2 — Враца, Региональный исторический музей, инв. № В60, 5 — Фазос, Археологический музей. 1—4 — изображения без масштаба.

Fig. 3. Earrings in the form of hooks with bezels decorated with multilayered rosettes and pendants. 1 — Bol'shaya (Great) Bliznitsa, 2 — Mogilan Tumulus Mound, tomb II, 1965, 3—4 — Kul-Oba, 5 — Thasos, burial EK-VIII. 1, 3, 4 — Saint Petersburg, State Hermitage, 1 — inv.-no. BB.192; 3 — inv.-no. KO.6, 4 — inv.-no. KO.7, 2 — Vratsa, Regional History Museum, inv.-no. B60, 5 — Thasos, Archaeological Museum. 1—4 — images without scale.

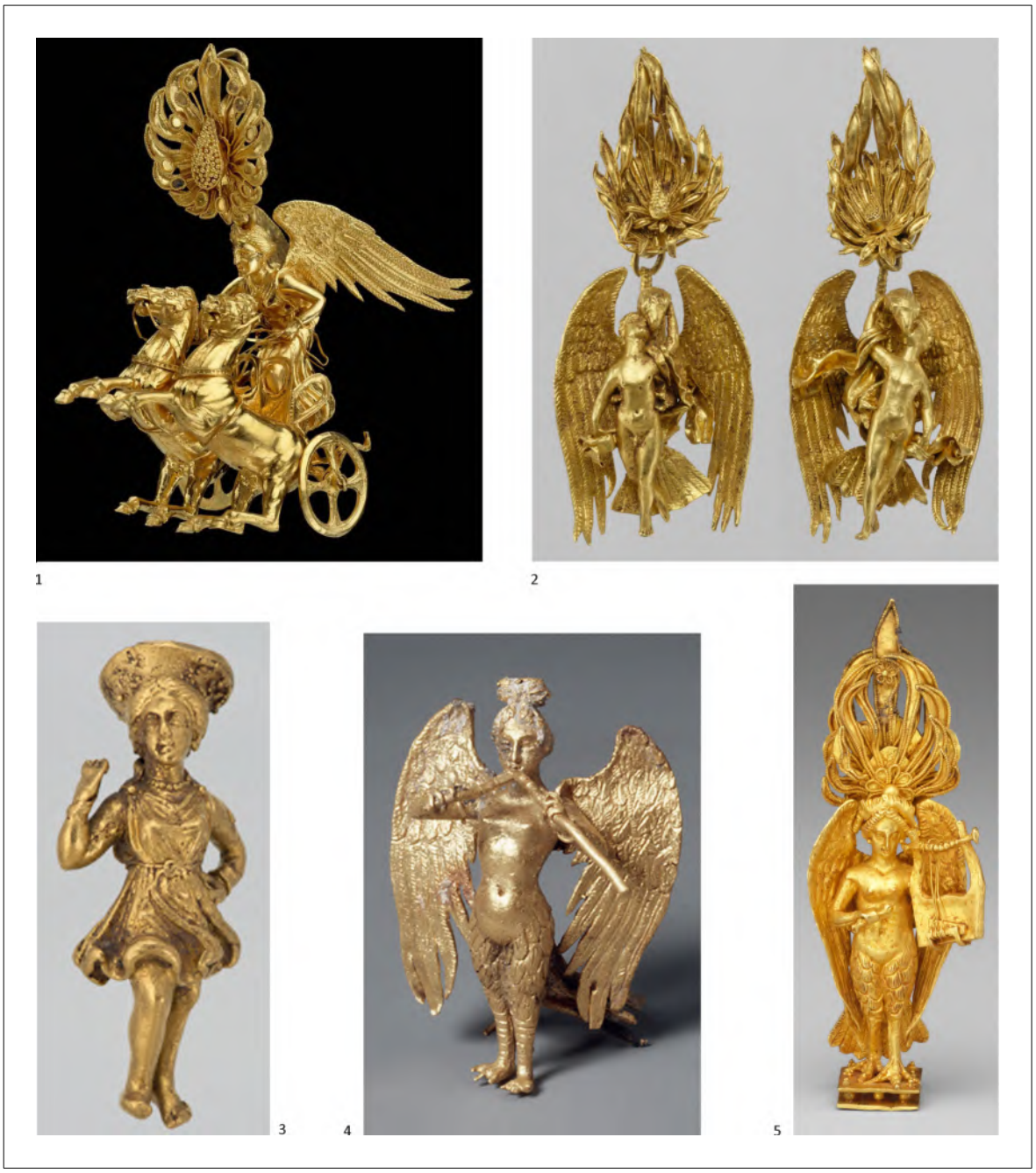


Рис. 4. Серьги в форме крючков с напаянной на лицевой стороне пальметтой и припаянными или подвешенными фигурными декоративными элементами и отдельные фигурные элементы. *1* — предположительно найденная на Пелопоннесе, *2* — предположительно найденные в районе Салоник, *3* — Большая Близница, *4* — Зеленская гора, *5* — происхождение неизвестно. 1 — Бостон, Музей изящных искусств, инв. № 98.788, 2, 5 — Нью-Йорк, Музей Метрополитен, 2 — инв. № 37.11.9, 10, 5 — инв. № 08.258.49, 3—4 — Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж, 3 — инв. № ББ.15, 4 — инв. № Зел.28. Изображения без масштаба.

Fig. 4. Hook-shaped earrings with a palmette soldered onto the front and with and soldered or suspended figural elements. *1* — allegedly found in Peloponnese, *2* — allegedly found in the region of Thessaloniki, *3* — Bol'shaya (Great) Bliznitsa, *4* — Zelenskaya Mount, *5* — provenance unknown. 1 — Boston, Museum of Fine Arts, inv.-no. 98.788, 2, 5 — New York, Mteropoltan Museum of Art, 2 — inv.-no. 37.11.9, 10, 5 — inv.-no. 08.258.49, 3—4 — Saint Petersburg, State Hermitage, 3 — inv.-no. ББ.15, 4 — inv.-no. Зел.28. Images without scale.

Рис. 5. Серьги со щитками, украшенными розеттами, и подвесками в форме сидящих на постаментах сфинксов. *1* — курган № 1/1853 г. на Тепе-Оба в окрестностях Феодосии (раскопки И.К. Айвазовского). Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж ГЭ, инв. № Ф.5, *2* — курган на северном склоне Тепе-Оба, раскопки Е.А. Катюшина, 1978 г. Феодосия, Феодосийский музей древностей. ФМД КП 27164, А-5570, Др-3-1, ГК-10478927, *3* — Трехбратние курганы. Курган № 1, гробница № 1. Киев, Музей исторических драгоценностей Украины, инв. № АЗС-2282/1—2, *4* — Огуз, северная могила. Киев, Институт археологии НАНУ.

Fig. 5. Earrings with bezels decorated with rosettes and with pendants in the form of sphinxes sitting on pedestals. *1* — Burial mound No. 1/1853 on Tepe-Oba in the outskirts of Feodosia (excavations by I.K. Ayvazovsky). Saint Petersburg, State Hermitage, inv.-no. Ф.5, *2* — Burial mound on the north slope of Tepe-Oba, excavations by E.A. Katyushin, 1978. Feodosia, Feodosia Museum of Antiquities, ФМД КП 27164, А-5570, Др-3-1, ГК-10478927, *3* — Three Brothers burial mound no. 1, tomb No. 1. Kiev, Museum of Historical Treasures of the Ukraine, inv.-no. AZS-2282/1—2, *4* — Oguz, Northern grave. Kiev, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

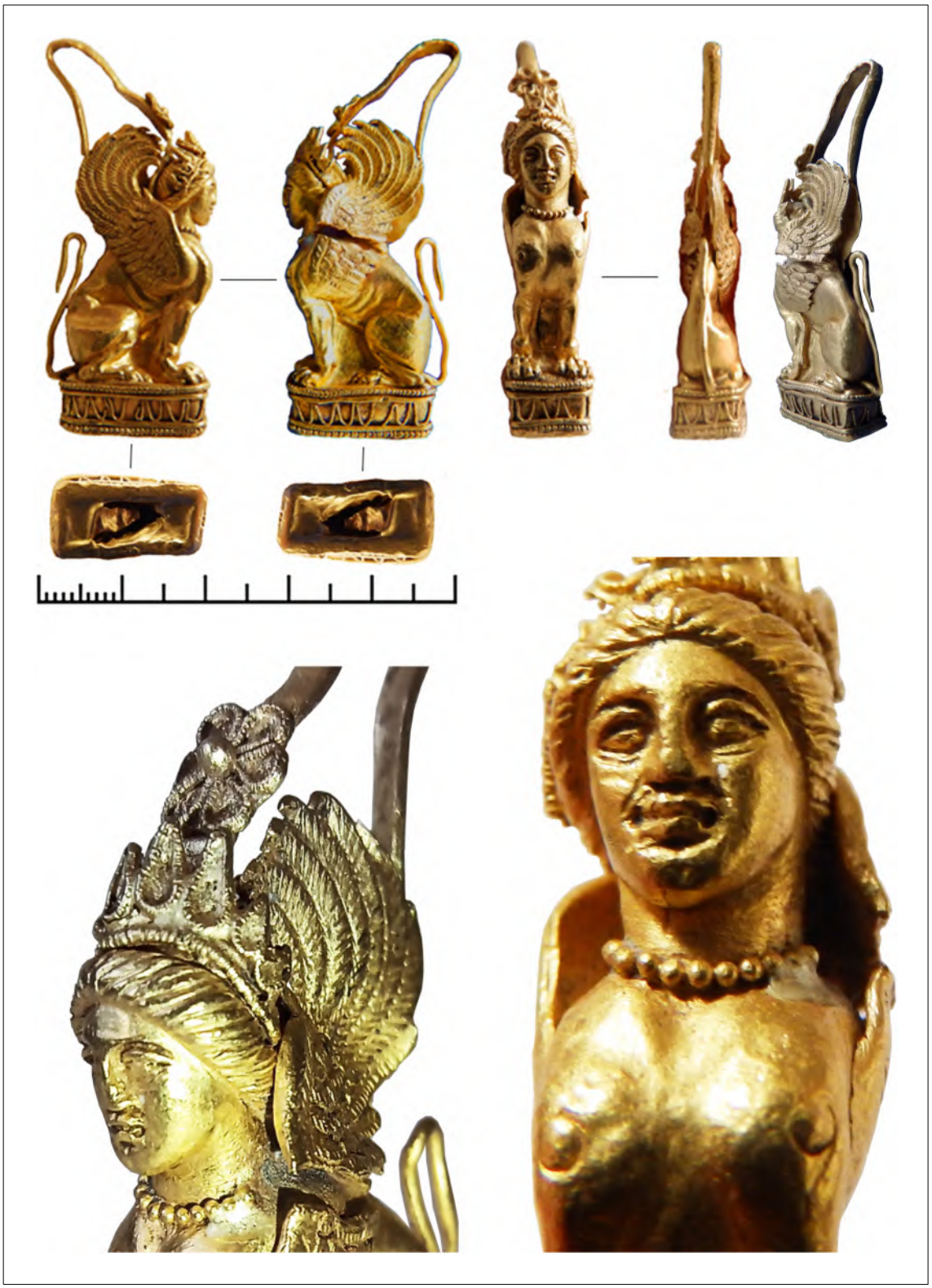


Рис. 6. Серьга со щитком, украшенным розеттой, и подвеской в форме сидящего на постаменте сфинкса. Курган на северном склоне Тепе-Оба, раскопки Е.А. Катюшина, 1978 г. Феодосия, Феодосийский музей древностей. ФМД КП 27164, А-5570, Др-3-1, ГК-10478927. Фото В.В. Маркова.

Fig. 6. Earring with bezel decorated with rosette and with pendant in the form of a sphinx sitting on pedestal. Burial mound on the north slope of Tepe-Oba, excavations by E.A. Katyushin, 1978. Feodosia, Feodosia Museum of Antiquities, ФМД КП 27164, А-5570, Др-3-1, ГК-10478927. Photographs by V.V. Markov.

Рис. 7. Украшения с изображениями сфинксов из скифских курганов. *1* — Чертомлык, инв. № Дн.1863.1/257, 258, *2* — Деев курган, инв. № Дн.1897.5/2, *3* — Большой Рыжановский курган. Боковая могила. 1—2 — Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж, 3 — Краков, Археологический музей.

Fig. 7. Fineries with images of sphinxes from Scythian burial mounds. *1* — Chertomlyk, inv.-no. Дн.1863.1/257, 258, *2* — Deev, inv.-no. Дн.1897.5/2, *3* — Great Ryzhanovka. Side burial. 1—2 — Saint Petersburg, State Hermitage, 3 — Krakow, Archaeological Museum.

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.70.13.006

Д.А. Кириченко, А.С. Абдуллаев, А.К. Кесеменли

О ТРАВМЕ ЧЕРЕПА В ЭПОХУ РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА (АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА)*

В статье рассмотрен мужской череп со следами травматических повреждений летального характера из Азербайджана. Антропологический материал происходит из погребения (№ 104) со слабо скорченным костяком, обнаруженным в квадрате 18 «а» во время спасательных археологических работ в 1946 г., в зоне строительства Мингечаурской ГЭС. Погребение датируется, в пределах IV—II вв. до н.э. Исследованный краниум принадлежал мужчине зрелого возраста (35—50 лет) — долихокранный. В настоящее время представлен в экспозиции «Музея анатомии человека» на кафедре «Анатомии человека и медицинской терминологии» Азербайджанского Медицинского Университета. На левой теменной кости черепа имеется костный дефект овальной формы (диаметр: 8 мм), края острые, который диагностируется, как проникающее ранение, дырчатый перелом. Общая зона поражения составляет 9 см. На правой височной кости отмечен дефект продолговатой овальной формы, 6 × 3 см, края острые. В данном случае мы имеем дело, предположительно, с проникающим ранением (дырчатый перелом). На затылочной кости имеется слегка уловимый вдавленный дефект (его хорошо видно лишь на рентгенограмме), который можно диагностировать, вероятно, как компрессионный перелом. Во всех трех случаях следы регенерации кости не выявлены. На рентгенограммах черепа, выполненных в переднезадней, латеральной и окципитальной проекциях, в левой верхне-передней париетальной области определяется костный дефект округлой формы диаметром 8—9 мм. Кпереди от дефекта располагается венечный шов; кзади от него выявляется трещина костной ткани протяжённостью до 7 см. Морфологические особенности дефекта позволяют предположить его образование в результате воздействия острого металлического предмета. В правой сквамозной и окципитальной областях также выявляются костные дефекты размерами 6 × 3 см и 2,5 × 1,5 см соответственно. От правого края большого затылочного отверстия кпереди распространяется трещина костной ткани. Вероятно, первый удар был нанесен в зону левой теменной кости с большой силой, кость оказалась проломлена вовнутрь, а затем из области повреждения пошли трещины. Возможно, смерть человека наступила мгновенно, либо же сразу после удара. Предположительно, противник находился сверху при нанесении удара, быть может на коне. Возможно, после первого удара, человек упал, отсюда и костный дефект — вдавление на затылочной кости, а затем, не исключен и второй сильный удар, уже в зону правой височной кости. Кость проломлена вовнутрь и из зоны поражения пошли трещины в сторону затылочной кости. Одним из возможных видов оружия, приведшим к смерти мужчины из Мингечаура, могло выступать копье. В синхронное время на территории Южного Кавказа помимо случая из Азербайджана травм летального характера на черепах не обнаружено. На территории Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья в изучаемый период, преобладающей категорией травм были вдавленные компрессионные переломы, затем шли рубленные ранения, а после — «дырчатые» переломы (проникающие ранения). Вдавленным компрессионным переломам были подвержены, мужчины, женщины, в том числе и дети. Рубленные и проникающие ранения фиксируются, в основном, на черепах мужчин, что, и, неудивительно, учитывая, по большей части их «профессиональную» деятельность, в качестве воинов.

Ключевые слова: Азербайджан, Кавказская Албания, археология, погребения, эпоха эллинизма, военное дело, травматические повреждения.

Сведения об авторах: Кириченко Дмитрий Александрович[1], кандидат исторических наук, доцент, Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана; Абдуллаев Анар Сардар оглы[2], кандидат медицинских наук, доцент, кафедра патологии, Азербайджанский Медицинский Университет; Кесеменли Афгана Камран кызы[3], кандидат медицинских наук, старший преподаватель, Факультет медицины и медицинских наук, Карабахский университет.

* Статья поступила в номер 12 декабря 2025 г.
Принята к печати 10 января 2026 г.

© Д.А. Кириченко, А.С. Абдуллаев, А.К. Кесеменли, 2026.

Контактная информация: [1]AZ 1143, Азербайджанская Республика, г. Баку, пр-т Г. Джавида, 115, Национальная Академия наук Азербайджана, e-mail: dmakirichenko@mail.ru; [2]AZ 1022, Азербайджанская Республика, г. Баку, ул. А. Бакиханова, 23, Азербайджанский Медицинский Университет, e-mail: anarabdullayev914@gmail.com; [3]AZ 2600, Азербайджанская Республика, г. Ханкенди, ул. Гёзалова, Карабахский университет, e-mail: afqana35@mail.ru.

D.A. Kirichenko, A.S. Abdullayev, A.K. Kesemenli

ON THE CRANIAL TRAUMA IN THE EARLY HELLENISTIC PERIOD (REPUBLIC OF AZERBAIJAN)

The article examines a male skull exhibiting evidence of traumatic injuries of a lethal nature from Azerbaijan. The anthropological material originates from burial No. 104, containing a partially flexed skeleton, which was discovered in square 18 “a” during rescue archaeological excavations in 1946 in the area of the Mingachevir Hydroelectric Power Plant construction. The burial is dated to the IV—II centuries BCE. The examined cranium belonged to a mature male (35—50 years old) and is classified as dolichocranic. It is currently on display in the “Human Anatomy Museum” at the Department of Human Anatomy and Medical Terminology, Azerbaijan Medical University. On the left parietal bone of the skull, there is an oval-shaped bony defect (diameter: 8 mm) with sharp edges, diagnosed as a penetrating injury, a perforating fracture. The overall affected area measures 9 cm. On the right temporal bone, there is an elongated oval defect measuring 6 × 3 cm, also with sharp edges. In this case, the injuries are interpreted as penetrating wounds (perforating fractures). On the occipital bone, there is a subtly depressed defect, which is clearly visible only on radiographs and can likely be diagnosed as a compression fracture. In all three cases, there is no evidence of bone regeneration. Radiographs of the skull, taken in posteroanterior, lateral, and occipital projections, reveal an oval bony defect in the left anterosuperior parietal region, measuring 8—9 mm in diameter. Anterior to the defect lies the coronal suture, while posteriorly a bone fracture extends up to 7 cm. The morphological characteristics of the defect suggest that it was caused by a sharp metallic object. Additional bony defects are observed in the right squamous and occipital regions, measuring 6 × 3 cm and 2.5 × 1.5 cm, respectively. A fracture of the bone extends anteriorly from the right margin of the foramen magnum. It is likely that the first blow was delivered with considerable force to the left parietal region, causing inward penetration of the bone, from which fractures subsequently propagated. The individual may have died instantaneously or shortly after the blow. It is presumed that the assailant was positioned above the victim, possibly on horseback. Following the first strike, the individual may have fallen, resulting in the depressed defect observed on the occipital bone. A second, powerful blow to the right temporal region cannot be excluded. In this case, the bone was driven inward, with fractures radiating from the impact site toward the occipital region. One of the possible types of weapons that may have caused the death of the male individual from Mingachevir could have been a spear. During the same period, no other cases of lethal cranial trauma have been recorded in the territory of the South Caucasus besides the instance from Azerbaijan. In the Near East and the Eastern Mediterranean regions of the studied period, the most common category of cranial injuries were depressed compression fractures, followed by cleaving (chopping) wounds, and then perforating fractures (penetrating injuries). Depressed compression fractures affected men, women, and children alike. Cleaving and penetrating injuries were primarily observed on the skulls of males, which is not surprising given that they were predominantly engaged in “professional” activities as warriors.

Key words: Azerbaijan, Caucasian Albania, archaeology, burials, Hellenistic period, warfare, traumatic injuries.

About the authors: Kirichenko Dmitry Aleksandrovich[1], PhD (Archaeology), Ass. Professor, Institute of archaeology and anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences; Abdullayev Anar Sardar[2], PhD (Medicine), Ass. Professor, Department of Pathology, Azerbaijan Medical University; Kesamanli Afgana Kamran gizi[3], PhD (Medicine), Senior Lecturer, Faculty of Medicine and Health Sciences, Qarabağ University.

Contact information: [1]AZ 1143, Azerbaijan Republic, Baku, H. Javid Avenue 115, Azerbaijan National Academy of Sciences, e-mail: dmakirichenko@mail.ru; [2]AZ 1022, Azerbaijan Republic, Baku, A. Bakikhanov str. 23, Azerbaijan Medical University, e-mail: anarabdullayev914@gmail.com; [3]AZ 2600, Azerbaijan Republic, Khankendi, Gozalov str., Qarabağ University, e-mail: afqana35@mail.ru.

В статье рассмотрен антропологический материал из погребения периода становления Кавказской Албании с территории Азербайджанской Республики.

Во время осмотра краниологической коллекции, представленной в экспозиции «Музея анатомии человека» на кафедре «Анатомия человека и медицинская терминология» Азербайджанского Медицинского Университета (АМУ) нами был исследован череп мужчины (№ 83) с костным дефектом на теменной кости.

Новизной публикации является описание случаев травматических повреждений летального характера, выявленных на черепе мужчины, а также составлена сводная таблица находок мужских краниумов эпохи раннего эллинизма (IV—II вв. до н.э.) с травмами летального характера с территории Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья.

Впервые в современной физической антропологии Азербайджана произведено исследование костных останков человека с применением рентгенограммы, с целью изучения и выявления травматических дефектов на краниуме.

Череп был обнаружен в ходе спасательных археологических раскопок в зоне строительства Мингечаурской ГЭС в 1946 г. и происходит из погребения (№ 104) со слабо скорченным костяком.

Погребения со слабо скорченным костяком (рис. 1) исследователями датируются в пределах IV—II вв. до н.э. (Асланов, Ваидов, Ионе 1959: 16) и являются одним из локальных вариантов грунтовых захоронений периода Кавказской Албании, отражающий обычай погребального обряда, возможно определенной этнической группы населения на определенном историческом этапе. Помимо Мингечаура грунтовые захоронения в слабо скорченном положении выявлены в могильниках у с. Нариманкенд (Евлахский р-н) и Гырах Кесамен (Акстафинский р-н) (Гошгарлы 2012: 15).

Слабо скорченные костяки в могилах уложены на левом и правом боку с ориентацией головы на северо-запад. В захоронениях преобладают сосуды серого цвета, встречается лощенная, гравированная и крашенная керамика, но в тоже время сосуды черного и красного цвета крайне редки. Керамические сосуды изготовлены от руки и отличаются многообразием форм и функциональным назначением (Гошгарлы 2012: 14). Обнаруженное при костяках оружие, преимущественно железное, бронза использовалась для украшений. В составе инвентаря встречались сосуды по форме близкие к эллинистическим (зооморфные, вазообразные, узко донные кувшины и т.д.) (Касимова 1960: 13).

Погребение № 104 было обнаружено в квадрате 18 «а». Скелет находился в слабо скорченном положении, на левом боку, лицевым отделом черепа, ориентированным на север-запад.

Инвентарь захоронения, судя по записям в инвентарной книге археологических раскопок полевого сезона 1946 г., состоял из 4 керамических сосудов (красноглинянной глубокой миски, красноглиняной миски, красноглиняного кувшинчика с ручкой отливом, красноглинянного кувшинчика), большого железного меча, железного ножа-серпа, железного ножа, железных браслетов, железного перстня-печатки, бронзового перстня-печатки, бронзового кольца, железного кольца с пятью шариками в виде пятиконечной звезды, бронзовых бусин, кусков материи, бусин из яшмы, амулета из зуба животного с отверстием, железного наконечника копья с втулкой[1].

Возможно, захороненный в погребении № 104 человек являлся воином и погиб в одном из сражений.

К сожалению, в настоящий момент достаточно трудно найти фото или графику не только самого погребения, но также и предметов, находившихся в могиле № 104, так как не сохранилось полевых отчетов о раскопках полевого сезона 1946 г., ведь прошло уже 80 лет с момента их поведения.

[1] Авторы выражают свою благодарность доктору философии по истории, доц. Ф.Х. Халили за набранные и предоставленные нам для использования инвентарную книгу археологических раскопок в зоне Мингечаура полевого сезона 1946 г.

Травматические повреждения были изучены согласно методикам, применяемым в современной судебной медицине (Крюков 1998; Sauer 1998; Çeker 2022) и палеопатологии (Мамонова, 1997; Бужилова 1995; Балабанова, Перерва 2007; Ражев 2013; Балабанова, Перерва 2019; Lovell 1997; Ortner 2003; Knüsel 2005).

В ходе описания травматических повреждений была отмечена их локализация на краниуме, сторона расположения (справа/слева), форма дефекта, размеры и тип, согласно принятой классификации, а также предполагаемый предмет/оружие, нанесения ранения (Кириченко 2025: 394).

Рентгенологическое исследование сухого черепа проводилось на аппарате SG Healthcare, модель Jumong RF в цифровом высококонтрастном режиме, оптимизированном для визуализации костной ткани.

Череп был надежно зафиксирован на рентгеновском столе с использованием неподвижного держателя и вспомогательных поддерживающих элементов, что исключало смещение, наклон или ротацию и обеспечивало симметрию всех проекций. Фиксация включала стабилизацию свода, височных и затылочных областей с использованием мягких подкладок и зажимов, предотвращающих соскальзывание костей при смене проекций.

Съёмка выполнялась в цифровом формате с высоким разрешением, обеспечивающим максимальную детализацию костных структур и возможность точного измерения дефектов и трещин. Для комплексной морфологической оценки применялись следующие проекции:

Аксиальная краниокаудальная проекция (рис. 5: 1) применена в настоящем исследовании как нестандартная рентгенографическая проекция, при которой центральный рентгеновский пучок направлен кранио-каудально, от свода черепа к его основанию. Использование данной проекции обусловлено исследовательскими задачами, связанными с анализом пространственных соотношений костей свода и основания черепа, а также особенностей их наложения при прохождении рентгеновского пучка вдоль продольной оси черепа. В отличие от стандартных клинических проекций, аксиальная краниокаудальная проекция позволяет получить изображение, отражающее геометрию черепа при направлении излучения, противоположном субментовертексной проекции, что расширяет представление о морфологии и рентгеноанатомии изучаемого объекта.

Следует отметить, что данная проекция не относится к числу стандартных клинических рентгенологических проекций и применяется преимущественно в анатомических, остеологических и методических исследованиях, где объектом изучения является череп как костная структура, а не голова живого пациента. В этом контексте использование аксиальной краниокаудальной проекции является методически оправданным и терминологически корректным.

Переднезадняя (рис. 5: 2) — визуализация свода, лобной и верхнечелюстной областей, орбит, носовых костей и основания черепа. Позволяет оценить целостность свода, характер костных дефектов и направление трещин относительно костных швов.

Латеральная (рис. 5: 3—4) — оценка боковых отделов свода, височных и затылочных костей, скуловых дуг, задних отделов орбит; позволяет определить направление трещин и смещение костных элементов.

Задне-передняя (окципитальная) (рис. 5: 5) — анализ заднего отдела свода, большого затылочного отверстия и прилегающих структур; выявление дефектов затылочной кости и протяжённости трещин.

Левая верхне-передняя париетальная — детальная локализация дефектов верхней и передней части свода, измерение их диаметра и направления трещин относительно корональных швов.

Правая сквамозная и окципитальная — оценка правой височной и затылочной областей, выявление дополнительных повреждений, измерение размеров и протяжённости трещин, определение их связи с анатомическими ориентирами.

Субментовертексная проекция (рис. 5: 6) — рентгенографическая проекция, при которой центральный рентгеновский пучок направлен каудо-краниально, от подподбородочной области к вершине черепа. Плоскость основания черепа ориентирована параллельно приёмнику изображения. Проекция предназначена для визуализации основания черепа, скуловых дуг, клиновидной кости, крыловидных отростков, а также взаимного расположения костей лицевого и мозгового отделов черепа. Характеризуется минимальным наложением скуловых дуг и симметричным отображением базальных структур.

Центральный рентгеновский пучок ориентировался перпендикулярно к исследуемой поверхности для каждой проекции, что минимизировало геометрические искажения. Каждая проекция документировалась отдельно, с последующим цифровым измерением костных дефектов и трещин. Измерения включали определение диаметра, длины, формы и направления повреждений, а также их расположение относительно костных швов и анатомических ориентиров, включая свод, основание черепа, параназальные синусы и орбиты. Съёмка проводилась в строгой последовательности: сначала фиксировались свод и передние отделы черепа, затем боковые и задние области, что позволяло получить полное покрытие всех анатомических зон и построить комплексную морфологическую карту черепа. Такой подход обеспечивал воспроизводимость результатов, объективность визуализации, точность измерений и возможность проведения последующего морфологического, палеопатологического и судебно-медицинского анализа (Campo, Petty 1980; Hofman et al. 2000; Love, Wiersema 2016).

Исследованный череп (рис. 2), принадлежал мужчине зрелого возраста (35—50 лет) (Buikstra, Ubelaker 1994), неудовлетворительной сохранности, практически полностью отсутствует лицевая часть, долихокранный, характеризуется большим продольным (188 мм), средним поперечным (139 мм) и средним высотным (136 мм) диаметрами мозговой коробки. Лоб среднеширокий (95 мм).

На левой теменной кости имеется костный дефект (рис. 3) овальной формы (диаметр — 8 мм), края острые, который диагностируется, как проникающее ранение, дырчатый перелом. Общая зона поражения составляет 9 см.

На правой височной кости отмечен дефект (рис. 4) продолговатой овальной формы, 6 × 3 см, края острые. В данном случае мы имеем дело, предположительно, с проникающим ранением (дырчатый перелом).

На затылочной кости слева имеется слегка уловимый вдавленный дефект (его хорошо видно лишь на рентгенограмме), который можно диагностировать, вероятно, как компрессионный перелом. Во всех трех случаях следы регенерации кости не выявлены.

Исследованные в публикации травмы относятся, к так называемым *perimortem trauma* (травмам, произошедшим накануне или в момент смерти) (Sauer 1998; Çeker 2022; Lovell 1997; Ortner 2003) без следов заживления.

Проведенная на кафедре «Анатомии человека и медицинской терминологии» АМУ рентгенографическое исследование показало, что на черепе мужчины из погребения № 104 выявляется частичная деструкция орбит, основания черепа и носовых костей, обусловленная длительным постмортальным воздействием. Свод черепа преимущественно сохранён, черепные швы выражены, расположены симметрично. Параназальные синусы и мастоидные клетки визуализируются нечетко вследствие указанных изменений.

На рентгенограммах черепа (рис. 5), выполненных в переднезадней (рис. 5: 1), латеральной (рис. 5: 3—4) и задне-передней (рис. 5: 5) проекциях, в левой верхне-передней париетальной области определяется костный дефект округлой формы диаметром 8—9 мм. Кпереди от дефекта располагается венечный шов; кзади от него выявляется трещина костной ткани протяжённостью до 7 см. Морфологические особенности дефекта позволяют предположить его образование в результате воздействия острого металлического предмета.

В правой сквамозной и окципитальной областях также выявляются костные дефекты размерами 6 × 3 см и 2,5 × 1,5 см соответственно. От правого края большого затылочного отверстия кпереди распространяется трещина костной ткани.

Попробуем реконструировать картину поединка и представить последние моменты жизни мужчины из Мингечаура.

Вероятно, первый удар был нанесен в зону левой теменной кости с большой силой, кость оказалась проломлена вовнутрь, а затем из области повреждения пошли трещины. Возможно, смерть человека наступила мгновенно, либо же сразу после удара. Предположительно, противник находился сверху при нанесении удара, быть может на коне.

Возможно, после первого удара, человек упал, отсюда и костный дефект — вдавление на затылочной кости, а затем, не исключен и второй сильный удар, уже в зону правой височной кости. Кость проломлена вовнутрь и из зоны поражения пошли трещины в сторону затылочной кости.

Одним из возможных видов оружия, приведшим к смерти мужчины из Мингечаура, могло выступать копье.

Копья являлись одним из основных типов наступательного оружия населения Кавказской Албании. Страбон сообщает, что «Албаны сражались копьями и стрелами…» (Əliyev 2008: 115). Албаны имели специальные отряды, состоящие из копьеносцев (Əliyev 2008: 119).

Железные копья были обнаружены, как в погребениях со слабо скорченными костяками из Мингечаура, так и в синхронных памятниках Азербайджана исследуемого периода.

А.А. Алиев выделяет по форме пять основных групп наконечников копий на территории нашей республики (Əliyev 2008: 119).

В настоящее время, достаточно трудно сказать наконечником копья какой группы было нанесено смертельное ранение.

Если, как мы думаем, травма была нанесена сверху, конным воином, то данный вид соответствует III типу копий (рис. 6), согласно классификации А.А. Алиева (Əliyev 2008).

III группу составляют наконечники с широким пером и полукруглыми боковыми гранями. Их боковые крылья имеют форму серпа и эллипсоидное соединение с втулкой (Əliyev 2008: 120).

Начиная с савроматского времени оружие подобного плана использовалось, предположительно, конными подразделениями. Скифы и греки вооружали ими конных всадников (Əliyev 2008: 45). Копья подобного плана широко использовались также и сарматами (Əliyev 2008: 46).

На территории Южного Кавказа травмы с летальным исходом на черепах эпохи эллинизма пока не обнаружены и нам неизвестны.

В целом, вопросы, связанные с боевым травматизмом на южнокавказских антропологических материалах, относящихся к эллинистическому периоду, еще не совсем хорошо и детально проработаны, так как практически нет находок черепов, где бы его признаки фиксировались.

На территории Евразии в исследуемый период были отмечены многие случаи *perimortem* травм на краниумах, как мужчин, так и женщин, описание которых не входит в задачи нашей публикации, мы ограничились лишь антропологическими материалами с территории Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья (рис. 7).

Краниумы с *perimortem* травмами были обнаружены на ряде археологических памятников синхронного времени: Гордион (Selinsky 2015); некрополь г. Клазомены (Güleç et al. 1998); некрополь Бёрюкчю (Sağır et al. 2004); некрополь Йюджейорен (Sevim 2006) в Анатолии; Файлака (Maat et al. 1990) на юге Месопотамии; Херонея (Liston 2020) в материковой Греции.

На черепах были отмечены, как проникающие «дырчатые» переломы, рубленные травмы, так и вдавленные компрессионные переломы (табл. 1).

В частности, в Гордионе, в так называемом «Нижнем Городе» (Lower Town), на черепе (YH 47397) женщины, в возрасте 30—45 лет, из грунтового коллективного ритуального погребения, связанного с жертвоприношением людей, которое относится к периоду господства галатов (III—II в. до н.э.) была отмечена травма — три вдавленных компрессионных перелома без следов заживления (Selinsky 2015: 217—218); на лобной кости

(справа) черепа мужчины, в возрасте 45—50 лет, из грунтового погребения (KLZ'96 142 A) некрополя г. Клазомены имеется вдавленный компрессионный перелом, а на черепе ребенка, в возрасте около 8 лет, из грунтового погребения (KLZ'95-89) на пересечении лобной и чешуйчатой кости присутствует три углубления диаметром 6 мм — вдавленный компрессионный перелом, на правой теменной кости мужчины, в возрасте 40—55 лет отмечен вдавленный компрессионный перелом (Güleç et al. 1998: 149).

На левой теменной кости черепа женщины в возрасте 40—45 лет, из погребения (каменной гробницы) № 2 некрополя Бёрюкчю отмечено травматическое повреждение глубиной 1 см (Sağır et al. 2004: 36, Res. 5-6); на правой теменной кости черепа ребенка (K3/2, 3), в возрасте 2—2,5 г. (Sevim 2006: 272) из коллективной двухкамерной гробницы K 3 с дромосом некрополя Йюджейорен (Akçay et al. 2006) присутствует след от пореза (Sevim 2006: 272), предположительно, рубленная травма.

На теменной и лобной костях (справа) черепа мужчины (№ 86-1649), в возрасте 23-30/40 лет, из одиночного грунтового погребения отмечено два отверстия прямоугольной формы, размерами 8 × 7 мм, без следов заживления. Отверстие аналогичной формы было засвидетельствовано и на черепе мужчины (№ 86-1654), в возрасте 30—40 лет, из парного погребения, также без следов заживления. Возможно, что отверстий было также два, но второе отсутствует, в виду не полной сохранности краниума (Maat et al. 1990: 89).

Захоронения были обнаружены на руинах общественного здания эпохи бронзы на острове Файлака (Maat et al. 1990: 85), датировались, в пределах первой половины II в. до н.э. (Maat et al. 1990: 93) и представляли собой, по всей видимости, погребения военнослужащих, а не гражданских лиц. Это очень хорошо вписывалось в существующий исторический археологический образ острова, представлявшего собой место расположения крепости для армий Селевкидов (Maat et al. 1990: 98).

Обе травмы на черепах мужчин — смертельные, без следов заживления, ранения были нанесены, по всей видимости, сельскохозяйственными железными вилами (Maat et al. 1990: 96—97).

На мужских и женских черепах эллинистического периода (II в. до н.э.) с территории Израиля фиксируются, в основном вдавленные компрессионные переломы (Goldstein, Arensburg, Nathan 1981).

На черепах жертв из массового погребения в цистерне в г. Иерусали отмечены рубленные ранения, а также вдавленные компрессионные переломы. Данное захоронение датируется в пределах конца II — начала I вв. до н.э. (Dittmar et al. 2022).

В ходе исследования костных останков людей (10—12 или 15—18 мужчин, в возрасте 18—40+), погибших в 338 г. до н.э. в битве при Херонее (между македонскими войсками, во главе с царем Филиппом II и его сыном Александром III Великим с одной стороны и греками — Афины, Беотийский союз и другие их союзники), и погребенных под монументом «Лев Херонеи» было отмечено, что люди погибли насильственной смертью, фиксируется большое количество смертельных ранений лица, свода черепа. Их расположение разнообразно. Среди травматических повреждений отмечены рубленные ранения, вдавленные компрессионные переломы и проникающие ранения (Liston 2020).

Наше внимание привлек череп мужчины, у которого на левой теменной кости отмечен дырчатый перелом, размерами 6 × 8 мм. Смертельное ранение было нанесено наконечником копья (Liston 2020: 85, Fig.7: 1).

Угол всех ранений, за исключением одного, указывает на то, что нападавшие находились выше своих жертв или, по крайней мере, тянулись высоко над их головами, прежде чем нанести удар. Удары могли быть нанесены конной кавалерией или солдаты стояли на коленях в момент удара (Liston 2020: 91).

Данное повреждение несколько напоминает первую смертельную травму из Мингечаура, по типу оружия и манере нанесения удара сверху (возможно, с коня), но сам удар был не настолько сильным, как в случае из Азербайджана.

На территории Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья в изучаемый период, преобладающей категорией травм были вдавленные компрессионные переломы, затем шли рубленные травмы, а после — «дырчатые» переломы (проникающие ранения).

Вдавленным компрессионным переломам были подвержены мужчины, женщины, в том числе и дети.

Рубленные и проникающие ранения фиксируются, в основном, на черепах мужчин, что, и, неудивительно, учитывая, по большей части их «профессиональную» деятельность, в качестве воинов.

Возможно, новые находки краниумов с *perimortem* травмами смогут пересмотреть наши выводы.

В настоящее время на территории Азербайджана, кроме случая из Мингечаура травм летального характера, относящихся к изучаемому времени не обнаружено.

Литература

Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. 1959. *Древний Мингечаур*. Баку: АН Азербайджанской ССР.

Балабанова М.А., Перерва Е.В. 2007. Идентификация типов оружия по боевым травмам у сарматов. В: Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (отв. ред.). *Вооружение Сарматов: региональная типология и хронология*. Челябинск: ЮУрГУ, 173—181.

Балабанова М.А., Перерва Е.В. 2019. Травмы как свидетельство вооруженного насилия: (по материалам могильников сарматского времени Нижнего Поволжья и Нижнего Дона). *Stratum plus* 4, 321—342.

Бужилова А.П. 1995. *Древнее население (палеопатологические аспекты исследования)*. Москва: ИА РАН.

Гошгарлы Г.О. 2012. *Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана*. Баку: Элм.

Казиев С.М. 1949. Археологические раскопки в Мингечауре. *Материальная культура Азербайджана* I. Баку: АН Азербайджанской ССР, 9—49.

Кириченко Д.А. 2025. О травмах черепа у мужчин в эпоху античности (Азербайджанская Республика). *МАИАСП* 19, 393—407.

Крюков В.Н. 2012. *Судебная медицина*. Москва: Медицина.

Мамонова Н.Н. 1997. Боевые травмы на черепах из могильника Улангом (V—III вв. до н.э.). *РА* 4, 108—121.

Ражев Д.И. 2013. Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: Распространение, структура, интерпретации. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 2 (21), 56—69.

Akçay A., Şenyurt S.Y., Kamış Y. (eds.). 2006. *Yüceören Doğu Likya'da Bir Helenistik Roma Nekropolü / A Hellenistic and Roman Necropolis in Eastern Kilikia*. Ankara: Mert Basın Yayın San. Tic. Ltd. Şti.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. 1994. *Standards for data collection from human skeletal remains: proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History, organized by Jonathan Haas.*. Indianapolis: Western Newspaper Company (Arkansas archaeological research series 44).

Campo J., Petty P.G. 1980. How useful is the skull x-ray examination in trauma? *Medical Journal of Australia* 15;2 (10), 553—555. DOI: 10.5694/j.1326-5377.1980.tb100765.x.

Çeker D. 2022. İnsan iskeletlerinde travma çeşitleri ve özellikleri. In: Çeker D., Sevim Erol A., Plümer Küçük G. *Adli Antropoloji ve Kimliklendirme - Sahada ve Laboratuvarda Popöler Metodlar*. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 235—260.

Dittmar et al. 2022: Dittmar J.M., Nagar Y., Arbiv K., Lieberman T., Mitchell P.D. 2022. Violence in Hasmonean Judea: Skeletal evidence of a massacre from 2nd — 1st century BCE Jerusalem. *International Journal of Osteoarchaeology* 32, 731—745. DOI: https://doi.org/10.1002/oa.3084.

Əliyev Ə.Ə. 2008. *Qədim albanların silahları*. Bakı: Nurlan nəşriyyatı.

Goldstein M.S., Arensburg B., Nathan H. 1981. Skeletal remains of Jews from the Hellenistic and. Roman periods in Israel, III: Pathology. *Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*. XIII° Série. T. 8. Fasc. 1, 11—24. DOI: https://doi.org/10.3406/bmsap.1981.3807.

Güleç et al. 1998: Güleç E., Sevim A., Özer İ., Sağır M. 1998. Klazomenai'de Yaşamış. İnsanların Sağlık Sorunları. *XIII. Arkeometri Sonuçları Toplantısı (sayfa 133—160)*, 133—159.

Hofman et al. 2000: Hofman P.A, Nelemans P., Kemerink G.J., Wilmink J.T. 2000. Value of radiological diagnosis of skull fracture in the management of mild head injury: meta-analysis. *Journal of Neurology, Neurosurgery, and Psychiatry* 68 (4), 416—422. DOI: 10.1136/jnnp.68.4.416.

Knüsel C.J. 2005. The physical evidence of warfare- subtle stigmata? In: Parker Pearson M., Thorpe I.J.N. (eds.). *Warfare, Violence, and Slavery: Proceedings of a Prehistoric Society conference at Sheffield University*. Oxford: BAR Publishing, 49—65.

Liston M.A. 2020. Skeletal Evidence for the Impact of Battle on Soldiers and Non-Combatants. In: Brice L.L. (ed.). *New Approaches to Greek and Roman Warfare*. New Jersey: Wiley Blackwell, 81—94.

Love J.C., Wiersema J.M. 2016. Skeletal Trauma: An Anthropological Review. *Academic Forensic Pathology* 6 (3), 463—477. DOI: 10.23907/2016.047.

Lovell N.C. 1997. Trauma analysis in paleopathology. *Yearbook of Physical Anthropology* 40, 139—170.

Maat George J.R., Lonnee Herman A., Noordhuizen Hendrikus J.W. 1990. Analysis of human skeletons from the Hellenistic period, buried at a ruined Bronze age building on Failaka, Kuwait. In: Calvet Y., Gachet J. (eds.). *Failaka, fouilles françaises 1986—1988. Travaux de la Maison de l'Orient 18*. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 85—102.

Nagar Y. 2003. Who lived in Israel? A Story of Ancient Populations. Jerusalem: Oranit.

Ortner D.J. 2003. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. San Diego: Academic Press.

Sağır et al. 2004: Sağır M., Özer İ., Satar Z. Güleç E. 2004. Börükçü İskeletlerinin Paleoantropolojik İncelenmesi. *19. Arkeometri Sonuçları Toplantısı*, 27—41.

Sauer N.J. 1997. The Timing of Injuries and Manner of Death: Distinguishing Among Antemortem, Perimortem, and Postmortem Trauma. In: Reichs K. (eds.). *Forensic Osteology Advances in the Identification of Human Remains*. Springfield: Charles C. Thomas, 321—332.

Selinsky P. 2015. Celtic Ritual Activity at Gordion, Turkey: Evidence from Mortuary Contexts and Skeletal Analysis. *International Journal of Osteoarchaeology* 25, 213—225.

Sevim A. 2006. Yüceören İskeletlerinin Paleoantropolojik Açıdan Değerlendirilmesi. In: Akçay A., Şenyurt S.Y., Kamış Y. (eds.). *Yüceören Doğu Likya'da Bir Helenistik Roma Nekropolü / A Hellenistic and Roman Necropolis in Eastern Kilikia*. Ankara: Mert Basın Yayın San. Tic. Ltd. Şti., 243—280.

References

Aslanov, G. M., Vaidov, R. M., Ione, G. I. 1959. *Drevniy Mingechaur (Ancient Mingechaur)*. Baku: AN Azerbaijan SSR (in Russian).

Balabanova, M.A., Pererva, E.V. 2007. In: Yablonskij, L.T., Tairov, A.D. (eds.). *Vooruzhenie Sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya (The Sarmatians Arming: Regional typology and chronology)*. Chelyabinsk: YuURGU, 173—181 (in Russian).

Balabanova, M.A., Pererva, E.V. 2019. In *Stratum plus* 4, 321—342 (in Russian).

Buzhilova, A.P. 1995. *Drevnee naselenie: paleopatologicheskie aspekty issledovaniia (Ancient Population: Paleopathological Aspects of Study)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. (in Russian).

Goshgarly, G.O. 2012. *Tipologiya pogrebal'nykh pamyatnikov antichnogo perioda na territorii Azerbajdzhana (Typology of burial monuments of Antique period at the territory of Azerbaijan).* Baku: Elm (in Russian).

Kaziyev, S.M. 1949. In *Material'naya kul'tura Azerbajdzhana (Material culture of Azerbaijan)* I, Baku: AN Azerbaijan SSR, 9—49 (in Russian).

Kirichenko, D.A. 2025. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 19, 393—407 (in Russian).

Kriukov, V.N. 1990. *Sudebnaia meditsina (Forensic Medicine)*. Moscow: Meditsina (in Russian).

Mamonova, N.N. 1997. In *Rossiyskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* 4, 108—121 (in Russian).

Raev, D.I. 2013. In *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii* 2 (21), 59—69 (in Russian).

Akçay, A., Şenyurt, S.Y., Kamış, Y. (eds.). 2006. *Yüceören Doğu Likya'da Bir Helenistik Roma Nekropolü / A Hellenistic and Roman Necropolis in Eastern Kilikia*. Ankara: Mert Basın Yayın San. Tic. Ltd. Şti.

Buikstra, J.E., Ubelaker, D.H. 1994. *Standards for data collection from human skeletal remains: proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History, organized by Jonathan Haas.*. Indianapolis: Western Newspaper Company (Arkansas archaeological research series 44).

Campo, J., Petty, P.G. 1980. How useful is the skull x-ray examination in trauma? *Medical Journal of Australia* 15;2 (10), 553—555. DOI: 10.5694/j.1326-5377.1980.tb100765.x.

Çeker, D. 2022. İnsan iskeletlerinde travma çeşitleri ve özellikleri. In: Çeker, D., Sevim Erol, A., Plümer Küçük, G. *Adli Antropoloji ve Kimliklendirme - Sahada ve Laboratuvarda Popöler Metodlar*. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 235—260.

Dittmar et al. 2022: Dittmar, J.M., Nagar, Y., Arbiv, K., Lieberman, T., Mitchell, P.D. 2022. Violence in Hasmonean Judea: Skeletal evidence of a massacre from 2nd — 1st century BCE Jerusalem. *International Journal of Osteoarchaeology* 32, 731—745. DOI: https://doi.org/10.1002/oa.3084.

Əliyev, Ə.Ə. 2008. *Qədim albanların silahları*. Bakı: Nurlan nəşriyyatı.

Goldstein, M.S., Arensburg, B., Nathan, H. 1981. Skeletal remains of Jews from the Hellenistic and. Roman periods in Israel, III: Pathology. *Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*. XIII° Série. T. 8. Fasc. 1, 11—24. DOI: https://doi.org/10.3406/bmsap.1981.3807.

Güleç et al. 1998: Güleç, E., Sevim, A., Özer, İ., Sağır, M. 1998. Klazomenai'de Yaşamış. İnsanların Sağlık Sorunları. *XIII. Arkeometri Sonuçları Toplantısı (sayfa 133—160)*, 133—159.

Hofman et al. 2000: Hofman, P.A, Nelemans, P., Kemerink, G.J., Wilmink, J.T. 2000. Value of radiological diagnosis of skull fracture in the management of mild head injury: meta-analysis. *Journal of Neurology, Neurosurgery, and Psychiatry* 68 (4), 416—422. DOI: 10.1136/jnnp.68.4.416.

Knüsel, C.J. 2005. The physical evidence of warfare- subtle stigmata? In: Parker Pearson, M., Thorpe, I.J.N. (eds.). *Warfare, Violence, and Slavery: Proceedings of a Prehistoric Society conference at Sheffield University*. Oxford: BAR Publishing, 49—65.

Liston, M.A. 2020. Skeletal Evidence for the Impact of Battle on Soldiers and Non-Combatants. In: Brice, L.L. (ed.). *New Approaches to Greek and Roman Warfare*. New Jersey: Wiley Blackwell, 81—94.

Love, J.C., Wiersema, J.M. 2016. Skeletal Trauma: An Anthropological Review. *Academic Forensic Pathology* 6 (3), 463—477. DOI: 10.23907/2016.047.

Lovell, N.C. 1997. Trauma analysis in paleopathology. *Yearbook of Physical Anthropology* 40, 139—170.

Maat George, J.R., Lonnee Herman, A., Noordhuizen Hendrikus, J.W. 1990. Analysis of human skeletons from the Hellenistic period, buried at a ruined Bronze age building on Failaka, Kuwait. In: Calvet, Y., Gachet, J. (eds.). *Failaka, fouilles françaises 1986—1988. Travaux de la Maison de l'Orient 18*. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 85—102.

Nagar, Y. 2003. Who lived in Israel? A Story of Ancient Populations. Jerusalem: Oranit.

Ortner, D.J. 2003. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. San Diego: Academic Press.

Sağır et al. 2004: Sağır, M., Özer, İ., Satar, Z. Güleç, E. 2004. Börükçü İskeletlerinin Paleoantropolojik İncelenmesi. *19. Arkeometri Sonuçları Toplantısı*, 27—41.

Sauer, N.J. 1997. The Timing of Injuries and Manner of Death: Distinguishing Among Antemortem, Perimortem, and Postmortem Trauma. In: Reichs, K. (eds.). *Forensic Osteology Advances in the Identification of Human Remains*. Springfield: Charles C. Thomas, 321—332.

Selinsky, P. 2015. Celtic Ritual Activity at Gordion, Turkey: Evidence from Mortuary Contexts and Skeletal Analysis. *International Journal of Osteoarchaeology* 25, 213—225.

Sevim, A. 2006. Yüceören İskeletlerinin Paleoantropolojik Açıdan Değerlendirilmesi. In: Akçay, A., Şenyurt, S.Y., Kamış, Y. (eds.). *Yüceören Doğu Likya'da Bir Helenistik Roma Nekropolü / A Hellenistic and Roman Necropolis in Eastern Kilikia*. Ankara: Mert Basın Yayın San. Tic. Ltd. Şti., 243—280.

Табл. 1. **Археологические памятники с *perimortem trauma*. Южный Кавказ, Ближний Восток и Восточное Средиземноморье. Эллинистический период.**

Археологический памятник /Страна/ Датировка	**Погребение, №**	**Пол**	**Область на черепе / сторона**	**Размеры (мм, см)**	**Вид ранения/ травмы**	**Исследователь**
Мингечаур /Азербайджан/ IV—II вв. до н.э.	№ 104	М	Теменная кость/слева; Височная кость/справа; Затылочная кость/слева	Диаметр 8 мм; Высота 6 мм 6 × 3 см 2,5 × 1.5 см	П/ДП П/ДП ВКП	Наст. издание
Гордион /Турция/ III—II в. до н.э.	YH 47397	Ж	Теменная кость/ справа	—	ВКП	Selinsky 2015
Некрополь г. Клазомены /Турция/ IV в. до н.э.	KLZ'96 142 A KLZ'95-89 KLZ'95-99	М РБ М	Лобная кость /справа Лобная и чешуйчатая кость Теменная кость/справа	— Диаметр 6 мм —	ВКП ВКП ВКП	Güleç et al. 1998
Некрополь Бёрюкчю /Турция/ Эллинистический период	№2	Ж	Теменная кость/слева	Глубина 1 см	ВКП	Sağır et al. 2004
Некрополь Йюджейорен /Турция/ Эллинистический период	K 3	РБ	Теменная кость/справа	—	Р	Sevim 2006
Израиль /Эллинистический период (II в. до н.э.)	—	М Ж	—	—	ВКП	Goldstein, Arensburg, Nathan 1981
Иерусалим / Израиль/ конец II — начало I вв. до н.э.	Массовое захоронение в цистерне	М Ж	Теменная кость (справа и слева); Затылочная кость	—	Р; ВКП	Dittmar et al. 2022

Табл. 1. **Археологические памятники с *perimortem trauma*. Южный Кавказ, Ближний Восток и Восточное Средиземноморье. Эллинистический период (продолжение).**

Археологический памятник /Страна/ Датировка	Погребение, №	Пол	Область на черепе / сторона	Размеры (мм, см)	Вид ранения/ травмы	Исследователь
Файлака /Кувейт/ II в. до н.э.	1649	М	Лобная и теменная кость/справа	8 × 7 мм	П/ДП	Maat et al. 1990
	1654	М	—	—	П/ДП	
Херонея /Греция/ IV в. до н.э.	Монумент «Лев Хероней», предполагаемое место захоронения воинов Фиванского Священного Круга	М	Теменная кость/слева;	6 × 8 мм	П/ДП;	Liston 2020
		М	Различное расположение на костях и на лицевой части черепов	—	Р; ВКП	

—: Данные отсутствуют; П: Проникающее; ДП: «Дырчатый перелом»; ВКП: Вдавленный компрессионный перелом; Р: Рубленная; М — Мужчина; Ж — Женщина; РБ — Ребенок.

Рис. 1. Грунтовое погребение со слабо скорченным костяком. Мингечаур (по Казиев 1949: рис. 23).

Fig. 1. The soil burial with a partially flexed skeleton. Mingachevir (after Kaziyev 1949: Fig. 23).

Рис. 2. Мужской череп с травматическим дефектом из погребения №104. Мингечаур (фото Д.А. Кириченко).

Fig. 2. Male skull with traumatic defect from burial 104. Mingachevir (Photo by D.A. Kirichenko).

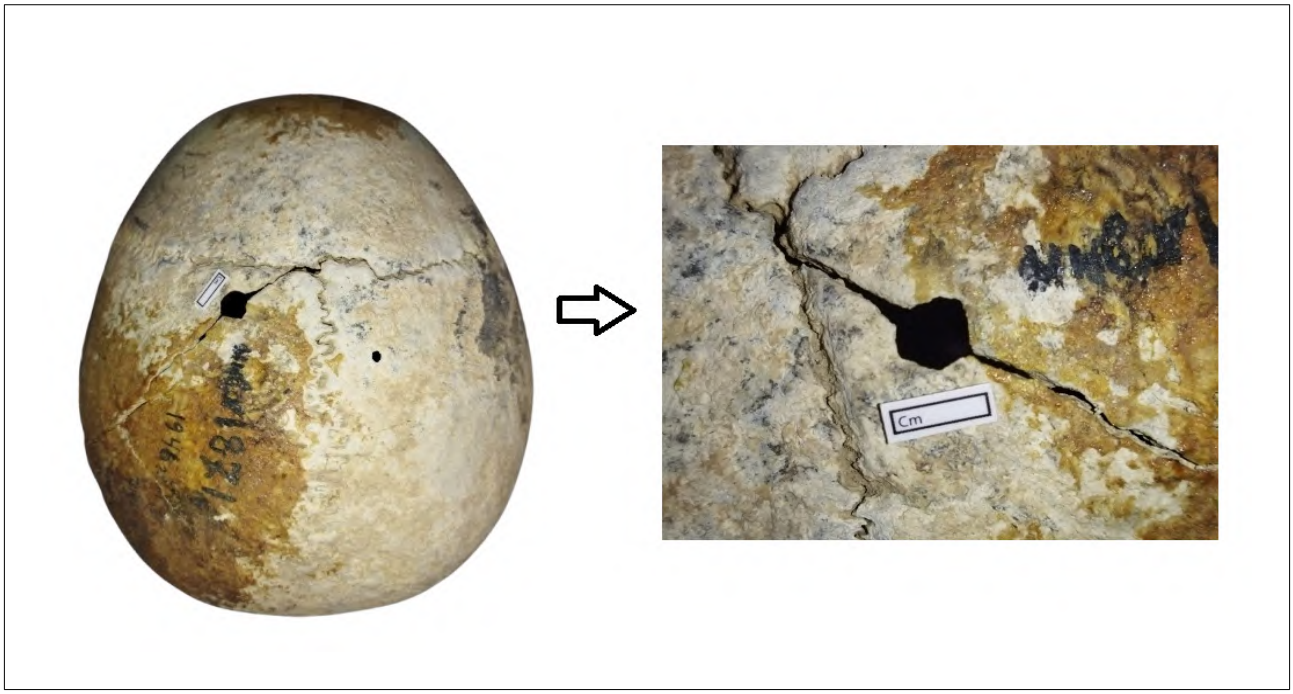


Рис. 3. Травматическое повреждение (фото Д.А. Кириченко).

Fig. 3. Traumatic injury (Photo by D.A. Kirichenko).

Рис. 4. Травматическое повреждение (фото Д.А. Кириченко).

Fig. 4. Traumatic injury (Photo by D.A. Kirichenko).

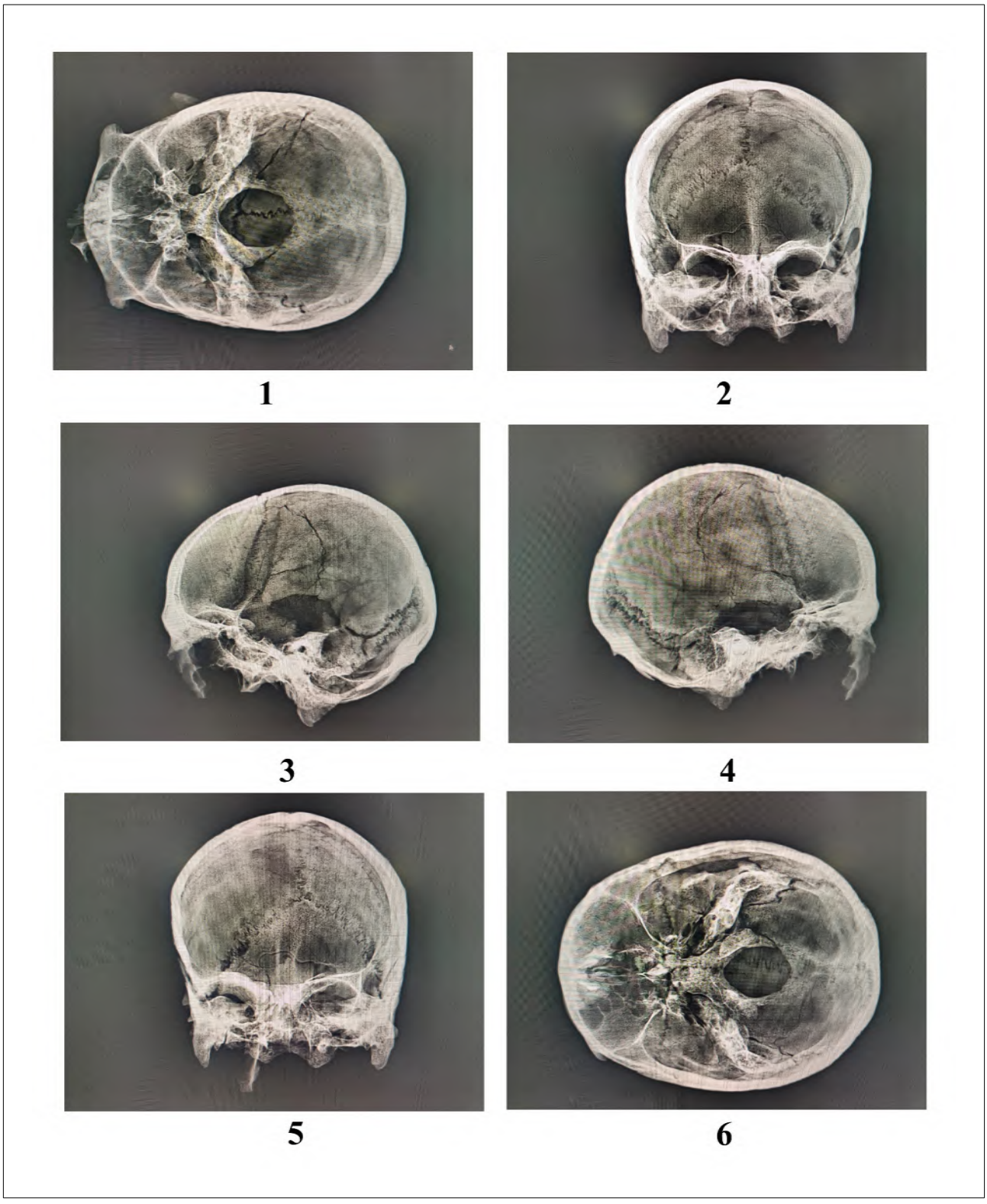


Рис. 5. Рентгенограмма черепа. *1* — Аксиальная краниокаудальная проекция; *2* — Передне-задняя проекция; *3* — Левая латеральная проекция; *4* — Правая латеральная проекция; *5* — Задне-передняя проекция; *6* — Субментовертекс проекция (по А.С. Абдуллаев, А.К. Кесеменли).

Fig. 5. X-ray of the skull. *1* — Axial craniocaudal projection; *2* — Anteroposterior (AP) projection; *3* — Left lateral projection; *4* — Right lateral projection; *5* — Posteroanterior (PA) projection; *6* — Submentovertex (SMV) projection (by A.S. Abdullayev, A.K. Kesemenli).

Рис. 6. Графический рисунок наконечника копья III типа (по Əliyev 2008: Tablo 2: 4).

Fig. 6. Graphical picture of spear head of III type (after Əliyev 2008: Tablo 2: 4).

Рис. 7. Месторасположение археологических памятников. *1* — Херонея; *2* — Некрополь г. Клазомены; *3* — Некрополь Бёрюкчю ; *4* — Гордион; 5 — Некрополь Йюджейорен; 6 — Иерусалим; *7* — Мингечаур; *8* — Файлака (карта составлена Д.А. Кириченко).

Fig. 7. Localization of archaeological sites. *1* — Chaeronea; *2* — Klazomenai city necropolis; *3* — Börükçü necropolis; *4* — Gordion; 5 — Yüceören necropolis; 6 — Jerusalem; *7* — Mingachevir; *8* — Failaka (a map completed by D.A. Kirichenko).

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.69.80.007

С.Н. Разумов, О.А. Закордонец, Д.Ф. Паткевич, Н.П. Тельнов, П.А. Косинцев , А.В. Кочнев, Д.О. Гимранов, В.С. Синика

НОВЫЙ СКИФСКИЙ МОГИЛЬНИК III—II ВВ. ДО Н.Э. НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА. Ч. IV (КУРГАН 7)*

В статье впервые публикуются и анализируются пять скифских погребений кургана 7 могильника «Кулак» у села Коротное на левобережье Нижнего Днестра. Насыпь была возведена в первой половине III в. до н.э. над двумя захоронениями (взрослого человека и ребёнка), окружёнными кольцевым рвом с двумя разрывами. Спустя время в насыпь была впущена катакомба, в которой был погребён подросток женского пола, а затем — при подзахоронении — взрослый человек. Наиболее поздними в кургане были детское погребение в подбое и захоронение женщины в катакомбе, устроенные за пределами рва, к югу от основной могилы, в середине III в. до н.э. Среди инвентаря выделяется деревянный ковш, уникальный для скифских памятников Северо-Западного Причерноморья. О фракийском влиянии на материальную культуру скифов свидетельствуют лепная чашка на выделенном кольцевом поддоне, лепная миска с выделенным ребром, а также лепной кувшин. Латенское влияние представлено бронзовой фибулой с плоской спинкой. Очень интересной является информация о напутственной пище из четырёх погребений кургана, представленной различными частями туш и видами животных для мужчин, женщин и детей. Публикуемые данные позволяют существенно расширить и уточнить представления о погребальных практиках и материальной культуре скифов, проживавших на левобережье Днестра в III—II вв. до н.э.

Ключевые слова: левобережье Днестра, скифы, курган, погребения, III в. до н.э., захоронения собак, фибула.

Сведения об авторах: Разумов Сергей Николаевич[1], кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Закордонец Оксана Александровна[2], кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Паткевич Дмитрий Фёдорович[3], научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Тельнов Николай Петрович[4], кандидат исторических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Косинцев Павел Андреевич[5], кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук; Кочнев Антон Владимирович[6], кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных исследованиях Уральского гуманитарного института Уральского Федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина; Гимранов Дмитрий Олегович[7], кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук; Синика Виталий Степанович[8], доктор исторических наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Контактная информация: [1-4,8] 3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Покровская, 107, e-mail: [1]razum_22@mail.ru, [2]kalina.74@mail.ru, [3]patkevich1991@gmail.com, [4]telnov_nikolai@mail.ru, [8]sinica80@mail.ru; [5,7]620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 202, e-mail: [5]kpa@ipae.uran.ru, [7]djulfa250@rambler.ru; [6]620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, e-mail: anton.kochnev@urfu.ru.

* Статья поступила в номер 11 января 2026 г.
Принята к печати 12 февраля 2026 г.

© С.Н. Разумов, О.А. Закордонец, Д.Ф. Паткевич, Н.П. Тельнов, П.А. Косинцев , А.В. Кочнев, Д.О. Гимранов, В.С. Синика, 2026.

S.N. Razumov, O.A. Zakordonets, D.F. Patkevich, N.P. Telnov, P.A. Kosintsev, A.V. Kochnev, D.O. Gimranov, V.S. Sinika

NEW SCYTHIAN CEMETERY OF THE 3rd — 2nd CENTURIES BCE ON THE LEFT BANK OF THE LOWER DNIESTER. Pt. IV (BARROW 7)

This article publishes and analyzes for the first time five Scythian graves from barrow 7 of the Kulak cemetery near Korotnoe village of on the left bank of the Lower Dniester. The mound was erected in the first half of the 3rd century BCE over two burials (of an adult person and of a child) surrounded by a circular ditch with two breaks. A catacomb was later made in the mound, containing the burial of an adolescent female, followed by an adult person during the secondary internment. The latest graves in the mound were a child's burial in a pit and a woman's burial in a catacomb, both constructed outside the ditch, south of the main grave, in the middle of the 3rd century BCE. Among the grave goods, a wooden ladle stands out, unique among Scythian sites in the North-West Black Sea region. A handmade cup on a prominent ring base, a handmade bowl with a prominent rib, and a handmade jug attest to the Thracian influence on Scythian material culture. A bronze fibula with a flat back represents La Tène influence. Of particular interest is the information on sacrificial food from four burials in the barrow, which included various parts of carcasses and animal species for men, women, and children. The published data significantly expand and refine our understanding of the funerary rite and material culture of the Scythians who lived on the left bank of the Dniester in the 3rd and 2nd centuries BCE.

Key words: Left bank on the Dniester Region, The Scythians, barrow, graves, the 3rd century BCE, dog's graves, fibula.

About the authors: Razumov Sergey Nikolaevich[1], Candidate of Sciences (History), Leading researcher of the Laboratory "Archaeology" of Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Zakordonets Oxana Alexandrovna[2], researcher of the Laboratory "Archaeology" of Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Patkevich Dmitry Fedorovich[3], researcher of the Laboratory "Archaeology" of Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Telnov Nikolay Petrovich[4], Candidate of Sciences (History), Principal researcher of the Laboratory "Archaeology" of Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko; Kosintsev Pavel Andreevich[5], Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Laboratory of Paleoecology, Institute of Plant and Animal, Ural Branch of Russian Academy of Sciences; Kochnev Anton Vladimirovich[6], Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Laboratory of Natural Science Methods in Humanities, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; Gimranov Dmitry Olegovich[7], Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Laboratory of Paleoecology, Institute of Plant and Animal, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Sinika Vitaly Stepanovich[8], Doctor of Sciences (History), head of the Laboratory "Archaeology" of Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko.

Contact information: [1-4,8]43300, Moldova, Tiraspol, Pokrovskaya St., 107, e-mail: [1]razum_22@mail.ru, [2]kalina.74@mail.ru, [3]patkevich1991@gmail.com, [4]telnov_nikolai@mail.ru, [8]sinica80@mail.ru; [5,7]620144, Russia, Ekaterinburg, March st. 8, 202, e-mail: [5]kpa@ipae.uran.ru, [7]djulfa250@rambler.ru; [6]620002, Russia, Ekaterinburg, Mira st., 19, e-mail: anton.kochnev@urfu.ru.

Введение

В 2023 г. на левобережье Днестра было начато изучение нового скифского могильника III—II вв. до н.э. Могильник, расположенный на восточной окраине с. Коротное Слободзейского района (Синика и др. 2025: рис. 1), получил название «Кулак» по одноименному урочищу. На памятнике к настоящему времени (в ходе раскопок 2023 и 2024 гг.) раскопаны восемь курганов. Курганы 1, 2 и 5 были сооружены в раннем бронзовом веке носителями усатовской культуры, при этом в кургане 2 были выявлены пять скифских захоронений III—II вв. до н.э. (Синика и др. 2025). В это же время были возведены курганы 3 и 4 (Синика и др. 2026), а также курганы 6 (Тельнов и др. 2026), 7 и 8.

В настоящей работе впервые публикуются и анализируются материалы, полученные в 2024 г. в ходе исследований скифского кургана 7 могильника «Кулак» у с. Коротное.

Определение костей копытных проводилось по фотографиям. Кости собак определялись и описывались по скелетным остаткам. Использована эталонная коллекция музея Института экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург). Проведено определение индивидуального возраста копытных (Silver 1969: 252—253) и собак (Gipson et al. 2000: 754) и измерение костей собак (von Driesh 1976: 60—95). Для собак определены высота в холке (Harcourt 1974: 4) и вес (Anyonge 2005: 341—342).

Описание кургана и захоронений

Курган 7 содержал пять скифских погребений и кольцевой ров.

Ров кольцевой, трапециевидный в сечении, диаметр по внутреннему краю до 11 м, шириной по дну около 0,5 м, на уровне древней поверхности — до 1,6 м, глубиной 1,3—1,4 м от R_0 (около 0,9 м от древней поверхности), был сооружён одновременно с основным скифским погребением 4. Во рву были оставлены две перемычки: в северо-западной части рва шириной до 1,6 м, в юго-восточной — шириной до 1,8 м (рис. 1).

Погребение 1 (основное, боковое, скифское) обнаружено в 4,5 м к западу—северо-западу от R_0 на глубине 1 м от R_0 в юго-восточной перемычке рва. Совершено в катакомбе (рис. 2: 1, 2).

Входная яма подпрямоугольной формы длиной 1,05 м, шириной до 0,65 м и глубиной 1,46 м от R_0 была ориентирована длинной осью по линии юго-запад — северо-восток. Возле северо-западной стенки в дне ямы на глубине 1,33 м была сделана ступень подтрапециевидной формы длиной до 0,73 м, шириной до 0,38 м и высотой 0,1 м. На переходе из входной ямы в дромос на глубине 1,46 м была сделана ещё одна ступень, сплошная, длиной до 0,62 м и высотой до 0,04 м.

Дромос шириной 0,6—0,8 м (расширявшийся ко входу в погребальную камеру) и длиной не более 0,14 м был ориентирован параллельно входной яме. Высота дромоса составляла не более 0,28 м. У северной стенки дромоса возле ступени лежал деревянный ковш (1).

Описание находки.

1. Обожжённый деревянный ковш с ручкой. Общая длина изделия 135 мм. Длина чаши 90 мм, ширина — 60 мм, высота — 45 мм. Длина ручки не более 45 мм, диаметр сечения — до 20 мм. Изделие изготовлено из тополя/осины (*Populus sp*.).[1]

Погребальная камера неправильной формы, длиной до 1,2 м, шириной до 0,75 м и глубиной 1,54 м от R_0, была ориентирована параллельно входной яме и дромосу. Свод сохранился на высоту 0,36 м над дном.

Костяк ребёнка лежал вытянуто на спине головой на северо-восток. Руки были вытянуты вдоль тела, ноги прямые.

Погребение 2 (впускное, скифское) обнаружено в 5,5 м к западу-юго-западу от R_0 на глубине 1,13 м от R_0. Совершено в катакомбе (рис. 3).

Трапециевидная в плане *входная яма* глубиной до 3,16 м от R_0 и размерами на уровне фиксации 1,45 × 0,8—0,9 м расширялась ко дну, где достигала размеров 1,6 × 0,9—1 м. Она была ориентирована длинной осью по линии северо-запад — юго-восток. С глубины 2,8 м в западной части сооружения была вырыта трапециевидная в плане выемка размерами 1,5 × 0,6—0,8 м, основанием которой служило устье дромоса. Дно выемки полого спускалось к дромосу с глубины 2,97 м до 3,17 м от R_0, участки материка вдоль длинных сторон имели вид уступов шириной до 0,13 м. Заполнение ямы состояло из рыхлой материковой глины и чернозёма.

На глубине 2,22 м от R_0 под западной стенкой входной ямы, над входом в дромос, расчищен костяк взрослой собаки (старше 2 лет по степени стертости P4), лежавшей на левом боку, мордой на север—северо-восток (рис. 3: 1, 3). Особь имела высоту в холке около 50 см и вес около 15 кг (по бедренной кости).

Устье дромоса размерами 0,9 × 0,64 м располагалось под юго-восточной стенкой ямы.

[1] Определения Д.А. Куприянова (г. Москва).

Подтрапециевидный в плане *дромос* шириной до 0,7 м, длиной 0,25—0,35 м и высотой 0,9 м был расположен перпендикулярно входной яме. В сечении дромос имел форму арки (рис. 3: 2). Дно зафиксировано на глубине 3,18 м. От камеры дромос был отделён ступенью высотой 0,04 м.

Погребальная камера подпрямоугольной формы, размерами 2,1 × 1,2 м и глубиной 3,22 м от R_0, была ориентирована перпендикулярно входной яме, длинной осью по линии северо-запад — юго-восток.

При расчистке камеры обнаружен костяк взрослого человека (женщина), лежавший в центре сооружения в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Руки были вытянуты вдоль тела, кисти на тазобедренных суставах, ноги прямые.

Состав и расположение инвентаря. У восточного угла камеры стояла немного завалившаяся набок лепная миска (1), в которой находились кость от напутственной пищи (левая плечевая кость мелкого рогатого скота, особи в возрасте старше 3,5 лет) и железный нож (2). За теменем стояла лепная чашка (3), в ней лежали два лепных пряслица (4, 5). Среди костей верхней части грудной клетки и шейных позвонков зафиксированы предметы ожерелья (6).

Описание находок.

1. Лепная черноглиняная миска с полусферическим туловом, прямым венчиком и выделенным плоским дном. Край венчика уплощён. Поверхности слабо заглажены, черепок рыхлый, тесто с примесью шамота и песка. Высота миски 103—111 мм, диаметр венчика 220 мм, диаметр дна 81 × 84 мм. Толщина венчика 9 мм. Толщина стенок 9,5 мм, у дна — 10,5 мм. Толщина дна в центре 10 мм, дно вогнуто до 2,5 мм (рис. 2: 6).

2. Железный нож с утраченной деревянной рукоятью. Спинка горбатая, лезвие клиновидное в сечении. Длина ножа 113 мм. Длина клинка 83 мм, черенка — 30 мм. Ширина лезвия до 19,5 мм, толщина спинки до 5,5 мм. Рукоять крепилась к лезвию при помощи одной заклёпки. Диаметр сечения заклёпки 3,5 мм (рис. 2: 7).

3. Лепная чашка с коническим слабо вогнутым туловом. Цвет поверхностей жёлтый, серый. Тесто с примесью шамота. Высота чашки 48 мм, диаметр венчика 86 мм, дна — до 36 мм. Толщина стенок 6—8 мм, дна — 11 мм (рис. 2: 3).

4. Лепное сероглиняное пряслице усечённо-биконической формы с выраженным ребром в верхней части тулова. Верхнее основание слегка вогнуто. Поверхность залощена, в тесте шамот. Высота пряслица 29 мм, диаметр ребра 36 мм, диаметр оснований 21 мм и 16 мм, диаметр отверстия 5—6 мм (рис. 2: 4).

5. Лепное светлоглиняное пряслице усечённо-биконической формы с выраженным ребром в средней части тулова. Основания слегка вогнуты. Поверхность залощена, в тесте шамот. Высота пряслица 31 мм, диаметр ребра 30 мм, диаметр оснований 13 мм и 11 мм, диаметр отверстия 5 мм (рис. 2: 4).

6. В состав ожерелья входили 249 стеклянных бисерин:

— рубленый бисер из глухого синего стекла (146 шт.), высота от 2,4 мм до 4,7 мм, диаметр — от 2,7 мм до 4,9 мм, диаметр отверстий 0,6—1,2 мм (рис. 2: 8). Два изделия представляют собой пары не разделённых бисерин (рис. 2: 9);

— рубленый бисер из глухого жёлтого стекла (70 шт.), высота от 1,7 мм до 3,3 мм, диаметр — от 2,9 мм до 3,6 мм, диаметр отверстий 0,6—0,9 мм (рис. 2: 10);

— рубленый бисер из полупрозрачного зелёного стекла (33 шт.), высота от 1,5 мм до 2,7 мм, диаметр — от 2,8 мм до 3,3 мм, диаметр отверстий 0,6—0,9 мм (рис. 2: 11).

Погребение 3 (впускное, скифское) обнаружено в 10 м к западу—юго-западу от R_0 на глубине 1 м от R_0. Совершено в катакомбе (рис. 4: 1, 2).

Входная яма трапециевидной формы, длиной 1,1 м, шириной 0,45—0,65 м и глубиной 1,54 м R_0, была ориентирована длинной осью по линии запад—северо-запад — восток—юго-восток. Входную яму от погребальной камеры отделяла ступень высотой 0,18 м.

Устье входа в погребальную камеру шириной 0,9 м и высотой 0,3 м находилось под северной стенкой ямы.

Погребальная камера неправильной прямоугольной формы длиной до 1,35 м и шириной до 0,43 м была ориентирована параллельно входной яме. Дно камеры зафиксировано на глубине 1,72 м от R_0. Сохранившаяся высота свода 0,3 м над дном.

На дне лежал костяк ребёнка вытянуто на спине головой на запад. Поперёк нижней части грудной клетки лежали остатки напутственной пищи — правая бедренная кость молодой особи крупного рогатого скота (*Bos taurus* Linnaeus, 1758).

Состав и расположение инвентаря. У правого виска лежала бронзовая серьга (1). У правой ключицы найдена стеклянная бусина (2). У правой кисти, остриём в сторону головы ребёнка, лежал железный наконечник стрелы (3).

Описание находок.

1. Бронзовая серьга с несомкнутыми сужающимися окончаниями. Диаметр изделия 10,5—11 мм, диаметр сечения в центре — 1,6 мм (рис. 4: 3).

2. Цилиндрическая глазчатая бусина из глухого синего стекла. Каждый из девяти глазков представляет собой голубой зрачок на белом основании. Высота бусины 20,5 мм, диаметр — 21 мм. Диаметр отверстия 9,5—10,5 мм (рис. 4: 5).

3. Железный трёхлопастный наконечник стрелы с вытянутой треугольной головкой и выступающей втулкой. Сохранились втулка и фрагмент лопасти наконечника. Длина втулки не менее 16 мм, диаметр — 6,4 мм (рис. 4: 4).

Погребение 4 (основное, центральное, скифское) обнаружено в 9 м к северо-западу от R_0 на глубине 1,1 м от R_0. Совершено в катакомбе (рис. 5: 2—5).

Трапециевидная в плане *входная яма* глубиной до 3,83 м от R_0 и размерами на уровне фиксации 2,15 × 0,8—1,1 м расширялась ко дну, где достигала размеров 2,12 × 0,7—1,25 м. Она была ориентирована длинной осью по линии северо-запад — юго-восток. Спуск в яму осуществлялся при помощи трёх угловых (две в западном углу и одна в северном) ступеней, зафиксированных соответственно и последовательно на глубинах 1,78 м, 1,85 м и 2,27 м от R_0. У восточного угла ямы на глубине 1,2 м R_0 от были обнаружены кости крупной плотвы — фрагменты черепа и рёбер[2]. Кроме того, в заполнении на разных глубинах были обнаружены остатки от напутственной пищи — верхняя половина левой лучевой и локтевой костей взрослой особи (вероятно, коровы) крупного рогатого скота (*Bos taurus* Linnaeus, 1758). На глубине 3,4 м в юго-восточной части сооружения была вырыта подпрямоугольная в плане выемка размерами 1,4 × 1,86 м, ориентированная по длинной оси ямы, основанием которой служило устье дромоса. Участки материка вдоль длинных сторон имели вид уступов шириной до 0,23 м. Также на глубине 3,4 м находился костяк собаки, лежавшей на левом боку, головой на юго-восток. У скелета приросли нижние эпифизы на большой и малой берцовых костях и на всех метаподиях и фалангах; прирос нижний эпифиз на левой лучевой кости и не приросли эпифизы на позвонках, ребрах, нижние эпифизы на правой лучевой кости и локтевых костях, верхние эпифизы на большой и малой берцовых костях. По состоянию эпифизов возраст собаки составлял около 1,5 лет (Silver 1969: 252—253). У собаки была сломана по диафизу первая фаланга среднего пальца (третьего или четвертого) на передней лапе. Перелом почти сросся. Длина mt: II — 62,7 мм. Под костяком зафиксирована подмазка зелёной глиной размерами около 1,05 × 0,5 м. Среди костей собаки найдены фрагменты костей мелкого рогатого скота: атланта, эпистрофея, шейного позвонка, грудного позвонка, двух поясничных позвонков, крестца, двух хвостовых позвонков, ребра и части грудины. Эпифизы на позвонках и ребре приросли, что указывает на возраст старше 4 лет. На эпистрофее и поясничных позвонках следы погрызов хищником (собака). Это указывает на то, что собака ранее грызла эти кости. Можно предположить, что собаке в качестве напутственной пищи были положены остатки ее же еды. Среди костей собаки собраны фрагменты нижней части лепного сосуда, игравшего роль чашки (1).

[2] Определение канд. биол. наук О.А. Крылович (г. Москва).

Описание находки.

1. Лепная чашка с отбитым в древности венчиком. Тулово коническое, слабо выпуклое, на низком кольцевом поддоне. Цвет поверхностей коричневый, серый, с чёрными пятнами. Тесто с примесью шамота. Высота чашки 80,5 мм, диаметр верхней части в месте слома 153 мм, дна — до 83 мм. Высота поддона до 4 мм. Толщина стенок вверху 8 мм, у дна — 13 мм. Толщина дна 12,5 мм (рис. 5: 1).

С глубины 3,57 м в дне первой выемки в юго-восточной части входной ямы была вырыта вторая выемка, подпрямоугольная в плане, размерами 0,75 × 0,55 м, ориентированная по длинной оси ямы, основанием которой служило устье дромоса. Дно выемки полого спускалось к дромосу до глубины 3,72 м от R_0.

Устье дромоса размерами 0,55 × 0,75 м располагалось под восточной стеной ямы.

Подпрямоугольный в плане дромос шириной до 0,55 м, длиной 0,45 м и высотой 0,7 м находился на одной оси с входной ямой. В сечении дромос имел форму арки (рис. 5: 4). Дно дромоса зафиксировано на глубине 3,94 м. От камеры дромос был отделён ступенью высотой 0,08 м.

Погребальная камера прямоугольной формы размерами 2,2 × 0,95 м и глубиной 4,02 м от R_0 была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Потолок камеры двускатный, его верх подчёркнут прочерченной по «коньку» линией шириной до 10 мм и глубиной до 5 мм. На торцевых стенках прочерчены аналогичные линии в виде угла, повторяющего профиль потолка, на расстоянии около 20—30 мм от него (рис. 5: 3).

Погребение полностью ограблено в древности. В заполнении входной ямы над входом в дромос встречались фрагменты костей взрослого человека. В придонном заполнении камеры у северного угла найдены нижняя челюсть и фрагменты рёбер взрослого человека.

Погребение 5 (впускное, скифское) обнаружено в 13,2 м к западу-северо-западу от R_0 на глубине 1,33 м от R_0. Совершено в катакомбе (рис. 6).

Прямоугольная в плане *входная яма* размерами на уровне фиксации 1,8 × 0,85 м (по дну 1,57 × 0,9—1 м) и глубиной до 3,78 м от R_0 была ориентирована длинной осью по линии северо-запад — юго-восток. Спуск в яму осуществлялся при помощи трёх угловых (на юге) ступеней глубиной 1,88 м, 2,68 м и 3,46 м от R_0. На глубине 3,61 м в северо-западной части сооружения была вырыта подпрямоугольная в плане выемка размерами 1,15 × 0,65 м, основанием которой служило устье дромоса. Дно выемки полого спускалось к дромосу с глубины 3,69 м до 3,78 м от R_0. Участки материка вдоль длинных сторон имели вид уступов шириной до 0,2 м. На глубине 3,29 м от R_0 под северо-западной стенкой входной ямы расчищены остатки двух костяков собак. Одна из них, сохранившая анатомический порядок, лежала на правом боку, головой на юго-запад. Вторая особь имела нарушенный анатомический порядок, и ее кости были собраны среди костей первой. Обе особи взрослые (старше 2 лет). Особь с сохранившимся анатомическим порядком имела более крупные размеры костей, чем особь с нарушенным анатомическим порядком. Размеры костей крупной особи: длина m1 — 23,7 мм; длина mt II — 65,4 мм. Размеры костей мелкой особи: длина m1 — 20,8 мм; длина mt II — 56,4 мм.

В центре входной ямы, в 0,55 м юго-восточнее анатомического целого костяка собаки, на глубине 3,5 м от R_0 лежал крупный фрагмент стенки лепного сосуда (1).

Описание находки.

1. Лепной конический поддон с выделенным закраиной плитчатым дном. Цвет поверхностей тёмно-коричневый, с серыми пятнами. Тесто с примесью шамота. Высота поддона 72 мм, диаметр верхней части в месте слома 158 мм, дна — до 127 мм. Толщина стенок вверху 7,5 мм, у дна — 10,5 мм. Толщина дна в центре 17 мм, у стенки — 14,5 мм (рис. 7: 1).

Устье дромоса размерами 0,47 × 0,6 м располагалось под северо-западной стенкой ямы. Над ним зафиксированы две пересекающиеся дугообразные линии, изображающие жилище (наземный дом) с выступающими жердями кровли. Основания линий находились на 0,13 м выше верхнего края дромоса. Высота орнамента 0,42 м, ширина 0,48 м (рис. 6: 3).

Подпрямоугольный в плане дромос шириной до 0,6 м, длиной 0,3 м и высотой 0,47 м находился на одной оси с входной ямой. В сечении дромос имел форму уплощённой арки (рис. 6: 1). Дно дромоса зафиксировано на глубине 3,85 м. От камеры дромос был отделён ступенью высотой 0,07 м.

Погребальная камера прямоугольной формы размерами 2 × 1,1 м, глубиной 3,86 м от R_0, была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Свод арочный, высотой 0,75 м над дном.

При расчистке камеры обнаружены останки двух человек. *Костяк I,* связанный с первичным захоронением, принадлежал подростку (?). Его кости были сдвинуты под северо—западную стенку камеры. Очевидно, первоначально он лежал посередине камеры, в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Костяк II, находившийся слева от первого и связанный с подзахоронением, принадлежал взрослому человеку. Погребённый лежал посередине камеры, в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Левая рука была вытянута вдоль тела, правая согнута в локте под тупым углом и уложена кистью на таз. Ноги прямые.

Состав и расположение инвентаря. Среди перемещённых остатков костяка I обнаружены две вставленные одна в другую бронзовая (1) и серебряная (2) подвески. Южнее левой бедренной кости костяка II обнаружены бронзовый и два железных наконечника стрел (3), лежавших компактно, остриями на северо-восток. Справа в изголовье костяка II стоял лепной кувшин (4), слева в изголовье находилась лепная миска (5), в которой лежали кость от напутственной пищи (левая бедренная кость домашней овцы (*Ovis aries* Linnaeus, 1758), особи в возрасте до 3 лет) и железный нож (6). Южнее миски найдено серебряное височное кольцо (7). Между левой плечевой костью и грудной клеткой костяка II лежала бронзовая фибула (8). У правого запястья костяка II найден браслет из бусин (9). В северном углу камеры в её дно был вертикально воткнут железный нож (10).

Описание находок.

1. Бронзовая кольцевидная подвеска овальной формы с ровно срезанными загнутыми друг за друга окончаниями. Размеры подвески 13 × 8,5 мм. Размеры сечения 3 × 2 мм (рис. 7: 10).

2. Серебряная кольцевидная подвеска овальной формы с ровно срезанными сомкнутыми окончаниями. Одно из окончаний сужается. Размеры подвески 10,5 × 6,5 мм. Размеры сечения 2,3 × 2 мм (рис. 7: 11).

3. Три наконечника стрел у левого бедра костяка II:

— бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы с вытянутой треугольной головкой и выступающей втулкой. Длина наконечника 33 мм. Длина втулки 12,5 мм, диаметр — 4,5 мм (рис. 7: 2).

— два железных трёхлопастных наконечника стрел с вытянутой треугольной головкой и выступающей втулкой. Во втулках сохранились остатки древков. Длина наконечников 27 мм. Длина втулок 7,5 мм, диаметр — 4,5 мм (рис. 7: 3, 4).

4. Лепной кувшин с ручкой, возвышающейся над венчиком. Венчик воронковидный, с закруглённым краем. Тулово с максимальным расширением в средней части. Дно слегка вогнутое, с закруглённым краем. Ручка подтрапециевидная в сечении. Тесто с примесью мелкого шамота, включениями мелкого песка. Цвет поверхностей жёлтый, серый, чёрный. Высота сосуда вместе с ручкой 95,5 мм, без ручки — 92,5 мм. Высота венчика 22—23 мм. Диаметр венчика 81 мм, диаметр шейки 72 мм. Максимальный диаметр тулова 102 мм, диаметр дна 55 × 58 мм. Ширина сечения сосуда в плоскости ручки 118 мм. Высота ручки 57,5 мм. Размеры сечения ручки в средней части 15 × 12 мм. Ручка возвышается над срезом венчика на 3 мм. Толщина венчика 5—6 мм. Толщина стенок 7,5—8 мм; в придонной части — до 8,5 мм. Толщина дна в центре 10,5 мм, у стенки — до 11 мм; дно вогнуто до 1,2 мм (рис. 7: 7).

5. Лепная черноглиняная миска с вогнуто-коническим туловом, низким вертикальным бортиком, отогнутым под углом венчиком и слегка вогнутым дном. Край венчика скруглён, бортик отделён от тулова округлённым ребром. Поверхности лощёные, черепок плотный, тесто содержит шамот. Высота миски 108 мм, диаметр венчика 275 мм, диаметр дна

108—110 мм. Толщина венчика 8—10,5 мм. Толщина стенок 11—12 мм; в придонной части — 13 мм. Толщина дна 14 мм; дно вогнуто на 2 мм (рис. 7: 5).

6. Железный нож (в миске) с утраченной деревянной рукоятью сохранился частично. Лезвие клиновидное в сечении. Длина сохранившейся части ножа 32 мм. Ширина лезвия не менее 13 мм, толщина спинки до 4,5 мм (рис. 7: 6).

7. Серебряное проволочное височное кольцо в полтора оборота с заострёнными окончаниями. Диаметр кольца 23,5 × 23 мм, диаметр проволоки до 3 мм (рис. 7: 8).

8. Бронзовая проволочная раннелатенская фибула. Пружина четырёхвитковая, с нижней тетивой. Высокая выгнутая спинка раскована в подовальную пластину размерами 27 × 10 мм. Внешняя поверхность спинки орнаментирована двумя продольными параллельными линиями, образующими центральную полосу шириной до 5,4 мм. Оставшееся пространство между полосой и краями спинки покрыто косыми насечками, расположенными зеркально. Длина фибулы 41,5 мм, высота — 10,5 мм. Размеры сечения спинки 10 × 0,6 мм. Ширина пружины 13,5 мм, диаметр — 5 мм. Длина иглоприёмника 6 мм, ширина — 5,2 мм. Диаметр иглы до 2 мм (рис. 7: 9).

9. Браслет (на правом запястье костяка II) состоял из трёх стеклянных бусин и десяти бисерин:

— поперечно-сжатая глазчатая бусина из глухого жёлтого стекла. Каждый из трёх глазков представляет собой синий зрачок, обведённый белой полоской. Высота бусины 9,5 мм, диаметр — 15,5 мм. Диаметр отверстия 4,5 мм (рис. 7: 12);

— биконическая бусина из глухого бирюзового стекла. Высота бусины 5,1 мм, диаметр по ребру — 6 мм. Диаметр отверстия 1—1,7 мм (рис. 7: 13);

— биконическая бусина из глухого синего стекла. Высота бусины 5,2 мм, диаметр по ребру — 5,8 мм. Диаметр отверстия 1,1—1,7 мм (рис. 7: 14);

— рубленый бисер из глухого синего стекла (3 шт.), высота от 1,9 мм до 2,3 мм, диаметр — от 2,9 мм до 3,3 мм, диаметр отверстий 0,7—1,3 мм (рис. 7: 15);

— рубленый бисер из глухого жёлтого стекла (7 шт.), высота от 1,5 мм до 2,3 мм, диаметр — от 2,6 мм до 2,9 мм, диаметр отверстий 0,6—0,8 мм (рис. 7: 16).

10. Железный нож (вбит в дно в северном углу камеры) с утраченной деревянной рукоятью. Спинка горбатая, лезвие клиновидное в сечении. Длина сохранившейся части ножа 75 мм. Длина сохранившейся части клинка 52 мм, черенка — 23 мм. Ширина лезвия до 16 мм, толщина спинки до 6,5 мм. Рукоять крепилась к лезвию при помощи одной заклёпки длиной 12 мм. Диаметр сечения заклёпки 2,5 мм, диаметр шляпок — до 4,5 мм (рис. 7: 17).

Анализ погребального обряда и инвентаря

При анализе погребального обряда в первую очередь обратим внимание на наличие кольцевого рва с двумя разрывами. В его геометрическом центре, практически на одной оси с условной линией, соединяющей центры разрывов рва, расположена входная яма основного погребения 4, совершённого в Т-образной катакомбе (=III типа). С большой долей вероятности одновременно с этим центральным захоронением было сооружено детское захоронение 1 в подбое (=катакомбе I типа). Входная яма последнего была точно вписана в окружность рва, при этом совпадают ориентировки погребённых в центральном и боковом захоронениях — головой на северо-восток. Позже в насыпь была впущена Т-образная катакомба 5, в которой последовательно были захоронены подросток (?) и взрослый человек. Они были также ориентированы головой на северо-восток, как и погребённые в могилах 4 и 1.

Отметим зеркальность конструкций катакомб 4 (основной для насыпи) и 5 (впускной). При том, что длинные оси входных ям и дромосов обеих катакомбы были ориентированы по линии северо-запад — юго-восток, а погребальных камер — по линии северо-восток — юго-запад, в погребении 4 вход в дромос был устроен в юго-восточной стенке входной ямы, а в захоронении 5 — в северо-восточной. Подобная зеркальность Т-образных катакомб ранее отмечалась в шести скифских курганах на левобережье Нижнего Днестра. В кургане Глиное 33

в основной катакомбе 1 погребённые лежали головой на юг, а во впускной катакомбе 2 — погребённый лежал головой на север—северо-запад (Тельнов, Четвериков Синика 2016: рис. 111); в кургане Глиное 41 — в погребальной камере основной катакомбы 1 костяк лежал головой на юг, а в во впускной катакомбе 2 — головой на северо-запад (Тельнов, Четвериков Синика 2016: рис. 147: 1); в кургане Глиное 54 — в основной катакомбе 1 костяк лежал головой на юг, а в во впускной катакомбе 2 — трое погребённых головой на север—северо-запад (Тельнов, Четвериков Синика 2016: рис. 185: 1); в кургане Глиное 88 — в основной катакомбе 1 двое погребённых лежали головой на юг, а в во впускной катакомбе 2 — погребённый головой на север—северо-запад (Тельнов, Четвериков Синика 2016: рис. 290); в кургане Глиное 107 — в основной катакомбе 3 двое погребённых лежали головой на север—северо-запад, а в во впускной катакомбе 1 — ребёнок головой на север—северо-восток (Тельнов, Четвериков Синика 2016: рис. 355: 1). Наконец, в кургане Коротное/Кулак 4 женщина в основной катакомбе 6 была ориентирована головой на юг, а женщина из впускной катакомбы 7 — на север (Синика и др. 2026: рис. 4). Однако во всех перечисленных случаях при наличии в курганах «зеркальных» катакомб III типа (Т-образных) отмечены разные ориентировки костяков, в отличие от кургана Коротное/Кулак 7, где погребенные в катакомбах 4 и 5 были ориентированы одинаково — головой на северо-восток.

Погребения 2 и 3 в кургане Коротное/Кулак 7 были, несомненно, совершены позже основных захоронений 1 и 4, а также, по всей видимости, захоронения 5. Погребальные камеры могил 2 (полностью) и 3 (частично), как и катакомбы 5, находились подо рвом, однако ориентировка женщины в катакомбе 2 (головой на юго-восток) и ребёнка в подбое 3 (головой на запад) отличаются от ориентировок погребённых в более ранних могилах кургана.

Среди элементов обряда в кургане Коротное/Кулак 7 зафиксированы захоронения собак во входных ямах, подмазка зелёной глиной под собакой, а также орнамент над устьем входа в дромос.

Погребения собак во входных ямах катакомб (как это зафиксировано в могилах Коротное/Кулак 7/2, 7/4 и 7/5), известные ещё во второй половине IV в. до н.э. на левобережье Нижнего Дуная (Васильевка 22/1 — Субботин и др. 1992: 13, рис. 10: 1; Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 726) и на левобережье Нижнего Днестра (Глиное/Сад 8/1 — Синика, Тельнов, Лысенко 2018b: 79, 87, рис. 2: 1), получили широчайшее распространение в Северо-Западном Причерноморье в III—II вв. до н.э. В частности, они зафиксированы на скифском могильнике у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 732—734; Синика, Тельнов, Лысенко 2018b: 87; Синика 2023: 137, 140, рис. 40; 41), расположенном в 8 км к западу—северо-западу от могильника «Кулак», а также во входных ямах катакомб Коротное/Кулак 4/6, 4/7 (Синика и др. 2026: рис. 7: 1; 10: 2) и 6/6 (Тельнов и др. 2026: рис. 8: 1).

Вызывает особенный интерес тот факт, что во входной яме катакомбы Коротное/Кулак 7/5 были найдены кости двух особей собак. Мелкая особь (нарушенный анатомический порядок костяка) была связана с первичным захоронением, крупная особь (не нарушенный анатомический порядок костяка) — с подзахоронением.

Отметим, что кости двух собак в скифских захоронениях были ранее зафиксированы перед входом в дромос восточной камеры катакомбы Глиное 57/1, где было погребено два человека (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: рис. 198: 1, 2; Секерская, Синика 2022: 86).[3] Кости двух собак были найдены во входной яме двухкамерной катакомбы Глиное 65/1 (Секерская, Синика 2022: 87)[4]: в обеих её камерах было по одному человеку. В этих случаях захоронения людей были совершены одновременно, и каждому погребённому было положено сопровождающее животное. В асинхронных захоронениях кости двух собак были задокументированы археологами в девяти катакомбах: Глиное 7/1, 9/1, 20/1, 27/1, 33/1,

[3] В публикации описан один костяк собаки (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 353).
[4] В публикации ни один из костяков собак не был описан и не был проиллюстрирован.

54/2[5], 62/1, 69/2, 77/1, 89/3[6] (Секерская, Синика 2022: 86—87; Синика 2023: 140). Однако в семи случаях (Глиное 7/1, 9/1, 20/1, 27/1, 33/1, 62/1, 69/2, 77/1) кости собак были обнаружены отдельно в основной входной яме (кости одной особи), и отдельно — во впускной входной яме (кости второй особи). В двух катакомбах кости двух собак были найдены в одной входной яме (Глиное 54/2 и 89/3) – подзахоронение в камеру производилось путём повторного вскрытия единственной входной ямы. То есть каждому погребённому также было положено по собаке во входную яму. В асинхронном захоронении Глиное 67/4 в единственной входной яме катакомбы были обнаружены три костяка собак при двух погребённых: первым в камере был похоронен мужчина, а затем — женщина (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: рис. 227: 1; 229: 1)[7]. Аналогичная ситуация (кости трёх собак) отмечена во впускной входной яме катакомбы Глиное 102/4, где были погребены не менее двух человек.[8] В катакомбе Глиное 111/3 кости трёх собак (щенка возрастом менее 5 месяцев, а также двух взрослых особей в возрасте 1,5—2,5 года и 3—4 года) находились перед входом в восточную погребальную камеру, где были последовательно захоронены двое мужчин.[9] По всей видимости, одному из погребённых были положены две собаки. Такая ситуация была достоверно зафиксирована в катакомбе Глиное 14/2, где была погребена одна женщина: в единственную входную яму сооружения были положены две собаки – возрастом 1 год и 4—6 лет.[10] Во входной яме захоронения Глиное 28/1, где был погребён один мужчина, лежали две собаки – щенок 4—5 месяцев и особь старше 1,5 лет.[11] В единственную входную яму катакомбы Глиное 51/1 положили не только две лошади, но и две собаки – старше 1 года и возрастом 4—6 лет.[12] Во впускной входной яме могилы Глиное 71/1, сооружённой для погребения мужчины, найдены кости двух собак старше 1,5 лет.[13] Уникальным можно считать детское захоронение (ребёнка 3—4 лет) в катакомбе Глиное

[5] В публикации катакомбы Глиное 54/2, где подзахоронение в камеру было произведено путём вторичного перекапывания единственной входной ямы, описан один костяк собаки (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 335), в аналитической работе рассматривался один костяк собаки — возрастом 3 года и более (Секерская, Синика 2022: 87). Наличие двух особей собак было установлено авторами настоящей работы в ходе изучения сохранившихся костей и зубов животных.

[6] Костяк собаки из погребальной камеры катакомбы Глиное 89/1, как отмечалось в публикации, упал из входной ямы погребения Глиное 89/3 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 526); второй костяк собаки в публикации захоронения Глиное 89/3 не упоминался. В аналитической работе возраст собаки из погребения Глиное 89/1 был определен 3 годами и более, а возраст собаки из катакомбы Глиное 89/3 — 2—3 годами (Секерская, Синика 2022: 87). Наши исследования показали, что возраст обеих особей составлял 2—3 года.

[7] В публикации описан один костяк собаки (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 406), в аналитической работе рассматривались два костяка — щенка и взрослой особи (Секерская, Синика 2022: 86—87). Наличие трёх особей (щенка и двух взрослых собак) было установлено авторами настоящей работы в ходе изучения сохранившихся костей животных.

[8] В публикации описан один костяк собаки из впускной входной ямы катакомбы Глиное 102/4 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 606), в аналитической работе её возраст был определён интервалом 2—3 года (Секерская, Синика 2022: 87). Наличие трёх особей (двух особей в возрасте 13—16 месяцев и особи возрастом 4—6 лет) было установлено авторами настоящей работы в ходе изучения сохранившихся костей животных.

[9] В публикации описан один костяк собаки (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 647), в аналитической работе её возраст был определён как 3 года и более (Секерская, Синика 2022: 87). Наличие трёх особей было установлено авторами настоящей работы в ходе изучения сохранившихся костей животных.

[10] В публикации описан один костяк собаки (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 136), в аналитической работе рассматривался один костяк собаки — возрастом 2—3 года (Секерская, Синика 2022: 87). Наличие двух особей собак было установлено авторами настоящей работы в ходе изучения сохранившихся костей и зубов животных.

[11] В публикации описан один костяк собаки (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 200), в аналитической работе рассматривался один костяк собаки — полугодовалого щенка (Секерская, Синика 2022: 86). Наличие двух особей собак было установлено авторами настоящей работы в ходе изучения сохранившихся костей и зубов животных.

[12] В публикации описан один костяк собаки (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 316), в аналитической работе рассматривался один костяк собаки — возрастом 3 года и более (Секерская, Синика 2022: 87). Наличие двух особей собак было установлено авторами настоящей работы в ходе изучения сохранившихся костей и зубов животных.

[13] В публикации описан один костяк собаки (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 432), в аналитической работе рассматривался один костяк щенка возрастом 11 месяцев (Секерская, Синика 2022: 86). Наличие двух особей собак было установлено авторами настоящей работы в ходе изучения сохранившихся костей и зубов животных.

107/1, во входной яме которой найдены кости двух особей собак (возрастом 1 год и 2—3 года)[14]. Ни в одном другом детском погребении не было выявлено сопровождающего захоронения собаки.

В катакомбе Коротное/Кулак 7/5 подзахоронение производилось через ту же входную яму, что первичное захоронение (как и в случае с могилами Глиное 54/2, 67/4 и 89/3), и оба костяка собак были обнаружены вместе в одной входной яме. При этом очевидно, что вместе с собакой, сопровождавшей первого погребённого, был положен поддон лепного сосуда; при подзахоронении он был отброшен в сторону от входа в дромос, к центру входной ямы. Ещё один лепной сосуд (чашка) был положен вместе с собакой во входную яму катакомбы Коротное/Кулак 7/4. Этот обычай (помещение лепных сосудов и их частей в качестве сосудов для питья/пищи собакам) ранее был зафиксирован 24 раза в 23 скифских погребениях III—II вв. до н.э. могильника у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 734—735, табл. 16; Синика 2023: 140—141), а также в синхронных захоронениях 4/6 и 4/7 могильника «Кулак» у с. Коротное (Синика и др. 2026: рис. 7: 1; 10: 2).

В погребении 4 вместе с костями собаки найдены кости мелкого рогатого скота и фрагменты нижней части лепного сосуда, игравшего роль чашки. Возможно, кости мелкого рогатого скота лежали в этой чашке в качестве остатков напутственной пищи собаке. Подобное неоднократно отмечено в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья (Синика 2023: 141).

Под костяком собаки из входной ямы катакомбы Коротное/Кулак 7/4 отмечена подмазка зелёной глиной. Зелёная глина под костями собак ранее была зафиксирована 47 раз в 43 катакомбах могильника у с. Глиное. На этом памятнике подобная подмазка была отмечена и под костями лошадей во входных ямах, и под костями людей в погребальных камерах (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 737—738, табл. 17; Синика 2023: 141—142). Также отметим, что подмазка зелёной глиной была под костями лошади во входной яме катакомбы Коротное/Кулак 6/6 (Тельнов и др. 2026: рис. 8: 1).

Орнамент над устьем входа в дромос, зафиксированный в катакомбе Коротное/Кулак 7/5, является 37-м подобным изображением. Ранее подобные орнаменты (34) были отмечены на скифском могильнике III—II вв. у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 705—712, табл. 13, рис. 389—392; Синика, Тельнов 2018: 237—238, 249—250, рис. 10: 1), а также в скифском погребении начала III в. до н.э. Глиное/Водовод 7/5 (Синика и др. 2019а: 379, 381, рис. 8: 1) на левобережье Нижнего Днестра. Позже подобный орнамент был зафиксирован в катакомбе Коротное/Кулак 6/6 (Тельнов и др. 2026: рис. 8: 4). Ранее отмечалось, что линии в виде треугольных арок, обрамляющие устья дромосов, указывают на сечение наземного жилища с двускатной кровлей (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 711, рис. 391: 9, 10; 392: 1, 3; Синика, Тельнов 2018: 237—238, 249—250, рис. 10: 1; Синика 2023: 127, рис. 29: 9, 10; 30: 1, 3, 4). Изображение из могилы Коротное/Кулак 7/5 ближе всего к орнаментам над устьями дромосов катакомб Глиное 96/1 и 116/1; а рисунок из катакомбы Глиное 112/1 является едва ли не идентичным (Синика 2023: рис. 30: 1).

Погребальная камера катакомбы Коротное/Кулак 7/4 имела свод в виде треугольной арки, несомненно, имитирующий наземное жилище с двускатной кровлей (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 723; Синика 2023: 133).

Погребальный инвентарь представлен различными категориями: предметами вооружения, орудиями труда, посудой, украшениями и аксессуарами костюма, предметами культа.

Наконечники стрел обнаружены в двух могилах. В погребении 3 найден один железный наконечник стрелы, лежавший у правого бедра ребёнка, остриём в сторону головы погребённого. Подобный обычай (размещения стрел поверх тел детей, возле них и на перекрытии ям) неоднократно анализировался. Отмечалось, что подобные находки, которые

[14] В публикации ни один из костяков собак не был описан и не был проиллюстрирован. В аналитической работе рассматривался один костяк собаки возрастом 3 года и более (Секерская, Синика 2022: 87). Наличие двух особей собак было установлено авторами настоящей работы в ходе изучения сохранившихся костей и зубов животных.

отнюдь не редки в скифских захоронениях Северо-Западного Причерноморья[15], не являются свидетельством принадлежности детей воинскому сословию (Синика и др. 2020: 76, 80).

В захоронении 5 три наконечника стрел (бронзовый и два железных), найденные у левого бедра взрослого погребённого, очень похожи на небольшой колчанный набор рядового скифского воина III—II вв. до н.э. Однако остриями эти наконечники лежали вверх, на северо-восток (то есть в ту сторону, куда были ориентированы и первый погребённый, и второй), что ни разу не было зафиксировано достоверно в скифских катакомбах этого времени на левобережье Нижнего Днестра. Это обстоятельство позволяет нам, как и в случае с погребением Коротное/Кулак 7/2, связывать находки этих стрел с первичным захоронением ребёнка/подростка в катакомбе Коротное/Кулак 7/5, возле тела которого, остриями в сторону головы, были положены стрелы.

Орудия труда представлены двумя лепными пряслицами из погребения 2, а также железными ножами из захоронений 2 и 5. Такие находки получили широчайшее распространение в скифских захоронениях Северного Причерноморья. При этом пряслица, как неоднократно отмечалось ранее, всегда связаны с женскими костяками (Синика 2023: 206).

Железные ножи в катакомбах 2 и 5 найдены в мисках, и этот обряд (помещение напутственной пищи в миску с ножом) широко известен у скифов Северо-Западного Причерноморья в III—II вв. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 800; Синика 2023: 200).

Второй нож из погребения 5 был вбит в дно в северном углу камеры. Ранее такой обычай (вбивание ножей в дно и стенки погребальных камер) был зафиксирован в девяти катакомбах могильника III—II вв. до н.э. у с. Глиное (Синика 2023: 200), а также в катакомбе Коротное/Кулак 6/6 — нож вбит в дно камеры под втулками наконечников копий (Тельнов и др. 2026: рис. 8: 1). Весьма вероятно, как и в случае с вбитыми в дно погребальных камер наконечниками копий, вбивание ножей в дно и стенки погребальных камер связано с культом оружия (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 785, 800).

Посуда представлена деревянным ковшом, поддоном лепного сосуда, двумя лепными чашками, двумя лепными мисками и лепным кувшином.

Деревянный ковш из могилы Коротное/Кулак 7/1, изготовленный из тополя/осины, является первой подобной находкой в скифских захоронениях III—II вв. до н.э. Северо-Западного Причерноморья. Ранее в регионе были зафиксированы находки деревянных мисок и чашек (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 830—831, 840; Синика 2023: 239).

Поддон лепного сосуда (кувшина?), как отмечено выше, был обнаружен во входной яме катакомбы Коротное/Кулак 7/5 рядом с собакой.

Во входной яме захоронения Коротное/Кулак 7/4 вместе с собакой в качестве сосуда для питья была положена лепная чашка на низком кольцевом поддоне. Подобные лепные сосуды (чашки и миски на низком кольцевом поддоне или с дном, представляющим имитацию кольцевого поддона) свидетельствуют о фракийском влиянии на скифскую материальную культуру (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 971; Синика 2023: 401—402).

Другая лепная чашка, из захоронения Коротное/Кулак 7/2, являлась не сосудом для питья погребённой, а контейнером для лепных пряслиц и, вероятно, несохранившихся органических материалов для прядения. Подобные случаи зафиксированы 26 раз в 25 скифских погребениях III—II вв. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 840, табл. 22; Синика 2023: 250). Как показали исследования, эта традиция известна в Северном Причерноморье у скифов ещё с IV в. до н.э. (Синика и др. 2019b: 833).

Обе лепные миски из могил Коротное/Кулак 7/2 и 7/5 предназначались для напутственной пищи. При этом сосуд из захоронения 5 имеет выделенное ребро, что свидетельствует о фракийском влиянии на керамический комплекс скифов III—II вв. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 976; Синика 2023: 416).

[15] Глиное/Водовод 6/1 (Синика, Тельнов, Лысенко 2018c: 73, 76, рис. 2: 2, 4), 7/5 (Синика и др. 2019a: 379, 382, 387, рис. 8: 2, 6, 7), 8/2 и 8/4 (Синика, Тельнов, Лысенко 2018a: 236, 238, 241—242, рис. 1: 6, 8, 9, 11; 3: 1, 3), Глиное 12/2 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 121), 116/1 (Синика, Тельнов 2018: 229, рис. 5: 5).

Лепной кувшин из катакомбы Коротное/Кулак 7/5, с ручкой, возвышающейся над венчиком, является ещё одним свидетельством фракийского влияния. Подобные лепные кувшины известны в девяти скифских погребальных памятниках Северо-Западного Причерноморья конца V — IV в. до н.э.: на левобережье Нижнего Дуная — Курчи 24/1 (Андрух, Чернов 1990: 155, рис. 1: 24) второй половины IV в. до н.э., Табаки 1/1 (Субботин и др. 1992: 6, рис. 4: 3) второй половины IV в. до н.э.; на правобережье Нижнего Днестра — Мерены 1/7 (Дергачёв, Сава 2003: 537, рис. 10: 2) рубежа V—IV вв. до н.э.; на левобережье Нижнего Днестра — Глиное/Сад 13/3 (Синика, Тельнов, Разумов 2019: 23, рис. 1: 3; Синика и др. 2021c: 148, 152—153, рис. 3: 1) рубежа V—IV вв. до н.э., Дубоссары 5 (Кетрару и др. 2014: 58, 202, рис. 46: 6) второй четверти IV в. до н.э., Глиное/Водовод 10/2 и 16/4 (Синика, Тельнов, Разумов 2019: 23—25, рис. 2: 1, 2; Синика и др. 2019b: 825—826, 833—834, рис. 2: 7; Синика и др. 2021b: 255, 283, рис. 12: 1) третьей четверти IV в до н.э., Буторы I 4/1 (Синика, Разумов, Тельнов 2013: 44, 114, рис. 21: 4) конца 20-х — начала 10-х гг. IV в. до н.э. Найдены подобные сосуды также в пяти погребениях III—II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра: Глиное 33/1, 46/4, 53/1, 67/5 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 975; Синика 2023: рис. 92: 4—7); Глиное/Рыбхоз 3/95 (Синика 2023: 161, 415, рис. 92: 8).

К *аксессуарам костюма* относится бронзовая фибула из катакомбы Коротное/Кулак 7/5. Это изделие фиксирует латенское влияние на материальную культуру скифов. Фибула однопружинная, её спинка плоская. Подобных застёжек до настоящего времени в скифских комплексах Северо-Западного Причерноморья было выявлено всего три. Одна из них была найдена в восточной камере катакомбы Глиное 116/1 (Синика, Тельнов 2018: 240, рис. 12: 2), вторая — в захоронении Глиное/Плавни 2/2 (Синика и др. 2021a: 225, 230—231, рис. 5: 5). Оба комплекса датированы первой половиной III в. до н.э., и к этому времени отнесено появление подобных фибул (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 954—955).

Украшения представлены серьгой, височным кольцом, ожерельем, двумя подвесками, браслетом из бусин и отдельной бусиной.

Из погребения Коротное/Кулак 7/3 происходит бронзовая проволочная серьга с заострёнными несомкнутыми окончаниями. Серебряное височное кольцо из катакомбы Коротное/Кулак 7/5, вполне вероятно, было украшением подростка (девочки), погребённого в камере первым. Во всяком случае, ранее подобные украшения были зафиксированы только в женских захоронениях (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 882).

Ожерелье из могилы Коротное/Кулак 7/2 состояло из бисера. Подобных ожерелий, состоявших только из бисера, зафиксировано всего десять в скифских захоронениях III—II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. Они найдены в могилах Глиное 22/3, 23/1, 29/1, 54/2, 64/1, 66/2, 67/4, 69/1, 94/2, 96/2 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 182, 186, 207, 337, 391, 403, 409, 418, 560, 576, рис. 86: 10; 89: 12; 101: 10; 187: 8; 221: 19; 226: 11; 230: 1; 235: 10; 316: 11; 324: 8). Кроме того было отмечено, что ни в одном мужском захоронении не было бисера (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 858). Этот факт, наряду с находками пряслиц, позволяет утверждать, что в катакомбе Коротное/Кулак 7/2 была погребена женщина.

Серебряная и бронзовая кольцевидные подвески, возможно, входили в состав ожерелья подростка (девочки?), погребённого первым в катакомбе Коротное/Кулак 7/5. Включение таких подвесок в состав ожерелий зафиксировано дважды. В захоронении Глиное 38/3 в составе ожерелья женщины 20—35 лет была золотая кольцевидная подвеска. Бронзовое кольцо находилось в составе ожерелья девочки 12—15 лет в катакомбе Глиное 56/2 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 266, 352, 884, рис. 142: 13; 196: 11). Кольца, в том числе и в составе ожерелий, известны только в женских захоронениях (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 883—884).

Браслет из трёх бусин и десяти бисерин зафиксирован на правом запястье взрослого человека, погребённого в катакомбе Коротное/Кулак 7/5.

Особый интерес вызывает крупная стеклянная цилиндрическая бусина, найденная у правой ключицы ребёнка в могиле Коротное/Кулак 7/3. Изделие украшено глазками по всей поверхности. Подобные изделия весьма немногочисленны в скифских захоронениях Северо-Западного Причерноморья.

Одна такая бусина найдена в ограбленной могиле конца IV — первой половины III в. до н.э. Кугурлуй 15/2 на левобережье Нижнего Дуная (Гудкова, Суничук 1985: 44, рис. 94: 9, 10; Синика 2023: 158). Ещё одна идентичная бусина найдена на костяке женщины в захоронении первой половины III в. до н.э. Дервент 13/2 на левобережье Нижнего Дуная (Гудкова, Суничук 1985: 18, рис. 47: 7; Островерхов, Редина 2013: рис. 101: 25; Синика, Тельнов 2016: 309; Синика 2023: 158). По одной аналогичной бусине происходит из скифских катакомб Глиное 3/1 (мужчина; бусина в области шеи; первая четверть II в. до н.э.), 35/2 (ребёнок 8—9 лет; на шее в составе ожерелья; последняя четверть III в. до н.э.), Глиное 59/1 (женщина; бусина перемещена в ограбленной могиле; III—II вв. до н.э.) на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 85, 248, 365—366, 965—966, рис. 28: 7; 127: 7а; 206: 6). Ещё две такие же бусины были найдены у правого плеча женщины 20—35 лет в погребении первой половины III в. до н.э. Глиное 91/1 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 535, рис. 302: 12, 13). Наконец, на могильнике «Кулак» одна подобная бусина была в составе ожерелья ребёнка (возрастом 6—9 месяцев: Łukasik 2025: 2) в погребении 2 кургана 2 (Синика и др. 2025: 210, рис. 4: 12), а другая — в области левого локтя подростка (нашита на пояс костяка I; возраст 15—25 лет: Łukasik 2025: 3) из захоронения 8 кургана 2 (Синика и др. 2025: 221, рис. 11: 18). Все скифские погребения кургана Коротное/Кулак 2 были датированы последней четвертью III — первой четвертью II в. до н.э. на основании бронзовой фибулы, ножка которые соединена со спинкой скобой (Синика и др. 2025: 235). На настоящей момент время бытования таких бусин ограничивается III — первой четвертью II в. до н.э. Как показывает их размещение, они могли входить в состав ожерелий (погребения детей Глиное 35/2 и Коротное/Кулак 2/2), нашиваться на пояс (захоронение подростка Коротное/Кулак 2/8), а также играть роль ворворок, как это зафиксировано в погребениях взрослых людей Глиное 3/1 и Глиное 91/1 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 873). С учётом того, что Коротное/Кулак 7/3 было захоронением ребёнка, а бусина была обнаружена у его правой ключицы, полагаем, что она была единственным украшением «ожерелья».

Костные остатки животных найдены в четырёх погребениях из пяти. Комплекс костей включает две категории — напутственную пищу и сопровождающих животных (собаки).

Напутственная пища зафиксирована в четырёх захоронениях. В погребении женщины Коротное/Кулак 7/2 в миске находилась левая плечевая кость мелкого рогатого скота (особи в возрасте старше 3,5 лет). В могиле Коротное/Кулак 7/3 на теле ребёнка зафиксирована правая бедренная кость молодой особи крупного рогатого скота. Во входной яме катакомбы Коротное/Кулак 7/4, предназначенной для захоронения взрослого человека, были найдены верхняя половина левой лучевой и локтевой костей взрослой особи (вероятно, коровы) крупного рогатого скота. В асинхронном погребении (первичное захоронение — подросток женского (?) пола, вторичное — мужчина) в миске была левая бедренная кость домашней овцы (особи в возрасте до 3 лет).

Сопровождающие животные. В качестве таковых использованы целые туши собак. В погребениях 2 и 5 использованы взрослые особи, в погребении 4 — полувзрослая особь. Размеры реконструированы только для особи из погребения 2. У всех особей оказалось возможным измерить только длину mt II: 54,6 мм, 56,4 мм, 62,7 мм, 65, 4 мм. Размеры метаподий заметно различаются, что указывает на разнообразие размеров собак, разводимых скифами в III—II вв. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье. Но, в целом, они имели не крупные размеры. Особь из погребения 4 получила прижизненную травму — перелом первой фаланги, который начал зарастать. Этой же особи была положена напутственная пища в виде остатков туши мелкого рогатого скота.

Датировка кургана

Бронзовая фибула из погребения 5 позволяет достаточно точно определить время совершения подзахоронения в катакомбе. Как отмечено выше, все аналогичные фибулы (раннелатенской конструкции, с одной функциональной пружиной и плоской спинкой) из скифских памятников региона датируются первой половиной III в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 954—955; Синика, Тельнов 2018: 260; Синика и др. 2021а: 230—231). Очевидно, что основные в кургане захоронения № 1 и 4, а также первичное захоронение во впускной катакомбе № 5, были совершены также в этом интервале времени. При этом впускные могилы № 2 и 3 мы датируем не позднее середины III в. до н.э.

Заключительные положения

Скифский курган Коротное/Кулак 7 был возведён в первой половине III в. до н.э. над двумя захоронениями (взрослого человека в Т-образной катакомбе и ребёнка в дромосной катакомбе I типа), окружёнными кольцевым рвом с двумя разрывами. Спустя время в насыпь была впущена ещё одна Т-образная катакомба, в которой был погребён подросток женского пола, а затем — при подзахоронении — взрослый человек. Наиболее поздними в кургане были детское погребение в подбое и захоронение женщины в Т-образной катакомбе, устроенные за пределами рва, к югу от основной могилы, в середине III в. до н.э.

О фракийском влиянии на материальную культуру скифов свидетельствуют лепная чашка на выделенном кольцевом поддоне, лепная миска с выделенным ребром, а также лепной кувшин с ручкой, возвышающейся над венчиком. Латенское влияние представлено бронзовой фибулой с плоской спинкой.

Очень важной является информация о напутственной пище из четырёх погребений кургана. В настоящее время мы можем констатировать, что в состав напутственной пищи входят только кости конечностей, представляющие «мясные» части туш — плечо, бедро, предплечье. Следует отметить, что от предплечья взята его верхняя, наиболее «мясная», часть. Представлены преимущественно целые кости, исключая предплечье. Какой-либо связи характеристик напутственной пищи с полом и возрастом погребенных установить на данный момент из-за единичности находок мы не можем. Сопровождающие животные (собаки) присутствуют в большинстве скифских захоронений региона в III—II вв. до н.э. (Синика 2023: 137—141). Следует отметить, что, в отличие от других скифских захоронений левобережья Нижнего Днестра, состав костного комплекса кургана Коротное/Кулак 7 обеднен по категориям, по видовому составу и по набору элементов скелета отдельных видов (Секерская, Синика 2022: 76—91; Секерская, Синика 2023: 393—398). Однако эти наблюдения требуют верификации на значительно большей источниковой базе.

Публикуемые данные позволяют расширить и уточнить представления о погребальных практиках и материальной культуре скифов, проживавших в Северо-Западном Причерноморье в III—II вв. до н.э.

Литература

Андрух С.И., Чернов С.И. 1990. Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья. *СА* 2, 149—163.

Дергачёв В.А., Сава Е.Н. 2003. Исследование курганов в окрестностях сёл Мерень и Кирка. *Stratum plus* 2 (2001—2002), 526—562.

Кетрару и др. 2014: Кетрару Н.А., Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2014. *Дубоссарские курганы*. Тирасполь: Stratum plus (Археологические памятники Приднестровья II).

Научный архив ИА НАНУ. № 1984/3а. Гудкова А.В., Суничук Е.Ф. 1985. Полевой отчёт Орловского курганного отряда Буджакской археологической экспедиции в 1984 г.

Островерхов А.С., Редина Е.Ф. 2013. Скифские древности. В: Бруяко И.В., Самойлова Т.Л. (отв. ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерномо*рья. Одесса: СМИЛ, 374—418.

Секерская Е.П., Синика В.С. 2022. Животные в погребально-поминальном обряде скифов левобережья Нижнего Днестра III—II вв. до н.э. *Revista arheologică*. S. n. Vol. XVIII. nr. 1, 73—97.

Синика В.С. 2023. *Скифская археологическая культура III—II вв. до н.э. Северо-Западного Причерноморья*. Тирасполь: Stratum plus.

Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2013. *Курганы у села Буторы* . Тирасполь: Полиграфист (Археологические памятники Приднестровья I).

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2016. Крестовидные крючки—застёжки из скифских памятников Северного Причерноморья. В: Маріна З. П. (відп. ред.). *Археологія та етнологія півдня Східної Європи*. Дніпро: Ліра, 304—316.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2018. Скифский курган 116 первой половины III в. до н.э. у с. Глиное. В: Синика В.С., Рабинович Р.А. (отв. ред.). *Древности. Исследования и проблемы*. Кишинёв; Тирасполь: Stratum plus, 223—266.

Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018a. Скифский курган 8 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Известия Самарского научного центра РАН*. Т. 20. № 3, 234—244.

Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018b. Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 2, 78—93.

Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018c. Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра. *Записки Института истории материальной культуры РАН* 18, 69—79.

Синика В.С., Тельнов Н.П., Разумов С.Н. 2019. Посуда фракийского облика из скифских погребений конца V — IV в. до н.э. с левобережья Нижнего Днестра (по материалам раскопок 2015 г. и 2018 г.). *Русин* 55, 18—33.

Синика и др. 2019a: Синика В.С., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Разумов С.Н. 2019. Скифский курган 7 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *Stratum plus* 3, 365—390.

Синика и др. 2019b: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2019. Скифский курган 10 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Oriental Studies* 5, 822—844. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-822-844.

Синика и др. 2020: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П., Лукасик С. 2020. Курган 11 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье и современное «мифотворчество» о скифских «амазонках». *Нижневолжский археологический вестник*. Т. 19. № 1, 64—101. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.4.

Синика и др. 2021a: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2021. Скифские погребения в курганах группы «Плавни» на Нижнем Днестре. *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* 3, 221—242.

Синика и др. 2021b: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2021. Курган 16 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *Tyragetia*. s.n. Vol. XV [XXX]. nr. 1, 239—296.

Синика и др. 2021c: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2021. Скифский курган 13 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. Уфимский археологический вестник. Т. 21. № 1, 145—159. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.013.

Синика и др. 2025: Синика В.С., Закордонец О.А., Разумов С.Н., Паткевич Д.Ф., Тельнов Н.П. 2025. Новый скифский могильник III—II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. Часть I (курган 2). *Tyragetia*. S. n. XIX (XXXIV). nr. 1, 205—238.

Синика и др. 2026: Синика В.С., Закордонец О.А., Разумов С.Н., Паткевич Д.Ф., Тельнов Н.П. 2026. Новый скифский могильник III—II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. Часть II (курганы 3 и 4). *Tyragetia*, S. n., XX (XXXV). nr. 1, 301—336.

Субботин и др. 1992: Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. 1992. *Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья*. Киев: ИА НАНУ.

Тельнов и др. 2026: Тельнов Н.П., Разумов С.Н., Паткевич Д.Ф., Иващенко М.В., Косинцев П.А., Кочнев А.В., Синика В.С. 2026. Новый скифский могильник III—II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. Часть III (курган 6). *Stratum plus* 3, 395—435.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное* . Тирасполь: Stratum plus (Археологические памятники Приднестровья III).

Anyonge W. 1993. Body mass in large extant and extinct carnivores. *Journal of Zoology*. Vol. 231. No. 2, 339—350.

Driesch A. von den 1976. *A Guide to the Measurement of Animals Bones from Archaeological Sites*. Harvard: Harvard University (Peabody Museum Bulletin 1).

Gipson et al, 2000: Gipson P.S., Ballard W.B., Nowak R.M., Mech L.D. 2000. Accuracy and precision of estimating age of gray wolves by tooth wear. *Journal of Wildlife Managing*. Vol. 64. No. 3, 752—758.

Harcourt R.A. 1974. The Dog in Prehistoric and Early Historic Britain. *Journal of Archaeological Science*. Vol. 1. № 2, 151—175.

Łukasik S. 2025. *Anthropological analysis of human skeletal remains from KULAK site, Moldova: part 4 (K2B1, K2B2, K2B8S1, K2B8S2, K2B8S3, K2B9, K3B1, K4B2, K4B4, K4B6, K4B7S1, K4B7S2, K4B8, K5B3, and K5B18)*. Poznań, 30 December 2025. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Silver I.A. 1969. The ageing of domestic animals. In: Brothwell D.R., Higgs E.S. (eds.) *Science in archaeology: Survey of progress and research*. London: Thames and Hudson, 283—302.

References

Andrukh, S.I., Chernov, S.I. 1990. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 2, 149—163 (in Russian).

Dergaciov, V.A., Sava, E.N. 2003. In *Stratum plus* 2 (2001—2002), 526—562 (in Russian).

Ketraru et al. 2014: Ketraru, N.A., Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2014. *Dubossarskie kurgany (Dubossary Barrows)*. Tiraspol: Stratum plus (Archaeological Sites of the Dniester Region II) (in Russian).

Nauchnyy arkhiv IA NANU. № 1984/3a. Gudkova A.V., Sunichuk E.F. 1985. Polevoy otchot Orlovskogo kurgannogo otryada Budzhakskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1984 g.

Ostroverkhov, A.S., Redina, E.F. 2013. In Bruyako, I.V., Samoylova, T.L. (eds.). *Drevnie kul'tury Severo—Zapadnogo Prichernomor'ya (Ancient cultures of the North—West Black Sea region)*. Odessa: SMIL, 374—418 (in Russian).

Sekerskaya, E.P., Sinika, V.S. 2022. In *Revista arheologică*. S. n. Vol. XVIII. nr. 1, 73—97 (in Russian).

Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2013. *Kurgany u sela Butory (Barrows near the Butory Village)*. Tiraspol: Poligrafist (Archaeological Sites of the Dniester Region I) (in Russian).

Sinika, V.S., Tel'nov, N.P. 2016. In: Marina, Z.P. (ed.). *Arkheologiya ta etnologiya pivdnya Skhidnoi Evropi (Archaeology and Ethnology of South of the Eastern Europe)*. Dnipro: Lira, 304—316 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2018. In Sinika, V.S., Rabinovich, R.A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy. Sbornik statey v chest' 70—letiya N.P. Tel'nova (Antiquities. Research. Problems. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N.P. Telnov)*. Kishinev; Tiraspol: Stratum plus, 223—266 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018a. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii nauk (Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)* 20 (3), 234—244 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018b. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University)* 2, 78—93 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018c. In *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy Akademii nauk (Transactions of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Science)* 18, 69—79 (in Russian).

Sinika, V.S., Tel'nov, N.P., Razumov, S.N. 2019. In *Rusin* 55, 18—33 (in Russian).

Sinika et al. 2019a: Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Tel'nov, N.P., Razumov, S.N. 2019. In *Stratum plus* 3, 365—390 (in Russian).

Sinika et al. 2019b: Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Tel'nov, N.P. 2019. In *Oriental Studies* 5, 822—844. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-822-844 (in Russian).

Sinika et al. 2020: Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Tel'nov, N.P., Lukasik, S. 2020. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga archaeological bulletin)*. Vol. 19. № 1, 64—101. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.4 (in Russian).

Sinika et al. 2021a: Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Tel'nov, N.P. 2021. In *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* 3, 221—242 (in Russian).

Sinika et al. 2021b: Sinika, V.S., Tel'nov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2021. In *Tyragetia*. s.n. Vol. XV [XXX]. nr. 1, 239—296 (in Russian).

Sinika el al. 2021c: Sinika, V.S., Tel'nov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2021. In *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)*. Vol. 21. № 1, 145—159. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.013 (in Russian).

Sinika, V.S. 2023. *Skifskaya arkheologicheskaya kul'tura III—II vv. do n. e. Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Scythian archaeological culture of the 3rd — 2nd centuries BCE of the North-West Black Sea region)*. Tiraspol: Stratum plus (in Russian).

Sinika et al. 2025: Sinika, V.S., Zakordonets, O.A., Razumov, S.N., Patkevich, D.F., Tel'nov, N.P. 2025. In *Tyragetia*. S. n. XIX (XXXIV). nr. 1, 205—238 (in Russian).

Sinika et al. 2026: Sinika, V.S., Zakordonets, O.A., Razumov, S.N., Patkevich, D.F., Tel'nov, N.P. 2026. In *Tyragetia*. S. n. XX (XXXV). nr. 1, 301—336 (in Russian)

Subbotin et al. 1992: Subbotin, L.V., Ostroverkhov, A.S., Okhotnikov, S.B., Redina, E.F. 1992. *Skifskie drevnosti Dnestro-Dunayskogo mezhdurech'ya (Scythian Antiquities of the Dniester-Danube Interfluve)*. Kyiv: Preprint (in Russian).

Tel'nov et al. 2026: Tel'nov, N.P., Razumov, S.N., Patkevich, D.F., Ivashchenko, M.V., Kosintsev, P.A., Kochnev, A.V., Sinika, V.S. 2026. In *Stratum plus* 3, 395—435 (in Russian).

Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016 *Skifskiy mogil'nik III—II vv. do n.e. u s. Glinoe (Scythian Cemetery of 3rd — 2nd cc. BCE near Glinoe Village)*. Tiraspol: Stratum plus (Archaeological Sites of the Dniester Region III) (in Russian).

Anyonge, W. 1993. In *Journal of Zoology*. Vol. 231. No. 2, 339—350.

Driesch, A. von den 1976. *A Guide to the Measurement of Animals Bones from Archaeological Sites*. Harvard: Harvard University (Peabody Museum Bulletin 1).

Gipson et al. 2000: Gipson, P.S., Ballard, W.B., Nowak, R.M., Mech, L.D. 2000. In *Journal of Wildlife Managing*. Vol. 64. No. 3, 752—758.

Harcourt, R.A. 1974. In *Journal of Archaeological Science*. Vol. 1, № 2, 151—175.

Łukasik, S. 2025. *Anthropological analysis of human skeletal remains from KULAK site, Moldova: part 4 (K2B1, K2B2, K2B8S1, K2B8S2, K2B8S3, K2B9, K3B1, K4B2, K4B4, K4B6, K4B7S1, K4B7S2, K4B8, K5B3, and K5B18)*. Poznań, 30 December 2025. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol.

Silver, I.A. 1969. In Brothwell, D.R., Higgs, E.S. (eds.) *Science in archaeology: Survey of progress and research*. London: Thames and Hudson, 283—302.

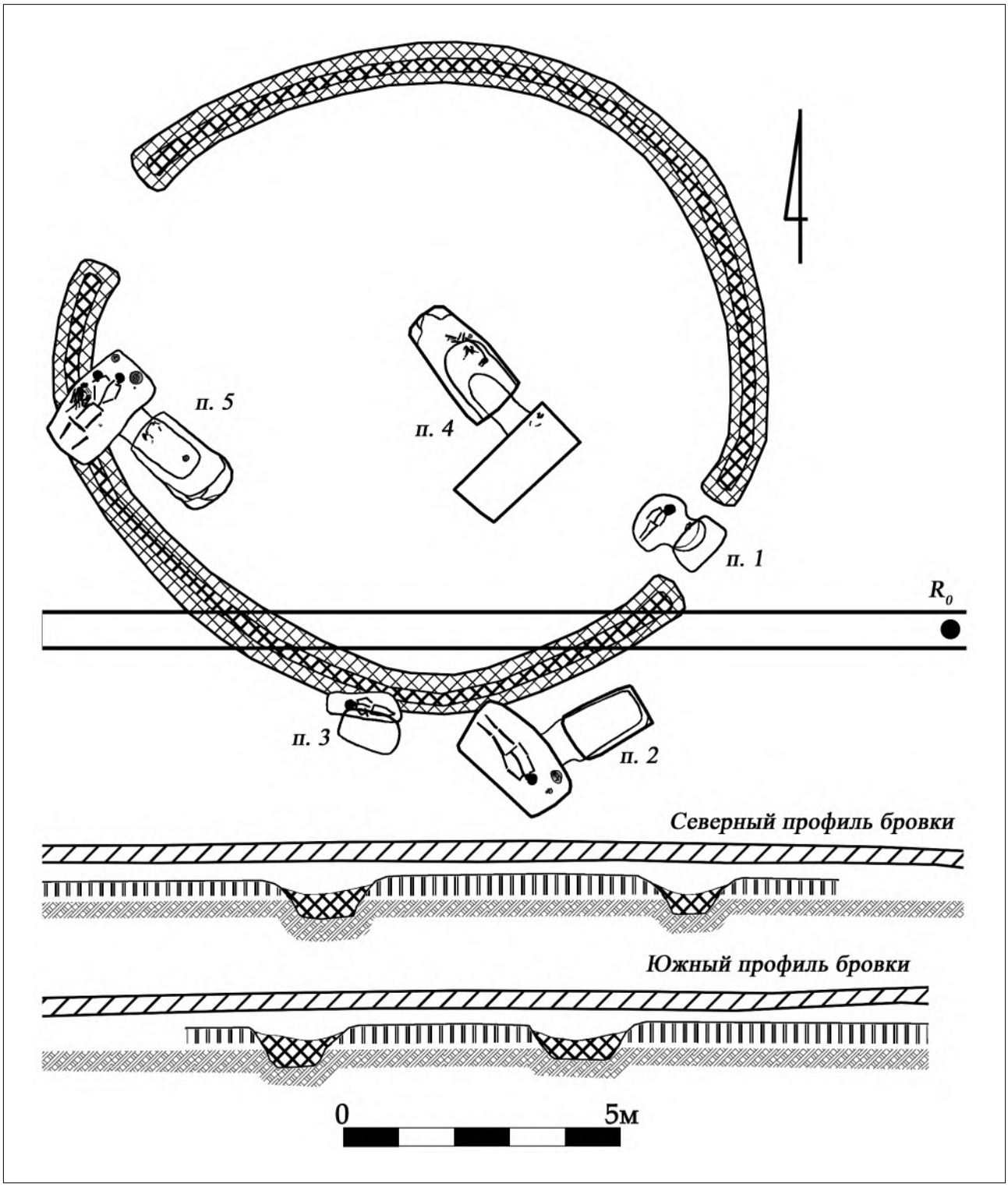


Рис. 1. План и профили кургана 7 могильника «Кулак» у с. Коротное на левобережье Нижнего Днестра.

Fig. 1. Plan and profiles of barrow 7 of the “Kulak” cemetery near the Korotnoe village of on the left bank of the Lower Dniester.

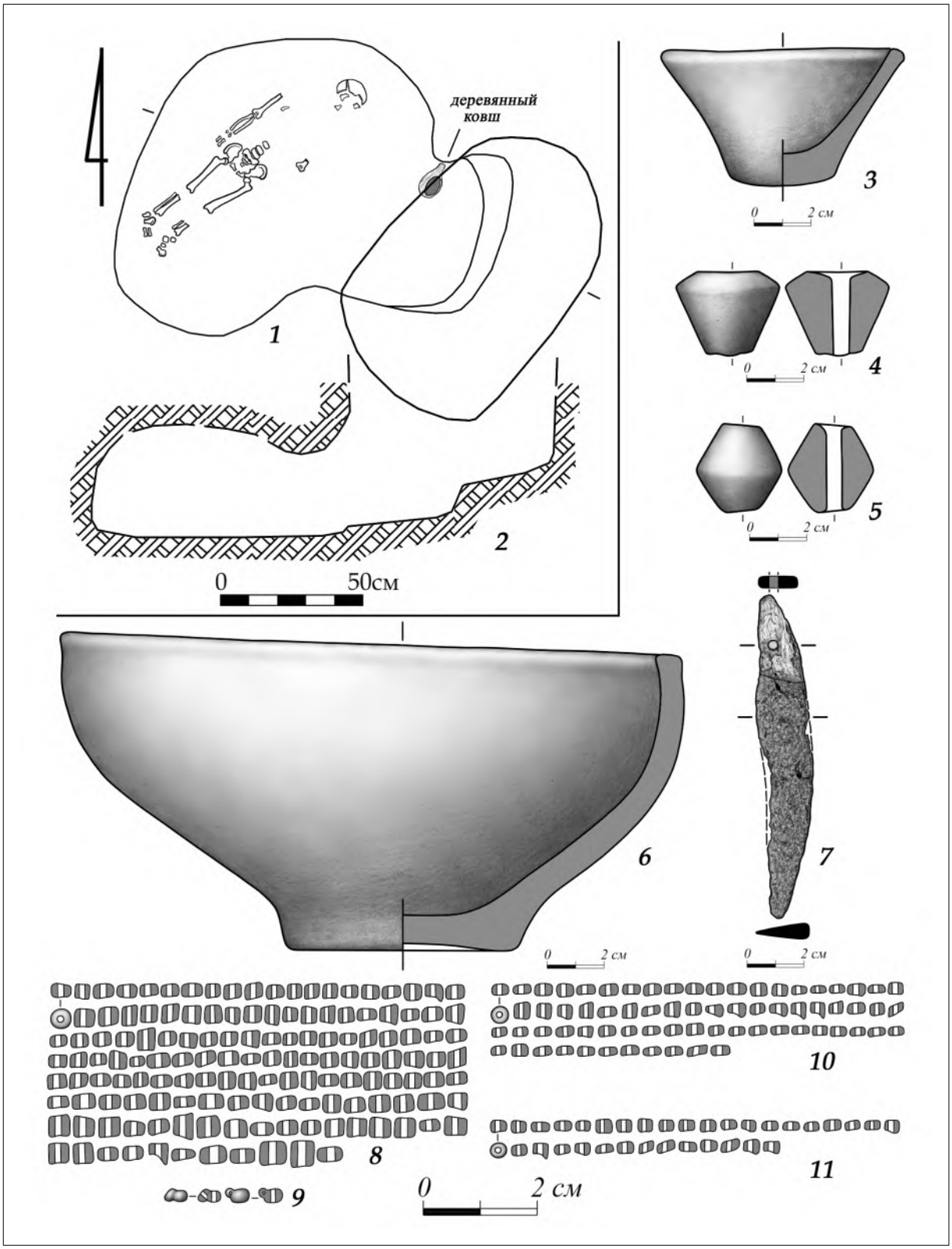


Рис. 2. Погребение Коротное/Кулак 7/1 (*1, 2*)**; инвентарь погребения Коротное/Кулак 7/2** (*3—11*)**.**

Fig. 2. Burial Korotnoe/Kulak 7/1 (*1, 2*)**; grave goods from burial Korotnoe/Kulak 7/2** (*3—11*)**.**

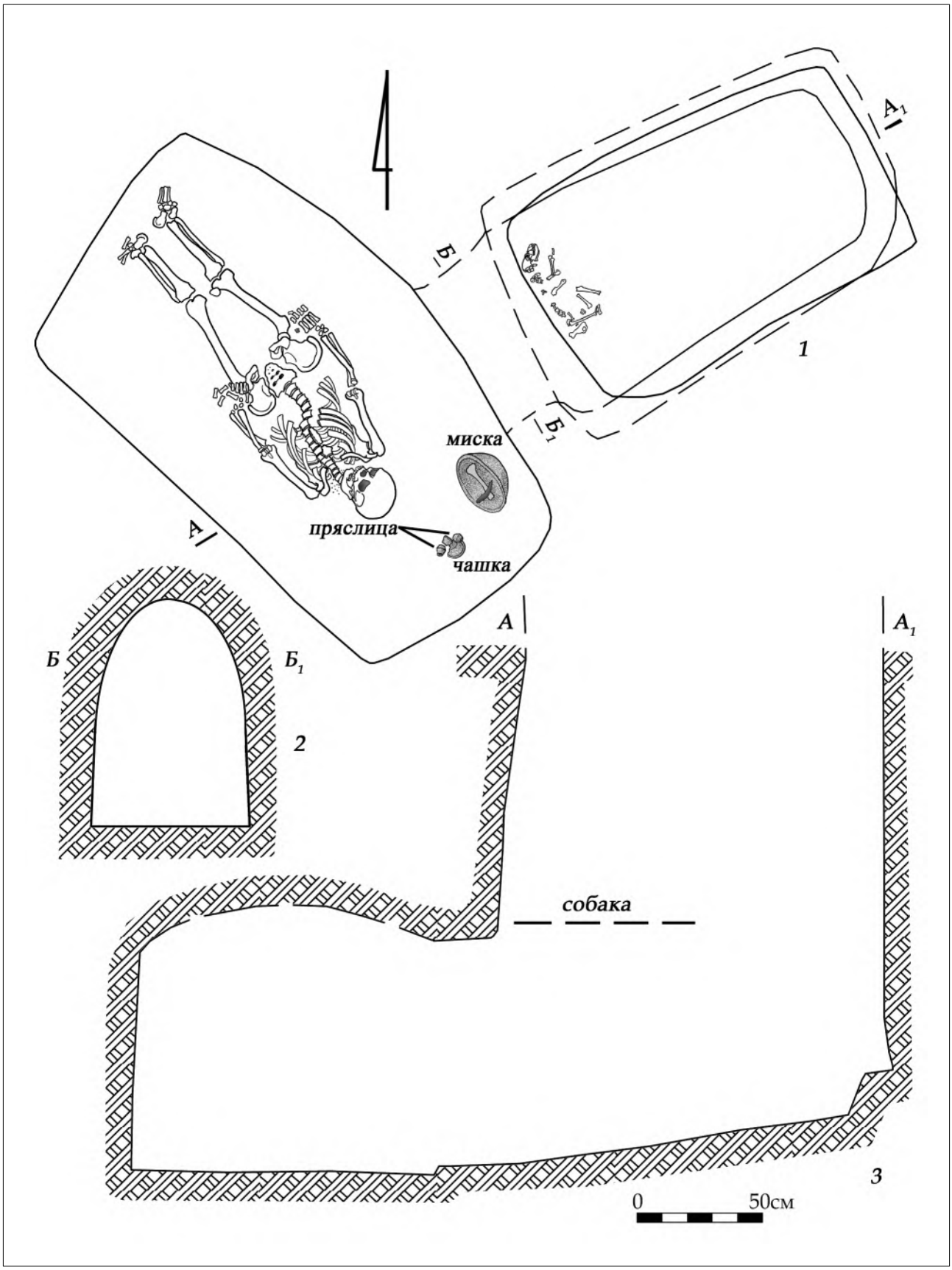


Рис. 3. Погребение Коротное/Кулак 7/2.

Fig. 3. Burial Korotnoe/Kulak 7/2

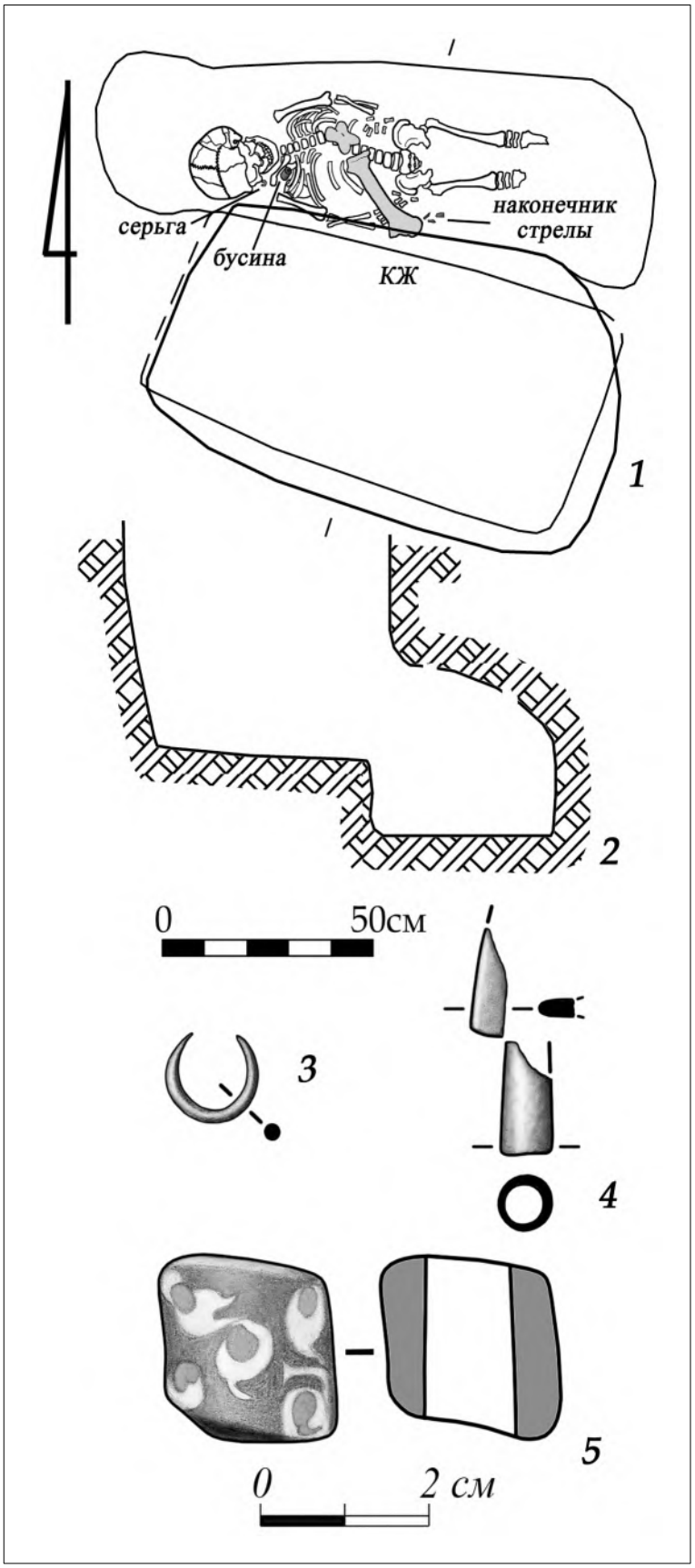


Рис. 4. Погребение Коротное/Кулак 7/3.

Fig. 4. Burial Korotnoe/Kulak 7/3.

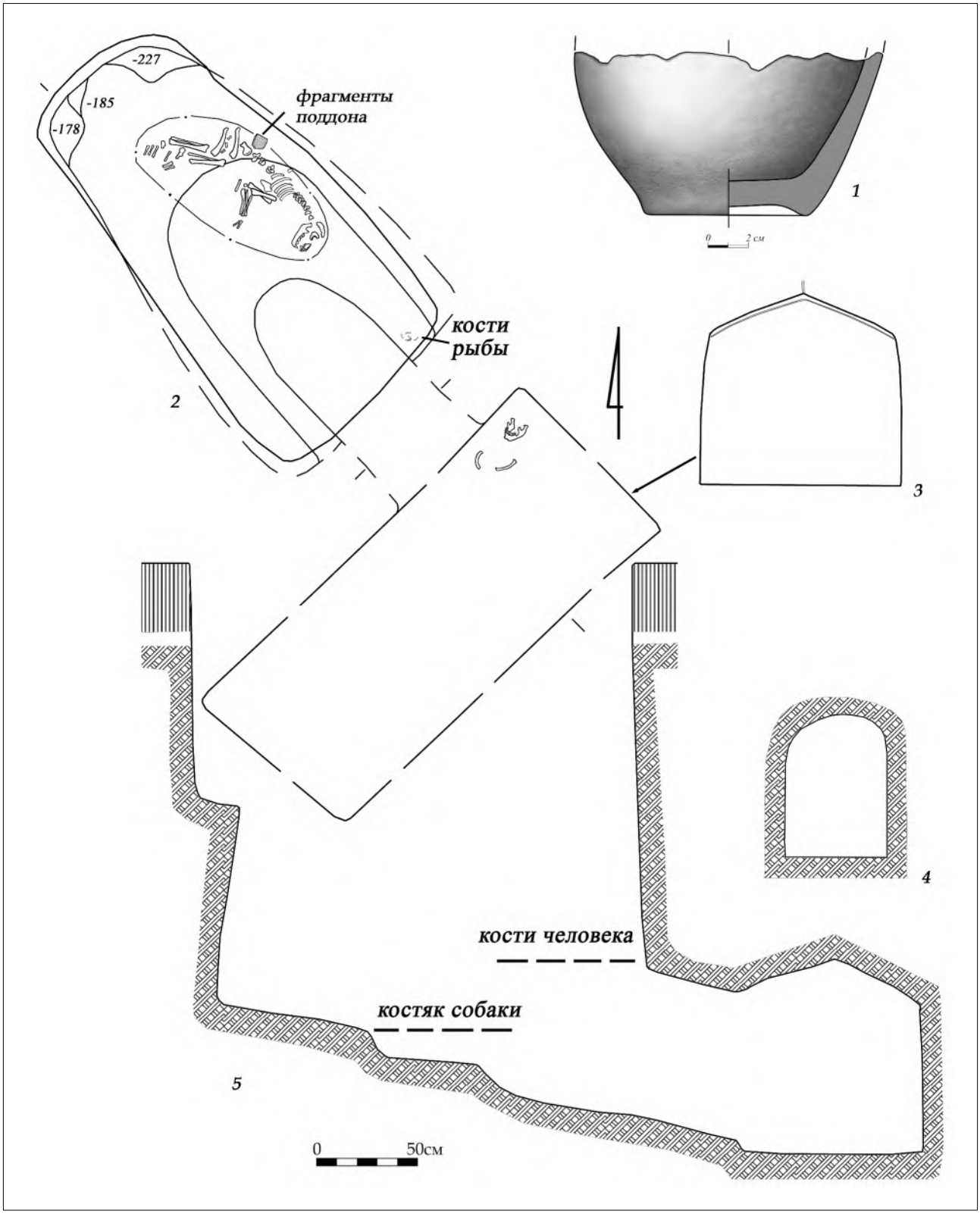


Рис. 5. Погребение Коротное/Кулак 7/4.

Fig. 5. Burial Korotnoe/Kulak 7/4.

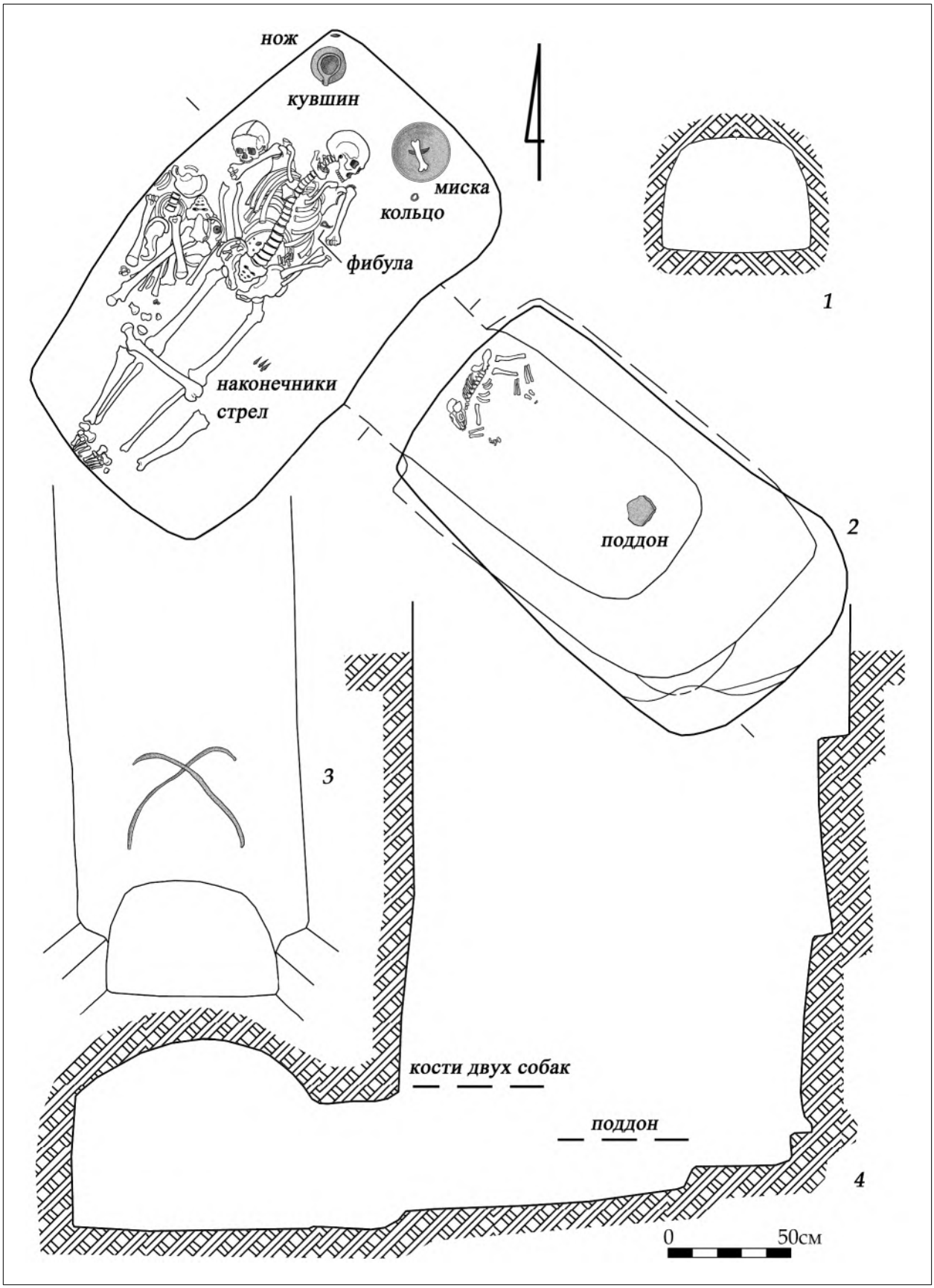


Рис. 6. Погребение Коротное/Кулак 7/5.

Fig. 6. Burial Korotnoe/Kulak 7/5.

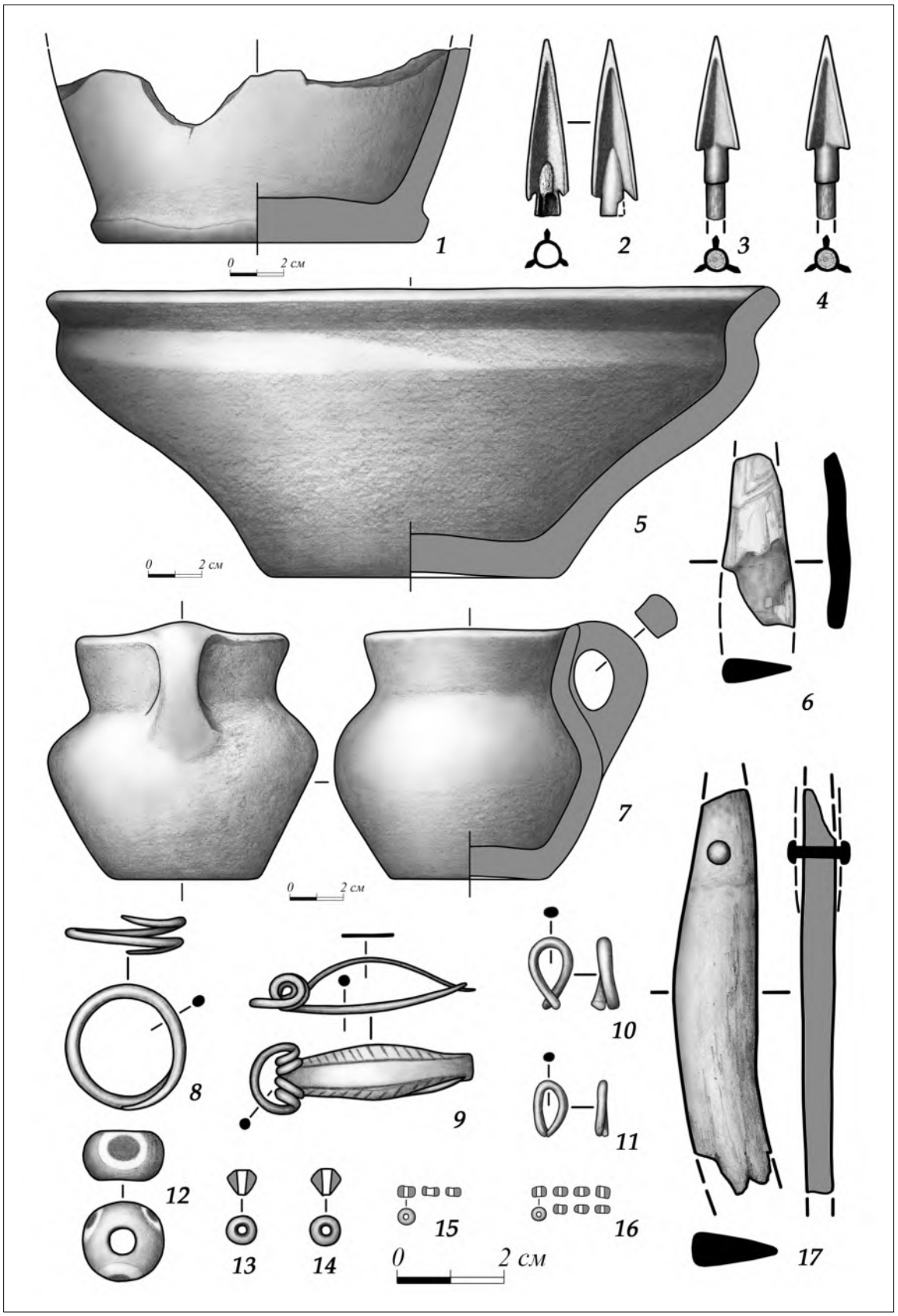


Рис. 7. Инвентарь погребения Коротное/Кулак 7/5.

Fig. 7. Grave goods from burial Korotnoe/Kulak 7/5.

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.81.91.008

М.Ю. Трейстер, А.М. Сеитов

ПАРА ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ФАЛАРОВ ИЗ СТЕПНОГО ПРИИШИМЬЯ (СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН)*

Фалары, которым посвящена статья, были найдены предположительно по одному на левом берегу р. Ишим, в 1980-х — 1990-х гг. и попали в два разных музея. Они были опубликованы по отдельности. О том, что оба фалара образуют пару, свидетельствуют как близкие размеры и вес, так и сходство декора, отличающегося лишь тем, что изображенный на фаларах лежащий кошачий хищник в первом случае изображен вправо, а во втором — влево, при этом образы не переносились зеркально механически, а отличаются в деталях, что является типичным для позднеэллинистических наплечных фаларов.

Проведенный в статье анализ показал, что гирлянда на фаларах отличается от гирлянд на произведениях торевтики, которые можно атрибутировать как парфянские. Последние даже трудно рассматривать как образцы для подражания, которые мог использовать мастер, изготовивший фалары. Обрамляющий мотив не имеет никаких специфических элементов, которые могли бы говорить о его связи с искусством Греко-Бактрии. Есть больше оснований предполагать, что в качестве прототипа обрамляющего декора мог послужить вариант гирлянды, получивший распространение в Малой Азии. Еще в большей степени отсутствие греко-бактрийских связей демонстрирует центральное изображение на фаларах. Можно говорить о центральноазиатском происхождении этой схемы изображения животных, о том, что ее использовали, по крайней мере, некоторые мастера, создававшие изделия в полихромном зверином стиле Сибирской коллекции. Есть основания предполагать, что эта схема использовалась мастерами фаларов, которые атрибутируются как парфянские. Композиционная трактовка образа кошачьего хищника на фаларах из степного Приишимья в большей степени соответствует канонам центральноазиатского звериного стиля. В целом, представляется вероятным, что фалары с берегов Ишима являются работой периферийной парфянской мастерской, рассчитанной на вкусы заказчика-номада. Такое, а не бактрийское, происхождение фаларов подкреплено и анализом идентичной арамейской надписи, вероятно нанесенной в процессе их изготовления.

Ключевые слова: сарматы, Парфия, Греко-Бактрия, Центральная Азия, Малая Азия, торевтика, фалары конской узды, изображения кошачьих хищников, декор в форме гирлянды, надписи арамейского письма.

Сведения об авторах: Трейстер Михаил Юрьевич[1], Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь; Сеитов Абай Мейрамович[2], научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; докторант PhD, Костанайский региональный университет им. Ахмет Байтұрсынұлы.

Контактная информация: [1]53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштрассе 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de; Республика Казахстан, [2]050010, г. Алматы, пр. Достык, 44; 110000, г. Костанай, ул. Байтурсынова, 47; e-mail: sajrim@mail.ru.

Mikhail Treister, Abay Seitov

A PAIR OF LATE HELLENISTIC PHALERAE FROM THE STEPPES OF ISHIM BASIN (NORTHERN KAZAKHSTAN)

The phalerae, which are discussed in the present paper, were presumably found individually on the left bank of the Ishim River in the 1980s and 1990s and were acquired by two different museums. They were published separately. That the two phalerae form a pair is evidenced by their similar size and weight, as well as the similarity of their decoration, differing only in that the reclining feline predator depicted on the

* Статья поступила в номер 15 января 2026 г.
Принята к печати 31 января 2026 г.

© М.Ю. Трейстер, А.М. Сеитов, 2026.

phalerae is depicted to the right in the first case, and to the left in the second. The images were not mechanically mirrored, but differ in detail, a feature typical of late Hellenistic shoulder phalerae.

The analysis conducted in the article revealed that the garland on the phalerae differs from garlands on items of toreutics that can be attributed to Parthian origin. The latter can hardly even be considered models for the artisan who made the phalerae. The framing motif lacks any specific elements that would suggest a connection with Greco-Bactrian art. There is more reason to believe that the framing decoration may have been inspired by a garland design common in Asia Minor. The central image on the phalerae further demonstrates the lack of Greco-Bactrian connections. This animal motif can be considered to have a Central Asian origin, having been used by at least some of the artisans who created pieces in the polychrome animal style of the Siberian Collection. There is also reason to believe that this motif was used by phalerae makers attributed to Parthian origin. The compositional treatment of the feline predator on phalerae from the Ishim steppe region is more consistent with the canons of Central Asian animal style. Overall, it seems likely that the phalerae from the steppe of the Ishim basin were the work of a peripheral Parthian workshop, adjusted to the tastes of a nomadic client. This, and not Bactrian, origin of the phalerae is also supported by the analysis of an identical Aramaic inscription, probably applied during the process of their manufacture.

Key words: Sarmatians, Parthia, Greco-Bactria, Central Asia, Asia Minor, toreutics, phalerae of horse-harness, images of feline predators, decoration in the form of a garland, Aramaic inscriptions.

About the authors: Treister Mikhail[1], Dr. phil. habil. (RUS), Independent researcher; Seitov Abay[2], researcher, Margulan Institute of Archaeology; PhD student, Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University.

Contact information: [1]53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr. 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de; [2]050010, Kazakhstan, Almaty, Dostyk Ave., 44; 110000, Kostanay, Baytursynov Street 47; e-mail: sajrim@mail.ru.

Введение

Публикуемые фалары были найдены предположительно по одному на левом берегу р. Ишим, в 1980-х-1990-х гг. и попали в два разных музея. Первый (Приложение, № 2) — был найден у совхоза Победа, совр. Бузулук (Есильский р-н, Акмолинская обл.) (рис. 1: 1.4; 2б) и передан И.Т. Зайцевым в 1986 г. в Музей истории степного края г. Аркалык (совр. Костанайская обл.) (Сеитов 2013: 193—200). Второй — случайная находка 1993 или 1994 г. у ж.д. станции Сурган того же района и той же области (рис. 1: 1.4; 2а) (Приложение, № 1). Этот фалар в настоящее время хранится в Челябинском Государственном Историко-Культурном Заповеднике «Аркаим» (Российская Федерация) (Мордвинцева и др. 1997: 176—180; Трейстер 2011: 139—144; Treister 2012: 96—100; 2018: 47—53, 59, fig. 2: 4). О том, что оба фалара образуют пару, свидетельствуют как близкие размеры и вес, так и сходство декора, отличающегося лишь тем, что изображенный на фаларах лежащий кошачий хищник в первом случае изображен вправо, а во втором — влево, при этом образы не переносились зеркально механически, а отличаются в деталях, что является типичным для позднеэллинистических наплечных фаларов[1].

Первым был опубликован фалар, в настоящее время хранящийся в Аркаиме (Приложение, № 1). Авторам публикации и обратившемуся к анализу и интерпретации фалара одному из авторов этой статьи (Мордвинцева и др. 1997: 176—180; Трейстер 2011: 139—144; Treister 2012: 96—100; 2018: 47—53, 59, fig. 2: 4) не было известно о парном фаларе, который был издан лишь почти через два десятилетия (Сеитов 2013: 193—200). Авторы публикации аркаимского фалара отнесли его к изделиям мастерской

[1] Ср. фалары с изображением Белерофонта и Химеры из погребения в Володарке (Западный Казахстан): Mordvinceva 2001: 14, 35, Abb. 6: 3; 75, Nr. 36, Taf. 16—17; Трейстер 2011: 104—117; Treister 2012: 69—77; 2018: 47—52, 59, fig. 2: 1—2; Boardman 2015: 105—106, fig. 55. По этому же принципу построены композиции на двух парах фаларов со сценами схватки животных из клада I в Музее Гетти, предположительно, парфянской работы: Pfrommer 1993: 155—160, nos. 30—33.

«эллинистической Бактрии» (Мордвинцева и др. 1997: 180). Это определение вызвало развернутую критику в публикациях М.Ю. Трейстера, который пришел к выводу о том, что вероятнее всего фалар является работой периферийной парфянской мастерской, рассчитанной на вкусы заказчика-номада (Трейстер 2011: 144; Treister 2012: 100).

Описание

Фалары — округлой в плане, в сечении — выпукло-вогнутой формы с утолщенным закругленным краем, вдоль которого проходит широкая, плавно моделированная канавка с двумя валиками по краям (рис. 2—3, 7).

Фалары украшены рельефным изображением льва, обрамленного венком (рис. 2, 3: 1; 7: 1).

В центральной части изображен лежащий лев, обращенный на одном из фаларов вправо, на другом — влево. Передняя часть хищника показана в анфас сверху, задняя — в профиль. Голова льва на одном фаларе повернута вправо и лежит на правой лапе, на другом — влево и лежит на левой лапе. Глаза — в виде полукруглых выступов с углубленной точкой посередине. Уши сильно стилизованы, округлые с большими отверстиями, внешние края покрыты вертикальными насечками. Нос в верхней части соединяется с массивными бровями, декорированными поперечными насечками. Грива показана в виде отдельных извивающихся прядей. Лопатки льва обозначены завитками. На спине проведены две тонкие линии, обозначающие хребет. Конец хвоста пропущен у изгиба задней правой лапы хищника на одном фаларе и у задней левой лапы — на другом. Мускулатура внешней поверхности бедра передана тремя рельефно моделированными прожилками. На средней из них насечками в виде «ёлочки» обозначена шерсть. На внутренней поверхности бедра мышца передана в виде единой каплевидной фигуры с двумя параллельными линиями по центру. Контуры лап также обозначены косыми насечками. Передние лапы показаны с четырьмя когтями, задние — с тремя (рис. 4: 2; 8: 2).

Вокруг льва изображен венок, состоящий из 12 пучков листьев с плодами. Венок состоит из двух половин в виде пары веточек, переплетенных между собой в нижней части фалара. В каждом пучке — по семь лепестков (два — в основании, три — на переднем плане и два — на заднем плане, между ними) и одному плоду. Листья узкие, длинные, заостренные и имеют посередине прожилку, обозначенную двумя линиями. Плоды и веточки венка декорированы разными пуансонами: в верхней части фалара, в месте соединения двух половин венка, плоды оформлены пуансоном-трубочкой большого диаметра, а на остальных участках венка используется точечный пуансон (рис. 3: 1; 4: 1; 5; 7: 1; 8: 1).

На лицевой стороне изделия, в верхней части, между двумя шляпками заклепок на каждом из фаларов короткими насечками нанесена идентичная надпись (рис. 2: 1—2; 4: 1; 7: 1).

Канавка с валиками, венок и изображение льва были позолочены.

На оборотной стороне фалара расположены три дуговидные петли, выгнутые из округлого в сечении стержня. Окончания петель расплющены и соединены с диском при помощи трех пар заклепок, шляпки которых зашлифованы на лицевой стороне изделия (рис. 6; 9).

Форма, размеры и конструкция петель

По своим форме, размерам (диаметр 23,1—23,9/22,8—23,7 см) и конструкции петель фалары, обнаруженные на берегу р. Ишим (рис. 1: 1.4), близки к фаларам, находки которых образуют плавную дугу от Прикубанья на западе до Иртыша на востоке (см. карту без учета находки из Прикубанья: Трейстер 2011: 91, рис. 1; Treister 2012: 53, fig. 1; 2013: 750, Abb. 2; 2018: 46, fig. 1: 1): из погребения № 19 в кургане № 1 группы Дядьковский 34 к северо-западу от Краснодара (Беспалый 2024: 66—83, ил. 135—153) (рис. 1: 1.1), из Новоузенска (рис. 1: 1.2) (диаметр 24,0 см) (Спицын 1909: 51, рис. 79; Boardman 1994: 107; Mordvinceva 2001: 75, Nr. 33,

Taf. 14; Treister 2012: 67, note 18 с лит.; 2018: 47—48, 53, 60, fig. 3: 3—4), кургана № 4 у с. Володарки (рис. 1: 1.3) (диаметр 23,5 и 23,7 см) (Mordvinceva 2001: 14, 35, Abb. 6: 3; 75, Nr. 36, Taf. 16—17; Трейстер 2011: 104—117; Treister 2012: 69—77; 2013: 749—756; 2018: 47—52, 59, fig. 2: 1—2; Boardman 2015: 105—106, fig. 55), могилы № 2 кургана № 1 у Сидоровки (рис. 1: 1.5) (диаметр 23,0 см) (Матющенко, Татаурова 1997: 12, 47, 141—142, рис. 18—20; Treister 2012: 67, note 19 с лит.; Mordvinceva 2001: 75, Nr. 35, Taf. 15; Берсенева 2017: 73, рис. 10, вверху слева; Treister 2018: 47, 52—53, 60, fig. 3: *2*), а также неизвестного происхождения из коллекций Эрмитажа (Сибирская коллекция; диаметр 24,7 см) (Спицын 1909: 49, рис. 74—76; Treister 1999: 582—589; 2012: 66, note 16 с лит.; Mordvinceva 2001: 74, Nr. 32, Taf. 13) и Новочеркасского музея (диаметр 23,0—23,3/23,3 — 23,5 см) (Ильюков 2000: 133—135; Дедюлькин 2015: 131—133, рис. 2; Treister 2018: 60, fig. 3: 1). У некоторых из них (Дядьковский, Володарка, Сибирская коллекция) сохранилось по три петли на оборотной стороне, служившие для продевания ремней, у других — лишь отверстия для крепления петель.

Фалары из Володарки отличаются от блях с изображением слонов из Сибирской коллекции по некоторым деталям исполнения петель. На последних петли более короткие и широкие, их концы не расклепаны. Пропорции петель находок из Володарки и тот факт, что их концы расклепаны (рис. 10) (Трейстер 2011: 99, рис. 5; Treister 2012: 56, fig. 3), находят параллели на петлях гладких золотых фаларов из Сибирской коллекции (Спицын 1909: 46—47, рис. 70—71; Тревер 1940: 50—51. № 5, табл. 6; Mordvinceva 2001: 74, Nr. 31, Taf. 12). В отличие от указанных блях петли фаларов с левого берега р. Ишим выполнены не из узких пластин с расклепанными концами (рис. 10), а из кованых стержней округлого сечения (рис. 6; 9). С этой точки зрения они сопоставимы с петлями фаларов из Дядьковской, которые выполнены из стержней подпрямоугольного сечения с расклепанными концами (Беспалый 2024: 75, 77, ил. 136, 145).

На фаларах, найденных на берегу р. Ишим, есть трещины, вмятины, небольшие разрывы металла, но нет следов преднамеренной порчи, как на фаларах из Новоузенска, Новочеркасского музея и Сибирской коллекции.

Вес находок, найденных на берегу р. Ишим, 540,2 и 555,76 г — промежуточный между весом блях из Володарки имеющих, близкие размеры и несколько больших по размеру фаларов из Сибирской коллекции (Treister 2018: 50—51). На общем фоне выделяются фалары из Дядьковской, несколько более крупных размеров (диаметр 27,3—27,7 см) и значительно более крупного веса (ок. 840—850 г) (Беспалый 2024: 75, 77). Диаметры остальных фаларов укладываются в рамки 22,8–24,7 см при весе от 390 до 634,5 г (Treister 2018: 50—51).

Гирлянда

Изображение кошачьего хищника представлено в обрамлении из гирлянды (рис. 4: 2; 8: 2). Гирлянда образована цветками, состоящими в основании из двух расположенных почти горизонтально лепестков, трех лепестков по оси гирлянды на переднем и двух — на заднем плане. Все лепестки вытянутые остроконечные, с обозначенными центральными продольными прожилками (рис. 3: 1; 4: 1; 5; 7: 1; 8: 1). Публикаторы фалара из Аркаимского музея называли изображенную на нем гирлянду венком «из пальмовых ветвей и плодов» (Мордвинцева и др. 1997: 177), что, безусловно, ошибочно — считается, что подобные гирлянды составлены из листьев лавра или мирта (Hübner 1993: 58—59). Большинство параллелей гирлянде, приведенных В.И. Мордвинцевой и соавторами, неточны и вряд ли имеют отношение к данному варианту декора.

Очевидно, что гирлянда на фаларах с берегов Ишима отличается от гирлянд на серебряных сосудах предположительно парфянского производства (ср. Pfrommer 1993: 36—38, nos. 1—2, 17, 69—70). Последние даже трудно рассматривать как образцы для

подражания, которые могли бы использовать мастера, создавшие фалары. Нет в гирлянде на данных фаларах и каких-либо характерных элементов, которые можно было бы связать с искусством Греко-Бактрии. Значительно больше оснований предполагать, что в качестве прототипа для гирлянды были использованы варианты декора, получившие распространение в Малой Азии и Восточном Средиземноморье (Трейстер 2011: 139—140; Treister 2012: 96—97 с лит.). Ближайшей параллелью является накладная гирлянда на серебряной полусферической чаше из сарматского погребения в кургане у с. Верхнее Погромное в Нижнем Поволжье (рис. 11) — эта чаша может датироваться еще III в. до н.э. и, скорее всего, была изготовлена в одном из центров торевтики Восточного Средиземноморья или Малой Азии (Кропоткин 1970: 86, № 728; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 18, № А32.1, с лит., табл. 15, 24; Трейстер 2007: 27—28; 2018: 125, рис. 9: 3—4). Подобный же декор оформляет раструб серебряного ритона с протомой зебу в собрании Музея искусств в Толедо (Boardman 1994: 88, fig. 4.20; 2015: 75—76, fig. 35). В несколько упрощенной форме, этот вариант гирлянды использовался в оформлении надписи на каменной базе статуи из Пергама, датированной не позднее 159 г. до н.э. (Kat. Berlin 2011: 446, Nr. 3.7), а в украшении терракотовых[2] и стеклянных[3] сосудов, по крайней мере, до первой половины I в. до н.э. Интересно, что подобная гирлянда представлена также на ковре из кургана № 31 могильника Ноин-Ула (Полосьмак, Богданов 2015: 106, 107, рис. 4.24; 108, рис. 4.25—26).

Изображение кошачьего хищника

На отсутствии каких-либо связей с искусством Греко-Бактрии еще в большей степени указывает центральное изображение на фаларах (рис. 4: 2; 8: 2). Можно указать на центральноазиатские корни композиции с изображением животного и на то, что она была использована, по крайней мере, несколькими мастерами, работы которых в полихромном зверином стиле представлены в Сибирской коллекции. Есть основания предполагать, что это композиционное решение использовалось мастерами, изготовлявшими фалары, которые определяются как парфянские (Трейстер 2011: 141—144; Treister 2012: 98—100). Анализ иконографии льва в публикации В.И. Мордвинцевой и соавторов сводится к утверждению о том, что его поза «типична для греческих изображений классического и эллинистического периодов» (Мордвинцева и др. 1997: 178). Безусловно, этот вывод неточный и не раскрывает суть проблемы.

Подобная схема изображения кошачьих хищников была довольно широко распространена еще в предшествующую эпоху, о чем мы уже подробно писали (Трейстер 2011: 140—142; Treister 2012: 97—99). В рассматриваемое нами время эта схема получает распространение прежде всего в Центральной Азии: она представлена на Р-образных бляхах из Сибирской коллекции, на ордосских бронзовых поясных бляхах, на ажурных пластинчатых браслетах центральноазиатского происхождения, хранящихся в Кельне и Пешаваре (см. подробно: Трейстер 2011: 141—142; Treister 2012: 98).

---

[2] См., например, скифос из Ольвии, датирующийся первой половиной I в. до н.э., с упрощенным вариантом этого мотива: Журавлев 2015: 196—197, 199, рис. 7: 2; цв. табл. 7, рис. 6: 2. — Мегарские чаши: из Приены: Fenn 2014: 145, fig. 4; 148, fig. 6: 1; Делоса: Laumonier 1977: 63, pl. 13: 2380; 187, pl. 41: 109; 220, pl. 49: 1875. 9280; 444, pl. 102: 1718; Дора: Rosenthal-Heginbottom 1995: 210, no. 9, fig. 5.3: 9; photo 5.13; Неаполя Скифского: Zaytsev 2004: 754, pl. 348: 21. Обращает на себя использование этого мотива на целом ряде форм для изготовления мегарских чаш, происходящих из Малой Азии и датирующихся концом II в. до н.э.: Künzl 2002: 61, R7; 66, R15; 69, R18; Nr. 72, Taf. 150—152; Nr. 76—77, Taf. 162—167; Nr. 85, Taf. 184—186; 2004: 737—738, Taf. 342 (группы 2—3). См. также керамику с аппликативными рельефами из Пергама конца III — первой половины II в. до н.э.: Hübner 1993: 42—43, 62, 193, Nr. 121—123, Taf. 23.

[3] См., например, литую стеклянную коническую чашу из кораблекрушения у Антикиферы: Avronidaki 2012: 138, no. 100.

Мы встречаем ее на ажурных поясных пряжках с изображением тигра, нападающего на верблюда, центральноазиатского типа II—I вв. до н.э. (рис. 12: 1). Самые крайние западные находки таких пряжек происходят с территории Нижнего Поволжья (на Нижнем Дону они не известны), находки рассредоточены также на территории Южного Урала, Зауралья степей Казахстана, в Бактрии, Согде, а также, возможно, в Южном Прикаспии[4].

Стоит отметить характерную трактовку локонов гривы — ее можно сравнить с трактовкой локонов гривы хищника на одной из пар фаларов из клада I в Музее Гетти (рис. 12: 2), которые, по мнению М. Пфроммера, были изготовлены в парфянской мастерской (Pfrommer 1993: 158—160, nos. 32—33). Контуры лап дублированы валиком с косыми насечками. Мы не встретим такой детали оформления лап животных на реалистических образах львов на фаларах из клада I в Музее Гетти, а вот для изображений животных на произведениях торевтики центральноазиатского звериного стиля из Сибирской коллекции такие признаки довольно характерны (Rudenko 1962: Taf. VIII: 7—8; XVII: 6; Мордвинцева 2003: 172—175, рис. 57: 1; 58: 1, 6; 59: 6—7; 60: 2). Таким образом, есть основания предполагать использование для оформления фалара схемы изображения животного, которая в эллинистический период получила развитие, прежде всего, в изделиях звериного стиля Центральной Азии.

Надписи

Выполненные пуансоном буквы (рис. 2: 1—2; 4: 1; 7: 1) интерпретированы В.И. Мордвинцевой и соавторами как греческие, «ипсилон» и «эта», которые, по их мнению, изображают число «408», связанное с обозначением веса предмета (Мордвинцева и др. 1997: 178). При этом авторы публикации не поставили перед собой вопроса о единицах обозначения веса фалара. Если бы они обратили на это внимание и посчитали вес предмета, например, в парфянских драхмах (ок. 4,3 г), то пришли бы к удивительному результату — о том, что вес в разы отличается не только от реального веса фалара, но даже и от веса пары таких фаларов. Самая же главная ошибка авторов заключается в том, что буквы надписи — не греческие, а арамейские. Мы уже обращали внимание на это (Трейстер 2011: 143; Treister 2012: 100; Сеитов 2013: 198—199). А.М. Сеитов предположил, что наиболее вероятно надпись читается как tr или td, при этом ее интерпретация затруднительна и нуждается в дальнейшем анализе (Сеитов 2013: 198—199). Безусловно трактовка надписи имеет очень важное значение, тем более что в отличие от многочисленных арамейских надписей, преимущественно весовых или с именем владельца, на серебряной посуде[5], это единственные надписи на фаларах. По способу нанесения букв — не точечными наколами и не прочерчиванием, а короткими насечками — ближайшей параллелью является надпись на нижней поверхности протомы оленя серебряного парфянского ритона в собрании Музея П. Гетти (Canepa 2021: 13, fig. 9).

П.Б. Лурье, к которому мы обратились за консультацией, пришел к следующему выводу. «На обоих фаларах начертаны одни и те же две буквы арамейского письма, первая больше похожа на t (вряд ли s), вторая — d или r. Арамейское *tad* значит “грудь”. Таким образом, надпись могла содержать указание “прикреплять на грудь коня”»[6].

[4] См. подробно: Трейстер 2019: 190—191, рис. 3—4. Пряжки из Казахстана, см. Кадырбаев 1966: 364, рис. 64; Логвин и др. 2019: 319—324, рис. 1: 2; 2; Сеитов 2020: 141—146, рис. 2; Окороков 2026: 89—91, рис. 1; 3: 10.

[5] На сосудах из кладов в Музее Гетти: Pfrommer 1993: 112, no. 2; 114, no. 3; 126, no. 9; 134, no. 13; 138, no. 15; 142—144, nos. 17—18; 146, no. 20; 148, no. 22, 186, no. 71; 190, no. 73 192, no. 74; Canepa 2021: 9—16. На чаше из Исаковки: Лившиц 2002: 54—55, no. 3, fig. 8—10; Livshits 2003: 165—169, figs. 8—10; Koryakova 2006: 112, fig. 17; Koryakova, Epimakhov 2007: 304—306; Трейстер 2011: 120, 131; Treister 2012: 79, 89—90; Olbrycht 2015: 340—341.

[6] Авторы выражают искреннюю признательность П.Б. Лурье.

Выводы

Итак, гирлянда на фаларах из степного Приишимья отличается от гирлянд на произведениях торевтики, которые можно атрибутировать как парфянские. Последние даже трудно рассматривать как образцы для подражания, которые мог использовать мастер, изготовивший фалары. Обрамляющий мотив не имеет никаких специфических элементов, которые могли бы говорить о его связи с искусством Греко-Бактрии. Есть больше оснований предполагать, что в качестве прототипа обрамляющего декора мог послужить вариант гирлянды, получивший распространение в Малой Азии. Еще в большей степени отсутствие греко-бактрийских связей демонстрирует центральное изображение на фаларах. Можно говорить о центральноазиатском происхождении этой схемы изображения животных, о том, что ее использовали, по крайней мере, некоторые мастера, создававшие изделия в полихромном зверином стиле Сибирской коллекции. Есть основания предполагать, что эта схема использовалась мастерами фаларов, которые атрибутируются как парфянские. Композиционная трактовка образа кошачьего хищника на фаларах из степного Приишимья в большей степени соответствует канонам центральноазиатского звериного стиля (Трейстер 2011: 140—143; Treister 2012: 97—98). В целом, представляется вероятным, что фалары с берегов Ишима являются работой периферийной парфянской мастерской, рассчитанной на вкусы заказчика-номада. Такое, а не бактрийское, происхождение фаларов подкреплено и анализом идентичной арамейской надписи, вероятно нанесенной в процессе их изготовления.

Приложение

1. Фалар с изображением льва влево.

Сохранность: помят; царапины; разрыв и утраты металла на венке; утрата значительной части позолоты. Под фигурой льва круглый след от удара. Шесть косых насечек от удара острым предметом на внешнем бортике.

Серебро; ковка листа, чеканка, позолота, пробивка отверстий, ковка заклепок.

Дм. 22,8—23,7 см, в. рельефа макс. 2,7 см. Толщ. по краю 0,31—0,38 см, дм. центральной части, включая венок 18,2 см, шир. венка 2,8—3,1 см. Расстояния между центрами заклепок петель (сверху по часовой стрелке) — 3,0 см, 2,9 см и 2,9 см.— Петли (сверху против часовой стрелки): 1) дл. 3,9 см, сечение проволоки 0,27 см; 2) дл. 4,2 см, сечение проволоки 0,31 см; 3) дл. 4,1 см, сечение проволоки 0,27 см.

Вес общий 555,76 г. Вес в лигатуре 554,20 г. Вес чистый 553,65 г. Проба 999.

Хранение: Челябинский Государственный Историко-Культурный Заповедник «Аркаим», инв. № М Арк. 222/АРХ. 90.

Рис. 2: 1, 3; 3—6.

2. Фалар с изображением льва вправо.

Сохранность: сквозные пробоины в центральной части и на периферии, трещины, вмятины; позолота большей частью отслоилась; патина на лицевой и оборотной стороне.

Серебро; ковка, чеканка, пуансон, пробивка отверстий, клепка, шлифовка, позолота.

Дм. 23,1—23,9 см, в. 3,65 см, толщ. листа 0,1 см, по краю — 0,3 см. — Петли: дл. 3,2—3,8 см, сечение 0,25 см. — Центральная фигура (хищник): дл. 12 см, шир. 7,5 см.

Вес общий — 540,20 г.

Хранение: Аркалык, Музей истории степного края, инв. № 3783.

Рис. 2: 2, 4; 7—9.

Литература

Берсенева Н.А. 2017. Саргатская культура Зауралья и Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения. В: Бейсенов А.З., Ломан В.Г. (ред.). *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение*. Т. 2. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 65—77.

Беспалый Г.Е. 2024. *Погребение второй половины II в. до н.э. близ станицы Дядьковской*. Ростов-на-Дону: б.и.

Дедюлькин А.В. 2015. К вопросу о генезисе и хронологии наплечных фаларов эллинистической эпохи. *Восток (Oriens)* 5, 127—136.

Журавлев Д.В. 2015. Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор). *ПИФК* 1, 190—216.

Ильюков Л.С. 2000. Два серебряных фалара из Новочеркасского музея истории донского казачества. *Донская археология* 3—4, 133—135.

Кадырбаев М.К. 1966. Памятники тасмолинской культуры. В: Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. *Древняя культура Центрального Казахстана*. Алма-Ата: Наука, 303—428.

Кропоткин В.В. 1970. *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. — V в. н.э.)*. Москва: Наука (САИ Д1-27).

Лившиц В.А. 2002. Три серебряные чаши из Исаковского могильника № 1. *ВДИ* 2, 43—56.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. 2019. Раннесарматское погребение кургана 1 могильника Каратомар. В: Байтанаев Б.А. (ред.). *Маргулановские чтения—2019: Материалы Международной археологической научно-практической конференции, посвящённой 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева*. Нур-Султан: Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, 316—327.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. 1997. *Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье*. Новосибирск: Наука.

Мордвинцева В.И. 2003: *Полихромный звериный стиль*. Симферополь: Универсум.

Мордвинцева В.И., Зданович Г.Б, Таиров А.Д. 1997. Фалар эллинистической работы с берегов реки Ишим. *РА* 4, 176—180.

Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Симферополь; Бонн: Тарпан.

Окороков К.С. 2026. Поясные пряжки и пластины в погребальных комплексах Средней Азии во II в. до н.э. — I — начале II в. н.э. *НАВ* 25, 2, 88—114. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.2.4

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. 2015. *Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия)*. Ч. 1. Новосибирск: Инфолио.

Сеитов А.М. 2013. Ишимский серебряный фалар. В: Таиров А.Д., Иванова Н.О. (ред.). *Этнические взаимодействия на Южном Урале*. Челябинск: Рифей, 193—200.

Сеитов А.М. 2020. Поясные пряжки раннесарматского времени Тургая. *Самарский научный вестник* 9, 1 (30), 141—146. DOI: 10.24411/2309-4370-2020-11203.

Спицын А.А. 1909. Фалары Южной России. *ИАК* 29, 18—53.

Тревер К.В. 1940. *Памятники Греко-Бактрийского искусства*. Москва, Ленинград: АН СССР.

Трейстер М.Ю. 2007. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э. (эллинистическая традиция). В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. 1. Симферополь; Бонн: Тарпан, 15—194.

Трейстер, М.Ю. 2011. Серебряные фалары с изображением Беллерофонта и Химеры из сарматского погребения в Володарке (Западный Казахстан). Еще раз к вопросу о так называемом греко-бактрийском стиле в эллинистической торевтике. *Scripta antiqua* 1, 90—146.

Трейстер М.Ю. 2018. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. — III в. н.э.). *МАИАСП* 10, 118—210.

Трейстер М.Ю. 2019. «Импорты» из Центральной Азии и Сибири в погребальных памятниках Азиатской Сарматии II—I вв. до н.э. *ПИФК* 4, 180—238.

Avronidaki C. 2012. The Glassware. In: Kaltsas N., Vlachogianni E., Bouyia P. (eds.). *The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism. Exhibition catalogue*. Athens: Kapon Editions, 132—145.

Boardman J. 1994. *The Diffusion of Classical Art in Antiquity*. London: Thames & Hudson.

Boardman J. 2015. *The Greeks in A*sia. London: Thames & Hudson.

Canepa M. 2021. The Getty Stag Rhyton and Parthian Aristocratic Culture: New Epigraphic and Technical Discoveries. *Getty Research Journal* 13, 1—30.

Fenn N. 2014: The Hellenistic Moldmade Bowl Production at Priene — A Case Study concerning the Reception of Ephesian Examples. In *Black Sea Studies* 16. *Pottery, Peoples and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery*, 141—155.

Hübner G. 1993. *Die Applikenkeramik von Pergamon. Eine Bildersprache im Dienst des Herrscherkultes*. Berlin; New York: W. de Gruyter (Pergamenische Forschungen 7).

Kat. Berlin 2011: Grüßinger R., Kästner V., Scholl A. *Pergamon. Panorama der antiken Metropole. Begleitbuch zur Ausstellung*. Petersberg: Michael Imhof Verlag.

Kat. Bochum 2013: Stöllner T., Samašev Z. (Hrsg.). *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013*. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum.

Koryakova L. 2006. On the Northern Periphery of the Nomadic World: Research in the Trans-Ural Region. In: Aruz J., Farkas A., Valtz Fino E. (eds.). *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 102—113.

Koryakova L., Epimakhov A. 2007. *The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Künzl S. 2002. *Ein Komplex von Formschüsseln für megarische Becher. Die "Mainzer Werkstatt"*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum (Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz, Kataloge Vor- und Frühgreschichtlicher Altertümer 32).

Künzl S. 2004. Eine kleinasiatische Werkstattgruppe von Formschüsseln zur Herstellung von megarischen Bechern. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 737—738.

Laumonier A. 1977. *La céramique hellénistique à reliefs. 1. Ateliers "ioniens"*. Paris: de Boccard (Délos XXXI).

Livshits V.A. 2003. Three Silver Bowls from the Isakovka Burial-Ground No. 1 with Khwarezmian and Parthian Inscriptions. *ACSS* 9.1—2, 147—172.

Mordvinceva V.I. 2001. *Sarmatische Phaleren* . Rahden/Westf.: Leidorf (Archäologie in Eurasien 11).

Olbrycht M. 2015. Arsacid Iran and the Nomads of Central Asia — Ways of Cultural Transfer. In: Bemmann, J., Schmauder, M. (eds.). *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millenium CE*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie; Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 333—390 (Bonn Contributions to Asian Archaeology 7).

Pfrommer M. 1993. *Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections*. Malibu: The J. Paul Getty Museum.

Rosenthal-Heginbottom R. 1995. Imported Hellenistic and Roman Pottery. In: Stern E. *Excavations at Dor, Final Report*. Vol. I. B. *Areas A and C: The Finds*. Jerusalem: Israel Exploration Society, 183—288.

Rudenko S.I. 1962. *Die Sibirische Sammlung Peters I.* Moskau; Leningrad: Akademie der Wissenschaften der UdSSR (*Sammlung archäologischen Quellen* D3-9).

Treister M. 1999. Some Classical Subjects on Sarmatian Phalerae (to the origin of phalerae). In: Tsetskhladze G.R. (ed.). *Ancient Greeks West and East*. Leiden: E.J. Brill, 567—605.

Treister M. 2012. Silver phalerae with a depiction of Bellerophon and the Chimaira from a Sarmatian burial in Volodarka (Western Kazakhkstan). A reappraisal of the question of the so-called Graeco-Bactrian style in Hellenistic toreutics. *ACSS* 18.1, 51—109.

Treister M. 2013. Die Phaleren aus Volodarka. In: Stöllner T., Samašev Z. (Hrsg.), *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013*. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 749—756.

Treister M. 2018. Hellenistic Phalerae from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia. *The Art of the Orient* 7 (Art and Religions in Pre-Islamic Central Asia, Krakow, October 24—26, 2016), 46—62.

Zaytsev Yu.P. 2004. The Ceramic Complex of Neapolis Scythian (Crimea, Northern Black Sea). In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 751—758.

References

Berseneva, N.A. 2017. In: Beysenov, A.Z., Loman, V.G.(eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana: izucheniye i sokhraneniye*. Vol. 2. Almaty: Research Center for History and Archaeology "Begazy-Tasmola", 65—77 (in Russian).

Bespalyy, G.E. 2024. *Pogrebenie vtoroy poloviny II v. do n.e. bliz stanitsy Dyad'kovskoy (The Burial of the Second Half of the 2nd Century BCE near Cossack Village of Dyad'kovskaya)*. Rostov-on-Done: [s.i.].

Dedjul'kin, A.V. 2015. In *Vostok (Oriens)* 5, 127—136 (in Russian).
Zhuravlev, D.V. 2015. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1, 190—216 (in Russian).
Il'yukov, L.S. 2000. In *Donskaya arheologija (Don Archaeology)* 3—4, 133—135 (in Russian).
Kadyrbaev M.K. 1966. In: Margulan, A.Kh., Akishev, K.A., Kadyrbaev, M.K., Orazbaev, A.M. *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient Culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: Nauka, 303—428 (in Russian).
Kropotkin, V.V. 1970. *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n.je. — V v. n.je.) (Roman imported Items in Eastern Europe (2nd c. BCE — 5th c. CE))*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).
Livshits V.A. 2002. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 43—56 (in Russian).
Logvin, A.V., Shevnina, I.V., Seitov A.M. 2019. In: Baytanaev, B.A. (ed.). *Margulanovskie chteniya—2019 (Margulan Readings — 2019)*. Nur-Sultan: Eurasian National L-N- Gumilev University, 316—327 (in Russian).
Matyushhenko, V.I., Tataurova, L.V. 1997. *Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e (Sidorovka Necropolis in Omsk Irtysh Coast)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
Mordvinceva, V.I. 2003. *Polihromnyy zverinyj stil' (Polychrome Animal Style)*. Simferopol: Universum (in Russian).
Mordvintseva, V.I., Zdanovich, G.B., Tairov, A.D. 1997. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 4, 176—180 (in Russian).
Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e.* (*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area*. Vol. II. Simferopol; Bonn: Tarpan (in Russian).
Okorokov, K.S. 2026. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)*, 25, 2, 88—114 (in Russian).
Polos'mak, N.V., Bogdanov, E.S. 2015. *Kurgany Sutszukte (Noin-Ula, Mongoliia) (The Suzukteh Burial-mounds (Noin-Ula, Mongolia)*. Pt. 1. Novosibirsk: Infolio (in Russian).
Seitov, A.M. 2013. In: Tairov, A.D., Ivanova, N.O. (eds.). *Etnicheskiye vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale (Ethnic Interactions in the Southern Urals)*. Chelyabinsk: Rifey, 193—200 (in Russian).
Seitov, A.M. 2020. In *Samarskiy nauchnyy vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 9,1 (30), 141—146. DOI: 10.24411/2309-4370-2020-11203 (in Russian).
Spitsyn, A.A. 1909. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 29, 18—53 (in Russian).
Trever, K.V. 1940. *Pamyatniki Greko-Baktriyskogo iskusstva (Monuments of the Graeco-Bactrian Art)*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).
Treister, M.Yu. 2007. In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e.* (*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE*). Vol. I. Simferopol; Bonn: Tarpan, 15—194 (in Russian).
Treister, M.Yu. 2011. In *Scripta antiqua* 1, 90—146 (in Russian).
Treister, M.Yu. 2018. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 118—210 (in Russian).
Treister, M.Yu. 2019. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* (4), 180—238 (in Russian).
Avronidaki, C. 2012. The Glassware. In: Kaltsas, N., Vlachogianni, E., Bouyia, P. (eds.). *The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism. Exhibition catalogue*. Athens: Kapon Editions, 132—145.
Boardman, J. 1994. *The Diffusion of Classical Art in Antiquity*. London: Thames & Hudson.
Boardman, J. 2015. *The Greeks in A*sia. London: Thames & Hudson.
Canepa, M. 2021. The Getty Stag Rhyton and Parthian Aristocratic Culture: New Epigraphic and Technical Discoveries. *Getty Research Journal* 13, 1—30.
Fenn, N. 2014: The Hellenistic Moldmade Bowl Production at Priene — A Case Study concerning the Reception of Ephesian Examples. In *Black Sea Studies* 16. *Pottery, Peoples and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery*, 141—155.
Hübner, G. 1993. *Die Applikenkeramik von Pergamon. Eine Bildersprache im Dienst des Herrscherkultes*. Berlin; New York: W. de Gruyter (Pergamenische Forschungen 7).
Kat. Berlin 2011: Grüßinger, R., Kästner, V., Scholl, A. *Pergamon. Panorama der antiken Metropole. Begleitbuch zur Ausstellung*. Petersberg: Michael Imhof Verlag.

Kat. Bochum 2013: Stöllner, T., Samašev, Z. (Hrsg.). *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013*. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum.

Koryakova, L. 2006. On the Northern Periphery of the Nomadic World: Research in the Trans-Ural Region. In: Aruz, J., Farkas, A., Valtz Fino, E. (eds.). *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 102—113.

Koryakova, L., Epimakhov, A. 2007. *The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Künzl, S. 2002. *Ein Komplex von Formschüsseln für megarische Becher. Die "Mainzer Werkstatt"*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum (Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz, Kataloge Vor- und Frühgreschichtlicher Altertümer 32).

Künzl, S. 2004. Eine kleinasiatische Werkstattgruppe von Formschüsseln zur Herstellung von megarischen Bechern. In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 737—738.

Laumonier, A. 1977. *La céramique hellénistique à reliefs. 1. Ateliers "ioniens"*. Paris: de Boccard (Délos XXXI).

Livshits, V.A. 2003. Three Silver Bowls from the Isakovka Burial-Ground No. 1 with Khwarezmian and Parthian Inscriptions. *ACSS* 9.1—2, 147—172.

Mordvinceva, V.I. 2001. *Sarmatische Phaleren* . Rahden/Westf.: Leidorf (Archäologie in Eurasien 11).

Olbrycht, M. 2015. Arsacid Iran and the Nomads of Central Asia — Ways of Cultural Transfer. In: Bemmann, J., Schmauder, M. (eds.). *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millenium CE*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie; Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 333—390 (Bonn Contributions to Asian Archaeology 7).

Pfrommer, M. 1993. *Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections*. Malibu: The J. Paul Getty Museum.

Rosenthal-Heginbottom, R. 1995. Imported Hellenistic and Roman Pottery. In: Stern, E. *Excavations at Dor, Final Report*. Vol. I. B. *Areas A and C: The Finds*. Jerusalem: Israel Exploration Society, 183—288.

Rudenko, S.I. 1962. *Die Sibirische Sammlung Peters I*. Moskau; Leningrad: Akademie der Wissenschaften der UdSSR (*Sammlung archäologischen Quellen* D3-9).

Treister, M. 1999. Some Classical Subjects on Sarmatian Phalerae (to the origin of phalerae). In: Tsetskhladze, G.R. (ed.). *Ancient Greeks West and East*. Leiden: E.J. Brill, 567—605.

Treister, M. 2012. Silver phalerae with a depiction of Bellerophon and the Chimaira from a Sarmatian burial in Volodarka (Western Kazakhkstan). A reappraisal of the question of the so-called Graeco-Bactrian style in Hellenistic toreutics. *ACSS* 18.1, 51—109.

Treister, M. 2013. Die Phaleren aus Volodarka. In: Stöllner, T., Samašev, Z. (Hrsg.), *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013*. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 749—756.

Treister, M. 2018. Hellenistic Phalerae from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia. *The Art of the Orient* 7 (Art and Religions in Pre-Islamic Central Asia, Krakow, October 24—26, 2016), 46—62.

Zaytsev, Yu.P. 2004. The Ceramic Complex of Neapolis Scythian (Crimea, Northern Black Sea). In: *ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση*, 751—758.

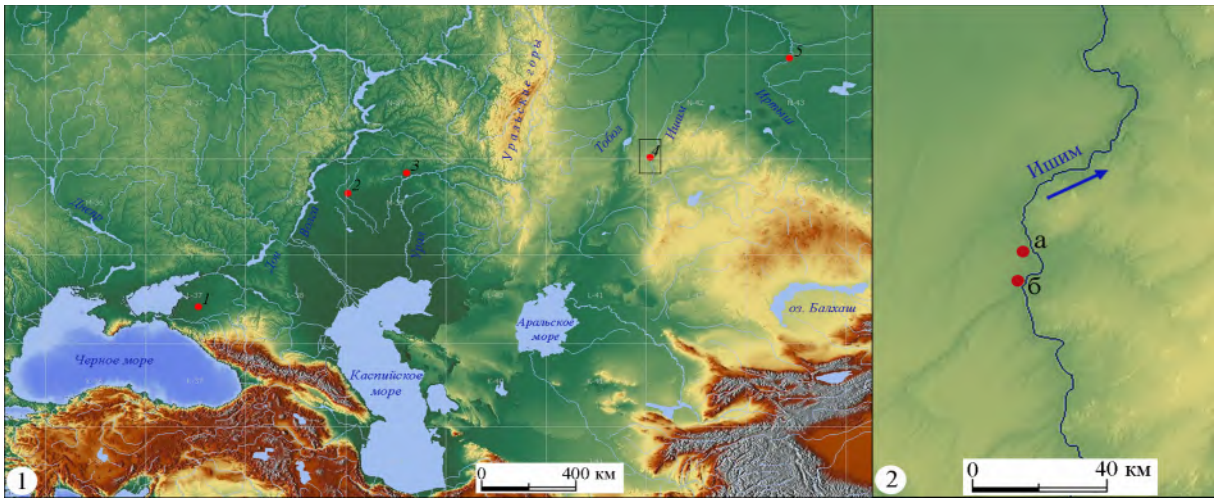


Рис. 1. Карта с обозначением мест находок фаларов. 1: *1* — Дядьковская, *2* — Новоузенск, *3* — Володарка, *4* — Ишим, *5* — Сидоровка; 2: *а* — ж.д. станция Сурган, *б* — совхоз Победа (совр. Бузулук).

Fig. 1. Map with the designation of the finds of phalerae. 1: *1* — Dyad'kovskaya, *2* — Novouzensk, *3* — Volodarka, *4* — Ishim, *5* — Sidorovka; 2: a — railway station Surgan, б — state farm Pobeda (modern Buzuluk).

Рис. 2. Фалары из степного Приишимья. *1, 3* — Челябинский Государственный Историко-Культурный Заповедник «Аркаим», инв. № М Арк. 222/АРХ. 90; *2, 4* — Аркалык, Музей истории степного края, инв. № 3783. 1, 3 — рисунки Н.Е. Беспалой, 2015, фото М.Ю. Трейстера, 2015 (2), А.М. Сеитова, 2015 (4).

Fig. 2. Phalerae from the Steppe of the Ishim Basin. *1, 3* — Chelyabinsk, Chelyabinsk State Historical-Cultural Reserve “Arkaim”, inv.-no. M Арк. 222/АРХ. 90; *2, 4* — Arkalyk, Museum of History of the Steppe Region, inv.-no. 3783. 1, 3 — drawings by N.E. Bespalaya, 2015, photographs by M.Yu. Treister, (2015) (2), A.M. Seitov, 2015 (4).

Рис. 3. Фалар с изображением льва влево. Общие виды. Челябинский Государственный Историко-Культурный Заповедник «Аркаим», инв. № М Арк. 222/АРХ. 90. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 3. Phalera with lion to the left. General views. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Historical-Cultural Reserve “Arkaim”, inv.-no. М Арк. 222/АРХ. 90. Photographs by M. Treister, 2015.

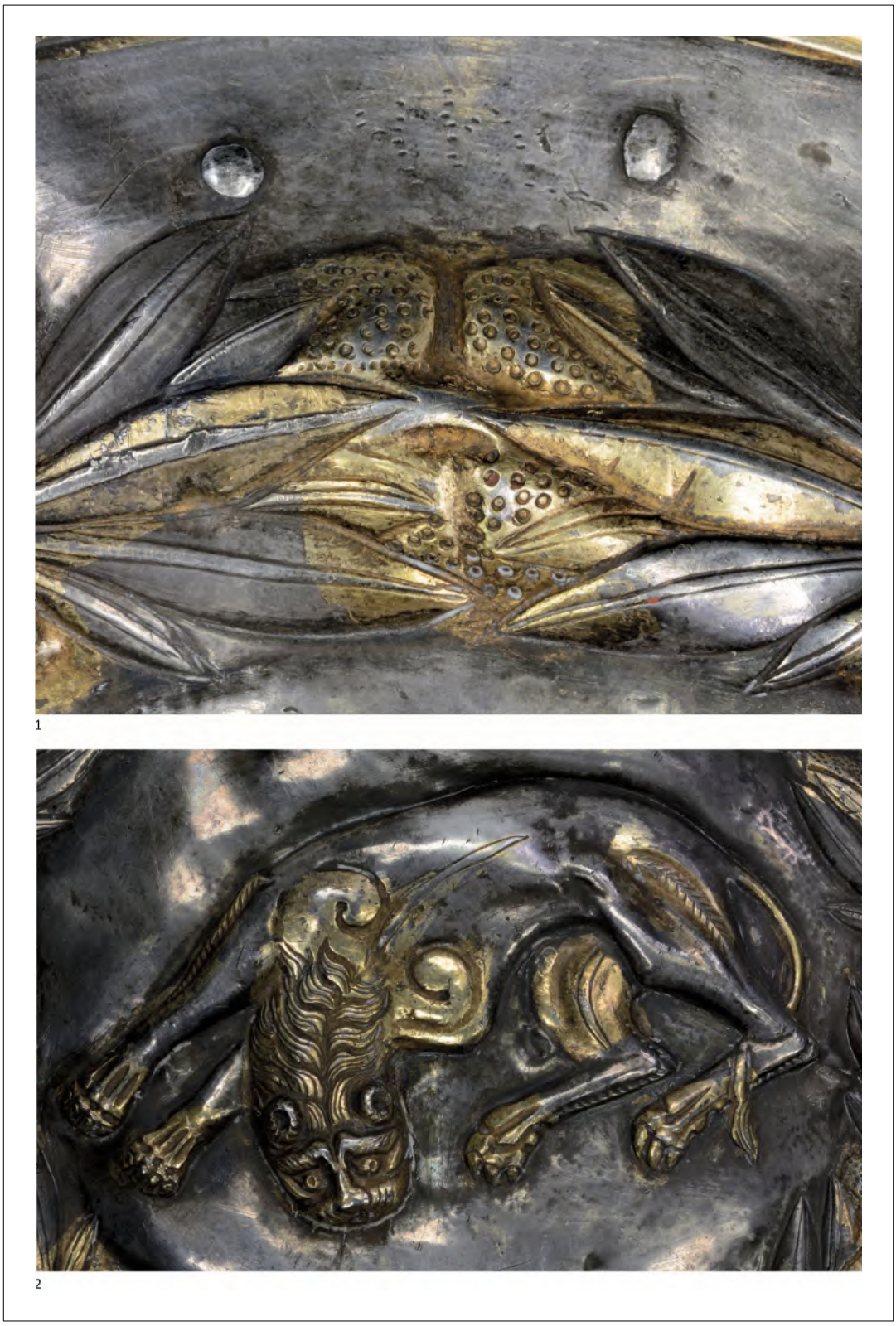


Рис. 4. Фалар с изображением льва влево. Детали (надпись, эмблема). Челябинский Государственный Историко-Культурный Заповедник «Аркаим», инв. № М Арк. 222/АРХ. 90. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 4. Phalera with lion to the left. Details (inscription, emblem). Chelyabinsk, Chelyabinsk State Historical-Cultural Reserve “Arkaim”, inv.-no. М Арк. 222/АРХ. 90. Photographs by M. Treister, 2015.

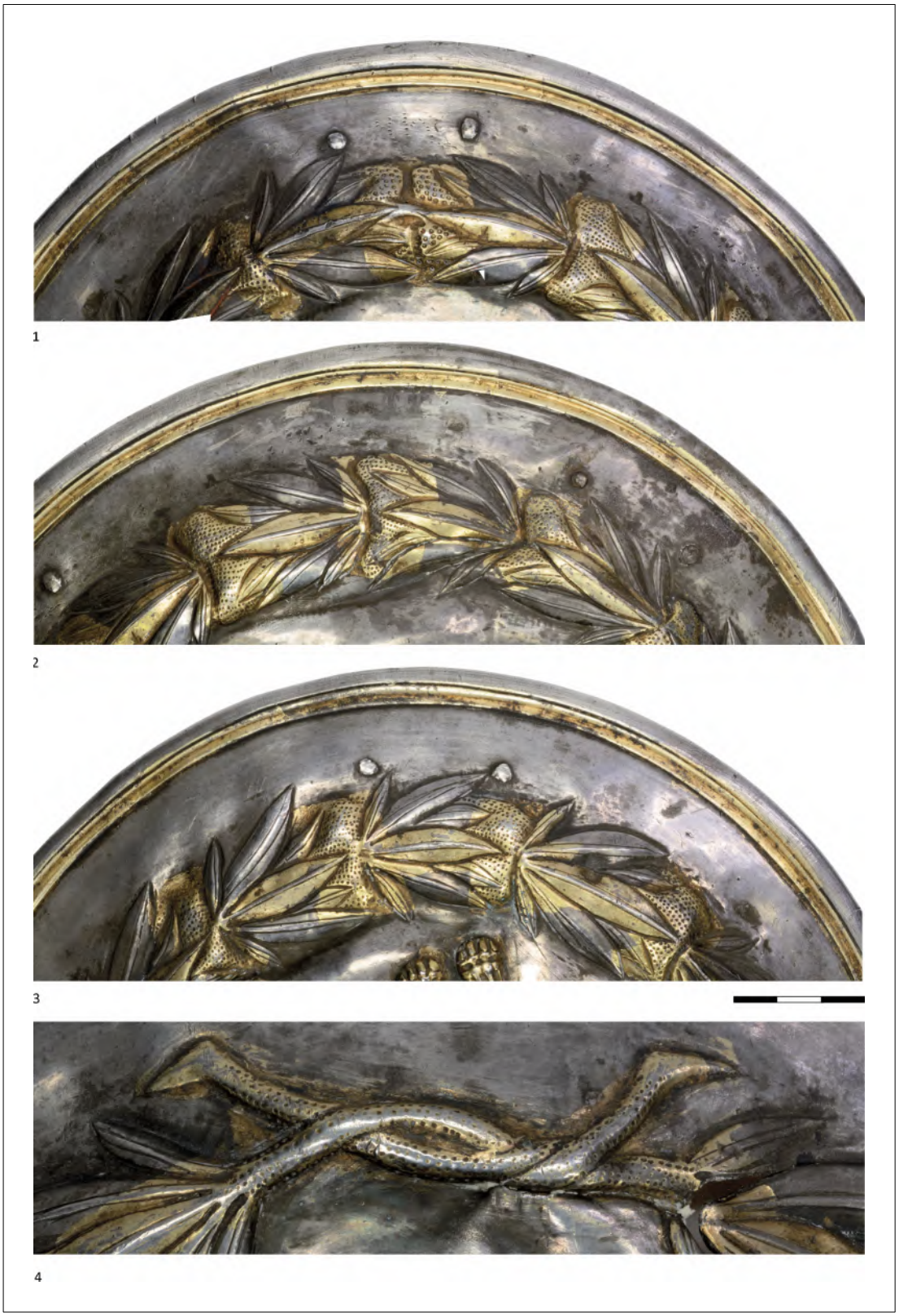


Рис. 5. Фалар с изображением льва влево. Детали (гирлянда). Челябинский Государственный Историко-Культурный Заповедник «Аркаим», инв. № М Арк. 222/АРХ. 90. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 5. Phalera with lion to the left. Details (garland). Chelyabinsk, Chelyabinsk State Historical-Cultural Reserve “Arkaim”, inv.-no. М Арк. 222/АРХ. 90. Photographs by M. Treister, 2015.

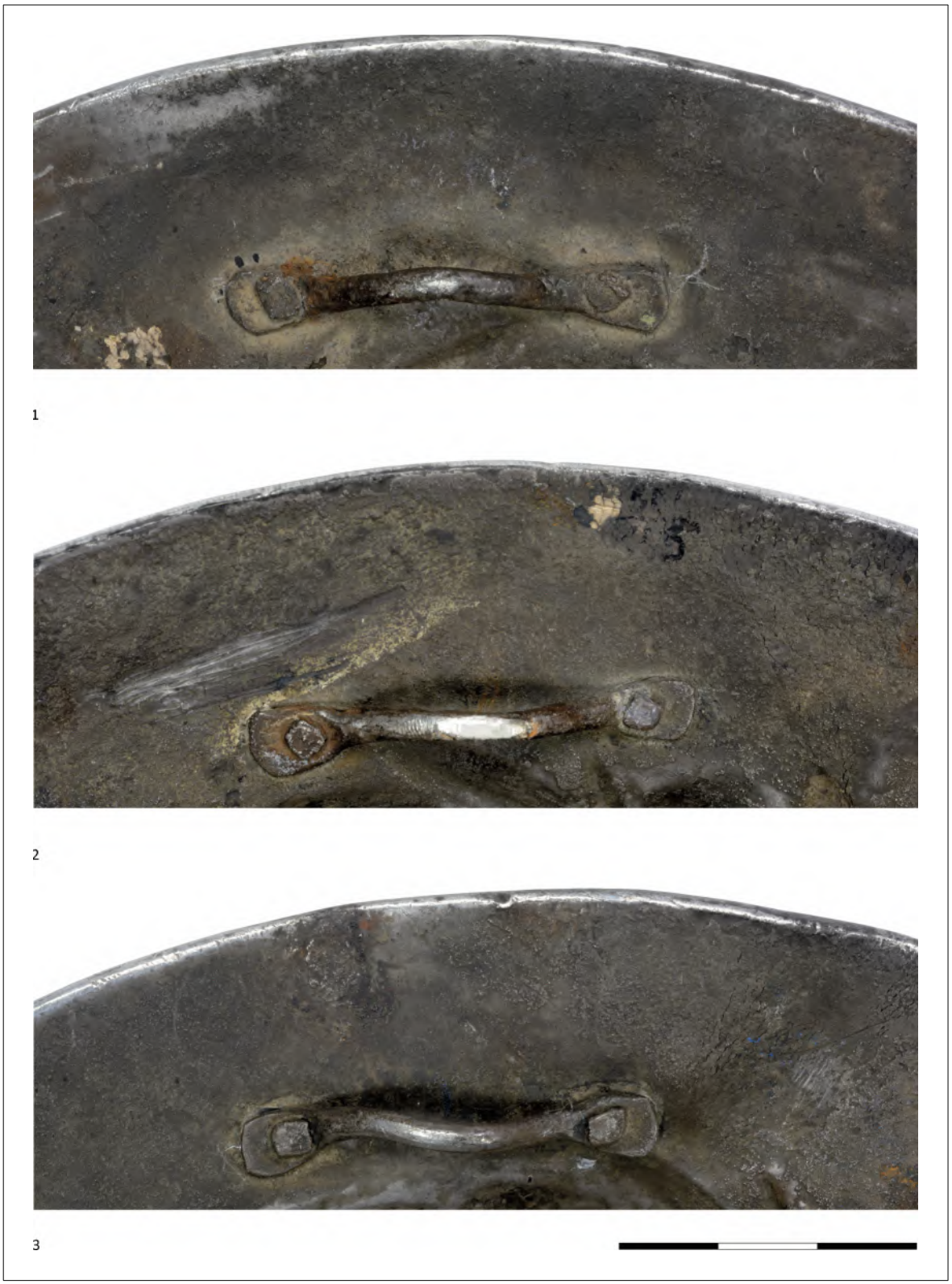


Рис. 6. Фалар с изображением льва влево. Детали (петли на оборотной стороне). Челябинский Государственный Историко-Культурный Заповедник «Аркаим», инв. № М Арк. 222/АРХ. 90. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 6. Phalera with lion to the left. Details (loops on the rear). Chelyabinsk, Chelyabinsk State Historical-Cultural Reserve “Arkaim”, inv.-no. M Арк. 222/АРХ. 90. Photographs by M. Treister, 2015.

Рис. 7. Фалар с изображением льва вправо. Общие виды. Аркалык, Музей истории степного края, инв. № 3783. Фото А.М. Сеитова, 2015.

Fig. 7. Phalera with lion to the right. General views. Arkalyk, Museum of History of the Steppe Region, inv.-no. 3783. Photographs by A.M. Seitov, 2015.

Рис. 8. Фалар с изображением льва вправо. Детали (надпись, эмблема). Аркалык, Музей истории степного края, инв. № 3783. Фото А.М. Сеитова, 2015.

Fig. 8. Phalera with lion to the right. Details (inscription, emblem). Arkalyk, Museum of History of the Steppe Region, inv.-no. 3783. Photographs by A.M. Seitov, 2015.

Рис. 9. Фалар с изображением льва вправо. Детали (петли на оборотной стороне). Аркалык, Музей истории степного края, инв. № 3783. Фото А.М. Сеитова, 2015.

Fig. 9. Phalera with lion to the right. Details (loops on the rear). Arkalyk, Museum of History of the Steppe Region, inv.-no. 3783. Photographs by A.M. Seitov, 2015.

Рис. 10. Володарка I. Курган № 4/1981. Фалары **с изображением схватки Беллерофонта и химеры. Детали (петли на оборотной стороне**). Уральск, Западно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей. *1* — фалар с изображением Беллерофонта влево, инв. № 4831/1; *2* — фалар с изображением Беллерофонта вправо, инв. № 7949. Фото М.Ю. Трейстера, 2009.

Fig. 10. Volodarka I. Burial mound no. 4/1981. Phalera with Bellerophon fighting Chimaira. Details (loops on the rear). Uralsk, Western Kazakhstan Regional Historical and Local Lore Museum. *1* — phalera with Bellerophon to the left, inv.-no. 4831/1; *2* — phalera with Bellerophon to the right, inv.-no. 7949. Photographs by M.Yu. Treister, 2009.

Рис. 11. Верхнее Погромное. Курган № 5/1954. Погребение № 2. Серебряная с позолотой чаша. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, инв. № 1953/29. Фото М. Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 11. Verkhnee Pogromnoe. Burial-mound no. 5/1954. Burial no. 2. Silver-gilt bowl. Saint-Petersburg, State Hermitage, inv.-no. 1953/29. Photographs by M.Yu. Treister, 2015.

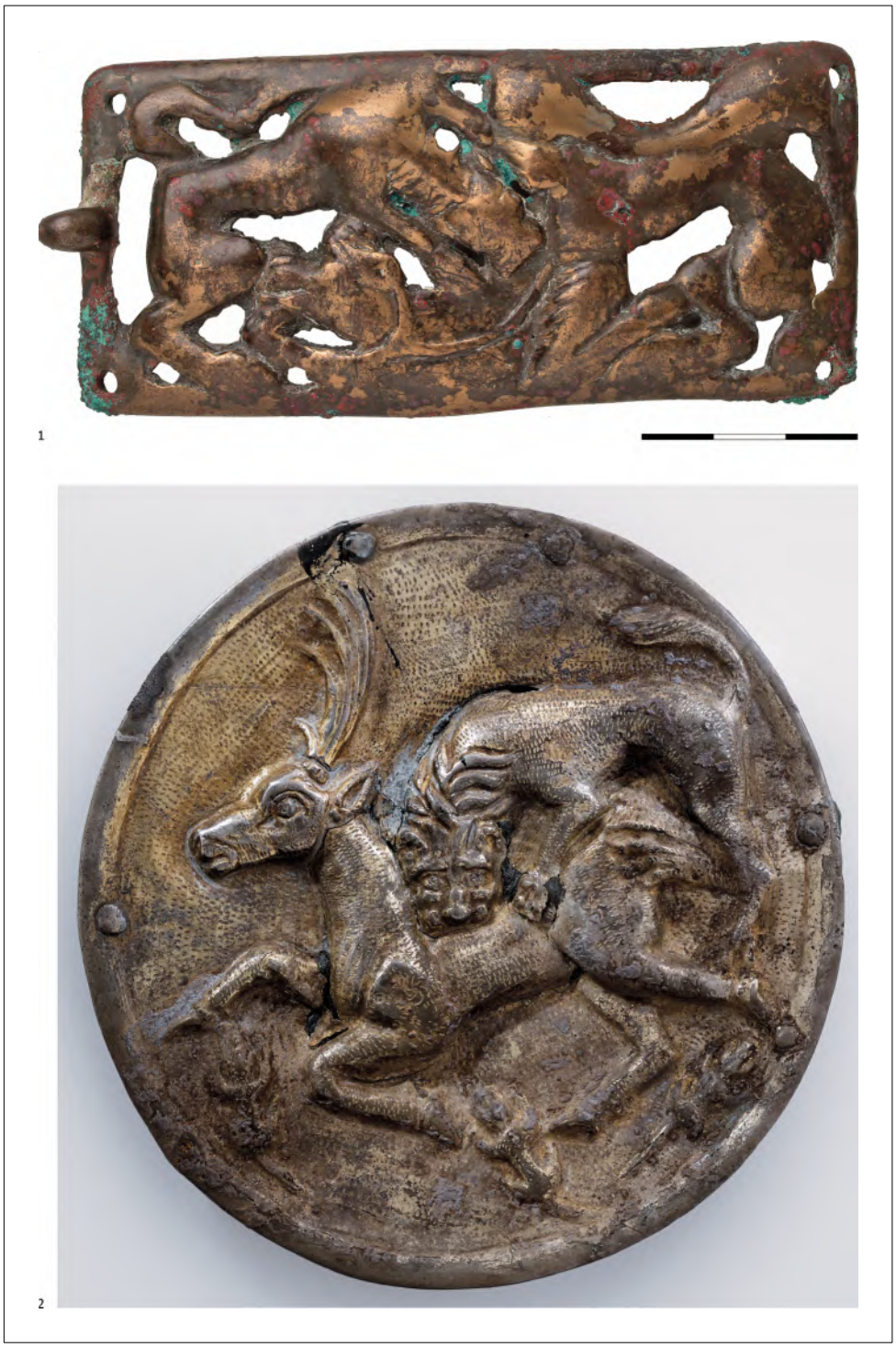


Рис. 12. Сцены нападения кошачьего хищника на копытных. *1* — Курган Жусандыой (Западный Казахстан). Раскопки 2009 г. Погребение № 1. Пряжка бронзовая. Уральск, Западно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей, инв. № 9316/4 (по Kat. Bochum 2013, 774, Nr. 522); *2* — Происхождение неизвестно. Серебряный фалар. Приобретен в 1981 г. Лос Анжелес, Музей П. Гетти, инв. № 81.AM.87.2.

Fig. 12. Scenes of a feline predator attacking ungulates. *1* — Zhusandoy burial mound (Western Kazakhstan). Excavations of 2009. Burial no. 1. Bronze buckle. Uralsk, Western Kazakhstan Regional Historical and Local Lore Museum, inv.-no. 9316/4 (after Kat. Bochum 2013, 774, Nr. 522); *2* — provenance unknown. Silver phalera. Acquired in 1981. Los Angeles, J. Paul Getty Museum, acc. no. 81.AM.87.2.

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.40.85.009

Е.Е. Антонов

ЕГИПЕТСКИЙ ЦАРСКИЙ ФУТ В ПЛАНИРОВКЕ ПОЗДНЕСКИФСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЧАЙКА*

В статье анализируется планировка позднескифского поселения Чайка в Северо-Западном Крыму, относящаяся к 110—60 гг. до н.э. Цель исследования — проверка рабочей гипотезы об использовании египетского царского фута при строительстве поселения. Проверка гипотезы основана на реконструкции первоначального («идеального») плана застройки и анализе соотношений ключевых размеров. Показано, что поселение задумывалось как прямоугольник размерами 200×150 футов с упорядоченной сеткой кварталов и домами стандартных параметров. Полученные результаты позволяют рассматривать Чайку как пример реализации понтийской «строительной программы» в Северо-Западном Крыму после окончания походов Диофанта.

Ключевые слова: Крымская Скифия, позднескифская археологическая культура, архитектура эллинистического времени, Северо-Западный Крым, египетский царский фут.

Сведения об авторе: Антонов Егор Евгеньевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.

Контактная информация: 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32а, e-mail: antonov.yegor@gmail.com.

Egor Antonov

THE EGYPTIAN ROYAL FOOT IN THE LAYOUT OF THE LATE SCYTHIAN SETTLEMENT OF CHAIKA

The paper examines the layout of the Late Scythian settlement of Chaika in north-western Crimea, dated to 110—60 BCE. The aim of the study is to test a working hypothesis that the Egyptian royal foot was used as a unit of measurement in the construction of the settlement. The hypothesis is assessed through a reconstruction of the original (“ideal”) layout and an analysis of proportional relationships between key spatial dimensions. The results show that the settlement was conceived as a rectangle measuring 200 × 150 royal feet, with an ordered grid of quarters and houses of standardized size. These findings allow Chaika to be interpreted as an example of the implementation of a Pontic architectural “planning programme” in north-western Crimea following the end of the campaigns of Diophantus.

Key words: Crimean Scythia, Late Scythian archaeological culture, Hellenistic-period architecture, North-Western Crimea, Egyptian royal foot.

About the author: Antonov Egor, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Institute of World History of Russian Academy of Sciences.

Contact information: 119334, Russia, Moscow, 32a Leninskiy Prospekt, e-mail: antonov.yegor@gmail.com.

Введение

Задача настоящей статьи — проверка гипотезы о том, что при строительстве позднескифского поселения Чайка в Северо-Западном Крыму использовался египетский царский фут (один фут равен 0,35 м). Основание для такого предположения дают материалы других позднескифских памятников — Неаполя Скифского (Высотская 1979: 90—91) и

* Статья поступила в номер 19 марта 2026 г.
Принята к печати 9 апреля 2026 г.

© Е.Е. Антонов, 2026.

Кара-Тобе (Антонов 2025). Последнее, как предполагается, было застроено по упорядоченной системе в рамках «понтийской строительной программы» (Антонов 2024а), появление которой должно относиться к концу II — первой половине I в. до н.э., когда в регионе стояли войска Митридата VI Евпатора (Уженцев 2006: 31; Внуков 2022). Лучше всего застройка этого времени сохранилась на городище Чайка, так что именно там логичнее всего искать следы первого воплощения «строительной программы».

Городище Чайка располагается около поселка Заозерное (под Евпаторией), к западу от пансионата «Лучистый». Памятник лежит на небольшом песчаном холме, на расстоянии около 200 м от моря. К северу от городища находится небольшое солёное озеро (Смекалова, Кутайсов, Чудин 2013: 141).

Памятник открыт в 1948 г. П.Н. Шульцем (Кутайсов 2012: 44). Первые небольшие раскопки в 1959 г. провёл А.Н. Карасёв (Щеглов 1961: 71; Карасев 1963: 33). С 1963 г. исследования стали ежегодными. Сначала они велись под руководством А.Н. Карасёва, в 1967 г. начальником экспедиции стала И.В. Яценко. Раскопки продолжались до 2021 г. (с 1987 г. руководитель — Е.А. Попова, в 2008—2014 гг. — Т.В. Егорова).

Хронология памятника

Исследователи Чайки выделили три позднескифских периода и обозначили их римскими цифрами (I—III) (Попова, Пежемский, Беловинцева 2015: 99; Яценко 1970: 34; 1983: 65).

Слои разрушения греческого поселения перекрыты стерильным песком, его прослойка обнаружена под всеми позднескифскими кварталами Чайки (Внуков 1984а: 54, 56; Попова 1997: 226; 2004: 23; 2017: 271). Лишь в центральной части, в «цитадели», позднескифские конструкции стоят прямо на слоях разрушения греческих помещений (Внуков 1984а: 56; Попова 2017: 264, 267, рис. 13). Следовательно, первые позднескифские сооружения в «цитадели» должны быть выделены в более ранний строительный горизонт IA. Застройку первого периода вокруг «цитадели» («кварталы») следует выделять в более поздний строительный горизонт IB. [1]

Нижняя хронологическая граница горизонта IA датируется по родосским эпонимным клеймам. Самые ранние имена на них, как и самые поздние имена на аналогичных оттисках из греческих слоёв, относятся к подгруппе Vb (Антонов 2021: 102, табл. 2). Она датируется 132—121 гг. до н.э. (Finkielsztejn 2001: 195; Кац 2007: 421). Родосские фабрикантские клейма такой дате не противоречат (Антонов 2021: 101, табл. 1).

Верхнюю хронологическую границу горизонта IA по находкам датировать невозможно. Судя по историческому контексту и аналогии из Калос Лимена, широкая «квартальная» застройка Чайки горизонта IB могла появиться только после окончания Диофантовых войн или после вывода понтийских гарнизонов из Северо-Западного Крыма. (При этом на самой Чайке нет следов, которые можно было бы связать с Диофантовыми войнами или с присутствием понтийских войск). Примечательно, что в слоях периода I (как горизонта IA, так и горизонта IB) нет фрагментов светлоглиняных позднегераклейских амфор. Это позволяет установить верхнюю хронологическую границу для горизонта IB и периода I в целом около 60 г. до н.э.[2]

Массовое появление фрагментов светлоглиняной тары зафиксировано в напластованиях периода II. Она представлена, в частности, ручками амфор типа C I (Внуков 1984а: 68; Попова 1991: 41, 69).

---

[1] Ср. (Попова 2017: 263): «Первоначально, видимо, поселение состояло лишь из этого небольшого укреплённого сооружения [«цитадели»]».

[2] Здесь и далее типология и хронология причерноморских амфор даётся по работам: (Внуков 2003; 2006; 2016).

Начало периода III датируется по профилированным ручкам светлоглиняных амфор (Яценко 1970: 35; Попова 1991: 51; 2017: 314), которые не встречаются в более ранних напластованиях. Они принадлежат амфорам типа С III, появившимся в 20—15 гг. до н.э.

Наиболее поздней разновидностью тары, встречающейся на Чайке, являются сосуды варианта С IVZ (Внуков 1984б: 60), которые появляются в начале I в. н.э. При этом на городище Чайка практически отсутствуют фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор[3] (Попова 2017: 304). Это позволяет датировать верхнюю хронологическую границу периода III (и завершение существования поселения) концом первой четверти I в. н.э. На отдельных участках поселения прослежены следы пожаров этого времени (Яценко 1969: 292—293; Попова, Коваленко 2005: 87).

Таким образом, периодизация позднескифской Чайки в настоящее время может быть представлена следующим образом:

Период I: около 120 — около 60 гг. до н.э.
Горизонт IA: около 120 — около 110 гг. до н.э.
Горизонт IB: около 110 — около 60 гг. до н.э.
Период II: около 60 — около 20 гг. до н.э.
Период III: около 20 г. до н.э. — около 20 г. н.э.

История позднескифской застройки

Временем до походов Диофанта можно предположительно датировать «цитадель» Чайки (горизонт IA), в которую поздние скифы превратили греческую усадьбу №1 (т.н. «здание III в. до н.э.»). Она существовала дольше других греческих построек (Попова 2007: 25—27) и, вероятно, поэтому к приходу «варваров» сохранилась лучше других. Новые жители ремонтируют внешние стены усадьбы. В ряде случаев они пристраивают к ним дополнительные оборонительные пояса. Наиболее интересны остатки двух из них — вдоль восточной стены и юго-восточного угла. Внешний панцирь поясов отстоял от греческой стены на расстояние около 2 м, внутреннее пространство между ними было поделено поперечными перегородками на отсеки, заполненными грунтом и камнями. Вероятно, поздние скифы ремонтируют также и усадебную башню (Попова 2017: 263—264).

К восточной и северной стенам цитадели изнутри были пристроены прямоугольные постройки небольшой площади — от 0,7 до 3,7 м^2. В западной части укрепления зафиксированы невыразительные остатки позднескифских построек. Предположительная площадь одного из них — около 19 м^2 (Попова 2017: 265—269).

За пределами «цитадели» наиболее ранними позднескифскими сооружениями являются две плохо сохранившиеся нежилые (Попова 1998: 186; Внуков 2018: 69—71; Кутайсов, Смекалова 2019: 91) полуземлянки, открытые к востоку и западу от неё (Попова 2017: 281, 300—301).

Следы присутствия понтийского гарнизона на Чайке не обнаружены. Вероятно, вскоре после окончания Диофантовых войн поздние скифы застраивают площадь вокруг «цитадели» кварталами из многокамерных домов (горизонт IB). Кварталы были отделены от «цитадели» улицами, проходившими вдоль её восточной, южной и северной стен. У западной стены «цитадели» располагалась площадь, от которой на запад отходила Центральная улица. От этой улицы на юг и север отходили ещё две: Первая и Вторая Западные (Попова 2017: 279). Центральная, Первая и Вторая Западные улицы разделяли четыре квартала: Северный, Западный (Запад-II), Юго-западный (Запад-I) и Юг-I. Ещё один квартал, Восточный, был расположен в соответствующей части поселения. Как он отделялся от северного квартала не ясно: эта часть памятника уничтожена карьером.

[3] Фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор на Чайке буквально единичны (Внуков 1984б: 60).

Сохранность строительных остатков в юго-восточном углу поселения плохая, но, вероятно, между Восточным кварталом и кварталом Юг-I улицы не было.

Кварталы окружала общая оборонительная стена. В ней было как минимум три проезда и одна калитка. В северо-западном и юго-западном углах располагались башни (Попова 1991: 40; 1998: 182). В оборонительной стене зафиксированы швы, делящие ее на куртины. В Восточном квартале они совпадают с границами блоков, состоявших из трёх домов (Карасев 1963: 33; Яценко 1970: 31—32), в Северном — с границей отдельных комплексов (Яценко 1983: 47—48).

Во второй четверти — середине I в. до н.э. у Чайки появляется «предместье» — дом, расположенный на расстоянии 6—7 метров от юго-западного угла основного укрепления. Сохранность комплекса первого периода плохая (Попова, Коваленко 2005: 84—87, 90; Попова 2009: 119).

Планировка Чайки около 60 г. до н.э. — около 20 г. до н.э. (период II) в целом остаётся прежней: многокамерные дома блокируются в кварталы, большинство которых от соседних блоков отделены улицами. Кварталы пристроены изнутри к внешним стенам поселения, их ориентация близка сторонам света, хотя и не всегда выдерживается чётко. В прежнем виде продолжает существовать и цитадель поселения (Попова 2017: 269).

Изменения главным образом связаны с переустройством внешних укреплений. Так, южная и восточная оборонительные стены укрепляются с внутренней стороны дополнительными поясами (Яценко 1970: 32, 34; Попова 1991: 39, 40; 2017: 275). Полностью закрываются северный и южный входы в поселение, к которым вели Вторая и Первая западные улицы. Южный вход был перегорожен новым участком стены (Попова 2017: 274—275), северный загорожен башней (пом. 106)[4] (Яценко 1975: 379—380; 1983: 48; Попова 2017: 275). Закладывают и калитку в южной стене (Попова 1991: 45, 58).

Самые заметные перестройки наблюдаются в западной части поселения. Выход с Центральной улицы защищается ещё одной башней (пом. 124) (Попова 1998: 183). Здесь также возникает новая линия обороны: башня (пом. 138) и отходящая от неё оборонительная стена. Между новой и изначальной западной стеной поселения остаётся пустое пространство, что позволяет Е.А. Поповой считать новую стену протейхизмой. Вход на поселение переносится в северо-восточную часть, где его прикрывают башни (пом. 128 и 138) (Попова 2009: 118; 2017: 275—278).

Закрытие северного и южного выезда из поселений превратило Вторую и Первую западную улицу в тупики. Кроме того, площадь Первой западной улицы частично застраивается (Попова 2017: 286—287).

Комплекс «предместья» Чайки во втором периоде несколько расширяется (Попова, Коваленко 2005: 84—88; Попова 2009: 119).

Основы планировки Чайки периода III (около 20 г. до н.э. — около 20 г. н.э.) сохраняются (Попова 2017: 261, рис. 3): в центре находится цитадель, многокамерные дома блокируются в кварталы (период III). В то же время происходят некоторые изменения, нарушающие упорядоченность планировки.

На Чайке зафиксированы следы ремонта оборонительной стены, относящиеся к периоду III. Вероятно, как и на Кара-Тобе, этот ремонт происходит около 20 г. до н.э. (Антонов 2024б: 109) К концу периода «цитадель» теряет своё оборонительное значение: постройки, примыкавшие изнутри к её стенам, разбираются, внутри «цитадели» появляются хозяйственные ямы (Яценко 1970: 34; Попова 2017: 269).

Видимо, ближе к 20 г. н.э. теряет свою роль внешняя оборонительная стена. В частности, за её пределы выходят дома квартала Запад-I: к дому из помещений 118, 123 и 131 пристраиваются с запада новые помещения 135 и 136. С севера к этому дому пристраивается новый комплекс — из помещений 130, 133, 129 и 129_1. Восточной частью

[4] На плане в монографии С.Г. Колтухова указана ещё одна северо-западная, угловая «башня» (Колтухов 1999: 195, рис. 82: 9) — это ошибка, автор принял за башню одно из более поздних помещений (Попова 2017: 277, прим. 1).

новый дом перекрывает оборонительную стену (Попова 1991: 39; 2017: 289, 290, 295). Новые постройки возникают к западу и северу от квартала Запад-II. Вдоль западной стены этого квартала устраивают новую улицу — Третью западную (Попова 1996: 71, 73; 1998: 188; 2017: 279, 295, 297—300). В целом позднескифское поселение занимает максимальную за свою историю площадь.

В периоде III нарушается упорядоченность внутренней застройки Чайки (Яценко 1970: 34). Например, одно из помещений квартала Юг-I (24) перекрывает Южную улицу (Попова 2017: 284). На площади Первой западной улицы появляется новый жилищно-хозяйственный комплекс (пом. 79, 90, 75, 80, 77) и предполагаемые торговые лавки (пом. 84, 85, 88) (Яценко 1974: 368; Крыжицкий 1982: 137; Попова 1991: 55—57; 2017: 269).

К третьему периоду относится также крупное изолированное помещение 100 в Юго-западном квартале (существовало ли оно ранее, не совсем ясно). Его планировка («мегарон»), а также находки, позволили предположить, что оно имело культовое значение (Попова 1991: 52; 2017: 294).

Дом в предместье Чайки продолжает существовать до конца периода III (Попова, Коваленко 2005: 84—88; Попова 2009: 119).

В настоящей статье анализируется планировка горизонта IB — предположительно, именно она должна в наибольшей степени отражать замысел архитекторов, сделавших перепланировку поселения вскоре после окончания Диофантовых войн.

Реконструкция «идеального» плана

При попытке реконструировать первоначальный план Чайкинского поселения мы сталкиваемся с теми же ограничениями, что и при анализе Кара-Тобинских материалов (Антонов 2025: 355—356). Так, простота техники позднескифского домостроительства вела к необходимости постоянных ремонтов и перестроек и, как следствие, к не очень хорошей сохранности самых ранних построек. Позднескифские дома пострадали и в Средневековье, и в Новое время (Новиченкова 2007). Часть поселения, как уже говорилось, уничтожена современным карьером для добычи песка. Значительная часть кладок обрушилась или была разобрана уже после раскопок, так что перемерять их невозможно, и судить о них можно только по отчётам, чертежам и публикациям. При этом строительные остатки фиксировали на планах в масштабе 1 : 100[5]. Это означает, что точность наших измерений кладок составляет ± 5 см. Между тем разница между многими линейными системами, которые использовались в греческом мире, составляет от нескольких миллиметров до нескольких сантиметров (Николаенко 1983: 33—34; Пичикян 1984: 258; Буйских 2008: 97). При нашей погрешности и плохой сохранности определение системы мер «непосредственным» путём — снятием всех возможных замеров с чертежей — не даст статистически значимых результатов.

В качестве альтернативы можно использовать своего рода «геометрический» анализ — попытаться реконструировать процесс построения плана так, как он мог составляться в древности, с учётом предполагаемого небольшого опыта строителей — путём простых манипуляций. Именно так был построен «идеальный план» цитадели Кара-Тобе (Антонов 2025: 356—358). Поэтому как рабочую гипотезу мы приняли предположение, что принципы разметки плана Чайки были аналогичны. Кроме применения египетского царского фута, к ним можно отнести следующие особенности застройки:

1. В качестве точки отсчёта использовался центр греческого здания.
2. Основные размеры представляют собой целые числа.
3. Основные размеры кратны друг другу.
4. Размеры могли откладываться как по внешней, так и по внутренней стороне кладок.

[5] Благодарю Е.А. Попову за предоставление «синьки» оригинального чертежа.

Ключ к пониманию первоначального плана Чайки даёт квартал Юг-I (рис. 1). Его внешняя граница находится почти точно в 75 египетских футах (26,25 м) от центра «цитадели» (перестроенной греческой усадьбы). Северная граница южного квартала приходится на половину этого расстояния — 37,5 египетских фута или 25 египетских локтей (13,125 м). На такой же дистанции — 37,5 египетских фута — находится восточная часть сохранившихся построек Северного квартала, что позволяет предположить симметричность южной и северной частей поселения. В таком случае северная граница поселения могла проходить на таком же расстоянии, как и южная — в 75 египетских футах. Тогда протяжённость всего поселения с юга на север задумывалась равной 150 египетским футам.

Расстояние от центра «цитадели» до западной границы поселения (без учёта башен) составляет около 110 египетских футов (38,5 м). Линия, проведённая через половину этого расстояния (55 египетских футов), по всей видимости, ограничивает квартал Юг-I с запада, а также совпадает с границей домов 6 и 12 в Северном квартале. Такая же «55-футовая» линия, но отложенная к востоку от центра поселения, очерчивает квартал Юг-I с востока, а также западную границу Восточного квартала. Протяжённость квартала Юг-I с востока на запад составляла, таким образом, те же 110 египетских футов.

Внутри квартала Юг-I находилось минимум пять домов. Можно предположить, что они изначально задумывались равными по площади, тогда ширина одного дома должна была составлять 22 египетских фута (7,7 м), а длина соответствует ширине квартала — 37,5 египетских фута. Как видно (рис. 1) почти полностью такой внутриквартальной разметке соответствует только дом 11, но параметры остальных близки вычисленным. В реконструируемые параметры отдельного дома вписываются также жилища Северного и Восточного кварталов. Эти наблюдения становятся особенно очевидными, если развернуть реконструируемую сетку параллельно стенам этих двух кварталов (рис. 2). Дом 5 квартала Запад-II, видимо, задумывался как равный по площади двум «стандартным» домам. Ещё два дома реконструируются в квартале Запад-I.

Надо отметить, что поселение не было симметричным по линии запад-восток, расстояние от центра «цитадели» до восточной стены в среднем составляет около 90 футов (31,5 м). Общая протяжённость поселения с запада на восток, видимо, мыслилась равной 200 футам.

Приведённые выше измерения позволяют реконструировать первоначальный, «идеальный» план застройки (рис. 3). Согласно этому плану поселение задумывалось как прямоугольник со сторонами 150 и 200 египетских футов. Его центр был смещён к востоку так, что до западной границы поселения оставалось 110 футов, а до восточной — 90 футов. К южной, северной и восточной внешним стенам примыкали кварталы из пяти-шести домов. Размер отдельного дома составлял порядка 22 × 37,5 футов[6]. Параметры южного и восточного квартала мыслились как 110 × 37,5 футов. В юго-западном и северо-западном углах были отведены участки под два «стандартных» дома в каждом.

Как видим, описанная схема не совсем идеальна. Так, участки, отведённые под отдельные дома, на границах квартала частично накладываются друг на друга. Кроме того, незастроенными остаются северо-западный, северо-восточный и юго-восточный углы поселения. Но не исключено, что «поворот» восточного и северного квартала относительно оси север-юг, который произвели строители, как раз и должен был устранить «накладки». А «пустые участки» могли быть отведены под общественные нужды, например, в них могли планироваться башни. Возможно, один такой «пустой» участок — между кварталами Запад-I и Запад-II изначально был отведён под улицу и культовое сооружение — мегарон, который появился в этом месте позже (см. выше).

Нужно отметить также, что предполагаемый «идеальный план» оставлял место только для двух выездов из поселения — на западе и на юге. В действительности их было больше. Возможно, корректировка плана «по месту» преследовала и эту цель.

[6] Примечательно, что «идеальный» дом на Чайке был примерно в 1,5 раза меньше, чем на Кара-Тобе, где его размеры составляли 25 × 50 футов (Антонов 2025: 358).

Примечательно, что ни одна из разметочных линий не совпадает со швами в оборонительных стенах Восточного и Северного квартала. Вероятно, эти швы — свидетельство того, что застройка велась не последовательно, а одновременно на разных участках. Ранее мы считали их признаками предварительного планирования застройки (Антонов 2024а: 280).

Выводы

На наш взгляд, застройка Чайки горизонта IB (около 110 — около 60 гг. до н.э.) показывает, что при её планировании использовался египетский царский фут. Поселение имело размеры 200 × 150 таких футов. Размеры одного дома мыслились как 22 × 37,5 футов. Они были сгруппированы в три квартала по пять-шесть домов, а в северо-западном и юго-западном углах отводились места под два дома в каждом случае. Вероятно, заранее было предусмотрено место для культового сооружения, возможно, в несохранившихся северо-восточном и юго-восточном углах были отведены места для башен.

Чайка — третий пример применения египетского царского фута в позднескифской архитектуре (Высотская 1979: 90—91; Антонов 2025: 355—356). Из ближайших аналогий мы можем назвать Тигранокерт (Халпахчьян 1970: 276), понтийскую башню на Кара-Тобе и «резиденцию Хрисалиска» (Синцерова, Антонов в печати). Остальные причерноморские примеры использования этой единицы измерения относятся к архаическому и классическому времени (Пичикян 1975: 125, 133; 1984: 260; Буйских 1999: 96; Николаенко 2020: 10; Смекалова, Терехин, Пасуманский 2020: 91; Чистов 2022: 76).

«Идеальные» планы Чайки и Кара-Тобе косвенно подтверждают гипотезу о существовании специальной понтийской «строительной программы», по которой организовывались позднескифские селения в Северо-Западном Крыму (Антонов 2024а: 281—282).

Литература

Антонов Е.Е. 2021. Ещё раз о времени занятия Северо-Западного Крыма поздними скифами. В: Родинкова В.Е. (отв. ред.). *Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы VI конференции молодых ученых*. Москва: ИА РАН, 99—103.

Антонов Е.Е. 2024а. Поселения и дома поздних скифов в Северо-Западном Крыму: «внутренняя эволюция» и механизмы античного влияния. *Stratum plus* 3, 273—290.

Антонов Е.Е. 2024б. Хронология позднескифских укреплений в Северо-Западном Крыму как источник по военно-политической истории. *ХСб* XXV, 108—113.

Антонов Е.Е. 2025. Планировочная модель позднескифской «цитадели» Кара-Тобе. *МАИАСП* 19, 353—368. DOI: 10.53737/2713-2021.2025.91.55.015.

Буйских А.В. 1999. О стандартах линейных мер в строительно-камнетесном деле Херсонеса IV—II вв. до н.э. *АМА* 10, 95—100.

Буйских А.В. 2008. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь: ТОВ «Керченьска міська друкарня» (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 5).

Внуков С.Ю. 1984а. Скифские слои городища Чайка (опыт статистической обработки). *СА* 2, 54—69.

Внуков С.Ю. 1984б. Светлоглиняные амфоры городища Чайка близ Евпатории. *Вестник МГУ. Серия 8. История* 6, 45—60.

Внуков С.Ю. 2003. Причерноморские амфоры в I в. до н.э. — II в. н.э. (морфология). Москва: ИА РАН.

Внуков С.Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. Санкт-Петербург: Алетейя.

Внуков С.Ю. 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. *РА* 2, 36—47.

Внуков С.Ю. 2018. Позднескифские «землянки» городища Кара-Тобе. *Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Исторические науки* 4 (70). 2, 51—73.

Внуков С.Ю. 2022. О времени размещения войск Митридата Евпатора в Северо-Западном Крыму. *ПИФК* 4, 77—83.

Высотская Т.Н. 1979. *Неаполь — столица государства поздних скифов*. Киев: Наукова думка.

Карасев А.Н. 1963. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории. *КСИА* 95, 33—42.

Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. *БИ* XVIII.

Колтухов С.Г. 1999. *Укрепления Крымской Скифии: Материалы по археологии Крыма*. Симферополь: Сонат.

Крыжицкий С.Д. 1982. *Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. — IV в. н.э.)*. Киев: Наукова думка.

Кутайсов В.А. 2012. История исследования античных памятников Северо-Западного Крыма. В: Пысач З.И. (сост.). *Калос-Лимен: музей и заповедник*. Симферополь: Н.Оріанда. 34—72.

Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н. 2019. *Древние греки в Северо-Западной Таврике*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Николаенко Г.М. 1983. Метрология Херсонеса Таврического в эллинистический период (по материалам IV—II вв. до н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

Николаенко Г.М. 2020. Введение. История создания и развития межевой системы Херсонеса Таврического. В: Николаенко Г.М., Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Пасуманский. А.Е. *Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического*. Т. 1. Санкт-Петербург: Алетейя, 10—16 (Археологические атласы Северного Причерноморья).

Новиченкова Н.Г. 2007. Средневековое поселение на городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму. В: Янин В.Л., Щапова Ю.Л. (отв. ред.). *Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму*. Москва: МГУ, 155—194.

Пичикян И.Р. 1975. Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI—V вв. до н.э. *ВДИ* 1, 117—137.

Пичикян И.Р. 1984. *Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния*. Москва: Наука.

Попова Е.А. 1991. Юго-западный квартал скифского поселения у санатория Чайка близ Евпатории. В: Щапова Ю.Л., Яценко И.В. (отв. ред.). *Памятники железного века в окрестностях Евпатории*. Москва: МГУ, 37—75.

Попова Е.А. 1996. Здание типа мегарон позднескифского городища «Чайка». *Вестник МГУ. Серия 8. История* 1, 71—80.

Попова Е.А. 1997. О работах на городище Чайка. *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. Симферополь: Сонат. 225—226.

Попова Е.А. 1998. О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н.э. — I в. н.э. (по материалам квартала Запад-II городища «Чайка»). В: Янин В.Л. (отв. ред.). *Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина*. Москва: Памятники исторической мысли, 182—195.

Попова Е.А. 2004. Греко-скифское городище «Чайка». В: Приднева Т.Е. (отв. ред.). *Археология Северо-Западного Крыма. Сборник научных статей-материалов научно-практической конференции «Античный мир и археология», посвящённой 2500-летию Евпатории*. Симферополь: Центр музейных технологий и этно-культурного туризма, 20—25.

Попова Е.А. 2007. Греческое поселение на городище «Чайка» во второй половине III— II в. до н.э. В: Янин В.Л., Щапова Ю.Л. (отв. ред.). *Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму*. Москва: МГУ, 4—130.

Попова Е.А. 2009. Проблемы археологии и истории Северо-Западного Крыма в IV в. до н.э. — I в. н.э. (по материалам городища «Чайка» в Евпатории и некрополя у поселка Заозерное). *Вестник МГУ. Серия 8. История* 3, 102—127.

Попова Е.А. 2017. Городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму во II в. до н.э. — I в. н.э. *Stratum plus* 3, 259—307.

Попова Е.А., Коваленко С.А. 2005. *Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища)*. Москва: б.и.

Попова Е.А., Пежемский Д.В., Беловинцева Н.И. 2015. Городище Чайка, некрополь и каменоломня античной эпохи на окраине Евпатории в Северо-Западном Крыму: итоги и перспективы исследования. *Исторические исследования* 3, 76—112.

Синцерова К.Л., Антонов Е.Е. Понтийские (?) башни в Северном Причерноморье (в печати).

Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А., Чудин А.В. 2013. Археологическая карта окрестностей Керкинитиды. *МАКК* XI. 2.

Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Пасуманский А.Е. 2020. Глава V. Реконструкция античного земельного кадастра Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове с использованием методов дистанционного зондирования. В: Николаенко Г.М., Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Пасуманский А.Е. *Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического*. Санкт-Петербург: Алетейя, 87—98 (Археологические атласы Северного Причерноморья).

Уженцев В.Б. 2006. *Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. — II в. н.э.)*. Симферополь: Сонат (Материалы по археологии Крыма).

Халпахчьян О.Х. 1970. Архитектура Армении. В: Халпахчьян О.Х. (отв. ред.). *ВИА*. Т. 1. Москва: Издательство литературы по строительству, 273—282.

Чистов Д.Е. 2022. Греческая урбанизация Северного Причерноморья архаической эпохи. Дисс. … докт. ист. наук. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.

Щеглов А.Н. 1961. Разведки 1959 года на западном побережье Крыма. *СХМ* II, 70—80.

Яценко И.В. 1969. Полевые исследования Крымской экспедиции. *АО* 1968, 291—293.

Яценко И.В. 1970. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964—1967 гг.). *КСИА* 124, 31—38.

Яценко И.В. 1974. Новые сведения о планировке скифского поселения у санатория «Чайка» в Евпатории. *АО* 1973, 368.

Яценко И.В. 1975. Раскопки скифского поселения в Евпатории. *АО* 1974, 370—381.

Яценко И.В. 1983. Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (по материалам раскопок 1974—1975 гг.). В: Высотская Т.Н. (отв. ред.). *Население и культура Крыма в первые века н.э*. Киев: Наукова думка. 46—66.

Finkielsztejn G. 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ: premier bilan.* Oxford: Archaeopress; British Archaeological Reports (BAR international series 990).

References

Antonov, E.E. 2021. In: Rodinkova, V.E. (ed.). *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya. Materialy VI konferentsii molodykh uchenykh (New Materials and Methods of Archaeological Research. Proceedings of the 6th Conference of Young Scientists)*. Moscow: IA RAN, 99—103 (in Russian).

Antonov, E.E. 2024a. In. *Stratum plus* 3, 273—290 (in Russian).

Antonov, E.E. 2024б. In *Khersonesskiy sbornik (The Chersonese Collection)* XXV, 108—113 (in Russian).

Antonov, E.E. 2025. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 19, 353—368. DOI: 10.53737/2713-2021.2025.91.55.015 (in Russian).

Buyskikh, A.V. 1999. In *Antichnyy mir i arkheologiya (The Classical World and Archaeology)* 10, 95—100 (in Russian)

Buyskikh, A.V. 2008. *Prostranstvennoye razvitiye Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu (Spatial Development of Tauric Chersonesos in the Classical Era)*. Simferopol: "TOV Kerchen'ska mis'ka drukarnya" (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria. Supplementum. Iss. 5) (in Russian).

Vnukov, S.Yu. 1984a. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 54—69 (in Russian).

Vnukov, S.Yu. 1984б. In *Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriya (Moscow University Bulletin. Series 8. History)* 6, 45—60 (in Russian).

Vnukov, S.Yu. 2003. *Prichernomorskie amfory v I v. do n.e. — II v. n.e. (morfologiya) (Black Sea Amphorae from the 1st Century BCE to the 2nd Century CE (Morphology))*. Moscow: IA RAN (in Russian).

Vnukov, S.Yu. 2006. *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. — II v. n.e. (Black Sea Amphorae of the 1st Century BCE — 2nd Century CE)*. Pt. II. *Petrografiya, hronologiya, problemy torgovli (Petrography, Chronology, and Trade Issues)*. Saint Petersburg: Aleteya (in Russian).

Vnukov, S.Yu. 2016. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 2, 36—47 (in Russian).

Vnukov, S.Yu. 2018. In *Uchenye zapiski KFU im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskiye nauki (Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Sciences)* 4 (70). 2, 51—73 (in Russian).

Vnukov, S.Yu. 2022. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 4, 77—83 (in Russian).

Vysotskaya, T.N. 1979. *Neapol' — stolitsa gosudarstva pozdnikh skifov (Naples — the capital of the late Scythian state)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Karasev, A.N. 1963. In *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 95, 33—42 (in Russian).

Kats, V.I. 2007. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporus Studies)* XVIII (in Russian).

Koltukhov, S.G. 1999. *Ukrepleniya Krymskoy Skifii: Materialy po arkheologii Kryma (Fortifications of Crimean Scythia: Materials on the Archaeology of Crimea)*. Simferopol: Sonat (in Russian).

Kryzhitskiy, S.D. 1982. *Zhilye doma antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya (VI v. do n.e. — IV v. n.e.) (Residential Houses of Ancient Cities in the Northern Black Sea Region (6th Century BCE — 4th Century CE))*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Kutaysov, V.A. 2012. In: Pysach, Z.I. (ed.). *Kalos-Limen: muzey i zapovednik (Kalos Limen: Museum and Reserve)*. Simferopol: N.Orianda. 34—72 (in Russian).

Kutaysov, V.A., Smekalova, T.N. 2019. *Drevnie greki v Severo-Zapadnoy Tavrike (Ancient Greeks in Northwestern Taurica)*. Simferopol: Biznes-Inform (in Russian).

Nikolayenko, G.M. 1983. Metrology of Tauric Chersonesos in the Hellenistic Period (Based on Materials of the 4th — 2nd Centuries BCE). PhD Thesis. Kiev: IA AN SSSR (in Russian).

Nikolayenko, G.M. 2020. In: Nikolayenko, G.M., Smekalova, T.N., Terekhin, E.A., Pasumanskiy, A.E. *Atlas blizhney khory Khersonesa Tavricheskogo (Atlas of the Near Chora of Tauric Chersonesos)*. Vol. 1. Saint Petersburg: Aleteyya, 10—16 (Archaeological atlases of the Northern Black Sea region) (in Russian).

Novichenkova, N.G. 2007. In: Yanin, V.L., Shchapova, Yu.L. (ed.). *Materialy issledovaniy gorodishcha "Chayka" v Severo-Zapadnom Krymu (Research Materials on the "Chaika" Settlement in Northwestern Crimea)*. Moscow: MGU, 155—194 (in Russian).

Pichikyan, I.R. 1975. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 117—137 (in Russian).

Pichikyan, I.R. 1984. *Malaya Aziya — Severnoe Prichernomor'ye. Antichnyye traditsii i vliyaniya (Asia Minor — Northern Black Sea region. Ancient traditions and influences)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Popova, E.A. 1991. In: Shchapova, Yu.L., Yatsenko, I.V. (eds.). *Pamyatniki zheleznogo veka v okrestnostyakh Evpatorii (Iron Age sites in the vicinity of Yevpatoria)*. Moscow: MGU, 37—75 (in Russian).

Popova, E.A. 1996. In *Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriya (Moscow University Bulletin. Series 8. History)* 1, 71—80 (in Russian).

Popova, E.A. 1997. In *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu (*Archaeological Research in Crimea*)*. 1994. Simferopol: Sonat. 225—226 (in Russian).

Popova, E.A. 1998. In: Yanin, V.L. (ed.). *Istoricheskaya arkheologiya. Traditsii i perspektivy. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Avdusina (Historical Archaeology: Traditions and Prospects. On the 80th Anniversary of D.A. Avdusin's Birth)*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 182—195 (in Russian).

Popova, E.A. 2004. In: Pridneva, T.E. (ed.). *Arkheologiya Severo-Zapadnogo Kryma. Sbornik nauchnykh statey-materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii "Antichnyy mir i arkheologiya", posvyashchonnoy 2500-letiyu Evpatorii (Archaeology of Northwestern Crimea: Collection of papers from the scientific-practical conference "The Ancient World and Archaeology", dedicated to the 2500th anniversary of Yevpatoria)*. Simferopol: Tsentr muzeynykh tekhnologiy i etno-kul'turnogo turizma, 20—25 (in Russian).

Popova, E.A. 2007. In: Yanin, V.L., Shchapova, Yu.L. (eds.). *Materialy issledovaniy gorodishcha "Chayka" v Severo-Zapadnom Krymu (Research materials on the "Chayka" fortified site in Northwestern Crimea)*. Moscow: MGU, 4—130 (in Russian).

Popova, E.A. 2009. In *Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriya (Moscow University Bulletin. Series 8. History)* 3, 102—127 (in Russian).

Popova, E.A. 2017. In *Stratum plus* 3, 259—307 (in Russian).

Popova, E.A., Kovalenko, S.A. 2005. *Istoriko-arkheologicheskiye ocherki grecheskoy i pozdneskifskoy kul'tur v Severo-Zapadnom Krymu (po materialam Chaykinskogo gorodishcha) (Historical-archaeological essays on Greek and Late Scythian cultures in Northwestern Crimea (based on materials from the Chayka fortified site))*. Moscow: s.n. (in Russian).

Popova, E.A., Pezhemskiy, D.V., Belovintseva, N.I. 2015. In *Istoricheskie issledovaniya (Historical Studies)* 3, 76—112 (in Russian).

Sintserova, K.L., Antonov, E.E. *Pontiyskiye (?) bashni v Severnom Prichernomor'e (Pontic (?) towers in the Northern Black Sea region)* (in print) (in Russian).

Smekalova, T.N., Kutaysov, V.A., Chudin, A.V. 2013. In *Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma (Materials for the Archaeological Map of Crimea)* XI. 2 (in Russian).

Smekalova, T.N., Terekhin, E.A., Pasumanskiy, A.E. 2020. In: Nikolayenko, G.M., Smekalova, T.N., Terekhin, E.A., Pasumanskiy, A.E. *Atlas blizhney khory Khersonesa Tavricheskogo (Atlas of the Immediate Chora of Chersonesos Taurica)*. Saint Petersburg: Aleteyya, 87—98 (Archaeological Atlases of the Northern Black Sea Region) (in Russian).

Uzhentsev, V.B. 2006. *Elliny i varvary Prekrasnoy Gavani (Kalos Limen v IV v. do n.e. — II v. n.e.) (Hellenes and Barbarians of Kalos Limen (Kalos Limen in the 4th Century BCE – 2nd Century CE))*. Simferopol: Sonat (Materials on the Archaeology of Crimea) (in Russian).

Khalpakhch'yan O.Kh. 1970. In: Khalpakhch'yan, O.Kh. (ed.). *Vseobshchaya istoriya arkhitektury (General History of Architecture)*. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu, 273—282 (in Russian).

Chistov, D.E. 2022. Greek Urbanization of the Northern Black Sea Region in the Archaic Period. Dr. habil. Thesis. Saint Petersburg: IIMK RAS.

Shcheglov, A.N. 1961. In *Soobshcheniya Khersonesskogo muzeya (Reports of the Chersonesus Museum)* II, 70—80 (in Russian).

Yatsenko, I.V. 1969. *In Arkheologicheskiye otkrytiya (Archaeological discoveries)* 1968, 291—293 (in Russian).

Yatsenko, I.V. 1970. In *Kratkie soobscheniya instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 124, 31—388 (in Russian).

Yatsenko, I.V. 1974. *In Arkheologicheskie otkrytiya (Archaeological discoveries)* 1973, 368 (in Russian).

Yatsenko, I.V. 1975. *In Arkheologicheskie otkrytiya (Archaeological discoveries)* 1974, 370—381 (in Russian).

Yatsenko, I.V. 1983. In: Vysotskaya, T.N. (ed.). *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e. (Population and Culture of Crimea in the First Centuries CE)*. Kiev: Naukova dumka, 46—66 (in Russian).

Finkielsztejn, G. 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ: premier bilan*. Oxford: Archaeopress; British Archaeological Reports (BAR international series 990).

Рис. 1. Реконструкция процесса разметки участка, отведённого под поселение.

Fig. 1. Reconstruction of the process of laying out the area designated for the settlement.

Рис. 2. «Идеальный» план поселения Чайка, адаптированный под искажения.

Fig. 2. “Ideal” plan of the Chaika settlement, adjusted for distortions.

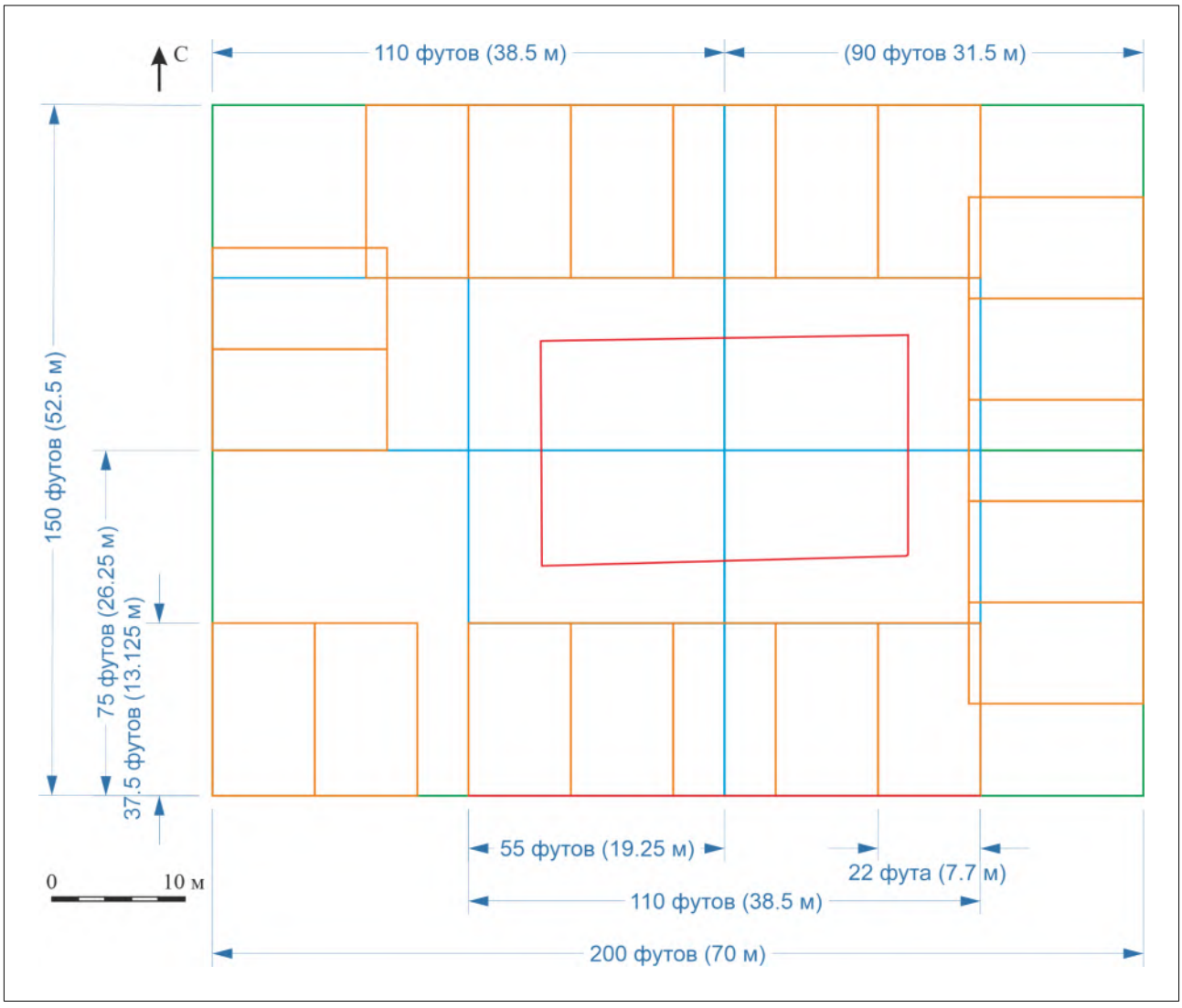


Рис. 3. Реконструкция «идеального» плана Чайки.

Fig. 3. Reconstruction of the “ideal” plan of Chaika.

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.15.91.010

С.А. Яценко

ОБРАЗЫ И ЭЛЕМЕНТЫ ИКОНОГРАФИИ ГРЕЧЕСКИХ БОЖЕСТВ У САРМАТОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ II—I ВВ. ДО Н.Э.*

В конце эпохи эллинизма у группировок ранних сарматов вокруг Азовского моря (сираки, в меньшей степени — аспургиане, роксоланы) мы наблюдаем попадание ограниченной по количеству и составу образов серии артефактов с греческими божествами на собственно греко-римских изделиях. Обычно они встречены на Кубани, где жили сираки и аспургиане. Это головы Гелиоса или Медузы, фигуры Ники, Афродиты с Эротом, Тритона. Кроме этого, «варварскому» переосмыслению подверглись божества и эпизоды с ними: Дионис на барсе, Афина, Аполлон с вороном, Деметра на троне, Силен и Борей. «Варварские» изделия, независимо от того, в каких центрах их производили (Боспор, оседлые «варварские» соседи сарматов, Иран, государства Центральной Азии), как и греко-римские, обычно не попадали к сарматам случайно, а являлись результатом сознательного отбора. Многие из таких образов встречены у сарматов неоднократно, хотя изображений большинства значимых греческих божеств у кочевников Восточной Европы этого времени не обнаружено. Все они имеют более или менее близкие соответствия в фольклорных образах божеств и духов в традиционной алано-осетинской религии или в религии других иранских народов.

Ключевые слова: образы греческих божеств у сарматов, аналоги в алано-осетинской религии, переосмысление греческих образов кочевниками, середина II в. до н.э. — начало I в. н.э., сарматы—сираки и аспургиане Кубани, роксоланы Северного Приазовья.

Сведения об авторе: Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российский государственный гуманитарный университет; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

S.A. Yatsenko

IMAGES AND ELEMENTS OF ICONOGRAPHY OF GREEK DEITIES AMONG THE SARMATIANS OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE 1st — 2nd CENTURIES BCE

At the end of the Hellenistic period, among the Early Sarmatian groups around the Sea of Azov (Siracians, and to a lesser extent Aspurgians and Roxolani), we observe the introduction of a limited series of artifacts featuring Greek deities onto Greco-Roman artifacts. These are typically found in the Kuban region, where the Siracians and Aspurgians lived. These include heads of Helios or Medusa, figures of Nike, Aphrodite with Eros, and Triton. Furthermore, deities and scenes depicting them were subject to a “barbarian” reinterpretation: Dionysus on a panther, Athena, Apollo with a raven, Demeter on a throne, Silenus, and Boreas. “The barbarian” artifacts, regardless of their production centers (Bosporus, the Sarmatians' sedentary “barbarian” neighbors, Iran, the Central Asian states), like Greco-Roman artifacts, did not usually reach the Sarmatians by chance, but were the result of deliberate selection. Many of these images were repeatedly encountered among the Sarmatians, although images of most of the significant Greek deities were not found among the nomads of Eastern Europe of this time. All of them have more or less close correspondences in the folkloric images of deities and spirits in the traditional Alanian-Ossetian religion or in the religions of other Iranian peoples.

Key words: Images of Greek deities among the Sarmatians, analogues in the Alanian-Ossetian religion, reinterpretation of Greek images by nomads, mid-2nd century BCE — early 1st century CE, Sarmatians—Siracians and Aspurgians of Kuban, Roxolani of the Northern Azov Sea Region.

* Статья поступила в номер 28 июня 2026 г.
Принята к печати 31 июля 2026 г.

© С.А. Яценко, 2026.

About the author: Yatsenko Sergey Aleksandrovich, Dr. Habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities.
Contact information: 125993, Russia, Moscow, 6 Miusskaya sq., Russian State University for the Humanities; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

В свое время Д.С. Раевский обратил внимание на то, что список греческих мифо-эпических персонажей, «привлекаемых» в культуре скифов (на изделиях как греческих, так и варварских мастеров) *очень ограничен*, причем каждый из них почти всегда встречен многократно. Был сделан вывод, что эта выборка античных образов у скифов была *избирательной*, как предполагал еще Б.Н. Граков (Греков 1950: 15)[1]. Их небольшой список мог ассоциироваться с конкретными божествами степного иранского мира. Более того, на деле подбор сцен с этими античными персонажами включал отнюдь не самые популярные «на родине» эпизоды их биографии и варианты иконографии. И самое главное: скифов часто не интересовало в этих случаях содержание античной мифологии (и если интересовали, то лишь функции божеств или единичные эпизоды с ними), а привлекались именно те визуальные детали сюжетов или атрибуты, которые ассоциировались с устными, фольклорными характеристиками собственных, скифских божеств и культурных героев, то есть происходила реинтерпретация (Раевский 1980: 53, 67—68). При этом важно, что как раз 6 из 7 главных скифских богов по Геродоту, которые он отождествлял с греческими (Herod., IV, 59), античного воплощения явно не получили, кроме «Геракла» / Таргитая (Раевский 2006: 453—467). Показательно, что для визуализации представлений о скифских божествах использовались образы не только и не столько важных олимпийских богов и богинь, сколько третьестепенных божеств и демонов (Горгона, менады) и героев-полубогов (Геракл)[2].

А как обстояло дело у сменивших их в Степи сарматов[3]? Применительно к группировкам последних я 30 лет назад для одного из семинаров Б.А. Раева «Античная цивилизация и варварский мир» проанализировал *список образов греко-римских божеств*, использовавшихся *в ранне- и среднесарматской культурах*, а также сравнивал их с подобным «списком» мифо-эпических персонажей у *скифов* (Яценко 1996: 19—20; 2000: 262). Был сделан вывод, что в этих сарматских культурных традициях мы тоже встречаем de facto *очень ограниченную* и своеобразную подборку образов и вариантов их иконографии. Действительно, для *«ранних сарматов» II—I вв. до н.э.* из богинь мы неоднократно видим *Афродиту и Нику*, в единичных случаях — *Афину*, а из мужских неоднократно — *Гелиоса и Эрота*, в единичных случаях — *Диониса, Аполлона и Тритона* (см. ниже). Позже, у племен *средне- и позднесарматской культур* (до середины III в. н.э.) привлекаются артефакты с обычно иными божествами — *Силен, Афина / Минерва, Эрот / Амур, Артемида / Диана* и *Дионис / Вакх*[4]. Бесполезно искать на вещах из курганов сарматской знати узнаваемые образы таких важнейших греческих богов,

---

[1] Отправной точкой для рассуждений послужил мой доклад «Образы античной мифологии в сарматских культурах» 27 ноября 2025 г. на 18-й международной конференции «Боспорский феномен» (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург), который был хорошо принят и антиковедами. Он, в свою очередь, являлся развитием текста статьи, поданной заранее в сборник конференции.

[2] Особым и тупиковым направлением интерпретации антропоморфных изображений ранних кочевников (к тому же реально недоказуемым) представляются повторяющиеся уже у нескольких поколений исследователей утверждения, что в многофигурных сценах знатный заказчик непременно желал изобразить *себя* или своего близкого родственника, знаменитого предка, как это нередко было у оседлых народов в Новое время.

[3] В данном случае не имеет принципиального значения, кто именно были мастера (северопонтийские греки, работавшие с варварскими заказами в боспорских городах; варварские мастера, жившие в греческих городах; мастера других центров огромного тогда иранского мира; пленники или представители собственных обедневших кочевых сородичей в ставках кочевых лидеров; люди из зависимых от сарматов или же союзных им «варварских» этносов Предкавказья, Крыма и Лесостепи). В этой статье меня интересует выбор самих сарматов — та тема, которую коллеги практически не затрагивают.

[4] Артемида неоднократно встречена в низовьях Дона на инталиях в могилах царского ранга (диадема из Хохлача, фалары из Дач: Трейстер 2021).

как Зевс, Деметра, Посейдон, Гера, Арес, Гефест, Аид и др. При этом на сегодня, по сравнению с текстами 30-летней давности, я могу увеличить число привлекаемых артефактов и персонажей. Коллегами были уточнены также датировки некоторых упоминаемых изделий.

Есть греко-римские персонажи, которые встречены только в одном из регионов сарматской Степи, причем неоднократно, и только для одной из трех эпох (ранне-, средне- или позднесарматской). Такая разница, думаю, отражает *разную значимость* божеств-аналогов у отдельных группировок и, соответственно — *разную актуальность их воплощения* в искусстве. На деле картина могла быть еще сложнее. Так, изображения одного и того же греко-римского божества, но с разной иконографией и в разных эпизодах, могли ассоциироваться с *разными* сарматскими персонажами (думается, именно такая ситуация отражена в нескольких приводимых ниже примерах). Кроме того, любое визуальное воплощение не есть «точная копия» фантазий носителей бесписьменных культур. Поэтому мне кажутся важным призывы Дж.Д. Митчела воспринимать образы не только через тексты (например, мифов и эпоса), но и через их отличие от текста, и Ю. фон Шлоссера — отличать изображение в материале от переносимого от него прообраза (Бельтинг 2005). Сегодня ясно, что античные изделия с изображениями божеств или их детали с самими изображениями по разным причинам подчас попадали к сарматам 1—2 столетия после их изготовления. Последнее не помешает в решении поставленной здесь задачи, так как нас интересует именно бытование определенных *изображений* на разных артефактах в конкретной сарматской среде.

Во II—I вв. до н.э. в плане антропоморфизации и наличия образов античных божеств явно лидируют влиятельные сираки бассейна Кубани; эта ситуация более подробно описана ниже. Много меньше изделий представлено у предполагаемых роксоланов Северного Приазовья (Янчокрак, Таганрогский клад). Позже, в среднесарматской культуре середины I — середины II вв. н.э. образы Афины, Эрота, Силена и Артемиды (два первых божества известны и ранее) концентрируются в низовьях Дона, где в это время Иосиф Флавий и Гегесипп (Ios. Flav. De bello Iud., VII, 7, 4; Heges. Bell. Iud., V, 50) локализуют могущественных аланов. В I—II вв. н.э. у разных групп сарматов были также популярны римские ойнохойи с головой Диониса на ручке[5]. Дефицит изобразительного материала подчас приводил к тому, что головы или целые фигурки античных божеств просто выламывались сарматами из импортных изделий (обычно бронзовых) и использовались вторично как амулеты и т.п.

Иными словами, в ранне- и среднесарматское время концентрация образов античных божеств или близких им по иконографии персонажей на варварских изделиях логично определяется *непосредственным соседством с Боспором* (или с независимым от него в эллинистическое время Танаисом). Интересно, что в женских могилах сираков такие образы представлены на носившихся у шеи золотых фибулах—брошах и медальонах, а у мужчин — на упряжи коня (почти всегда — на крупных нагрудных фаларах), то есть на тех «казовых» престижных аксессуарах, которыми их хозяева явно гордились (для кочевого аристократа — парадная, передняя и самая крупная часть упряжи его любимого коня[6])[7]. У нижнедонских аланов позже (во второй половине I — середине II вв. н.э.) античные образы видим у мужчин на чашах для вина и фаларах упряжи (Соколовский и Садовый курганы, Дачи и др.), у женщин — на парадных диадемах (Хохлач, Мигулинская). В целом в Северном Причерноморье такие образы известны именно в могилах сарматской знати, и во II—I вв. до н.э. они обычно сделаны из золота и серебра (а если из бронзы, то они серебрились и золотились, как ранний фалар с Никой из кургана 4 у хут. Верхний: Яценко 2000: 257). Такие изображения миниатюрны, и для рассмотрения их деталей надо было довольно долго находиться

[5] Так, в Адыгее это курганы у Хатожукаевского аула и аула Кунчукохпбль, на Правобережной Украине — курган Соколова Могила, в Донбассе — курган 2 в Чугуно-Крепинке (Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 3, 11: 4, 102, 104: 1; 109: 1).

[6] Вспомним, что и в записанных в недавние времена эпосах кочевой Степи описание главного героя во многом дается и через описание облика его коня (Липец 1984).

[7] Другие изображения с античными божествами этого времени найдены или у западных границ Боспора (Эроты на браслете в Ногайчинском кургане в Присивашье: Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 93, No. 94), либо у границ еще независимого полиса Танаис (Дионис? на упряжи из Таганрогского клада 1897 г.).

на очень близком расстоянии от кочевого аристократа, что, понятно, было возможно для немногих (Яценко 2023: 152). Образы греко-римских персонажей на геммах, использованных вторично, даже схематичные, не самой хорошей работы, вряд ли привлекались мастерами для выполнения сарматских заказов лишь случайно, как часть декора предмета. Характерным примером можно считать пару золотых полихромных нагрудных фаларов упряжи из кургана рубежа I—II вв. н.э. в Дачах на окраине Азова, изготовленные, видимо, варварскими мастерами на Боспоре (Трейстер 2021: 403—404). Здесь лишь на одном из фаларов (вероятно — правом) сделаны симметричные вставки гемм с примитивными антропоморфными персонажами (в распоряжении мастера были лишь три таких образца, и одна вставка сходной формы осталась гладкой) (рис. 1). Среди них — Артемида и Ника, неоднократно встреченные у сарматов. Позже, на рубеже II—III вв. н.э. мы видим у женщины в Валовом I в том же устье Дона два перстня со схематичными изображениями божеств, и на обоих представлена Афина в разной иконографии (Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: 90).

Итак, для сарматов подбирались конкретные образы и сюжеты с ними на иноземных изделиях (греко-римских, изредка — из других районов иранского мира) или же модифицировалась их иконография варварскими (гораздо реже — греческими северопонтийскими) мастерами для визуализации устных, фольклорных описаний божеств. Такая визуализация происходила у разных групп сарматов и в четырех их основных археологических культурах (включая раннеаланскую в Предкавказье) весьма неравномерно. У некоторых периферийных северных группировок (вроде номадов верховьев Дона или Средней Волги) вообще не известны антропоморфные или полуантропоморфные персонажи. Я склонен думать, что дело не в большей бедности ресурсами и не в неравномерной изученности. Перед нами также — *определенные культурные предпочтения более архаичных по ментальности групп*, когда на визуализацию существовали некие *ограничения*. Ведь мы практически не знаем антропоморфных образов (чужих и своих, кроме мужской головы рядом с драконом) и для могущественных аланов Предкавказья (Яценко 2026б: рис. 1/1-2), соседствовавших на юге с тремя античными государствами, как нет их и у долго граничивших непосредственно с Римской империей язигов Венгрии. Не менее важной была *специфика контактов с конкретными оседлыми соседями*. Так, у тех сарматских объединений, которые проживали вблизи античных городов или поселений «варварских» оседлых соседей с весьма старой традицией визуализации (меоты Кубани), проблем с наличием антропоморфных образов (инокультурных и своих) не возникало. Античное влияние на сарматские антропоморфные персонажи заметно со второй половины II в. до н.э. Это совпадает с серией дальних миграций в Великой Степи в западном направлении этносов, уже отчасти знакомых с изображениями империи Хунну и античных Бактрии, Хорезма и др. Нетрудно догадаться, что и в крымской Малой Скифии со II—I вв. до н.э. подобный список изображаемых божеств в целом не совпадает с «классическим» скифским, за исключением единичной головы Горгоны и фигуры Змееногой богини в погребальном контексте (Яценко 2000: 253—262; 2014: рис. 3: 2, 5: 6—7)[8].

Немаловажно выяснить, для воплощения каких конкретных сармато-аланских божеств использовались античные образцы. Несколько лет назад мне казалось, что речь идет всего о трех божественных персонажах: о богине с Мировым древом или его волшебным листом («лист Аза» у осетин) и с дикими копытными (олени, козлы), позднейшим и очень ослабленным отражением которой стала осетинская Ацырухс, дочь Солнца (Яценко 2022: 148—151); об эквиваленте Эрота (точнее — Эротов, т.к. сарматы часто использовали сцены с несколькими подобными персонажами) в виде неких волшебных «детей», отчасти определяющих судьбу попавшего в Мир мертвых и связанных с названной богиней (Яценко 2022: 149—150) и о Солнце (осетин. Хур) (Яценко 2022: 151—152). Однако эту тему стоит развить, поскольку отождествление сарматских божеств и их частичных греко-римских аналогов с алано-осетинскими фольклором (специфические тексты сказаний-кадагов эпоса, а также ряда сказок) и осетинской традиционной религией (несмотря на ее средневековую поверхностную христианизацию) кажется весьма

[8] При этом у «классических» скифов и сарматов набор используемых образов античных божеств также почти не совпадает, кроме нечастых у скифов Силена (голова) и Афины.

перспективным. При этом можно предполагать, что древние сарматские эпические герои и основатели знаменитых кланов в основном при визуализации отличались от божеств (облик последних и в устных описаниях фантастичен и отчасти непостижим, нередко запретен для изобразительного воплощения; для них характерно обычное для древних божеств не во всем предсказуемое поведение и т.п.).

Сложным моментом является *попытка отождествления* сарматских божеств *с типологически близкими персонажами иранцев и индо-иранцев*. Думается, пантеон разных групп сарматов связан с несколькими волнами миграций небольших, но активных в военном и политическом плане групп, включавших также влиятельную аристократию, и отражает представления обитателей *восточной периферии* иранского и иранизированного мира. Соответственно, данные по божествам из Ригведы, ранней Авесты, ахеменидского искусства и т.п. нам мало что дадут. *Поздние* фольклорные тексты иранских этносов часто отражают заметное *влияние мировых религий* (и затем — литератур ряда стран) или изредка — реформируемого государством персидского зороастризма. На сегодня наиболее перспективным материалом для сопоставлений выглядит пантеон последних индоиранских язычников Гиндукуша — кафиров и калашей (Яценко 2022: 146—147, 149—150, 156, 163). Начало формирования культуры предков этих будущих групп есть основания связывать со временами поздней античности, а, например, характерные черты их костюма, как я отмечал в недавних публикациях, имеют основные аналоги именно у соседних с их родиной индо-скифов и юэчжей-кушан (Yatsenko, Kaverin 2023: 894). Конечно, с этим материалом тоже немало проблем: эти народы давно утратили подвижный и преимущественно скотоводческий образ жизни предков, переместились в суровые условия высокогорий Гиндукуша, вели многовековую борьбу с соседними мусульманами, и это должно было отразиться на их представлениях о значимости древних богов, их атрибутике и соотнесенности с конкретными сюжетами.

Рассмотрим теперь картину антропоморфизации фольклорных образов сарматских богов в ключевой период, когда сарматы стали широко расселяться в Северном Причерноморье, в конце раннесарматской эпохи. История существования крупных сарматских группировок обычно была довольно короткой из-за нестабильности климатических условий и, значит — качества пастбищ в конкретных районах Степи и связанной с ними этнополитической неустойчивостью. Это (как и нестабильность наличного состава мастеров, имевших, похоже, разное происхождение и культурные стереотипы) мешало оформлению устойчивой тенденции заказа изображений, хотя основная часть таких изделий, видимо, делалась в городах Боспора, в том числе — варварскими мастерами. Нас будут интересовать *причины возможного отбора* конкретных композиций и образов сарматскими заказчиками, получателями даров или обладателями трофеев. Ограбления подавляющего большинства могил кочевой знати, где находят подобные артефакты, не является препятствием для задуманной работы, и, думаю, оставшийся материал дает нам вполне представительную выборку.

Сираки и аспургиане (?)[9] **Кубани** (II в. до н.э. — начало I в. н.э.)

Как мы увидим, у сарматов Кубани документированы 10 образов античных божеств (как в греческом исполнении, так и в варварской их трактовке).

Только на близкой к Боспору и меотским поселениям *Кубани* в этот период мы встречаем (и неоднократно) у сарматов *по два* изображения значимых божеств в одной композиции: Гелиос и Ника (конский налобник из Дядьковской) (Беспалый 2024: илл. 200, 202) (рис. 3: 1а), Афина и

[9] Аспургиане названы Страбоном этнической группой, имеющей четкие границы проживания — между нынешними поселком Тамань и Анапой (Strabo, XI, 2, 11; XII, 3, 29); об этом же говорят авторитетные античные картографы (Ptol., V, 8, 17; Tabula Peuting., VIII. 3). Они обитали на месте более ранних синдов (Завойкин 2023: 277, 292—294), и, похоже, царь Аспург (12/13 — 37/38) получил свое имя от них, а не наоборот. Эта группа, давшая основателя новой династии, имела веками особый режим управления (Яценко 2026а: 326—327). К территории этноса аспургиан на сегодня, соответственно, можно отнести ритон из Мерджан, фалары из станицы Курчанской и, вероятно, «Тихе Хрисалиска» на закладной плите его резиденции у нынешней станицы Ахтанизовской.

Дионис (фалар упряжи из Северского) (Анфимов 1987: 188) (рис. 6: 1), Афродита и Эрот (медальон из впускного погребения в Курджипсе и фалары из Курчанской) (Анфимов 1987: 212; Десятчиков 1973: 78) (рис. 5: 1). Интересно, что в этих парах встречаются только те божества, чьи образы *неоднократно* привлекался сарматами[10]. Позже у донских аланов устья Дона к рубежу I—II вв. н.э. также видим на немногих сохранившихся от грабителей изделиях для обоих полов по три фигуры божеств (диадема из Хохлача, где были бюст Артемиды (Трейстер 2021: 390—392, рис. 4) и два Эрота (рис. 11: 3—3а)), и нагрудный фалар из Дач с геммами, включающими изображения трех богинь (Трейстер 2021: рис. 10) (рис. 1).

Гелиос

Лишь для *раннесарматской эпохи* характерны изображения *солнечных божеств*, прежде всего — ***Гелиоса***. Собственно античные изделия найдены у сираков Кубани. На медальоне из впускного погребения у хутора Элитный мы видим на медальоне его голову анфас в солнечных лучах (рис. 2: 1). На конском налобнике в Дядьковской представлена сходная голова Гелиоса (она как бы вырастает из головы Ники) (рис. 2: 2, 3: 1а). На северной границе степного сарматского мира, на фаларах из Балаклеи на Северском Донце представлена уже «варварская» переработка подобных изображений (рис. 2: 3). Здесь подчеркнуты усы и борода персонажа (которых нет в греческих аналогах), а также татуировка на щеках в виде трех параллельных полосок на каждой. Та же татуировка ранее известна и на изображении солнечного бога саков Семиречья / Жетысу на перстне «золотого человека» из кургана Иссык (рис. 2: 4) и на других памятниках Центральной Азии (Yatsenko 2013: fig. 5/1-2, 4). Ранее я считал, что в облике головы Гелиоса сарматы почитали Солнце (Хур); в «Гатах» Авесты оно также упоминается отдельно от Митры. В иконографии Гелиоса сираков явно привлекали именно лучи сияния вокруг головы, характерные затем и для нескольких важных персонажей устной алано-осетинской религиозной традиции — Сафы, Ацирухс / Агунды и др., и также — у парфянского Митры. Интересно, что у сарматов не выявлен популярный в Греции образ Гелиоса на колеснице. Впрочем, и в дальнейшей традиции алано-осетин на колеснице ездит лишь ужасный покровитель болезней (в поздней версии — только детских).

Сейчас я думаю, что в образе Гелиоса предстает прототип позднего осетинского *Уастырджи* — сближающегося с ранним образом Митры (покровитель договоров и воинов, порядка и связанных с ним благ, его солярные проявления и т.д.). Важно, что и в парфянском Иране того времени Митра также ассоциировался именно с Гелиосом (Strabo, XV, 3, 13), а не с Аполлоном. Дело в том, что позже уже полнофигурный мужской персонаж с таким сиянием представлен анфас рядом со Змееногой богиней в росписи упомянутого скального склепа 1 бывшего Неаполя Скифского рубежа II—III вв. н.э. Контекст его (погребальный склеп, Змееногая богиня, связанная с лошадьми и являющаяся прародительницей народа) вполне внятно соответствует ключевому сюжету с Дзерассой и Уастырджи в склепе с появлением в результате нартов (аланов) (Яценко 2022: 162—163, рис. 4/5-6; ср. Попова 1987: 141—142, рис. 1) (рис. 2: 5).

Ника

Этот образ в ранней Сарматии тоже представлен только на территории сираков и неоднократно, как на мужских, так и на женских атрибутах и всегда в греко-римском исполнении. Это упомянутый конский налобник из Дядьковской (рис. 3: 1—1а), фалар упряжи из кургана 4 у хутора Верхний (Ксенофонтова, Лопушнян, Нехаев 1987: 123, № 133) (рис. 3: 3) и золотая брошь из могилы 10 у хутора Песчаный (Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 18/1) (рис. 3: 2). Естественно, возникает вопрос: имеет ли параллели этот образ в алано-осетинской традиции? Да, и

[10] Здесь можно не учитывать ряд одноразово встреченные персонажи на периферии копируемых античных многофигурных композиций на фаларах парадной упряжи, вроде Гермеса в сцене с Афродитой Пандемос и Эротами на фаларе из Курчанской или побежденного «гиганта» на фаларе из Северской.

в первую очередь возникает ассоциация с таким важным персонажем, как «дочь Солнца» Ацырухс / Агунда: она тоже крылата (ее вариант — «крылатая девушка — Хуыцау Прекрасная Лань» в некоторых осетинских сказках: Сокаева 2026: 163); ее голова сияет. Характерно, что в Дядьковской у Ники прямо на голове помещена сияющая голова Гелиоса, а в Песчаном она держит факел: это тоже хорошо сочетается с солярной природой Ацирухс. Есть все основания считать богиню — прототип Ацирухс важным сарматским божеством, еще в конце II в. до н.э. — первой половине I в. н.э. изображавшейся в виде богини на троне с Древом (живым или сухим) сзади и подъезжающего справа всадника на ритоне из Мерджан, канфаре из Екатеринодара 1872 г. и на росписи в пантикапейском «склепе Анфенстерия» 30-х годов I в. н.э. (Яценко 2022: 148—151, рис. 2—3)[11]. Это древнее божество ираноязычных номадов представлено еще на рубеже IV—III вв. до н.э. на войлочном ковре в кургане 5 Пазырыка на севере Алтайской горной системы (рис. 4: 1).

Эрот

В среднесарматскую эпоху, как уже отмечалось, этот образ весьма популярен. Нередко Эроты при этом изображались парами или группами (диадемы из Хохлача и Мигулинской, чаша из Садового кургана) (рис. 11: 4—5). Однако в более раннее время мы наблюдаем иную картину. Эрот тогда не представлен один, но всегда с близкими ему женщинами — матерью Афродитой или супругой Психеей. Для его визуализации подбирались именно греко-римские артефакты. Обычно его фигура в разные периоды делалась из золота или золотилась. В раннее время он известен не только на Кубани, но и на границах Европейского Боспора, в степном Крыму. Это, во-первых, упоминавшийся медальон из впускной могилы в Курджипсе, где он восседает, держась за плечо Афродиты (рис. 11: 2). Во-вторых, на фаларе из станицы Курчанской пара Эротов парит над головой Афродиты Пандемос, поднимающейся на козле в небо (Десятчиков 1973: 78). Наконец, это золотой полихромный браслет из Ногайчинского кургана в Северном Крыму, где он представлен со Психеей (рис. 11: 1—1а). Спаренность образов Эрота и богини (включая и более позднюю нижнедонскую диадему из Хохлача, где с ним разместили голову Артемиды: Трейстер, 2021: рис. 4; 7) (рис. 11: 3—3а)), как и наличие нескольких Эротов вместе, думаю, объясняется отнюдь не только греческой мифологией (к которой сарматы вряд ли были наклонны, и которой трудно объяснить популярность образа Эрота / Эротов в сарматской среде). Дело в наличии очень любопытных аналогов в виде могущественных «детей» в свите богине, которые определяют смерть человека (кафирские братья Панеу) или его судьбу в загробном мире (осетины) (см. выше) (Яценко 2022: 149-150). У кафиров они имели золотые тела.

«Деметра»

Приведенный выше образ сарматской богини на троне с Древом и с подъезжающим справа всадником в его детализированных вариантах (ритон из Мерджан, роспись «склепа Анфестерия») показывает ее сидящей на роскошном троне с характерным оформлением верхних углов его спинки (рис. 4: 2, 4). Богиня сидит на этом троне анфас или полуанфас (как на канфаре из-под Екатеринодара / Краснодара). Эта основа иконографии (поза и форма трона) сидящей богини явно заимствована с изображений греческой Деметры[12]. На собственно сарматской территории эта ее ипостась также известна только на Кубани. Собственно греко-римские изображения Деметры при этом у сарматов не использовались.

---

[11] Вероятно, подобный всадник, приветствующий богиню, изображался и во II—III вв. н.э. Интересна в этом плане подвеска из Эрмитажа, купленная Императорской Археологической комиссией (рис. 4: 5). Здесь, как и на раннем ритоне из Мерджан, конь поднимает для преклонения левую ногу, и детально передана его упряжь, а всадник держит в правой руке сосуд (в данном случае — канфар). Он при оружии (коротком сарматском мече с кольцевым навершием и луком в налучье (у всадника в Мерджанах эта часть изображения, увы, обломана).

[12] Замечу, что ранние, микенские варианты изображений прото-Деметры (например — на золотых перстнях) подчас включают и Древо за ее спиной и несколько «слуг», как на сарматских.

Афродита

Ее изображения встречены лишь на Кубани около рубежа н.э., на небольших женских атрибутах, только в античном исполнении и с очень различной иконографией. Возникает впечатление, что такие изображения могли ассоциироваться с *разными* сармато-аланскими персонажами. Так, на фаларе из станицы Курчанской Афродита Пандемос верхом на козле поднимается в небо (у меня нет качественного фото этого фалара, и для аналогии я привожу пряжку сарматского типа, происходящую с Керченского полуострова: рис. 5: 3). Интерес к такой иконографии у сарматов понятен: в алано-осетинской традиции существовало представление, что души умерших разъезжают на козлах на Небесном лугу Курыс (Осетины 1967: 162; Яценко 2000: 256). На медальоне из впускного погребения в Курджипсе (рис. 5: 1) новых сарматских хозяев могло заинтересовать изображение богини вместе с ребенком-Эротом / Эротами (выше назывались аналогии в религии иранских народов). Что касается броши из кургана 3 у станицы Брюховецкой (рис. 5: 2), то изображение на ней могло привлечь номадов разве что образом человека с посохом / длинным жезлом.

«Дионис»

У сираков известен золотой нагрудный фалар упряжи из станицы Северской (рис. 6: 1), изготовленный «варварским» мастером. Здесь помещены две сцены: Дионис на пантере — эпизод его похода в Индию, и Афина, борящаяся с гигантом. В облике Диониса ряд деталей изменен в негреческом вкусе: у него «варварские» туфли с орнаментикой; на шее витая гривна; тирс беспомощно свисает вниз, напоминая скорее какое-то оружие. Это изображение можно было бы посчитать уникальным и случайным для сарматов, однако схема «Дионис на барсе» примерно с середины I в. н.э. получила неожиданное продолжение. Оно состоялось на периферии степного сарматского мира, далеко от ведущего тогда политического центра — Нижнего Дона. Человек и барс остались, но их облик изменился почти неузнаваемо, превратившись в сарматского Хозяина зверей — визуального отражения раннего фольклорого прототипа алано-осетинского Афсати на изделиях сарматского полихромного стиля (Яценко 2022: 161—162, рис. 9). Он изображался либо собственно верхом на барсе (Пороги) (рис. 6: 2), подобно греческому Дионису, либо седлающим его (Кочковатка) (рис. 6: 3)[13], причем в первом случае он держит за ноги пару грифонов. Не забудем, что алано-осетинский Афсати тоже представлялся всадником на диком животном (на олене) и «давал» охотникам добычу. Как уже отмечалось, позже, в среднесарматское время голова античного Диониса часто изображается на ручках металлических кувшинов-ойнохой, и такие сосуды получают у сарматской знати широкое распространение в низовьях Дона, на Кубани и на Украине.

«Борей»

На парных нагрудных фаларах упряжи второй половины II в. до н.э. из станицы Дьдьковской (Беспалый 2024: рис. 145—153) варварским мастером представлена необычная сцена, видимо — эпизод эпоса (рис. 7: 1). В нижней части фалара видим поединок двух всадников с копьями; кони поднялись на дыбы. Такая композиция уже встречалась неоднократно во II—I вв. до н.э.: на поясной пластине из Нижних Серогозов (Херсонская губерния) (рис. 7: 2) и на фаларах из кургана 1 в Кривой Луке IX в низовьях Волги (рис. 7: 3). В каждой из пар облик поединщиков одинаков. Однако по сравнению с двумя последними, в Дядьковской речь явно идет об аристократах: у них на головах подчеркнуты диадемы; это катафрактарии в ламеллярном доспехе и с длинными копьями, а не с короткими дротиками.

[13] Интересна в этом плане бронзовая амфора из среднесарматского погребения в кургане 14 у хутора Кудинов в низовьях Дона с предполагаемой персонификацией Африки или Египта, где женский персонаж держит у левой груди маленькую фигурку свернувшейся пантеры (Трейстер 2018: 16, 21; рис. 4: 6).

Шансы на победу у них, в сравнении с другими парами, тоже разные: правый успел воткнуть свое копье в бок коня противника[14]. Бой происходит в некой скалистой местности, которую в европейской Степи найти не всегда легко.

Однако самая интересная деталь нашей сцены — крылатый персонаж с длинной бородой. Он нависает над поединщиками, широко распластав свои огромные крылья и наблюдает или пытается разнять их. В греческом искусстве этот образ более всего соответствует богу северного ветра Борею (римскому Аквилону). Его местом ночлега греки считали именно близкие к сиракам ледяные вершины Кавказа; он был своеобразным хозяином северных (для эллинов) краев. Возникает вопрос: почему заказчик выбрал необычную для Сарматии (и тем более — для Ирана и Средней Азии) фигуру «Борея» как значимый элемент композиции, украшавшей его дорогого коня? В алано-осетинской религии еще недавно был весьма важен бог ветров *Галагон*. Как и греческий Борей, он насылал ураганы, метели и другие природные неприятности, и так же имел жилище в высокогорье Кавказа. Однако, кроме этого, он участвовал и в других важных событиях (например, после сотворения первого человека он помог оживить его (Таказов 2007: 10—11; 2015); см. у «скифов» в «Токсарисе» особое преклонение Ветру и Мечу (Luc. Tox., 38), причем Ветер, как и алано-осетинском фольклоре, назван «виновником жизни». Сейчас вполне ясно, что ни обычаи «скифов» в описании Лукиана, ни их локализация и контакты с «геродотовыми» скифами никак не связаны, и речь идет о сарматах-сираках Кубани в сообщении одной из боспорских хроник (см., например: Сапрыкин 2012: 200, 202; Яценко 2024: 134).

От Галагона во многом зависело и состояние сельхозугодий. Он может также делать роскошные дары, в том числе — жаловать богатое приданое (Сокаева 2026: 163). В Осетии, как известно, и сейчас есть его святилище в Дигорском ущелье, у селения Донифарс — Багайты дзуар. Это святилище связано и с почитанием священной белой змеи (Борей у греков иногда изображался со змеиными ногами). Проще говоря, Борей и Галагон — весьма сходные по функциям, локализации и отчасти облику персонажи.

Тритон

Эти морские божества с рыбьими хвостами изображены на зеркале из кургана Острый у станицы Ярославской (рис. 8: 3). Этот образ не уникален в сарматских комплексах. В среднесарматское время мы видим их в ценах доставки нереидами оружия Ахиллу на чашах из кургана Садовый в низовьях Дона. Действительно ли случаен такой сюжет с мужским божеством, имеющим тело с частично рыбьими чертами, у сарматов? Думаю, скорее нет. Дело в том, что в алано-осетинской традиционной религии особую роль играет морской бог Донбеттыр (после христианизации — «Водный св. Петр»), часто имеющий в текстах нартовского эпоса тело с рыбьими плавниками. Он был столь значим, что аланы и их потомки, более 1,5 тысяч лет отрезанные от морей, сохранили его яркий образ и ассоциированное с ним представление о морской стихии. С его подводным «семейством» связано само происхождение нартов / аланов, и нартовские герои в текстах эпоса запросто гостят или находят будущих жен на дне моря. В связи с этим интересно, что из нескольких групп скифов лишь у самых влиятельных скифов царских существовал культ морского бога (Тагимасада) (Herod., IV, 59).

«Афина»

Модифицированный образ ее, борющейся с гигантом, представлен на золотом фаларе из Северской (рис. 8: 1). Здесь особое внимание уделяется декору ее одежды и предметов вооружения. Однако более поздние ее изображения I—II вв. н.э. — сугубо античной работы: на золотой броши на той же Кубани, из кургана 32 у станицы Усть-Лабинской (рис. 8: 2), на нижнедонских бронзовых

[14] Поединок двух «равновеликих» всадников характерен как раз для «ранних сарматов», где всегда представлена именно начальная стадия столкновения. Типично и то, что правый персонаж при внимательном рассмотрении имеет некие преимущества (Яценко 2021: 185—187).

гире из хут. Холодный и статуэтке у г. Зерноград и др. Показательно, что оба разновременных сарматских комплекса с изображениями «Афины», найденные на Средней Кубани, демонстрируют сходный вариант ее иконографии: стоящей почти анфас, в шлеме с султаном и со щитом в правой руке (гиганта в Северской она побеждает одной левой). В связи с модификацией пантеона алано-осетин в окружении патриархальных обществ Кавказа и под влиянием христианства образ такой богини у них не сохранился. Можно думать, что типологически сходны с «Афиной» у воинственных сарматов (у которых документировано участие женщин в военных акциях) представления о воинских функциях могущественного индоиранского божества, главной богини кафиров Гиндукуша — Дизани (Яценко 2022: 146—147).

Горгона Медуза

На фаларах упряжи из кургана 4 у хутора Верхний представлена также голова Медузы (рис. 12: 2). Эта голова (в данном случае — с двумя приподнявшимися змеями надо лбом и еще двумя змеями, завязанными «узлом Геракла» у шеи) явно заимствована от непосредственных соседей—меотов, в искусстве которых она бытовала со скифской эпохи. Данный персонаж не получил популярности у сарматов, и позже в алано-осетинской традиционной религии не сохранилось змеевидных (хотя бы частично) существ с человеческим (женским) лицом. Однако он не случаен, как и популярность головы Горгоны у скифской знати, поскольку распространен у части народов иранского мира до сегодняшнего дня. Речь идет о древнем образе мудрой Царицы змей Шахмаран, обитающей в пещере и познакомившейся со смертным мужчиной (последнее сходно с рассказами о скифской Змееногой богине и об осетинской Дзерассе), хорошо известном, например, персам и курдам.

«Тихе»

Грубоватый образ еще одного женского божества, гравированного на рубеже н.э. на закладной плите укрепленной усадьбы Хрисалиска на Тамани и сопровождаемого сарматской тамгой хозяина, подписан «***Тихе*** Хрисалиска» (Сокольский 1975: рис. 4) (рис. 12: 1). Речь, однако, идет не о заимствовании хотя бы элементов иконографии, а лишь о частичном функциональном отождествлении. Облик персонажа по особенностям оформления фигуры и атрибутам (специфические скипетр и длинный жезл, миниатюрный сосудик — «круглотелый кубок», контур сияния вокруг головы) разительно отличается от обычного образа Тихе. Видимо, хозяин усадьбы, грек или полугрек, или же кто-то из его близких поклонялся этому божеству. Важно, что жезл сложной формы в руках богини соответствует тем, которые использовали аристократки кубанских сираков (такой железный образец с навершием из четырех полуфигур оленей, хорошо сохранился в погребении 10 в Песчаном: Яценко 2006: рис. 97). Из функций богини сарматов могла привлечь, прежде всего, ее связь с изобилием, удачей и судьбой, ассоциировавшихся у иранцев с важным понятием *фарна* — даваемой и отнимаемой свыше небесной благодати.

Другие регионы Сарматии

По сравнению с бассейном Кубани, в других частях Сарматии второй половины II в. до н.э. — начала I в. н.э. использование собственно античных изображений божеств и их варварских интерпретаций выглядит весьма скудным, но при этом своеобразным.

«Аполлон с вороном»

Особый случай — фалар из клада в Янчокраке 1906 г. (Северо-Западное Приазовье), где варварским мастером переосмыслена редкая греческая композиция с Аполлоном в венке, держащим в правой руке фиалу, с подлетающей к левому плечу птицей — вороном (Яценко 2000: 261) (рис. 9: 1—1а). Костюм здесь уже отнюдь не греческий (кроме многовитковой сарматской гривны, он включает вышивку у пройм рукавов и простеганый стан), а клюв ворона превратился в орлиный. Как и Гелиос с сияющей головой, этот персонаж мог ассоциироваться с аналогом раннего Митры — прототипом алано-осетинского Уастырджи (который тоже крылат). Фиала же превратилась в солярную розетку, которую бог демонстрирует, приподняв правую руку. Последнее вполне понятно: в алано-осетинской традиции орел — самая важная и часто упоминаемая из птиц, а ворон практически оставлен без внимания (ср. Дарчиева 2020: 53—55). Несколько неожиданную версию иконографии этого персонажа, похоже, дает нам в это время далекая, контактная с сарматами гороховская культура лесостепи Южного Урала, где элита, как считается, была выходцами из сарматской среды. Здесь известна серия медных плоскостных вотивных, небрежно отлитых фигурок для приношений в святилища. При этом у персонажей группы «В» из Сапоговского клада (рис. 9: 2) и у деревни Карино (рис. 9: 3—3а) мы также видим схематичную фигуру птицы, сидящей на левом плече. Ее силуэт на прототипах таких фигурок в предшествовавшей иткульской культуре явно ближе к орлиному (рис. 9: 4) (Яценко 2025: 209—211, рис. 2—3).

«Силен»

Его образ распространен в сарматском мире позже, в I—III вв. н.э. (см. самый поздний образец его головы на мече из южноуральской Лебедевки: рис. 10: 3). Похоже, в нем сарматов привлекал полузвериный облик лесного демона, в том числе — *звериные уши*: черты животного (например, рога оленя) имел у осетин и покровитель диких животных (а когда-то, видимо, и домашних) *Афсати* (Яценко 2022: 160—161, рис. 9). Однако на самых ранних изображениях в конце раннесарматской эпохи мы видим его еще без сопровождающих животных, где подчеркнуты только уши копытного, на тогдашних дальних и малозаселенных окраинах сарматского мира. Его личина размещена в центре каменной стелы — мини-святилища, найденной в середине XIX в. у Кривого Рога (рис. 10: 1). Из множества окружавших личину разновременных сарматских темг из разных регионов Степи, самые ранние бытовали около рубежа н.э. (Яценко, Шевченко, Усенко 2022: 293—294, рис. 11). Серьга с изображением полной фигурки этого «ушастого» божества найдена в кургане 8 группы 37 на трассе несостоявшегося канала Волга—Чограй в Калмыкии (рис. 10: 2). Здесь бог сидит в специфической позе на коленях, руки в бока. Думаю, с покровителем животных мог ассоциироваться и египетский бог Бэс, чьи изображения в I—III вв. н.э. очень редки в сарматской Степи (рис. 12: 3).

Об образах ***Эрота*** на золотых браслетах из крымского Ногайчина уже говорилось.

Заключение

В изучаемое время кубанские сарматы-сираки и, видимо, аспургиане с большим отрывом стали лидерами среди сарматских группировок по визуальному воплощению описываемых устно образов божеств (10 персонажей). У них, прежде всего, использовались греко-римские изображения *Гелиоса, Ники, Афродиты с Эротом, в единичных - Тритона и головы Горгоны*. Изначально «варварскому» переосмыслению подверглись образы *Деметры* на троне, *Афины*, побеждающей врага-титана, *Диониса* на барсе и парящего *Борея*. В целом для Северного Причерноморья II—I вв. до н.э. «варварское» переосмысление античной иконографии характерно для аксессуаров мужской субкультуры воинской элиты (нагрудные фалары упряжи

в Северской, Янчокраке, Балаклее, парадные сосуды из Мерджан и округи Екатеринодара), и лишь в одном случае отмечено для женской (серьги с канала Волга-Чограй).

Все эти персонажи имеют аналоги либо среди божеств алано-осетинской традиции, либо (если таковые не дожили до этнографических записей XIX в. или исчезли под влиянием восточного христианства и ислама) в традиции других иранских / индоиранских народов. Индоевропейская исходная общность эллинов и иранских этносов если и могла при этом сказываться, то в очень небольшой степени.

Итак, я склонен считать, что поступление к сарматам середины II в. до н.э. — начала I в. н.э. (включая роксоланов Северного Приазовья) изделий с внятно читаемыми изображениями греко-римских божеств было почти всегда не хаотическим и случайным, а основанном на выборе принимающей стороны. Подчас достаточно было даже их голов (Горгона, Силен). Использование иконографии греческих божеств было связано, с важными собственными персонажами, отвечавшими за плодородие (ранний прототип алано-осетинской Ацирухс с элементами образа Деметры на троне), разные стороны жизни природы и разные ее стихии (Дионис на барсе и голова Силена с ушами копытного как частичные аналоги хозяина животных Афсати; Борей как аналог бога ветров Галагона; Тритон как одно из возможных воплощений морского Донбеттыра). Алано-осетинской традиции отчасти соответствовал и образ Афродиты, путешествующей на козле, хотя он относился не к божествам, а к духам умерших на небесном лугу Курыс. Общее число близкий соответствий, с точки зрения самых сарматов, видимо, было невелико, что отражается и в небольшом числе таких находок.

Литература

Анфимов Н.В. 1987. *Древнее золото Кубани*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство.

Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. 2009. *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I)*. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис.

Бельтинг Х. 2005. Антропология образа. *Искусствознание* 1, 72—87.

Беспалый Г.Е. 2024. *Погребение второй половины II в. до н.э. близ станицы Дядьковской*. Ростов-на-Дону: ГАУК РО «Донское наследие».

Граков Б.Н. 1950. Скифский Геракл. *КСИИМК* XXXIV, 7—18.

Дарчиева М.В. 2020. Орнитоморфная символика в «осетинских кадагах о нартах». *Вестник Северо-Восточного федерального университета. Серия Эпосоведение* 4, 50—61.

Десятчиков Ю.М. 1973. Сарматы на Таманском полукострове. *СА* 4, 69—80.

Завойкин А.А. 2023. Аспургиане: 500 стадиев между Фанагорией и Горгиппией. *Древнейшие государства Восточной Европы* 2023. Москва: ГУГН-Пресс, 272—305.

Засецкая И.П. 2011. *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Калоев Б.А. (ред.), 1967. *Осетины глазами русских и иностранных путешественников*. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство.

Ксенофонтова И.В., Лопушнян В.Л., Нехаев А.А. (сост.). 1987. *Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки*. Москва: Министерство культуры СССР.

Липец Р.С. 1984. *Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе*. Москва: Наука.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С. 1999. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая. *НАВ* 2, 149—167.

Попова Е.А. 1987. Роспись склепа № 1 некрополя позднескифской столицы. *ВДИ* 2 139—151.

Раев Б.А. 2019. Эрот и Психея на медальонах чаш из Садового кургана: новые данные. *НАВ* 18/2, 75—85.

Раевский Д.С. 1980. Эллинские боги в Скифии? (к семантической характеристике греко-скифского искусства). *ВДИ* 2, 49—71.

Раевский Д.С. 2006. *Мир скифской культуры*. Москва: Языки славянских культур.

Сапрыкин С.Ю. 2012. Боспорские сюжеты в диалоге Лукиана «Токсарид». *Аристей* V, 185—209.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребения знати у с. Пороги)*. Киев: Наукова думка.

Сокаева Д.В., 2026. Пространственный мифологизм осетинской сказки: «Донбеттыры чизджи рœсугъд хъуазы аргъау» (дочь Донбеттыра прекрасная лань). *Известия СОИГСИ* 59, 155—167.

Сокольский Н.И. 1975. Крепость аспургиан на Боспоре. *КСИА* 143, 21—30.

Таказов Ф.М. 2007 (ред.). *Царциаты таурæгътæ: ирон адæмы эпос (Легенды о Царциата: эпос осетинского народа*). Владикавказ: Дзæуджыхъæу.

Таказов Ф.М. 2015. Модель мира в эпических сказаниях осетин о царциатах. *Современные проблемы науки и образования* 2/2, 277.

Трейстер М.Ю. 2018. Персонификация Африки на атташе ручек амфоры из Нижнего Подонья (о римских бронзовых амфорах в Сарматии). *ПИФК* 3, 10—29.

Трейстер М.Ю. 2021. Диадема из кургана Хохлач. Размышления о центре изготовления. *ДБ* 26, 381—410.

Яценко С.А. 1996. О переосмыслении некоторых образов античного искусства сармато-аланами (сер. I — сер. III вв. н.э.). В: Раев Б.А. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир (Тезисы докладов V археологического семинара*). Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 19—20.

Яценко С.А. 2000. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II—I вв. до н.э. *Stratum plus* 4, 251—272.

Яценко С.А. 2014. Региональные особенности сюжетов и бытовых реалий в монументальных поминально-погребальных памятниках Малой Скифии I—III вв. н.э. *МАИАСП* 6, 40—63.

Яценко С.А. 2021. Вероятные герои эпоса скифов на фоне древних иранских и иранизированных обществ Степи. *Новый Гермес* XIII/4, 176—212.

Яценко С.А. 2022. Боги сарматов. *МАИАСП* S1, 143—186.

Яценко С.А. 2023. Визуальный образ у кочевников античной эпохи (Раздел III.1). В: Захарченко И.Н., Щедрина О.М. (ред.). *Визуальный образ и его медиум: культурные контексты и интерпретации*. Москва: Издательский центр РГГУ, 149—161.

Яценко С.А. 2024. «Скифы» Лукиана: этнос и эпоха. В: Кашуба М.Т., Медведева М.В., Стоянов Е.О. (ред). *Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н.И. Веселовского к современной науке: Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 133—135.

Яценко С.А. 2025. Некоторые сюжеты вотивных медных фигурок гороховской культуры: контакты с сарматским миром. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»,* 4, 202—217.

Яценко С.А. 2026а. Царские тамги / нишан Боспора. *Из истории культуры народов Северного Кавказа* 19—20, 323—353.

Яценко С.А. 2026б. О сюжетах раннеаланского искусства Северного Кавказа III—IV вв. н.э. В: Воронятов С.В. (ред.). *Игра в бисер*. Санкт-Петербург (в печати).

Яценко С.А., Шевченко Е.Б., Усенко В.П. 2022. О серии каменных плит с сарматскими тамгами из Одесского археологического музея. *Stratum plus* 6, 277—312.

Simonenko A.V., Marčenko I.I., Limberis N.Yu. 2008. *Römische importes in Sarmatischen und Maiotishen grabern zwichhen untere Donau und Kuban*. Mainz: Philipp von Zabern.

share.google: 1: Сокровища правителя Ольвии царя Инисмея представлены на выставке. URL: https://share.google/yFFXx3j75d7cnms61 (дата обращения 11.05.2026).

share.google: 2: Сарматские божества, рельефы на фаларах. ГИМ | Паблико. URL: https://share.google/DmVKRpK7qNiBn3vSr (дата обращения 11.05.2026).

share.google: 3: Золотые браслеты, гривна и серьги из Ногайчинского кургана. URL: https://share.google/RJorPUfg26QDNpkrl (дата обращения 11.05.2026).

Yatsenko S.A., 2013. Tattoo System in the Ancient Iranian World. In: Della Casa P., Witt C. (eds.). *Tattoos and Body Modifications in Antiquity. Proceedings of the sessions at the EAA annual meetings in the Hague and Oslo*, 2010/11. Zurich: Freiburger Graphische Betriebe, 97—101 (Zurich Studies in Archaeology 9).

Yatsenko S.A., Kaverin S.I. 2023. Traditional Costume of the Eastern Hindukush Area: Some Problems of Its Origin and Modification. In: Cacopardo A.M., Cacopardo A.S. (eds.). *Roots of Peristan. The Pre-Islamic Cultures of the Hindukush / Karakorum. Proceedings of the International Interdisciplinary Conference*. ISMEO, Rome, Palazzo Baleani, 5-7 October 2022. Pt. II. Rome: ISMEO, 875—901.

References

Anfimov, N.V. 1987. *Drevnee zoloto Kubani (The Ancient Gold of Kuban*). Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo (in Russian)

Bezuglov, S.I., Glebov, V.P., Parusimov, I.N., 2009. *Pozdnesarmatskie pogrebeniia v ustie Dona (kurgannyi mogil'nik Valovi I) (The Late Sarmatian Burials at the Mouth of Don (Valovy I Barrow Necropolis)*. Rostov-on-Don: Media-Polis (in Russian).

Belting, H. 2005. In *Iskusstvoznanie (Art history)* 1, 72—87 (in Russian).
Baspalyi, G.E. 2024. *Pograbenie vtoroi poloviny II v. do n.e. bliz stanitsy Diadkovskoi)* (*Burial from the second half of the 2nd c. BCE near Diadkovskaya stanitsa*). Rostov-on-Don: Donskoe nasledie (in Russian).
Grakov, B.N. 1950. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXXIV, 7—18 (in Russian).
Darchieva, M.V. 2020. In *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo univeristita. Seriia Eposovedenie (Bulletin of the North-Eastern Federal University. Series: Epic Studies)* 4, 50—61 (in Russian).
Desiatchikiv, Yu.M. 1973. In *Sovetskaia arkheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 69—80 (in Russian).
Zavoikin, A.A. 2023. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy (Ancient Eastern European countries)* 2023, 272—305 (in Russian).Kaloev, B.A. (ed.). 1967. *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov (Ossetians through the Eyes of Russian and Foreign Travelers*). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatelstvo (in Russian).
Zasetskaia, I.P. 2011. *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherkasskii klad (Treasures of Khokhlach Barrow. The Novocherkassk Treasure*). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha (in Russian).
Ksenifontova, I.V., Lopushnian, V.L., Nekhaev, A.A. (eds.). 1987. *Shedevry drevnego iskusstv Kubani. Katalog vystavki (Masterpieces of Ancient Kuban Art. Exhibition Catalogue*). Moscow: Ministerstvo kul'tury SSSR (in Russian).
Lipets, R.S., 1984. *Obraz batyra i ego konya v tiurko-mongol'skom epose (The Image of a Batyr and his Horse in the Turkic-Mongol Epic*). Moscow: Nauka (in Russian).
Myskov, E.P., Kiiashko, A.V., Skripkin, A.S. 1999. In *Nizhnevolzhskii arkheologichaskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2, 149—167 (in Russian).
Popova, E.A. 1987. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 139—151 (in Russian).
Raev, B.A., 2019. In *Nizhnevolzhskii arkheologichaskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 18/2, 75—85 (in Russian).
Raevskii, D.S. 1980. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 49—71 (in Russian).
Raevskii, D.S. 2006. *Mir skifskoi kul'tury (World of the Scythian Culture*). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur (in Russian).
Saprykin, S.Yu. 2012. In *Aristey (Aristeas)* V, 185—209 (in Russian).
Simonenko, A.V., Lobai, B.I. 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomoria v I v. n.e.(pogrebeniia znati u s. Porogi)(Sarmatians of the Norht-Wastern Black Sea Region (the Nobles Graves near Porogi Village)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
Sokaeva, D.V. 2026. In *Izvestiia Severoosetinskogo Instituta gumanitarnykh i social'nykh issledovaniy (News of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research)* 59, 155—167 (in Russian).
Sokolskii, N.I. 1975. In *Kratkie soobshcheniia Instituta Archaeologii Academii nauk SSSR (Brief communications from the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences)* 143, 21—30 (in Russian).
Takazov, F.M. 2007. (ed.). T*sarziata taurægætæ: iron adæmy epos (Legends of Tsarziata: the Epic of the Ossetian People)*. Vladikavkaz (in Ossetian).
Takazov, F.M. 2015. In *Sovremennye problem nauki i obrazovaniia (Modern problems of science and education)* 2/2, 277 (in Russian).
Treister, M.Yu. 2018. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* 3, 10—29 (in Russian).
Treister, M.Yu. 2021. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 26, 381—410 (in Russian).
Yatsenko, S.A. 1996. In: Raev, B.A. (ed.). *Antichnaia tsivilizatsiia i varvarskii mir (Tezisy dokladov V arkheologicheskogo seminara) (The Civilization of Antiquity and the Barbarian World (Abstracts of the 5th Archaeological Seminar*)). Novocherkassk: Muzei istorii donskogo kazachestva, 19—20 (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2000. In *Stratum plus* 4, 251—272 (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2006. *Kostium drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody) (Costume of the Ancient Eurasia (the Iranian-Speaking Peoples))*. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2021. In *Novyi Germes (New Hermes)* XIII/4, 176—212 (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 143—186 (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2023. In: Zakharchenko, I.N., Shchedrina, O.M. (eds.). 2023. *Vizual'nyi obraz I ego medium: kul'turnye konteksty i interpretatsii (Visual image and its medium: cultural contexts and interpretations)*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 149—161 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2024. In: Kashuba, M.T., Medvedeva, M.V., Stoianov, E.O. (eds.). 2024. *Drevnosti Severnogo Prichernomoria, Kavkaza i Srednei Azii: ot otkrytii N.I. Veselovskogo k sovremennoi nauke (Antiquities of the Northern Black Sea Region, the Caucasus, and Central Asia: from the Discoveries of N.I. Veselovsky to Modern Science)*. Saint Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN, 133—135 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2025. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo univesiteta. Seriia "Filosofiia. Sociologiia. Iskusstvovedenie" (Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism)* 4, 202—217 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2026a. In *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of the culture of the peoples of the North Caucasus)* 19—20, 323—353 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2026b. In: Voroniatov, S.V. (ed.). 2026. *Igra v biser (Game of Biser*). Saint Petersburg (in process) (in Russian).

Yatsenko, S.A., Shevchenko, E.B., Usenko, V.P. 2022. In *Stratum plus* 6, 277—312 (in Russian).

Simonenko, A.V., Marčenko, I.I., Limberis, N.Yu. 2008. *Römische importes in Sarmatischen und Maiotishen grabern zwichhen untere Donau und Kuban*. Mainz: Philipp von Zabern.

share.google: 1: The treasures of the ruler of Olbia, King Inismei, are on display at an exhibition. Available at: https://share.google/yFFXx3j75d7cnms61 (accessed 11.05.2026).

share.google: 2: Sarmatian deities, reliefs on phalerae. State Historical Museum | Publico. Available at: https://share.google/DmVKRpK7qNiBn3vSr (accessed 11.05.2026).

share.google: 3: Gold bracelets, a hryvnia, and earrings from the Nogaichin burial mound. Available at: https://share.google/RJorPUfg26QDNpkrl (accessed 11.05.2026).

Yatsenko, S.A. 2013. Tattoo System in the Ancient Iranian World. In: Della Casa, P., Witt, C. (eds.). *Tattoos and Body Modifications in Antiquity. Proceedings of the sessions at the EAA annual meetings in the Hague and Oslo*, 2010/11. Zurich: Freiburger Graphische Betriebe, 97—101 (Zurich Studies in Archaeology 9).

Yatsenko, S.A., Kaverin, S.I. 2023. Traditional Costume of the Eastern Hindukush Area: Some Problems of Its Origin and Modification. In: Cacopardo, A.M., Cacopardo, A.S. (eds.). *Roots of Peristan. The Pre-Islamic Cultures of the Hindukush / Karakorum. Proceedings of the International Interdisciplinary Conference*. ISMEO, Rome, Palazzo Baleani, 5-7 October 2022. Pt. II. Rome: ISMEO, 875—901.

Рис. 1. Геммы на нагрудном фаларе из кургана Дачи (по Трейстер 2011: рис. 10).

Fig. 1. Gemstones on a pectoral phalerae of horse harness from Dachi barrow (after Treister 2011: Fig. 10).

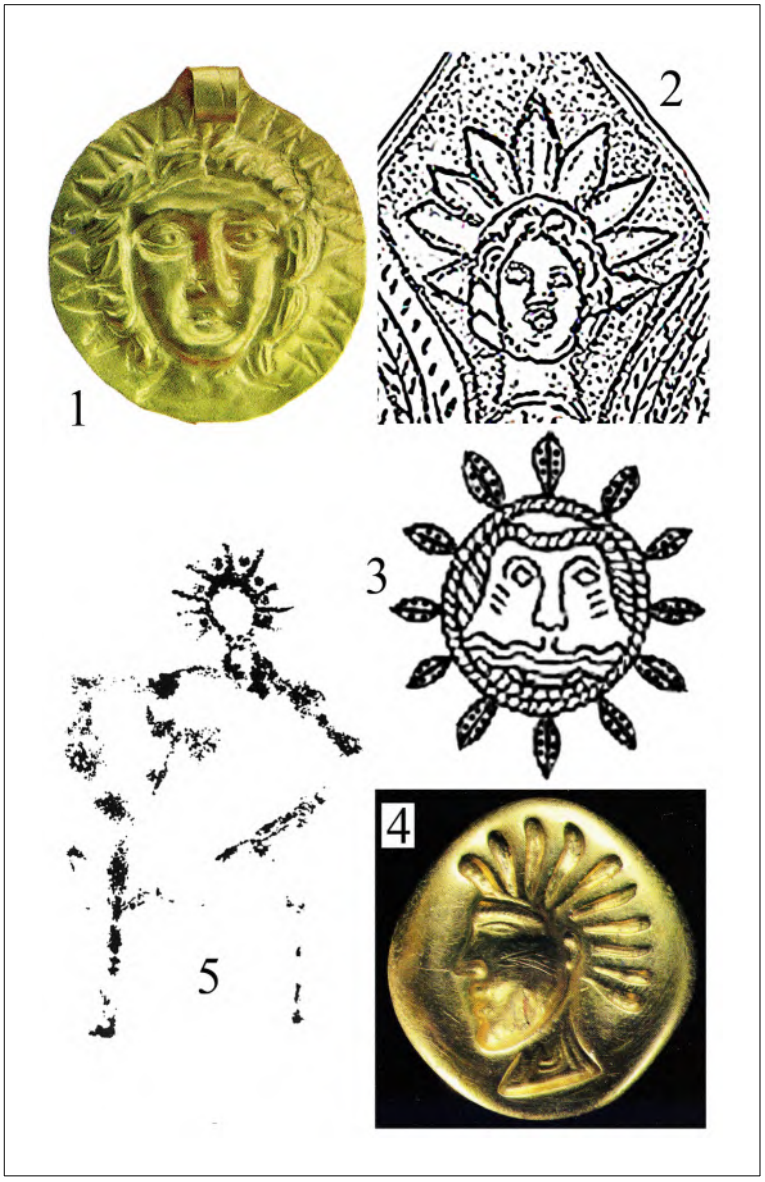


Рис. 2. Гелиос и его аналоги у ираноязычных народов: *1* — медальон, хутор Элитный; *2* — конский налобник, Дядьковская (Беспалый 2024: илл. 200—201); *3* — фалар, Балаклея; *4* — Неаполь Скифский, склеп 1, живопись; *5* — перстень, курган Иссык (1, 3—5 — по Яценко 2020: рис. 4).

Fig. 2. Helios and his analogues among the Iranian-speaking peoples: *1* — medallion, Elitnyi farmstead; *2* — horse forehead band, Dyadkovskaya (after Bespaly 2024: ill. 200—201); *3* — phalarus, Balakleya; *4* — Scythian Naples, crypt 1, painting; *5* — ring, Issyk barrow (1, 3—5 — after Yatsenko 2020: fig. 4).

Рис. 3. Изображения Ники: *1—1а* — конский налобник, Дядьковская (по Беспалый 2024: илл. 200—201); *2* — брошь, Песчаный (по Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 18/1); *3* — фалар, хутор Верхний (по Ксенофонтова, Лопушнян, Нехаев 1987: № 133).

Fig. 3. Images of Nike: *1—1a* — horse forehead, Dyadkovskaya (after Bespaly 2024: ill. 200—201); *2* — brooch, Paschanyi (after Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 18/1); *3* — phalea of horse harness, Verkhniy farmstead (after Ksenofontova, Lopushnyan, Nekhaev 1987: No. 133).

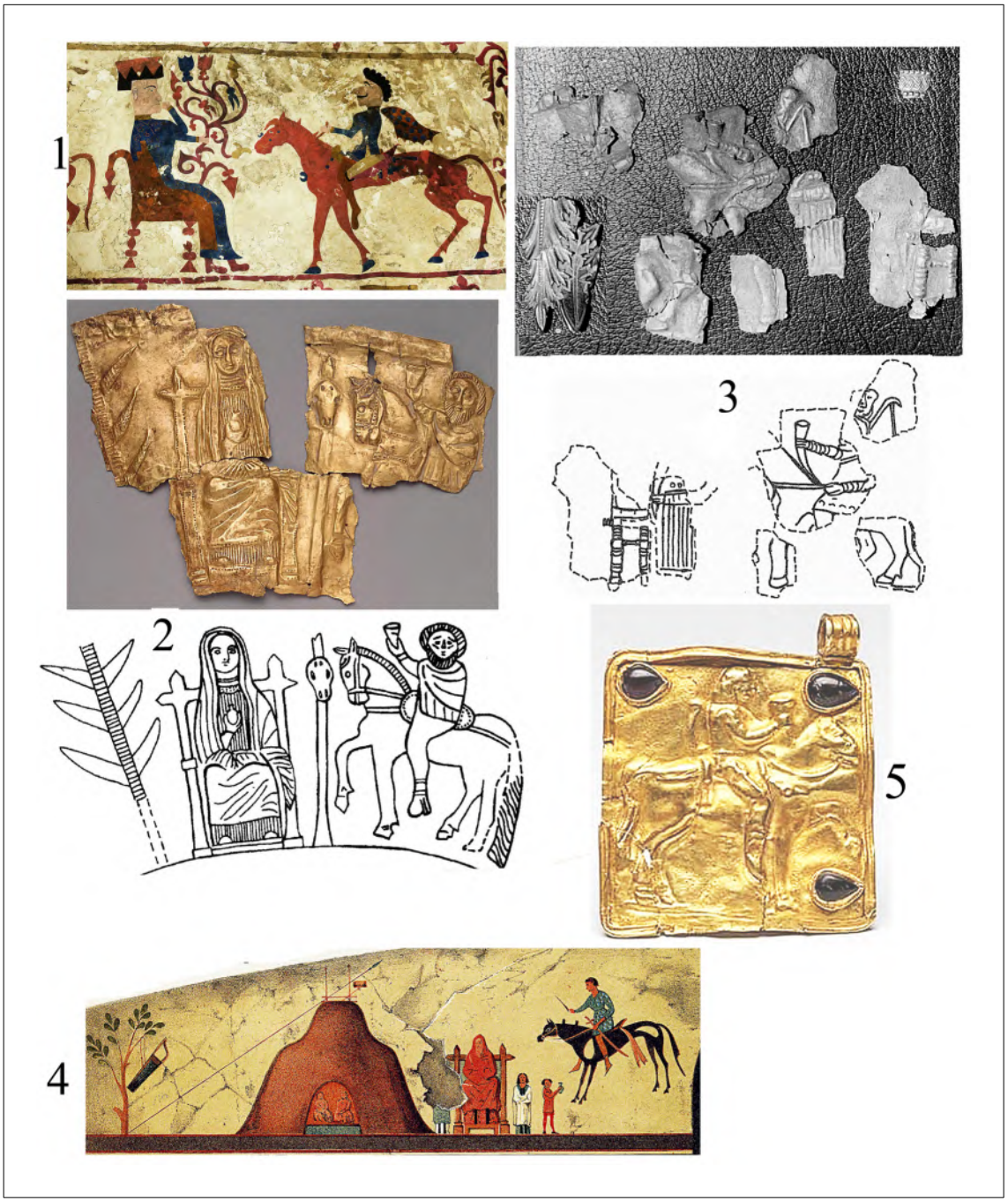


Рис. 4. Богиня на троне с чертами иконографии Деметры, всадник справа и Древо: *1* — ковер, Пазырык; *2* — ритон, Мерджаны; *3* — ритон, Екатеринодар; *4* — стенная живопись, «склеп Афестерия», Керчь; *5* — подвеска, покупка Императорской Археологической комиссии (любезность С.В. Воронятова). 1—4 — (по Яценко 2022: рис. 3).

Fig. 4. Enthroned goddess with features of Demeter iconography, horseman on the right and Tree: *1* — carpet, Pazyryk; *2* — rhyton, Merjany; *3* — rhyton, Ekaterinodar; *4* — wall painting, “Anthesterius crypt”, Kerch; *5* — pendant, purchased by the Imperial Archaeological Commission (courtesy of S.V. Voronyatov). 1—4 — (after Yatsenko 2022: fig. 3).

Рис. 5. Афродита: *1* — медальон, Курджипис (по Анфимов 1987: 212); *2* — брошь, Брюховецкая (по Анфимов 1987: 210); *3* — пряжка, Европейский Боспор (Государственный Эрмитаж).

Fig. 5. Aphrodite: *1* — medallion, Kurdzhipis (after Anfimov 1987: 212); *2* — brooch, Bryukhovetskaya (after Anfimov 1987: 210); *3* — buckle, European Bosporus (State Hermitage).

Рис. 6. Варварские модификации «Диониса на барсе»: *1* — фалар, Северская (по Анфимов 1987: 176); *2* — пряжка, Пороги (по share.google: 1); *3* — пряжка, Кочковатка (фото автора).

Fig. 6. Barbaric modifications of "Dionysus on a leopard": *1* — phalar, Severskaya (after Anfimov 1987: 176); *2* — buckle, Thresholds (after share.google: 1); *3* — buckle, Kochkovatka (photo by the author).

Рис. 7. «Борей» и поединок двух всадников: *1* — фалар, Дядьковская (по Беспалый 2024: рис. 135; 146); *2* — пряжка Нижние Серогозы; *3* — фалар, Кривая Лука IX (по Яценко 2021: рис. 2: 4—5).

Fig. 7. “Borey” and a duel between two horsemen: 1 — phalarus, Dyadkovskaya (after Bespaly 2024: fig. 135; 146); 2 — buckle, Nizhnie Serogozy; 3 —phalarus, Krivaya Luka IX (after Yatsenko 2021: fig. 2: 4—5).

Рис. 8. Афина (*1—2*) **и Тритон** (*3*) **на изображениях низовьев Кубани:** *1* — фалар, Северская (по Анфимов 1987: 176); *2* — брошь, Усть-Лабинская, курган 32; *3* — зеркало, Ярославская, курган 3 (по Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 2: 5, 83: 8).

Fig. 8. Athena (*1—2*) **and Triton** (*3*) **on images from the lower reaches of the Kuban:** *1* — phalarus, Severskaya (after Anfimov 1987: 176); *2* — brooch, Ust-Labinskaya, burial mound 32; *3* — mirror, Yaroslavskaya, burial mound 3 (after Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 2: 5, 83: 8).

Рис. 9. «Варварская» переработка сцены с Аполлоном и вороном: *1* — фалар, Янчокрак (по Засецкая 2011: рис. 43); *1а* — по share.google: 2; *2* — бронзовая фигурка, клад у деревни Сапогова (фото автора); *3—3а* — бронзовая фигурка, клад у деревни Карино (фото О.Г. Ивановой, любезность К.Г. Маргарян); *4* — бронзовая фигурка, клад у дер. Аминева (фото В.И. Юрина).

Fig. 9. “Barbarian” reworking of the scene with Apollo and the raven: *1* — phalarus, Yanchokrak (after Zasetskaya 2011: fig. 43); *1a* — after share.google: 2; *2* — bronze figurine, treasure near the village of Sapogova (photo by the author); *3—3a* — bronze figurine, treasure near the village of Karino (photo by O.G. Ivanova, courtesy of K.G. Margaryan); *4* — bronze figurine, treasure near Amineva Village (photo by V.I. Yurin).

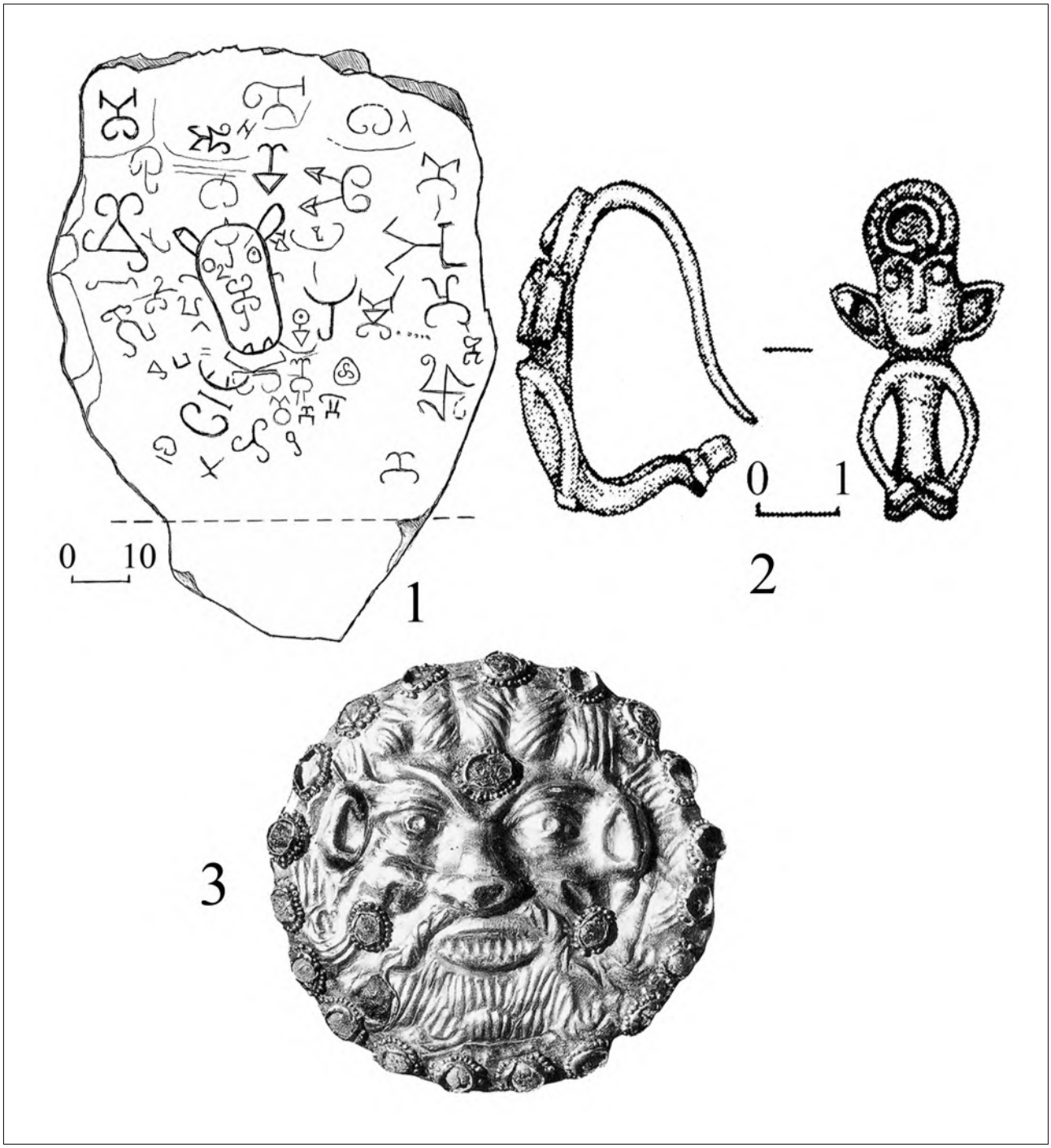


Рис. 10. «Голова Силена»: *1* — стела из г. Кривой Рог; *2* — серьга, канал Волга-Чограй; *3* — навершие меча, Лебедевка (по Яценко 2022: рис. 9: 3, 7—8).

Fig. 10. “Head of Silenus”: *1* — stele from Krivoy Rog; *2* — earring, Volga-Chograi canal; *3* — sword pommel, Lebedevka (after Yatsenko 2022: fig. 9: 3, 7—8).

Рис. 11. Изображения Эрота в группе: *1—1а* — браслет, Ногайчинский курган (1 — по share.google: 3; 1а — по Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 93: 1); *2* — медальон Курджиписа (по Анфимов 1987: 212); *3* — диадема, Хохлач (по Трейстер 2021: рис. 4, 7); *4—5* — чаши, курган Садовый (Раев 2018).

Fig. 11. Images of Eros in the group: *1—1a* — bracelet, Nogaichinsky barrow (1 — after share.google: 3; 1a — after Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 93: 1); *2* — medallion, Kurdzhipis (after Anfimov 1987: 212); *3* — diadem, Khokhlach (after Treister 2021: fig. 4, 7); *4—5* — bowls, Sadovy burial mound (after Raev 2018).

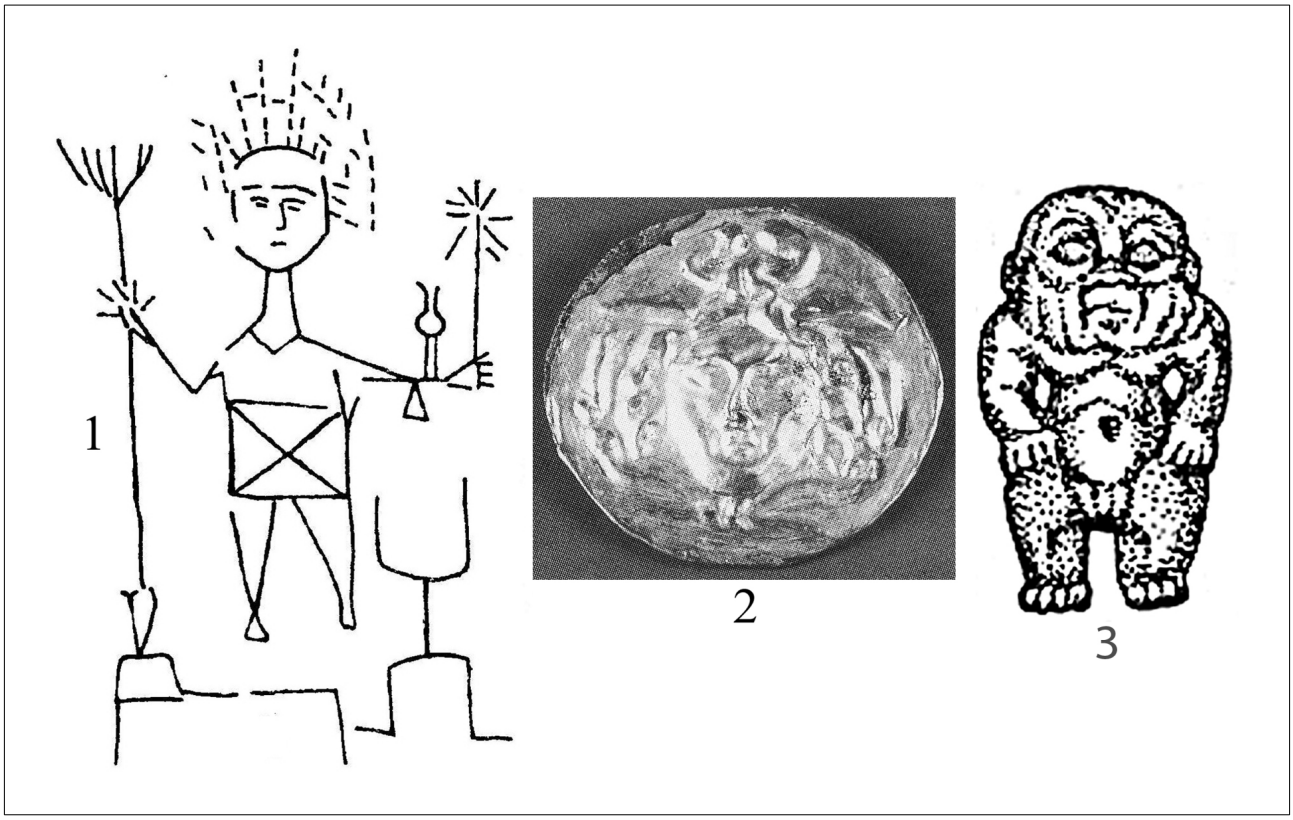


Рис. 12. Единичные образы: *1* — вотивная плита «Тихе Хрисалиска», станица Ахтанизовская (по Яценко 2022: рис. 2: 2); *2* — аппликация, голова Медузы, хутор Верхний, курган 4 (по Ксенофонтова, Лопушнян, Нехаев 1987: № 132); *3* — фигурка Бэса, Усть-Лабинская, курган 32 (по Яценко 2022: рис. 11: 2); *4—5* — чаши, курган Садовый (по Раев 2018).

Fig. 12. Single images: *1* — votive slab “Tikhe of Chrysaliskos”, Akhtanizovskaya village (after Yatsenko 2022: fig. 2: 2); *2* — appliquation, head of Medusa, Verkhniy farmstead, barrow 4 (after Ksenofontova, Lopushnyan, Nekhaev 1987: No. 132); *3* — figurine of Bes, Ust-Labinskaya, burial mound 32 (after Yatsenko 2022: fig. 11: 2); *4—5* — bowls, Sadovyi burial mound (after Raev 2018).

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.27.40.011

Elif İlcan

THE CULT OF APHRODITE IN THE BLACK SEA REGION: THE CASE OF APHRODITE FIGURINES FROM THE SAMSUN ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY MUSEUM*

Amisos, situated in the Pontic region of northern Anatolia, was one of the most significant ancient urban centers of the Black Sea basin. Owing to its strategic position on the southern coast of the Black Sea, the city maintained continuous commercial, cultural, and religious interactions with both Anatolian inland communities and the wider Pontic world throughout antiquity. Archaeological evidence demonstrates that the territory corresponding to modern Samsun witnessed uninterrupted settlement from prehistoric periods onward, gradually developing into an important harbor city and regional center of exchange. Within this historical and cultural framework, the cult of Aphrodite occupied a noteworthy position in the religious life of the region.

Aphrodite, identified with Venus in the Roman period as the goddess of love, beauty, fertility, and desire, was represented through numerous coroplastic productions distributed across the Mediterranean and Black Sea regions. Among these productions, terracotta figurines constitute one of the most significant categories of archaeological material reflecting both domestic religious practices and broader cultic traditions. The Samsun Archaeology and Ethnography Museum preserves a considerable group of Aphrodite figurines acquired through purchases from various locations within the provincial boundaries of Samsun. These artifacts provide important evidence for understanding the diffusion, reception, and local adaptation of Aphrodite imagery within the Black Sea cultural sphere.

This study presents a comprehensive examination of the Aphrodite figurines housed in the Samsun Archaeology and Ethnography Museum. The figurines are analyzed typologically, stylistically, and iconographically, while comparable examples from different Black Sea centers are evaluated in order to contextualize their cultural and religious significance. Particular attention is given to the role of these terracotta representations within the religious networks of the Pontic world and to their contribution to the understanding of regional cult practices and artistic interaction in antiquity.

Key words: Amisos, Aphrodite, Black Sea, cult, terracotta figurines.

About the Author: İlcan Elif, PhD Candidate in Archaeology, Atatürk University.

Contact Information: 25240, Erzurum, Türkiye, Atatürk University, Department of Archaeology, e-mail: ugurluelif2510@gmail.com.

Элиф Ильджан

КУЛЬТ АФРОДИТЫ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ: НА ПРИМЕРЕ ТЕРРАКОТОВЫХ ФИГУРОК АФРОДИТЫ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ САМСУНА

Амис, расположенный в понтийском регионе северной Анатолии, являлся одним из важнейших античных городских центров Причерноморья. Благодаря своему стратегическому положению на южном побережье Чёрного моря город на протяжении всей античности поддерживал непрерывные торговые, культурные и религиозные связи как с внутренними областями Анатолии, так и с более широким

* This entire article is derived from the unpublished doctoral thesis entitled “Black Sea Coroplastics and Terracotta Figurines of the Samsun Archaeology and Ethnography Museum,” being prepared by PhD student Elif İlcan.

This study was supported by the Atatürk University Scientific Research Projects Coordination Unit under project number “SDK-2023-12490”.

Статья поступила в номер 11 января 2026 г.
Принята к печати 12 февраля 2026 г.

© Elif İlcan, 2026.

понтийским миром. Археологические данные свидетельствуют о том, что территория современного Самсуна была заселена начиная с доисторических эпох и со временем превратилась в значительный портовый город и региональный центр обмена. В рамках данной исторической и культурной среды культ Афродиты занимал заметное место в религиозной жизни региона.

Афродита, отождествляемая в римский период с Венерой как богиня любви, красоты, плодородия и желания, была представлена многочисленными коропластическими изделиями, распространёнными по всему Средиземноморью и Причерноморью. Среди этих произведений терракотовые фигурки составляют одну из наиболее значимых категорий археологического материала, отражающего как домашние религиозные практики, так и более широкие культовые традиции. В Археологическом и этнографическом музее Самсуна хранится значительная группа фигурок Афродиты, поступивших в музейную коллекцию посредством закупок из различных районов провинции Самсун. Эти артефакты представляют важные данные для изучения распространения, восприятия и локальной адаптации образа Афродиты в культурной среде Причерноморья.

Настоящее исследование представляет комплексный анализ фигурок Афродиты, хранящихся в Археологическом и этнографическом музее Самсуна. Фигурки рассматриваются с типологической, стилистической и иконографической точек зрения, а сопоставимые находки из различных центров Причерноморья привлекаются для интерпретации их культурного и религиозного значения. Особое внимание уделяется роли этих терракотовых изображений в религиозных связях Понтийского мира, а также их вкладу в понимание региональных культовых практик и художественного взаимодействия в античную эпоху.

Ключевые слова: Амис, Афродита, Чёрное море, культ, терракотовая фигурка.

Сведения об авторе: Ильджан Элиф, докторант кафедры археологии Университета Ататюрка.

Контактная информация: 25240, Турция, Эрзурум, Университет Ататюрка, кафедра археологии, e-mail: ugurluelif2510@gmail.com.

Introduction

According to Hesiod (Hesiod 2014: 178, 195), Aphrodite, the goddess of love, beauty, and desire, emerged from the sea foam after Kronos severed the genitals of his father Uranos and cast them into the sea. For this reason, the origin of her name is associated with the Greek word αφρός (*aphros*), meaning “foam,” and Aphrodite was thus believed to have come into existence without a mother (Cyrino 2010: 3). Other traditions, however, maintain that she was the daughter of Zeus and Dione (Grimal 1997: 76—77). The goddess was also referred to as *aphro-genes*, “she who emerged from foam.” Since she was believed to have been born from the genitals of Uranos, she acquired the epithet *Philiomedia*; due to her birth from the sea, she was also known by the names *Anadyomene*, *Aligena*, *Epipontia*, *Limnesia*, *Saligenia*, and *Thalassia* (Karaosmanoğlu 2005: 93).

In addition to being the goddess of love, sexuality, romance, desire, marriage, pleasant fragrances, harmonious relationships, empathy, sympathy, and fertility, Aphrodite was also renowned for her wrath and curses (Kasapoğlu 2018: 237). Sparrows, doves flying in flocks and drawing her chariot, as well as the ram, goat, hare, dolphin, tortoise, goose, and swan were regarded as her sacred animals. The rose, myrtle tree, poppy, lily, apple, and pomegranate were among the sacred plants associated with the goddess (Can 1970: 93). Aphrodite possessed cult centers at Ephesos, Kaunos, Abydos, Sestos, and Lesbos, while her most celebrated sanctuaries were located at Knidos in Caria and on the island of Kos (Karaosmanoğlu 2005: 98—99). From the earliest periods onward, the peoples of Anatolia associated the fertility of the soil with sexuality and employed nude female figurines representing the Mother Goddess as symbols of fertility and reproduction (Karaosmanoğlu 2005: 95).

Accordingly, the present study aims to conduct a comprehensive analysis of the position and significance of Aphrodite, the goddess of love and beauty, within Ancient Greek society through the examination of archaeological and iconographic evidence. In this context, the Aphrodite figurines preserved in the Samsun Archaeology and Ethnography Museum, represented by three distinct types, constitute the primary focus of the study. The figurines identified under the categories of the

Knidian Aphrodite (?), Crouching Aphrodite, and Nude Aphrodite were examined in detail, comparatively analyzed through analogies, and chronologically evaluated. Furthermore, comparable examples recovered from ancient settlements along the Black Sea coastal region, particularly finds thought to be associated with cultic contexts such as sanctuaries, were incorporated into the discussion in order to present arguments concerning the existence and regional distribution of the cult of Aphrodite throughout the Black Sea region.

Materials and Methods

This study investigates the distribution areas of the cult of Aphrodite on the basis of archaeological material recovered from settlements along the Black Sea coast, with particular reference to various types of terracotta Aphrodite figurines unearthed at Amisos. In addition, the material has been evaluated in light of ancient literary sources as well as a wide range of modern scholarly studies published in different languages. Through translations of Russian and Ukrainian publications, further evidence indicating the worship of the goddess in various settlements has also been identified.

The foundation of this research is based upon archaeological and literary evidence concerning the identity of Aphrodite, her attributes, and the dissemination of her cult within ancient societies. The sample group consists of selected Aphrodite figurines representing various iconographic types relevant to the subject. These materials were selected by taking into consideration the functions of the figurines and the typological characteristics they represent, with the aim of identifying cult areas throughout the Black Sea region.

The principal dataset of the study comprises terracotta figurines and sacred areas that contribute to revealing the nature of Aphrodite worship in the ancient world. The selection of these data was necessitated by the extensive scope of the subject, which required the delimitation of the research area. Consequently, in order to preserve the central focus of the study, the selection of archaeological material was narrowed according to specific criteria, and the number of terracotta figurines included in the analysis was intentionally limited. The aforementioned figurines were preferred because they constitute some of the most representative archaeological indicators reflecting the cult and iconography of Aphrodite.

The data employed in this research were obtained through the examination of figurines reflecting the divine characteristics of Aphrodite in ancient societies, together with sanctuaries and temples dedicated to the goddess. The terracotta figurines included within the scope of the study were evaluated through visual analysis methods. Their postures, the emphasis placed upon clothing or nudity, and their attributes were comparatively examined alongside parallel examples in order to determine both their identities and chronological frameworks. In this process, iconographic features were treated as primary indicators reflecting the representation of the goddess.

Description and Analysis of the Material

Aphrodite Figurines in the Samsun Archaeology and Ethnography Museum

Knidian Aphrodite (?) (Cat. No. 1)

One of the most significant representations emphasizing the attractiveness of the goddess under the epithet *Aphrodite Pandemos* is the statue known as the Knidian Aphrodite. The original sculpture was created by Praxiteles (370—330 BCE) for the circular-plan Temple of Aphrodite Euploia (“of Fair Voyages”) at Knidos (Özer 2002: 381). The statue, dated to ca. 350 BCE, constitutes the earliest known example of the Knidian Aphrodite type (Çekilmez 2014: 54). Although the original sculpture has not survived, its composition is known through marble copies, numismatic evidence, and terracotta figurines produced during the Late Hellenistic and Roman Imperial periods. The marble statue currently preserved in the Vatican Museums is regarded as the closest surviving replica to the

original Knidian Aphrodite. In this version, the goddess is depicted either immediately before or after bathing, with her body slightly inclined forward, her weight resting upon the right leg, and her left foot modestly advanced, accompanied by a reserved facial expression. The long hair forming a triangular arrangement on the forehead, concealing the ears and gathered into a bun at the nape of the neck, together with the nearly circular shape of the head, constitute the defining characteristics of this type (Smith 2002: 81).

Among the terracotta figurines preserved in the Samsun Archaeology and Ethnography Museum, the type considered here to derive from the Knidian Aphrodite is represented by a single example (Fig. 1).

Fig. 1. Knidian Aphrodite (?) (after Samsun Archaeology and Ethnography Museum, Retain: inv. 2013/38 (A)).

Cat. No. 1 depicts a nude female figure seated beside a hydria positioned on her left side; the head is missing. The right arm is broken below the shoulder, although its upward movement remains clearly discernible despite the damage. The breasts are rendered as separated, rounded, outward-projecting forms. Beginning beneath the breasts, the abdomen slightly protrudes outward, emphasizing the elegance of the female body. The left arm extends downward and rests upon the hydria. The weight of the body is supported by the left arm, and the overall posture suggests a semi-seated position. Due to the body weight being transferred onto the right leg, the right leg is rendered straight, whereas the left leg bends at the knee, with the lower section curving backward. The base of the hydria and the portions of the legs below the knees are missing.

A cloak-like drapery begins immediately behind the neck, covering the rear of the figure, passing beneath the right arm, extending over the right leg, and descending between the legs in accordance with the movement of the body. The missing right arm, whose gesture can nevertheless be reconstructed as raised upward, probably held this drapery. The fabric descending over the hips covers the genital area and continues vertically between the knees. The handle and body of the hydria are preserved, while the vessel itself is decorated with incised S-shaped motifs. The rear side of the figurine was left plain and unworked. The figurine is hollow and was produced using a double-mould technique.

Besques (Besques 1963: Pl. 15) published Knidian Aphrodite figurines from Myrina, signed by the workshop of Diphilos and dated to the late 1st century BCE. In their general composition, these figurines are nude, accompanied by a hydria, with one hand covering the genital area while the other grasps a cloth-like drapery hanging over an amphora. The earliest examples of this type appear during the Augustan Period, while the latest examples date to the Flavian Period. Four distinct versions of the type have been identified. In the first version, the amphora is placed on the right side and the goddess inclines her head toward the right, a posture symbolizing modesty. In the second version, the amphora again appears on the right side, but the body weight is shifted to the left while the head turns leftward. In the third version, the amphora is positioned on the left side, the legs are rendered straight, and the arms bend backward at the wrists. In the final version, the amphora is placed beneath the left hand, the body is rendered in a freer posture, and the drapery falls over the vessel (Besques 1963: Pl. 16).

Cat. No. 1 appears closer to the latter two variants identified by Besques, particularly due to the placement of the hydria on the left side and the relatively relaxed posture of the body (Şahin and Güçlü 2006—2007: Fig. 1). The pose in which the goddess conceals her genital area corresponds to the iconographic type known as *pudica*, a term meaning modesty or chastity (Çekilmez 2014: 54). In Cat. No. 1, however, the genital region is not concealed by the hand but rather by a piece of drapery extending from the back of the figure toward the front. Although this feature diverges iconographically from the canonical Knidian Aphrodite type, the combination of the nude body with the hydria suggests that the work represents a variant of the Knidian Aphrodite tradition.

Comparable examples displaying similar iconography, characterized by the complete nudity of the body and the presence of an amphora placed to the right or left of the goddess, are also known from Smyrna (Plaisier and Paula 1979: Pl. 213). Examples in which the hydria is positioned on the left side of the goddess, allowing the figurine to be identified as a Knidian Aphrodite type, are also attested in the Vatican Museum (Smith 2002: 81), Apri (Şahin and Güçlü 2006—2007: Fig. 1), Kilia (Kaplan 2009: Pl. 10), and Samos (Besques 1963: Pl. 75). The hydria placed to the left of Aphrodite in Cat. No. 1 appears chronologically and formally comparable to the example from Apri (Şahin and Güçlü 2006—2007: Fig. 1). In the Roman Imperial marble copy of Praxiteles' Knidian Aphrodite now displayed in the Vatican Museums, dated to the second half of the 4th century BCE, the hydria is likewise situated on the left side of Aphrodite (Smith 2002: 81). By contrast, in Hellenistic terracotta figurines the hydria is generally placed on the right side of the goddess (Tavukçu 1999: 91). In this respect, Cat. No. 1 may indicate a Roman Imperial date.

An Early Roman Period example from Tralleis (Winter 1903: 209), typologically and iconographically comparable to Cat. No. 1 due to the amphora or hydria placed beneath the left arm, the raised right arm probably intended to hold a veil as in *Anadyomene* representations, and the emphasis upon the movement of the right leg, nevertheless differs in that the hand conceals the genital area while the drapery accumulates upon the amphora or hydria. Another comparable example displaying similar iconography through the close positioning of the legs, despite the loss of the upper body, was discovered at the ancient city of Tios within the Black Sea region and dated to the 3rd century CE (Sönmez and Öztürk 2008: 137—138). However, the thick folds of drapery in front of the legs and the more static composition of the Tios example suggest a significantly later date than Cat. No. 1. Indeed, the thinner drapery folds and more dynamic rendering of the legs in Cat. No. 1 indicate a considerably earlier production date.

The gesture of the raised right arm holding the drapery is likewise attested in an example from Pantikapaion in the northern Black Sea region, dated to the late 1st century BCE (Kobylina 1974: Taf. 61). Similarly, a fragmentary Aphrodite figurine from the ancient city of Myrmekion, located on the western shore of the Cimmerian Bosporus, has been dated to the 1st century CE (Denisova 1981: Taf. 16). The Myrmekion figurine was identified only as Aphrodite without further typological classification. In this example, Aphrodite covers her genital area with her left hand, while the front of the body remains entirely nude and a drapery covers the hips from behind. The transfer of body weight onto the left leg and the forward emphasis of the right side correspond

closely to the posture observed in Cat. No. 1. The fact that such representations of the Knidian Aphrodite are attested only in these two settlements, and that the figurines are identified simply as Aphrodite without a specific epithet, may suggest that this particular variant was characteristic of cities maintaining connections with the Black Sea region.

Representations of nude Aphrodite seated upon a rock are also encountered in northern Black Sea settlements and display similarities to Cat. No. 1 in terms of seated posture. One such example from Phanagoria (Kobylina 1974: Taf. 26) is dated to the 2nd century BCE. Comparable Aphrodite types seated upon rocks in a semi-seated posture similar to that of Cat. No. 1 were also discovered at Kepoi near Phanagoria and dated to the same period (Kobylina 1974: Taf. 26).

Parallels to Cat. No. 1 have furthermore been identified at Stratonikeia (Tozkoparan 1998: 20), Ionia (Plaisier and Paula 1979: Pl. 149), Tarsus (Winter 1903: 216), Patara (Işın 2007: 140), Pergamon (Winter 1903: 216), and Capua (Winter 1903: 216). In light of these comparative examples, Cat. No. 1 should be evaluated within the transitional phase between the Late Hellenistic and Roman Imperial periods. The proportional rendering of the body, the attempt to convey bodily movement, together with the decorative details and handle of the hydria positioned on the left side, point toward Hellenistic artistic traditions. Conversely, the rather coarse and simplified rendering of the left arm in relation to the body, as well as the plain and unfinished treatment of the rear side, indicate Roman Imperial workmanship. Consequently, Cat. No. 1 may most plausibly be dated between the late 1st century BCE and the 1st century CE.

Crouching Aphrodite (Cat. No. 2)

Cat. No. 2 (Fig. 2), acquired through purchase by the Samsun Archaeology and Ethnography Museum, is completely preserved. This designation refers to the representation of a nude goddess seated in a crouching position with bent knees while attempting to cover her body with her arms. The Amisos example examined in this study is entirely nude and depicted crouching with the arms intertwined. The hair is rendered in relief as linear strands extending from the sides toward the back and gathered at the top center of the head in the form of a bow. This bow-shaped hairstyle is highly prominent and rendered in elevated form. The hair covering the sides of the head completely conceals the ears. The forehead is narrow and slightly protruding. The eyes are disproportionately large in relation to the face and are rendered in rounded form with clearly indicated eyelids. The nose begins at the level of the eyelids and broadens toward the cheeks. The nostrils are distinctly visible. The lips are rendered prominently full, with a pronounced M-shaped contour on the upper lip. The chin is comparatively small in proportion to the overall face and projects outward.

The head is rendered frontally, whereas the body is shown in profile. The arms intertwine so as to conceal the breasts. The right arm grasps the left shoulder, while the left arm extends beneath the right arm and supports the torso. The fingers of the left hand are clearly visible. The crouching figure transfers the body weight onto the right leg, which is bent from the knee and folded beneath the hip. The right foot bends from the ankle, with the heel and hip joined together. The right foot, bearing the weight of the body, rests upon the toes, which are individually rendered. The left leg bends at the knee in order to convey the crouching movement, while the left foot remains fixed to the ground. The figurine was produced hollow using a double-mould technique. The hair, divided centrally in a manner reminiscent of the Knidian hairstyle, is gathered above the head in a bow-shaped arrangement derived from an eastern braided style.

Fig. 2. Crouching Aphrodite (after Samsun Archaeology and Ethnography Museum, Retain: inv. 18-1/1979).

Although the figurine does not display explicit gender-defining anatomical features such as breasts, the general bodily proportions, together with the dimensions and forms of the arms, hips, and back, indicate that the figure represents a female. The posture of the figurine corresponds to the "Crouching Aphrodite" type. Nevertheless, the absence of definitive iconographic attributes such as Eros or a dolphin prevents the terracotta from being conclusively identified as Aphrodite. Examples belonging to the crouching type are represented in major museum collections in Rome, Paris, St. Petersburg, and Los Angeles (Keleş et al. 2024: 89).

Stylistically, a very close parallel to Cat. No. 2 was recovered from Seleucia (Ingen 1939: Pl. VII). Although the upper portion of the figure above the abdomen is missing, the manner in which the legs are bent, the positioning of the feet, and the form of the base upon which the figurine is seated are identical to Cat. No. 2. The work was examined under the designation "Crouching Aphrodite." Another comparable Aphrodite figurine from Kharayeb, preserved in the National Museum of Beirut and lacking a precise date (Chéhab 1951: Pl. XIX), resembles Cat. No. 2 in the height and triangular form of the base as well as in the nude rendering of the figure. The treatment of the back, waist, and hips also displays close similarities with Cat. No. 2. However, since the head is missing in the Kharayeb example, the hairstyle cannot be reconstructed. The figure is entirely nude, as in Cat. No. 2. Although the exact seated posture does not entirely correspond, parallels may nevertheless be established through the crouching nude pose, the bent left leg fixed to the ground, the right leg folded so that the figure rests upon the toes of the right foot, and the positioning of the buttocks upon the right heel.

In a Myrina example examined under the title "Crouching Aphrodite" and dated to the second half of the 2nd century CE (Besques 1963: Pl. 19), the arms are not intertwined as in Cat. No. 2, but instead raised upward from knee level. Another comparable example from Myrina, now in the Louvre Museum, has generally been dated to the Hellenistic Period (Bieber 1967: Fig. 63). Whereas the arms in Cat. No. 2 are intertwined in order to conceal the breasts, in the Myrina example the arms are open and raised upward in a manner reminiscent of the *Anadyomene* type. This likely represents a bathing woman, perhaps associated with Aphrodite wringing her hair while

emerging from the sea at the moment of her birth. More than seventy works representing this theme are known. Numerous variations exist emphasizing the goddess's hair, jewelry, and posture in order to indicate her maritime bath. Nevertheless, the goddess is consistently represented standing upon her right leg, lifting her left foot, and lowering her hand toward either the sole of the left foot or a sandal. The upper body bends slightly forward, while the left arm extends outward in order to maintain balance. It remains uncertain whether Aphrodite is removing her sandal before bathing or putting it on afterward (Bieber 1967: 144).

Another highly comparable example, particularly in terms of the intertwined arms and seated posture, was also discovered at Myrina. In contrast to Cat. No. 2, however, the face in the Myrina example is directed downward (Biondi 2013: 1—8). Overall, Cat. No. 2 appears to aim at conveying a dynamic composition. However, the careless workmanship observable in the eyes, neck, fingers, and toes, together with the necessity of supporting the figure upon a base in order to maintain balance in such a difficult posture, indicates a Roman Imperial date.

The hairstyle divided into two sections and gathered in a bow-shaped arrangement above the head recalls the Knidian hairstyle. Thompson notes that the Knidian hairstyle appears in terracotta figurines from the mid-3rd century BCE onward (Thompson 1963: 37). In a Knidos example dated to the 2nd century BCE, strands of hair divided centrally and gathered at the back of the head (Dereboylu 2012: Pl. 39, Cat. 144; Pl. 40, Cat. 145), as well as a female figurine head from Klazomenai bearing the Knidian hairstyle and dated to the second half of the 3rd century BCE — 2nd century BCE (Özbay 2016: Cat. Nos. 82—83), demonstrate that the hairstyle of Cat. No. 2 cannot predate the 3rd century BCE. Female heads displaying the Knidian hairstyle from the northern Black Sea cities of Chersonesos (Kobylina 1970: Taf. 13, No. 7) and Myrmekion (Denisova 1981: Taf. 9, M 87—M 88), both dated to the 3rd century BCE, further support this interpretation.

A female or goddess head preserved in the Sadberk Hanım Museum collection and dated to the Roman Imperial Period (Kepçe and Gerçeker 2011: 160), with centrally divided hair gathered into a knot at the crown and forming voluminous bow-like waves, likewise suggests that Cat. No. 2 may belong to the Roman Imperial period. Although the bow-shaped hairstyle originated during the Hellenistic Period, with few exceptions it was predominantly employed for representations of Aphrodite, Nike, and other goddesses (Burn and Higgins 2001: 131). An Aphrodite head transferred from the Istanbul Archaeological Museums (Thompson 1963: 41—42) likewise displays a hairstyle tied at the crown with a large bow, known from the Medici/Capitoline Aphrodite and the Belvedere Apollo types.

On the basis of its iconographic and stylistic characteristics, a date between the late 1st century BCE and the 1st century CE appears appropriate for Cat. No. 2.

Nude Aphrodite (Cat. No. 3)

Cat. No. 3 (Fig. 3), acquired through purchase by the Samsun Archaeology and Ethnography Museum, is missing the head, arms, and lower legs below the knees. The broken left leg was subsequently reattached in order to restore the integrity of the object. The head and neck are entirely absent. The breasts are rendered as large, rounded, and distinctly separated forms. Small punctate marks indicate the nipples at the tips of the prominently modeled breasts. The waist is slender, while the abdomen is full and slightly protruding outward. The hips and thighs are rendered broad and voluminous. The genital area is represented in triangular form. The legs are joined together and broken below the knees. The upper torso inclines toward the left, whereas the hips project toward the right, with the left leg advanced forward. As a result of this posture, the body displays a pronounced S-shaped movement. The rear side of the figurine is entirely missing. The figurine was produced hollow using a double-mould technique.

Fig. 3. Nude Aphrodite (after Samsun Archaeology and Ethnography Museum, Retain: inv. 8-7/1994).

Regarding Aphrodite figurines, which constitute a significant portion of ancient terracotta production, Işın (Işın 2007: 39—40), based on examples recovered from Patara, notes that nude Aphrodite figurines became widespread during the Roman Imperial Period as a result of the increasing interest among wealthy and educated Roman elites in nudity and eroticism. Similarly, Çekilmez (Çekilmez 2014: 61), in her study of the terracotta figurines from Tralleis, suggests that Aphrodite figurines may have been dedicated by women devoted to the goddess or serving as her priestesses, who wished to remain youthful and beautiful like Aphrodite in the afterlife, and were therefore deposited in graves.

With the gradual liberalization of religious thought among the peoples of Greece and Anatolia during the 4th century BCE, the conservative and rigid artistic conventions of the 5th century BCE began to soften toward the end of the century and throughout the 4th century BCE. During this period, humans increasingly came to be deified, while the gods themselves acquired more human characteristics. Consequently, the draped Aphrodite statues of the 5th century BCE were gradually replaced by representations such as Praxiteles' Knidian Aphrodite, in which the goddess was depicted nude and bathing. As this ideological transformation became progressively more widespread, Roman emperors and empresses were likewise deified after death and worshipped as *divus* or *diva*. Over time, this practice extended beyond members of the imperial family and became a privilege of wealthy and elite Romans as well. Within this context, Roman women commissioned portrait sculptures of themselves upon semi-nude or nude Aphrodite bodies derived from popular Hellenistic models (Besques 1963: Pl. 02).

One of the closest parallels for Cat. No. 3 dates to the early 3rd century BCE and was recovered from Campana. Examined under the title "Aphrodite Leaning on a Column," the figure closely resembles Cat. No. 3 in terms of posture. In the Campana Aphrodite, earrings and a necklace are clearly visible. As in Cat. No. 3, the left leg is advanced forward, while the right leg remains behind, with the feet crossing

one another. The bodily proportions and overall posture correspond almost exactly to Cat. No. 3. Another comparable example from Smyrna, dated to the second half of the 2nd century BCE (Plaisier 1979: Pl. 47), has been identified as "Standing Nude Aphrodite." Although fragmented in the same areas as Cat. No. 3, the Smyrna example demonstrates an equally elegant sense of movement. This similarity suggests that Cat. No. 3 should stylistically be dated later than the 3rd century BCE.

The innovation introduced by Praxiteles through his semi-narrative and aesthetically refined Knidian Aphrodite had a profound influence upon subsequent derivative types. Although the facial features in Praxiteles' works tend toward idealization rather than realism, the body and posture emphasize a convincing sense of femininity (Boardman 2014: 53, 61). The most striking characteristic of Cat. No. 3 is its complete nudity. The voluptuous and seductive treatment of the body strongly suggests identification with Aphrodite, the goddess of love and beauty.

Considering the fractured sections of the mould-made figurine, the body itself is hollow. However, examination of the broken right arm reveals that it was solid, indicating that the arms were likely attached separately as appliqué elements. Since the arms are missing, it is impossible to determine whether the figure originally held any object.

A comparable example from Crete examined by Besques (Besques 1963: Pl. 76) also displays similarities to Cat. No. 3, although it is rendered with more balanced proportions. Besques dated this figurine, identified simply as "Aphrodite," to the 1st century BCE. Another parallel from Myrina, dated to the mid-2nd century BCE, shares similar anatomical structure and overall posture with Cat. No. 3 (Burr 1934: Pl. III). A somewhat heavier and less refined example was recovered from Thysdrus (Mollard-Besques 1992: Pl. 90). In the Thysdrus figurine, the figure is rendered more statically, with the upper torso narrower and slimmer in relation to the hips and thighs. Although a slight S-shaped movement is visible, the upper torso in Cat. No. 3 inclines further forward, resulting in a considerably more pronounced S-curve. Consequently, Cat. No. 3 should predate the Thysdrus example. A comparable stance and body posture can also be observed in the Parion example, dated to the first half of the 3rd century CE (Kasapoğlu 2018: 253).

Numerous parallels for Cat. No. 3, characterized by complete nudity, have been identified throughout the Black Sea region. An example recovered from the Olbia Necropolis near Borysthenes, west of the Kerch—Cimmerian Bosporus, and broadly dated by Kobylina to the 3rd century BCE (Kobylina 1970: Taf. 20), demonstrates close similarities in posture. Although Kobylina identified the figurine as "Winged Young Eros," the slender waist, broad hips, and feminine anatomy suggest a female representation rather than Eros. Another nude Aphrodite figurine, thought to have been imported from western Anatolia and now preserved in the Vinnytsia Regional Museum of History in Ukraine (Kobylina 1970: Taf. 2), is missing the head, arms, and forearms below the elbows. A circular medallion is positioned at the center of the chest. The figurine, produced in pinkish clay using the mould technique, possesses a notably delicate structure. Dated between the 3rd and 2nd centuries BCE, it resembles Cat. No. 3 in the slender waist, slightly protruding abdomen, and voluminous hips, although the anatomical modeling is less successfully rendered.

A nude Aphrodite recovered from Chersonesos likewise resembles Cat. No. 3 in the treatment of the genital area and the slightly protruding abdomen. However, the Chersonesos example is rendered in a heavier and fuller manner. The navel, carefully modeled in Cat. No. 3, appears exaggerated and less naturalistic in the Chersonesos example (Kobylina 1970: Taf. 10). Similarly, the skirt-like folds wrapped around the legs lack naturalism. The Aphrodite figurines from Chersonesos are generally dated to the 3rd century BCE. From an anatomical perspective, Cat. No. 3 should therefore belong to a somewhat later period than both the Vinnytsia and Chersonesos examples.

In the Aphrodite Anadyomene figurine from Gorgippia (Kobylina 1974: Taf. 57), an S-shaped movement appears in the opposite direction to that observed in Cat. No. 3. In the Gorgippia example, the pronounced S-curve is generated by the advancement of the right leg. The medallion accessory placed between the breasts, also observed in the Vinnytsia (Kobylina 1970: Taf. 2) and Tyramba (Kobylina 1961: Taf. 10) examples, is likewise present in the Gorgippia figurine. This medallion may have constituted a fashionable accessory among northern Black Sea settlements. Kobylina further

suggests that necklaces, earrings, chest medallions, and circular ornaments worn on the right leg reflect the jewelry traditions of women inhabiting the Crimea—Kerch Bosporus region (Kobylina 1961: 78).

The Aphrodite Anadyomene figurines from Gorgippia (dated between the 1st century BCE and the 1st century CE), Myrmekion (Denisova 1981: Taf. 16), and Tyramba (Kobylina 1961: Taf. 10) likewise feature medallions positioned between the nude breasts. A completely nude Aphrodite example preserved in the Odessa Archaeological Museum differs from Cat. No. 3 in advancing the right leg forward while the left leg remains behind. Consequently, the right side of the body is elevated in relation to the left. As in Cat. No. 3, the anatomy is rendered in a highly detailed and naturalistic manner. Among the northern Black Sea parallels, the Odessa example (Kobylina 1961: Taf. 9) constitutes the closest comparison to Cat. No. 3. The figure wears a diadem upon the head, while the hair is cut in a short bob style. The face is carefully detailed and slightly turned toward the right. This elaborately rendered Aphrodite has been dated to the Hellenistic Period.

A pronounced S-shaped movement generated by the forward extension of the left leg and the upright positioning of the breasts is likewise observable in the Anadyomene-type Aphrodite from Myrmekion, dated between the 3rd and 1st centuries BCE (Denisova 1981: Taf. 16). In this example, a medallion is similarly positioned between the nude breasts.

When examining the western Black Sea region, a nude Aphrodite figurine preserved in the Varna Archaeological Museum in Bulgaria may also be cited as a parallel (Dremsizova and Tonceva 1971: 50). The goddess is represented while dressing. As in Cat. No. 3, the left leg is advanced forward, and the right hand grasps a cloak. The left hand appears to hold an object, possibly a mirror, although the hand itself is missing. The figure wears a wreath crown, one of the most common accessories of the Hellenistic Period. Despite significant surface wear, the Varna example has been dated to the 3rd century BCE.

A fragmentary nude Aphrodite figurine from the Sinop Archaeological Museum, dated to the Roman Period (Fig. 4.), is missing the right breast, right arm, and head.

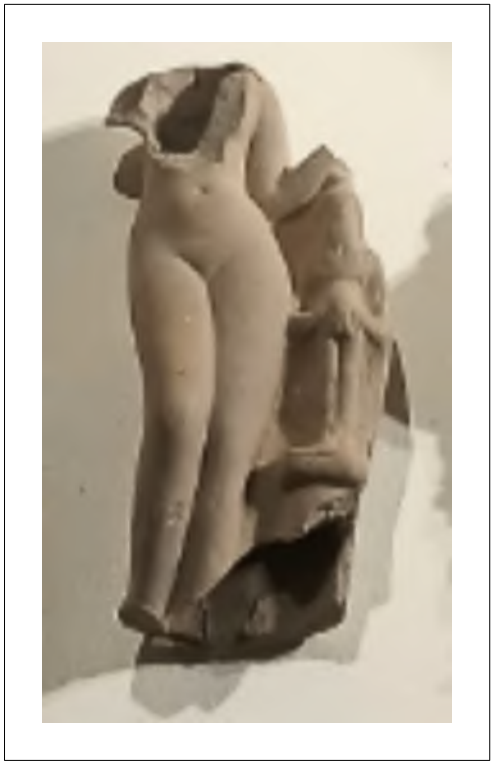


Fig. 4. Aphrodite Figurine Fragment (Sinop Museum).

While examples dated around the 3rd century BCE generally display heavier and less proportionate postures, the more naturalistic stance and balanced bodily proportions of Cat. No. 3 correspond more

closely to examples dated between the 2nd and 1st centuries BCE. Comparable examples have also been identified in Italy (Winter 1903: 213), Ephesos (Lang-Auinger 2003: Taf. 127), Ionia (Plaisier and Paula 1979: Pl. 148), Corinth (Davidson 1952: Pl. 34), Kyme (Winter 1903: 209), Madyos (Brinkerhoff 1978: Pl. XL), and Megara (Winter 1903: 209). Taking these comparative examples into consideration, Cat. No. 3 should be dated between the late 2nd century BCE and the 1st century BCE.

Sacred Areas

Between 650 and 550 BCE, Thrace, the Marmara region, and the Black Sea constituted areas in which the Greeks carried out intensive colonization activities. The colonization movement in the Black Sea region began with the Milesian colony of Sinope (Uçar 2021: 27). Among the settlements identified as the first wave of colonization are Kyzikos, Sinope, and Trapezous, while Abydos, Histria, Olbia, Berezan, Kepoi, and Amisos are regarded as second-wave colonial foundations (Uçar 2021: 33).

The Aphrodite figurines examined in this study support the process of colonization in the Black Sea region; however, they are insufficient on their own to demonstrate the existence of the Aphrodite cult. The presence of the cult is further supported by sanctuaries and inscriptions. Within the context of Milesian colonization, the *Oikous* cult of Aphrodite occupied a prominent position. The *Oikous* refers to a sacred domestic space containing the sacred fire and serving as the center of daily life (Baloglou 2012: 11). This cultic structure is especially evident in the northern settlements of Olbia, Berezan, and Histria in present-day Romania (Greaves 2004: 29). Ash layers and traces of altars recovered from these areas correspond closely with the sacred fire and votive objects brought from Miletos during the establishment of the colonies. The association of these elements with the cult of the goddess demonstrates the importance attributed to Aphrodite by Miletos as the mother city (Uçar 2021: 36).

During excavations conducted in the 2000s, a Late Archaic temple dedicated to Aphrodite was uncovered at Olbia (Fig. 5).

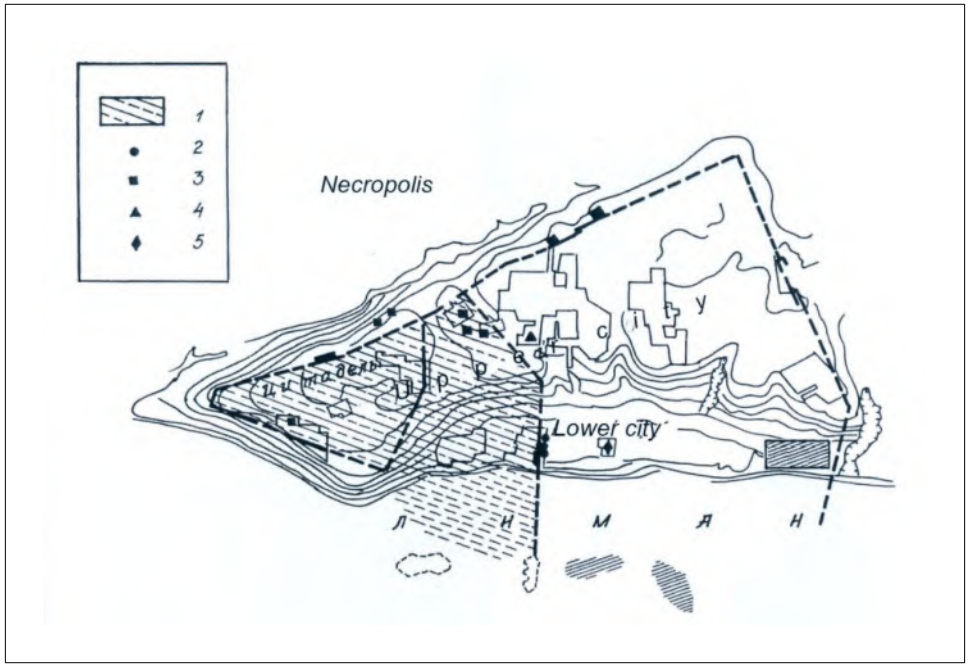


Fig. 5. Plan of Olbia (after Krapivina 2011: Fig. 1).

The location of the temple complex directly in front of the harbor emphasizes Aphrodite's association with the sea. Among the architectural remains were graffiti inscriptions dedicated to Aphrodite, pavements brought from Miletos, and, within a *bothros*, various vessels and vessel fragments dedicated to the goddess (Fig. 6: a—c), together with additional dedicatory inscriptions.

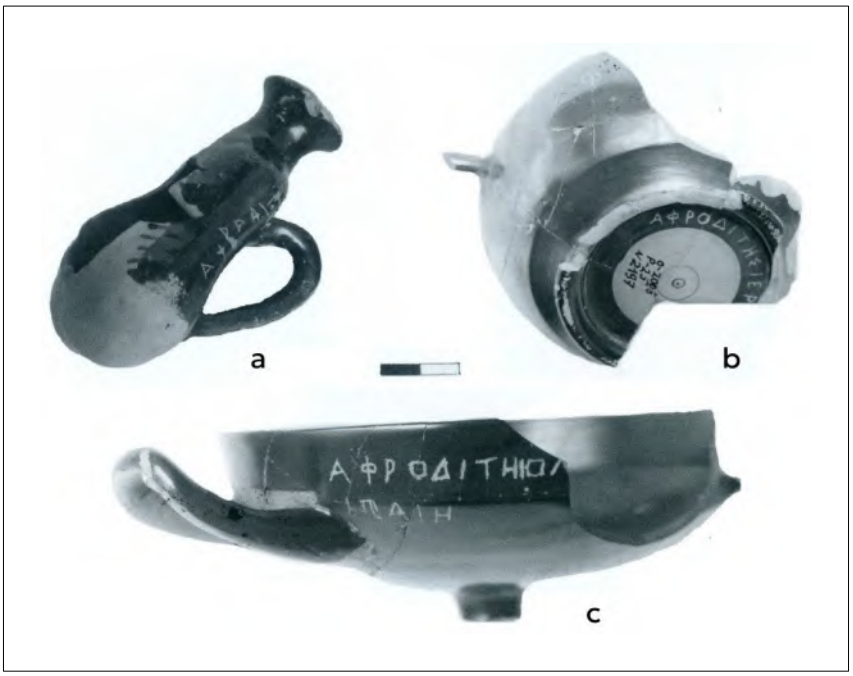


Fig. 6 a—c. Finds from the Aphrodite Sanctuary at Olbia (after Sparkes and Talcott 2010: 167).

Furthermore, an Aphrodite bust dated to the 3rd century BCE and rosettes decorated with star motifs emphasizing the celestial attributes of the goddess were recovered from a Hellenistic-period house (Roussou 2013: 34—35). In addition, depictions preserved on a *thymiaterion* from Olbia portray a mature woman modestly dressed in a chiton and himation, accompanied by Eros figures upon her shoulders. These representations appear to correspond to descriptions of Aphrodite Urania outlined by certain ancient authors. The epithet *Urania*, symbolizing the celestial and divine power of Aphrodite, was well known around the Kerch Strait and was at times associated with depictions of Aphrodite accompanied by Eros figures upon her shoulders (Shevchenko 2020: 1, 3—4).

At Berezan, a temple measuring 5.72 × 4.25 m and dedicated to the goddess was uncovered. Figurines believed to have been brought from Miletos were recovered from the *naos* section of the temple (Fig. 7).

Fig. 7. Terracotta Figurines Recovered from the Aphrodite Temple at Berezan (after Roussou 2013: 48).

In the western settlement of Histria, excavations carried out during the 1970s revealed roof tiles belonging to a temple of Aphrodite, together with wooden architectural remains thought to belong to the sanctuary (Avram et al. 2014: 62). In addition, the base of a cult statue dedicated to Aphrodite was uncovered (Fig. 8).

Fig. 8. Base of the Cult Statue of Aphrodite, 3rd Century BCE (after Avram 2003).

Aphrodite, the goddess of love and beauty and simultaneously regarded as the protector of nature and all living beings, appears to have been highly popular throughout the Black Sea region (Fig. 9). She was worshipped under the epithets *Apatura* and *Urania*. In Tanagra-style figurines, fashionable during the 3rd and 2nd centuries BCE, Aphrodite is depicted standing as a young woman. Sanctuaries dedicated to the goddess have also been identified at Phanagoria, Hermonassa, and Kepoi. Moreover, a tholos-type structure located in the settlement today known as Za Rodino on the Taman Peninsula is known to have been dedicated to Aphrodite. The goddess was likewise worshipped under the epithet *Navarchida* as the protector of the seas alongside Poseidon.

On the coinage of Phanagoria, symbols such as the rose, pomegranate, or lotus flower—associated with love, fertility, and nature—appear to have been inspired by the typology of Pontic anonymous coinage. These symbols further indicate the influence of the cults of Demeter, Kore-Persephone, Aphrodite, and Isis, all of which were widespread throughout the Kerch Strait region (Schaub 2007: 56). In addition, a 1st century CE gold medallion depicting Aphrodite and Erotes was recovered at Gorgippia, providing further evidence for the cult of Aphrodite in the region (Rusyaeva 2005: 306).

Fig. 9. Centers Containing Aphrodite Cult Areas in the Northern Black Sea Region (after Krapivina 2010: 148).

Moving southward, it becomes apparent that Aphrodite, despite her connection with the Ida myth, possessed relatively few temples and sanctuaries at Alexandria Troas (Özhan 2004: 109), Lampsakos, and Assos (Frisch 1975: No. 7). Nevertheless, numerous terracotta figurines dating to the Archaic, Classical, and Hellenistic periods have been identified in these settlements.

At Samsun, the discovery of a burnt layer associated with the *Oikous* cult during the rescue excavations at Çakalca-Karadoğan, together with seated female figurines of Archaic date identified as Milesian productions (Şirin 2020: 537, fig. 24) and graffiti-decorated ceramic fragments associated with Cybele, corresponds closely with the votive practices of the *Oikous* cult (Uçar 2021: 63). Likewise, the Aphrodite fragment preserved in the Sinop Archaeological Museum and the various Aphrodite types examined from the Samsun Archaeology and Ethnography Museum suggest the possible existence of the Aphrodite cult in the southern Black Sea region, a hypothesis that may gain greater certainty through future research.

Conclusion

Amisos, whose history extends back to prehistoric periods, constituted one of the most significant settlements of the ancient Black Sea region. Although the topographical conditions of the region and its year-round rainy climate have negatively affected archaeological investigations, the recovered finds nevertheless reflect the historical richness of both the city and the wider region. In general, archaeological studies conducted throughout the Pontic region, including the ancient city of Amisos, remain insufficient in proportion to the historical richness of the area. This situation has likewise hindered the production of comprehensive scholarly publications and has resulted in a limited body of literature concerning the region.

Although definitive conclusions cannot be reached due to the lack of archaeological context for the terracotta examples examined in this study, comparative analysis indicates that the figurines represent Aphrodite and date between the 2nd century BCE and the 1st century CE. It nevertheless remains uncertain whether these works were locally produced at Amisos. Comparisons with examples from both Anatolia and regions beyond Anatolia demonstrate the presence of Aphrodite terracotta figurines at Amisos. Furthermore, the Aphrodite types recovered from settlements located in the northern, western, and southern Black Sea regions clearly attest to the existence of the Aphrodite cult throughout the Black Sea world.

The Greek colonization movement in the Black Sea, beginning around the 7th century BCE, is likewise supported by the material examined in this study. Consequently, it is possible to speak of the existence of the Aphrodite cult at Amisos, an important harbor and commercial center within the region. The present study may therefore serve as a reference for future research concerning Black Sea archaeology. Through subsequent investigations, the cults existing within the region will become increasingly apparent.

The incorporation of technological innovations into archaeological research will undoubtedly contribute to illuminating the past of the Black Sea region. In this context, XRF analyses to be conducted on tangible archaeological finds may clarify many of the issues discussed above. Likewise, clay analyses performed on the artifacts will shed further light upon the commercial and cultural interactions of the region.

Catalogue

Cat. No. 1

Name: Knidian Aphrodite (?).
Retain: inv. 2013/38 (A).
Dimensions (H/W): 7.2 / 3.5 cm
Clay Color / Fabric: 2.5 YR 6/8 light red; containing mica, lime, and small stone inclusions; hard fabric with a rough surface; covered with white slip.
Manufacturing Technique: Double-mold technique; hollow interior.
Description: The head is missing. The right arm is broken from the shoulder onward, while the left arm is thick and rendered in a straight position resting upon a hydria. The breasts are separated and slightly emphasized. The waist is slender, the abdomen slightly swollen, and the hips project toward the right, creating an overall S-shaped movement within the body. The legs are missing below the knees. The back surface was left plain and unworked.
Comparanda: Besques 1963: Pl. 15: a. LY1546, c. LY1588, d. B127; Pls. 16—17; Plaisier 1979: Pl. 93, No. 669; Pl. 213, No. 1605; Besques 1963: Pl. 16: d-B92; Kaplan 2009: Pl. 10, Cat. No. 34; Çekilmez 2014: Pl. 21, Cat. No. 8; Kasapoğlu 2015: Pl. 33, Cat. No. 14; Winter 1903: 216, Nos. 1, 7, 10; Işın 2007: 140, Fig. 21, Cat. 16; Tozkoparan 1998: 20, Fig. 30, STR96 AM2/13; Kepçe and Gerçeker 2011: 152, Cat. No. 75; Şahin and Güçlü 2006—2007: 404, Fig. 1.
Date: Late 1st century BCE — 1st century CE.

Cat. No. 2

Name: Crouching Aphrodite.
Retain: inv. 18-1/1979.
Dimensions (H/W): 17.2 / 8.8 cm
Base: 6.6 × 12.3 cm
Vent Hole: 1.45 × 1.7 cm (circular)
Clay Color / Fabric: 2.5 YR 6/8 light red; containing mica and minor lime inclusions; slightly porous, soft fabric with a smooth and slightly slippery surface.
Manufacturing Technique: Double-mold technique; hollow interior.
Description: The figure possesses full facial features and a bow-shaped coiffure formed by the hair at the top of the head. The neck is thick and short. The body is entirely nude, while the arms are intertwined so as to cover the breasts. The figure is depicted in a crouching position upon a slightly elevated base, with the body weight placed upon the right leg. The rear surface was left plain. A circular vent hole is present beneath the base.
Comparanda: Sieveking 1916: 42, Taf. 103-1; Chéhab 1951—1952: Pl. XIX, No. 1; Besques 1963: Pl. 18, MYR 18; Ingen 1939: Pl. VII: 50, No. 95; Bieber 1967: Fig. 63; Nicholson 1968: Pl. 17, No. 141; Kobylina 1970: Taf. 13, No. 6; Kepçe and Gerçeker 2011: 160, No. 84; Leyenaar-Plaisier 1986: Pl. 47, No. 285; Burn and Higgins 2001: Pl. 82, No. 2494.
Date: Late 1st century BCE — 1st century CE.

Cat. No. 3

Name: Nude Aphrodite.
Retain: inv. 8-7/1994.
Dimensions (H/W): 13.2 / 7.3 cm
Clay Color / Fabric: 2.5 YR 5/8 red; containing mica, sand, and lime inclusions; soft fabric with a powdery surface.
Manufacturing Technique: Double-mold technique; hollow interior.
Description: The head, neck, arms, and rear portion of the figure are missing, while the legs are broken below the knees. The entire body is nude. The breasts are full, rounded, and distinctly separated. The genital area is triangular in form and only slightly emphasized. The left leg is advanced forward, whereas the right leg remains positioned farther back.
Comparanda: Besques 1963: Pl. 14, a-LY1587-0.223; 1986: Pl. 02-D3339; Kobylina 1970: Taf. 20, No. 6; Plaisier 1979: Taf. 47, No. 283; Töpperwein 1976: Taf. 34, No. 205; Bieber 1967: Fig. 391, 605; Besques 1972: Pl. 76, a-D348; Burr 1934: Pl. III, Nos. 7—8; 1992: Pl. 90, E413; Çekilmez 2014: Pl. 23, Cat. 12; Winter 1903: 210, Nos. 1—2; Kleiner 1992: 246, Fig. 211; Brinkerhoff 1978: Pl. XLVI; Lang-Auinger 2003: Taf. 127, TK. 51; Davidson 1952: Pl. 34, Nos. 378—379; Mendel 1908: Pl. IX, No. 3.
Date: Late 2nd century BCE — 1st century BCE.

References

Avram et al. 2014: Avram, A., Birzescu, I., Margineanu, M., Zimmermann, K. 2014. Archäologische Ausgrabungen in der Tempelzone von Histria 1990—2009. In: Ciocîltan, V., Cristea, O., Robu, A. (eds.). *Mélanges d'archéologie et d'histoire ancienne à la mémoire de Petre Alexandrescu* II, 39—102.
Avram, A. 2003. Histria. In: Grammenos, D.V., Petropoulos, E.K. (eds.). *Ancient Greek Colonies in the Black Sea*. Vol. I. Thessaloniki: Publications of the Archaeological Institute of Northern Greece, 270—340.
Baloglou, C.P. 2012. The Tradition of Economic Thought in the Mediterranean World from the Ancient Classical Times through the Hellenistic Period until the Byzantine and Arab-Islamic World. *Handbook of the History of Economic Thought*. London: Springer, 7—93.
Besques, S. 1963. *Catalogue Raisonné des Figurines et Reliefs en Terre Cuite Grecs et Romains* II. *Myrina*.
Besques, S. 1972. *Catalogue Raisonné des Figurines et Reliefs en Terre Cuite Grecs, Étrusques et Romains* III. *Époques Hellénistique et Romaine: Grèce et Asie Mineure*. Paris: Éditions des Musées Nationaux.
Bieber, M. 1967. *The Sculpture of the Hellenistic Age*. New York: Columbia University Press.
Biondi, G. 2013. In the Forger's Workshop: Hellenistic Terracottas and the Mold-Made Fakes of Centuripe. *Newsletter of the Association for Coroplastic Studies* 10, 7—9.
Boardman, J. 2014. *Greek Sculpture: The Late Classical Period and Sculpture in Colonies and Overseas Settlements*. Istanbul: Homer Kitabevi.
Brinkerhoff, D.M. 1978. *Hellenistic Statuettes of Aphrodite: Studies in the History of Their Stylistic Development*. New York; London: Garland Publishing.
Burn, L., Higgins, R.A. 2001. *Catalogue of Greek Terracottas in the British Museum*. London: British Museum Press.
Burr, D. 1934. *Terracottas from Myrina in the Museum of Fine Arts*. Boston; Vienna: Holzhausen.
Can, Ş. 1970. *Classical Greek Mythology*. Istanbul: İnkılap Kitabevi.
Çekilmez, M. 2014. Terracotta Figurines from the Southern Necropolis of Tralleis. Unpublished Doctoral Dissertation. Aydın: Adnan Menderes University.
Chéhab, M.H. 1951. *Les Terres Cuites de Kharayeb*. I. *Texte et Planches*. Paris: Maisonneuve.
Cyrino, M.S. 2010. *Aphrodite*. London; New York: Routledge.
Davidson, G.R. 1952. *Corinth* XII. *The Minor Objects*.
Denisova, V.I. 1981. *Koroplastika Bosphora (Coroplasty of Bosporus)*. Leningrad: Nauka.
Dereboylu, E. 2012. Terracotta Figurines from Aigai. Unpublished Doctoral Dissertation. İzmir: Ege University.
Dremsizova, N., Tonceva, G. 1971. *Ancient Terra-Cottas in Bulgaria*. Sofia: Bălgarski Khudozhnik.
Frisch, P. 1975. *Die Inschriften von Ilion*. Bonn: Habelt.
Greaves, A.M. 2004. The Cult of Aphrodite in Miletos and Its Colonies. *Anatolian Studies* 54, 27—33.

Grimal, P. 1997. *Dictionary of Greek and Roman Mythology*. Istanbul: Sosyal Yayınları.
Hesiod. 2014. *Works and Days — Theogony*. Istanbul: Say Yayınları.
Ingen, W. van. 1939. *Figurines from Seleucia on the Tigris: Discovered by the Expeditions Conducted by the University of Michigan with the Cooperation of the Toledo Museum of Art and the Cleveland Museum of Art, 1927—1932*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
Işın, G. 2007. *Patara Terracottas: Hellenistic and Early Roman Periods*. Istanbul: Ege Yayınları.
Kaplan, D. 2009. *Terracotta Figurines in the Calvert Collection of the Çanakkale Archaeological Museum*. Unpublished Doctoral Dissertation. Ankara: Ankara University.
Karaosmanoğlu, M. 2005. *Mythology and the Gods of the Aegean*. Erzurum: Eser Ofset Matbaacılık.
Kasapoğlu, H. 2015. Roman Period Terracotta Figurines from the Ancient City of Parion. Unpublished Doctoral Dissertation. Erzurum: Atatürk University.
Kasapoğlu, H. 2018. Parion Theater Terracotta Figurines. In: Başaran, C., Ergürer, H.E. (eds.). *Roman Theater of Parion: Excavations, Architecture and Finds from 2006—2015 Campaigns*. Ankara: İÇDAŞ A.Ş., 237—276 (Parion Studies I).
Keleş et al. 2024: Keleş, V., Başaran, C., Yılmaz, A., Kasapoğlu, H., Oyarçin, K. 2024. *20th Anniversary Volume of the Parion Excavations*. Istanbul: Ege Yayınları.
Kepçe, Ç.S., Gerçeker, Ö.S. 2011. *Figures in Clay: Ancient Terracotta Figurines from the Sadberk Hanım Museum Collection*. Istanbul: Vehbi Koç Foundation.
Kobylina, M.M. 1961. *Terrakotovye Statuetki Pantikapeia i Phanagorii (Terracotta Figurines of Panticapaeum and Phanagoria)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).
Kobylina, M.M. 1970. *Terrakotovye statuetki Severnogo Prichernomor'ya* (*Terracotta Statuettes of the Northern Black Sea Region)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).
Kobylina, M.M. 1974. *Terrakotovye statuetki (Terracotta figurines)*. Pt. III. *Pantikapey (Panticapaeum)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).
Krapivina, V. 2010. New Data on the Significance of the Cult of Aphrodite in Olbia Pontica. In: Petropoulos, E., Maslennikov, A. (eds.). *Ancient Sacral Monuments in the Black Sea*. Thessaloniki: Kyriakidis Brothers' Publishing House, 148—151.
Krapivina, V. 2011. Olbia Pontica in the 3rd — 4th Centuries AD: Late Antique or Post-Antique? In *Pontika 2008*, 591—626.
Lang-Auinger, C. 2003. *Forschungen in Ephesos* 8/4. *Das Hanghaus 1 in Ephesos: Funde und Ausstattung*. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
Laumonier, A. 1956. *Exploration Archéologique* de Délos XXIII. *Les Figurines de Terre Cuite*.
Leyenaar-Plaisier, P.G. 1986. *Griekse terracotta's: uit de collectie van het Haags Gemeentemuseum*. Gravenhage: Den Haag: Haags Gemeentemuseum.
Mendel, G. 1908. *Catalogue des Figurines Grecques de Terre Cuite: Musées Impériaux Ottomans*. Constantinople: Typ. et lithographie A. Ihsan.
Mollard-Besques, S. 1992. *Catalogue Raisonné des Figurines et Reliefs en Terre Cuite Grecs, Étrusques et Romains* IV/2. *Époques Hellénistique et Romaine, Cyrénaïque, Égypte Ptolémaïque et Romaine, Afrique du Nord et Proche-Orient*.
Mollard-Besques, S.1986. *Catalogue Raisonné des Figurines et Reliefs en Terre Cuite Grecs, Étrusques et Romains* IV/1. *Époques Hellénistique et Romaine, Italie Méridionale, Sicile, Sardaigne*.
Muller, A. 1996. *Les Terres Cuites Votives du Thesmophorion: De l'Atelier au Sanctuaire*. Vol. 1. *Texte*. Paris: De Boccard Édition-Diffusion.
Nicholson, F. 1968. *Ancient Life in Miniature: An Exhibition of Classical Terracottas from Private Collections in England*. Birmingham: Birmingham Museum & Art Gallery.
Özbay, A. 2016. Terracotta Figurines Unearthed during the Excavations on the Northern Slope of Karantina Island at Klazomenai. Unpublished Doctoral Dissertation. İzmir: Ege University.
Özer, E. 2002. The Sculptor Praxiteles. *Journal of the Faculty of Letters of Anadolu University*. Vol. 3. Iss. 1, 377—399.
Özhan, T. 2004. The Troad Region in the Light of Written Sources. Unpublished Master's Thesis. Ankara: Ankara University, Ankara.
Öztürk, F. 2007. A Group of Terracotta Figurines from the Ephesus Museum. Unpublished Master's Thesis. Aydın: Adnan Menderes University, Aydın.
Plaisier, L., Paula, G. 1979. *Les Terres Cuites Grecques de la Collection du Musée National des Antiquités à Leiden*. Vol. I—III. Leiden: Rijksmuseum van Oudheden.

Roussou, A. 2013. *The Cult of Aphrodite in the Black Sea Region*. MA Thesis. Thessaloniki: International Hellenic University.

Rusyaeva, A.S. 2005. Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epokhu: Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpiyskikh bogov i geroyev *(Religion of the Pontic Hellenes in the Ancient Era: Myths. sanctuaries Cults of Olympic gods and heroes)*. Kiev: Stilos (in Russian).

Şahin, I., Güçlü, H. 2006—2007. Terracotta Figurines of Aphrodite from Turkish Thrace: The Cult of Aphrodite. *Anodos: Studies of the Ancient World* 6—7, 403—412.

Schaub, I.Yu. 2007. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'ye VII—IV vv. do n.e. (Myth, cult, ritual in the Northern Black Sea region of the 7th — 4th cc. BCE)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).

Shevchenko, T. 2020. Bust Thymiateria and the Cult of Dionysus in Olbia. Parion Studies 3. *Propontis and Surrounding Cultures*, 761—776.

Sieveking, J. 1916. *Die Terrakotten der Sammlung Loeb*. Munich: A. Buchholz.

Şirin, O.A. 2020. The Rescue Excavation at Çakalca-Karadoğan Höyük: Finds Related to Milesian Colonization at Amisos. *Amisos* 5/9, 513—551.

Smith, R.R.R. 2002. *Hellenistic Sculpture*. Istanbul: Homer Kitabevi.

Sönmez, İ.F., Öztürk, B. 2008. An Ancient City Excavation in the Western Black Sea Region: Tios (Filyos). *Arkeoloji ve Sanat* 127, 133—146.

Sparkes, B.A., Talcott, L. 2010. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries BC: The Athenian Agora. In: Petropoulos, E.K., Maslennikov, A.A. (eds.). *Ancient Sacral Monuments in the Black Sea*. Thessaloniki: Kyriakidis Brothers' Publishing House.

Tavukçu, A.Y. 1999. *Terracotta Figurines from the Troad Region (1375 BC—AD 395)*. Unpublished Doctoral Dissertation. Erzurum: Atatürk University.

Thompson, D.B. 1963. *Troy: The Terracotta Figurines of the Hellenistic Period*. Princeton: Princeton University Press for the University of Cincinnati.

Töpperwein, E. 1976. *Terrakotten von Pergamon*. Berlin: Walter de Gruyter.

Tozkoparan, A.M. 1998. *Seven Tombs and Their Finds from the Akdağ Necropolis of Stratonikeia*. Unpublished Master's Thesis: Konya Selçuk University.

Uçar, O. 2021. *The Cult of Aphrodite Oikous in Miletos and Its Colonies*. Unpublished Master's Thesis. Istanbul: Mimar Sinan Fine Arts University.

Winter, F. 1903. Die Typen der Figürlichen Terrakotten. *Die Antiken Terrakotten*. Vol. III. P. 1—2. Berlin; Stuttgart: Verlag von W. Spemann.

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.38.47.012

В.В. Вахонеев

ГРОБНИЦА АННИОН РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО*

Статья посвящена плитовой гробнице Аннион, исследованной в римском некрополе Южного пригорода Херсонеса Таврического. Комплекс рассматривается в контексте монументальной организации некрополя вдоль дороги, ведущей к городским воротам, и связан с группой надгробных стел Аннион, Аристона и Боиска. Анализ архитектуры, эпиграфики, антропологических данных и погребального инвентаря показывает, что гробница входила в состав семейного мемориального участка и использовалась неоднократно. Основной погребальный набор датируется последней третью I — началом II в. н.э.; при этом мемориальное оформление комплекса могло функционировать до середины II в. н.э. Особое значение имеют вторичное положение останков молодой женщины и ребенка, богатый женский инвентарь, туалетно-косметический набор и предметы апотропейного характера.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Южный пригород, римский некрополь, гробница Аннион, стела, погребальный инвентарь, ингумация, апотропеи.

Сведения об авторе: Вахонеев Виктор Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН.

Контактная информация: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН; e-mail: vvvkerch@mail.ru.

Viktor Vakhoneev

THE ROMAN-PERIOD TOMB OF ANNION FROM THE NECROPOLIS OF TAURIC CHERSONESOS

The article examines the slab-built tomb of Annion discovered in the Roman-period necropolis of the Southern Suburb of Tauric Chersonesos. The monument is analyzed within the broader context of the monumental funerary zone that developed along the road leading to the city gates and is associated with a group of funerary stelae mentioning Annion, Ariston and Boiskos. The combined analysis of architecture, inscriptions, anthropological data and grave goods shows that the tomb formed part of a family memorial plot and was used repeatedly. The main burial assemblage dates to the last third of the 1st to the early 2nd century CE, while the architectural and epigraphic memorial program may have continued to function until the mid-2nd century CE. Special attention is paid to the secondary position of the remains of a young woman and a child, the rich female assemblage, toilet and cosmetic objects, and apotropaic items.

Key words: Tauric Chersonesos, Southern Suburb, Roman necropolis, Tomb of Annion, funerary stela, grave goods, inhumation, apotropaia.

About the author: Vakhoneev Viktor Vasil'evich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences.

Contact information: 191186, Russian Federation, St. Petersburg, Dvortsovaya Embankment, 18, Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; e-mail: vvvkerch@mail.ru.

---

* Статья подготовлена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий» (FMZF-2025-0012).

Статья поступила в номер 4 августа 2026 г.
Принята к печати 28 августа 2026 г.

© В.В. Вахонеев, 2026.

Введение

В римское время некрополь Херсонеса Таврического развивался как сложно организованное пригородное пространство, планировочная структура которого была тесно связана с дорогой, ведущей к городским воротам. Эта дорога сохраняла значение одной из главных топографических осей южного пригорода еще с раннеэллинистического времени, когда вдоль нее располагались крупные общественные и сакральные сооружения — героон, храм в антах и нимфей. В первые века н.э. прежняя сакральная организация территории была переосмыслена в рамках погребального ландшафта: вдоль дороги и примыкавших к ней проходов формировались монументальные участки со склепами-колумбариями, плитовыми гробницами, экседрой, толосом и многочисленными кремационными площадками (Вахонеев 2025: 53—69). В организации этого пространства прослеживаются аналогии с принципами пространственной организации некрополей Италии, где с I в. н.э. получила распространение практика обустройства погребальных улиц с индивидуальными и семейными усыпальницами, а также почетными монументами (Буйских 2008: 231). Подобная модель была характерна и для некрополей западных провинций Римской империи, а также на территории Малой Азии. В Херсонесе она была воспринята не как механическое заимствование, а как адаптация новых римских форм к уже существовавшей планировке и местной погребальной традиции.

Масштабные раскопки Южного пригорода Херсонеса 2021—2023 гг. позволили впервые проследить эту систему не по отдельным памятникам, а в пределах значительной площади. Исследования на 8,5 га выявили многочисленные объекты различных эпох и существенно уточнили представления об исторической топографии пригорода и структуре римского некрополя. Особое значение имеет то, что материалы из 23 раскопов показали неоднородность некрополя: наряду с участками рядовых захоронений здесь существовали зоны выраженной монументализации, связанные с семейными мемориальными комплексами, кремацией и публичной демонстрацией статуса (Соловьева и др. 2024: 21—22). Наиболее ярко эта картина проявилась на раскопе 4, где были сосредоточены ключевые монументальные погребальные сооружения римского времени.

Эта территория вблизи городских ворот — один из важнейших узлов планировочной структуры некрополя. Здесь особенно отчетливо проявляется характерная для римского времени организация погребального пространства вдоль главной дороги: монументальные сооружения были обращены к движению, рассчитаны на обозрение и включены в практики семейной памяти.

Среди них особое место занимает плитовая гробница Аннион. Она входила в состав сложного наземного мемориального комплекса, состоящего из склепа-колумбария, непосредственно гробницы с двумя надгробными стелами, а также монументального памятника Аристона, сына Аристона, с примыкающей ступенчатой площадкой (рис. 1).

Фактически гробница располагалась в центре сооружения и представляла собой наземную плитовую могилу. Боковые стенки были образованы вертикально поставленными плитами, формировавшими узкое вытянутое внутреннее пространство. При подгонке плит в их верхней части были предусмотрены специальные углубления для установки пиронов. Сверху гробница была перекрыта массивными каменными плитами, уложенными как вдоль, так и поперек камеры. При этом сооружение не имело подземной части: оно располагалось на уровне древней дневной поверхности и воспринималось как наземная каменная гробница, включенная в общий архитектурный мемориальный ансамбль.

С лицевой северо-восточной стороны захоронение было оформлено как надмогильный памятник. В верхней части сооружения находился монолитный блок-основание, в котором были устроены пазы для установки двух вертикальных надгробных стел: Аннион, дочери Эсхина, — слева и Аристона, сына Аттины, — справа (рис. 1: 2, 3). Особое значение имеет лицевая сторона блока-основания. Она была украшена рельефными изображениями трех

антропоморфов, помещенных в квадратные ниши. Ниже по фасаду прослеживается участок каменного заклада, откуда совершалось подзахоронение в могилу.

С задней стороны комплекса была обнаружена еще одна стела — Боиска, сына Аристона. Ее изначальное местоположение в комплексе установить не удалось. Всего же комплекс содержал четыре надгробные рельефные стелы: Аннион, дочери Эсхина, сына Героида, умершей в возрасте 18 лет (Ἄννιον θυγάτηρ Αἰσχίνου τοῦ Ἡροΐδου ἐτῶν ιη′, χαῖρε), Аристона, сына Аттины (Ἀρίστων Ἀττίν[α], χαῖρε), наиболее монументальную Аристона, сына Аристона (Ἀρίστων Ἀρίστωνος, χαῖρε), а также Боиска, сына Аристона (Βοΐσκος Ἀρί[στων]ος, [χαῖ]ρε) (Павличенко 2024: 290—295)[1].

Особенно важна повторяемость имени Аристон и патронимическая связь Боиска с Аристоном. Это позволяет рассматривать надгробия как группу, связанную с одним родом. Наиболее значимой для исторической интерпретации является стела Аристона, сына Аттины. Этот человек, по-видимому, может быть сопоставлен с известным по херсонесским декретам первой половины II в. представителем городской элиты. В декрете в честь синопейца Гая Валерия 106—115 гг. Аристон, сын Аттины, фигурировал, вероятно, в качестве продика, а в декрете в честь гражданина Гераклеи Диа… 129—130 гг. — в качестве секретаря совета. Его полный cursus honorum известен по надписи на постаменте статуи, поставленной жителями Херсонеса, вероятно, около 138 г. (IOSPE I² No. 319, 359, 423; Сапрыкин 1998: 54).

Стела Аннион занимает в этой группе особое место. В отличие от имен Аристон и Боиск, имя Ἄννιον до настоящего времени не было засвидетельствовано в херсонесской эпиграфике. Указание возраста в 18 лет делает памятник особенно важным для соотнесения эпиграфических и антропологических данных обнаруженного захоронения.

После вскрытия плит перекрытия было изучено заполнение могилы. Внутри были выявлены останки молодой женщины и ребенка. Оба костяка находились в переотложенном состоянии: кости были смещены, что позволяет говорить о вторичном помещении останков (рис. 2). Это свидетельствует о том, что перед нами семейная гробница, использовавшаяся как минимум дважды и связанная с более широкой мемориальной практикой, отраженной в группе надгробных стел.

Погребальный инвентарь из гробницы Аннион отличается исключительной насыщенностью и типологическим разнообразием, поэтому его рассмотрение требует не простого перечисления находок, а анализа основных групп. С учетом переотложенного положения костных остатков отдельные категории вещей не всегда могут быть механически соотнесены с конкретным индивидом, но важно рассматривать их как целостный погребальный набор одной семьи. В дальнейшем инвентарь анализируется последовательно: золотые украшения и элементы погребального убора, стеклянные сосуды и туалетно-косметические принадлежности, костяные изделия, бусы и подвески, керамические сосуды, бронзовые амулетно-апотропейные предметы и украшения, детали деревянной шкатулки, железные изделия и терракотовая пластика.

Золотые изделия

Золотые изделия из гробницы Аннион образуют одну из наиболее значимых категорий погребального инвентаря. В составе комплекса представлены личные украшения, элементы нашивного декора, трубчатые пронизи, фрагменты золотой фольги и золотые нити (рис. 3—5).

Самую многочисленную группу составляют нашивные бляшки из тонкого золотого листа. Они представлены несколькими вариантами. К первой группе относятся крупные круглые умбоновидные бляшки с выпуклой центральной частью и орнаментированным бордюром из

[1] В настоящей статье стелы привлекаются преимущественно как источник для реконструкции погребального комплекса. Их специальное искусствоведческое и эпиграфическое исследование планируется в отдельной публикации, подготавливаемой Н.А. Павличенко и А.А. Трофимовой.

выпуклых точек (рис. 4: 1) (ср.: Журавлев и др. 2017: кат. 247—265). Вторая, наиболее декоративная группа представлена бляшками с тиснением в виде звезды / розетки разных размеров (рис. 4: 2—7, 9) (ср.: Журавлев и др. 2017: кат. 209—232). Отдельно следует выделить мелкие полусферические бляшки и близкие к ним выпуклые дисковидные нашивки (рис. 4: 8, 10) (ср.: Журавлев и др. 2017: кат. 266—282).

Треугольные бляшки (рис. 3: 1) имеют форму равнобедренного треугольника с небольшим отверстием в верхней части и украшены рядами горизонтальных выпуклых линий или точек, выполненных тиснением. По морфологии и функции они принадлежат к кругу геометрических нашивных бляшек треугольной или усеченно-треугольной формы. Для таких изделий характерны тонкий золотой лист, рельефный декор, отверстия для пришивания и связь с тканевой или иной органической основой. Близкие херсонесские бляшки—усеченные треугольники с отверстиями для пришивания датируются I—II вв. н.э. (Журавлев и др. 2017: 108—109, кат. 204—205, табл. 56, 57, 61). В комплексе Аннион эти предметы могли крепиться к погребальному покрывалу, головному убору, венку или одежде.

К той же группе геометрических нашивок относятся прямоугольные бляшки (рис. 3: 2). Их лицевая поверхность заполнена диагональной сеткой из выпуклых точек, образующих ромбический орнамент. По краям фиксируются отверстия для пришивания. Ближайшие херсонесские параллели представлены ромбическими бляшками с выпуклым ободком, полем из рядов выпуклых точек и отверстиями в острых концах; такие изделия датируются I—II вв. н.э. и выполнены тиснением по тонкому золотому листу (Журавлев и др. 2017: 109, кат. 207—208, табл. 56, 57, 61).

Третий и наиболее массовый тип образуют полусферические бляшки (рис. 3: 4). Они имеют выпуклую полусферическую форму, иногда с отверстиями по краям (Журавлев и др. 2017: 119—131, кат. 238—282, табл. 63—66, 69—74).

Важное место занимают трубчатые золотые пронизи (рис. 3: 5). Они выполнены в виде коротких цилиндрических элементов, свернутых из тонкой золотой пластины с поперечным рифлением (Журавлев и др. 2017: 81—90, кат. 142—171, табл. 45, 46, 48—49). Отдельные рубчатые трубочки из херсонесских комплексов датируются I в. н.э. или I—II вв. н.э. (Журавлев и др. 2017: 81—90, кат. 153—168). В комплексе Аннион эти элементы могли выполнять двойную функцию: входить в состав ожерелья или браслета, а также использоваться как нашивной бордюр, тесьма или декоративная линия на ткани.

Среди фигурных нашивных деталей выделяется овальная бляшка с рельефным изображением бюста Гелиоса (рис. 5: 4). Голова божества окружена лучами. По краям бляшки имеются отверстия для пришивания. В отличие от геометрических бляшек, этот предмет нес не только декоративную, но и иконографическую нагрузку.

К той же солярной линии относится украшение с изображением головы Гелиоса (рис. 5: 5). Этот предмет не является обычной нашивной бляшкой из золотой фольги: рельефная золотая пластина закреплена на бронзовом основании. Такая конструкция позволяет рассматривать его как составное украшение или накладной декоративный элемент, связанный с более прочной основой — возможно, с деталью одежды, застежкой, головным убором, венком или другим элементом погребального убора.

К единичным предметам относится вытянутая изогнутая пластина, украшенная рядом выпуклых точек (рис. 3: 6), малая золотая розетка, выполненная в виде цветка с несколькими лепестками (рис. 3: 7) и миниатюрная спиралевидная нашивка, выполненная в виде завитка (рис. 3: 8).

Особое значение имеют фрагменты золотой фольги (рис. 3: 9) и многочисленные золотые нити (рис. 3: 10). Эти находки, вероятно, происходят от разрушенной органической основы: ткани, покрывала, венка или головного убора (Журавлев и др. 2017: 167, кат. 349—351).

К числу личных украшений относится перстень (рис. 5: 1). Он имеет тонкую золотую шинку и овальный щиток с гранатовой вставкой с резным изображением бегущего животного влево. По конструкции это перстень с овальной вставкой-инталией, сочетающий ювелирную и

глиптическую традиции. Близкий круг херсонесских перстней представлен изделиями с овальными кабошонами, красными камнями и геммами-инталиями, датируемыми в пределах первых веков н.э. (Журавлев и др. 2017: 160—165, кат. 335—342, табл. 84, 85, 88—91).

Особо выразительна серьга (рис. 5: 2). Она состоит из крючка, каплевидного корпуса со стеклянной вставкой и трех нижних подвесок; средняя подвеска имеет окончание в виде полого шарика. В изделии сочетаются тонкая золотая основа, оправа для вставки, зернистое обрамление, проволочные элементы и подвижные подвески. По конструкции серьга входит в круг римских украшений с фигурным щитком, вставкой и подвесками, хорошо представленных в херсонесском ювелирном материале первых веков н.э. (Пятышева 1956: 42—55; Журавлев и др. 2017: 43—58, кат. 82—92, табл. 14, 15, 30).

К ювелирным изделиям также относится и подвеска (рис. 5: 3). Она имеет каплевидную форму, золотую оправу и темно-красную стеклянную вставку. По краю подвеска украшена зернистым бордюром; в верхней и нижней части имеются петли, что позволяет рассматривать ее как элемент серьги, ожерелья или составного украшения (Журавлев и др. 2017: 68—90, кат. 119—171, табл. 39—49).

Стеклянные изделия

Стеклянные изделия составляют одну из наиболее выразительных категорий инвентаря гробницы Аннион. В функциональном отношении стеклянные предметы можно разделить на несколько групп: 1) закрытые сосуды для масел и благовоний; 2) декоративные формовые сосуды; 3) открытые сосуды для питья или возлияний; 4) открытые сосуды типа блюда; 5) туалетно-косметические принадлежности (рис. 6—7).

Основу стеклянного комплекса составляют закрытые сосуды небольшого размера: бальзамарии, флаконы, амфориски и арибаллы. Их объединяет небольшая вместимость, узкое горло и форма, удобная для хранения ценных жидкостей — ароматических масел, благовоний, косметических составов. По классификации К. Айсингс большая часть таких сосудов относится к кругу форм 26—28 — унгвентариев и бальзамариев; в системе Б. Рютти и С. Фюнфшиллинг им соответствуют формы AR 128—130, AR 132, AR 134, AR 138 и близкие варианты (Isings 1957: form 26—28; Rütti 1991: AR 128—130, 132, 134, 138; Fünfschilling 2015: 677) (рис. 7: 1—14). Такие сосуды имеют длительное бытование от нероновско-флавиевского времени до позднеримского периода (Isings 1957: form 27, 40—41; Rütti 1991: AR 138).

Наиболее репрезентативны двуручные сосуды — амфориски и арибаллы. Первый сосуд имеет грушевидное тулово, высокое горло и две поднятые ручки, соединяющие плечики с верхней частью горла (рис. 6: 4). По пропорциям и исполнению это один из наиболее крупных и парадных сосудов комплекса. Типологически он относится к форме Isings 15, которой в классификации Б. Рютти и С. Фюнфшиллинг соответствуют формы AR 165 (Isings 1957: 32, form 15; Rütti 1991: AR 165; Fünfschilling 2015: 436). Еще один двуручный сосуд меньших размеров — с шаровидным гладким туловом. Данные сосуды возникают в тибериево-клавдиевское время, особенно популярны в клавдиево-нероновский и флавиев период.

Особую подгруппу образуют вытянутые ребристые амфориски (рис. 6: 8, 9). Первый сохранился почти полностью: сосуд имеет удлиненное овальное тулово с частыми горизонтальными ребрами, короткое горло и две ручки. Второй экземпляр представлен фрагментами верхней и нижней частей.

Два небольших одноручных кувшинчика с шаровидным ребристым туловом относятся к кругу сосудов формы Isings 52b, которой в классификации стекла из Августы Раурики соответствует форма AR 162 (рис. 6: 3, 6) (Isings 1957: 69—70; Rütti 1991: 158—159; Fünfschilling 2015: 434—435). Общая датировка AR 162 охватывает главным образом середину — вторую половину I в. н.э.

Наиболее редкими и выразительными предметами являются два фигурных формовых сосуда. Они относятся к кругу формового римского стекла и резко выделяются среди

обычных бальзамариев. В классификации К. Айсингс подобные сосуды объединены в форму 78 — mould-blown flasks, включающую сосуды в виде голов, плодов, виноградных гроздей и других фигурных форм (Isings 1957: form 78). В системе С. Фюнфшиллинг формовое стекло рассматривается в группе AR 30—33, AR 48, *AR 55.2, *AR 66.6 и *AR 188—*AR 190; для виноградных флаконов специально выделен тип *AR 189 (Fünfschilling 2015: 111, 677).

Первый сосуд выполнен из янтарно-коричневого стекла и имеет форму финика (рис. 6: 2). Поверхность тулова покрыта вытянутыми рельефными складками, имитирующими фактуру плода. По классификации К. Айсингс он относится к форме 78d — флаконам в виде финика (Isings 1957: form 78d). Такие сосуды выполнялись натуралистично, обычно из янтарного стекла; среди датированных аналогий называются Помпеи, Дура-Европос, Аквилея и Ремаген, а общий диапазон находок охватывает конец I — конец II в. н.э. (Isings 1957: form 78d, 93—95). В погребальном контексте такой сосуд мог восприниматься не только как емкость для ароматического вещества, но и как предмет с символикой плодородия, изобилия и восточной роскоши.

Второй флакон выполнен в виде виноградной грозди (рис. 6: 7). Его тулово покрыто рельефными округлыми выступами, имитирующими ягоды; горло узкое, цилиндрическое. В классификации К. Айсингс он относится к форме 78e — grape flask, то есть формовому флакону в виде виноградной грозди (Isings 1957: form 78e). С. Фюнфшиллинг выделяет для виноградных сосудов тип *AR 189: ранний вариант *AR 189.1 — тонкостенный малый флакон с круглыми выступами, датируемый преимущественно 40—100 гг. н.э., и более поздний вариант *AR 189.2 — флакон или амфориск с округлыми выступами, датируемый в пределах 150—250 гг. н.э. (Fünfschilling 2015: 677, 702). По внешнему облику херсонесский экземпляр, небольшой сосуд с туловом в виде грозди и узким горлом, ближе к ранней традиции виноградных флаконов.

Открытые формы представлены несколькими сосудами и фрагментами. Первый — небольшой стакан или кубок из светлого голубовато-зеленоватого стекла, с вытянутым туловом, слегка расширяющимся кверху, простым венчиком и округлым дном (рис. 6: 1). Это свободно выдутая открытая форма, лишенная выраженного декора. По классификации К. Айсингс он может быть сопоставлен с небольшими кубками / стаканами форм 29—30, а в системе Б. Рютти — с группами AR 35—36, объединяющими простые выдувные стаканы раннеримского времени (Isings 1957: form 29—30; Rütti 1991: AR 35—36; Fünfschilling 2015: 677). Такие сосуды могли использоваться как емкости для питья, возлияний или как часть поминально-туалетного набора.

К открытым и полузакрытым малым формам относится сосуд синего стекла (рис. 7: 15). Он имеет округлое тулово и широкий отогнутый венчик. Наиболее близко он соответствует группе малых баночек / сосудов для мазей формы Isings 68, которой в системе Б. Рютти соответствуют AR 113—114 (Isings 1957: form 68; Rütti 1991: AR 113—114; Fünfschilling 2015: 677). Такие сосуды особенно распространены во флавиевское время и во II в. н.э. (Isings 1957: form 68). В погребальном контексте этот синий сосуд мог использоваться для косметического состава или мази вместе со стеклянными палочками.

Еще один открытый сосуд представляет собой низкую чашу или мисочку из светло-голубого стекла (рис. 7: 16). По форме сосуд близок к чашам с трубчатым или загнутым краем формы Isings 44, особенно к малым вариантам глубоких чаш; в системе Б. Рютти такие формы сопоставляются с AR 109.1 (Isings 1957: form 44; Rütti 1991: AR 109.1; Fünfschilling 2015: 677). К. Айсингс отмечает, что форма 44 появляется около середины I в. н.э., становится популярной во флавиевское время и известна также в более поздних контекстах (Isings 1957: form 44).

Наконец, в составе комплекса присутствует серия фрагментов блюда или тарелки, диаметром около 17 см, а также обломки других фрагментированных сосудов (рис. 7: 12, 13, 18). Их точная типологическая атрибуция невозможна ввиду фрагментарности, но они подтверждают присутствие в наборе не только флаконов для благовоний, но и открытых сосудов.

Особое место занимают две косметические стеклянные палочки. Первая представляет собой длинный витой стержень с кольцевидным завершением (рис. 7: 19). По классификации К. Айсингс такие предметы относятся к форме 79 — stirring-rods (Isings 1957: form 79). Вторая — вытянутый тонкий стержень из янтарного стекла с заостренным концом и расширением в

верхней части (рис. 7: 20). Его можно предварительно определить как стеклянную шпильку, стержень или туалетный инструмент. В отличие от предыдущей, он не имеет кольцевидного завершения и не является классическим stirring-rod формы, однако функционально сближается с косметическими принадлежностями. В составе гробницы эти предметы дополняют принадлежности, связанные с женским туалетом и уходом за телом.

Изделия из кости

В составе находок из кости представлены пиксиды, шпильки и стержневидные инструменты, а также предметы, связанные с прядением. Такая структура хорошо соответствует римскому набору предметов mundus muliebris, где костяные вещи выступали не только как утилитарные предметы, но и как элементы социально и символически значимого женского погребального инвентаря (рис. 8—11).

Наиболее информативную группу составляют костяные пиксиды — небольшие коробочки баночной формы с крышкой, предназначенные для хранения косметических средств, красителей, ароматических веществ, украшений, швейных принадлежностей или иных мелких предметов. В отличие от стеклянных флаконов и бальзамариев, рассчитанных преимущественно на жидкости, костяные пиксиды могли использоваться для сухих, порошкообразных или пастообразных веществ. В работах Ж.-К. Беаля и М. Фежера они прямо отнесены к кругу малого инвентаря mundus muliebris; при этом отмечены случаи находок пиксид с остатками цветных веществ, интерпретируемых как косметические краски, а также примеры хранения в них швейных принадлежностей (Béal, Feugère 1983: 115—116). В. Бырка также подчеркивает туалетно-косметическую функцию костяных пиксид, указывая, что они служили для хранения румян, порошков, ароматических веществ, а иногда минеральных, смолистых или растительных субстанций; остатки таких веществ действительно фиксируются внутри отдельных сосудов (Bârcă 2019: 129—130).

Технологически пиксиды относятся к кругу точеных костяных сосудов, изготовленных из крупных трубчатых костей животных (Bârcă 2019: 137; Ворошилова 2018: 123—124). На это указывают правильная цилиндрическая форма корпусов, следы токарной обработки, концентрические окружности на крышках и донцах, профилированные валики, бороздки и ровная полированная поверхность. Для костяных пиксид характерна составная конструкция: цилиндрический корпус, отдельное вставное донце и крышка, которая могла быть как выступающей за край сосуда, так и входящей внутрь его верхней части. Именно такие признаки Ж.-К. Беаль и М. Фежер положили в основу определения костяной пиксиды как самостоятельного типа среди прочих полых костяных изделий цилиндрического сечения (Béal, Feugère 1983: 115—116).

В составе комплекса Аннион выделяется серия простых цилиндрических пиксид типа 1 по Ж.-К. Беалю и М. Фежеру с гладким туловом и профилированными крышками (рис. 8: 2, 3, 4, 9: 2) (Béal, Feugère 1983: 116—118). Эти предметы имеют близкую конструкцию: цилиндрическое или слегка расширяющееся книзу тулово, плоское донце, крышку с концентрическими окружностями и невысоким бортиком. В северопонтийских сарматских комплексах изделия типа 1a связываются преимущественно с комплексами I в. н.э., но встречаются и в первые десятилетия II в. н.э., а тип 1b датируется второй половиной I — первыми десятилетиями / серединой II в. н.э. (Bârcă 2019: 146—147).

Второй вариант представлен более вытянутыми и тщательно профилированными пиксидами, корпуса которых разделены горизонтальными поясками и бороздками (рис. 8: 1, 5, 9: 3, 7). Их стенки украшены несколькими параллельными линиями. Подобная орнаментация выполняла не только декоративную, но и конструктивно-визуальную функцию: она подчеркивала форму цилиндра, отделяла верхнюю и нижнюю части сосуда и делала предмет более нарядным. Рельефные пояски и группы горизонтальных бороздок являются одним из устойчивых приемов оформления костяных пиксид римского времени;

аналогичные элементы отмечены как в галло-римской, так и в северопонтийской традиции (Béal, Feugère 1983: 116—118; Bârcă 2019: 137; Ворошилова 2018: 123, 124).

Особое место занимает узкий вытянутый цилиндрический предмет с профилированными поясками (рис. 9: 4). По форме он отличается от широких пиксид и напоминает длинный футляр для тонкого предмета — иглы, шпильки, косметического стержня, палочки или иного элемента туалетного набора. В контексте гробницы, где присутствуют стеклянные палочки, пиксиды, украшения и пигменты, такой предмет логично включается в сферу ухода за телом и косметической практики.

Важнейшим аргументом в пользу косметической функции отдельных пиксид является наличие красного или розового пигмента, остатки которого зафиксированы в двух пиксидах (рис. 8: 4, 5). Эти находки можно интерпретировать как остатки косметического средства — вероятно, румян или пудры. Функционально это полностью соответствует известным аналогиям: Ж.-К. Беаль и М. Фежер приводят примеры пиксид с остатками цветных веществ из Лиона, района Керчи и Израиля, а О. М. Ворошилова, анализируя фанагорийские пиксиды, также связывает их содержимое с румянами, пудрой, мазями или порошками (Béal, Feugère 1983: 116; Ворошилова 2018: 122—124).

Наиболее выразительным предметом серии является пиксида, украшенная рельефным изображением (рис. 9: 1). На цилиндрическом корпусе представлена сцена с Эротом и петухом: крылатый Эрот изображен в движении, он хватает петуха за хвост, тогда как птица клюет из корзины. Эта композиция резко выделяет предмет среди остальных гладких и орнаментированных пиксид. Ж.-К. Беаль и М. Фежер отмечали, что фигурный декор на костяных пиксидах встречается редко: среди 40 рассмотренных ими галло-римских экземпляров только четыре имели рельефные изображения, причем декор выполнялся в технике низкого рельефа и располагался главным образом на корпусе сосуда (Béal, Feugère 1983: 118). Среди сюжетов встречаются сцены с путти / эротами, включая композиции с повествовательным характером, нанесенные на цилиндрическую поверхность пиксиды (Béal, Feugère 1983: 126), что полностью соответствует изображению и на херсонесской находке.

К группе пиксид относятся также отдельные костяные кольца, ободки и детали крышек или креплений (рис. 10: 1—4) (Bíró et al. 2012: 69).

Совершенно иную группу составляют пластинчатые костяные детали с пазами (рис. 10: 5—7). По форме они, вероятнее всего, представляли собой накладные элементы, закреплявшиеся на органической основе — дереве, коже или ином материале, не сохранившемся в погребальной среде (Bíró et al. 2012: 20). Небольшой ларец или футляр мог быть частью женского набора и служить вместилищем для предметов туалета или украшений. Для позднеантичной Фанагории известен показательный случай, когда пиксида находилась внутри деревянной шкатулки (Ворошилова 2018: 131).

Костяные изделия представлены также шпильками, проколками и тонкими стержневидными инструментами. Эти предметы образуют самостоятельную группу, тесно связанную с туалетно-косметическим комплексом погребения (Bíró et al. 2012: 7, 67—69).

Наиболее выразительными предметами являются две костяные шпильки с фигурными навершиями в виде женской фигуры (рис. 11: 1, 2). Фигура изображена стоящей, с поднятыми к голове руками. Такая иконография соответствует типу Афродиты Анадиомены, восходящему к эллинистическим скульптурным образцам и широко воспринятому римской мелкой пластикой. Д. Бартуш специально подчеркивает, что изображения Венеры на римских костяных шпильках отражают воздействие эллинистической скульптуры, малой пластики и металлических шпилек, а сами костяные экземпляры являются миниатюрными переработками известных статуарных типов (Bartus 2007: 22—30). Большинство датируемых экземпляров подобных шпилек относится к раннему этапу императорского времени, главным образом к I в. н.э., хотя отдельные находки показывают продолжение бытования типа вплоть до позднеримского времени (Bartus 2007: 29—30, fig. 8). Близкий по иконографии костяной

предмет из Аквинка: навершие изображало обнаженную Венеру, выходящую из купальни и поднимающую обеими руками волосы (Bíró et al. 2012: cat. 162).

Не менее примечательна и другая костяная шпилька, навершие которой оформлено в виде руки (рис. 11: 3). Функция последнего может быть связана с туалетной сферой: разделением прядей волос, нанесением косметики, извлечением вещества из пиксиды и т.п.

Более простое стержневидное изделие представляет собой костяную проколку или простую шпильку (рис. 11: 6). Оно имеет вытянутую форму, гладкую поверхность и заостренное окончание. Подобные предметы трудно атрибутировать узко: они могли использоваться как булавки, проколки, вспомогательные инструменты для ткани, волос или косметики.

Отдельное место среди костяных изделий занимают два веретена, одно из которых сохранилось в комплекте с пряслицем (рис. 11: 4, 5). Пряслице имеет дисковидную форму с центральным отверстием и служило грузиком, насаживавшимся на веретено для придания ему устойчивого вращения. Веретено представляет собой вытянутый предмет с расширением в центральной части и заостренным окончанием. Предметы прядения в римской погребальной культуре имеют не только бытовое, но и символическое значение (Ünal, Özcihan, Toy 2021: 271, 272).

Наконец, отдельную группу костяных изделий из гробницы Аннион составляют 46 астрагалов. Большая часть сохраняет естественную форму кости, однако не менее четырех предметов имеют сквозные отверстия, а один — прорезные линии (рис. 10: 8). В античной культуре астрагалы использовались в игровых практиках, но одновременно могли быть связаны с жребием, гаданием, вотивными действиями и апотропейной сферой.

Бусы и пронизи

Бусы, пронизи и подвески из гробницы Аннион образуют одну из наиболее многочисленных и типологически разнообразных групп погребального инвентаря (рис. 12—13).

Первую группу составляют гагатовые бусы и пронизи (рис. 12: 1—19). Они различаются формой: кольцевидные, цилиндрические, кубические, бочонковидные и уплощенно-овальные экземпляры. Простые округлые, поперечно-сжатые и бочковидные экземпляры сопоставимы с типами 2, 8 и 9 по классификации Е.М. Алексеевой; мелкие короткоцилиндрические пронизи, составляющие наиболее массовую серию, особенно близки к типу 27а (Алексеева 1978: 6—9; табл. 20—22).

Гагатовые украшения занимают особое место в погребальных комплексах римского времени. Е.М. Алексеева специально отмечала органическое происхождение гагата, его глубокий черный цвет, способность полироваться до блеска и широкое распространение гагатовых изделий преимущественно в погребальных памятниках.

Отдельно среди гагатовых изделий следует отметить пронизь, выполненную в виде стилизованной головы животного (рис. 12: 18) (Алексеева 1978: 6—9; табл. 21).

Отдельную группу составляют медные или выполненные из медного сплава бусины и пронизи (рис. 12: 27—30). Эти предметы имеют небольшие размеры и простую округлую форму (Алексеева 1982: табл. 40, 42).

Примечательную группу составляют бочонковидные бусины из сардоникса и сердолика (рис. 12: 21—25). Они имеют характерный полосчатый рисунок, обусловленный природной структурой камня. Они соответствуют типам 2а, 3а, 4, 26, 27 и 36 в зависимости от пропорций и формы канала (Алексеева 1982: табл. 36—39). Некоторые из них украшались золотыми навершиями (рис. 12: 20).

Мелкие стеклянные бусины представлены как отдельными пронизями, так и сериями мелкого бисера (рис. 12: 26, 31—36, 13: 17—22, 28, 30—34). Такие изделия относятся к кругу мелких одноцветных стеклянных бус, широко распространенных в античных некрополях Северного Причерноморья.

Отдельную группу образуют бусины из горного хрусталя (рис. 13: 1—6). Они представлены прозрачными или полупрозрачными пронизями различных форм: округлые и уплощенные пронизи (типы 1—2а и 5), вытянутые (типы 12 и 20—21) (Алексеева 1982: табл. 35). Одна бусина представлена в форме амфориска (рис. 13: 2).

Особую группу образуют белые и светло-голубые ребристые фаянсовые бусы (рис. 13: 7—16). По классификации Е.М. Алексеевой они соотносятся с типами 16—19, представленными среди изделий из египетского фаянса (Алексеева 1975: табл. 5). Имеется также два экземпляра подвесок в виде амфорисков с ушком для подвешивания (рис. 13: 14, 15). В классификации Е.М. Алексеевой такие вещи относятся к типам 35—38 (Алексеева 1975: табл. 6, 8, 11). Отдельное место занимает бусина в виде скарабея (рис. 13: 13). Предмет имеет овальную форму, рельефно оформленную спинку и нижнюю плоскость с резным знаком, и соотносится с типами 41—53 (Алексеева 1975: табл. 9—10). Подобные бусины в античной среде обычно рассматриваются как предметы с выраженной апотропейной семантикой.

Красные и оранжево-красные янтарные бусины образуют самостоятельную немногочисленную группу (рис. 13: 23—27, 29). Они представлены округлыми и уплощенными формами.

Таким образом, функционально весь комплекс бусин и подвесок можно разделить на три группы. Первая группа — элементы личных украшений: ожерелий, браслетов, низок и подвесок. К ней относятся крупные гагатовые, сердоликовые, агатовые, янтарные, хрустальные, фаянсовые и ребристые бусины, а также часть медных пронизей. Вторая группа — элементы нашивного декора одежды или покрывала: мелкий бисер, многочисленные однотипные мелкие пронизи, возможно часть трубчатых, кольцевидных и металлических элементов. Третья группа — амулетоподобные предметы: скарабей, зооморфная гагатовая пронизь, фигурные подвески египетского фаянса, отдельные цветные бусины. Эти вещи могли одновременно выполнять декоративную и защитную функции.

Керамические сосуды

Краснолаковая чаша представляет собой небольшой открытый краснолаковый сосуд полусферической формы на низком кольцевом поддоне (рис. 14). Тулово плавно округлое, стенки равномерно изогнуты, край слегка отогнут наружу и профилирован. На внешней стороне дна, в пределах поддона, процарапано двухбуквенное граффито «AN». Очевидно, что оно передает начальные буквы имени Аннион (Ἄννιον). Если это чтение верно, оно особенно существенно в связи с именем, зафиксированным на надгробии. По форме сосуд относится к группе малых полусферических краснолаковых чаш. В типологии Д.В. Журавлева он наиболее близок типу 23 (Журавлев 2010: тип 23). У Е. Кюнхельт ближайшее соответствие дает форма S-3a конца I — начала II вв. н.э. (Kühnelt 2008: Form S-3a, Kat.-Nr. 236).

Также в составе инвентаря присутствует две группы красноглиняных одноручных закрытых сосудов. Их объединяют вытянутое тулово, узкое горло, одна высокая ручка и небольшое кольцевое или дисковидное основание. Первую группу образуют два высоких кувшина с вытянутым овально-грушевидным туловом, плавно переходящим в плечики, относительно узким горлом и отогнутым венчиком (рис. 15: 1, 2). Ручка высокая, петлевидная, соединяет верхнюю часть горла с плечиком. Вторую группу образуют два меньших по размеру сосуда, типологически близкие с позднеэллинистическими веретенообразными бальзамариями с округло-биконическим туловом и высоким расширяющимся к краю горлом (рис. 15: 3, 4). Оба сосуда имеют петлевидные ручки, аналогичные по форме предыдущей группе. У одного из сосудов на поверхности сохранились остатки декоративного оформления в виде полос черной, розовой и голубой краски.

Изделия из медного сплава и серебра

В комплексе присутствует две фибулы. Первая выполнена в виде птицы с распростертыми крыльями (рис. 16: 1). На оборотной стороне сохранились элементы застежного устройства. По типологии находка относится к кругу римских фигурных или зооморфных фибул. Э. Риха выделяет фигурные фибулы с металлическими вставками в тип 7.23. К варианту 7.23.1 относятся полурельефные, плоские с оборотной стороны фибулы в виде животных (Riha 1994: 170, 171, Taf. 46: 2907—2911) (рис. 16).

Широкий типологический контекст для такой находки дает классификация М. Фежера, посвященная римским фибулам Южной Галлии. В его системе зооморфные фибулы входят в тип 29, объединяющий изделия, у которых дуга или корпус оформлены в виде животного или, шире, живого существа. Среди вариантов типа 29a представлены и авиморфные формы (Feugère 1985: 381—394, fig. 59).

Хронологически авиморфные и вообще зооморфные фибулы имеют достаточно широкий диапазон бытования. По материалам Аугста фибулы типа 7.23 с металлическими вставками в основном относятся к раннеимперскому времени; для ряда стратифицированных экземпляров указываются контексты I в. н.э., включая нероновско-флавиевский горизонт (Riha 1979: 200; 1994: 170, 171). М. Фежер также отмечает, что наиболее простые авиморфные фибулы появляются не позднее 40-х гг. I в. н.э., а развитие зооморфных серий продолжается до середины II в.; для отдельных вариантов возможен более широкий период бытования, вплоть до II—III вв. н.э. (Feugère 1985: 393, 394).

Вторая фибула относится к кругу провинциально-римских дисковидных, или колесовидных, шарнирных фибул (рис. 16: 2). Изделие имеет округлый прорезной щиток: внешний контур образован широким кольцом, по краю которого расположены небольшие выступы; центральная часть оформлена в виде ромбовидного поля, соединенного с внешним кольцом четырьмя перемычками. Между центральным полем и наружным кольцом образованы четыре симметричные прорези, благодаря чему вся композиция воспринимается как колесо. В центре помещено круглое гнездо для утраченной стеклянной вставки, а вокруг него на лицевой стороне имеются концентрические врезные окружности. На оборотной стороне сохранились элементы шарнирного застежного устройства.

По классификации В.В. Кропотова эта находка относится к группе 16 — броши с шарниром из двух стоек, форме 8 (Кропотов 2010: 305, рис. 90: 4, 5). Она же соотносится с группой простых колесовидных фибул типа 7.6 по Э. Риха (Riha 1979: 183, Taf. 59: 1554—1561; 1994: 156, Taf. 40: 2796—2799). В классификации немецкой исследовательницы эти изделия определены как Radförmige Fibeln mit Mittelzier — колесовидные фибулы с центральным украшением. Она отмечает, что традиция колесовидной формы сохранялась и позднее, вплоть до второй половины II в. н.э., что подтверждается более поздними вариантами с иным декоративным исполнением (Riha 1979: 183). В типологии М. Фежера рассматриваемая находка соответствует типу 28a — фибулам в форме колеса (fibules en forme de roue), входящим в более широкую группу 28, объединяющую шарнирные фибулы, корпус которых воспроизводит различные предметные формы (Feugère 1985: 373). При этом хронологические оценки у исследователей разнятся: если В. В. Кропотов датирует простые колесовидные фибулы второй — третьей четвертью I в. н.э. (Кропотов 2010: 305), то Фежер для типа 28a допускает более позднее появление, предпочитая относить его к первой половине II в. н.э. (Feugère 1985: 375).

Кроме того, в комплексе обнаружено две пружинки миниатюрных одночленных фибул (рис. 16: *3, 4*), а также застежка пружинной фибулы-брошки (рис. 16: 5).

К украшениям и элементам костюма относится серебряный браслет (рис. 16: 15). Он представляет собой проволочный обруч, концы которого заведены внахлёст и дополнительно укреплены несколькими витками проволоки. Подобные украшения, как бронзовые, так и серебряные, золотые, гладкие и витые, характерны для комплексов II — начала III вв. н.э. (напр.: Свиридов, Язиков 2024a: 109, кат. 19; 111, кат. 9; 113, кат. 12;

Свиридов, Язиков 2024б: 88, кат. 9). К этой же группе относятся кольцо (рис. 16: 13) и фрагментированный ободок пряжки (рис. 16: 14).

Особняком стоит подвеска листовидной формы с верхней петлей для подвешивания (рис. 16: 6). На лицевой стороне прослеживается изображение гениталий. Ее форма и наличие рельефа позволяют рассматривать изделие как предмет не только декоративный, но и потенциально амулетный.

Другая подвеска представлена в форме двухлезвийного топорика-кирки (рис. 16: 9). Изделие относится к группе металлических топоровидных подвесок, распространенных в Крыму в римское время, типу 2 по классификации А.А. Стояновой (Стоянова 2005: 47, рис. 1: II). В этой группе А.А. Стоянова учитывала двадцать экземпляров «топоров-кирок», происходящих из Беляуса, Гурзуфского Седла, Заветного, Кольчугино, Левадок, Совхоза № 10, Усть-Альмы и Херсонеса; длина таких изделий обычно составляет 2,1—3,7 см (Стоянова 2005: 47—49, рис. 1: 8—19).

Особенно важны для интерпретации близкие находки из Херсонеса. В каталоге А.А. Стояновой среди херсонесских материалов учтено пять бронзовых подвесок типа 2 (Зубарь, Мещеряков 1983: 102—113; Стоянова 2005: 52—53, кат. 12, рис. 1: 4—7, 12). Более того, концентрация подобных находок в Юго-Западном Крыму позволила исследовательнице предполагать, что одним из центров их изготовления мог быть именно Херсонес (Стоянова 2005: 49). Хронологически металлические подвески-топорики типов 1 и 2 в Крыму относятся преимущественно к концу I в. до н.э. — первой половине II в. н.э. (Стоянова 2005: 49). Для типа 2 особенно показательны находки из Кольчугино, связанные с комплексом второй половины I в. до н.э. — I в. н.э., и из Гурзуфского Седла, происходящие из ритуального комплекса с инвентарем второй половины I в. до н.э. — середины II в. н.э. (Стоянова 2005: 49, 52; Новиченкова 2020: 161). В.М. Зубарь, рассматривая топоровидные подвески из некрополя Херсонеса, связывал их с почитанием солнечного божества и культом плодородия; эта интерпретация была затем привлечена А.А. Стояновой и Н.Г. Новиченковой при анализе крымских находок (Зубарь 1982: 102, 103; Стоянова 2005: 49; Новиченкова 2020: 161).

К этой же группе амулетных изделий относится кольцо с выступами-«шишечками» (рис. 16: 8) (Журавлев 2014: 59—60, рис. 1). Типологически находка может быть сопоставлена с подтипом I по А.В. Богачеву — кольцами с тремя выпуклинами —«шишечками» в одной точке сечения: одной на внешней стороне окружности и двумя по сторонам (Богачев 1998: 153; Журавлев 2014: 62). Хронологически такие изделия особенно характерны для крымских могильников I—III вв. н.э.

В составе металлического инвентаря гробницы Аннион представлены три бронзовых колокольчика (рис. 16: 10—12). Все они относятся к группе небольших тонкостенных подвесных изделий округло-конической или полусферической формы. Корпус колокольчиков изготовлен из тонкого листового металла, вероятно путем холодной формовки; в верхней части было устроено отверстие, через которое пропускалась проволока. Наружная петля служила для подвешивания, внутренняя — для крепления язычка. У части экземпляров сохранились остатки железного била. Именно такая конструкция — тонкостенный корпус, верхнее отверстие, проволочная петля и внутреннее крепление язычка — характерна для типа 1 по классификации А.А. Труфанова (Труфанов 2022: 227—230, рис. 3—5). По форме херсонесские находки наиболее близки к вариантам 1.2—1.3 этого типа. Вариант 1.2 объединяет небольшие округло-конические колокольчики со скошенными выпуклыми стенками, плавно переходящими в скругленную верхнюю часть. А. А. Труфанов отмечает, что именно такие изделия были наиболее массовой группой в Усть-Альминском некрополе и широко бытовали в предгорном Крыму во второй половине I — первой половине III в. н.э. (Труфанов 2022: 230—233, рис. 3: 6—26, 4: 1—12). Вариант 1.3 представлен более крупными тонкостенными полусферическими колокольчиками с отверстием для проволочной петли; их наибольшее распространение в Крыму приходится на вторую половину I — первую половину II в. н.э. (Труфанов 2022: 233—235, рис. 5).

В более широкой типологической традиции эти предметы соответствуют тонкостенным полусферическим или округло-коническим бронзовым колокольчикам, которые Э.А. Сымонович выделял среди материалов некрополя Неаполя Скифского как первую типологическую группу (Сымонович 1983: 98, табл. XLIV: 5—11, 14—17, 21, 35). Близкие формы известны также в могильниках Заветное, Нейзац, Бельбек IV, Опушки, Совхоз 10 и других памятниках Крыма первых веков н.э. (Богданова 1989: 52, табл. XVII; Стоянова 2016: 141, рис. 5—6; Труфанов 2022: 230—235). В. Новаковски относил небольшие конические колокольчики без литых ручек к числу «варварских» форм, отличая их от более сложных литых провинциально-римских изделий (Nowakowski 1988: 116; Труфанов 2022: 230).

Функционально такие колокольчики следует связывать с группой подвесок-апотропеев. Их звуковой эффект мог восприниматься как средство защиты умершей и погребального убора от вредоносных сил. В крымских ритуальных и погребальных комплексах колокольчики неоднократно рассматриваются именно как охранительные предметы. Н.Г. Новиченкова включает их в группу металлических апотропеев наряду с антропоморфными и зооморфными подвесками, кольцами с выступами и другими амулетами. В материалах святилища у перевала Гурзуфское Седло полусферические колокольчики также входят в круг миниатюрных металлических амулетов (Новиченкова 2020: 157, 162).

Округло-конические тонкостенные колокольчики варианта 1.2 широко бытовали во второй половине I — первой половине III в. н.э., тогда как более крупные полусферические экземпляры варианта 1.3 особенно характерны для второй половины I — первой половины II в. н.э. (Труфанов 2022: 232—235).

Детали деревянной шкатулки

В составе находок из гробницы Аннион выделяется серия фрагментированных предметов из медного сплава и железа, которые следует связывать с фурнитурой деревянной шкатулки или небольшого ларца. Сохранность изделий неодинакова: часть пластин сильно корродирована и деформирована, отдельные отверстия и края перекрыты продуктами окисления, однако совокупность признаков — наличие пластинчатых накладок, деталей ригельного запора, вероятных петель, ручки и фрагментов ключа или запорного механизма — позволяет рассматривать эти находки как остатки запирающегося деревянного контейнера. Для подобных предметов характерна именно такая археологическая ситуация: органическая основа обычно не сохраняется, тогда как металлическая фурнитура позволяет реконструировать конструкцию шкатулки по накладкам, ригелям, задвижкам, петлям, ручкам и ключам (Труфанов 2020: 163—164) (рис. 17).

К деталям корпуса и крышки, вероятно, относятся фрагменты пластинчатых накладок (рис. 17: 1—9). Это тонкие прямоугольные или подпрямоугольные пластины, часть которых имеет следы креплений или заклепок. Они могли прикрывать лицевую часть шкатулки, укреплять край крышки, оформлять торцы корпуса или закрывать элементы замкового устройства. В конструкциях римского времени такие пластины крепились на передней стенке шкатулки, прикрывали замок и могли иметь отверстия для ключа и ригеля (Труфанов 2020: 164—166, рис. 3—5).

Наиболее важной деталью запорного устройства является ригельная планка или внешняя пластина крышки с креплениями ригеля. Она представляет собой прямоугольную пластину с растительным орнаментом в виде побега или стилизованной пальметты (рис. 17: 10). На оборотной стороне имеются два выступающих крепежных элемента. Подобные элементы располагались над основной замочной накладкой и были связаны с системой ригелей, особенно в более сложных шкатулках с парными запорами (Труфанов 2020: 166, рис. 5: 4—7). Орнаментированная лицевая сторона показывает, что запорный механизм одновременно выполнял декоративную функцию: фурнитура не только обеспечивала закрывание шкатулки, но и оформляла ее как нарядный предмет личного обихода.

С внутренней частью замкового механизма, вероятно, связана удлиненная пластина с раздвоенным верхним краем. По форме она может быть определена как задвижка или засов шкатулки (рис. 17: 12). В подобных механизмах выступы ключа входили в отверстия задвижки и позволяли сдвигать ее, открывая или запирая крышку. Ажурные задвижки с несколькими отверстиями характерны для фурнитуры шкатулок из погребений Крыма второй половины I — первой половины III в. н.э. (Труфанов 2020: 167—168, рис. 7). К запорному устройству, вероятно, относятся также железные фрагменты (рис. 17: 26—28).

К элементам подвижного соединения крышки и корпуса относится несколько фрагментов (рис. 17: 15, 17, 18, 23, 24). Эти фрагменты имеют признаки петель, скоб или шарнирных креплений. В конструкциях шкатулок крышка могла соединяться с корпусом пластинчатыми шарнирами или более простыми проволочными петлями, концы которых вбивались в деревянную основу (Труфанов 2020: 166, 167, рис. 6). Сохранилась также дугообразная ручка с загнутыми окончаниями (рис. 17: 11). По форме она близка подвижным ручкам или скобам, которые крепились к корпусу или крышке деревянного ларца. Аналогичные ручки и скобы выделяются среди металлических деталей шкатулок римского времени как один из устойчивых элементов их фурнитуры (Труфанов 2020: 172, 173, рис. 12).

К числу наиболее показательных деталей относится тонкий цилиндрический костяной стержень с профилированными участками и двумя бронзовыми зажимами (рис. 17: 33). Прямой аналогией является крепеж из могилы 176 могильника Бельбек IV (Гущина, Журавлев 2016: табл. 113: 6—10). Его присутствие усиливает реконструкцию деревянной шкатулки: наряду с пластинчатыми накладками, ригельной планкой, задвижкой, ручкой и петлями в комплексе сохранился элемент крепления крышки, выполненный из кости и бронзы.

Четыре бронзовых кольца также могут быть связаны с системой креплений шкатулки (рис. 17: 29—32). Они имеют примыкающий крепежный узел. Такие кольца могли служить подвижными ручками, подвесными кольцами или элементами крепления крышки.

В функциональном отношении шкатулка из гробницы Аннион должна рассматриваться как часть женского погребального набора. В ней могли храниться украшения, бусы, косметические вещества, пигменты, нити, мелкие инструменты или иные личные вещи. В погребальном контексте шкатулка была не только утилитарным контейнером, но и маркером личного пространства умершей, связанного с туалетом, украшениями, хранением ценных вещей и представлением о женском статусе.

Наконец, среди металлических предметов выделяются железный нож и два ножевидных предмета. Их следует рассматривать как часть бытового и личного набора, сопутствующего погребению. В условиях сильной коррозии точная реконструкция формы затруднена, однако вытянутые клинковидные очертания, остатки рукоятных частей и следы креплений позволяют отнести их к группе небольших ножей или ножевых принадлежностей, которые могли находиться рядом с деревянной шкатулкой, предметами туалета и текстильным набором (рис. 18).

Терракоты

Терракотовые изделия из гробницы Аннион представлены тремя статуэтками мальчика с голубем и одной отдельной фрагментированной статуэткой, изображающей хвостовую часть птицы (рис. 19).

Из трех однотипных фигурок мальчика одна сохранилась почти полностью и была на момент подготовки публикации полностью отреставрирована (рис. 19: 2), две другие представлены развалами. Фигура изображает сидящего обнаженного пухлотелого мальчика с короткой насеченной прической. Ноги согнуты, корпус фронтальный, руки сведены к груди и прижимают голубя. На поверхности сохранились следы светлого ангоба; на волосах заметны остатки красной краски.

Ближайшей аналогией является вотивная статуэтка сидящего мальчика из могильника в Инкерманской долине, происходящая из насыпи некрополя. Статуэтка датирована II — первой половиной III в. н.э. и определена как изделие местного производства (Шевченко 2016: 80, кат. 445, табл. LXX). В качестве более широких аналогий для этого типа А.В. Шевченко указывает статуэтку из каталога Р.А. Хигинса (Higgins 1954: nos. 836, 837) и «храмового мальчика» из святилища Ахилла-Понтарха с о. Левка (Клейман 1970: 24, табл. 1: 1). Иконографически статуэтки мальчика с голубем относятся к кругу вотивных и погребальных терракот, в которых детский образ соединяется с птицей как символически значимым атрибутом. В херсонесской традиции птицы могли иметь разную семантику: в каталоге А.В. Шевченко специально отмечено, что голубь связан с Афродитой, тогда как с хтонической стороной культов соотносились конь, собака и петух (Шевченко 2016: 16), а образ «толстого обнаженного мальчика» со времени классической эпохи связывался с культом подземных богов — кабиров, причем характер этого образа сохранялся на протяжении всего античного периода (Шевченко 2016: 80, кат. 445).

Другая фрагментированная полая терракотовая статуэтка представляет собой вытянутую хвостовую часть птицы, однако фрагментарность не позволяет выполнить полную реконструкцию.

Антропологические материалы[2]

Антропологическое изучение костных остатков из плитовой гробницы существенно уточняет состав погребенных и позволяет соотнести археологические данные с эпиграфическими памятниками комплекса. Основной костяк из гробницы Аннион представлен останками молодой женщины. На это указывают грацильность черепа и посткраниального скелета, женские признаки таза и крестца, а также комплекс краниологических признаков: острая форма верхнего глазничного края, слабое развитие надбровья, грацильная нижняя челюсть, слабый наружный рельеф затылочной кости. Возраст умершей по состоянию зубной системы определяется в пределах 20—24 лет. Дополнительным показателем молодого возраста является то, что гребень подвздошной кости сросся незадолго до смерти. Среди индивидуальных особенностей отмечены добавочные косточки в ламбдовидном шве, асимметричное развитие мыщелкового канала затылочной кости, а также одна линия эмалевой гипоплазии, свидетельствующая о перенесенном в детстве эпизоде физиологического стресса.

Эти данные имеют принципиальное значение для интерпретации комплекса. Надгробная стела Аннион сообщает, что умершая была дочерью Эсхина, сына Героида, и умерла в возрасте 18 лет, что делает этот памятник особенно важным для сопоставления эпиграфических и антропологических данных. Биологический возраст основного костяка в целом с учетом вероятной погрешности, коррелируется с возрастом в эпитафии. С учетом пола и молодого возраста именно этот костяк наиболее вероятно следует соотносить с умершей, названной в эпитафии.

Более сложной является интерпретация второго костяка, находившегося западнее. Антропологическое заключение определяет его как комплектное детское погребение. Возраст ребенка по развитию зубной системы составляет 6—7 лет. Череп грацильный, овоидный, нижняя челюсть также грацильная; размеры длинных костей соответствуют детскому возрасту. Среди патологических и индивидуальных особенностей отмечены cribra orbitalia, поротизация в области нижнего края грушевидного отверстия, асимметрия черепа и добавочные косточки в ламбдовидном шве. Наличие cribra orbitalia и поротизации может указывать на перенесенные в детстве стрессовые состояния, связанные с анемией, инфекционными нагрузками или нарушениями питания, однако без специальных исследований причины этих изменений не могут быть определены однозначно.

[2] Антропологические определения выполнены старшим научным сотрудником НИЦ Истории и археологии Крыма Крымского Федерального университета имени В.И. Вернадского В.Ю. Радочиным.

Именно этот второй костяк создает основное противоречие между ожидаемой эпиграфической и антропологической реконструкцией комплекса. Поскольку в архитектурной и эпиграфической программе гробницы присутствуют мужские имена аристоновской группы, можно было бы ожидать выявления взрослого мужского погребения. Это обстоятельство требует осторожности в интерпретации: надгробные стелы комплекса отражают более широкий семейный или родовой мемориальный контекст, тогда как состав сохранившихся костных остатков фиксирует конкретный этап использования гробницы, в котором центральное место занимало погребение молодой женщины, вероятно Аннион, и связанное с ним детское погребение.

Особенно важным в этом отношении является смещенное положение костей обоих индивидов. Оно позволяет предполагать, что останки молодой женщины и ребенка были перенесены в гробницу после первичного разложения тела или были нарушены при последующем подзахоронении. Такая ситуация хорошо согласуется с архитектурными наблюдениями: по фасаду гробницы прослеживается участок каменного заклада, откуда, вероятно, совершалось подзахоронение. Следовательно, камера могла использоваться не как одноразовое погребальное сооружение, а как семейная гробница, доступ к которой сохранялся или возобновлялся для помещения новых останков.

Заключение

Таким образом, плитовая гробница Аннион представляет собой один из наиболее выразительных погребальных комплексов римского времени, исследованных в некрополе Южного пригорода Херсонеса Таврического. Ее значение определяется не только богатством инвентаря, но прежде всего положением в структуре монументального мемориального участка, сформированного в непосредственной связи с дорогой, ведущей к городским воротам. В этом отношении рассматриваемый комплекс является важным свидетельством того, как в первые века н.э. пригородное пространство Херсонеса переосмыслялось в рамках римской погребальной культуры.

Архитектурно гробница была организована как наземное камерное сооружение, включенное в общий мемориальный ансамбль. Ее фасадное оформление показывает, что сооружение было рассчитано не только на помещение останков, но и на внешнюю репрезентацию. Гробница воспринималась как видимый надмогильный памятник, обращенный к пространству дороги и включенный в практики поминовения. В этом проявляется характерная для римского времени логика «погребальной улицы», где память об умерших становилась частью архитектурно оформленного публичного пространства.

Эпиграфический материал позволяет рассматривать комплекс как семейный или родовой мемориальный участок. Надгробия Аннион, Аристона, сына Аттины, Аристона, сына Аристона, и Боиска, сына Аристона, образуют единую группу, связанную с представителями одного круга. Особенно важна повторяемость имени Аристон и связь этой группы с лицами, известными по херсонесским надписям первой половины II в. н.э. Вместе с тем стела Аннион занимает в комплексе особое место: имя Ἄννιον ранее не было засвидетельствовано в херсонесской эпиграфике, а указание возраста умершей позволяет непосредственно сопоставлять надпись с антропологическими данными.

Хронологически основной погребальный набор из гробницы следует относить к последней трети I — началу II в. н.э. При этом архитектурное оформление, установка стел и дальнейшее функционирование семейного мемориального участка со склепом-колумбарием могли продолжаться до середины II в.

Отдельное значение комплекс Аннион имеет и в контексте современной музеефикации археологического наследия Херсонеса. После завершения археологических исследований наземный мемориальный комплекс с гробницей Аннион, склепом-колумбарием и связанными с ними надгробными памятниками был подвергнут комплексной цифровой фиксации, неразрушающей разборке, переносу и реставрации методом анастилоза. Необходимость такого

решения была обусловлена как состоянием сохранности конструкций, так и невозможностью надежной музеефикации in situ в условиях высокого уровня воды в тальвеге Херсонесской балки (Глазунов и др. 2023: 24—34). Для переноса и восстановления сооружений была разработана специальная методика: каждый каменный блок фиксировался, маркировался, сканировался, проходил реставрационную обработку и затем устанавливался на новом месте в соответствии с проектной документацией и трехмерными моделями[3] (Низов и др. 2024: 324—325).

В результате гробница Аннион перестала быть только объектом археологического исследования и стала частью музейной экспозиции (рис. 20). Сегодня восстановленный комплекс представлен на новой экспозиционной площадке у Музея Античности и Византии, где он воспринимается уже как один из ключевых памятников римского некрополя Южного пригорода. Его современное экспонирование позволяет соединить научную реконструкцию погребального обряда, архитектуры и семейной мемориальной практики с задачами публичной археологии и сохранения античного наследия Херсонеса. С этой точки зрения комплекс Аннион важен не только как источник по истории римского Херсонеса, но и как пример современного подхода к сохранению, реставрации и музейному показу монументальной античной архитектуры.

Литература

Алексеева Е.М. 1975. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Т. 1. Москва: Наука (САИ Г1-12).

Алексеева Е.М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Т. 2. Москва: Наука (САИ Г1-12).

Алексеева Е.М. 1982. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Т. 3. Москва: Наука (САИ Г1-12).

Богачев А.В. 1998. Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. В: Сташенков Д.А. (ред.). *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции 17—20 ноября 1997 г*. Самара. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 151—166.

Богданова Н.А. 1989. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное. В: Абрамова М.П. (отв. ред.). *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. Москва: ГИМ, 17—70 (Труды ГИМ 70).

Буйских А.В. 2008. *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху*. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины (МАИЭТ. Suppl. 5).

Вахонеев В.В. 2025. Кремационные площадки I—II вв. н.э. на некрополе Херсонеса Таврического: археологический анализ и культурный контекст. *РА* 4, 53—69.

Ворошилова О.М. 2018. Пиксиды позднеантичной Фанагории. *ПИФК* 4 (62), 122—134.

Глазунов и др. 2023: Глазунов В.В., Букатов А.А., Вахонеев В.В., Ефимова Н.Н., Панченко В.В. 2023. Геоморфология и водоснабжение прибрежной территории Херсонеса Таврического у Карантинной бухты по данным междисциплинарных исследований. *МАИЭТ* 28, 24—43.

Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Труды ГИМ*. Вып. 205. Ч. 2.

Журавлев Д.В. 2010. *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I—III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины)*. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины (МАИЭТ. Suppl. 9).

Журавлев Д.В. 2014. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья. *ПИФК* 1 (43), 59—85.

Журавлев и др. 2017: Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Коваленко С.А., Шемаханская М.С. 2017. *Золото Херсонеса Таврического. Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея*. Москва: ООО «РИА Внешторгиздат».

Зубарь В.М. 1982. *Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н.э*. Киев: Наукова думка.

Зубарь В.М., Мещеряков В.Ф. 1983. Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (по материалам некрополя первых веков н.э.). В: Высотская Т.Н. (отв. ред.). *Население и культура Крыма в первые века н.э*. Киев: Наукова думка, 96—113.

Клейман И.Б. 1970. Терракоты с о. Левка (Белого острова) и из святилища Ахилла Понтарха. В: Кобылина М.М. (отв. ред.). *Терракоты Северного Причерноморья*. Ч. I—II. Москва: Наука, 24—27 (САИ Г1-11).

[3] Трехмерная модель выполнена сотрудниками Центра спасательной археологии ИИМК РАН и представлена на сайте sketchfab.com (sketchfab.com: 1).

Кропотов В.В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.

Низов Я.А., Фаустов М.А., Малай Р.С. 2024. Методика неразрушающей разборки, сохранения и музеефикации археологических объектов. *Бюллетень Института истории материальной культуры РАН* 15, 324—332.

Новиченкова Н.Г. 2020. Металлические амулеты из святилища у перевала Гурзуфское Седло. В: *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. IV международная научная конференция*. Т. 1. Москва: ИВ РАН, 157—163.

Павличенко Н.А. 2024. Лапидарные надписи. *Бюллетень Института истории материальной культуры РАН* 15, 290—295.

Пятышева Н.В. 1956. *Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV в. до н.э. — IV в. н.э. Коллекция Государственного исторического музея.* Москва: Госкультпросветиздат (Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. 18).

Сапрыкин С.Ю. 1998. Херсонесская проксения синопейцу. *ВДИ* 4, 41—58.

Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2024а. *Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму*. Ч. 2. *Материалы спасательных археологических исследований*. Т. 33. Ч. 2. Москва: ИА РАН.

Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2024б. *Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму*. Ч. 3. Москва: ИА РАН (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33. Ч. 3).

Соловьева Н.Ф., Виноградов Ю.А., Мыц В.Л., Соловьев С.Л., Вахонеев В.В. 2024. Краткие итоги археологических раскопок Южного пригорода Херсонеса. *Бюллетень Института истории материальной культуры РАН* 15, 17—28.

Стоянова А.А. 2005. Металеві підвіски у формі сокирок із Криму. *Археологія* 2, 47—54.

Стоянова А.А. 2016. Подвески могильника Нейзац. *Крым в сарматскую эпоху* II, 122—165.

Сымонович Э.А. 1983. *Население столицы позднескифского царства*. Киев: Наукова думка.

Труфанов А.А. 2020. Металлические детали шкатулок из варварских погребений Крыма I—IV вв. н.э. *История и археология Крыма* XII, 154—189.

Труфанов А.А. 2022. Колокольчики из Усть-Альминского некрополя. В: Храпунов И.Н. (отв. ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* VIII, 223—267.

Шевченко А.В. 2016. *Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи*. Симферополь: Наследие тысячелетий.

Bartus D. 2007. A római kori csontfaragás és a kisművészetek összefüggései. PhD dissertation. Budapest.

Bârcă V. 2019. Notes on the Origin and Dating of the Bone Pyxides from the Sarmatian Environment between the Don and the Prut. *Plural. History, Culture, Society* 7 (2), 125—151.

Béal J.-C., Feugère M. 1983. Les pyxides gallo-romaines en os de Gaule méridionale. *Documents d'Archéologie Méridionale* 6, 115—126.

Bíró et al. 2012: Bíró M.T., Choyke A.M., Vass L., Vecsey Á. 2012. *Aquincumi csonttárgyak / Bone Objects in Aquincum*. Az Aquincumi Múzeum Gyűjteménye 2. Budapest: Pro Aquinco Foundation.

Feugère M. 1985. *Les fibules en Gaule méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C.* Revue archéologique de Narbonnaise. Suppl. 12. Paris: CNRS.

Fünfschilling S. 2015. *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst: Kommentierter Formenkatalog und ausgewählte Neufunde 1981—2010 aus Augusta Raurica*. Basel: Schwabe (Forschungen in Augst 51).

Higgins R.A. 1954. *Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum*. Vol. I. London: British Museum.

Isings C. 1957. Roman Glass from Dated Finds. *Archaeologica Traiectina* 2.

Kühnelt E. 2008. *Terra Sigillata aus Alma Kermen, Südwest-Krim*. Berlin: Freie Universität Berlin.

Nowakowski W. 1988. Metallglocken aus der römischen Kaiserzeit im europäischen Barbaricum. *Archaeologia Polona* 27, 69—146.

Riha E. 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft (Forschungen in Augst 3).

Riha E. 1994. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975*. Augst: Römermuseum (Forschungen in Augst 18).

Rütti B. 1991. *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst*. Bd. 1. *Text*. Augst: Römermuseum (Forschungen in Augst 13/1).

sketchfab.com: 1: Ancient Roman columbarium. URL: https://sketchfab.com/3d-models/ancient-roman-columbarium-43a5ae374d8a4167b79fffb3150abb6c (дата обращения 12.07.2026).

Ünal C., Özcihan İ., Toy M. 2021. A Group of Roman and Late Antique Bone Objects Found in Ancient Tralleis. *Adalya* 24, 269—296.

References

Alekseeva, E.M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Ancient beads of the Northern Black Sea region)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources. Iss. G1-12. Vol. 1) (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Ancient beads of the Northern Black Sea region)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources. Iss. G1-12. Vol. 2) (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Ancient beads of the Northern Black Sea region)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources. Iss. G1-12. Vol. 3) (in Russian).

Bogachev, A.V. 1998. In: Stashenkov, D.A. (ed.). *Kul'tury evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (voprosy khronologii). Materialy II Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii 17—20 noyabrya 1997 g. (Cultures of the Eurasian steppes in the second half of the 1st millennium CE: questions of chronology. Proceedings of the 2nd International Archaeological Conference, 17—20 November 1997)*. Samara: Samara Regional Museum of History and Local Lore named after P.V. Alabin, 151—166 (in Russian).

Bogdanova, N.A. 1989. In: Abramova, M.P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy (Archaeological research in the south of Eastern Europe)*. Moscow: GIM, 17—70 (Proceedings of the State Historical Museum 70) (in Russian).

Buiskikh, A.V. 2008. *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu (Spatial development of Tauric Chersonesos in Antiquity)*. Simferopol: Crimean branch of the A.E. Krymsky Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine (Materials in Archaeology History and Ethnography of Tauria. Suppl. 5) (in Russian).

Vakhoneev, V.V. 2025. In *Rossiyskaya arkheologiya* (Russian Archaeology) 4, 53—69 (in Russian).

Voroshilova, O.M. 2018. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury* (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies) 4 (62), 122—134 (in Russian).

Glazunov et al. 2023: Glazunov, V.V., Bukatov, A.A., Vakhoneev, V.V., Efimova, N.N., Panchenko, V.V. 2023. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria) XXVIII, 24—43 (in Russian).

Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu (The Roman-period necropolis of Belbek IV in South-Western Crimea)*. Moscow: Historical Museum (Proceedings of the State Historical Museum. Iss. 205. Pt. 2) (in Russian).

Zhuravlev, D.V. 2010. *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I—III vv. n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny)* (*Red-slip pottery of South-Western Crimea of the 1st — 3rd centuries CE: based on materials from the Late Scythian necropoleis of the Belbek valley)*. Simferopol: Crimean branch of the A.E. Krymsky Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine (Materials in Archaeology History and Ethnography of Tauria. Suppl. 9) (in Russian).

Zhuravlev, D.V. 2014. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 1 (43), 59—85 (in Russian).

Zhuravlev et al. 2017: Zhuravlev, D.V., Novikova, E.Yu., Kovalenko, S.A., Shemakhanskaya, M.S. 2017. *Zoloto Khersonesa Tavricheskogo. Yuvelirnye izdeliya iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Gold of Tauric Chersonesos. Jewellery from the collection of the State Historical Museum)*. Moscow: OOO "RIA Vneshtorgizdat" (in Russian).

Zubar', V.M. 1982. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I—IV vv. n.e. (The necropolis of Tauric Chersonesos in the 1st — 4th centuries CE)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Zubar', V.M., Meshcheryakov, V.F. 1983. In: Vysotskaya T.N. (ed.). *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e. (Population and culture of Crimea in the first centuries CE)*. Kiev: Naukova dumka, 96—113 (in Russian).

Kleiman, I.B. 1970. In: Kobylina, M.M. (ed.). *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya (Terracottas of the Northern Black Sea region)*. Moscow: Nauka, 24—27 (Corpus of Archaeological Sources. Iss. G1-11. Pt. I—II) (in Russian).

Kropotov, V.V. 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi (Fibulae of the Sarmatian period)*. Kiev: ADEF-Ukraina (in Russian).

Nizov, Ya.A., Faustov, M.A., Malay, R.S. 2024. In *Byulleten' Instituta istorii material'noy kul'tury RAN (Bulletin of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* 15, 324—332 (in Russian).

Novichenkova, N.G. 2020. In: *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka. IV mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (Historical, cultural, interethnic, religious and political links of Crimea with the*

Mediterranean region and the countries of the East. 4th International Scientific Conference). Vol. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 157—163 (in Russian).

Pavlichenko, N.A. 2024. In *Byulleten' Instituta istorii material'noy kul'tury RAN (Bulletin of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* 15, 290—295 (in Russian).

Pyatysheva, N.V. 1956. *Yuvelirnye izdeliya Khersonesa. Konets IV v. do n.e. — IV v. n.e. Kollektsiya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* (*Jewellery of Chersonesos. Late 4th century BCE — 4th century CE. Collection of the State Historical Museum)*. Moscow: Goskultprosvetizdat (Proceedings of the State Historical Museum. Cultural monuments. Iss. 18) (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 1998. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 4, 41—58 (in Russian).

Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2024a. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu (The Roman-period burial ground of Frontovoe 3 in South-Western Crimea)*. Pt. 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Materials of Rescue Archaeological Research. Vol. 33. Pt. 2) (in Russian).

Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2024b. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu (The Roman-period burial ground of Frontovoe 3 in South-Western Crimea)*. Pt. 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Materials of Rescue Archaeological Research. Vol. 33. Pt. 3) (in Russian).

Solovyeva et al. 2024: Solovyeva, N.F., Vinogradov, Yu.A., Myts, V.L., Solovyev, S.L., Vakhoneev, V.V. 2024. In *Byulleten' Instituta istorii material'noy kul'tury RAN (Bulletin of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* 15, 17—28 (in Russian).

Stoyanova, A.A. 2005. In *Arkheologiya* (Archaeology) 2, 47—54 (in Ukrainian).

Stoyanova, A.A. 2016. In *Krym v sarmatskuyu epokhu (Crimea in the Sarmatian period)* II, 122—165 (in Russian).

Symonovich, E.A. 1983. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (The population of the capital of the Late Scythian kingdom)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Trufanov, A.A. 2020. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of Crimea)* XII, 154—189 (in Russian).

Trufanov, A.A. 2022. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian period: 2nd century BCE — 4th century CE)* VIII, 223—267 (in Russian).

Shevchenko, A.V. 2016. *Terrakoty antichnogo Khersonesa i ego blizhney sel'skoy okrugi (Terracottas of ancient Chersonesos and its nearby rural territory)*. Simferopol: Nasledie tysyacheletiy (in Russian).

Bartus, D. 2007. A római kori csontfaragás és a kisművészetek összefüggései. PhD dissertation. Budapest.

Bârcă, V. 2019. Notes on the Origin and Dating of the Bone Pyxides from the Sarmatian Environment between the Don and the Prut. *Plural. History, Culture, Society* 7 (2), 125—151.

Béal, J.-C., Feugère, M. 1983. Les pyxides gallo-romaines en os de Gaule méridionale. *Documents d'Archéologie Méridionale* 6, 115—126.

Bíró et al. 2012: Bíró, M.T., Choyke, A.M., Vass, L., Vecsey, Á. 2012. *Aquincumi csonttárgyak / Bone Objects in Aquincum*. Az Aquincumi Múzeum Gyűjteménye 2. Budapest: Pro Aquinco Foundation.

Feugère, M. 1985. *Les fibules en Gaule méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C.* Revue archéologique de Narbonnaise. Suppl. 12. Paris: CNRS.

Fünfschilling, S. 2015. *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst: Kommentierter Formenkatalog und ausgewählte Neufunde 1981—2010 aus Augusta Raurica*. Basel: Schwabe (Forschungen in Augst 51).

Higgins, R.A. 1954. *Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum*. Vol. I. London: British Museum.

Isings, C. 1957. Roman Glass from Dated Finds. *Archaeologica Traiectina* 2.

Kühnelt, E. 2008. *Terra Sigillata aus Alma Kermen, Südwest-Krim*. Berlin: Freie Universität Berlin.

Nowakowski, W. 1988. Metallglocken aus der römischen Kaiserzeit im europäischen Barbaricum. *Archaeologia Polona* 27, 69—146.

Riha, E. 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft (Forschungen in Augst 3).

Riha, E. 1994. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975*. Augst: Römermuseum (Forschungen in Augst 18).

Rütti, B. 1991. *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst*. Bd. 1. *Text*. Augst: Römermuseum (Forschungen in Augst 13/1).

sketchfab.com: 1: Ancient Roman columbarium. Available at: https://sketchfab.com/3d-models/ancient-roman-columbarium-43a5ae374d8a4167b79fffb3150abb6c (accessed 12.07.2026).

Ünal, C., Özcihan, İ., Toy, M. 2021. A Group of Roman and Late Antique Bone Objects Found in Ancient Tralleis. *Adalya* 24, 269—296.

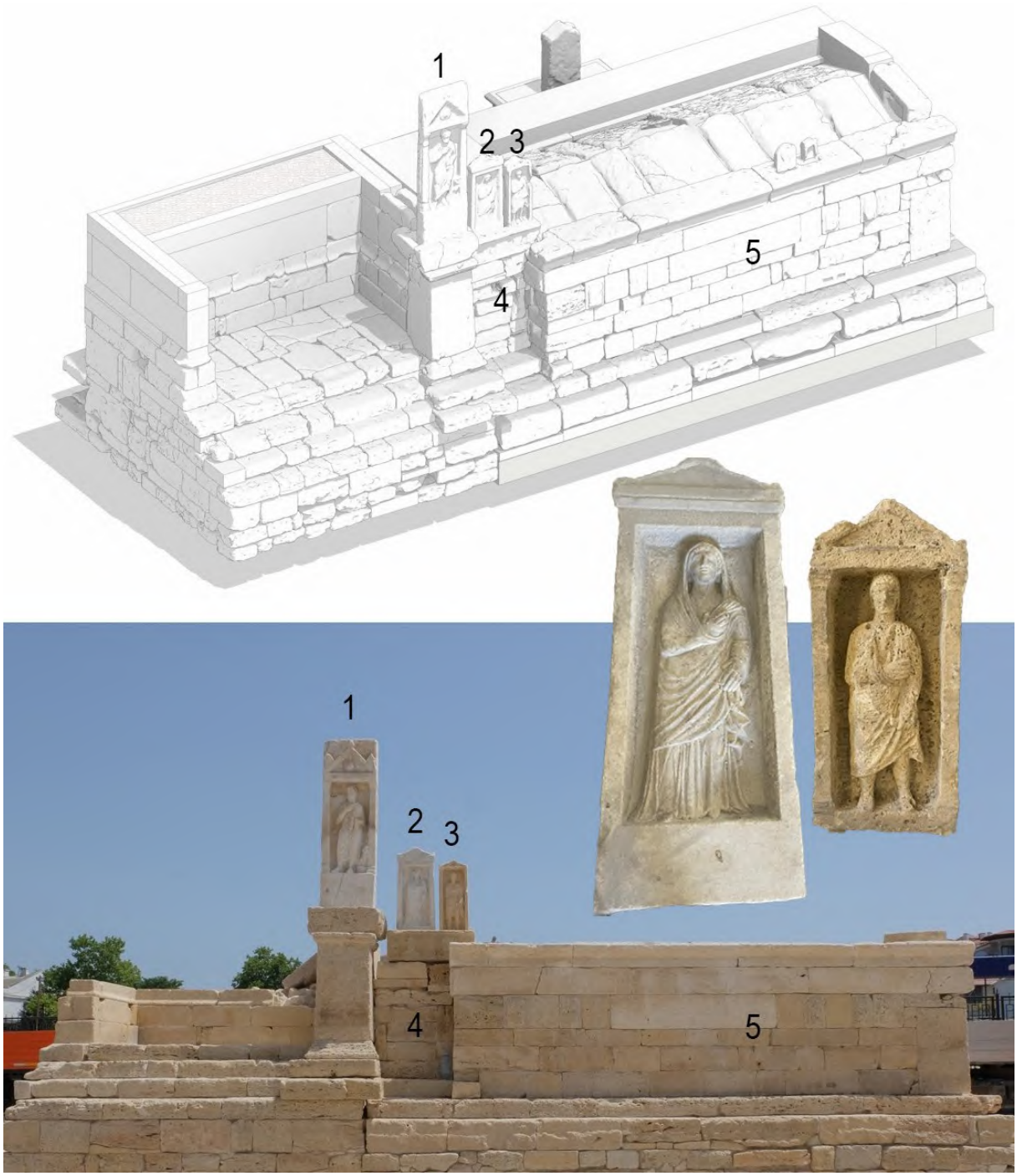


Рис. 1. Погребальный комплекс Аннион и Аристона: *1* — стела Аристона, сына Аристона; *2* — стела Аннион, дочери Эсхина; *3* — стела Аристона, сына Аттины; *4* — гробница Аннион; *5* — склеп-колумбарий. В верхней части рисунка приведена трехмерная реконструкция общего вида комплекса, в нижней — его современное состояние после реставрации.

Fig. 1. The funerary complex of Annion and Ariston: *1* — stele of Ariston, son of Ariston; *2* — stele of Annion, daughter of Aischines; *3* — stele of Ariston, son of Attina; *4* — tomb of Annion; *5* — crypt-columbarium. The upper part of the figure shows a 3D reconstruction of the general appearance of the complex; the lower part shows its present state after restoration.

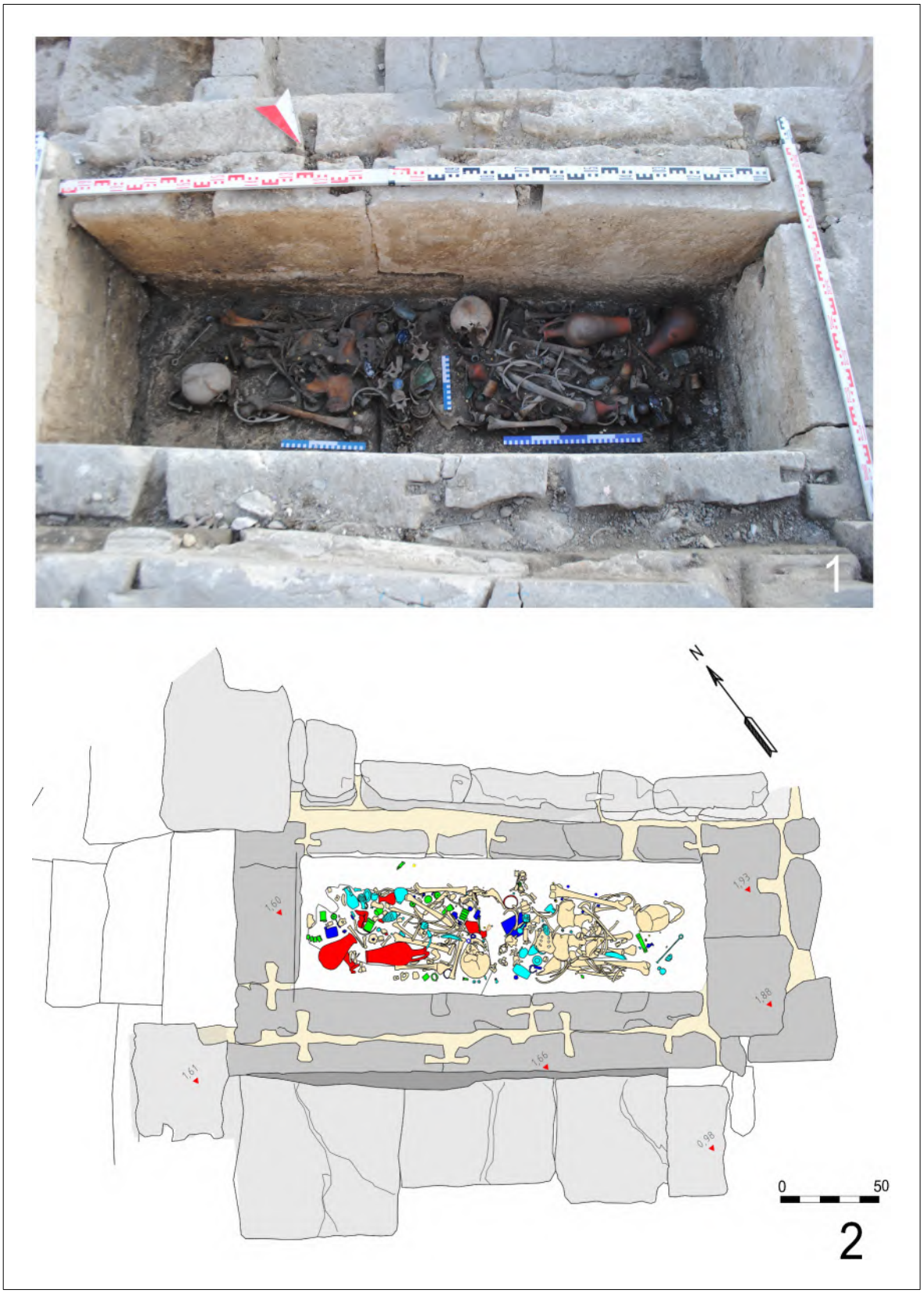


Рис. 2. Плитовая гробница Аннион после снятия перекрывающих плит: *1* — фотофиксация погребения с костными остатками и инвентарем; *2* — планиграфия погребения.

Fig. 2. The slab-built tomb of Annion after the removal of the covering slabs: *1* — photographic record of the burial with skeletal remains and grave goods; *2* — planigraphy of the burial.

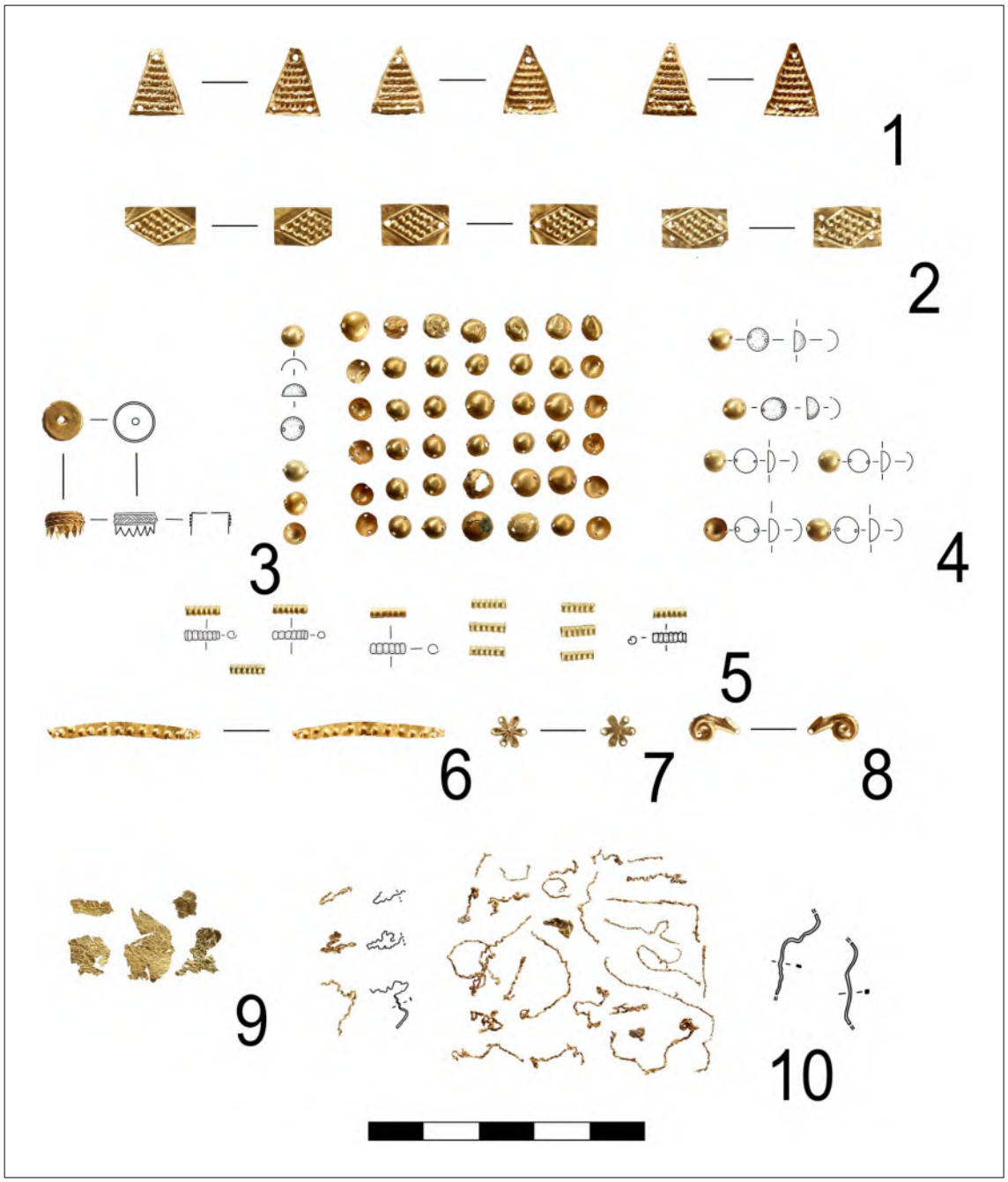


Рис. 3. Золотые нашивные бляшки и детали декоративного убора из гробницы Аннион: *1* — треугольные бляшки с зерненым орнаментом и отверстием для пришивания; *2* — прямоугольные и ромбические бляшки с рельефным орнаментом; *3* — круглая пластина с зубчатым краем и группа полусферических бляшек; *4* — полусферические бляшки и мелкие нашивные элементы; *5* — трубчатые пронизи из золотого листа; *6* — узкие нашивные полоски с рельефным точечным декором; *7* — бляшка-розетка; *8* — спиралевидные декоративные элементы; *9* — фрагменты золотой фольги; *10* — фрагменты золотых нитей.

Fig. 3. Gold sewn plaques and elements of decorative attire from the tomb of Annion: *1* — triangular plaques with granulated ornament and a sewing hole; *2* — rectangular and rhomboid plaques with relief ornament; *3* — round plate with a serrated edge and a group of hemispherical plaques; *4* — hemispherical plaques and small sewn elements; *5* — tubular beads made of gold sheet; *6* — narrow sewn strips with relief dotted decoration; *7* — rosette-shaped plaque; *8* — spiral decorative elements; *9* — fragments of gold foil; *10* — fragments of gold threads.

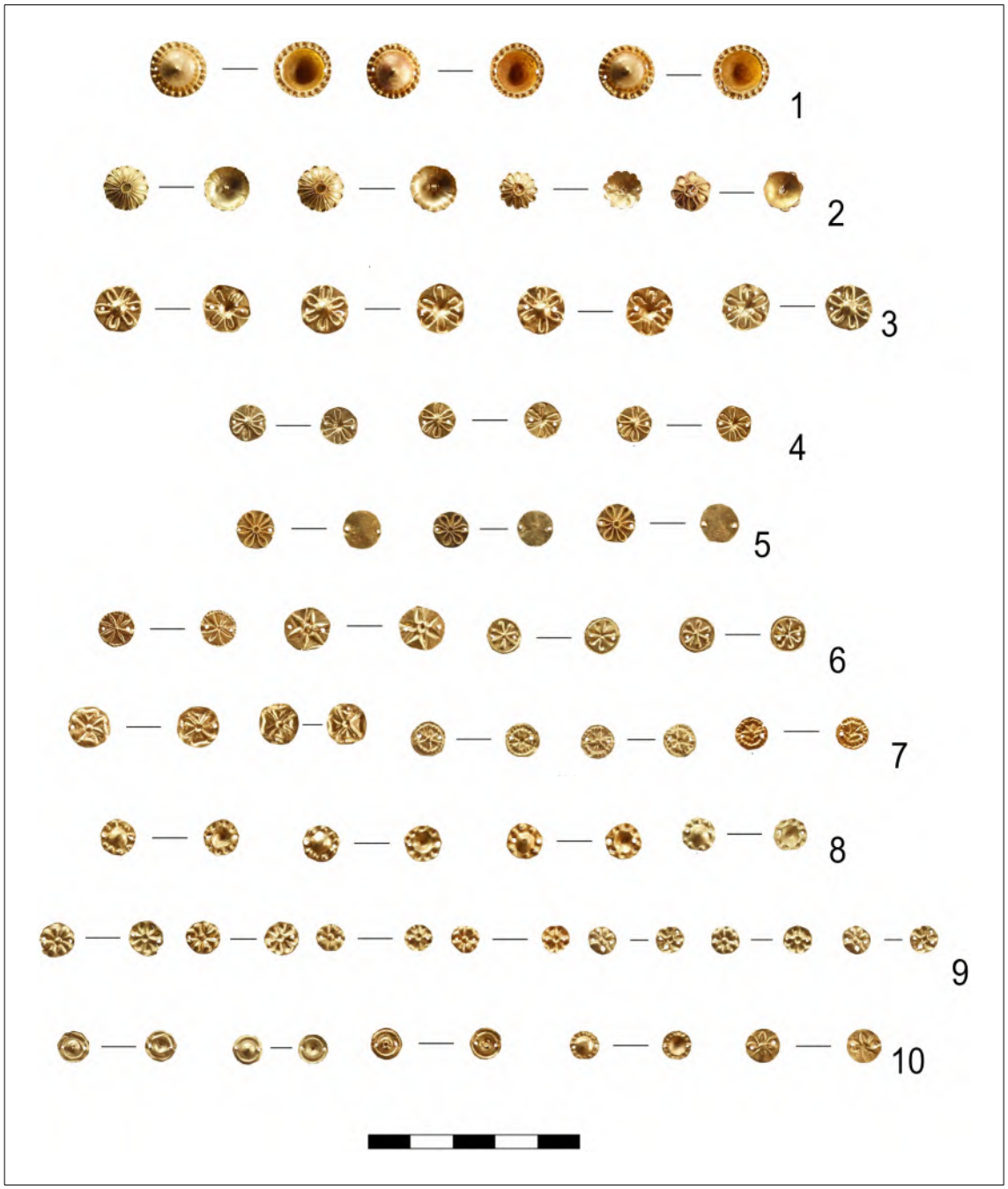


Рис. 4. Золотые нашивные бляшки из гробницы Аннион: *1* — крупные круглые умбоновидные бляшки с рельефным бордюром; *2* — розетковидные бляшки с радиальным рельефным орнаментом; *3* — круглые бляшки с восьмилепестковой розеткой; *4* — мелкие круглые бляшки с радиальной розеткой; *5* — круглые бляшки с гладкой оборотной стороной; *6* — бляшки с рельефной звездчатой композицией; *7* — мелкие округлые и квадратные бляшки с рельефным орнаментом; *8* — полусферические бляшки с отверстиями по краю; *9* — ряд мелких розетковидных бляшек; *10* — небольшие умбоновидные и спиралевидные бляшки.

Fig. 4. Gold sewn plaques from the tomb of Annion: *1* — large round umbo-shaped plaques with a relief border; *2* — rosette-shaped plaques with radial relief ornament; *3* — round plaques with an eight-petalled rosette; *4* — small round plaques with a radial rosette; *5* — round plaques with a smooth reverse side; *6* — plaques with a relief star-shaped composition; *7* — small round and square plaques with relief ornament; *8* — hemispherical plaques with holes along the edge; *9* — row of small rosette-shaped plaques; *10* — small umbo-shaped and spiral plaques.

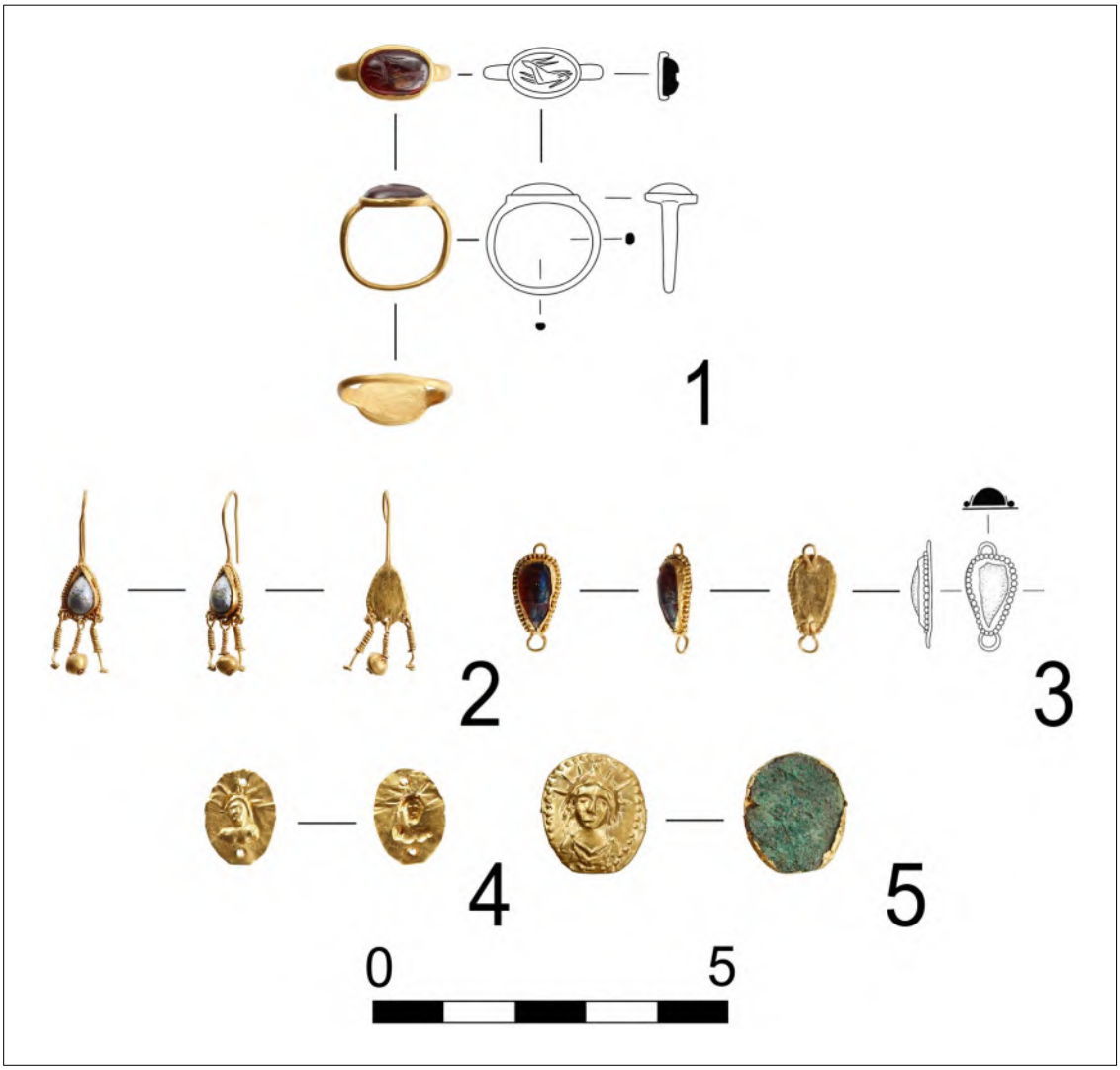


Рис. 5. Золотые украшения и фигурные бляшки из гробницы Аннион: *1* — золотой перстень с овальной вставкой-инталией; *2* — золотая серьга с подвесками; *3* — подвеска с каплевидной вставкой в зерненой оправе; *4* — овальные нашивные бляшки с рельефным изображением Гелиоса; *5* — овальная золотая бляшка с изображением Гелиоса на бронзовой основе.

Fig. 5. Gold ornaments and figural plaques from the tomb of Annion: *1* — gold ring with an oval intaglio insert; *2* — gold earring with pendants; *3* — pendant with a drop-shaped insert in a granulated setting; *4* — oval sewn plaques with a relief image of Helios; *5* — oval gold plaque with an image of Helios on a bronze base.

Рис. 6. Стеклянные сосуды из гробницы Аннион: *1* — стаканообразный сосуд из светло-зеленого стекла; *2* — фигурный сосуд в виде финика; *3, 6* — ребристые одноручные сосуды; *4, 5, 8, 9* — амфориски; *7* — фигурный сосуд в виде виноградной грозди.

Fig. 6. Glass vessels from the tomb of Annion: *1* — beaker-shaped vessel of light-green glass; *2* — figural vessel in the form of a date; *3, 6* — ribbed one-handled vessels; *4, 5, 8, 9* — amphoriskoi; *7* — figural vessel in the form of a bunch of grapes.

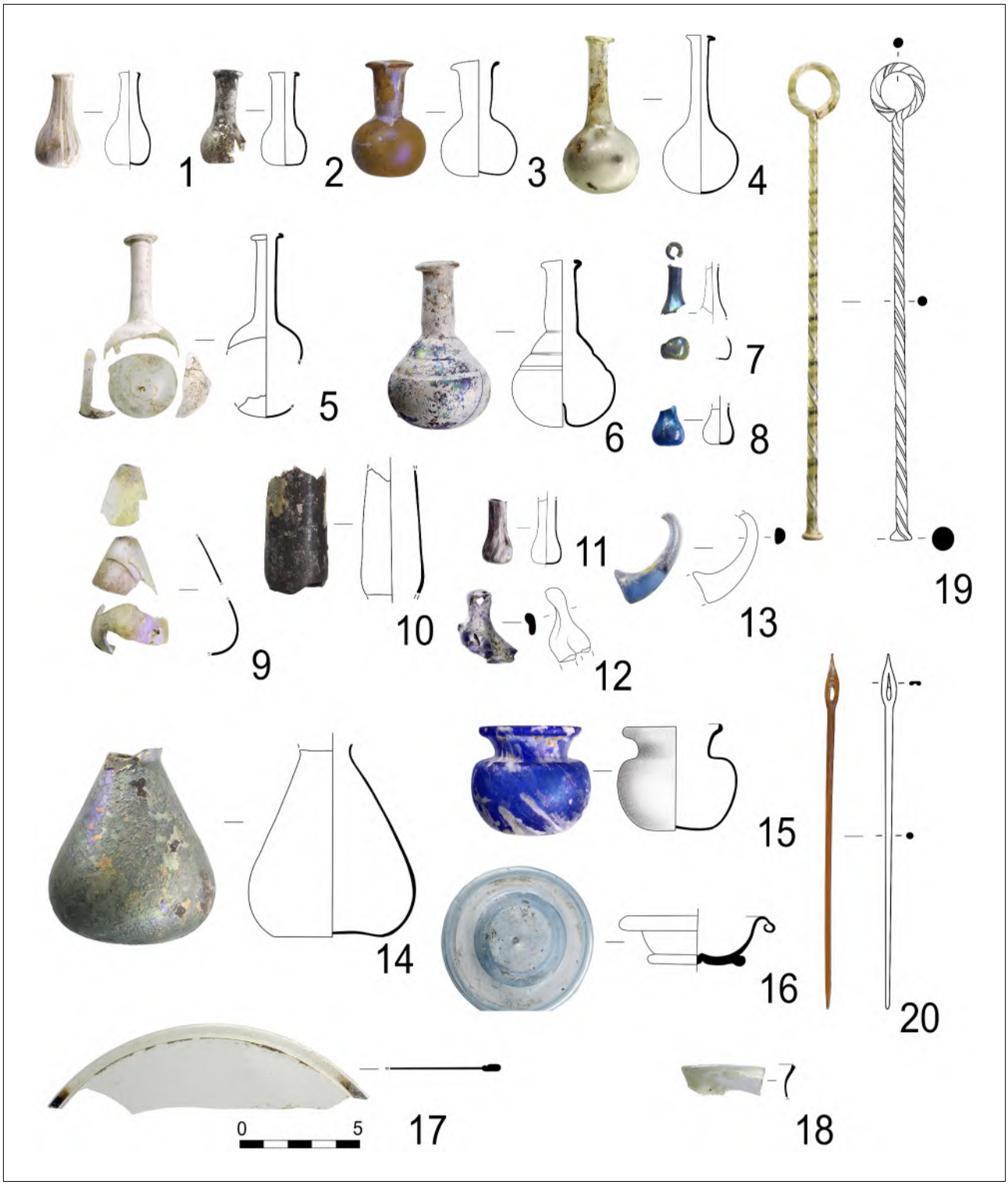


Рис. 7. Стеклянные изделия из гробницы Аннион: *1—11, 14* — бальзамарии; *12—13* — фрагменты стеклянных сосудов; *15* — баночка; *16* — мисочка; *17* — фрагмент блюда; *18* — фрагмент венчика; *19* — косметическая палочка с кольцевым навершием; *20* — палочка.

Fig. 7. Glass objects from the tomb of Annion: *1—11, 14* — balsamaria; *12—13* — fragments of glass vessels; *15* — small jar; *16* — small bowl; *17* — fragment of a dish; *18* — fragment of a rim; *19* — cosmetic rod with a ring-shaped finial; *20* — rod.

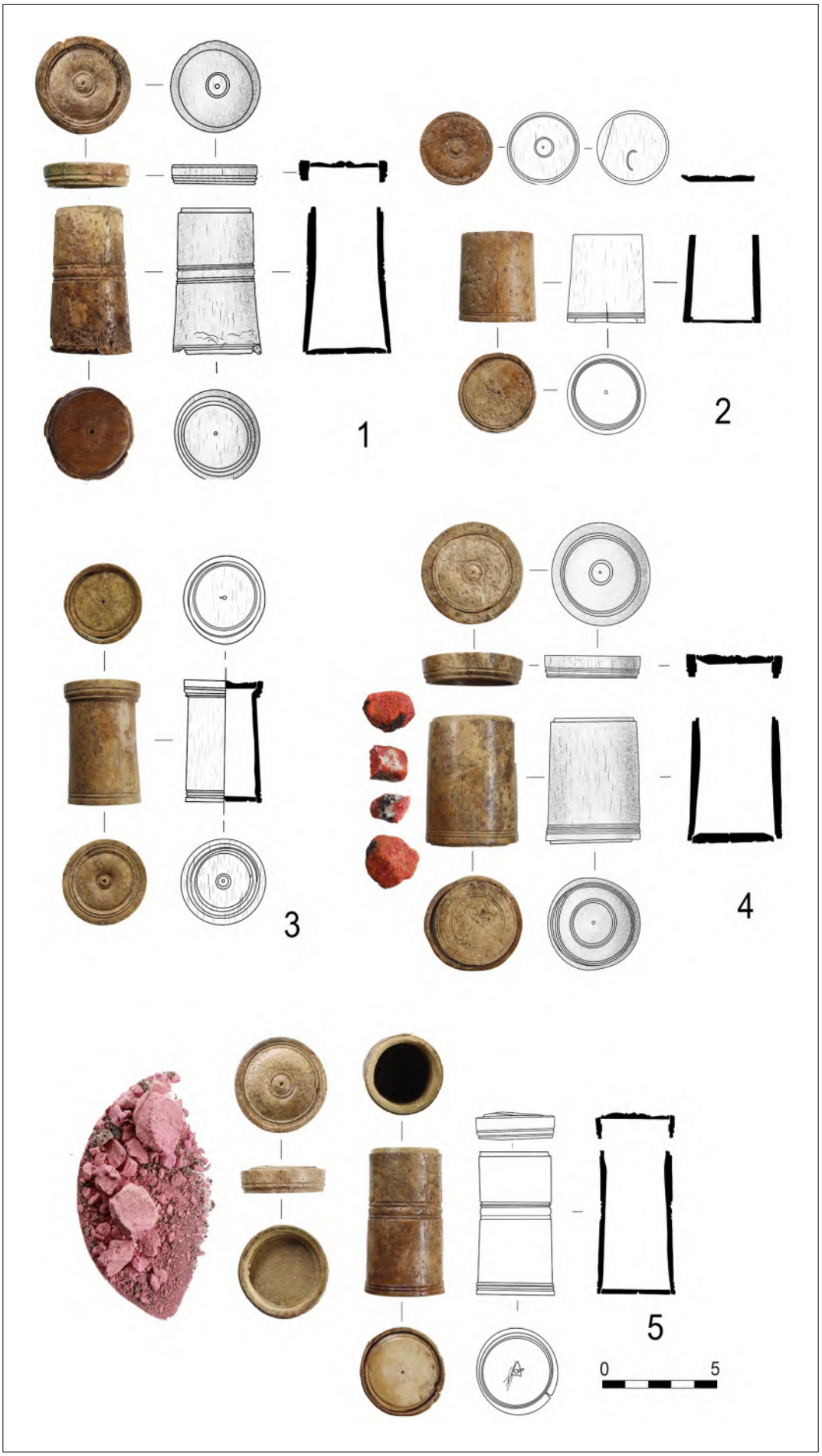

1
2
3
4
5
0
5

Рис. 8. Костяные пиксиды из гробницы Аннион: *1* — крупная цилиндрическая пиксида с крышкой и донцем; *2* — небольшая цилиндрическая пиксида с крышкой и донцем; *3* — цилиндрическая пиксида с профилированными краями; *4* — цилиндрическая пиксида с крышкой, донцем и остатками красного пигмента; *5* — цилиндрическая пиксида с крышкой, донцем и остатками розового пигмента.

Fig. 8. Bone pyxides from the tomb of Annion: *1* — large cylindrical pyxis with lid and base; *2* — small cylindrical pyxis with lid and base; *3* — cylindrical pyxis with profiled edges; *4* — cylindrical pyxis with lid, base, and remains of red pigment; *5* — cylindrical pyxis with lid, base, and remains of pink pigment.

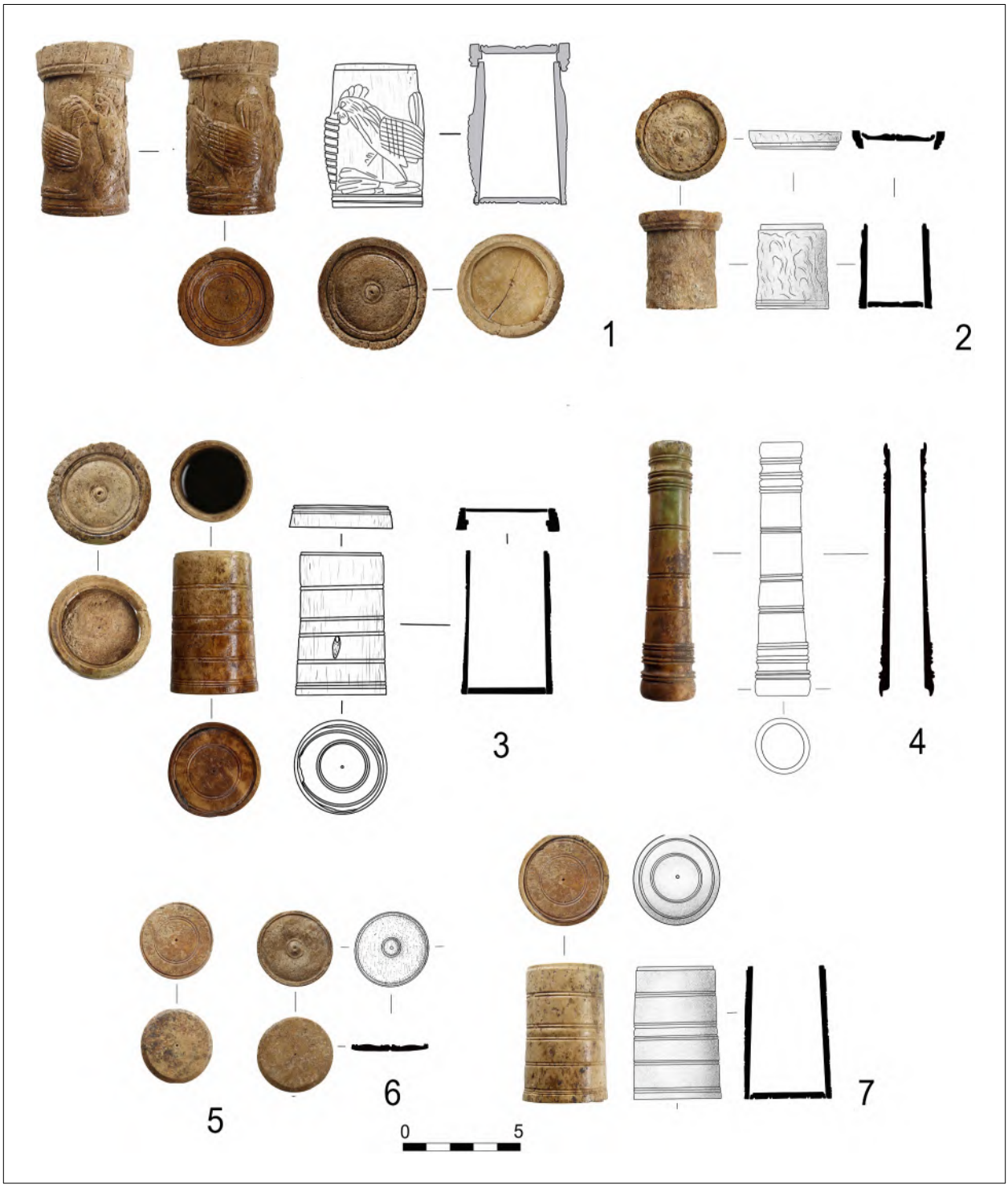


Рис. 9. Костяные пиксиды, крышки и футляр из гробницы Аннион: *1* — цилиндрическая пиксида с рельефным изображением Эрота и петуха; 2 — небольшая цилиндрическая пиксида; *3* — цилиндрическая пиксида с крышкой и донцем; *4* — удлиненный цилиндрический футляр с профилированными поясками; *5—6* — крышки и донца пиксид; *7* — фрагментированная цилиндрическая пиксида с горизонтальными профилированными поясками.

Fig. 9. Bone pyxides, lids, and case from the tomb of Annion: *1* — cylindrical pyxis with a relief image of Eros and a rooster; *2* — small cylindrical pyxis; *3* — cylindrical pyxis with lid and base; *4* — elongated cylindrical case with profiled bands; *5—6* — lids and bases of pyxides; *7* — fragmented cylindrical pyxis with horizontal profiled bands.

Рис. 10. Фрагменты пиксид, костяные накладки и астрагал из гробницы Аннион: *1—2* — костяные кольца / ободки от крышек или корпусов пиксид; *3* — костяное кольцо с боковым отверстием; *4* — точеная костяная деталь; *5—7* — пластинчатые костяные накладки от составного предмета, вероятно шкатулки или футляра; *8* — костяной астрагал.

Fig. 10. Fragments of pyxides, bone overlays, and astragalus from the tomb of Annion: *1—2* — bone rings / rims from lids or bodies of pyxides; *3* — bone ring with a lateral hole; *4* — turned bone detail; *5—7* — flat bone overlays from a composite object, probably a casket or case; *8* — bone astragalus.

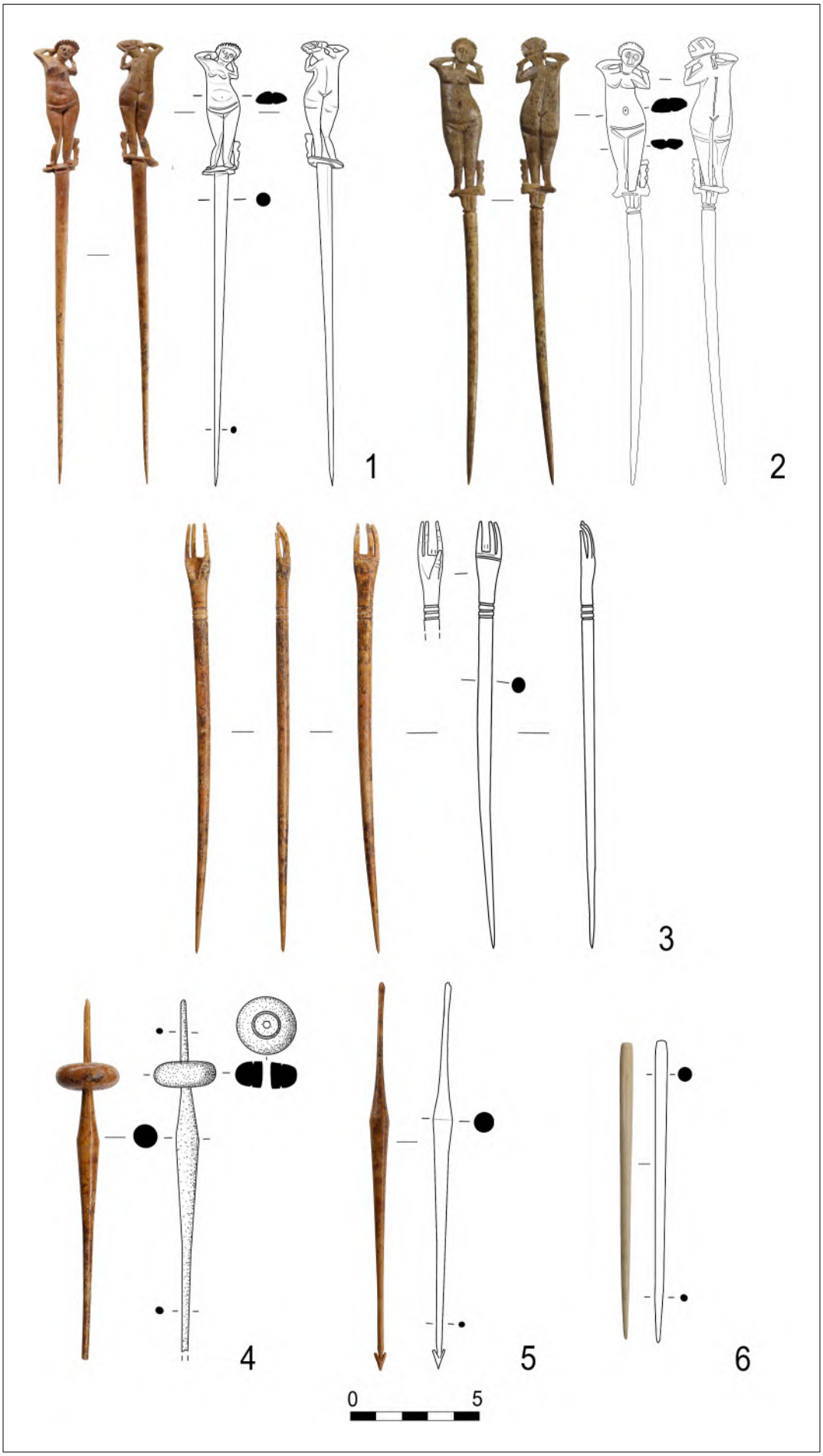

1
2
3
4
5
6
0
5

Рис. 11. Костяные шпильки, проколки, веретено и пряслице из гробницы Аннион: *1—2* — шпильки с навершием в виде Афродиты Анадиомены; *3* — костяной стержень с рабочим концом в виде руки; *4* — веретено с пряслицем; *5* — веретено; *6* — костяная шпилька или проколка.

Fig. 11. Bone pins, awls, spindle, and spindle whorl from the tomb of Annion: *1—2* — pins with finials in the form of Aphrodite Anadyomene; *3* — bone rod with a working end in the form of a hand; *4* — spindle with spindle whorl; *5* — spindle; *6* — bone pin or awl.

Рис. 12. Бусы и подвески из гробницы Аннион: *1* — крупная гагатовая бусина; *2—3* — цилиндрические гагатовые пронизи; *4—10* — гагатовые бусы призматической, биконической, топоровидной, округлой и уплощенной формы; *11—17* — гагатовые кольцевидные и дисковидные бусы; *18* — гагатовая подвеска в виде головы животного; *19* — группа мелких гагатовых бус; *20* — золотая пронизь для бусины; *21—25* — сердоликовые бусы; *26* — стеклянная биконическая бусина; *27—30* — бронзовые бусы и пронизи; *31* — бисер; *32—33* — стеклянные дисковидные, биконические и шаровидные бусы.

Fig. 12. Beads and pendants from the tomb of Annion: *1* — large jet bead; *2—3* — cylindrical jet tubes; *4—10* — jet beads of prismatic, biconical, axe-shaped, round, and flattened forms; *11—17* — ring-shaped and discoid jet beads; *18* — jet pendant in the form of an animal head; *19* — group of small jet beads; *20* — gold tube for a bead; *21—25* — carnelian beads; *26* — glass biconical bead; *27—30* — bronze beads and tubes; *31* — seed beads; *32—33* — glass discoid, biconical, and spherical beads.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
0
5

Рис. 13. Бусы и подвески из гробницы Аннион: *1—6* — подвески и пронизи из горного хрусталя; *7—12, 16* — ребристые фаянсовые бусы голубого и светлого цвета; *13* — фаянсовый скарабей; *14—15* — фаянсовые подвески-амфориски; *17—22, 28, 34* — стеклянные бусы; *23—27, 29* — сердоликовые бусы; *30* — стеклянная трубчатая пронизь; *31—32* — полосчатые полихромные стеклянные бусы; *33* — зеленая трубчатая пронизь.

Fig. 13. Beads and pendants from the tomb of Annion: *1—6* — pendants and tubes of rock crystal; *7—12, 16* — ribbed faience beads of blue and light colour; *13* — faience scarab; *14—15* — faience amphoriskos pendants; *17—22, 28, 34* — glass beads; *23—27, 29* — carnelian beads; *30* — glass tubular bead; *31—32* — striped polychrome glass beads; *33* — green tubular bead.

Рис. 14. Краснолаковая чаша с граффито «AN» из гробницы Аннион.

Fig. 14. Red-slip bowl with the graffito “AN” from the tomb of Annion.

Рис. 15. Красноглиняные одноручные закрытые сосуды из гробницы Аннион.

Fig. 15. Red-clay one-handled closed vessels from the tomb of Annion.

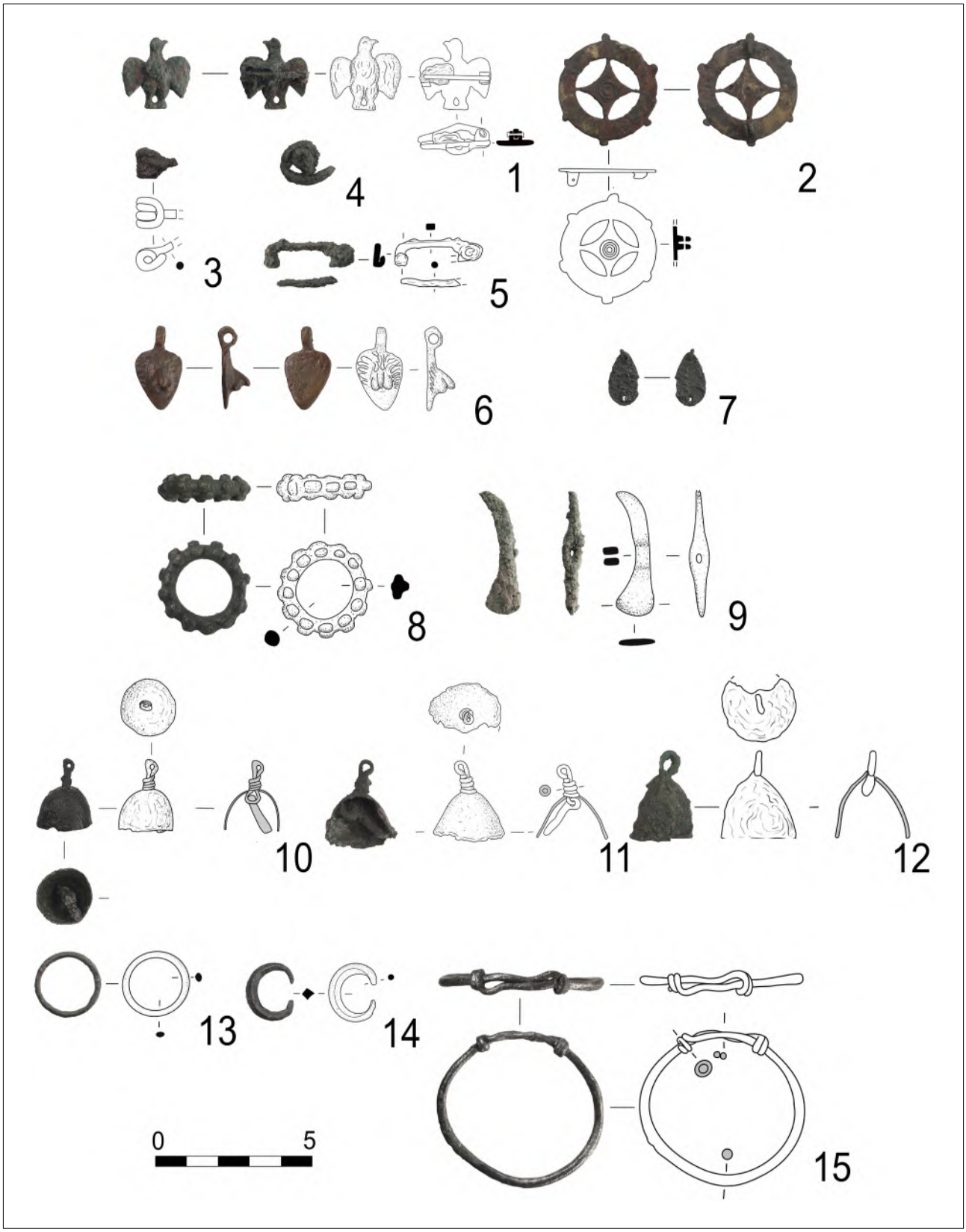

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
0
5

Рис. 16. Изделия из медного сплава и серебра из гробницы Аннион: *1* — фибула в виде птицы с распростертыми крыльями; *2* — колесовидная ажурная фибула; *3—5* — фрагменты застежек, фибул и пряжки; *6* — амулетная подвеска; *7* — листовидная подвеска; *8* — кольцо с выступами; *9* — миниатюрная подвеска в форме топорика-кирки; *10—12* — бронзовые колокольчики; *13* — кольцевидное изделие; *14* — ободок пряжки; *15* — серебряный браслет.

Fig. 16. Copper-alloy and silver objects from the tomb of Annion: *1* — bird-shaped fibula with outspread wings; *2* — openwork wheel-shaped fibula; *3—5* — fragments of fasteners, fibulae, and buckle; *6* — amuletic pendant; *7* — leaf-shaped pendant; *8* — ring with bosses; *9* — miniature pendant in the form of an axe-pick; *10—12* — bronze bells; *13* — ring-shaped object; *14* — buckle rim; *15* — silver bracelet.

1
0
10
2
3
4
5
6
7
8
9
11
12
13
14
10
16
17
18
15
19
20
22
25
24
23
29
33
27
30
26
0
5
28
31
32

Рис. 17. Фрагменты шкатулки и ее фурнитуры из гробницы Аннион: *1—9* — бронзовые накладки и пластинчатые детали корпуса шкатулки; *10* — ригельная планка; *11* — дуговидная ручка; *12* — перфорированная пластина крепления; *13* — цилиндрическая профилированная деталь; *14—18* — мелкие крепежные элементы, петли и зажимы; *19—22* — пластинчатые и трубчатые детали крепления; *23—25* — элементы замка или запорного устройства; *26—28* — железные детали, связанные с конструкцией шкатулки; *29—32* — кольцевидные крепления; *33* — костяной стержень с бронзовыми зажимами.

Fig. 17. Fragments of a casket and its fittings from the tomb of Annion: *1—9* — bronze overlays and plate details from the body of the casket; *10* — bolt plate; *11* — arched handle; *12* — perforated fastening plate; *13* — cylindrical profiled detail; *14—18* — small fastening elements, hinges, and clamps; *19—22* — plate and tubular fastening details; *23—25* — elements of the lock or locking mechanism; *26—28* — iron details associated with the construction of the casket; *29—32* — ring-shaped fastenings; *33* — bone rod with bronze clamps.

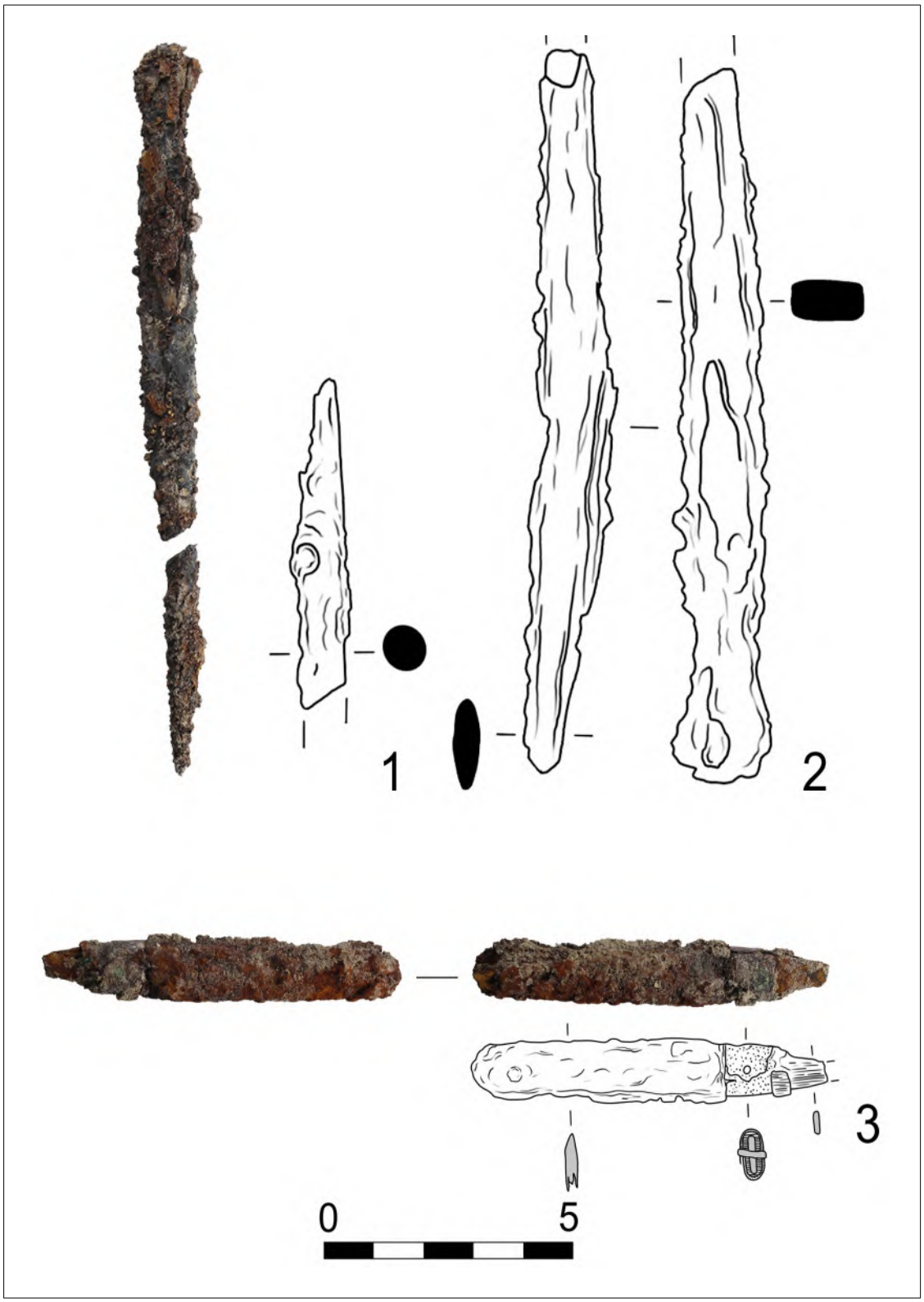


Рис. 18. Железный нож и ножевидные предметы из гробницы Аннион: *1* — железный ножевидный предмет с заостренным концом; *2* — удлиненный железный ножевидный предмет; *3* — железный нож с остатками рукояти и крепежными деталями.

Fig. 18. Iron knife and knife-shaped objects from the tomb of Annion: *1* — iron knife-shaped object with a pointed end; *2* — elongated iron knife-shaped object; *3* — iron knife with remains of the handle and fastening details.

Рис. 19. Терракоты из гробницы Аннион: *1* — фрагментированная терракотовая статуэтка с сохранившейся хвостовой частью птицы; *2* — отреставрированная терракотовая статуэтка мальчика с голубем, прижатым к груди.

Fig. 19. Terracottas from the tomb of Annion: *1* — fragmented terracotta figurine with the preserved tail part of a bird; *2* — restored terracotta figurine of a boy holding a dove to his chest.

Рис. 20. Директор Центра спасательной археологии ИИМК РАН Н.Ф. Соловьева, В.В. Вахонеев и А.Ф. Покровская у гробницы Аннион после реставрации в день открытия музейно-храмового комплекса «Новый Херсонес».

Fig. 20. N.F. Solovyova, Director of the Rescue Archaeology Centre of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, V.V. Vakhoneev, and A.F. Pokrovskaya at the tomb of Annion after restoration, on the opening day of the New Chersonesos museum and church complex.

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.33.99.013

Р.Т. Дарменов, Б.М. Хасенова

ТУМАРЫ В СИСТЕМЕ МУСУЛЬМАНСКИХ МАГИЧЕСКИХ ПРАКТИК*

Одной из устойчивых форм сакральных предметов Центральной Азии являются амулеты, выполненные из металла или кожи — «тумары» («бойтумары»), «базубанды» и «хайкел». Они имели прямоугольную, квадратную, треугольную или цилиндрическую форму и украшались чернью, позолотой, инкрустацией и арабскими надписями. В доисламский период такие изделия предназначались для хранения глиняного или деревянного божества. После распространения ислама их содержимое постепенно приобрело преимущественно религиозный характер: внутри помещались коранические цитаты и молитвенные тексты. Археологические материалы свидетельствуют о многовековой традиции использования подобных изделий. Об этом говорят находки цилиндрических металлических амулетов, датируемых ранним этапом исламизации Южного Казахстана и Жетысу, в том числе на территории Жамбылской области и городища Тараз. Археологические материалы, в частности, клад эпохи Караханидов (тюркская династия, принявшая ислам в 960 г.), с серебряным тумаром и бусами из камня и стекла, свидетельствуют о трансформации традиции амулетов в условиях исламизации региона. Особенно показательны цилиндрические тумары со съёмными колпачками, украшенные растительным орнаментом в технике черни, ранее не характерной для местного ювелирного искусства. В позднесредневековый период они использовались преимущественно как элементы головного убора, а в этнографическое время вошли в состав женских нагрудных украшений. В статье также рассмотрена их символика по этнографическим данным тюрко-монгольских народов. На основании этого, можно сделать вывод, что тумары демонстрируют сочетание исламских религиозных представлений с более древними магико-охранительными традициями, сохранившимися в материальной культуре народов Центральной Азии.

Ключевые слова: эпоха Средневековья, Центральная Азия, Тараз, Караханидский каганат, клады, амулеты, ислам, символика.

Сведения об авторах: Дарменов Рустем Турарбекович[1], старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Казахстан; Хасенова Бакыт Мулдашевна[2], PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Контактная информация: [1]010000, Казахстан, г. Астана, пр. Тауелсиздик, 54, Национальный музей Республики Казахстан, e-mail: darmenov_rustem@mail.ru; [2]010000, Казахстан, г. Астана, ул. Абая 22, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, e-mail: alicar@inbox.ru.

Rustem Darmenov, Bakyt Khassenova

TUMARS IN THE SYSTEM OF MUSLIM MAGICAL PRACTICES

One of the most enduring forms of sacred objects in Central Asia are amulets made of metal or leather — “tumars” (“boytumars”), “bazubands” and “haikels”. They were rectangular, square, triangular or cylindrical in shape and decorated with niello, gilding, inlay and Arabic inscriptions. In the pre-Islamic period, such artefacts were intended to house clay or wooden deities. Following the spread of Islam, their contents gradually took on a predominantly religious character: quotations from the Qur’an and prayer texts were placed inside them. Archaeological evidence attests to a centuries-old tradition of using such objects. This is indicated by the discovery of cylindrical metal amulets dating from the early phase of the Islamisation of Southern Kazakhstan and Zhetysu, including in the Zhambyl Region and at the

* Статья подготовлена по программе фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК 2026—2028, ИРН проекта BR31714853.

Статья поступила в номер 18 марта 2026 г.
Принята к печати 9 апреля 2026 г.

© Р.Т. Дарменов, Б.М. Хасенова, 2026.

Taraz settlement. Archaeological finds, in particular a hoard from the Karakhanid period (a Turkic dynasty that adopted Islam in 960), containing a silver tumar and beads made of stone and glass, bear witness to the transformation of the amulet tradition amidst the Islamisation of the region. Particularly telling are the cylindrical tumars with removable caps, decorated with floral ornamentation using the niello technique, which was previously not characteristic of local jewellery art. In the late medieval period, they were used primarily as elements of headdresses, whilst in ethnographic times they became part of women's breast ornaments. The article also examines their symbolism based on ethnographic data from Turkic-Mongolian peoples. On this basis, it can be concluded that tumars demonstrate a combination of Islamic religious beliefs with more ancient magical and protective traditions that have been preserved in the material culture of the peoples of Central Asia.

Key words: Middle Ages, Central Asia, Taraz, the Karakhanid Empire, hoards, amulets, Islam, symbolism.

About the authors: Darmenov Rustem[1], Senior Researcher, National Museum of the Republic of Kazakhstan; Khassenova Bakyt[2], PhD, Leading Researcher, A.Kh. Margulan Institute of Archaeology.

Contact information:; [1]010000, Kazakhstan, Astana, 54 Tauelsizdik Av., National Museum of the Republic of Kazakhstan, e-mail: darmenov_rustem@mail.ru; [2]010000, Kazakhstan, Astana, 22 Abai St., A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, e-mail: alicar@inbox.ru.

Введение

Одним из распространённых амулетов в Центральной Азии, связанным с установлением ислама являются кожаные или металлические футляры — «тумары» («бойтумары»), «базубанды» и «хайкел». Футляры амулетов могли быть самых разнообразных форм: прямоугольные, квадратные, треугольные и цилиндрические. Как правило, они богато украшены чернью или позолотой, инкрустированы камнями. На них могут быть нанесены как стилизованные, так и подлинные арабские надписи, внутри могли храниться коранические цитаты и молитвы, написанные на бумаге. Они входят в состав украшений всех народов Центральной Азии, исповедующих ислам (напр., у казахов: Маргулан 1994: 175, 177—178).

Как показывают археологические материалы, такие изделия имеют многовековую историю. Об этом свидетельствуют находки металлических амулетов цилиндрической формы, относящихся к раннему периоду исламизации населения Южного Казахстана и Жетысу — в Жамбылской области, а также на городище Тараз. История Тараза, в свою очередь, наиболее наглядно иллюстрирует процесс включения региона в исламский мир.

Городище Тараз — один из древнейших урбанистических центров Южного Казахстана, который находился на оживлённой трассе семиреченского маршрута из Средней Азии в Китай (рис. 1). Первое упоминание о нём содержится в византийских источниках и относится к 568 г., когда во время похода тюрков во главе с Естеми-каганом на персов, здесь произошла встреча с послами Византии и Персии (Пигулевская 1947: 184—214; Жданович 2014: 6—20).

Наивысшего расцвета Тараз достиг после вхождения в геополитическое влияние мусульманских государств — от Арабского халифата до государств Саманидов и Караханидов. В 750—751 гг. на берегу р. Талас произошло сражение между войсками арабов и китайцев, в котором китайцы потерпели сокрушительное поражение (Ибн ал-Асир 2006: 212; Большаков 1980: 132—136). Арабы заняли Тараз и наместником города был назначен арабский военачальник Са'ид ибн Хумайд (Карев 2000: 210—211). Противодействие тюрков вынудило арабов «не присоединять эти территории к своим владениям» (Бартольд 1943: 19). По арабским источникам, здесь в 766—840 гг. правила карлукская династия, которая формально подчинялась халифам Арабского государства. Только поход Исма'ила ибн Ахмада асСамани в 893—894 г. на Тараз привёл к окончательному присоединению города к мусульманского миру (Ибн ал-Асир 2006: 185, 216).

После присоединения Тараза к Арабскому халифату, город становиться крупным торгово-экономическим центром, в источниках он известен, как «Мадинат атТуджжар», т.е. «город купцов» (Калинина 1988: 39). В IX—X вв. город был последним на востоке пунктом мусульманских владений и считался воротами в страну Халлух (дар-и Халлух) и относился к области Испиджаб, которая была местом не только торговли, но и битвы между

мусульманами и неверными тюрками (Ал-Истахри 1939: 177; Ал-Якуби 1939: 149), а также концентрации религиозных общин — мусульман, манихеев и тенгрианцев (асСам'ани 1993: 222; Зуев 2002: 185—205). Арабские источники отмечали, что население городов Тараз, Шалджи, Мирки, Навикат, Фарункат и др. состоит из «мусульман и тюрков», а далее на восток шла «страна войны и неверия» (Ал-Истахри 1939: 178). После распада Караханидского каганата на две части, Тараз вошел в состав восточного владения (Кочнев 2006: 193—207). В середине XI в. Тараз стал столицей удела Ибрахима б. Мухаммада, который принял титул Арслан-хана (Кочнев 2006: 205). В 1098—1099 гг. владетель Тараза и Баласагуна Кадыр-хан Джабра'ил завоевал Западный Караханидский каганат (Кочнев 2006: 216).

Вхождение крупных городов Южного Казахстана и Жетысу в состав исламского мира привело к образованию групп тюрков, принявших ислам — туркоман, что означало «похожий на тюрка» (алБируни 1963: 19).

Как отметил О.К. Караев, переход тюрков в ислам произошел после 943 г. в связи с появлением новой мусульманской династии тюрков — Караханидов (Караев 1983: 95). О принятии ислама Караханидами имеются сведения тюркского историка XIII в. Джемаля Карши, который ссылается на «Историю Кашгара», написанную в XI в. Он пишет о том, что первым его принял Сатук Богра-хан Абд-ал-Керим. Детально датировать данное событие позволило сообщение исламского ученого Ибн-ал-Асира о принятии ислама многочисленным тюркским народом (количеством 200 000 шатров) в 349 г. х./960 г. Это известие, по мнению В.В. Бартольда, нужно связывать с Караханидами (Бартольд 1898: 266—267).

Основные военые действия арабов и других мусульманских правителей не выходили за географической черты оседлости и заканчивались на границе Мавереннахра и Южного Казахстана. Обращение в ислам тюрков в это время шло не «огнем и мечом», а благодаря проникновению в степь суфийских орденов. Поэтому они разделяли весь восток на «страну ислама» (мамлакат ал-ислам) и «страну тюрков» (билад ат-турк) (Ибн ал-Асир 2006: 167). Так, в трудах Махмуда Кашгари имеется хадис следующего содержания: «Всевышний бог сказал: У меня есть войско, ему я дал имя Турк, его я на востоке поселил. Когда я разгневаюсь на какой-нибудь народ, тюркам во владение тот народ отдаю» (Кононов 1949: 40—47). В изречениях Муавии — основателя династии Омейядов, сказано о тюрках следующее: «не взывай (т. е. не взывайте к исламу) к двоим лежачим...оставьте их в покое, пока они вас оставляют ...» (Зайончковский 1966: 195).

С распространением ислама в городах Южного Казахстана, служивших пограничными центрами мусульманской цивилизации на рубеже Степи, усиливается деятельность суфийских проповедников, сыгравших важную роль в исламизации местного населения. Суфийские братства способствовали адаптации исламского вероучения к местным культурным традициям. В этот период формируются и получают широкое распространение такие духовные течения, как яссавийа, кубравийа и позднее накшбандийа, оказавшие значительное влияние на религиозную и философскую мысль региона. Согласно средневековой традиции, деятельность миссионеров, в том числе Исхак-баба и Баба Тукты Шашты Азиза, способствовала мирному распространению ислама среди степного населения (Мустафина 1992: 81—82). Укрепление позиций суфизма привело к формированию своеобразной региональной модели ислама, в которой ортодоксальные религиозные нормы сочетались с мистико-философскими представлениями и элементами местных духовных традиций.

В настоящее время мы имеем большое количество образцов мусульманских талисманов с коранических текстами, нанесёнными на разные материалы и предметы. Это могли быть отдельные слова, фрагменты аятов или полный текст Корана, упакованные в мешочек, деревянный или металлический футляр, перстень, оружие, сосуд или навершие боевого знамени. Также важной находкой раннего периода распространения ислама является перстень-печать с именем Пророка, обнаруженный на городище Джанкент (Кызылординская область, Республика Казахстан) (Дарменов и др. 2024: рис. 2: 1).

Материалы

Значительный интерес в рамках рассматриваемой темы представляет собой клад эпохи Караханидов, состоящий из различных украшений. В Жамбылском областном историко-краеведческом музее экспонируется комплект из серебряных изделий и бусин, составляющих ожерелье (№ КП-175 18/4-37/Б-3555)[1]. Он поступил в музей в 2007 г. от жителя с. Амангельды (совр. название с. Тамабек, Таласский район, Жамбылская область) (рис. 1). Комплект находился в керамическом сосуде, от которого сохранилось тулово, покрытое черной глазурью. На плечиках сосуда белым нанесены надглазурные псевдонадписи. Выше псевдонадписей сохранились остатки трёх красных кружков с белой каймой и черной точкой в центре.

Фотография комплекта воспроизводилась в научно-популярном издании (Байпаков и др. 2011: 350), но без описания и атрибуции. Также он представлен в каталоге выставки «Неизвестный Казахстан. Археология из сердца Азии», состоявшейся в 2013 г. в Немецком музее горного дела г. Бохум (Unbekanntes Kasachstan 2013: № кат. 752). Так как комплект украшений, составляющий клад, является сейчас единым музейным предметом и экспонируется в постоянной экспозиции музея, при описании мы будем ссылаться на отдельные его детали, пронумерованные на фото (рис. 2).

Из серебра выполнены следующие детали ожерелья.

Амулетница-бойтумар (рис. 2: 1) цилиндрической формы, шестигранная. Длина 6,9 см, высота 3,4 см Верхняя и нижняя грани узкие, боковые — широкие. С одной торцевой стороны выполнен полусферический выступ, заканчивающийся маленькой округлой «шишечкой». С противоположной стороны — аналогично выполненный выступ. Он представляет собой съёмную часть украшения, в виде крышечки она вставлена плотно в цилиндр. Длина крышечки 2,5 мм. Между полусферой и внутренней частью цилиндра выполнен небольшой бортик, предназначенный для оформления части, где они соприкасаются друг с другом. Полусферы украшены тремя концентрическими окружностями, выполненными в технике чернения.

К верхней узкой грани цилиндра крепятся три массивные округлые петли, расположенные на стойках высотой 1,1 см, округлой в сечении. Диаметр петель 5 мм. Необходимо обратить внимание на такую деталь. Крайняя ножка, с одной стороны, размещена на поверхности съёмной крышечки для того, чтобы совместить эту часть украшения с цилиндром, на его поверхности выполнен небольшой специальный паз прямоугольной формы.

С обеих сторон украшения размещены орнаментальные композиции. Каждая из них развёрнута на двух вертикальных широких гранях. С одной стороны, орнамент выполнен по принципу зеркальной симметрии и развёрнут по горизонтали. С другой стороны, на обеих гранях повторяется один и тот же орнаментальный сюжет.

В первом случае центральным элементом композиции являются две пальметты, расположенные на противоположных сторонах декоративного пространства. Они соединены вместе узкой полоской, протянутой от вершины первой фигуры ко второй. Пальметты имеют короткие, закруглённые боковые листья, покрытые поперечной штриховкой. Центральный лист крупный, удлинённый, вытянутый вверх. Растительные фигуры окаймлены широкой заштрихованной рамкой. Штриховка нанесена поперёк или под наклоном, на некоторых участках, при этом, она выполнена под углом по отношению друг к другу. С обеих сторон по центру рамка сужается, образуя дуговидные выемки. За её пределами в образуемом пространстве, в свою очередь, нанесено ещё по одному декоративному элементу. Здесь фиксируются небольшие дуговидные заштрихованные фигуры. Внутри них нанесены два изящных побега с закруглённым слабо выраженным окончанием, ориентированные навстречу друг другу. Чернь присутствует в оформлении фона этой композиции.

С обратной стороны украшения декор нанесён в другой манере, с использованием тонких линий и крупных фигур. Он выполнен следующим образом. От центра в

[1] Благодарим директора Жамбылского областного историко-краеведческого музея С.Р. Ілияс за возможность ознакомится с данным экспонатом.

противоположные стороны направлены два растительных побега, образуя S-видную фигуру. Они заканчиваются крупным завитком, от которого вбок отходит тонкий узкий лист. Рисунок выполнен в технике чернения.

Декоративное пространство на лицевой и обратной стороне окаймлено сдвоенной линией, выполненной чернением. Ещё геометрические фигуры с использованием этой техники повторяются в следующих случаях. Нижняя узкая грань цилиндра украшена продольной линией, нанесённой по центру. На ребре выполнено также по одной линии, они окаймляют прямоугольник, где размещено декоративное заполнение.

Крупные округлые бусины (рис. 2: 6, 9, 27, 29, 33) состоят из двух соединённых вместе полусфер. Диаметр 2,3 см, высота 2,8 см. В месте соединения фиксируется нечёткая линия, по обе стороны от неё нанесена плетёнка, окаймлённая ещё линиями. Все эти декоративные элементы выполнены в технике чернения. Вокруг округлых отверстий сверху и снизу подвесок имеются массивные валики. Они изготовлены из округлого в сечении прута с окончаниями, сведёнными вплотную друг к другу.

Мелкие округлые бусины (рис. 2: 16, 20), также, как и крупные изготовлены из двух полусфер, диаметром 1,4 см. По центру имеется выпуклая линия, выполненная из крученой проволоки в технике филиграни. У одной подвески фиксируется один виток проволоки, с заходящими друг на друга окончаниями. Второе украшение декорировано с помощью трёх таких витков.

Каплевидные (сферо-конические) бусины-пронизи (рис. 2: 17, 19). Небольшой уступчик разграничивает полусферу в основании фигуры и конус остальной части украшения. Длина 4,2 см, диаметр 1,5 см. Диаметр отверстия в основании 4 мм, в верхней части — 7 мм. С обеих сторон отверстия окаймляются небольшими валиками, имеющими, соответственно, разный диаметр. В конической части изделия фиксируется продольная слабо выраженная выпуклая и, частично, углубленная неровная линия, отмечающая место стыка пластины, из которой сделана подвеска.

Овальная бусина (рис. 2: 32) так же, как и остальные, спаяна из двух полусфер, диаметром 2,1 см, длиной 1,6 см. По центру нанесена выпуклая полоска филиграни, выполненная из четырёх витков крученой проволоки. Полоска шириной 2,5 мм. По обеим сторонам подвески выполнены округлые отверстия.

Фрагмент бусины (рис. 2: 34). Сохранился только небольшой фрагмент участка, где размещалось отверстие. Оно было окружено крупным валиком, выполненным из округлого в сечении прута.

Также в состав ожерелья входили каменные и стеклянные бусины.

Гагатовые бусины представлены несколькими формами. Имеются три крупные бусины грушевидной формы, длиной 2,3 см, диаметром 1,8—1,9 см, одна из них состоит из двух фрагментов и при низке на нитку для экспонирования их разделили (рис. 2: 8, 23 и 18а и 18б), две бусины имеют бочонковидную (длина 0,7 см, высота 1,1 см) (рис. 2: 5, 28), одна — шаровидную форму, диаметром 0,8 см (рис. 2: 21), две — бочонковидные ребристые, длиной 0,8—1 см, диаметром 1,2—1,3 см (рис. 2: 12, 24), ещё одна — кубическая со скруглёнными углами (1,8 × 1,8 см) (рис. 2: 13). **Халцедоновые бусины** эллиптоидной формы белого цвета, длиной 1,8 см, диаметром 1,3—1,5 см (рис. 2: 11, 25). По одному экземпляру фиксируются **кварцевая подвеска** в форме топорика длиной 1,3 см (рис. 2: 22) и округлая, уплощенная **сердоликовая бусина** диаметром 1,1 см (рис. 2: 10). **Коралловые подвески** продолговатой формы имеют длину от 3,5 до 5,8 см (3 экз.) (рис. 2: 4, 30, 31).

Стеклянные бусины черного цвета с бело-голубыми глазками (рис. 2: 2, 3, 7, 26) бочонковидной формы двух разновидностей: крупные длиной 1,4—1,5 см, диаметром 1,4 см, средние длиной 0,8 см, диаметром 1 см. Сильно ирризированная шаровидная **бусина из зеленого стекла** имеет диаметр 1,2 см (рис. 2: 15).

В ходе археологических исследований на городище Тараз выявлены два клада золотых и серебряных украшений, которые, по мнению авторов коллективного труда «Тарихи Тараз.

Художественное серебро эпохи Караханидов», могли принадлежать ювелирам и сокрыты не ранее середины XI в. в связи с военной экспедицией сельджукского султана Малик-шаха (Смаилов и др. 2025: 217). В состав клада 2017 г. входили два серебряных тумара, представляющих собой полые шестигранные футляры со слегка вытянутым призматическим корпусом и двумя полусферическими колпачками, завершающимися выпуклыми навершиями (рис. 3: 1—3). В их оформлении блестяще продемонстрированы художественные достоинства техники чернения: с её помощью заполнялся фон или же акцент делался на самом орнаменте. Более крупный тумар декорирован с одной стороны крупным S-видным завитком, с другой — композицией из двух противопоставленных трёхчастных полупальметт (Смаилов и др. 2025: № кат. 41). Украшение меньшего размера покрыто более схематичным орнаментом, состоящим из S-видных завитков и меандра (Смаилов и др. 2025: № кат. 42).

Украшения, аналогичные таразским тумарам, обнаружены в составе кладов из Сиджака (Бостанлыкский район, Ташкентская область, Республика Узбекистан) и Сайрам-су (найден недалеко от г. Шымкент, Республика Казахстан), датируемых X—XII вв. (рис. 3: 4—5). Эти украшения представляют собой футляры удлинённо-призматической формы, изготовленные из тонкого листового серебра. Их концы завершались куполовидными колпачками, один из которых выполнял функцию крышки. Подвешивались футляры горизонтально с помощью трёх петель. Форма шестигранной призмы чуть уплощена, так что две передние и две задние грани широкие, а верхняя и нижняя более узкие.

Призматическая часть футлярчиков сплошь орнаментирована. Узор наносили гравировкой, чеканкой, тиснением, чернью и золочением (Ахраров, Темиргалиев 1966: 120—122; Фахретдинова 1988: 53). Узоры стилистически не повторялись, украшая две передние грани, причем в форме каждой грани соотвествовала своя композиция, объединённая в общую одночастную или трёхчастную композицию. При любом композиционном членении образующие её прямоугольные поля заполнялись разнообразным орнаментом, изображениями животных: хищников, слона, птиц, растений. Также на амулетницах были нанесенены псевдоарабские или подлинные надписи с благочестивыми или благожелательными изречениями (Фахретдинова 1988: 53).

Клад из Сайрам-су, на основании обнаруженных монет, датируется второй четвертью XI в. (Путешествие ибн-Фадлана 2016: 131). Как отметила Д.А. Фахретдинова, клады Сиджака и Сайрам-су принадлежали ювелирам, так как, наряду с готовыми изделиями, присутствовали поношенные, поломанные изделия, куски серебра (Ахраров, Темиргалиев 1966: 120—122; Фахретдинова 1988: 53). В кладе из Жамбылского музея лежали только украшения.

Наиболее поздние археологически известные тумары относятся к монгольскому периоду, когда они получают широкое распространение в составе костюма элиты Монгольской империи и Золотой Орды. Особое место тумары занимают в декоре знаменитых ***боктаг***[2]. В отличие от более ранних традиций, они изменяют своё положение в костюме и закрепляются в средней части головного убора, в месте его расширения кверху. На уникальном боктаг из Внутренней Монголии (собрание фонда Марджани) два серебряных цилиндрических тумара размещены на лицевой и тыльной сторонах головного убора и соединены между собой цепочками (Крамаровский 2015: № кат. 256).

Высокий статус подобных изделий подтверждают материалы Симферопольского клада, включавшего 328 предметов и, по мнению М.Г. Крамаровского, принадлежавшего представителю высшей аристократии (Крамаровский 2001: 304—305). В его составе представлены золотые цилиндрические тумары двух типов: четыре ажурных, выполненных в технике филиграни, и один цельнометаллический (Крамаровский 2001: № кат. 483—486, 489). Конструкция последнего, в частности оформление колпачков на окончаниях, близка экземпляру из Жамбылского музея, а его внутренняя полость была заполнена фисташковой смолой (Крамаровский 2001: 331, № кат. 489).

[2] Высокие головные уборы знатных женщин Монгольской империи.

К числу позднесредневековых находок относятся также серебряный цилиндрический бойтумар, украшенный филигранью и обнаруженный в результате грабительских раскопок в окрестностях г. Семей (Дмитриева, Левашова 1965: рис. 5, 8), его бронзовый аналог — из разрушенного женского погребения близ с. Алмалы в Жетысу (Тулегенов, Хасенова 2023: рис. 3: 2). Эти материалы свидетельствуют о сохранении традиции изготовления цилиндрических тумаров в монгольскую эпоху и её дальнейшем развитии в ювелирном искусстве казахов.

Обсуждение

Проникновение ислама в Центральную Азию принесло большие изменения в материально-духовной культуре проживающих здесь народов. Военная и экономическая экспансия Арабского халифата разрушила древние устои, культы и ритуалы, а также мировоззрение коренного населения. На огромном пространстве от Пиренеев до Памира и Восточного Туркестана на обломках государственных образований поздней Античности и кочевых держав возникали государства мусульманского Средневековья.

В условиях преобладания неарабского населения на территории Арабского халифата, связанных с культурой, мировоззрением и традициями предшествующей эпохи, возникает «народный ислам», отличавшийся от «аравийского (классического) ислама». Огромную роль в развитии, становлении и распространение «народного» ислама у неарабского населения сыграли суфийские учения и их адепты. Мировоззрение членов суфийских орденов и их аллегорическое истолкование Корана на примере использования имени Аллаха привело к широкому проникновению фрагментов коранического текста в быт, когда вера в магическую силу «слова Аллаха» привело к массовому проявлению «аятов и сурр» в изделиях оружейников, ювелиров, гончаров, строителей и ткачей (Резван 2011: 149—178).

Суфии внесли в ислам магию чисел, слов, цветов, запахов, заклинания и заговоры. Именно в это время входят в обиход многочисленные Кораны-талисманы (Резван 2001: 321—350). Всё более широкое распространение получает использование отдельных сур и аятов в магических целях. Их зачитывали вслух или записывали на самые разнообразные материалы (бумага, шелк, кусок одежды девочки, серебро, золото, различная посуда, зеркало, старый женский гребень и др. вещи) (Вамбери 1877: 23; Семёнов 1942: 311; Жданко 1952: 36; Захарова, Ходжаева 1964: 136; Иванов, Махова 1968: 116; Сазонова 1970: 113—142).

Этимология происхождения названия амулетов показывает, что наиболее древнее из них «хайкел», которое встречается у каракалпаков, туркмен, башкир, узбеков и таджиков. Само слово «хайкел» иранского происхождения и обозначает «скульптуру», «памятник» (Алламуратов 1989: 77—82). У каракалпаков такое украшение с вставками камней, цепочками, подвесками девушки носили до замужества, по сообщению некоторых информаторов, вплоть до рождения одного-двух детей. В детском костюме бытовали тумары в виде небольших серебряных цилиндрических футляров, которые пришивались к одежде, обычно на спине. В них помещали листки с молитвами (*дуа*), написанными муллой, а также лекарственные растения и сакральные предметы. Цилиндрическая форма этих амулетниц, вероятно, сохраняла символическую связь с представлениями о плодородии и охранительной магии (Этнография каракалпаков 1980: 98—100).

Как отметила Н.Г. Борозна, опираясь на собранную информацию, хайкел-амулетница предназначался первоначально для хранения глиняного или деревянного божка (Борозна 1975: 291). В книге «История Бухары» Мухаммеда Наршахи дается информация о празднование праздника Махруч, которые согдийцы справляли два раза в год — в 12-ый день месяца Нисандж и в 12-ый день месяца Бесакандж (Наршахи 2011: 32, 205). Этот праздник был связан с культом божества Луны (Бируни 1957: 254). «Два раза в год по одному дню там проводился базар. Каждый раз, когда был базар, [на нём] продавали идолов. В течение одного дня торговали больше, чем на пятьдесят тысяч дирхамов»...«из года в год изготавливали идолов, и в назначенный день доставляли [их] на этот базар и продавали, а люди [их] покупали. Все, у кого

[идол] потерялся или сломался, или устарел, когда наступал день базара, покупали других [идолов], а старых [идолов] выбрасывали» (Наршахи 2011: 32).

И.А. Кастанье в описании погребального обряда торгоутов Тарбагатая описывает антропоморфные фигурки — «кошачулу», слепленные из пепла умерших и глины для увековечения его памяти (Кастанье 1910: 307—320). Также им было выдвинуто предположение, что антропоморфные изображения могли заменять телесную оболочку и быть божественным двойником.

Принцип применения этих амулетов восходит к магическим представлениям и фетишизму. Цилиндрическая форма тумаров и тот факт, что их носили для того, чтобы было много детей, имеет связь с фаллическими культами плодородия древнего Востока. В комплекс украшений невесты должно было входить несколько тумаров: буйин-тумар (шейный), кукрак-тумар (нагрудный), култук-тумар (его носили под рукой), среди которых основной формой являлись треугольные и цилиндрические (рис. 3: 6—8). Таким образом, обычай ношения тумаров, вероятно, связан генетически с идеей плодородия. Тумары могли быть украшены подвесками в виде иголочек, монет или бусин кузмунчак (Резван 2007: 54).

Н.Г. Борозна обратила внимание на бухарский тип такого украшения, состоящий из трёх тумаров, соединённых между собой цепочками. Центральный элемент — треугольной формы, боковые имеют прямоугольную форму. Это украшение невесты носили в области бедер. Считалось, что они обеспечивали богатым потомством и делали роды легкими (Борозна 1975: 291). Аналогичный оберег встречается у хакасов — нагрудный оберег *пого (момах)*[3]. В традиционной культуре беременные женщины ранее носили *пого* на уровне пояса, что связывалось с его защитной функцией — обереганием будущего ребёнка от дурного взгляда и негативного воздействия (Москвина 2013: 85; Огурцова 2025: 74—76).

Следует отметить, что в монгольскую эпоху мы имеем изменение способа ношения амулетниц. Они начинают закрепляться на головных уборах, что по нашему мнению связано с традиционной сакрализацией волос. У хакасов первые косички девочек могли заплетаться с использованием пуповины, которая воспринималась как сакральный предмет. У теленгитов пуповины (киндик), хранившиеся в кожаных мешочках, вплетали в косы девочек, а позднее этот мешочек закрепляли на украшении *шалтрак*[4] (Москвина 2013: 84). Эти представления нашли отражение в фольклорных и этнографических материалах. Так, в бурятской легенде о шамане Барлаке небесные покровители вручают ему конские волосы и землю как символ богатства и многочисленного потомства (Сагалаев, Октябрьская 1990: 79).

Заключение

По мнению Э. Гюль, амулеты-тумары восходят к культуре подвижных скотоводов и представляют собой особый вид ювелирных украшений, тесно связанный с магико-охранительными представлениями степных кочевников. Их происхождение относится к архаическим пластам культуры, а широкое распространение обусловлено миграциями тюркских племён. После принятия ислама тумар был интегрирован в мусульманскую традицию как оберег с коранических текстами, сохранив при этом отдельные элементы более ранней магической символики (Гюль, 2008).

Традиционная вера в амулеты восходит не к времени распространения ислама, а к гораздо более раннему периоду истории человечества, о чем свидетельствует этнографический материал, относящийся ко всем народам мира. Поэтому рассмотрение амулетов важно, прежде всего, для изучения наследия древних верований в поздних религиях. Важным является рассмотрение этих сакральных предметов в исторической ретроспективе. В исламском мире запрещалось использовать амулеты, но нанесение на

[3] Хакасский женский нагрудный оберег полумесяцевидной формы, украшенный перламутром, кораллом, бисером и символизировавший плодородие и защиту.

[4] Хакасский наспинный оберег-пластина с украшениями и футляром для пуповины.

такое изделие имени Аллаха или коранических аятов делали его использование допустимым и одобряемым (Резван 2011: 150). В основном на таких амулетах писались формулы типа «к Аллаху я прибегаю» (2: 67) и их разнообразные вариации. В мусульманских трактатах, посвященных изготовлению талисманов и амулетов, приводятся правила оформления сакральных надписей и использования разнообразных элементов для их художественного оформления (Резван 2007: 51). На них должны быть нанесенные специальные рисунки — фигурок ангелов, людей, животных, символы Луны, Солнца, планет, геометрические и растительные узоры и известная «рука Фатимы».

Принятие ислама населением Центральной Азии наглядно демонстрируют инновации в предметном мире, фиксируемые археологически. Одной из устойчивых форм сакральных изделий рассматриваемого времени и в последующие века стали тумары цилиндрической формы со съемным колпачком. Они украшались пышным растительным орнаментом с использованием техники черни, не характерной до этого для ювелирного искусства региона. В эпоху позднего Средневековья, насколько это известно по имеющимся материалам, они входят в состав не нагрудных украшений, а деталей оформления головного убора. В свою очередь, в этнографическое время происходит окончательная локализация — в верхней части женского костюма, по преимуществу, в составе ожерелий, а также функция — выступать в качестве вместилища для хранения текстов из Корана. Вопрос об их содержимом на ранних этапах распространения ислама остается открытым. В плане их назначения, к числу возможных аналогий предшествующего времени могут быть, отнесены также эффектные амулеты раннего Средневековья, получившие распространение в том числе в этих же географических пределах, что и изучаемые тумары — парные чаши (формулировка В.Е. Флёровой) или самоварчики (название С.А. Плетнёвой) (Флёрова 2001: 68). Они предназначались, по мнению В.Е. Флёровой, для каких-то сокровенных реликвий, видимо, органического происхождения (Флёрова 2001: 68). Один из случаев фиксации такого содержимого наблюдается, например, у тумара из Симферопольского клада, заполненного фисташковой смолой, которая обладает значительными фармакологическими свойствами, известными на протяжении 2500 лет вплоть до нашего времени (Pachi et al. 2020: 4).

Литература

Абу Бакр Мухаммад ибн Джа'фар ан-Наршахи. 2011. *Та'рих-и Бухара*. *История Бухары*. Перевод, комм. и прим. Ш.С. Камолиддина. Археолого-топографический комментарий Е.Г. Некрасовой. Ташкент: SMIA-SIA.

Ал-Истахри. 1939. Извлечения из «Китаб месалик ал-мемалик». *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. I, 167—181.

Алламуратов А. 1989. Каракалпакское нагрудное украшение хайкель. Басилов В.Н., Кузеев Р.Г. (ред.). *Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана*. Нукус: Каракалпакстан, 77—87.

Ал-Якуби. 1939. Извлечения из «Китаб ал-булдан». *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. I, 146—150.

Ахраров И., Темиргалиев Г.З. 1966. Клад серебряных украшений из Сиджака. *Советская этнография* 3, 119—12.

Байпаков и др. 2011: Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н. 2011. *Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области*. Тараз: ТОО «Археологическая экспертиза».

Бартольд В.В. 1898. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. Т. I. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Бартольд В.В. 1963. *Очерк истории Семиречья*. Т. 2. Ч. 1. Москва: Наука, 23—106.

Бируни Абу Рейхан. 1957. *Избранные произведения*. Т. 1. Перевод с арабского и примечания М.А. Салье. Ташкент: АН УзССР (Памятники минувших поколений).

Большаков О.Г. 1980. К истории Таласской битвы (751 г.). *Страны и народы Востока* 22, 132—136.

Борозна Н.Г. 1975. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии. *Домусульманские верования и обряды в Средней* Азии. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 294—295.

Вамбери А. 1877. *Очерки и картины восточных нравов*. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза».

Гюль Э. 2008. *К вопросу о генезисе амулетниц-тумаро*в. Евразийский исторический сервер. URL: https://www.academia.edu/15111905/К_вопросу_о_генезисе_амулетниц_тумаров (дата обращения 12.02.2026).

Дарменов и др. 2024: Дарменов Р.Т., Хасенова Б.М., Назаров А.Ж. 2024. Перстень-печать с надписью «Muhammad» из средневекового городища Джанкент. *МАИАСП* 16, 512—526.

Дмитриева Е.Н., Левашова В.П. 1965. Материалы из раскопок сибирских бугровщиков. *СА* 2, 225—236.

Жданко Т.А. 1952. Каракалпаки Хорезмского оазиса. В: Толстов С.П., Жданко Т.А. (ред.). *Труды ХАЭЭ* I, 461—567.

Жданович О.П. 2014. Посольство Земарха в ставку тюркского кагана (перевод и комментарии фрагментов труда Менандра Протектора). *Золотоордынское обозрение* 2 (4), 6—20.

Зайончковский А. 1966. Старейшие арабские хадисы о тюрках (VIII—XI вв.). В: *Тюркологический сборник*. К 60-летию А.Н. Кононова. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 194—201.

Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. 1964. *Казахская национальная одежда (XIX — начало XX в.)*. Алма-Ата: Наука.

Зуев Ю.А. 2002. *Ранние тюрки: очерки истории и идеологии*. Алматы: Дайк-Пресс.

Ибн ал-Асир. 2006. «*ал-Камил фи-т-та'рих» («Полный свод истории»*). Перевод с арабского языка, прим. и комм. П.Г. Булгакова (дополнения к переводу, примечания и комментариям, введение и указатели Ш.С. Камолиддина). Ташкент: O'zbekiston.

Иванов С.В., Махова Е.И. 1968. Художественная обработка металла. *Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции*. Т. V. *Народное декоративно-прикладное искусство киргизов*. Москва: Наука.

Караев О. 1983. *История Караханидского каганата (X — начало XIII вв.*). Фрунзе: Илим.

Карев Ю.В. 2000. Политическая ситуация в Мавераннахре в середине VIII в. *Средняя Азия: археология, история, культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной*. Москва: Пересвет, 205—218.

Кастанье И.А. 1910. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*; вып. 22. Оренбург: Типо-литография товарищества «Каримов, Хусаинов и К°».

Кононов А.Н. 1949. Опыт анализа термина тӱрк. Советская этнография 1, 40—47.

Крамаровский М.Г. 2001. *Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Крамаровский М.Г. 2015. Бокка в «портрете» дамы на фрагменте росписи из Турфанского оазиса (храм «Т» в Кочо). «*Подарок созерцающим». Странствия Ибн Батутты: Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 413—419.

Маргулан А.Х. 1994. *Казахское народное прикладное искусство*. Т. 3. Альбом. Алматы: Өнер.

Москвина М.В. 2013. Статусный символизм традиционных женских украшений тюркских народов Саяно-Алтая. *Гуманитарные науки в Сибири* 3, 83—86.

Огурцова О.С. 2025. Сакральные смыслы хакасского женского оберега «поґо́». *Вестник РГГУ*. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» 7, 69—80. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-7-69-80.

Пигулевская Н.В. 1947. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. *ВВ* I, 184—214.

Резван Е.А. 2001. *Коран и его мир*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.

Резван М.Е. 2007. Овеществленное Слово: талисман, обереги, амулеты. Рахимов Р.Р. (ред.). *Центральная Азия: Традиция в условиях перемен*. Санкт-Петербург: Наука.

Резван М.Е. 2011. *Коран в системе мусульманских магических практик*. Санкт-Петербург: Наука.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. 1990. *Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал*. Новосибирск: Наука.

Сазонова М.В. 1970. Украшения узбеков Хорезма. *Традиционная культура народов Передней и Средней Азии*. Т. XXVI. Ленинград: Наука, 113—142.

Семёнов А.А. 1912. Из области воззрений мусульман Средней Азии и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов. *Мир ислама* I (3), 293—321.

Смаилов и др. 2025: Смаилов Ж.Е., Торгоев А.И., Хасенова Б.М. 2025. Тарихи Тараз. Художественное серебро эпохи Караханидов. В: Онгарулы А. (ред.). *Археологическая коллекция Казахстана*. Т. IV. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана.

Тулегенов Т.Ж., Хасенова Б.М. 2024. Символы времени: предметы торевтики из женского погребения XIII—XIV вв. близ с. Алмалы (Юго-Восточный Казахстан*). Археология Казахстана* 2, 212—224.

Флёрова В.Е. 2001. *Образы и сюжеты мифологии Хазарии*. Москва: Мосты культуры.

Фахретдинова Д.А. 1988. *Ювелирное искусство Узбекистана*. Ташкент: Издательство литературы и искусства.

Этнография каракалпаков 1980: Жданко Т.А., Камалов С.К. (ред.). 1980. *Этнография каракалпаков XIX — начало XX в. (материалы и исследования)*. Ташкент: Фан.

Pachi et al. 2020: Pachi V.K., Mikropoulou E.V., Gkiouvetidis P., Siafakas K., Argyropoulou A., Angelis A., Mitakou S., Halabalaki M. Traditional uses, phytochemistry and pharmacology of Chios mastic gum (Pistacia lentiscus var. Chia, Anacardiaceae): A review. *Journal of Ethnopharmacology* 254. DOI: 10.1016/j.jep.2019.112485.

References

Abu Bakr Muhammad ibn Ja'far al-Narshakhi. 2011. *Ta'rikh-i Bukhara. Istoriya Bukhary (History of Bukhara)*. Translation, commentary and notes by Sh.S. Kamoliddin. Archaeological and topographical commentary by E.G. Nekrasova. Tashkent: SMIA-SIA (in Russian).

Al-Istakhri. 1939. In *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the History of Turkmens and Turkmenia)* I, 167—181 (in Russian).

Allamuratov, A. 1989. In Basilov, V.N., Kuzeev, R.G. (eds.). *Etnicheskaya istoriya i traditsionnaya kul'tura narodov Sredney Azii i Kazakhstana (Ethnic History and Traditional Culture of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan)*. Nukus: Karakalpakstan, 77—87 (in Russian).

Al-Ya'qubi. 1939. In *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the History of Turkmens and Turkmenia)* I, 146—150 (in Russian).

Akhrarov, I., Temirgaliev, G.Z. 1966. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography)* 3, 119—122 (in Russian).

Baipakov et al. 2011: Baipakov, K.M., Kapekova, G.A., Voyakin, D.A., Mar'yashev, A.N. 2011. *Sokrovishcha drevnego i srednevekovogo Taraza i Zhambylskoj oblasti (Taraz Treasures of Ancient and Medieval Taraz and the Zhambyl Region)*. Taraz: TOO "Arkheologicheskaya ekspertiza" (in Russian).

Bartol'd, V.V. 1898. *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya (Turkestan Down to the Mongol Invasion)*. Vol. I. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk (in Russian).

Bartold, V.V. 1963. In *Sochineniya v 9 tomakh (Works in 9 volumes*) 2 (1). Moscow: Nauka, 23—106 (in Russian).

Biruni, Abu Rayhan. 1957. In: *Izbrannye proizvedeniya (Selected Works)*. Vol. 1. Tashkent: AN UzSSR (in Russian).

Bol'shakov, O.G. 1980. In *Strany i narody Vostoka (Countries and Peoples of the East*) 22, 132—136 (in Russian).

Borozna, N.G. 1975. In: *Domusul'manskie verovaniya i obryady v Sredney Azii (Pre-Islamic Beliefs and Rites in Central Asia)*. Moscow: Nauka, 294—295 (in Russian).

Vambéry, A. 1877. *Ocherki i kartiny vostochnykh nravov (Sketches and Scenes of Oriental Manners)*. Saint Petersburg: Tipogrsfiys tovarischestva "Obshchestvennaya polza" (in Russian).

Gul, E. 2008. *K voprosu o genezise amuletnits-tumarov (On the Issue of the Genesis of Tumar Amulet Cases)*. Eurasian Historical Server. Available at: https://www.academia.edu/15111905/К_вопросу_о_генезисе_амулетниц_тумаров (accessed 14.02.2026) (in Russian).

Darmenov et al. 2024: Darmenov, R.T., Khasenova, B.M., Nazarov, A.Zh. 2024. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 512—526 (in Russian).

Dmitrieva, E.N., Levashova, V.P. 1965. In: *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology*) 2, 225—236 (in Russian).

Zhdanko, T.A. 1952. In: Tolstov, S.P., Zhdanko, T.A. (eds.). *Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Khorezm Archaeological-Ethnographic Expedition)* I. Moscow: AN SSSR, 461—567 (in Russian).

Zhdanovich, O.P. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 2 (4), 6—20 (in Russian).

Zajączkowski, A. 1966. In *Tyurkologicheskiy sbornik. K 60-letiyu A.N. Kononova (Turkological Collection. To the 60th Anniversary of A.N. Kononov)*. Moscow: Nauka, 194—201 (in Russian).

Zakharova, I.V., Khodzhaeva, R.D. 1964. *Kazakhskaya natsional'naya odezhda (XIX — nachalo XX v.) (Kazakh National Clothing (19th — Early 20th Centuries))*. Almaty: Nauka (in Russian).

Zuev, Yu.A. 2002. *Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii (Early Turks: Essays on History and Ideology)*. Almaty: Daik-Press (in Russian).

Ibn al-Athir. 2006. “*al-Kamil fi-t-ta’rikh” (“The Complete History”)*. Translation from Arabic, notes and commentary by P.G. Bulgakov; additions, notes, commentary, introduction and indexes by Sh.S. Kamoliddin. Tashkent: O’zbekiston (in Russian).

Ivanov, S.V., Makhova, E.I. 1968. In *Trudy Kirgizskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo kirgizov (Proceedings of the Kyrgyz Archaeological and Ethnographic Expedition. Folk Decorative and Applied Art of the Kyrgyz)*. Vol. V. Moscow: Nauka (in Russian).

Karaev, O. 1983. *Istoriya Karakhanidskogo kaganata (X — nachalo XIII vv.) (History of the Karakhanid Khaganate (10th — Early 13th Centuries))*. Frunze: Ilim (in Russian).

Karev, Yu.V. 2000. In: *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu nauchnoy deyatel’nosti G.V. Shishkinoy (Materials of the International Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the Scientific Activity of G.V. Shishkina)*. Moscow: Peresvet, 205—218 (in Russian).

Kastanye, I.A. 1910. In *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Orenburg Scholarly Archival Commission 22*). Orenburg: Karimov, Khusainov and Co. Typography (in Russian).

Kononov, A.N. 1949. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography)* 1, 40—47 (in Russian).

Kramarovs’kyi, M.G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul’turnoe nasledie Zolotoy Ordy (Gold of the Chinggisids: Cultural Heritage of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).

Kramarovs’kyi, M.G. 2015. In “*Podarok sozertsayushchim”. Stranstviya Ibn Batutty: Katalog vystavki (“A Gift to Those Who Contemplate”. Travels of Ibn Battuta: Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 413—419 (in Russian).

Margulan, A.Kh. 1994. *Kazakhskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo (Kazakh Folk Applied A*rt) 3. Album. Almaty: Oner (in Russian).

Moskvina, M.V. 2013. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri (Humanities in Siberia)* 3, 83—86 (in Russian).

Ogurtsova, O.S. 2025. In *Vestnik RGGU. Seriya “Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul’turologiya” (RGGU Bulletin. Series “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”)* 7, 69—80. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-7-69-80 (in Russian).

Pigulevskaya, N.V. 1947. In *Vizantiyskiy vremennik (Byzantine Annals)* I, 184—214 (in Russian).

Rezvan, E.A. 2001. *Koran i ego mir (The Qur’an and Its World)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie (in Russian).

Rezvan, M.E. 2007. In: Rakhimov, R.R. (ed.). *Tsentral’naya Aziya: Traditsiya v usloviyakh peremen (Central Asia: Tradition in the Context of Change*). Saint Petersburg: Nauka. Available at: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-025231-8/978-5-02-025231-8_02.pdf (in Russian).

Rezvan, M.E. 2011. *Koran v sisteme musul’manskikh magicheskikh praktik (The Qur’an in the System of Muslim Magical Practices*). Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Sagalaev, A.M., Oktyabr’skaya, I.V. 1990. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual (Traditional Worldview of the Turks of South Siberia. Sign and Ritual*). Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Sazonova, M.V. 1970. In *Traditsionnaya kul’tura narodov Peredney i Sredney Azii (Traditional Culture of the Peoples of the Near and Middle East)* XXVI. Leningrad: Nauka, 113—142 (in Russian).

Semenov, A.A. 1912. In *Mir islama (World of Islam)* I (3), 293—321 (in Russian).

Smailov et al. 2025: Smailov, Zh.E., Torgoev, A.I., Khasenova, B.M. 2025. *Tarikhi Taraz. Khudozhestvennoe serebro epokhi Karakhanidov. Arkheologicheskaya kollektsiya Kazakhstana (Historical Taraz. Artistic Silver of the Karakhanid Era. Archaeological Collection of Kazakhstan*) IV. Ongaruly, A. (ed.). Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Tulegenov, T.Zh., Khasenova, B.M. 2024. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 2, 212—224 (in Russian).

Fakhretdinova, D.A. 1988. *Yuvelirnoe iskusstvo Uzbekistana (Jewelry Art of Uzbekistan)*. Tashkent: Literature and Art Publ. House (in Russian).

Flerova, V.E. 2001. Obrazy i syuzhety mifologii Khazarii (Images and Motifs of the Mythology of Khazaria). Moscow: Mosty kul’tury (in Russian).

Etnografiya karakalpakov 1980. In: Zhdanko, T.A., Kamalov, S.K. (eds.). *Etnografiya karakalpakov XIX — nachalo XX v. (materialy i issledovaniya)* (*Ethnography of Karakalpaks of the 19th — Early 20th Centuries (Materials and Research))*. Tashkent: Fan (in Russian).

Pachi et al. 2020: Pachi, V.K., Mikropoulou, E.V., Gkiouvetidis, P., Siafakas, K., Argyropoulou, A., Angelis, A., Mitakou, S., Halabalaki, M. Traditional uses, phytochemistry and pharmacology of Chios mastic gum (Pistacia lentiscus var. Chia, Anacardiaceae): A review. *Journal of Ethnopharmacology* 254. DOI: 10.1016/j.jep.2019.112485.

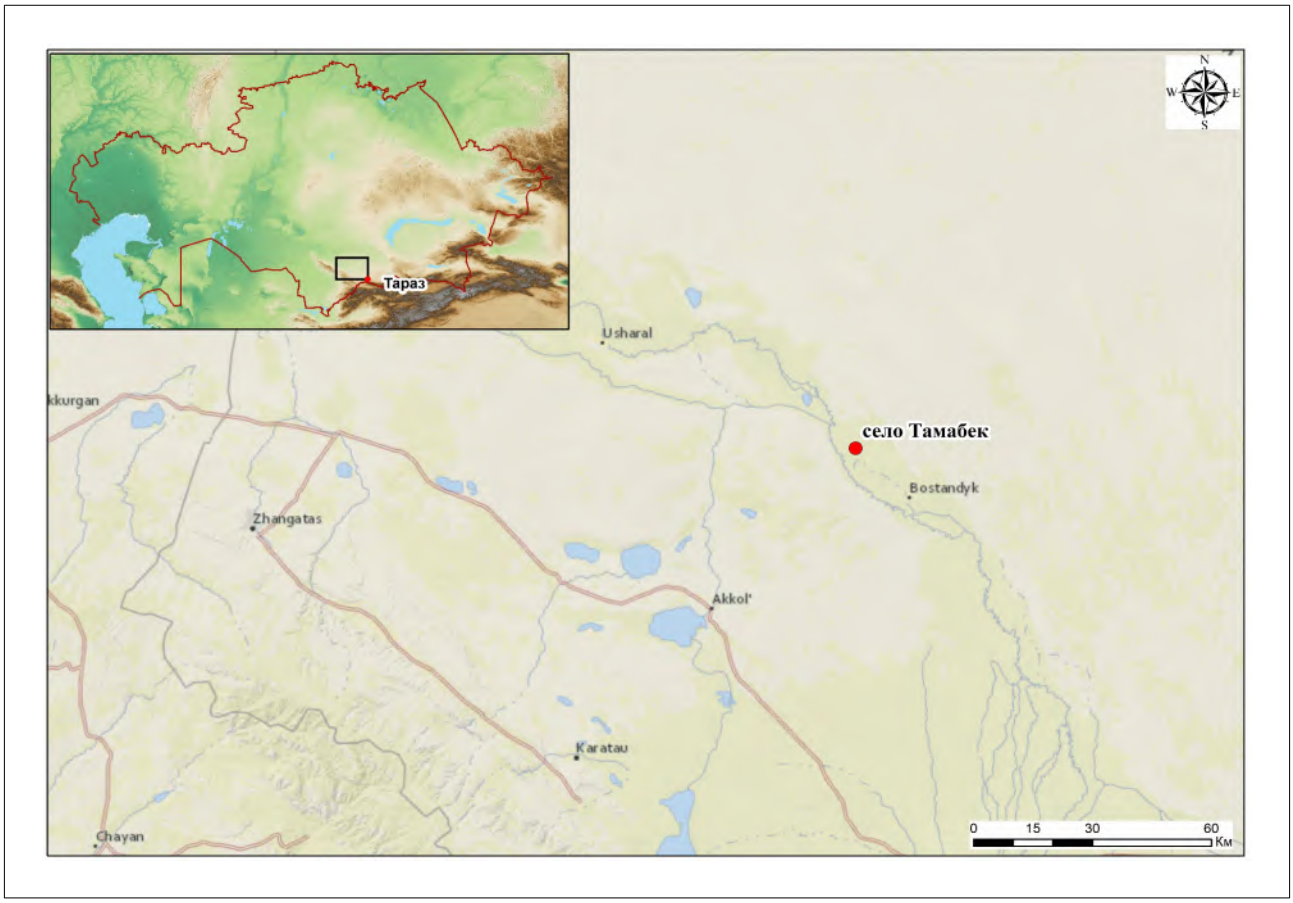


Рис. 1. Местонахождение с. Тамабек (Таласский район, Жамбылская область) на карте Казахстана (за основу взята карта ©Google, 2026). Исполнитель: А. Калибеков.

Fig. 1. Location of the village of Tamabek (Talas District, Zhambyl Region) on a map of Kazakhstan (based on a map ©Google, 2026). Performed by A. Kalibekov.

Рис. 2. Ожерелье из Жамбылского областного историко-краеведческого музея. Фото А.В. Кулиша, обработка А.И. Торгоева.

Fig. 2. Necklace from the Zhambyl Regional Museum of History and Local Lore. Photo by A.V. Kulish, processed by A.I. Torgoyev.

Рис. 3. *1—3* — Тумары из Таразского клада 2017 г.; *4* — тумары из Сокулукского клада. Частная коллекция, Бишкек, Республика Кыргызстан (по Смаилов и др. 2026: табл. XVI: 2, 3); *5* — тумар из Сайрам-суйского клада. Государственный Эрмитаж, Российская Федерация (по Смаилов и др. 2026: табл. VIII: 1); *6—8* — амулетницы-бойтумары. Казахи. XIX — начало XX в. Национальный музей Республики Казахстан. Фото Р.Т. Дарменова.

Fig. 3. *1—3* — Tumars from the 2017 Taraz hoard; *4* — tumars from the Sokuluk hoard. Private collection, Bishkek, Kyrgyz Republic (after Smailov et al. 2026: Tab. XVI: 2, 3); 5 — a tumar from the Sairam-Sui hoard. The State Hermitage Museum, Russian Federation (after Smailov et al. 2026: Tab. VIII: 1); *6—8* — amulet cases (boytumars). Kazakhs. 19th — early 20th centuries. National Museum of the Republic of Kazakhstan. Photo by R.T. Darmenov.

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.93.36.014

**Tolga Köroğlu, Burak Atik, Fadime Suata, Frank Rühli,
Sercan Acar, Onur Alpaslan, Gülfirde Akgül, Ayşe Yeşim Demir**

DIAGNOSTIC UNCERTAINTY IN PALAEOPATHOLOGY: AN EPISTEMOLOGICAL ANALYSIS OF THE ZEYTINLI ADA CRANIAL LESIONS*

Palaeopathological diagnosis moves from a macroscopic lesion to a disease label through several inferential steps, each carrying its own uncertainty. This study examines eleven previously unstudied crania from the Byzantine assemblage of Zeytinli Ada, a monastic and healing complex on an island off the Erdek peninsula, Marmara Sea, Türkiye. The commingled material, which precludes postcranial association for any individual, is treated not as a limitation but as a condition exposing the epistemic structure of palaeopathological reasoning itself. A four-layer inferential model, the Layered Palaeopathological Inference Framework (LPIF), is applied: macroscopic observation, differential diagnosis, osteobiographic inference, and population-level interpretation. Rhinomaxillary destruction, basicranial lytic activity, and anaemia indicators recur across the adult series and support a treponemal reading in most of it (7 of 10 adult individuals scoring 2 or above on a Hackett-based matrix); with a series of this size the count is descriptive and carries no prevalence estimate. It aligns with a previously published tertiary syphilis case from the same site (ZK-61). One subadult cranium (CR-9) is reclassified from probable treponemal disease to infantile scurvy, based on a differential matrix and radiographic exclusion of thalassaemia and congenital syphilis. The results argue that diagnostic confidence depends less on the number of criteria met than on how explicitly inference is marked as it gives way to speculation, particularly in commingled series where anatomical completeness cannot be assumed.

Key words: palaeopathology, epistemology, treponemal disease, differential diagnosis, commingled remains, Byzantine Anatolia.

About the authors: Köroğlu Tolga[1], PhD, Independent Researcher; Atik Burak[2], Lecturer, Vocational School of Health Service, Sivas Cumhuriyet Üniversitesi; Suata Fadime[3], Prof. Dr., Department of Anthropology, Faculty of Letters, İstanbul Üniversitesi; Rühli Frank[4], Prof. Dr., Dr. med., EMBA, Zürich Universität; Acar Sercan[5], Assoc. Prof., Dr., Istanbul Üniversitesi; Alpaslan Onur[6], Bachelor, Faculty of Medicine; AU International University of Batumi; Akgül Gülfirde[7], PhD, Dr., Zürich Universität; Demir Ayşe Yeşim[8], Research Assistant, Department of Anthropology, Faculty of Letters, İstanbul Üniversitesi.

Contact information: [1]06000, Turkey, Ankara, e-mail: tkoroglu1989@gmail.com; [2]58140, Turkey, Sivas, Yenişehir Mah. Kampüs, Vocational School of Health Services, Sivas Cumhuriyet Üniversitesi, e-mail: burakatik@cumhuriyet.edu.tr; [3,5,8]34452, Turkey, Beyazıt, Fatih, İstanbul, Department of Anthropology, Faculty of Letters, İstanbul Üniversitesi, e-mail: [3]fsuataalpaslan@gmail.com, [5]sercan.acar@istanbul.edu.tr, [8]ayse.demir@istanbul.edu.tr; [4,7]8006, Switzerland, Zürich, Rämistrasse 71, Zürich Universität, e-mail: [4]frank.ruehli@iem.uzh.ch, [7]guelfirde.akguel@medgen.uzh.ch; [6]6010, Georgia, Batumi, 237 Fridon Khalvashi St., Faculty of Medicine, BAU International University of Batumi, e-mail: onuralpaslan58@gmail.com.

---

*During preparation of this manuscript, the corresponding author (T.K.) used Claude (Anthropic, Claude Sonnet 5) to translate the manuscript from Turkish into English and to condense the text to meet the journal's word-count requirements. The underlying data, analysis, interpretation, and scientific claims are entirely the authors' own, drawn from an earlier, more detailed Turkish-language draft of this study. The AI-assisted translation and condensation were reviewed, edited, and verified by all authors, who take complete responsibility for the accuracy and content of the final manuscript. We thank Prof. Dr. Nurettin Öztürk (Atatürk University) for his assistance with the study of the Zeytinli Ada skeletal material, and radiologist Dr. Mehmet Arı (Medicana Sivas Hospital) for his interpretation of the radiographic images of these skeletons.

Статья поступила в номер 11 августа 2026 г.
Принята к печати 27 августа 2026 г.

© Tolga Köroğlu, Burak Atik, Fadime Suata, Frank Rühli, Sercan Acar, Onur Alpaslan, Gülfirde Akgül, Ayşe Yeşim Demir, 2026.

Толга Кёроглу, Бурак Атик, Фадиме Суата, Франк Рюли, Серджан Аджар, Онур Алпаслан, Гюльфирде Акгюль, Айше Ешим Демир

ДИАГНОСТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ В ПАЛЕОПАТОЛОГИИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРАНИАЛЬНЫХ ПОРАЖЕНИЙ С ОСТРОВА ЗЕЙТИНЛИ-АДА

Палеопатологический диагноз проходит путь от макроскопического поражения до нозологической категории через ряд этапов вывода, каждый из которых несёт свою неопределённость. В работе исследуются одиннадцать ранее не изученных черепов из византийского комплекса Зейтинли-Ада — монастырского и лечебного центра на острове у полуострова Эрдек, Мраморное море, Турция. Смешанный характер материала, исключающий посткраниальное сопоставление, рассматривается не как ограничение, а как условие, раскрывающее эпистемическую структуру палеопатологического рассуждения. Применена четырёхуровневая модель, обозначенная как Layered Palaeopathological Inference Framework (LPIF): макроскопическое наблюдение, дифференциальная диагностика, остеобиографическая и популяционно-историческая интерпретация. Риномаксиллярная деструкция, базикраниальная литическая активность и признаки анемии повторяются в серии взрослых и поддерживают трепонемную интерпретацию для большей её части (7 из 10 взрослых получили оценку 2 балла и выше по матрице на основе критериев Хакетта); при таком объёме выборки этот показатель носит описательный характер и не является оценкой распространённости. Он согласуется с ранее опубликованным случаем третичного сифилиса с того же памятника (ZK-61). Череп субадульта (CR-9) переклассифицирован из вероятного трепонемного случая в инфантильную цингу на основании дифференциальной матрицы и рентгенологического исключения талассемии и врождённого сифилиса. Результаты показывают, что уверенность в диагнозе зависит не столько от числа критериев, сколько от того, насколько явно обозначена граница перехода от вывода к предположению, особенно в смешанных сериях, где анатомическая полнота не гарантирована.

Ключевые слова: палеопатология, эпистемология, трепонемная инфекция, дифференциальная диагностика, смешанные останки, византийская Анатолия.

Сведения об авторах: Кёроглу Толга[1], PhD, независимый исследователь; Атик Бурак[2], преподаватель, Высшая школа медицинских услуг, Сивасский республиканский государственный университет; Суата Фадиме[3], Prof. Dr., кафедра антропологии, литературный факультет, Стамбульский университет; Рюли Франк[4], Prof. Dr., Dr. med., EMBA, Цюрихский университет; Аджар Серджан[5], доцент, Dr., Стамбульский университет; Алпаслан Онур[6], бакалавр, медицинский факультет, Международный университет БАУ в Батуми; Акгюль Гюльфирде[7], PhD, Dr., Цюрихский университет; Демир Айше Ешим[8], научный ассистент, кафедра антропологии, литературный факультет, Стамбульский университет.

Контактная информация: [1]06000, Турция, Анкара, e-mail: tkoroglu1989@gmail.com; [2]58140, Турция, Сивас, Район Йенишехир, Кампус, Высшая школа медицинских услуг, Сивасский республиканский государственный университет, e-mail: burakatik@cumhuriyet.edu.tr; [3,5,8]34452, Турция, Баязит, Фатих, Стамбул, Кафедра антропологии, филологический факультет, Стамбульский университет, e-mail: [3]fsuataalpaslan@gmail.com, [5]sercan.acar@istanbul.edu.tr, [8]ayse.demir@istanbul.edu.tr; [4,7]8006, Швейцария, Цюрих, Рэмистрассе 71, Цюрихский университет, e-mail: [4]frank.ruehli@iem.uzh.ch, [7]guelfirde.akguel@medgen.uzh.ch; [6]6010, Грузия, Батуми, ул. Фридона Халваши, д. 237, Медицинский факультет, БАУ Международный Университет Батуми, e-mail: onuralpaslan58@gmail.com.

Introduction

Palaeopathology is conventionally defined as the study of disease in past populations (Ortner 2003), or, in a narrower anthropological sense, as the evolutionary history of disease. Current biocultural approaches treat it as broader than lesion identification: infection, metabolic disturbance, trauma, and degeneration are read against cultural adaptation, socio-economic stratification, and environmental interaction (Larsen 2015; Buikstra et al. 2022). This positions

palaeopathology at a persistent epistemic fault line, between the diagnostic certainty expected of clinical medicine and the interpretive uncertainty built into archaeological material (Mays 2010; Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998).

Two structural problems recur across the field. The first is what Wood et al. (1992) termed the osteological paradox. Its core claim is that a skeletal sample is not a random draw from a once-living population but a selectively filtered one: only those who died are available for study, and among them, only certain trajectories of disease leave a durable skeletal signature. Selective mortality means the sample systematically over-represents individuals who survived long enough for bone to remodel in response to disease, and under-represents those who died acutely, before any lesion could form. Hidden heterogeneity in risk means that an apparently healthy skeleton may reflect either genuine resistance or simply a shorter exposure to whatever killed the individual, and the bone alone cannot distinguish between the two. Taken together, these mechanisms invert the intuitive reading of skeletal evidence: a heavily lesioned individual, such as CR-11, may represent someone whose body fought a long, survivable battle, while a lesion-free individual, such as CR-2, may equally represent someone who died before the disease had time to register on bone, rather than someone who was never exposed (DeWitte, Stojanowski 2015). The paradox has no methodological fix; it can only be made explicit.

The second problem is equifinality, a term with origins outside palaeopathology. In systems theory, it describes how a system can reach the same final state from many different initial conditions and through many different pathways; in geomorphology, it describes how visually identical landforms can result from entirely different combinations of erosion, deposition, and uplift (Roberts, Manchester 2010). Applied to skeletal lesions, equifinality means that aetiologically distinct disease processes converge on the same macroscopic morphology. Destructive rhinomaxillary lesions, central to much of the differential diagnosis in this paper, are produced convergently by treponemal disease, leprosy, and other chronic granulomatous infections, and no amount of macroscopic description can, by itself, decide among them. Neither the osteological paradox nor equifinality is solved by technical refinement: higher-resolution observation, more detailed photography, more sophisticated radiography, makes the underlying ontological uncertainty more visible, not less, because the problem is not a lack of resolution but a genuine many-to-one relationship between cause and effect. Any inferential framework applied to this material has to be built to accommodate that relationship instead of eliminating it, which is the starting point for the layered model introduced below.

This study examines eleven crania, and several associated mandibles, from the Byzantine layers of Zeytinli Ada, none of which has been previously analysed or published. The postcranial skeletons could not be matched to the crania, a direct consequence of the commingled deposition. Rhinomaxillary destruction, palatal porosity, basicranial lytic activity, and anaemia indicators are all present and diagnostically suggestive, but each carries its own interpretive uncertainty. Rather than treating this as an obstacle, the study uses it as a test case for the limits of palaeopathological diagnosis in commingled assemblages.

To manage this uncertainty, the Layered Palaeopathological Inference Framework (LPIF), a four-layer inferential model, is applied throughout: (1) macroscopic observation of the lesion itself, (2) differential diagnostic interpretation linking the lesion to clinical categories, (3) osteobiographic and archaeological inference about the individual, and (4) population-level historical interpretation. Each layer adds explanatory reach and, at the same time, compounds uncertainty. Marking clear boundaries between these layers is what converts palaeopathology's methodological limitations from a weakness into a controlled analytic procedure. The central question is not whether treponemal disease was present at Zeytinli Ada, but where, and how, the line between observed lesion and diagnosed disease is actually drawn. This paper therefore pursues two aims jointly: to propose the LPIF as a transferable heuristic for structuring palaeopathological reasoning, and not as a validated diagnostic algorithm, then to apply it in sufficient depth to the Zeytinli Ada material for the case itself to stand as a contribution to Byzantine palaeopathology.

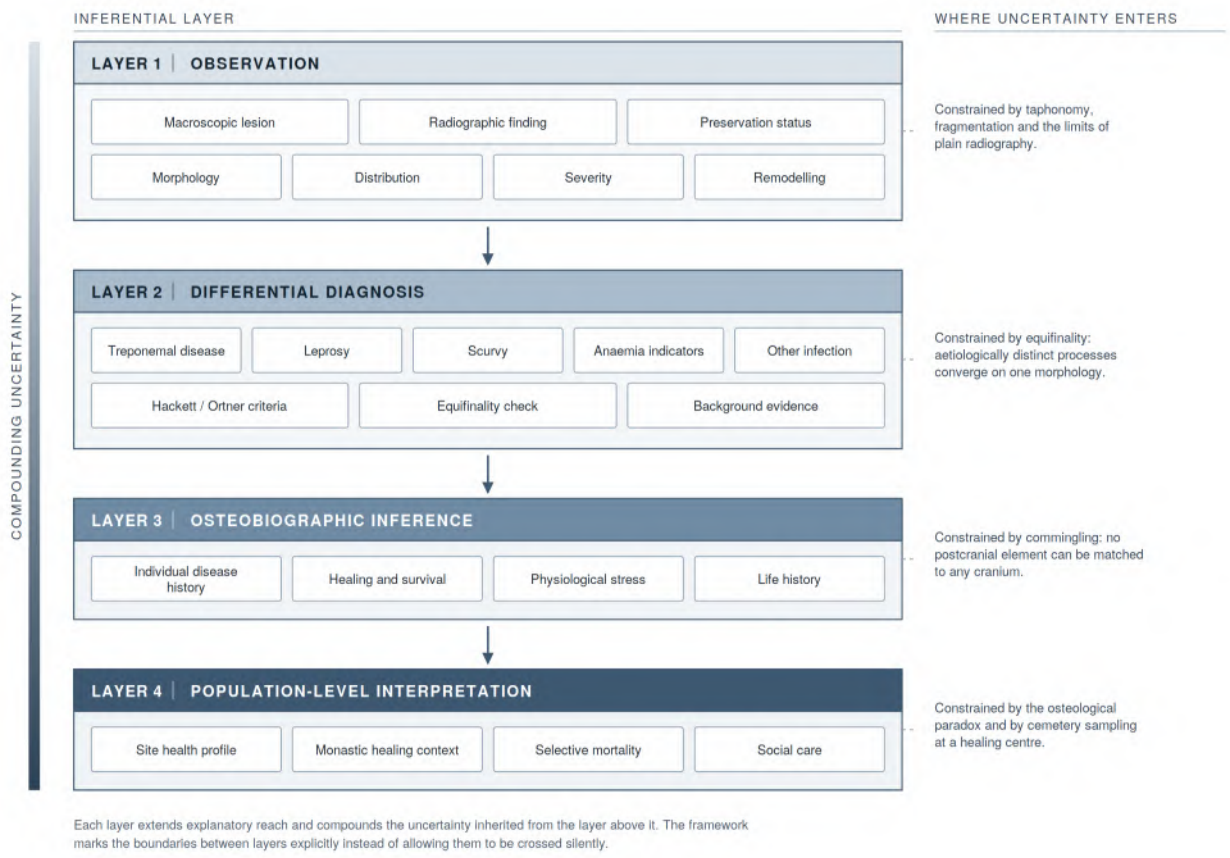


Fig. 1 The Layered Palaeopathological Inference Framework (LPIF).

Archaeological and Historical Context

Zeytinli Ada is a small island (170 × 50 m) of Erdek, Balıkesir province, in the south-western Marmara Sea, with occupation layers spanning the Roman, Byzantine, and Ottoman periods (Öztürk, Kavaz 2012). The Church of Panagia, a baptistery, a chapel, monastic cells, holy springs (ayazma), a bath, and harbour structures form a cluster typical of Byzantine monastic-healing complexes. In 1250, the Byzantine monk Maximos Planoudes, passing through Erdek (Artake), recorded in his fifty-fifth letter that a church dedicated to the Panagia stood on the island alongside a thermal healing spring (Leone 1991: Ep. 55). This letter is the clearest textual evidence for the site's dual religious and therapeutic function.

Excavation has recovered dense tile-grave cemetery areas, in keeping with high mortality during the island's use as a healing centre; Takunyacıoğlu (2019) links this density to a population of sick visitors. This historical profile bears directly on the sampling dynamics of the skeletal series analysed here: individuals recovered from the cemetery are more likely to represent a self-selected, unwell population than a cross-section of the regional Byzantine community, a point that matters for population-level interpretation later in this paper.

The assemblage is commingled. Centuries of superimposed burial in a spatially constrained cemetery, combined with taphonomic disturbance, have separated crania from postcranial elements, and no technique available to this study could restore that association. The eleven crania analysed here are previously unpublished. A prior study by Suata Alpaslan and Bekmez (2015) examined the overall commingled assemblage, and reported a single articulated case, ZK-61, in which cranial and long-bone (tibia, fibula) lesions together supported a secure diagnosis of tertiary syphilis. ZK-61 provides an

independent postcranial anchor for treponemal disease at the site and informs the population-level interpretation offered in Section 5, but it is not part of the cranial series analysed here.

The commingled structure has a direct epistemic consequence. Without anatomical completeness, individual-level diagnosis loses the corroborating evidence that a full skeleton would provide, and the equifinality problem described in Section 1 becomes harder to resolve. Several diagnoses in this study are therefore expressed as population-level probability instead of individual certainty. One subadult cranium, CR-9, illustrates this directly: metabolic stress markers and infection-consistent lesions co-occur in a case where the absence of long bones removes the evidence that would otherwise settle the differential diagnosis (see Section 4.5).

Materials and Methods

Sample

The sample comprises eleven crania, excavated 2007—2011 under the direction of N. Öztürk. The series includes ten adults, nine male and one female, together with one subadult (CR-9, 2—4 years) whose sex was left undetermined. Sex was estimated from cranial morphological traits (nuchal crest, mastoid process, supraorbital margin, glabella, and mental eminence) following Buikstra and Ubelaker (1994); no sex estimate was attempted for CR-9, since these traits are not reliably expressed before adulthood. Age at death was estimated from cranial suture closure in the adults and, for CR-9, from dental development and cranial size following the same standards. These eleven crania were selected because they constitute newly available material: none had been described, scored, or published prior to this study, in contrast to other skeletal elements from the same cemetery already examined in prior dental and jaw pathology work (Bıçak, Suata Alpaslan 2015). No postcranial elements could be matched to any cranium. Cranial morphological characteristics are summarised in Table 1.

Table 1. **Sample composition and cranial preservation (n = 11). AMTL = antemortem tooth loss.**

ID	Sex	Age	Preservation	Mandible	Dental status
CR-1	M	Adult	Frontal, ethmoid, partial zygomatic, maxilla, palate, bilateral orbits	Absent	Severe AMTL
CR-2	F	Adult	Right frontal (4/5), temporal, bilateral zygomatic/maxilla/palate/orbits/nasals	Absent	Moderate AMTL, no caries
CR-3	M	Adult	Bilateral, partial	Absent	Moderate-severe abscessing, caries
CR-4	M	Older adult	Bilateral, near-complete	Present	Total AMTL
CR-5	M	Adult	Partial bilateral; calvaria not preserved	Absent	Multiple abscesses
CR-6	M	Adult	Near-complete (left zygomatic process absent)	Absent	Moderate
CR-7	M	Adult	Complete cranium	Absent	Moderate; caries + abscess
CR-8	M	Older adult (45—60)	Near-complete	Present (left ramus fractured)	Severe abscessing + AMTL
CR-9	Un det.	Subadult (2-4 yr)	Frontal, bilateral parietal, temporal (right squama absent), occipital, partial sphenoid	Absent	Deciduous, none erupted
CR-10	M	Middle adult	Bilateral, present	Absent	Multiple abscesses
CR-11	M	Adult	Bilateral, near-complete	Present	Severe AMTL

Methods

Lesions were assessed macroscopically, following standard descriptive protocols for surface bone pathology (location, distribution, margin morphology, and evidence of activity versus healing). Examination and scoring were carried out collaboratively among the authors: primary assessments for each specimen were cross-checked by a second author, and any disagreement in scoring was resolved through joint re-examination and discussion, reflecting a consensus procedure and not independent parallel assessment. Lesions were recorded on standardised forms adapted from Buikstra and Ubelaker (1994), and macroscopic photographs of every scored lesion were reviewed jointly during the consensus sessions. Because scoring was not independent, and because eleven crania cannot support a meaningful interobserver statistic such as Cohen's kappa, no such measure is reported here; formal interobserver testing on a larger series is left to future work (Section 5.5). Treponemal evaluation followed the criteria of Hackett (1976), Ortner (2003), and Harper et al. (2011) (Table 2).

The subadult case (CR-9) was evaluated against Lewis (2007), Brickley and Ives (2008), Snoddy et al. (2018), and Ortner (2003) (Table 3).

Differential diagnosis relied on lesion combinations and contextual data rather than any single finding, following the four-layer model outlined in Section 1: observation, diagnostic interpretation, probability-based inference.

This study does not aim to establish, independently, that treponemal disease was present at Zeytinli Ada; ZK-61 (Suata Alpaslan, Bekmez 2015) already provides secure postcranial evidence for this. The aim instead is to examine the epistemic structure of the diagnostic process applied to the cranial series. Other infections capable of producing similar lesions (tuberculosis, leprosy, brucellosis, other granulomatous disease) were not systematically excluded but were retained in the differential diagnosis wherever equifinality applied; quantifying their prevalence falls outside the scope of this study.

Digital radiographs were obtained for three crania (CR-4, CR-9, CR-11), assessed for diploic structure, endosteal change, and the extent of lytic areas. Radiography is treated here not as an additional, independent evidentiary layer, but as a mediating technique with its own blind spots, capable of narrowing or sustaining the probability space without resolving it outright.

Table 2. **Treponemal diagnostic criteria by anatomical region.**
Sources: Hackett (1976); Ortner (2003: 257—291); Harper et al. (2011).

Anatomical Region	Lesion Type	Morphological Description	Diagnostic Weight	Treponemal Subtype	Differential Diagnosis Note
Calvaria	Caries sicca (late stage)	Star-shaped scarring, channels, and nodular cavitation on a convex or flattened surface; diploic involvement; sclerotic-margined lytic foci; “worm-eaten” appearance	Pathognomonic	Syphilis (T. pallidum pallidum)	Cranial tuberculosis shows a different distribution; healing-phase lesions may require closer differentiation
Calvaria	Caries sicca (early stage, Grade 1-3)	Discrete, pitted porotic foci; early diploic lesions; no nodular cavitation yet	Diagnostic (strong)	Syphilis, yaws, bejel	May overlap with tuberculosis or fungal infection; insufficient alone
Nasomaxillary region	Rhinomaxillary syndrome	Resorptive widening of the piriform aperture; destruction of the nasal septum and bones; “gangosa” presentation; sclerotic, smoothed margins	Diagnostic (strong)	Syphilis, yaws	Leprosy (more limited, anteriorly concentrated); granulomatous disease; distribution pattern is differentiating
Palate	Palatal perforation or destruction	Perforation or large lytic defect in the hard palate, with marginal remodelling; cloacae may accompany	Diagnostic (strong)	Syphilis, yaws, bejel	Leprosy (possible but rare); odontogenic sepsis (localised, periapical origin)
Palate	Generalised palatal porosity	Widespread pitting and surface roughness across the hard palate; no perforation	Supportive	Syphilis, bejel, yaws	Non-specific; dental sepsis, chronic infection
Basicranium and sphenoid	Lytic activity and porosity	Lytic foci around the foramen magnum, sphenoid, and basi-occipital region; reactive bone deposition; honeycomb structure	Supportive (contextual)	Syphilis (tertiary, systemic)	Cranial tuberculosis (meningeal spread); fungal infection; multifocality favours syphilis
Mandible	Endosteal lytic activity	Lytic and porotic change on the internal surface of the gonion and ramus; periosteal reaction	Supportive	Syphilis	Odontogenic sepsis (usually linked to a periapical focus)
Orbit (orbital roof)	Cribra orbitalia	Porous structure on the superior surface of the orbital roof; variable density	Non-specific	Any treponemal subtype (indirect)	Anaemia, nutritional deficiency, scurvy; not diagnostic alone
Calvaria (general)	Porotic hyperostosis	Widespread porosity on the outer cranial table; may accompany diploic widening	Non-specific	-	Anaemia, nutritional deficiency; relationship to syphilis is indirect
Long bones (tibia, fibula, femur, etc.)	Periostitis with nodular cavitation	Nodular surface expansion with cavitation in the cortex; surrounding sclerosis; “sabre tibia” (anterior bowing)	Pathognomonic (in long bone)	Syphilis, yaws	Tuberculous periostitis (different distribution); chronic osteomyelitis
Long bones	Gummatous lytic lesion	Focal, well- or ill-defined lytic defect in the cortex; surrounding sclerosis; sequestrum rare	Diagnostic (strong)	Syphilis	Tuberculosis (weaker sclerosis); pyogenic osteomyelitis (cloacae and sequestrum more pronounced)
Long bones	Non-gummatous periostitis	New bone formation on the diaphyseal surface; smooth or irregular; bilateral pattern	Non-specific	Any treponemal subtype	Tuberculosis, brucellosis, scurvy; gains meaning with bilateral pattern and other findings
Ribs and clavicle	Periosteal reaction	New bone deposition on the internal rib surface or clavicle	Non-specific	-	Tuberculosis, chronic pulmonary infection; insufficient alone

Table 3. **Paediatric skeletal lesions under the Lewis (2007) framework: diagnostic specificity and associated conditions (infant and child).**
Sources: Lewis (2007); Ortner (2003); Brickley & Ives (2008); Snoddy et al. (2018).

Anatomical Region	Lesion Type	Morphological Description	Specificity	Associated Condition	Age at Risk	Differential Diagnosis
Orbital roof (internal surface)	Cribra orbitalia (active)	Fine, sponge-like new bone formation on the endocranial surface of the orbital roof; small, sharp-edged channels	High (for scurvy)	Infantile scurvy (vitamin C deficiency)	0-4 yr (peak 0-2)	Haemolytic anaemia; tuberculosis; may co-occur with rickets
Sphenoid (greater wing)	Subperiosteal porosity	Dense, irregular porosity on the greater wing of the sphenoid; subperiosteal haemorrhage traces	High (for scurvy)	Infantile scurvy	0-4 yr	Highly specific to scurvy; not expected in thalassaemia
Cranial vault (general)	Porotic hyperostosis (active)	Dense, irregular porosity on the outer table; may accompany diploic widening; active phase shows new bone deposition	Moderate (non-specific)	Iron-deficiency anaemia, chronic infection, scurvy	Throughout childhood	Diploic widening is pronounced in thalassaemia; minimal in scurvy
Diploe (cranial table)	Diploic widening (“hair-on-end”)	Marked widening between inner and outer tables; comb-like trabecular pattern on radiograph	High (for thalassaemia)	Thalassaemia, haemolytic anaemia	Throughout childhood	Not expected in scurvy; its absence in CR-9 excludes thalassaemia
Long bone metaphysis/diaphysis	Subperiosteal new bone formation	New bone layer beneath the periosteum on the diaphysis and metaphysis; bilateral; smooth or irregular	High (for scurvy)	Infantile scurvy, congenital syphilis	0-4 yr	Scurvy: widespread and bilateral. Congenital syphilis: more focal, metaphysis-weighted
Long bone metaphysis	Wegener’s bands (radiographic)	Radiopaque band at the metaphyseal-diaphyseal junction; radiolucent Trummerfeld zone	High (congenital syphilis)	Congenital syphilis (early)	0-2 yr	Not seen in scurvy; may be confused with rickets
Cranial morphology	Caput natiforme (frontal bossing)	Marked outward expansion of the frontal and parietal bones; “square head” appearance	High (congenital syphilis)	Congenital syphilis (late, 2+ yr)	2-5 yr	Also seen in rickets; its absence in CR-9 weakens the congenital syphilis reading
Facial skeleton	Saddle nose	Collapse of the nasal bones and narrowing of the piriform aperture	High (congenital syphilis)	Congenital syphilis (late)	2+ yr	Leprosy; not assessable in CR-9 due to absence of the facial skeleton
Maxilla (Hutchinson's teeth)	Dental morphology defect	Barrel-shaped upper central incisors with notched incisal edge and posteriorly tapering crown	Moderate (congenital syphilis)	Congenital syphilis (late)	6+ yr (permanent dentition)	Non-specific; fluorosis, other developmental defects; deciduous dentition not present in CR-9
Rib (internal surface)	Visceral surface new bone formation	Irregular new bone layer on the internal rib surface; active and healed forms	Moderate	Tuberculosis (pulmonary), chronic infection	Throughout childhood	Non-specific; respiratory infections; may co-occur with scurvy

Table 3. **Paediatric skeletal lesions under the Lewis (2007) framework: diagnostic specificity and associated conditions (infant and child) (continued).**

Anatomical Region	Lesion Type	Morphological Description	Specificity	Associated Condition	Age at Risk	Differential Diagnosis
Cranial vault (endocranial)	Endocranial new bone or porosity	Fine new bone formation or porosity on the internal table surface; granular appearance in active phase	Moderate	Tuberculosis (meningeal), scurvy, congenital syphilis	Throughout childhood	Non-specific; meningitis, endocranial inflammation
Long bones (all)	Haematogenous osteomyelitis	Focal or multifocal lytic lesion; cloacae; sequestrum; reactive new bone	Moderate (focal)	Pyogenic bacterial infection	Throughout childhood	Unlike syphilis, asymmetric and focal; bilateral distribution not expected
Dental enamel	Enamel hypoplasia (LEH)	Horizontal line or pitting on the enamel surface; timing of the stress episode is chronologically estimable	Non-specific	Nutritional stress, chronic illness	Tooth development periods	Specific cause not distinguishable; indicates presence of stress only
Long bones (metaphysis)	Harris lines (radiographic)	Growth-arrest lines; transverse radiopaque bands on radiograph	Non-specific	Nutritional stress, chronic illness	Active growth periods	Indicates a stress episode during growth; cause unspecified
General growth	Growth stunting	Deviation from age-expected bone length and morphology	Non-specific	Nutritional insufficiency, chronic infection	Throughout childhood	Genetic factors; requires detailed demographic data

Results: cranial lesions

Table 4 summarises macroscopic findings for all eleven individuals, scored 0—3 for treponemal suspicion (0 = absent, 1 = limited/non-specific, 2 = probable, 3 = high probability). Radiographic findings for CR-4, CR-9, and CR-11 are given in Table 5. The account below follows the four cases that carry the most diagnostic and epistemic weight, with the remaining individuals summarised at the end of each subsection.

Rhinomaxillary destruction and mid-facial lesions

Rhinomaxillary syndrome, resorptive widening of the piriform aperture, destruction of the nasal septum and vomer, and palatal perforation with loss of the anterior nasal spine, is considered by Hackett (1976) one of the most characteristic cranial signatures of treponemal disease, particularly tertiary syphilis. Leprosy produces overlapping facial destruction, though typically more limited, and palatal perforation with basicranial extension is unusual for leprosy (Ortner 2003); several Zeytinli Ada individuals nonetheless show morphology close enough to this overlap zone to require full differential treatment.

CR-4 (score 3; Figure 2a, Figure 3a) presents the clearest case in the series. The nasal aperture margins are resorbed and widened, and most of the nasal bones and vomer are lost. Smoothed, sclerotic margins point to a long-standing chronic process and rule out a peri-mortem origin. Radiography supports the macroscopic pattern but does not resolve it: whether the palatal defect is a true perforation or a superimposed air space from projection angle could not be determined from the image, nor could density differences in the parietal and occipital regions be separated from superimposed auditory structures. This combination of macroscopic and radiographic evidence places CR-4 among the highest-confidence cases in the series, though the unresolved radiographic ambiguity noted above means the diagnosis is best read as a high probability, not a certainty (see Section 5.3).

CR-10 (score 3) shows a different pattern: multifocal lytic activity extending beyond the face into the frontal, parietal, and zygomatic bones. This wider distribution, compared with CR-4's more localised lesion, suggests systemic spread and indicates that individuals scoring identically on the matrix can nonetheless represent different stages or intensities of the same disease process; scoring narrows probability without fixing a diagnosis.

CR-3 (score 3; Figure 2c) is the clearest instance of unresolved equifinality in the series. Palatal perforation and alveolar lytic lesions (alveolar cloacae) initially favour a treponemal reading, but Ortner (2003) notes that leprosy can produce similar findings; syphilitic alveolar destruction tends to be confluent across the palate, while leprosy produces more localised, anteriorly concentrated erosion (Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998). CR-3's partial preservation (Table 1) does not allow this distinction to be made, and the case is retained at "moderate confidence" within the high-probability band. Set against CR-4, whose pattern aligns more consistently with Hackett's criteria, CR-3 shows how the qualitative interpretation of lesion distribution, not the raw score, ultimately governs diagnostic confidence.

Basicranial involvement

The basicranium and foramen magnum region, well protected from taphonomic damage and a key crossing point for systemic infection spread, shows lytic activity in three individuals: CR-4, CR-5, and CR-11.

CR-5 (score 2) combines basicranial erosion with diploic thickening on the internal occipital surface. Roberts and Manchester (2010) note that this combination also admits tuberculosis, which is normally confirmed through vertebral collapse (Pott's disease) and rib lesions, evidence unavailable here due to the absence of postcranial material. CR-5 is retained at "probable," with tuberculosis kept open as an alternative.

CR-11 (score 3; Figure 2b, Figure 3c) shows the most extensive and chronologically active basicranial destruction in the series, with dense porosity across the sphenoid and basal occipital regions. Sclerotic zones indicate bone remodelling alongside active lytic areas, suggesting different stages of the same disease process co-existing at the time of death. This pattern is consistent with tertiary syphilis, but Table 5's radiographic findings show it fits tuberculosis equally well; pronounced sutural lines visible on radiograph may reflect antemortem remodelling or postmortem desiccation, and the two cannot be distinguished at this resolution. Compared with CR-4, CR-11's basicranial score is identical (3), but its wider anatomical distribution suggests a more advanced stage of infection; in both cases, tuberculosis remains an open differential, meaning that even a score of 3 should be read as "high probability," not certainty.

Anaemia indicators

Cribra orbitalia and porotic hyperostosis, present in CR-6 and CR-7, are not disease-specific; they reflect general physiological stress from iron deficiency, parasitic load, gastrointestinal disturbance, chronic infection, or malnutrition, and cannot on their own support an aetiological diagnosis (Walker et al. 2009).

CR-7 (score 1) shows healed porotic lesions with no evidence of active infection or ongoing metabolic disturbance, and no independent sign of treponemal disease. A healed childhood metabolic crisis in an individual who survived to adulthood is a direct illustration of the osteological paradox (Wood et al. 1992): bone that shows healing marks resistance, not disease burden, in a way that a lesion-free bone cannot demonstrate.

CR-6 (score 2) combines porotic hyperostosis with palatal porosity and early-stage rhinomaxillary involvement, moving the case out of the non-specific category and into the probable treponemal group; the early stage of the facial lesion keeps a localised infection plausible, so the case remains at moderate confidence. The co-occurrence of cribra orbitalia with palatal porosity may indicate treponemal disease triggering an anaemic process, but the non-specific nature of anaemia markers prevents establishing that causal link (Ortner 2003). CR-7's healed profile functions as a population-level baseline against which CR-6's active lesions can be read.

Dental sepsis

Dental sepsis, untreated caries, advanced periodontal disease, or pulpitis spreading from the tooth into surrounding bone, produces cloacae, confluent bone loss, and localised osteomyelitis of the jaw (Dias et al. 2007; Waldron 2009). Beyond poor oral hygiene, it signals restricted access to treatment in pre-antibiotic communities and, when it spreads intracranially, carries systemic mortality risk (Hillson 2005).

CR-8 (Figure 2e), a male aged 45—60, shows the most severe dental sepsis in the series: confluent maxillary alveolar destruction, multiple cloacae, and dense palatal abscessing, with secondary porotic reaction on the internal cranial surface. No independent treponemal indicator is present, and the case (basicranial porosity scored 1) is consistent with periapical infection spreading internally. CR-8 is classified as chronic odontogenic sepsis, not treponemal disease, and represents the assemblage's clearest evidence that the site's pathological profile is not reducible to a single disease category.

Paediatric case

CR-9 (Figure 2d, Figure 3b), the series' only subadult (2—4 years), demonstrates how the absence of postcranial material can leave a diagnosis genuinely unresolved rather than merely uncertain. Table 4 removes CR-9 from the treponemal category and classifies it as probable scurvy. The lesion combination, bilateral cribra orbitalia, sphenoid greater-wing porosity, and normal

diploic architecture, matches the infantile scurvy profile described by Ortner (2003) and Brickley and Ives (2008). Radiography (Table 5) supports this: no diploic widening or "hair-on-end" pattern consistent with thalassaemia or haemolytic anaemia, and no "caput natiforme" pattern associated with congenital syphilis. Here radiography works by elimination and not by positive diagnosis: it rules out competing aetiologies without confirming one, and that asymmetry illustrates the central epistemological argument of this paper (Table 3).

The age range (2—4 years) supports a scurvy diagnosis on historical grounds; this corresponds to the post-weaning period in Byzantine populations, when children face peak risk of vitamin C deficiency and nutritional stress (Lewis 2007). Congenital syphilis cannot be fully excluded, since its late clinical presentation can theoretically overlap this age range, but its typical cranial markers, caput natiforme and saddle nose, are absent, and the single potentially diagnostic right parietal lesion does not carry enough weight on its own. Had postcranial elements survived, periosteal reaction or bowed ("saber") tibiae would have supported congenital syphilis, and subperiosteal haemorrhage would have supported scurvy; without them, neither possibility can be settled, and CR-9 stands as a direct illustration of how commingled assemblage conditions turn diagnostic uncertainty into a structural feature of the data rather than a research failure.

Diagnostic confidence synthesis

Table 6 applies a seven-criterion Hackett/Ortner matrix across all adult individuals. CR-4 and CR-11 both score 3 (high probability) but for different reasons: CR-4 combines caries sicca with rhinomaxillary syndrome, a single-region but highly specific signature, while CR-11 shows multifocal involvement across four anatomical regions without rhinomaxillary destruction, a broader but less specific pattern. Identical scores conceal different diagnostic bases. CR-3, also scored 3, is comparatively fragile: caries sicca is equivocal and the facial destruction pattern sits at the treponemal-leprosy intersection described in Section 4.1. Among the score-2 individuals, CR-1's facial lesions cannot yet be assigned to antemortem or postmortem origin, CR-5 keeps tuberculosis open pending postcranial evidence that does not exist, and CR-6 lacks caries sicca and endocranial involvement altogether, consistent with early, localised disease. CR-2 returns a fully negative profile and serves as the series' pathology-free reference point. Across the ten adult crania, seven score 2 or above; with a sample of this size, this count is best read as a description of the series and not as a population-level statistic.

The 0—3 scale used in Table 6 is a summary device, not a direct transcription of Hackett's (1976) original protocol. Hackett's criteria are hierarchical rather than additive: certain lesion combinations, caries sicca together with rhinomaxillary destruction among them, carry categorically more diagnostic weight than the same numerical count built from lower-weight findings. Table 6 collapses this hierarchy into a single ordinal score for ease of comparison across the series, but the underlying criteria in Table 2 retain their original qualitative weighting (pathognomonic, diagnostic, supportive, non-specific). A score of 3 built from one pathognomonic finding, as in CR-4, is therefore not equivalent, in evidentiary terms, to a score of 3 built from several supportive findings distributed across multiple regions, as in CR-11; Table 6 should be read alongside Table 2, not as a substitute for it.

Caries sicca is classified as pathognomonic for treponemal disease in Table 2, following Hackett (1976), and CR-4, CR-10, and CR-11 all score positively for it. Under a strict reading of Hackett's criteria, this would justify certainty for these three individuals instead of probability. This paper nonetheless keeps them within the high-probability band and stops short of certainty, for a reason specific to this assemblage: pathognomonicity is normally established on complete, individually attributed skeletons, whereas the calvarial fragments considered here carry no matched postcranial confirmation (Section 2) and cannot be fully excluded from taphonomic surface alteration or, in principle, from an advanced non-specific osteomyelitic process of the kind documented in CR-8. A pathognomonic criterion observed on a commingled, postcranially unconfirmed specimen carries less evidentiary weight than the same criterion observed on an articulated skeleton such as ZK-61. High

confidence, rather than certainty, is retained as the appropriate designation throughout this paper for exactly this reason.

Table 4. **Treponemal suspicion scores by individual**
(0 = absent, 1 = limited/non-specific, 2 = probable, 3 = high probability).

ID	Score	Key findings	Note
CR-1	2	Palatal porosity; right infraorbital lesion; equivocal antemortem remodelling at piriform margins	Conditional; would benefit from microscopic confirmation
CR-2	0	No active lesion; limited midline palatal porosity; normal nasal aperture	Pathology-free reference individual
CR-3	3	Palatal perforation threshold; rhinomaxillary widening; infraorbital and frontal endocranial lytic activity; multifocal alveolar destruction	Leprosy retained in differential
CR-4	3	Classic rhinomaxillary syndrome; dense basicranial lytic activity; sphenoid porosity; endosteal mandibular involvement	Strongest treponemal case in the series
CR-5	2	Occipital diploic thickening with patchy lytic activity; dense basicranial involvement; moderate rhinomaxillary change	Basicranial tuberculosis is the primary differential
CR-6	2	Cribra orbitalia and porotic hyperostosis; palatal porosity; early rhinomaxillary change; basicranial porosity	Retained within probable treponemal group
CR-7	1	Healed porotic hyperostosis; localised infraorbital remodelling; no active lesion	Adult profile consistent with resolved childhood metabolic crisis
CR-8	1	Severe chronic odontogenic sepsis; confluent maxillary alveolar destruction; secondary endocranial porosity	No corroborating treponemal criteria
CR-9	Probable scurvy	Bilateral cribra orbitalia; sphenoid greater-wing porosity; normal diploic architecture; right parietal lesion equivocal	Reclassified as infantile scurvy; removed from treponemal category
CR-10	3	Generalised palatal porosity; dense basicranial porosity and lytic activity; infraorbital and zygomatic lytic lesions	Classic active treponemal presentation
CR-11	3	Chronic-active basicranial honeycombing; foramen magnum lytic activity; frontal lytic/porotic change; dense endocranial involvement	Consistent with advanced, active tertiary-stage disease

Table 5. **Radiographic findings for CR-4, CR-9, and CR-11, and their epistemic function within the differential diagnosis.**

ID	Radiographic findings	Diploic status	Epistemic function
CR-4	Piriform margin obscured; midline alveolar radiolucency; patchy parietal/occipital density change; basicranial density increase	Normal	Supports macroscopic rhinomaxillary pattern; palatal and basicranial margins remain unresolved
CR-9	Suture patency age-consistent; orbital roof porosity confirmed; sphenoid greater-wing porosity weakly resolved; sharp sutural lines; no caput natiforme configuration	Preserved, not thinned; no hair-on-end pattern	Excludes thalassaemia/haemolytic anaemia; weakens congenital syphilis reading; works by elimination
CR-11	Sutural lines unusually pronounced; frontal lytic/porotic areas confirmed; dense, irregular radiodensity in parietal/occipital regions; radiolucent defects at foramen magnum margin	Diploic widening visible in preserved vault segment	Supports chronic-active tertiary-stage reading; does not resolve tuberculosis differential

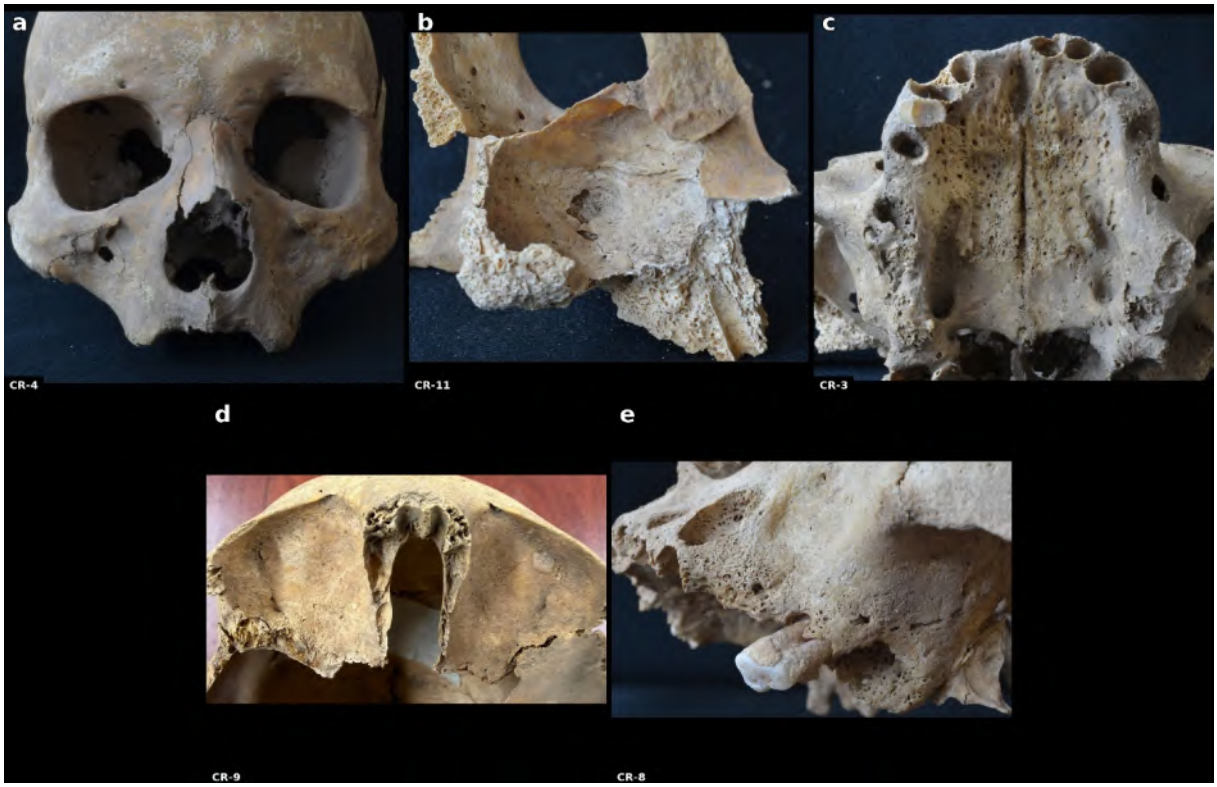


Fig. 2 Representative macroscopic lesions from the five individuals central to the differential diagnosis discussed in Section 4. *a* — CR-4, rhinomaxillary lesion; *b* — CR-11, basicranial lytic lesion; *c* — CR-3, palatal destruction; *d* — CR-9, cribra orbitalia; *e* — CR-8, maxillary alveolar sepsis.

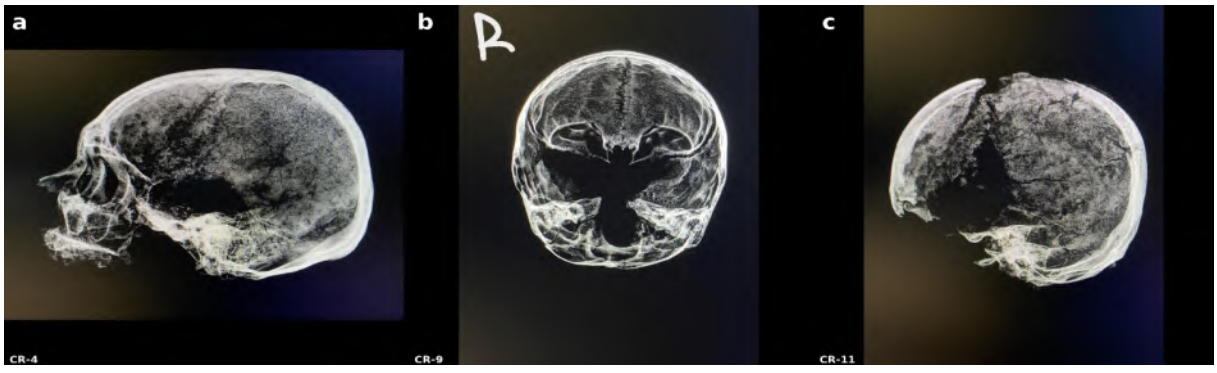


Figure 3 Radiographic findings for CR-4, CR-9, and CR-11 (see Table 5).

Table 6. **Hackett (1976) / Ortner (2003) treponemal criteria matrix. + present, - absent/not assessable, ? Equivocal.**

ID	Caries sicca	Rhinomax.	Endocranial	Basicranial	Calvarial	Mandibular	Score
CR-1	?	?+	-	-	-	-	2
CR-2	-	-	-	-	-	-	0
CR-3	?	+	+	+	+	-	3
CR-4	+	+	+	+	?	+	3
CR-5	-	+	?	+	+	-	2
CR-6	-	+	-	+	-	-	2
CR-7	-	-	-	+ (healed)	-	-	1
CR-8	-	-	+	+	-	+	1
CR-9	n/a	n/a	n/a	n/a	n/a	n/a	Probable scurvy
CR-10	+	+	-	+	+	-	3
CR-11	+	-	+	+	+	+	3

Discussion

ZK-61 as contextual evidence

Suata Alpaslan and Bekmez's (2015) case ZK-61, an articulated skeleton of a woman around 30 years old with periosteal reaction on the tibia and fibula alongside cranial destruction consistent with tertiary syphilis, sits outside the cranial series analysed here but provides its most important contextual anchor. It confirms, independently and at the postcranial level, that treponemal disease circulated in this population. The reasoning applied here is Bayesian only in a qualitative sense: ZK-61 functions as background evidence that raises confidence in a treponemal reading of the cranial lesions described in this paper, not as an input to a formal probabilistic calculation. In palaeopathology, this kind of background evidence is typically drawn from historical, epidemiological, or previously documented material independent of the specimens under study (Mays 2012; Chamberlain 2006). ZK-61 raises confidence that the cranial lesions described here reflect treponemal disease. It does not, however, resolve individual cases: CR-5's tuberculosis differential and CR-3's leprosy overlap are unaffected by ZK-61's existence, since population-level background evidence does not transfer automatically to individual osteobiography.

Since the original macroscopic and radiographic description of ZK-61, an attempt has been made to confirm the diagnosis molecularly. Ancient DNA analysis of the ZK-61 skeleton (laboratory sample name Sivas_merged_data, an internal identifier assigned by the sequencing facility and unrelated to the provenance of the specimen) was conducted at the Institute of Evolutionary Medicine, University of Zurich, and the results have been made available to the authors with permission (Rühli, Akgül 2018). Authentic ancient DNA was recovered from the sample, confirmed by a 15% cytosine-to-thymine misincorporation pattern typical of degraded ancient material, but endogenous human DNA represented only 2.747% of reads, with a mean genomic coverage of 0.0061X. Shotgun sequencing mapped only nine reads to the Treponema pallidum pallidum genome; a subsequent targeted enrichment capture, using biotinylated baits against four treponemal-specific regions (tprB, tprH, tprK, tpp15), recovered only 32 mapped reads, none showing the damage pattern expected of authentic ancient pathogen DNA. The report concludes that treponemal DNA could not be detected in the sample, and the project was closed on that basis (Rühli, Akgül 2018).

It should also be acknowledged that the molecular investigation of ZK-61 was undertaken approximately a decade ago, within the methodological framework available at that time. The reported negative result therefore reflects the analytical sensitivity and technical possibilities of the original ancient DNA workflow rather than constituting a definitive exclusion of treponemal infection. Since ancient pathogen genomics has continued to develop substantially, with improvements in library preparation, enrichment strategies, sequencing depth, and bioinformatic authentication, re-analysis of the same material using contemporary approaches may potentially yield different results. Accordingly, the previous molecular study is best interpreted as an important but

methodologically time-bound line of evidence whose negative outcome should not be treated as equivalent to biological absence.

This negative result does not, by itself, overturn the treponemal diagnosis established for ZK-61 on morphological and postcranial grounds (Suata Alpaslan, Bekmez 2015); a failure to detect pathogen DNA is not equivalent to evidence that the pathogen was absent. Low endogenous DNA content and poor pathogen-DNA preservation are common in the burial environments found across Anatolia, and the low proportion of human DNA recovered here indicates a sample already close to the practical limit of what shotgun and capture-based methods can resolve, well before pathogen-level detection is considered. The absence of a damage pattern in the 32 reads that did map to the treponemal genome is, on current evidence, more consistent with background noise than with authentic ancient pathogen DNA, and the original report treats the result accordingly. What this attempt demonstrates in concrete terms is a point raised elsewhere in this paper (Section 5.5): aDNA is not a straightforward adjudicator for the equifinality problems affecting CR-3 and CR-5, since a negative molecular result in commingled, poorly preserved cranial material is uninformative, not disconfirming. ZK-61's diagnosis therefore continues to rest on the same converging morphological and postcranial evidence as before this analysis was undertaken.

The underlying logic is worth making explicit, because it recurs at several points in this paper. In formal Bayesian inference, a prior probability, representing what is known before new data are considered, is updated by a likelihood function derived from the data themselves, producing a posterior probability. Applying this apparatus rigorously would require, at minimum, a specified base rate of treponemal disease in comparable Byzantine populations and a quantified likelihood for each lesion pattern given each candidate diagnosis; neither exists in the palaeopathological literature at a resolution fine enough to support this material, and manufacturing such figures for a series of eleven crania would produce spurious precision instead of genuine inference. What ZK-61 supplies is a much weaker, but still useful, version of the same logic: independent evidence, external to the cranial series itself, that shifts the analyst's confidence in one direction before the cranial lesions are even examined. This is the sense in which the reasoning here is Bayesian, an orientation rather than a calculation, and the distinction matters, because collapsing it, treating a raised confidence as though it were a computed posterior, would misrepresent the epistemic status of the conclusion.

Epistemic tension in the diagnostic method

Hackett (1976) was the first to systematise treponemal skeletal criteria, working from clinical case files, museum specimens, and well-preserved dissection material, all with anatomical completeness intact. None of these reference conditions hold for the Zeytinli Ada material: subsurface taphonomy, postmortem disturbance, commingling, and the absence of postcranial elements all work against Hackett's original criteria. Mays (2012) argued that later researchers hardened Hackett's originally probabilistic framework into something closer to deterministic rule ("this lesion means this disease"), collapsing the distinction between diagnostic confidence and diagnostic certainty. This study does not attempt to resolve the tension between Hackett's criteria and Mays's critique, but keeps both explicit: Hackett's matrix functions here as the working diagnostic tool, and Mays's caution is applied at every inferential step to keep the residual uncertainty visible. CR-1's rhinomaxillary pattern, CR-5's basicranial activity, and CR-3's palatal perforation all look persuasive under Hackett's framework; under Mays's framework, that same persuasiveness reflects unresolved alternatives and not their exclusion, which is a difference in the limits of knowledge, not merely a terminological one.

The epistemic role of radiography

Radiography performed differently across the three cases examined (CR-4, CR-9, CR-11), and that unevenness is informative about its evidentiary status in bioarchaeology. In CR-9, radiography worked by elimination, ruling out thalassaemia, haemolytic anaemia, and congenital syphilis, and thereby strengthening the macroscopic scurvy interpretation without establishing a new positive finding on its own. In CR-4, radiography tracked the macroscopic pattern but widened rather than closed the probability space. In CR-11, it deepened understanding of lesion severity and internal bone structure without resolving the differential. Andersen and Manchester (1992) documented comparable radiographic limits for leprosy-related rhinomaxillary syndrome, and Ortner and Ericksen (1997) found that paediatric cranial porosity on radiograph functioned mainly to eliminate alternatives instead of confirming one, a pattern consistent with what is observed here. Radiography, in this material, is not an independent evidentiary layer stacked on top of macroscopic observation; it is an instrument with its own resolution limits, angle-dependent artefacts, and blind spots. A conventional two-dimensional projection radiograph compresses a three-dimensional structure onto a single plane, so that overlapping anatomical layers, such as the petrous pyramid superimposed on the basicranium in CR-4, cannot always be separated from genuine pathological change; this projection limitation, rather than any failure of the observers, is a primary reason why the radiographic findings reported here narrow or sustain a probability without settling it.

Interpreting Zeytinli Ada archaeologically

The fourth inferential layer, that the sick were brought to this island for healing or in search of a holy spring, rests on Maximos Planoudes's letter and not on skeletal data, and the skeletal evidence can only support it indirectly. What the skeletal data do show is a pathological profile too heterogeneous for a single-disease narrative: CR-4, CR-10, and CR-11 present advanced treponemal signs; CR-8 presents severe, localised dental sepsis unrelated to treponemal disease; CR-9 presents probable scurvy; CR-7 presents a healed lesion profile in an individual who survived to adulthood. Miller (1985) and Horden (2005) describe Byzantine monastic healing institutions as admitting patients according to geography, denomination, and bed capacity, a pattern the Zeytinli Ada material broadly fits, since the site's architecture could plausibly have housed resident monks and staff alongside temporary visiting patients. Some cemetery individuals may represent long-term island residents who died of age or local infection and not visiting patients, a possibility that adds a layer to the "healing pilgrims" hypothesis without replacing it.

At the population level, the finding that seven of ten adult crania score 2 or above is inflated by sampling bias in one direction and deflated by the osteological paradox in the other; with a sample this size, no percentage should be read as a population parameter. Zeytinli Ada was not a demographically representative cemetery; if the island functioned as a healing centre, its dead are disproportionately drawn from an already unwell population, and this count describes that selected pool, not regional Byzantine disease prevalence. In the opposite direction, individuals who died in the acute phase of infection, before bone remodelling had time to register the disease, are systematically invisible in this kind of analysis (Wood et al. 1992). Read together with ZK-61, this pattern is compatible with an endemic treponemal presence, but extending that biological reading into the social claim that these individuals were brought to the island specifically for healing goes beyond what skeletal data alone can support; that claim rests on the textual record, not the bone.

Limitations and future directions

This study relies on macroscopic observation and conventional radiography for the cranial series itself; no micro-computed tomography was performed, and molecular confirmation was attempted only for ZK-61, the external contextual case discussed in Section 5.1, not for the crania analysed here. That attempt is itself informative about the limits of the method for this material: despite authentic ancient DNA being recovered from the ZK-61 sample, endogenous human DNA content was low, and neither shotgun sequencing nor a targeted treponemal enrichment capture recovered enough authentic pathogen reads to confirm or exclude treponemal infection (Rühli, Akgül 2018). This suggests that aDNA-based pathogen confirmation, while in principle capable of resolving the equifinality problems affecting CR-3 and CR-5, may not be straightforwardly achievable across this assemblage even where it is attempted, given the preservation conditions typical of the site. Micro-computed tomography remains untried here and could still convert CR-9's "normal diploic architecture" criterion from a qualitative judgement into a measurable one, along with clarifying whether CR-4's palatal defect is a genuine antemortem perforation; access to this technique continues to be limited by cost and logistics for most anthropology laboratories in Turkiye. The absence, and in the case of aDNA the attempted but inconclusive use, of these techniques is reported here as a methodological constraint on what this material can currently support, not as an oversight. A formal interobserver reliability protocol, with lesions scored independently by multiple observers and agreement quantified using a statistic such as Cohen's kappa, was likewise not applied here, for the reasons given in Section 3.2; this remains an appropriate target for future work on larger, non-commingled series where independent parallel scoring is logistically feasible.

Three interpretive constraints in practice

Three interpretive constraints run through this paper and are worth drawing together explicitly, since each surfaces repeatedly under a different name across the case material. Equifinality is the constraint that governs individual diagnosis: CR-3's position at the treponemal-leprosy intersection, and CR-5's and CR-11's unresolved tuberculosis differentials, are not failures of observation but direct expressions of the fact that different diseases converge on the same bony response. The osteological paradox is the constraint that governs population-level reading: the series' apparently high burden of treponemal disease, and CR-7's healed lesions in an individual who survived to adulthood, only make sense once it is accepted that the skeletons available for study are not a neutral sample of who once lived, but a biased record of who died and how. Background evidence, weighed qualitatively in the sense set out in Section 5.1, is the constraint that governs how findings external to the sample, such as ZK-61, are allowed to shift confidence without dictating individual conclusions; the inconclusive aDNA result reported for ZK-61 (Section 5.1) illustrates the same point from the opposite direction: a negative molecular finding does not erase the background evidence a case already provides, just as a positive one would not have transferred automatically to individual cranial diagnoses in the present series. None of these three constraints is specific to Zeytinli Ada, and none is resolved by better technique alone; a higher-resolution photograph of CR-3 would not settle whether it is treponemal disease or leprosy, and a larger sample would not, by itself, remove the selective mortality built into any cemetery population. What the LPIF offers is not a solution to any of the three constraints but a discipline for keeping them visible: by separating observation from differential diagnosis, differential diagnosis from osteobiographic inference, and osteobiographic inference from population-level interpretation, the model ensures that equifinality, the osteological paradox, and background evidence are confronted at the specific layer where each actually operates, instead of blurring together into an undifferentiated sense of uncertainty.

Conclusion

The eleven Zeytinli Ada crania were analysed to examine the epistemic structure of the diagnostic process, not to establish a single confirmed diagnosis. Macroscopic lesions document morphological reality; radiography narrowed some probability spaces while widening others, exposing the unevenness of imaging technology as an evidentiary tool without resolving it. Applying Hackett (1976) and Ortner's (2003) criteria sorts individuals into high- and moderate-confidence groups, but CR-3's equifinality with leprosy and CR-5's open tuberculosis differential show that these groupings narrow probability without fixing a diagnosis. CR-8's severe dental sepsis, excluded from the treponemal category, confirms that the site's pathological profile is not reducible to one disease. CR-9, lacking postcranial evidence, shows that congenital syphilis and infantile scurvy cannot always be separated on morphology alone, a direct limit on what commingled cranial material can answer.

The finding that seven of ten adult crania score 2 or above, together with the previously documented ZK-61 case, is consistent with an endemic presence at the site, but this reading must be held against both the selection bias built into a healing-centre cemetery and the osteological paradox that hides lesion-free deaths from view. The biological heterogeneity of the sample confirms that Zeytinli Ada was not a uniform syphilis-burial ground, but is compatible with a mixed Byzantine healing complex population, resident monks and desperate outside visitors together, as described by Miller (1985) and Horden (2005).

The Layered Palaeopathological Inference Framework proposed here treats diagnosis not as a single determination but as a cumulative process, where each successive layer adds explanatory value while also compounding uncertainty. Palaeopathology studies the traces disease leaves, not disease itself. Making the distinction between diagnostic confidence and diagnostic certainty visible, instead of collapsing it, is what allows this material's methodological limitations to become an honest tool for interpreting the past instead of an obstacle to it.

References

Suata Alpaslan, F., Bekmez, M.S. 2015. A sample of syphilis belonging to the Early Byzantine period from the community of Zeytinli Island (Erdek-Balıkesir). *Cumhuriyet Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi* 39 (1), 11—20.

Andersen, J.G., Manchester, K.L. 1992. The rhinomaxillary syndrome in leprosy: A clinical, radiological and palaeopathological study. *International Journal of Osteoarchaeology* 2, 121—129.

Aufderheide, A.C., Rodríguez-Martín, C. 1998. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bıçak, S., Suata Alpaslan, F. 2015. Zeytinli Ada iskelet topluluğunun diş ve çene patolojisi açısından incelenmesi [Dental and jaw pathology examination of the Zeytinli Island skeletal series]. *Cumhuriyet Üniversitesi Fen Fakültesi Fen Bilimleri Dergisi* 36 (5), 32—46.

Brickley, M., Ives, R. 2008. *The Bioarchaeology of Metabolic Bone Disease*. Amsterdam: Academic Press.

Buikstra, J.E., Ubelaker, D.H. *(eds)*. 1994. *Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains*. Fayetteville: Arkansas Archeological Survey (Research Series 44).

Buikstra et al. 2022: Buikstra, J.E., DeWitte, S.N., Agarwal, S.C., Baker, B.J., Bartelink, E.J., Berger, E., Blevins, K.E., Bolhofner, K., Boutin, A.T., Brickley, M.B., Buzon, M.R., de la Cova, C., Goldstein, L., Gowland, R., Grauer, A.L., Gregoricka, L.A., Halcrow, S.E., Hall, S.A., Hillson, S., Kakaliouras, A.M., Klaus, H.D., Knudson, K.J., Knüsel, C.J., Larsen, C.S., Martin, D.L., Milner, G.R., Novak, M., Nystrom, K.C., Pacheco-Forés, S.I., Prowse, T.L., Robbins Schug, G., Roberts, C.A., Rothwell, J.E., Santos, A.L., Stojanowski, C., Stone, A.C., Stull, K.E., Temple, D.H., Torres, C.M., Toyne, J.M., Tung, T.A., Ullinger, J., Wiltschke-Schrotta, K., Zakrzewski, S.R. 2022. Twenty-first century bioarchaeology: Taking stock and moving forward. *Yearbook of Biological Anthropology* 178 (S74), 54—114. DOI: https://doi.org/10.1002/ajpa.24494.

Chamberlain, A.T. 2006. *Demography in Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press.

DeWitte, S.N., Stojanowski, C.M. 2015. The osteological paradox 20 years later: Past perspectives, future directions. *Journal of Archaeological Research* 23 (4), 397—450.

Dias, G.J., Prasad, K., Santos, A.L. 2007. Pathogenesis of apical periodontal cysts: guidelines for diagnosis in palaeopathology. *International Journal of Osteoarchaeology* 17, 619—626.

Hackett, C.J. 1976. *Diagnostic Criteria of Syphilis, Yaws and Treponarid (Treponematoses) and of Some Other Diseases in Dry Bones*. Berlin: Springer-Verlag.

Harper et al. 2011: Harper, K.N., Zuckerman, M.K., Harper, M.L., Kingston, J.D., Armelagos, G.J. 2011. The origin and antiquity of syphilis revisited: An appraisal of Old World pre-Columbian evidence for treponemal infection. *Yearbook of Physical Anthropology* 146 (S53), 99—133.

Hillson, S. 2005. *Teeth*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

Horden, P. 2005. Mediterranean hospitals. B: Cavaciocchi, S. (ed.). *The Economic Role of Hospitals and Healthcare in Europe, 13th — 18th Centuries*. Firenze: Le Monnier, 521—534.

Larsen, C.S. 2015. *Bioarchaeology: Interpreting Behavior from the Human Skeleton*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

Leone, P.L.M. (ed.). 1991. *Maximi Monachi Planudis Epistulae*. Amsterdam: Hakkert.

Lewis, M.E. 2007. *The Bioarchaeology of Children: Perspectives from Biological and Forensic Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mays, S. 2010. *The Archaeology of Human Bones*. 2nd ed. London: Routledge.

Mays, S. 2012. The relationship between paleopathology and the clinical sciences. B: Grauer, A.L. (ed.). *A Companion to Paleopathology*. Malden: Wiley-Blackwell, 285—309.

Miller, T.S. 1985. *The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Ortner, D.J. 2003. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. 2nd ed. Amsterdam: Academic Press.

Ortner, D.J., Ericksen, M.F. 1997. Bone changes in the human skull probably resulting from scurvy in infancy and childhood. International Journal of Osteoarchaeology 7, 212—220. DOI: https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-1212(199705)7:3<212::AID-OA346>3.0.CO;2-5

Öztürk, N., Kavaz, B. 2012. Zeytinli Ada 2010 Yılı Kazı Çalışmaları ve Arkeopark Projesi. *33. Kazı Sonuçları Toplantısı*. Cilt 1, 53—68.

Rühli, F., Akgül, G. 2018. Syphilis Project, Sivas, Turkey. Unpublished laboratory report. Zürich: Institute of Evolutionary Medicine, University of Zurich.

Roberts, C., Manchester, K. 2010. *The Archaeology of Disease*. 3rd ed. Stroud: The History Press.

Snoddy et al. 2018: Snoddy, A.M.E., Buckley, H.R., Elliott, G.E., Standen, V.G., Arriaza, B.T., Halcrow, S.E. 2018. Macroscopic features of scurvy in human skeletal remains: A literature synthesis and diagnostic guide. American *Journal of Physical Anthropology* 167 (4), 876—895.

Takunyacıoğlu, A. 2019. Zeytinli Ada İnsanları ve Yaşam Biçimleri. Unpublished master's thesis. Sivas: Sivas Cumhuriyet University.

Waldron, T. 2009. *Palaeopathology*. Cambridge: Cambridge University Press.

Walker et al. 2009: Walker, P.L., Bathurst, R.R., Richman, R., Gjerdrum, T., Andrushko, V.A. 2009. The causes of porotic hyperostosis and cribra orbitalia: A reappraisal of the iron-deficiency-anemia hypothesis. *American Journal of Physical Anthropology* 139 (2), 109—125.

Wood et al. 1992: Wood, J.W., Milner, G.R., Harpending, H.C., Weiss, K.M. 1992. The osteological paradox: Problems of inferring health from skeletal samples. *Current Anthropology* 33 (4), 343—370.

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.54.98.015

Ю.А. Прокопенко, И.М. Харитонов

О ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЖИТЕЛЕЙ КРЕПОСТЕЙ И РЕДУТОВ АЗОВО-МОЗДОКСКОЙ ЛИНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ)*

Статья посвящена характеристике предметов, обнаруженных в ходе археологических раскопок (и разведок) крепостей и редутов, составлявших в конце XVIII — начале XIX в. Азово-Моздокскую оборонительную линию, а также реконструкции особенностей повседневной культуры поселенцев этих фортификационных сооружений. Получены сведения о: видах вооружения в крепостях (виды пушек, виды боеприпасов, детали ружей и др.), формах крепостных бастионов, структуре расположения жилищ в солдатских слободах, особенностях внутреннего устройства землянок и полуземлянок и др. Уточнен список занятий и ремесел, практиковавшихся местным населением (кроме положенных по уставу). Раскрыта номенклатура поступаемых на местные ярмарки и торговые лавки товаров, в том числе из ремесленных центров Северного Кавказа и государств Европы. Были проанализированы выявленные нумизматические материалы. Ряд археологических находок свидетельствует о некоторых сторонах проведения досуга солдатским, казачьим населением (посещение церкви и празднование церковных праздников; посещение ярмарок; рыбалка; табакокурение, азартные игры) и офицерами — дворянскими поселенцами (посещение церкви и празднование церковных праздников; домашние посиделки с друзьями и сослуживцами; охота; изредка — балы).

Ключевые слова: Азово-Моздокская оборонительная линия, крепости, редуты, пикеты, археологические находки, нумизматические материалы, культура повседневности, служба, ремесло, досуг.

Сведения об авторах: Прокопенко Юрий Анатольевич[1], доктор исторических наук, Северо-Кавказский федеральный университет; Харитонов Илья Михайлович[2], научный сотрудник отдела археологии Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева, Г.К. Праве.

Контактная информация: [1]355017, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1, Северо-Кавказский федеральный университет, e-mail: z_proko_15@mail.ru; [2]355000, Россия, г. Ставрополь, ул. Дзержинского, д. 135, Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева, Г.К. Праве, e-mail: iliaskhariton22@gmail.com.

Yu.A. Prokopenko, I.M. Kharitonov

ABOUT EVERYDAY CULTURE OF RESIDENTS OF FORTRESSES AND REDOUBTS OF THE AZOV-MOZDOK LINE (BASED ON ARCHAEOLOGICAL RESEARCH)

The article is devoted to the characterization of objects discovered during archaeological excavations (and reconnaissance) of fortresses and redoubts that formed the Azov-Mozdok defensive line at the end of the 18th — beginning of the 19th centuries, as well as the reconstruction of the features of the daily culture of the settlers of these fortifications. The research provides information on the types of weaponry used in the fortresses (types of guns, types of ammunition, details of guns, etc.), the forms of fortress bastions, the spatial organization of dwellings in soldiers' settlements, features of the internal structure of dugouts and half-dugouts, etc. The list of occupations and crafts practiced by the local population (except for those prescribed by the charter) has been clarified. The study establishes the range of goods available at local fairs and trading shops, including products originating from craft centres in the North Caucasus and European countries. Identified numismatic materials were analyzed. A number

* Статья поступила в номер 19 апреля 2026 г.
Принята к печати 9 мая 2026 г.

© Ю.А. Прокопенко, И.М. Харитонов, 2026.

of archaeological finds testify to some aspects of leisure activities by the soldier, Cossack population (visiting church and celebrating church holidays; visiting fairs; fishing; smoking, gambling) and noble settler officers (visiting church and celebrating church holidays; home gatherings with friends and colleagues; hunting; occasionally, balls).

Key words: Azov-Mozdok defensive line, fortresses, redoubts, pickets, archaeological finds, numismatic materials, everyday culture, service, craft, leisure.

About the authors: Prokopenko Yuri Anatolyevich[1], Doctor of Historical Sciences, North Caucasus Federal University; Kharitonov Ilya Mikhailovich[2], Researcher of the Archeology Department of the Stavropol State Historical, Cultural and Natural Landscape Museum of the Reserve named after G.N. Prozritelev, G.K. Prave.

Contact information: [1]355017, Russia, Stavropol, st. Pushkin, 1, North Caucasus Federal University, e-mail: z_proko_15@mail.ru; [2]355000, Russia, st. Dzerzhinsky, h. 135, Stavropol State Historical, Cultural and Natural Landscape Museum-Reserve named after G.N. Prozritelev, G.K. Prave, e-mail: iliaskhariton22@gmail.com.

Введение. Изучению причин возникновения Азово-Моздокской линии укреплений и особенностям их функционирования в конце XVIII — начале XIX в. посвящено целое направление историографии Северного Кавказа, однако, основная часть многочисленных публикаций посвящена освещению данного явления, либо с позиций описательного краеведения, либо в социо-политическом контексте. До настоящего времени не существует серьезных исследований, рассматривающих особенности повседневной культуры поселенцев крепостей, редутов и казачьих станиц.

За последние 40 лет историческая наука значительно продвинулась в плане изучения истории указанного явления — возникновения и функционирования крепостей Азово-Моздокской линии. Кроме введения в научный оборот неизвестных ранее архивных данных, источниковую базу пополнил массовый археологический материал, полученный в результате раскопок ряда крепостей и редутов: Ставропольской, Павловской, Марьинской, Константиногорской крепостей, Вестославского редута, первого редута у г. Бештау (севернее Орлиных скал, в 2-хкм к ЮЮЗ от Железноводского вокзала) и др. Частично артефакты введены в научный оборот, но без соответствующей интерпретации (Дорофеев, Фоменко 2003a; 2003b; Рудницкий 2003; Березин, Прокопенко 2018; Дударев и др. 2020; Харитонов 2024; 2025; Савенко 2026) (карта 1).

Именно, результаты культурологического анализа отмеченного разнообразного археологического материала позволяют уточнить данные, известные из архивных фондов и свидетельств современников, а также раскрыть ранее неизвестные страницы жизни солдат, офицеров, слободских поселенцев и казаков — быта, досуга и др. Целью настоящего исследования является осмысление известного археологического материала и реконструкция на базе полученных сведений особенностей повседневной культуры линейного населения. Необходимость проведения данного исследования также подчеркивается наступающим в 2027 г. 250-м юбилеем возникновения Ставропольской крепости.

Методы. В качестве рабочего использовался сравнительно-типологический метод. Он основан на классификации по материалу, способу обработки, форме, орнаменту, а также на исследовании, обнаруженных в ходе раскопок, типов боеприпасов, плотницких и кузнечных инструментов, ножей, керамической, в том числе, фарфоровой и фаянсовой посуды, различных типов монет и др. Сравнительный анализ некоторых видов керамической, стеклянной и фаянсовой посуды, глиняных курительных трубок и иностранных монет, выявленных в процессе раскопок крепостей и редутов и подобных, обнаруженных в памятниках Дагестана, Грузии, Крыма, Австрии и др. позволяет локализовать ареал их распространения (в том числе на Северном Кавказе) и уточнить хронологию их использования в XVIII — начале XIX вв. Археологические находки рассматривались с точки зрения историзма и целостности, т.е. культурные явления анализировались строго в контексте их эпохи, в сочетании социальных, экономических и психологических факторов.

Анализ. Все археологические находки условно можно разделить на три группы: 1) предметы, свидетельствующие о военизированном характере местного населения и военно-оборонительной функции крепостей и редутов; 2) находки, позволяющие в какой-то степени реконструировать особенности повседневной культуры поселян (солдат, казаков и офицеров-дворян); 3) изделия, появление которых связанно с торгово-обменными связями.

К первой группе относятся находки оружия, боеприпасов и предметы, относящиеся к военной повседневной культуре солдат. В частности, в процессе исследования Крепостной горы в г. Ставрополь в 1991 г. (территория Ставропольской крепости) были найдены чугунные пушечные ядра (Д — 13,2

см) и фитильная граната (Д — 15,9 см) — боеприпасы конца XVIII — начала XIX в. (Харитонов 2024: 329—340, фото. 1; 2) (рис. 1: 1, 2).

В материалах из культурного слоя Павловской крепости (исследования 2003 — 2005 гг.) представлены: ружейные пули, кремень в свинцовой оправе, упор под ствол ружья, пушечное ядро, пуговицы, пряжки, рукоятки от плетей, фрагменты солдатских чугунных котлов, сапожные и конские подковы, удила (Дударев и др. 2020: 294; Савенко 2026: 134) (рис. 1: 3; 2: 1, 2; 5: 1, 2).

В результате работ 2003 — 2004 гг., проводимых на Вестославском редуте конца XVIII в. у с. Привольного обнаружены: картечный свинцовый шарик, деформированные фрагменты от стреляных ружейных пуль, железная сапожная подкова, круглая медная пуговица (от мундира), подквадратная железная пряжка, фрагменты чугунных походных котлов, железная цепь с крюком для подвешивания котла, часть конской подковы, свинцовые слитки. Здесь же обнаружены остатки железного воротного навеса, связанного с деталями оборонительных конструкций (Дударев и др. 2020: 283—284, 288, 290).

В числе материалов, выявленных на территории редута у г. Бештау (окрестности г. Железноводск) зафиксированы два ружейных кремня в свинцовых обоймах, свинцовые пули, картечь, бронзовые и железные поясные пряжки и портупейные детали, медные, бронзовые и свинцовые пуговицы (часть от мундиров), фрагменты чугунных котлов (Рудницкий 2003: 105).

Находки ядер (Д — 13,2 см — рис. 1: 1) и фитильной гранаты (Д — 15,9 см — рис. 1: 2) свидетельствуют об использовании в качестве крепостной артиллерии в Ставропольской крепости 12-фунтовых (пушка — Д — 13,2 см) и 18-фунтовых орудий (пушка, единорог? — Д — 15,9 см) — стандартного среднего калибра, использовавшегося в крепостной, полевой и осадной артиллерии. Последние (18 фунтов) были в употреблении только до военных преобразований Павла I. В начале XIX в. они уже отсутствовали в числе используемых в армии артиллерийских систем (Бенда 2022: 17, табл. 1). Хотя в приграничных территориях они могли и продолжить службу. Следует отметить, что ставропольские пушки, предположительно, были чугунные, поскольку для крепостной артиллерии указанных калибров были характерны именно такие (Берназ см. табл.).

Пушки присутствовали во всех крепостях. Об этом свидетельствует ядро, найденное в культурном слое Павловской крепости (Савенко 2026: 134). Картечные свинцовые шарики, выявленные в Вестославском редуте и редуте у г. Бештау, также, имеют отношение к артиллерии, поскольку одним из видов боеприпасов к 12-фунтовым и 18-фунтовым пушкам являлась картечь, успешно применявшаяся против осаждавших крепость пехоты и конницы.

Свинцовые пули и их фрагменты, обнаруженные в процессе раскопок Павловской крепости и редутов, а также находки упора под ствол ружья (Павловская крепость) и трех кремней в свинцовых обоймах (Павловская крепость — 1 экз., редут у г. Бештау — 2 экз.) являются свидетельством вооружения солдат (рис. 1: 3). Для русских ружей конца XVIII — начала XIX в. характерны кремневые ударные замки. В данном случае, в качестве фиксатора кремня (плотное зажатие, удержание, защита камня от раскалывания) в губках курка использовали свинцовую или кожаную прокладку (Маркевич 2005: 89). Свинцовые слитки, обнаруженные в культурном слое Вестославского редута (Дударев и др. 2020: 290), предположительно, предназначались для отливки пуль и картечи.

Также, в выявленных археологических материалах сохранились остатки военного костюма: портупейные детали, бронзовые и железные поясные пряжки (рис. 1: 4—11), разнообразные металлические пуговицы (рис. 1: 11).

Находки удил, рукояток плетей и многочисленных подков и их фрагментов во всех исследованных памятниках свидетельствуют о присутствии в гарнизонах кавалерии (рис. 4: 3, 4). Результаты анализа костных остатков лошадей из культурного слоя Вестославского редута указывают на преобладание среднерослых лошадей (видимо, нижних чинов и казачьих). В одном случае были обнаружены кости более рослой верховой лошади (возможно, офицерской) (Дударев и др. 2020: 291).

Выявленные чугунные котлы (и их фрагменты) (Павловская крепость, Вестославский редут, редут у г. Бештау) (рис. 5: 1, 2), а также находка железной цепи с крюком для подвешивания котла, раскрывают некоторые особенности пищевой культуры гарнизонов крепостей и редутов. В походных условиях и в крепостях в котлах для солдат готовили пищу: щи, крупяные супы (овсяный, перловый и др.), уху, различные виды каш и др. Как правило, чугунный котел предназначался для 10 человек (ведерный котел) (azbuka.ru: 1).

Находки железных ножниц (Павловская крепость (рис. 3: 5); казачий пикет конца XVIII — начала XIX вв. (скифский курган — раскопки Н.А. Охонько 1984 г.) на территории юго-западной части города Ставрополя) (Савенко 2026: 134; Харитонов 2025: 410) (кроме портняжного дела) могут свидетельствовать об обычной практике стрижки солдат и казаков.

Находки в кургане на территории юго-западного района г. Ставрополя (раскопки Г.А. Охонько 1984 г.) — на месте казачьего пикета конца XVIII — начала XIX в. глиняных трубок для курения и двух монет 1754 г. (Харитонов 2025: 401) свидетельствуют о проведении досуга казаками во время дежурства. Курение позволяло скоротать время и, в какой-то степени, обогревало в сырые и холодные ночи, а утерянные монеты, возможно, связаны с азартными играми (кости или карты?), которые также разнообразили время дежурства.

Ко второй группе обнаруженных в процессе исследования крепостей и редутов предметов, относятся находки, позволяющие в какой-то степени реконструировать особенности повседневной культуры поселян (отставных солдат, казаков и офицеров-дворян). Целый ряд артефактов свидетельствует о различных видах деятельности представителей гарнизона, не связанных с военной службой.

Достаточно много находок связано со строительными работами — строились бастионы крепостей, различные постройки военного и гражданского назначения, церкви, административные здания и др. В процессе строительства использовалось дерево, кирпич, саман. Деревянные детали до нашего времени не сохраняются, но ряд выявленных предметов свидетельствует именно о постройках из бревен и досок. В частности, креплением деревянного мостика у Вестославского редута являлась железная скоба (Дударев и др. 2020: 287). Строительные скобы выявлены в первом редуте у г. Бештау (Рудницкий 2003: 105)[1]. Подобным способом — скобами крепились и бревна в срубах. В частности, мощный слой древесного угля площадью 10 × 10 м, сохранившийся от второго редута на северном подножии горы Бештау, скорее всего, свидетельствует о деревянной (из бревен) конструкции его оборонительных сооружений[2].

Деревянными досками обшивали стены в жилищах и из них сколачивали нехитрую мебель (железными гвоздями). Использовали молотки (представлены в числе находок из крепости Святого Павла (Павловской)) (Савенко 2026: 134). В подъемном материале первого редута у г. Бештау выявлены обломки железных топоров (Рудницкий 2003: 105). В раскопе Павловской крепости обнаружен фрагмент лезвия пилки лобзика (Дударев и др. 2020: 292) (рис. 3: 7). Гвозди найдены в большом количестве в ходе раскопок Павловской и Ставропольской крепостей, Вестославского редута и в результате исследований первого редута у г. Бештау (рис. 2: 6, 7; 3: 8—11). Гвозди — кованные различных размеров (сечение прямоугольное или квадратное). Шляпки уплощенно-округлые или многогранные (Дударев и др. 2020: 289, 292—294; Рудницкий 2003: 105). Например, в Павловской крепости дощатые стены были в землянках и полуземлянках. Они крепились на столбах (Савенко 2026: 134).

Многие проживающие в поселениях при крепостях прибыли из средней полосы России — лесных районов, где, в основном, все постройки возводили из дерева. В степном Предкавказье леса редки. Поэтому желание жителей слобод и станиц при крепостях использовать для своих нужд местный деревянный стройматериал сталкивалось с интересами государства. Например, в 1797 г. в Ставропольской крепости побывал Флота лейтенант И.М. Сухов. Результатом его осмотра местных лесов стало заключение о годности их «для корабельного строения». Отсюда был наложен запрет поселянам на использование деревьев из окрестных лесов. Однако, когда он прибыл в крепость через три года — в 1800 г., обнаружил, что вырубка леса продолжалась. 12 августа от него в Ставропольский Нижний земский суд поступает эмоциональное уведомление: «Не смотря на высочайшее его Императорского величества Указы изданных соблюдений лесов во время моего осмотра и клеймения деревьев в называемом Большом или русском лесу, растущем в сем уезде, примечено мной, что жителями сей лес с небрежностью вырубается и опустошается…» (ГАСК. Ф. 105. Оп. 1. Д. 764: 5—8; Брилева 2024: 322—324). В дальнейшем государственные запреты на использование леса привело к массовому возмущению жителей поселения у Ставропольской крепости и серьезному противостоянию между представителями лесной стражи, мещанами и казаками (Брилева 2024: 325).

Казаки Волгского полка станицы при крепости Марьинской делали деревянные разборные дома на продажу. По сведениям краеведа Е.М. Яковкиной (с 1830 г. — Пятигорск) на Горячих Водах в 1823 г. в усадьбе одного из первых застройщиков — Ушакова (современная улица Лермонтова, №№ 18, 20, 22), были установлены домики, изготовленные в станице Марьинской (Дорофеев, Фоменко 2003b: 107—108). Постепенно по всей Азово-Моздокской линии деревянные конструкции заменялись саманом.

Также в качестве стройматериала использовались кирпич и местный камень (ракушечник и песчаник). В числе археологических материалов, полученных в слоях Вестославского редута, фиксируются два вида кирпичей. Первый вариант — более крупный (целые не сохранились; толщина

[1] Находки из первого редута у горы бештау хранятся в Железноводском краеведческом музее.

[2] Выражаем искреннюю признательность Р.Р. Рудницкому за предоставленные сведения.

— 4,5 — 6 см; ширина — 11,5 — 12,5 см). Второй вариант — тонкие и широкие экземпляры, близкие к квадратной форме с заточенными гранями, предположительно, отделочные. Из кирпича складывали домашние печи и др. Например, ряд полуземлянок с кирпичными печами выявлен в процессе исследования крепости Святого Павла (Дударев и др. 2020: 296; Савенко 2026: 134).

В культурном слое Вестославского редута найдены камни со следами обработки. Они использовались для возведения фундаментов различных зданий. В Ставропольской крепости из местного камня была сложена оборонительная казарма «строевых эскадронных офицеров» (отмечена на историческом плане крепости 1811 г.[3] (Охонько 1991: 2; Охонько и др. 1991: 2). В ходе раскопок на месте Ставропольской крепости в 2018 г. была выявлена каменная глыба из камня-ракушечника из фундамента дома начальника Ставропольской крепости[4] (Харитонов 2025: 330).

Дополнением к строительному делу, а также целому ряду других занятий являлось кузнечное ремесло. Предположительно, определенный процент железных изделий завозился торговцами, но часть их производилась на месте — в гарнизонных и слободских кузницах. Это строительные и подбойные гвозди, молотки, ножи, серп, крючок и др. (Павловская крепость) (Савенко 2026: 134); скобы, гвозди, различные пластины, ухват, штыри, проколки, иглы (Вестославский редут) (Дударев и др. 2020: 289—290); топоры, скобы, гвозди и др. (редут у г. Бештау) (Рудницкий 2003: 105). Двери домов закрывались железными замками. Такой экземпляр и ключ к нему найдены на территории Павловской крепости. Здесь же был найден еще один ключ (Дударев и др. 2020: 294, рис. 7) (рис. 2: 9—11).

Также старались в хозяйстве использовать поделки из кости. Например, в материалах Вестославского редута представлены костяные: инструмент для плетения сетей, нож с двухсторонней накладной костяной ручкой, фрагмент пуговицы (Дударев и др. 2020: 290) (рис. 4: 6, 7).

В гарнизонном и домашних хозяйствах практиковались портняжное (и ткацкое), кожевенное и скорняжное ремесла. О первом свидетельствуют находки в культурных слоях Вестославского редута железных игл и керамического пряслица (Савенко 2026: 134, 136), Павловской крепости — ножниц (Савенко 2026: 134) и бронзового наперстка на территории редута у г. Бештау (Рудницкий 2003: 105). На работу с кожами и шкурами указывают обнаруженные в Вестославском редуте различные проколки и кремневые отщепы (Дударев и др. 2020: 290). Последние могли использоваться в процессе мезлрения шкур.

В процессе указанных работ, а также в военном деле, плотницком ремесле и на кухне использовались железные (черешковые и с цельно-откованной ручкой), треугольные в сечении ножи. В первом типе, по форме лезвия, представлены три варианта (Павловская крепость) (Дударев и др. 2020: 292—293): 1) с прямым, слега расширенным к краю лезвием (с резким обрезом края лезвия) (рис. 3: 3); 2) со слегка выгнутой спинкой и прямым лезвием (северокавказская форма) (рис. 3: 4); 3) с прямой режущей кромкой и прямой (параллельной) спинкой, близко к острию плавно по дуге соединяющейся с режущей кромкой (рис. 3: 3). Ко второму типу относится экземпляр с прямой спинкой (на одной линии с ручкой) и лезвием подтреугольной формы (режущая кромка соединяется со спинкой под острым углом) (рис. 3: 1).

Важным в функционировании крепостей (и расположенных рядом слобод и станиц) являлось обеспечение их жителей продовольствием. В гарнизоны шли армейские поставки продуктов (пайки солдат). Плюсом к выделяемому казной провианту являлась появившаяся еще в первой половине XVIII в. возможность приобретения продовольствия военнослужащими у маркитантов за счет собственных сбережений. Маркитанты обеспечивали армию мясом, жирами, овощами и иными продуктами по твердым ценам (Чотчаев и др. 2017: 19; Подберезный, Фурсов 2024: 23). Маркитанты появлялись и в крепостях Азово-Моздокской линии. В частности, по сведениям В.А. Фоменко, в Константиногорской крепости они поселились в 90-х гг. XVIII в. (в совр. Пятигорске — район Красная слободка) (Фоменко 2002: 15). В Павловской крепости были выявлены остатки хозяйственного комплекса, предположительно, трактира или торговой лавки (Савенко 2026: 134). Наличие маркитанского дома зафиксировано в соседней со Ставропольской Прочно-Окопской крепости (Ктиторов и др. 2024: 63).

Дополнительными источниками пополнения продуктового набора являлись земледелие, огородничество и разведение скота в местах расквартирования части (последнее было разрешено «Плакатом» 1724 года, но только для собственного употребления) (ПСЗ VII: 314). Остеологический материал из культурного слоя Вестославского редута свидетельствует, что местное население разводило крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, домашних свиней. Крупный рогатый скот (как

[3] До настоящего времени сохранилась одна стена с бойницами.
[4] Построен в 1811 г.

и лошади) имел средние размеры. Также поселенцы занимались птицеводством (Дударев и др. 2020: 291). Отбойник для косы, обнаруженный в раскопе Павловской крепости (Дударев и др. 2020: 294, рис. 4), видимо, связан с заготовкой сена или уборкой зерновых (рис. 4: 2). О наличии полей, засеянных злаковыми культурами, также, свидетельствует находка серпа в Павловской крепости (Савенко 2026: 134).

Важным для солдат и поселенцев являлось обстоятельство наличия поблизости сравнительно крупных рек или озер, что способствовало развитию местного рыболовства. При этом, костяной инструмент для плетения сетей (рис. 4: 7), керамическое грузило от сети (Вестославский редут) (Дударев 2020: 290) и крупный железный рыболовецкий крючок на крупную рыбу (Павловская крепость) (Савенко 2026: 134) указывают на преобладание в рыбалке, либо массового лова (сети), либо ориентирование на добычу крупных экземпляров (сом, осетровые и др.).

Местное население также занималось охотой. По своим целям она была двух видов: 1) офицерско-дворянская (развлечение, добыча не так важна); 2) солдатско-казачья (цель — добыть мяса и включить его в пищевой рацион или получить меха). Предметом добычи были пушные животные (в сборах Вестославского редута представлено значительное количество остатков лисицы), зайцы, косули и дикие кабаны (найден зуб дикого кабана) (Дударев др. 2020: 291; Савенко 2026: 136).

С культурой питания связано керамическое производство, которое было налажено в гарнизонах и в прилегающих к крепостям слободах и станицах. Значительное количество фрагментов керамики выявлено в культурном слое Вестославского редута — горшки различных размеров из коричнево-красной, желто-коричневой, серой глины, иногда украшенные глазурью (Дударев и др. 2020: 290). Высококачественные сосуды, скорее всего, были привезены торговцами, но большая их часть производилась на месте. Также, из глины создавали грузила для сетей и пряслица (Вестославский редут).

Многие поселенцы прибывали из Средней полосы России, где практиковалось готовить еду в русской печи (ухватами ставили внутрь раскаленной печи чугунки с щами или кашей). Эта традиция характерна и для пищевой культуры населения Азово-Моздокской линии. Ухват для захвата и перемещения чугунка обнаружен в культурном слое Павловской крепости (Дударев и др. 2020: 294; Савенко 2026: 134) (рис. 5: 4). Чугунок был найден на территории казачьего пикета конца XVIII — начала XIX вв. (скифский курган — раскопки Н.А. Охонько 1984 г.), исследованного на территории юго-западной части города Ставрополя (Харитонов 2025: 410).

В гарнизонах готовка пищи, регулировалась на уровне роты и осуществлялась самими солдатами. Для этого капитан назначал ротного повара и хлебопека, а также помощников. Как правило, основным блюдами являлись суп, каша и вареные овощи (Чотчаев и др. 2017: 20; Подберезный, Фурсов 2024: 23). Как уже было отмечено, для этого были предназначены чугунные котлы, фрагменты которых, представлены в материалах почти всех исследованных крепостей и редутов (рис. 5: 1, 2). В соседней со Ставропольской — Прочно-Окопской крепости при шести казармах находилось пять кухонь. Еще одна предназначалась госпиталю (Ктиторов и др. 2024: 63).

Для зажигания фитилей в артиллерии, огня в печах, лучин в помещениях нижних чинов, восковых свеч в подсвечниках дворянских домов, огня в курительных трубках использовали огниво (найдено в Павловской крепости) (рис. 2: 8). Здесь же обнаружен фрагментированный железный кованный светец — лучинник (Дударев и др. 2020: 292) (рис. 4: 5). Предмет представляет собой заостренный железный стержень, к которому в верхней части лучевидно прикованы четыре тонких штыря (между ними под разными углами вставляли деревяные лучины). Предположительно, стеклянный бытовой предмет — фрагмент из толстого полупрозрачного стекла с гравированным орнаментом на корпусе, происходящий из Вестославского редута является деталью подсвечника (Дударев и др. 2020: 290).

Основным источником продуктов для отставных солдат и казаков было употребление в пищу собственного зерна, овощей и мяса (свой выращенный крупный, мелкий рогатый скот, свиньи, птица). Важным подспорьем являлась добыча охоты и выловленная рыба. Следует отметить, что мясо для основной части населения было доступно в основном только в праздники. Тогда же ими приобретались дешевые марки вина и пшеничная водка. Часто привозились местные терские вина. Однако, при транспортировке на большие расстояния они быстро прокисали. Для улучшения их качества стали добавлять спирт, полученный кустарным способом, из местного винограда. Опыт был успешен. В результате, в начале XIX в. местная французская водка — кизлярка вывозилась по Черкасскому тракту (через крепости Азово-Моздокской линии) в массовом количестве на крупные российские ярмарки вплоть до балтийского побережья (Емельянов 2008: 93).

Важнейшей частью повседневной культуры солдат, казаков и дворянства являлось следование канонам православного христианства (чередование праздников и постов, крещение детей, отпевание

умерших и т.д.). В каждой крепости обязательно возводилась церковь. Все жители были воцерковлены и без тени сомнения следовали церковным предписаниям. С этим связаны, найденные на территории Павловской крепости нательные кресты, а также редкая металлическая икона с образом Св. Никиты, побивающего беса (Савенко 2026: 134). Православные нательные кресты были выявлены на месте пожарища второго редута на горе Бештау (на северном подножии горы)[5].

С праздниками связаны дешевая бижутерия, использовавшаяся для украшения костюма девушками и женщинами (солдатками и казачками), например, стеклянные бусы. Два таких дольчатых экземпляра обнаружены в третьем квадрате раскопа на территории Вестославского редута (Дударев и др. 2020: 290) (рис. 2: 12).

Для сервировки приема пищи офицеров предназначались столовые приборы, которые, либо привозились с собой, либо покупались на ярмарках и в лавках маркитантов. Скорее всего, к ним относятся: изящная железная ложка с витой ручкой с ромбическим навершием и две двузубые вилки, предположительно, из одного столового набора, найденные в культурном слое Павловской крепости (Дударев и др. 2020: 292—294) (рис. 5: 3, 5, 6). В дворянской среде в сервировке стола использовались фарфоровые сервизы. В материалах Павловской крепости представлены фрагмент фарфорового сосуда с накладным растительным декором и фаянсовая крышка от солонки (?) или табакерки (?) (Дударев и др. 2020: 294) (рис. 6: 2, 4).

Прием пищи в офицерской дворянской семье обычно заканчивался чайной церемонией. Ею встречали и пришедших в гости сослуживцев. Важным свидетельством этого являются два крупных фрагмента фаянсового чайника из белой глины, покрытой ручной надглазурной черной росписью, обнаруженные в Павловской крепости (Дударев и др. 2020: 295) (рис. 6: 1). Частично сохранился сюжет — слева — направо деревья и кустарники на дальнем плане, забор и на фоне дерева фигура девушки в шляпке и в пышном платье) (рис. 6: 1а). Такая тонкая изящная роспись характерна для английской мануфактуры Дерби, которая начала производить продукцию в середине XVIII в. (antikzone.ru: 1; google.com: 1). Английский фаянс во всем своем разнообразии появляется на российском рынке в эпоху царствования императрицы Екатерины II. Его популярность была связана с высоким художественным уровнем фаянса и относительной дешевизной. Это же повлияло на его моментальное распространение среди дворянства. Современником А.Г. Болотовым было отмечено в 1796 году, что многие стали «покупать и снабжать дома свои английскою фаянсовою посудой» (Салтыков 1962: 209—210). Такие изделия признали в качестве эталона «изделий повседневности» (сочетали в себе качество, практичность и изысканность) (Дулькина 2000: 31; Тарлыгина 2016).

Офицерами употреблялись различные марки вина, поступавшего в стеклянной таре. В частности, в культурном слое Вестославского редута выявлен ряд толстостенных цилиндрических бутылок с сильно выгнутыми донцами и прямоугольных в сечении штофов из зеленого в оттенках и темного желто-коричневого стекла. Наличие утолщенных валиков на верхней части горловины является характерным признаком XVIII в. Два фрагмента имели два напаянных клейма — знаки фабрик и производителей (монограммы и др. изображения). Здесь же представлены фрагментированные стеклянные рюмки и стаканы, в том числе фигурные, имеющие орнаментацию (Дударев и др. 2020: 289—290) (рис. 6: 3, 5).

Из культурного слоя Вестославского редута происходит стеклянный бытовой предмет — фрагмент из толстого полупрозрачного стекла с гравированным орнаментом на корпусе — деталь подсвечника или чернильницы (Дударев и др. 2020: 290). Дворяне носили украшения. Для офицеров и дам являлось обычным иметь перстень-печать, который использовался в быту, например, для запечатывания воском написанных писем. В процессе исследования Павловской крепости был обнаружен подобный серебряный перстень—печать с гравированным изображением на карсте птицы, с элементами растительного орнамента, вензелем из 2-х — 3-х букв и на боковинах шинки датой 6 февраля 1776 г., заполненной чернью (Савенко 2026: 134).

Детали костюмов представителей местного дворянства не сохранились. Исключением следует считать исследованные в 1916 г. краеведом Г.Н. Прозрителевым на месте бывшей Ставропольской крепости две могилы в каменных склепах. В первой могиле у костяка сохранились сапоги. Изделия были выполнены из кожи прекрасной выделки черного цвета. Офицерская обувь и фрагменты остальной одежды являются свидетельством, что покойный был похоронен в форме полковника конца XVIII в. Во втором склепе покойник был погребен в гражданской одежде (обнаружена простая костяная черная пуговица). Судя по особенностям скелета — женское погребение. Предположительно, захоронения связаны с нападением горцев на крепость в 1780 г. (Харитонов 2024: 329).

[5] Сведения Р.Р. Рудницкого.

Жизнь в гарнизонах была опасной (нападения горцев) и скучной. Кроме посещения службы в церкви, посиделок с домочадцами и сослуживцами, и участия в охоте, развлечением являлись редкие банкеты и балы, которые посвящались проезжавшим через крепости именитым людям. Например, в 1783 г. в крепости Святого Георгия (Георгиевской) был подписан договор о добровольном вхождении Восточной Грузии под протекторат России. В дальнейшем здесь проживали члены грузинской царской фамилии (Дорофеев, Фоменко 2003а: 108). Соответственно, такое грандиозное событие соответствующим образом было отмечено.

В 1829 г. по Черкасскому тракту проезжало Искупительное посольство Ирана, возглавлявшееся персидским принцем Хосров-Мирзой. В день его приезда в Пятигорск генералом Эммануэлем для него был приготовлен большой обед и устроен бал. Затем он пригласил принца на семейный ужин (дочери Эммануэля продемонстрировали принцу национальные русские танцы). Перед отъездом принца Эммануэль устроил прощальный вечер в честь Искупительного посольства. В Ставрополе персы гуляли по городскому парку, где для них играл оркестр, состоявший из более сорока музыкантов. Совместные гуляния с русской знатью продолжались и в темное время суток, поскольку парк был хорошо освещен светильниками (Балаценко, 2022: 343, 346, 347).

Третью группу находок, выявленных в процессе раскопок крепостей и редутов, составляют предметы, появление которых связано с торговыми связями. Налаживание торговли на Северном Кавказе связано с открытием первых ярмарок — 1781 г. при Ставропольской и Георгиевской крепостях. В начале XIX в. ярмарки стали обычной формой торговли в Предкавказье (Урушадзе, 2011: 77). Определенную часть товаров привозили маркитанты. Как уже было отмечено, в крепостях фиксируется их присутствие. Например, в Павловской крепости были выявлены остатки хозяйственного комплекса, предположительно, трактира или торговой лавки (Савенко 2026: 134). Согласно хронологии российской торговли на Северном Кавказе А.Т. Урушадзе, период строительства и развития крепостей Азово-Моздокской линии совпадает со стихийным этапом (1770 — 1801 гг.) и началом регулярного этапа торговых отношений на Северном Кавказе (1802 — 1845 гг.) (Урушадзе 2011: 83).

В 1800 г. на Северном Кавказе, при городах и укреплениях, составляющих Кавказскую линию (ближе к горским поселениям), были учреждены меновые дворы (История народов 1988: 81). Продуктами обмена русских купцов и промышленников (с горцами) являлись сафьян, холст, платки, шелковая и бумажная материя низкой цены, ножницы, зеркала и др. (Урушадзе 2011: 81—82). Часть этого товара привозилась по Черкасскому тракту и продавалась в качестве товара на местных ярмарках и в торговых лавках. Например, железные ножницы обнаружены в культурном слое Павловской крепости и на месте казачьего пикета (на кургане) на территории Юго-Западного района г. Ставрополя (Савенко 2026: 134; Харитонов 2025: 401).

Также, кроме различных дешевых тканей и платков, везли, табак, чернила, бумагу, воск, продукцию бакалеи (чай, сахар, пряники и др.), привозили различных размеров железные иглы, фурнитуру, ножницы, ножи из высококачественной стали, железные замки, дешевые стеклянные украшения (нитки бус и др.). Для представителей дворянства предназначались дорогие ткани, женские шляпки и наряды, высококачественная обувь, фарфоровые и фаянсовые сервизы, наборы столовых приборов (в том числе из серебра), подсвечники, пудреницы, табакерки, импортный алкоголь, охотничье оружие и т.д.

Развивалась внутри-северокавказская торговля. Поступает продукция из северокавказских ремесленных центров. Например, в материалах из Вестославского редута фиксируется часть крупного тонкостенного горшка из светло-серой, близкой к белому цвету, глины с орнаментом из различных геометрических элементов, выполненных коричневой краской, скорее всего, дагестанского производства (Дударев и др. 2020: 290). Также, популярным товаром у мужской части поселенцев являлись керамические курительные трубки. Такой красноглиняный орнаментированный экземпляр турецкого производства с миниатюрными клеймами выявлен в процессе раскопок Вестославского редута (Дударев и др. 2020: 290). Верхняя часть предмета цилиндрическая, конически расширена на конце. Трубка имеет треугольный киль, окантованный двумя линиями насечек. Нижняя часть сферическая, декорированная парами вертикальных каннелюров. По форме к ней близки две коричневоглиняные трубки имеющие шаровидные чашечки, украшенные ромбической сеткой и вертикальными каннелюрами, треугольный киль и лощеную поверхность, происходящие из поселения нового времени Панагия 2 на Таманском полуострове (датируются концом XVII — XVIII в.) (Кладченко 2025: 815, рис. 9: 8). Также глиняные курительные трубки типа «тахта-чубук», найдены в насыпи кургана (казачий пикет) на территории юго-западного района г. Ставрополя (Харитонов 2025: 401).

Процесс увеличения гарнизонного и слободского населения сопровождался возникновением рынков. Такой рынок, судя по скоплению монет, локализуется у Павловской крепости (в начальный период ее функционирования). Всего было найдено 76 медных и 8 серебряных экземпляров (Березин, Прокопенко 2018: 151—191). Номиналы медных монет: полушка (4 экз.), деньга (46 экз.), копейка (11 экз.), две копейки (7 экз.), пять копеек (6 экз.). В числе серебряных монет фиксируются: пять копеек (2 экз.), гривенник (2 экз.), двадцать копеек (1 экз.), полуполтинник (2 экз.), 12 крейцеров (1 экз.). Наблюдается абсолютное доминирование деньги — 60,5 %.

В их числе: 14 монет (из них 13 экз. — деньга) чеканено в годы правления Анны Иоанновны; 48 монет — в период правления Елизаветы Петровны (31 экз. — деньга); 17 экз. — в годы правления Екатерины II; 1 экз. — чекан Александра I.

Близкий по номиналам состав найденных медных монет (1739 — 1760-е гг.) отмечен при исследовании редута у г. Бештау — представлены: деньга (3 экз.), копейка (1 экз.) и пять копеек (1 экз.) (Рудницкий 2003: 105). С западного подножия горы Бештау происходит клад медных монет (1737 — 1772 гг.) — деньга (5 экз. — чеканка Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны), одна копейка (6 экз. — время правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны), две копейки (5 экз. — чеканка Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны) и пять копеек (4 экз. — чеканка Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и 1 экз. Екатерины II) (Рудницкий 2003: 106).

В числе обнаруженных находок из раскопок на территории Ставропольской крепости — номиналы монет: деньга — 3 экз. (время правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны); две копейки — 4 экз. (чеканы Екатерины II и Александра I) (Харитонов 2024: 330—331). Деньга Елизаветы Петровны и монета — две копейки Екатерины II зафиксированы в культурном слое Вестославского редута (Дударев и др. 2020: 290). Две медные монеты 1754 г. (Елизаветы Петровны) выявлены на поверхности кургана (места казачьего пикета), раскопанного в 1884 г. Н.А. Охонько в юго-западном районе г. Ставрополя (Харитонов 2025: 401).

Обращает на себя внимание факт присутствия в числе находок значительного (иногда, преобладающего) процента монет чеканов Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны — периода, предшествующего времени строительства крепостей Азово-Моздокской линии. Использование в торговых отношениях устаревших номиналов объясняется весовым совпадением образцов екатерининской и елизаветинской чеканки. Продолжение хождения на рынках приграничных населенных пунктов медных монет, чеканенных в годы правления Анны Иоанновны связано с уважительным отношением к ним местного населения из-за весовой качественности такой меди (Березин, Прокопенко 2018: 190).

Особо следует отметить находки в культурных слоях крепостей и редутов иностранных монет. На местных рынках, видимо, происходило стихийное урегулирование соотношения чужих номиналов по отношению к местным. Скорее всего, с пребыванием представителей грузинской царской фамилии (и их свиты) в Георгиевской и Марьинской крепостях связаны находки на территории Марьинской крепости медных монет периода российского протектората: ½ бисти без российских символов; пули без российских символов; бисти периода российского протектората (1796 г.); бисти периода российского протектората (без указания года); бисти (1810 г.), а также серебряная монета с арабской надписью (Дорофеев, Фоменко 2003а: 28—29).

В числе монет, обнаруженных в раскопе Павловской крепости, выделяется австрийская монета из низкопробного серебра 1795 г. номиналом в 12 крейцеров. В связи с резким ухудшением денежного дела в Австрии в конце XVIII в. (все ресурсы уходили на борьбу с революционной Францией), монеты с датой 1795 г. (постепенно превращающиеся в билон) чеканились вплоть до 1800 г. Ее появление на рынке Павловской крепости, предположительно, связано с участием местных казаков или солдат в Швейцарском походе А.В. Суворова в сентябре 1799 г. или в военных действиях корпуса генерала Римского-Корсакова (австрийские войска являлись союзником русской армии) (Березин, Прокопенко 2018: 191).

Результаты. Материалы, полученные в ходе археологических раскопок крепостей и редутов последних 40 лет, значительно расширили наши знания о различных сторонах повседневной жизни жителей их гарнизонов, а также солдатских слобод и казачьих станиц (при крепостях). Получены сведения о: видах вооружения в крепостях (виды пушек, виды боеприпасов, детали ружей и др.), формах крепостных бастионов, структуре расположения жилищ в солдатских слободах, особенностях внутреннего устройства землянок и полуземлянок и др. В отдельных случаях выявлены места рынков.

Уточнен список занятий и ремесел, практиковавшихся местным населением (кроме положенных по уставу): строительное дело, кузнечное ремесло, плотницкое дело, земледелие (и огородничество), скотоводство и птицеводство, портняжное (и ткацкое), кожевенное и скорняжное ремесла, поварское

(кашеварное) дело, парикмахерское дело, рыболовство, охота. В материалах представлены: плотницкий набор инструментов, использовавшихся в процессе строительства (и в плотницком деле): топоры, молотки, лобзики, гвозди, скобы, некоторые ножи и др.; орудия рыбной ловли (сети и крупные крючки); кухонный набор солдат (чугунные котлы) и обычных поселян (ухват и чугунок); столовые приборы, использовавшиеся для сервировки дворянских приемов пищи: фарфоровые сервизы, фаянсовые чайные сервизы, двузубые вилки, ложки с витой ручкой, подсвечники и др.

Раскрыта номенклатура поступаемых на местные ярмарки и торговые лавки товаров, в том числе из ремесленных центров Северного Кавказа (дагестанская керамика), а также импортные: алкоголь в бутылках и штофах из высокохудожественного стекла, фарфоровые сервизы, английские фаянсовые чайные сервизы и турецкие курительные трубки. Были проанализированы выявленные нумизматические материалы, отмечены особенности набора российских медных и серебряных номиналов, находившихся в обращении на местных рынках. Также, отмечены находки иностранных монет, интерпретированы причины их попадания в местный денежный оборот.

Ряд археологических находок свидетельствует о некоторых сторонах проведения досуга солдатским, казачьим населением (посещение церкви и празднование церковных праздников; посещение ярмарок; рыбалка; табакокурение, азартные игры) и офицерами—дворянскими поселенцами (посещение церкви и празднование церковных праздников; домашние посиделки с друзьями и сослуживцами; охота; изредка — балы).

Перечисленные особенности повседневной культуры населения крепостей Азово-Моздокской линии по своей сути являются совокупностью обыденных социальных практик, привычек, поведения и предметов, формирующих привычную жизнь человека.

Литература

Балаценко Ю.Д. 2022. Путешествие по Кавказу в 1829 году Искупительного посольства Ирана, возглавлявшегося персидским принцем Хосров-Мирзой. *Древности Северного Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный 95-летнему юбилею крупнейшего специалиста по аланской археологии и истории, доктора исторических наук Владимира Александровича Кузнецова. Из истории культуры народов Северного Кавказа*. Вып. 15. Ставрополь: Печатный двор, 324—359.

Бенда В.Н. 2022. К вопросу о развитии отечественной артиллерии как вида вооружения и техники в конце XVIII — первой четверти XIX в. *Вестник Костромского государственного университета* 28 (2), 15—22.

Березин Я.Б., Прокопенко Ю.А. 2018. Монетные находки конца XVIII — начала XIX в. из Павловской крепости (раскопки 2003 г.). *Из истории культуры народов Северного Кавказа* 10, 150—191.

Берназ А. Техническое оснащение русской артиллерии начала XIX в. Орудия. URL: https://1812.simvolika.org (дата обращения 03.04.2026 г.)

Брилева О.А. 2024. Корабельный лес города Ставрополя. *Материалы и исследования по истории и археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный памяти известного специалиста по истории народов Северного Кавказа, доктора исторических наук Татьяны Александровны Невской. Из истории культуры народов Северного Кавказа* 17, 321—328.

Дорофеев Г.Л., Фоменко В.А. 2003a. Марьинская крепость и находки грузинских монет на ее территории. *Научные труды ПГТУ* 23 (1). *Материалы IV региональной научной конференции «Дни науки»*, 28—29.

Дорофеев Г.Л., Фоменко В.А. 2003b. Марьинская крепость и находки с ее территории. В: *Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (24—26 апреля 2003 г.)*. Ставрополь: СГУ, 107—108.

Дударев и др. 2010: Дударев С.Л., Пелих А.Л., Савенко С.Н., Цецхладзе Г.Р. 2010. *Археологические источники о прохождении и этнополитической истории населения Северного Кавказа (проблемы изучения)*. Армавир: Дизайн-студия.

Дулькина Т.И. 2000. *Гжель. Тонкий фаянс*. Москва: Ирина Касаткина.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII — 1917 г.) 1988. Москва: Наука.

Кладченко О.В. 2025. Материальная культура населения нового времени Панагия 2 на Таманском полуострове. *Уфимский археологический вестник* 25 (4) 804—823.

Ктиторов С.Н., Пелих А.Л., Коваленко Н.С. 2024. Форпост российской государственности на Северо-Западном Кавказе. *Журнал фронтирных исследований* 4, 58—82.

Маркевич В.Е. 2005. *Ручное огнестрельное оружие*. Санкт-Петербург: Полигон.

Охонько Н.А. 1991. Тайны Крепостной горы стремятся раскрыть ставропольские археологи. Вечерний Ставрополь, 1 августа (85), 2.

Охонько и др. 1991: Охонько Н.А., Хоменко Ю.А., Белоконь В.В., Гребенников В.П. 1991. О чем поведали раскопки. Вечерний Ставрополь, 6 августа (87), 2.

Подберезный Е.А., Фурсов В.Н. 2024. Развитие системы продовольственного обеспечения нижних чинов русской армии во второй четверти XVIII века. *Agrarian History* 19, 20—28.

ПСЗ VII: Сперанский М.М. (ред.). 1830. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое*. Т. VII. *1723 — 1727*. Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Рудницкий Р.Р. 2003. Российское укрепление последней трети XVIII века у горы Бештау. В: *Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (24—26 апреля 2003 г.)*. Ставрополь: СГУ, 104—106.

Савенко С.Н. 2026. Роль сотрудников Ставропольского государственного музея-заповедника и других музейщиков края в изучении и использовании объектов Азово-Моздокской и иных кавказских оборонительных линий конца XVIII — середины XIX в. Результаты и перспективы (к 120-летию СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве). В: Прокопенко Ю.А., Малахов С.Н. (ред.). *Музей как хранитель историко-культурного наследия территории Северо-Кавказского региона. Научный альманах, посвященный 120-летию со дня основания Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева, Г.К. Праве. Из истории культуры народов Северного Кавказа*. Вып. 19—20. Ставрополь: Печатный Двор, 118—145.

Салтыков А.Б. 1962. *Избранные труды*. Москва: Советский художник.

Тарлыгина Д. 2016. Английский фаянс в России в XVIII—XIX веках. *Третьяковская галерея* 2 (51). URL: https://tg-ru.ru/magazjne/archive/2016/2 (дата обращения 02.04.2026 г.)

Урушадзе А.Т. 2011. Торговля в политике Российской империи на Северном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX в. *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)* 2 (1), 75—84.

Фоменко В.А. 2002. *Константиногорская крепость (исторический очерк*). Пятигорск: СГТУ.

Харитонов И.М. 2024. История археологического изучения крепостной горы на территории центра г. Ставрополя. В: Прокопенко Ю.А., Малахов С.Н. (ред.). *Материалы и исследования по истории и археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный памяти известного специалиста по истории народов Северного Кавказа, доктора исторических наук Татьяны Александровны Невской. Из истории культуры народов Северного Кавказа*. Вып. 17. Ставрополь: Печатный двор, 328—334.

Харитонов И.М. 2025. Вспомогательные сторожевые укрепления Азово-Моздокской оборонительной линии. В: Прокопенко Ю.А., Малахов С.Н. (ред.). *Актуальные проблемы изучения и сохранения археологического наследия Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный памяти археолога-кавказоведа Владимира Александровича Кузнецова. Из истории культуры народов Северного Кавказа*. Вып. 18. Ставрополь: Печатный двор, 399—406.

Чотчаев О.Б., Иваничкин В.Ф., Фомин С.А. 2017. История организации питания в русской армии. *Научный вестник ВВИМО* 1, 18—24.

antikzone.ru: 1: Английский фарфор и керамика 18—19 веков. URL: https://antikzone.ru/istoruya-britich-18-19-01 (дата обращения 02.04.2026).

azbuka.ru: 1: Меню армейской кухни царской России. URL: https://www.azbuka.ru/recept/racion-voennosluzhashhih-russkoj-tmperatorskoj-armii/ (дата обращения 03.04.2026).

google.com: 1: Основные особенности чайников 18 века. URL: https://www.google.com/search?q=чайники (дата обращения 02.04.2026).

References

Balatsenko, Yu.D. 2022. In: *Drevnosti Severnogo Kavkaza i prilegayushchikh territoriy. Nauchnyy al'manakh, posvyashchennyy 95-letnemu yubileyu krupneyshego spetsialista po alanskoy arkheologii i istorii, doktora istoricheskikh nauk Vladimira Aleksandrovicha Kuznetsova. Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (Antiquities of the North Caucasus and Adjacent Territories. A scholarly almanac dedicated to the 95th anniversary of Vladimir Alexandrovich Kuznetsov—Doctor of Historical Sciences and a leading specialist in Alan archaeology and history. From the Cultural History of the Peoples of the North Caucasus)*. Iss. 15. Stavropol: Pechatnyy dvor, 324—359 (in Russian).

Benda, V.N. 2022. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta (Vestnik of Kostroma State University)* 28 (2), 15—22 (in Russian).

Berezin, Ya.B., Prokopenko, Yu.A. 2018. In *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the Cultural History of the Peoples of the North Caucasus)* 10, 150—191 (in Russian).

Bernaz, A. Technical Equipment of Russian Artillery in the Early 19th Century: Ordnance. Available at: https://1812.simvolika.org (accessed 03.04.2026 г.).

Brileva, O.A. 2024. In: *Materialy i issledovaniya po istorii i arkheologii Severnogo Kavkaza i prilegayushchikh territoriy. Nauchnyy al'manakh, posvyashchennyy pamyati izvestnogo spetsialista po istorii narodov Severnogo Kavkaza, doktora istoricheskikh nauk Tat'yany Aleksandrovny Nevskoy. Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the History and Archaeology of the North Caucasus and Adjacent Territories. A scientific almanac dedicated to the memory of Tatyana Alexandrovna Nevskaya, Doctor of Historical Sciences and a renowned specialist in the history of the peoples of the North Caucasus. From the Cultural History of the Peoples of the North Caucasus)* 17, 321—328 (in Russian).

Dorofeyev, G.L., Fomenko, V.A. 2003a. In *Nauchnye trudy PGTU (Scientific Works of Volga State University of Technology)* 23 (1). *Materialy IV regional'noy nauchnoy konferentsii "Dni nauki" (Proceedings of the 4th Regional Scientific Conference "Days of Science")*, 28—29 (in Russian).

Dorofeyev, G.L., Fomenko, V.A. 2003b. In: *Severnyy Kavkaz i kochevoy mir stepey Evrazii. VI "Minayevskiye chteniya" po arkheologii, etnografii i krayevedeniyu Severnogo Kavkaza: Tezisy dokladov mezhregional'noy nauchnoy konferentsii (24—26 aprelya 2003 g.) (The North Caucasus and the Nomadic World of the Eurasian Steppes. 6th "Minaev Readings" on the Archaeology, Ethnography, and Local History of the North Caucasus: Abstracts of the Interregional Scientific Conference (April 24—26, 2003))*. Stavropol: SGU, 107—108 (in Russian).

Dudarev et al. 2010: Dudarev, S.L., Pelikh, A.L., Savenko, S.N., Tsetskhladze, G.R. 2010. *Arkheologicheskie istochniki o prokhozhdenii i etnopoliticheskoy istorii naseleniya Severnogo Kavkaza (problemy izucheniya) (Archaeological Sources on the Origins and Ethno-Political History of the North Caucasus Population (Issues of Study))*. Armavir: Dizayn-studiya (in Russian).

Dul'kina, T.I. 2000. *Gzhel'. Tonkiy fayans (Gzhel. Fine Faience)*. Moscow: Irina Kasatkina (in Russian).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII — 1917 g.) (History of the Peoples of the North Caucasus (Late 18th Century — 1917)). 1988. Moscow: Nauka (in Russian).

Kladchenko, O.V. 2025. In *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 25 (4) 804—823 (in Russian).

Ktitorov, S.N., Pelikh, A.L., Kovalenko, N.S. 2024. In *Zhurnal frontirnykh issledovaniy (Journal of Frontier Studies)* 4, 58—82 (in Russian).

Markevich, V.E. 2005. *Ruchnoe ognestrel'noe oruzhie (Small Arms)*. Saint Peterburg: Poligon (in Russian).

Okhon'ko, N.A. 1991. Stavropol archaeologists seek to uncover the secrets of Fortress Hill. Vecherniy Stavropol, August 1 (85), 2 (in Russian).

Okhon'ko et al. 1991: Okhon'ko, N.A., Khomenko, Yu.A., Belokon', V.V., Grebennikov, V.P. 1991.What the excavations revealed. Vecherniy Stavropol, August 6 (87), 2 (in Russian).

Podbereznyy, E.A., Fursov, V.N. 2024. In *Agrarian History* 19, 20—28 (in Russian).

PSZ VII: Speranskiy, M.M. (ed.). 1830. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (Complete Collection of Laws of the Russian Empire). Sobraniye Pervoe (First Collection)*. Vol. VII. *1723—1727*. Saint Peterbsurg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii (in Russian).

Rudnitskiy, R.R. 2003. In: *Severnyy Kavkaz i kochevoy mir stepey Evrazii. VI "Minayevskiye chteniya" po arkheologii, etnografii i krayevedeniyu Severnogo Kavkaza: Tezisy dokladov mezhregional'noy nauchnoy konferentsii (24—26 aprelya 2003 g.) (The North Caucasus and the Nomadic World of the Eurasian Steppes. 6th "Minaev Readings" on the Archaeology, Ethnography, and Local History of the North Caucasus: Abstracts of the Interregional Scientific Conference (April 24—26, 2003))*. Stavropol: SGU, 104—106 (in Russian).

Savenko, S.N. 2026. In: Prokopenko, Yu.A., Malakhov, S.N. (eds.). *Muzey kak khranitel' istoriko-kul'turnogo naslediya territorii Severo-Kavkazskogo regiona. Nauchnyy al'manakh, posvyashchennyy 120-letiyu so dnya osnovaniya Stavropol'skogo gosudarstvennogo muzeya-zapovednika im. G.N. Prozriteleva, G.K. Prave. Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (The Museum as Guardian of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus Region. A scholarly almanac dedicated to the 120th anniversary of the founding of the G.N. Prozritelev and G.K. Prave Stavropol State Museum-Reserve. From the Cultural History of the Peoples of the North Caucasus)*. Iss. 19—20. Stavropol: Pechatnyy Dvor, 118—145 (in Russian).

Saltykov, A.B. 1962. *Izbrannye trudy (Selected Works)*. Moscow: Sovetskiy khudozhnik (in Russian).

Tarlygina, D. 2016. In *Tretyakovskaya galereya (Tretyakov Gallery)* 2 (51). Available at: https://tg-ru.ru /magazjne/archive/2016/2 (accessed 02.04.2026 г.).

Urushadze, A.T. 2011. In *Journal of Economic Regulation* 2 (1), 75—84 (in Russian).

Fomenko, V.A. 2002. *Konstantinogorskaya krepost' (istoricheskiy ocherk) (Konstantinogorskaya Fortress (Historical Outline))*. Pyatigorsk: SGTU (in Russian).

Kharitonov, I.M. 2024. In: Prokopenko, Yu.A., Malakhov, S.N. (eds.). *Materialy i issledovaniya po istorii i arkheologii Severnogo Kavkaza i prilegayushchikh territoriy. Nauchnyy al'manakh, posvyashchennyy pamyati izvestnogo spetsialista po istorii narodov Severnogo Kavkaza, doktora istoricheskikh nauk Tat'yany Aleksandrovny Nevskoy. Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the History and Archaeology of the North Caucasus and Adjacent Territories. A scholarly almanac dedicated to the memory of Tatyana Alexandrovna Nevskaya, Doctor of Historical Sciences and a renowned specialist in the history of the peoples of the North Caucasus. From the Cultural History of the Peoples of the North Caucasus)*. Iss. 17. Stavropol: Pechatnyy dvor, 328—334 (in Russian).

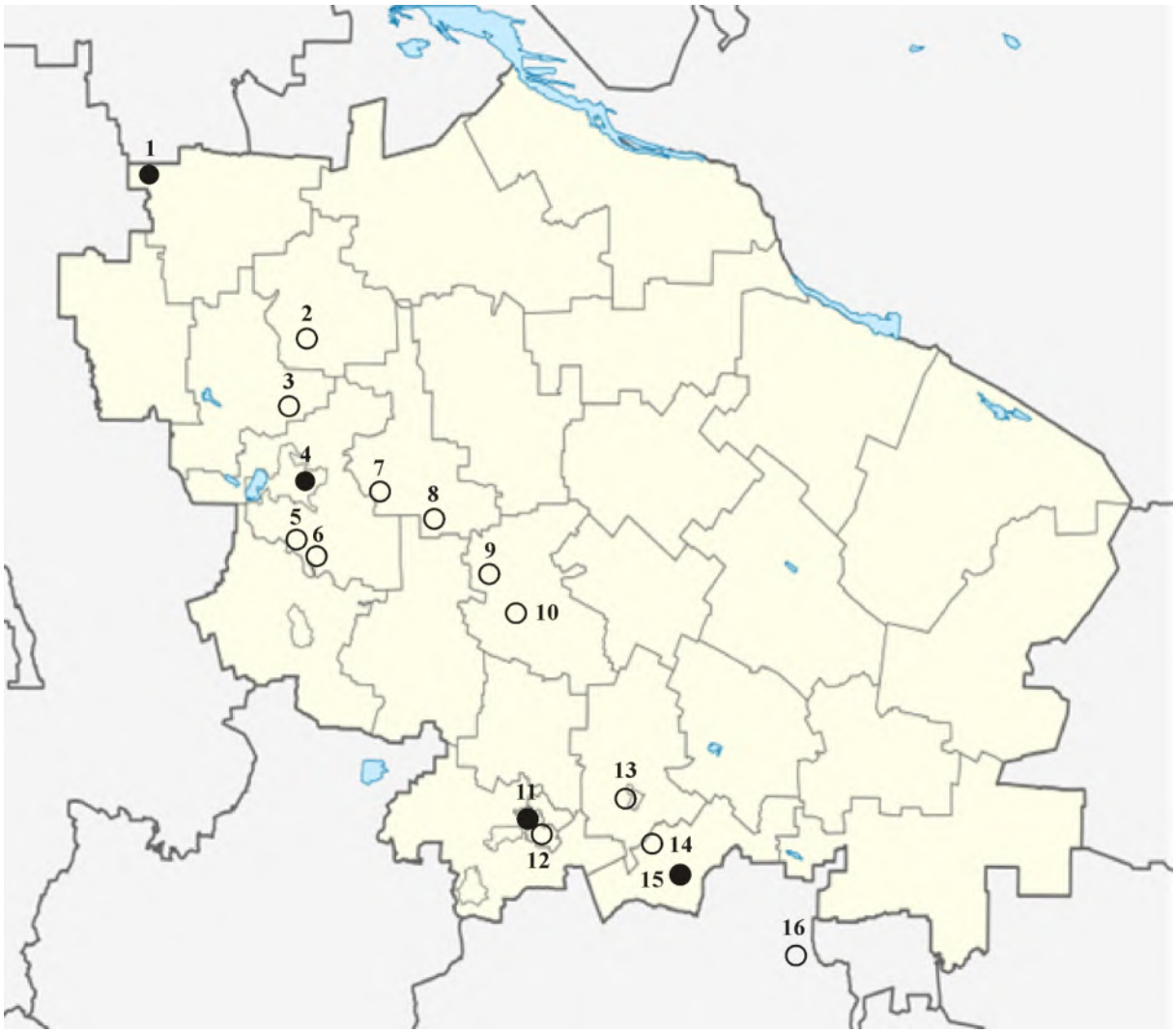
Kharitonov, I.M. 2025. In: Prokopenko, Yu.A., Malakhov, S.N. (eds.). *Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya arkheologicheskogo naslediya Kavkaza i prilegayushchikh territoriy. Nauchnyy al'manakh, posvyashchennyy pamyati arkheologa-kavkazoveda Vladimira Aleksandrovicha Kuznetsova. Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (Current Issues in the Study and Preservation of the Archaeological Heritage of the Caucasus and Adjacent Territories. A scholarly almanac dedicated to the memory of the archaeologist and Caucasus specialist Vladimir Alexandrovich Kuznetsov. From the Cultural History of the Peoples of the North Caucasus)*. Iss. 18. Stavropol: Pechatnyy dvor, 399—406 (in Russian).

Chotchayev, O.B., Ivanichkin, V.F., Fomin, S.A. 2017. In *Nauchnyy vestnik VVIMO* (*Scientific Bulletin of Volsky Military Institute of Material Support*) 1, 18—24 (in Russian).

antikzone.ru: 1: English Porcelain and Ceramics of the 18th and 19th Centuries. Available at: https://antikzone.ru/istoruya-britich-18-19-01 (accessed 02.04.2026).

azbuka.ru: 1: Army Mess Menu in Tsarist Russia. Available at: https://www.azbuka.ru/recept/racion-voennosluzhashhih-russkoj-tmperatorskoj-armii/ (accessed 03.04.2026).

google.com: 1: Key features of 18th Century teapots. Available at: https://www.google.com/search?q=чайники (accessed 02.04.2026).



Карта 1. Крепости и редуты Азово-Моздокской линии (территория Ставрополья). *1* — Вестославский редут, *2* — крепость — Донское, *3* — крепость — Московское, *4* — Ставрополь, *5* — Бешпагирский редут, *6* — Алексеевский редут, *7* — Кубанский редут, *8* — Бударский редут, *9* — крепость — Северное, *10* — крепость Св. Александры, *11* — редут у г. Бештау, *12* — Константиногорская крепость, *13* — крепость Св. Георгия, *14* — крепость Св. Марии, *15* — крепость Св. Павла, 16 — крепость Св. Екатерины. ○ — крепости и редуты Азово-Моздокской линии, не исследованные археологами; ● — крепости и редуты, в которых не проводились раскопки или археологические разведки.

Map 1. Fortresses and redoubts of the Azov-Mozdok line (Stavropol region). *1* — Westoslavsii redoubt, *2* — fortress — Donskoe, *3* — fortress — Moscowskoe, *4* — Stavropol, *5* — Beshpagirskii redoubt, *6* — Alekseevskii redoubt, *7* — Kubanskii redoubt, *8* — Budarskii redoubt, *9* — fortress — Severnoe, *10* — the fortress of St. Alexandra, *11* — redoubt near Beshtau, 12 — Konstantinogorskaya fortress,13 — the fortress of St. George, *14* — the fortress of St. Mary, *15* — the fortress of St. Paul, *16* — the fortress of St. Catherine. ○ — fortresses and redoubts of the Azovo-Mozdokskoi linii, not investigated by archaeologists; ● — fortresses and redoubts in which excavations or archaeological exploration were not carried out.

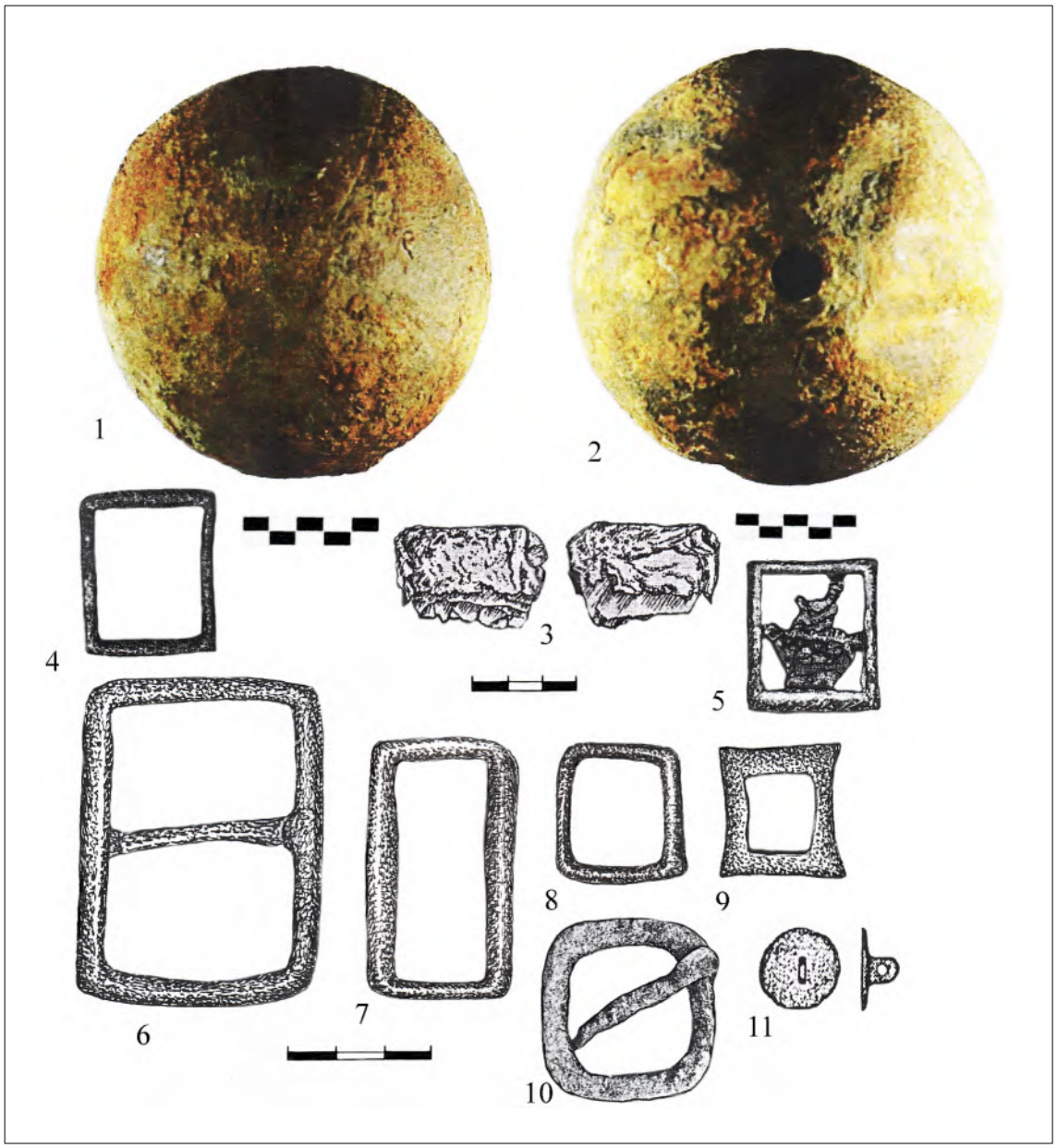


Рис. 1. Боеприпасы и детали костюмов конца XVIII—XIX в. из материалов раскопок Ставропольской, Павловской крепостей и Вестославского редута. *1* — чугунное ядро — Ставропольская крепость (по Харитонов 2024), *2* — чугунная фитильная бомба — Ставропольская крепость (по Харитонов 2024), *3* — кремень в свинцовой пластине — Павловская крепость (по Дударев и др. 2020), *4* — пряжка — Павловская крепость (по Дударев и др. 2020), *5* — пряжка — Павловская крепость (по Дударев и др. 2020), *6—9* — пряжки — Павловская крепость (прорисовки Ю.А. Прокопенко), 10 — пряжка — Вестославский редут (по Дударев и др. 2020), 11 — медная пуговица — Павловская крепость (по Дударев и др. 2020).

Fig. 1. Ammunition and costume parts of the late 18th — 19th centuries from excavation materials of the Stavropol, Pavlovsk fortresses and the Westoslavsky redoubt. *1* — cast iron core — Stavropol'skaya fortress (after Kharitonov 2024), *2* — cast iron wick bomb — Stavropol'skaya fortress (after Kharitonov 2024), *3* — flint in lead plate — Pavlovskaya fortress (after Dudarev et al. 2020), *4* — buckle — Pavlovskaya fortress (after Dudarev et al. 2020), *5* — buckle — Pavlovskaya fortress (after Dudarev et al. 2020), *6—9* — buckles — Pavlovskaya fortress (drawn by Yu.A. Prokopenko), *10* — buckle — Westoslavsky redoubt (after Dudarev et al. 2020); *11* — copper button - Pavlovskaya fortress (after Dudarev et al. 2020).

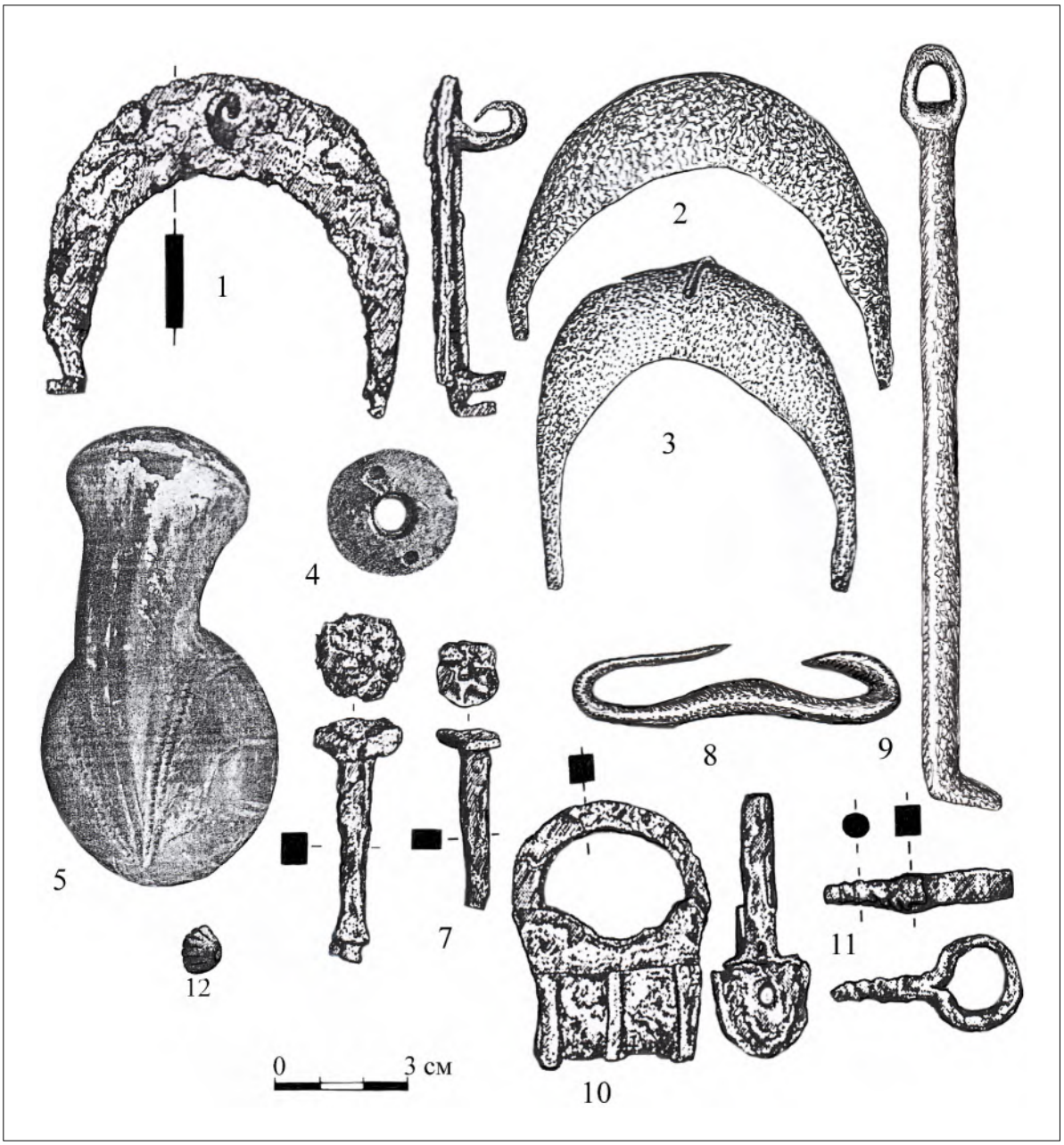


Рис. 2. Бытовые предметы из материалов раскопок Павловской крепости и Вестославского редута. *1—3* — обувные подковы, *4* — пуговица, *5* — курительная трубка, *6—7* — гвозди, *8* — огниво, *9* — ключ (?), *10* — замок, *11* — ключ, *12* — бусина, *5* — из Вестославского редута, остальные — из Павловской крепости (по Дударев и др. 2020). 4 — медь, 5 — глина, 12 — стекло, остальные — железо.

Fig. 2. Household items from excavation materials of the Pavlovskaya fortress and the Westoslavsii redoubt. *1—3* — shoe horseshoes, *4* — button, *5* — smoking pipe, *6—7* — nails, *8* — flint, *9* — wrench (?), *10* — lock, *11* — key, *12* — Bead, *5* — from the Westoslavsii redoubt; the rest are from the Pavlovsk fortress (after Dudarev et al. 2020). 4 — copper, 5 — clay, 12 — glass the rest are iron.

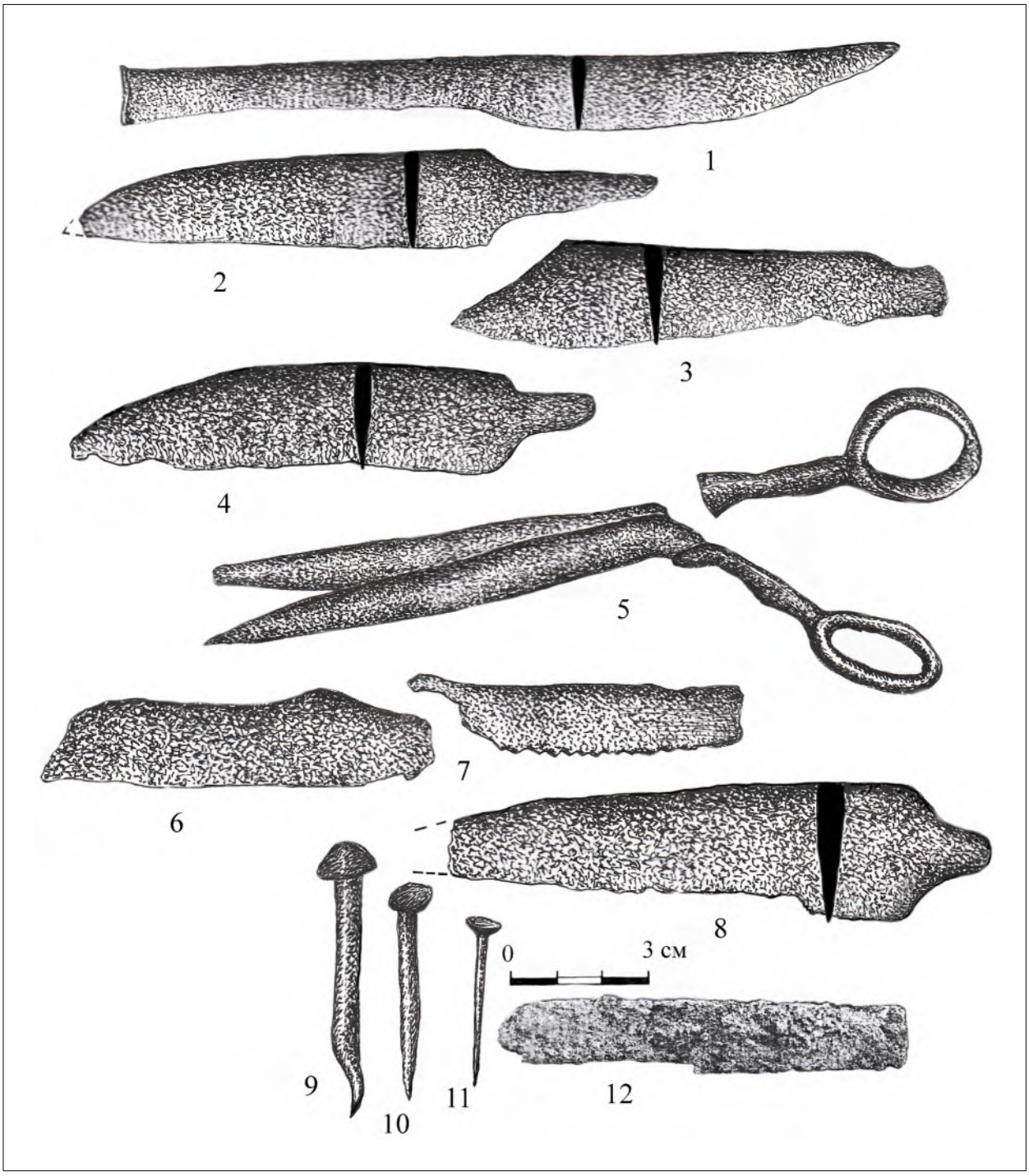


Рис. 3. Инструменты из материалов раскопок Павловской крепости и Вестославского редута. *1—4, 6, 12* — ножи, *5* — ножницы, *7* — пилка от лобзика, *8—11* — гвозди. 12 — из Вестославского редута, остальные — из Павловской крепости (по Дударев и др. 2020) (1—11 — прорисовки Ю.А. Прокопенко). Все — железо.

Fig. 3. Tools from excavation materials of the Pavlovskaya fortress and the Westoslavsii redoubt. *1—4, 6, 12* — knives, *5* — scissors, *7* — jigsaw file, *8—11* — nails. 12 — from the Westoslavsii redoubt; the rest are from the Pavlovskaya fortress (after Dudarev et al. 2020) (1—11 — drawings by Yu.A. Prokopenko). Everything is iron.

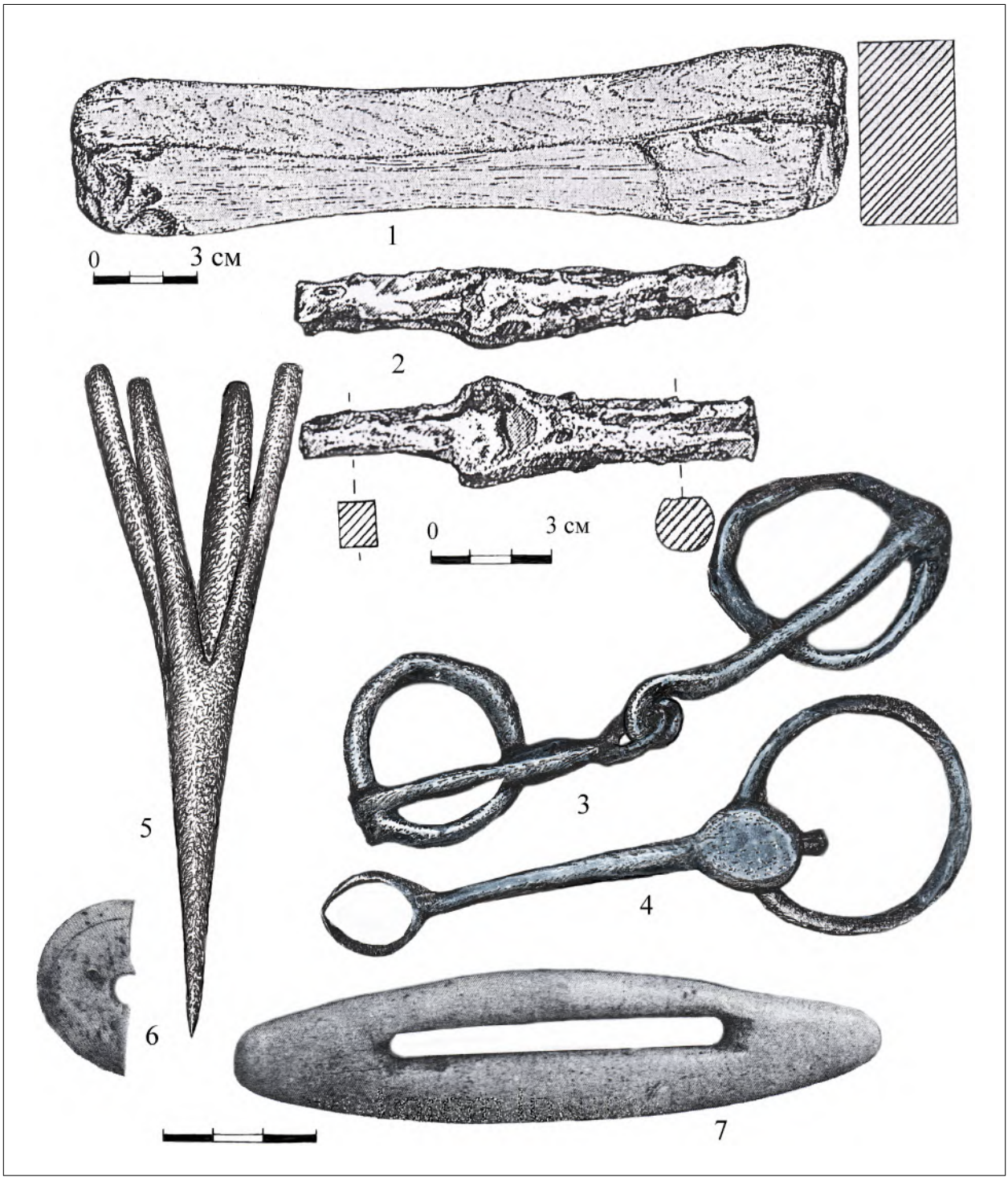


Рис. 4. Бытовые предметы из материалов раскопок Павловской крепости и Вестославского редута. *1* — точильный камень, *2* — отбойник для косы, *3* — удила, *4* — удило, *5* — лучинник, *6* — пуговица, *7* — инструмент для плетения сетей. 6—7 — из Вестославского редута; остальные — из Павловской крепости (по Дударев и др. 2020) (3, 5 — прорисовки Ю.А. Прокопенко). 1, 6—7 — камень, 2, 3, 5 — железо, 4 — латунь, 6—7 — кость.

Fig. 4. Household items from excavation materials of the Pavlovskaya fortress and the Westoslavskii redoubt. *1* — whetstone, *2* — baffle for scythe, *3* — bit, *4* — bit, *5* —archer, *6* — button, *7* — netting tool. 6—7 — from the Westoslavskii redoubt; the rest are from the Pavlovskaya fortress (after Dudarev et al. 2020) (3, 5 — drawings by Yu.A. Prokopenko). 1, 6—7 — stone, 2, 3, 5 — iron, 4 — brass, 6—7 — bone.

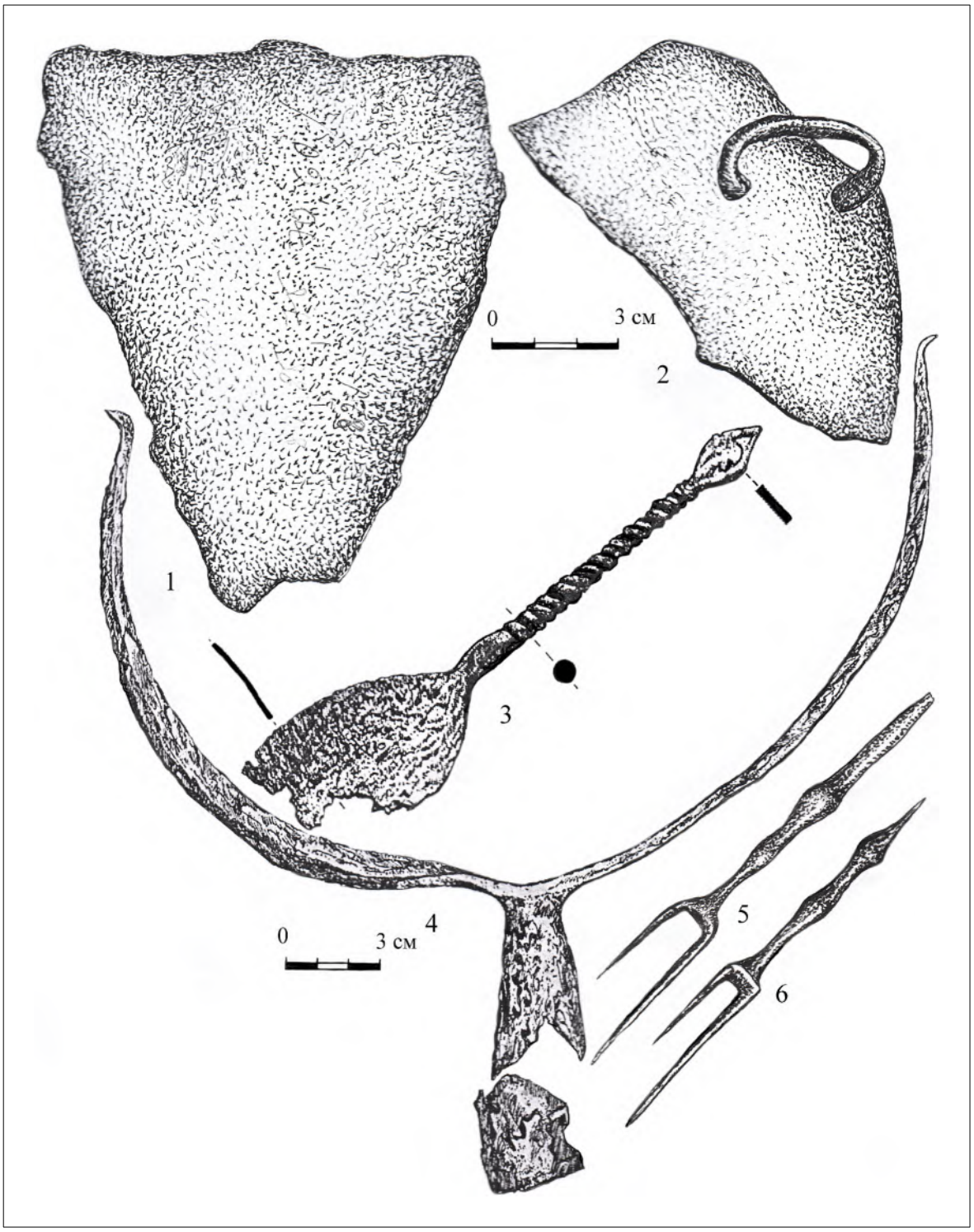


Рис. 5. Предметы кухни и столовые приборы из материалов раскопок Павловской крепости. *1—2* — фрагменты котлов (по Дударев и др. 2020) (прорисовки Ю.А. Прокопенко), 3 — ложка, 4 — ухват, 5—6 — вилки (по Дударев и др. 2020) (1, 2, 5, 6 — прорисовки Ю.А. Прокопенко). 1, 2 — чугун, остальные — железо.

Fig. 5. Kitchen items and cutlery from excavation materials of the Pavlovskaya fortress. *1—2* — fragments of boilers (after Dudarev et al. 2020) (drawing by Yu.A. Prokopenko), 3 — spoon, 4 — sway, 5—6 — forks (after Dudarev et al. 2020) (1, 2, 5, 6 — drawing Yu.A. Prokopenko). 1, 2 — cast iron; the rest are iron.

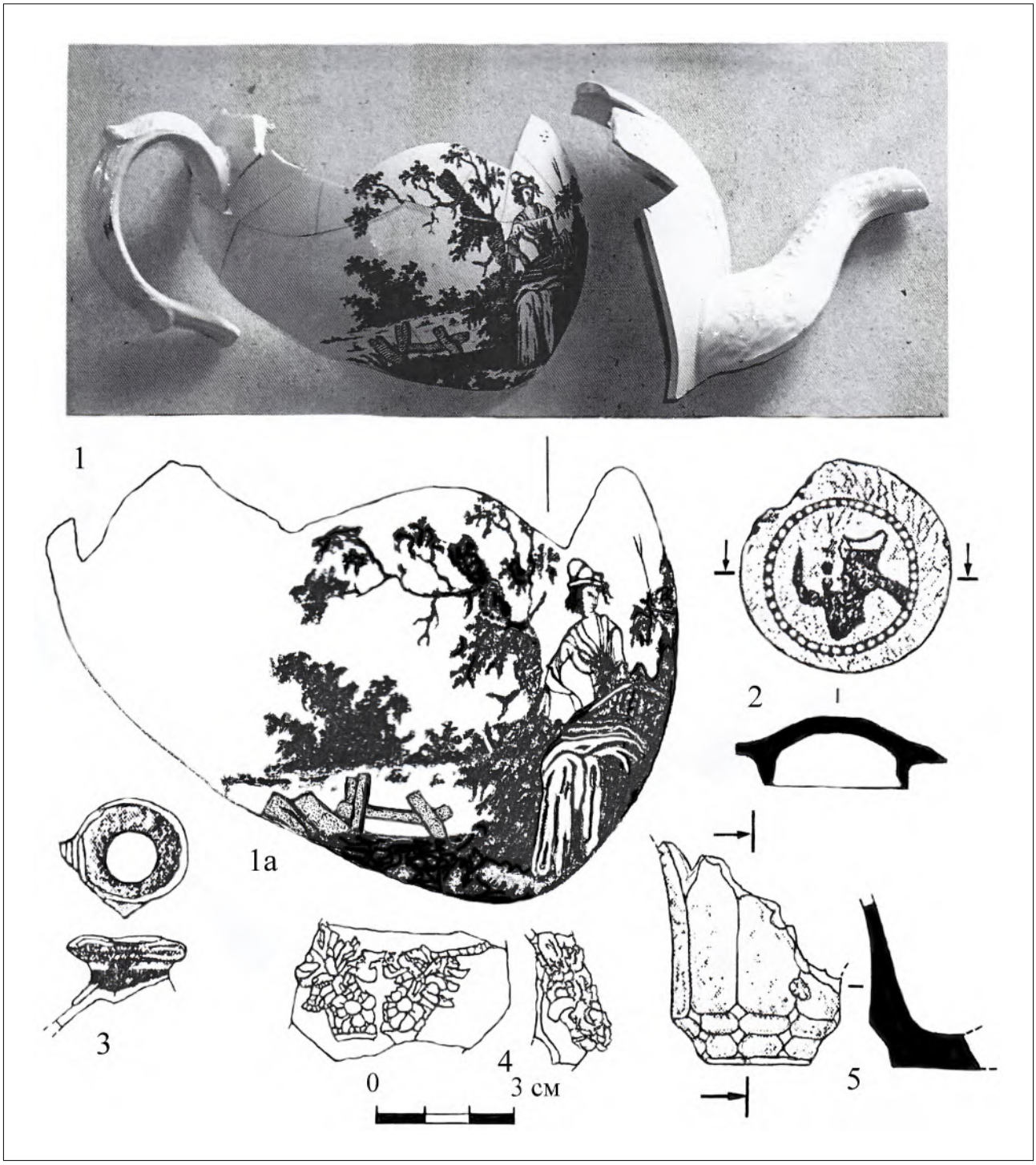


Рис. 6. Фрагменты столовых приборов из фарфора, фаянса и стекла из материалов раскопок Павловской крепости (по Дударев и др. 2020). *1* — фрагменты чайника, *1а* — (прорисовка рисунка на чайнике Ю.А. Прокопенко), *2* — крышка от солонки или табакерки (?), *3* — фрагмент сосуда, *4* — фрагмент сосуда, *5* — рюмка. 1, 2 — фаянс, 4 — фарфор, 3, 5 — стекло.

Fig. 6. Fragments of cutlery made of porcelain, faience and glass from excavation materials of the Pavlovskaya fortress (after Dudarev et al. 2020). *1* — fragments of the kettle, *1a* — (drawing a picture on a teapot by Yu.A. Prokopenko), *2* — cover from salt shaker or snuffbox (?), *3* — vessel fragment, *4* — vessel fragment, *5* — shot glass. 1, 2 — faience, 4 — porcelain, 3, 5 — glass.

История

History

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.27.12.016

Л.Ф. Абзалов, М.С. Гатин, И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев

ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕР, СЧЕТОВОД ИЛИ ТАЙНЫЙ АГЕНТ? ИНСТИТУТ МУШРИФА И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА*

Статья посвящена анализу должности мушрифа в странах традиционного Востока. В источниках и исследованиях этот административный институт характеризуется весьма разнообразно. По мнению одних авторов, это был представитель казенных структур, другие склонны видеть в нем «агента под прикрытием», выполняющего тайные задания правителя в том или ином регионе, некоторые даже характеризуют его как придворного цереомониймейстера. На основе анализа широкого круга источников и результатов ранее проведенных исследований авторы приходят к выводу, что мушриф являлся, в первую очередь, высокопоставленным представителем финансового ведомства при дворе восточных правителей, хотя впоследствии эта должность претерпела эволюцию и утратила прежнее значение. В статье впервые вводится в русскоязычный научный оборот ярлык о назначении мушрифа из средневекового трактата «Дастур ал-катиб», составленного Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, придворным чиновником Хулагуидов и Джалаиров, во второй половине XIV в.

Ключевые слова: Монгольская империя, Ближний Восток, Средняя Азия, халифат, государство Хулагуидов, налоги и сборы, финансовый контроль.

Сведения об авторах: Абзалов Ленар Фиргатович[1], кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова; Гатин Марат Салаватович[2], кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова; Мустакимов Ильяс Альфредович[3], кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; Почекаев Роман Юлианович[4], доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.

Контактная информация: [1,2]420111, Россия, г. Казань, Лево-Булачная ул., 44, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 140104, Республика Узбекистан, г. Самарканд, Университетский б-р, 15, Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, e-mail: [1]len_afzal@mail.ru; [2]marat_gata@mail.ru; [3]010000, Республика Казахстан, г. Астана, 010000, ул. Пушкина, 15Б, Научный институт изучения Улуса Джучи; Республика Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева, д. 2, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, e-mail: imus2007@mail.ru; [4]194100, Россия, г. Санкт-Петербург, Кантемировская ул., 3, корп. 1, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, e-mail: rpochekaev@hse.ru.

L.F. Abzalov, M.S. Gatin, I.A. Mustakimov, R.Yu. Pochekaev

MASTER OF CEREMONIES, ACCOUNTANT OR SECRET AGENT? THE INSTITUTION OF MUSHRIF AND ITS EVOLUTION IN THE STATES OF NEAR AND MIDDLE EAST

The article is devoted to the analysis of the office of mushrif in the states of traditional Orient. The sources and researches characterize this institution in different ways. One authors consider mushrif as a representative of a treasure office, others states that he was a kind of “undercover agent” who fulfilled ruler’s secret orders in regions, while there is also an opinion that he was a master of ceremonies. The analysis of

* Статья поступила в номер 14 августа 2026 г.
Принята к печати 29 августа 2026 г.

© Л.Ф. Абзалов, М.С. Гатин, И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев, 2026.

the wide scope of historical sources and studies made before authors find that in fact mushrif was a financial officer of high rank, but later this office lost its importance. The article includes the first Russian-language publication of a legal monument — yarlik on the appointment of mushrif from the treatise “Dastur al-katib” written in the second half of the 14th c. by Muhammad b. Hindushah Nahchivani, who himself was a financial officer at the court of Hulaguids and their successors Jalairs.

Key words: Mongol Empire, Near East, Central Asia, Caliphate, Khulaguid state, taxes and duties, financial control.

About the authors: Abzalov Lenar Firgatovich[1], PhD (History), Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University; Samarkand State University named after Sharof Rashidov; Gatin Marat Salavatovich[2], PhD (History), Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University; Samarkand State University named after Sharof Rashidov; Mustakimov Ilias Al’fredovich[3], PhD (History), L.N. Gumilyov Eurasian National University; Pochekaev Roman Yulianovich[4], Dr. habil. (History), PhD (Law), Professor, HSE University in St. Petersburg.

Contact information: [1,2]420111, Russia, Kazan, Levo-Bulachnaya Str., 44, Kazan (Volga Region) Federal University; 140104, Republic of Uzbekistan, Samarkand, Universitetskiy Av., 15, Samarkand State University named after Sharof Rashidov, e-mail: [1]len_afzal@mail.ru, [2]marat_gata@mail.ru; [3]010000, Republic of Kazakhstan, Astana, Pushkin Str., 15B, Research Institute for Jochi Ulus Studies; 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, 2 K. Satpayev Str., L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: imus2007@mail.ru; [4]194100, Russia, Saint Petersburg, Kantemirovskaya Str., 3, bd. 1, HSE University in Saint Petersburg, e-mail: rpochekaev@hse.ru.

Занимаясь в течение длительного времени исследованием и переводом ханских ярлыков из «Дастур ал-катиб фи та‘йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней») — трактата, автором которого является Мухаммедом б. Хиндушазом Нахчивани, чиновник ильханов-Хулагуидов и их преемников Джалаиров, авторы настоящей статьи периодически сталкиваются с любопытными и порой даже забавными казусами, связанными с переводом и интерпретацией отдельных документов, включенных в данный источник.

В качестве примера сошлемся на перевод ярлыка о назначении мушрифа, который осуществил выдающийся австрийский востоковед XIX в. Й. фон Хаммер-Пургшталь, включив немецкоязычный вариант этого перевода в качестве одного из приложений к своей монографии по истории Золотой Орды. Исследователь квалифицировал этого чиновника (название которого он приводит в форме «мушерриф») как «церемониймейстера».

По нашему мнению, Й. фон Хаммер-Пургшталь допустил серьезные методологические ошибки в своей интерпретации статуса мушрифа. Во-первых, при переводе ярлыка о назначении на должность мушрифа он обратил внимание на упоминание в документе терминов, связанных с церемониями (не вполне корректно, как мы укажем ниже), приемом и вручением подаркаов и т.п., сделав несколько поспешный вывод о том, что именно к этой сфере относились основные должностные обязанности мушрифа. Во-вторых, исследователь осуществил перевод лишь отдельного документа, не соотнеся его с другими частями трактата «Дастур ал-катиб» и, тем более, не рассмотрев должность, назначение на которую производилось данным ярлыком, в общеисторическом контексте, с учетом особенностей появления и эволюции института мушрифа.

Тем не менее, российский востоковед И.Н. Березин, опираясь на сочинение своего австрийского коллеги, с доверием воспринял характеристику этого чиновника как церемониймейстера, сославшись на работу Й. фон Хаммер-Пургшталя в своем исследовании о Золотой Орде (Березин 1863: 58).

Однако в более поздних исследованиях, посвященных «Дастур ал-катиб» авторы с гораздо большим основанием рассматривают мушрифа как чиновника, деятельность которого была связана с финансовой сферой. Прийти к такой мысли им позволило ознакомление с другими частями «Дастур ал-катиб». Однако создается впечатление, что и эти авторы также не до конца разобрались с правовым статусом мушрифа, его правами и обязанностями. Так, В.З. Пириев, защитивший докторскую диссертацию на основе анализа трактата Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани, откровенно признает, что ему «не всегда

ясны» взаимоотношения мушрифа с другими чиновниками, также относящимися к финансовому ведомству — в частности, с назиром и хазинадаром, обязанности которых, по его мнению, были весьма сходны с функциями мушрифа (Пириев 1988: 33—34).

В данной статье предпринимается попытка более подробного анализа истории становления и развития этого административного института. Для этого, во-первых, был осуществлен новый перевод ярлыка о назначении мушрифа из «Дастур ал-катиб», а во-вторых — проведено сравнение положений о должности мушрифа в ярлыке с другими историческими источниками, относящимися к странам Ближнего и Среднего Востока (теми, в которых зафиксирована деятельность этих чиновников) как более раннего, так и более позднего времени. По нашему мнению, именно подобный подход позволит наиболее эффективно проследить эволюцию данного института и выявить особенности его правового статуса, функций и задач и пр.

Должность мушрифа имеет весьма давнее происхождение: впервые она упоминается уже на раннем этапе существования Арабского халифата, в VII—VIII вв., в котором эти чиновники являлись ревизорами, направлявшимися халифами в регионы для проверки деятельности местных администраций, выявления случаев нарушения властных предписаний из центра, злоупотреблений, взяточничества и пр. (Тарих 1974: 114; Encyclopaedia 1993: 679). Эта их деятельность означалась термином «ишраф», который буквально означал «наблюдение с высокого места»; название должности «мушриф» было производным от «ишраф» и, соответственно, означало «наблюдатель» (Бартольд 1963: 290; Encyclopaedia 1993: 678). Отметим, что Й. фон Хаммер-Пургшталь в своем переводе ярлыка из «Дастур ал-катиб» по одному ему известной причине перевел «ишраф» как «церемонии», что, в общем-то, и привело к его вышеупомянутой ошибочной квалификации мушрифа как цереможниймейстера в целом.

Деятельность этих чиновников оказалась результативной, поэтому даже после распада единого халифата мушрифы продолжили свою деятельность в государствах, возникших на его территории. Однако сразу отметим, что в разных государствах Ближнего и Среднего Востока за ними закрепились разные функции.

Так, в Сельджукском султанате в Малой Азии мушрифы превратились в некое подобие тайных осведомителей или даже секретных агентов. В частности, в трактате «Сиасет-наме» («Книга о правлении») рекомендовано назначать мушрифов при каждом обладателе высокой государственной должности, но так, «чтобы тот об этом не знал» (Сиасет-намэ 1949: 33). При этом мушрифы, выполнявшие, по замыслу везира, функции тайных осведомителей, должны были получать жалование из казны: это, во-первых, позволяло не превращать их содержание в налоговый гнет для местного населения, во-вторых, обеспечивало их финансовую независимость от самих руководителей региональных администраций, за которыми они должны были присматривать (Сиасет-намэ 1949: 64).

В несколько более позднем источнике сельджукского происхождения — трактате о должностях «Атабат ал-катаба», составленном Мунтаджаб ад-Дином ал-Джувейни, писцом при султане Санджаре в первой половине XII в., сообщается, что мушрифы были подчинены специализированному центральному ведомству — «диван-и ишраф-и мамалик» (Джувайни 1985: 54; Запорожец 2017: 186). По мнению исследователей, этот диван относился к финансовому ведомству, поскольку мушрифы достаточно часто фигурируют в связке с другими финансовыми чиновниками — вышеупомянутыми назирами, а также с мустауфи. Однако, как можно увидеть из их характеристики, данной в «Сиасет-наме», их обязанности значительно выходили за рамки финансовой сферы — по крайней мере, в рассматриваемый период.

Сходные обязанности выполняли мушрифы и в государстве Газневидов на территории современного Афганистана и Северной Индии. Богатый материал о мушрифах содержится в сочинении Абу-л-Фазла Байхаки «Тарих-и Байхаки», составленном в середине XI в., из которого до нашего времени дошла только часть, известная в историографии как «История

Масуда», поскольку посвящена правлению султана Масуда Газневи (1030—1041). В отличие от вышеупомянутых сельджукских источников, этот труд является не трактатом, содержащим наставления или официальные документы, а историческим сочинением, посвященным конкретным событиями из истории государства Газневидов. Соответственно, в нем сообщается о деятельности конкретных чиновников, занимавших должность мушрифа, их отношениях с правителями и другими представителями властей.

Тем не менее, и Байхаки отмечает «тайный» характер назначения и деятельности мушрифов. При этом автор отмечает практику назначения мушрифов из числа самих же подчиненных тех или иных региональных наместников: получалось так, что они получали функции надзора и контроля над своими прежними начальниками (Байхаки 1969: 130, 136, 362)! Махмуд Газневи организовал такую слежку за своими сановниками и чиновниками всех уровней, приставив даже к собственному сыну — будущему султану Масуду «некоего мушрифа», «который постоянно находился при его сыне..., приглядывался к тому, чем они дышат, и доносил» (Байхаки 1969: 191; Запорожец 2017: 136).

Впрочем, наряду с мушрифами-«соглядатаями» Байхаки также упоминает и «придворных мушрифов», который свой статус и обязанности не скрывали; именно эти чиновники вели учет подаркам, которые подносились правителю или вручались им самим своим сановникам (Байхаки 1969: 234, 313, 326, 348, 601). Кроме того, согласно Байхаки, у мушрифов была еще одна функция — получение официальных ответов-отчетов от глав региональных администраций о выполнении последними предписаний главы государства (Байхаки 1969: 783, 784).

Как видим, положение и обязанности мушрифов в государствах Сельджуков и Газневидов достаточно сильно изменились по сравнению с эпохой раннего халифата.

А вот в государствах Средней Азии, судя по всему, институт мушрифа в большей степени сохранил свой первоначальный статус финансовых чиновников. В частности, диван мушрифов (как и диван мустауфи) существовал в государстве Саманидов на территории современной Средней Азии (Бартольд 1963: 288, 442).

Шихаб ад-Дин ан-Насави в жизнеописании своего повелителя — хорезмийского султана Джалал ад-Дина Манкбурны, составленном в первой половине XIII в., описывает мушрифов как официальных чиновников, состоявших при диванах государя и его региональных наместников. В их обязанности входил контроль правильности составления финансовых отчетностей, проверка документов о доходах и расходах и т.п. Как и в вышеупомянутых источниках, мушрифы у ан-Насави часто упоминаются вместе с мустауфи и другими финансовыми чиновниками (Насави 1996: 219, 231).

По-видимому, в руках мушрифов сосредотачивалась значительная власть, и они обладали мощными рычагами воздействия на политическую жизнь в государстве Хорезмшахов, о чем также свидетельствуют примеры, приводимые на-Насави. Так, узнав о смерти хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда II в 1220 г., несколько придворных сановников, среди которых был и мушриф Имад ад-Дин, «подделали письма от имени султана» и «взяли в руки средства дивана» (Насави 1996: 96).

Еще один мушриф по имени Ради ал-Мулк, состоявший при Салах ад-Дине, наместнике Газны, будучи недоволен тем, что тот не стал покрывать его злоупотреблений, организовал против него заговор, в результате чего наместник был убит, а мушриф сам возглавил регион. Причем его положение оказалось настолько прочным, что султан Джалал ад-Дин Манкбурны поначалу даже не смог его сместить: ему пришлось сначала укрепить собственное положение, лишь после чего он получил возможность снять мушрифа с должности и привлечь к ответственности (Насави 1996: 118—119; Бартольд 1963: 442).

В целом можно отметить, что практически все авторы сочинений, упоминающие о мушрифах и их деятельности, подчеркивают, что в качестве таких чиновников следует назначать честных и верных людей, которые, к тому же хорошо образованы и компетентны в финансовой сфере (Байхаки, 1969: 218, 327—328, 363).

Однако при этом мушрифы довольно часто вступали в сговор с главами региональных администраций, амилями и начальниками почт, в результате чего злоупотребления последних не только не раскрывались и не наказывались, но еще и усиливались за счет участия в противоправной деятельности самих же мушрифов (Агаджанов 1991: 34; Насави 1996: 237).

В связи с этим можно согласиться с предположением исследователей о том, что наличие наряду с мушрифом сходных должностей назира и мустауфи имело целью контроль и проверку деятельности самих мушрифов другими независимыми от них финансовыми чиновниками.

Высокий статус и значимость мушрифов подчеркивались тем, что нередко занятие этой должности становилось отправной точкой для последующей их карьеры. Известно, что некоторые главы «диван-и ишраф-и мамалик» впоследствии становились везирами.

А теперь обратимся непосредственно к материалам «Дастур ал-катиб» и, соответственно, анализу статуса мушрифов в государстве Хулагуидов и их преемников Джалаиров. Также считаем целесообразным соотнести сведения ярлыка как правового памятникам с сообщениями о конкретных мушрифах из исторического сочинения — «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, составленного в начале XIV в.

Ниже мы приводим сравнительный перевод этого документа на русский язык — с немецкоязычного варианта, который предложил Й. фон Хаммер-Пургшталь, и современный с оригинала.

Перевод Й. фон Хаммер-Пургшталя (Hammer 1840: 490—491)[1]	**Перевод с оригинала (Нахчивани 1976: 111—114 араб. паг.)[2]**
XVIII. Грамота [ярлык] мушеррифу, т.е. цереомониймейстеру (только один [образец]) Возвышение благороднейших людей, т.е. султанов ислама, возможно только благодаря трудам денно и нощно в течение нескольких месяцев и лет, а также с помощью участия знати и простых людей и только если их [султанов — *М.Г.*] должностные лица и уполномоченные в решении общих дел и в распоряжении различными вопросами руководствуются принципами, установленными законом, через надзирателей и доверенных лиц, через дельных и умелых людей, удерживая клиентов [подданных? — *М.Г.*] от любых инцидентов, а также самостоятельно распоряжаясь доходами и прочими поступлениями, таким образом, чтобы в любое время, когда их спросят, они могли дать один и тот же ответ относительно качества и количества да сообщить об этом наилучшим образом, дабы таким образом потребности казны и других слоев людей могли быть понятны эмирам, везирям, ближайшему окружению господина и	**Раздел шестой. О препоручении должности мушрифа государства** Величие благородных людей, кои суть султаны ислама, зиждется на ежедневном и еженощном труде и [изучении] обстоятельств знатных и простолюдинов в течение многих месяцев и лет. Достичь его (величия. — *И.М.*) возможно [только] тогда, когда их (султанов. — *И.М.*) чиновники и порученцы заняты обеспечением блага подданных и поддержанием порядка в разных делах, являясь [людьми] верными, надежными, компетентными и способными, дабы занимались разбором происходящих дел, вниканием в обстоятельства событий, разысканиями относительно поступлений налогов и изысканиями относительно расходования денег и прочих средств так, чтобы при вопрошании у них о положении дел и имеющихся суммах они могли дать ответ, доложив об этом наилучшим образом, а расходы, необходимые для выплат [получателям] казенного жалования и прочим категориям людей из

[1] Перевод с немецкого языка выполнен М.С. Гатиным.
[2] Перевод с персидского языка выполнен И.А. Мустакимовым.

членам Дивана. Согласно всему этому, поскольку ходжа Джелаледдин Махмуд[3] наделен благоприятными качествами, беспрестанно занимался делами Дивана, был знаком с их мельчайшими подробностями и прославился своей надежностью, религиозностью, прямотой слов и прямым письмом: таким образом должность мушеррифа Великого Дивана и хорошо оберегаемых земель вверяется ему, дабы он мог заниматься делами Дивана в порядке, ожидаемом от его способностей, навыков, делового опыта и умения, чтобы он получал знания о количестве сумм казны на содержание и обеспечение[4] жалования эмиров и победоносных армий самым легким путем и не позволял себе быть виноватым в каких-либо ошибках или недостачах, чтобы благодаря своим способностям и деловому опыту он смог сделать себя достойным для награждения подарками и различными почестями (тешрифат), если на то будет воля Всевышнего! По этой причине и вступает в силу этот указ, дабы эмиры улусов, везири, придворные слуги, эмиры десяти тысяч, тысяч и сотен, члены Великого Дивана, военачальники, местные правители, земские писцы признавали [ходжу Джелаледдина Махмуда] церемониймейстером страны (moscherrifi memalik) и обращались к нему по всем вопросам, касающимся этой должности, чтобы члены Дивана были в согласии с ним во всех вопросах и не замыкались в себе, а лучше сообщали ему обо всех происшествиях и не скрывали от него никаких сведений; они должны считать необходимым то, чтобы его дела и его печать были во всех реестрах, предписаниях, письмах, приказах, постановлениях Дивана, советах, решениях, эмиров, везиров, приближенных [государя], членов Дивана и других, стали бы известны и определенны.

В связи с вышеозначенным, поелику ходжа Джалал ад-Дин Махмуд отмечен этими похвальными качествами, всегда во всех подробностях осведомлен о делах Дивана, известен своей надежностью, набожностью, правдивостью и честностью, ему препоручается должность мушрифа Великого Дивана и Богохранимых Пределов с тем, чтобы он применял свои способности, знания, опыт и компетентность, занимаясь ведением делами Дивана ожидаемым [от него] образом. Пусть, будучи осведомленным и информированным относительно сумм поступлений и обстоятельств расходования средств, во всех случаях ревностно блюдет интересы Дивана и действует так, чтобы средства казны на обеспечение содержания, выдачу довольствия, обеспечение снаряжением и выплату жалования эмирам и победоносному войску добывались наиболее простым способом, при этом не допускалось бы задержек и недодачи, дабы своей компетентностью и опытом он снискал обильные милости и многие почести, если будет на то воля Аллаха Всевышнего.

Посему этот указ вступает в силу с тем, чтобы улусные эмиры, везиры, инаки, эмиры туменов, тысяч и сотен, члены Великого Дивана, хакимы, мутасаррифы и битикчии вилайетов признавали его мушрифом государства и по всем вопросам, связанным с отправлением этой должности, обращались к нему. Пусть члены Дивана согласуют с ним все действия и никоим образом не самоуправствуют. Осведомляя и информируя его обо всех делах, пусть ничего от него не укрывают и не утаивают.

[3] Отсутствие даты и адресанта ярлыка не позволяет точно соотнести упомянутое лицо с какими-либо известными обладателями этого имени, которое довольно части встречается в источниках по истории Хулагуидов и Джалаиров. В частности, это может быть даже сын Рашид ад-Дина, занимавший в период нахождения отца у власти ряд сановных должностей. Не меньше оснований полагать, что это также мог быть Ходжа Джалал ад-Дин Сиваси — сподвижник Рашид ад-Дина, к тому же занимавший должность мустауфи (Рашид ад-Дин 1971: 285), которая, как мы уже отмечали, была близка по статусу и обязанностям к должности мушрифа.

[4] Примечание Й. фон Хаммер-Пургшталя: Gergirak, что на самом деле означает это слово, невозможно определить по словарям, так как оно в них не встречается. В тексте گرگیراق (гарак-йарак), обозначал всякого рода средства, потребляемые на нужды правителей, царевичей, эмиров и их жен. Помимо этого под этим термином подразумевались сборы с населения для вооружения войска. — *Л.А.*

льготах и привилегиях, также при определении налоговых доходов и распределений сумм, подлежащих выплатам, должно осуществляться только на основании его заключения; они должны признавать его представителей, которых он отправит во все земли страны для проведения церемоний (ишраф) [? — *М.Г.*], платить ему ежегодно установленные суммы и выдавать грамоты по его требованию, чтобы он мог использовать жалование, причитающиеся его должности, для покрытия обременяющих его расходов и мог позаботиться обо всем, что необходимо для его службы.	Пусть считают обязательным и необходимым действовать после его информирования и согласно его распоряжениям, [подкрепленным] его печатью на всех реестрах, предписаниях, служебной документации Дивана, включающей указы, приказы, жалованные грамоты, постановления по финансовой части[5] и тому подобных [документах]; пусть назначают налоговых чиновников, разверстывают налоги, направляют средства по согласованию с ним. Пусть признают полномочия его представителей (*наибов*), назначенных и направленных им в каждый город и вилайет. Пусть ежегодно выплачивают ему жалованье в сумме столько-то золотых динаров ходячей монетой и напишут бераты[6] на места, с которых будет собираться требуемая сумма с тем, чтобы он мог использовать жалование, причитающееся ему по должности, для покрытия расходов, связанных с исполнением служебных обязанностей. Писано в…

Анализируемый документ представляет собой указ о назначении не рядового мушрифа, а «мушриф-и мамалик» («мушрифа государства»), то есть главу остальных мушрифов. Как можно увидеть из содержания ярлыка, эти чиновники в рассматриваемый период являлись именно финансовыми контролерами, которые отвечали за контроль над средствами государственной казны, равно как и за надзор за финансовой деятельностью региональных администраций.

Ни о какой тайной или информаторской деятельности в ярлыке речи не идет: напротив, прямо указывается, что чиновники разных уровней и сфер деятельности должны признавать в его статусе Джалал ад-Дин Махмуда, назначаемого мушрифом Великого Дивана (равно как и его представителей в регионах — наибов), обращаться к нему и согласовывать с ним вопросы финансовой и налоговой деятельности. Обратим внимание, что круг этих чиновников чрезвычайно широк: среди них упоминаются представители военной администрации (улусные эмиры, инаки, эмиры туменов, тысяч и сотен) и штатские чиновники (члены дивана, хакимы, мутасаррифы-управляющие, битикчи-писцы). Этот перечень чиновников, которым следовало взаимодействовать с мушрифом, отражает широкую сферу полномочий мушрифов в рассматриваемый период, охватывающий финансовую сферу на центральном, региональном и местному уровне, в военной и гражданской деятельности.

При этом финансирование деятельности осуществлялось, как видно из ярлыка, за счет казны — в виде установленного жалования на основании постановлений Великого Дивана, то есть центрального органа управления государства ильханов. Таким образом, Хулагуиды, как видим, приняли идею из трактата «Сиасет-наме» о содержании мушрифа и, вероятно, его представителей-наибов за счет государственной казны, а не средств из региональных бюджетов.

Обратившись к сведениям Рашид ад-Дина о мушрифах при ильханах, мы находим очередные подтверждения их высокого статуса. Во-первых, некоторые мушрифы являлись

[5] Перевод предположительный. В тексте: مفاصاة و موامرات و جزازات.

[6] Берат — диплом, жалованная грамота, в которой указывалась сумма и источник дохода держателя.

«товарищами» (фактически заместителями) сахиб-диванов — руководителей высших исполнительных органов власти (Рашид ад-Дин 1946: 95). Во-вторых, как и в более ранних тюркских государствах, главы ведомства мушрифов имели реальные шансы занять и высшие руководящие должности в государстве ильханов. Так, везир Сад ад-Доула до назначения на высший пост в государстве занимал должность мушрифа в Багдаде, причем региональные главы гражданской и военной администрации должны были ему подчиняться (Рашид ад-Дин 1946: 118—119, 123).

По мнению М.А. Сейфеддини, в государстве Хулагуидов мушрифы имели еще одну обязанность, о которой не упоминается в источниках: контроль пробы и веса монет, отмечая, что и в этой сфере они могли вступать в сговор с региональными администраторами, сборщиками налогов и чиновниками монетного ведомства, покрывая их нарушения (Сейфедини 1968: 145—147). Однако обратим внимание, что тот же Рашид ад-Дин в разделе своего сочинения о стандартах монет и весов ни слова не говорит об участии в их обеспечении мушрифов (Рашид ад-Дин 1946: 170—175). По всей видимости, специально вопросами, связанными с чеканкой монеты в государстве ильханов мушрифы не занимались, и их функции в этой сфере также сводились к общему контролю за доходами и расходами в рамках общей финансовой деятельности администрации соответствующего региона.

Завершая обзор статуса мушрифов в государстве Хулагуидов и Джалаиров, стоит обратить внимание на то, что в «Дастур ал-катиб» (не только в анализируемом ярлыке, но и в трактате в целом) не упоминается «диван-и ишраф-и мамалик», существовавший в более ранних государствах региона. Анализ вышеприведенного ярлыка дает основание считать, что мушрифы (включая и их руководителя «мушриф ал-мамалик») находились в прямом подчинении Великого Дивана и его главы — везира. Это в полной мере соотносится с политикой Чингизидов по использованию ранее существовавших чиновных институтов в покоренных государствах: не желая сосредотачивать чрезмерные полномочиях в одних руках, они снижали статус и урезали полномочия обладателей таких должностей по сравнению с предыдущими периодами.

К сожалению, нам не удалось найти сведений о том, что институт мушрифов функционировал в других государствах Чингизидов — в частности, в Золотой Орде и Чагатайском улусе.

Однако обратим внимание, что Й. фон Хаммер-Пургшталь включил ярлык о назначении этого чиновника в свой труд именно о Золотой Орде, равно как и И.Н. Березин сослался на него в труде, посвященном также Улусу Джучи. Тем самым исследователи дают понять, что предполагают наличие института мушрифов (пусть и в качестве «церемониймейстеров»!) в этом чингизидском государстве.

Аналогичное предположение можно высказать и о существовании мушрифов также в Чагатайском улусе на основании факта того, что обладатели этой должности фиксируются в исторических источниках более позднего периода — относящихся уже к узбекским ханствам Средней Азии. В связи с этим позволим себе дать краткий обзор эволюции института мушрифа в государствах позднего Средневековья и Нового времени.

Эта должность сохранилась в государстве Сефевидов, причем, как и в монгольскую эпоху (при Хулагуидах и Джалаирах) соответствующего центрального ведомства мушрифов в нем не существовало[7]. Судя по всему, в их функции входил финансовый контроль на региональном и местном уровне — проверка дефтеров (финансовых отчетов) и т.п. Жалование они получали уже не из государственной казны, а из поступавших региональных и местных налогов (Tadhkirat 1980: 158). Позднее, в эпоху Каджаров, институт мушрифов также сохранился, однако они, как и при Сефевидах являлись финансовыми чиновниками с относительно невысоким статусом. В частности, мушриф Мирза-Ага, фигурирует среди

[7] По мнению К.Э. Босворта, функции прежнего «мушриф-и мамалик» могли перейти к другому чиновнику — даргу-йи дафтар-хана (Encyclopaedia 1993: 679).

членов посольства принц, а Хосров-мирзы в Россию в 1829 г., судя по всему, отвечая за контроль его расходов (Берже 1879: 337).

Есть сведения о деятельности мушрифов в Индии в период Средневековья и Нового времени. В Делийском султанате в период правления Тоглукивдов (XIV—XV вв.), мушрифы занимали относительно высокие должности при дворе султанов, причем мушриф контролировал поступающие доходы, тогда как за контроль над расходами отвечал его коллега — мустауфи. Однако в XVI в., в правление Шер-шаха из династии Сури, полномочия мушрифов были существенного ограничены: они стали контролировать результаты сбора урожая, а также оценивал ущерб, который приносили войска мирному населению при продвижении по стране. D империи же Великих Моголов мушрифы окончательно превратились в местных счетоводов (Encyclopaedia 1993: 679—680; Hintze 1997: 75).

В Бухарском ханстве мушрифы сохранили высокое место в сановной иерархии. В частности, в «Бухарском трактате о чинах и званиях» XVIII в. муршриф следует непосредственно за «диван-беги», который являлся в этом государстве главой финансового ведомства (Иванов 1954: 73; Предписания 1981: 93; Семенов 1948: 142). Мушриф вел учет подношений главе государства и подарков, который хан (затем эмир) сам вручал своим подданным, включая дорогое оружие и доспехи — кольчуги, щиты и пр. Также он отвечал за выдачу жалования военным (Предписания 1981: 17, 54—55, 94). В этом отношении мушриф в Бухаре может быть соотнесен по статусу с «мушриф-и мамалик» государства Хулагуидов[8]. Жалование бухарские мушрифы не получали: правители наделяли их земельными владениями, на доходы с которых они и существовали (Документы 1954: 44)[9].

А вот в Хивинском ханстве мушрифы занимали своеобразное «промежуточное» положение между своими коллегами в государстве Сефевидов и в Бухарском ханстве. С одной стороны, они не входили в высшую сановную иерархию, как в Бухаре, но с другой — не являлись и мелкими чиновниками местного уровня, как в Сефевидском государстве. Согласно финансовым документам Хивинского ханства, мушрифы сами занимались сбором налогов в отдельных регионах, а также сами распределяли собранные налоговые поступления в денежной и натуральной форме (зерном) среди тех, кому такие выплаты полагались (Баскаков 1989: 69; Бейсембиев 2009: 38; Иванов 1940: 99, 110, 125). Как и бухарские мушрифы, они имели собственные земельные владения, а также содержали собственных нукеров, причем, как следует из правовых памятников, должны были платить налоги со своей земли в пользу казны (Иванов 1940: 63, 100, 107, 160, 161, 171).

Нам удалось также найти упоминание должности мушрифа в так называемом Могольском государстве или Кашгарии в Восточном Туркестане. Мирза Мухаммед Хайдар Дуглат в сочинении «Тарих-и Рашиди» («История Рашида»), написанном около середины XVI в., упоминает обладателя этой должности по имени Ходжа Сафи Али — правда, не в связи с осуществлением его профессиональных обязанностей, а как участника военной кампании кашгарского хана Султан-Саида, во время которой он и погиб (Мирза Хайдар 1996: 385)). Впрочем, автор характеризует его как «мушрифа высочайшего дивана», что позволяет сделать вывод о высоком положении этого чиновника в Кашгарии — примерно на том же уровне, что и в государстве Хулагуидов или в Бухарском ханстве.

Подводя итоги нашего исследования, мы можем уверенно утверждать, что мушриф действительно являлся высокопоставленным чиновником финансового ведомства, в задачи которого входили контроль как состояния казны (включая подарки, которые преподносились правителям или, напротив, были предназначены для вручения им своим подданным из числа представителей знати и чиновничества), а также проверки финансовой

[8] Обратим внимание, что в Бухарском ханстве наряду с мушрифом существовала и должность придворного цереомониймейстера, который, впрочем, назывался «шигаул» (Бартольд 1964: 396). Этот факт служит еще одним доказательство ошибочности классификации мушрифа, которою дал Й. фон Хаммер-Пургшталь.

[9] Правда, в некоторых бухарских документах упоминается специальный налог «мушрифанэ», который, как следует из его названия, мог в те или иные периоды взиматься как раз на содержание мушрифов (Иванов 1954: 38).

деятельности наместников отдельных регионов. Правда, со временем, уже в позднем Средневековье практически во всех государствах, в которых эта должность продолжала существовать, можно отметить существенное снижение статуса мушрифов, урезание их полномочий до регионального и даже местного уровня.

Соответственно, характеристику мушрифа как церемониймейстера, которую дал Й. фон Хаммер-Пургшталь следует признать ошибочной. Нет также оснований считать, что мушриф выполнял функции «тайного агента» правителя в том или ином регионе: деятельность «под прикрытием» была не столько целью, сколько способом получения этим чиновником информации в рамках проведения ревизии финансовой деятельности региональной администрации.

Еще один вывод, к которому мы приходим на основе проведенного анализа, состоит в том, институт мушрифа претерпел определенную эволюцию в разных государствах, в которых существовал: уже в источниках XI—XII вв. видно, что представление о его статусе и обязанностях имели значительные отличия в странах Ближнего и Среднего Востока. Отметим, что монголы, сохранив саму должность мушрифа в государстве Хулагуидов, по всей видимости, опирались на среднеазиатский, а не ближневосточный опыт его функционирования, который, в большей степени соответствовал изначальным обязанностям мушрифа в период появления и становления этой должности в халифате.

Литература

Агаджанов С.Г. 1991. *Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI—XII вв*. Москва: Наука.

Байхаки 1969: Арендс А.К. (пер., введ., коммент. и прил). Абу-л-Фазл Байхаки. *История Масуда (1030—1041)*, 2-е изд., доп. Москва: Наука.

Бартольд В.В. 1963. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. В: Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. I. Москва: Издательство восточной литературы.

Бартольд В.В. 1964. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке. В: Бартольд. В.В. *Сочинения*. Т. II. Ч. 2. Москва: Наука, 388—399.

Баскаков Н.А. 1989. Титулы и звания в социальной структуре бывшего Хивинского ханства. *Советская тюркология* 1, 63—70.

Бейсембиев Т.К. 2009. *Кокандская историография: Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII—XIX вв*. Алматы: Print-S.

Березин И. 1863. *Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева*. Сакнт-Петербург: Типография Императорской академии наук.

Берже А.П. 1879. Хосров-мирза 1813—1875. *Русская старина* 6, 333—352.

Джувайни 1985: Курпалидис Г.М. (пер.). Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. *Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба)*. Москва: Наука.

Документы 1954: Чехович О.Д. (пер., введ. и прим.), Арендс А.К. (ред.). *Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве*. Вып 1. *Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв*. Ташкент. АН Узбекской ССР.

Запорожец В.М. 2017. *Роль тюрок-сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем Востоке в XI — начале XIV века*. Дисс. … докт. ист. наук. Москва.

Иванов П.П. 1940. *Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии*. Ленинград: Издание Государственной публичной библиотеки.

Иванов П.П. 1954. *Хозяйство джуйбарских шейхов*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Мирза Хайдар 1996: Урбанаев А., Джалилова Р.П. (пер.). Мирза Мухаммад Хайдар. *Тарих-и Рашиди*. Ташкент: Фан.

Насави 1996: Буниятов З.М. (крит. текст, пер., пред., прим. и указ.). 1996. Ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. *Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны)*. Москва: Восточная литература.

Нахчивани 1976: Али-заде А.А. (крит. текст, пред. и указ.). 1976. Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. *Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней)*. Т. II. Москва: Наука.

Пириев В.З. 1988. *Государственный строй и система управления в Азербайджане при Хулагуидах и Джелаиридах*. Автореф. … докт. ист. наук. Баку.

Предписания 1981: Вильданова А.Б. (факс., введ., перо., прим. и прил.). 1981. Мирза Бади-диван. *Маджма ал-аркам («Предписания фиска») (приемы документации в Бухаре XVIII в.)*. Москва: Наука.

Рашид ад-Дин 1946: Арендс А.К. (пер.), Струве В.В. (отв. ред.). 1946. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. III. Москва; Ленинград: АН СССР.

Рашид ад-Дин 1971: Фалина А.И. (пер.). Рашид ад-Дин. *Переписка*. Москва: Наука, 1971.

Сейфеддини М.А. 1968. Организация монетного дела в государстве ильханов в XIII—XIV вв. *НиЭ* VII, 144—148.

Семенов А.А. 1948. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. *Советское востоковедение* V, 137—154.

Сиасет-намэ 1949: Заходер Б.Н. (пер., введ. и прим.). *Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Тарих 1974: Смирнова Л.П. (пер., введ. и коммент.) *Тарих-и Систан («История Систана»)*. Москва: Наука.

Encyclopaedia 1993: Bosworth C.E., Donzel E. van, Heinrichs W.P., Pellat Ch (eds.). *The Encyclopaedia of Islam*. New ed. Vol. VII: Mif-Naz. Leiden: E.J. Brill.

Hammer-Purgstall J. Von 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag.

Hintze A. 1997. *The Mughal Empire and Its Decline an Interpretation of the Sources of Social Power*. Aldershot: Ashgate.

Tadhkirat 1980: Minorsky V. (transl.). *Tadhkirat al-Muluk: A Manual of Safavid Administration (c. 1137/1725)*. Cambridge: E.J.W. Gibb Memorial.

References

Agadzhanov, S.G. 1991. *Gosudarstvo Sel'dzhukidov i Srednyaya Aziya v XI—XII vv*. (*Seljuqid State and Central Asia in 11th—12th cc.)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Baykhaki 1969: Arends, A.K. (transl., intyr., comments and apps). Abu-l-Fazl Baykhaki. *Istoriya Masuda (1030—1041) (History of Masud (1030—1041))*, 2nd ed, suppl. Moscow: Nauka (in Russian).

Bartol'd, V.V. 1963. In: Bartol'd V.V. *Sochineniya (Collected works)*. Vol. I. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury (in Russian).

Bartol'd, V.V. 1964. In: Bartol'd, V.V. *Sochineniya (Collected works)*. Vol. II. Pt. 2. Moscow: Nauka, 388—399 (in Russian).

Baskakov, N.A. 1989. In *Sovetskaya tyurkologiya (Soviet Turkic Studies)* 1, 63—70 (in Russian).

Berezin, I. 1863. *Ocherk vnutrennego ustroystva Ulusa Dzhuchieva (Essay on the internal structure of the Jochi Ulus)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press (in Russian).

Berzhe, A.P. 1879. In *Russkaya starina (Russian antiquities)* 6, 333—352 (in Russian).

Beysembiev, T.K. 2009. *Kokandskaya istoriografiya: Issledovanie po istochnikovedeniyu Sredney Azii XVIII—XIX vv. (Khoqand Historiography. Source study reseach on the Central asia of 18th—19th cc.)* Almaty: Print-S (in Russian).

Dzhuvayni 1985: Kurpalidis, G.M. (transl.). 1985. *Muntadzhab ad-Din Badi Atabek al-Dzhuvayni. Stupeni sovershenstvovaniya katibov (Atabat al-kataba) (Scribes' degrees of perfection)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Dokumenty 1954: Chekhovich, O.D. (transl., intr. and notes), Arends, A.K. (ed.). 1954. *Dokumenty k istorii agrarnykh otnosheniy v Bukharskom khanstve (Documents on history of agrarian relations in the Khanate of Bukhara)*. Iss 1. *Akty feodal'noy sobstvennosti na zemlyu XVII—XIX vv. (Acts of feudal landonership of 17th—19th cc.)*. Tashkent. AN Uzbekskoy SSR (in Russian).

Zaporozhets, V.M. 2017. The role of Seljuq Turks in thehistorical processes in the Near and Middle East in 11th — beginning of 14th c.. Dr. Sci. Thes. in history. Moscow.

Ivanov, P.P. 1940. *Arkhiv khivinskikh khanov XIX v. Issledovanie i opisanie dokumentov s istoricheskim vvedeniem. Novye istochniki dlya istorii narodov Sredney Azii (Archive of khans of Khiva of the 19th c. Study of the documents with historical introductuion. New sources for the history of peoples of Central Asia)*. Leningrad: Izdanie Gosudarstvennoy publichnoy biblioteki (in Russian).

Ivanov, P.P. 1954. *Khozyaystvo dzhuybarskikh sheykhov (Household of sheikhs of Juybari)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Mirza Khaydar 1996: Urbanaev, A., Dzhalilova, R.P. (transls.). 1996. Mirza Mukhammad Khaydar. *Tarikh-i Rashidi* (History of Rashid). Tashkent: Fan (in Russian).

Nasavi 1996: Buniyatov, Z.M. (trabsl.). 1996. An-Nasavi, Shikhab ad-Din Mukhammad. *Sirat as-Sultan Dzhalal ad-Din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhalal ad-Dina Mankburny) (The Biography of Jalal al-Din Mankburni)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Nakhchivani 1976: Ali-zadeh, A.A. (text, intr., index). Mukhammad ibn Khindushakh Nakhchivani. *Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib (Rukovodstvo dlya pistsa pri opredelenii stepeney) (A Scribe's Guide to Determining Degrees)*. Vol. II. Moscow: Nauka (in Russian and Persian).

Piriev, V.Z. 1988. State sytructure and adfministrative system in Azerbaijan during the reign of Hulaguids and Jalairs. Abstract of Dr. Sci. Thes. in history. Baku.

Predpisaniya 1981: Vil'danova, A.B. (fax., intr., transl., notes and apps). 1981. Mirza Badi-divan. *Madzhma al-arkam ("Predpisaniya fiska") (priemy dokumentatsii v Bukhare XVIII v.)* (Instructions on fisk (techniques of documentation in Bukhara of the 18th c.)). Moscow: Nauka (in Russian).

Rashid ad-Din 1946: Arends, A.K. (transl.), Struve, V.V. (ed.). 1946. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey (Compendium of chronicles)*. Vol. III. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Rashid ad-Din 1971: Falina, A.I. (transl., intr. and comm.). 1971. Rashid ad-Din. *Perepiska (Correspondence)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Seyfeddini, M.A. 1968. In *Numizmatika i epigrafika (Numismatics and epigraphy)* VII, 144—148 (in Russian).

Semenov, A.A. 1948. In *Sovetskoe vostokovedenie (Soviet oriental studies)* V, 137—154 (in Russian).

Siaset-name 1949: Zakhoder, B.N. (transl., intr. and notes). 1949. *Siaset-name. Kniga o pravlenii vazira XI stoletiya Nizam al-Mul'ka (Book on the rule, by Nizam al-Mulk, vazir of the 11th century)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Tarikh 1974: Smirnova, L.P. (transl., intr. and comments). 1974. *Tarikh-i Sistan ("Istoriya Sistana")* (*History of sistan)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Encyclopaedia 1993: Bosworth, C.E., Donzel, E. van, Heinrichs, W.P., Pellat, Ch (eds.). 1993. *The Encyclopaedia of Islam*. New ed. Vol. VII: Mif-Naz. Leiden: E.J. Brill.

Hammer-Purgstall, J. von 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag (In German).

Hintze, A. 1997. *The Mughal Empire And Its Decline An Interpretation of the Sources of Social Power*. Aldershot: Ashgate.

Tadhkirat 1980: Minorsky, V. (transl.). *Tadhkirat al-Muluk: A Manual of Safavid Administration (c. 1137/1725)*. Cambridge: E.J.W. Gibb Memorial.

Нумизматика

Numismatics

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.49.40.017

Sadık Tuğrul, Vedat Keleş

BEYOND CHARON'S OBOL: COIN AND COIN-LIKE DEPOSITIONS IN FUNERARY ASSEMBLAGES AT PARION FROM THE CLASSICAL TO THE ROMAN PERIOD*

This article examines funerary monetary deposition in 75 documented contexts from the South/Tavşandere Necropolis of Parion, dated from the Late Classical/Early Hellenistic to the Roman Imperial period. The dataset is analysed at context level and distinguishes ordinary struck coins, coin-like objects, and modified monetary deposits, while keeping coin issue date separate from grave/context date. The evidence is dominated by in-mouth bronze coins, but the corpus also includes multi-coin mouth and near-mouth deposits, indeterminate micro-locations, gold coin-impression foils, a dolphin-shaped cast object, and foil-gilded bronze coins. The study argues that Charon's obol remains a useful interpretation only where object category, placement, burial mode, and archaeological association support it. Parion thus offers a well-documented corpus for examining how coins, coin images, and transformed monetary forms entered funerary practice.

Key words: Parion, funerary numismatics, Charon's obol, coin-like objects, gold coin-impression foils, modified monetary deposits.

About the authors: Tuğrul Sadık[1], PhD, Independent Researcher; Keleş Vedat[2], Prof. Dr., Department of Archaeology, Faculty of Humanities and Social Sciences, Ondokuz Mayıs University.

Contact information: [1]e-mail: tugrulsadik17@gmail.com; [2]55200, Turkey, Samsun, Ondokuz Mayıs University, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of Archaeology, e-mail: vkelesus@gmail.com.

Садык Тугрул, Ведат Келеш

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОБОЛА ХАРОНА: МОНЕТЫ И МОНЕТОПОДОБНЫЕ ВЛОЖЕНИЯ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ ПАРИОНА ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ ДО РИМСКОГО ПЕРИОДА

Погребальные монетные вложения из Южного (Тавшандере) некрополя Париона представлены 75 документированными контекстами, датируемыми от позднеклассического/раннеэллинистического времени до римского императорского периода. Материал анализируется на уровне погребального контекста; при этом разграничиваются обычные чеканные монеты, монетоподобные предметы и модифицированные денежные вложения, а дата выпуска монеты не отождествляется с датой погребения. Данные показывают выраженную концентрацию бронзовых монет, помещённых в рот умершего, но тот же корпус включает многомонетные вложения в полости рта и рядом с ней неопределённые микролокации, золотые фольги с монетными оттисками, литой предмет в форме дельфина и бронзовые монеты с позолотой. В работе обосновывается тезис о том, что интерпретация находки как «обола Харона» правомерна лишь тогда, когда она подтверждается категорией предмета, его расположением, типом погребения и археологическим контекстом. Таким образом, материалы Париона представляют собой хорошо документированную базу для изучения того, как монеты, их изображения и трансформированные денежные формы проникали в погребальную практику.

Ключевые слова: Парион, погребальная нумизматика, обол Харона, монетоподобные предметы, золотые фольги с монетными оттисками, модифицированные денежные вложения.

Сведения об авторах: Тугрул Садык[1], PhD, независимый исследователь; Келеш Ведат[2], профессор, доктор, кафедра археологии, факультет гуманитарных и социальных наук, Университет Ондокуз Майыс.

Контактная информация: [1]Тугрул Садык, e-mail: tugrulsadik17@gmail.com; [2]55270, Турция, Атакум/Самсун, Университет Ондокуз Майис, e-mail: vkelesus@gmail.com.

---

* Статья поступила в номер 11 января 2026 г.
Принята к печати 28 января 2026 г.

© Sadık Tuğrul, Vedat Keleş, 2026.

Introduction

Coins recovered from graves have long been interpreted through the familiar framework of Charon's obol, especially when a low-value coin is found in or near the mouth of the deceased. The literary tradition gives this model considerable force, but the archaeological record is more varied than the literary image alone can explain. Stevens remains fundamental in this respect: she distinguishes the relatively coherent literary formulation of Charon's fare from the diversity of cemetery evidence, where coins may occur in different numbers, metals, placements, and depositional circumstances (Stevens 1991: 215—216). Her warning that funerary coins should be read case by case, rather than forced into a single explanation, provides the methodological starting point for this article (Stevens 1991: 227).

Recent work in funerary numismatics has strengthened this contextual approach. Coins in graves are not only chronological indicators or illustrations of a mythological passage; they are archaeological objects whose interpretation depends on placement, number, condition, burial mode, associated grave goods, and the quality of contextual recording. Doyen's methodological reflections on the topology, packaging, and *mise en scène* of monetary deposits, Brown's variable-based analysis of coin deposition in burials, and Van Andringa's emphasis on depositional sequence and stratigraphic recording together show why funerary coins must be interpreted through context rather than object type alone (Doyen 2012: i—x; Brown 2008: 122; 2013: 11—13; Van Andringa 2019: 509—511).

The South/Tavşandere Necropolis of Parion provides a useful case for reassessing these issues. Parion[1] lies in northwestern Anatolia, within the Troas—Propontic landscape and in close relation to the Hellespontine and northern Aegean worlds (Fig. 1). The South/Tavşandere Necropolis, located approximately 1 km south of the city centre, was first identified during the 2004 salvage excavations and has since been investigated through systematic excavation; previous work has discussed its topography, grave typology, and funerary development across the Archaic to Roman phases, while the monetary contexts are analysed here systematically for the first time (Kaba 2021: 145—146; Kasapoğlu 2022: 261—266; Tuğrul 2024: 1—5). The corpus examined here consists of 75 documented funerary contexts containing ordinary struck coins, coin-like objects, or modified monetary deposits from the Late Classical/Early Hellenistic to the Roman Imperial period. It is not intended to measure the overall frequency of coin deposition across the entire necropolis, but to analyse the internal variation of contexts in which monetary or monetary-looking objects were recorded.

The Parion material is particularly relevant here because it brings together a marked mouth-related pattern and several object categories that are not best understood as ordinary coins. Ordinary struck bronze coins form the largest part of the corpus, especially in Roman Imperial contexts. Yet the dataset also includes gold coin-impression foils, a dolphin-shaped cast object, and foil-gilded struck bronze coins. Earlier discussions associated some Parion gold objects with the Kharon tradition, but Keleş re-evaluated them through technique, function, and iconography, while Çelikbaş later argued that labels such as "impression coin" and "Kharon coin" are misleading for these appliqué-like objects (Keleş 2014: 117—118; Çelikbaş 2020: 257). The present article therefore uses the descriptive term gold coin-impression foil and treats these objects as coin-like objects rather than as ordinary struck coins. The spelling Charon is used throughout, except when referring to earlier terminology that explicitly used Kharon.

[1] For general studies on Parion, its epigraphic dossier, territorial organization, coinage, history, and urban development, see Frisch 1983; Başaran 1999; Avram 2004; Keleş 2011; Prêteux 2009; Başaran, Yılmaz 2021. For ancient literary references to the city, see Hdt., 4, 137—140, 7, 117; Strab., 13, 1, 13—14.

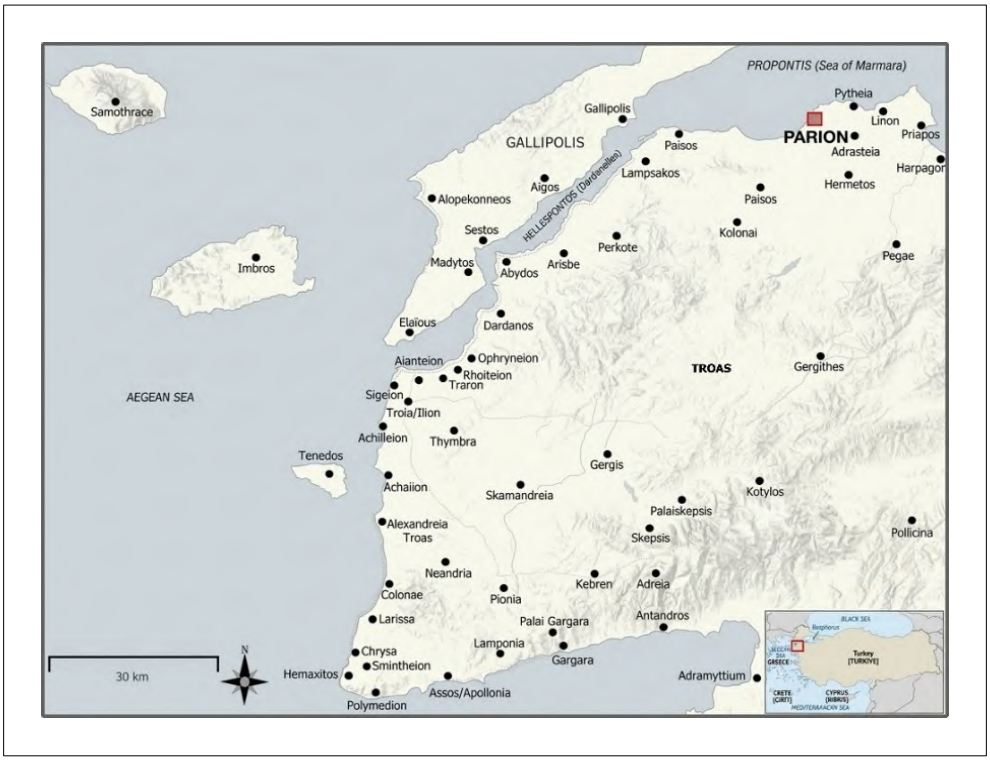


Fig. 1. Regional map showing the location of Parion in the Troas.

This article examines how far the Charon model can account for the Parion evidence, how coin-like objects and modified monetary deposits alter the interpretation of funerary monetary practice, and what this dataset contributes to wider regional discussions of coins, coin images, and transformed monetary forms in burial contexts. Its central argument is that Parion cannot be explained through a single Charon's obol model. Secure in-mouth ordinary struck coins provide the clearest basis for such a reading, but other contexts require interpretation through object category, placement, burial mode, and contextual confidence. The article first sets out the dataset and method, then examines chronological distribution, placement, object category, and demographic visibility before turning to the limits of Charon's obol, the role of coin-like and modified monetary forms, and Parion's place within regional funerary numismatic practice.

Materials and methods

This study is based on an analytical dataset of 75 documented funerary contexts from the South/Tavşandere Necropolis of Parion that contain ordinary struck coins, coin-like objects, or modified monetary deposits. The dataset was compiled from the Parion excavation archive and catalogue records.

According to the Parion excavation archive, the wider assessable cemetery archive currently comprises 289 documented graves from the 2005—2025 excavation seasons, excluding heavily destroyed graves whose contexts could not be reliably evaluated. This figure reflects the excavation archive as updated through the 2025 season. The 75 contexts analysed here represent only those funerary contexts in which an ordinary struck coin, a coin-like object, or a modified monetary deposit was recorded in the excavation archive or catalogue. They constitute c. 26% of the currently assessable 289-grave archive; this ratio, however, reflects only the proportion of documented monetary or monetary-looking contexts within the excavation archive and should not be treated as the cemetery-wide frequency of coin deposition. Isolated coins recovered from the necropolis area without secure funerary-context association are therefore not included. The dataset is consequently

a monetary-context sample, not a proportional sample for calculating the overall frequency of coin deposition across the cemetery as a whole.

The broader Hellenistic and Roman burial contexts of the South/Tavşandere Necropolis have been discussed elsewhere, on the basis of the 2005—2023 excavation data (Tuğrul 2024). The present study isolates the monetary contexts as a distinct analytical dataset. Some Late Classical—Early Hellenistic contexts included here are incorporated on the basis of excavation archive documentation and have not yet been fully published as grave contexts. The primary unit of analysis is the funerary context rather than the individual object, since several contexts contain more than one monetary or monetary-looking item. The location of the South/Tavşandere Necropolis within the site of Parion is shown in the site plan (Fig. 2).

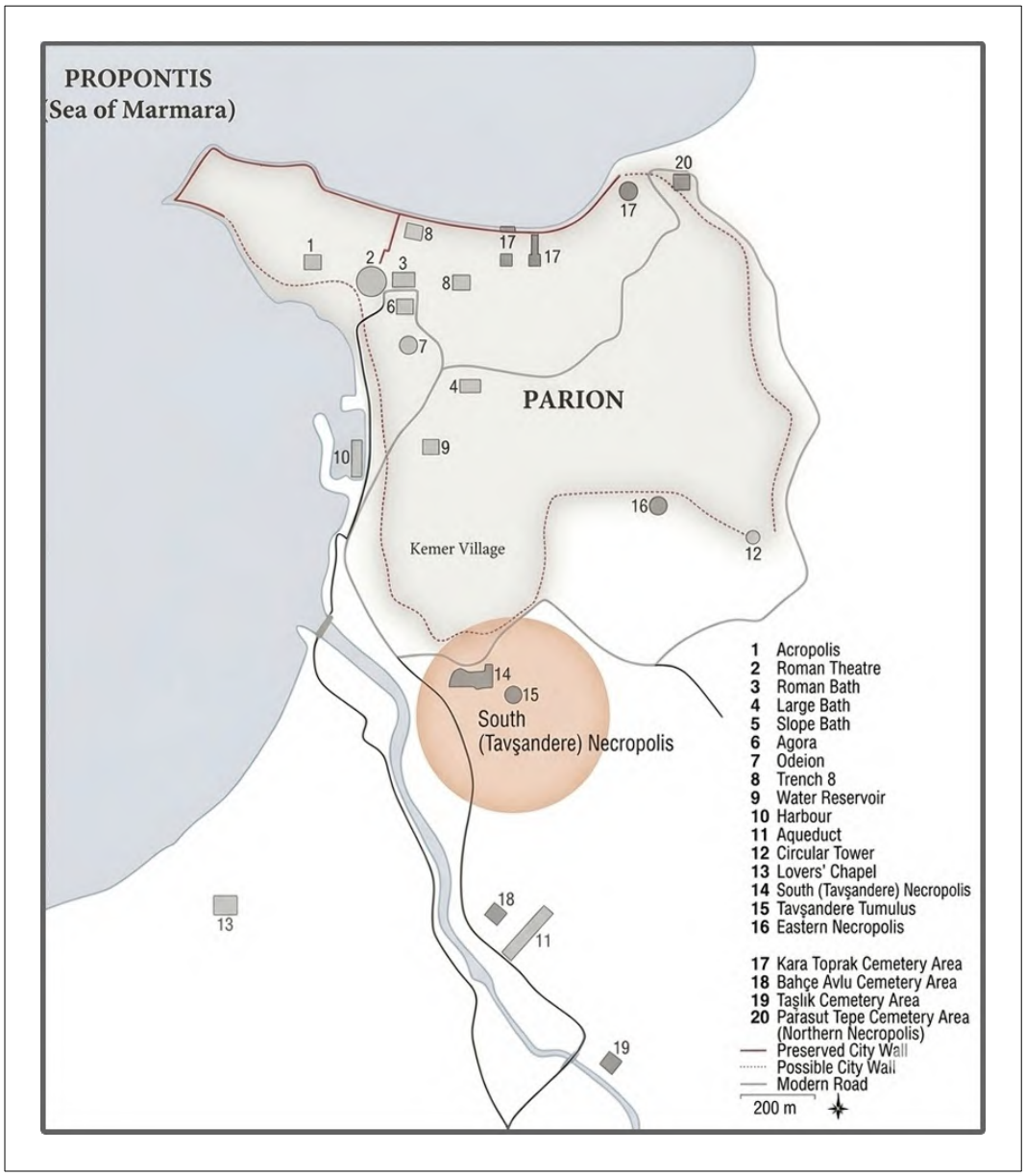


Fig. 2. Site plan of Parion showing the location of the South/Tavşandere Necropolis.

Grave and context codes follow the Parion excavation catalogue and are retained to preserve the link with the field records. The prefixes also indicate grave construction type: DSM, İSM, and İKM refer to tile graves; BTM to simple earth graves; ATM to wooden coffin or wooden bier graves;

TSM to stone-cist graves; THM to stone-built chamber graves; TOM to stone-built chamber tombs; AntM to monumental tombs; and UM to urn graves.

The chronological and contextual assessment of each grave is based on the excavation archive, catalogue records, grave typology, associated finds, and, where available, stratigraphic or superpositional relationships. The present article does not attempt a full stratigraphic reconstruction of the South/Tavşandere Necropolis. Stratigraphic information is used only where it affects context date, contextual security, or the interpretation of a deposit. The grave-code prefixes used in the catalogue identify construction type and archival context; they are not treated as spatial sectors or as equivalent analytical units for formal intra-site spatial analysis. No spatial clustering of monetary deposition is therefore inferred unless it is supported by secure contextual evidence independent of the code prefix.

Each context was coded according to a standardized set of variables: grave/context date, grave type, burial mode, burial grouping, age category, sex where recorded, monetary object type and count, depositional micro-location, and associated grave goods. This procedure follows contextual approaches to funerary numismatics in which coins are assessed not only as numismatic objects, but also through their archaeological association, placement, number, material, condition, and relation to the burial assemblage. Brown's work is important in this respect because it treats coin use in burials through variables such as burial type, sex and age of the deceased, burial date, number of coins, date of issue, position in the grave, metal, denomination, obverse and reverse type, wear, piercing, and associated grave goods (Brown 2008: 122; 2013: 11—13). Doyen's methodological framework is likewise relevant because it foregrounds the topology of monetary offerings, the packaging and mise en scène of coins, burned or unburned condition, protected coins, purses, stacking, denomination, type selection, and manipulation (Doyen 2012: vii—xv).

The dataset distinguishes three analytical categories. Ordinary struck coins are standard struck coins recorded without additional modification or coin-like transformation. In the present dataset, this category consists of bronze coins; gold occurs only as coin-impression foils or as foil applied to modified bronze coins. Coin-like objects are monetary-looking objects that are not ordinary struck coins; at Parion these include the gold coin-impression foils and the dolphin-shaped cast object. This category includes two technically distinct subgroups: image-bearing gold coin-impression foils and a non-struck dolphin-shaped cast monetary-looking object. They are grouped together only because both fall outside the category of unmodified struck coin deposition: neither is an unmodified struck coin, and both introduce monetary form, monetary imagery, or an association with value into the funerary context. The category therefore does not imply technical homogeneity; the gold foils and the dolphin-shaped cast object are treated separately wherever their material form, production, and placement require different interpretation. The terminology used for the gold foils follows the reassessment of the Parion gold objects by Keleş and Çelikbaş, who questioned earlier identifications of these objects as "Kharon coins" or ordinary funerary coins and emphasised their technical and decorative character (Keleş 2014: 117—118; Çelikbaş 2020: 257). Modified monetary deposits are struck coins whose material appearance was altered before or during funerary use; in the present dataset this category is represented by foil-gilded struck bronze coins. These categories are analytical, not hierarchical, and prevent technically different objects from being collapsed into a single undifferentiated group of "coins in graves".

Numismatic attribution of ordinary struck coins was recorded where preservation permitted, including mint or issuing authority, obverse and reverse type, and broad issue date. Uncertain or low-condition coins are treated qualitatively rather than through a formal confidence scale. Denomination, weight, diameter, and wear could not be assessed consistently across the full dataset because preservation, corrosion, legibility, and the availability of archival measurements vary from object to object. These variables are therefore not used as independent analytical variables.

Grave/context date is treated as the primary chronological variable. Coin mint date is not used as a substitute for the archaeological date of the burial context. This distinction is necessary because a coin may have circulated, been curated, reused, or entered the grave residually before deposition;

Brown's treatment of the interval between coin date and burial date provides an important methodological precedent for keeping these variables separate (Brown 2013: 102—103).

Depositional placement is recorded only at the level supported by the excavation record. In-mouth, near-mouth, hand, chest, multiple body-related, vessel-associated, exterior, and indeterminate placements are therefore kept separate. No more precise anatomical position is inferred where it was not documented. This is particularly important for cremation deposits, disturbed contexts, multiple burials, and secondary burial units contained within another funerary context, where the relationship between the monetary object and a specific body may be archaeologically less visible. Van Andringa's emphasis on stratigraphic recording and on the position of the coin within the ritual sequence is especially relevant here, since the meaning of a coin deposit depends on when and how it entered the burial procedure, not simply on the object's presence in a grave (Van Andringa 2019: 509—511). Duchemin similarly stresses that the interpretation of funerary coin deposition requires attention to archaeological micro-context and performed gesture rather than reliance on a generalised mythological explanation (Duchemin 2019: 31, 35).

Age and sex are used only where the relationship between the monetary object and an individual can be assessed with sufficient confidence. For this reason, pooled demographic analysis is restricted to the single-burial subset. Multiple and collective contexts, as well as secondary burial units contained within another funerary context, remain part of the full dataset and are retained for contextual interpretation, but they are excluded from pooled individual-based demographic counts. Explicit individual associations recorded within such contexts are discussed only at context level. This distinction is essential for cases such as TOM 1 and THM 1, where individual-level associations are recorded, and for UM 1, which is a secondary urn context within TSM 1. Single-burial contexts contain one recorded individual; multiple or collective contexts contain more than one individual or a group-level burial association; secondary burial units contained within another funerary context are treated separately, as in UM 1 within TSM 1.

Interpretive confidence is calibrated according to object category, placement precision, burial mode, contextual security, and attribution level. In-mouth placements, and in some cases near-mouth placements, provide the clearest positional basis for a Charon-type reading, but such an interpretation is not assigned automatically. Charon's obol is therefore treated here as a graded interpretive possibility rather than as a default classification.

Results

Composition and Broad Chronological Distribution of the Dataset

The dataset analysed here consists of 75 documented funerary contexts from the South/Tavşandere Necropolis, each containing at least one ordinary struck coin, coin-like object, or modified monetary deposit. The counts presented in this section are context counts, not object counts, since several contexts contained more than one monetary or monetary-looking item. Table 1 distinguishes contexts with ordinary struck coins only, contexts with coin-like objects only, and contexts with ordinary struck coins and modified monetary deposits.

Table 1 shows a strongly uneven chronological distribution. Roman Imperial contexts form the largest part of the dataset, with 62 of 75 contexts, and are overwhelmingly represented by ordinary struck bronze coins. The earlier phases are numerically smaller, but they are analytically important because most coin-like objects belong to Late Classical—Early Hellenistic or Hellenistic contexts. The two contexts combining ordinary struck coins and modified monetary deposits belong to the Roman Imperial group.

Table 1. **Composition and broad chronological distribution of the monetary dataset from the South/Tavşandere Necropolis of Parion**[2]**.**

Period	Contexts with ordinary struck coins only	Contexts with coin-like objects only	Contexts with ordinary struck coins and modified monetary deposits	Total contexts	% of dataset
Late Classical—Early Hellenistic	1	5	0	6	8.0
Hellenistic	3	1	0	4	5.3
Late Hellenistic—Early Imperial	3	0	0	3	4.0
Roman Imperial	60	0	2	62	82.7
TOTAL	**67**	**6**	**2**	**75**	**100.0**

Among the identifiable ordinary struck coins in the excavation records underlying this study, Parion civic, colonial, and secondary/countermarked bronze issues form the most visible group. These include earlier civic types, Caesarian colonial issues, and Roman colonial or secondary issues, especially coins with ploughing or colonial foundation reverse types. A single non-Parion regional attribution, represented by an Adramytteion coin, is noted here only to show that the funerary corpus was not composed exclusively of Parion issues; it is insufficient for reconstructing a regional selection pattern. Many coins remain low-condition or insufficiently legible for secure attribution. Capricorn-countermarked Parion secondary issues occur within the corpus, including mouth-related deposits, but they are not confined to that placement category and should not be treated as a funerary selection marker. The available ordinary struck coin data do not point to a narrowly selected funerary coin type. Rather, they suggest the use of available bronze coins from local circulation, with limited evidence for a wider regional component; the clearest Charon-compatible cases are defined by placement and bodily association rather than primarily by mint or iconographic type.

This distribution should not be read as a linear development from coin-like forms to ordinary struck coin deposition. The chronological groups are uneven in size, and the objects differ technically and contextually. DSM 16 is grouped here within the Hellenistic category because its grave/context date falls within the 2nd — 1st century BCE and does not extend into the Imperial period; the Late Hellenistic—Early Imperial group is reserved for contexts that cross the BCE/CE transition. What can be stated securely is that the Parion dataset is not a uniform body of "coins in graves": ordinary struck coins dominate numerically, while coin-like objects and modified monetary deposits form distinct analytical subgroups.

Depositional Placement

Depositional placement is central to assessing how monetary and monetary-looking objects were incorporated into funerary contexts at Parion. The categories used here follow the recorded micro-location of the object where such information is available. No finer anatomical position is inferred where it was not documented. The distribution of placement categories is summarized in Table 2.

[2] Counts refer to funerary contexts, not individual objects. Contexts are assigned by grave/context date, not by coin issue date. Percentages are calculated within the 75-context monetary dataset. Object categories follow the definitions set out in the Materials and Methods section.

Table 2. **Recorded depositional placement categories in the monetary dataset from the South/Tavşandere Necropolis of Parion**[3]**.**

Placement category	Count	% of total dataset	Analytical grouping
In the mouth	48	64.0	Body-related placement
Near the mouth	1	1.3	Body-related placement
In the hand	2	2.7	Body-related placement
On the chest	1	1.3	Body-related placement
Inside a vessel	1	1.3	Container-associated placement
Outside the primary burial container	1	1.3	Grave-space / exterior placement
Multiple body-related placement	1	1.3	Body-related placement
Indeterminate micro-location	20	26.7	Funerary association without secure micro-location
TOTAL	**75**	**100.0%**	

A securely documented in-mouth placement is illustrated by İSM 30 (Fig. 3).

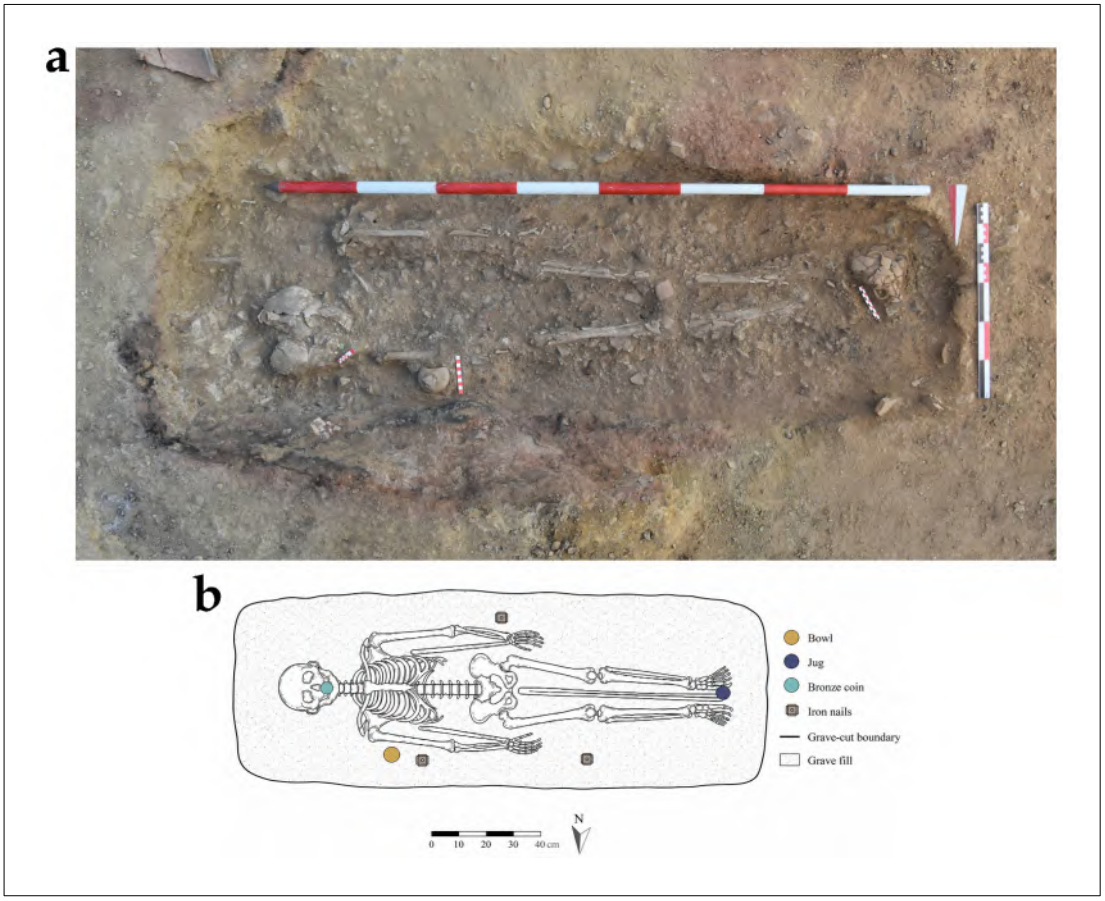


Fig. 3. Representative documentation of monetary object placement in the Parion South/Tavşandere Necropolis: *a* — in situ photograph of grave İSM 30; *b* — interpretive drawing showing the bronze coin deposited in the mouth and the associated grave goods.

[3] Counts refer to funerary contexts, not individual objects or individuals. Percentages are calculated within the 75-context monetary dataset. Placement categories follow the recorded micro-location of the monetary or monetary-looking object; no finer anatomical position is inferred where it was not documented. Contexts with several distinct body-related placements are coded as “multiple body-related placement”. “Indeterminate micro-location” denotes contexts with secure funerary association but without secure body-level placement.

Table 2 shows that in-mouth placement is by far the most frequent recorded category, with 48 contexts. This count refers to funerary contexts, not to the number of coins. It therefore includes contexts with more than one coin placed in the mouth, such as BTM 7 and BTM 21, as well as multiple burials in which an individual-level mouth association was recorded. DSM 62 is kept separate as the only near-mouth context, with four bronze coins recorded close to the mouth rather than inside it (Fig. 4: a—b). İSM 49 is treated separately as multiple body-related placement because its three bronze coins were placed in distinct micro-locations: one in the mouth, one on the chest/upper torso, and one near the feet.

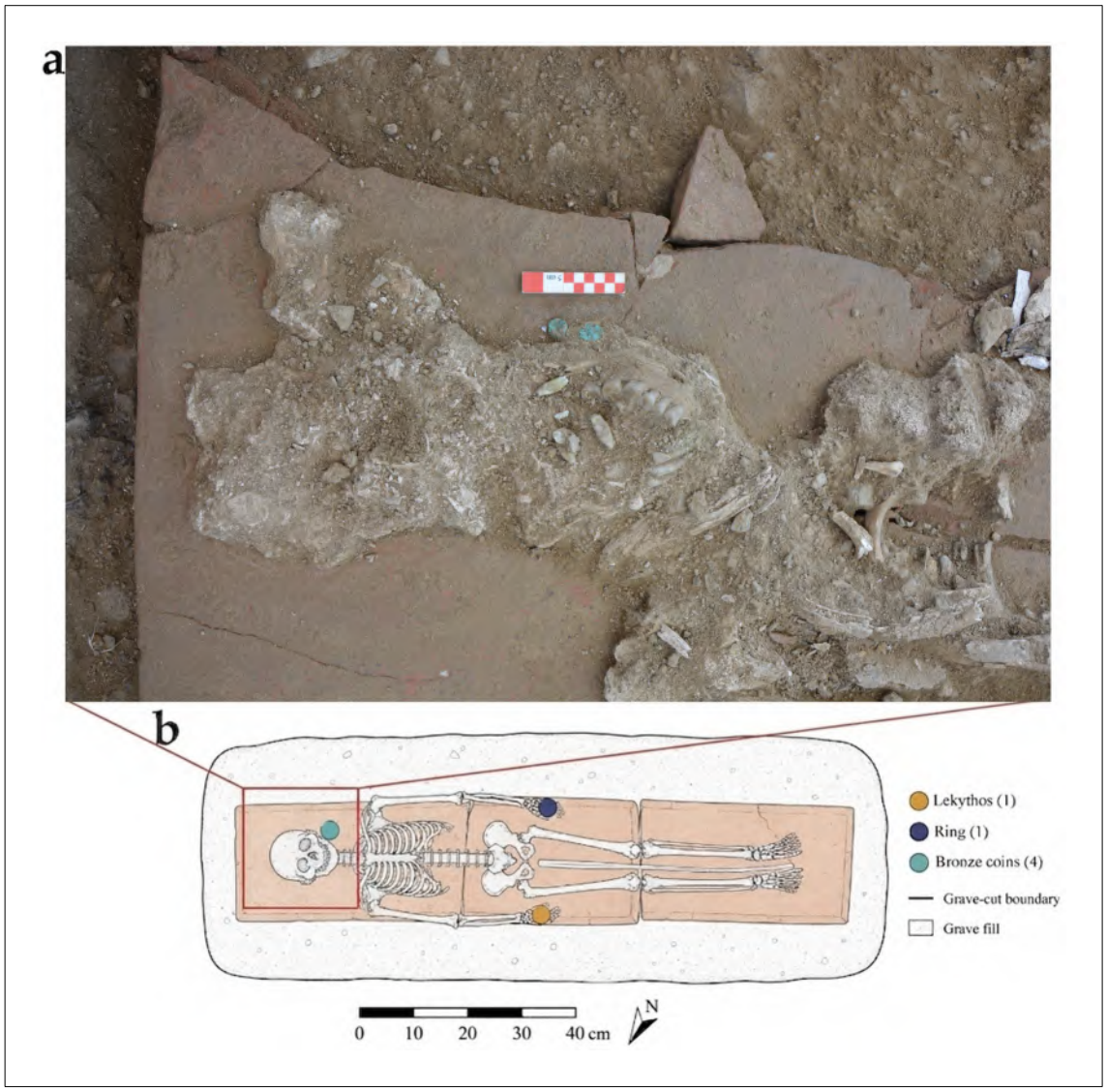


Fig. 4. Representative documentation of near-mouth monetary placement in the Parion South/Tavşandere Necropolis: *a* — in situ photograph of grave DSM 62; *b* — interpretive drawing showing the four bronze coins deposited near the mouth and the associated grave goods.

The remaining placement categories show that monetary deposition was not exclusively mouth-centred. The dataset includes hand, chest, vessel-associated, exterior, multiple body-related, and indeterminate placements. Indeterminate micro-location forms a substantial group, with 20 contexts. These cases remain part of the funerary monetary dataset, but they cannot support body-level interpretation. Their separation prevents uncertain evidence from being folded into a mouth-centred interpretation beyond what the record allows. The indeterminate category does not indicate that the monetary object lacks funerary association. Rather, it marks cases in which the

available record does not preserve a secure body-level micro-location. This may result from cremation practice, disturbance, multiple or collective burial conditions, post-depositional movement, or the limits of archival documentation. For this reason, indeterminate contexts are retained in the dataset but excluded from arguments that require precise bodily placement.

Table 3. **Depositional placement by broad chronological period in the monetary dataset from the South/Tavşandere Necropolis of Parion**[4]**.**

Period	In the mouth	Near the mouth	In the hand	On the chest	Multiple body-related placement	Inside a vessel	Outside the primary burial container	Indeterminate micro-location	Total
Late Classical—Early Hellenistic	3	1	0	0	0	1	1	0	6
Hellenistic	3	0	1	0	0	0	0	0	4
Late Hellenistic—Early Imperial	2	0	0	0	0	0	0	1	3
Roman Imperial	40	0	1	1	1	0	0	19	62
TOTAL	**48**	**1**	**2**	**1**	**1**	**1**	**1**	**20**	**75**

Table 3 shows that in-mouth placement occurs across the broad chronological phases, but the uneven size of the period groups limits chronological interpretation. The Roman Imperial group contains most of the in-mouth placements, but also most of the indeterminate micro-locations. The earlier groups are smaller, yet they preserve a wider range of less frequent placement categories, including near-mouth, vessel-associated, exterior, and hand placements. This pattern is best read as depositional diversity rather than as a secure chronological sequence of ritual change.

Table 4. **Depositional placement by burial mode in the monetary dataset from the South/Tavşandere Necropolis of Parion**[5]**.**

Burial mode	In the mouth	Near the mouth	In the hand	On the chest	Multiple body-related placement	Inside a vessel	Outside the primary burial container	Indeterminate micro-location	Total
Inhumation	48	1	2	1	1	0	1	12	66
Primary cremation	0	0	0	0	0	0	0	8	8
Secondary cremation	0	0	0	0	0	1	0	0	1
TOTAL	**48**	**1**	**2**	**1**	**1**	**1**	**1**	**20**	**75**

Table 4 separates the placement data by burial mode. Secure body-related placements are confined to inhumation contexts, whereas all primary cremation contexts fall into the indeterminate micro-location category. The single secondary cremation context is vessel-associated. This pattern should not be interpreted simply as a difference in ritual choice; it also reflects the different archaeological visibility of bodily placement in cremation and inhumation contexts.

[4] Counts refer to funerary contexts, not individual objects. Periods are based on grave/context dates, not coin issue dates.

[5] Counts refer to funerary contexts, not individual objects or individuals. Burial mode follows the recorded funerary context; indeterminate micro-location denotes secure funerary association without secure body-level placement.

Coin-like Objects and Modified Monetary Deposits

A smaller but analytically important part of the dataset consists of objects that cannot be treated simply as ordinary struck coins. These include the dolphin-shaped cast object, gold coin-impression foils, and foil-gilded struck bronze coins. They are discussed together here not because they form a single object type, but because each requires an interpretive procedure different from that applied to ordinary struck coins. The grouping is therefore methodological rather than typological: these objects are analysed together only insofar as they fall outside the category of ordinary struck coin deposition. Their distribution is summarized in Table 5; representative examples are illustrated in Fig. 5.

Table 5. **Coin-like objects and modified monetary deposits in the monetary dataset from the South/Tavşandere Necropolis of Parion**[6]**.**

Context code / setting	Grave/context date	Object category and description	Placement
DSM 61	Late 4th century BCE —mid-3rd century BCE	Coin-like object: dolphin-shaped cast object	Outside the primary burial container
TSM 1	Late 4th century BCE — early 3rd century BCE	Coin-like object: gold coin-impression foil, Apollo-type	In the mouth
UM 1 (secondary urn within TSM 1)	Late 4th century BCE — early 3rd century BCE	Coin-like object: gold coin-impression foil, Gorgoneion-type	Inside a vessel
TSM 2	Late 4th century BCE — early 3rd century BCE	Coin-like object: gold coin-impression foil, Helios-type	In the mouth
TSM 3	Late 4th century BCE — early 3rd century BCE	Coin-like object: gold coin-impression foil, Persephone-type	In the mouth
DSM 16	2nd century BCE — 1st century BCE	Coin-like object: gold coin-impression foil, laureate male head, probably Apollo-type; prototype not securely identified	In the mouth
AntM 2, multiple burial	1st — 2nd century CE	Modified monetary deposit: foil-gilded struck bronze coin, type not securely legible, broadly dated to the 1st — 2nd centuries CE; ordinary struck bronze coins also present	Indeterminate micro-location
TOM 1, multiple burial	Second half of the 1st century CE — early 3rd century CE	Modified monetary deposit: foil-gilded struck bronze coin, Caracalla colonial type; ordinary struck bronze coins also present	In the mouth, individual 2, as recorded

Table 5 shows that the coin-like objects listed here belong to earlier contexts, whereas the modified monetary deposits are recorded in Roman Imperial contexts. Among the earliest examples is the dolphin-shaped cast object from DSM 61 (Fig. 5: a), dated by grave context to the late fourth —mid-third century BCE. This object is not a struck coin and should not be conflated with the gold foils. Its inclusion in the dataset rests on its non-standard, monetary-looking, or value-bearing character within a funerary context.

The gold coin-impression foils are treated as coin-like objects. This term is used descriptively and analytically, not as a claim that they functioned as ordinary currency. The examples include Apollo-, Gorgoneion-, Helios-, and Persephone-type images (Fig. 5: b—e). The later DSM 16 foil, shown on both sides, bears a laureate male head, probably of Apollo type, although no secure

[6] The table lists only contexts containing coin-like objects or modified monetary deposits. Grave/context dates are based on archaeological context, not coin issue date. "Modified monetary deposit" refers here to foil-gilded struck bronze coins. In contexts involving more than one individual, or in secondary burial units contained within another funerary context, placement is recorded only at the level supported by the excavation record.

prototype can yet be identified (Fig. 5: f). Their iconography is relevant, but it is not treated here as evidence for a single unified ritual programme. On the present evidence, the foils are best understood as selective uses of coin-like imagery on thin precious-metal objects rather than as direct reproductions of a single identifiable coin type.

Fig. 5. Coin-like objects and modified monetary deposits from the South/Tavşandere Necropolis of Parion: *a* — dolphin-shaped cast object from DSM 61; *b* — Apollo-type gold coin-impression foil from TSM 1; *c* — Gorgoneion-type gold coin-impression foil from UM 1; *d* —Helios-type gold coin-impression foil from TSM 2; *e* — Persephone-type gold coin-impression foil from TSM 3; *f* — gold coin-impression foil from DSM 16, shown on both sides; *g*—*h* — foil-gilded struck bronze coins shown in obverse and reverse views.

The foil-gilded struck bronze coins (Fig. 5: g—h) form a separate category: modified monetary deposits. Unlike the gold foils and the dolphin-shaped cast object, these are actual struck coins whose material appearance was transformed through the application of gold foil. In AntM 2 and TOM 1, the foil-gilded coins occur together with ordinary struck bronze coins, showing that modified and unmodified monetary objects could be incorporated within the same funerary context. These cases should therefore not be reduced to a simple coin count.

Demographic Visibility and Association Limits

The relationship between monetary deposition and demographic variables can be assessed only within single-burial contexts where the association between object and individual is secure. Multiple and collective contexts, as well as secondary burial units contained within another funerary context, are excluded from pooled demographic counts because the association between a monetary object and a specific individual cannot always be established securely. Table 6 therefore represents a restricted analytical subset of the dataset rather than the full corpus of monetary contexts. The table includes 70 single-burial contexts; THM 1, TOM 1, AntM 2, BTM 11, and UM 1 are excluded from this pooled count because they either contain more than one individual or represent a secondary burial unit within another funerary context.

Table 6. **Age category and grouped depositional placement in the single-burial subset of monetary funerary contexts from the South/Tavşandere Necropolis of Parion**[7]**.**

Age category	Mouth-related placement (in-mouth and near-mouth)	Other body-related placement	Multiple body-related placement	Container/ exterior placement	Indeterminate micro-location	Total
Infant	4	0	0	0	0	4
Child	9	0	0	0	1	10
Adolescent	1	0	0	0	0	1
Young adult	5	0	0	0	2	7
Middle adult	6	1	1	0	0	8
Older adult	7	0	0	1	1	9
Adult	12	2	0	0	8	22
Unknown	3	0	0	0	6	9
TOTAL	**47**	**3**	**1**	**1**	**18**	**70**

Within the single-burial subset, mouth-related placement is the most frequent grouped category and occurs across several age categories, including infants, children, adolescents, adults, and individuals whose age could not be determined more precisely. This distribution indicates that mouth-related monetary deposition was not restricted to adults. At the same time, the table does not support a distinct age-specific rule. The smaller numbers in the other categories, namely hand or chest placement, multiple body-related placement, container/exterior placement, and indeterminate micro-location, should therefore be read as limits on demographic interpretation rather than as evidence for age-based depositional patterns.

[7] Counts refer to funerary contexts, not individual objects. The table includes only contexts treated as single-burial contexts for pooled demographic analysis. THM 1, TOM 1, AntM 2, and BTM 11 are excluded because they contain more than one individual or represent collective burial contexts; UM 1 is excluded because it is a secondary urn context within TSM 1. "Mouth-related placement" combines in-mouth and near-mouth placements. "Adult" refers to adults whose age could not be assigned more precisely to young, middle, or older adult categories. THM 1 and TOM 1 preserve recorded individual-level mouth associations and may be discussed at context level, but they are not included in the pooled single-burial subset.

The demographic evidence has a primarily constraining function. It shows that monetary deposition crossed age categories within the single-burial subset, but age cannot be isolated as the decisive variable behind depositional placement. Age, burial form, object category, and micro-location must instead be assessed together within each funerary context.

Mouth-related placement in infant and child graves is analytically important, but it should not be converted into an age-specific rule. The single-burial subset shows that mouth-related monetary deposition was used for non-adults as well as adults, yet the archaeological record does not preserve the precise meaning attached to the gesture in any individual case. For this reason, infant and child examples are best treated as evidence that the practice crossed age categories, not as proof that the Charon myth was applied to children in a uniform or literal way. They also do not show whether mourners understood infant and child deaths through the same eschatological framework as adult deaths; they only show that the same depositional gesture could be applied across age categories. This is consistent with the broader caution in funerary numismatics that coin deposits should be read case by case rather than reduced to a single mythological explanation (Stevens 1991: 215—216, 226—227; Brown 2008: 122).

Associated grave goods provide an additional contextual variable, but the present dataset does not support a consistent correlation between coin deposition and any single class of grave good. The inventories in Appendix A show that monetary and monetary-looking objects occur in graves with very different assemblage compositions, ranging from relatively sparse deposits to contexts with vessels, lamps, figurines, jewellery, mirrors, tools, shells, or chest fittings. More elaborate or materially distinctive assemblages are important for interpreting particular cases, especially the gold coin-impression foils and the foil-gilded bronze coins, but the range or quantity of associated grave goods alone does not explain monetary deposition. Following Brown's emphasis on associated grave goods as one variable among several, these inventories are used here to assess contextual association, not to establish a deterministic link between coins and specific object types (Brown 2008: 122; 2013: 11—13). The available evidence therefore suggests that grave inventory, like age, is a constraining contextual factor rather than an independent predictor of coin placement or object category.

Discussion

Charon's obol and the limits of a single explanatory model

The Parion evidence requires a distinction between the cultural recognisability of Charon's obol and its archaeological applicability. The literary model is familiar: a low-value coin is placed in the mouth of the deceased as payment for Charon's fare. Yet cemetery evidence rarely conforms to this model in a uniform way. Stevens has shown that funerary coin deposits include different numbers, metals, placements, and depositional arrangements, and that they should be interpreted case by case rather than treated as direct reflections of a single classical rite (Stevens 1991: 215—216, 226—227). This caution is directly relevant to Parion. The Charon interpretation remains possible, but only where the archaeological context supports it.

The question, therefore, is not whether the Charon tradition was known, but whether a particular burial context provides enough archaeological evidence to support such a reading. As established in the methodology above, this depends on object category, placement precision, burial mode, contextual security, and the level at which the deposit can be associated with an individual. Duchemin's distinction between literary allusion and archaeological practice is useful here: the written tradition and the material record operate at different levels and cannot simply be collapsed into one another (Duchemin 2019: 30—31). His emphasis on archaeological gesture and micro-context also reinforces the need to reconstruct how and when the object entered the funerary sequence (Duchemin 2019: 35, 42).

At Parion, the clearest evidence for a Charon-type reading is provided by secure in-mouth placements of ordinary struck coins. Table 2 shows that the in-mouth placement category is the

largest group in the dataset, and İSM 30 (Fig. 3) illustrates the kind of recorded body association on which such an interpretation can securely rest. In these contexts, object type and placement converge: the object is an ordinary coin, the location is the mouth, and the relation to the body is explicit. These contexts should therefore be taken seriously as evidence for a practice that could have been understood in relation to Charon's fare.

Even so, mouth placement is not identical with ritual intention. Rahmani's narrow definition of Charon's obol is useful because it restricts the identification to tightly defined placements, while warning against generalising from a small number of cases to a community-wide custom (Rahmani 1993: 149—150). Parion confirms the need for such caution. BTM 7 and BTM 21 show that more than one coin could be placed in the mouth, while DSM 62 (Fig. 4a—b) preserves four bronze coins near the mouth rather than in it. These contexts remain highly relevant to mouth-related monetary deposition, but they already complicate the simple image of a single fare paid by a single coin.

İSM 49 makes this complexity especially clear. This context cannot be treated as a simple mouth-placement grave. Its three bronze coins were recorded in distinct body-related micro-locations: one in the mouth, one on the chest or upper torso, and one near the feet. A Charon-type element may be present, but the whole arrangement points to a more complex use of monetary objects in relation to the body. The safest interpretation is therefore not "three Charon's obols", but a differentiated body-related deposition in which the mouth coin forms only one part of the assemblage.

Burial mode and burial grouping further limit interpretation. In the Parion dataset, secure body-related placements belong to inhumation contexts, whereas primary cremation contexts fall into the indeterminate micro-location category. This pattern should not be turned into a simple ritual contrast between inhumation and cremation; it also reflects the weaker archaeological visibility of body-related placement after burning, collection, transfer, and deposition. Van Andringa's emphasis on depositional sequence and stratigraphic recording is important here, because the meaning of a coin depends on when, where, and how it entered the funerary process (Van Andringa 2019: 509—511).

İSM 50 illustrates this limitation particularly clearly. It is a primary cremation context containing eleven bronze coins, the highest coin count in the dataset, but its micro-location is indeterminate. The numerical weight of the deposit is therefore significant, but it does not provide secure Charon-type evidence. In a primary cremation context, burning and subsequent disturbance can obscure the original relationship between coins and the body. İSM 50 is better understood as a multi-coin cremation deposit that demonstrates the importance of monetary objects within the funerary assemblage without providing secure evidence for mouth placement or individual bodily association.

Contexts involving more than one individual, or a secondary burial unit within another funerary context, require the same restraint. TOM 1 and THM 1 preserve recorded individual-level mouth associations and may be discussed at context level, but they should not be used for pooled demographic generalisation. UM 1, as a secondary urn context within TSM 1, also has lower evidential value for individual-level placement. AntM 2 is still less suitable for a Charon-type reading: it is a multiple burial, its micro-location is indeterminate, and its foil-gilded struck bronze coin belongs to the category of modified monetary deposits rather than ordinary unmodified coin deposition.

A useful comparison is provided by the coins from Chamber Tomb 5 in the Eastern Necropolis of Parion, which have been published collectively under the heading of "Charon coins" (Kızılyalçın Oyarçin, Meral 2023: 777—778). The same publication, however, describes Chamber Tomb 5 as a complex multiple-burial context containing 33 individuals, with disturbed deposits, repeated use, and secondary displacement of earlier bones to make room for later burials (Kızılyalçın Oyarçin, Meral 2023: 775—777; Sulan 2018: 52—54, 69). An earlier report records an Elagabalus coin on the jaw of an individual in OM5 and illustrates a coin described as lying in an adult's mouth (Kaba et al. 2019: 494, 504, fig. 9). This documented mouth association provides a strong basis for interpreting the individual deposit as Charon's obol, although it does not justify extending the same interpretation to all coins recovered from the tomb. In such a context, the ritual function of each coin cannot be inferred from its presence within the tomb alone. As presented, the assemblage is important for understanding the broader use of bronze coins

in Parion funerary contexts, but the classification of the whole group as “Charon coins” depends on an interpretive step that is not secure unless individual depositional micro-contexts, especially mouth-, jaw-, or body-related placements, are documented for each coin (Kızılyalçın Oyarçin, Meral 2023: 775—777). For this reason, the Eastern Necropolis material is not adopted here as an interpretive model for the South/Tavşandere Necropolis. It is used instead as a comparative dataset that reinforces the need to distinguish coin presence, coin placement, burial history, and contextual security.

The numismatic profile of the ordinary struck coins reinforces this point: identifiable coins do not form a single mint or type group restricted to mouth placement, so the Charon-compatible cases rest more securely on placement and bodily association than on numismatic type selection. Because denomination, weight, diameter, and wear could not be assessed consistently across the full corpus, the most secure Charon-compatible readings at Parion cannot rest on a precise low-denomination profile. They depend more securely on the convergence of ordinary bronze coin, mouth placement, and bodily association. The dominance of bronze coins is nevertheless important. It may reflect local small-change circulation, a preference for low-value media in funerary practice, or both; the limited regional evidence does not allow a more precise reconstruction. No ordinary gold or silver coin deposit is documented in the dataset. For this reason, bronze should be treated as the monetary medium through which the best-documented Charon-compatible deposits were made, not as proof of a deliberately standardised low-value selection.

The Parion evidence therefore supports a differentiated reading of funerary monetary deposition. Secure in-mouth ordinary struck coins provide the clearest basis for a Charon-type reading. Near-mouth deposits, multiple mouth coins, and individually recorded mouth associations remain relevant, but require more caution. Multiple body-related placements, hand or chest placements, cremation contexts, exterior finds, container-associated deposits, and indeterminate micro-locations have lower evidential value for Charon’s obol and must be read within their own funerary contexts. This conclusion prepares the ground for the next section: if ordinary struck coins already require contextual differentiation, coin-like objects and modified monetary deposits require an even more careful assessment of object form, material alteration, and placement.

Coin-like objects, modified monetary deposits, and the transformation of monetary form

The coin-like and modified monetary deposits from Parion are few in number, but they are central to the interpretation of the dataset. They show that funerary monetary practice did not always involve the deposition of ordinary struck coins. It could also involve coin imagery, non-struck monetary-looking forms, or the visual alteration of actual coins. The distinction is not merely typological: it determines whether a Charon-type reading can be proposed, and at what level of confidence.

The gold coin-impression foils form the clearest case of monetary imagery detached from ordinary monetary circulation. They are thin gold objects bearing figural images associated with coin-like visual conventions, but they were not struck coins and should not be counted as ordinary currency. This point is especially important for Parion because earlier interpretations connected some of these finds with the Kharon tradition. Keleş re-evaluated the four gold objects from three stone-cist graves in the southern necropolis by considering technique, function, and iconography rather than accepting the earlier funerary-coin interpretation at face value (Keleş 2014: 117—118). Çelikbaş later made the terminological problem more explicit: labels such as “impression coin” or “Kharon coin” are misleading for these appliqué-like objects, since the earlier interpretation was influenced by their reported findspots and by the coin-like character of some images, especially the Gorgoneion (Çelikbaş 2020: 257). This terminological caution is accepted here. However, the reported mouth findspots cannot be dismissed simply because some graves suffered poor skeletal preservation or possible water infiltration. Such factors may be noted as taphonomic cautions, but they do not by themselves provide positive evidence that the recorded mouth positions are secondary. The repeated documentation of mouth placement must therefore remain part of the

archaeological record, even though placement alone cannot determine function. For this reason, the descriptive term gold coin-impression foil is retained here. It identifies material and visual dependence on coin imagery without presuming monetary circulation or a single ritual meaning.

The iconographic variety of the Parion foils is important for this interpretation. Apollo-, Gorgoneion-, Helios-, and Persephone-type images show that the objects did not reproduce a single repeated motif. DSM 16 appears to show a laureate male head, probably of Apollo type, but the prototype cannot be securely identified on the present evidence. The available material therefore does not support the reconstruction of a unified iconographic programme or a single coin model for the group. What can be argued more securely is that coin-like visual forms were transferred into a thin precious-metal funerary medium.

The images themselves may have carried different associative values. A Gorgoneion could evoke apotropaic protection; Persephone-type imagery may suggest a funerary or chthonic horizon; Helios-type imagery may have broader associations with visibility, transition, or divine presence; and Apollo-type imagery could belong to a wider civic and numismatic visual repertoire. These possibilities, however, cannot be converted into a secure interpretive programme for Parion. The foils are few in number, their prototypes are not always securely identifiable, and their contexts do not show a repeated correlation between image type, grave type, age, sex, placement, or assemblage composition. The iconography is therefore treated here as part of the objects' coin-like visual form, not as independent proof of a specific cultic, eschatological, or theological selection.

The closest technical comparanda are the gold danakes from Tenea. Korka and Lagos report four gold danakes from the Hellenistic cemetery at Tenea, made to replicate types of early Hellenistic bronze coins of Sikyon and to produce the appearance of real coins (Korka, Lagos 2019: 358). They further explain that a danake could be made from a thin sheet of gold into which a coin was pressed, and that in two Tenea examples two impressions were joined to create the appearance of an almost complete coin (Korka, Lagos 2019: 358—359). This comparison supports the technical plausibility of producing funerary gold foils through coin imagery, but it does not require the Parion examples to be labelled as danakes. Tenea provides a technical and contextual parallel, not a terminology to be transferred without qualification.

Peloponnesian material clarifies the interpretive range of such objects. Nikolakopoulou describes gold "pseudo-coins" as a special Hellenistic funerary category, also called ghost-coins, ghost money, or danakes, and notes that these objects were often imprints of ancient coins in circulation (Nikolakopoulou 2019: 343—344). She also links them, where findspots are known, with Charon's obol, status display, or possible mystic identity (Nikolakopoulou 2019: 344). These possibilities are useful as a comparative frame, but they cannot be transferred directly to Parion. The Parion foils occur in different contexts and do not form a single homogeneous depositional group.

The Macedonian and Aegean Thracian evidence widens the discussion beyond pseudo-coins. Chryssanthaki-Nagle emphasises that Charon's obol was not a generalised custom in all the necropoleis under study and that other metallic objects could also serve as guarantors of a successful passage to the world of the dead (Chryssanthaki-Nagle 2019: 387—389). Her discussion of epistomia and Orphic-Dionysiac lamellae is relevant because such thin metal objects could be placed on the mouth, chest, hand, or body and could mediate passage without being ordinary coins (Chryssanthaki-Nagle 2019: 393—395). Parion's gold foils should not be identified as epistomia or lamellae, but they belong to the same analytical problem: funerary metalwork could use precious material, bodily placement, and image-bearing surfaces to produce meanings adjacent to, but not identical with, monetary payment.

The dolphin-shaped cast object from DSM 61 requires a different level of caution. Olbian dolphin-shaped cast coins show that dolphin-shaped monetary forms existed in the ancient monetary repertoire of the northern Black Sea, where such objects functioned as small exchange media and circulated beyond Olbia and its chora (Orlyk, Kolesnichenko 2022: 140—142). Excavations at Olbia also document substantial numbers of cast dolphin-shaped coins, including 77 examples from the T-4 sector, while stressing their specific Olbian chronological and economic context (Kozlenko et al. 2021:

306—307). These parallels show that dolphin-shaped monetary objects were historically real, but they do not prove that the Parion object was an Olbian coin or that it carried a Charonic meaning. The comparison is therefore morphological and monetary-historical rather than evidence for direct object transfer. Its funerary significance must remain local and contextual: it is a non-struck, monetary-looking or value-bearing object recorded outside the primary burial container, not an ordinary coin and not a secure Charon's obol. Nor does the dolphin shape alone justify a wider marine, votive, or cultic interpretation, since no associated evidence from the context identifies the object as a local emblem, offering, or cult object. Given Parion's maritime position, a broader resonance with coastal or marine imagery cannot be excluded, but the present context does not justify linking the object specifically to Milesian colonisation, Apollonia Pontica, or direct Pontic transfer.

The foil-gilded struck bronze coins require a separate analytical category. They are not coin-like objects in the same sense as the gold foils or the dolphin-shaped cast object, because they began as actual struck coins. Their analytical importance lies in their transformation. In AntM 2 and TOM 1, bronze coins were given a gold surface through foil-gilding, altering their visual and material identity within the funerary assemblage. For the AntM 2 specimen, identified in the analytical record as CZZ-81, this interpretation is supported by ongoing archaeometric study. Stereo-microscopic observation and non-destructive p-XRF and μ-XRF analyses indicate a lead-rich Cu—Sn—Pb alloy and discontinuous gold residues. Together, these observations are consistent with leaf/foil gilding; mercury was not detected in the analyses reported to date (Keleş, Yılmaz 2025). These data confirm the transformation of surface appearance in the AntM 2 example, although the full operational sequence of preparation, application, and preservation cannot yet be reconstructed in detail. This transformation did not erase their monetary origin, but it changed the way they appeared within the burial context: a base-metal coin was made to approximate the visual register of precious metal. The result is a modified monetary object whose gold surface may have affected its appearance and perceived value in the funerary assemblage. For this reason, they are treated here as modified monetary deposits. Doyen's attention to packaging, mise en scène, and manipulation provides the methodological frame for treating such objects as transformed ritual artefacts rather than simply as additional coins (Doyen 2012: viii—x, xiv—xv). Brown's emphasis on modification, position, and associated grave goods also supports this separation, because altered coins may have had a biography different from that of ordinary circulating coins deposited without modification (Brown 2013: 11—13).

These distinctions have direct interpretive consequences. A gold coin-impression foil placed in the mouth may stand closer to a Charon-type reading than the dolphin-shaped cast object from outside the burial container, but neither should be treated as an ordinary struck coin. A foil-gilded bronze coin in a recorded mouth position, as in TOM 1, may preserve a clearer possible link to the Charon model than AntM 2, where the modified coin is low-condition, broadly dated, and comes from a multiple burial with indeterminate micro-location. Object category and placement must therefore be read together. At Parion, the transformation of monetary form is not a secondary detail; it is one of the main reasons why funerary monetary deposition cannot be reduced to the presence or absence of coins.

Parion in regional perspective

The Parion evidence is best understood through controlled regional comparison rather than through direct typological equivalence. The comparanda discussed here define the range of funerary monetary practices attested in neighbouring and wider Mediterranean settings, but they do not provide fixed models into which the Parion material should be fitted.

The closest available regional comparison is Antandros. Recent reassessment of the Antandros Necropolis provides the broader archaeological frame for this comparison: excavations between 2001 and 2018 revealed 519 graves, with a long sequence extending from the late Geometric period through the Hellenistic period and with both inhumation and cremation practices represented across changing grave types (Yağız 2025: 83—85). The necropolis also provides several coin-related cases that are relevant for Parion. In the Classical period, a coin was recorded north of the skull in grave no.

194 and interpreted as Charon's fee; other Classical and Hellenistic examples include coins possibly placed in the mouth, coins associated with primary cremations, and Hellenistic simple earth graves where coins occur in the hand or mouth (Yağız 2025: 92, 95—97). Yıldırım's focused study of coin-bearing graves remains important because it examines when the practice of placing coins in graves began, how long it continued, how widespread it was, and how coin-bearing graves related to burial type and associated grave goods (Yıldırım 2009: 1—2). Her synthesis indicates that coin-bearing graves crossed demographic categories and represented approximately 13% of the necropolis (Yıldırım 2009: 93—98). Antandros is therefore not an identical model for Parion, but it is the closest Troad-level comparator showing that coin deposition could occur across age, sex, grave type, and burial mode without becoming a universal practice.

Western Anatolian examples are useful mainly as cautions about context quality. At Dağkızılca on Mount Nif, Lenger records coins from the necropolis area, but many came from plundered graves, surface contexts, or sondages, while securely excavated graves did not produce coin finds; this situation underlines the risk of treating cemetery-area coins as funerary deposits without secure association (Lenger 2016: 561—562). Hierapolis provides a related warning: Travaglini and Camilleri show that coins from tomb environments may be affected by long-term use, reopening, collective burial, dumping, and post-depositional mixing, which limits their interpretation as evidence for the original burial rite (Travaglini, Camilleri 2019: 468—472). These comparisons support the methodological separation maintained at Parion between secure body-related placements, container or exterior finds, and indeterminate micro-locations.

The northern Aegean and Thracian evidence provides closer interpretive parallels. At Abdera, Kallintzi and Chatziprokopiou distinguish burial coins from Charon's obols by considering quantity, value, location, chronology, and the relationship between coin date and burial date (Kallintzi, Chatziprokopiou 2019: 423—427). Their material is especially relevant because it includes mouth/head-area deposition, uncertain placements, chest placement, hand-held hoards, pseudo-coins, ghost coins, and danakai (Kallintzi, Chatziprokopiou 2019: 427—431, 438—440). Abdera therefore supports the same interpretive distinction required at Parion: mouth-related placement may strengthen a Charon-type reading, but the wider funerary monetary assemblage cannot be reduced to that model.

Amphipolis is important for the strength of mouth placement in the northern Aegean. Kosmidou's study of coins from the eastern cemetery records a marked preference for the mouth as a deposit location (Kosmidou 2006: 415). Kosmidou and Malamidou later situate this evidence within a 155-grave sample and stress variation by burial type, age, sex, socio-economic strata, and assemblage context (Kosmidou, Malamidou 2019: 399—401, 405). For Parion, Amphipolis confirms that mouth placement can be a clear depositional signal, but not that all funerary coins should be interpreted through a single mythological explanation.

The Macedonian and Aegean Thracian material is also important because it widens the discussion beyond ordinary struck coins. Chryssanthaki-Nagle notes that funerary coins may be placed in the mouth, hand, chest, or sometimes on the eyes, and connects obol/danake terminology with payment for Charon's fare (Chryssanthaki-Nagle 2019: 389). At the same time, she emphasises that Charon's obol was not a generalised custom in all the necropoleis under study and that other metallic objects could act as guarantors of passage to the world of the dead (Chryssanthaki-Nagle 2019: 387—389). This is directly relevant to Parion's coin-like objects, but only as an analytical comparison: the Parion gold coin-impression foils should not be re-labelled as Macedonian-style danakes, epistomia, or lamellae.

The Peloponnesian and Tenea material has already been used above for the technical question of gold foils and pseudo-coin objects. In regional perspective, its value is narrower but still important: it shows that thin gold pseudo-coins formed part of a wider Hellenistic funerary repertoire, while also confirming that local terminology and ritual meaning cannot be transferred directly to Parion (Nikolakopoulou 2019: 343—344; Korka, Lagos 2019: 358—359).

Finally, the West Pontic evidence from Apollonia and Messambria illustrates the variability of local practice among coastal cities. Yordanova's database includes 328 coins from 177 graves at Apollonia and 212 Classical and Hellenistic coins from 193 graves at Messambria; the proportion of graves with

coins differs sharply, approximately 7% at Apollonia and 48% at Messambria (Yordanova 2019: 449—450). Her analysis also distinguishes coin type, denomination, number, burial structure, position around the body, gender/age attribution, and burial rite (Yordanova 2019: 453—456). The value of this comparison is methodological rather than typological: the frequency of coin-bearing graves does not itself define the meaning of the practice. The contrast is not used here to explain why the two West Pontic cemeteries differed so sharply; that question belongs to their own local histories. Its value for Parion is methodological: frequency alone cannot be treated as a proxy for ritual meaning, since placement, burial form, object category, and recording quality remain decisive.

These comparisons confirm that Parion belongs within a wider funerary numismatic field, but they also clarify its distinctiveness. Its dataset combines a marked in-mouth pattern, earlier gold coin-impression foils, a dolphin-shaped cast object, Roman Imperial dominance of struck bronze coins, foil-gilded struck bronze coins as modified monetary deposits, and a substantial group of indeterminate or non-mouth placements. The regional evidence therefore supports the interpretive position developed here: Charon-type readings are most secure where ordinary coin, mouth placement, and secure individual association converge, while other deposits require explanation through material substitution, imitation, modification, and contextual placement.

Synthesis: contextual funerary monetary deposition at Parion

The Parion evidence is best understood as a graded field of funerary monetary deposition. At one end of this field are the most secure cases: in-mouth placements of ordinary struck bronze coins in individually associated inhumation contexts. These cases provide the clearest archaeological support for a Charon-type interpretation, although even here the evidence documents placement and association more securely than ritual intention.

A middle range consists of deposits that remain close to the Charon model but alter it in form, number, or context: multiple coins placed in the mouth, near-mouth placement, multiple body-related placement, and recorded individual mouth associations within multiple burials. These cases retain a relationship to the body and, in several instances, to the mouth, but they do not fit the narrow model of a single coin deposited as a single fare.

A further group extends beyond ordinary coin deposition. Gold coin-impression foils, the dolphin-shaped cast object, and foil-gilded bronze coins show that funerary monetary practice could also work through image, resemblance, substitution, and surface transformation. These objects may intersect with Charon-type ideas where their placement establishes a body-related or mouth-related association, but they require analysis through material form and funerary context rather than through coin presence alone.

The value of the Parion dataset lies in preserving this analytical range: it shows both a marked mouth-related coin practice and a wider repertoire of monetary, monetary-looking, and materially transformed funerary deposits. In this respect, Parion's position between the Troad, the Propontic zone, and the northern Aegean is relevant not as a ready-made explanation, but as a regional setting in which different forms of monetary imagery, local bronze circulation, limited regional connections, and funerary practice could intersect.

Conclusion

This article has argued that funerary monetary deposition at Parion is best understood not as a single rite, but as a context-dependent field of practice in which coins, coin images, and transformed monetary objects could acquire different roles according to object form, placement, burial mode, and contextual security. The South/Tavşandere Necropolis dataset is important not because it invalidates the Charon's obol model, but because it shows where that model is archaeologically supported, where it becomes less secure, and where different categories of evidence require different interpretive procedures.

The main contribution of the study is therefore methodological as well as regional. By separating ordinary struck coins, coin-like objects, and modified monetary deposits, the Parion evidence avoids treating all monetary or monetary-looking finds as equivalent "coins in graves". Secure in-mouth ordinary struck bronze coins remain the clearest contexts for a Charon-type interpretation, especially where the association with an individual body is clear. Yet the same cemetery also preserves multi-coin mouth and near-mouth cases, multiple body-related placements, cremation contexts with indeterminate micro-location, gold coin-impression foils, a dolphin-shaped cast monetary-looking object, and foil-gilded bronze coins. These forms cannot all be explained through the same mechanism.

The Parion corpus also shows that numismatic type alone does not define funerary meaning. The available ordinary struck coin data indicate the use of bronze coins drawn mainly from local circulation, with limited evidence for a wider regional component, and with no narrowly selected mint, obverse type, reverse type, or countermark restricted to mouth placement. This reinforces the central point of the article: the most secure Charon-compatible cases depend more on placement and bodily association than on coin type. Conversely, coin-like and modified monetary objects require attention to image, material surface, and transformation, not simply to monetary value.

Several limits remain. The 75 contexts analysed here form a monetary-context sample rather than a proportional sample of the entire necropolis, and the study does not calculate the overall cemetery-wide frequency of coin deposition. Coin issue date has been kept separate from grave/context date, and demographic interpretation has been restricted to securely associated single-burial contexts. The grave/context code system has been retained to preserve the connection with the excavation archive; these code prefixes indicate grave construction type and archival context rather than formal spatial sectors. For this reason, no intra-site spatial clustering is inferred from the code system.

The main significance of Parion lies in the coexistence, within a single necropolis dataset, of secure mouth-related bronze coin deposits, earlier coin-impression foils, a dolphin-shaped cast object, and foil-gilded bronze coins. This combination makes it possible to move from a binary Charon/non-Charon interpretation toward a graded contextual model of funerary monetary deposition.

Within these limits, Parion offers a systematically documented case study for a broader problem in funerary numismatics: Charon's obol should neither be rejected as irrelevant nor applied as a default explanation. It should be treated as one interpretive possibility within a wider repertoire of monetary, monetary-looking, and materially transformed funerary deposits. The tripartite distinction used here may therefore be useful for other necropoleis where ordinary coins, coin images, and altered monetary objects occur together, provided that each case is evaluated through placement, context, object category, and the security of archaeological association.

References

Avram, A. 2004. The Propontic Coast of Asia Minor. In: Hansen, M.H., Nielsen, T.H. (eds.). *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford: Oxford University Press, 974—999. DOI: 10.1093/oso/9780198140993.003.0061.

Başaran, C. 1999. Parion 1997 Araştırmaları. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 16/1, 349—364.

Başaran, C., Yılmaz, A. 2021. Parion'un (Parium) MS 1.-2. Yüzyıl Kentsel Gelişimi ve Mimarisi Hakkında Ön Değerlendirme. In: Yılmaz, M.A., Can, B., Işıklı, M. (eds.). *Anadolu Arkeolojisiyle Harmanlanmış Bir Ömür: Mehmet Karaosmanoğlu'na Armağan*. Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 107—133.

Brown, L. 2008. Charon's Obols? A Case Study in the Role of Coins in Roman Burial Ritual. In: Fenwick, C., Wiggins, M., Wythe, D. (eds.). *TRAC 2007: Proceedings of the Seventeenth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, London 2007*. Oxford: Oxbow Books, 121—130. DOI: 10.16995/TRAC2007_121_130.

Brown, L. 2013. Charon's Obol? An Archaeological Study of the Role of Coins in Roman Burial Ritual, with Case Studies from Roman Italy, Germany, Britain and Unconquered Scandinavia. PhD dissertation, University of Edinburgh.

Chryssanthaki-Nagle, K. 2019. Réussir le passage, réussir le trépas: le rite de l'obole à Charon en Macédoine et en Thrace égéenne revisité. *Journal of Archaeological Numismatics* 9, 387—398.

Çelikbaş, E. 2020. Parion Altın Mücevherleri: Aplikler. In: Keleş, V. (ed.). *Propontis ve Çevre Kültürleri / Propontis and Surrounding Cultures*. Parion Studies III. İstanbul: Ege Yayınları, 255—270.

Doyen, J.-M. 2012. The "Charon's Obol": Some Methodological Reflexions. *Journal of Archaeological Numismatics* 2, i—xviii.

Duchemin, J.-P. 2019. Coins in Funerary Contexts: Towards a Paradigm Shift. Contribution of Recent Excavations to the Redefinition of a Concept. *Journal of Archaeological Numismatics* 9, 27—44.

Frisch, P. 1983. *Die Inschriften von Parion*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt (IGSK 25).

Kaba, H., Yılmaz, A., Sulan, S. 2019. Parion, Toprak Kuleler Mevkindeki Roma Dönemi Oda Mezarlar. In: Özer, E. (ed.). *Anadolu'da Hellenistik ve Roma Dönemlerinde Ölü Gömme Adetleri Uluslararası Sempozyumu Bildiri Kitabı. Aizanoi IV Özel Sayı*. Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 487—506.

Kaba, H. 2021. "Eğrekbaşı" Revisited: A Topographic and Contextual Correctum to a Burial Ground from the Southern Necropolis of Parion. *Ege Üniversitesi Arkeoloji Dergisi* 26, 145—167. DOI: 10.51493/egearkeoloji.786332.

Kallintzi, C., Chatziprokopiou, K. 2019. The Burial Coin in Abdera. *Journal of Archaeological Numismatics* 9, 423—443.

Kasapoğlu, B.E. 2022. Critical Assessment on Grave Types and Burial Customs in Classical Period of Parion Southern-Tavşandere Necropolis. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 22/2, 261—287. DOI: 10.5281/zenodo.7023564.

Keleş, V. 2011. Parion history from coins. In: Holmes, N. (ed.). *Proceedings of the XIV International Numismatic Congress, Glasgow 2009*. Glasgow: Gutenberg Press, 237—245.

Keleş, V. 2014. Parion Nekropolü'nde Ele Geçen Dört Altın Obje Üzerine Yeni Bir Değerlendirme / A New Evaluation on Four Golden Objects Recovered from the Necropolis of Parion. *OLBA* 22, 117—128.

Keleş, V., Yılmaz, Z. 2025. Analysis of Charon Coins Found in Parion and their Significance in Funeral Rituals. Paper presented at the International Conference *Ancient Troas: Five Years of Russian-Turkish Collaboration in Archaeology*, National Research HSE University, Moscow, 15 September 2025. Unpublished conference paper.

Kızılyalçın Oyarçin, F., Meral, K. 2023. Charon Coins Found in Parion Chamber Tomb 5. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 774—786. DOI: 10.53737/4328.2023.94.57.031.

Korka, E., Lagos, C. 2019. Numismatic Grave Finds of the Tenea-Chiliomodi Excavation Project 2013—2017. *Journal of Archaeological Numismatics* 9, 349—362.

Kosmidou, E. 2006. Greek Coins from the Eastern Cemetery of Amphipolis. *The Numismatic Chronicle* 166, 415—431.

Kosmidou, E., Malamidou, D. 2019. Cash for the Soul? Coins for the Dead of Amphipolis. *Journal of Archaeological Numismatics* 9, 399—422.

Kozlenko, R.O., Sheiko, I.M., Reuter, A. 2021. Coins from Excavations at the "T-4" Sector in Olbia. *Arheologija i davnja istorija Ukrainy* 40/3, 304—318. DOI: 10.37445/adiu.2021.03.20.

Lenger, D.S. 2016. Coin Finds from Dağkızılca Necropolis on Mount Nif in Ionia. In: Dündar, E., Aktaş, Ş., Koçak, M., Erkoç, S. (eds.). *Havva İşkan'a Armağan. Lykiarkhissa*. İstanbul: Ege Yayınları, 561—566.

Nikolakopoulou, A.G. 2019. The Custom of "Charon's Obol" in the Peloponnese. *Journal of Archaeological Numismatics* 9, 337—348.

Orlyk, M., Kolesnichenko, Y. 2022. Catalogue of cast antique coin finds of 6th — 4th centuries B.C. beyond the borders of the Olbian chora. *Acta Archaeologica Lodziensia* 68, 139—153. DOI: 10.26485/AAL/2022/68/10.

Prêteux, F. 2009. Parion et son territoire à l'époque hellénistique: Un exemple d'organisation de la *chôra* sur le rivage de la Propontide. In: Bru, H., Kirbihler, F., Lebreton, S. (eds.). *L'Asie mineure dans l'Antiquité: échanges, populations et territoires*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 335—350.

Rahmani, L.Y. 1993. A Note on Charon's "Obol". *Atiqot* 22, 149—150.

Stevens, S.T. 1991. Charon's Obol and Other Coins in Ancient Funerary Practice. *Phoenix* 45/3, 215—229. DOI: 10.2307/1088792.

Sulan, S. 2018. Parion Oda Mezarları. Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Samsun: Ondokuz Mayıs Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü.

Travaglini, A., Camilleri, V.G. 2019. Coin Finds in Funerary Contexts in Hierapolis in Phrygia. *Journal of Archaeological Numismatics* 9, 463—474.

Tuğrul, S. 2024. Hellenistik ve Roma Dönemlerinde Parion'da Nekro-Sosyal Süreklilik ve Değişim: Güney (Tavşandere) Nekropolü. PhD dissertation, Ondokuz Mayıs Üniversitesi Lisansüstü Eğitim Enstitüsü, Samsun.

Van Andringa, W. 2019. Coins for the Dead and Materiality of Funerary Rituals: Concluding Remarks. *Journal of Archaeological Numismatics* 9, 509—519.

Yağız, K. 2025. The Antandros Necropolis: An Evaluation in Light of Research Carried Out in 2001—2018. In: Pirson, F., Verger, S. (eds.). *Hellenistic Funerary Culture in Pergamon and the Aeolis: A Collection of Current Approaches and New Results*. Pergamenische Forschungen 20. Berlin: iDAI.publications, 83—101. DOI: 10.34780/ndah5n46.

Yıldırım, B. 2009. Antandros Nekropolisi Sikke Kontekstli Mezarlar. Unpublished master's thesis, Ege University, Institute of Social Sciences, İzmir.

Yordanova, K. 2019. The Role of Pre-Roman Coins in Funerary Practices in the Necropoleis of Apollonia and Messambria on the West Pontic Littoral. *Journal of Archaeological Numismatics* 9, 445—460.

Appendix A. **Catalogue of coin-bearing, coin-like, and modified monetary funerary contexts from the South/Tavşandere Necropolis of Parion**

Catalogue note. The catalogue is arranged chronologically by grave/context date; the minting dates of monetary objects are not used as substitutes for burial dates. Context codes follow the Parion excavation catalogue and are explained in the Materials and Methods section. Age categories follow the classification adopted in this study, and individuals whose sex could not be determined are recorded as "unknown". Exact ages are retained only where explicitly recorded; otherwise broader age categories are used. Finds in the inventory column are listed with standardized object names and quantities in parentheses. Material information is retained for monetary objects and precious-metal objects, but is omitted for other finds unless interpretively relevant. Nails are excluded from the inventory because they are more likely to relate to wooden coffins, biers, or structural fittings than to grave goods in the strict sense. All finds listed in the inventory belong to the relevant grave context. The label "outside the burial container" indicates finds recorded within the same grave pit or context, but outside the structure or container enclosing the body, such as a tile cover, coffin, sarcophagus, cist, or burial vessel. It does not indicate material outside the grave context. BTM 11, THM 1, AntM 2, and TOM 1 contain more than one individual and are retained for contextual analysis but excluded from pooled individual-based demographic counts. UM 1 is likewise excluded because it is a secondary urn context within TSM 1. Explicit individual associations within these contexts are considered only in context-specific discussion.

Table A1. **Context codes, contextual dates, burial data, monetary object categories, depositional micro-locations, and associated grave inventories.**

Context code / setting	Grave/Context Date	Age/Sex	Burial Mode	Monetary Object (Type/Count)	Micro-location	Grave Inventory
DSM 61	Late 4th century BCE — mid-3rd century BCE	Older adult / Female	Inhumation	Dolphin-shaped cast coin-like object (1)	Outside the primary burial container (tile cover)	Askos (1), single-handled jug (1), dolphin-shaped cast coin-like object (1)
DSM 62	Last quarter of the 4th century BCE — first quarter of the 3rd century BCE	Adult / Male	Inhumation	Bronze coins (4)	Near mouth	Squat lekythos (1), bronze coins (4), ring (1)
TSM 1	Late 4th century BCE — early 3rd century BCE	Unknown / Unknown	Inhumation	Gold coin-impression foil (1)	In mouth	Gold crown (1), numerous gold leaves, gold necklace with bull-head finials (1), gold pins (3), earrings with Eros (1 pair), mirror (1), glass cosmetic box (1), gold coin-impression foil (1)
UM 1 (secondary cremation urn burial within TSM 1)	Late 4th century BCE — early 3rd century BCE	Adult / Unknown	Secondary cremation	Gold coin-impression foil (1)	Inside vessel	Gold wreath (3), gold coin-impression foil (1)

Table A1. **Context codes, contextual dates, burial data, monetary object categories, depositional micro-locations, and associated grave inventories (continued).**

Context code / setting	Grave/Context Date	Age/Sex	Burial Mode	Monetary Object (Type/Count)	Micro-location	Grave Inventory
TSM 2	Late 4th century BCE — early 3rd century BCE	Adult / Unknown	Inhumation	Gold coin-impression foil (1)	In mouth	Gold wreath (1), gold necklace (1), gold earring (2), gold coin-impression foil (1), gold pins (3), mirror (1), lidded cosmetic box (1), pyxis (1), alabastron (1), unguentarium (1), strigil (1), seashell (1)
TSM 3	Late 4th century BCE —early 3rd century BCE	Adult / Unknown	Inhumation	Gold coin-impression foil (1)	In mouth	Mirror (1), gold earring (2), gold ring (1), gold coin-impression foil (1), gold necklace (1), alabastron (1)
BTM 20	2nd century BCE — 1st century BCE	Older adult / Female	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Unguentarium (1), pin (1), bronze coin (1), seashells (2), bead string/earring (?) (1 pair)
BTM 2	2nd century BCE	Middle adult / Female	Inhumation	Bronze coins (2)	In left hand	Bronze coin (2)
DSM 4	2nd century BCE	Middle adult / Female	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Unguentarium (1), mirror (1), pin (1), bronze coin (1)
DSM 16	2nd century BCE — 1st century BCE	Middle adult / Male	Inhumation	Gold coin-impression foil (1)	In mouth	Unguentarium (1), amphoriskos (1), gold coin-impression foil (1)
DSM 22	Late 1st century BCE — early 1st century CE	Adult / Unknown	Primary cremation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Unguentarium (4), lamp (1), bronze coin (1)
ATM 1	Second half of the 1st century BCE — early 1st century CE	Child (9 years) / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Thymiaterion (1), Aphrodite Anadyomene figurine (1), silver earring (2), bronze coin (1)
DSM 28	Second half of the 1st century BCE — first quarter of the 1st century CE	Older adult / Female	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Unguentarium (1), bronze coin (1); Outside the burial container: lamp (1)
BTM 4	First half of the 1st century CE	Older adult / Male	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Unguentarium (2), bronze coin (1), sandal tack
DSM 32	First half of the 1st century CE	Unknown / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Seated female figurine (1), rooster figurine (2), unguentarium (1), lamp (1), bronze coin (1)
DSM 40	1st century CE	Unknown / Unknown	Primary cremation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Jug (1), two-handled vessel (1), unguentaria (7), bronze coin (1)

Table A1. **Context codes, contextual dates, burial data, monetary object categories, depositional micro-locations, and associated grave inventories (continued).**

Context code / setting	Grave/Context Date	Age/Sex	Burial Mode	Monetary Object (Type/Count)	Micro-location	Grave Inventory
DSM 52	1st century CE	Older adult (55 years) / Female	Inhumation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Jug (1), unguentaria (7), lamp (1), glass unguentaria (2), bronze lock fitting (1), astragalus (1), iron ring (1), bronze coin (1)
DSM 53	1st century CE	Young adult / Female	Inhumation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Jug (1), Aphrodite figurine (2), kantharos (1), lamp (1), unguentaria (14), bronze coin (1), astragalus (1), seashells (5), iron ring (1); Outside the burial container: unguentaria (2), bone hair/clothing pin (1), glass unguentaria (8)
ATM 2	First half of the 1st century CE	Child (4 years) / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Seated female figurine (14), Cybele figurine (1), jug (1), pyxis (1), bronze coin (1), ring (1); Outside the burial container: seated female figurine (19), Cybele figurine (1), Aphrodite figurine (1), bull figurine (1), astragalus (1)
ATM 6	First half of the 1st century CE	Child / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Jug (1), unguentarium (1), seated armless female figurine (2), seated female figurine with bird (5), Aphrodite Anadyomene figurine (2), child figurine holding a rooster (1), bronze coin (1)
ATM 7	First half of the 1st century CE	Child / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Unguentarium (1), bronze coin (1); Outside the burial container: aged Hermes herm figurine (1), Dionysos herm figurine (1), draped ephebe figurine (3), young Eros figurine playing with a dog (1), Eros figurine with goose (1), dove figurine (1), pomegranate figurine (1)
ATM 8	Mid-1st century CE	Unknown / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Jug (1), kantharos (1), gold earring (1), bronze coin (1); Outside the burial container: lamp (1)

Table A1. **Context codes, contextual dates, burial data, monetary object categories, depositional micro-locations, and associated grave inventories (continued).**

Context code / setting	Grave/Context Date	Age/Sex	Burial Mode	Monetary Object (Type/Count)	Micro-location	Grave Inventory
İSM 23	Mid-1st century CE	Adult / Unknown	Primary cremation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Mug (2), jug (1), unguentarium (3), lamp (3), bronze coin (1), fruit remains, animal bones
BTM 6	1st century CE	Adult / Unknown	Inhumation	Bronze coins (2)	In left hand	Bead string (9), ring (3), bronze coins (2)
BTM 7	1st century CE	Adult / Unknown	Inhumation	Bronze coins (2)	In mouth	Unguentarium (2), mirror (1), bronze coins (2)
İKM 2	1st century CE	Adult / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Lamp (1), bronze coin (1)
İSM 7	1st century CE	Unknown / Male	Primary cremation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Unguentarium (13), bronze coin (1), jug (1)
İSM 9	1st century CE	Young adult / Female	Primary cremation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Unguentarium (10), jug (1), lamp (1), bronze coin (1)
İSM 12	1st century CE	Adult / Male	Primary cremation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Jug (1), lamp (1), bone object (1), bronze coin (1)
İSM 16	1st century CE	Older adult / Male	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Jug (1), kantharos (1), unguentarium (1), lamp (1), bronze coin (1); Outside the burial container: unguentarium (2)
ATM 11	1st century CE	Child / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Bronze coin (1); Outside the burial container: Aphrodite figurine (3), Eros and Psyche figurine (1), aged Hermes herm figurine (1), jug (1), lamp (1), unguentarium (1)
ATM 16	1st century CE	Infant (2 years) / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Jug (1), Aphrodite figurine (2), seated female figurine with diptych (1), kissing Erotes figurine (1), seashell (1), rattle (1), bronze coin (1)
BTM 10	Second half of the 1st century CE	Middle adult / Male	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Jug (1), lamp (1), figurine head (1), bronze coin (1), sandal tack

Table A1. **Context codes, contextual dates, burial data, monetary object categories, depositional micro-locations, and associated grave inventories (continued).**

Context code / setting	Grave/Context Date	Age/Sex	Burial Mode	Monetary Object (Type/Count)	Micro-location	Grave Inventory
İSM 27	Second half of the 1st century CE	Child / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Jug (1), enthroned female figurine (1), figurine (3), unguentarium (1), bronze coin (1); Outside the burial container: lamp (1), Eros figurine (2), rooster figurine (1)
İSM 28	Second half of the 1st century CE	Child (10 years) / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Bronze coin (1)
İSM 29	Second half of the 1st century CE	Young adult (20—35 years) / Female	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Mirror (1), lamp (1), bronze coin (1), hoop (1), sandal tack
İSM 30	Second half of the 1st century CE	Adolescent (15 years) / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Jug (1), bowl (1), bronze coin (1)
İSM 31	Second half of the 1st century CE	Adult / Unknown	Inhumation	Bronze coins (3)	Indeterminate	Unguentarium (1), strigil (1), bronze coins (3)
İSM 32	Second half of the 1st century CE	Middle adult / Female	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Jug (1), unguentarium (1), mirror (1), bronze coin (1), lamp (1)
İSM 33	Second half of the 1st century CE	Adult / Male	Primary cremation	Bronze coins (2)	Indeterminate	Jug (1), two-handled vessel (1), unguentarium (2), bowl (1), lamp (2), bronze coins (2); Outside the burial container: unguentarium (2)
İSM 35	Second half of the 1st century CE	Child (12 years) / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Figurine head (1), bronze coin (1), bead (1), pig mandible (1); Outside the burial container: unguentarium (4)
ATM 9	Second half of the 1st century CE	Child / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Jug (1), mug (1), kantharos (1), unguentarium (1), Dionysos herm figurine (1), child Eros figurine playing with a dog (2), dove figurine (1), pig figurine (1), bronze coin (1), mussel shell (1); Outside the burial container: lamp (1)
ATM 10	Second half of the 1st century CE	Young adult / Male	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Bronze coin (1)

Table A1. **Context codes, contextual dates, burial data, monetary object categories, depositional micro-locations, and associated grave inventories (continued).**

Context code / setting	Grave/Context Date	Age/Sex	Burial Mode	Monetary Object (Type/Count)	Micro-location	Grave Inventory
İSM 37	Late 1st century CE	Adult / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Jug (1), mug (1), unguentarium (2), mirror (1), bowl (1), cup (1), spoon (1), spindle/distaff implement (1), bronze coin (1), wooden chest fittings
ATM 18	1st century CE — early 2nd century CE	Adult / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Unguentarium (1), lamp (1), bronze coin (1)
İSM 46	Late 1st century CE — early 2nd century CE	Older adult / Female	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Jug (1), unguentarium (2), mirror (1), bronze coin (1)
ATM 19	Late 1st century CE — early 2nd century CE	Infant (9 months) / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Child Eros figurine playing with a dog (1), dove figurine (2), rattles (3), unguentarium (1), bronze coin (1); Outside the burial container: lamp (1)
İSM 47	Late 1st century CE — first half of the 2nd century CE	Unknown / Female	Inhumation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Unguentarium (2), lamp (1), bronze coin (1)
ATM 22	Second half of the 1st century CE — first half of the 2nd century CE	Infant (2 years) / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Lamp (1), bronze coin (1)
BTM 11 (collective burial)	2nd century CE	Adult (4), Child (1) / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Gladiator-type warrior puppet figurine (2), lamp (2), unguentarium (2), distaff (1), spoon (1), bronze coin (1)
DSM 56	2nd century CE	Unknown / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Jug (1), soldier-type warrior puppet figurine (3), mirror (1), rattle (1), ring (1), bronze coin (1)
DSM 57	2nd century CE	Middle adult / Female	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Unguentarium (2), mirror (1), bronze coin (1)
İSM 36	2nd century CE	Young adult / Female	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Unguentarium (1), vessel (1), lamp (1), wide-mouthed jug (1), mirror (1), bronze coin (1), horse bone

Table A1. **Context codes, contextual dates, burial data, monetary object categories, depositional micro-locations, and associated grave inventories (continued).**

Context code / setting	Grave/Context Date	Age/Sex	Burial Mode	Monetary Object (Type/Count)	Micro-location	Grave Inventory
İSM 49	2nd century CE	Middle adult / Male	Inhumation	Bronze coins (3)	Multiple body-related: 1 in mouth; 1 on chest/upper torso; 1 near feet	Jug (1), unguentarium (3), bronze coins (3)
İSM 50	2nd century CE	Adult / Unknown	Primary cremation	Bronze coins (11)	Indeterminate	Jug (1), mug (1), unguentarium (5), lamp (1), bowl (1), patera (1), spoon (1), bronze coins (11), wooden chest fittings
İSM 51	2nd century CE	Adult / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Unguentarium (2), mirror (1), bronze coin (1)
İSM 52	2nd century CE	Middle adult / Male	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Jug (1), unguentarium (4), lamp (1), mixing palette (1), probe (1), tweezers (1), glass rod (1), bronze coin (1); Outside the burial container: lamp (1)
İSM 53	2nd century CE	Adult / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Jug (1), unguentarium (1), lamp (2), strigil (1), bronze coin (1)
İSM 54	2nd century CE	Adult / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Jug (2), unguentarium (1), bronze coin (1)
İSM 56	2nd century CE	Adult / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Lamp (1), unguentarium (1), strigil (1), bronze coin (1), mussel shells (2)
İSM 60	2nd century CE	Adult / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Pitcher (1), unguentarium (1), mirror (1), bronze coin (1)
İSM 61	2nd century CE	Unknown / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	Indeterminate	Mug (1), lamp (1), seated female figurine (1), rattles (2), bronze coin (1)
İSM 62	2nd century CE	Older adult / Female	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Bowl (1), jug (1), lamp (1), bronze coin (1), sandal tack; Outside the burial container: pendant (1)

Table A1. **Context codes, contextual dates, burial data, monetary object categories, depositional micro-locations, and associated grave inventories (continued).**

Context code / setting	Grave/Context Date	Age/Sex	Burial Mode	Monetary Object (Type/Count)	Micro-location	Grave Inventory
İSM 63	2nd century CE	Infant (1 year) / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Bead string (5), pitcher (1), pendant (1), bronze coin (1)
ATM 26	2nd century CE	Young adult / Female	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Bronze coin (1), seashell (1)
THM 1 (multiple burial)	2nd century CE	Adult (4), Infant (1) / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth (infant)	Lamp (1), pendant (4), gold earring (1), bronze coin (1)
TSM 13	Second half of the 2nd century CE	Adult / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	On chest	Bronze coin (1)
BTM 21	Second half of the 2nd century CE	Unknown / Unknown	Inhumation	Bronze coins (2)	In mouth	Bronze coin (2), unguentarium (1), bowl (1), cup (1)
İSM 65	Second half of the 2nd century CE	Older adult / Female	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Pitcher (1), cup (1), unguentarium (1), scissors (1), bronze coin (1)
ATM 27	Second half of the 2nd century CE	Child (10 years) / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Bronze coin (1), sandal tack
İSM 66	Last quarter of the 2nd century CE	Adult / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Unguentarium (1), mirror (1), bronze coin (1); Outside the burial container: lamp (1)
THM 2	2nd century CE — early 3rd century CE	Young adult / Female	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Jug (1), unguentarium (3), lamp (1), child figurine (1), bronze coin (1), stele (1)
AntM 2 (multiple burial)	1st — 2nd century CE	Adult (9), Child (1) / Female (5), Male (3)	Inhumation	Bronze coins (9), foil-gilded struck bronze coin (1)	Indeterminate	Stele (1), jug (6), mug (1), bowl (2), unguentarium (26), lamp (8), Isis/Demeter figurine (1), puppet figurine (1), puppet leg (1), strigil (1), mixing palette (1), distaff (1), gold earrings (2 pairs), handle (1), wooden chest fittings (8), bronze coins (9), foil-gilded struck bronze coin (1), sandal tack

Table A1. **Context codes, contextual dates, burial data, monetary object categories, depositional micro-locations, and associated grave inventories (continued).**

Context code / setting	Grave/Context Date	Age/Sex	Burial Mode	Monetary Object (Type/Count)	Micro-location	Grave Inventory
TOM 1 (multiple burial)	Second half of the 1st century CE — early 3rd century CE	Adult (1), Child (1), Unknown (1)	Inhumation	Bronze coins (4), foil-gilded struck bronze coin (1)	In mouth (individual 2)	Unguentarium (2), lamp (3), horse figurine (1), bottle (2), oinochoe (1), rattle (1), hair/clothing pin (1), gold earrings (2 pairs), gold ring (1), bronze coins (4), foil-gilded struck bronze coin (1)
İSM 69	Roman period; broad stratigraphic date[8]	Adult / Unknown	Inhumation	Bronze coin (1)	In mouth	Bronze coin (1)

[8] Roman period; dated broadly on stratigraphic grounds and by superpositional relationship, without sufficient evidence for a narrower attribution.

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.59.57.018

Cihangir Aldemir, Kasım Oyarçin

THE COINS OF CENTRAL BUILDING A AT ANEMURIUM*

Located in the center of Anemurium, one of the port cities of the Cilicia Trakheia Region, the structure known as “Central Building A” due to its complex use for various purposes, presents a characteristic example of the residential-workshop function buildings of the city from the Late Roman and Early Byzantine periods. The documentation of residential-workshop type buildings with similar plan features in other areas of the city indicates that production and daily life were integrated in the same regions of Anemurium. Archaeological and numismatic data documented by excavations in 2023 show that the building was built in the late 4th century CE and remained in use until at least the late 7th century CE. The coins uncovered during the excavations play a crucial role in clarifying both the construction process and the phases of use of the building. In addition, the abundance of examples from the reigns of Heraclius and Constans II suggests that the building’s abandonment may have been directly related to the Sasanian and Arab raids that affected the Eastern Mediterranean. In conclusion, the numismatic findings from Central Building A are highly significant not only for presenting information about the building’s phases of use but also for providing new data on the impact of the Sasanian and Arab raids that were influential in the Eastern Mediterranean in the 7th century CE on Cilicia and Anemurium.

Key words: Cilicia, Anemurium, Late Roman, Byzantium, Central Building A, Coin.

About the authors: Aldemir Cihangir[1], PhD, Research Assist., Selçuk University, Faculty of Letters, Archaeology Department; Oyarçin Kasım[2], Associate Prof. Dr., Ondokuz Mayıs University, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of Archaeology.

Contact information: [1]42130, Turkey, Konya, Selçuk University, e-mail: [1]cihangiraldemir@gmail.com; [2]55200, Turkey, Samsun, Ondokuz Mayıs University, e-mail: kasimoyarcin@omu.edu.tr.

Джихангир Альдемир, Касым Оярчин

МОНЕТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЗДАНИЯ А В АНЕМУРИУМЕ

Сооружение, известное как «Центральное здание А», расположенное в центре Анемуриума, одного из портовых городов региона Киликия—Трахея, из-за его многоцелевого использования, представляет собой характерный пример жилых и мастерских зданий города позднеримского и ранневизантийского периодов. Документация жилых и мастерских зданий с аналогичными планировочными особенностями в других районах города указывает на то, что производство и повседневная жизнь были интегрированы в одних и тех же районах Анемуриума. Археологические и нумизматические данные, полученные в ходе раскопок 2023 г., показывают, что здание было построено в конце IV в. н.э. и использовалось по крайней мере до конца VII в. н.э. Монеты, обнаруженные во время раскопок, играют решающую роль в выяснении как процесса строительства, так и этапов использования здания. Кроме того, обилие находок времен правления Ираклия и Констанса II позволяет предположить, что заброшенность здания могла быть напрямую связана с

* This study was prepared within the scope of the “Anemurium Ancient City Excavation” conducted on behalf of the Ministry of Culture and Tourism and Selçuk University. The study was supported by the Scientific Research Projects (BAP) Coordination of Selçuk University within the scope of the project titled “Anemurium Late Antiquity No. 1 Residential Structure Research”.

We are grateful to our supervisor and Director of the Anemurium Excavation, Prof. Dr. Mehmet Tekocak, for his encouragement and permission to publish the coins found in the Central Building A.

Статья поступила в номер 26 декабря 2025 г.
Принята к печати 12 января 2026 г.

© Cihangir Aldemir, Kasım Oyarçin, 2026.

набегами Сасанидов и арабов, затронувшими Восточное Средиземноморье. В заключение, нумизматические находки из Центрального здания А имеют большое значение не только для представления информации об этапах использования здания, но и для предоставления новых данных о влиянии на Киликию и Анемуриум набегов Сасанидов и арабов, имевших влияние в Восточном Средиземноморье в VII в. н.э.

Ключевые слова: Киликия, Анемуриум, Позднеримский период, Византия, Центральное здание А, монета.

Сведения об авторах: Альдемир Джихангир[1], доктор философии, научный сотрудник Сельчукского университета, факультет литературы, факультет археологии; Оярчин Касым[2], доцент, доктор наук, Университет Ондокуз Майис, факультет гуманитарных и социальных наук, кафедра археологии.

Контактная информация: [1]42130, Турция, Конья, Сельчукский университет, e-mail: cihangiraldemir@gmail.com; [2]55200, Турция, Самсун, Университет Ондокуз Майис, e-mail: kasimoyarcin@omu.edu.tr.

Introduction

Anemurium, one of the important port cities of the Cilicia Trakheia, is located in the Ören/Batıkent neighbourhood of Anamur district, Mersin province (Tekocak, Aldemir 2019: 1—2; Tekocak et al. 2019: 522; Tekocak 2020a: 179; Tekocak 2021: 2). The city is bordered by mountainous terrain to the west, Anamur Cape to the south, Sultansuyu Creek to the north, and the Mediterranean Sea to the east (Fig. 1—3). The city's public buildings and residential areas are located on the flat areas within these boundaries, while the necropolis is located on the sloping terrain to the west. The early settlement was identified in the acropolis located in the area of Anamur Cape (Tekocak, Aldemir 2019: 2; Hild, Hellenkemper 1990: 187; Russell 1976: 4; Russell 1987: 15). The first known researches on the ancient city of Anemurium began in the early 19th century and gained momentum with the growing interest in ancient cities in Anatolia, especially after the Renaissance. Anemurium was recorded based on the observations of Admiral F. Beaufort, who visited the city in the early 1800s, compiling important information about the city's architecture and topography. The first scientific archaeological studies were initiated in 1962 by a team led by E. Alföldi-Rosenbaum and continued by various researchers until the late 1980s. After a long hiatus, excavation and conservation-restoration work restarted in 2018 under the direction of Selçuk University faculty member Prof. Dr. Mehmet Tekocak on behalf of the Ministry of Culture and Tourism, and has been ongoing continuously throughout the year (Tekocak 2018: 65—77; Tekocak, Aldemir 2019; Tekocak et al. 2019: 521—548; Tekocak 2019: 212—221; Tekocak 2020b: 197—220; Oyarçin, Tekocak 2020: 269—295; Tekocak 2020a: 179—209; Oyarçin, Tekocak 2021: 271—286; Tekocak 2021: 1—15; Tekocak, Aldemir 2021: 237—251; Tekocak 2022: 115—136; Tekocak, Eliüşük 2022: 139—160; Korkmaz, Tekocak 2023: 21—42; Tekocak 2023: 487—507; Tekocak, Sahar 2023: 1—19; Tekocak, Çetinaslan 2024: 439—473; Tekocak, Aldemir 2024a: 221—263; Tekocak, Aldemir 2024b: 183—212).

Research and excavations conducted in Anemurium suggest that the city was inhabited from the early 4th century BCE to the 8th century CE (Russell 1999a: 203—204; Russell, Weir 2000: 111—122; Pilhofer 2011: 212). Moreover, traces of two major construction phases have been identified throughout this period of settlement, the first of which took place in the 1st—2nd centuries CE (Russell 1987: 15—16). During this period, the increasing prosperity throughout the region under Pax Romana had a positive effect on Anemurium as well (Russell 1999a: 198—203), and many public structures were built in this peaceful environment (Smith 1969: 178). The second construction phase began in the 5th century CE, when the city started to be rebuilt and major restoration work was carried out. Many buildings were repaired at this time, and the city expanded further north. The area covered by the city increased by approximately 6.5 hectares, reaching its maximum size, and numerous buildings were constructed within this newly developed area (Russell 1987: 16—18; Hild, Hellenkemper 1990: 189). Some of the newly constructed buildings were built outside the expanded city walls, resulting in significant changes to Anemurium's urban planning. The

presence of the Christian population in the city increased significantly within this period (Russell 1976: 16; Russell 1987: 19), and Anemurium emerged as an important centre in the Christian world. The names of several bishops who represented Anemurium in council meetings held from 451 CE onwards are recorded in historical sources. Among these, Iakobos, known to have participated in the Council of Chalcedon in 451 CE; Euphronios, who served in 457/458; Mamas, bishop in the early 6th century CE; and Lucas of Anemurium, mentioned in 518 CE, are particularly noteworthy (Russell 1989: 1623). This evidence demonstrates that Anemurium actively participated in the Christianisation process and became a part of the religious structure in the region. This period should also be considered as a prosperous era in which the city underwent social and architectural transformations under the influence of Christianity (Russell 1987: 19—20; Hild, Hellenkemper 1990: 189—190), with church (Russell 1987: 19—20; Hild, Hellenkemper 1990: 189—190) and bath structures standing out in particular. One of the structures built in this era is Central Building A, which is the subject of this article.

The material and structural support provided by Emperor Zeno (474—491 CE) of Isaurian origin to the cities in his homeland created a noticeable atmosphere of prosperity and stability in the region, including Anemurium (Russell 2002: 222; Canevello, Özyıldırım 2009: 16—28; Sayar 2021: 431—432). The protective environment fostered by Zeno allowed Anemurium to survive economically and socially throughout the following century (Russell 1987: 61—69, 76—89). All these indicators reveal that the city continued to develop in a relatively peaceful and stable environment until around 580 CE. However, substantial evidence shows that the city experienced a sharp decline in prosperity before the end of the 6th century, a situation further exacerbated by a major earthquake that struck the region around 580 CE (Russell 1987: 22; Hill 1996: 109; Russell 2002: 222). This earthquake caused significant damage to churches and aqueducts built in the preceding century (Russell 1980: 39). Following this incident, residents turned to cisterns as alternative water sources, and baths began to be repurposed for industrial use (Williams 1977: 175—190). The Sassanian raids between 611 and 628 CE further worsened the city's economic situation[1]. Already weakened, Anemurium suffered significant damage during the Arab plundering of Cyprus between 649 and 653/654 CE (Russell 1980: 39; Russell 1987: 22; Russell 2002: 222). A group of coins dated to around 660 CE is believed to be connected to the abandonment of some residences in the city during the 7th century CE (Williams 1977: 175; Russell 1987: 23; Russell 2002: 222). These findings indicate that human activity in the city declined significantly towards the end of the century and may have ceased entirely by the beginning of the 8th century CE (Russell 1987: 22).

Central Building A Excavations and Architecture

Central Building A, located in the western part of the flat area defined as the Lower City[2], where public buildings are concentrated, was built on a slope with an 8% incline, approximately 15.00 m above sea level, immediately adjacent to a possible ancient street leading to the city centre (Fig. 2—4). Situated approximately 160.00 m from the coast, the structure is referred to as "Central Building A" because of its central location within the ancient city (Tekocak, Aldemir 2025: 515). The architectural remains of the structure are spread over an area of approximately 25.00 × 30.00 m, just west of the Central Church.

[1] There is a notable gap in the coins found in ancient cities around Anemurium, dated between CE 616 and CE 628. However, the situation is slightly different in Anemurium. Although the number of coins in the ancient city decreased during this period, there was no significant drop in the coin series. Excavations have revealed that most coins dating after 629 CE were minted in Constantinople (see Russell 2001: 61—62; Russell 2002: 222). Furthermore, during the reign of Emperor Heraclius (610—641 CE), many coins were minted in the cities of the Cilician region. Some researchers attribute this increase to Heraclius' attempt to attack the Sassanids via Cilicia around 625 CE and his achievement of several minor successes in Cilicia. See Oyarçin 2015: 240; Sayar 2021: 436.

[2] The Lower City extends from the point where the slope of the acropolis (Anamur Cape) begins to level off into flat land, north of the acropolis, up to the Sultansuyu Stream in the north. Its western boundary is marked by tombs belonging to the necropolis, which were built on the slopes of the surrounding mountainous terrain.

The setting of Central Building A is notable for its proximity to the main road, which runs roughly north-south parallel to the coast, forming an important transport link. Perpendicular roads descend from the west to meet this main road, creating a road network that facilitates access to different parts of the city. Considering Anemurium's geography and terrain conditions, it is understood that this arrangement is being implemented in the most suitable areas of the city. This planning approach is particularly apparent in the northern neighbourhoods, where Early Christian Period structures are concentrated; the buildings were carefully arranged to form insulae. In this context, it is understood that the street and road network is particularly prominent in and around Central Building A.

Plant clearing (Tekocak 2023: 492—493) was carried out in Central Building A in 2021, followed by studies conducted in 2023 aimed at understanding the nature of the building (Tekocak, Aldemir 2025: 515—516). At first, the current state of the structure was documented in detail, and then the area was divided into squares before the excavation work commenced. The excavation and rubble removal uncovered a building complex consisting of 27 rooms (Fig. 4—6). These rectangular rooms were constructed using rubble stone, some bonded with lime mortar and others with mud mortar. The nine rooms on the western side are at a higher elevation than the rest and are designated as Section A1. The remaining 18 rooms to the east comprise Section A2, which is believed to have had a two-storey layout. The floor level of the rooms in Section A1 is approximately 2.00 m higher than that of the rooms in Section A2 (Tekocak, Aldemir 2025: 515—516).

The entrances to Section A1 are situated on the west and north sides. The western entrance opens into Room 4, which resembles a hall or salon. The floor of Room 2, a long, narrow corridor located on the north-west side of the building complex, is entirely covered with green slate. A water channel likely extends from under this slate stone floor towards the north of the building. The floor of Room 4 is also made of rubble stone, and a pithos filled with small rubble stones was found in the southwestern part of the floor. Excavations in Room 6 revealed that, unlike the floors of other rooms, the floor was made of limestone rectangular slabs. Room 9, also floored with rubble stones, is believed to have opened onto the street to the south (Tekocak, Aldemir 2025: 515—516).

Entrances to Section A2, comprising 18 rectangular rooms, are accessible from both the east and south sides. Excavations in Room 12, located at the centre of Section A2, have uncovered the remains of a kiln made of rubble stones. The traces indicate that a dome covered the kiln and that its entrance was through an opening in the eastern wall of Room 11. The oven floor was paved with baked clay bricks. The remains in Room 13 are believed to belong to the early construction phase of Central Building A. Here, two arch footings (0.90 × 0.70 × 0.60 m) were uncovered, spaced 1.75 m apart. The arches measure 1.00 × 0.60 m and vary in height from 0.78 to 1.00 m above the floor. Neatly cut rectangular limestone blocks were found lying between the two arches, suggesting that they were likely used in the construction of the arches. In Room 17 and 18, three additional arch footings were identified, aligned along the same axis and spaced 1.80 m apart. The arch footings mentioned above indicate the presence of a four-arched entrance or a facade during its initial construction phase. An in-situ threshold stone was also discovered on the eastern side of Room 20, likely belonging to the main eastern entrance of Central Building A. Immediately to the south of this entrance, traces of a staircase leading to the second floor are visible. Indeed, steps belonging to this staircase were observed immediately south of the eastern entrance. Additionally, Room 15 and 22 provide direct access to the street south of the building complex (Tekocak, Aldemir 2025: 515—516).

Central Building A Coins

Archaeological excavations at the Anemurium Central Building A began in 2023 and were completed within the same year. During these excavations, 75 coins dating from the periods between Geta (209—211 CE) and Constans II (641—668 CE) were uncovered. Examining the chronological distribution of the coins, 4 are dated to the 3rd century CE as Roman provincial issues, 39 belong to the Late Roman Period, and 32 to the Early Byzantine Period (Table 1). Of the 4 Roman provincial coins found in Central Building A, three originate from the city of Perge, while the origin and issuer

of the fourth coin could not be determined due to its poor condition. The Perge coins were struck in the names of three different emperors: Geta (209—211 CE), Diadumenian (217—218 CE), and Elagabalus (218—222 CE) (Cat. Nos. 1–3).

The 39 coins from the Late Roman Period were minted between 347 and 498 CE. Due to their poor condition, only 15 could be identified as having been minted under a specific emperor. These 15 coins were issued under seven emperors, including Constantine I (Posthumous) and Anastasius I. The nine coins whose emperor could not be identified were dated to between 383 and 457 CE based on the legibility of their reverse types. The 15 coins from the Late Roman Period are in very poor condition due to the low quality of the metal and prolonged exposure to high humidity. Therefore, although it is impossible to identify the issuing emperors, the coins can be dated back to the 4th — 5th centuries CE based on their technical characteristics. Only 12 Late Roman coins, minted in low denominations such as AE3 and AE4, have legible mint marks. Of these, 7 were minted in Constantinople, while 1 each originated from Rome, Cyzicus, Nicomedia, and Antioch (Table 1).

Examining the 32 coins dating back to the Early Byzantine Period by emperors, the earliest was minted during the reign of Justinian I (527—565 CE), while the latest dates to the reign of Constans II (641—668 CE), spanning roughly a century from 552 to 656 CE. The largest group, comprising 16 coins, belongs to Heraclius, followed by Constans II with 5 coins, Mauricius Tiberius with 3 coins, and Justinian I with 2. One coin, minted around CE 640, is an Umayyad imitation, while the remaining 5 are in poor condition, making it impossible to identify their emperors. Notably, coins of Heraclius account for approximately half of all Byzantine coins. Similarly, a hoard of 41 bronze coins minted in the name of Heraclius, dated between 610 and 618 CE, was uncovered during the 2019 excavations of the Necropolis Church in Anemurium (Oyarçin, Tekocak 2020: 269—295).

The high frequency of Heraclius coins in Anemurium can be linked to the Sasanian raids prevalent in the region in the 7th CE. This pattern likely reflects the Byzantine administration's efforts to send additional coins to the region to meet its military and logistical needs during this period. The samples from the Isauria mint, established by Heraclius to strengthen his military presence in the region and active between 617 and 618 CE, found among those in Central Building A, further support this interpretation (Grierson 1951: 56—58; DOC II/I, 39). The abundance of Heraclius coins in excavations, reflecting increased coin circulation during the Sassanian raids, is not unique to Anemurium but is also observed in other Cilician cities, including Kelenderis (Oyarçin 2015: 239—264), Olba (Sarıiz 2014: 166), and Elaiussa Sebaste (Tekin 1999: 319—326; Tekin 2003: 541—556). Beyond Cilicia, the impact of the Sasanian raids on coin circulation is evident in Pamphylia (Tek 2015: 123—136), Caria (Tek et al. 2019: 185—186), Ionia (Foss 1979), Lydia (Bell 1916: VIII—IX), Troas (Keleş, Oyarçin 2020: 51—66), and Paphlagonia (Oyarçin, Kızılyalçın Oyarçin 2024: 111).

Analysing the minting locations of the coins reveals that 18 were struck in Constantinople. Of the remaining coins, 4 were minted in Alexandria, 2 in Antioch, and 1 each in Thessalonica, Cyzicus, Isaura, and Cyprus. The origin of 4 coins could not be determined due to their low condition. Examining the coins by denomination, the first notable feature is the predominance of large-denomination issues: Of the 32 Early Byzantine coins, 21 are 1 follis (40 nummia), 2 are three-quarters of a follis (30 nummia), and 5 are half a follis (20 nummia). Among the 4 Alexandria-minted coins, 3 are dodecanummium (12 nummia) and 1 is hexanummium (6 nummia) (Table 2).

Conclusion

Located close to the principal transportation axes in the Lower City section of Anemurium, Central Building A is a multi-purpose complex that combines residential, production, and commercial functions. Planned across different ground levels with sections designated as A1 and A2, the structure features stone-paved floors, oven remains, arch supports, and traces of multi-storey use, clearly demonstrating its functional diversity. Small finds uncovered during excavations further prove the building's integration with daily life. Similar residential-workshops/shop structures from the Early Byzantine Period have also been reported elsewhere in the city. One such structure was built

atop the Great Bath palaestra, originally dating to the Roman Empire. Other examples include Structures A and B, situated north and northeast of the Central Bath (Korkmaz, Tekocak 2023: 33). Recent excavations reveal that these structures were designed to serve dual functions, combining workplace and residential spaces.

The bronze coins uncovered during the excavations of Central Building A offer concrete evidence for the building's phases of use. The complex is believed to have been in use from the late 4th century CE to the late 7th century CE, with at least two distinct occupational phases identified to date. The majority of the 75 coins examined in this article, dating from the 5th to 7th centuries CE, along with Late Roman coins from the 4th century CE that remained in circulation, correspond to the period when the Central Building A was actively used. Particularly significant are the finds from trial excavations in Room 18, located at the heart of the structure, where coins dated to the late 4th and 5th centuries CE were found in abundance around the wall remains attributed to the initial construction phase, providing key evidence for the first stage (Cat No: 20—28, 36—38, 42—43).

In contrast to the Late Roman and Early Byzantine coins, the Roman provincial coins recovered from contexts not directly associated with the structure, either from higher elevations or beneath it, include one poorly preserved specimen of indeterminate origin and three Perge-minted examples dating to the 3rd CE. These coins are not directly related to the structure's phases of use. Considering the general circulation of Roman provincial coins in archaeological excavations, most finds would typically consist of coins minted by the city itself. However, the absence of Anemurium-minted coins in Central Building A, alongside the presence of three Perge-minted coins, is noteworthy. Future studies that collectively examine the Roman provincial coins from the Anemurium excavations are expected to provide more precise data on the city's coin circulation during this period.

The chronological distribution of coins found during excavations at Central Building A indicates that the structure was actively used for approximately three centuries, from the late 4th century CE to the late 7th century CE. In addition to coins, the excavations yielded ceramic fragments of various forms (amphorae, bowls, cups, and lamps), bronze cups dating from the 5th to 7th CE, hanging hooks, bronze belt buckles dating from the 4th to 7th CE, and iron nails (Tekocak, Aldemir 2025: 516). These materials are highly significant, as they corroborate the information provided by the coins regarding the structure's phases of use.

When considering the architectural features of the structure alongside numismatic and historical data, it becomes clear that Anemurium experienced a period of instability up to the late 4th century CE, largely due to the regional uprisings, which had a direct impact on the city's inhabitants (Alföldi-Rosenbaum 1972: 183—186; Russell 1999b: 721—728). Consequently, it appears highly unlikely that the structure was built during the first three quarters of the 4th century CE. From the 380s CE onwards, however, it is known that the military unit *Legio Pseudo-comitatensis I Armeniacae*, under the command of Eusebius, was stationed in Anemurium (Russell 1987: 19; Russell 1976: 16; Russell 1978: 920; Jones 1972: 396—399; Hild, Hellenkemper 1990: 189). With the arrival of the legion in the region, security was restored in the city, and extensive repairs were carried out on the walls. This marked Anemurium's emergence from a period of internal turmoil and the beginning of a phase of reconstruction and development. The prosperity that followed the stationing of the legion brought a century of intensive construction activity. The first phase of Central Building A was probably built during this period of prosperity in the late 4th century CE.

Furthermore, the city's economy appears to have flourished when Emperor Zeno I (CE 474—491) extended support to the cities in his empire (Russell 2002: 222). Indeed, at least four churches and baths built in Anemurium can be cited as evidence for this prosperity (Russell 1987: 20). It is likely that the Central Building A also attained its largest form at this second construction phase under the reign of Zeno I. This conclusion is supported by the observed additions and alterations, the masonry techniques, and the inorganic joints to the main block of the structure, particularly the dilatations.

No evidence of the earthquake (Russell 1987: 22) that reportedly struck the region around CE 580, an event believed to have caused a sharp decline in the city's prosperity, is reflected in the coin finds from Central Building A. By contrast, the strong representation of Heraclius-period coins among the finds can be linked to the Sasanian raids prevalent in the region in the 7th century CE.

These raids may have caused limited damage to Anemurium and, consequently, to Central Building A. Alternatively, this concentration may be attributed to Heraclius sending increased quantities of coins to the region to meet military and logistical needs. The latest coin recovered from the structure, minted between 655 and 656 CE during the reign of Constans II, suggests that much of the complex was abandoned and probably fell into disuse as a result of the Arab raids that ravaged the region in the late 7th century CE.

Taken together, all this evidence indicates that Central Building A was constructed in the late 4th century CE and remained in use until at least the late 7th century CE. Comparable residential-workshop/shop buildings have been documented on the Great Bath palaestra and north of the Central Bath, indicating that residential and production areas were deliberately integrated in Anemurium during the Early Byzantine Period. In this context, Central Building A reflects the city's social and economic organisation and stands as a unique example of combining domestic and productive functions within the same architectural space. The coins recovered not only clarify the structure's phases of use and the circumstances of its abandonment but also shed light on the impact of Sasanian and Arab raids on the region.

References

Alföldi-Rosenbaum, E. 1972. Matronianus, Comes Isauriae: An Inscription from the Sea Wall of Anemurium. *Phoenix* 26 (2), 183—186.

Bell, H.W. 1916. *Sardis, Publications of the American Society for the Excavation of Sardis*. Vol. XI. *Coins*. Pt. I. *1910—1914*. Leiden: E.J. Brill, Ltd.

BMC Pamphylia: Hill, G.F. 1897. *Catalogue of the Greek Coins in the British Museum of Lycia, Pamphylia and Pisidia*. London: Printed by Order of the Trustees of The British Museum.

BMC I: Wroth, W. 1908. *Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum*. Vol. I. London: Printed by Order of the Trustees of The British Museum.

BMC II: Wroth, W. 1908. *Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum*. Vol. II. London: Printed by Order of the Trustees of The British Museum.

Canevello, S.A., Özyıldırım, M. 2009. Constantinopolis Tahtında Isaurialı Bir İmparator: Zeno. *Lucerna. Klasik Filoloji Yazıları*. İstanbul: TB Publications, 16—28.

DOC I: Bellinger, A.R. (ed.). 1991. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. I. *Anastasius to Maurice (491—602)*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies.

DOC II/I: Bellinger, A.R., Grierson, P. (eds.). 1993. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. II. Pt. I. *Phocas and Heraclius (602—641)*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies.

DOC II/II: Bellinger, A.R., Grierson, P. 1993. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. II. Pt. II. *Heraclius Constantine to Theodosius III (641—717)*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies.

Foss, C. 1979. *Ephesus after Antiquity: A Late Antique, Byzantine and Turkish City*. Cambridge: Cambridge University Press.

Grierson, P. 1951. The Isaurian Coins of Heraclius. *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society*, Sixth Series. Vol. 11. No. 41, 55—67.

Hild, F., Hellenkemper, H. 1990. *Kilikien und Isaurien. Tabula Imperii Byzantini*. Bd. 5. Tl. 1. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Hill, S. 1996. *The Early Byzantine Churches of Cilicia and Isauria*. Vol. 1. Birmingham: Variorum.

Jones, C.P. 1972. The inscriptions from the sea-wall at Anemurium. *Phoenix* 26, 396—399.

Keleş, V., Oyarçin, K. 2020. Akropol Doğu (İç) Sur Yangın Tabakasında Bulunan Sikkeler Işığında Parion'da Tahribat İzleri Üzerine Bir Ön Değerlendirme. *TÜBA-KED 22/2020,* 51—66.

Korkmaz, Z., Tekocak, M. 2023. Anemurium Son Dönem Kazılarında Ortaya Çıkarılan A ve B Yapıları Üzerine Bir Değerlendirme. *Seleucia* 13, 21—42.

LRBC I-II: Carson, R.A.G., Hill, P.V., Kent, J. P. C. 1965. *Late Roman Bronze Coinage*. London: Spink and Son Ltd.

MIB I: Hahn, W. 1973. *Moneta Imperii Byzantini*. Bd. I. *Von Anastasius I bis Justinianus I (491—565)*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

MIB II: Hahn, W. 1975. *Moneta Imperii Byzantini*. Bd. II. *Von Justinus II bis Focas (565—610)*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

MIB III: Hahn, W. 1981. *Moneta Imperii Byzantini*. Bd. III. *Von Heraclius bis Leo III (610—720)*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Oyarçin, K., Tekocak, M. 2020. Anemurium Nekropol Kilisesi Heraclius Definesi. *Seleuceia* X, 269—295.

Oyarçin, K., Tekocak, M. 2021. Anemurium Nekropol Kilisesi'nden Bir Geç Roma Definesi. *SDÜ Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi* 52, 271—286.

Oyarçin, K. 2015. 2008 Yılı Kelenderis Agora Bazilikası Kazısında Bulunan Geç Antik Çağ (M.S. 3. — M.S. 7. Yüzyıl) Sikkeleri. *Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi* 19 (1), 239—264.

Oyarçin, K., Kızılyalçın Oyarçin, F. 2024. Kuzeybatı Nekropol Kilisesi Sikkeleri. In: Çelikbaş, E., Verim, E. (eds.). *Hadrianopolis Kuzeybatı Nekropol Kilisesi.* (Hadrianopolis Serisi-2). Ankara: Bilgin Kültür Sanat Publications, 104—127.

Pilhofer, P. 2011. Anemurion. Neues aus der Welt der frühen Christen. *Beiträge zur Wissenschaft vom Alten und Neuen Testament* 195, 207—226.

RIC VIII: Sutherland, C.H.V., Carson, R.A.G., Kent, J.P.C., 1981. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. VIII. *The Family of Constantine I*. London: Spink & Son Ltd.

RIC IX: Mattingly, H., Sutherland, C.H.V., Carson, R.A.G. 1951. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IX. *Valentian I — Theodosius I*, London: Spink & Son Ltd.

RIC X: Kent, J.P.C. 1994. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. X. *The Divided Empire and the Fall of the Western Parts, AD 395—491*. London: Spink & Son Ltd.

rpc.ashmus.ox.ac.uk: 1: RPC V.3, — (unassigned; ID 80841). Available at: https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/type/80841 (accessed 30.11.2024).

rpc.ashmus.ox.ac.uk: 2: RPC V.3, — (unassigned; ID 86044). Available at: https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/type/86044 (accessed 30.11.2024).

RPC V.3. From Pertinax to Macrinus (AD 193—218): Lycia-Pamphylia to Egypt. Available at: https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/search/browse?volume_id=10 (accessed 30.11.2024).

Russell, J. 1976. Anemurium-Eine römische Kleinstadt in Kleinasien. *Antike Welt* 7 (4), 2—20.

Russell, J. 1978. Recent Excavations at Roman Anemurium (1969—1973). *The Proceedings of the Xth International Congress of Classical Archaeology* 2, 911—923. Ankara: Türk Tarih Kurumu.

Russell, J. 1980. The Changing Face of a Roman City. *Archaeology* 33 (5), 31—40.

Russell, J. 1987. *The Mosaic Inscriptions of Anemurium*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Russell, J. 1989. Christianity at Anemurium (Cilicia). *Actes du XIe Congrès International d'Archéologie Chrétienne, Lyon, Vienne, Grenoble, Genève, Aoste,* 21-28 septembre 1986. Rome: Publications de l'École Française de Rome, 1621—1637.

Russell, J. 1999a. The Mint of Anemurium. *OLBA* 2, 195—208.

Russell, J. 1999b. The Military Garrison of Anemurium During the Reign of Arcadius. *Atti del XI Congresso Internazionale di Epigrafia Greca e Latina, Settembre 1997, Rome*. Rome: Edizioni Quasar, 721—728.

Russell, J., Weir, M.G. 2000. Cypriots in Cilicia, A Rare Coin of Anemourion. *Revue Numismatique,* 6e série. T. 155, 111—122.

Russell, J. 2001. The Persian Invasions of Syria/Palestine and Asia Minor in the Reign of Heraclius: Archaeological, Numismatic, and Epigraphic Evidence. *The Dark Centuries of Byzantium (7th —9th c.). International Symposium* 9, 41—71. Athens: National Hellenic Research Foundation, Institute for Byzantine Research.

Russell, J. 2002. Anemourion. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh Through the Fifteenth Century*. Vol. 39, 221—228. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Sarıız, E. 2014. Tiyatro Kazısı Sikke Buluntuları Işığında Olba Kenti Yerleşim Tarihi. Master Thesis. Ankara: Gazi University.

Sayar, M.H. 2021b. Kilikia/Cilicia. In: Tekdemir, N. (ed.). *Bizans Dönemi'nde Anadolu/Anatolia in the Byzantine Period*, 426—439. İstanbul: Yapı Kredi Publications.

Smith, L.C. 1969. Excavation Report, Eski Anamur (Anemurium), 1968. *Türk Arkeoloji Dergisi* 17 (2), 177—184.

SNG France 3: Levante, E., Weiss, P. 1994. *Sylloge Nummorum Graecorum*. *France 3*. *Cabinet des Medailles Pamphylia, Pisidie, Lycaonie, Galatie*. Zürich: Schweizerische Numismatische Gesellschaft.

Tek, T. 2015. Side Sikke Buluntuları Işığında MS 622/3'de Pamphylia'ya "Olası" Bir Sasani Saldırısı. *Colloquium Anatolicum* 14, 123—136.

Tek, T., Köker, H., Sarıiz, E. 2019. Stratonikeia 2008-2018 Yılı Kazılarında Bulunan Erken Bizans Sikkeleri. In: Söğüt, B. (ed.). *Stratonikeia Çalışmaları 4: Mimari, Heykel ve Küçük Buluntu Araştırmaları*. 175—209. İstanbul: Ege Publications.

Tekin, O. 1999. Monete Provenienti Dallo Scavo. In: Schneider, E., Bretschneider, E. (eds.). *Elaiussa Sebaste I Campagne di Scavo 1995-1997*. 319—326. Roma: L'Erma di Bretschneider.

Tekin, O. 2003. Cataloque of the Excavation Coins found in the Campaigns of 1998 and 1999. In: Schneider, E. E. (ed.). *Elaiussa Sebaste II*. 541—556. Roma: L'Erma di Bretschneider.

Tekocak, M., Aldemir, C. 2019. *Anemurion: Anadolu'nun Güneyinde Bir Liman Kenti*. Konya: Sage Yayıncılık.

Tekocak, M., Aldemir, C. 2021. Anemurium Ancient City in the Light of New Studies: 2016-2018 (Cilicia, Turkey). Communication Through the Ages: People, Objects, Ideas (From the Bronze Age to Late Antiquity). *Anodos: Studies of the Ancient World* 15, 237—251.

Tekocak, M., Aldemir, C. 2024a. Yeni Buluntular ve Kazılar Işığında Anemurium Küçük Hamamı. In: Durugönül, S., Kaplan, D., Tepebaş, U. (eds.). *Kilikia Arkeolojisi: Yeni Buluntular ve Yorumlar*. 221—263. Ankara: Bilgin Kültür Sanat Publications.

Tekocak, M., Aldemir, C. 2024b. Yeni Kazılar Işığında Anemurium B I 16 Nolu Tonozlu Mezar. *Höyük* 13, 183—212.

Tekocak, M., Aldemir, C. 2025. Anemurium Kazı ve Restorasyon Çalışmaları: 2023. *44. Kazı Sonuçları Toplantısı* 3, 513—531.

Tekocak, M., Çetinaslan, M. 2024. Anemurium A I 11 Nolu Beşik Tonozlu Mezar'da Bulunan Anadolu Selçuklu Sikkeleri. *Selçuk Türkiyat Dergisi* 61, 439—473.

Tekocak, M., Gündüz, R., Aldemir, C. 2019. Anemurium Odeonu Üzerine Yeni Bir Değerlendirme. In: Keleş, V., Kasapoğlu, H., Ergürer, H. E., Çelikbaş, E., Yılmaz, A. (eds.). *Cevat Başaran'a 60. Yaş Armağanı*. 521—566. Ankara: Bilgin Kültür Sanat Publications.

Tekocak, M. 2018. Akdeniz'de Bir Liman Kenti: Anemurium (Anemurion). *Selçuk Bakış (Selçuk Üniversitesi Haber ve Tanıtım Dergisi)* 48, 65—77.

Tekocak, M. 2019. Anemurium 2018 Yılı Kazı ve Restorasyon Çalışmaları. *ANMED* 17, 212—221.

Tekocak, M. 2020a. Anadolu'nun Güneyinde Bir Liman Kenti: Anemurium. *Mersin Arkeolojik Kazıları ve Araştırmaları,* 179—209. Mersin: Mersin Büyükşehir Belediyesi Publications.

Tekocak, M. 2020b. Anemurium Kazı ve Restorasyon Çalışmaları: 2018. *41. Kazı Sonuçları Toplantısı* 3, 197—220.

Tekocak, M. 2021. Anemurium Antik Kenti'nde Kültürel Mirası Koruma ve Yaşatma Çalışmaları. *Kültürel Miras Araştırmaları Dergisi* 2 (1), 1—15.

Tekocak, M. 2022. Anemurium Kazı ve Restorasyon Çalışmaları: 2019-2020. *2019-2020 Yılı Kazı Çalışmaları* 3, 115—136.

Tekocak, M. 2023. Anemurium Kazı ve Restorasyon Çalışmaları: 2021. *42. Kazı Sonuçları Toplantısı* 3, 487—507.

Tekocak, M., Eliüşük, M. 2022. Yeni Kazılar ve Araştırmalar Işığında Anemurium'dan Bir Mezar Örneği: A I 6 Nolu Mezar. *Seleuceia* 12, 139—160.

Tekocak, M., Sahar, İ. 2023. Anemurium 2018-2023 Yılı Kazılarında Bulunan Bir Grup Pişmiş Toprak Kandil. *MASROP* 17 (1), 1—19.

Williams, C. 1977. A Byzantine Well-Deposit from Anemurium (Rough Cilicia). *Anatolian Studies* 27, 175—190.

CATALOGUE

Roman Provincial Coinage

Pamphylia

Perge

Geta 209—211 CE

Obv. [Π CE ΓETAC K CEB]
Bust of emperor, draped and cuirassed right.
Rev. ΠEPΓ-AIΩN
Artemis standing left, holding long torch and bow.
Ref. SNG France 3, 454—455; RPC V.3, online (rpc.ashmus.ox.ac.uk: 1).

1*. AE, 19,5 mm, 4.34 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.A4.BM.001.

Diadumenian (Caesar) 217—218 CE

Obv. [OΠEΛ ANTΩ ΔIAΔOYMENIANOC KAIC]
Bust of emperor, draped and cuirassed right.
Rev. ΠEPΓ-AIΩN
Artemis standing right, quiver at shoulder, holding arrow and bow.
Ref. RPC V.3, online (rpc.ashmus.ox.ac.uk: 2).

2*. AE, 19 mm, 5.29 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.A3.EO.001.

Elagabalus 218—222 CE

Obv. [AY K M AY ANTΩNINOC CEB]
Bust of emperor, draped and cuirassed right.
Rev. Π[EPΓA]-I-ΩN
Artemis standing facing in short chiton, head right, holding bow and arrow.
Ref. BMC Pamphylia, p. 128, no. 43.

3*. AE, 21 mm, 3.01 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GG.001.

Undefinite Mint and Empress

3rd century CE

Obv. [ ]
Bust of empress, diademed and draped right.
Rev. Bad condition.

4. AE, 24 mm, 6.82 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.F2.FR.001.

Late Roman Coinage

Constantine I (Posthumous)

Nicomedia

347—348 CE

Obv. [DV CONSTANTI-NVS PT AVGG]
Head of the emperor veiled right.
Rev. VN-MR
Emperor, veiled, standing right. Mintmark: SMNZ
Ref. RIC VIII, 57; LRBC I, 1155.

5*. AE4, 14 mm, 1.47 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.B3.BR.001.

Undefinite Mint

347—348 CE

Obv. [DV CONSTANTI]-NVS PT AVGG
Head of the emperor veiled right.
Rev. [VN-MR]
Emperor, veiled, standing right.

6*. AE4, 14,5 mm, 1.73 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.E3.FG.003.

Constantius II 337—355 CE

Constantinople

353—354 CE

Obv. [D N] CONSTAN-TIVS P F [AVG]
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. FEL TEMP RE-PARATIO
Helmeted soldier to left, shield on left arm, spearing falling horseman; shield on ground to right. Horseman is bearded, and bare-headed, he turns to face soldier and extends left arm. Mintmark: CON
Ref. RIC VIII, 121; LRBC II, 2043.

7*. AE3, 18 mm, 2.77 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GH.015.
8*. AE3, 17 mm, 2.45 g, 10 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C4.DE.001. Obv. D N CONSTAN-TIVS P F AVG; Rev. [FEL TEMP RE-PARATIO]; Mintmark: CONS
9. AE3, 17 mm, 1.79 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.KBC.FZ.001. Obv. [D N CONS]TAN-[TIVS P F AVG]; Rev. FEL TEMP RE-PARATIO; Mintmark: CON

Undefinite Mint

353—354 CE

Obv. D N C[ONSTAN]-TIVS [P F AVG]
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. [FEL TEMP RE-PARATIO]
Helmeted soldier to left, shield on left arm, spearing falling horseman; shield on ground to right. Horseman is bearded, and bare-headed, he turns to face soldier and extends left arm.

10. AE3, 15 mm, 1.41 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.D2.EK.001.

Valentinian II 375—392 CE

Constantinople

388—392 CE

Obv. D N VALENTINIANVS P F AVG
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. SALVS REI-PVBLICAE
Victory advancing left, with right hand carrying trophy on shoulder, and left dragging captive. Chi-Rho in left field. Mintmark: CONS[ ]
Ref. RIC IX, 86a; LRBC II, 2406.

11*. AE4, 13 mm, 0.67 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.B3.DU.001.

Theodosius I 379—395 CE

Rome

383—388 CE

Obv. D N THEODO-SIVS P F AVG]
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. VICTORIA AVGGG
Two Victories facing each other, each holding a wreath and a palm-branch; dot over dot in center. Mintmark: RQ
Ref. RIC IX, 57c; LRBC II, 790.

12*. AE4, 12,5 mm, 1.06 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.E1.EM.002.

Arcadius 383—408 CE

Constantinople

388—392 CE

Obv. D N ARCAD[I-VS P F AVG]
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. [SALVS REI]-PVBLICAE
Victory advancing left, with right hand carrying trophy on shoulder, and left dragging captive. Chi-Rho in left field. Mintmark: [CON]SB
Ref. RIC IX, 86c; LRBC II, 2193.

13*. AE4, 13,5 mm, 1.35 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.F1.FO.001.

Cyzicus

395—401 CE

Obv. D N ARCADI-VS P F AVG
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. VIRTVS-[EXERCITI]
Emperor standing left, head right, spear in right hand, resting left hand on shield, Victory standing left, palm branch in left hand, crowning emperor with wreath in right. Mintmark: SMKB
Ref. RIC X, 66; LRBC II, 2580.

14*. AE3, 18 mm, 2.38 g, 5 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.2K.GF.003.

Antiochia

395—401 CE

Obv. D N ARCADI-VS P F AV[G]
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. VIRTVS-[EXERCITI]
Emperor standing left, head right, spear in right hand, resting left hand on shield, Victory standing left, palm branch in left hand, crowning emperor with wreath in right. Mintmark: ANTA
Ref. RIC X, 70; LRBC II, 2791.

15*. AE3, 20 mm, 2.08 g, 4 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.A2.BK.003.
16*. AE3, 17 mm, 2.77 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.E3.FI.003. Obv. D N ARCADI-VS P F AVG; Rev. VIRTVS-[EXERC]ITI; Mintmark: ANTΓ

Undefinite Mint

Obv. D N ARCADI-[VS P F AVG]
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. [VICTORIA AVGGG]
Two Victories facing each other, each holding a wreath and a palm-branch.

17. AE4, 16.5 mm, 1.98 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.B3.CR.001.

Honorius 393—423 CE

Constantinople

395—401 CE

Obv. D N HONORI-VS P F AVG
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. VIRTVS-EXERCITI
Emperor standing left, head right, spear in right hand, resting left hand on shield, Victory standing left, palm branch in left hand, crowning emperor with wreath in right. Mintmark: CONSA
Ref. RIC X, 61; LRBC II, 2206.

18*. AE3, 19 mm, 2.21 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.A2.BI.001.

Anastasius I 491—518 CE

Constantinople

491—498 CE

Obv. [D N ANASTA-SIVS P P AVC]
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. Monogram of Anastasius within linear circle.
Ref. DOC I, p. 11, no. 15.1; MIB I, p. 101, no. 40; LRBC II, 2288.

19*. AE4, Nummus, 10 mm, 0.48 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.A5.FY.002.

Undefinite Emperor and Mint

Arcadius / Honorius 395—401 CE

Obv. [ ]
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. [VIRTVS-EXERCITI]
Emperor standing left, head right, spear in right hand, resting left hand on shield, Victory standing left, palm branch in left hand, crowning emperor with wreath in right.

20. AE3, 17 mm, 1.65 g, 11 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GH.002.

383—403 CE

Obv. [ ]
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. [SALVS REI-PVBLICAE]
Victory advancing left, with right hand carrying trophy on shoulder, and left dragging captive. Chi-Rho in left field.

21. AE4, 13 mm, 1.10 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GH.001.
22. AE4, 13 mm, 0.60 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GH.003.
23. AE4, 12 mm, 1.26 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GI.004.
24. AE4, 11 mm, 0.89 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GH.006.

423—457 CE

Obv. [ ]
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. No legend. Cross within wreath.

25. AE4, 13 mm, 1.28 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GH.011.
26. AE4, 12 mm, 0.98 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GH.005.
27. AE4, 10 mm, 0.80 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GH.008.
28. AE4, 7 mm, 0.34 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GH.007.

4th — 5th century CE

Obv. [ ]
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. Bad condition.

29. AE4, 15,5 mm, 0.95 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.E3.FF.001.
30. AE4, 15 mm, 1.54 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GH.010.
31. AE4, 14 mm, 2.11 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.F3.GE.005.
32. AE4, 13 mm, 0.96 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GH.012.
33. AE4, 12,5 mm, 0.42 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.F2.FP.002.
34. AE4, 12 mm, 1.58 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GI.002.
35. AE4, 12 mm, 1.46 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.F3.GE.003.
36. AE4, 13 mm, 0.89 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GH.014.
37. AE4, 11 mm, 1.12 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GI.003.
38. AE4, 11 mm, 0.92 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GI.001.
39. AE4, 11 mm, 0.85 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.KBC.FZ.002.
40. AE4, 11 mm, 0.37 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.B3.BR.002.
41. AE4, 10 mm, 1.07 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.A2.BK.001.
42. AE4, 10 mm, 0.63 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GH.013.
43. AE4, 10 mm, 0.38 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C1.GH.009.

Byzantine Coinage

Justinian I 527—565 CE

Cyzicus

Follis

552—553 CE

Obv. DИIVSTIИI AИVSPPAVC
Bust facing of emperor, in helmet with plume and diadem and cuirass. In right hand holds globus cruciger. On left shoulder, shield with horseman device. In field right, cross.
Rev. M, to left A/N/N/O , above cross, to right X/X/ЧI , beneath B, In exergue: KYZ
Ref. DOC I, p. 129, no. 178b; MIB I, p. 119, no. 120a.

44*. AE, 33 mm, 17.10 g, 5 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.C3.CP.001.

Alexandria

6 Nummi

527—565 CE

Obv. DNIVSTINI ANVSPPAV
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. S
Ref. DOC I, p. 158, no. 275; MIB I, p. 125, no. 166; BMC I, p. 63, no. 347.

45*. AE, 12 mm, 2.32 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.E3.FI.006.

Mauricius Tiberius 582—602 CE

Antiochia

Follis

601—602 CE

Obv. [ƏNMAЧΓI CN̄PAЧJ]
Bust facing of emperor, in consular robes and crown with trefoil ornament. In right hand mappa, in left eagle-topped scepter.
Rev. M, to left A/N/N/O, above cross, to right X/X , beneath Z, In exergue: ƇHЄЧP′
Ref. DOC I, p. 345, no. 172; MIB II, p. 121, no. 96c; BMC I, p. 146, no. 198.

46*. AE, 29 mm, 10.47 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.E3.FI.007.

Half Follis

592—593 CE

Obv. Blundered legend. Bust facing of emperor, in consular robes and crown with trefoil ornament. In right hand mappa, in left eagle-topped scepter.
Rev. K, to left A/N/N/O, above cross, to right IX, beneath Ꝛ
Ref. DOC I, p. 348, no. 186; MIB II, p. 122, no. 99c; BMC I, p. 146, no. 200.

47*. AE, 23 mm, 6.65 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.YZY.001.

Mint Illegible

Follis

584—585 CE

Obv. [ƏNMAЧΓI CNP̄AЧƱ]
Bust facing of emperor, in consular robes and crown with trefoil ornament. In right hand mappa, in left eagle-topped scepter.
Rev. M, to left A/N/N/O, above cross, to right II/I , beneath B, In exergue: [ ]

48. AE, 34 mm, 9.24 g, 7 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.E3.FK.002.

Heraclius 610—641 CE

Constantinople

Follis

Type 1

612—613 CE

Obv. [ƏNhRACLI ЧSPЄRPAVI]
Bust facing of Heraclius, bearded, wearing cuirass with shield and crown or helmet with pendilia in right hand globus cruciger.
Rev. M, to left A/N/N/O, above cross, to right II/I , beneath Δ, In exergue: [C]ON
Ref. DOC II/I, p. 276, no. 71c; BMC I, p. 197, no. 114.

49*. AE, 29 mm, 9.55 g, 1 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.B3.BN.001; Overstruck on follis of Phocas.

Type 2

615—616 CE

Obv. [ddNNhЄRACLI ЧSЄƆhЄ]RACONSƆ[PAV]
To left Heraclius, and Heraclius Constantine both standing. Each wears chlamys and crown with cross; in right hand globus cruciger. Between heads, cross.
Rev. M, to left [A/N/N/O], above cross, to right Ϛ, beneath Δ, In exergue: CO[N]
Ref. DOC II/I, p. 285, no. 81c.

50*. AE, 30 mm, 11.83 g, 7 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.KBC.FY.001; Overstruck.

613—616 CE

Obv. [ddNNhЄRACLI ЧSЄƆhЄRACONSƆPAV]
To left Heraclius, and Heraclius Constantine both standing. Each wears chlamys and crown with cross; in right hand globus cruciger. Between heads, cross.
Rev. M, to left A/N/N/[O], above cross, to right [ ], beneath Є, In exergue: CON
Ref. DOC II/I, p. 286, no. 82c.

51*. AE, 30 mm, 10.92 g, 1 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.B4.BO.001; Overstruck on follis of Mauricius Tiberius.

Type 3

615—616 CE

Obv. No inscription. Three figures standing facing; Heraclius center, Heraclius Constantine to right, Martina to left. Each wears chlamys and crown with cross, and globus cruciger. Crosses in upper field to left and right.
Rev. M, to left A/N/N/O, above cross, to right Ϛ, beneath Δ, In exergue: CON
Ref. DOC II/I, p. 289, 89c.

52*. AE, 28 mm, 8.09 g, 7 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.F3.GE.004; Overstruck.

Type 4

627—628 CE

Obv. No inscription. Three figures standing facing; Heraclius center, Heraclius Constantine to right, Martina to left. Each wears chlamys and crown with cross, and globus cruciger.
Rev. M, to left monogram, above cross and A/N/N/O, to right X/Ϛ/II, beneath Δ, In exergue: CON
Ref. DOC II/I, p. 294, no. 102c; MIB III, p. 225, no. 162a; BMC I, p. 208, no. 193.

53*. AE, 23 mm, 6.32 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.F3.FK.006.

Type 5

631—632 CE

Obv. To left Heraclius standing, with mustache and long beard, wearing military dress and crown with cross. He holds in right hand long cross, left hand on hip. To right Heraclius Constantine standing, with short beard, wearing chlamys and crown with cross; in right hand globus cruciger. Between heads, cross, to right K.
Rev. M, to left A/N/N/O, above cross and C, to right X/X/II, beneath A, In exergue: CON
Ref. DOC II/I, p. 297, no. 107; MIB III, p. 225, no. 164a; BMC I, p. 204, no. 159.

54*. AE, 25 mm, 6.50 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.E4.FC.002.

632—633 CE

Obv. Same as catalogue 54.
Rev. M, to left A/N/N/O, above cross and C, to right X/X/II/I, beneath A, In exergue: CON
Ref. DOC II/I, p. 297, no. 108; MIB III, p. 225, no. 164b; BMC I, p. 204, no. 160.

55*. AE, 27 mm, 5.52 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.A5.FY.001; Overstruck.
56*. AE, 26,5 mm, 5.31 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.D4.EM.001; Overstruck.

631—640 CE

Obv. Same as catalogue 54.
Rev. M, to left A/N/N/O, above monogram, to right [ ], beneath B, In exergue: [CO]N
Ref. DOC II/I, p. 297—300, no. 107—116.

57*. AE, 25 mm, 5.88 g, 1 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.F2.FP.001; Overstruck.

Three Quarter Follis

629—630 CE

Obv. To left Heraclius standing, with mustache and long beard, wearing military dress and crown with cross. He holds in right hand long cross, left hand on hip. To right Heraclius Constantine standing, with short beard, wearing chlamys and crown with cross; in right hand globus cruciger. Between heads, star. To left R; to right K.
Rev. Λ, to left A/N/N/O, above cross, to right X/X, beneath Γ, In exergue: CON
Ref. DOC II/I, p. 301, no. 117c; MIB III, p. 227, no. 168a.

58*. AE, 26 mm, 4.70 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.A1.BH.002.
59*. AE, 25 mm, 5.98 g, 7 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.F3.FK.007. Beneath: δ.

Half Follis

631—632 CE

Obv. To left Heraclius standing, with mustache and long beard, wearing military dress and crown with cross. He holds in right hand long cross, left hand on hip. To right Heraclius Constantine standing, with short beard, wearing chlamys and crown with cross; in right hand globus cruciger.
Rev. K, to left A/N/N/O, above cross, to right X/X/II, beneath Δ.
Ref. DOC II/I, p. 304, no. 120b; MIB III, p. 228, no. 171a.

60*. AE, 18 mm, 2.91 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.E4.FC.001.

Thessalonica

Type 2

Half Follis

618—619 CE

Obv. [dNhЄRAC] LIЧSPP[AVC]
To left Heraclius, and to right Heraclius Constantine both standing. Each wears chlamys and crown with cross; in right hand globus cruciger. Between heads, cross.
Rev. K, to left A/N/N/O, above cross, to right ЧI/III, In exergue: ΘЄC
Ref. DOC II/I, p. 311—312, no. 139—145; MIB III, p. 232, no. 227—228; BMC I, p. 214, no. 227.

61*. AE, 28 mm, 4.46 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.F2.FM.001.

Isaura

Follis

617—618 CE

Obv. [JJNhЄRACLЄhRA]
Busts of Heraclius, bearded, crowned and wearing chlamys on the left, and Heraclius Constantine, crowned and wearing chlamys on the right, each crown surmounted by a cross, cross between their heads.
Rev. M, to left [A]/N/N/[O], above cross, to right ЧII, beneath A, In exergue: [ISAYR]
Ref. DOC II/I, p. 330, no. 183; MIB III, p. 230, no. 196; BMC I, p. 221, no. 267.

62. AE, 31 mm, 11.43 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.A1.BH.003.

Cyprus

Follis

626—627 CE

Obv. No inscription. Three figures standing facing; Heraclius center, Heraclius Constantine to right, Martina to left. Each wears chlamys and crown with cross, and globus cruciger. Heraclius is bearded.
Rev. M, to left A/N/[N/O], above cross, to right X/Ч/II, beneath [ ], In exergue: [KVΠP]
Ref. DOC II/I, p. 330, no. 184a1; MIB III, p. 230, no. 198a; BMC I, p. 222, no. 269.

63. AE, 25 mm, 4.29 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.A3.BJ.001.

Alexandria

Dodecanummium

Type 1

613—618 CE

Obv. [ƏOMIN ҺЄRACLIS]
To left bust of Heraclius, bearded; to right bust of Heraclius Constantine, beardless. Each wears chlamys and rounded crown with cross.
Rev. IB, between, cross potent above two steps. In exergue: AΛЄƵ
Ref. DOC II/I, p. 334, no. 189; MIB III, p. 231, no. 200a; BMC I, p. 225, no. 289.

64*. AE, 18 mm, 5.07 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.E3.FA.002.

Pseudo-Byzantine Coinage

Heraclius 610—641 CE

The Umayyad Caliphate: Imitations of Byzantine Coinage

Follis

640s CE

Obv. No inscription. Three figures standing facing; Heraclius center, Heraclius Constantine to right, Martina to left. Each wears chlamys and crown with cross, and globus cruciger.
Rev. M, to left A/N/N/O, above cross, to right X/III, beneath B, In exergue: THP
Ref. MIB III, plt. 15, × 43.

65*. AE, 27 mm, 6.42 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.B1.CE.001.

Constans II 641—668 CE

Constantinople

Follis

643—644 CE

Obv. ⟨INPER CONSC′⟩
Bust facing of Constans II, beardless, wearing chlamys and crown with cross. In right hand globus cruciger.
Rev. M, to left A/N/A, above cross, to right II/I, officina B, in exergue: N/Є/O/S.
Ref. MIB III, p. 248, no. 166; BMC I, p. 266, no. 93.

66*. AE, 25 mm, 5.16 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.E3.ET.002.
67*. AE, 25 mm, 4.65 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.F1.FO.002.

Type 5a

651—652 CE

Obv. [ЄNTϬT ON]IKA
Constans II standing facing, bearded, wearing chlamys and crown with cross, holding long cross in his right hand and globus cruciger in his left.
Rev. M, to left A/N/A, above cross, to right [N/Є/O/S] officina Є, in exergue: illegible.
Ref. DOC II/II, p. 450, no. 69e2.

68*. AE, 25 mm, 4.42 g, 7 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.A3.BJ.002; Overstruck.

Type 5b

652—656 CE

Obv. ЄNTϬ[T ONIKA]
Constans II standing facing, bearded, wearing chlamys and crown with cross, holding long cross in his right hand and globus cruciger in his left.
Rev. M, to left A/N/A, above star, to right N/Є/O/S, officina B, in exergue: illegible.
Ref. DOC II/II, p. 450—451, no. 70—74.

69*. AE, 19 mm, 1.89 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.A4.BN.002.

Half Follis

Type 4

655—656 CE

Obv. No inscription. Constans II standing, facing, with long beard, wearing military dress and crown with cross. He holds in right hand long cross, left hand on hip.
Rev. K, to left [A/N/A], above cross, to right [N/Є/O/Ϛ], officina and in exergue illegible.
Ref. DOC II/II, p. 462, no. 93.

70*. AE, 20 mm, 2.96 g, 12 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.A4.BN.001.

Byzantine Coins with Illegible Emperors

6th — 7th centuries CE

Constantinople

Half Follis

Obv. [ ]
Bust facing of emperor, in helmet with plume and diadem and cuirass. In right hand holds globus cruciger.
Rev. XX, above cross. In exergue: CON

71. AE, 26 mm, 5.40 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.E3.FE.001.

Alexandria

Dodecanummium

6th century CE

Obv. [ ]
Bust of emperor, pearl diademed, draped and cuirassed right.
Rev. IB, between, potent cross. In exergue: AΛЄƵ

72. AE, 12 mm, 1.61 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.F3.FK.013.
73. AE, 13 mm, 1.30 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.E3.FE.003.

Byzantine Coins with Illegible Emperors and Mints

6th — 7th centuries CE

Follis

Obv. [ ]
Bust facing of emperor, in helmet with plume and diadem and cuirass. In right hand holds globus cruciger.
Rev. M, to left A/N/N/O, above cross, to right [ ], beneath B, in exergue: illegible.

74. AE, 31 mm, 11.66 g, 6 h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.E3.FF.004; Overstruck.

Obv. Bad condition.
Rev. M, to left A/N/N/O, above the cross; to the right, below, and in the exergue: illegible.

75. AE, 22 mm, 5.00 g, [ ] h, Excavation Code Number: ANR23.MAY.F2.FM.002.

Table 1. **Late Roman Coins from Anemurium, Central Building A: An Analysis by Emperors, Mints, and Denominations.**

Mint	**Rome**	**CON**		**KYZ**	**Nicomedia**	**Antiochia**		**Undf. Mint**		**Total**
Denomination	**AE4**	**AE3**	**AE4**	**AE3**	**AE4**	**AE3**	**AE4**	**AE3**	**AE4**	
Constantine I (Posthumous) 347—348					1				1	**2**
Constantius II 337—355		3						1		**4**
Valentinian II 375—392			1							**1**
Theodosius I 379—395	1									**1**
Arcadius 383—408			1	1		1	1		1	**5**
Honorius 393—423		1								**1**
Anastasius I 491—518			1							**1**
Arcadius / Honorius 395—401								1		**1**
383—403									4	**4**
423—457									4	**4**
4th — 5th century									15	**15**
Total	**1**	**4**	**3**	**1**	**1**	**1**	**1**	**2**	**25**	**39**

Table 2. **Early Byzantine Coins from Anemurium, Central Building A: An Analysis by Emperors, Mints, and Denominations.**

Mint	**TЄS**	**CON**			**KYZ**	**Isaura**	**Cyprus**	**THЄUP**		**ALEX**		**Undf. mint**	**Total**
Denomination	**Half Follis**	**Follis**	**Three Quarter Follis**	**Half Follis**	**Follis**	**Follis**	**Follis**	**Follis**	**Half Follis**	**Dodecanummium**	**6 Nummi**	**Follis**	
Justinian I 527—565					1						1		**2**
M. Tiberius 582—602								1	1			1	**3**
Heraclius 610—641	1	9	2	1		1	1			1			**16**
Pseudo-Byzantine Coinage 640s												1	**1**
Constans II 641—668		4		1									**5**
Undefinite Emperors				1						2		2	**5**
Total	**1**	**13**	**2**	**3**	**1**	**1**	**1**	**1**	**1**	**3**	**1**	**4**	**32**

Fig. 1. Cilicia Tracheia and Anemurium Ancient City.

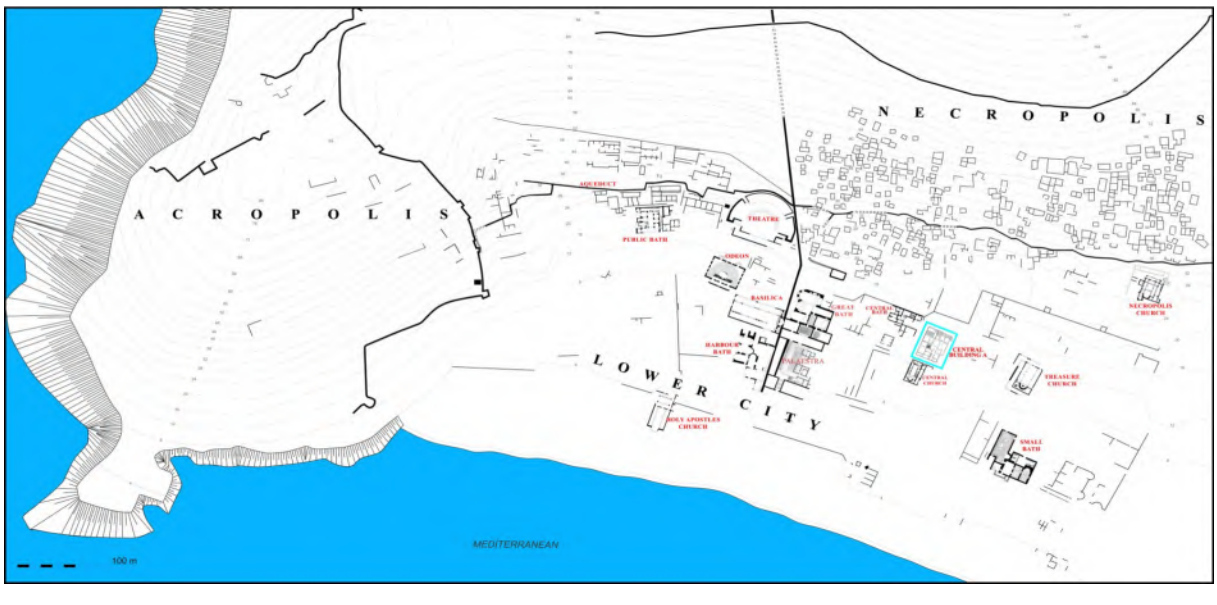


Fig. 2. Anemurium Ancient City plan.

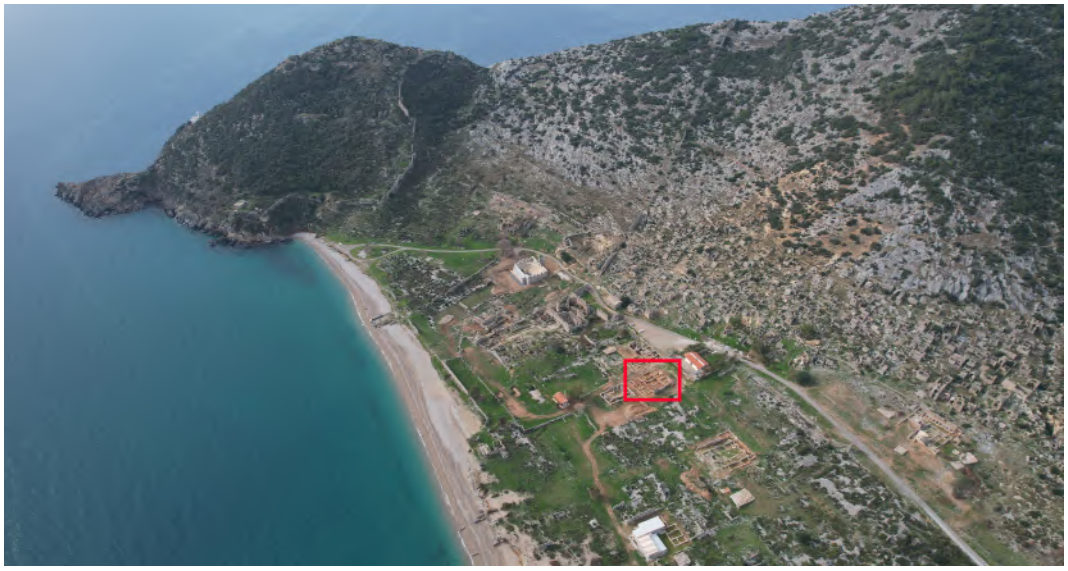


Fig. 3. Anemurium Ancient City general view and Anemurium Central Building A.

Fig. 4. The aerial view of Anemurium Central Building A, after the excavations.

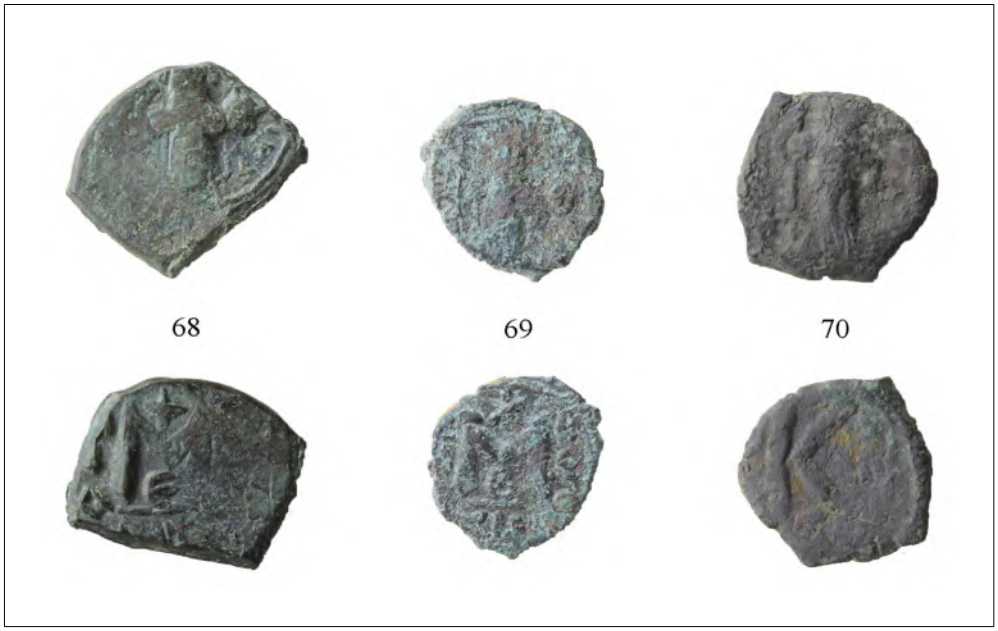
Fig. 5. Anemurium Central Building A, after conservation and restoration works, view from the southwest.

Fig. 6. Anemurium Central Building A, after conservation and restoration works, view from the south.

Pl. 1. The Coins Of Central Building A at Anemurium.

Pl. 2. The Coins of Central Building A at Anemurium (continued).

Pl. 3. The Coins of Central Building A at Anemurium (continued).



Pl. 4. The Coins of Central Building A at Anemurium (continued).

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.81.63.019

М.М. Чореф

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ЭМИССИОННЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ НА ДРАХМАХ РЕСКУПОРИДА II С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ЦАРЯ НА КОНЕ И АФРОДИТЫ НА ТРОНЕ НА РЕВЕРСЕ*

Объектами исследования стали две серии драхм Рескупорида II: с изображениями царя на коне и Афродиты на троне на реверсе. На их реверсе различимы дифференты, в которых есть все основания видеть эмиссионные символы монетных дворов, созданных при этом государе. Большая часть этих обозначений — сарматские знаки. Есть все основания полагать, что Рескупорид II значительно расширил пределы Боспорского государства. Судя по множеству вариаций изображения царя на коне, этот государь вел успешные войны с северопричерноморскими племенами за контроль над Восточной Таврикой и Северным Кавказом. В ходе изучения эмиссионных обозначений удалось проследить не только организацию денежной эмиссии, но и территориальный рост царства Тибериев Юлиев при Рескупориде II.

Ключевые слова: археология, история, нумизматика, Боспор, Рескупорид II.

Сведения об авторе: Чореф Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, Издательство «Киммерия».

Контактная информация: 7403128, Израиль, г. Нес-Циона, ул. А-Авода, д. 3, Издательство «Киммерия», e-mail: michaelchoref@gmail.com.

Michael Choref

ON THE ISSUE OF ATTRIBUTION OF EMISSION SYMBOLS ON THE DRACHMS OF RHESCUPORIS II WITH IMAGES OF THE KING ON HORSEBACK AND APHRODITE ON THE THRONE ON THE REVERSE

The study focused on two series of drachms of Rhescuporis II: one with images of the king on horseback and the other with Aphrodite enthroned on the reverse. Their reverses display distinctive markings, which clearly indicate the emission symbols of the mints established under this ruler. Most of these markings are Sarmatian symbols. There is every reason to believe that Rhescuporis II significantly expanded the borders of the Bosporan Kingdom. Judging by the numerous variations of the depiction of the king on horseback, this ruler waged successful wars with the northern Black Sea tribes for control of Eastern Taurica and the Northern Caucasus. By studying the emission markings, it was possible to trace not only the organization of the currency but also the territorial expansion of the Tiberii Julii kingdom under Rhescuporis II.

Key words: archaeology, history, numismatics, Bosporus, Rhescuporis II.

About the author: Choref Michael, PhD (History), Cimmeria Publishing.

Contact information: 7403128, Israel, Ness Ziona, 3 Ha-Avoda St., Cimmeria Publishing, e-mail: michaelchoref@gmail.com.

Продолжаю изучение монетного дела Боспорского государства периода правления Тибериев Юлиев (Чореф 2012; 2013; 2014; 2015; 2016; 2019a; 2019b; 2019c; 2019d; 2020a; 2021a; 2021b; 2021c; 2022; 2023a; 2023b; 2024a; 2024b; 2025; Яценко, Чореф 2022). Перехожу к изучению бронз Рескупорида II (211/212—228/229 гг.). Меня интересуют его

* Статья поступила в номер 14 января 2026 г.
Принята к печати 10 февраля 2026 г.

© М.М. Чореф, 2026.

драхмы, на реверсе которых размещены изображения царя на коне[1] (рис. 1) и Афродиты[2] на троне[3] (рис. 2). На лицевой стороне всех этих монет выбит бюст боспорского государя[4], обрамленный надписью «ΒΑCΙΛΕ𝛚C ΡΗCΚΟVΠΟΡΙΔΟC» («βασιλέως ῾Ρησκουπόριδος») — «царя Рескупорида».

Сразу же замечу, что эти бронзы давно и хорошо известны. Историю их изучения изложил Б.В. Кёне. Ученый описал большую часть[5] известных в настоящее время разновидностей этих бронз[6] (Кёне 1857: 309—313, № 25—42). Он также попытался объяснить причины появления их вариаций. Исследователь справедливо заключил, что Рескупорид II изначально выступал в роли умиротворителя. Не случайно его изображали на спокойном коне (рис. 1: 1—6). Однако на позднейших сериях он несется вскачь с копьем в правой руке (рис. 1: 7—10). Очевидно, что Рескупориду II пришлось воевать (рис. 1: 7—9). Причем им была одержана важная победа. Не случайно под ногами его коня просматривается фигура поверженного врага (рис. 1: 10) (Кёне 1857: 309—311, № 24—33).

Далее, Б.В. Кёне видел в сидящей богине на реверсе изображение Астарты (Кёне 1857: 312—313, № 34—42). Эти монеты интересны тем, что божество на их реверсе восседает на троне с высокой спинкой (Кёне 1857: 312—313, № 34—40) или «без спинки и странной формы» (Кёне 1857: 313, № 41). Примечательно и то, что богиню изобразили с (Кёне 1857: 312, № 39, 40, 42) и без скипетра (Кёне 1857: 312—313, № 34—38, 41) в левой руке, а также вместе с Эротом (Кёне 1857: 313, № 42).

Кроме крупных бронз Б.В. Кёне описал сестерций Рескупорида II. По мнению исследователя, на его лицевой стороне также выбито изображение царя—всадника с правой рукой, поднятой в жесте адорации. Обрамляющая его надпись, по мнению ученого, «не ясна». На реверсе этой монеты отчеканен дубовый венок и обозначение номинала «ΜΗ» (Кёне 1857: 313, № 43).

Кроме основных элементов монетного типа на бронзах Рескупорида II присутствуют и дополнительные. Имею ввиду дифференты. И сразу же замечу, что они также стали объектами изучения. Так, А.Н. Зограф заключил, что эмиссия этого государя «в известном смысле представляет шаг назад в сравнении с царствованием Савромата II; чеканятся монеты только одного размера, все снабженные на обороте звездообразным знаком, т.е. знаком денария» (Зограф 1951: 206). Как видим, исследователь не поддержал вывод Б.В. Кёне о возможности выявления сестерциев Рескупорида II. Действительно, надпись на лицевой стороне спорной монеты, как помним, осталась «не ясна» (Кёне 1857: 313, № 43).

Однако В.А. Анохин придерживался иной точки зрения на проблему эмиссии разменных монет Рескупорида II. Во-первых, он описал сестерций этого государя, причем иной, не известной Б.В. Кёне разновидности. На лицевой стороне этой монеты оттиснут бюст безбородого и усатого боспорского правителя, правее которого читается «ΒΑCΙΛΕ𝛚C». На ее оборотной стороне выбиты по центру круглый щит и копье, а по сторонам — голова коня и топор, а также шлем и

[1] Сведения об этих монетах приведены в каталоге-архиве «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: № 000-4727-1, 000-4778-3, 645-4045-29, 645-4160-7, 645-4596-2, 645-4596-7, 646-4499-1, 646-4997-1, 646-5244-1, 647-4742-4).

[2] Полагаю, что на них изображали Афродиту Уранию и Афродиту Апатуру. Первая восседала на троне с высокой спинкой. В ее правой руке — яблоко, а в левой — скипетр (рис. 2: 1, 2, 7). Вторую изображали без скипетра (рис. 2: 3—6). В ее правой руке также яблоко. Левой она опирается на левую стенку трона. Подробно этот вопрос разобран в (Чореф 2021а).

[3] Монеты опубликованы в каталоге-архиве «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: № 000-4143-1, 648-4125-12, 648-4125-21, 648-4780-10, 649-5200-9, 650-4046-4, 650-4899-1).

[4] Развернутый влево (рис. 1: 1) и вправо (рис. 1: 2—10, 2). Это обстоятельство истолкую ниже.

[5] Так, из массы монет интересующих меня типов ему не были известны только бронзы, фотографии которых приведены на рис. 1: 1 и рис. 2: 1. Отмечу, что ученый не описал монеты Рескупорида II с фигурами царя с палицей и трезубцем в руках (Анохин 2011: № 1965), а также с Никой и царем, воздвигающим трофей, у основания которого сидит пленник (Анохин 2011: № 1966).

[6] Он полагал, что все они — сестерции, что не верно. Дело в том, что на реверсе монет Рескупорида II с изображениями царя—всадника и сидящего женского божества на реверсе нет обозначения номинала «ΜΗ».

меч (?). Под композицией различима буква «М», являющаяся элементом очевидного обозначения номинала «МН» (Анохин 1986: 168, № 653, табл. 32: 653; 2011: № 1967).

Это, определенно, сестерций. Но вряд ли есть основания датировать его правлением Рескупорида II. Ведь надпись на аверсе сохранилась довольно плохо. Причем имя царя не читается. Обращаю внимание и на то обстоятельство, что монета значительно окислена, а ее края обломаны. Так что вряд ли она изначально была малого диаметра и веса. Прихожу к выводу, что есть все основания для отнесения ее к эмиссиям государей конца I — первой трети II в. Вернее всего, эту монету могли отчеканить при Савромате I (93/94—123/124 гг.) (Анохин 2011: № 1579, 1592, 1593, 1598) или при Котисе II (123/124—132/133 гг.) (Анохин 2011: № 1633, 1636). Ведь эти государи, носившие усы и брившие бороды, выпустили аналогично оформленные сестерции.

Далее, В.А. Анохин заключил, что Рескупорид II чеканил крупные бронзы — по его мнению, денарии, с дифферентами ⚹, ● и ◡[7] (Анохин 1986: 119—120, 167—168, № 645—652, табл. 31: 645—650, 31: 651, 652; Анохин 2011: № 1958—1966; 2016: 86, № 1961а). В процессе составления каталога «Античные монеты Северного Причерноморья» он пришел к выводу, что этот государь выпустил также разменные монеты и без эмиссионных знаков. Ученый имел ввиду бронзу, на реверсе которой выбита фигура сидящей на троне Афродиты, перед лицом которой отчеканен бюст, по мнению В.А. Анохина — Септимия Севера[8] (Анохин 2011: № 1957).

В свою очередь, Н.А. Фролова поддержала мнение А.Н. Зографа. Она писала, что Рескупорид II чеканил только денарии с обозначением номинала ⚹ (Фролова 1997: 10—19, табл. XIV: 7—20 — XXI: 1—14). При этом она попыталась датировать их серии. Н.А. Фролова основывалась на результатах статистического анализа изученных ею бронз (Фролова 1997: 10). Сразу же замечу, что принимаю ее датировку разменных монет Рескупорида II.

Немаловажно и то, что Н.А. Фролова, как и В.А. Анохин (Анохин 2011: № 1960, 1964), полагала, что на реверсе позднейших серий бронз интересующих нас разновидностей выбито изображения царя с копьем в правой руке на коне и поверженного врага (Фролова 1997: 13), а также богини на троне, перед которой размещена фигурка Эрота (Фролова 1997: 14).

Считаю необходимым заметить, что символы ⚹ (его вариацией следует считать ✳) и ꓭ (горизонтально отраженная «В»), в которых А.Н. Зограф, В.А. Анохин и Н.А. Фролова, а также их последователи видели и продолжают видеть обозначения монетного достоинства в денариях, принятые при Тиберии Юлиях, известны на статерах II — конца III вв. (Анохин 2011: № 1730, 1734, 1737, 1739, 1742, 1745, 1747, 1750, 1762, 1769, 1772, 1775, 1776, 1778, 1780, 1781, 1783, 1786, 1789; 1792, 1795, 1799, 1803, 1808, 1813, 1823, 1840, 1841, 1843, 1848, 1903, 1907, 1910, 1914, 1918, 1922, 1927, 1931, 1935, 1937, 1939, 1942, 1945, 1948, 1951, 1954, 1968, 2033, 2038, 2040, 2043, 2052, 2055, 2062, 2067, 2089, 2092, 2124; Чореф 2012: 174—175). Настаиваю на том, что это эмблемы монетных дворов (Чореф 2012: 174—175, 177—178).

В любом случае, у меня есть повод и возможность уточнить общепринятую на данный момент классификацию бронз Рескупорида II с изображениями царя на коне и Афродиты на троне на реверсе. Дело в том, что относительно недавно была обнаружена монета этого государя, изображение которой приведено на рис. 1: 1.

---

[7] В процессе работы над каталогом «Античные монеты Северного Причерноморья» В.А. Анохин отказался от идеи выявить этот дифферент. Однако каких-либо соображений по этому вопросу он не привел. Полагаю, что проблема заслуживает обстоятельного изучения. Разберу тезис В.А. Анохина о вероятности выявления дифферента ● на бронзах Рескупорида II несколько ниже.

[8] Изображение монеты этой разновидности, причем с лучшей сохранностью реверса, приведено на рис. 2: 1. Она опубликована мною (Чореф 2019с: рис. 12). Полагаю, что на ее реверсе выбит бюст Каракаллы (211—217). Сужу по тому, что у изображенного прямой нос и округлый гладкий подбородок. Также отмечу, что на оборотной стороне этой монеты различим дифферент ⚹, невидимый на экземпляре, известном В.А. Анохину (Анохин 2011: № 1957).

Л.с.: ΒΑCΙΛΕ𐆊C ΡΗCΚΟΥΠ. Буквы надписи даны нестандартно. Они отражены по вертикали. Бюст царя развернут влево. Правитель облачен в латы. Его голову не венчает диадема. У государя короткие волосы и прямой, непропорционально крупный нос. Обрамление композиции не просматривается.
О.с.: Царь восседает на стоящем коне, развернутом вправо. Правая рука правителя поднята в жесте адорации. В левой руке государя длинный скипетр. Животное подняло переднюю левую ногу. Его грива передана короткими жирными черточками. Под животным — черта. Композиция вписана в точечный ободок. Обозначение ⚹ отсутствует.

Нахожу эту монету крайне интересной. Начну с того, что изображение государя на ее аверсе развернуто влево. Что не характерно для монетного дела Боспора второй половины II — III вв. Подчеркну, что таким образом не оформляли выпуски Савромата II (174/175—210/211 гг.), которого почитал его сын и наследник Рескупорид II (КБН 1965: № 53, 56, 953, 1245, 1246, 1248; КБН 2004: № 53, 56, 953, 1245, 1246, 1248). Правда, известны бронзовые монеты Савромата I, как полагаю, первой серии, на аверсе которых бюст государя также развернут влево (Чореф 2019a: 583—591, рис. 1). Но вряд ли у нас есть основания для проведения аналогии. Дело в том, что на изучаемой монете Рескупорида II надпись на аверсе развернута не против часовой стрелки, как это свойственно монетам Боспора, а по ней. Причем буквы на изучаемой бронзе, как уже было сказано выше, отражены по вертикали. Так что мы наблюдаем не результат попытки выпустить особым образом оформленную монету, а вполне очевидное следствие ошибки недостаточно хорошо подготовленного резчика штемпелей.

Далее, изображение государя на аверсе этой бронзы исполнено весьма нестандартно, можно даже сказать — нарочито примитивно, карикатурно. Как уже было сказано выше, у него неестественно крупный нос и короткие волосы. Но вряд ли в данном случае мы наблюдаем только следы работы неумелого резчика штемпеля. Допускаю, что мастер верно, правдоподобно, хотя и неумело передал облик правителя. Ведь, в ином случае, монета вряд ли бы поступила в обращение. Так что отсутствие диадемы не было случайным. Полагаю, что в момент выпуска изучаемой монеты Рескупорид II еще не взошел на престол. По-видимому, он тогда ожидал санкции римских властей. Заключаю, что объект изучения — первая серия бронз этого государя.

Вполне возможно, что у Рескупорида II на момент прихода к власти были короткие волосы. Действительно, не известны изображения боспорских мужчин, и, в частности, воинов, волосы которых, как у царей, ниспадали бы на плечи (Давыдова 1990; Матковская и др. 2009). Далее, у Рескупорида II, судя по известным изображениям, был довольно крупный, хотя и не столь гротескно большой нос (Анохин 2011: № 1903—1967). Так что нет оснований сомневаться в портретности его изображения на изучаемой монете.

Подчеркну, что мы имеем дело с официальной эмиссией. Дело в том, что реверс этой драхмы, судя по стилю, оформлен мастером, работавшим и на монетном дворе Пантикапея. Судим по наличию знака ⚹[9] на оборотной стороне бронзы на рис. 1: 2.

Учитывая это обстоятельство, попытаемся объяснить факт выпуска бронзы на рис. 1: 1 без метки монетного двора. Полагаем, что она была отчеканена в спешно организованном эмиссионном центре, который своевременно не получил свою эмблему. Вполне возможно, что он был создан при воинской части. Появился же этот монетный двор, т.к. Рескупориду II, провозглашенному царем после смерти Савромата II, понадобились деньги на насущные расходы, но он не мог получить средства из столицы или иного боспорского центра. Ведь не случайно этот государь не организовал первую эмиссию своих монет в каком-либо полисе

[9] Пользуясь случаем, перечислю фундаментальные исследования знаков Северного Причерноморья (Драчук 1975; Соломоник 1959; Яценко 2001; 2019; 2023; Яценко, Рогожинский 2021; Яценко, Сланов, Хутинаев 2023). Также отмечу, что знаки на монетах являются весьма информативными обозначениями (Чореф 2013; 2016; 2017; 2019a; 2019b; 2020a; 2021a; 2022).

или в племенном центре. В результате чего в обращение поступили небрежно оформленные драхмы без дифферентов (рис. 1: 1).

Вполне возможно, что причиной тому была обстановка на фронте. Допускаю, что войско, сражавшееся под командованием наследника престола, действовало в регионе, удаленном или временно отрезанном от основных центров Боспорского государства. Вернее всего, армия была в далеком походе. Узнав о смерти Савромата II, Рескупорид II не прервал выполнение операции. Находясь вдали от боспорских пределов, он выпустил первую серию своих драхм. Полагаю, что эти монеты могли быть розданы воинам. Одержав победу, новоявленный государь вернулся в Пантикапей. И мастер, участвовавший в производстве его первых бронз (рис. 1: 1), стал работать на столичном монетном дворе (рис. 1: 2).

Вероятно, что по той же причине на реверсе ранних драхм этой разновидности выбили изображение Рескупорида II на коне, с правой рукой, поднятой в жесте адорации (рис. 1: 1—4). Определенно, царь нуждался в поддержке войска. И у него, как у победоносного полководца, были все основания на нее рассчитывать.

Подчеркну, что Рескупорид II обратился к армии не потому, что его право на престол могли поставить под сомнение. Не случайно в левой руке государя на ряде монет этого типа (рис. 1: 1—3) виден длинный скипетр — один из символов царской власти. О том, что Рескупорид II был законным наследником Савромата II свидетельствуют и памятники эпиграфики (КБН 1965: № 53, 54, 56, 897, 953, 1008, 1230, 1245, 1246, 1247, 1248, 1281, 1284; КБН 2004: № 53, 56, 54, 897, 953, 1008, 1230, 1245, 1246, 1247, 1248, 1281, 1284).

Полагаю, что изучаемые монеты иллюстрируют события завершающего периода Второй Боспорской войны (194—213 гг.). Она победоносно завершилась при Рескупориде II[10] (Чореф 2019b: 93). Так что армия была опорой его режима. По той же причине этого государя изображали в военном плаще и в кирасе (рис. 1). А вместо скипетра в его левой руке появилось копье (рис. 1: 7—19).

Есть все основания считать, что начинания Рескупорида II были успешными. В память об одержанных им победах были выпущены драхмы с изображением государя на коне, повергшего врага на землю (рис. 1: 10). Становится понятным, почему его титуловали царем всего Боспора и окрестных племен (КБН 1965: № 54; КБН 2004: № 54), а также повелителем тавро-скифов (КБН 1965: № 1008; КБН 2004: № 1008). Но Рескупорид II не только воевал. Он заботился о процветании отчего Боспора. Известно, что этот государь поддерживал торговлю в Причерноморском регионе (КБН 1965: № 54, 55, 953; КБН 2004: № 54, 55, 953). Так что Рескупорид II, как точно и образно писал Евтропий, был «vir acer, strenuus, iustus» (Eutr., IX, 17, 3).

Однако успехи этого государя были тактическими, а не стратегическими. Экономическое положение Боспорского государства при нем продолжало ухудшаться. Судим по тому, что он, как и его отец Савромат II, был вынужден снижать стопу статеров (Анохин 1986: 118; Фролова 1997: 8—9; Смекалова, Дюков 2001: 94; Абрамзон, Смекалова, Быковская 2023: 42). Причем, по данным Н.А. Фроловой, к концу правления Рескупорида II, в 221 г., объемы эмиссии таких монет значительно снизился (Фролова 1997: 9). Что может быть истолковано двояко. Вполне возможно, что к тому времени царь сокрушил своих врагов и не нуждался в значительных средствах на военные расходы. Однако учитывая факт выпуска в 224 г. статера из бронзы, без примеси серебра (Фролова 1997: 9), можно сделать вывод о том, что у Рескупорида II в последние годы его царствования не было необходимых средств для проведения эмиссии. Однако каких-либо катастрофических явлений при нем на Боспоре не наблюдалось (Зубарь, Зинько 2006: 156).

[10] Об остроте момента говорит и то, что не был отозван римский воинский контингент (Чореф 2019b: 93). Сужу по тому, что на реверсе монеты Рескупорида II на рис. 2: 1 размещен бюст Каракаллы (Чореф 2019b: 89).

Как видим, данные нумизматики весьма красноречивы. Рескупорид II много воевал, причем одержанные им победы не компенсировали затраты, что привело к проблемам в экономике. Чтобы удостовериться в верности этого тезиса, обратим внимание на бронзы, изображения которых приведены на рис. 2. Их лицевые стороны оформлены вполне стандартно. На них оттиснут бюст государя, обрамленный легендой «ΒΑCΙΛΕѠC ΡΗCΚΟVΠΟΡΙΔΟC». На реверсе монет выбита традиционная для Боспора композиция — изображение Афродиты, восседающей на троне. Действительно, в первых веках н.э. эту богиню чтили в государстве Тибериев Юлиев как главное божество государственного пантеона (Бондаренко 2007: 145; Шауб 2007: 325). Причем эти боспорские династы считали Афродиту Уранию своей прародительницей (Бунин 2005: 131—132). Интересно разве то, что на изучаемых монетах размещены различные изображения этого божества. На ряде бронз она держит в левой руке длинный скипетр (рис. 2: 1, 2, 7). Однако на большинстве известных выпусков левая рука божества согнута в локте и опирается на левую стенку престола (рис. 2: 3—6).

Мне уже представлялась возможность обратиться к проблеме атрибуции изображений сидящих на троне богинь на драхмах Савромата II (Чореф 2021). Полагаю, что при этом государе на монетах стали размещать изображения Афродиты Урании и Афродиты Апатуры. Причем резчики штемпелей копировали их статуи. Основываюсь на выводе, к которому пришли Д.С. Бунин (Бунин 2005: 115) и М.Ю. Трейстер (Трейстер 2015: 324). Так, последний из этих исследователей заключил, что при Савромате II почитание Афродиты Урании должно было достигнуть нового, доселе невиданного, высочайшего уровня. По этой причине ее изображения украсили бронзовые монеты и медальоны из Кубанской области, Илурата и Новоотрадного. Ученый заключил, что речь должна идти о фигуре богини со скипетром в левой и с яблоком в правой руках, восседающей на троне с высокой спинкой[11] (рис. 3: 1) (Трейстер 2015: 324). В свою очередь, полагаю, на монетах размещали и изображение Афродиты Апатуры. Она также сидела на троне. В ее правой руке было яблоко. А левая рука богини покоилась на левой стенке трона (рис. 3: 2) (Чореф 2021: рис. 2, 3).

Но вернусь к изображениям монет на рис. 2. Полагаю, что первыми были выпущены монеты с изображением Афродиты Урании на реверсе (Чореф 2021: 888—889, рис. 1). Так славили официальную прародительницу правящей династии. Однако Рескупорид II был вынужден учесть религиозные предпочтения своих подданных. Он санкционировал размещение на монетах фигуры Афродиты Апатуры.

Сам факт их выпуска свидетельствует об осложнении ситуации в Северном Причерноморье, которое может быть объяснено усилением нажима кочевников на Боспор. Рескупорид II смог сокрушить своих врагов только в результате мобилизации всех ресурсов государства и достижения консенсуса с большинством поданных. Одержав победу, он счел возможным восстановить культ Афродиты Урании. Вследствие этого ее изображение вновь появилось на драхмах (рис. 2: 7).

Полагаю, что следует обратить внимание и на следующее обстоятельство. На бронзе, изображение которой приведено на рис. 2: 4, видно, что к спинке трона, на котором восседает Афродита Апатура, прислонена пальмовая ветвь. Она однозначно трактуется как символ победы.

Замечу, что пальмовая ветвь не редка на монетах Боспора. Как правило, ее изображали в левой руке Ники, причем как на статерах, так и на разменных бронзах I в. до н.э. — IV в. н.э. (Анохин 2011). Собственно, ветви известны и на монетах боспорских городов и на подражаниях им, в частности, выпущенные в переломные моменты их истории (Чореф 2020b: рис. 1: 1, 2, 2: 2—7). Однако только на привлекшей мое внимание бронзе ее прислонили к спинке трона.

[11] Информация о монетах на рис. 3 доступна в каталоге-архиве «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: № 624-4637-4, 616-4592-16).

Полагаем, что символ победы был добавлен к изображению Афродиты Апатуры на троне в память о победе, которая была одержана, как считали боспоряне, благодаря ее помощи.

Перейду к изучению дифферентов. Начну с обозначений ● и ◡, выявленных В.А. Анохиным (Анохин 1986: 168, № 648а, 649, табл. 31: 648а, 649; Анохин 2011: № 1962, 1963). Действительно, первое из них присутствует на аверсе драхм с изображениями как царя—всадника, так и Афродиты на реверсе (рис. 1: 3, 2: 5, 6). Иное дело — знак ●. Дело в том, что В.А. Анохин выявил это обозначение на реверсе только одной разновидности бронз Рескупорида II (Анохин 1986: 168, № 650, табл. 30: 650), как полагаю, с изображением сидящей Афродиты Апатуры на реверсе. Привожу изображение монеты такого типа на рис. 2: 6. Однако вряд ли речь должна идти о дифференте. Полагаем, что это одно из украшений трона. Дело в том, что ●, привлекшая внимание В.А. Анохина, размещена не только на левой стенке престола, но и на его спинке (рис. 2: 6).

Перейду к обозначению ◡. Оно различимо на аверсе монет на рис. 1: 3 и 2: 5, 6. К сожалению, В.А. Анохин не высказал никаких соображений по вопросу его атрибуции (Анохин 1986: 168, № 648а). В свою очередь замечу, что речь должна идти не о букве, а о знаке. В таком случае, монеты с ним могли быть отчеканены в центре варварского объединения, символом которого он являлся.

И, действительно, знак ◡ хорошо известен. Он был зафиксирован на северопричерноморских античных памятниках С.В. Драчуком (Драчук 1975: табл. VI: 401—407, VII: 459—463, VIII: 532—539, XIX: 3: 14, XL: 424—426, 436—440, XLVI: 133—137, LI: 108—110) и С.А. Яценко (Яценко 2001: рис. 9—13). Большая часть этих обозначений обнаружена на территории Боспора, в Юго-Западной Таврике, в Ольвии и в степях Северного Причерноморья[12]. Есть все основания полагать, что знак ◡ принадлежал влиятельному клану. Появление же его на монетах Рескупорида II может быть объяснено только тем, что это объединение примкнуло, или, что вероятнее, признало власть этого боспорского государя. Что не противоречит результатам эпиграфических исследований (КБН 1965: № 1008; КБН 2004: № 1008). Заключаю, что монеты с дифферентом ◡ были выпущены на вновь присоединенных к Боспору территориях Таврики[13].

Итак, мною были высказаны, и, как кажется, убедительно обоснованы предположения, позволяющие истолковать причины появления обозначений ● и ◡ на монетах Рескупорида II, привлекших внимание В.А. Анохина. Однако не считаю вопрос решенным. Дело в том, что на реверсе монеты Рескупорида II с изображением Афродиты Урании и Эрота на реверсе различима также метка ★ (рис. 2: 7). Полагаю, что это также эмиссионный символ. Ранее он был выявлен на разменных деньгах Асандра (Чореф 2016: рис. 1: 3, 4) и на статере Фофорса (Чореф 2014: рис. 10: 7). Учитывая наличие на оборотной стороне последней монеты вполне ординарного для восточной части Боспора эмиссионного символа ∴, локализую центр ★ на Северном Кавказе, вне исконно боспорских владений[14] (Чореф 2014: 353; 2016: рис. 1: 3, 4; 2020а: 264). Есть основания полагать, что Рескупорид II значительно раздвинул пределы Боспорского государства и на востоке.

---

[12] Замечу, что обозначение ◡ было выявлено на ручке амфоры из коричневой глины в ходе раскопок поселения Мысхако (Восточный холм, раскопки 1990—1991 гг.) в слое I—III вв. Но вряд ли это знак. Принимаем точку зрения С.Ю. Сапрыкина и А.А. Масленникова. Речь должна идти об указании на цену (Сапрыкин, Масленников 2007: 214, № 224). Иное дело — рельефные знаки на бронзовом котле V—IV вв. до н.э. (ГЭ. Инв. № 1292/46), найденном в 1852 г. в дер. Карагай (бывш. Ишимский уезд) (Мир кочевников 2013: 27, № 52). Э.И. Соломоник заключила, что «подобные знаки простых очертаний» известны на предметах малой пластики из Северного Причерноморья (Соломоник 1959: № 139).

[13] Статистика обнаружения монет этого государя приведена в (Højberg Bjerg 2014: 90—92, fig. 31, 32). Примечательно то, что его монеты не редки в дер. Семеновке (42 экз.), расположенной вдели от основных боспорских центров.

[14] О значимости этого региона для Боспора при Рескупориде II свидетельствует тот факт, что монеты этого государя чаще всего находят в Танаисе (100 экз.) и в Горгиппии (45 экз.) (Højberg Bjerg 2014: 90).

Как видим, бронзовые монеты этого государя являются ценнейшими источниками исторической информации. Их изучение позволило уточнить наши представления о внешней политике Рескупорида II. Заключаю, что он не только разгромил своих противников, но и включил в состав Боспорского царства два региона: в Восточной Таврике и на Северном Кавказе.

Для достижения победы государь пошел на временные уступки поданным. В завершающий период Второй Боспорской войны он санкционировал размещение на драхмах изображения Афродиты Апатуры. Одержав победу, государь возродил в полной мере почитание Афродиты Урании.

Есть все основания считать Рескупорида II достойным наследником и продолжателем политики Савромата II, а его правление — завершением эпохи расцвета и наибольшего могущества державы Тибериев Юлиев, нашедшей свое отражение не только в успешном сдерживании варварских нашествий, но и в значительных территориальных захватах.

Литература

Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В. 2023. *Монетные сплавы античного Боспора: Рентгено-флуоресцентные исследования монет довоенной коллекции, переданной Федеративной Республикой Германии Восточно-Крымскому историко-культурному музею-заповеднику*. Санкт-Петербург: Алетейя (Археометрия Причерноморья. Вып. 9).

Анохин В.А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка.

Анохин В.А. 2011. *Античные монеты Северного Причерноморья*. Киев: Стилос.

Анохин В.А. 2016. *Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды*. Киев: Стилос.

Бондаренко М.Е. 2007. *Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья*. Москва: МАКС Пресс.

Бунин Д.С. 2005. Культ Афродиты на Боспоре. Дисс. канд. ист. наук. Москва.

Давыдова Л.И. (сост.). 1990. *Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. — III в. н.э. Каталог выставки*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.

Драчук С.В. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры*. Киев: Наукова думка.

Зограф А.Н. 1951. *Античные монеты*. Москва: АН СССР (МИА 16).

Зубарь В.М., Зинько В.Н. 2006. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. *БИ* XII.

КБН 1965: Струве В.В. (ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.

КБН 2004: Гаврилов А.К. (ред.). 2004. *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом)*. Т. II. Санкт-Петербург: Алетейя (Bibliotheca classica Petropolitana).

Кёне Б. *Описание музеума покойного князя Василия Викторовича Кочубея (составлено по его рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике греческих колоний в России, равно как царств: Понтийского и Босфора Киммерийского*. Т. II. Санкт-Петербург: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг.

Матковская и др. 2009: Матковская Т., Твардецки А., Тохтасьев С., Бехтер А. 2009. *Боспорские надгробия II в. до н.э. — III в. н.э.* Киев: Мистецтво (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. 3. Кн. 2. Ч. I).

Мир кочевников 2013: Пиотровский М.Б. (ред.). 2013. Из археологических коллекций Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж; АО «Славия».

Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. 2007. *Граффити и дипинти хоры античного Боспора*. Киев: АДЕФ-Украина (БИ Suppl. 1).

Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. *Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Соломоник Э.И. 1959. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*. Киев: АН УССР.

Трейстер М.Ю. 2015. Синкретические женские божества на ювелирных изделиях из Фанагории и Горгиппии первых веков н.э. и некоторые наблюдения об иконографии Афродиты Урании на Боспоре. *ПИФК* 1(47), 308—337.

Фролова Н.А. 1997. *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.)*. Ч. II. *Монетное дело Боспора 211—341/342 гг. н.э.* Москва: Эдиториал УРСС.

Чореф М.М. 2012. «Non multa, sed multum», или дифференты на монетах Боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник. *Stratum plus* 4, 171—200.

Чореф М.М. 2013. Династическая история Боспора рубежа новой эры по данным нумизматики. *Stratum plus* 6, 127—156.

Чореф М.М. 2014. Боспорское царство при Фофорсе: по данным нумизматики. *PAE* 4, 323—365.

Чореф М.М. 2015. К вопросу о времени и обстоятельствах появления изображений пятиколонного храма на монетах боспорского чекана. *Stratum plus* 6, 111—130.

Чореф М.М. 2016. К вопросу об организации эмиссии медных и бронзовых монет архонта Асандра. *Stratum plus* 4, 119—124.

Чореф М.М. 2017. Сикли Ахеменидов из округи Неаполя Скифского. *Stratum plus* 3, 213—221.

Чореф М.М. 2019a. Бронзовые монеты Савромата I с развернутым влево бюстом правителя на аверсе как источник исторической информации. *МАИАСП* 11, 583—591. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00018.

Чореф М.М. 2019b. Звездовидная надчеканка I в. до н.э. на боспорском оболе III в. до н.э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан. *Русин* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3.

Чореф М.М. 2019c. К истории Второй Боспорский войны. *Stratum plus* 4, 75—98.

Чореф М.М. 2019d. К вопросу о статусе Аспурга как монарха Боспорского царства. *Stratum plus* 6, 97—116.

Чореф М.М. 2020a. Миграционные процессы на Боспоре при Фофорсе: по данным нумизматики. *Stratum plus* 4, 261—268.

Чореф М.М. 2021a. Бронзы Савромата II с сидящей на троне Афродитой на реверсе как источники исторической информации. *МАИАСП* 13, 882—902. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.88.031.

Чореф М.М. 2021b. К истории правления Радамсадия. *Stratum plus* 4, 245—254.

Чореф М.М. 2021c. Недостающие звенья, или к истории Боспорского царства II в. н.э. при Евпаторе: по данным нумизматики. *Stratum plus* 6, 93—106.

Чореф М.М. 2022. Тамги на драхмах Рескупорида IV как источник исторической информации. *Stratum plus* 4, 59—70.

Чореф М.М. 2023a. Подражание статеру Рескупорида IV чекана 560 г. б.э. как источник исторической информации. *Русин* 73, 13—27. DOI: 10.17223/18572685/73/2.

Чореф М.М. 2023b. Статеры Тейрана с обозначением даты выпуска ГΞФ как источник исторической информации. *Stratum plus* 4, 377—386.

Чореф М.М. 2024a. К вопросу о датировке посвятительной надписи Аспурга, найденной в 2013 г. в Горгиппии. *МАИАСП* 16, 811—836. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.49.60.040.

Чореф М.М. 2024b. Литые подрезанные реплики боспорским статерам как источник исторической информации. *МАИАСП* 16, 737—750. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.68.45.036.

Чореф М.М. 2025. Митридат III: человек и правитель. *МАИАСП* 19, 451—467. DOI: 10.53737/2713-2021.2025.11.67.020.

Шауб И.Ю. 2007. *Миф, культ и ритуал в Северном Причерноморье (VII—IV вв. до н.э.)*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература.

Яценко С.А. 2019. Мужчины сарматского происхождения в некрополях боспорской элиты I—IV вв. н.э. *Stratum plus* 4, 235—256.

Яценко С.А. 2023. О некоторых группах осетинских и аланских тамг. *Из истории культуры народов Северного Кавказа* 16, 436—468.

Яценко С.А., Рогожинский А.Е. 2021. Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей. *МАИАСП* 13, 733—767. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023.

Яценко С.А., Сланов А.А., Хутинаев А.Х. 2023. Осетинские граффити на постройках верховьев Большой Лиахвы. *МАИАСП* 15, 555—589. DOI: 10.53737/5034.2023.44.99.018.

Яценко С.А., Чореф М.М. 2022. Об атрибуции статера царя Митридата, найденного в 2013 г. при раскопках городища Артезиан. *Stratum plus* 6, 137—147.

bosporan-kingdom.com: Монеты Боспора. URL: https://bosporan-kingdom.com (дата обращения 30.11.2024).

Højberg Bjerg L.M.Br. 2014. *Money, Power and Communication. Coin circulation in the Bosporan Kingdom in the Roman Period*. Wetteren: Moneta (Moneta 168).

References

Abramzon, M.G., Smekalova, T.N., Bykovskaya, N.V. 2023. *Monetnye splavy antichnogo Bospora: Rentgeno-fluorestsentnye issledovaniya monet dovoyennoy kollektsii, peredannoy Federativnoy Respublikoy Germanii Vostochno-Krymskomu istoriko-kul'turnomu muzeyu-zapovedniku (Coinage Alloys of Ancient Bosporus: X-ray Fluorescence Analyses of Coins from the Pre-War Collection Returned by the Federal Republic of Germany to the Eastern Crimean Historical and Cultural Museum Preserve)*. Saint Petersburg: Aletheia (Black Sea Archaeometry. Iss. 9) (in Russian).

Anokhin, V.A. 1986. *Monetnoe delo Bospora (Coinage of the Bosporus)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Anokhin, V.A. 2011. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia. Katalog (Ancient Coins of the Northern Pontic Region. Catalogue)*. Kyiv: Stilos (in Russian).

Anokhin, V.A. 2016. *Monety Severnogo Prichernomorya i tsarey Kolhidy (Coins of the Northern Black Sea Region and of the Kings of Colchis)*. Kyiv: Stilos (in Russian).

Bondarenko, M.E. 2007. *Gosudarstvennye panteony drevnegrecheskih polisov Severnogo Prichernomor'ya (The State Pantheons of Ancient Greek Polises in the Northern Black Sea region)*. Moscow: MAKS Press (in Russian).

Bunin, D.S. 2005. The cult of Aphrodite in the Bosporus. PhD Thesis. Moscow.

Davydova L.I. (ed.). 1990. *Bosporskiye nadgrobnyye rel'yefy V v. do n.e. — III v. n.e. Katalog vystavki (Bosporan tombstone reliefs of the 5th century BCE. — 3rd century CE. Catalogue of the Exhibition)*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).

Drachuk, S.V. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya. Tamgoobraznyye znaki severopontiyskoy periferii antichnogo mira pervykh vekov nashey ery (Systems of signs of the Northern Black Sea region. Tamga-like signs of the northern Pontic periphery of the ancient world of the first centuries of our era)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Zograf, A.N. 1951. *Antichnye monety (Ancient coins)*. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR (Materials and Researches in the Archaeology of USSR 16) (in Russian).

Zubar, V.M., Zin'ko, V.N. 2006. *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* (In Russian).

KBN 1965: Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei (Corpus of Bosporan Inscriptions)*. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).

KBN 2004: Gavrilov, A.K. (ed.). 2004. *Korpus bosporskikh nadpisei. Al'bom illiustratsii (Corpus of Bosporan Inscriptions: Album of Illustrations)*. Vol. II. Saint Petersburg: Aleteiia (Bibliotheca classica Petropolitana) (in Russian).

Köhne, B. 1857. *Opisaniye muzeuma pokoynogo knyazya Vasiliya Viktorovicha Kochubeya (sostavleno po yego rukopisnomu katalogu) i issledovaniya ob istorii i numizmatike grecheskikh koloniy v Rossii, ravno kak tsarstv: Pontiyskogo i Bosfora Kimmeriyskogo (The description of a Muzeum of the late prince Vasily Viktorovich Kochubey (it is made according to his hand-written catalogue) and research on history and numismatics of the Greek settlements in Russia, is equal as kingdoms: Pontic and Bosphorus Cimmerian)*. Vol. II. Saint Petersburg: Tipografiya Ekspedicii zagotovleniya gosudarstvennyh bumag (in Russian).

Matkovskaya et al. 2009: Matkovskaya, T., Tvardetski, A., Tokhtasiev, S., Bekhter, A. 2009. *Bosporskiye nadgrobiya II v. do n.e. — III v. n.e. (Bosporus tombstones of the 2nd century BCE — 3rd century CE)*. Kiev: Mistetstvo (From the collection of the Kerch Historical and Cultural Reserve. Lapidary collection. Vol. 3. Bk. 2. Pt. I) (in Russian).

Mir kochevnikov: Piotrovsky, M.B. (ed.). 2013. *Iz arkheologicheskikh kollektsiy Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki (From the archaeological collections of the State Hermitage. Catalogue of Exhibition)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh; AO Slaviya (in Russian).

Saprykin, S.Yu., Maslennikov, A.A. 2007. *Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora (Graffiti and dipinty choirs of the ancient Bosporus)*. Kiev: ADEF-Ukraina (Bosporan Studies. Suppl. 1) (in Russian).

Solomonik, E.I. 1959. *Sarmatskiye znaki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian Signs of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: AN USSR (in Russian).

Treister, M.Yu. 2015. In *Problemy istorii, filologii i kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1(47), 308—337 (in Russian).

Frolova, N.A. 1997. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n. e. —seredina IV v.) (Bosporan Coinage (Middle of 1st c. BCE — Middle of 4th c. CE))*. Pt. II. *Monetnoe delo Bospora 211 — 341/342 gg. n.e.* (*Bosporan Coinage in 211 — 341/342 CE*). Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Choref, M.M. 2012. In *Stratum plus* 4, 171—200 (in Russian).
Choref, M.M.2013. *In Stratum plus* 6, 127—156 (in Russian).
Choref, M.M. 2014. In *Rossiyskiy arheologicheskiy ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 4, 323—365 (in Russian).
Choref, M.M. 2015. In *Stratum plus* 6, 111—130 (in Russian).
Choref, M.M. 2016. In *Stratum plus* 4, 119—124 (in Russian).
Choref, M.M. 2017. In *Stratum plus* 3, 213—221 (in Russian).
Choref, M.M. 2019a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 583—591. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00018 (in Russian).
Choref, M.M. 2019b. In *Rusin* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3 (in Russian).
Choref, M.M. 2019c. In *Stratum plus* 4, 75—98 (in Russian).
Choref, M.M. 2019d. In *Stratum plus* 6, 97—116 (in Russian).
Choref, M.M. 2020a. In *Stratum plus* 4, 261—268 (in Russian).
Choref, M.M. 2021a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 882—902. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.88.031 (in Russian).
Choref, M.M. 2021b. In *Stratum plus* 4, 245—254 (in Russian).
Choref, M.M. 2021c. In *Stratum plus* 6, 93—106 (in Russian).
Choref, M.M. 2022. In *Stratum plus* 4, 59—70 (in Russian).
Choref, M.M. 2023a. In *Rusin* 73, 13—27. DOI: 10.17223/18572685/73/2 (in Russian).
Choref, M.M. 2023b. In *Stratum plus* 4, 377—386 (in Russian).
Choref, M.M. 2024a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 811—836. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.49.60.040 (in Russian).
Choref, M.M. 2024b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 737—750. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.68.45.036 (in Russian).
Choref, M.M. 2025. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 19, 451—467. DOI: 10.53737/2713-2021.2025.11.67.020 (in Russian).
Shaub, I.Yu. 2007. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'ye VII—IV vv. do n.e. (Myth, cult, ritual in the Northern Black Sea region of the 7th — 4th cc. BCE)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya (Signstamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2019. In *Stratum plus* 4, 235—256 (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2023. *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the cultural history of the peoples of the North Caucasus)* 16, 436—468 (in Russian).
Yatsenko, S.A., Rogozhinskii, A.E. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 733—767. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023 (in Russian).
Yatsenko, S.A., Slanov, A.A., Khutinaev, A.Kh. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 555—589. DOI: 10.53737/5034.2023.44.99.018 (in Russian).
Yatsenko, S.A., Choref, M.M. 2022. In *Stratum plus* 6, 137—147 (in Russian).
bosporan-kingdom.com: Coins of Bosporus. Available at: bosporan-kingdom.com (accessed 30.11.2024).
Højberg Bjerg, L.M.Br. 2014. *Money, Power and Communication. Coin circulation in the Bosporan Kingdom in the Roman Period*. Wetteren: Moneta (Moneta 168).

Рис. 1. Драхмы Рескупорида II с царем—всадником на реверсе (по bosporan-kingdom.com: № 000-4727-1, 000-4778-3, 645-4045-29, 645-4160-7, 645-4596-2, 645-4596-7, 646-4499-1, 646-4997-1, 646-5244-1, 647-4742-4).

Fig. 1. Drachmas of Rhescuporis II with the king-horseman on the reverse (after bosporan-kingdom.com: № 000-4727-1, 000-4778-3, 645-4045-29, 645-4160-7, 645-4596-2, 645-4596-7, 646-4499-1, 646-4997-1, 646-5244-1, 647-4742-4).

Рис. 2. Драхмы Рескупорида II с Афродитой Уранией (*1, 2, 7*) **и Афродитой Апатурой** (*3—6*) **на реверсе** (по bosporan-kingdom.com: № 000-4143-1, 648-4125-12, 648-4125-21, 648-4780-10, 649-5200-9, 650-4046-4, 650-4899-1).

Fig. 2. Drachmas of Rhescuporis II with Aphrodite Urania (*1, 2, 7*) **and Aphrodite Apatoura** (*3—6*) on the reverse (after bosporan-kingdom.com: № 000-4143-1, 648-4125-12, 648-4125-21, 648-4780-10, 649-5200-9, 650-4046-4, 650-4899-1).

Рис. 3. Драхмы Савромата II с Афродитой Уранией (*1*) и Афродитой Апатурой (*2*) на реверсе (по bosporan-kingdom.com: № 624-4637-4, 616-4592-16).

Fig. 3. Drachmas of Sauromates II with Aphrodite Urania (*1*) and Aphrodite Apathura (*2*) on the reverse (after bosporan-kingdom.com: № 624-4637-4, 616-4592-16).

Эпиграфика

Epigraphy

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.74.79.020

Н.Б. Чурекова

МЕТКИ НА АМФОРАХ: ТИПЫ, ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Статья посвящена типологии и проблемам интерпретации различных меток на керамической таре. Приводятся типы меток: анэпиграфные и буквенные, выделяются различные их категории, разбираются вопросы, связанные с интерпретацией содержания меток, дается статистика их встречаемости на сосудах, анализируется взаимовстречаемость различных категорий меток на одном сосуде. Рассматриваются варианты использования данных меток для научных исследований в области античной торговли. В частности предлагается привлекать данные маркировки амфор при выделении партии товаров в комплексах, содержащих керамическую тару.

Ключевые слова: Метки на амфорах, дипинти, граффити, энглифические «колечки», комплексы керамической тары, античная торговля.

Сведения об авторе: Чурекова Наталия Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, старший научный сотрудник Института археологии и культурного наследия мира Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Контактная информация: 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: nat-churekova@list.ru.

Nataliya Churekova

MARKS ON AMPHORAE: TYPES, INTERPRETATION PROBLEMS, AND RESEARCH PERSPECTIVES

The article is devoted to the typology and interpretation of various marks on ceramic containers. It presents the types of marks — anepigraphic and lettered — and identifies their various categories, examines issues related to the interpretation of marking content, provides statistics on their occurrence on containers, and analyzes the interoccurrence of different categories of markings on a single container. The article discusses the possibilities of using these marks for scientific research in the field of ancient trade. Particularly, it proposes using amphorae marking data to identify batches of goods in complexes with ceramic containers.

Key words: Marks on amphorae, dipinti, graffiti, englyphic “rings”, complexes of ceramic containers, ancient trade.

About the author: Churekova Nataliya, PhD (History), Associate Professor of the Department of Ancient History at Saratov State University, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Cultural Heritage of the World at Saratov State University.

Contact information: 410012, Russia, Saratov, 83 Astrachanskaya Str., Saratov State University, e-mail: nat-churekova@list.ru.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00446, https://rscf.ru/project/24-18-00446.

Статья поступила в номер 24 октября 2025 г.
Принята к печати 19 января 2026 г.

© Н.Б. Чурекова, 2026.

Интерес к меткам на амфорах, прежде всего, к буквенным дипинти и граффити, возник еще на заре развития эпиграфики и начало изучения надписей на керамике можно связать с именами А. Бёка, Э. Курциуса и других. В отечественной историографии внимание к граффити и дипинти появилось в русле общего интереса к античности, а еще сильнее оно стало проявляться в период создания фундаментального труда IOSPE. Конечно же, малая эпиграфика должна была войти как органичная часть в этот всеобъемлющий труд, однако по целому ряду обстоятельств, том, посвященный керамической эпиграфике, так и не был издан. Зачастую это связывают с недостаточной подготовкой составителя Е.М. Придика (Яйленко 2018: 482), но, как нам представляется, главным виновником того, что третий том IOSPE не увидел свет, является массовость материала. Том должен был объединить граффити, дипинти и клейма, все эти три вида т.н. малой эпиграфики находят в огромном количестве на археологических памятниках. Как итог — работа закончена не была, том не издан. Перспектив его издания также нет, ибо количество находок выросло невероятно и продолжает расти с каждым годом. Внушительное количество граффити и дипинти привели к тому, что они стали публиковаться по местам находок: Северо-Западное Причерноморье, преимущественно из Ольвии, Херсонес, отдельные города Боспора и т.д. Мы не будем подробно останавливаться на этих работах, так как существуют довольно полные историографические обзоры, например, в трудах И.А. Емеца, А.С. Намойлик и В.П. Яйленко (Емец 2012: 3—9; Намойлик 2018: 18—35; Яйленко 2018: 480—486).

Среди исследовательской литературы, как правило, различаются работы по дипинти и граффити. Публикация дипинти происходит реже. Самой же неохваченной категорией находок являются дипинти на амфорах архаического, классического и эллинистического времени. Это вполне объяснимо. Дипинти на римских амфорах более разнообразны и встречаются на сосудах чаще. Особенно повезло в этом отношении амфорам римского времени из Танаиса, при этом в целом ряде исследований большое внимание уделено методике работы с ними (Бёттгер, Шелов 1998; Ильяшенко 2013).

Одним из первых, кто обратился к классификации граффити, был Э.Р. Штерн (Штерн 1897; 1901). Современные исследователи часто отмечают, что его классификация, хоть и значительно расширена в настоящее время, тем не менее была «большим шагом вперед в понимании материала» (Яйленко 2018: 481—482; Намойлик 2018: 19, 24). Также достаточно подробная классификация была предложена в фундаментальных работах М. Лэнг (Lang 1956; 1976), где она, в том числе, выделяет торговые и налоговые обозначения. Отдельно граффити на амфорах выделяет В.П. Яйленко (2018: 486—487). Нельзя также не отметить работу М. Лаваля, в которой он рассматривает граффити на амфорах с Агоры уже не просто как эпиграфический материал, а как источник для исследования торговли (Lawall 2000).

Наиболее полная классификация надписей на керамике предложена И.А. Емецом (2005), с некоторыми уточнениями ее представили А.С. Намойлик и В.П. Яйленко (Намойлик 2018: 39—42; Яйленко 2018: 486—487). Однако для наших задач подобные классификации не совсем подходят. Как нам представляется, граффити и дипинти на тарной керамике являются, прежде всего, источником для изучения торговых связей, моделей и схем, которыми пользовались в античности. В связи с этим нам важна не только (и в этой работе, даже не столько) интерпретация содержания меток, но и то, как, кем и с какой целью они наносились. И главное, насколько они могут быть привлечены при реконструкции торговли в Причерноморье. Таким образом, мы делим все метки на амфорах на две большие группы: анэпиграфные и буквенные. Для первой категории выделяем энглифические метки — «колечки»; граффити в виде зарубок; метки в виде крестов (как граффити, так и дипинти); дипинти в виде полос, кругов и колец с точками; и, наконец, рисунки.

Для буквенных меток (граффити и дипинти) мы выделяем следующие типы: однобуквенные; двух- и трехбуквенные, отдельно в этой категории монограммы и лигатуры; и надписи на амфорах, в которых больше трех букв, в том числе многострочные. Особое внимание нужно также уделить способу нанесения метки — дипинти или граффити

(по сырой глине и процарапанные). Место нанесения у них практически не отличается, разве что дипинти нами не были встречены на ручках и нижней части тулова.

Анэпиграфные метки

Энглифические метки в виде «колечек» встречаются довольно часто на разных частях амфор. Из-за способа нанесения — тростинкой по сырой глине — в литературе чаще всего их интерпретировали как пробу гончара степени готовности продукции для последующего обжига (Кац 2007: 166; Федосеев 2010: 344, рис. 6), реже как ранние, анэпиграфные клейма, так как довольно часто такие энглифические метки встречаются на сосудах, относящихся к периоду до появления систематического клеймения или на амфорах центров, которые вообще не клеймили свою тару или делали это спорадически, например, Лесбоса, Хиоса или на сосудах «на сложнопрофилированной ножке» (Чурекова 2022: 226). При анализе внешнего вида энглифических «колечек» можно наблюдать различную степень их вдавленности, отпечатки не всегда четкие, разных форм, замкнутые, несомкнутые и даже трехсекционные (рис. 1). Основная масса меток имеет форму круга, диаметром в среднем от 6,5 до 8,5 мм, нет сомнений в том, что не все оттиски нанесены тростинкой. Встречаются также случаи, когда оттиснуто сразу несколько «колечек», например: два друг под другом на амфоре Хиоса «колпачкового» варианта из Калос Лимена (APE.IX-КЛ.Ch.1); три «колечка» на венце амфоры Милета с Березани (Буйских 2014: 94, рис. 9: 3); очень похожий оттиск присутствует на «протофасосской» амфоре из музея Конуралпа (Okan, Bilir, Önemli: 166, fig. 4); четыре «колечка» рядом на ножке хиосской амфоры типа с «воронковидным горлом» из Керченского музея (APE.I-Ch.1), причем в данном случае вдавления довольно глубокие и нет уверенности, что здесь речь идет о таком же способе нанесения метки, как в предыдущих случаях; и, наконец, «протофасосская» амфора из музея Абдер, на ручках которой нанесены целые орнаментальные узоры при помощи энглифических «колечек» (Dupont 2019: 35, fig. 1).

По данным обработанных нами материалов из APE, IOSPE, картотеки С.Ю. Монахова[1] и частично каталога В.И. Каца (Кац 2015) — наиболее встречаемые места нанесения «колечек» на разные части амфоры: ножка и нижняя часть (4%), разные части горла (26,7%), около нижних и верхних прилепов ручек (70,3%). Такая статистика вполне объяснима, с одной стороны, старались все-таки ставить метки на видную часть амфоры. С другой стороны, в данную выборку входит значительная часть ручек, сохранность которых лучше. К тому же, следует признать, что, если бы гончар при помощи «колечка» проверял готовность глины, то логично было бы, что он делал это именно в районе ручек, так как они являются наиболее толстыми и прочными частями. В этой связи мы сталкиваемся с некоторым противоречием, связанным с технологией изготовления остродоных амфор и вероятным назначением «колечек». По мнению С.Ю. Монахова, херсонесские амфоры собирались из нескольких частей — от 4-х до 2-х, отдельно к ним приделывалась ножка. Сборка частей сосуда в одно целое производилась после непродолжительной воздушной просушки. Обычно готовые части оставляли сохнуть на ночь. И затем очередной сушке подвергался уже целый сосуд (Монахов 1984: 121, рис. 15). Вероятно, подобным же образом изготавливались и сосуды других центров. Если сушили частями, то логично было бы предположить, что такие метки наносились на разные части амфоры и при сборке они встречались бы на одном сосуде одновременно в разных частях. Однако таких случаев, пока, нами не встречено. Остается предполагать, что метка наносилась на уже собранный сосуд, но не понятно по какому принципу выбиралось место нанесения. Как уже отмечалось, логичнее всего проверять самое толстое место сосуда, но метки встречены нами и на горле, и на нижней части тулова. И даже в совершенно неподходящих для этого местах, например, внутри ножки и сверху на самом венце (Буйских 2014: 93, 94, рис. 7: 3; 9: 5). Бывают и более крупные «колечки», которые явно не

[1] Выражаем благодарность С.Ю. Монахову за возможность использовать материалы картотеки.

являются технологическими пробами: на тулове «протофасосской» амфоры из Краснодарского музея (APE.VI-NA.6) и под обеими ручками хиосской «пухлогорлой» амфоры со следами ремонта из Ростовского музея (Монахов и др. 2025: POMK.Ch.1).

Если обратиться к статистике, которая может дать база APE и картотека С.Ю. Монахова, то получается, что энглифические метки ставились меньше чем на 2% сосудов. Вряд ли перед обжигом проверяли одну амфору из партии. К тому же на амфорах некоторых центров таких меток вовсе не обнаружено, например, на таре того же Херсонеса Таврического или Синопы. Как нам представляется, от идеи проверки готовности глины таким образом следует отказаться, если и не полностью, то признать, что подавляющее количество энглифических «колечек» не связано с подобным технологическим приемом.

Другой разновидностью анэпиграфных меток являются *граффити в виде зарубок* (часто на ручках), горизонтальные, вертикальные, иногда Х-образные знаки. Выполнены они либо по сырой глине, либо с помощью пропилов по обожженной. С интерпретацией этих меток все довольно просто, они ставились на видном месте, часто в процессе купли-продажи или эксплуатации сосуда, правильнее всего видеть в них некие числовые обозначения. В каталоге М. Лэнг содержится множество примеров подобного цифрового обозначения, зарубки часто сочетаются и с буквами (Lang 1956). Примерно схожую роль могли играть и довольно распространенные *метки в виде крестов*, нанесенные по сырой глине, процарапанные или выполненные с помощью краски.

К анэпиграфиным меткам следует относить также разнообразные *дипинти на амфорах в виде полос*. Часто это полосы красной краской под венцом и по ручкам. Сюда не относится специфическая раскраска амфор, как например, на амфорах Хиоса раннего «пухлогорлого» варианта «с окрашенным венцом» или амфор Клазомен и Теоса. Проанализировав 1797 сосудов, доступных в базе APE, мы получили следующие данные: всего полосы под венцом содержатся на 11,7% амфор, чаще всего они встречаются на амфорах Гераклеи Понтийской 4,5%, Фасоса 1,9% и Хиоса 1,8%. Как нам представляется, данные метки не могут быть обозначением какой-то особой партии амфор, так как они слишком универсальны и мало информативны. Следует ли их рассматривать как своего рода украшение или может быть таким образом обозначали готовность тары, например, для продажи или для заполнения? Мы попробовали рассмотреть полосы под венцом в сочетании с другими метками на амфорах. В этой связи весьма любопытен факт частой встречаемости на амфорах Фасоса и Гераклеи сочетаний полосы под венцом, буквенных дипинти и клейм. На некоторых амфорах Фасоса, Аканфа и Гераклеи (например: APE.III-Th.11, APE.VII-Ak.1, APE.IV-HP.3, APE.III-HP.46; рис. 2) полностью совпадает маркировка сосудов: у всех трех центров есть полосы под венцами, клейма и однобуквенные дипинти на горле. Форма некоторых серий этих центров также схожа, так, Гераклея активно изготовляла амфоры, напоминающие формой фасосские. Сделаем аккуратное предположение, что эти полисы, тяготели друг к другу не только в традициях производства амфор, но и учета продукции, а возможно и попадали в какую-то общую модель посреднической торговли.

Еще одной разновидностью анэпиграфных меток являются *дипинти красной краской в виде кругов*. Так, в комплексе березанской ямы № 41 (Монахов и др. 2019: 45, 46, рис. 24) найдено 9 гераклейских амфор, на двух из которых стоят одинаковые клейма магистрата Ἀριστοκλῆς, а также эти сосуды имеют одинаковую маркировку: полосы красной краской под венцом и идентичное дипинти в виде круга красной краской на горле (APE.III-HP.38, APE.III-HP.39). Амфоры схожи по морфологии и параметрам — объем 10,4 и 10,15 л. Мы предполагаем, что два этих сосуда были сделаны в одной мастерской и попали в одну партию товара, при этом среди материала комплекса ямы № 41 мы можем наблюдать гераклейские амфоры из разных мастерских и партий.

Следующий вид анэпиграфных меток — *колечки с точками*, встречающиеся лишь на амфорах Хиоса и «протофасоса», причем только до конца V в. до н.э. Некоторые метки в данной категории напоминают собой одиночную букву «тету», но и они фиксируются только

на указанных сосудах. Процент амфор с подобными метками из хиосских и «протофасосских» амфор VI—V вв. до н.э. в базе APE составляет 18%, это довольно показательный результат, однако не все метки однотипны, они разного размера, у некоторых есть точка внутри кружка, у других нет. В некоторых случаях видно, что такая метка нанесена с помощью инструмента типа циркуля, внутри виден след от иглы. Таким образом, можно предположить, что эти метки наносились в мастерской, однако цель их нанесения неясна.

К анэпиграфным меткам следует также отнести *рисунки*, часто неясного происхождения. В связи с этим и интерпретировать их сложно. Отметим только, что все они выполнены в виде процарапанных граффити, вероятно, они были нанесены в процессе эксплуатации сосудов, может быть, вторичного их использования. Разумеется, на отдельных фрагментах число таких граффити будет в разы больше, так как амфорные стенки часто использовали как материал для письма уже после разбития сосуда.

Буквенные обозначения

Среди всего многообразия меток на амфорах они наиболее перспективные с точки зрения интерпретации.

Однобуквенные метки встречаются чаще всего. Их можно разделить на граффити (по сырой глине и процарапанные) и дипинти (маленькие и крупные). Начнем с первой категории. *Граффити по сырой глине* стопроцентно наносились при изготовлении, и, хотя они встречаются довольно часто, в нашем распоряжении их оказалось не так много. Так, на амфорах Лесбоса часто присутствуют согласные буквы. На амфорах Хиоса также встречаются одиночные буквы. Большинство граффити по сырой глине представляют собой именно буквенные обозначения, как согласные, так и гласные: «альфа», «эпсилон», «эта», «дельта», «лямбда», «каппа», «пи» и др. Причем, встречаются они в основном на амфорах, датирующихся периодом до начала систематического клеймения. Как представляется, за многими буквенными граффити вполне могут стоять значения, связанные с обозначением характера товара, особенно импонируют «масло и вино»: «А» и «Н». Можно предположить, что если на амфоре стоит такое граффито по сырой глине, то партия сосудов могла закупаться специально для заливки определенного сорта товара и метка на тару ставилась уже в мастерской. Однако встречаются они далеко не на каждой амфоре, даже не на одной из десяти, что затрудняет понимание процесса подготовки тары для дальнейшей купли-продажи. Можно также предположить, что граффити по сырой глине в виде букв и часть энглифических «колечек», могут рассматриваться как некая предтеча клейм. В таком случае буквы следует интерпретировать как начало имен фабрикантов.

Чаще встречаются *процарапанные однобуквенные граффити* — всего в базе APE на сегодняшний день зафиксировано 24 экземпляра на амфорах Хиоса, Лесбоса, Коринфа, Фасоса, Менды, Эрифр, Пепарета, Родоса, Книда, Коса, Синопы, Херсонеса, Милета и неустановленного центра. Как нам представляется, сходную смысловую нагрузку несут и метки в виде *одиночных букв, выполненных краской* — дипинти. Они встречаются чаще, на тех же центрах (с добавлением Гераклеи), бывают разных размеров — небольшие от 2 см и крупные 10—20 см. Отдельно в этой категории стоит отметить однобуквенные дипинти, нанесенные почти на всю высоту амфоры и известные только для сосудов Хиоса «пухлогорлого» типа. В базе APE таких сосудов 6, на 4 стоит буква «А» почти во всю высоту амфоры, на одном — перевернутая «Λ», также на всю высоту сосуда и еще на одном «Λ», но уже меньше размером, только в высоту горла. Интересно, что из 6 хиосских амфор с такими крупными дипинти, четыре происходят из одного комплекса «фанагорийского холма “Г”» (Монахов и др. 2020: 59—65).

Итак, всего 24 сосуда содержали граффити с одной буквой. Это всего 1,4 % от всей выборки. И 49 амфор отмечены одиночными буквами дипинти это соответственно 2,7%. Как мы видим, эта цифра крайне мала.

«Альфа», «дельта», «эпсилон», «эта», «лямбда», «мю», «пи» и «хи» встречаются и в граффити, и в дипинти. Среди граффити наиболее распространенные буквы «альфа» и «лямбда», Среди дипинти — «дельта», «тета» и «альфа». «Альфа» и в дипинти, и граффити встречается только на амфорах Пепарета, причем на одном сосуде рядом с граффито «А» присутствует также дипинто с этой же буквой (APE.I-Pp.2). «Дельта» в граффити встречена только на сосуде Лесбоса и выполнена по сырой глине. Правда в нашей базе есть целый ряд случаев, когда «дельта» повторяющаяся два и три раза, встречена в граффити. Например, граффито на внутренней стороне горла под венцом родосской амфоры из Танаиса. Это кажется несколько странным, но, судя по всему, граффито было нанесено пальцем по сырой глине в виде трех букв «Δ» (рис. 3).

«Лямбда» встречается почти одинаковое количество раз и в дипинти, и в граффити. И дает наибольшее разнообразие центров. Наоборот, «тета» встречена только на сосудах Хиоса. Мы не считаем те случаи, когда подобие «теты» или кружок с точкой встречается на том же Хиосе или «Протофасосе», так как этот значок зачастую выполнен с помощью циркуля, мы не относим его к буквенным дипинти.

Интересно также, что буквы «каппа» и «омикрон» встречены только на Пепарете. В связи с этим необходимо привлечь материалы комплекса тризны Змеиного кургана входящего в состав юзобинского курганного некрополя Часть амфор в настоящее время находится в фондах Керченского музея и в частных коллекциях (Монахов и др. 2016: 39). Состав комплекса: амфоры Пепарета, Хиоса, Менды, Фасоса. На большей части пепаретских амфор присутствует дипинто в виде одной буквы, причем на четырех это «К» и написание ее идентично. Как нам представляется, можно уверенно говорить, что партия пепаретских амфор, сходных по метрическим и морфологическим признакам была одинаково промаркирована. Четыре сосуда имеют абсолютно идентичную маркировку «К», и три соответственно «Δ», «А» и «П». При этом явно буквы не могут обозначать объем, вес и цену, так как амфоры идентичны (рис. 4).

Следующая категория — это *двух- и трехбуквенные метки*, они бывают как рядом стоящие, так и выполненные в виде монограмм и лигатур. Так как в литературе присутствует некоторая путаница в названии тех или иных видов (Lang 1976: 25; Намойлик 2018: 47), остановимся немного на дефинициях. Монограмма от греческих μόνος «один» и γραμμα «буква» — это знак, составленный из соединённых между собой, поставленных рядом или переплетённых одна с другой букв. В античности большое распространение монограммы получили на монетах, где они не только обозначали первые буквы личных имен, но и начало названий полисов. Слово лигатура происходит от латинского *ligatura* «перевязка; повязанный амулет; связка, пучок; хватка, обхват». Это соединение двух или более символов нетипичным образом путём объединения их частей или путём написания одного символа над другим или внутри него. Итак, разница в том, что знаки в монограмме могут просто стоять рядом, а в лигатуре всегда соединены. Будем считать, что при соединении букв и использовании общих гаст, но при сохранении возможности вычленения нескольких глифов — перед нами монограмма, если же буквы переплетены своими гастами, стоят одна в другой и представляют собой единый глиф — это лигатура. Однако на практике не всегда удается точно понять, что перед нами, так как чтение букв допускает большую вариативность, не всегда можно определить их последовательность (Намойлик 2018: 47) и вообще вычленить отдельную букву.

Обычно при публикации граффити и дипинти эту группу меток отдельно не выделяют, включая их в буквенные. Один из редких случаев, когда о монограммах и лигатурах говорилось особо, да и то в рамках буквенных граффити, это диссертация А. Намойлик. Ей собрано внушительное их количество из Нимфейской коллекции граффити — порядка 80 штук, большинство из них нанесены на столовую посуду и, разумеется, интерпретируются как сокращения личных имен — как правило, это владельческие метки (Намойлик 2018). В случае с тарной керамикой все может быть не так однозначно.

Для начала, следует отметить, что на амфорах монограммы и лигатуры встречаются как в виде граффити, так и в виде дипинти. Они отличаются между собой по размеру и характеру исполнения: есть аккуратно выполненные (особенно это касается дипинти), а есть нанесенные, что называется, «на скорую руку».

Мелкие дипинти и граффити в виде лигатур интерпретировать сложнее. Размеры и аккуратность исполнения свидетельствует о том, что надписи наносились либо штампиком, либо натренированной рукой с помощью специальных инструментов, прежде всего, речь идет о дипинти. Интересно, что отчасти они повторяют лигатуры с фабрикантских клейм Херсонеса и Книда, например, довольно встречаемая лигатура из букв «пи», «альфа», «лямбда» иногда «бета» в виде дипинти и граффити (Кац 1994: табл. CV; Болонкина и др. 2019: 316, табл. 8, КН 83). Данные лигатуры, похожие по своему начертанию и исполнению встречаются на амфорах различных центров.

Среди распространенных букв в лигатурах и монограммах присутствует сочетание «НРА» или «НРАК», чаще встреченное нами в виде граффити. Иногда на одной амфоре присутствуют сразу и дипинто, и граффито с одними и теми же буквами в виде монограммы и лигатуры (АРЕ.IX-КЛ.ChT.21). Вероятно, можно интерпретировать это буквосочетание как сокращение теофорного имени типа Гераклид или подобного. Такие имена достаточно распространенные, поэтому, скорее всего, и присутствуют в виде сокращения на большом количестве амфор. Был ли этот условный Гераклид купцом или кем-то иным, связанным с торговыми операциями, сказать невозможно. Нам представляется, что подобные метки могли делаться либо на корабле, либо на каком-то оптовом складе при выборе сосудов из партии товара. В связи с предложенной схемой есть множество вопросов технического характера, поэтому можно допустить и другое назначение таких меток — учет или владельческая метка. Купленные на месте амфоры могли маркироваться с помощью граффити (что проще всего) в качестве доказательства собственности. Показательна монограмма на мендейской амфоре, граффито прочерчено перевернутым, то есть, скорее всего, амфора стояла в ряду и человек, наносящий метки, наклонившись, пометил видное ему место (Монахов и др. 2025: РОМК.Md.1).

Крупные дипинти, нанесенные на всю верхнюю часть амфоры, скорее всего, должны были маркировать груз, чтобы его можно было легко вычленить в большом количестве товара. Причем, такая маркировка могла наноситься на каждый сосуд партии. Присутствуют на амфорах и довольно крупные монограммы граффити. Такие монограммы и лигатуры в виде дипинти на всю высоту амфор или на высоту горла встречаются на хиосских и «протофасосских» сосудах (рис. 5: 1). Так, в комплексе ямы 1966 г. с Березани присутствуют две хиосские амфоры раннего «пухлогорлого» варианта, помеченные одинаковым дипинто лигатурами, с одинаковыми полосами по венцу и под венцом, однотипные, хоть и с небольшими индивидуальными особенностями формовки профильных частей (АРЕ.III-Ch7, АРЕ.III-Ch.8; рис. 5: 2).

Всего монограмм и лигатур нами встречено 46 из 2180 амфор, основой исследования здесь послужила упоминаемая уже ранее база данных АРЕ, а также еще не изданные каталоги Ростовского краеведческого музея, Учебного музея ЮФУ, Феодосийского музея древностей и Центрального музея Тавриды. В процентном соотношении метки в виде лигатур и монограмм составляют 2,1%. Из них дипинти 21 экземпляр, а граффити 25 и там, и там количество монограмм намного больше, нежели лигатур. Наибольшее количество по 6 штук (монограмм и лигатур вместе) присутствуют на амфорах Хиоса, который, как известно, систематически не клеймился, и Гераклеи, амфоры которой наоборот клеймились. Если предположить, что использование лигатур и монограмм могло заменять фабрикантское клеймо, то статистика нам таких данных не предоставляет, из чего можно сделать вывод, что эти метки не связаны с производством, а только с дальнейшим распространением.

Помимо монограмм и лигатур, встречаются дипинти и граффити, где две или три буквы просто стоят рядом, например, *буквосочетания*: «ФА», «ΔΔ», «ЕСП», «ГТ» и «АР». В этой группе очень интересны материалы комплекса 8-го Пятибратнего кургана (Монахов и др. 2025:

68, рис. 82). В нем присутствуют несколько синопских амфор варианта I-E, на которых есть дипинти «ΜΗ», «ΜΕ» или «ΜΞ». И еще на одной такой же амфоре два кружка красной краской. По измерениям И.Б. Брашинского объем амфор составляет от 9,1 до 9,9 л — то есть практически одинаковый. Можно предположить, что они, являясь продукцией одной или разных мастерских, попали в состав комплекса из какой-то партии товара, маркированной либо одинаково, либо близко к тому.

Наконец, последняя группа — это надписи на амфорах процарапанные или нанесенные краской, состоящие *из более чем трех букв или нескольких слов*. Их интерпретация не входит в нашу задачу, так как на наш взгляд они не несут в себе характер меток. Часто подобные надписи могут являться сокращением имен, например, «NIKI» на амфоре Эрифр (Монахов и др. 2025: ЮФУ.Er.1). Из любопытных для нас граффити с сокращением имени, отметим одно, относящееся, вероятно, уже к периоду после начала систематического клеймения, на фрагменте ножки амфоры Гераклеи (Каргин 2023: 234, рис. 2: 1). Так как граффито выполнено по сырой глине, речь, вероятнее всего, должна идти о некоем фабриканте Дионисии, однако датировка ножки достаточно широкая — первая половина IV в. до н.э. и установить, какой именно Дионисий здесь упоминается невозможно. В любом случае, ножка относится к периоду, когда на гераклейских амфорах уже активно присутствуют клейма. Однако учитывая его расположение на внутренней части подошвы ножки, в скрытом от глаза месте, не совсем понятно назначение этого граффито.

Несколько слов необходимо сказать об интерпретации буквенных обозначений. Собственно подходов к этой проблеме два: назовем их условно «цифровой» и «содержательный». Согласно второму, буквы могут обозначать сокращения названий содержимого амфор. В недавней статье Ю.Ю. Каргина собраны интерпретации, предложенные в свое время Э.И. Соломоник, С.Ю. Сапрыкиным и А.А. Масленниковым, И.А. Емецом и самим Ю.Ю. Каргиным, поэтому мы не будем подробно здесь их разбирать (Каргин 2023: 248—250). Принцип подобной интерпретации довольно простой: «альфа» — вино, «эпсилон» — масло и т.д. Некоторые варианты выглядят очень логичными, другие же мы вынуждены сразу отмести, например, «альфа» — «вино Айноса» или «тета» — «вино Фасоса», а также любое другое обозначение полиса. Во-первых, в каждом полисе изготавливалась специально узнаваемая тара и буквенные обозначения вряд ли были нужны. На сегодняшний день этот тезис вроде бы никто не оспаривает. Во-вторых, безусловным контраргументом является встречаемость этих букв на амфорах других центров. Та же «тета» не может обозначать фасосское вино, она часто встречается и на амфорах других центров, более того в нашей выборке из более чем 2000 амфор одиночная «тета» встречена только на амфорах Хиоса (6 раз) и ни разу на сосудах Фасоса (!). В связи с этим, интерпретация одиночных букв очень дискуссионная. Впрочем, также спорна интерпретация и остальных меток из двух и более букв.

С другой стороны, за буквенным обозначением чаще всего могут стоять цифры в алфавитном и акрофоническом обозначении. Подобные предположения были высказаны еще М. Лэнг, поддержаны М. Лавалем (Lang 1956: 1—3; Lawall 2000: 9 ff.) и многими другими исследователями. Буквы могут быть обозначением веса амфоры без содержимого, веса самого товара, цены и т.д. М. Лэнг, исследуя материалы Агоры, даже выделяла граффити на хиосских амфорах, с помощью которых продавцы метили сосуды согласно аттической системе веса (Lang 1956: 23). У М. Лэнг и М. Лаваля даются наиболее встречаемые буквосочетания, обозначающие цифры. Одно из таких сочетаний — «Π» и «Χ», причем как в монограммах и лигатурах, так и рядом стоящие — пять хоев (вина или масла). Интересную интерпретацию этих букв, но уже в клеймах Аканфа предложил И. Гарлан. Он считал, что в колесовидных клеймах, например, с буквами «Α», «Λ», «Χ» и «Π» две последние являются обозначением емкости сосудов, тогда как две первых могут быть сокращением имени магистратов (Гарлан 2010: 383—384). В этом плане, вслед за М. Лэнг и другими исследователями мы можем уверенно

говорить, что «дельта», «пи» и некоторые другие буквы — это обозначение цифр. Осталось понять только, что конкретно они обозначали, объем или цену? Все в той же гипоетезе И. Гарлана мы видим ряд противоречий: в Аканфе, скорее всего так же как в Менде и на Фасосе, использовалась аттическая метрическая система, где хус составляет 3,25 л (Брашинский 1984: 106; Гарлан 2010: 383). Если посчитать объем аканфских амфор и указанные в клеймах значения, то мы не видим соответствия. Например, на амфоре из ялтинского музея APE.VII-Ak.1 (которую, кстати, И. Гарлан приводит как подтверждение своей идее) стоит клеймо с буквами «РО», «ТР», если следовать предложенной схеме, то получается, что «ТР», стоящие в нижнем ряду — это обозначение емкости, скорее всего, связано с цифрой три. Предположим, что в данной амфоре три хоя, т.е. 9,75 л, а по математическим подсчетам в ней 8 л. По такой же схеме посчитаем объем амфоры из Центрального музея Тавриды (Monakhov 2021a: 48 ff., fig. 6), на которой стоят буквы «ХП» — пять или шесть хоев (Гарлан 2010: 383, 384); объем ее получается должен быть от 16,25 л до 19,5 л, а по математическим подсчетам 21,7 л. Больше всего нас смущает тот факт, что как и в случае с клеймами, маркировка сосудов не была тотальной, более того она составляла весьма маленький процент, к тому же наши буквосочетания часто не совпадают с приведенными в каталогах у М. Лэнг и М. Лаваля.

Помимо вопроса, что означают метки на амфорах, для нас интересен и другой вопрос: в какой момент они ставились на амфору. В случае с граффити по сырой глине, мы можем точно сказать, что они были нанесены в момент изготовления сосуда. Сложнее дело обстоит с процарапанными граффити, их могли наносить как гончары, так и торговцы или владельцы. Они могли быть нанесены и при вторичном использовании сосуда. Мы очень сомневаемся, что амфоры использовались для вторичной торговли, как предполагают некоторые исследователи (Цецхладзе 2015: 72), однако в быту вне всяких сомнений керамическая тара использовалась на протяжении довольно долгого периода, об этом ясно свидетельствуют и контексты находок, а также следы ремонта и вторичного использования на амфорах.

Еще сложнее дело обстоит с дипинти. С одной стороны, они могли наноситься как до, так и после обжига и, как нам представляется, визуально это отличить невозможно. С другой стороны, чтобы нанести дипинти краской, надо иметь ее под рукой. К тому же, мы можем визуально разделить дипинти на аккуратные, нанесенные специальным инструментом, и явно выполненные чем-то, что было под рукой (известны даже дипинти углем). Разумеется, процарапать буквы или символ гораздо проще и быстрее. Подтверждение нашим предположениям можно увидеть в том, что большая часть надписей из трех и более букв представляют собой граффити. Особенно часто встречаются такие граффити на амфорах Книда. Может быть, эти сокращения следует интерпретировать как имена собственные торговцев, владельцев и т.п., наносимые в процессе покупки и транспортировки амфор?

Ну и главный вопрос, как мы можем данные этих меток использовать в исследованиях. К примеру, можем ли мы на основании таких меток, говорить о том, что амфоры из какого-либо комплекса могли находиться в одной партии? Если бы речь шла о грузе корабля, то, несомненно, можно было бы говорить о присутствии здесь партии товара. Однако исследование данной категории комплексов затруднено тем, что, как правило, на сосудах из-за засоленности поверхности, не видно каких-либо меток, а иногда и клейм. В качестве примера приведем груз кораблекрушения у о. Донузлав, комплекс не раз публиковался, последний раз в 2024 г. (Монахов и др. 2024: 45 сл., рис. 68, 69).

В евпаторийском музее хранится 14 амфор из этого комплекса, из них особый интерес для нас представляют 6 амфор с клеймом фабриканта Εὐωπίδας. Все амфоры однотипны, относятся к варианту I-4, при этом, разумеется, можно наблюдать незначительную разницу в высоте сосудов (от 662 мм до 644 мм), диаметре тулова (от 280 мм до 260 мм) и формовке профильных частей. При внимательном рассмотрении оттисков, нам показалось, что из 6 экземпляров один все же отличается. Возможно, здесь должна идти речь о другом штампе одного и того же фабриканта.

В этом же комплексе присутствуют 2 клейма с именами Χίωνος и возможно Χῖο(ς). В первом случае это двустрочное клеймо с палицей посередине и имя написано через «омегу», во втором — круглое ретроградное через «омикрон». Имя Χίωνος встречается также в клеймах магистрата Аристокла, деятельность которого приходится на 390 гг. до н.э., второе имя Χῖο(ς) именно в таком написании встречается на клеймах вместе с магистратом Молоссом (380е гг. до н.э.), а также на серии круглых раннефабрикантских клейм. Таким образом, речь здесь должна идти не об одном фабриканте, а о разных.

Здесь же в комплексе присутствует еще одна клейменная гераклейская амфора с именем Μίκκος. Рельефное клеймо MIKO(---) уникально. Очевидно, что это тезка или внук Μίκκος I, работавшего в 350—340-е гг. до н.э., однако форма амфоры, на которой стоит клеймо MIKO(---), да и контекст прочих находок из кораблекрушения не оставляют сомнений в том, что в данном случае перед нами клеймо раннего фабриканта, может быть, вообще одного из самых ранних в гераклейском амфорном производстве (Монахов и др. 2024: 47).

Таким образом, получается, что в грузе корабля мы фиксируем партию амфор (так как они совершенно однотипны и синхронны), при этом возможно они выполнены либо в одной крупной мастерской, где работали разные гончары, ставившие клейма со своими именами (как минимум 4, причем у Эвопида были разные штампики), либо в партию товара входила продукция разных мастерских и за счет жесткой стандартизации товара амфоры практически идентичны.

Как видим, партия товара содержит амфоры одного центра производителя и одного стандарта. К сожалению, сильная заизвесткованность сосудов не позволяет определить маркировку партии. Приведем несколько комплексов, на материалах которых можно проследить однотипную маркировку товара и проанализировать состав партии. Мы уже упоминали выше комплексы ямы 1966 г. с о. Березань и тризну Змеиного кургана, где по морфологии и маркировке (полосы, дипинти) можно предполагать, что амфоры составляют одну партию товара.

Еще один комплекс — яма № 69 из Ольвии, в его составе одна амфора Самоса или «круга Самоса» и две Фасоса, датирующиеся 480-ми — 470-ми гг. до н.э. При этом на тулове всех сосудов крупные дипинти в виде ретроградных монограмм «KE», на самосском и одном из фасосских сосудов также присутствуют полосы красной краски под венцом (Монахов 1999: 99, табл. 28). Дипинти однотипные, одинакового размера (рис. 6). Речь здесь, несомненно, должна идти о маркировки партии. При этом самосский сосуд крупнее, значит значение монограмм не отражает объем или вес амфор. Не находит также объяснения дополнительная маркировка в виде граффито монограммы «AY» на второй фасосской амфоре.

Очень интересны находки из двух комплексов, территориально расположенных друг от друга на приличном расстоянии. Первый — это землянка 1985 г. из Ольвии, в которой присутствуют три абсолютно идентичных фасосских амфоры, на одной из них на горле стоит энглифическое колечко, на двух других — крупные дипинти «MI» и «NI» (Монахов 1999: 119, табл. 37). С ними в комплексе также присутствует горло сероглиняной лесбосской амфоры с энглифическим клеймом «N» (рис. 7: 1). Точно такая же амфора с абсолютно идентичным клеймом (рис. 7*:* 2) зафиксирована в комплексе погребения № 2 кургана № 3 у с. Стеблев Черкасской области (Монахов 1999: 121, табл. 38). С.Ю. Монахов отметил, что эти амфоры явно вышли из одной мастерской (Монахов 1999: 120), а мы в свою очередь, предположим, что они находились в одной партии товаров, поступивших в Ольвию.

Разумеется, подобных комплексов разного времени гораздо больше, однако невозможно рассмотреть их все в рамках данного исследования, да и задача у нас такая не стоит. Как мы видим, одинаковая маркировка встречается на амфорах одного центра производства и на сосудах из разных центров. Понятно, что существовала разная система закупок, когда, скажем, партия покупалась сразу и соответственно одинаково маркировалась или же партия формировалась по мере загрузки корабля и маркировалась при продаже на месте или в

момент поступления на корабль. В общем, как нам представляется, характеристики сосудов, связанные с их маркировкой, вполне могут быть использованы при реконструкции схем производства и транспортировки партии амфор. А для успешной работы в этом направлении нам необходимо пополнение нашей базы подобных меток на целых амфорах, именно целые сосуды или достаточно большие фрагменты позволят определить центр и дату производства и увидеть всю маркировку сосуда.

Литература

Беттгер Б., Шелов Д.Б. 1998. *Дипинти на амфорах из Танаиса*. Москва: Палеограф (Pontus septentrionalis 1).

Болонкина Е.В., Ефремов Н.В., Колесников А.Б. Новые варианты керамических клейм раннеэллинистического Книда. *АМА* 19, 274—317.

Брашинский И.Б. 1984. *Методы исследования античной торговли*. Ленинград: Наука.

Буйских А.В. 2014. Амфоры конца VII — первой половины V в. до н.э. из Борисфена. *Археологія і давня історія України* 1/12, 88—100.

Гарлан И. 2010. Последние достижения греческой керамической эпиграфики на Западе. *АМА* 14, 371—395.

Емец И.А. 2005. *Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского*. Москва: Спутник.

Емец И.А. 2012. *Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья*. Москва: Спутник.

Ильяшенко С.М. 2013. Стандартные dipinti на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округи III—IV вв. н.э. *БИ* XXIX.

Каргин Ю.Ю. 2023. К вопросу о классификации и интерпретации античных граффити и дипинти (по материалам раскопок поселения «Ленина». *ДБ* 28, 227—257.

Кац В.И. 1994. *Керамические клейма Херсонеса Таврического*: Каталог-определитель. Саратов: Саратовский университет.

Кац В.И. 2015. *Керамические клейма Азиатского Боспора*. Ч. I. *Горгиппия и её хора, Семибратнее городище*. Саратов: Саратовский университет.

Монахов и др. 2016: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Федосеев Н.Ф., Чурекова Н.Б. 2016. *Амфоры VI—II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог*. Саратов: Типография «Новый проект».

Монахов и др. 2019: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б. 2019. *Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI—II вв. до н.э. Каталог*. Саратов: Типография «Амирит».

Монахов и др. 2020: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Толстиков В.П., Чурекова Н.Б. 2020. *Амфоры VI—I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. Саратов: Типография «Амирит».

Монахов и др. 2024: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Ланцов С.Б., Чурекова Н.Б. 2024. *Амфоры VI—II вв. до н.э. из собраний музеев г. Евпатория и пос. Черноморское*. Саратов: Типография «Амирит».

Монахов и др. 2025: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Коваленко А.Н., Чурекова Н.Б., Язовских А.Г. 2025. *Амфоры VI—III вв. до н.э. из собраний музеев Ростова-на-Дону*. Саратов: Типография «Амирит».

Монахов С.Ю. 1984. Производство амфор в эллинистическом Херсонесе. *ВДИ* 1, 109—128.

Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII—II вв. до н.э*. Саратов: Саратовский университет.

Намойлик А.С. 2018. *Граффити на керамических изделиях из Нимфея как источник по истории боспорского города (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа)*: дисс. … канд. ист. наук. Т. 1. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Федосеев Н.Ф. 2010. К интерпретации комплекса № 23 поселения Старая Богдановка 2 на хоре Ольвии и об энглифических колечках. *АМА* 14, 339—349.

Цецхладзе Г.Р. 2015. Греческая керамика и транспортные амфоры в понтийском хинтерланде: как и почему. *БИ* XXXI, 60—87.

Чурекова Н.Б. 2022. К вопросу об энглифических метках на греческих амфорах. В: Зайков А.В. (ред.). *История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: Всероссийская научная конференция «Херсонес Таврический» (г. Севастополь, 25—29 сентября 2022 г.): материалы*. Симферополь: ООО «Антиква», 226—235.

Штерн Э.Р. 1897. «Graffiti» на античных южно-русских сосудах. *ЗООИД* XX, 163—203.
Штерн Э.Р. 1901. Новый эпиграфический материал, найденный на юге России. *ЗООИД* XXIII, 1—32.
Яйленко В.П. 2018. Историография и методика работы с древнегреческими граффити. *МАИАСП* 10, 479—515.
Dupont P. 2019. Timbres amphoriques de la Gréce archaïque et des débuts du classicisme. In: Badoud N., Marangou A. (eds.). *Analyse et exploitation des timbres amphoriques grecs*. Rennes: Presses universitaires, 35—44.
Lang M. 1956. Numerical Notations on Greek Vases. *Hesperia* 25, 1—28.
Lang M. 1976. Graffiti and Dipinti. *The Athenian Agora* 21.
Lawall M.L. 2000. Graffiti, Wine selling, and the Reuse of Amphoras in the Athenian Agora, ca. 430 to 400 B.C. *Hesperia* 69/1, 3—90.
Monakhov S.Ju. 2021. Typology and Chronology of Akanthian Amphorae. *HAB* 20/2, 43—65.
Okan et al. 2017: Okan E., Bilir A., Önemli Z.K. 2017. Konuralp Müzesi'ndeki Bir Grup Ticari Amphora. In: Adıbelli I.A., Bertram G.İ., Matsumura K., Baştürk E., Koyuncu C., Kızılarslanoğlu H.A., Yedidağ T.Y., Uzunel A.T. (eds.). *Bariş Salman Ani Kitabi*. İstanbul: Ege Yayınları, 155—168.

References

Bettger, B., Shelov, D.B. 1998. *Dipinti na amforakh iz Tanaisa (Dipinti on amphorae from Tanais)*. Moscow: Paleograf (Pontus septentrionalis 1) (in Russian).
Bolonkina, E.V., Efremov, N.V., Kolesnikov, A.B. In *Antichnyy mir i arkheologiya (The Ancient World and Archaeology)* 19, 274—317 (in Russian).
Brashinskiy, I.B. 1984. *Metody issledovaniya antichnoy torgovli (Methods of studying ancient trade)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
Buyskikh, A.V. 2014. In *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukrainy (Archaeology and ancient history of Ukraine)* 1/12, 88—100 (in Russian).
Garlan, Y. 2010. In *Antichnyy mir i arkheologiya (The Ancient World and Archaeology)* 14, 371—395 (in Russian).
Emets, I.A. 2005. *Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poseleniy Bospora Kimmeriyskogo (Graffiti and dipinti from ancient cities and settlements of the Cimmerian Bosporus)*. Moscow: Sputnik (in Russian).
Emets, I.A. 2012. *Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poseleniy Severnogo Prichernomor'ya (Graffiti and dipinti from ancient cities and settlements of the Northern Black Sea region)*. Moscow: Sputnik (in Russian).
Il'yashenko, S.M. 2013. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* XXIX (in Russian).
Kargin, Yu.Yu. 2023. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 28, 227—257 (in Russian).
Kats, V.I. 1994. *Keramicheskiye kleyma Khersonesa Tavricheskogo: Katalog-opredelitel' (Ceramic stamps of Tauric Chersonesos: Catalogue-identifier)*. Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).
Kats, V.I. 2015. *Keramicheskie kleyma Aziatskogo Bospora (Ceramic stamps of the Asian Bosporus)*. Pt. I. *Gorgippiya i ee khora, Semibratnee gorodishche (Gorgippia and its chora, Semibratneye settlement)*. Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).
Monakhov et al. 2016: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Fedoseyev, N.F., Churekova, N.B. 2016. *Amfory VI—II vv. do n.e. iz sobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika. Katalog (Amphoras of the 6th — 2nd Centuries BCE from the collection of the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. Catalogue)*. Kerch; Saratov: Tipografiya "Novyy proyekt" (in Russian).
Monakhov et al. 2019: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, Ee.V., Chistov, D.E., Churekova, N.B. 2019. *Antichnaya amfornaya kollektsiya Gosudarstvennogo Ermitazha VI—II vv. do n.e. Katalog (The Antique Amphora Collection of the State Hermitage Museum, 6th — 2nd Centuries BCE. Catalogue)*. Saratov Tipografiya "Amirit" (in Russian).
Monakhov et al. 2020: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Tolstikov, V.P., Churekova, N.B. 2020. *Amfory VI—I vv. do n.e. iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina (Amphoras of the 6th — 1st Centuries BCE from the Collection of the A. S. Pushkin State Museum of Fine Arts)*. Saratov: Tipografiya "Amirit" (in Russian).
Monakhov et al. 2024: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Lancov, S.B., Churekova, N.B. 2024. *Amphoras of the 6th — 2nd Centuries BCE from the collections of museums in the city of Evpatoria and the village of Chernomorskoye (Amphoras of the 6th — 2nd centuries BCE from the collections of Evpatoria Museums and pos. Chernomorskoe)*. Saratov: Tipografiya "Amirit" (in Russian).
Monakhov et al. 2025a: Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Lancov, S.B., Churekova, N.B. 2025. *Amfory VI —III vv. do n.e. iz sobraniy Central'nogo muzeya Tavridy i Feodosiyskogo muzeya drevnostey*

(Amphoras from the 6th — 3rd Centuries BCE from the collections of the Central Museum of Taurida and the Feodosia Museum of Antiquities). Saratov; Moscow: OOO "Izd-vo Pero" (in Russian).
Monakhov, S.Yu. 1984. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 109—128 (in Russian).
Monakhov, S.Yu. 1999. *Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye: kompleksy keramicheskoy tary VII—II vv. do n.e. (Greek Amphorae in the Black Sea Region: Ceramic Container Complexes of the 7th — 2nd Centuries BCE)*. Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).
Namoylik, A.S. 2018. Graffiti on ceramic items from Nymphaeum as a source for the history of the Bosporan city (based on materials from the collection of the State Hermitage Museum). PhD Thesis. Vol. 1. Saint Petersburg: State Hermitage Museum.
Fedoseev, N.F. 2010. In *Antichnyy mir i arkheologiya (The Ancient World and Archaeology)* 14, 339—349 (in Russian).
Tsetskhladze, G.R. 2015. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* XXXI, 60—87 (in Russian).
Churekova, N.B. 2022. In: Zaykov, A.V. (ed.). *Istoriya i arkheologiya Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu i srednevekovuyu epokhi: Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya «Khersones Tavricheskiy» (g. Sevastopol', 25—29 sentyabrya 2022 g.): materialy (History and archeology of the Northern Black Sea region in the ancient and medieval eras: All-Russian scientific conference "Tauric Chersonesos" (Sevastopol, September 25-29, 2022): Materials)*. Simferopol: OOO "Antikva", 226—235 (in Russian).
Stern, E.R. 1897. In *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostey (Notes of the Odessa Society of History and Antiquities)* XX, 163—203 (in Russian).
Stern, E.R. 1901. In *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostey (Notes of the Odessa Society of History and Antiquities)* XXIII, 1—32 (in Russian).
Yailenko, V.P. 2018. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 479—515.
Dupont, P. 2019. Timbres amphoriques de la Gréce archaïque et des débuts du classicisme. In: Badoud, N., Marangou A. (eds.). *Analyse et exploitation des timbres amphoriques grecs*. Rennes: Presses universitaires, 35—44.
Lang, M. 1956. Numerical Notations on Greek Vases. *Hesperia* 25, 1—28.
Lang, M. 1976. Graffiti and Dipinti. *The Athenian Agora* 21.
Lawall, M.L. 2000. Graffiti, Wine selling, and the Reuse of Amphoras in the Athenian Agora, ca. 430 to 400 B.C. *Hesperia* 69/1, 3—90.
Monakhov, S.Ju. 2021. Typology and Chronology of Akanthian Amphorae. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 20/2, 43—65.
Okan et al. 2017: Okan, E., Bilir, A., Önemli, Z.K. 2017. Konuralp Müzesi'ndeki Bir Grup Ticari Amphora. In: Adıbelli, I.A., Bertram, G.İ., Matsumura, K., Baştürk, E., Koyuncu, C., Kızılarslanoğlu, H.A., Yedidağ, T.Y., Uzunel, A.T. (eds.). *Bariş Salman Ani Kitabi*. İstanbul: Ege Yayınları, 155—168.

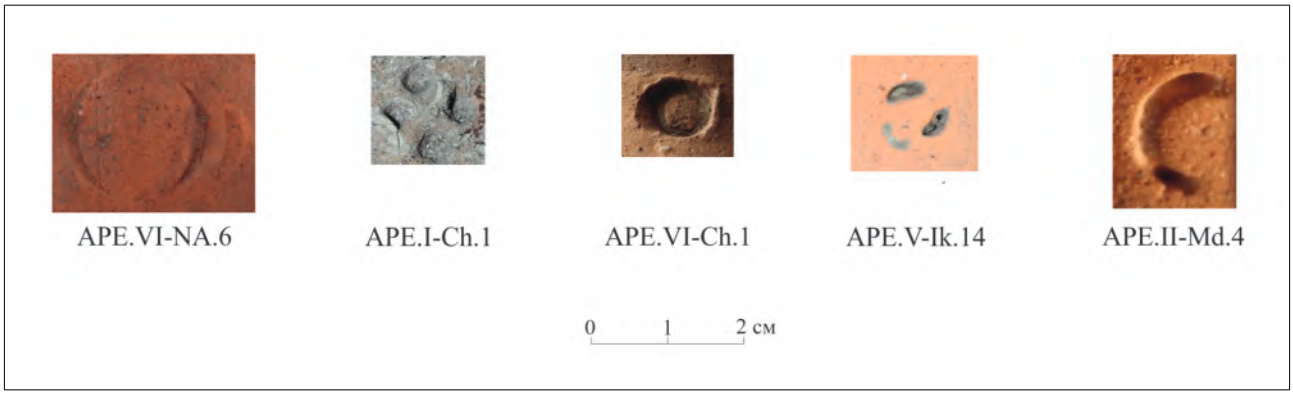


Рис. 1. Разновидности энглифических «колечек».

Fig. 1. Varieties of englyphic "rings".

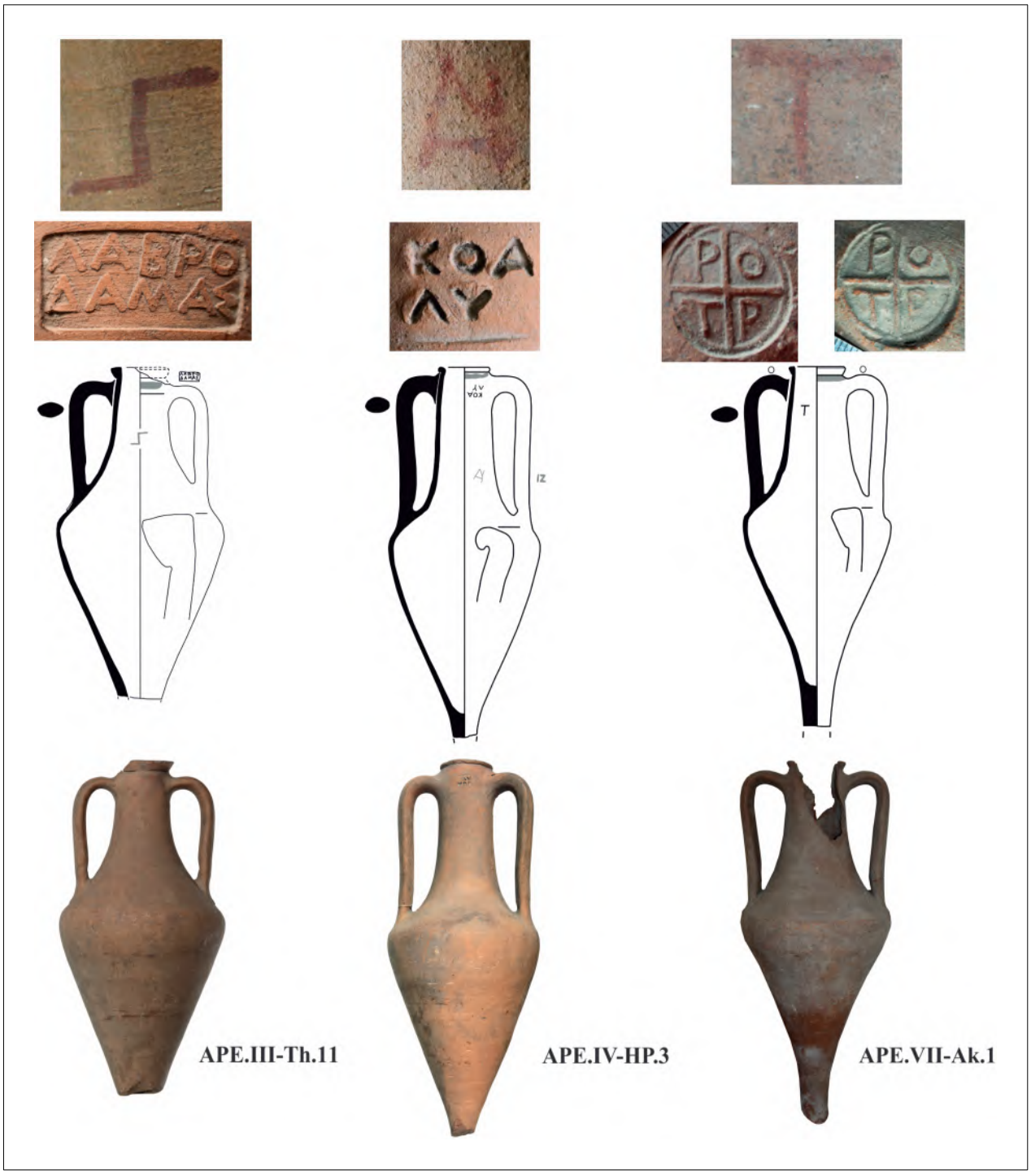


Рис. 2. Амфоры Фасоса, Гераклеи и Аканфа с одинаковой маркировкой.

Fig. 2. Amphoras of Thasos, Heraclea, and Acanthus with the same markings.

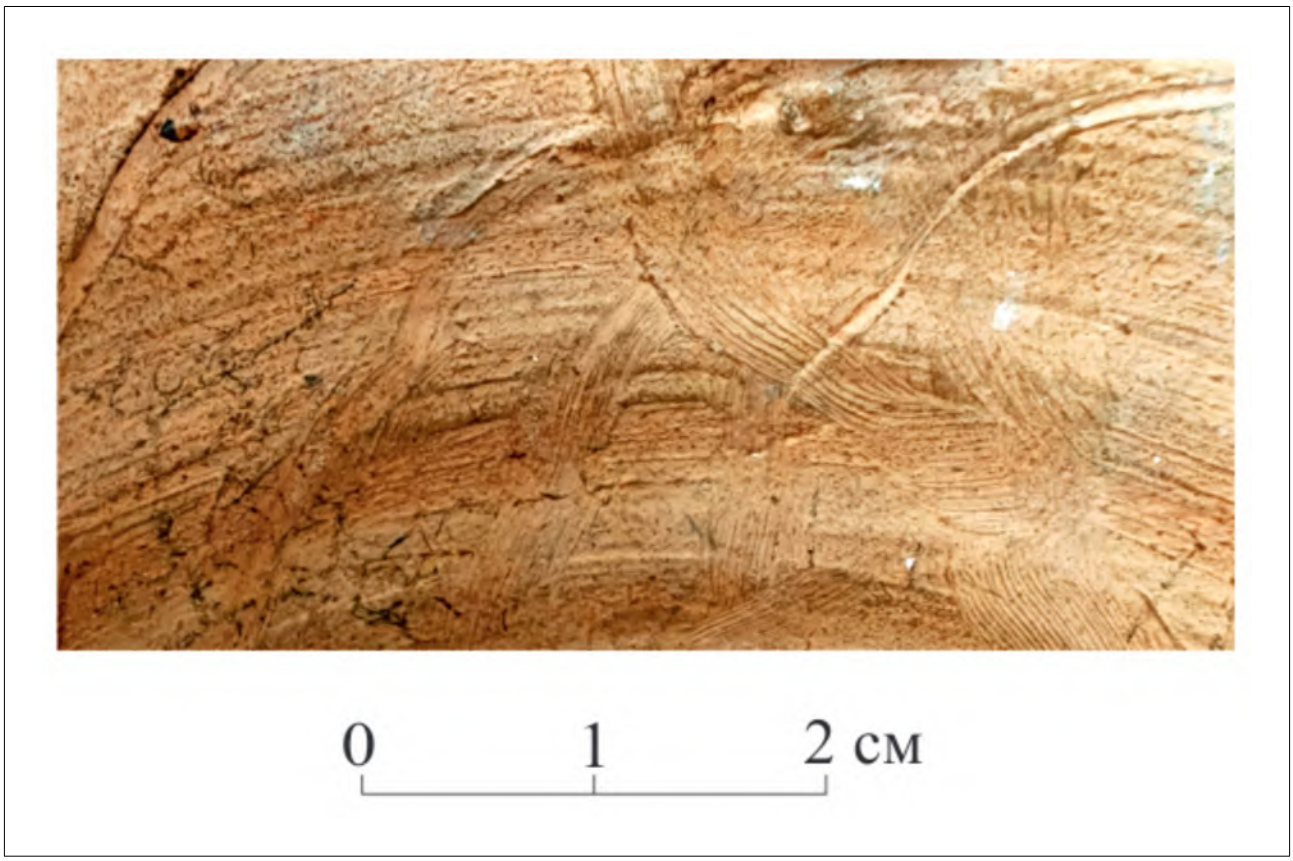


Рис. 3. Граффито внутри горла родосской амфоры из Танаиса, КП-71-221 (?).

Fig. 3. Graffito inside the neck of the Rhodian amphora from Tanais, КП-71-221 1 (?).

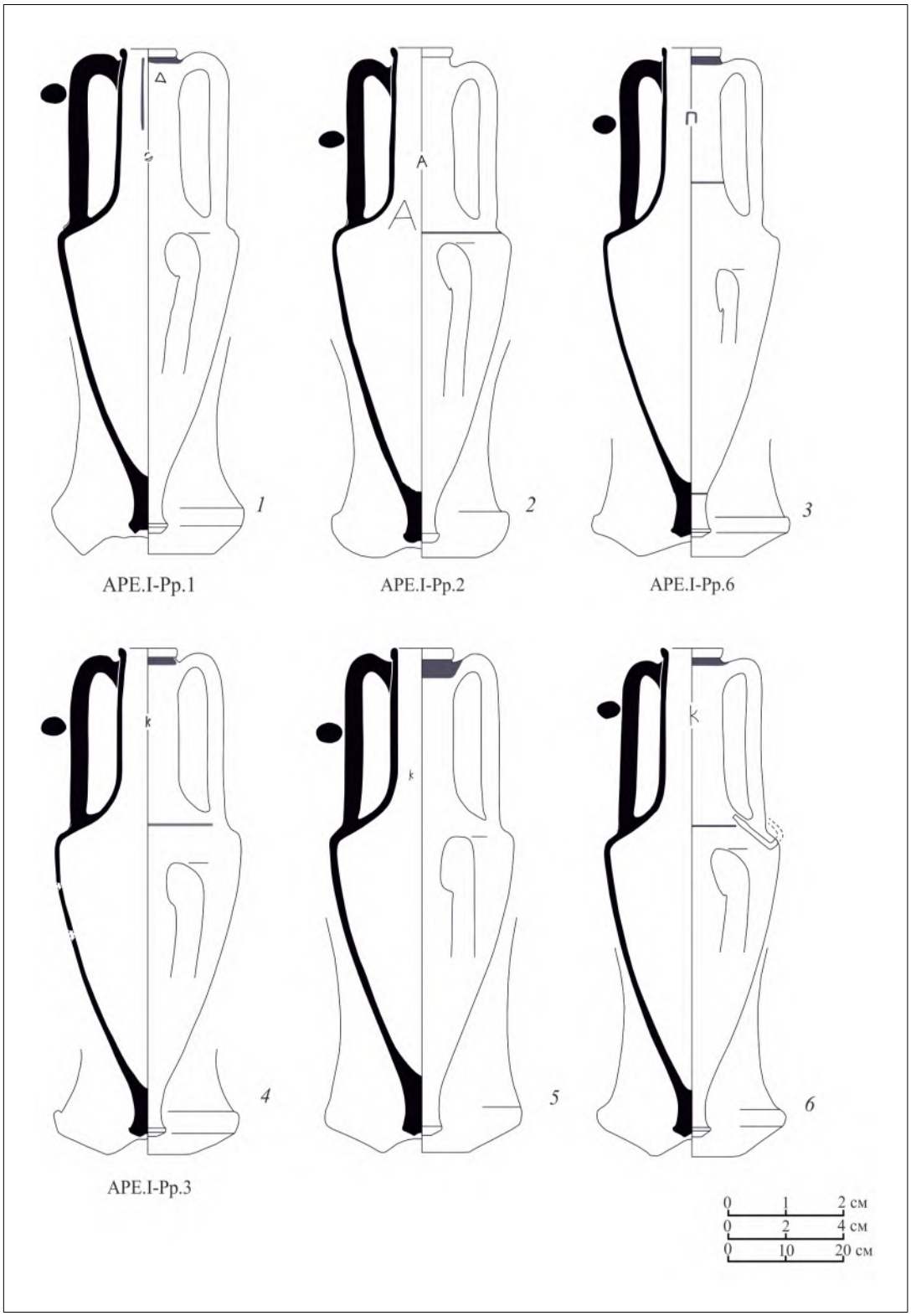


Рис. 4. Амфоры Пепарета из Змеиного кургана: *1–4* — из коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника; *5* — частная коллекция; *6* — из коллекции Центрального музея Тавриды (по Монахов и др. 2016: 40, 41, рис. 3, 4).

Fig. 4. Amphoras of Peparetos from the Zmeiny Mound: *1–4* — from the collection of the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve; *5* — private collection; *6* — from the collection of the Central Museum of Taurida (after Monakhov et al. 2016: 40, 41, Figs. 3, 4).

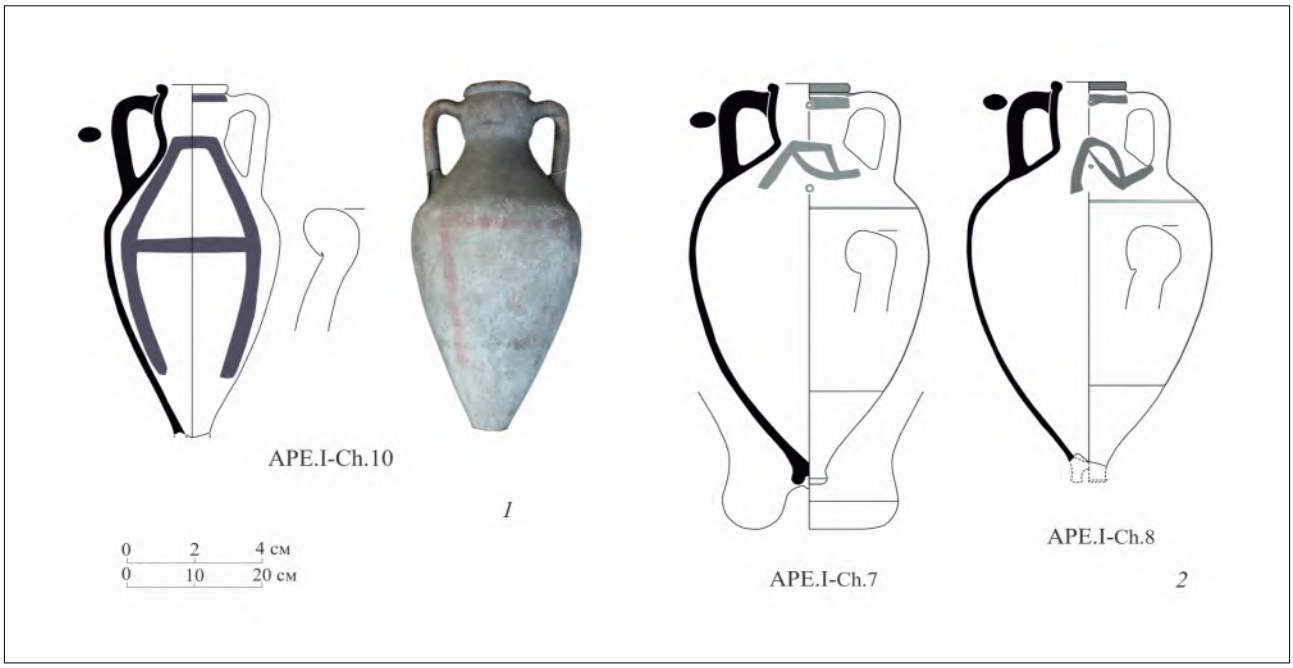


Рис. 5. Амфоры Хиоса с дипинти: *1* — с крупным дипинто «А»; *2* — с лигатурами из ямы 1966 г. с о. Березань.

Fig. 5. Amphoras of Chios with dipinto: *1* — with large dipinto “A”; *2* — with ligatures from the 1966 pit on Berezan Island.

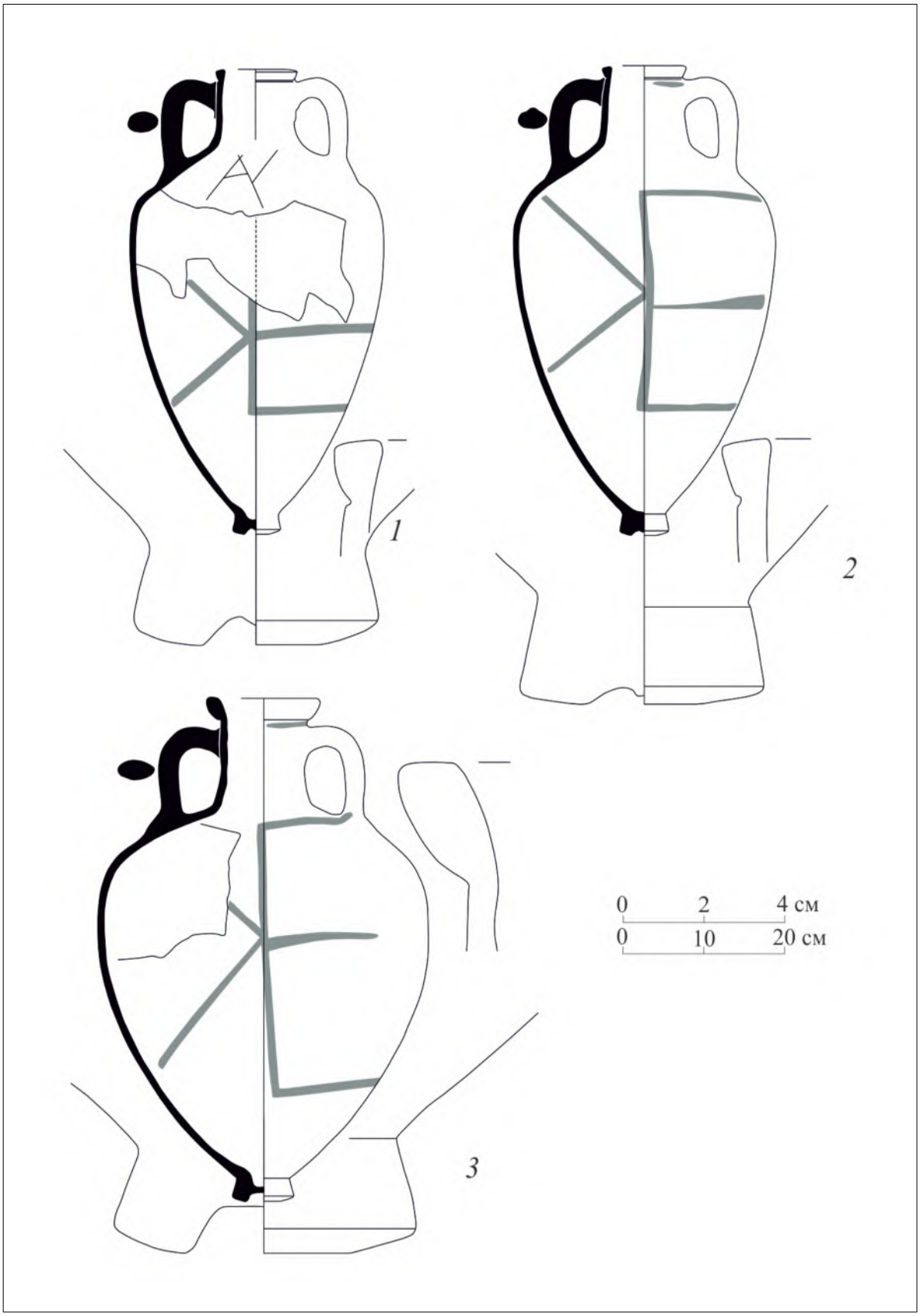


Рис. 6. Амфоры из ольвийской ямы № 69: *1, 2* — Фасос; *3* — Самос (по Монахов 1999: 99, табл. 28).

Fig. 6. Amphoras from Olbian pit No. 69: *1, 2* — Thasos; *3* — Samos (after Monakhov 1999: 99, pl. 28).

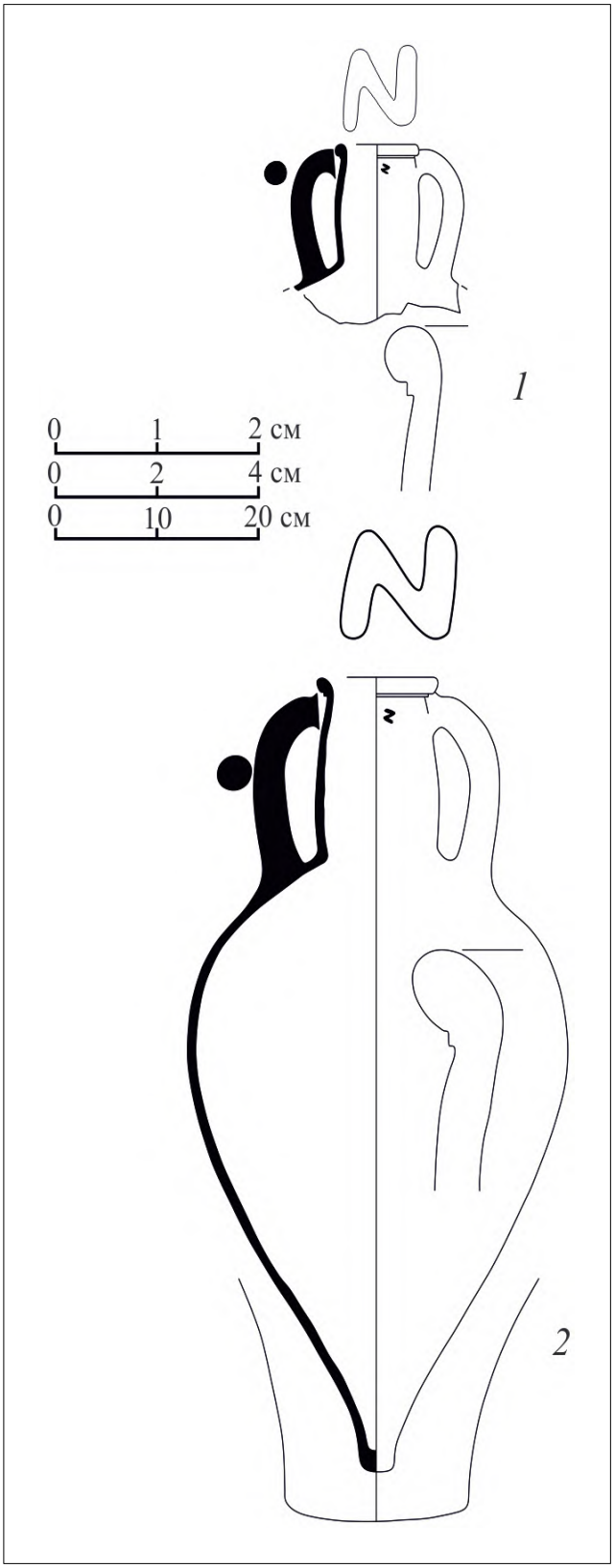


Рис. 7. Амфоры Лесбоса: *1* — из ольвийской землянки 1985 г.; *2* — из погребения № 2 курнана 3 у с. Стеблев (по Монахов 1999: 119, 121, табл. 37, 38).

Fig. 7. Amphoras from Lesbos: *1* — from the Olbian dugout of 1985; *2* — from burial No. 2 of kurnan 3 near the village of Steblev (after Monakhov 1999: 119, 121, pl. 37, 38).

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.72.93.021

Т.И. Брага

К ИСТОРИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРСКОЙ КНИЖНОСТИ В ПРИЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ: НОВЫЕ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД РУКОПИСЬЮ XVIII В. ИЗ ОДЕССКОГО СОБРАНИЯ В.И. ГРИГОРОВИЧА*

В статье представлены результаты палеографического исследования болгарской рукописи, хранящейся в одесском собрании В.И. Григоровича, — памятника позднесредневековой болгарской книжной культуры. Данный кодекс является единственным дамаскином, достоверно происходящим из Зографского монастыря, что определяет его особую научную ценность. Цель исследования — проанализировать графические особенности, письмо и орнаментику рукописи и на основании сравнения с другими датированными памятниками подтвердить гипотезу о принадлежности кодекса к определённой каллиграфической школе, а также уточнить датировку его создания. Методологическую основу работы составляет сопоставительный анализ оформления исследуемой рукописи с кодексами, имеющими достоверную атрибуцию. Полученные результаты позволяют заключить, что писец Одесского дамаскина № 37 (63) принадлежал к Котленской школе, а сам памятник был создан в период между 1745 и 1765 гг. и представляет собой финальный этап средневековой болгарской рукописной традиции. В качестве возможного составителя сборника рассматриваются Милко Котленский, кто-либо из его учеников или Софроний Врачанский; верификация этой гипотезы остаётся задачей дальнейших исследований.

Ключевые слова: позднесредневековая болгарская книжность, болгарская рукописная книга, Одесский дамаскин № 37 (63), палеография, Котленская школа, Причерноморье, В.И. Григорович.

Сведения об авторе: Брага Татьяна Ивановна, Одесский национальный университет, доктор философии (PhD), главный ассистент Института болгарского языка им. профессора Любомира Андрейчина Болгарской академии наук.

Контактная информация: 1113, Болгария, София, бул. «Шипченски проход» 52, бл. 17, e-mail: t.braga@ibl.bas.bg; bragakarakash@gmail.com.

T.I. Braga

ON THE HISTORY OF LATE MEDIEVAL BULGARIAN MANUSCRIPT CULTURE IN THE BLACK SEA REGION: NEW PALAEOGRAPHICAL OBSERVATIONS ON AN EIGHTEENTH-CENTURY MANUSCRIPT FROM V.I. GRIGOROVICH'S ODESA COLLECTION

This article presents the results of a palaeographical study of a Bulgarian manuscript held in V.I. Grigorovich's Odessa collection — a witness to late medieval Bulgarian book culture. The codex is the only damascene (damaskin) demonstrably originating from Zographou Monastery, which accounts for its particular scholarly significance. The study aims to analyze the manuscript's graphic features, script, and ornamentation, and, through comparison with other dated witnesses, to substantiate the hypothesis that the codex belongs to a specific calligraphic school and to refine its dating. The methodological basis of the study is a comparative analysis of the manuscript's mise-en-page and decorative program with those of codices of established attribution. The findings lead to the conclusion that the scribe of the Odesa Damaskin No. 37 (63) belonged to the Kotel School and that

* Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке Болгарского национального научного фонда, договор № КП-06-М100/1.

Статья поступила в номер 12 января 2026 г.
Принята к печати 11 февраля 2026 г.

© Т.И. Брага, 2026.

the manuscript was produced between 1745 and 1765, representing the final stage of the medieval Bulgarian manuscript tradition. Milko Kotelski, one of his disciples, or Sophronius of Vratsa, is considered a possible compiler of the miscellany; verification of this hypothesis remains a task for further research.

Key words: late medieval Bulgarian manuscript culture, Bulgarian manuscript book, Odesa Damaskin No. 37 (63), paleography, Kotel School, Black Sea region, V.I. Grigorovich.

About the author: Braga Tatyana Ivanovna, Odessa National University, PhD, Chief Assistant Professor, Institute for Bulgarian Language "Prof. Lyubomir Andreychin", Bulgarian Academy of Sciences.

Contact information: 1113, Bulgaria, Sofia, 52 Shipchenski Prohod Blvd., Block 17, e-mail: t.braga@ibl.bas.bg; bragakarakash@gmail.com.

Введение

Возникнув в начале XVII в. на основе «среднегорского» перевода произведений Дамаскина Студита, болгарские дамаскины быстро приобрели широкую популярность и распространились в юго-западных регионах Балканского полуострова, где сложились книжные центры, поддерживавшие связи со Святой Горой Афон. Научный интерес к дамаскинам восходит к середине XIX в. (Лавров 1899; Милетич 1908; Милетич 1923; Петканова-Тотева 1965; Дёмина 1968—1985; Мирчева 2001) и не ослабевает по сей день (Димитрова 2009: 727—740; Димитрова, Бояджиев 2009: 729—737; Младенова, Велчева 2013; Радославова 2020; Брага 2023а; 2023б: 63—90; Страдомски, Брага 2025: 103—122). Тем не менее вопрос идентификации и атрибуции малоизученных дамаскинских сборников остаётся открытым.

В настоящей разработке представлены результаты новых наблюдений над дамаскином XVIII в., который хранится в библиотеке за пределами Болгарии. Исследуемая рукопись входит в состав собрания В.И. Григоровича[1], которое после смерти ученого было разделено на две части — одна часть собрания хранится в РГБ (фонд 87), другая — в ОННБ. В одесской части коллекции хранятся четыре рукописи из этого жанра. В данной разработке речь пойдет об Одесском дамаскине № 37 (63) (ОД 37)[2].

Цель и методы исследования

Цель исследования заключается в анализе графических особенностей, письма и орнаментики рукописи, а также в сопоставлении этих характеристик с декоративным оформлением других датированных манускриптов. Такой подход позволяет подтвердить ранее выдвинутую гипотезу о принадлежности кодекса к определённой каллиграфической школе (Брага 2022) и уточнить данные о времени его создания. Исследование сосредоточено преимущественно на палеографических особенностях и носит междисциплинарный характер. В работе применяются методы палеографии, включая анализ графических данных и датировку рукописей по совокупности палеографических признаков, а также методы искусствоведения, направленные на изучение художественных особенностей орнамента и декоративного оформления.

[1] Путешествуя по славянским землям (1844—1847), учёный приобрёл ряд ценных рукописей XI—XVIII в., среди которых Мариинское Евангелие, Хлудовская псалтырь, Рыльские глаголические листки, Охридское Евангелие. Эти ценные рукописные памятники вместе с другими кириллическими и глаголическими кодексами вошли в т.н. Собрание Григоровича. Еще при жизни славист передал свою коллекцию в дар Императорскому Новороссийскому университету (1865). Она оформила отдельную библиотеку из более 760 томов и 61 рукописи («Отдел по славянской филологии профессора В.И. Григоровича»).

[2] Сегодня рукопись хранится в Отделе редких изданий и рукописей Одесской национальной научной библиотеки под номером 1/114.

Обзор предшествующих исследований и дискуссия

На начальном этапе исследования нас интересовали уже имеющиеся исследования. Виктор Григорович идентифицирует рукопись как сборник на новоболгарском языке, но не указывает место создания. Существуют мнения, что неясно, где и когда кодекс был найден учёным (Младенова, Велчева 2013: 16); сообщается также, что это «рукопись XVI века из Пошехонья» (Мочульский 1890: 102). Однако на пути следования В.И. Григоровича Балканским полуостровом, а также в самом «Очерке» (1848) данный топоним не присутствует.

В более раннем нашем исследовании мы уделили этому факту отдельное внимание (Брага 2022: 70—71) и пришли к выводу, что Пошехонье — это историческая местность по берегам реки Шексны (Шехоны) (XVI ст.) или город в Ярославской области (Россия). Однако наш манускрипт не имеет никакого отношения к этим топонимам. Возможность работы с рукописью de visu позволила нам установить, откуда произошло это название. На первом листе рукописи В. Григорович оставил следующую заметку: «№ 63. Рукопись на новоболгарскомъ языкѣ, XVI в., неполная». Слово *неполная* зачеркнуто и добавлено слово *полнёхонькая*[3]. Предположительно славист первоначально написал *неполная* по ошибке; позднее, поняв, что сборник полный, к тому же содержит более поздние приписки, исправил эту неточность. Позже В.Н. Мочульский (1890), описывая рукопись, прочитал зачеркнутое слово *полнёхонькая* как *пошехоньская*. Так появилось Пошехонье.

Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса мы изучили также работы Ф. Петруня, который, описывая рукописное собрание В.И. Григоровича[4], указывает, что манускрипт был найден славистом в 1844 г. в Зографе (Петрунь 1927: 152). Собственные наблюдения показали, что в НАБАН также содержится информация об этой рукописи. В Фонде 93 (оп. 1, а.е. 68) находим следующую запись: регистр VII содержит рукописи: «... 2/38/ — Ркп 18^{0}, где послание съ неба, з Зографу» (Видение апостола Павла, авт. Т.Б.). К этому добавим еще одно мнение Ф. Петруня «[рукопис] відповідає текстові на звороті аркушу 98-го М 37/63. Зограф, яко місце походження новоболгарського р[укопи]су, відзначено і в реєстрах II 13, XII 52, IV 25—29 “З”» (Петрунь 1927: 144).

В настоящем исследовании обосновано принимаем, что рукопись была найдена в Зографе. Более того, по мнению А. Бояджиева, профессора Софийского университета «Св. Климента Охридского» (устное сообщение), который занимается описанием Зографской библиотеки, на сегодняшний день этот сборник является единственным дамаскином, который был найден в Зографской святой обители. Таким образом этот рукописный памятник является своеобразным подтверждением духовной и культурной связи болгарских литературных центров с монастырями Святой Горы.

Далее обратим внимание на датировку кодекса. Учёные по-разному датируют рукопись: XVI в. (Григорович; Мочульский 1890: 102); началом XVII в. (Берштейн 1957). По мнению авторов нового времени рукопись написана не ранее начала XVIII в. (Петканова 1965; Младенова, Велчева 2013). В настоящем исследовании мы придерживаемся более поздней датировки памятника.

---

[3] См. Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова : «Полнёхонький, полнёхонькая, ое; -нек, -нька -нько (разг.). *Совсем полный, наполненный*» (1948: 264).

[4] Мы не располагаем точными сведениями о количестве рукописей, принадлежавших слависту. Вопреки мнению, что за научную деятельность славист собрал не менее 200, а возможно и более, манускриптов, в конце жизни он владел не более чем половиной рукописей, приобретённых в разное время (Петрунь 1927: 161). Это объясняется тем, что В.И. Григорович передавал принадлежавшие ему рукописи в дар научным учреждениям, с которыми был связан по службе: Библиотека Академии наук (Россия) (1852; 1858), Археографическая комиссия (1853), Казанский Университет (1853; 1856), Одесское общество истории и древностей. Кроме того, славист щедро обменивался рукописями с другими учёными: Ф.И. Буслаевым, И.И. Срезневским, Н.С. Тихонравовым и с П.И. Шафариком.

Краткое описание памятника

В качестве начального пункта изучения кодекса кратко представим уже сделанные палеографические и кодикологические наблюдения: рукопись представляет собой хорошо сохранившуюся книгу. Переплет манускрипта оригинальный, тонкие дощечки в художественно обработанной тисненой темно-коричневой коже с орнаментацией, с 2 металлическими застежками. Книга содержит 2 + 246+ 4 листа размером 100 × 65 мм. Размеры текстового поля: 70 × 50 мм, преимущественно по 10 строк. Кодекс небольшого размера, т.н. 16 формата. Карманный формат рукописи подсказывает, что вероятнее всего он предназначался для корпоративного или индивидуального чтения вне храма (Радославова 2011: 222). Бумага рукописи содержит несколько филиграней, которые хорошо читаются: полумесяц (Л. 135); разновидность филиграни корона (ЛЛ. 68, 117); другие знаки (ЛЛ. 150, 159, 178, 231). Изучение бумаги и водяных знаков является надежной отправной точкой для датировки недатированных рукописей, а в некоторых случаях может сузить датировку до четверти века (Вутова и др. 2021: 18—22). Политика библиотеки, запрещающая изготовление фотокопий, ограничивает доступные данные описаниями и зарисовками филиграней. Это не позволяет в полной мере сопоставить их с альбомами водяных знаков, составленными на основе надёжно датированных рукописей, и тем самым препятствует более точной датировке кодекса. Надеемся, что дальнейшие исследования с привлечением фотоматериалов позволят верифицировать атрибуцию филиграней и уточнить датировку памятника.

Письмо — средний (с тенденцией к мелкому) каллиграфический полуустав, двухъеровая орфографическая система (с большим преобладанием ь). Употребляются лигатуры, фонетические ударения (реже двойные), сокращения над сакральными словами. Рукопись написана чернилами тёмно-коричневого цвета, интенсивность которых практически не меняется. Киноварь (чаще всего огненно-красного цвета) используется для названия поучений и кратких заголовков и подзаголовков, расположенных внутри основного текста, выделяются также инициалы и некоторые буквы, которые представляют новый фрагмент в тексте. Двойная буквенная пагинация.

Основные результаты новых наблюдений

Для получения более полной палеографической характеристики кодекса сравним оформление рукописи с графическими особенностями других кодексов с чёткой атрибуцией. Именно эти рукописи предлагают набор графических, орфографических и лингвистических образцов, которые будут использованы для установления приблизительного времени написания, возможного авторства, а также каллиграфической школы, в которой был создан ОД 37.

Для достижения этой цели на начальном этапе были привлечены датированные рукописи XVIII в., атрибуция которых к определенной каллиграфической школе является доказанной. В качестве источников были использованы следующие памятники: НБКМ 979; НБКМ 1391 и Часослов Милко Котленского из коллекции ЦСВП[5]. Сборник оцифрован и доступен для пользования (digital.libsu.uni-sofia.bg: 1). Одесский дамаскин сегодня труднодоступен для исследования, однако мы нашли возможность визуализировать наблюдения по микрофильму, сделанному в 1970-ые гг. возможностями техники того периода, представив для анализа наиболее чёткие изображения.

Первое, на что хочется обратить внимание, это узкая прямоугольная геометрическо-растительная заставка, с которой начинается ОД 37. Налицо очевидное сходство оформления рукописей (ср. рис. 1, 2, 3). Сборники начинаются похожими заставками размером 15 × 80 мм по всей ширине текстового поля: две узкие полосы, которые переплетаются ромбовидно в

[5] Автор выражает свою признательность проф. Елисавете Мусаковой из Отдела «Ръкописи и старопечатни книги» НБКМ и проф. Васе Велиновой из ЦСВП за консультации, проведенные в ходе подготовки данного материала, а также сотрудницам читального зала № 1 НБКМ и лично Мире Калычевой.

определенную художественную композицию, написаны киноварью и коричневой тушью. По углам, посредине и над верхней основой фигуры расположены стилизованные растительные украшения, в композиции присутствует крест. Использование подобных местных орнаментально-художественных мотивов было весьма характерным для котленских писцов.

В стиле заставок оформлены геометрические инициалы Б; С; П; В, Г, И (ср. рис. 4, 5 и 6), они написаны киноварью и в большинстве случаев орнаментированы, некоторые из них подражают печатным образцам. Эти заглавные буквы имеют и практическую функцию, служат знаком начала текстового сегмента. В некоторых случаях они выходят за текстовое поле и вместе с декоративными элементами занимают до 3—4 строк. Кроме того, для лучшего восприятия текста читателем, некоторые буквы среднего шрифта С, Х, Е, З, П, К, с которых начинаются более объёмные синтаксические единицы (фрагмент), предложение или фраза, также написаны крупным шрифтом киноварью. Во всех перечисленных рукописях наблюдается это заглавно-декоративное письмо, одни и те же принципы чередования групп букв, написанные чернилами тёмно-коричневого и красного цвета (ср. рис. 7, 8 и 9).

Специального внимания заслуживает сходство графики рукописей. В графическом оформлении кодексов находим правильность и геометричность, построенные на принципе буквенного соподчинения, при котором столбцы букв сознательно отклонены, например *г, ч, ь,* в меньшей степени — *н* и *и,* а буквы с наклоном (м и л) наоборот выпрямлены. Это создает ощущение симметрии, синхронности и сбалансированности, которое достигается также путём равномерного размещения удлинений некоторых графем в междустрочие — *р, ц, щ, х*. Эти графические особенности, взятые в совокупности, характеризуют один определённый тип письма — котленский.

Город Котел — один из последних болгарских рукописных центров, где в XVIII в. создается Котленская книжная школа, родоначальником которой считается Милко Котленский. Среди его учеников выделяется Стойко Владиславов (известный ещё как епископ Софроний Врачанский). Здесь уместно обратить внимание на то, что лишь в 1964 г. Б. Ангелов впервые обращает внимание на сходство почерка, орнамента и содержания рукописей Милко Котленского, Стойко Владиславова, Теодора иерея, Велико иерея, которое иногда настолько велико, что только при наличии приписок можно понять какая книга кем написана (Ангелов 1964: 64). Впоследствии Б. Райков отмечает, что в эту эпоху здесь [в Котеле] работает ряд писцов, языковое, орфографическое и художественное единство рукописей которых позволяет говорить о существовании книжного центра (Райков 1972: 11). Позже в археографическую практику входит термин *котленское письмо* (Станчев 1982; Станчев, Банков 1978: 101—114; Христова и др. 1982). Однако, лишь в 1994 г. Д. Караджова представляет наиболее полное описание рукописной продукции Котела и региона, которое недвусмысленно показывает, что в XVIII в. здесь существовала каллиграфическая школа с характерным стилем письма, с единой орфографией и общей манерой художественного оформления. Это ставит Котленский книжный центр в один ряд с такими важными центрами той эпохи как Рыльский монастырь, а также с монастырями Зограф и Хиландар (Караджова 1994).

Анализ буквенных начертаний котленских рукописных памятников обнаруживает много общих черт в графике. Благодаря намеренному утончению окончаний букв и элементов, выступающих над или под графичным рядом, достигается орнаментация — ещё одна общая черта этого типа письма. Особенно характерно для котленского письма написание правой косой части у, сильно приподнятой над верхней графической линией; наклонённого хвостика буквы ц под нижней графической линией, а также тонко исписанные с наклоном или без хвостиков буквы щ. Ещё одной особенностью котленского письма является его преимущественно геометрический характер: преобладают угловатые начертания, овалов мало (даже буква Ѳ имеет треугольную основу) (ср. рис. 10 и 11); горизонтальная геометричность некоторых букв как б, в, г, п, т, ц, щ, ш достигается путем удлинения верхних и нижних горизонтальных графических элементов; используется сравнительно небольшое количество лигатур; наблюдается контрастирующее чередование

тонко написанных и каллиграфически утолщённых элементов буквенных начертаний, которое дополняет орнаментность письма.

Все эти черты, которые создают впечатление целостного орнаментного начертания, мы находим в графике и письме ОД 37, НБКМ 979; НБКМ 1391, Часослове Милко Котленского. В совокупности эти особенности дают нам возможность сделать вывод, что все эти рукописи были созданы писцами, имеющими хорошую подготовку, которые работали в тесном сотрудничестве в одном центре. Отметим также присутствие в сборниках идентично оформленных таблиц пасхалий, работа над которыми предстоит. Наблюдения показывают также близость письма, графики и орнаментики ОД 37 с Котленским дамаскином (1765). В пользу палеографической атрибуции Одесского дамаскина к Котленскому книжному центру добавим также фототипические издания Софроновых переписей «Истории Славяноболгарской» (1762 и 1781), а также фотоприложения к описаниям рукописных собраний НБКМ, НИМ и ЦСВП.

Отдельного внимания заслуживает ещё одна характерная черта котленских рукописей, т.н. вязь (болг. везано писмо; нем. Ligaturschrift). Декоративное письмо, которое, по определению В.Н. Щепкина, предназначено связать строку в непрерывный и равномерный орнамент, это достигается различного рода сокращениями и украшениями. Если число букв значительно, а пространство мало, каллиграф прибегает к сокращениям, в обратном случае он маскирует пустоты различными украшениями (Щепкин 1967: 40). В болгарской традиции существует три стиля вязаного письма[6] — естественный, геометрический и среднеюжнославянский (Джурова 1997).

Как показывают наблюдения, котленские переписчики используют в основном геометрический стиль вязаного письма, который иногда сочетается со стилизованными растительными декорами. Довольно часто вместо растительных элементов пустые пространства между буквами заполняются крестами. В целом, несмотря на преобладающий геометризм и сравнительно небольшое количество лигатур, котленское вязаное письмо производит впечатление целостного орнаментального порядка (Караджова 1994: 157—158). (ср. рис. 12 и 13).

Следует также отметить наблюдение, сформулированное в одной из наших предыдущих публикаций (Брага 2023а) и получившее в ходе настоящего сравнительного анализа рукописного материала убедительное документальное подтверждение. Одной из характерных особенностей рукописей Котленской каллиграфической школы являются каллиграфические концевые знаки, обычно размещаемые в конце текстовых фрагментов. Они представляют собой разнообразные комбинации точек, запятых, тире и криволинейных элементов и имеют исключительно декоративное назначение⁘ ⁖ ∼ ⁚ ⁏ ⁚∼ (Караджова 1994: 202). Подобными небольшими орнаментами в виде четыреточий ⁘ ⁘ ⁘, подобие крестного знака, заканчиваются Чин вечерни, краткий месяцеслов и Епистолия о неделе в ОД 37. Идентичные орнаменты находим в НБКМ 1391, Часослове Милко Котленского и НБКМ 979.

Обратим внимание на переплёт рукописи, который является важным компонентом для определения координат создания, местонахождения, датировки, авторства рукописи, он также может быть ориентиром принадлежности к определенной школе. Орнамент оригинального кожаного переплета ОД 37 состоит из геометрических фигур в центре в виде ромба с декоративными элементами. Ромб и прямоугольник — это узоры, характерные для котленских переплетов. Здесь находим сходство с типичными переплётами Милко Котленского, их всего девять (среди них пять часословов). Благодаря этой типичности и повторяемости композиционной схемы и элементов орнамента, именно они имеют важное палеографо-кодикологическое значение для идентификации его неподписанных рукописей. Переплёт другого Часослова третьей четверти XVIII в., работы Милко Котленского, также показывает сходство с переплетом ОД 37 (ср. рис. 14 и 15).

[6] Везано писмо — См. «Scripta Bulgarica: дигитална библиотека за старобългарска книжнина», автор Д. Радославова (scripta-bulgarica.eu: 1).

Для сравнения мы привлекли также рукопись № 583 из собрания Музея Возрождения (Варна), написанную в Котеле и датированную 1761 г. (рис. 16). Переплет этой рукописи — дело рук Софрония Врачанского, который в ранний период своей деятельности занимался подшиванием рукописей и старопечатных книг (Караджова 1994: 51). Упомянутая рукопись № 583 представляет собой сборник житий и апокрифов. По палеографическим характеристикам, в сочетании с орфографическими и лингвистическими особенностями (Манолева 2015), а также по содержанию, идентична с ОД 37.

Заключение

В результате новых палеографических наблюдений над ОД 37 был получен материал, который констатирует идентичность орнаментации, заглавно-декоративного письма, стиля оформления переплета ОД 37 с рукописями НБКМ 979; НБКМ 1391; Часословом Милко Котленского, а также с рукописью № 583 из Музея Возрождения. Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что переписчик, работавший над созданием нашего кодекса, принадлежал к Котленской книжной школе, а рукопись вероятнее всего была создана в хронологических рамках между 1745 и 1765 гг. Все эти особенности в совокупности, а также другие художественные элементы, сочетающие в себе местную книжно-декоративную традицию, влияние прикладного искусства и бытовую орнаментику, дают нам возможность предположить, что переписчиком, который работал над созданием Одесского дамаскина, может быть Милко Котленский, один из его учеников, возможно, даже Софроний Врачанский. Проверка этой гипотезы является вопросом дальнейших исследований.

В заключение вернемся к факту, что рукопись была найдена в Зографском монастыре. По нашему мнению, это неслучайно, многие исследователи отмечают, что в XVII—XVIII в. связь болгарских литературных школ с духовными и образовательными центрами Святой Горы Афон была исключительно сильной (Ангелов 1964; Караджова 1994; Манолева 2006). Отсюда было привезено множество богослужебных книг, которые впоследствии стали образцами для болгарских переписчиков. В середине XVIII в., когда в Котеле наблюдается экономический, а как следствие этого и культурный расцвет, многие котленцы отправляются в паломничество в афонские монастыри. Довольно часто монахи-паломники, отправляясь на Афон, брали с собой собственные книги.

Из вышесказанного становится очевидным то, что именно карманный формат таких книг, предназначенный для путешествующих лиц, создал условия для использования вне храма. Однако, по нашему мнению, не стоит непременно привязывать подобные книги к богослужению. Манускрипт мог быть перевезён в кармане монаха, паломника или купца. Вряд ли мы когда-то сможем найти ответ на этот вопрос, но фактом остается то, что эта книга, написанная в Котленской книжной школе, была обнаружена В.И. Григоровичем в Зографе, перевезена им вначале в Казань, потом в Одессу, в совокупности преодолела расстояние около семи тысяч километров.

Следует отметить, что при этом интересный рукописный памятник исключительно хорошо сохранился и без всякого сомнения заслуживает специального внимания путем оцифровки и/или фототипирования сборника, ведь именно так можно сохранить объективный взгляд на книгу в век современных технологий и найти естественный корректив для любого исследования.

Литература

Ангелов Б. 1964. *Съвременници на Паисий*. Кн. I. София: БАН.

Брага Т. 2022. Одески дамаскин № 37 (63) — новобългарски паметник от Котленската книжовна школа. Палеография. Кодикология. Датировка. *Български език* 69.4, 68—84.

Брага Т. 2023а. *Одеските дамаскини от сбирката на В.И. Григорович. Българско културноисторическо наследство. Палеография. Кодикология. Датировка*. София: БАН.

Брага Т. 2023б. Одески дамаскин № 39 (65) в българската книжовноезикова и литературна традиция. *Palaeobulgarica* XLVII, 2, 63—90.
Вутова Н. и др. 2021. *Водни знаци от кирилските печатни издания XVIII—XIX в. от фонда на Университетската библиотека «Св. Климент Охридски»*. София: Университетско издателство.
Дёмина Е.И. 1968. *Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в.* Т. 1. София: БАН.
Дёмина Е.И. 1971. *Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в.* Т. 2. София: БАН.
Дёмина Е.И. 1985. *Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в.* Т. 3. София: БАН.
Джурова А. 1997. *Въведение в славянската кодикология: Византийският кодекс и рецепцията му сред славяните*. София: ЦИБАЛ.
Димитрова М. 2009. Дамаскинарска литература. В: Милтенова А. (съст.). *История на българската средневековна литература*. София: Изток-Запад, 729—737.
Караджова Д. 1994. *Котленският книжовен център през XVIII век.* Пловдив: Христо Г. Данов.
Лавров П.А. 1899. *Дамаскин Студит и сборники его имени «дамаскины» в югославянской письменности*. Т. VII. Одесса: Экономическая типография, 15—53.
Манолева А. 2006. *Котленски сборник. Изследвани и издание на текста*. София: Елгатех.
Милетич Л. 1908. Копривщенски дамаскин. Новобългарски паметник от XVII век. *Български старини* II.
Милетич Л. 1923. Свищовски дамаскин. Новобългарски паметник от XVIII в. *Български старини* VII.
Мирчева Е. 2001. *Не-дамаскинови слова в новобългарските дамаскини от XVII век*. ВеликоТърново: Фабер.
Младенова О., Велчева Б. 2013. *Ловешки дамаскин. Новобългарски паметник от XVII век.* София: НБКМ.
Мочульский В.Н. 1890. Описание рукописей В.И. Григоровича. *Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете* 1, 100—118.
Петканова-Тотева Д. 1965. *Дамаскините в българската литература*. София: БАН.
Петрунь Ф. 1927. Рукописна збірка В.І. Григоровича. Бібліографічні замітки. *Праці Одеської центральної наукової бібліотеки* 1, 137—163.
Радославова Д. 2011. Граничният седемнадесети век. Българската православна книжнина — феномен от периферията. В: Кунчева, Р. (съст.). *Маргиналното в/на литературата*. София: Боян Пенев, 208—232.
Радославова Д. 2020. *Българската книжнина от XVII век: центрове, книжовници, репертоар.* София: Боян Пенев.
Райкова Б. 1972. *Паисий Хилендарски. История славяноболгарская. Първи Софрониев препис от 1765 година. Увод, новобългарски текст и коментар*. София: Наука и изкуство.
Станчев Кр. 1982. *Опис на славянските ръкописи в Пловдивската народна библиотека «Иван Вазов», постъпили след 1920 год*. София: НБКМ.
Станчев Кр. и др. 1978. Славянските ръкописи в Музея на Възраждането — Варна. *Старобългарска литература* 4, 101—114.
Страдомски Я., Брага Т. 2025. Наблюдения върху приписките и водните знаци в Берлинския дамаскин. *Palaeobulgarica* XLIX.1, 103—122.
Ушаков Д.Н. (ред.). 1948. *Толковый словарь русского языка*. Т. 3. *П — Ряшка*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
Христова Б. и др. 1982. *Български ръкописи от XI до XVIII в., запазени в България. Своден каталог.* Т. 1. София: НБКМ.
Щепкин В. 1967. *Русская палеография*. Москва: Наука.
digital.libsu.uni-sofia.bg: 1: Cod. D. Slavo 10 Часослов на Милко Котленски: URL: https://digital.libsu.uni-sofia.bg/bg/v/1536 (дата обращения 30.11.2025.).
scripta-bulgarica.eu: 1: везано писмо: URL: http://scripta-bulgarica.eu/bg/terms/vezano-pismo (дата обращения 30.11.2025.).

References

Angelov, B. 1964. *Savremennitsi na Paisiy (Paisius's Contemporaries).* Bk. I. Sofia: BAN (in Bulgarian).
Braga, T. 2022. In *Balgarski ezik (Bulgarian language)* 69.4, 68—84 (in Bulgarian).
Braga, T. 2023a. *Odeskite damaskini ot sbirkata na V.I. Grigorovich. Balgarsko kulturnoistorichesko nasledstvo. Paleografia. Kodikologia. Datirovka (The Odesa Damaskins from the Collection of V.I. Grigorovich. Bulgarian Cultural-Historical Heritage. Palaeography. Codicology. Dating)*. Sofia: BAN (in Bulgarian).
Braga, T. 2023b. In *Palaeobulgarica* XLVII, 2, 63—90 (in Bulgarian).

Vutova, N. et al. 2021. *Vodni znatsi ot kirilskite pechatni izdaniya XVIII—XIX v. ot fonda na Universitetskata biblioteka "Sv. Kliment Ohridski" (Watermarks from Cyrillic printed editions of the 18th — 19th centuries in the collection of the St. Kliment Ohridski University Library)*. Sofiya: Universitetsko izdatelstvo (in Bulgarian).

Dyomina, E.I. 1968. *Tihonravovskiy damaskin. Bolgarskiy pamyatnik XVII v. (The Tikhonravov Damascene. A 17th-century Bulgarian manuscript)*. Vol. 1. Sofia: BAN (in Russian).

Dyomina, E.I. 1971. *Tihonravovskiy damaskin. Bolgarskiy pamyatnik XVII v. (The Tikhonravov Damascene. A 17th-century Bulgarian manuscript)*. Vol. 2. Sofia: BAN (in Russian).

Dyomina, E.I. 1985. *Tihonravovskiy damaskin. Bolgarskiy pamyatnik XVII v. (The Tikhonravov Damascene. A 17th-century Bulgarian manuscript)*. Vol. 3. Sofia: BAN (in Russian).

Dzhurova, A. 1997. *Vavedenie v slavyanskata kodikologiya: Vizantiyskiyat kodeks i retseptsiyata mu sred slavyanite (Introduction to Slavic Codicology: The Byzantine Codex and Its Reception Among the Slavs)*. Sofia: TSIBAL (in Bulgarian).

Dimitrova, M. 2009. In: Miltenova, A. (ed.). *Istoriya na balgarskata srednevekovna literatura (History of Bulgarian Medieval Literature)*. Sofia: Iztok-Zapad, 729—737 (in Bulgarian).

Karadzhova, D. 1994. *Kotlenskiyat knizhoven tsentar prez XVIII vek (The Kotel Literary Center in the 18th Century)*. Plovdiv: Hristo G. Danov (in Bulgarian).

Lavrov, P.A. 1899. *Damaskin Studit i sborniki ego imeni "damaskiny" v yugoslavyanskoy pis'mennosti (Damaskinos Studites and the collections bearing his name ("Damaskins") in South Slavic writing)*. Vol. VII. Odesa: Ekonomicheskaya Tipografiya, 15—53 (in Russian).

Manoleva, A. 2006. *Kotlenski sbornik. Izsledvane i izdanie na teksta (The Kotel Miscellany: Study and Edition of the Text)*. Sofia: Elgateh (in Bulgarian).

Miletich, L. 1908. In *Balgarski starini (Bulgarian Antiquities)*. Bk. II (in Bulgarian).

Miletich, L. 1923. In *Balgarski starini (Bulgarian Antiquities)*. Bk. VII (in Bulgarian).

Mircheva, E. 2001. *Ne-damaskinovi slova v novobalgarskite damaskini ot XVII vek (Non-Damascene Homilies in the New Bulgarian Damascenes of the 17th Century)*. Veliko Tarnovo: Faber (in Bulgarian).

Mladenova, O., Velcheva, B. 2013. *Loveshki damaskin. Novobalgarski pametnik ot XVII vek (The Lovech Damaskin. A Modern Bulgarian Monument from the 17th Century.)*. Sofia: NBKM (in Bulgarian).

Mochul'skiy, V.N. 1890. In *Letopis' Istoriko-filologicheskogo obshtestva pri Imperatorskom Novorossiyskom universitete (Annals of the Historical-Philological Society at the Imperial Novorossiya University)* 1, 100—118 (in Russian).

Petkanova-Toteva, D. 1965. *Damaskinite v balgarskata literatura (The Damaskini in Bulgarian Literature)*. Sofia: BAN (in Bulgarian).

Petrun', F. 1927. In *Pratsi Odes'koi tsentral'noi naukovoi bibliteki (Works of the Odesa Central Scientific Library)* 1, 137—163 (in Ukrainian).

Radoslavova, D. 2011. In: Kuncheva, R. (ed.). *Marginalnoto v/na literaturata (The Marginal in/of Literature)*. Sofia: Boyan Penev, 208—232 (in Bulgarian).

Radoslavova, D. 2020. *Balgarskata knizhnina ot XVII vek: tsentrove, knizhovnitsi, repertoar (Bulgarian Literature of the 17th Century: Centers, Scribes, and Repertoire)*. Sofia: Boyan Penev (in Bulgarian).

Raykov, B. 1972. *Paisiy Hilendarski. Istoriya slavyanobolgarskaya. Parvi Sofroniev prepis ot 1765 godina. Uvod, novobalgarski tekst i komentar (Paisius of Hilendar. Slavonic-Bulgarian History. The First Copy by Sophronius (1765). Introduction, Modern Bulgarian Text, and Commentary)*. Sofia: Nauka i izkustvo (in Bulgarian).

Stanchev, Kr. 1982. *Opis na slavyanskite rakopisi v Plovdivskata narodna biblioteka "Ivan Vazov", postapili sled 1920 god (Inventory of Slavic Manuscripts in the "Ivan Vazov" National Library in Plovdiv Acquired After 1920)*. Sofiya: NBKM (in Bulgarian).

Stanchev, Kr. et al. 1978. In *Starobalgarska literatura (Old Bulgarian Literature)*, 4, 101—114 (in Bulgarian).

Stradomski, Ya., Braga, T. 2025. In *Palaeobulgarica* XLIX.1, 103—122 (in Bulgarian).

Ushakov, D.N. (ed.). 1948. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka (Explanatory Dictionary of the Russian Language)*. Vol. 3. *P — Ryashka*. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey (in Russian).

Hristova, B. et al. 1982. *Balgarski rakopisi ot XI do XVIII v., zapazeni v Balgariya. Svoden katalog (Bulgarian Manuscripts from the 11th to the 18th Century Preserved in Bulgaria: A Union Catalogue)*. Vol. 1. Sofia: NBKM.

Shchepkin, V. 1967. *Russkaya paleografiya (Russian Paleography)*. Moscow: Nauka (in Russian).

digital.libsu.uni-sofia.bg: 1: Cod. D. Slavo 10 Book of Hours of Milko Kotlenski: Available at: https://digital.libsu.uni-sofia.bg/bg/v/1536 (accessed 30.11.2025.).

scripta-bulgarica.eu: 1: vezano pismo: Available at: http://scripta-bulgarica.eu/bg/terms/vezano-pismo (accessed 30.11.2025.).

Рис. 1. Одесский дамаскин № 37 (63), воспроизведён по микрофильму. Оригинал хранится в Одесской национальной научной библиотеке. Отдел редких изданий и рукописей, шифр 1/114.

Fig. 1. Odessa Damaskin No. 37 (63), reproduced from a microfilm copy. The original manuscript is preserved in the Department of Rare Books and Manuscripts of the Odessa National Scientific Library, shelf mark 1/114.

Рис. 2. Рукопись, шифр 1391, 1744 г. Фотокопия. Национальная библиотека «Св. Кирил и Методий», София, Болгария. Отдел «Ръкописи и старопечатни книги».

Fig. 2. Manuscript, sign. 1391, 1744. Photocopy. National Library “Ss. Cyril and Methodius”, Sofia, Bulgaria. Department of Manuscripts and Old Printed Books.

Рис. 3. Рукопись, шифр 979, 1752 г. Фотокопия. Национальная библиотека «Св. Кирил и Методий», София, Болгария. Отдел «Ръкописи и старопечатни книги».

Fig. 3. Manuscript, sign. 979, 1752. Photocopy. National Library “Ss. Cyril and Methodius”, Sofia, Bulgaria. Department of Manuscripts and Old Printed Books.

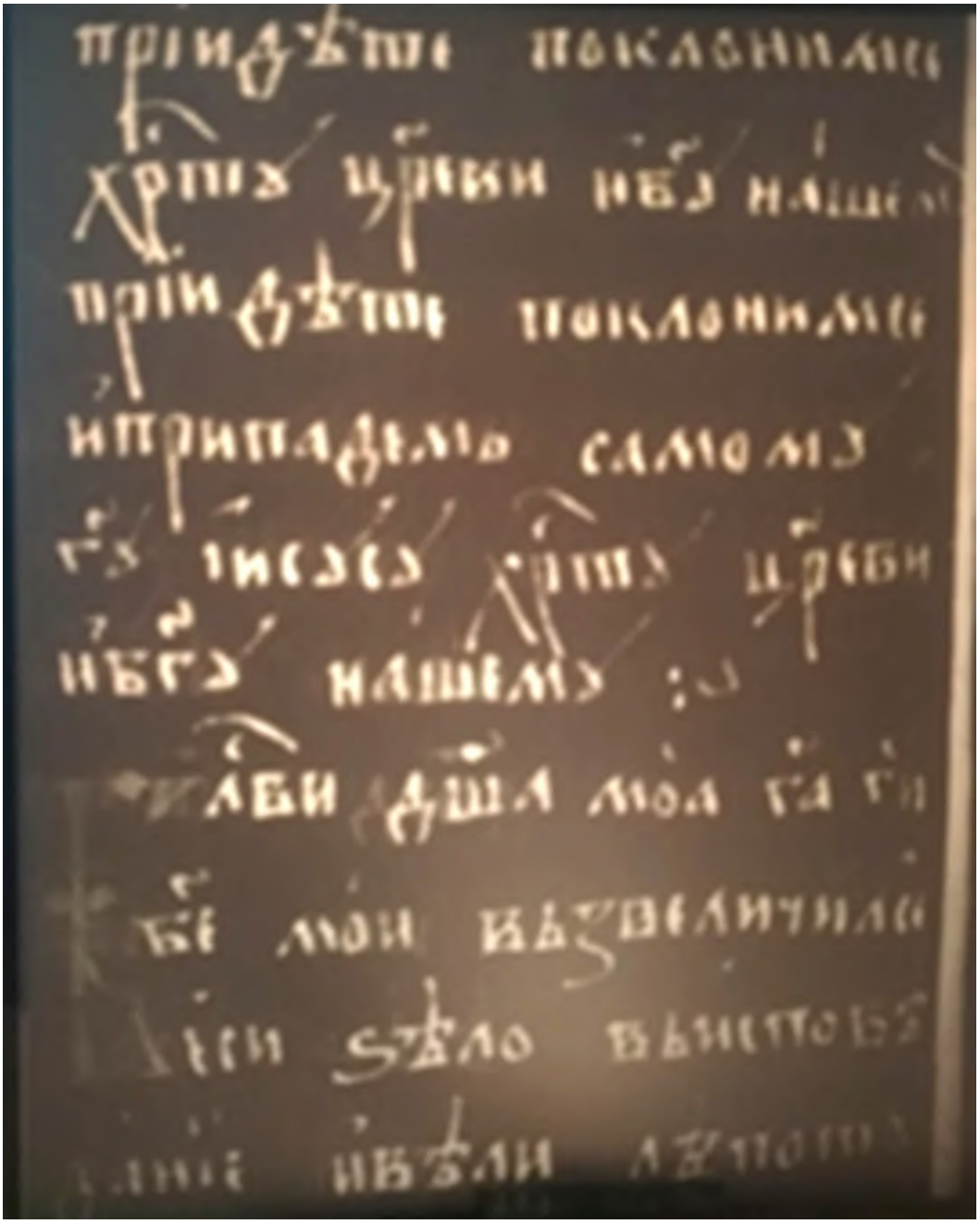


Рис. 4. Одесский дамаскин № 37 (63), воспроизведён по микрофильму. Оригинал хранится в Одесской национальной научной библиотеке. Отдел редких изданий и рукописей, шифр 1/114.

Fig. 4. Odessa Damaskin No. 37 (63), reproduced from a microfilm copy. The original manuscript is preserved in the Department of Rare Books and Manuscripts of the Odessa National Scientific Library, shelf mark 1/114.

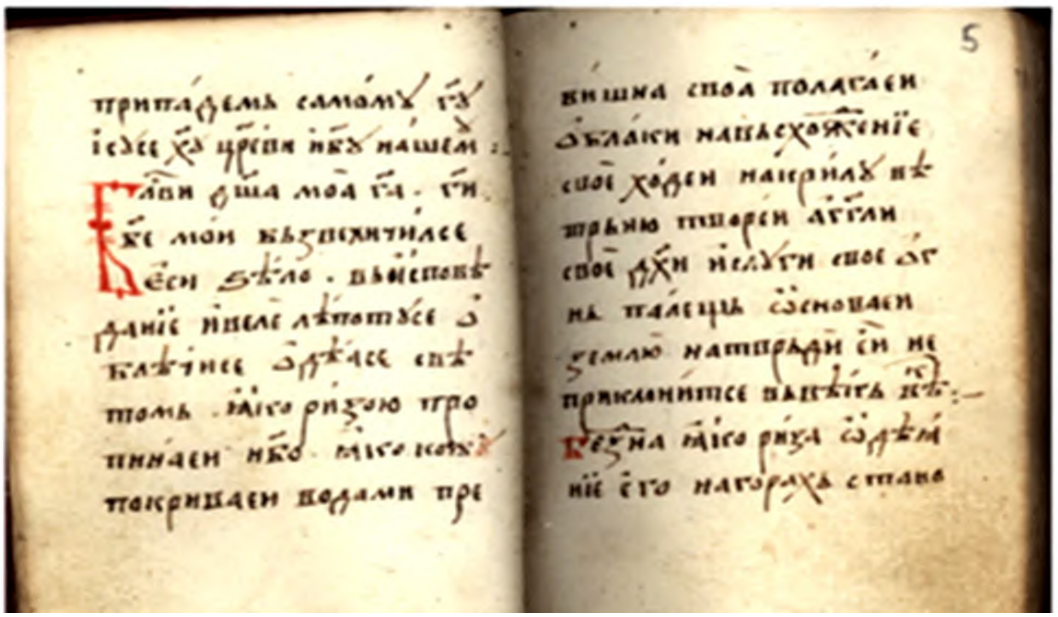


Рис. 5. Часослов Милко Котленского, 1755 г. Фотокопия. Библиотека Центра славяно-византийских исследований, Софийский университет «Св. Климент Охридски», София, Болгария. Cod. D. Slavo 10.

Fig. 5. Horologion of Milko Kotlensky, 1755. Photocopy. Library of the Centre for Slavo-Byzantine Studies, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria. Cod. D. Slavo 10.

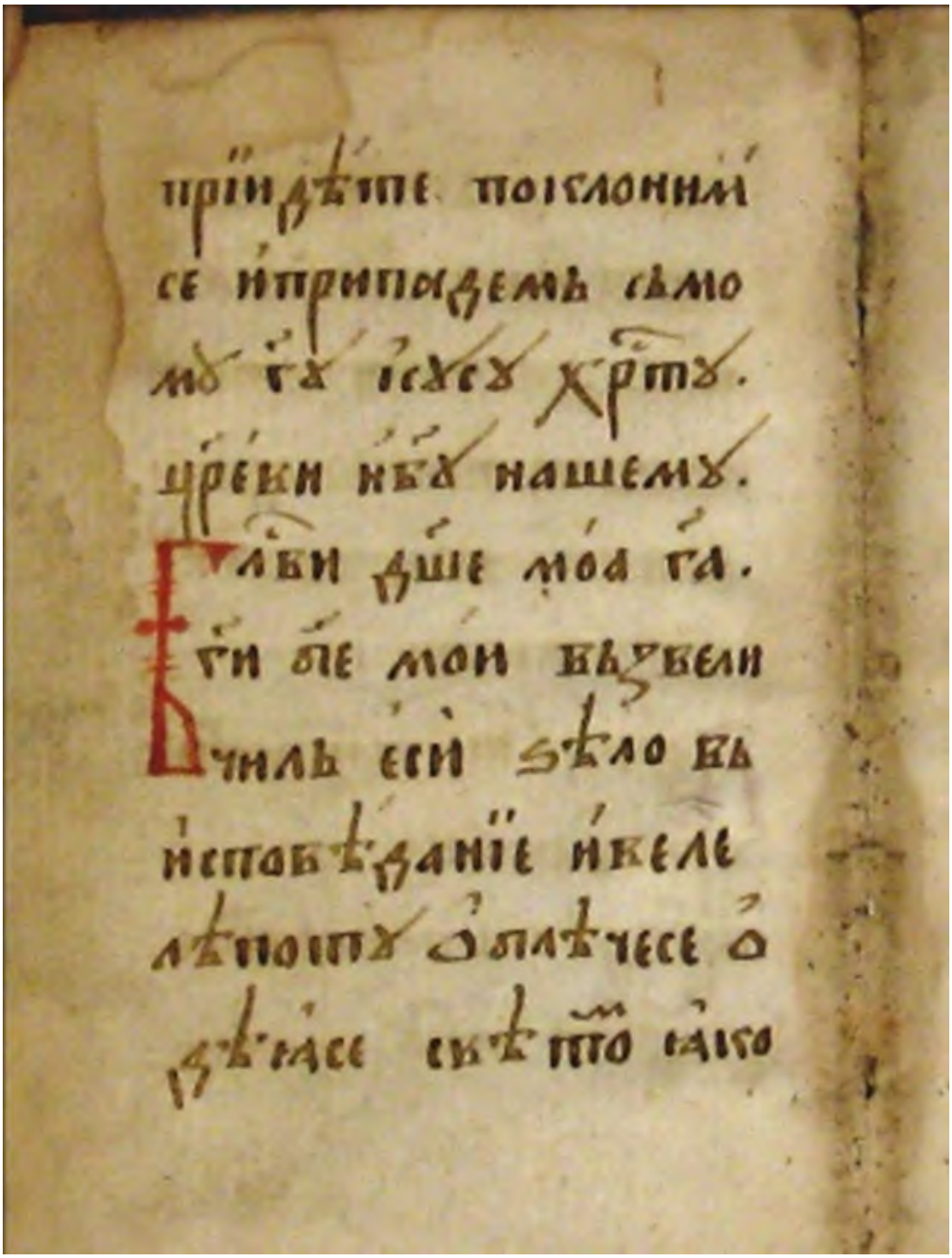


Рис. 6. Рукопись, шифр 1391, 1744 г. Фотокопия. Национальная библиотека «Св. Кирил и Методий», София, Болгария. Отдел «Ръкописи и старопечатни книги».

Fig. 6. Manuscript, sign. 1391, 1744. Photocopy. National Library “Ss. Cyril and Methodius”, Sofia, Bulgaria. Department of Manuscripts and Old Printed Books.

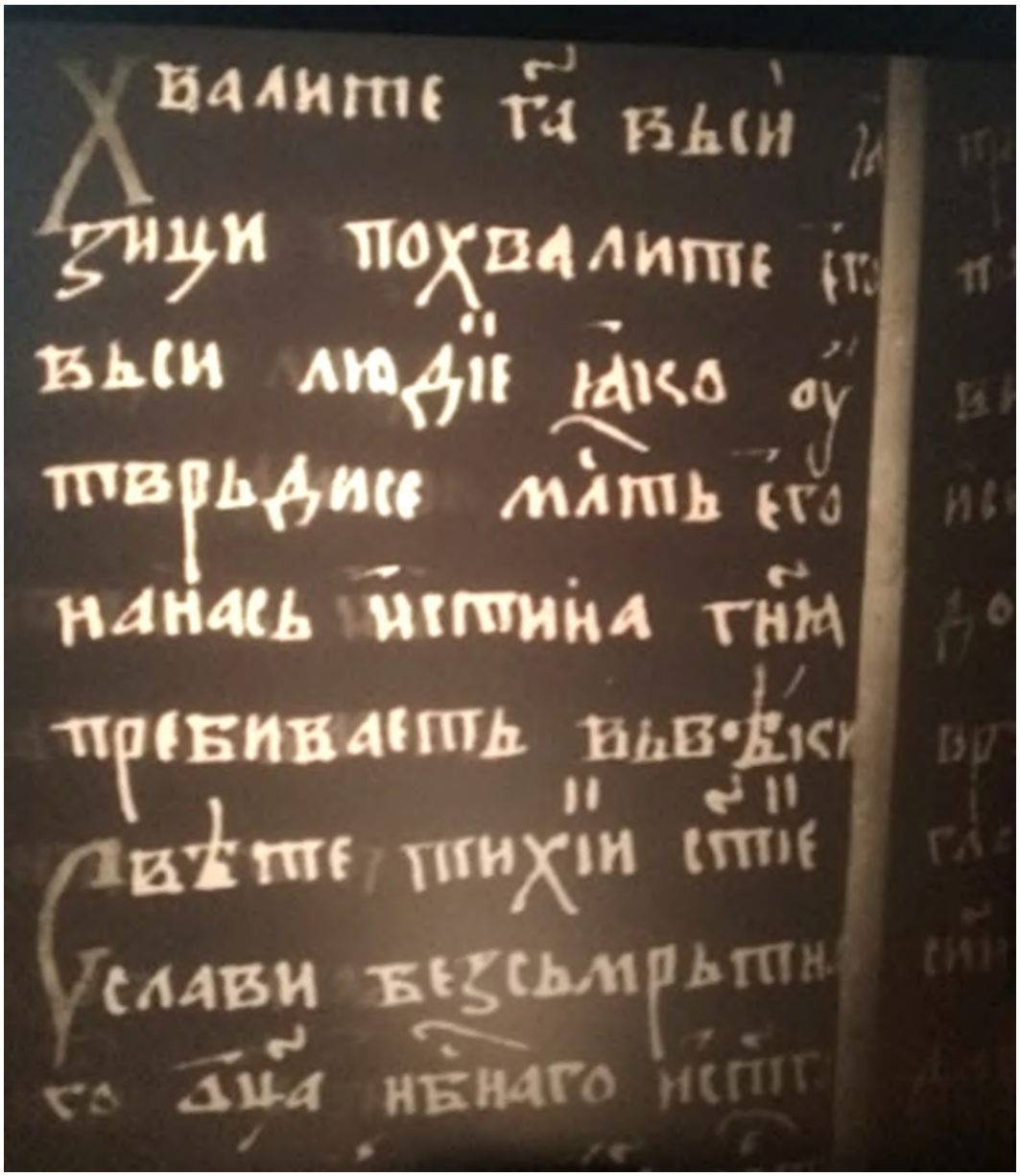


Рис. 7. Одесский дамаскин № 37 (63), воспроизведён по микрофильму. Оригинал хранится в Одесской национальной научной библиотеке. Отдел редких изданий и рукописей, шифр 1/114.

Fig. 7. Odessa Damaskin No. 37 (63), reproduced from a microfilm copy. The original manuscript is preserved in the Department of Rare Books and Manuscripts of the Odessa National Scientific Library, shelf mark 1/114.

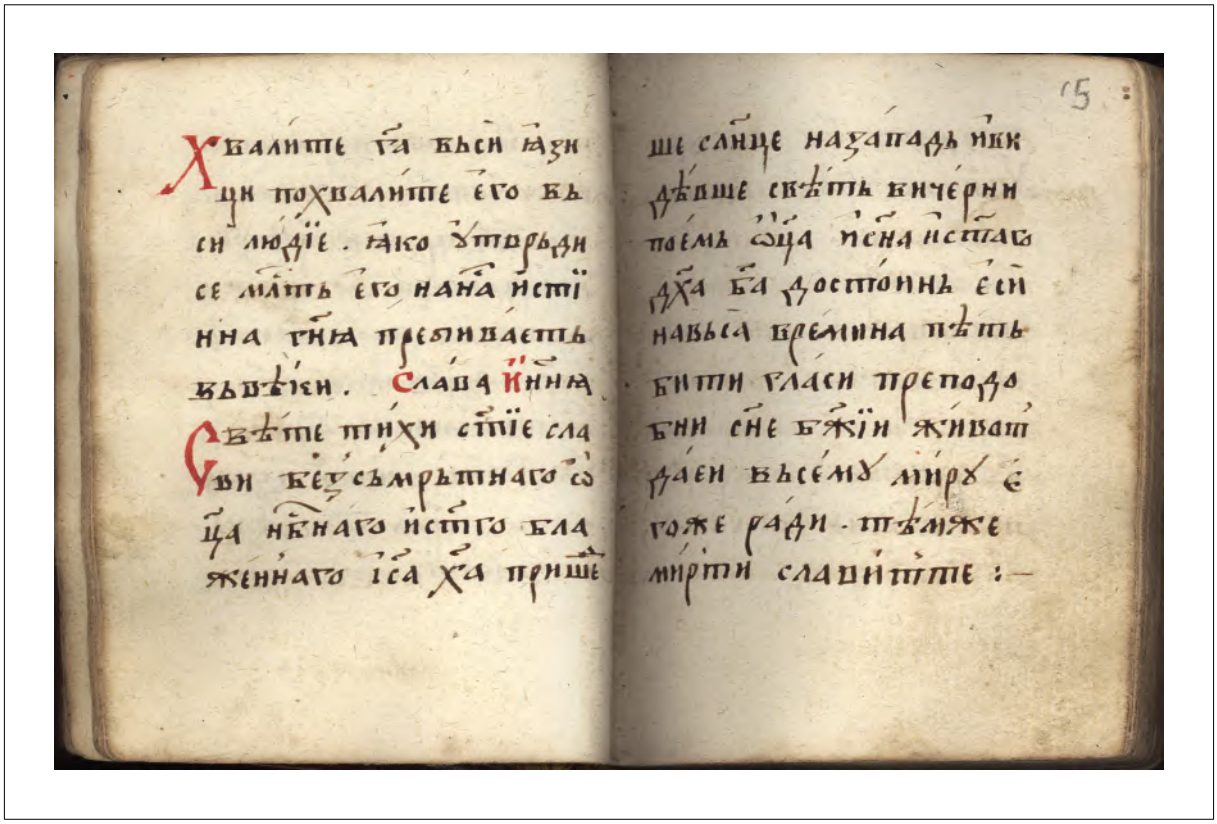


Рис. 8. Часослов Милко Котленского, 1755 г. Фотокопия. Библиотека Центра славяно-византийских исследований, Софийский университет «Св. Климент Охридски», София, Болгария. Cod. D. Slavo 10.

Fig. 8. Horologion of Milko Kotlensky, 1755. Photocopy. Library of the Centre for Slavo-Byzantine Studies, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria. Cod. D. Slavo 10.

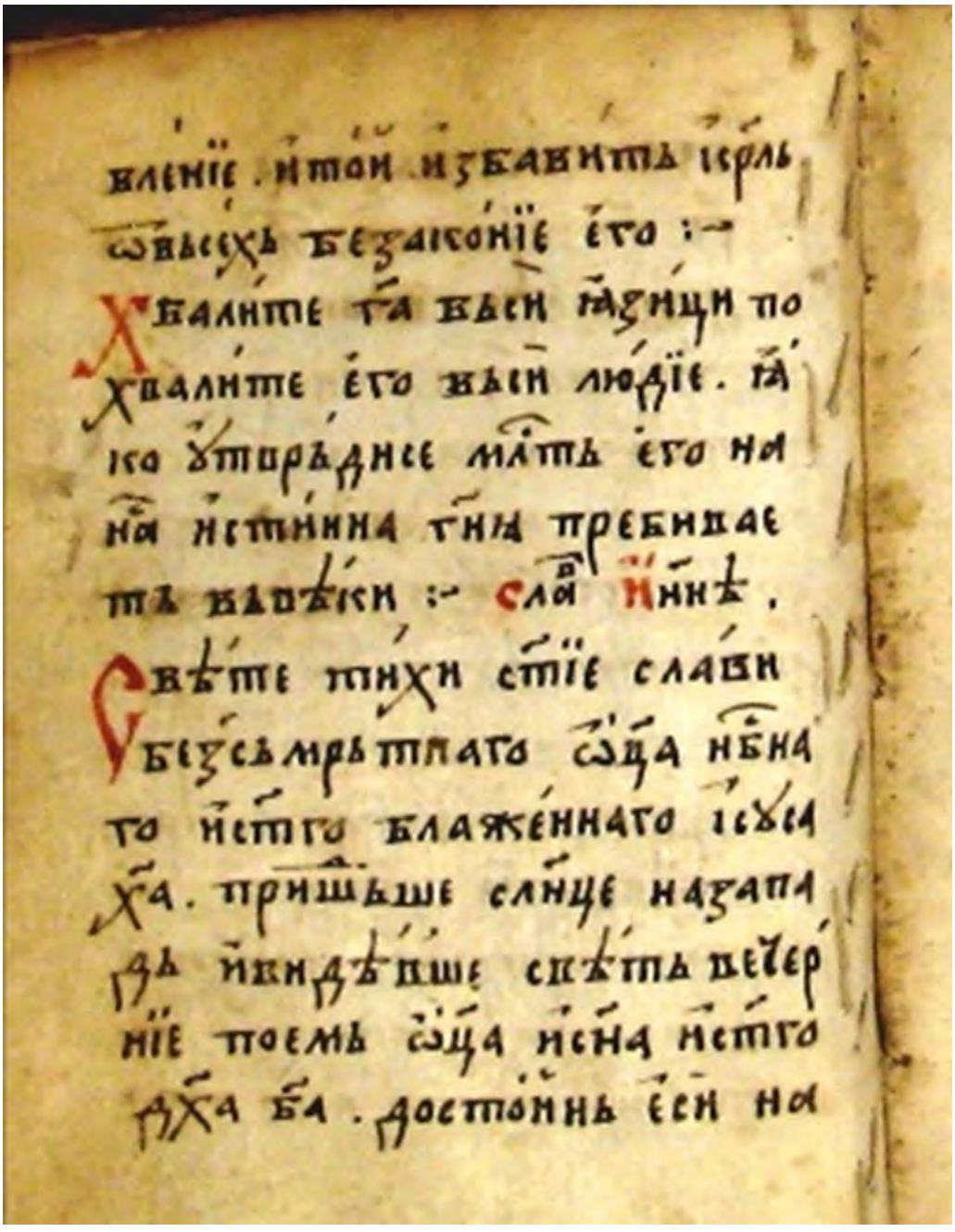


Рис. 9. Рукопись, шифр 979, 1752 г. Фотокопия. Национальная библиотека «Св. Кирил и Методий», София, Болгария. Отдел «Ръкописи и старопечатни книги».

Fig. 9. Manuscript, sign. 979, 1752. Photocopy. National Library “Ss. Cyril and Methodius”, Sofia, Bulgaria. Department of Manuscripts and Old Printed Books.

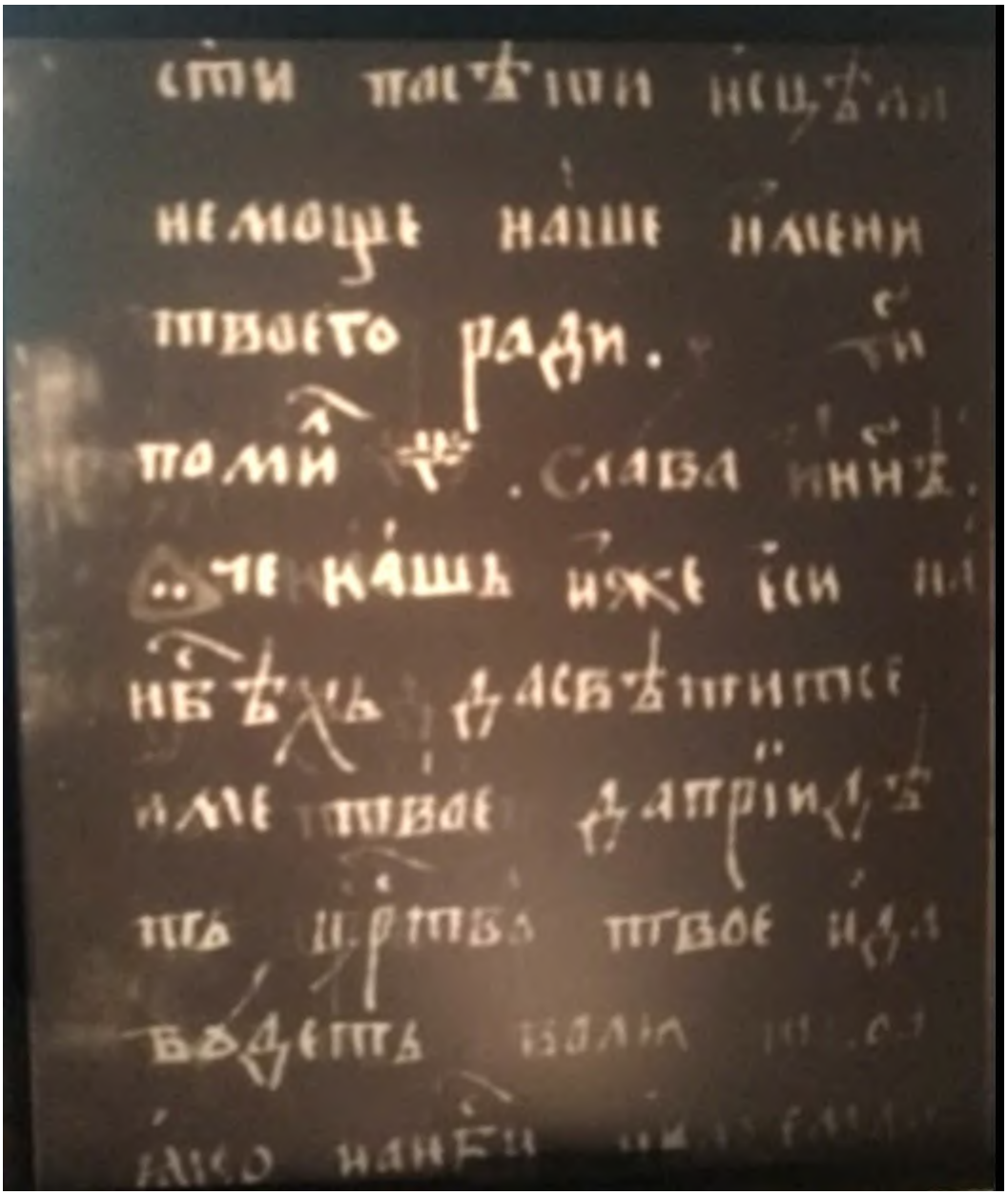


Рис. 10. Одесский дамаскин № 37 (63), воспроизведён по микрофильму. Оригинал хранится в Одесской национальной научной библиотеке. Отдел редких изданий и рукописей, шифр 1/114.

Fig. 10. Odessa Damaskin No. 37 (63), reproduced from a microfilm copy. The original manuscript is preserved in the Department of Rare Books and Manuscripts of the Odessa National Scientific Library, shelf mark 1/114.

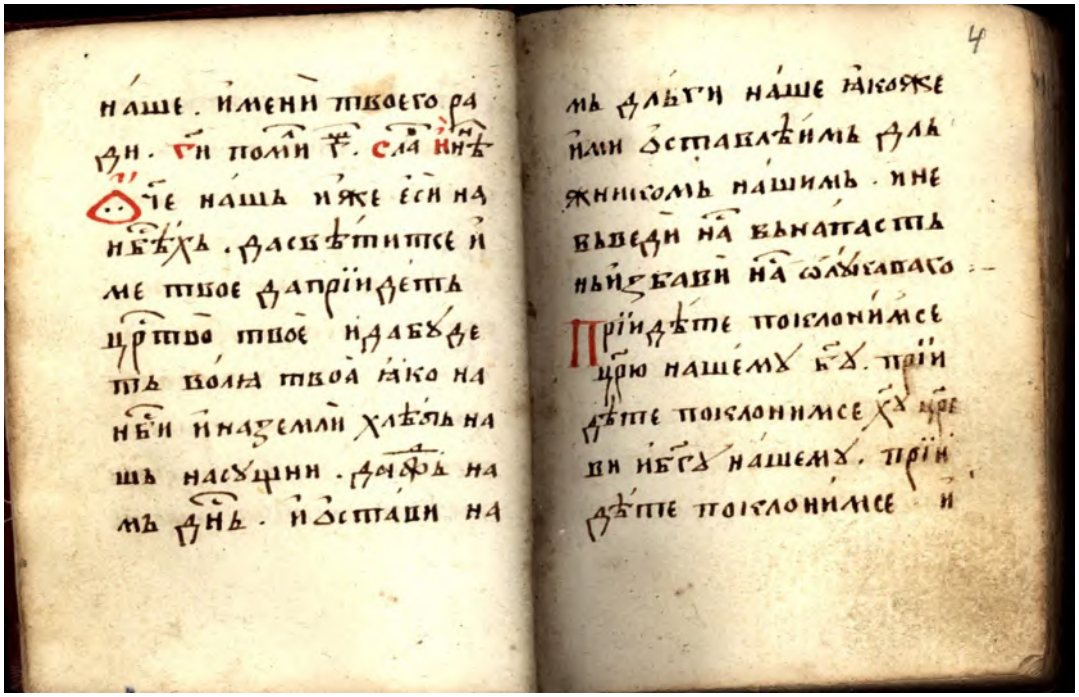


Рис. 11. Часослов Милко Котленского, 1755 г. Фотокопия. Библиотека Центра славяно-византийских исследований, Софийский университет «Св. Климент Охридски», София, Болгария. Cod. D. Slavo 10.

Fig. 11. Horologion of Milko Kotlensky, 1755. Photocopy. Library of the Centre for Slavo-Byzantine Studies, Sofia University "St. Kliment Ohridski", Sofia, Bulgaria. Cod. D. Slavo 10.

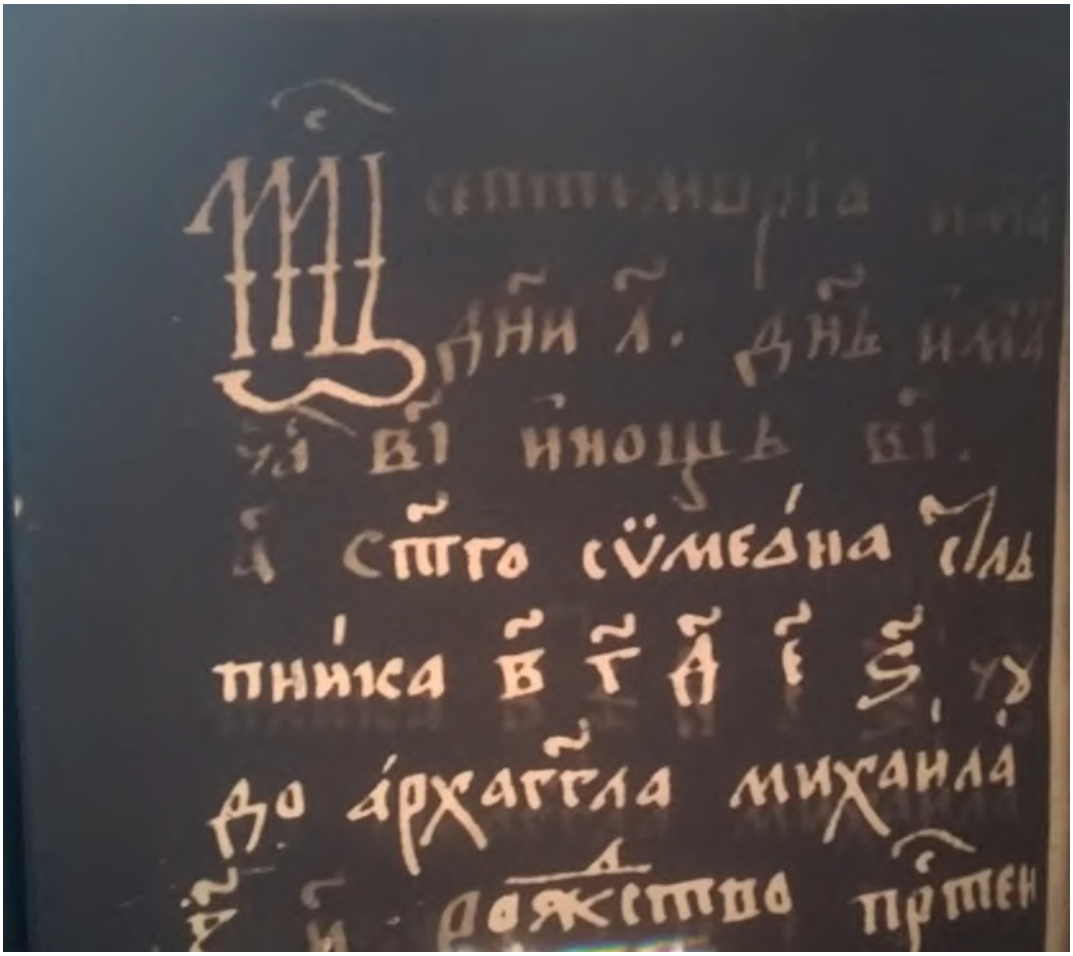


Рис. 12. Одесский дамаскин № 37 (63), воспроизведён по микрофильму. Оригинал хранится в Одесской национальной научной библиотеке. Отдел редких изданий и рукописей, шифр 1/114.

Fig. 12. Odessa Damaskin No. 37 (63), reproduced from a microfilm copy. The original manuscript is preserved in the Department of Rare Books and Manuscripts of the Odessa National Scientific Library, shelf mark 1/114.

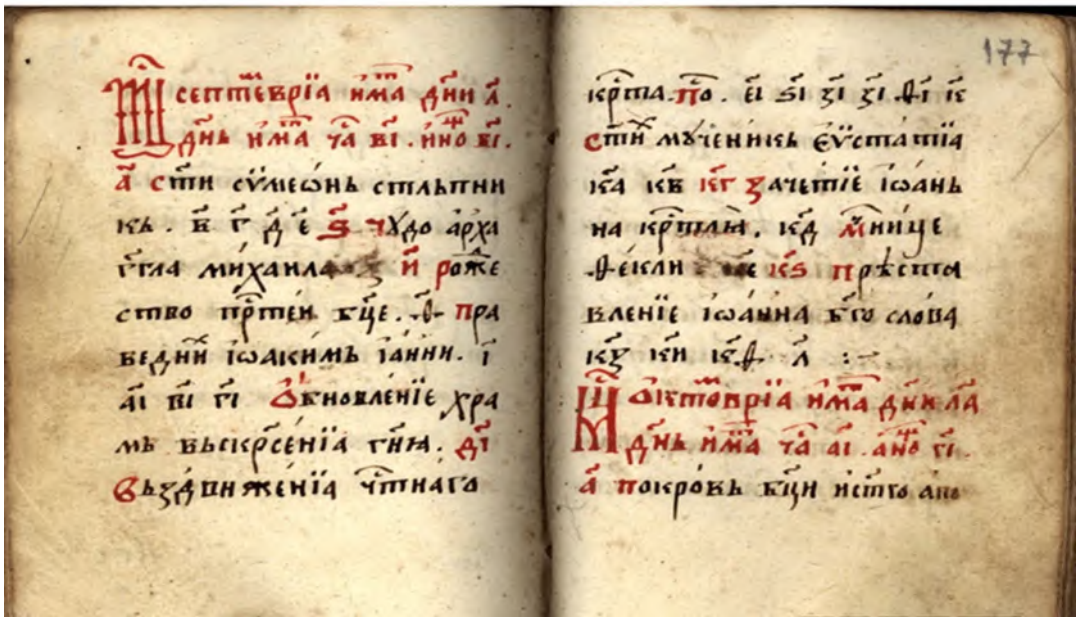


Рис. 13. Часослов Милко Котленского, 1755 г. Фотокопия. Библиотека Центра славяно-византийских исследований, Софийский университет «Св. Климент Охридски», София, Болгария. Cod. D. Slavo 10.

Fig. 13. Horologion of Milko Kotlensky, 1755. Photocopy. Library of the Centre for Slavo-Byzantine Studies, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria. Cod. D. Slavo 10.

Рис. 14. Переплёт Одесского дамаскина № 37 (63). Тёмный кожаный переплёт с тиснёным орнаментом (ромбы, растительные мотивы). Воспроизведён по микрофильму.

Fig. 14. Binding of the Odessa Damaskin No. 37 (63). Dark leather binding with embossed ornament (rhombuses, floral motifs). Reproduced from microfilm.

Рис. 15. Переплёт рукописи, шифр 1391, 1744 г. Фотокопия. Национальная библиотека «Св. Кирил и Методий», София, Болгария. Отдел «Ръкописи и старопечатни книги».

Fig. 15. Manuscript binding, sign. 1391, 1744. Photocopy. National Library “Ss. Cyril and Methodius”, Sofia, Bulgaria. Department of Manuscripts and Old Printed Books.

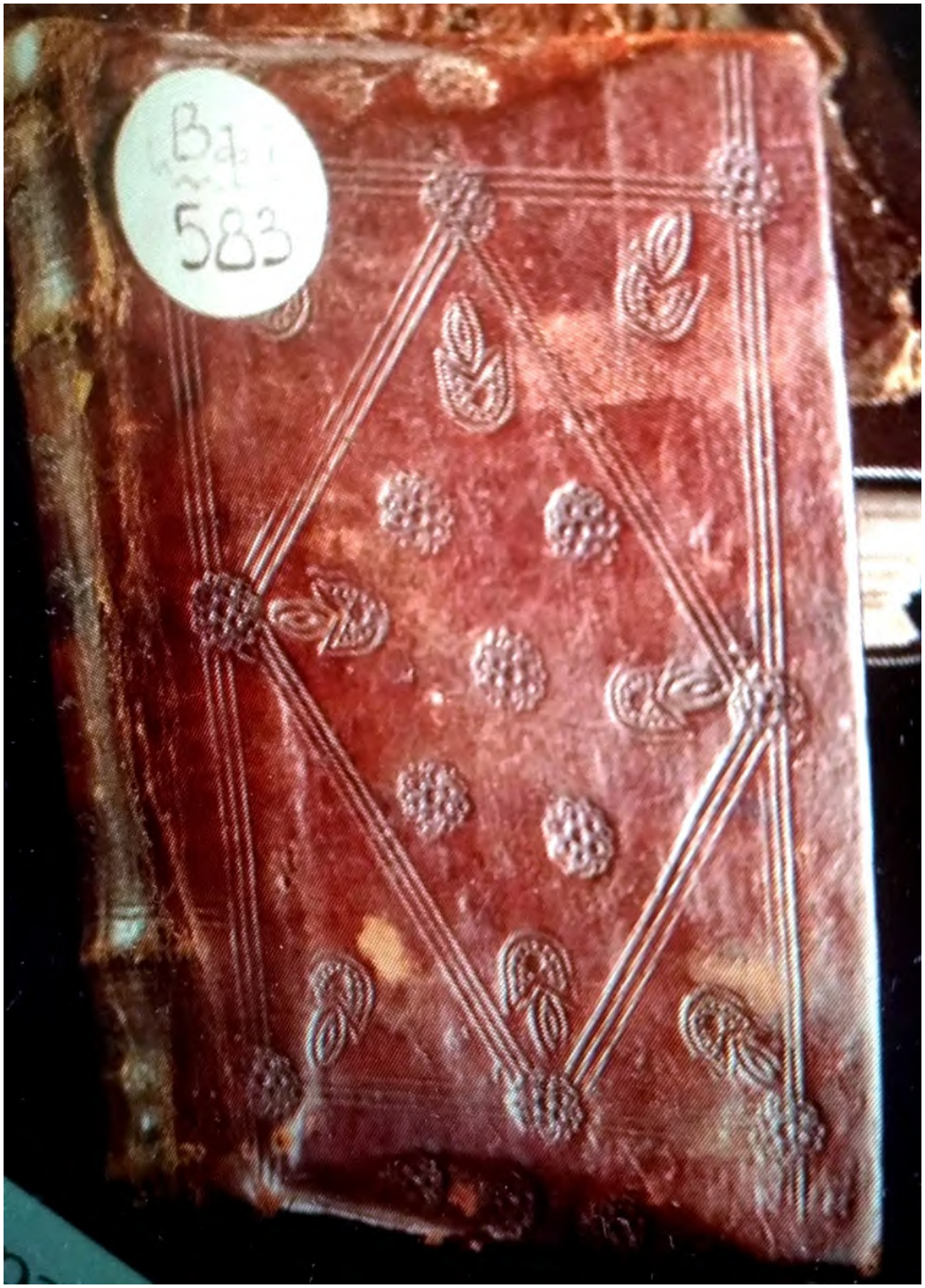


Рис. 16. Переплет рукописи № 583, собрание Музея Возрождения (Варна), 1761 г.

Fig. 16. Binding of manuscript No. 583, the collection of the Museum of the Revival (Varna), 1761.

Искусствоведение

Art history

DOI: 10.53737/2713-2021.2026.29.53.022

М.М. Чореф

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ БЮСТА ПРАВИТЕЛЯ ИЗ ΜΟΥΣΕΊΟ ΑΚΡΌΠΟΛΗΣ*

Объектом исследования стал мраморный бюст, вернее всего, фрагмент статуи длинноволосого и бородатого молодого мужчины, в настоящее время хранящийся в Μουσείο Ακρόπολης. Артефакт был обнаружен в 1870-х гг. в ходе раскопок Театра Диониса. Есть все основания считать его одним из лучших античных портретов. Несмотря на многовековое изучение, до сих пор не выработано единой точки зрения на вопрос его атрибуции. В нем видят изображение философа Полемона, варвара, Иисуса Христа, боспорских царей Реметалка и Савромата II, а также Герода Аттика, «Геракла Герода» Агафиона и Галлиена, в том числе в образе Сераписа. Изучив историю обнаружения этого артефакта, а также проведя его иконографический анализ, прихожу к выводу, что речь должна идти о статуе Галлиена, установленной в Театре Диониса в память о благодеяниях этого императора.

Ключевые слова: история, археология, искусствоведение, римская скульптура, портрет неизвестного мужчины из Μουσείο Ακρόπολης.

Сведения об авторе: Чореф Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, Издательство «Киммерия».

Контактная информация: 7403128, Израиль, г. Нес-Циона, ул. А-Авода, д. 3, Издательство «Киммерия», e-mail: michaelchoref@gmail.com.

Michael Choref

THE ATTRIBUTION OF THE BUST OF A RULER FROM ΜΟΥΣΕΊΟ ΑΚΡΌΠΟΛΗΣ REVISITED

The subject of the study is a marble bust, most likely a fragment of a statue of a long-haired and bearded young man, currently housed in the Μουσείο Ακρόπολης. The artifact was discovered in the 1870s during excavations of the Theatre of Dionysus. There is every reason to consider it one of the finest ancient portraits. Despite centuries of study, a consensus on its attribution remains elusive. The figure has variously been identified as the philosopher Polemon, a barbarian, Jesus Christ, the Bosporan kings Rhoemetalces and Sauromates II, as well as Herodes Atticus, Agathion's "Heracles Herodes", and Gallienus, including in the guise of Serapis. Having studied the history of the discovery of this artifact, as well as having conducted its iconographic analysis, I come to the conclusion that we must be talking about the statue of Gallienus, installed in the Theatre of Dionysus in memory of the benefactions of this emperor.

Key words: history, archaeology, art history, Roman sculpture, portrait of an unknown man from Μουσείο Ακρόπολης.

About the author: Choref Michael, PhD (History), Cimmeria Publishing.

Contact information: 7403128, Israel, Ness Ziona, 3 Ha-Avoda St., Cimmeria Publishing, e-mail: michaelchoref@gmail.com.

---

* Хочу поблагодарить сотрудников Μουσείο Ακρόπολης, особенно Иоанну Вугацу, за предоставление качественных фотографий «Бюста правителя» (рис. 2).

Статья поступила в номер 14 января 2026 г.
Принята к печати 10 февраля 2026 г.

© М.М. Чореф, 2026.

Начну с того, что эллины считали Афины лучшим городом на свете. В качестве примера привожу ставшие поговоркой стихи Лисиппа: «εἰ μὴ τεθέασαι τὰς Ἀθήνας, στέλεχος εἶ, εἰ δὲ τεθέασαι μὴ τεθήρευσαι δ', ὄνος, εἰ δ' εὐαρεστῶν ἀποτρέχεις, κανθήλιος» (Lysipp., 7) — «Да ты чурбан, если Афины не видел; осел, если увидев, не пришел в восторг; верблюд, если покинул их, не жалуясь». И сразу же замечу, что это утверждение было справедливо не только для Афин классического периода. Вечный город оставались важнейшим центром наук и искусств в Средиземноморье и в эллинистическую эпоху (Грегоровиус 2009: 9—14). Диадохи и эпигоны считали своим долгом его защищать и украшать. Так, Антигон Монофтальм и Деметрий Полиоркет восстановили Длинные стены, соединившие Афины с его гаванями, а также отстроили важнейшие укрепления в Аттике. Кроме того, они в 307 г. до н.э. освободили вечный город от македонского гарнизона и восстановили демократию. Благодарные афиняне провозгласили их богами—спасителями, воздвигли золотые статуи и переименовали в их честь две филы (Diod., XX, 46, 2). Известно также, что один из первых Птолемеев (Птолемей II Филадельф или Птолемей III Эвергет) построил Гимназию близ Гефестейона. Позже цари Пергама Эвмен II и Аттал II воздвигли Стои. В память об этом две филы были переименованы в Птолемееву и в Атталову (Paus., I, V, 5). Антиох IV Эпифан также любил и чтил Афины. До восшествия на престол он получил афинское гражданство и был избранный архонтом, а став царем, возобновил строительство Олимпейона.

Нельзя обойти внимание и контакты Афин с Боспором. Правители этого северопонтийского государства издавна оказывали вечную городу значительную материальную помощь. Боспорское зерно в больших объемах поступало в Афины уже во время Пелопоннесской войны. Сведения об этом содержатся в декрете 347/6 г. до н.э. в честь Спартока II, Перисада I и их брата Аполлония. В нем упомянуты дары, вернее всего, хлебные, поступившие в город от Сатира I и Левкона I (IG II^2 212: 20—22). Есть все основания полагать, что Боспор снабжал Афины хлебом начиная с последней трети V в. до н.э. до второй трети III в. до н.э. (Кузнецов 2000: 112).

Многовековая поддержка эллинистических государей обусловила заключение союза между афинянами и Митридатом IV Евпатором Дионисом[1]. Его, как ранее Антиоха IV Эпифана, избрали городским магистратом. В 88/87 г. до н.э. он был архонтом—эпонимом (Thompson 1961a: pl. 127; 1961b: 392; de Callataÿ 1997: 305; Хабихт 1999: 297; Чореф 2018a: 115—116, рис. 2). В свою очередь, Л. Корнелий Сулла, взявший Афины штурмом 1 марта 86 г. до н.э.[2], пощадил немногих выживших горожан. Плутарх писал, что он «χαρίζεσθαι πολλοῖς μὲν ὀλίγους, ζῶντας δὲ τεθνηκόσιν» (Plut. Sulla, XIV) — «подарил немногих многим и живых умершим».

Стоит отметить, что афиняне не единожды принимали неверные, причем крайне рискованные политические решения. Так, они поддержали Гн. Помпея Магна в борьбе против Г. Юлия Цезаря, позже М. Юния Брута и Г. Кассия Лонгина в противостоянии с М. Антонием, Г. Юлием Цезарем Октавианом и М. Эмилием Лепидом и, в конце концов, встали на сторону М. Антония в его борьбе с Г. Юлием Цезарем Октавианом. Но правители Рима, как некогда Л. Корнелий Сулла, щадили Афины. Они чтили его как центр науки и искусства. Так, уже Г. Юлий Цезарь Октавиан позволил посвятить себя в таинства Элевсинских мистерий и продолжил строительство новой агоры. А его друг М. Агриппа воздвиг театр в Керамике.

---

[1] Краткая справка по истории Афин в тот период с учетом результатов нумизматических исследований приведена в (Чореф 2018).

[2] Плутарх привел в своем жизнеописании Л. Корнелия Суллы следующую фразу: «Ἐλεῖν δὲ τὰς Ἀθήνας αὐτός φησιν ἐν τοῖς ὑπομνήμασι Μαρτίαις καλάνδαις, ἥτις ἡμέρα μάλιστα συμπίπτει τῇ νουμηνίᾳ τοῦ Ἀνθεστηριῶνος μηνός, ἐν ᾧ κατὰ τύχην ὑπομνήματα πολλὰ τοῦ διὰ τὴν ἐπομβρίαν ὀλέθρου καὶ τῆς φθορᾶς ἐκείνης δρῶσιν, ὡς τότε καὶ περὶ τὸν χρόνον ἐκεῖνον μάλιστα τοῦ κατακλυσμοῦ συμπεσόντος» — «Говорят, что эта катастрофа обрушилась на Афины в день празднования мартовских календ, который совпадает с новолунием месяца анфестериона; в этом месяце, по случайному совпадению, афиняне творят многочисленные обряды в память о страшных бедствиях, причиненных проливными дождями, так как примерно в это время, по их расчетам, случился некогда потоп» (Plut. Sulla, XIV).

Пиетет по отношению к Афинам испытывал и Пуб. Элий Траян Адриан. Он стал величайшим благодетелем Афин. Еще до восшествия на престол, в 111 или в 112 г., Адриан получил афинское гражданство и был избран архонтом—эпонимом. Став императором, он достроил Олимпейон, который украсил изваянием Зевса из слоновой кости и золота, а также своими мраморными и бронзовыми статуями (Paus., I, 18, 6). Из уважения к афинским культам он получил посвящение в таинства Элевсинских мистерий. Также Адриан воздвиг храмы Гере, Зевсу Всеэллинскому и Храм всем богам, а также Библиотеку и Гимнассий, в котором было «κίονες ἑκατὸν λιθοτομίας τῆς Λιβύων» (Paus., I, 18, 9) — «сто колонн из ливийского камня» Кроме того, император отстроил новую часть города — Адрианополь. Примечательно и то, что Адриан повелел украсить Театр Диониса своими статуями (Pickard-Cambridge 1953: 60; Wiles 1997: 142, 263). Благодарные граждане вечного города воздвигли в 131 г. в его честь Триумфальную арку на дороге, ведущей из старой в новую часть города и назвали одну из фил в его честь (Paus., I, V, 5). Не случайно Павсаний завершил описание злоключений Афин во время Митридатовых войн фразой «Ἀθῆναι μὲν οὕτως ὑπὸ τοῦ πολέμου κακωθεῖσαι τοῦ Ῥωμαίων αὖθις Ἀδριανοῦ βασιλεύοντος ἤνθησαν» (Paus., I, XX, 7) — «Афины, столь сильно опустошенные этой войной, вновь расцвели при римском императоре Адриане».

Полагаю, что наилучшим образом можно обосновать этот тезис на примере упомянутого выше Театра Диониса (рис. 1). Он был построен в во второй половине VI в. до н.э. на южном склоне Акрополя. Изначально театр был частью святилища Диониса Элевтерия. Тогда он был деревянным. В 326/325 г. до н.э. театр был реконструирован. Деревянная сцена и сиденья были заменены на мраморные. В начале римской эпохи, в I в. н.э. комплекс был перестроен. Его приспособили для проведения боев гладиаторов. Для этого был возведен высокий бортик перед первым рядом (Pickard-Cambridge 1946: 248, 258). В конце V в. н.э. Театр Диониса был заброшен. На месте его орхестры была возведена христианская базилика. А основная площадь бывшего театрального комплекса стала карьером. В 1225—1250 гг. крестоносцы возвели стену Ризокастро на месте бывшего театра и разрушенного к тому времени христианского храма (Travlos 1971: 538).

Долгая и обильная событиями история этого района Афин привлекла к нему внимание исследователей. В 1861 г. раскопки Театра Диониса начал А.С. Русопулос (Ρουσόπουλος 1862: 37f, 94—102, 114—120, 128—147, 154—184, 209—220, 224, 278—294). В 1876 г. (Καββαδίας 1890—1892: 265), а, возможно, в 1870-х гг. (Lampinen 2021: 23) был найден[3] объект моего исследования — мраморный бюст (Μουσείο Ακρόπολης, inv. ΕΑΜ 419) молодого длинноволосого и бородатого мужчины (рис. 2, 3). Артефакт был своевременно введен в научный оборот. Были предприняты и попытки его атрибуции. Так, К.Д. Милонас допустил, что речь должна идти о фрагменте статуи Иисуса Христа. Причем исследователь заключил, что она была изваяна из каррарского мрамора (Μυλωνάς 1877: 349, No. 6 (2488)). В свою очередь, Л. фон Сибель полагал, что изобразили варвара (von Sybel 1881: 205, Nr. 2890). Однако Р. Лепсиус пришел к выводу, что речь должна идти о «Bärtiger Portraitkopf» — бюсте реального исторического деятеля, носившего бороду. Исследователь также заметил, что мрамор «wohl ausländischer, nicht griechischer» — «вероятно, иностранный, не греческий», а, точнее, крупнозернистый, островной (Lepsius 1890: 93, Nr. 249). Так что он поддержал и развил вывод К.Д. Милонаса. Того же мнения придерживался и П. Каввадиас (Καββαδίας 1890—1892: 265—266, No. 419). Весьма интересную гипотезу предложил О. Россбах. Исследователь допустил, что речь должна идти о бюсте боспорского государя Тиберия Юлия Реметалка. Ученый обосновал свой вывод результатами изучения доступного ему нумизматического материала (Rossbach 1901: 77, εικ. 4). Его точку зрения принял Р. Дельбрюк. При этом обратил внимание на то обстоятельство, что внутри бюста просматривается «Blattkelch» — «лист в форме чашечки» (Delbrück 1912: LII—LIII, Nr. 46). Е. Стронг полагала, что речь должна идти о бюсте, изваянном в период правления императоров династии Антонинов (Strong 1907: 376, pl. CXXII). В свою

[3] Вполне возможно, что его нашли близ Театра Диониса (Lampinen 2021: 23).

очередь, А. Хеклер заключил, что это «an unknown Barbarian (so called Christ or Herodes Atticus)» — «неизвестный варвар (т.н. Христос или Герод Аттик)» (Hekler 1912: 324, 261, No. 261). Значительный вклад в изучение артефакта внес П. Грейндор. Во-первых, он высказал весьма веские соображения, опровергающие выводы О. Россбаха. Ученый справедливо заметил, что у Реметалка борода и волосы были длиннее, причем прямые, а не волнистые или кудрявые. Исследователь также полагал, что бюст могли высечь при Коммоде, а черты лица у изображенного были семитские (Graindor 1915: 411, comm. 3). Интересующий нас артефакт привлек внимание и А. Алфёльди. Ученый пришел к выводу, что это изображение Пуб. Лициния Эгнация Галлиена (Alföldi 1930: 46, pl. II: 1, III: 2, IV: 1, V: 1). Г. Мэтью увидел в нем последнего в облике Сераписа (Matthew 1943: 67). Э.Б. Харрисон привела краткую справку по гипотезам атрибуции изучаемого бюста. Ко времени написания ее фундаментального труда «Portrait Sculpture» в артефакте, как правило, видели Реметалка, Ирода Аттика, Полемона и Иисуса Христа. Сама же исследователь развила вывод Е. Стронг. Она пришла к выводу, что это «Antonine long-haired portrait» — «длинноволосый портрет Антонина» (Harrison 1953: 97, comm. 44). И, наконец, Р.Р.Р. Смит пришел к выводу, что бюст следует трактовать как портрет Савромата II (Smith 1988: 142—143, fig. 73). В результате в нестоящее время артефакт трактуют как «Bust of a young barbarian ruler» — «бюст юного правителя варваров», вернее всего — Савромата II (Ρωμιοπούλου 1997: No. 105) или «Ανδρικό εικονιστικό κεφάλι» — «мужскую экспрессивную голову», датируемую эпохой Антонинов (Καλτσάς 2001: 431).

Значительный вклад в изучение артефакта внесла Н.Н. Бритова. По ее справедливому мнению, объект нашего исследования является «одним из лучших аттических портретов». Это весьма существенно. Ведь, как справедливо заметила Н.Н. Бритова, «наиболее сильной стороной изобразительного искусства являются портреты». Она справедливо заметила, что он являлся частью статуи. Крайне важно то, что исследователь привела исключительно точное описание изучаемого артефакта: «красивое лицо обрамлено длинными густыми вьющимися волосами и небольшой бородкой, состоящей из коротких завитков. Трактовка волос, близкая к позднеантониновскому стилю, отличается более индивидуальным характером. Почти прямая линия сросшихся бровей подчеркивает гладкость низкого и широкого лба. Глаза миндалевидной формы с четко очерченными довольно толстыми веками, помещенные в глубоких орбитах, затенены, взгляд обращен вверх. Эти художественные приемы придают облику несколько патетическое выражение страдания. Постановка головы, слегка откинутой назад, пряди густых волос, светотеневые контрасты напоминают идеальные головы эллинистического времени (как, например, голова умирающего гиганта из Уффици и головы гигантов с фриза Пергамского алтаря). Но, в отличие от них, этот бюст изображает конкретного человека с индивидуальными чертами лица, на котором лежит печать обреченности и страдания пророка». Как видим, исследователь не только учла выводы ее предшественников, но и значительно их развила. Весьма важен и плодотворен и сделанный ею вывод: «долгое время она считалась произведением второй половины II века, но ее экспрессивность, трактовка глаз, волос, налет романтизма в передаче внутреннего облика изображенного заставили отказаться от датировки II веком и принять новую дату — около середины III века». При этом она не сочла возможным предложить обоснованную атрибуцию изучаемого артефакта. Исследователь лишь заметила, что «в настоящее время ни одно из этих определений не принято и голова обозначается просто как портрет неизвестного бородатого мужчины» (Бритова и др. 1975: 82, илл. 136).

Нельзя обойти вниманием и весьма перспективное исследование «Barbaarikuninkaan kasvot? Mietteitä Sauromates II:n mahdollisen muotokuvan ääreltä» А. Лампинена (Lampinen 2021). Ученый заметил, что «Mikään rintakuvassa itsessään tai sen löytökontekstissa ei kytke sitä pohjoisen Mustanmeren alueeseen, mutta sitä on verrattu Sauromates II:n lyöttämiin kolikoihin, joissa esiintyy hänen pitkähiuksinen ja parrakas profiilimuotokuvansa» (Lampinen 2021: 23—24) — «Ничто в самом бюсте, ни в контексте его обнаружения, не связывает его с северным регионом Черного моря, но его сравнивают с монетами, отчеканенными Савроматом II, на которых изображен его профильный портрет с длинными волосами и бородой». Далее исследователь писал, что

«Akropolis-museon muotokuvan aiempi identifikaatio oli Bosporoksen kuningas Tiberius Iulius Rhoemetalces (Rhoimetalkes), Sauromates II:n isoisä, joka hallitsi vuosina 132–153. Tämäkin identifikaatio perustuu bosporoslaisten kolikkojen esittämän hallitsijahahmon suhteelliseen samankaltaisuuteen patsaan kanssa sekä tämän vastaavuuteen patsaan tyylillisen ajoituksen kanssa. Bosporoksen hallitsijoiden ikonografiaan kuului tässä vaiheessa selvästi pitkät hiukset ja parta, mutta lujia johtopäätöksiä ei tämän perusteella voi tehdä. Rhoemetalces oli kyllä Ateenaa laajalti sponsoroineen ja Dionysoksen teatteriakin kunnostaneen keisari Hadrianuksen aikalainen, mutta kuten Sauromateenkin tapauksessa, ei hänenkään tiedetä käyneen tai erityisesti vaikuttaneen juuri Ateenassa. 'Kimmerialaisen Bosporoksen' hallitsijoilla oli kuitenkin ollut vahvat siteet Ateenaan jo paljon aiemmin, etenkin klassisella kaudella» (Lampinen 2021: 24) — «Ранее портрет в Музее Акрополя был идентифицирован как портрет боспорского царя Тиберия Юлия Реметалка (Риметалка), деда Савромата II, правившего с 132 по 153 г. Эта идентификация также основана на относительном сходстве изображения на боспорских монетах со статуей и на соответствии стилистической датировке статуи. Иконография боспорских правителей на этом этапе явно включала длинные волосы и бороды, но из этого нельзя сделать однозначных выводов. Реметалк был современником императора Адриана, который оказывал Афинам значительную финансовую поддержку и даже отреставрировал Театр Диониса, но, как и в случае с Савроматом, неизвестно, посещал ли он Афины или оказывал ли какое-либо особое влияние в этом регионе. Однако правители «Киммерийского Босфора» имели прочные связи с Афинами гораздо раньше, особенно в классический период». Ученый справедливо заметил, что «Patsaan hiukset saattoivat ... olla visuaalinen viittaus makedonialaiseen sankarikuninkaaseen tai toisaalta pohjoisiin kansoihin» (Lampinen 2021: 26) — «Волосы статуи могли быть ... визуальной отсылкой к македонскому герою-царю[4] или, с другой стороны, к северным народам». Далее А. Лампинена справедливо заметил, что «selitystä vaille jäävät myös rintakuvan alaosan kasvimotiivi» (Lampinen 2021: 28) — «растительные мотивы в нижней части бюста также остаются необъяснимыми».

В свою очередь, ученый высказал весьма веские и перспективные соображения по вопросу атрибуции изучаемого бюста. Он учел то обстоятельство, что в «Φυσιογνωμονικά» Адамантия приведены весьма интересный тезис «᾽Ανδρα οὐλότριχα ⟨πάνυ⟩ δειλὸν καὶ κερδαλέον λέγε, τὸν δὲ ἰθύτριχα ἀγριώτερον καὶ ἀνοητότερον. ἀρίστη δὲ κόμη ἡ τὸ μέσον τούτων ἔχουσα, ὥσπερ καὶ πυκνότης τριχῶν ἄκρα θηριώδης καὶ ψεδνότης δὲ κακοηθείας καὶ δόλου σημεῖον, τὸ δὲ τούτων μέσον ἐπαινετόν. μαλακαῖς δὲ πάνυ θριξὶ τετριχῶσθαι γυναικεῖον. οὐ μὴν αἱ πάνυ σκληραὶ τρίχες ἀγαθαί, ἀγριότητος γὰρ τὸ σημεῖον·τὸ δὲ μέσον καὶ ἐν τούτοις ἄριστον. μέλαινα κόμη δειλίαν καὶ πολυκέρδειαν ἀγγέλλει, ἡ δὲ ἄγαν ξανθὴ καὶ ὑπόλευκος, ὁποία Σκυθῶν καὶ Κελτῶν, ἀμαθίαν καὶ σκαιότητα καὶ ἀγριότητα, τὸ δὲ πράως ὑπόξανθον εἰς εὐμαθίαν καὶ ἡμερότητα καὶ εὐτεχνίαν» (Adamant. Phys., 2, 37) — «Мужчину с гладкими волосами называют трусливым и жадным, а человека с грубыми волосами — более диким и глупым. Но лучшие волосы — это те, которые сочетают в себе и густоту, и жестокость; крайние оттенки — звериный признак лжи, злобы и обмана, а средние — похвальны. А мягкие волосы — это волосы женщины. Не все жесткие волосы хороши, ибо это признак дикости; но средние также превосходны. Черные волосы предвещают трусость и жадность, в то время как светлые и бледные волосы, которые у скифов и кельтов означали невежество, неряшливость и дикость, а мягкие, светлые волосы — ученость, спокойствие и мастерство». Основываясь на нем, ученый допустил, что изучаемый бюст донес до нас облик «Геракла Герода» — чистокровного эллина Агафиона, безупречно соответствовавшего классическим идеалам (Lampinen 2021: 28). Исследователь детально обосновал эту гипотезу в докладе, сделанном им на «BSA Upper House Seminar» в 2022 г. (Lampinen 2022).

Итак, к настоящему времени существует довольно широкий круг точек зрения на вопрос атрибуции изучаемого бюста. В нем видят философа Полемона, варвара (абстрактного или одного из их царей), Иисуса Христа, боспорских царей Реметалка и Савромата II, а также

[4] Речь идет об Александре Македонском.

Герода Аттика, «Геракла Герода» Агафиона, Антонина или мужчину, жившего в их эпоху, а также Галлиена (причем и в облике Сераписа). При этом все исследователи трактовали его как изображение идеального, одухотворенного молодого человека. Они пытались идентифицировать этот бюст, находя его портретным (если считали изображенного человеком) или безусловно узнаваемым (если трактовали его как статую божества).

Попытаюсь развить и по мере возможности уточнить их выводы[5]. Начну с того, что разберу крайне важные, с моей точки зрения, параметры объекта моего исследования. Сразу же замечу, что речь идет о довольно крупном бюсте (рис. 2, 3). Его высота — 49 см. (Μουσείο Ακρόπολης, inv. ΕΑΜ 419). Причем он, как уже было сказано выше, представляет собой фрагмент статуи. Замечу также, что голова — ок. 36 см. С учетом вышесказанного, статуя должна была быть значительно выше роста среднего человека, причем не только жившего в Древнем Риме (165—168 см.) (Kron 2005: 73, tab. 1), но и нашего современника. Следовательно, речь не должна идти о памятнике обычному мужчине. Замечу, что у погрудных бюстов Герода Аттика (Εθνικό Αρχαιολογικό Μουσείο, inv. 4810; Museo del Louvre, inv. Ma 1164), членов его семьи и учеников (Goette 2019) головы куда меньше , чем у исследуемого бюста . Так что у нас нет никаких оснований видеть в изображенном простого смертного. В т.ч. Агафиона или Полемона[6]. Замечу также, что вряд ли античный философ, пропагандирующий идеи стоицизма, мог носить столь изящную, можно даже сказать — холеную бородку. Учитывая это обстоятельство, заключаю, что изображенный не мог быть античным учителем мудрости. По той же причине отвергаю и допущения Е. Стронг (Strong 1907: 376, pl. CXXII), П. Грейндор (Graindor 1915: 411, comm. 3, Э.Б. Харрисон (Harrison 1953: 97, comm. 44) и Н. Калцаса (Καλτσάς 2001: 431), полагавших, что бюст могли создать при Антонинах. Не известно ни одного изображения римского императора I—II вв. с такой бородой. Не носили их простые римляне и провинциалы (Британова и др. 1975: 28—68, илл. 32—117; Heijnen et al. 2022). Что не удивительно. В короткой, завитой и нарочито холеной бородке нет ничего героического или возвышенного.

Далее, бюст не был высечен из местного аттического мрамора (Μυλωνάς 1877: 349, No. 6 (2488); Lepsius 1890: 93, Nr. 249). Добавлю также, что скульптор не счел нужным или возможным использовать вновь выломанный блок. Дело в том, что в нижней его части и на правом плече изучаемого бюста просматриваются следы растительного орнамента (рис. 2: 2, 4, 3). Считаю своим долгом заметить, что эти элементы оформления явно не являются функциональными. Прошу обратить внимание на то обстоятельство, что «Blattkelch» (Delbrück 1912: LII—LIII, Nr. 46) был скрыт внутри статуи. Причем он сохранился наилучшим образом (рис. 2: 2, 4, 3). А лист на плече (рис. 2: 4) едва заметен.

Итак, есть все основания полагать, что изучаемый бюст был изваян из какого-то привозного мраморного изделия, вернее всего, из капители ионического или композитного ордера. Точнее, объектом исследования является бюст, высеченный из камня вторичного использования. Причем переделку проводили в спешке. В результате листья, оказавшиеся на правой лопатке изображенного, не были стесаны.

Считаю важным обратить внимание читателя на следующее обстоятельство. Как уже было замечено выше, бюст высекли из привозного камня. С учетом вышесказанного допускаю, что переделку провели не в Афинах. В ином случае, в руки скульптора вполне мог попасть местный блок мрамора, пусть даже и вторичного использования. Так что у нас появляется еще одно возражение против допущения, что хотели запечатлеть облик какого-либо жителя Аттики (Hekler 1912: 324, 261, No. 261; Lampinen 2021; 2022).

Перейду к гипотезе К.Д. Милонаса, увидевшего в изучаемом бюсте изображение Иисуса Христа (Μυλωνάς 1877: 349, No. 6 (2488)). Учту и то обстоятельство, что эта гипотезы была поддержана Р. Лепсиусом (Lepsius 1890: 93, Nr. 249) и П. Каввадиасом (Καββαδίας 1890—1892:

[5] Воспользуюсь методикой изучения памятников античной глиптики (Kleiner 1992; Fejfer 2008; Чореф 2018b; 2022; Яценко, Чореф 2021), а также их изображений на нумизматических артефактах (Чореф 2021b).

[6] Замечу, что изображением философа М. Антония Полемона считается бюст, найденный в Афинах (Εθνικό Αρχαιολογικό Μουσείο, inv. 427).

265—266, No. 419). На первый взгляд, она кажется вполне правдоподобной. Ведь на месте Театра Диониса в раннем Средневековье была возведена христианская базилика. Как верно заметила Н.Н. Британова, «бюст изображает конкретного человека с индивидуальными чертами лица, на котором лежит печать обреченности и страдания пророка» (Британова и др. 1975: 82, илл. 136). Однако у нас нет ни малейших оснований видеть в изучаемом бюсте фрагмент изображения Иисуса Христа. Дело в том, что в первые века христианства его не представляли с холеной кудрявой бородкой (Кондаков 1905; Припачкин 2001; Бобров 2010). И, как заметила Н.Н. Британова, бюст следует датировать серединой III в. (Британова и др. 1975: 82). Но тогда Театр Диониса еще функционировал, а христианскую базилику на его месте еще и не помышляли возвести.

Обращаю внимание на допущение Л. фон Сибеля. Напомню, что ученый полагал, что изобразили варвара (von Sybel 1881: 205, Nr. 2890). Учитываю и то обстоятельство, что его предположение было поддержано А. Хеклером (Hekler 1912: 324, 261, No. 261), а в ныне изучаемый артефакт трактуют как «Bust of a young barbarian ruler» — «бюст юного правителя варваров», вернее всего — Савромата II (Ρωμιοπούλου 1997: No. 105). Но, как уже было сказано выше, у изображенного холеная бородка. А ее наличие у варвара совершенно невероятно. Да и вряд ли можно было представить его как «конкретного человека с индивидуальными чертами лица, на котором лежит печать обреченности и страдания пророка» (Британова и др. 1975: 82, илл. 136).

Попытаюсь развить этот тезис. Попытаюсь опровергнуть гипотезы, выдвинутые О. Россбахом и P.P.P. Смитом, поддержанные рядом исследователей (Delbrück 1912: LII—LIII, Nr. 46; Ρωμιοπούλου 1997: No. 105). Исследователи допустили, что речь должна идти о бюсте одного из боспорских государей: Реметалка (Rossbach 1901: 77, εικ. 4) или Савромата II (Smith 1988: 142—143, fig. 73). Последнее мнение в настоящее время считается вполне допустимым (Ρωμιοπούλου 1997: No. 105). Но, как заметил А. Лампинен, нет оснований полагать, что в Афинах могли установить бюст или статую одному из этих государей. Ведь каких-либо контактов с вечным городом они не поддерживали (Lampinen 2021: 26).

В свою очередь замечу, что довольно много боспорских государей из династии Тиберия Юлиев носили длинные волосы и бороды. Фотографии их монет приведены на рис. 4. Речь идет о безусловно портретных памятниках нумизматики — о золотых статерах этих государей. Привожу изображения монет Савромата I (рис. 4: 1, 2), Реметалка (рис. 4: 3, 4), Евпатора (рис. 4: 5, 6), Савромата II (рис. 4: 7, 8) и Инифимея (рис. 4: 9, 10) (Чореф 2019: рис. 2; bosporan-kingdom.com: № 000-4617-1, 000-4646-3, 000-4662-1, 360-4221-1, 502-4206-3, 518-4414-3, 530-4054-1,b 546-4614-1, 586-4775-2, 677-4605-44). Причем даю фотографии статеров, отчеканенных в начале и в конце правлений каждого из государей. Так что нет ни малейших оснований видеть в изучаемом артефакте «Bust of a young barbarian ruler» — «бюст юного правителя варваров», вернее всего — Савромата II (Ρωμιοπούλου 1997: No. 105). Но, по логике О. Россбаха и P.P.P. Смита, облик каждого из вышеперечисленных боспорских государей мог быть запечатлен скульптором, создавшим изучаемый бюст. Однако проблема в том, что ни у одного из них не было короткой кудрявой бородки. Да и сохранившиеся до нашего времени сведения о контактах между Афинами и Боспорским царством времен Тиберия Юлиев крайне фрагментарны. Так, нам известно, что Евпатор заказал в Афинах богато декорированный мраморный саркофаг для себя и членов своей семьи (Бутягин 2008: 86—87; Чореф 2021b: 102, рис. 4). Но у этого государя, а также у его сына были длинные прямые волосы и бороды (Чореф 2021b: 97—103, рис. 1: 5—8). Прихожу к выводу, что ни один из боспорских государей быть запечатлен в изучаемом бюсте.

Осталось не разобранным только допущение, предложенное А. Алфёльди. Ученый пришел к выводу, что это изображение Галлиена (Alföldi 1930: 46, pl. II: 1, III: 2, IV: 1, V: 1). В свою очередь, Г. Мэтью увидел в нем этого императора в облике Сераписа (Matthew 1943: 67). Попытаемся проверить эти гипотезы. Для этого предлагаю обратить внимание на фотографии бюстов (рис. 5) и монет Галлиена (рис. 6). Как видим, на них у государя все та же кудрявая бородка. Характерными чертами являются также выступ посередине верхней губы и горбатый

нос[7], различимые на всех памятниках глиптики (рис. 2, 5). А на монетах у него длинные волнистые волосы (рис. 6).

Но есть одна сложность. А. Дюйсак в своем диссертационном исследовании «Gallienus klasisizmi ve dönemin sanatında portrecilik anlayışı» обратил внимание на следующее обстоятельство: «Gallienus'un çok çeşitli portesi yapılmıştır ve bunların çoğu değişik fizyonomiler göstermektedir» — «Галлиену было создано множество портретов, и большинство из них демонстрируют различные черты лица» (Duysak 2011: 62).

Полагаю, что имеет смысл обратиться к о иконографии Галлиена. И, действительно, Н.Н. Бритова подчеркнула, что «в правление Галлиена, когда происходила последняя серьезная попытка отстоять старый порядок в Римском государстве, появилась потребность в положительных идеальных образах в искусстве и беспощадная правда портретов времени «солдатских» императоров перестала отражать умонастроение эпохи». В результате были созданы «прекрасные образцы классицистического направления времени Галлиена — портреты самого императора» (Бритова и др. 1975: 81). Но они вполне реалистичны. Древние скульпторы смогли передать черты лица императора. Так, для всех его изображений характерны низкий и гладкий лоб, горбатый нос, глаза миндалевидной формы в глубоких орбитах, обрамленные четко очерченными нарочито толстыми веками (Бритова и др. 1975: 82).

Причем различимы временные особенности. Они были выявлены и учтены С. Вуд в ее монографии «Roman portrait sculpture 217—260 A.D. The transformation of an artistic tradition» (Wood 1986). В ней она вынесла на научное обсуждение свою типологию изображений Галлиена (Wood 1986: 134—135). Так, исследователь заключила, что в начале правления у Галлиена были короткие волосы. Точнее, у него была та же прическа, что и у большинства «солдатских императоров», в т.ч. и у его отца Пуб. Лициния Валериана[8] (Ny Carlsberg Glyptotek, inv. No. IN 3387). Вернее всего, таким образом декларировалась мужественность, воинственность, решимость и наличие неординарных силы воли и полководческих талантов у молодого императора[9] (Musei Capitoline, inv. MSO 360, Altes Museum, inv. Sk 423) (рис. 5: 1, 2). После пленения Валериана персами появились новые статуи Галлиена. Скульпторы стали подчеркивать также мудрость и одухотворенность правителя (Römisch-Germanisches Museum, inv. FA 10233) (рис. 5: 3). Примечательно и то, что его волосы стали длиннее (рис. 6). И, наконец, в конце правления была высечена колоссальная голова Копенгагенского портрета (Ny Carlsberg Glyptotek, inv. IN 832) (рис. 5: 4). Мы опять видим лицо императора—полководца. Но это все же не ординарный «солдатский» император. Трудно оторвать взгляд от его задумчивых и мудрых глаз. Но, в тоже время видно, что тягости правления сильно отразились на облике правителя. Лоб избороздили глубокие продольные и поперечные морщины. Взгляд напряженный. Складывается впечатление, что Галлиен пристально смотрит вперед, стремится даже не разглядеть, а предвидеть опасность, которая может возникнуть для его Империи.

Но вернемся к изучаемому бюсту. Он крайне схож с уверенно атрибутированными изображениями Галлиена (рис. 5). Настораживает разве что крайне, нарочито пышная прическа. Дело в том, что на монетах этого государя не изображали с такой шевелюрой. Да, у Галлиена были длинные волосы, но их не укладывали столь изящно (рис. 6). Так что вряд ли есть основания полагать, что при создании исследуемого бюста была поставлена цель изобразить его в облике Сераписа (Matthew 1943: 67).

---

[7] У изучаемого бюста левое крыло носа отбито, однако формы этого органа вполне угадываемые (рис. 2).

[8] Это обстоятельство не должно удивлять. Ведь Валериан I был провозглашен императором в Реции (Aur. Vict., 32, 1; Eutrop., IX, 7) войском, ранее размещенным на Рейне и в Альпийском регионе (Циркин 2015: 181, 183, 185, 187). Хотя он пришел к власти «κοινῃ γνώμῃ» — «со всеобщего согласия», т.е. после гибели М. Эмилия Эмилиана его поддержал Сенат (Циркин 2015: 185), основной опорой его режима все же осталась армия (Циркин 2015: 217). Что не должно удивлять. Ведь последующее провозглашение Галлиена августом было обусловлено крайне напряженной обстановкой на границах (Циркин 2015: 187—188). Причем Сенат уже не играл практической роли (Циркин 2015: 186).

[9] Не случайно Галлиен вместе с отцом был провозглашен Germanicus maximus в 255—257 гг. (Alföldi 1977: 4, pl. I: 1, 3).

Ответ на этот вопрос вполне очевиден. Известно, что изучаемый бюст был реконструирован. Как установил А. Лампинен, «Suuri osa sen hiuskuontaloa on kuitenkin modernia restauraatiota, vaikkakin hartioille ja niskaan jääneistä alkuperäisen marmorin osasista voi luotettavasti päätellä, että hahmolla on todellakin ollut tyypillistä roomalaista hiustyyliä pidemmät kutrit» — «Однако большая часть её волос — это современная реставрация, хотя сохранившиеся фрагменты оригинального мрамора на плечах и шее позволяют предположить, что у фигуры действительно были более длинные локоны, чем типичная римская причёска» (Lampinen 2021: 23). Так что мы смело можем игнорировать факт наличия у изучаемого бюста неординарной для Галлиена прически. Изначально ее не было.

Итак, есть все основания полагать, что объект моего исследования — «Bärtiger Portraitkopf» (Lepsius 1890: 93, Nr. 249), скульптурный портрет императора Галлиена. Он был высечен в период его самостоятельного правления, но ранее создания Копенгагенского портрета (Ny Carlsberg Glyptotek, inv. IN 832) (Wood 1986: 134—135).

Нахожу это допущение весьма плодотворным. Дело в том, что в 264 г. Галлиен посетил Афины, где, как некогда Адриан, прошел обряд посвящения в обряды Элевсинских мистерий. Он как и его вышеупомянутый предшественник стал архонтом—эпонимом. Кроме того, Галлиен желал быть включенным в состав Ареопага (SHA. Gall., XI, 3, 5; Armstrong 1987; Southern 2001: 105; Bowman et al., 2005: 46—47). Так что есть все основания полагать, что он, как некогда Адриан, повелел украсить Театр Диониса, разместив в ней свое изваяние. Но ресурсы у Империи в эпоху «скифских войн» были уже не те. В результате в Театре Диониса появилась статуя, в которой вместо ранее вмонтированного бюста появился новый, изваянный за пределами Афин из вторично использованного блока местного мрамора.

В 268 г. Галлиен погиб в результате заговора, организованного его ближайшими соратниками (Циркин 2015: 233, 238). Смерть императора вызвала кровавые беспорядки в Риме. Их жертвами стали многие сторонники и сподвижники Галлиена. Взошедший на престол Клавдий II Готский сначала приказал обожествить своего предшественника (Aur. Vict., 33, 26; 29). Но позже, по требованию подкупленных солдат (SHA. Gall., 15, 3), Галлиена объявили тираном. Так что не стоит удивляться тому факту, что его имя вычеркивали из надписей (Циркин 2015: 242). Вполне возможно, что в Афинах его статую разобрали — бюст погибшего императора был заменен каким-то иным изображением. А невостребованная более скульптурная деталь, снятая со статуи довольно небрежно, с повреждениями волос (Lampinen 2021: 23) и носа (рис. 2), была схоронена для дальнейшей переделки, как оказалось, на многие века.

Полагаю, что предложенная мною атрибуция Бюста неизвестного мужчины из Μουσείο Ακρόπολης является вполне допустимой и логичной. Выношу ее на научное обсуждение.

Литература

Бобров Б.Г. 2010. *Основы иконографии памятников христианского искусства*. Москва: ООО Издательский дом «Художественная школа».

Бритова и др. 1975: Бритова Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А. 1975. *Римский скульптурный портрет*. Москва: Искусство.

Бутягин А.М. 2008. Погребение на Карантинном мысу. В: Немченко И.В. (гл. ред.). *Древнее Причерноморье*. Вып. VIII. Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 83—88.

Грегоровиус Ф. 2009. *История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания)*. Москва: АЛЬФА-КНИГА.

Кондаков Н. 1905. *Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*. Санкт-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг.

Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля. *РА* 1, 107—120.

Припачкин А.И. 2001. *Иконография Господа Иисуса Христа*. Москва: Паломникъ.

Хабихт Х. 1999. *Афины. История города в эллинистическую эпоху*. Москва: Научно-Издательский Центр «Ладомир».

Циркин Ю.Б. 2015. *«Военная анархия» в Римской империи*. Санкт-Петербург: Нестор-История (Историческая библиотека).

Чореф М.М. 2018a. Афины под властью Митридата VI Евпатора Диониса: по данным нумизматики. *Stratum plus* 6, 109—124.

Чореф М.М. 2018b. Судьба статуи, или к атрибуции «Геркулеса из Массико». *Scripta antiqua* 8, 378—391.

Чореф М.М. 2019. Бронзовые монеты Савромата I с развернутым влево бюстом правителя на аверсе как источник исторической информации. *МАИАСП* 11, 583—591. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00018.

Чореф М.М. 2021a. Бронзы Савромата II с сидящей на троне Афродитой на реверсе как источник исторической информации. *МАИАСП* 13, 882—902. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.88.031.

Чореф М.М. 2021b. Недостающие звенья, или к истории Боспорского царства II в. н.э. при Евпаторе: по данным нумизматики. *Stratum plus* 6, 93—106.

Чореф М.М. 2022. К вопросу об атрибуции «Статуи полководца из Тиволи». *МАИАСП* S1, 231—237. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.23.59.011.

Яценко С.А., Чореф М.М. 2021. К атрибуции «Портрета Адриана в лавровом венке» из собрания Государственного Эрмитажа. *Scripta antiqua* 9, 264—276.

acsearch.info: Acsearch.Info. URL: https://www.acsearch.info (дата обращения 30.11.2024).

Alföldi A. 1930. Die Vorherrschaft der Pannonier im Römerreiche und die Reaktion des Hellenentums unter Gallienus. *Fünfundzwanzig Jahre Römisch-Germanische Kommission. Zur Erinnerung an die Feier des 9.–11. Dezember 1927*. Berlin; Leipzig: De Gruyter, 11—51.

Alföldi A. 1977. *The Numbering of the Victories of the Emperor Gallienus and of the Loyalty of His Legions*. New York: Attic Book Ltd. (Numismatic Chronicle. Reprint Series).

Armstrong D. 1987. Gallienus in Athens, 264. *ZPE* 70, 235—258.

bosporan-kingdom.com: Монеты Боспора. URL: https://bosporan-kingdom.com (дата обращения 30.11.2024).

Bowman et al. 2005: Bowman A.K., Garnsey P. Cameron A. 2005. *The Cambridge Ancient History*. Vol. XII. *The Crisis of Empire, A.D. 193—337*. Cambridge: Cambridge University Press

de Callataÿ F. 1997. *L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies*. Louvain-la-Neuve: Département d'Archéologie et d'Histoire de l'Art; Séminaire de numismatique Marcel Hoc (Publications d'Histoire de l'Art et d'Archéologie de l'Université Catholique de Louvan XCVIII. Numismatica Lovaniensia 18).

Delbrück R. 1912. *Antike Porträts*. Bonn: A. Marcus und E. Weber (Tabulae in usum scholarum).

Duysak A. 2011. Gallienus klasisizmi ve dönemin sanatında portrecilik anlayışı. Yüksek lisans tezi. Eskişehir: Anadolu Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü.

Fejfer J. 2008. *Roman Portraits in Context*. Berlin: De Gruyter.

Goette H.R. 2019. 9. The Portraits of Herodes Atticus and His Circle. In: Palagia O. (ed.). *Handbook of Greek Sculpture*. Vol. 1. *Ancient Greek and Roman Art and Architecture*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 225—258.

Graindor P. 1915. Tête de nègre du Musée de Berlin. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 39, 402—412.

Harrison E.B. 1953. Portrait Sculpture. *The Athenian Agora* I.

Heijnen et al. 2022: Heijnen S., Hekster O., Hermsen T. 2022. Roman Imperial Portraits Dataset (RIPD). *Research Data Journal for the Humanities and Social Sciences* 7, 1—14.

Hekler A. 1912. *Greek and Roman portraits*. New York: G.P. Putnam's Sons.

IG II^2: Kirchner J. (ed.). 1913. *Inscriptiones Graecae*. Vol. II. *Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores. Editio altera*. Pt. I. *Decreta continens*. Fasc. 1. *Decreta annorum 403—229 a. Chr*. Berolini: G. Reimer.

Kleiner D.E.E. 1992. *Roman Sculpture*. New Haven: Yale University Press.

Kleiner F.S. 2010. *A history of Roman art*. Wadsworth: Cengage Learning.

Kron G. 2005. Anthropometry, Physical Anthropology, and the Reconstruction of Ancient Health, Nutrition, and Living Standards. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. Bd. 54, H. 1, 68—83.

Lampinen A. 2021. Barbaarikuninkaan kasvot? Mietteitä Sauromates II:n mahdollisen muotokuvan ääreltä. *Helikon* 1, 22—29.

Lampinen A. 2022. Nativism in Herodes' Sophistic Attica: Rural Heroes, Hellenic Purity and the Bust of 'Sauromates'. URL: https://www.academia.edu/90817567/Nativism_in_Herodes_Sophistic_Attica_Rural_Heroes_Hellenic_Purity_and_the_Bust_of_Sauromates (дата обращения 31.12.2025).

Lepsius R. 1890. *Griechische Marmorstudien*. Berlin: Verlag der königlichen Akademie der Wissenschaften.

Matthew G. 1943. The character of the Gallienic renaissance. *JRS* 33, 65—70.

Pickard-Cambridge A.W. 1946. *The theatre of Dionysus in Athens*. Oxford: Clarendon Press.

Pickard-Cambridge A.W. 1953. *The Dramatic Festivals of Athens*. Oxford: Clarendon Press.

Rossbach O. 1901. Rhoimetalkes, König des Bosporos. *Διεθνής Εφημερίς της Νομισματικής Αρχαιολογίας* 4, 77—82.
Smith R.R.R. 1988. *Hellenistic Royal Portraits*. Oxford: Clarendon Press (Oxford monographs on classical archaeology).
Southern P. 2001. *The Roman Empire from Severus to Constantine*. London: Routledge.
Strong E. 1907. *Roman Sculpture from Augustus to Constantine*. London: Duckworth & Co; New York: Charles Scribner's Sons.
theacropolismuseum.gr: 1: Bust of a ruler. URL: https://www.theacropolismuseum.gr/en/bust-ruler (дата обращения 30.11.2024).
Thompson M. 1961a. The New Style Silver Coinage of Athens. Plates. New York: The American Numismatic Society (Numismatic Studies 10).
Thompson M. 1961b. The New Style Silver Coinage of Athens. Text. New York: The American Numismatic Society (Numismatic Studies 10).
Travlos J. 1971. *Pictorial dictionary of Ancient Athens*. London: Thames and Hudson.
Tuck S.L. 2015. *A history of Roman art*. Chichester, West Sussex, UK; Malden, MA: Wiley Blackwell.
von Falke J. 1878. *Hellas und Rom: eine Culturgeschichte des classischen Alterthums*. Stuttgart: Verlag von W. Spemann.
von Sybel L. 1881. *Katalog der Sculpturen zu Athen*, Marburg: N.G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung .
Wiles D. 1997. *Tragedy in Athens. Performance, Space and Theatrical Meaning*. Cambridge: Cambridge University Pres.
Wood S. 1986. *Roman portrait sculpture 217—260 A.D. The transformation of an artistic tradition*. Leiden: Brill (Columbia studies in the classical tradition XII).
Καββαδίας Π. 1890—1892. *Γλυπτά του Εθνικού Μουσείου. Κατάλογος περιγραφικός*. Αθήνα: Εκ του Τυπογραφείου Σ.Κ. Βλαστού.
Καλτσάς Ν. 2001. *Εθνικό Αρχαιολογικό Μουσείο. Τα γλυπτά*, Αθήνα: Εθνικό Αρχαιολογικό Μουσείο.
Μυλωνάς Κ.Δ. 1877. Νέα προσκτήματα του εν τω Βαρβακείου Μουσείου. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 1, 346—356.
Ρουσόπουλος Ἀθ.Σ. 1862. Δ΄. νεώταται ἀνακαλύψεις ἐκ τῶν ἐν τῷ διονυσιακῷ θεάτρῳ ἀνασκαφῶν. *Αρχαιολογική Εφημερίς*, 94—102.
Ρωμιοπούλου Κ. 1997. *Ελληνορωμαϊκά γλυπτά του Εθνικού Αρχαιολογικού Μουσείου*. Αθήνα: Εθνικό Αρχαιολογικό Μουσείο.

References

Bobrov, B.G. 2010. *Osnovy ikonografii pamyatnikov khristianskogo iskusstva (Fundamentals of the Iconography of Christian Art Monuments)*. Moscow: OOO Izdatel'skiy dom "Khudozhestvennaya shkola" (in Russian).
Britova, N.N., Loseva, N.M., Sidorova, N.A. 1975. *Rimskiy skul'pturnyy portret (Roman sculptural portrait)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).
Butyagin, A.M. 2008. In: Nemchenko, I.V. (ed.). *Drevnee Prichernomor'e (Ancient Black Sea Region)*. Iss. VIII. Odessa: FLP "Fridman A.S.", 83—88 (in Russian).
Gregorovius, F. 2009. *Istoriya goroda Afin v Srednie veka (ot epokhi Yustiniana do turetskogo zavoyevaniya) (History of the City of Athens in the Middle Ages (from the Age of Justinian to the Turkish Conquest))*. Moscow: ALFA-KNIGA (in Russian).
Kondakov, N. 1905. *Ikonografiya Gospoda Boga i Spasa nashego Iisusa Khrista (Iconography of our Lord God and Savior Jesus Christ)*. Saint Peterburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg (in Russian).
Kuznetsov, V.D. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)* 1, 107—120 (in Russian).
Pripachkin, A.I. 2001. *Ikonografiya Gospoda Iisusa Khrista (Iconography of the Lord Jesus Christ)*. Moscow: Palomnik (in Russian).
Khabikht, Kh. 1999. *Afiny. Istoriya goroda v ellinisticheskuyu epokhu (Athens. History of the City in the Hellenistic Age)*. Moscow: Nauchno-Izdatel'skiy Tsentr "Ladomir" (in Russian).
Tsirkin, I.B. 2015. *"Voyennaya anarkhiya" v Rimskoy imperii ("Military Anarchy" in the Roman Empire)*. *Saint Petersburg*: Nestor-Istoriya (Historical Library).
Choref, M.M. 2018a. In *Stratum plus* 6, 109—124.
Choref, M.M. 2018b. In *Scripta antiqua* 8, 378—391 (in Russian).
Choref, M.M. 2019. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 583—591. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00018 (in Russian).

Choref, M.M. 2021a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 882—902. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.88.031 (in Russian).

Choref, M.M. 2021b. In *Stratum plus* 6, 93—106 (in Russian).

Choref, M.M. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 231—237. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.23.59.011 (in Russian).

Yatsenko, S.A., Choref, M.M. 2021. In *Scripta antiqua* 9, 264—276 (in Russian).

acsearch.info: Acsearch.Info. Available at: https://www.acsearch.info (accessed 30.11.2024).

Alföldi, A. 1930. Die Vorherrschaft der Pannonier im Römerreiche und die Reaktion des Hellenentums unter Gallienus. *Fünfundzwanzig Jahre Römisch-Germanische Kommission. Zur Erinnerung an die Feier des 9.–11. Dezember 1927*. Berlin; Leipzig: De Gruyter, 11—51.

Alföldi, A. 1977. *The Numbering of the Victories of the Emperor Gallienus and of the Loyalty of His Legions*. New York: Attic Book Ltd. (Numismatic Chronicle. Reprint Series).

Armstrong, D. 1987. Gallienus in Athens, 264. *ZPE* 70, 235—258.

bosporan-kingdom.com: Coins of Bosporus. Available at: bosporan-kingdom.com (accessed 30.11.2024).

Bowman et al. 2005: Bowman, A.K., Garnsey, P. Cameron, A. 2005. *The Cambridge Ancient History*. Vol. XII. *The Crisis of Empire, A.D. 193—337*. Cambridge: Cambridge University Press

de Callataÿ, F. 1997. *L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies*. Louvain-la-Neuve: Département d'Archéologie et d'Histoire de l'Art; Séminaire de numismatique Marcel Hoc (Publications d'Histoire de l'Art et d'Archéologie de l'Université Catholique de Louvan XCVIII. Numismatica Lovaniensia 18).

Delbrück, R. 1912. *Antike Porträts*. Bonn: A. Marcus und E. Weber (Tabulae in usum scholarum).

Duysak, A. 2011. Gallienus klasisizmi ve dönemin sanatında portrecilik anlayışı. Yüksek lisans tezi. Eskişehir: Anadolu Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü.

Fejfer, J. 2008. *Roman Portraits in Context*. Berlin: De Gruyter.

Goette, H.R. 2019. 9. The Portraits of Herodes Atticus and His Circle. In: Palagia, O. (ed.). *Handbook of Greek Sculpture*. Vol. 1. *Ancient Greek and Roman Art and Architecture*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 225—258.

Graindor, P. 1915. Tête de nègre du Musée de Berlin. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 39, 402—412.

Harrison, E.B. 1953. Portrait Sculpture. *The Athenian Agora* I.

Heijnen et al. 2022: Heijnen, S., Hekster, O., Hermsen, T. 2022. Roman Imperial Portraits Dataset (RIPD). *Research Data Journal for the Humanities and Social Sciences* 7, 1—14.

Hekler, A. 1912. *Greek and Roman portraits*. New York: G.P. Putnam's Sons.

IG II^2: Kirchner, J. (ed.). 1913. *Inscriptiones Graecae*. Vol. II. *Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores. Editio altera*. Pt. I. *Decreta continens*. Fasc. 1. *Decreta annorum 403—229 a. Chr*. Berolini: G. Reimer.

Kleiner, D.E.E. 1992. *Roman Sculpture*. New Haven: Yale University Press.

Kleiner, F.S. 2010. *A history of Roman art*. Wadsworth: Cengage Learning.

Kron, G. 2005. Anthropometry, Physical Anthropology, and the Reconstruction of Ancient Health, Nutrition, and Living Standards. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. Bd. 54, H. 1, 68—83.

Lampinen, A. 2021. Barbaarikuninkaan kasvot? Mietteitä Sauromates II:n mahdollisen muotokuvan ääreltä. *Helikon* 1, 22—29.

Lampinen, A. 2022. Nativism in Herodes' Sophistic Attica: Rural Heroes, Hellenic Purity and the Bust of 'Sauromates'. URL: https://www.academia.edu/90817567/Nativism_in_Herodes_Sophistic_Attica_Rural_Heroes_Hellenic_Purity_and_the_Bust_of_Sauromates (дата обращения 31.12.2025).

Lepsius, R. 1890. *Griechische Marmorstudien*. Berlin: Verlag der königlichen Akademie der Wissenschaften.

Matthew, G. 1943. The character of the Gallienic renaissance. *JRS* 33, 65—70.

Pickard-Cambridge, A.W. 1946. *The theatre of Dionysus in Athens*. Oxford: Clarendon Press.

Pickard-Cambridge, A.W. 1953. *The Dramatic Festivals of Athens*. Oxford: Clarendon Press.

Rossbach, O. 1901. Rhoimetalkes, König des Bosporos. *Διεθνής Εφημερίς της Νομισματικής Αρχαιολογίας* 4, 77—82.

Smith, R.R.R. 1988. *Hellenistic Royal Portraits*. Oxford: Clarendon Press (Oxford monographs on classical archaeology).

Southern, P. 2001. *The Roman Empire from Severus to Constantine*. London: Routledge.

Strong, E. 1907. *Roman Sculpture from Augustus to Constantine*. London: Duckworth & Co; New York: Charles Scribner's Sons.

theacropolismuseum.gr: 1: Bust of a ruler. Available at: https://www.theacropolismuseum.gr/en/bust-ruler (accessed 30.11.2024).

Thompson, M. 1961a. The New Style Silver Coinage of Athens. Plates. New York: The American Numismatic Society (Numismatic Studies 10).
Thompson M. 1961b. The New Style Silver Coinage of Athens. Text. New York: The American Numismatic Society (Numismatic Studies 10).
Travlos, J. 1971. *Pictorial dictionary of Ancient Athens*. London: Thames and Hudson.
Tuck, S.L. 2015. *A history of Roman art*. Chichester, West Sussex, UK; Malden, MA: Wiley Blackwell.
von Falke, J. 1878. *Hellas und Rom: eine Culturgeschichte des classischen Alterthums*. Stuttgart: Verlag von W. Spemann.
von Sybel, L. 1881. *Katalog der Sculpturen zu Athen*, Marburg: N.G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung .
Wiles, D. 1997. *Tragedy in Athens. Performance, Space and Theatrical Meaning*. Cambridge: Cambridge University Pres.
Wood, S. 1986. *Roman portrait sculpture 217—260 A.D. The transformation of an artistic tradition*. Leiden: Brill (Columbia studies in the classical tradition XII).
Καββαδίας, Π. 1890—1892. *Γλυπτά του Εθνικού Μουσείου. Κατάλογος περιγραφικός*. Αθήνα: Εκ του Τυπογραφείου Σ.Κ. Βλαστού.
Καλτσάς Ν. 2001. *Εθνικό Αρχαιολογικό Μουσείο. Τα γλυπτά*, Αθήνα: Εθνικό Αρχαιολογικό Μουσείο.
Μυλωνάς, Κ.Δ. 1877. Νέα προσκτήματα του εν τω Βαρβακείου Μουσείου. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 1, 346—356.
Ρουσόπουλος, Ἀθ.Σ. 1862. Δ΄. νεώταται ἀνακαλύψεις ἐκ τῶν ἐν τῷ διονυσιακῷ θεάτρῳ ἀνασκαφῶν. *Αρχαιολογική Εφημερίς*, 94—102.
Ρωμιοπούλου, Κ. 1997. *Ελληνορωμαϊκά γλυπτά του Εθνικού Αρχαιολογικού Μουσείου*. Αθήνα: Εθνικό Αρχαιολογικό Μουσείο.

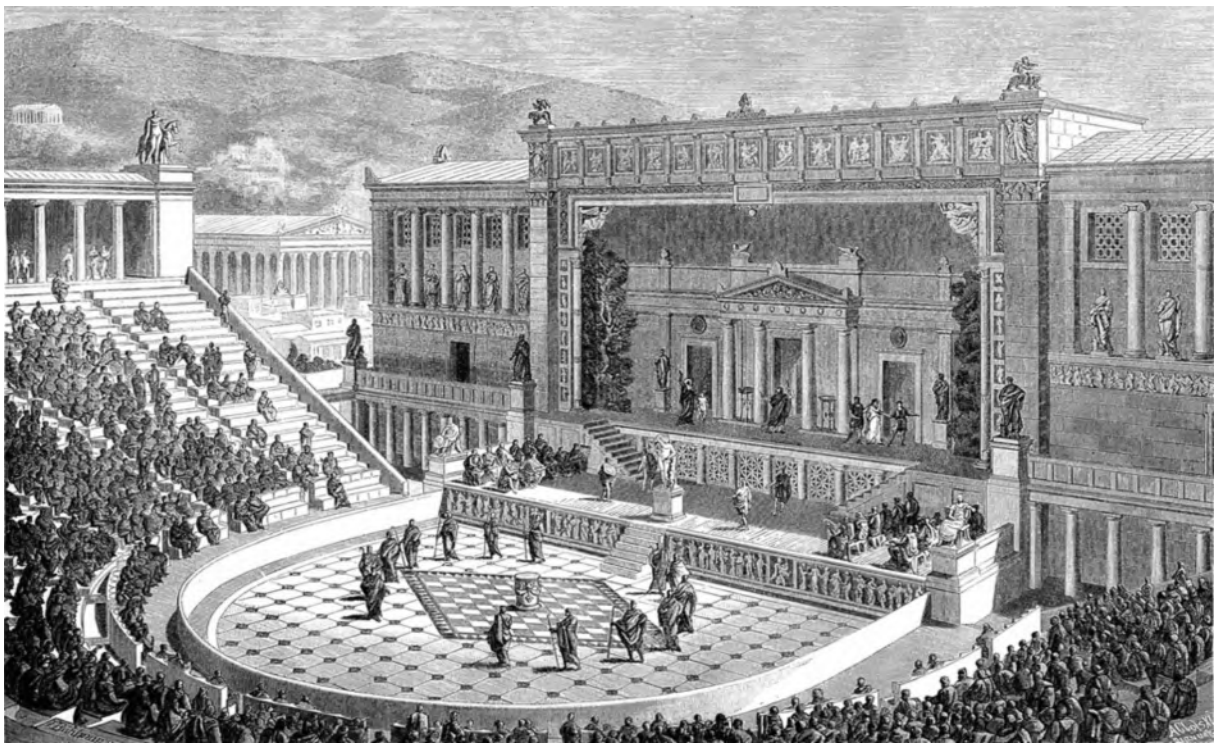


Рис. 1. Театр Диониса в римский период (по von Falke 1878).

Fig. 1. The Theatre of Dionysus in the Roman period (after von Falke 1878).

Рис. 2. Портрет неизвестного мужчины из Μουσείο Ακρόπολης: *1* — анфас, *2* — вид слева, *3* — вид справа, *4* — вид сзади (по Μουσείο Ακρόπολης, inv. EAM 419; theacropolismuseum.gr: 1; © Acropolis Museum Photo Archive (фото: Яннис Кулелис, 2018)).

Fig. 2. Portrait of an unknown man from the Μουσείο Ακρόπολης: *1* — front view, *2* — left view, *3* — right view, *4* — back view (after Μουσείο Ακρόπολης, inv. EAM 419; theacropolismuseum.gr: 1; © Acropolis Museum Photo Archive (photo: Yiannis Koulelis, 2018)).

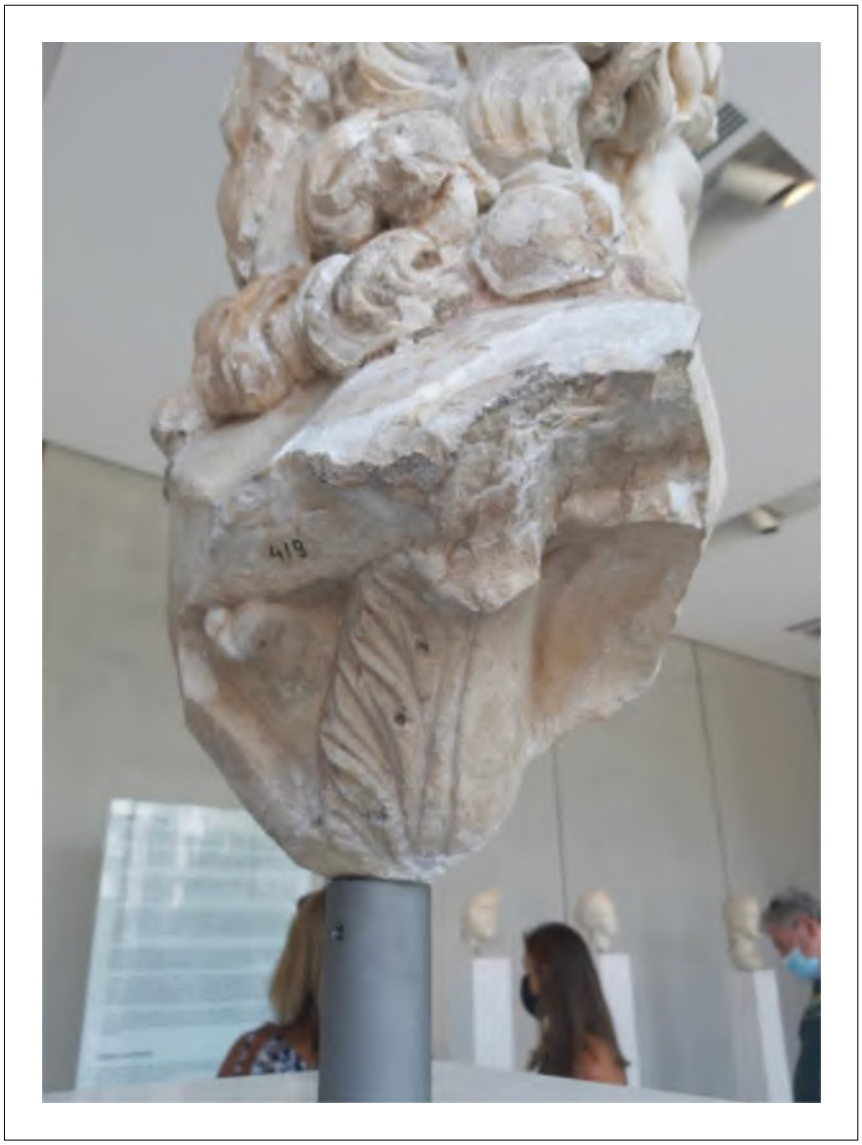


Рис. 3. Следы растительного орнамента на бюсте (по Lampinen 2022).

Fig. 3. Traces of plant ornamentation on the bust (after Lampinen 2022).

Рис. 4. Статеры длинноволосых и бородатых боспорских государей: *1, 2* — Савромата I, *3, 4* — Реметалка, *5, 6* — Евпатора, *7, 8* — Савромата II, *9, 10* — Ининфимея (по Чореф 2019: рис. 2; bosporan-kingdom.com: № 000-4617-1, 000-4646-3, 000-4662-1, 360-4221-1, 502-4206-3, 518-4414-3, 530-4054-1,b 546-4614-1, 586-4775-2, 677-4605-44).

Fig. 4. Fig. 3. Staters of the long-haired and bearded Bosporan rulers: *1, 2* — Sauromates I, *3, 4* — Rhoemetalces, *5, 6* — Eupator, *7, 8* — Sauromates II, *9, 10* — Ininthimeus (after Choref 2019: fig. 2; bosporan-kingdom.com: No. 000-4617-1, 000-4646-3, 000-4662-1, 360-4221-1, 502-4206-3, 518-4414-3, 530-4054-1,b 546-4614-1, 586-4775-2, 677-4605-44).

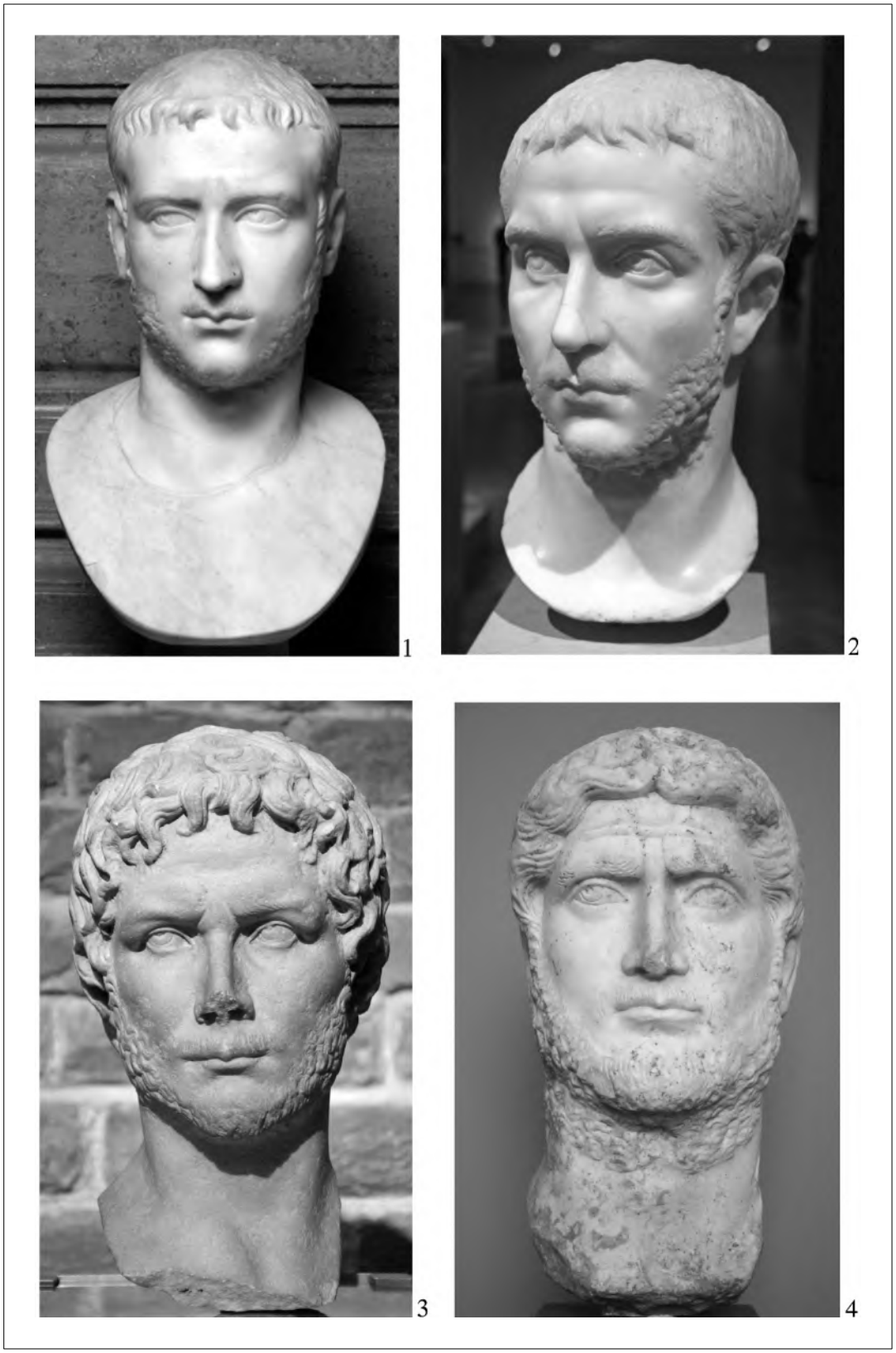


Рис. 5. Бюсты Галлиена: *1* — из Musei Capitoline, inv. MSO 360, *2* — из Altes Museum, inv. Sk 423, *3* — из Römisch-Germanisches Museum, inv. FA 10233, *4* — из Ny Carlsberg Glyptotek, inv. IN 832.

Fig. 5. Busts of Gallienus: *1* — from Musei Capitoline, inv. MSO 360, *2* — from Altes Museum, inv. Sk 423, *3* — from Römisch-Germanisches Museum, inv. FA 10233, *4* — from Ny Carlsberg Glyptotek, inv. IN 832.

Рис. 6. Медальон (*1*) **и монеты** (*2, 3*) **Галлиена** (по acsearch.info: № 207726, 3482230, 7473140).

Fig. 6. Medallion (*1*) **and coins** (*2, 3*) **of Gallienus** (after acsearch.info: No. 207726, 3482230, 7473140).

Список сокращений

АА	—	Археологический альманах.
АДІУ	—	Археологія і давня історія України.
АМА	—	Античный мир и археология.
АН СССР	—	Академия наук СССР.
АО	—	Археологические открытия.
БАН	—	Болгарская академия наук.
БИ	—	Боспорские исследования.
БС	—	Боспорский сборник.
ВВ	—	Византийский временник.
ВВИМО	—	Вольский военный институт материального обеспечения.
ВДИ	—	Вестник древней истории.
ВИА	—	Всеобщая история архитектуры.
ГИМ	—	Государственный исторический музей.
ГИМ	—	Государственный исторический музей.
ГМИИ	—	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж.
ДБК	—	Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа / Antiquités du Bosphore Cimmérien: conservées au Musée Impérial de l'Ermitage. Т. 1—3. Санкт-Петербург / St. Pétersbourg, 1854.
ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории и древностей.
ИА НАНУ	—	Институт археологии Национальной Академии наук Украины.
ИА РАН	—	Институт археологии Российской академии наук.
ИАК	—	Известия археологической комиссии.
ИИМК РАН	—	Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
КБН 1965	—	Струве В.В. (ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.
КБН 2004	—	Гаврилов А.К. (ред.). 2004. *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом)*. Т. II. Санкт-Петербург: Алетейя (Bibliotheca classica Petropolitana).
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАИАСП	—	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья.

МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МАКК	—	Материалы к археологической карте Крыма.
МГУ	—	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР.
НАБАН	—	Научный архив Болгарской академии наук.
НАВ	—	Нижневолжский археологический вестник.
НБКМ	—	Национальная библиотека имени святых Кирилла и Мефодия, София.
НБКМ	—	Национальный исторический музей, София.
ОННБ	—	Одесская национальная научная библиотека.
ПГТУ	—	Поволжский государственный технологический университет.
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры.
РА	—	Российская археология.
РАН	—	Российская академия наук.
РГБ	—	Российская государственная библиотека.
РГГУ	—	Российский государственный гуманитарный университет.
РК	—	Республика Казахстан.
СА	—	Советская археология.
САИ	—	Свод археологических источников.
СГТУ	—	Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина.
СОИГСИ	—	Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева.
СПбГУ	—	Санкт-Петербургский государственный университет.
СХМ	—	Сообщения Херсонесского музея.
ТГЭ	—	Труды Государственного Эрмитажа.
УрО РАН	—	Уральское отделение Российской академии наук.
ХАЭЭ	—	Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР.
ХСб.	—	Херсонесский сборник.
ЦСВП	—	Центр славяно-византийских исследований имени проф. Ивана Дуйчева.
ACSS	—	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.
AGD I.1	—	Brandt E. (Hrsg.). *Antike Gemmen in deutschen Sammlungen*. Bd. I. *Staatliche Münzsammlung München*. T. 1. *Griechische Gemmen von minoischer Zeit bis zum späten Hellenismus*. München: Prestel, 1968.
AMTL	—	Antemortem tooth loss.

ANMED	—	Anadolu Akdenizi Arkeoloji Haberleri Bülteni.
AntM	—	Monumental tomb.
APE	—	Greek Amphorae from Northern Pontus Euxinus (VII—II c. BC). URL: https://ape.sgu.ru/.
ATM	—	Wooden coffin or bier grave.
BAR	—	British Archaeological Reports.
BMC	—	Wroth, W. *Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum*. London: Printed by Order of the Trustees of The British Museum.
BRGK	—	Bericht der Römisch-Germanischen Kommission.
BTM	—	Simple earth grave.
DOC	—	Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection.
DOS	—	Dumbarton Oaks Studies.
DSM / İSM / İKM	—	Tile grave.
ICARDA	—	The International Center for Agricultural Research in the Dry Areas.
IG	—	Inscriptiones Graecae.
IGSK	—	Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien.
IOSPE	—	Latyschev V. (ed.). *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Graecae et Latinae*. Petropoli: Императорская академия наук.
JRS	—	The Journal of Roman Studies.
LIMC	—	Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae.
LPIF	—	Layered Palaeopathological Inference Framework.
LRBC I-II	—	Carson, R.A.G., Hill, P.V., Kent, J. P. C. 1965. *Late Roman Bronze Coinage*. London: Spink and Son Ltd.
MASROP	—	Mimarlar Arkeologlar Sanat Tarihçiler ve Restoratörler Ortak Platformu.
MIB	—	Moneta Imperii Byzantini.
RIC	—	The Roman Imperial Coinage.
RPC	—	Roman Provincial Coinage.
SNG	—	Sylloge Nummorum Graecorum.
THM	—	Stone-built chamber grave.
TOM	—	Stone-built chamber tomb.
TSM	—	Stone-cist grave.
UM	—	Urn grave.
ZPE	—	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.
ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση	—	St. Drougou (ed.). 2004. ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική: προβλήματα χρονολόγησης κλειστά σύνολα — εργαστήρια, Βόλος 17-23 Απριλίου 2000: πρακτικά. Αθήνα: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων.

Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья»

Журнал ежегодно публикует оригинальные статьи на русском и на английском языках. Авторы предоставляют рукописи статей в электронном виде. Высылаемый для публикации материал должен соответствовать следующим формальным требованиям:

1. Общие положения

Статья должна содержать следующие элементы:

- Имя, отчество, фамилию автора на русском и в английской транслитерации (например, как в заграничном паспорте);
- Сведения об авторе: ученые степени и звания, основные занимаемые в данный момент должности, адрес и e-mail для публикации в разделе «Сведения об авторах»;
- Название статьи;
- Резюме — 4—5 предложений, в которых изложены цели, методы и результаты работы, подчеркнуты новые и важные аспекты исследования;
- Ключевые слова — 5—10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных;
- Текст статьи. Ограничения по объему статей отсутствуют;
- Иллюстрации (при необходимости) и подписи к ним с подробным отражением названия, датировки и проч.;
- Список сокращений (при необходимости).

Резюме является источником информации об основном содержании и изложенных в публикуемой работе результатах исследований; устраняет необходимость чтения полного текста работы в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес; используется в информационных системах для поиска документов и информации.

Резюме должно быть:

- оригинальным, содержательным (отражать основное содержание работы и результаты исследований), структурированным;
- компактным (укладываться в объем от 600 до 1500 символов с пробелами);
- с адекватным и качественным переводом на английский язык (машинный перевод на английский язык не принимается и дает право редакции отклонить материал).

- **Резюме должно включать следующие аспекты содержания работы:**
  предмет, тема, цель работы (указываются в том случае, если они не полностью раскрыты в заголовке);
- методы проведения работы (описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы);
- результаты работы (приводятся основные результаты, авторские выводы, оригинальные открытия);
- выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в работе.

В резюме следует избегать:
фраз, дублирующих заглавие работы;
общих слов, лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»), сложных грамматических конструкций;
общеизвестных положений;
сведений историографического характера, если они не составляют основное содержание работы, не приводить названия ранее опубликованных работ;

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи и раскрывать следующие аспекты работы: регион, хронология, тематика, специальная терминология. По возможности не повторять термины заглавия и резюме. Использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и позволяющие расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы;

Необходимо приложить перевод на английский язык названия статьи, аннотации и ключевых слов.

2. Требования к оформлению

2.1. Текст статьи набирается через единичный интервал, отступ абзаца — 1 см, без автоматического переноса слов, абзацы форматируются по ширине. Для русского и английского текста следует использовать шрифт Times New Roman 11 кеглем.

2.2. При наличии текстов на древних языках рекомендуется использовать шрифты типа Unicode. При использовании автором других шрифтов для древних языков, их следует предоставить в редакцию МАИАСП вместе с текстом статьи.

2.3. Ссылки на общепринятый текст Священного Писания (Библии) даются в тексте в скобках. После сокращенного названия книги следует указать главу и стихи. После указания главы ставится двоеточие. Например: (Мф. 3: 11—12).

2.4. При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т. е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет–ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.5. Сноски должны иметь сквозную нумерацию по всей статье и располагаются внизу страницы.

2.6. Ссылки на иллюстрации помещаются в круглые скобки; в случае, если ссылка дается на отдельные позиции рисунка, их номера отделяются от номера рисунка двоеточием и пробелом и выделяются курсивом. Например: (рис. 1: 3, 5: 7—9).

2.7. Оформление списка литературы

Общий порядок	Фамилия и инициалы авторов, год выхода работы, название работы, название издания, где она была опубликована. Для монографий и сборников после названия указывается место выхода, а затем издательство, перед названием сборника обязательно указывается имя ответственного редактора. Для продолжающихся и периодических изданий указывается номер (отделяется от названия издания пробелом без точек и запятых). Для статей необходимо также указывать страницы (в конце после запятой).

Монографии	Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература. Sestini D. 1831. *Descrizione d'alcune medaglie greche del Museo del signore barone Stanislas di Chaudoir*. Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
Статьи в сборниках	Жеребцов Е.Н. 2009. Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе. В: Беляев С.А. (отв. ред.). *Очерки по истории христианского Херсонеса*. Т. 1. Вып. 1. *Херсонес Христианский*. Санкт-Петербург: Алетейя, 139—149. von Kohler H.K.E. 1822a. Medailles Grecques. *Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Romische Alterthum*. Th. I. Saint Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1—29.
Статьи в продолжающихся периодических изданиях со сквозной нумерацией томов	Даниленко В.Н. 1966. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н.э. (по эпиграфическим данным Северного Причерноморья). *АДСВ* 4, 136—178. Nadel B. 1977. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered. *Dialogues d'histoire ancienne* 25, 87—114.
Диссертации и авторефераты диссертаций	Шаров О.В. 2009. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV вв. н.э.). Дисс. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН. Кутимов Ю.Г. 2009. Происхождение и пути распространения катакомбного погребального обряда (по материалам могильников бронзового века). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН.
Архивные материалы	РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90
Ссылки на интернет-страницы	Нужно по возможности максимально следовать тем же требованиям, что и при оформлении библиографии печатных работ, обязательно указывая полный электронный адрес материала, включая название сайта и, если есть, дату публикации. Например: Коптев А.В. Античное гражданское общество URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261777086 (дата обращения 01.10.2015). При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т.е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет—ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.8. Ссылки на литературу помещаются в круглые скобки и оформляются следующим образом:
1. если у работы один автор — (Фролова 1997: 215);
2. если у работы два автора — (Smith, White 2004);
3. если у работы более двух авторов — (Оверман и др. 1997: 59, рис. 1; Smith et al. 2007: fig. 33);
4. на архивные материалы — (РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16). Запятая между фамилией автора и годом выхода работы не ставится; в случае указания страниц они отделяются от года двоеточием и пробелом.

Авторы гарантируют отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций и т.п.

Все поступающие рукописи проходят рецензирование. После получения рецензий редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала (в последнем случае с объяснением причин, опираясь на заключения рецензентов), либо о необходимости доработок.

МАИАСП. № 22 (2026)
Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика.
2026. — 560 стр.

Подписано к печати 08.10.2026

Издательство «Киммерия»,
«МАИАСП» Р.Р.
Адрес: ул. А-Авода, д. 3, г. Нес-Циона, 7403128, Израиль

Формат 60×84⅛. Гарнитура «Georgia».
Интернет-журнал. Заказ № 65.

Опубликовано в Издательстве «Киммерия»:
Адрес: ул. А-Авода, д. 3, г. Нес-Циона, 7403128, Израиль

MAIASP. No. 22 (2026)
Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy.
2026. — 560 pp.

Endorsed for print October 8, 2026.

Cimmeria Publishing,
“MAIASP” Journal:
Address: 3 Ha-Avoda St., Ness Ziona, 7403128, Israel

Format 60×84⅛. Font “Georgia”.
Internet journal. Order No. 65.

Published in the Cimmeria Publishing:
Address: 3 Ha-Avoda St., Ness Ziona, 7403128, Israel

На обложке — бюст правителя из Μουσείο Ακρόπολης (© Acropolis Museum Photo Archive (photo: Socratis Mavrommatis, 2014)).

On the cover is the Bust of a ruler from Μουσείο Ακρόπολης (© Acropolis Museum Photo Archive (photo: Socratis Mavrommatis, 2014)).